

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

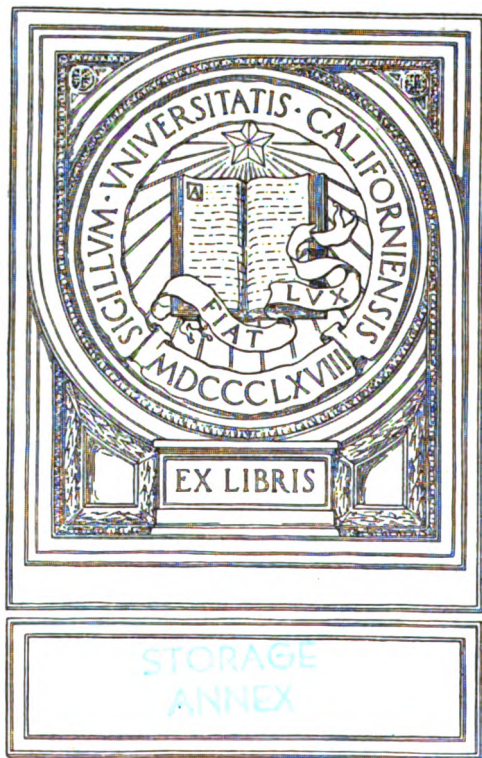
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Russia. Min. нар. прос.
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXIII.

1889.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 70.
1889.

L451
A4
v. 263

Екатери́нської кан., л. 78.
№ 2886.

Мунд.
10.

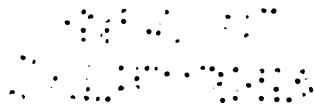
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXIII.

1889.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1889.

Екатери́нскій кан., д. 78.
№ 2886.

Мурр.
40.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (27-го января 1889 года). Объ установленіи особаго сбора въ пользу университетовъ съ лицъ, подвергающихся испытанію на званіе аптекарскаго помощника и провизора.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ установленіи особаго сбора въ пользу университетовъ съ лицъ, подвергающихся испытанію на званіе аптекарскаго помощника и провизора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ установленіи особаго сбора въ пользу университетовъ съ лицъ, подвергающихся испытанію на званіе аптекарскаго помощника и провизора, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Въ пользу университетовъ взимается особая плата съ лицъ, экзаменуемыхъ на званіе аптекарскаго помощника въ размѣрѣ 5 рублей съ каждаго, а на званіе провизора въ размѣрѣ 10 рублей съ каждаго.

843062

1*

2) Означенная плата обращается въ спеціальныя средства университета, при которомъ производилось испытаніе, для покрытія расходовъ по приготовленію экзаменуемымися фармацевтическыхъ препаратовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (16-го января 1889 года). Объ учрежденіи стипендіи при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.

Попечитель Дерптскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что жертвовательница, русскаго происхожденія, пожелавшая остаться неизвѣстною, движимая вѣрнопопданническими чувствами, представила начальству округа капиталъ въ количествѣ одной тысячи руб., ходатайствуя объ учрежденіи на проценты съ онаго при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи съ присвоеніемъ ей наименованія: „въ память чудеснаго спасенія Царской семьи“ и съ тѣмъ, чтобы означенная стипендія выдавалась ежегодно въ день 17-го октября одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ, православнаго исповѣданія, названнаго учебнаго заведенія, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта онаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день января 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ сердечно благодарить.

3. (16-го января 1889 года). Объ учрежденіи при Читинской мужской гимназій одной стипендіи имени генераль-адъютанта барона Корфа для дѣтей буряты Ачинскаго вѣдомства.

Родоначальники и почетные бурята всѣхъ родовъ Ачинской степной думы, желая выразить Приамурскому генераль-губернатору чувства глубочайшей ихъ благодарности и искренней признательности за неусыпныя его заботы о развитіи и благѣ населенія вѣреннаго ему края, обратились съ ходатайствомъ объ учрежденіи при Читинской мужской гимназій одной стипендіи имени генераль-адъютанта барона Корфа на проценты съ собраннаго на сей предметъ капитала въ семь тысячъ руб., съ тѣмъ, чтобы въ стипендіахъ избирались дѣти буряты Ачинскаго вѣдомства.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день января 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

4. (6-го февраля 1889 года). О правахъ по чинопроизводству инспекторовъ народныхъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по чинопроизводству инспекторовъ народныхъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по чинопроизводству инспекторовъ народныхъ училищъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

„Инспектора народныхъ училищъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской пользуются по чинопроизводству правами, предоставленными инспекторамъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (13-го февраля 1889 года). О разрѣшеніи замѣщать должности помощниковъ класснаго наставника въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія лицами, занимающими уже другія должности по сему вѣдомству.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о разрѣшеніи замѣщать должности помощниковъ класснаго наставника въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія лицами, занимающими уже другія должности по сему вѣдомству, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи замѣщать должности помощниковъ класснаго наставника въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія лицами, занимающими уже другія должности по сему вѣдомству, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей устава о службѣ, по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, т. I, изд. 1876 года) постановить:

„Должности помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія могутъ, съ разрѣшенія министра, быть замѣщаемы лицами, занимающими уже другія какія-либо должности (не только учебныя, но и административныя) по означенному вѣдомству, съ производствомъ содержанія по обѣимъ должностямъ“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (20-го февраля 1889 года). О примѣненіи къ Выборгскому реальному училищу Высочайше утвержденныхъ 9-го іюня 1888 г. устава и штата реальныхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о примѣненіи къ Выборгскому реальному училищу Высочайше утвержденныхъ 9-го іюня 1888 года устава и штата реальныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ г.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о примѣненіи къ Выборгскому реальному училищу Высочайше утвержденныхъ 9-го іюня 1888 года устава и штата реальныхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Примѣнить къ Выборгскому реальному училищу Высочайше утвержденные 9-го іюня 1888 г. уставъ и штатъ реальныхъ училищъ, а также таблицу числа часовъ классныхъ занятій въ этихъ училищахъ, съ нижеслѣдующими измѣненіями и дополненіями:

1) На преподаваніе русскаго языка въ училищѣ полагается 26 часовъ, нѣмецкаго 26 и другаго иностраннаго языка 17 часовъ въ недѣлю.

2) Кромѣ нѣмецкаго языка, въ училищѣ преподаются языки французскій и финскій, изъ коихъ одинъ обязателенъ для учащихся.

3) Пенсія и единовременное пособіе директору училища назначаются изъ оклада въ 1,200 руб., прочимъ же служащимъ въ размѣрахъ, опредѣленныхъ Высочайше утвержденнымъ 8-го ноября 1887 года мнѣніемъ государственнаго совѣта.

4) Остатки, образующіеся отъ удовлетворенія преподавателей училища низшими окладами содержанія, впредь до выслуги ими высшихъ окладовъ, обращаются на уплату долга за приобрѣтенный для училища домъ.

II. На содержаніе Выборгскаго реального училища вносить ежегодно въ расходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія по двадцати тысячъ ста пятидесяти восьми рублей, съ прибавленіемъ суммы, потребной на покрытіе разницы въ курсѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (13-го февраля 1889 года). О принятіи Императорскою Академіею Наукъ капитала, завѣщаннаго умершимъ поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Кирѣевымъ и объ учрежденіи на проценты съ сего капитала при Академіи Наукъ премии за лучшее, напечатанное на русскомъ языкѣ драматическое сочиненіе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день февраля 1889 г., Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе Императорскою Академіею Наукъ завѣщаннаго умершимъ поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Кирѣевымъ, по духовному завѣщанію, капитала въ десять тысячъ руб., съ причисленіемъ такового къ спеціальнымъ средствамъ Академіи, и 2) на учрежденіе на проценты съ сего капитала при Академіи Наукъ премии за лучшее, напечатанное на русскомъ языкѣ, драматическое

сочиненіе, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ означенной преміи.

8. (13-го февраля 1889 года). Обь учрежденіи двухъ стипендій при Маріинской Жиздринской женской прогимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день февраля 1889 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе двухъ стипендій имени ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ Ксеніи Александровны и Ольги Александровны при Маріинской Жиздринской женской прогимназіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти рублей, пожертвованнаго членами попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ названнаго заведенія и посторонними лицами.

9. (4-го февраля 1889 года). Обь измѣненіи въ устройствѣ юридическаго факультета Дерптскаго университета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 4-й день февраля 1889 года, Высочайше соизволилъ разрѣшить произвести слѣдующія измѣненія въ устройствѣ юридическаго факультета Дерптскаго университета:

1) одну изъ каедръ остзейскаго права (каедру юридической практики) обратить въ каедру русскаго гражданскаго права и судопроизводства, сохранивъ другую каедру для преподаванія мѣстнаго права.

2) каедру русскаго права обратить въ каедру исторіи русскаго права.

3) преподаваніе по нынѣ существующей каедрѣ государственнаго и международнаго права ограничить преподаваніемъ одного государственнаго права, возложивъ чтеніе лекцій международнаго права на имѣющагося при факультетѣ доцента.

4) учредить одну новую каедру полицейскаго права.

5) перевести каедру политической экономіи изъ историко-филологическаго факультета на юридическій, соединивъ съ нею преподаваніе статистики.

и 6) ввести на юридическомъ факультетѣ чтеніе лекцій по энциклопедіи и философіи права, по церковному, финансовому и торговому праву. Для преподаванія сихъ наукъ учредить при факультетѣ 5 доцентуръ.

Независимо отъ сего, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія право при опредѣленіи имъ, министромъ, на перечисленныя выше каѳедры преподавателей изъ русскихъ лицъ или изъ лицъ, обязавшихся читать лекціи на русскомъ языкѣ, назначать содержаніе такимъ профессорамъ вновь учреждаемыхъ каѳедръ по окладу содержанія, получаемого профессорами россійскихъ императорскихъ университетовъ, то-есть, по 3,000 рублей для ординарныхъ и по 2,000 рублей для экстраординарныхъ профессоровъ въ годъ. Тѣмъ же профессорамъ, кои будутъ читать лекціи на русскомъ языкѣ по существующимъ уже въ семъ университетѣ каѳедрамъ, назначать изъ специальныхъ средствъ добавочное содержаніе къ штатному, въ размѣрѣ по 600 р. для ординарныхъ и по 300 рублей для экстраординарныхъ профессоровъ; наконецъ, пяти упомянутымъ преподавателямъ и имѣющемуся на юридическомъ факультетѣ доценту производить вознагражденіе изъ того же источника въ размѣрѣ примѣнительно къ вознагражденію приватъ-доцентовъ въ россійскихъ императорскихъ университетахъ по уставу 1884 года.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія, 9-го сего апрѣля:

Произведены за отличіе: въ тайные совѣтники, членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимошеевъ.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Крупскій.

Въ коллежскіе совѣтники, помощникъ попечителя Охтенскаго ремесленнаго училища, надворный совѣтникъ Борисовскій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 9-го апрѣля 1889 года, пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія слѣдующія награды:

Ордена: св. Владиміра 2-й степени: попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанту Новикову и члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Любимову.

Св. Анны 1-й степени: директору департамента народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Аничкову и почетному попечителю Кіевской второй гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Терещенко.

Св. Станислава 2-й степени, со звѣздою, преподавателю искусствъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Эрдмансдерферу.

Св. Владиміра 4-й степени, предсѣдателю попечительнаго совѣта Тотемской женской прогимназіи, статскому совѣтнику Ракову

Св. Станислава 2-й степени: состоящему врачомъ по найму при Императорской Академіи Наукъ, отставному надворному совѣтнику Фейту и сверхштатному ассистенту терапевтической факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета Никулину.

Св. Анны 3-й степени: дѣйствительному члену Императорскаго С.-Петербургскаго минералогическаго общества, потомственному почетному гражданину Мюнстеру, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. знак. отл., изд. 1876 г., т. I свод. зак.

Св. Станислава 3-й степени: помощнику бухгалтера департамента народнаго просвѣщенія, титулярному совѣтнику Пяткину и письмоводителю и счетоводителю при типографіи Императорокой Академіи Наукъ, личному почетному гражданину Березину; послѣднему съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл., изд. 1876 г., т. I свод. зак.

Серебряную медаль съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ, на Аннинской лентѣ, крестьянину Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда, Охонско-Острачевской волости, деревни Гуськовъ, Богданову.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго одною русскою, пожелавшею остаться неизвѣстною, учре-

ждается при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года.

§ 2. Капиталь, заключающійся въ облигаціи перваго восточнаго займа въ 1.000 руб., остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ; проценты съ него, за вычетомъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются ежегодно одному изъ учениковъ Рижскаго русскаго реального училища, православнаго исповѣданія, по избранію педагогическаго совѣта сего учебнаго заведенія.

§ 3. Съ полученіемъ стипендіи не соединяются никакія обязательства.

§ 4. Могущіе образоваться по случаю временнаго незамѣщенія или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія обрабаются въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія размѣра стипендіи.

2. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго сына купца Бориса Розенфельда при Харьковской 3-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго купцомъ Леономъ Осиповичемъ Розенфельдомъ капитала въ одну тысячу сто р., учреждаются при Харьковской 3-й гимназій двѣ стипендіи въ память покойнаго сына жертвователя Бориса Розенфельда.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа на сумму 1.100 рублей, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Харьковской 3-й гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за исключеніемъ 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 года, назначаются въ пособіе для взноса платы за ученіе двухъ учениковъ Харьковской 3-й гимназій, одного христіанскаго и одного еврейскаго вѣроисповѣданій, по-ровну каждому.

§ 4. Стипендіи эти именуются стипендіями умершаго сына купца Бориса Розенфельда, бывшаго ученика Харьковской 3-й гимназій.

§ 5. Проценты, поступившіе до утвержденія сего положенія, присоединяются къ стипендіальному капиталу и обрабаются въ процентныя бумаги.

§ 6. Право выбора стипендіатовъ предоставляется, согласно волѣ жертвователя, педагогическому совѣту Харьковской 3-й гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (24-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи святаго равноапостольнаго князя Владиміра при Симферопольской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1000 рублей, пожертвованнаго обществомъ вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ Симферопольской гимназіи, учреждается при названной гимназіи стипендія святаго равноапостольнаго князя Владиміра въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% билетовъ государственнаго банка, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія, за удержаніемъ въ казну сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдается для взноса платы за право ученія въ гимназіи.

§ 4. Стипендіей пользуется одинъ изъ недостаточныхъ учениковъ Симферопольской гимназіи, православнаго исповѣданія, преимущественно изъ дѣтей чиновниковъ или лицъ духовнаго званія, при отличномъ поведеніи и хорошихъ успѣхахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата и лишеніе стипендіи въ случаѣ недобрительнаго поведенія или оставленія на второй годъ въ классѣ, по причинамъ, которыя не будутъ признаны уважительными, предоставляется педагогическому совѣту Симферопольской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (31-го марта 1889 года). Положеніе объ „Александровскихъ“ стипендіяхъ при Московскомъ уѣздномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го марта 1889 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованнаго мокшанскимъ городскимъ обществомъ, Пензенской губерніи, въ

память чудеснаго избавленія Государя Императора съ его Августѣйшимъ семействомъ отъ опасности при крушеніи 17-го октября 1888 года поѣзда на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, учреждаются при Мокшанскомъ уѣздномъ училищѣ стипендіи, коимъ присваивается наименованіе „Александровскихъ“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Мокшанскаго уѣзднаго училища, вносится на вѣчный вкладъ въ ближайшее къ г. Мокшанамъ отдѣленіе конторы государственнаго банка.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону обращенію въ казну, употребляются на взносъ пополугодно впередъ платы за ученіе бѣднѣйшихъ учениковъ названнаго уѣзднаго училища, и число стипендій опредѣляется отношеніемъ между количествомъ процентовъ получаемыхъ въ годъ съ пожертвованнаго капитала, и размѣромъ установленной въ училищѣ платы за ученіе.

§ 4. Стипендіаты, безъ различія сословій, но православнаго вѣроисповѣданія, избираются мокшанскою городскою думою изъ числа учениковъ, рекомендованныхъ педагогическимъ совѣтомъ Мокшанскаго уѣзднаго училища.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Мокшанскаго уѣзднаго училища въ учебное заведеніе другаго типа или разряда, пожертвованный капиталъ переходитъ въ неприкосновенную собственность преобразованнаго училища и проценты съ капитала сохраняютъ свое назначеніе.

5. (14-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершей купеческой вдовы Екатерины Стехновской при Псковской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Псковской Маріинской женской гимназій учреждается одна стипендія имени умершей купеческой вдовы Екатерины Стехновской, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., завѣщаннаго ею съ этою цѣлью

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одной облига-

ціи восточнаго займа выпуска 1877 года за № 29124, составляет неотъемлемую собственность означеннаго учебнаго заведенія и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону обращенію въ казну, употребляются по усмотрѣнію попечительнаго совѣта гимназіи, на уплату за право ученія избранной стипендіатки, а могущіе образоваться остатки выдаются стипендіаткѣ на покупку учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендіатка избирается попечительнымъ совѣтомъ гимназіи изъ дочерей бѣднѣйшихъ гражданъ г. Пскова, состоящихъ воспитанницами гимназіи.

§ 5. Стипендіатка пользуется стипендіей до окончанія курса гимназіи, но можетъ быть и лишена оной попечительнымъ совѣтомъ по заявленію педагогическимъ совѣтомъ о неуспѣшномъ ея ученіи или недобрительномъ поведеніи, а также въ случаѣ выхода ея изъ заведенія по болѣзни. Если стипендіатка выйдетъ изъ гимназіи по какимъ-нибудь причинамъ до окончанія полнаго курса, то уплаченныя за ея обученіе деньги возврату не подлежатъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (14-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени купеческой вдовы Екатерины Елизаровны Стехновской, при Псковскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго Екатериною Елизаровною Стехновской, учреждается при Псковскомъ городскомъ училищѣ одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, какъ его неотъемлемая и неприкосновенная собственность.

§ 3. Согласно волѣ завѣщательницы, выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища изъ бѣднѣйшихъ учащихся въ городскомъ училищѣ гражданъ г. Пскова.

§ 4. Если выбранный стипендіатъ окажется впоследствии не заслуживающимъ пособія по успѣхамъ или поведенію, то педагогическому совѣту предоставляется право избрать на его мѣсто болѣе достойнаго.

§ 5. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются на руки родителямъ или замѣняющимъ мѣсто оныхъ на нужды стипендіата по воспитанію и обученію его, пополугодно, до окончанія имъ курса въ училищѣ, послѣ чего на тѣхъ же условіяхъ и основаніяхъ избирается новый стипендіатъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

24-го марта 1889 года. Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Швеловъ — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 10-го марта 1889 г.; экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: коллежскій совѣтникъ Ментинъ и надворный совѣтникъ Стольниковъ — ординарными профессорами сего университета по занимаемымъ ими каедамъ: первый — фармаціи и фармакогнози и послѣдній — общей терапіи и врачебной діагностики, — оба — съ 13-го февраля 1889 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Лембергъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ минералогіи, съ 10-го февраля 1889 г.; приватъ-доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, докторъ государственнаго права Латкинъ и докторъ персидскаго языка Жуковскій — экстраординарными профессорами сего университета по каедамъ: первый — исторіи русскаго права и послѣдній — персидской словесности, оба — съ 1-го марта 1889 г., изъ нихъ Латкинъ — съ отчисленіемъ отъ министерства; экстраординарный профессоръ Іенскаго университета Унферрихтъ — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ спеціальной патологіи и клиники, съ 9-го января 1889 г.; инспек-

торы гимназій: Псковской, статскій совѣтникъ Новоселовъ и Кіево-Печерской, статскій совѣтникъ Петръ—директорами сихъ гимназій, съ 16-го февраля 1889 г.; окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ—директоромъ Кіевской второй гимназій, съ 1-го марта 1889 г.; исправляющій должность инспектора Пинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Циблинскій—директоромъ сего училища, съ 13-го февраля 1889 г.; директоръ народныхъ училищъ Ковенской губерніи, коллежскій совѣтникъ Космачевскій—директоромъ Свислочской учительской семинаріи, съ 10-го февраля 1889 г.; учитель Гродненской гимназій, коллежскій совѣтникъ Любимовъ—директоромъ Иркутской учительской семинаріи, съ 1-го марта 1889 г.; окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грузовъ—директоромъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи, съ 10-го февраля 1889 года; первой гильдіи купецъ Кащенко—почетнымъ попечителемъ Бобровской прогимназій, на три года.

Назначены: исполняющій обязанности инспектора Виленской второй гимназій, преподаватель этой гимназій, коллежскій совѣтникъ Свирѣлинъ—исправляющимъ должность директора Мозырской прогимназій, съ 26-го февраля 1889 г.; завѣдывающій Здолбуновскимъ желѣзнодорожнымъ двухкласснымъ училищемъ, коллежскій регистраторъ Войцеховскій—исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, съ 6-го февраля 1889 года.

Перемѣщенъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ сравнительнаго языкованія и санскритскаго языка Александровъ—тѣмъ же званіемъ на кафедрѣ славянской филологіи, съ 15-го февраля 1889 г.

Опредѣлены: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Авиловъ—дѣлопроизводителемъ VIII класса сего департамента, съ 21-го февраля 1889 г.; сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаврентій Броссе—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, помощникомъ дѣлопроизводителя, съ 1-го февраля 1889 г.; кандидаты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Александръ Щукаревъ, и Дерптскаго, Александръ Браудо—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: первый—съ 17-го февраля 1889 г. и послѣд-

ній—съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую публичную бібліотеку, съ 10-го марта 1889 г.

Переведенъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, титулярный совѣтникъ Радловъ — на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ оному, съ 16-го февраля 1889 года.

Оставлены на службѣ: на два года: директоръ Аренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ Видеманъ, съ 12-го февраля 1889 года; директоръ и старшій учитель Перновской гимназіи, статскій совѣтникъ Чернай, съ 7-го марта 1889 года; на пять лѣтъ: наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Шмидъ, съ 5-го января 1889 года; профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, генераль-лейтенантъ Петровъ, съ 8-го января 1889 года; директоръ Тульскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Васильковскій, съ 9-го января 1889 года; директоръ Александровскаго учительскаго института въ Тифлисъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Колловичъ, съ 18-го января 1889 года; директоръ Кутаисской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ, съ 19-го января 1889 года и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Яцуковичъ, съ 31-го января 1889 года.

Командированъ съ ученою цѣлью, экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета Коржинскій—на пять мѣсяцевъ и двадцать дней, въ С.-Петербургъ и Москву.

Уволены въ отпущкъ: въ Россіи: директоръ Виленской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Юницкій—на двѣнадцать дней; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министерствѣ народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Краузе—на двѣ недѣли; директоръ народныхъ училищъ Терской области, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грушевскій—на двадцать восемь дней; директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Посяда—на мѣсяць; окружный инспекторъ Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Златоустовскій—на два мѣсяца, по болѣзни; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Бобылевъ—по 1-е июня 1889 года, по болѣзни; въ Россіи и за границу, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Здѣховскій—на четыре мѣсяца, и

за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій—на пятнадцать дней; сверхштатный лаборантъ Императорскаго университета св. Владимира Родзевскій—на шестнадцать дней; лекторъ англійскаго языка Императорскаго С.-Петербургскаго университета Тернеръ—съ 22-го апрѣля по 16-е мая 1889 г.; учителя гимназій: Московскій третьей—коллегскій совѣтникъ Смирновъ и Троицкой—Вукъ; преподавательницы Тверской Маринской женской гимназій: Подгурская и Прейсъ; директоръ Мелитопольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Милашевичъ; учитель Тульскаго реальнаго училища Мокканъ и воспитатель Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта въ Москвѣ, коллежскій секретарь Алферовъ—на лѣтнее вакаціонное время 1889 года; учитель Московскій третьей гимназій, коллежскій совѣтникъ Бахманъ—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1889 года; учитель Бакинскаго реальнаго училища Вильямсъ—на два мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Клименко—на двадцать шесть дней и лѣтнее вакаціонное время 1889 года; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Шведовъ—съ 16-го мая по 20-е августа 1889 года; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Шерцль—на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: чиновникъ особыхъ порученій V класса при предсѣдателѣ Императорскаго Россійскаго историческаго музея князь Щербатовъ—на три мѣсяца; начальница Тюменской женской гимназій Клерикова—на три съ половиною мѣсяца.

Уволены: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фаминцынъ и ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стѣченовъ, согласно прошеніямъ, отъ сихъ должностей, первый—съ 20-го января и послѣдній—съ 17-го февраля 1889 года; директоръ Кіевской второй гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пясецкій—отъ службы, по болѣзни, съ 1-го марта 1889 года.

Дозволено, бывшему директору Воронежской гимназій, статскому совѣтнику Гаеку—носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: предсѣдателю попечительнаго совѣта Курской женской гимназій, содержимой г-жею Красовскою, курскому губерна-

скому предводителю, дворянства, дѣйствительному статскому совѣтнику Дурново—за оказанное имъ содѣйствіе къ назначенію курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ пособія упомянутой гимназіи на трехлѣтній срокъ; предсѣдателю игуменскаго, Минской губерніи, уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Столярову—за его дѣятельность на пользу дѣла народнаго образованія; врачу Бердянскихъ мужской и женской гимназій, коллежскому совѣтнику Гольдштейну—за его полезную дѣятельность; попечителямъ и попечительницамъ начальныхъ народныхъ училищъ Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи: Андрейковскаго, Максимовскаго и Егорьевскаго, статскому совѣтнику Сипягину; Муриковскаго, дворянину Безобразову; Вухоловскаго, женѣ статскаго совѣтника Сомовой; Кульпинскаго, княжѣ Еленѣ Мещерской и Раменскаго, княгинѣ Екатерины Мещерской—за ихъ усердное исполненіе своихъ обязанностей, а равно матеріальныя пожертвованія; почетному смотрителю Уманскаго городского училища Попову—за непрестанную заботливость его о нуждахъ бѣдныхъ учениковъ и благоустройствѣ сего училища; почетному блюстителю Рождественскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Царскосельскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Рукавишникову; попечительницамъ начальныхъ народныхъ училищъ Московской губерніи и уѣзда: Куракинскаго фабричнаго, женѣ потомственнаго почетнаго гражданина Сапожниковой и Лигачевскаго земскаго, потомственной почетной гражданкѣ Фирсановой—за значительныя пожертвованія въ пользу сихъ училищъ.

Исключены изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сидоренко; директоръ Свислочской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Малевичъ и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернской секретарь Серебряковъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжки: 1) „Основы библіографіи по исторіи римской литера-

туры. Пособіе для студентовъ филологовъ. Д. И. Нагуевскаго, ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго університета. Казань. 1889. Стр. VIII+132*, и 2) „Библиографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 годъ. Съ введеніями и указаніями издалъ Д. И. Нагуевскій. Казань. 1889. Стр. XII+48*—одобрить для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Составилъ Иванъ Аллендорфъ, преподаватель Кишиневскаго реального училища. Изданіе 3-е исправленное. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. VII+274. Цѣна 1 руб.“—одобрить какъ пособіе для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Руководство прямолинейной тригонометрии и собраніе 1770 тригонометрическихъ задачъ. Составилъ по руководствамъ Дебова, Тотгента, Snowball'я, Beasley, Шпитца, Жюльена и другихъ преподаватель Нижегородской губернской гимназій Иванъ Шеврокъ. Москва. 1888. Стр. 268. Цѣна 1 руб. 35 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Географическое описаніе Европейской Россіи. Составилъ Маркозовъ. Кіевъ. 1888. Стр. X+408 въ 8-ку. Цѣна 2 р.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „P. Corneille. I. Le Cid. Tragédie en cinq actes et en vers. — II. Horace. Tragédie en cinq actes et en vers. (Édition érigée). Выпускъ III. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. С.-Пб. 1889. Стр. 78+67+40+35*—одобрить въ качествѣ полезнаго пособія для высшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Grammaire française à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'éducation, par A. Challandes. Seconde patrie. Troisième édition. Syntaxe. St.-Petersbourg. 1888. Pages 96. Prix 45 с. (Французская грамматика для среднихъ и высшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Шалландъ. Часть вторая. Изданіе 3-е. Синтаксисъ. С.-Пб. 1888. Стр. 96. Цѣна 45 коп.)*—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Cours complet de la langue française, par A. Challandes. Troisième année. St.-Petersbourg. 1889. Pages 100. Prix

50 с. (Полный курсъ французскаго языка. Составилъ А. Шалландъ. Годъ третій. С.-Пб. 1889. Стр. 100. Цѣна 50 коп.)—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для IV класса всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Практическій курсъ французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ П. Мозеръ. Изданіе 3-е, исправленное. Москва. 1888. Стр. 336 + 84 + XII въ 8-ву. Цѣна 1 руб.“—одобрить какъ полезное пособие для употребленія въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: Poesie. Das Schönste und Beste aus des deutschen Lied, Spruch, Scherz und Dichtung für Schule und Haus gesammelt, erläutert und mit fortlaufendem Worterverzeichniss, so wie mit biographischen Angaben über die Dichter und einer Poetik versehen von Max. Fischer, Subinspector an der Moskauer Pracktischen Academie für Handelswissenschaften. Moskau. 1889. Въ малую 8-ку стр. XXVI+359+155. Цѣна 1 рубль—одобрить какъ полезное пособие при изученіи нѣмецкаго языка во всѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Курсъ практической геометріи, приспособленный къ землемѣрью, для употребленія въ уѣздныхъ и городскихъ училищахъ. Составилъ И. Ленкевичъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ву 104 стр. Цѣна 40 коп.“—одобрить, какъ учебное пособие, для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, и допустить въ бібліотеки низшихъ училищъ.

— „Гимнъ св. равноапостольному князю Владимиру. Для четырехголоснаго смѣшаннаго хора. Слова К. К. Случевского. Музыка А. Архангельскаго. Изданіе М. Бернарда. С.-Пб. 1888. Цѣна партитуры 40 коп., для 4-хъ голосовъ—40 коп., для одного голоса съ акком-

панементомъ фортепіано—40 коп.“—одобрить для учебныхъ заведеній вѣдства министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленныя Д. В. Мевесомъ книги: 1) „Книга для чтенія и упражненій въ русскомъ языкѣ. Руководство для народныхъ школъ. Съ русско-латышскимъ словаремъ. Изд. 2-е. Рига. 1888“, и 2) „Разборъ и объясненіе статей, вошедшихъ въ составъ „Книги для чтенія съ русско-латышскимъ словаремъ. Рига 1888“ — допустить къ употребленію въ старшемъ отдѣленіи русско-латышскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи сдѣланы были указанныя исправленія.

— Книгу: „С. И. Шохоръ-Троцкій. Методика ариметики, съ приложеніемъ Сборника упражненій по ариметикѣ для учащихся. Изд. 2-е. М. 1888. Въ 8-ку 215+146 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.“— допустить въ учительскія бібліотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: „Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и 7-ми картъ. Составили П. Либенъ и А. Шуйская. С.-Пб. 1888. Цѣна 50 коп.“—одобрить какъ учебникъ для начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы изъ этого же изданія былъ исключенъ списокъ пособій для вѣкласнаго чтенія учениковъ.

— Книгу: „Брестыянское гнѣздо. Необходимо-полезныя совѣты, съ вѣрнымъ указаніемъ нужнаго количества лѣснаго матеріала для крестьянскихъ построекъ. Г. Козьмина. Вольскъ. 1888. Въ 8-ку 39 стр.“—рекомендовать въ учительскія бібліотеки всѣхъ начальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Разказы старушки объ осадѣ Севастополя. Съ 3-мя портретами. Т. Толычевой. Изд. 2-е. М. 1887. Въ 8-ку 84 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить въ бібліотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Село Косино. Посвящается памяти К. С. Аксакова. Т. Толычевой. Изд. 2-е. М. 1888. Въ 16-ю д. л. 26 стр. Цѣна 10 коп.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ низшихъ училищъ.

— Книгу: „Троице-Сергіева Лавра. Историческій очеркъ. Т. Толычевой. Изд. 2-е. М. 1887. Въ 12-ю д. л. 32 стр. Цѣна 10 коп.“— допустить въ ученическія бібліотеки и для народнаго чтенія.

— Книгу: „Бѣдность не порокъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго. М. 1887“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Не такъ живи, какъ хочется. Народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго. М. 1888“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Советы матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми, примѣненныя къ крестьянской жизни. Составлена по книжкѣ доктора Н. Ф. Михайлова. Новое, исправленное изданіе. М. 1888. Въ 16-ю д. л. 36 стр.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Дурная болѣзнь или сифилисъ, описаніе ея и советы о томъ, какъ оберегаться и лѣчиться отъ нея. Составлено В. К. Трутовскою. М. 1888. Въ 16-ю д. л. 34 стр.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Сигналь. Разказъ Всеволода Гаршина. Изданіе „Посредника“. С.-Пб. 1887. Въ 16-ю д. л. 16 стр.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Пѣсни къ подвижнымъ играмъ дѣтскаго сада. Е. А. Вертеръ“—одобрить для употребленія въ дѣтскихъ садахъ и пріютахъ для малолѣтнихъ.

— Книгу: „Митрополитъ Филиппъ, біографическій очеркъ. Т. Толычевой. Изд. 2-е. М. Въ 16-ю д. л. 48 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена согласно указаніямъ комитета.

— Книгу: „Разстановка знаковъ препинанія (теорія и практика). Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Потоцкій. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 56 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ учебное пособіе, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги въ ней были сдѣланы указанныя комитетомъ исправленія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено: 1) возвысить, съ начала 1889—1890 учебнаго года, плату за ученіе въ Варшавской 1-й женской гимназіи во всѣхъ классахъ съ 30 на сорокъ рублей и въ пригготовительномъ классѣ съ 15-ти на двадцать рублей, а въ

Плоцкой женской гимназии во всѣхъ классахъ съ 30-ти руб. и въ приготовительномъ съ 20-ти руб. до сорока рублей въ годъ съ каждой ученицы; 2) возвысить, съ 1889—1890 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Ловичскомъ реальномъ училищѣ во всѣхъ классахъ съ 30-ти на сорокъ рублей въ годъ съ каждаго ученика; и 3) взимать въ Митавскомъ реальномъ училищѣ съ августа мѣсяца сего года плату за ученіе вмѣсто 52 руб. въ трехъ высшихъ и 42 руб. въ трехъ низшихъ классахъ по пятьдесятъ рублей въ годъ съ каждаго ученика во всѣхъ классахъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (27-го марта 1889 года). О размѣрѣ пенсіи директоровъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о размѣрѣ пенсіи директоровъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николай.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о размѣрѣ пенсіи директоровъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Директорамъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа пенсіи и единовременныя пособія назначаются изъ оклада въ двѣ тысячи рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (31-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи Нижегородскаго коммерческаго клуба въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1.000 рублей, отчисленнаго общимъ собраніемъ членовъ Нижегородскаго коммерческаго клуба изъ средствъ клуба, въ память чудеснаго избавленія Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года, учреждается при Нижегородской мужской гимназій одна стипендія, съ наименованіемъ воспитанника, пользующагося стипендіею стипендіатомъ Нижегородскаго коммерческаго клуба въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціи 2-го восточнаго займа, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ Нижегородскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за право ученія стипендіата въ продолженіе всего гимназическаго курса.

§ 4. Стипендіей могутъ пользоваться воспитанники гимназій, заслуживающіе того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Право выбора стипендіата предоставляется правленію Нижегородскаго коммерческаго клуба, которому начальство гимназій сообщаетъ свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата; въ случаѣ же, если коммерческій клубъ не будетъ существовать, право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназій.

§ 6. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ суммъ стипендіи причисляются къ стипендіальному капиталу и выдаются въ пособіе по окончаніи курса въ гимназій стипендіата при отпращиваніи его въ университетъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи купца Харитона Ефремовича Ефремова и его жены Ирины Ивановны при Астраханскомъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго астраханскимъ купцомъ Харитономъ Ефремовымъ и его женою Мариною Ивановною капитала въ 1,000 рублей учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендія въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханскаго реальнаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го 1885 года, назначаются для взноса платы за право ученія одного изъ учениковъ Астраханскаго реальнаго училища, отличающагося хорошими успѣхами и отличномъ поведеніемъ.

§ 4. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо причинамъ остатки причисляются къ основному капиталу или вносятся въ плату за ученіе другихъ учениковъ означеннаго реальнаго училища.

§ 5. Право избранія стипендіата предоставляется жертвователямъ, а по смерти ихъ переходитъ къ педагогическому совѣту реальнаго училища, при чемъ преимущество должно быть отдаваемо бѣднымъ родственникамъ жертвователей.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время продолженія ученія въ реальномъ училищѣ, если онъ заслуживаетъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію; если же стипендіатъ остается на второй годъ въ томъ же классѣ, то стипендія можетъ быть оставляема за нимъ по особу уважительнымъ причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (22-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершей купеческой вдовы Екатерины Елизаровны Стехновской при Псковскомъ Сергіевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго купеческою вдовою Екатериною Елизаровною Стехновскою капитала въ 1.000 руб. учреждается при Псковскомъ Сергіевскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую его собственность.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ 5% въ сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата съ употребленіемъ остатковъ, если таковыя окажутся, на учебныя пособия и на другія нужды стипендіата.

§ 4. Въ стипендіаты назначается педагогическимъ совѣтомъ Псковскаго Сергіевскаго реального училища одинъ изъ учениковъ училища, отличающійся благонравіемъ и хорошими успѣхами въ наукахъ, преимущественно изъ бѣднѣйшихъ гражданъ г. Пскова, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія въ училищѣ и теряетъ право на полученіе оной по опредѣленію педагогическаго совѣта: а) въ случаѣ оставленія по какимъ-либо причинамъ училища, б) вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія и в) при неуспѣшности ученія.

§ 6. Могушіе образоваться отъ времени незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (26-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени тюменскаго 1-й гильдіи купца Ивана Петровича Воинова при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи руб.,

пожертвованнаго по духовному завѣщанію тюменскимъ 1-й гильдіи купцомъ И. П. Войновымъ, учреждаются при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Александровскаго Тюменскаго реального училища, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на вносъ платы за право ученія бѣднѣйшихъ учениковъ училища изъ мѣщанъ г. Тюмени и крестьянъ Тюменскаго округа.

§ 4. Выборъ учениковъ, которые могутъ пользоваться правомъ на вносъ платы за ученіе изъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала, а равно и лишеніе ихъ сего права за неодобрительное поведеніе или неудовлетворительные успѣхи, принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Изъ могущихъ образоваться по какимъ-либо причинамъ остатковъ отъ процентовъ съ капитала педагогическому совѣту училища предоставляется право выдавать пособіе ученикамъ-стипендіатамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

11. (29-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени коммерціи совѣтника А. К. Трапезникова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. По случаю исполненія 25-лѣтія торговой дѣятельности въ Москвѣ коммерціи совѣтника, иркутскаго 1-й гильдіи купца, Александра Константиновича Трапезникова, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ руб., пожертвованнаго представителями Сибирскаго купечества двѣ стипендіи имени коммерціи совѣтника Александра Константиновича Трапезникова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи по 300 р. каждая, за вычетомъ 5% государственнаго налога, выдаются недостаточнымъ студентамъ, христіанскаго вѣроисповѣданія изъ дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ купеческому сословію или происходящихъ изъ такового, равно какъ дѣтей лицъ мѣщанскаго и ремесленнаго сословія.

§ 4. Назначеніе стипендіатовъ предоставляется правленію Томскаго университета.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія стипендій, проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новыхъ стипендій того же имени.

12. (2-го мая 1889 года). Положеніе о ежегодномъ пособіи отъ Бобровскаго городского общества двумъ воспитанникамъ Бобровской прогимназіи въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшими ихъ дѣтьми отъ опасности 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно постановленію Бобровской городской думы отъ 13-го ноября 1888 г., ежегодно, въ память событія 17-го октября 1888 г., изъ средствъ города Боброва имѣетъ быть выдаваемо двумъ обѣднымъ воспитанникамъ мѣстной прогимназіи, православнаго исповѣданія, изъ жителей г. Боброва, денежное пособіе въ размѣрѣ шестидесяти руб. каждому.

§ 2. Сказанное пособіе предназначается: на взносъ платы въ прогимназію за право ученія, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и постройку установленной для учащихся форменной одежды.

§ 3. Избраніе воспитанниковъ происходитъ слѣдующимъ образомъ:

а) По открытіи вакансій, педагогическій совѣтъ прогимназіи на основаніи имѣющихся въ его распоряженіи данныхъ, избираетъ изъ воспитанниковъ неограниченное число достойныхъ кандидатовъ и сообщаетъ въ городскую управу списокъ ихъ.

б) По полученіи отъ педагогическаго совѣта означеннаго списка, городская управа, въ полномъ своемъ присутствіи, производитъ путемъ жребія выборъ двухъ воспитанниковъ, коимъ должно быть выдаваемо пособіе.

§ 4. Ученикъ, пользующійся означеннымъ пособіемъ, не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ предъ городскимъ обществомъ, и всѣ произведенныя на него затраты не подлежатъ возвращенію.

§ 5. Воспитанникъ, на коего палъ жребій, получаетъ пособіе во все время прохожденія имъ курса. Оставленіе въ томъ же классѣ на второй годъ не можетъ служить препятствіемъ къ полученію пособія, если не послѣдуетъ по сему случаю особаго заявленія со стороны педагогическаго совѣта.

§ 6. О выbitи изъ прогимназіи воспитанника, пользующагося пособіемъ отъ города, прогимназическое начальство своевременно увѣдомляетъ городскую управу.

§ 7. Въ случаѣ ухудшенія домашней матеріальной обстановки воспитанника, пользующагося пособіемъ, городская управа особымъ постановленіемъ имѣетъ право просить педагогическій совѣтъ указать другихъ кандидатовъ.

§ 8. Пособіе должно отсылаться въ началѣ каждого учебнаго полугодія г. инспектору Бобровской прогимназіи, который даетъ оному соотвѣтственное назначеніе, и отчетъ объ употребленіи такового, по утвержденіи педагогическимъ совѣтомъ, представляетъ въ городскую управу.

§ 9. Могущіе образоваться, за выbitіемъ ученика среди полугодія, остатки могутъ быть израсходованы, по опредѣленію педагогическаго совѣта, на другаго воспитанника прогимназіи, также изъ жителей г. Боброва съ увѣдомленіемъ о семъ городской управы.

13. (7-го мая 1889 года). Положеніе о пособіяхъ для учениковъ Бѣльской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе исполнившагося 19-го февраля 1880 года двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, жители города Межирѣчья Сѣдлецкой губерніи пожертвовали капиталъ въ одну тысячу двѣсти руб. съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособія для учениковъ Бѣльской гимназіи.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ I восточнаго займа, хранится въ Варшавской конторѣ государственнаго банка и состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

§ 3. Проценты съ этого капитала отпускаются ежегодно въ распоряженіе директора Бѣльской гимназіи и употребляются на пособія для учениковъ Бѣльской гимназіи, въ особенности, на взносъ платы за ученіе въ означенной гимназіи.

§ 4. На пособія эти имѣютъ право ученики, происходящіе изъ Радвинскаго уѣзда, безъ различія исповѣданія, отличнаго поведения и прилежанія, несостоятельные, преимущественно сироты.

§ 5. Выданное ученику въ одномъ году пособіе изъ настоящаго фонда не даетъ ему преимущества на полученіе такового въ слѣдующіе годы.

14. (7-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Гирбасовыхъ при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу сто руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ елабужскимъ 1-й гильдіи купцомъ Ѳедоромъ Прохоровичемъ Гирбасовымъ отъ лица пяти его сыновей—Гавріила, Алексѣя, Прохора, Павла и Сергія, учреждается при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ десять стипендій имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Гирбасовыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится въ Елабужскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго городского училища и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ десяти бѣднѣйшихъ и благонаравнѣйшихъ учениковъ этого училища, считая по 5 руб. за каждого; остающіяся же за взносомъ означенной платы или по какимъ-либо другимъ причинамъ деньги обращаются: а) на расходы по обмѣну облигацій на новыя, въ случаѣ выхода ихъ въ тиражъ, и б) на приобрѣтеніе учебниковъ для учениковъ, пользующихся стипендіями имени Гирбасовыхъ.

§ 4. Въ стипендіаты избираются старшимъ въ родѣ Гирбасовыхъ, имѣющимъ постоянное мѣстопробываніе въ г. Елабугѣ, благонаравнѣйшіе и достойнѣйшіе ученики городского училища изъ дѣтей мѣстныхъ жителей, безъ различія сословій, но православнаго исповѣданія.

§ 5. Стипендіаты пользуются стипендіей до окончанія курса въ

названномъ городскомъ училищѣ, но, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности, могутъ быть лишены стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища.

§ 6. Въ случаѣ увеличенія платы за право ученія въ Елабужскомъ городскомъ училищѣ, число стипендіи можетъ быть сокращено соотвѣтственно получаемымъ съ 1,100 руб. процентамъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія въ г. Елабугѣ городского трехкласснаго училища въ другое учебное заведеніе, капиталъ, пожертвованный О. П. Гирбасовымъ, остается неприкосновенною собственностью преобразованнаго училища, и проценты съ капитала сохраняютъ свое назначеніе.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

15. (9-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи при Тамбовской гимназій въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 г.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго женою статскаго совѣтника Анастасіею Петровною Жайворонковою, учреждается при Тамбовской губернской гимназій стипендія въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 г.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одной облигаціи восточнаго займа 1877 г., хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Тамбовской губернской гимназій въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіей пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Тамбовской гимназій, отличающійся хорошими успѣхами и поведеніемъ, какъ во время пребыванія въ гимназій, такъ и въ университетѣ, впредь до окончанія своего образованія.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммъ, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, выдаются пополюгудно для уплаты денегъ за право ученія, на учебныя пособія и на содержаніе стипендіата.

§ 6. За неодобрительное поведеніе или безуспѣшность въ наукахъ стипендіатъ лишается этого пособия по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 7. Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ или на томъ же курсѣ, стипендія можетъ быть сохранена лишь по особо уважительнымъ причинамъ (продолжительная болѣзнь) и только одинъ разъ въ теченіе всего учебнаго курса. Выдача стипендіи можетъ быть прекращена также въ случаѣ улучшенія матеріальнаго положенія стипендіата.

§ 8. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, остатки присоединяются къ основному капиталу съ цѣлью увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала и обмѣномъ билета, въ случаѣ выхода его изъ обращенія, на новыя государственныя процентныя бумаги, а также отчетность въ расходахъ возлагаются на хозяйственный комитетъ гимназій.

§ 10. Пользованіе этою стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (10-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова при Императорскихъ университетахъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе общественной дѣятельности графа М. Т. Лорисъ-Меликова, на проценты съ внесеннаго Тифлисскою городской думою капитала въ 14,400 р., хранящагося въ государственномъ банкѣ и заключающагося въ 15 билетахъ 3-го восточнаго займа съ № 001838 по № 001846 включительно, тысячерублеваго достоинства и въ 4-хъ билетахъ того же займа сторублеваго достоинства за №№ 002174, 071182, 071183 и 269192, учреждаются двѣ стипендіи при Императорскихъ университетахъ, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова“.

§ 2. Означенныя стипендіи, каждая въ 360 руб. ежегодно, назначаются двумъ недостаточнымъ студентамъ изъ воспитанниковъ, хорошо окончившихъ курсъ въ Тифлискихъ гимназіяхъ, исключительно изъ тифлискихъ уроженцевъ, безъ различія національностей. Избраніе стипендіатовъ предоставляется Тифлисской городской думѣ

по соглашенію съ правленіемъ избраннаго сею послѣднею университетомъ.

§ 3. Стипендіи производятся поступившимъ въ университетъ безъ различія факультетовъ.

§ 4. Назначеніе и сохраненіе стипендіи за избраннымъ стипендіатомъ производится согласно существующимъ на сей предметъ въ университетахъ правиламъ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендій, предоставляется университетскому совѣту употреблять на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ изъ кавказскихъ уроженцевъ.

§ 6. Стипендіи имени графа М. Т. Лорисъ-Меликова не налагаютъ никакихъ обязательствъ на пользующихся ими.

§ 7. Въ случаѣ открытія Кавказскаго университета стипендіи графа Лорисъ-Меликова переводятся въ означенный университетъ, куда передается и самый капиталъ.

Примѣчаніе. Стипендіатамъ, которые будутъ находиться въ столичныхъ университетахъ, при открытіи Кавказскаго университета, предоставляется окончить курсъ, не переходя въ сей послѣдній.

17. (15-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи при Комиссаровскомъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ имени умершаго коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго коллежскимъ секретаремъ Филиппомъ Гавриловичемъ Соловьевымъ капитала въ четыре тысячи рублей учреждается при Комиссаровскомъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа на сумму 4000 р., хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, составляющихъ основной капиталъ стипендій, билеты эти замѣняются новыми того же займа или другими правительственными процентными бумагами.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о

сборѣ съ доходовъ отъ денежныкъ капиталовъ, передачѣ въ казну, употребляются на взносъ установленной платы за одного приходящаго воспитанника; остающаяся же отъ процентовъ сумма выдается стипендіату на расходы по содержанию его.

§ 5. Стипендіатъ избирается изъ бѣдныхъ дѣтей русскаго происхожденія педагогическимъ совѣтомъ училища и утверждается наблюдательнымъ комитетомъ попечительнаго совѣта.

§ 6. Право на полученіе стипендіи прекращается: а) смертью стипендіата, б) выходомъ его изъ училища и в) особымъ постановленіемъ педагогическаго совѣта училища въ виду неодобрительныхъ усилковъ или поведенія стипендіата.

§ 7. При отсутствіи въ какой-либо годъ воспитанниковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ на полученіе стипендіи, проценты съ оной присоединяются къ основному капиталу.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Комиссаровскаго техническаго училища въ другое однородное по цѣли учебное заведеніе, стипендія остается при этомъ послѣднемъ.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Начальная ступень для веденія сочиненій въ реальныя училищахъ, въ связи съ изученіемъ правилъ русской статистики. Составилъ С. В. Преображенскій. (Отдѣльный оттискъ изъ Русск. Фил. Вѣстн.). Варшава. 1888. Въ 8-ку стр. 59“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Dr. Tegg. Учебникъ латинской синонимки. Переволь и приспособилъ къ употребленію въ русскія гимназіяхъ С. Рожанковскій, инспектирующий учитель Московской 5-й гимназіи. М. 1889. Въ 8-ку стр. VII+96“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Руководство для учениковъ высшихъ классовъ гимназій по римскимъ древностямъ. Составилъ К. Зембергъ. Изданіе 2-е. Рига. 1889“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческая грамматика для употребленія въ гимназіяхъ, составленная М. Вукомъ, преподавателемъ Троицкой гимназіи. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 273. Цѣна 1 руб.“—допустить какъ руководство по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія и предложить автору при слѣдующемъ изданіи составленной имъ грамматики воспользоваться сдѣланными на нее замѣчаніями.

— Книгу: „Ариметика. Полный систематическій курсъ. Составилъ С. Будаевскій. Изданіе 4-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 210. Цѣна 70 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства при повтореніи ариметики въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ элементарной геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Влюмбергъ, преподаватель при Ревельской губернской гимназіи. С.-Пб. 1889. Стр. VIII+172. Цѣна 1 руб.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Физическое землевѣдѣніе. Составилъ Н. Раевскій, директоръ московскаго учительскаго института. Первый выпускъ, съ 16 рисунками. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 185. Цѣна 1 р. 20 к.“—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Книгу: „Prof. Dr. C. Claus. Учебникъ зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Въ текстѣ 792 рисунка. Въ двухъ частяхъ. Переводъ 1-й части д-ра М. А. Шульгина и М. В. Хавкина, переводъ 2-й части д-ра М. А. Шульгина. Одесса. 1888. Цѣна 7 руб.“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки учебныхъ заведеній, гдѣ есть какіе-нибудь курсы естественной исторіи.

— Книгу: „Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій. Изображеніе всѣхъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ до 35-го градуса южнаго склоненія и обозначеніе переменныхъ и двойныхъ звѣздъ, звѣздныхъ скопленій и туманностей, которыя могутъ быть наблюдаемы не вооруженнымъ глазомъ или обыкновенною зрительною трубою. Большая общая карта и 26 специальныхъ картъ, съ 12 листами

объяснительнаго текста и 37 рисунками. Составилъ, начертилъ и описалъ Яковъ Мессеръ. С.-Пб. 1888. Стр. текста XVI+179⁴ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Русско-нѣмецкій сборникъ употребительнѣйшихъ словъ и выраженій, подобранныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Пособіе для устныхъ и письменныхъ упражненій въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Составилъ Д. В. фонъ-Мевесъ. Второе, дополненное и исправленное изданіе. Рига. 1887. Въ 8-ку стр. 81⁴ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, гдѣ въ курсъ преподаванія входитъ нѣмецкій языкъ.

— Книгу: „Этимологія нѣмецкаго языка сравнительно съ этимологіею русскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Августъ Гофманъ, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназій. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. VII+118. Цѣна 75 коп.“ — допустить къ употребленію въ видѣ руководства при изученіи нѣмецкой грамматики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Составленныя докторомъ С. М. Вишневымъ книжки подъ общимъ заглавіемъ „О сохраненіи здоровья:“ 1) Часть первая. „Что надо дѣлать, чтобы избавляться намъ отъ простуды и отъ прилипчивыхъ болѣзней. Какую одежду носить, чтобы не хворать. Казань. 1889. Въ 12-ю д. л. 92 стр. Цѣна 10 коп.“, 2) Часть вторая. „Какую пищу и какъ намъ надо ѣсть и какой не ѣсть? Какую воду и напитки употреблять намъ и какіе негодны? Какъ содержать въ чистотѣ свое тѣло? Казань. 1889. Въ 12-ю д. л. 96 стр. Цѣна 10 коп.“ и 3) Часть третья. „Какъ устроить домъ и разные пристрой къ нему, чтобы жить въ немъ было здорово? О воздухѣ и дыханіи. Какъ работать и какъ отдыхать, чтобы работы и занятія были полезны, а не

вредны для нашего здоровья? Какъ лѣчить болѣзни и оказывать помощь людямъ при разныхъ несчастныхъ случаяхъ и болѣзняхъ? Казань. 1889. Въ 12-ю д. л. 141 стр. Цѣна 12 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Первая классная книга для чтенія. Пособіе при начальномъ обученіи родному языку. Составилъ П. Г. Васильевъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку 179 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ приготовительныхъ классахъ реальныхъ училищъ.

— Составленныя Д. В. Мевесомъ книги: 1) „Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Руководство для народныхъ школъ. Съ русско-эстонскимъ словаремъ. Изд. 2-е. Рига. 1888“, и 2) „Разборъ и объясненіе статей, вошедшихъ въ составъ „Книги для чтенія съ русско-эстонскимъ словаремъ“. Рига. 1888“—допустить къ употребленію въ старшемъ отдѣленіи русско-эстонскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи сдѣланы были указанныя исправленія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) увеличить, съ начала будущаго 1889—1890 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Ромовскомъ реальномъ училищѣ съ 25 р. на тридцать пять руб. въ годъ съ cadaго ученика; и 2) возвысить съ начала 1889—1890 учебнаго года плату за ученіе во всѣхъ классахъ Кадишской жевской гимназій съ 30-ти на тридцать шесть руб. въ годъ съ каждой ученицы.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ, открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: въ дер. Бѣлавинѣ, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губ., въ с. Любиковичахъ, Ровенскаго уѣзда, Волынской губ. при 20 учащихся, въ с. Старыхъ Соколахъ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ. при 33 учащихся, въ с. Родникахъ, Юрьевскаго уѣзда, Костромской губ. при 63 учащихся и въ с. Пикинскомъ, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губ. при 60 учащихся.

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Для соисканія премій Императора Петра Великаго 1889 года ученымъ комитетомъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, была назначена, по разряду гимназій, группа „русскій языкъ съ церковно-славянскихъ и словесностью; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ“. Сверхъ того, по настоятельной надобности въ учебникахъ „по всеобщей географіи для низшихъ трехъ классовъ гимназій и прогимназій и по всеобщей исторіи среднихъ вѣковъ и новой“, продолженъ срокъ для представленія таковыхъ до 1-го ноября 1888 года.

Къ опредѣленному сроку поступило въ ученый комитетъ отъ авторовъ пятнадцать сочиненій по вышеозначеннымъ предметамъ и два сочиненія предложены членами комитета (въ томъ числѣ 10 печатныхъ, 5 рукописныхъ и 2 печатныхъ съ рукописными добавленіями). Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій, съ разрѣшенія г. министра, при основномъ отдѣлѣ ученаго комитета учреждены двѣ особыя комиссія, въ составъ которыхъ вошли: члены ученаго комитета А. Д. Галаховъ, А. А. Слѣпцовъ, В. Г. Васильевскій, Н. Н. Страховъ и И. И. Белларминовъ, профессоръ С.-Петербургской духов-

ной академіи М. И. Каринскій, профессоръ историко-филологическаго института Н. П. Некрасовъ, преподаватели С.-Петербургской 1-й гимназіи А. П. Березинъ и гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ А. Θ. Соколовъ. Предсѣдателями комиссій его сіятельство изволилъ назначить членовъ ученаго комитета А. Д. Галахова и В. Г. Васильевскаго.

Ученый комитетъ, въ засѣданіяхъ 17-го и 24-го апрѣля текущаго года, обсудивъ представленныя въ оный донесенія особыхъ комиссій и подробные разборы соискательныхъ сочиненій, опредѣлили:

1. Л. И. Поливанову за изданіе: „Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Для семьи и школы. Пять томовъ. Москва. 1887—1888“, присудить большую премію въ 2,000 руб.

2. Профессору М. Н. Петрову за „Лекціи по всемірной исторіи. Три тома. Харьковъ. 1888“, въ виду неоспоримыхъ и важныхъ достоинствъ этихъ лекцій, согласно съ заключеніемъ комиссіи, присудить большую премію въ 2,000 р.

3. Автору „Учебника географіи“, подъ девизомъ: *vere scire est per causas scire*, присудить малую премію въ 500 рублей. По вскрытіи пакета съ вышеозначеннымъ девизомъ, авторомъ удостоеннаго преміи „Учебника географіи“ оказался директоръ Уманской прогимназіи Климентъ Ивановичъ Турчаковскій.

4. Прочія сочиненія, представленныя на сей разъ для соисканія премій, какъ не удовлетворяющія существеннымъ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній, отъ присужденія премій устранить.

5. Въ вознагражденіе трудовъ гг. предсѣдателей особыхъ комиссій А. Д. Галахова и В. Г. Васильевскаго, и членовъ: А. А. Слѣпцова, Н. Н. Страхова, И. И. Беллярмина, М. И. Каринскаго, Н. П. Некрасова, А. П. Березина и А. Θ. Соколова, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныхъ на этотъ предметъ золотыя медали.

На основаніи § 12 Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго опредѣленіе ученаго комитета было представлено на благоусмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія и его сіятельствомъ утверждено.

Примѣчаніе. Подробные разборы сочиненій, удостоенныхъ премій, будутъ напечатаны въ іюльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПРОГРАММЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИСПЫТАНИЯ ПО АГРОНОМИИ СЪ ЗООТЕХНИЕЙ, ПО ТЕХНИЧЕСКОЙ ХИМИИ И ПО ГЕОГРАФИИ.

ПРОГРАММА АГРОНОМИИ СЪ ЗООТЕХНИЕЙ.

Агрономія.

Часть общая.

I. Культурное растение. — Главнѣйшія органическія составныя части растений: азотистыя и безазотистыя. Источники углерода, азота, кислорода и водорода растений. Минеральныя составныя части растений. Теорія Либиха. Зависимость растений отъ климатическихъ и метеорологическихъ условий. Особенности климата Россіи.

II. Почва. — Происхожденіе почвы. Главныя кристаллическія горныя породы, изъ которыхъ произошла почва. Ихъ дѣленіе, химическій и минералогическій характеръ. Вывѣтриваніе. Физическія и химическія вліянія обуславливающія процессъ вывѣтриванія. Результаты этого процесса. Роль механической силы воды. Удѣльный вѣсъ горныхъ породъ и вывѣтривающихся изъ нихъ продуктовъ. Сортировка водою продуктовъ вывѣтриванія и отложеніе ихъ въ видѣ щебня (хряща), песку и глины. Вліяніе рельефа на распредѣленіе отмучиваемаго матеріала. Известняки, суглинки, мергель и лёсъ.

Измѣненія въ почвѣ, вызываемыя растительностью. Перегной, его свойства и химическій составъ. Минерально-органическія вещества почвы. Азотистыя соединенія почвы, ихъ образованіе и разрушеніе.

Механический и химическій анализъ почвы. Скелетъ и мелководъ. Значеніе того и другаго для культуры. Почвенные цеолиты. Погложительная способность почвы и причины ее обуславливающія.

Физическія свойства почвы. Строеніе почвы. Абсолютный и удѣльный вѣсъ. Почвенные газы. Отношеніе почвъ къ водѣ: гигроскопичность, влагоемкость и капиллярность. Движеніе воды въ почвѣ. Отношеніе почвы къ теплотѣ. Источники теплоты для почвы. Свойства почвы, обуславливающія ея большую или меньшую нагрѣваемость. Теплопроводность почвы. Значеніе теплоты, развивающейся вслѣдствіе происходящихъ въ почвѣ химическихъ процессовъ.

Температура почвы. Ея измѣреніе. Дѣйствіе почвенной теплоты. Движеніе теплоты въ почвѣ. Глубина замерзанія почвы.

Классификація и оцѣнка почвъ. Основаніе той и другой. Главнѣйшіе типы почвъ и ихъ характеристика. Русскій черноземъ и его распространеніе. Прежнія изслѣдованія чернозема. Теоріи образованія чернозема. Новѣйшія его изслѣдованія.

III. Обработка.—Цѣли, для которыхъ обрабатывается земля и употребляемая для достиженія ихъ орудія. Составныя его части. Классификація плуговъ. Обработка земли паровыми снарядами.

Способы выполненія обработки земли. Глубина вспашки. Паръ и его значеніе въ земледѣліи. Порядокъ обработки и употребляемая при этомъ орудія.

IV. Удобреніе.—Теорія удобренія. Вещества, отнимаемая культурными растеніями у почвы и подлежащая возврату. Различіе между удобреніемъ и возвратомъ. Краткій обзоръ удобрительныхъ матеріаловъ и дѣленіе ихъ на группы.

Экскременты домашнихъ животныхъ и подстилочные матеріалы. Измѣненія, которымъ подвергаются кормовыя вещества при проходѣ ихъ черезъ животный организмъ. Составныя части кала и мочи. Навозы: конскій, крупнаго рогатаго скота, овецъ и свиней. Различіе въ физическихъ свойствахъ и химическомъ составѣ. Способы накопленія и храненія навозовъ. Устройство гнозевей. Вещества, теряемая навозами во время ихъ накопленія, и средства противъ такихъ потерь. Навозная жижа и ея употребленіе. Преимущество навозовъ предъ другими удобрительными матеріалами. Измѣненія, которымъ подвергается навозъ во время его накопленія. Навозъ свѣжій и старый. Употребленіе навоза.

Экскременты людей. Значеніе ихъ въ народномъ хозяйствѣ. Разные способы утилизаціи человѣческихъ экскрементовъ, употребляемые въ разныхъ странахъ.

Компосты. Матеріалы, которые могутъ идти въ компостъ и ихъ составъ. Закладка компостныхъ кучъ.

Экскременты домашней птицы. Гуано. Мѣста его нахождения. Происхождение и составъ. Рыбье гуано и мѣста его добыванія.

Фосфорнокислыя удобрения. Матеріалы, доставляющіе такія удобрения. Кости. Составныя части костей. Способы приготовленія костяного порошка: механическія и химическія. Костяной уголь. Фосфориты. Ихъ мѣстонахождение въ Россіи и въ другихъ странахъ. Суперфосфаты. Специальныя азотистыя удобрения: селитра и сѣрнокислый амміакъ. Специальныя калийныя удобрения: стасфуртскія соли и зола. Зеленое удобрение.

Непрямо дѣйствующія удобрительныя средства. Известь. Мергель. Виды мергеля, его нахождения, составъ. Дѣйствіе мергеля. Способы употребленія. Гипсъ. Составъ. Теоріи, объясняющія дѣйствіе гипса.

V. Посѣвъ.—Способы размноженія культурныхъ растений. Значеніе запаса питательныхъ веществъ въ органахъ размноженія растений. Морфологическія и химическія составныя части сѣмени и условія его развитія. Различная способность сѣмянъ къ поглощенію капельно-ножкой и газообразной воды. Maximum и minimum температуры, потребной для проростанія сѣмянъ. Предѣлы температуры, между которыми заключаются наиболѣе благоприятныя для этого условія. Основанія задѣлки сѣмянъ на различную глубину. Проростаніе сѣмянъ и измѣненія, сопровождающія этотъ процессъ. Кущеніе. Главныя различія въ развитіи корней у разныхъ культурныхъ растений. Дальнѣйшія условія роста. Качества сѣмянъ: зрѣлость, лежалость, родовой характеръ и т. д. Испытаніе сѣмянъ.

Способы полученія посѣвныхъ сѣмянъ въ хозяйствѣ. Отборка изъ общаго урожая по удѣльному вѣсу и по формѣ или величинѣ сѣмянъ. Сѣменные участки. Подготовка сѣмянъ къ посѣву. Ускореніе проростанія, предохраненіе отъ болѣзней, удаленіе сѣмянъ сорныхъ травъ и т. п.

Время сѣва. Обстоятельства, которыя должно имѣть въ виду при опредѣленіи посѣвной поры. Количество сѣмянъ, потребное для обсѣмененія казенной десятины. Способы сѣва: посадка, сѣвъ ручной и машинный, въ разбросъ и рядами. Задѣлка сѣмянъ. Сѣяльныя машины. Преимущества рядоваго сѣва передъ сѣвомъ въ разбросъ.

VI. Уборка растений. — Различіе мнѣній относительно времени уборки, особенно хлѣбныхъ растений. Выгоды и невыгоды ранней и

поздней уборки. Стекловидность и мучнистость сѣмянъ. Различныя степени спѣлости. Лучшая пора уборки хлѣбныхъ растений.

Способы уборки: серпомъ, косой и жатвенными машинами.

Молотѣба хлѣба помощью силъ человѣческихъ, животныхъ и машинами. Главныя составныя части всякой молотильной машины. Раздѣленіе молотилокъ на главныя типы. Составныя части сложной молотилки. Вѣялки и сортировки. Двигатели молотилокъ.

VII. Системы земледѣлія.— Система огневаго хозяйства въ самыхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Послѣдствія такого хозяйства. Система паровая или трехпольная. Ея предѣлы въ Россіи. Уклоненіе отъ этой системы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Выгоды и невыгоды трехпольнаго хозяйства. Система переложная. Господство ея на югѣ Россіи и причины, поддерживающія тамъ эту систему. Система плодосѣвная. Ея отличие отъ другихъ системъ. Мѣста распространенія. Условія, благоприятствующія введенію плодосѣвной системы.

Часть спеціальная.

1. Растенія зерновыя.—Пшеница, рожь, овесъ, ячмень, кукуруза, просо и пр. Исторія культуры злаковъ. Ботаническіе признали. Анатомическое строеніе зерна и химическія составныя части. Статистическія данныя о количествѣ хлѣбовъ, разводимыхъ въ Россіи и потребленіе внутреннее и внѣшнее. Почва, требуемая тѣми или другими хлѣбными растениями, обработка, удобреніе, сѣвооборотъ, количество сѣмянъ, время и способъ сѣва, сорныя травы и т. п.

2. Растенія кормовыя.—Исторія полевого травосѣянія. Выгоды, которыя оно представляетъ. Степень примѣнимости и потребности въ травосѣяніи для русскаго хозяйства. Главныя группы кормовыхъ растений и ихъ различіе. Травы изъ сем. бобовыхъ: клеверъ, люцерна, эспарцетъ, вика и др.; изъ сем. злаковъ: тимофеевка, безостный костеръ, пырей, райграсы, лисохвостъ, ежа, могаръ, кукуруза и пр. Главныя требованія кормовыхъ травъ относительно культуры: почва, сѣвооборотъ и пр.

3. Растенія клубновыя и корнеплодыя.—Главные сорта картофеля и способы его разведенія. Болѣзни картофеля и предложенныя въ разное время противъ нихъ средства. Исторія развитія переноспоры. Свекловица. Ея сорта. Строеніе свекловичнаго корня. Культура. Другіе корнеплоды.

4. Растенія масличныя, прядильныя и другія промышлен-

ныя.—Подсолнечникъ. Исторія его культуры въ Россіи. Главныя требованія подсолнечника относительно культуры. Рапсъ. Сурепица, макъ, горчица, рыжикъ и пр.

Ленъ. Мѣстности Россіи, гдѣ наиболѣе развита культура льна и различіе въ самыхъ способахъ ея. Сорты, почва, сѣвъ, уборка, отдѣленіе сѣмени и пр. Техническая обработка льняного стебля.

Конопля. Мѣстности ея производства въ Россіи. Недостатки существующей въ Россіи культуры. Сѣвооборотъ. Техническая обработка пеньки.

Хмѣль. Мѣстности и производство въ Россіи и за границей. Сорты. Почва. Культура.

Табакъ. Распространеніе его культуры въ Россіи. Сортъ. Почва. Культура.

Зоотехнія.

Часть общая.

I. Породы домашнихъ животныхъ.—Домашнія животныя въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ихъ происхожденіе. Исторія развитія ученія о разведеніи. Ученіе о видѣ Линнея, Ламарка и Дарвина. Значеніе этого ученія для скотоводства. Понятіе о породахъ. Породы естественныя и культурныя. Признаки породъ домашнихъ животныхъ, зоологическіе или морфологическіе и физиологическіе. Значеніе породъ естественныхъ и культурныхъ. Наслѣдственность. Происхожденіе половъ. Теорія постоянства. Несостоятельность ея по ученію настоящаго времени и по исторіи образованія главнѣйшихъ культурныхъ породъ. Индивидуальная способность къ передачѣ тѣхъ или другихъ свойствъ. Атавизмъ, обглядываніе и инфекция.

II. Разведеніе.—Разведеніе породы въ самой себѣ, чистое, родственное и кровное. Послѣдствія кровнаго разведенія. Високоразвита заводскія животныя. Полнокровность. Вырожденіе и освѣженіе крови. Скрещиваніе. Виды этого способа разведенія.

III. Питаніе.—Составныя части кормовыхъ матеріаловъ: азотистыя, безазотистыя и неорганическія. Распредѣленіе азотистыхъ веществъ въ главнѣйшихъ кормахъ. Питательное значеніе разныхъ отбросовъ отъ нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ производствъ (техническихъ), какъ-то: мельничнаго, свеклосахарнаго, винокуреннаго и др.

Пищевареніе. Измѣненіе пищи въ полости рта отъ жеванія и ослюненія. Дѣйствіе слюны на крахмалъ, содержащійся въ кормовыхъ веществахъ. Устройство желудка у жвачныхъ. Пищевареніе въ желудкѣ и кишечномъ каналѣ. Вліяніе сока желудочнаго и поджелудочной железы на пищевареніе. Обмѣнъ веществъ.

Развитіе ученія о кормленіи домашнихъ животныхъ. Сѣянне эквиваленты. Значеніе ученія Либиха и работъ Буссенго въ вопросѣ о кормленіи. Кормовыя нормы и ихъ значеніе въ скотоводствѣ.

Обзоръ главныхъ кормовыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ хозяйствомъ. Солома. Сѣно. Зеленые корма. Корнеплоды. Зерна. Значеніе поваренной соли при кормленіи. Подготовка кормовъ: рѣзка, распариваніе, обвариваніе, самонагрѣваніе, квашеніе и т. д.

ЧАСТЬ СПЕЦІАЛЬНАЯ.

I. Крупный рогатый скотъ. — 1) Естественная исторія крупнаго рогатаго скота. Зоологическое дѣленіе рода *Bos* и его виды. Природныя свойства. Скелетъ. Зубная система, пищеварительные органы, размноженіе и т. д. Формы скота молочнаго, мяснаго и рабочаго.

2) Породы. Дѣленіе породъ, принимаемое сельскими хозяевами и натуралистами. Породы низменныя Восточной и Западной Европы. Южно-европейскія альпійскія породы. Породы странъ континентальныхъ средней Европы. Породы англійскія, французскія и русскія.

3) Разведеніе. Условія, требуемыя отъ племенныхъ производителей. Спариваніе произвольное и искусственное. Время спариванія и возрастъ производителей. Стельность, тelenіе, выращиваніе молодыхъ животныхъ для различныхъ цѣлей.

4) Молочное хозяйство. Формы тѣла молочной коровы. Другіе признаки молочности: кожа, вымя, молочныя жилы и молочное зеркало. Молоко и составныя его части. Его изслѣдованіе. Употребленіе. Масло и сыръ.

II. Овца. — Мѣсто овцы въ зоологической классификаціи. Природныя свойства. Полезныя произведенія овцы. Породы.

Исторія правительственныхъ мѣръ, принимавшихся въ разное время для улучшенія овцеводства въ Россіи.

Шерсть, производимая овцами и другими животными. Выростаніе шерстяного волоска изъ кожи и строеніе его. Главнѣйшія качества тонкой мериносовой шерсти.

III. Свинья. — Мѣсто свињи въ зоологической системѣ. Свиноводство у другихъ народовъ. Природныя качества свињи. Породы свиней.

IV. Лошадь. — Лошадь. Ея природныя свойства. Породы и разведеніе.

ПРОГРАММА ТЕХНИЧЕСКОЙ ХИМИИ.

I. Горючіе матеріалы.

Топливо. Виды горючихъ матеріаловъ: дерево, торфъ, лигнитъ, каменный уголь, нефть. Опредѣленіе нагрѣвательной способности топлива по анализу, способомъ Бертье. и по испаренію воды. Пирометрическое дѣйствіе топлива. Полученіе древеснаго угля, кокса и генераторнаго газа. Брикетны. Употребленіе топлива для разныхъ цѣлей и условія наилучшей утилизаціи теплоты. Общія понятія объ устройствѣ печей. Химическое изслѣдованіе горючихъ матеріаловъ: опредѣленіе влажности, золы сѣры, фосфора, кокса.

Освѣщеніе. Различныя виды свѣтильнаго газа. Добываніе свѣтильнаго газа изъ каменнаго угля и его очищеніе. Утилизація побочныхъ продуктовъ газоваго производства. Изслѣдованіе свѣтильнаго газа: проба на сѣрнистый водородъ и сѣрнистый углеродъ, опредѣленіе амміака и угольной кислоты. Сухая перепонка дерева, торфа и горючихъ сланцевъ; продукты при ней получаемыя. Нефть. Составъ, свойства, добываніе. Переработка нефти на бензинъ, освѣтительныя и смазочныя масла. Добываніе свѣтильнаго газа изъ нефти. Парафинъ, его добываніе и употребленіе. Горный воскъ и церезинъ. Испытаніе безопасности освѣтительныхъ маселъ. Фотометрія.

II. Обработка минеральныхъ соединеній.

Соединенія тяжелыхъ металловъ.

Желѣзныя руды и ихъ анализъ. Общія понятія объ обработкѣ желѣзныхъ рудъ. Доменное производство. Составленіе шихты для выплавки чугуна. Ходъ доменнаго процесса. Составъ шлака и вліяніе составныхъ частей шлака на его плавкость. Чугунъ, его составъ и свойства. Анализъ чугуна (опредѣленіе углерода графита, желѣза, марганца, кремнія, сѣры и фосфора).

Желѣзо и сталь. Передѣлъ чугуна на сталь и желѣзо. Крич-

ный и пудлинговый способы. Способъ Бессемера. Способы Сименса и Мартена. Цементация. Закалка стали. Калориметрическая проба стали.

Руды мѣди, никкеля, свинца, цинка, ртути, сурьмы и олова. Количественное опредѣленіе въ этихъ рудахъ полезныхъ металловъ. Общія понятія о выплавкѣ указанныхъ металловъ изъ рудъ. Обработка серебристаго свинца. Проба серебра и золота. Главнѣйшіе сплавы.

Минеральныя краски. Естественныя минеральныя краски, ихъ обработка и употребленіе. Главнѣйшіе виды искусственныхъ минеральныхъ красокъ, ихъ приготовленіе и употребленіе.

Силикаты и цементы.

Глина. Анализъ глины химической и механической. Пластичность и огнеупорность глины. Издѣлія изъ глины: кирпичъ, гончарныя издѣлія, фаянсъ и фарфоръ. Матеріалы для фабрикаціи этихъ издѣлій и понятіе о самой фабрикаціи.

Цементы гидравлическіе и воздушные. Общія понятія о затвердѣваніи гидравлическихъ цементовъ. Приготовленіе гидравлическихъ цементовъ, ихъ анализъ и испытаніе. Приготовленіе извести. Анализъ извести и известняковъ. Обжиганіе гипса и его примѣненіе.

Стекло. Составъ и свойства стекла. Анализъ стекла. Матеріалы стекляннаго производства. Варка стекла. Общія понятія о фабрикаціи стеклянныхъ издѣлій. Амальгамированіе и серебреніе стекла.

Соли, щелочи и кислоты.

Поваренная соль. Нахожденіе въ природѣ и способы добыванія. Анализъ соли.

Сода. Матеріалы для полученія соды по способу Леблана и ихъ испытаніе. Химическій процессъ при образованіи соды по способу Леблана. Выщелачиваніе сырой соды. Полученіе кристаллической соды и ѣдкаго натра. Извлеченія сѣры изъ содовыхъ остатковъ. Аммиачный способъ полученія соды. Алкалиметрия.

Поташъ. Полученіе поташа изъ растений. Очищеніе сыраго поташа. Полученіе поташа изъ свекловичной патоки и пота. Полученіе поташа изъ минераловъ. Ёдкое кали.

Селитра. Образованіе азотнокислыхъ солей въ природѣ. Буртовый способъ полученія селитры и ея очищеніе. Превращеніе чилийской селитры въ калийную. Примѣненія селитры. Порохъ. Проба селитры.

Сѣрная кислота. Матеріалы для полученія сѣрной кислоты. Проба сѣрни и колчедановъ (опредѣленіе сѣрни). Полученіе сѣрнистаго ангидрида и превращеніе его въ сѣрную кислоту. Контроль камернаго процесса (крѣпость кислоты, температура камеръ, цвѣтъ камернаго газа, колориметрическая проба камерной сѣрной кислоты на содержаніе окисловъ азота). Сгущеніе камерной сѣрной кислоты. Полученіе дымящей сѣрной кислоты.

Полученіе азотной кислоты. Нитрометрическая проба селитры. Полученіе соляной кислоты. Полученіе хлора и бѣлильной извести. Регенерація перекиси марганца. Проба перекиси марганца. Проба бѣлильной извести.

III. Обработка органическихъ соединеній.

Питательныя вещества и броженіе.

Броженіе. Общія понятія о броженіи. Организованные и неорганизованные ферменты. Главнѣйшіе виды броженія. Предохраненіе органическихъ веществъ отъ гніенія. Антисептики. Консервація дѣрева.

Зерновой хлѣбъ. Общія понятія о составѣ и строеніи зеренъ. Помоль. Исслѣдованіе муки и качества помола: опредѣленіе влажности, количества отрубей, золы, жернового песку, подмѣси минеральныхъ веществъ, присутствія куколя и спорыньи. Проба муки хлороформомъ. Испытаніе на подмѣсь муки нисшаго достоинства (напримѣръ картофельной въ пшеничной). Хлѣбпеченіе.

Крахмалъ. Составъ крахмала и распространеніе въ природѣ. Отличительныя признаки крахмальныхъ зеренъ разныхъ растеній. Дѣйствіе ферментовъ и кислотъ на крахмалъ. Количественное опредѣленіе крахмала (по удѣльному вѣсу и химическимъ путемъ). Добываніе крахмала и его употребленіе. Полученіе крахмального сахара (декстрозы) и крахмальной камеди (декстрина) и ихъ употребленіе.

Сахаръ (тростниковый); его свойства и растенія, изъ которыхъ онъ получается. Составъ свекловичнаго сока. Свеклосахарное производство. Храненіе свеклы, промывка, рѣзка, прессованію, диффузія. Составъ и доброкачественность диффузионнаго сока. Полученіе сахарнаго песку и его рафинированіе. Патока, ея составъ и утилизація. Исслѣдованіе свекловичнаго сока, кристаллическаго сахара и патоки. Сахарометръ и поляризаціонный аппаратъ.

Спиртъ. Матеріалы пригодные для винокурения. Винокурение изъ злаковъ. Предварительная обработка матеріаловъ. Приготовление солода и осахариваніе. Испытаніе сладкаго сусла. Дрожжи; условія, благоприятствующія или вредящія ихъ развитію. Спиртовое броженіе и побочные виды броженія сусла. Опредѣленіе содержанія алкоголя въ перебродившемъ суслѣ. Выдѣленіе изъ бражки алкоголя. Понятіе о перегонныхъ аппаратахъ. Проба барды на алкоголь. Контрольный аппаратъ. Очистка спирта. Алкоголометрия. Особенности винокурения изъ патоки. Испытаніе патоки. Свойства примѣненія паточнаго спирта. Утилизациа побочныхъ продуктовъ винокуреннаго производства.

Пиво. Матеріалы для пивоваренія и ихъ испытаніе. Приготовление солода и сусла. Броженіе сусла. Проба сусла сахарометромъ. Сохраненіе пива. Составъ пива и его изслѣдованіе. Опредѣленіе алкоголя, угольной кислоты, экстракта, золы и фосфорной кислоты. Подмѣси.

Вино. Строеніе и составъ виноградной ягоды. Полученіе винограднаго сусла и его броженіе. Уходъ за молодымъ виномъ. Процессы, происходящія при созрѣваніи вина. Составъ натурального вина и понятіе объ его изслѣдованіи. Сохраненіе вина. Болѣзни вина и ихъ устраненіе. Приготовление полувиновъ (шаптализация, галлизация, петитизация). Искусственныя вина; фальсификація виновъ.

Уксусъ. Матеріалы для приготовления уксуса. Уксусное броженіе. Приготовление уксуса. Опредѣленіе уксусной кислоты.

Жиры, масла и смолы.

Жиры и масла. Составъ и классификація ихъ. Твердые жиры и салотопленіе. Способы переработки сала на стеаринъ, полученіе глицерина и искусственнаго масла. Воскъ и его суррогаты. Свѣчи. Растительныя масла и ихъ подраздѣленіе. Маслобояное и маслоэкстракціонное производства. Примѣненіе растительныхъ маселъ.

Смолы. Общія понятія о смолахъ. Древесная смола и смолокурение. Полученіе канифали и скипидара.

Полученіе древесной извести, уксусной кислоты, древеснаго спирта и дегтя.

Каучукъ и гутаперча. Очищеніе, вулканизация и приготовленіе издѣлій.

Лаки. Общія понятія о свойствахъ и приготовленіи лаковъ.

Мыла. Составъ и свойства мыла. Матеріалы, служащія для мыловаренія. Приготовление простаго натроваго мыла. Калийное мыло,

мыло на фуксовомъ стеклѣ и смоляное мыло. Изслѣдованіе мыла: опредѣленіе воды, щелочи, жирныхъ кислотъ и не обмыленного жира и подмѣсей. Примѣненіе мыла для опредѣленія жесткости воды.

Волокнистыя вещества.

Кожа. Микроскопическое строеніе кожи и ея свойства. Дѣйствіе на кожу воды, кислотъ и щелочей. Обработка шкуръ. Бученіе и дубленіе кожъ. Дубильныя вещества. Опредѣленіе дубильныхъ кислотъ въ дубильныхъ матерьялахъ. Способы дубленія и признаки кожъ дубленыхъ таниномъ, квасцами и жирами. Окончательная отдѣлка кожъ. Утилизациа отбросовъ кожевеннаго производства.

Бумага. Матеріалы, служащія для приготовленія бумаги; ихъ сортировка и очистка. Бученіе, бѣленіе, проклейка и окраска бумажной массы. Листоформованіе и окончательная отдѣлка бумаги.

Прядильныя волокна. Классификаціа прядильныхъ волоконъ. Микроскопическіе признаки и отношеніе къ реактивамъ различныхъ прядильныхъ волоконъ. Общія понятія о приготовленіи пряжи и тканей изъ хлопчатой бумаги, пеньки, льна, шерсти и шелка. Бѣленіе и аппретура.

Окрашиваніе тканей. Способы укрѣпленія красокъ на тканяхъ. Протравы и загустки. Естественные пигменты растительнаго и животнаго происхожденія и ихъ употребленіе. Искусственные органическіе (дегтарные) пигменты, ихъ составъ, общія понятія о полученіи ихъ изъ каменноугольнаго дегтя и ихъ примѣненіе. Окрашиваніе минеральными красками.

Обработка животныхъ отбросовъ.

Кость. Составъ кости и продукты изъ нея получаемые. Приготовленіе костянаго жира, костяной муки, костянаго угля, костянаго клея, фосфата и фосфора.

Шубный клей. Матеріалы, служащія для его приготовленія; ихъ сохраненіе и обработка. Клеевареніе. Рыбій клей.

Альбуминъ. Его полученіе и примѣненіе.

Желтая и красная синильныя соли. Ихъ полученіе и примѣненіе.

Амиакъ и его соли. Ихъ полученіе и примѣненіе.

ПРОГРАММА ГЕОГРАФИИ СЪ ЭТНОГРАФИЕЙ.

I. Общее землѣдѣніе.

Положеніе земли въ солнечной системѣ.—Фигура земли.—Величина и средняя плотность земли.—Движеніе земли.—Времена года.—Оріентированіе на земной поверхности.—Градусная сѣть.—Опредѣленіе широты и долготы.—Составленіе картъ.—Главнѣйшія картографическія проекціи.—Классификація картъ.—Распредѣленіе суши и воды на земной поверхности.—Континенты: ихъ границы, величина, форма, названія, соотношенія.—Вопросъ объ антарктическомъ континентѣ.—Берега.—Измѣненіе ихъ подъ дѣйствіемъ моря.—Главнѣйшіе типы береговъ.—Географическое распредѣленіе главнѣйшихъ областей фюрдовъ, лагуновъ, приморскихъ дюновъ.—Доступность береговъ.—Виды естественныхъ гаваней.

Полуострова; ихъ распредѣленіе по континентамъ; ихъ классификація.—Острова.—Распредѣленіе на земной поверхности.—Способы происхожденія.—Классификація острововъ.—Вулканическіе и коралловые острова, ихъ распредѣленіе и происхожденіе.

Вертикальное разчлененіе суши.—Силы, измѣняющія рельефъ земной поверхности.—Области со складчатымъ строеніемъ пластовъ и области горизонтальнаго напластованія.—Горныя цѣпи и горныя системы.—Теорія ихъ происхожденія.—Географическое распредѣленіе главнѣйшихъ изъ нихъ.—Преобладающія направленія.—Симметричныя и несимметричныя горныя системы.—Продольныя и поперечныя долины.—Вершины и перевалы.—Способы опредѣленія высотъ.—Формы вершинъ.—Свѣжная линія и ея различное положеніе.—Ледники и ихъ географическое распредѣленіе.—Разрушеніе горъ.

Вулканы; ихъ географическое распространеніе.—Дѣйствующіе и потухшіе вулканы Европы и Азіи.—Грязные вулканы.—Землетрясенія и способы наблюденія надъ ними.—Сейсмическія области.

Плоскогорья.—Теорія ихъ происхожденія.—Ихъ географическое распредѣленіе.—Области отложенія.—Низменности; ихъ распредѣленіе и занимаемое ими пространство.—Области распространенія лёсса и чернозема.—Области, лежащія ниже уровня моря; ихъ географическое распредѣленіе.

Озера.—Распредѣленіе важнѣйшихъ группъ.—Величина, высота надъ уровнемъ моря и глубина важнѣйшихъ изъ нихъ.—Прѣсныя и

соленныя озера.—Важнѣйшія изъ соленыхъ озеръ; ихъ характеристика.—Способы происхожденія озеръ.—Классификація ихъ.—Озера, бывшія частями моря.—Способы изслѣдованія озеръ.—Температура озеръ. Отложенія на днѣ ихъ.—Измѣненія и высыханіе озеръ.—Болота.

Рѣчки.—Образованіе овраговъ.—Рѣчныя долины.—Ручьи, источники, водопады.—Пещеры.—Три отдѣла теченія рѣкъ.—Сила размыванія.—Пороги.—Образованіе террасъ.—Отложеніе осадковъ.—Теченіе въ различныхъ частяхъ рѣки.—Берега рѣкъ и ихъ измѣненіе.—Законъ Бэра.—Глубина рѣкъ.—Плѣсы и перекаты.—Устья рѣкъ.—Дельты; ихъ образованіе, виды, географическое распредѣленіе.—Лиманы.

Измѣненія уровня воды въ рѣкахъ.—Классификація рѣкъ по условіямъ разлива.—Высыханіе рѣкъ.

Рѣчныя системы.—Главная рѣка и притоки.—Водораздѣлы.—Измѣненіе рѣчныхъ системъ.

Характеристика главнѣйшихъ рѣкъ Азіи, Европы, Африки и Америки.

Распредѣленіе моря на земной поверхности.—Океаны, ихъ границы, величина, очертанія, названія.—Моря; ихъ классификація и распредѣленіе.—Способы опредѣленія морскихъ глубинъ.—Распредѣленіе рельефа морского дна.—Отложенія на днѣ океановъ; ихъ классификація и распредѣленіе.—Уровень моря.—Способы констатирования его различій.—Измѣненіе уровня: періодическія и вѣковыя; положительное и отрицательное.—Гипотезы для объясненія вѣковыхъ измѣненій уровня.

Морская вода; ея свойства; географическое распредѣленіе различныхъ степеней плотности.—Температура морей; способы изслѣдованія.—Температура верхнихъ слоевъ и ея измѣненія.—Температура глубинной воды.

Морской ледъ; его образованіе и географическое распредѣленіе.—Айсберги.—Куполы льда у сѣвернаго и южнаго полюсовъ.—Движенія моря.—Главнѣйшія морскія теченія.

Климатическіе факторы.—Вліяніе неравномѣрнаго распредѣленія суши и моря.—Вліяніе высоты надъ уровнемъ моря (вліяніе горъ и плоскогорій).—Климатическія зоны.—Характеристика полярнаго климата.—Главнѣйшія климатическія области умѣренной зоны: климатъ Западной Европы, Европейской Россіи, Западной и Восточной Сибири, Арало-Каспійскихъ степей, нагорной Азіи, Соединенныхъ Штатовъ, субтропическая область Средиземнаго моря, кли-

матъ Китая и Японіи.—Характеристика климата вообще и нѣкоторыхъ областей его въ частности.—Области умѣренной зоны въ южномъ полушаріи.—Вопросъ о вѣковомъ измѣненіи климата.

Условія, опредѣляющія географическое распространеніе растеній.—Растительныя зоны.—Растительныя формации (тропическій лѣсъ, лиственный и хвойный лѣсъ, саванны, степи, пустыни, и т. д.).—Альпійская флора.—Главнѣйшія фитогеографическія области и наиболѣе характерныя формы ихъ.—Способы распространенія растеній.—Вліяніе человѣка на измѣненіе географическаго распространенія растеній.—Культурныя растенія; вѣроятное происхожденіе и распространеніе главнѣйшихъ изъ нихъ.

Зоогеографическія зоны.—Главнѣйшія зоогеографическія области.—Полярная зона.—Альпійская фауна.—Островныя фауны.—Способы распространенія животныхъ.—Періодическія миграціи.—Вліяніе человѣка на распространеніе животныхъ.—Прирученныя животныя; вѣроятное происхожденіе и распространеніе ихъ.—Животная жизнь въ морскихъ глубинахъ.

Географическое распредѣленіе главнѣйшихъ породъ человѣчества.—Острова, полуострова, горы, низменности, пустыни, степи, озера, рѣки—въ отношеніи къ исторіи расселенія и культуры человѣка.—Географическое распредѣленіе важнѣйшихъ группъ религій.—Географическое распредѣленіе главныхъ группъ языковъ.—Связь древнѣйшихъ цивилизацій съ рѣками.—Постепенное ознакомленіе человѣка съ моремъ.—Расселеніе племенъ.—Постепенное расселеніе европейцевъ въ другія части свѣта.—Вопросъ о европейскихъ колоніяхъ подъ тропиками.

II. Спеціальная географія (частей свѣта и отдѣльныхъ странъ).

Общая схема.

Географическое положеніе, границы, занимаемое пространство.—Моря, берега и острова (если это часть свѣта или страна, прилегающая къ морю).

Орографическое строеніе области.—Горы, плоскогорья, вулканы, низменности.

Озера и рѣки.

Климатъ.

Растительный міръ.

Животный міръ.

Населеніе: этнографическій составъ, численность, плотность, разселеніе.

Матеріальная культура; промышленность, торговля. Духовная культура.

III. Общая этнографія.

Породы или расы человѣчества.—Морфологическіе и анатомическіе признаки ихъ (цвѣтъ кожи, волоса, ростъ, черепъ).—Дѣленіе на племена.—Главнѣйшія группы языковъ.—Доисторическій человѣкъ (въ Европѣ).

Матеріальная культура первобытныхъ народовъ.—Охотничій (рыболовный), скотоводческій, земледѣльческій бытъ.—Орудія, оружія и украшенія дикарей.—Одежда.—Жилища.—Способы добыванія огня и приготовленія пищи.—Способы передвиженія.—Первобытныи обмѣнъ; торговля, война и рабство у первобытныхъ народовъ.

Общественный строй, нравственность и религія у первобытныхъ народовъ.—Вѣрованіе въ загробную жизнь.—Одухотвореніе природы.—Анимизмъ, фетишизмъ, шаманизмъ.

Искусство у первобытныхъ народовъ: поэзія, музыка, архитектура, скульптура, живопись, танцы.—Начало письма.—Начатки наукъ (счетъ, астрономическія понятія, географическія свѣдѣнія).

ОРГАНИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ И МЕХАНИЧЕСКАЯ ПРИЧИНОСТЬ.

Причинность и цѣлесообразность суть два различные способа соединеніи звеньевъ, которыя слагаютъ изъ себя процессъ, совершеніе; то, что варьируетъ въ природѣ, въ послѣдующія времена не остается тѣмъ же, чѣмъ было въ предыдущія. Присутствіе одного или другаго способа налагаетъ извѣстныя опредѣленныя черты на самый процессъ, и наблюдая ихъ—мы можемъ открыть его. Какъ и повсюду въ наукѣ, здѣсь пріобрѣтаетъ опредѣленный смыслъ и становится возможною для разрѣшенія задача: по данному наблюдаемому опредѣлить скрытое, что съ нимъ связано нѣкоторымъ опредѣленнымъ способомъ.

Такимъ образомъ, зависимость формы процесса и того, что возникаетъ по его окончаніи, отъ способа соединенія звеньевъ, изъ которыхъ слагается онъ—есть первое, что предстоитъ разрѣшить въ вопросѣ о причинномъ или цѣлесообразномъ происхожденіи и устройствѣ органическаго міра.

Различіе между причинностью и цѣлесообразностью состоитъ въ различномъ отношеніи наблюдаемаго измѣненія къ тому, что служитъ для него основаніемъ. Всякій разъ, когда это основаніе или предшествуетъ ему во времени, или съ нимъ одновременно—мы называемъ самое измѣненіе причиннымъ; напротивъ, если это основаніе лежитъ въ томъ, что слѣдуетъ за измѣненіемъ во времени, мы называемъ измѣненіе цѣлесообразнымъ. Такъ, движеніе, вызванное толчкомъ, или колебаніе различной цѣны продукта въ зависимости отъ спроса и предложенія, есть измѣненіе причинное; построеніе же здания или установленіе какихъ-нибудь политическихъ отношеній есть часть сслхш, отд. 2.

измѣненіе цѣлесообразное, такъ какъ здѣсь ожидаемое въ будущемъ есть основаніе, по которому совершается и съ чѣмъ сообразуется то, что происходитъ. Ясно, что, такъ какъ предшествованіе, одновременность и послѣдованіе исчерпываютъ возможные отношенія между собою звеньевъ и во всякомъ процессѣ, то никакого инаго характера, кромѣ причиннаго или цѣлесообразнаго, между ними не можетъ существовать. Они исчерпываютъ собою сферу варіированія въ природѣ, не оставляя мѣста въ ней для чего-либо третьяго.

Эта невозможность третьяго допускаетъ при частныхъ изслѣдованіяхъ природы замѣну прямого и положительнаго доказательства (гдѣ оно почему-либо неудобно)—косвеннымъ и отрицательнымъ: всякій разъ, когда достаточно обнаружено, что данный процессъ не есть причинный, съ равною достаточностью обнаружено, что онъ цѣлесообразенъ, и на оборотъ.

Теперь установимъ важнѣйшія соотношенія, которыя существуютъ между звеньями всякаго процесса, совершающагося по способу механически дѣйствующей причинности. Эти соотношенія вытекаютъ изъ самыхъ понятій „причины“ и „дѣйствія“ и изъ условія, что первая здѣсь или предшествуетъ второму, или съ нимъ одновременна. Вслѣдствіе того, что очевидность этихъ соотношеній очень близка къ аксіоматичности, строгое доказательство ихъ очень трудно и сложно. Мы поэтому опустимъ здѣсь эти доказательства, не отказываясь однако представить ихъ, еслибъ это потребовалось. Но по очевидности нижеприводимыхъ положеній, требованія доказать ихъ едва ли можно ожидать. И въ механикѣ такія понятія, какъ инертность, не доказываются, но лишь разъясняются. При механически дѣйствующей причинности:

I. То, въ чемъ измѣненіе, и то, откуда оно, всегда раздѣльны. Этотъ первый и основной принципъ устанавливаетъ двойственность во всякомъ механическомъ процессѣ, отрицаетъ единство существа, въ которомъ онъ могъ бы быть замкнутъ. Какимъ бы внутреннимъ ни представлялось для насъ явленіе (напримѣръ, въ органахъ растенія или животнаго), всякій разъ, когда мы называемъ его причиннымъ, мы ничего другаго и не говоримъ о немъ, какъ только то, что оно вызвано основаніемъ, которое лежитъ внѣ его, что оно произведено или предшествующимъ, или окружающимъ. Представленіе раздѣльности причиняющаго и того, чему что-либо причиняется, не отдѣлимо отъ представленія механизма; оно тождественно съ нимъ, есть его опредѣленіе. При этомъ, когда основаніе предшествуетъ из-

мѣненію, оно отдѣлено отъ него временемъ; когда одновременно съ нимъ—отдѣлено пространствомъ, не совмѣщается съ нимъ.

Это первое положеніе о механически дѣйствующей причинности, которое мы назвали бы принципомъ раздѣльности измѣняющаго отъ измѣняемаго, влечетъ за собою нѣкоторыя слѣдствія, которыя могутъ считаться только его модификаціями; они слѣдующія:

1) Причиненіе въ механически совершающемся процессѣ всегда бываетъ наружное; отсутствіе чего-либо внутренняго есть постоянный и необходимый признакъ всякаго механическаго процесса въ его цѣломъ.

2) Измѣняемое по механически причинному способу всегда бездѣтельно по отношенію къ этому измѣненію, которое въ немъ возникаетъ. Это извѣстное начало инертности, которое признается въ механикѣ первоначальнымъ требованіемъ для вещества и логически распространяется на все, о чемъ мы утверждаемъ, что оно подчинено только механизму. Если съ неопредѣленнаго вещества, рассматриваемаго въ механикѣ, мы перенесемъ понятіе инертности на отдѣльныя существа, то можемъ разумѣть подъ нею его безразличіе къ тому, чѣмъ стать.

Замѣтимъ, что принципъ инертности не есть первоначальный для вещества, какъ это устанавливается въ механикѣ: онъ вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ наружности всякаго механическаго причиненія, которое въ свою очередь опирается на раздѣльность въ немъ измѣняющаго отъ измѣняемаго. Однако принципъ этотъ необыкновенно важенъ. Онъ кладетъ грань, откуда расходятся два великіе порядка природы: одинъ, въ которомъ господствуетъ безжизненное подчиненіе—это мертвая природа, и другой, въ которомъ господствуетъ вѣчная дѣятельность—царство жизненнаго напряженія.

Нельзя обойти молчаніемъ, что изъ принципа инертности прямо вытекаетъ требованіе, что сила, какъ причина измѣненія, имѣетъ наружное положеніе по отношенію къ веществу, что она не есть его свойство, нисколько не истекаетъ изъ него, но напротивъ облекаетъ его собою и движетъ; по крайней мѣрѣ это такъ по отношенію ко всякой силѣ, дѣйствующей по способу механической причинности. Представленіе, что сила есть свойство вещества, какъ кажется, не имѣетъ другаго основанія, кромѣ такъ часто повторяемой мысли, что „нѣтъ силы безъ вещества“. Но это основаніе таково, что на него нечего опереть: не все то, что неизмѣнно сопутствуетъ другому, что отъ него не отдѣлимо, есть поэтому и его свойство. Вогнутость не от-

дѣлима отъ выпуклости, и однако равнозначуща ей и противоположна по направленію. Постоянно сопутствующее другъ другу, тотчасъ исчезающее съ исчезновеніемъ другаго—не всегда относится даже къ одному порядку явленій: чувство грусти, выраженное въ нарисованномъ образѣ и волнующее насъ, не отдѣлимо отъ чертъ и красокъ, которыми нарисованъ образъ, и однако не имѣетъ съ ними ничего общаго. Заимѣтимъ еще, что сила всемірнаго тяготѣнія или дѣйствуетъ не такъ, какъ это представлялъ Ньютонъ, или, если его представленіе было справедливо—она не есть сила механическая. Единственный способъ представленія ея, совмѣстный съ механизмомъ, есть тотъ, который придуманъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія женевскимъ ученымъ Лесажемъ. И дѣйствительно, очень простое соображеніе можетъ убѣдить, что причина взаимнаго тяготѣнія тѣлъ другъ къ другу не можетъ лежать въ самыхъ тѣлахъ, какъ ихъ свойство, но внѣ ихъ, снаружи, какъ нѣчто облегающее ихъ и давящее на нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы согласимся на первое, то спрашивается: какъ проявится это свойство въ частицѣ вещества, если она одна? и если очевидно, что въ ней не можетъ быть тяготѣнія, потому что ей не къ чему тяготѣть, то какъ можемъ мы думать, что то, чего не находится ни въ какой частицѣ, взятой отдѣльно, находится въ каждой изъ нихъ, когда онѣ собраны вмѣстѣ?

Второй принципъ механически дѣйствующей причинности основывается на одномъ изъ указанныхъ выше слѣдствій и можетъ быть выраженъ такъ:

II. Механическое причиненіе всегда происходитъ по способу прикосновенія. Это начало вытекаетъ изъ наружности всякаго механическаго причиненія, что, въ свою очередь, опирается на то, что основаніе въ этой причинности всегда лежитъ внѣ слѣдствія, или ему предшествуя во времени, или съ нимъ не совмѣщаясь въ пространствѣ. Такъ какъ прикосновеніе можетъ быть лишь между тѣмъ, что имѣетъ въ пространствѣ мѣсто, и притомъ занимаетъ его такъ, что имѣетъ границы начала и окончанія (черезъ которыя и происходитъ соприкосновеніе), то понятно становится, почему сферою механизма всегда считалась только область грубаго вещества: оно одно замѣщаетъ собою пространство и разграничиваетъ его своими частями.

Повсюду, гдѣ наука выходила изъ сферы вещества и пыталась сохранить механически-причинный способъ объясненія (напримѣръ, въ психологіи, этикѣ, политикѣ, исторіи), ея указанія по этому самому

теряли ясность и опредѣленность. Мы можемъ замѣтить только, что разсматриваемый способъ объясненія въ этихъ сферахъ духовной и исторической жизни долженъ выразиться тѣмъ, что причины каждаго изучаемаго факта должны быть относимы или къ фактамъ предшествующимъ въ той же духовной или исторической жизни, или къ окружающимъ вліяніямъ; въ послѣднемъ же анализѣ — только къ послѣднимъ. Ибо и каждый предшествующій фактъ въ свою очередь долженъ разложиться на часть, произведенную еще ранѣе предшествовавшимъ фактомъ, и на часть, произведенную окружающими условіями и т. д., до тѣхъ поръ, пока въ началѣ не окажется духъ человѣческой, какъ *tabula rasa*, какъ чистая способность воспринимать вліянія, и окружающая природа, какъ источникъ этихъ вліяній. Объ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ сказать, что они бываютъ трехъ родовъ: какъ понужденіе, напримѣръ, къ большей или меньшей степени труда, какъ способствованіе, напримѣръ, къ той или иной формѣ труда, и какъ впечатлѣніе. Два первые рода вліяній обуславливаютъ собою внѣшнюю и матеріальную сторону жизни, ея способъ; третій родъ—духовную, опредѣляя ея характеръ и содержаніе. Кромѣ отсутствія ясности и опредѣленности, въ этихъ объясненіяхъ слѣдуетъ отмѣтить еще одну сторону, и притомъ самую важную: они никогда не бываютъ объясненіями достаточными.

Изъ принципа прикосновенія вытекаютъ слѣдующія положенія:

1. Измѣненіе, возникающее по началамъ механической причинности, всегда есть перемѣщеніе. Это потому, что занимающее мѣсто въ пространствѣ и имѣющее границы въ немъ, можетъ дѣйствовать на что-либо внѣшнее для себя не иначе, какъ перемѣщаясь; при чемъ границы его стремятся занять мѣсто, занятое границами внѣшняго. И такъ какъ совмѣстность ихъ не возможна, иначе одно изъ нихъ стало бы внутреннимъ для другаго, что противорѣчитъ постоянной раздѣльности въ механизмѣ измѣняющаго отъ измѣняемаго, то и происходитъ перемѣщеніе внѣшняго. Отсюда вытекаетъ опредѣленіе сферы механизма.

2. Сфера механизма есть движеніе, его количество и направленіе. Это потому, что перемѣна мѣста и есть движеніе, которое можетъ быть разсматриваемо лишь въ двухъ отношеніяхъ: количества и направленія. Масса движущагося и скорость движенія, что также разсматривается въ механикѣ, суть только элементы, на которые разлагается при дальнѣйшемъ анализѣ количество движенія.

3. Измѣненіе въ механическомъ процессѣ всегда возникаетъ въ направленіи обратномъ положенію, занимаемому причиною, которая его вызвала. Это положеніе представляется намъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ, которыя вытекаютъ изъ разсматриваемаго начала. Оно раскрываетъ истинное отношеніе, которое существуетъ между каждымъ двумя смежными звеньями механическаго процесса, опредѣляя его какъ отталкиваніе. Такимъ образомъ, механическія причины всегда суть причины вымѣщенія, выхода изъ прежняго положенія (и на сколько имъ обусловлено—состояніа); ихъ дѣйствіе не простирается далѣе настоящаго, которое онѣ разрушаютъ. Реальность и ограниченность присущи имъ въ высшей степени: ихъ каждое дѣйствіе становится фактомъ, но этотъ фактъ можетъ имѣть мѣсто только здѣсь и теперь. Никакое вліяніе на отдаленное или будущее, согласованіе того и другаго съ настоящимъ—не доступно для нихъ. Единственное, что предопредѣляютъ собою онѣ, это то, что наблюдаемая реальность (предметъ ихъ воздѣйствія) не сохранится болѣе, и что имѣющее возникнуть на ея мѣстѣ—будетъ уже иное, съ нею не сходное. Далѣе этихъ стрипательныхъ представленій, которыя оставляютъ мѣсто для безграничнаго множества положительныхъ, мы не можемъ пойти, наблюдая механическія причины. Быть можетъ, имъ же, механическимъ причинамъ, будетъ принадлежать и опредѣленіе положительнаго образа того, что замѣститъ разрушаемое настоящее; но эти причины будутъ уже внѣ всякой зависимости отъ теперь и здѣсь дѣйствующихъ, явятся по отношенію къ нимъ въ высшей степени побочными и случайными.

III. Въ механической причинности слѣдствіе или не варьируетъ, или варьируя разсѣвается по мѣрѣ удаленія отъ причины, его вызвавшей. Если начало отталкиванія опредѣляетъ внутреннюю связь между отдѣльными звеньями всякаго механическаго процесса, то начало, къ которому мы переходимъ теперь, опредѣляетъ форму этого процесса въ его цѣломъ. Основывается оно на необходимости тождества между содержимымъ причины и содержимымъ слѣдствія. Мы не будемъ здѣсь приводить полнаго доказательства, почему это тождество никакимъ образомъ не можетъ быть нарушено, и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что всякое подобное нарушеніе было бы или абсолютнымъ исчезновеніемъ нѣкоторой реальности, или возникновеніемъ реальности же изъ ничего. Причина и ея слѣдствіе есть одно, но различно размѣщенное и

въ послѣдующія времена съ инымъ соотносящееся, нежели съ чѣмъ соотносилось прежде, — откуда и возникаетъ кажущееся несходство между ними. Хорошимъ поясненіемъ этой истины можетъ служить простѣйшій видъ механизма, движеніе: оно ни во что не преобразуется, кромѣ движенія же, и если иногда переходитъ въ явленія, по видимому, не имѣющія ничего общаго съ перемѣщеніемъ (теплота, свѣтъ и проч.), то болѣе глубокое изученіе этихъ явленій обнаружило во всѣхъ ихъ присутствіе движенія же, но только происходящаго въ иной средѣ (напримѣръ, въ эфирѣ) и по иному способу.

Если этотъ общій законъ мы примѣнимъ къ двумъ видамъ механической причинности, сосуществованіямъ и преемствамъ, то и получимъ начало, только-что формулированное выше. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ слѣдствіе одновременно со своимъ основаніемъ, оно не варьируетъ, ему чуждъ процессъ, потому что оно не можетъ ни отойти отъ своего основанія во времени, ни воспринять въ себя какого-либо различія сравнительно съ нимъ: послѣднее возникало бы изъ ничего. Характернымъ примѣромъ такой одновременной и неподвижной зависимости можетъ служить рыночная цѣна продукта, которая остается тою же, не варьируетъ, пока не варьируетъ соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ; или неподвижное стояніе приподнятаго груза на одной чашкѣ вѣсовъ, пока на другую ея чашку давить наша рука. Чтобы точнѣе опредѣлить важный здѣсь терминъ „не варьируетъ“, замѣтимъ, что онъ обозначаетъ отсутствіе количественнаго измѣненія въ слѣдствіи сравнительно съ причиною, что, отрицая въ немъ всякое умаленіе, онъ отрицаетъ и всякое возрастаніе въ немъ, и притомъ не только дѣйствительное, но хотя бы и кажущееся.

Такъ происходитъ въ сосуществованіяхъ. Въ преемствахъ слѣдуетъ различать два случая: одинъ, когда къ созданному слѣдствію не приходится на всемъ протяженіи безконечнаго времени никакого воздѣйствія новыхъ причинъ, и другой, когда оно подвергается такому воздѣйствующему вліянію. Первый случай возможенъ въ отвлеченія, и, быть можетъ, имѣетъ мѣсто въ обращеніи небесныхъ свѣтилъ. Его примѣръ — движеніе тѣла, получившаго ударъ, которое безъ привходящихъ воздѣйствій становится безконечнымъ и равномернымъ. Собственно причина безконечности здѣсь лежитъ въ томъ, что первое слѣдствіе (перемѣщеніе тѣла на разстояніе, равное тому, которое было пройдено ударившимъ тѣломъ) безъ привходящей причины не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ только своимъ

повтореніемъ, то-есть, по закону тожества между причиною и слѣдствіемъ, движеніемъ такимъ же по величинѣ и скорости и такъ же направленнымъ, это послѣднее можетъ перейти опять только въ движеніе, и т. д. до безконечности. Этотъ первый случай являетъ то же отношеніе слѣдствія къ причинѣ, какое мы наблюдаемъ въ сосуществованіяхъ: слѣдствіе и здѣсь не варьируетъ, оно вытягивается въ процессъ, всѣ звенья котораго тождественны между собою, и рядъ ихъ безконеченъ. Отмѣтимъ, что и здѣсь, на ряду съ отсутствіемъ уменія, отсутствуетъ и какое-либо возрастаніе.

Второй случай обнимаетъ собою все въ природѣ, ему подчинена она если не въ цѣломъ своемъ, то въ томъ, что заключено въ ея нѣдрахъ, что не она, но въ ней. Разсмотримъ и здѣсь соотношеніе между причиною и слѣдствіемъ.

Первое слѣдствіе повторяетъ собою причину, но пусть уже во второй моментъ своего существованія оно встрѣчаетъ привходящее воздѣйствіе новой причины, отъ первой независимой. Оно тотчасъ раздѣляется: противодѣйствуя (по закону механики) второй причинѣ, оно часть себя отдаетъ на это противодѣйствіе. Пусть далѣе оставшаяся часть подвергается новому воздѣйствію третьей привходящей причины: на противодѣйствіе ей слѣдствіе опять отдаетъ часть себя, и слѣдовательно продолжаетъ существовать уже какъ часть части. Законъ тожества между причиною и слѣдствіемъ при этомъ не нарушается: первая сохраняется, но только раздѣленною, и одна часть ея существуетъ въ одномъ мѣстѣ пространства, другая — въ другомъ. Наконецъ, когда въ безконечномъ времени число воспринимаемыхъ первою причиною (собственно уже ея частями) воздѣйствій становится безграничнымъ, безграничнымъ становится и число частицъ, на которыя она раздѣляется: въ текущемъ времени она разсѣивается; нисколько не умаляясь въ дѣйствительности, она становится не наблюдаемою болѣе, не изслѣдимою. Это и производитъ то, что мы обозначаемъ словомъ „исчезновеніе“; оно относится къ полю наблюденія, къ сферѣ созерцаемаго.

Такъ какъ этотъ послѣдній случай имѣетъ очень обширное мѣсто въ природѣ и характеренъ для соотношенія между причиною и слѣдствіемъ, то и самое начало, его включающее, мы назовемъ началомъ разсѣянія. Оно опредѣляетъ, что механическая причина, никогда не возрастая въ послѣдующихъ модификаціяхъ, обыкновенно уменьшается въ нихъ черезъ разсѣяніе. Всякое возрастаніе, усложненіе въ строе-

ніи и расширеніе въ содержаніи безусловно чуждо механической причинности, никакимъ образомъ не объяснимо изъ нея.

Никогда не возростая, причины могутъ, однако, если что-либо направляетъ ихъ дѣйствіе къ одному центру, произвести возростаніе въ томъ, что ими создается. Какъ на примѣръ подобнаго явленія, можно указать на возростаніе сталактитовъ и сталагмитовъ въ пещерахъ, верхніе покровы которыхъ содержатъ воду и известь. Можно замѣтить о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что 1) возростаніе въ одномъ мѣстѣ здѣсь совершается на счетъ разсѣянія во всѣхъ окружающихъ мѣстахъ (вода просачивающаяся и уносимая известь въ сталактитовыхъ пещерахъ) и 2) возрастающее пріобрѣтаетъ въ послѣдующія времена различія количественныя, но никогда—качественныя; оно однородно, ему чуждо строеніе, если этого строенія уже не было въ расположеніи причинъ.

IV. Механически причинный процессъ есть всегда неопредѣленный: начало ограниченія, принудительныхъ формъ или не переступаемыхъ предѣловъ—чуждо ему.

Это свойство механическихъ процессовъ обуславливается направленіемъ въ нихъ слѣдствія, которое обратно положенію причины. Связанныя отношеніемъ отталкиванія звенья каждаго такого процесса имѣютъ опредѣленность въ прошедшемъ, которое уже было, которое есть фактъ или явленіе, этотъ опредѣленный, а не какой-нибудь вообще; но они не имѣютъ опредѣленности въ будущемъ, ея нѣтъ для того, что имѣетъ наступить. Каждое послѣдующее звено здѣсь опредѣлено (предыдущими звеньями) только для перваго момента своего существованія, но уже не опредѣлено для втораго, когда воздѣйствіе ни съ чѣмъ предыдущимъ не согласованной новой причины можетъ измѣнить его внѣ всякаго соотношенія съ тѣмъ, чѣмъ оно было ранѣе. По закону тождества между содержимымъ причины и содержимымъ слѣдствія и согласно принципу, что въ механизмѣ измѣняемое бездѣятельно по отношенію къ измѣненію, которое въ немъ возникаетъ, каждое явленіе въ механически причинномъ процессѣ, которое является послѣднимъ, или должно вѣчно оставаться тождественнымъ себѣ, или измѣняться, но лишь отъ привходящихъ причинъ. И такъ какъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ не предопредѣлено въ рядѣ причинъ, предшествующихъ разсматриваемому послѣднему явленію, ни этотъ рядъ никакимъ образомъ не содержится въ нихъ, ни онѣ всѣ—другъ въ другѣ, такъ какъ независимы одна отъ

другой, то ясно, что вообще нигдѣ не предопредѣлено, чѣмъ станетъ въ послѣдующія времена данное наблюдаемое явленіе.

Это по отношенію ко всякому механическому процессу, къ каждому отдѣльному явленію въ немъ и всякой отдѣльной вещи, которая имъ создается. Но въ механизмѣ есть еще и иная неопредѣленность, именно въ соотношеніи между создающимъ и создаваемымъ. Какой бы механической процессъ мы ни наблюдали, сравнивая его повторенія въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ, мы найдемъ, что создаваемое имъ не является необходимо одно, будетъ ли то вещь, состояніе, заканчивающее явленіе; напротивъ, смотря по тому, съ чѣмъ процессъ соотносится, что его окружаетъ и съ нимъ встрѣчается, онъ производитъ различное, самъ оставаясь однако тѣмъ же. Такъ, движеніе производитъ и движеніе же, и теплоту, и звукъ; оно и ускоряетъ движеніе другого тѣла, и замедляетъ или останавливаетъ его. И на оборотъ: вещь или явленіе, которое создается даннымъ наблюдаемымъ процессомъ, создается не необходимо имъ однимъ, но и многими другими процессами, съ нимъ не сходными: такъ теплота, вызванная ударомъ движущагося тѣла, въ иныхъ мѣстахъ вызывается и треніемъ, и гніеніемъ, и лучемъ солнца; или жидкость и разрѣженіемъ твердаго, и сгущеніемъ парообразнаго. Такимъ образомъ въ механической причинности нѣтъ опредѣленнаго соотношенія между вещами (въ обширномъ смыслѣ) и процессами; въ ней каждое существуетъ для многого и черезъ многое, но не для одного и не черезъ одно.

Съ началомъ неопредѣленности аналогиченъ послѣдній принципъ, который мы желаемъ указать въ механически дѣйствующей причинности. Этотъ принципъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ.

V. Ничто въ механически-причинномъ процессѣ не есть преимущественно передъ другимъ часть, и ничто же не есть—преимущественно цѣлое. Понятіе цѣлаго, что уже замкнуто въ себѣ, закончено, что, отсутствуя, дѣлало бы неполнымъ существованіе остальнаго—чуждо всякому механизму и всему, что возникаетъ черезъ него. Нѣтъ въ немъ достаточно великаго, и нѣтъ на столько малаго, о чемъ мы не могли бы сказать, что оно цѣлое. Въ немъ все продолжается, все частично и мелко, ничто и никогда не получаетъ завершения и окончанія. И это также происходитъ отъ направленія слѣдствія, которое обратно положенію причины: въ каждомъ слѣдствіи, которое мы наблюдаемъ какъ послѣднее въ механи-

ческомъ процессѣ, онъ собственно уже законченъ; и если въ дѣйствительности онъ безконечно продолжается, то и самое продолженіе, и всѣ качественныя различія наступающихъ варіацій находятся внѣ всякаго отношенія къ ряду причинъ, лежащихъ въ этомъ именно процессѣ, послѣднее звено котораго мы разсматриваемъ. Такимъ образомъ отсутствіе цѣльности въ механическомъ процессѣ (и въ томъ, что создается имъ) прямо вытекаетъ изъ отсутствія цѣльности въ немъ, его вѣчная частичность—изъ всегдашней неопредѣленности.

Изъ этого начала вытекаютъ слѣдующія положенія:

1) На какой бы стадіи совершенія мы ни прервали механической процессъ, то, чѣмъ онъ заканчивается въ этой стадіи (будетъ ли то вещь или явленіе), не имѣетъ планомѣрнаго строенія.

2) Сколько бы мы ни взяли звеньевъ въ механическомъ процессѣ, ихъ преемство не сложится въ послѣдовательное развитіе.

Здѣсь подъ планомѣрностью строенія мы разумѣемъ такъ согласованное расположеніе частей, что наблюденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ уже открываетъ существованіе остальныхъ, какъ дополненія и завершенія ясно неполнаго и не завершеннаго. Эта согласованность, являясь строеніемъ въ пространствѣ, во времени является послѣдовательностью: какъ тамъ одновременно существующія части, лишь дополняя другъ друга, возростаютъ до цѣлости, такъ здѣсь преемственныя явленія соотносятся такимъ образомъ другъ съ другомъ, что каждое, завершая что-либо въ предыдущемъ, все еще имѣетъ въ себѣ нѣкоторый недостатокъ, который пополнится въ послѣдующемъ,—пока послѣднее явленіе, въ которомъ завершится процессъ, не представитъ собою связанное и замкнутое соединеніе всѣхъ чертъ, которыя порознь и не доконченныя наблюдались уже въ предыдущихъ вѣняхъ процесса, умаляясь съ каждымъ приближеніемъ къ его началу.

3) Механически причинный процессъ можетъ быть всегда прерванъ и всячески измѣненъ, но никогда—разрушенъ. Онъ можетъ быть прерванъ, если напряженіе послѣдняго измѣненія, которое возникаетъ въ немъ, встрѣтитъ сопротивленіе равнаго напряженія, исходящее или изъ какого-нибудь другаго независимаго процесса, или изъ сознательной воли, напримѣръ, человѣка. Онъ можетъ быть всячески измѣненъ, смотря по тому, что будетъ придано къ его послѣднему звену. Но и прекращаясь, онъ не разрушается, потому,

что все, что въ немъ уже совершилось, останется тѣмъ же, а чѣмъ стать ему въ будущемъ (къ этому одному и относится прекращеніе или измѣненіе)—это не было предопредѣлено въ немъ. Понятіе разрушимости не отдѣлимо отъ представленія цѣлости, потому что только къ этому послѣднему и относится. И то, что есть всегда только часть, но и вмѣстѣ—всегда цѣлое, ничего въ себѣ не утрачиваетъ, что бы мы отъ него ни отняли, равно какъ ничего не приобретаемъ, что бы мы къ нему ни присоединили.

4) Въ механически причинномъ процессѣ, и въ томъ что создается имъ, все равнозначущее: понятія главнаго и второстепеннаго, существеннаго и незначущаго—чужды ему. Это опять потому, что въ немъ нѣтъ цѣлости, смотря по отношенію къ которой, мы и различаемъ во всемъ главное отъ второстепеннаго: что необходимо для достиженія цѣлости, что болѣе приближаетъ къ ней—существеннѣе того, безъ чего хотя бы и съ трудомъ, но можетъ быть достигнута эта цѣлость, или что не такъ приближаетъ къ ней, къ завершенію и окончанію.

Вотъ если и не всё, то главныя черты механической причинности, тѣ, по которымъ мы распознаемъ безжизненныя явленія и процессы, мертвую природу. Почти каждая изъ этихъ чертъ, если глубже вдуматься въ нее, представится намъ необыкновенно характерною, чрезвычайно значущею. Отсутствие какого-либо внутренняго принципа для измѣненія, бездѣятельность къ себѣ и безразличіе къ внѣшнему, безсвязность—вотъ эти черты бездушной и холодной природы, которая—вся внѣшность, въ которой одно стремленіе—къ вѣчному покою, къ сохраненію тождества съ прошедшимъ. Но изъ этихъ чертъ самую существенною намъ представляется одна, которая, по видимому, не столь выдѣляется, менѣе бросается въ глаза: это—отсутствие предѣла, грани, принудительной формы. Можетъ быть найдено нѣчто третье, въ чемъ примиряются причинность и цѣлесообразность, гдѣ онѣ соединяются; но раздѣленіе между ними начинается именно съ понятія предѣла: по одну сторону его остается царство безпредѣльнаго, неограниченнаго, могущаго всѣмъ стать, но ни чѣмъ—по необходимости—это и есть царство механической причинности; по другую сторону лежитъ міръ вещей и явленій, подчиненныхъ началу предѣла—это міръ живыхъ формъ, вѣчнаго стремленія осуществить то или иное, и то, что жавитъ эти формы, что устремляетъ эти процессы, есть именно предѣлъ, или какъ осуществленный уже, и тогда онъ только сохраняетъ, или какъ ищущій осуществленія, и

тогда онъ движеть и направляетъ. Понятіе предѣла, грани есть, быть можетъ, самое великое понятіе, которое наука и философія могутъ приложить къ объясненію природы, потому, что онъ самъ, этотъ предѣлъ, есть то, что дѣлаетъ ее тѣмъ, что она есть, есть ея сущность. Снимите это понятіе съ природы, и она обратится въ хаосъ, вложите въ хаосъ это понятіе—и онъ превратится въ космосъ, какъ въ гармонію, какъ въ красоту, какъ въ разумность.

Если же мы захотимъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое это понятіе предѣла, мы увидимъ, что оно есть самый существенный элементъ втораго начала, которое послѣ причинности господствуетъ надъ всѣмъ движущимся и варирующимъ—начала цѣлесообразности. Въ разсмотрѣнію этой послѣдней мы и обратимся теперь.

Несомнѣнные образцы цѣлесообразности даны намъ въ цѣлесообразной дѣятельности самого человѣка. Однако, вывода свои положенія о ней, мы не будемъ только дѣлать обобщенія наблюдаемаго; путь такого изслѣдованія всего болѣе чуждъ намъ. Напротивъ, мы будемъ выводить эти положенія изъ самаго понятія о томъ, что такое цѣль и средство, замыселъ и осуществленіе—что одинаково присуще цѣлесообразности, гдѣ бы и когда она ни происходила. Это не правила антропоморфической цѣлесообразности, это правила всякой цѣлесообразности, находящія свое осуществленіе также и въ человѣческой.

Прежде всего, опредѣлимъ составъ цѣлесообразнаго процесса. Въ отличіе отъ причинности, которая всегда двучленна (причина—слѣдствіе), цѣлесообразность имѣетъ строеніе болѣе сложное; ее образуютъ: цѣль, средство (элементъ, могущій имѣть въ свою очередь весьма сложное строеніе), идея цѣли и разумъ, какъ творческій источникъ неопредѣленнаго числа цѣлесообразныхъ процессовъ. Два послѣдніе элемента цѣлесообразности суть чисто идеальные, и они не могутъ быть открыты ни для кого, кромѣ самаго субъекта, изъ котораго исходитъ цѣлесообразный процессъ; напротивъ два первые элемента могутъ быть и матеріальны. Собственно изъ нихъ и состоитъ цѣлесообразный процессъ, на сколько онъ открывається для внѣшняго наблюденія: послѣднее, сколько бы ни анализировало этотъ процессъ, никогда не найдетъ въ немъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ звеньевъ и послѣдняго между ними, на которомъ процессъ закончился. И, только всматриваясь въ способъ соединенія этихъ звеньевъ, и въ ихъ черты, когда онѣ взяты въ различные моменты процесса, наконецъ, изучая ихъ всѣ въ соотношеніи съ послѣднимъ звеномъ,

внѣшнее наблюденіе можетъ открыть, что процессъ изслѣдуемый не есть причинный, но цѣлесообразный.

Дадимъ опредѣленіе трехъ остальныхъ членовъ цѣлесообразнаго процесса: идея цѣли есть образъ или понятіе чего-либо, что можетъ быть осуществимо и что творческииъ источникомъ ея, разумомъ, признается достойнымъ осуществленія (напримѣръ, образъ статуи или понятіе о формѣ государственнаго устройства). Такимъ образомъ, по времени идея цѣли предшествуетъ всему цѣлесообразному процессу, и собственно она и есть движущее и направляющее начало въ немъ. И только потому, что она не одной природы съ процессомъ (идеально-вещественное) и что она тождественна по соотношенію частей, по строенію своему, съ цѣлью, и эта послѣдняя—одной природы съ процессомъ и соединена съ звеньями его непрерывающимся соприкосновеніемъ, мы говоримъ, что основаніе цѣлесообразнаго процесса лежитъ въ цѣли. Далѣе, эта послѣдняя есть осуществленная идея цѣли, то-есть, образъ или понятіе, получившее объективное положеніе, по отношенію къ творческому источнику черезъ соединеніе съ тѣмъ, что способно его выразить (статуя, государство). Наконецъ, средства—это совокупность всѣхъ звеньевъ цѣлесообразнаго процесса, подготовляющихъ послѣднее и заканчивающее звено—цѣль.

Замѣтимъ, что въ цѣли осуществленной значущее есть форма, строеніе, какъ соотношеніе между частями, какъ ихъ расположеніе и связь. Потому что въ этомъ одномъ она тождественна съ идеєю цѣли, которая черезъ цѣлесообразный процессъ и ищетъ своего выраженія. Поэтому и связь между цѣлью и промежуточными звеньями цѣлесообразнаго процесса есть также связь по строенію, соотношенію частей.

Всякому цѣлесообразному процессу присущи слѣдующія черты:

1) Согласованныя нарастанія. Первая фаза цѣлесообразнаго процесса (или то, въ чемъ онъ возникаетъ) есть всегда или однородное простое, или сложное, но внѣ соотношенія съ наступающимъ сложеніемъ; поэтому всякій разъ, когда это чуждое строеніе имѣетъ мѣсто въ первоначальномъ матеріалѣ, нѣкоторая доля цѣлесообразной энергіи затрачивается на то, чтобы преодолѣть его, изгладить. Послѣдняя фаза процесса (цѣль) будетъ имѣть строеніе тождественное съ тѣмъ, которое представляетъ собою идея цѣли. Всѣ промежуточные фазы, какъ имѣющія осуществить это строеніе, будутъ представлять собою: 1) нѣкоторое строеніе же, иначе онѣ не соотносились бы съ цѣлью, не были бы средствомъ для нея и слѣдова-

тельно не входили бы фазами въ цѣлесообразный процессъ, 2) въ строеніи этомъ будетъ нѣкоторый недостатокъ сравнительно съ строеніемъ цѣли, потому что безъ такого недостатка данная фаза была бы уже цѣлю, и процессъ не продолжался бы, 3) въ немъ (строеніи) не будетъ ничего внѣ соотношенія съ строеніемъ цѣли: каждая его черта или сохранившись войдетъ въ сложеніе цѣли, или преобразовавшись создастъ необходимое въ этой же цѣли. Итакъ, по строенію своему цѣль всегда есть самое сложное сравнительно съ остальными фазами процесса. Чтò касается до послѣднихъ, то въ нихъ недостающее въ сравненіи съ строеніемъ цѣли всегда будетъ убывать по мѣрѣ приближенія къ этой послѣдней, то-есть, сложность будетъ нарастающею во времени.

Эти нарастанія будутъ всѣ согласованными, и цѣль есть то, что согласуетъ ихъ. Потому что, сравнительно съ отдѣльными фазами процесса, цѣль не только болѣе сложна по строенію, но она, кромѣ того, есть цѣлое, въ которомъ всѣ черты этого сложенія сомкнуты. И естественно, что эти черты не только не появляются въ предыдущихъ фазахъ разомъ, но что и каждая изъ нихъ въ отдѣльности есть въ началѣ черта еще недостающая; такъ что процессъ усложненія нужно представлять не только какъ послѣдовательное появленіе чертъ сложенія, но и какъ возрастаніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности до той степени, когда бы она могла быть соединена съ остальными. Это соотношеніе разрозненнаго и недостающаго, чтò въ послѣдующія времена стремится возрасти до цѣльности и сомкнутости, мы и называемъ согласованностью: потому что въ этомъ процессѣ каждое появившееся или согласуется съ ранѣе возникшимъ, дополняя его, или согласуется съ собою только еще возникающее, дополняясь имъ. Это и придаетъ какъ бы мысль всему процессу, и она дѣйствительно есть въ немъ, приводя въ соотвѣтствіе всѣ его звенья и каждую черту во всякомъ изъ нихъ: существуя разновременно и не въ одномъ мѣстѣ, онѣ однако какъ бы чувствуютъ одна другую и гармонируютъ другъ другу черезъ пространство и время, безъ чего-либо промежуточнаго, безъ всякаго соприкосновенія. Но это потому, что въ цѣли есть это соприкосновеніе (между ними), что она одна, и въ ней онѣ одновременны.

2. Опредѣленность есть вторая особенность всякаго цѣлесообразнаго процесса. Она основывается на томъ, что черты каждой фазы въ немъ находятся въ соотношеніи съ чертами послѣдней, которая одна и опредѣленная. И, такъ какъ это соотношеніе выра-

жается въ недостатокъ (сравнительно съ строеніемъ цѣли), то слѣдовательно, этотъ недостатокъ есть недостатокъ до опредѣленнаго. Цѣлесообразный процессъ, который движется между данною фазою и этою наблюдаемою, есть такимъ образомъ переходъ отъ опредѣленнаго къ опредѣленному по линіи ихъ соединенія, то-есть, опредѣленный же. И сверхъ того, такъ какъ цѣль тождественна по строенію съ идеею цѣли, и эта послѣдняя предшествуетъ по времени всему цѣлесообразному процессу, то онъ является въ одно и то же время и предустановленнымъ.

3. Необходимость и принудительность, которая замѣчается въ смѣнѣ фазъ цѣлесообразнаго процесса, обуславливается особеннымъ соотношеніемъ между цѣлью и средствами: вторыя заимствуютъ все свое значеніе отъ первой, и внѣ соотношенія съ нею — не имѣютъ силы къ существованію. И такъ какъ то, что обуславливаетъ это существованіе ихъ, лежитъ еще въ будущемъ, что даетъ имъ силу быть — лишь станетъ и именно черезъ нихъ, то всю энергію бытія своего онѣ обращены къ этому будущему. Существова лишь на столько, на сколько (другое) станетъ, онѣ всѣ обращены къ нему, прошедшее для нихъ незначуще, есть нѣкоторое какъ бы страданіе, есть то безпокойное въ каждомъ звенѣ цѣлесообразнаго процесса, которое утихаетъ лишь съ приближеніемъ къ цѣли, къ источнику ихъ жизни, къ оправданію ихъ бытія, которое ранѣе было не оправданнымъ. Поэтому, въ каждомъ отдѣльномъ звенѣ можно наблюдать, что энергія жизни его вся примыкаетъ къ послѣдующему и отходитъ отъ предыдущаго, что и становится почти механическою причиною возникновенія за нимъ другаго звена, и такъ до конца, до цѣли, все съ возрастающею полнотою формъ, все съ увеличивающеюся твердостью бытія.

Конечно, нельзя отвергать, что въ нѣкоторомъ особенномъ смыслѣ цѣль въ полномъ своемъ составѣ присутствуетъ уже въ каждомъ звенѣ цѣлесообразнаго процесса; но только въ существованіи ея здѣсь есть недостатокъ: она становится черезъ звенья, она въ нихъ предшествуетъ, но лишь какъ тѣнь, по которой они избираются до отгнѣняющаго. И однако звенья имѣютъ полноту существованія, то-есть, избытокъ его въ сравненіи съ существованіемъ цѣли, которая есть ихъ причина. Это можно объяснить только тѣмъ, что въ каждомъ цѣлесообразномъ процессѣ происходитъ какъ бы преобразованіе и взаимное замѣщеніе двухъ явленій, которыя относятся къ совершенно различнымъ порядкамъ бытія. Цѣль, по видимому, и при

неполнотѣ своего существованія потому даетъ силу для полнаго существованія средствамъ, что она неизмѣримо превосходитъ ихъ въ своемъ достоинствѣ, въ полнотѣ формъ и красотѣ жизни; такъ что избытокъ въ совершенствѣ здѣсь какъ бы возмѣщаетъ недостатокъ въ реальности, выполняетъ то, что въ обычномъ порядкѣ природы могло бы принадлежать только послѣдней. И по мѣрѣ того, какъ звенья приближаются къ цѣли и существованіе послѣдней возрастаетъ до полноты, уменьшается до исчезновенія различіе въ достоинствѣ между ея и ими.

Во всякомъ случаѣ, изъ указаннаго отношенія между цѣлью и средствами вытекаетъ разрушаемость всякаго цѣлесообразнаго процесса. Каждый разъ, когда цѣль почему-либо становится неосуществима, когда или она закрывается, или въ процессѣ выпадаетъ необходимое звено, весь рядъ звеньевъ, который уже былъ осуществленъ, рассыпается: потому что нѣтъ основанія болѣе для ихъ существованія, нѣтъ причины, которая ранѣе имъ давала силу бытія. Прервать ихъ соотношеніе съ цѣлью — значитъ погасить въ нихъ силу жизни. И если они удерживаютъ послѣ этого перерыва на вѣкоторое время прежнюю форму и иногда прежнее расположеніе, то лишь по инерціи, вслѣдствіе отсутствія приводящей причины. Но разъ появится эта причина, они пассивно подчинятся ея вліянію, бездѣятельныя ко всякому новому измѣненію, безразличныя къ тому, чѣмъ стать.

Вотъ особенности цѣлесообразнаго процесса, и онѣ всѣ противоположны тѣмъ, которыя мы отмѣтили ранѣе для причинности. Сравнивая ихъ между собою, мы найдемъ, что нѣкоторымъ особенностямъ причинности нѣтъ соответствующихъ въ цѣлесообразности. И онѣ дѣйствительно не указаны нами, потому что являются уже не общими для всѣхъ цѣлесообразныхъ процессовъ, но различными въ каждомъ изъ двухъ видовъ, на которые эти процессы распадаются.

Господствующій членъ цѣлесообразнаго процесса, который какъ идея предшествуетъ ему во времени (идея цѣли), можетъ или заключаться внутри его, или имѣть по отношенію къ нему наружное положеніе. Въ первомъ случаѣ цѣлесообразность будетъ внутреннею, во второмъ внѣшнею. Какъ на примѣрѣ этой послѣдней можно указать на всю дѣятельность человѣка, которая совершается по цѣлямъ, имъ произвольно выбраннымъ; какъ на примѣрѣ первой — можно указать на дѣятельность его, которая бессознательна и непронзвольна. (Это дѣятельность всегда не причинная). Такъ, построеніе зданія

часть сслхпн, отд. 2.

или установленіе формы государственной жизни въ средѣ даннаго народа есть внѣшняя цѣлесообразность, потому что замысль зданія и идея политической формы имѣютъ внѣшнее положеніе по отношенію къ процессамъ построенія зданія и преобразования государства, равно и къ матеріалу, который варьируетъ въ этихъ процессахъ (дерево, люди), и къ конечной формѣ, которая ему придается (зданіе, государство). Напротивъ, зарожденіе и постепенный ростъ самаго замысла или идеи есть процессъ внутренней цѣлесообразности, потому что причина измѣненія перваго и второй лежитъ внутри ихъ самихъ: въ правильности возникшаго, въ его способности (при осуществленіи) выразить извѣстное чувство или мысль, и въ томъ, что это выраженіе станетъ полнымъ и совершеннымъ, если путемъ внутренняго развитія возникшій замысль или идея, которая вначалѣ всегда проста, превратится въ сложное представленіе или въ сложную систему понятій.

Различіе между этими двумя видами цѣлесообразнаго процесса заключается въ способѣ возникновенія каждаго послѣдующаго звена и въ степени участія при этомъ причинности.

Во внѣшней цѣлесообразности, идея цѣли, отдѣленная отъ среды, въ которой она осуществляется, не можетъ привести эту послѣднюю въ соотвѣтствіе съ собою иначе, какъ черезъ причинность. Поэтому каждое послѣдующее звено здѣсь возникаетъ по строго механическимъ основаніямъ, и эти послѣднія имѣютъ значеніе производящее, созидающее. Такъ, въ построеніи зданія каждое поднятіе груза (камня, доски) обуславливается механическимъ давленіемъ снизу, всякое перемѣщеніе матеріала—причиною, имѣющею положеніе обратное съ направленіемъ перемѣщенія. Цѣлесообразность приводитъ здѣсь лишь какъ направленіе, въ которомъ соединяются и примыкаютъ одно къ другому послѣдовательныя звенья, то-есть, перенося это на причины, въ планомѣрномъ расположеніи и послѣдовательномъ возникновеніи этихъ послѣднихъ, что уже не лежитъ въ нихъ самихъ. Это приводящее направленіе, которое согласуетъ звенья процесса, и есть единственный признакъ, по которому можетъ быть узнана въ немъ цѣлесообразность. Что касается до способа возникновенія каждаго звена, то онъ заключается всегда въ сложеніи, содиненіи ранѣе разьединеннаго; и это также потому, что здѣсь идея цѣли отдѣлена отъ среды своего осуществленія: эта среда имѣетъ вообще размѣщеніе и строеніе не соотвѣтствующее тому, которое должна принять для осуществленія идеи цѣли, и поэтому каждая часть ея, хотя иногда

предварительно и отдѣляется отъ другой, но передъ моментомъ, въ который становится уже частью цѣли, всегда и только соединяется съ какою-нибудь третьей. Такимъ образомъ, по существу своему и по виду, внѣшняя цѣлесообразность всегда представляется, какъ процессъ построения: идея цѣли строится черезъ матеріалъ, ей чуждый, дѣйствуя на него посредствомъ механическихъ причинъ, которымъ она придаетъ соотвѣтствующую съ собою планомѣрность и нужную послѣдовательность.

Во внутренней цѣлесообразности, идея цѣли, заключенная въ средѣ своего осуществленія, не дѣйствуетъ на нее черезъ посредство механическихъ причинъ. Послѣднихъ и нѣтъ здѣсь, потому что (какъ было показано выше) онѣ всегда имѣютъ наружное положеніе по отношенію къ тому, на что могутъ дѣйствовать. Но, распадаясь при своемъ развитіи, идея цѣли производитъ распаденіе и средн, ее заключающей. Это распаденіе есть постоянный и единственный способъ, посредствомъ котораго идея, имѣющая первоначально всегда простое и общее выраженіе, переходитъ къ полнотѣ своего содержанія черезъ рядъ посредствующихъ идей, при чемъ конкретность послѣднихъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ число и разнообразіе, и слѣдовательно сложность первоначальной идеи, которая ихъ выдѣлила изъ себя ¹⁾ и продолжаетъ содержать въ себѣ. Такимъ образомъ, въ противоположность внѣшней цѣлесообразности при внутренней каждое послѣдующее звено процесса возникаетъ черезъ распаденіе предыдущаго, и слѣдовательно единство звена при двойственности его строенія можетъ быть сохранено не далѣе второй фазы процесса: въ дальнѣйшемъ его ходѣ не звено только усложняется распадаясь, но онъ самъ, превращаясь въ систему процессовъ, изъ которыхъ каждый движется самостоятельно, но лишь согласуясь съ остальными, такъ какъ идея цѣли остается постоянно

¹⁾ Этотъ процессъ всего удобнѣе было бы назвать процессомъ самораскрытія идеи. Объяснить его ходъ и причину для того, кто никогда не испытывалъ въ себѣ «формированія» идей, ихъ первоначально смутное и бѣдное зарожденіе, затѣмъ постепенное уясненіе и ростъ, вытѣсняющій изъ сознанія всѣ постороннія мысли и нерѣдко подавляющій самыя естественныя чувства, наконецъ превращеніе въ сложную систему переплетающихся понятій, объяснить все это, повторяемъ, для челоука чуждаго идейнаго развитія—очень трудно. Напротивъ для того, кто испыталъ въ себѣ «формированіе» идей, достаточно намекнуть на это, чтобы объяснить, въ чемъ дѣло, что за процессъ раскрытія, о которомъ говоримъ мы.

одна для всѣхъ. Идея (цѣли), осуществляясь, раскрывается въ систему низшихъ идей, при чемъ изъ каждой предыдущей выдѣляется нѣсколько послѣдующихъ, ей въ точности равныхъ, но лишь отчетливѣе выражающихъ то, что въ ней было выражено обще и неопредѣленно. И по существу своему, и по наружному виду, который онъ представляетъ для внѣшняго наблюденія, это есть процессъ самораскрытія. Соотвѣтственно господствующему значенію, которое имѣетъ въ немъ для всякаго возникающаго измѣненія идея цѣли, значеніе механической причинности является здѣсь слабымъ. Но оно все-таки есть: ничего не производя, эта причинность многое тутъ обуславливаетъ. Имѣя наружное положеніе по отношенію къ процессу, она иногда задерживаетъ возникновеніе послѣдующаго звена, или стѣсняетъ и искажаетъ ту форму, которую оно приняло бы, еслибы не было стѣснено. При чемъ если это стѣсняющее вліяніе производится на звено, необходимое для достиженія цѣли, то по общему закону всякой цѣлесообразности—процессъ разрушается.

Вотъ виды генезиса, которые исчерпываютъ собою возможныя соотношенія между его звеньями, и слѣдовательно обнимаютъ собою всю природу. Не слѣдуетъ думать, что въ живой дѣйствительности процессы совершаются въ той чистотѣ и отдѣльности, какъ мы ихъ представили здѣсь для отчетливости. Но смѣшиваясь, переплетаясь и перерывая другъ друга, они даже въ частяхъ своихъ представляютъ для насъ черты достаточно ясныя, чтобы мы могли распознать ихъ природу. Всякій разъ, когда мы имѣемъ хотя бы нѣсколько звеньевъ отъ процесса, ни о завершеніи, ни о началѣ котораго ничего не знаемъ, всматриваясь въ строеніе ихъ и взаимное отношеніе—мы можемъ съ точностью опредѣлить, какого характера причины, ихъ вызвавшія и движущія.

Теперь мы можемъ возвратиться къ предмету, частное разсмотрѣніе котораго такъ надолго оставили для этихъ общихъ разсужденій. Органической міръ, слѣды котораго сохранены для насъ въ пластахъ земли и строеніе котораго, въ его цѣломъ, изучается въ систематикѣ, предоставляетъ для насъ достаточно много звеньевъ, чтобы мы могли опредѣлить природу того процесса, черезъ который произошелъ онъ. Начавшись съ простѣйшихъ формъ, съ органической клѣточки, чуждой какого-либо строенія, онъ въ теченіе тысячелѣтій возникъ до сложности, которую мы въ немъ наблюдаемъ теперь. Въ теченіе этого долгаго времени онъ никогда не упрощался, его

сложность была всегда нарастающею. Какъ ни великъ и ни многообразенъ онъ, мы нигдѣ не наблюдаемъ въ его формахъ несоотвѣтствій, ничего, что взаимно препятствовало одно другому, или хотя находилось бы внѣ всякаго отношенія къ прочему. Его варіированіе во времени, всегда только поступательное, все разлагается на моменты подготовленія и завершенія: нѣтъ ничего, что, начавшись, не оканчивалось бы, что, уже полуразвившись, возвращалось бы къ прежнему состоянію. И въ то время, какъ онъ переходилъ отъ формъ къ формамъ, единственное, что могло бы дѣйствовать на него, какъ внѣшняя причинность — окружающая природа — оставалась все тѣмъ же: въ немъ мы ниѣмъ вариірующее, кругомъ котораго было постоянное. Ни законы химическихъ соединений, ни природа физическихъ явленій, ни самая борьба за существованіе не измѣнялись съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ земля. Измѣненіе температуры земнаго шара и распредѣленія суши и воды было единственное, что произошло въ прошедшемъ, и второе не могло создать никакихъ новообразованій въ органическихъ формахъ, и первое не могло произвести въ нихъ усложненія. Но допустимъ, что въ причинахъ, которыя извнѣ и механически давили на органическій міръ, въ отдаленныя времена происходили перемѣщенія, которыя остались скрыты отъ насъ: они могли произвести только перемѣщенія же, то-есть, беспорядочную смѣну однихъ формъ другими. Но чтобы породить планомѣрно устроенное (органическій міръ допускаетъ классификацію себя) и послѣдовательно усложнявшееся, онѣ сами должны были быть планомѣрно же устроены и послѣдовательно усложняться. Но тогда процессъ возникновенія органическаго міра, при строго причинномъ образованіи всякой формы его, былъ бы въ цѣломъ произведеніемъ внѣшней цѣлесообразности: онъ былъ бы процессомъ построенія.

Такимъ образомъ нѣтъ способа мысли, который могъ бы удержать причинное объясненіе для устройства и происхожденія органическаго міра. Самое согласіе на эту причинность приводитъ къ признанію одного вида цѣлесообразности же. Но это не тотъ видъ ея, по которому происходятъ наблюдаемыя явленія органическаго развитія. Мы никогда не видимъ, чтобы возникающія формы слагались, строились черезъ соединеніе образующихъ чертъ. Напротивъ, дѣленіе прежде бывшаго есть постоянный способъ возникновенія здѣсь новаго. Вспомнимъ первую стадію эмбриологическаго процесса: въ замкнутой кѣлѣткѣ съ однороднымъ содержаніемъ вдругъ появляется продольное

дѣленіе, и она распадается на двѣ клѣтки. Во всей природѣ есть только одинъ способъ, которымъ можетъ произойти это простое явленіе: способъ дѣйствія внутренней цѣлесообразности. И что происходитъ въ этомъ первомъ явленіи, гдѣ зарождается органическая жизнь, то повторяется на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, одинаково въ растительномъ и животномъ царствѣ: органическія новообразованія никогда не слагаются изъ частей своихъ, они всегда развиваются черезъ распаденіе простѣйшаго на болѣе сложное. То-есть, внутренняя цѣлесообразность движетъ и направляетъ органическій міръ въ каждой его части и во всемъ его цѣломъ.

В. Ресановъ.

ГДѢ ВЗЯТЬ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВИЗАНТІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾?

То, чѣмъ я намѣренъ занять на нѣсколько минутъ вниманіе присутствующихъ, не можетъ, строго говоря, назваться рефератомъ; это только заявленіе о предпринятой работѣ и просьба къ почтеннымъ членамъ Общества любителей древне-русской письменности помочь мнѣ въ ней своими указаніями.

Увлеченный благимъ примѣромъ двухъ товарищей, уже пріобрѣвшихъ почетную извѣстность на поприщѣ византологіи (разумѣю профессоровъ Кондакова и Успенскаго), и надѣясь на ихъ цѣнную помощь, года полтора назадъ я рѣшился заняться этою областью, о кардинальной важности которой для изслѣдованія русской старины и древней письменности распространяться здѣсь считаю излишнимъ. Исходя изъ убѣжденія, что труды Фабриція, Шёлля, Николаи и пр., труды сами по себѣ весьма почтенные и цѣнные, давая довольно много для исторіи византійской письменности, почти не представляютъ данныхъ для исторіи византійской литературы (понимая подъ послѣднею не хронологическій перечень авторовъ и ихъ произведеній, случайно до насъ дошедшихъ, а послѣдовательность умственного развитія и изображеніе духовной жизни единственнаго цивилизованнаго народа среднихъ вѣковъ), я счелъ полезнымъ собирать такой матеріалъ непосредственно изъ чтенія византійскихъ историковъ—отмѣчая въ нихъ все то, что можетъ служить

¹⁾ Читано въ засѣданіи Общества любителей древне-русской письменности 9-го января 1889 г.

показателемъ внутренней культуры нашихъ просвѣтителей и духовныхъ предковъ.

Я началъ съ знаменитаго сочиненія Константина Багрянороднаго: „О церемоніяхъ византійскаго двора“, и въ немъ, кромѣ общеизвѣстныхъ мѣстъ о библиотекѣ, которую императоръ, по мнѣнію царственнаго автора, долженъ брать съ собою въ походъ ¹⁾, характерныхъ введеній и отступленій, кромѣ нѣсколько разъ повторяющихся указаній на официальные должности поетовъ, по одному при каждомъ изъ димовъ ²⁾, и т. д., я нашелъ длинныя и довольно сложныя формулы привѣтствій (апелатиковъ), которыя, при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи, оказались стихотворными; стихи ихъ построены не по метрической, а по тонической схемѣ и мѣстами указываютъ на вполне естественное стремленіе народнаго стихосложенія къ риму. Вотъ какъ, напримѣръ, можно построить, ничего не измѣняя изъ традиціоннаго текста, привѣтствіе архонтовъ части (τοῦ μέρους), приводимое въ 80-й главѣ 1-й книги (стр. 377):

Ἄγιε, τρισάγιε!
 Τοὺς δεσπότας φύλαττε!
 Πνεῦμα τὸ πανάγιον,
 Τὰς αὐγούστας σκέπασον.
 Κύριε, ζωὴν αὐτῶν
 Διὰ τὴν ζωὴν ἡμῶν!

(То-есть: О святой, тресвятой, храни владыкъ! Пресвятой духъ! Охраняй царицъ! Господи, жизнь ихъ для жизни нашей!).

Или немного ниже въ привѣтствіи къ димарху:

Ἄξιως σ' εὐχόμεθα
 Βένετοι, παγκόσμιε
 Ὅτι ὑπερβάλλουσιν
 Ἐχεις καλοθέλειαν,
 Καὶ εὐχὰς κομίζεσαι
 Ἐκ τῶν ἀγαπώντων σε.
 Ὡς γὰρ ἀγαπῶμεν σοι,
 Ἄξιως σ' εὐχόμεθα
 ἵνα ἀδιάδοχος
 Μείνης διοικῶν ἡμᾶς.

¹⁾ По Боннескому изданію стр. 467.

²⁾ Напримѣръ, стр. 272; ср. стр. 799 и пр.

(То-есть: Достойно просимъ тебя, мы веныты (то-есть, партія голубыхъ), чтобы имѣлъ ты особенное благорасположеніе и принялъ моленія отъ любящихъ тебя. Такъ какъ мы любимъ тебя, то и просимъ достойно, чтобы ты управлялъ нами непрерывно).

Нѣсколько труднѣе дѣлать на стихи апелатики въ главахъ 63-й (стр. 282) и 65-й (стр. 294), гдѣ схема оказывается не трехстопною, а четырехстопною, но и тамъ отдѣльныя строчки, по видимому, не повреждены ¹⁾; вообще надъ этими апелативами, какъ и надъ другими частями книги Константина, предстоитъ еще много работы, очень плодотворной результатами.

Я предложу вашему вниманію нѣсколько отмѣтокъ, которыя я извлекъ изъ жизни Василія Македонянина, писанной по заказу Константина Багрянороднаго, изъ такъ-называемаго продолжателя Теофана (Theophanes continuatus), изъ Симеона Магистра, Георгія Монаха и изъ одного сравнительно поздняго, но въ этомъ именно отношеніи богатаго фактами историка—Никиты Хониата. Стало бытъ, мои источники обнимаютъ приблизительно время отъ начала X до конца XII столѣтія, то-есть, именно тѣ три столѣтія, въ продолженіи которыхъ Византія имѣла особенно сильное и непосредственное вліяніе на Русь.

Прежде всего считаю нужнымъ выдѣлить матеріаль по исторіи колдовства, вѣдовства и демонологіи. Въ этомъ отношеніи почти каждый изъ византійскихъ историковъ представляетъ такой обильный и разнообразный по своему происхожденію матеріаль, что еслибъ имъ воспользовался извѣстный Росковъ, авторъ исторіи бѣса, ему пришлось бы увеличить свою книгу по крайней мѣрѣ вдвое. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что когда византійская демонологія будетъ обслѣдована хоть отчасти, то многое изъ того, чтѣ считается исконно-русскимъ и разсматривается, какъ обломокъ мѣа, напри- мѣръ, Аванасьевымъ, окажется заимствованнымъ отъ византійцевъ.

Совершенно неправильно или, по крайней мѣрѣ, очень односторонне было бы представлять нашихъ просвѣтителей людьми всегда важными, малоподвижными, вполне преданными религіозной обрядности и безусловно отрекшимися отъ всякаго „поганства“. Я не рѣ-

¹⁾ Напримеръ:

φραϊζεται ἡ τάξις
 αε βλέπουσα ταξιάρχην; или:
 ὅθεν ὁ κόσμος προσπίπτει
 τῷ σκήπτρῳ τῆς δεξιᾶς σου и т. д.

пусть сказать, что византіицы—самый суевѣрный народъ, какой намъ извѣстенъ; но едва ли будетъ преувеличеніемъ признать ихъ самымъ суевѣрнымъ изъ всѣхъ литературно-образованныхъ христіанскихъ народовъ. Вся жизнь высокопоставленнаго византіица, отъ колыбели до могилы, была направляема и предугадываема посредствомъ чрезвычайной сложной системы вѣдовства и колдовства. Часъ и день рожденія, буквы имени, самыя невинныя случайности, все служило указаніемъ на его будущую судьбу. Всѣ дни раздѣлены на счастливые и несчастливые не только для домашняго обихода частныхъ лицъ, но и для дѣлъ государственной важности. Гадаютъ всѣ вельможи, гадаеть царь и вся семья его, гадаютъ патріархи и епископы, и по сложнымъ и хитропридуманнымъ гаданіямъ направляютъ всю жизнь свою. Всякій знатокъ математики есть въ то же время и предвѣщатель—волей или неволей: если онъ первоначально и не хотѣлъ предсказывать, его принудятъ постоянными приставаніями. Но рядомъ съ свѣтскими мудрецами предсказываютъ и отшельники, и даже юродивые, и идіоты, какъ тотъ Василакій, о которомъ разсказываетъ Никита Хоніатъ ¹⁾, и который такъ поразительно напоминаетъ когда-то знаменитаго московскаго пророка Ивана Яковлевича Корейшу.

Мнѣ скажутъ: вѣдъ и теперь возможно то же самое, и у насъ и на западѣ. Дѣйствительно, вполнѣ возможны факты одной категоріи или близко сходной; но количество ихъ и отношеніе къ нимъ—совсѣмъ иное. И у насъ комета пугаетъ народъ, еще болѣе она пугала его на западѣ въ средніе вѣка,—но для русскаго крестьянина сама комета есть только большая хвостатая звѣзда; а грекъ съ пылкимъ воображеніемъ видитъ въ ней „образъ и изгибы змѣи“; она то вытягивается, то свивается въ кольца; сама звѣзда представляется ему головой дракона съ открытою пастью. И все это, и множество подобнаго разсказываетъ Никита Хоніатъ, esprit fort, издѣвающійся надъ астрологіей!

Всякое сновидѣніе, случайно оставшееся въ памяти высокопоставленнаго лица, толкуется и приводится въ связь съ событіями у самыхъ серьезныхъ историковъ; съ неба слышатся голоса ²⁾, спадаютъ рукописанія грѣховъ со стертими буквами, какъ въ извѣстной русской повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ ³⁾; демоны собираются въ опредѣ-

¹⁾ Бонск. изданіе—de Isaaco Angelo, III, стр. 590.

²⁾ Напримѣръ, Theoph. Cont. Simeon Mag. о Львѣ, гл. 13, стр. 618—619.

³⁾ Ibid., VI, 4.

ленныхъ мѣстахъ, и государственные люди обращались къ нимъ за свѣдѣніями, какъ въ какое-то справочное бюро ¹⁾. Гаданій столько видовъ и инья изъ нихъ такъ хитро придуманы, что самъ графъ Калиостро могъ бы поучиться у благочестивыхъ византійцевъ, и я не кончилъ бы до завтра, еслибы сталъ приводить цитаты даже изъ вышеозначеннаго весьма небольшого количества источниковъ ²⁾.

Чтобъ убѣдиться, что византійцы вовсе не всегда наблюдали важность и подъ-часъ были не прочь отъ разнузданнаго веселья, достаточно вспомнить тѣ хоробы и маскарадныя игрища, которыя устраивались въ самомъ дворцѣ въ торжественные дни, остроумныхъ клоуновъ цирка въ родѣ Зинтзифтза (*Zintzifitz*), который своими куплетами, сказанными экспромтомъ, могъ поразить зрителей въ „самую душу“ ³⁾, или пляску, которой вмѣстѣ съ чернью предаются на улицѣ два сановника съ радости по случаю воцаренія Андроника.

Такой народъ, конечно, не могъ довольствоваться исключительно учеными, моралистами, проповѣдниками и историками. Онъ долженъ былъ имѣть и болѣе или менѣе богатую легкую литературу, близко касавшуюся современности; онъ только мало цѣнилъ ее и не сохранялъ ея продуктовъ, отчасти по общему закону, отчасти потому что античные образцы и многочисленныя мертворожденныя подражанія имъ казались верхомъ изящества, и одни только они переписывались и сохранялись въ антологіяхъ. Кое-что, имѣвшее въ свое время живой интересъ, можно найти и въ этихъ антологіяхъ; но на этотъ разъ матеріалъ мой не они, а вышепоименованные историки.

Продолжатель Теофана (I, 17), разказавъ о томъ, какъ Левъ Армянинъ приходилъ гадать о своей судьбѣ къ монаху, и какъ тотъ узналъ его, прибавляетъ въ заключеніе: ἀλλὰ ταῦτα μὲν εἰρηται καὶ τοῖς πρὸ ἡμῶν διὰ μέτρον ποιήσας ⁴⁾. Вотъ несомнѣнное свидѣтельство о поэтическихъ произведеніяхъ на современные сюжеты.

Въ пересказанной много разъ исторіи мучениковъ иконоборства, такъ-называемыхъ начертанныхъ, мы имѣемъ не только указаніе и образецъ самого стихотворенія, которымъ заклеили (не въ перенос-

¹⁾ Ibid., стр. 310—311.

²⁾ Укажу только для сравненія съ народными разказами о магомахъ, которые будто бы убивали своихъ враговъ, стрѣляя въ нихъ портреты, на разказъ продолжателя Теофана о Лакапенъ (гл. 21), который такимъ же образомъ погубилъ Болгарскаго царя Симеона.

³⁾ Nic. Chop., стр. 410.

⁴⁾ То-есть: объ этомъ писали и до насъ въ метрическихъ стихотвореніяхъ.

номъ смыслѣ, а въ буквальномъ) лица враговъ правительства. Вотъ его начало:

Πάντων ποθοῦντων προστρέχειν ἐν τῇ πόλει
 ὅπου πάναγνοι τοῦ θεοῦ λόγου πόδες
 ἔστησαν εἰς σύστημα τῆς οἰκουμένης ἢ τ. д. ¹⁾

Конечно, въ этомъ стихотвореніи, которое сочинялъ какой-нибудь полицейскій поэтъ, нечего искать ни складу, ни ладу, но любопытенъ самый фактъ его существованія. Все это поэзія метрическая, по образцу древнихъ; а вотъ изъ того же историка довольно точное указаніе на поэзію тоническую, народную. Во II кн., гл. 20, тотъ же продолжатель Теофана разказываетъ, какъ императоръ Михаилъ овладѣлъ однимъ изъ бунтовщиковъ Газареномъ, занявшимъ Саниану. "Ἄξιον δὲ μηδὲ τοῦτο παραδραμεῖν, ὅπως ὁ Γαζαρηνὸς προδέδοτο καὶ τῶν τειχῶν ἀπεκλείετο. ἄνδρα τινὰ ἄγροικον ὁ ἀποσταλεῖς δεξιωσάμενος φωνῆς ἐπιμελούμενον καὶ ταῖς φθαῖς τερπόμενον ἐμμελῶς τοῖς ἀνεμέναις ταύταις καὶ ἀγροικικαῖς, μέλος τι ἔπλεξεν πρὸς τὸν ἐκείνου οἰκονόμον ἔχον τὴν ἀναφορὸν. ἦν δὲ αὐταῖς λέξεις οὕτω: ἄκουσον κῦρι οἰκονόμε, τί λέγει Γοβέριν. ἐάν μοι δῶς τὴν Σανιάναν, μητροπολίτην σε ποιήσω καὶ Νεοκαισάρіάν σοι δώσω. τοῦτο πολλάκις ἀδόμενον ἐν αἰσθήσει τοῦτον γενέσθαι τὸν οἰκονόμον πεποίηκεν (То-есть: Не слѣдуетъ и того опускать, какъ Газаренъ былъ преданъ и за стѣнами города оставленъ. Посланникъ (императора), привлекиши на свою сторону одного крестьянина, въ пѣніи упражняющагося и пѣснями улаждающагося благозвучными, (но) неправильными и деревенскими, сочинилъ одинъ куплетъ для эконома Газаренова на этотъ сюжетъ. Вотъ онъ: Слушай, господинъ эконома, чтó говоритъ Гиверинъ: Если ты мнѣ сдашь Саниану, я сдѣлаю тебя митрополитомъ и дамъ тебѣ Неокесарію. Это часто распѣваемое дошло до свѣдѣнія эконома, и эконома однажды распорядился запереть за Газареномъ ворота, послѣ чего бунтовщикъ былъ схваченъ, и городъ вполнѣ подчинился правительству). Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ испорченнымъ текстомъ и больше, чѣмъ на половину разрушеннымъ куплетомъ; но и въ этомъ видѣ нельзя здѣсь не замѣтить слѣдовъ риемы и тонического стихосложенія. Эти особенности народной поэзіи, кажется, легко можно прослѣдить въ церковныхъ гимнахъ, возникшихъ около этого времени.

¹⁾ Ibid., стр. 641. То-есть: когда всѣ желаютъ устремиться въ градъ, гдѣ пресвятныя ноги Бога слова стояли на укрѣпленіе вселенной...

На сколько была развита страсть къ духовной поэзіи и музыкѣ, видно изъ того, что не только Левъ Мудрый (886—912) сочинялъ церковныя гимны ¹⁾, но и предшественникъ Василія Македонянина Михаилъ III (842—867), вовсе не отличавшійся благочестіемъ, а напротивъ считавшійся врагомъ и мучителемъ православнаго духовенства, тоже съ охотой занимался этимъ дѣломъ и даже самъ управлялъ хоромъ въ Великой церкви ²⁾.

Мнѣ кажется довольно любопытнымъ и характернымъ разсказъ объ одной женщинѣ писательницѣ, который сообщаетъ Симеонъ Магистръ въ 1-й главѣ объ императорѣ Теофилѣ, сынѣ Михаила Травла (829—842). Евфросинія, мать царя, задумала женить сына; выборъ невѣсты происходилъ почти также, какъ впоследствии въ Москвѣ: собирають красавиць во дворець; императоръ дѣлаетъ имъ смотръ, держа въ рукѣ золотое яблоко ³⁾, чтобы дать его своей избранницѣ. Красота одной дѣвушки Ивасіи очень поразила его, и онъ обратился къ ней, признаться сказать, съ довольно глупымъ заигрываніемъ: *διὰ γυναῖκος ἐρρήν τα φαῦλα* (то-есть, черезъ женщину излилось зло). Умная и находчивая дѣвушка скромно отвѣчала ему: *ἀλλὰ καὶ διὰ γυναῖκος πηγάζει τὰ κρείττονα* (то-есть: но черезъ женщину же изливается и благо). Не понравилась эта бойкость царю, и царь, „пораженный этимъ словомъ въ сердце“ ⁴⁾, отдалъ яблоко другой дѣвушкѣ—Теодорѣ. Неудавшаяся царская невѣста постриглась въ монахини, основала свою собственную обитель и умерла, *πολλὰ ἴδια συγγράμματα αὐτῆς καταλιπούσα* (то-есть: оставивъ многія собственные писанія); изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что она, между прочимъ, сочиняла гимны и священные пѣсни.

Очень любопытно для истории византійской цивилизаціи все то, что сообщаетъ продолжатель Теофана о Левѣ Философѣ и объ устройствѣ Магнаврской высшей школы съ ея факультетами или отдѣленіями (начиная съ гл. 27 до 30, IV кн.).

Характерно, какъ тотъ же продолжатель Теофана (въ 17 главѣ той же книги) рѣзко отдѣляетъ исторію, гдѣ должны быть изложены причины дѣла (*αἱ αἰτίαι τῶν πράξεων*), отъ безплоднаго, по его мнѣнію, пересказа однихъ фактовъ.

¹⁾ См. *Const. de Cerim.*, стр. 757, изд. 1829.

²⁾ *Theoph. Cont.*, III, 16.

³⁾ М. И. Сухомяловъ, послѣ чтенія этого реферата, указалъ въ этомъ весьма вѣроятную классическую реминисценцію.

⁴⁾ *τῆ λόγῳ τὴν καρδίαν πληγείς.*

Исторіографія въ эпоху Константина Багрянороднаго, дѣйствительно, стояла очень высоко, и лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить названная мною жизнь Василія Македонянина. Какъ искусно составлена она! Какъ ловко авторъ умѣетъ обратить всякій индифферентный или даже неблагопріятный фактъ въ пользу и честь своему герою! Какъ мастерски онъ играетъ словами! Какъ стройно расположенъ весь его разказъ! Правда, рядомъ съ этимъ, подъ именемъ того же Θεοφана Продолженнаго помѣщены и разказы, до крайности неискусные, мѣстами нелѣпые и непомятые; но нельзя не видѣть, какимъ ужаснымъ искаженіемъ подвергся ихъ текстъ. О первоначальной формѣ ихъ не возможно судить до появленія новыхъ критическихъ изданій.

Никита Хониатъ тоже очень искусный и остроумный историкъ; но у него совершенно другіе литературные приемы, нежели у автора Жизни Василія; о нихъ довольно сказано въ монографіи проф. Успенскаго, у котораго отчасти выбранъ и историко-литературный матеріалъ (стр. 103 и слѣдд.). Однако, и кромѣ отмѣченнаго внимательнымъ изслѣдователемъ, остается у Никиты много любопытныхъ фактовъ, напримѣръ, хоть бы для исторіи физиологовъ. Приведу только одинъ примѣръ. Всѣмъ присутствующимъ извѣстно, что уподобленіе обманутыхъ мужей рогатымъ оленямъ идетъ очень издалека. Но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстно то объясненіе, которое давали ему въ Византіи на границѣ XII и XIII вѣковъ. Во 2-й гл. II кн. Жизни Андроника Комнена, Никита говоритъ: императоръ до того дошелъ въ своихъ надругательствахъ надъ жителями столицы, ὥστε καὶ τῶν παρ' αὐτοῦ θηρωμένων ἐλάφων τὰ κέρατα ὅσα δωδεκάδωρα ἦν καὶ εἶχον τὸ θαύματος, ταῖς κατὰ τὴν ἀγορὰν ἀψίσιν ἀνῆρτα, τῷ μὲν δοκεῖν εἰς ἔνδειξιν τοῦ μεγέθους τῶν παρ' αὐτοῦ ἀλισκομένων ἀγρίων, τῷ δὲ ὄντι διαμωχόμενος τὸ πολίτευμα καὶ διαζύρων εἰς ἀκρασίαν τῶν γαμπῶν (то-есть: что рога ловимыхъ имъ оленей, которые имѣли 12 локтей и имѣли что-нибудь замѣчательное, развѣшивалъ въ портникахъ агоры, будто бы для показанія величины затравливаемыхъ имъ звѣрей, а на самомъ дѣлѣ издѣваясь надъ гражданами и осмѣивая распутство ихъ женъ). А въ 3 гл. II кн. царствования Алексѣя Ангела, излагая дѣло императора съ его супругой Евфросиніей, Никита говоритъ: императору совѣтовали дѣйствовать со всею осмотрительностью, чтобы не пришлось опять возвращать отвергнутую за измѣну жену, и чтобы черезъ то не уподобиться ἐκείνους τῶν ζῶων, τοῖς ἐκχροοῦσι μὲν ἐπὶ τῶν χρυσάφων τὰ ἀμυντήρια, παροξυνομένους δὲ οὐδαμῶς οὔτε μὴν τὸ κέρασ ὀπλίζουσι κατὰ

τῶν ἐπιθωρομένων ἐν ὄψασι ταῖς θηλείαις αὐτῶν (то-есть: тѣмъ животнымъ, у которыхъ возвышаются надъ висками орудія, но которыя не пускаютъ ихъ въ ходъ даже и тогда, когда на глазахъ ихъ совокупляются съ ихъ самками). Весьма возможно, что Никита заимствовалъ это, посредственно или непосредственно, отъ какого-либо изъ древнихъ естествоиспытателей, но во всякомъ случаѣ не безынтересенъ фактъ долговременнаго существованія этого уподобленія.

Въ заключеніе два слова объ одной извѣстной русской былинѣ. Встрѣчая нѣсколько разъ у Константина Багрянороднаго, у продолжателя Теофана и др. упоминаніе о золотыхъ деревьяхъ въ царскомъ дворцѣ, съ поущими на нихъ искусственными птицами, о metallическихкихъ львахъ и грифонахъ, которые могли рычать и подниматься на ноги¹⁾, и которыми императоры дѣйствовали на воображеніе приходившихъ къ нимъ варваровъ (между прочимъ и на княгиню Ольгу), нельзя, по моему убѣжденію, искать богатой Индіи Дюба Степановича нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Византіи. Звѣри, которые ревутъ у него въ пуговицахъ,—только естественное эпическое усиленіе этихъ золотыхъ львовъ, и былинное описаніе палатъ его матушки очень напоминаетъ, напримѣръ, хотя бы встрѣчающееся въ жизни Василія (глава 87) восторженное описаніе храма Климента, богатства котораго прямо называются индійскими.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыя я имѣлъ въ виду предложить вашему вниманію; въ этомъ родѣ всѣ пока добытые результаты моей не долгой работы. Византійскіе историки, такъ давно извѣстные и какъ будто разобранные, оказываются, на мой взглядъ, во многихъ отношеніяхъ едва початую сокровищницей: ихъ необходимо читать подъ рядъ. Но, откровенно сказать, это не особенно легкая и веселая работа. По моему убѣжденію, было бы крайне желательно, чтобы специалисты разныхъ отраслей, имѣющіе дѣло съ византійцами, соединились въ нѣчто въ родѣ общества, члены котораго облегчали бы работу другъ другу, чтобы, напримѣръ, читающій ихъ съ археологическою цѣлю отмѣчалъ и матеріалы по исторіи литературы, и обратно. Только при такой совмѣстной работѣ эта важная область, ближайшаго обслѣдованія которой западная наука справедливо ожидаетъ отъ насъ, можетъ вполне уясниться, и безъ сомнѣнія, она уяснитъ многое въ нашей древней исторіи и письменности.

А. Кирричниковъ.

¹⁾ См. De Cerim., стр. 569; Theoph. Cont., стр. 178 и пр.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ ВЫЛИНАМЪ ¹⁾).

VIII.

Владимиръ-богатырь.

Въ китайской реляціи о посольствѣ Николая Спаэари въ Китай, изданной и переведенной недавно А. О. Ивановскимъ ²⁾, приводится грамота царя Алексѣя Михайловича, изъ которой мы извлекаемъ слѣдующія подробности о Владимирѣ. „Отъ потомковъ моего главнаго предка“, пишетъ царь, — „за 1600 слѣшкомъ лѣтъ до нынѣ правившаго вообще всѣми государствами У-кус-то-сы-сэр (цесаря Августа), затѣмъ отъ слѣдующихъ предковъ Рурику, Оладимиро Си-вэй-я-дос-ла-вэ-юнъ-цзо (Владимира Святославовича), Си-ри-ю (?), И-фа-но Ва-си-ли-и-и-ви-чо и его сына Сар (царя) Дэ-одоро И-фа-но-вэй-сы (цы) преемственно до моего отца Михаил Дэ-ото-ро-вэй-сы (Михаила Θεодоровича), мои предки и отецъ были весьма сильны во всѣхъ государствахъ, и Ула-ди-ми-ро Се-фу-ла-ди-дцо (Владимиръ Святославичъ) прославился подъ именемъ богатыря и храбреца (батурманга) въ государствѣ Хэ-рэ-си-я (Греція)“.

Интересна перегласовка имени Владимира: Оладимиро, или Уладимиро (сл. *Olīmagus* Саксона Грамматика), тогда какъ для названія Владимира-города транскрипція другая: Фуладамэра, въ вариантахъ: Фудоламэра, что можно бы написать Воладимиръ, Валадимиръ. Владимиръ названъ богатыремъ и храбрецомъ; принадлежитъ ли это представление официальной риторикѣ царской грамоты, или отражаетъ дѣйстви-

¹⁾ См. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* майскую кн. за 1888 года.

²⁾ Китайская реляція о посольствѣ Николая Спаэари въ Китай. Маньчжурскій текстъ въ переводѣ А. О. Иванова, съ предисловіемъ Сырку (оттискъ изъ *Записокъ восточн. отд. Имп. Русск. Археол. Общества*, т. II 1887—III 1888, стр. 14, 15 перевода).

тельно-пѣсенное преданіе, дожившее до XVII вѣка и лишь впоследствии искажившееся въ постоянномъ оборотѣ и переходѣхъ пѣсни, знающей теперь Владимира лишь какъ собирателя богатырей, слушающаго ихъ похвалбу во полу-столѣ, но лично не дѣятельнаго? Когда о немъ говорится далѣе, что его слава дошла до Греціи, то разумѣются, вѣроятно, историческія отношенія, но получается просвѣтъ и на прозвище Ильи въ Тидрексагѣ: Илья греческій.

IX.

Кіевскія пещеры.

При бѣдности хронологическихъ данныхъ для исторіи былиннаго эпоса, указаніе на Владимира-богатыря изъ 1675—1676 гг. не лишено такого же интереса, какъ и показаніе Сарницкаго о „bohaticos, id est semideos“, въ кіевскихъ пещерахъ. Соответствующій отрывокъ, процитованный проф. Дашкевичемъ на половину, я могу сообщить, благодаря любезности Вл. Вл. Калаша, по рѣдкому изданію: Sarnicius, Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova (s. l. 1585 г.): Kіovia sedes antiqua Ducum Russiae. Et quod olim Romani de septentrionalibus et Indianis monstris et miraculis sparserunt, hoc Russi de prodigiis et heroibus suis, quos Bohaticos, id est semideos vocant, aliis persuadere conantur. Contumulare autem istos solent in cavernis rupium, quas in immensum tanquam cuniculos subterraneos usque Novogradiam magnam fabulantur extendi. Illud tamen pro concesso est, et instar miraculi habetur apud peregrinos, qui se eo conferunt, quod a monachis monstrantur istic corpora Principum incorrupta, quae per longa spacia temporum loci temperamentum quoddam absque ullo detrimento conservat. Incolae id ad religionem referunt et loci sanctitati acceptum tribuunt.

Богатыри-semidei объясняются какъ святостью пещеръ, такъ и ложною этимологіей (богъ); о какихъ бы то ни было пѣснахъ, воспѣвавшихъ богатырскіе подвиги, не говорится вовсе: старый эпосъ сталъ уже пещернымъ, когда раздался эпосъ думъ, первое по времени упоминаніе о которыхъ мы встрѣчаемъ подъ 1506 годомъ у того же Сарницкаго ¹⁾).

¹⁾ Annalium Polonic. libri VII, 1506 г., стр. 1198, въ Joh. Dlugoss Historiae Poloniae libri XII. Francofurti. 1711, т. II. Соответствующій текстъ приведенъ г. Житецкимъ въ его Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, стр. 289, прим. 1.

Представленію, что кіевскія пещеры тянутся до Новгорода, отвѣчаютъ не менѣе баснословныя, приводимыя Гербиніемъ ¹⁾. Primum quidem ferunt, Cryptas kijovienses subter Borysthenem suos producere fornices. Ita enim Florus Polonicus Noribergae A. C. 1666 ab auctore Indifferente germanice editus ait: Sonst soll von binnen ein Gang unter der Erden bis nach Smolensko und zwar unter dem Nipper oder Dniester — Strohm durchgehen und mit lauter gegossenem Metall inwendig gefüttert seyn, woraus die alte vorige Herrlichkeit dieses Orts abzunehmen, und wird der Bau solches hochkostbahren verborgenen Ganges den Italienern zugeschrieben. Fröhlichius berichtet, daz die Länge desselben auf 80 römische Mellen sich erstrecke. Darüber man billig möchte vor Verwunderung erstaunen, zumahlen, weil eine russische Meil noch etwas grösser weder unsere teutsche. Гербиній устраиваетъ это мнѣніе, какъ и другое, державшееся въ народномъ повѣрѣѣ, будто кіевскія крипты соединялись съ черниговскими и даже съ Piesczorienses въ Московіи ²⁾; устраиваются и италианцы, какъ устроители пещеръ, и предположеніе: fulsse scilicet Kijoviam Trojam veterem, quae, ob raptam a Paride Helenam Menelai Spartanorum regis uxorem, à Graecis olim per decennium obsessa, tandemque expugnata ac penitus excisa est. Cui fabulae istud accedit commentum, in crypta Kijoviensi gigantea Hectoris, Priami, Achillis et aliorum tum Trojanorum, tum Graecorum heroum corpora a tanto jam tempore incorrupta spectari ³⁾. Gigantea corpora невольню напоминають мнѣніе тѣхъ, которые представляли Илью Муромца исполиномъ, вторымъ Полифемомъ, тогда какъ, по измѣренію Кальнофойскаго, богатырь, котораго ему показывали въ кіевской криптѣ, оказался longus pedes romanos sex et septimi pedis czesci dwie et media ⁴⁾. Замѣтимъ, что о gigantea corpora Гербиній не говоритъ далѣе ни слова; судя по

¹⁾ Religiosae Kijovienses cryptae sive Kijovia subterranea, in quibus labyrinthus sub terra, et in eo emortua a sexcentis annis Divorum atque Heroum Graecoruthenorum et nec dum corrupta corpora ex nomine atque ad oculum e Παλαιῶν Sclavonice detegit M. Johannes Herbinus. Ienaе. 1675, стр. 31—2, 75.

²⁾ См. стр. 75: Quartam (sc. cryptam) celebriorem oppidum Moscoviae Piesczoga, a срутьа quam continet, sic dictum inque ipsis Livoniae finibus situm ostentat. Разумѣется Пеково-Печерскій монастырь. Сл. Повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря, предавшаго близъ Ливонскіе земли, у А. Θ. Бычкова, Описаніе слав. и русск. рукописи. сборниковъ Имп. публ. библиотеки, № XXV (§ 6) и XL (§ 10); ряз. Толст. Отд. 1, 306.

³⁾ L. с. 8.

⁴⁾ Teratourgema 1638 г., стр. 70.

надписанію, его десятая глава должна была заключать въ себѣ перечень „patrum et heroum in Scurtis dormientium“¹⁾; но въ слѣдующемъ перечнѣ нѣтъ „героевъ“, если въ этомъ имени мы будемъ искать богатырей. Очевидно, не они имѣлись въ виду, а согласно съ заглавіемъ книги (divorum atque heroum), подвижники, герои христіанства.

X.

Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и разказъ изъ житія Іосифа Волоцкаго.

Иванъ Годиновичъ ѣдетъ свататься и увлекаетъ невѣсту (Авдотья Лебедь-бѣлья, Марья, Настасья), уже просватанную за другаго — по однимъ вариантамъ, съ ея согласіемъ, по другимъ — насильно. На обратномъ пути ихъ нагоняетъ прежній женихъ и вступаетъ съ Иваномъ въ бой. Иванъ Годиновичъ одолѣлъ противника, ударилъ его о сыру землю, сѣлъ ему на бѣлы груди, проситъ жену подать ему кинжалъ, чтобы покончить съ „татаринномъ“, Коцегомъ Трипетовичемъ, царищемъ Кощерищемъ, а тотъ въ свою очередь взмолился къ Настасьѣ:

Ай же ты Настасья Митріевична!
 Не подай ножища-кинжалища:
 Какъ за имъ вѣдь будешь жить,
 Будешь слыть бабой простомывныя,
 Будешь старому малому кланяться;
 А за мной вѣдь будешь жить,
 Будешь слыть царицей вѣковѣчной,
 Будетъ старый вѣдь малый тѣ кланяться.

(Гильф. 916; сл. Кирша, стр. 98).

Соблазнилась этими рѣчами Настасья, схватила Ивана за желты кудри, сбила его о сыру землю. Привязавъ его къ дубу, Кощерище съ Настасьей свалились въ бѣль-шатерьъ. Въ это время прилетѣли три голубя, корятъ „сводницу“, „душегубницу“; либо черный воронъ вѣщааетъ, что не владѣтъ Марьей (=Настасьей) Коцею, а владѣтъ Ивану. Эта рѣчь „татарину“ не слюбилася; онъ стрѣляетъ въ голубей (въ ворона), но стрѣла ударила ему въ „татарскія груди, вырвала сердце съ печенью“. Иванъ казнитъ невѣрную жену.

Въ южно-русской пѣснѣ (Kolberg, Rokucie II, 17) положеніе нѣсколько измѣнено: Иванъ идетъ съ женою своею Марьей пахать, по

¹⁾ L. с. 79; сл. 81—83.

дорогѣ турчинъ предлагаетъ ему продать жену или рѣшить боемъ, чья она будетъ. Въ слѣдующей схваткѣ Иванъ проситъ Марью помочь ему; о такой же просьбѣ противника нѣтъ рѣчи: сама Марья раздумалась:

„За Иваномъ бидуваты
За турчиномъ пануваты“.

Связали они Ивана, привязали къ коню; Иванъ взмолился къ турчину, обѣщаетъ быть ему слугою:

Попусты мы били руки,
Най не терю выжи муки.

Не догадался турчинъ, развязалъ ему руки. По дорогѣ два дуба, на нихъ два голубя; Иванъ проситъ турчина дать ему лукъ: одного голубя онъ убьетъ для него, другого для его пани, а своей жены. Одной стрѣлой онъ убиваетъ противника, другой жену.

Аналогія сербскихъ пѣсень: Вукъ II, № 44 и Filipović, Kralević Marko, № XXII—и названіе противника „турчиномъ“ повели г. Халанскаго ¹⁾ къ предположенію, что великорусская былина объ Иванѣ Годиновичѣ есть не туземное сказаніе, а „передѣлка юго-славянской пѣсни того же мотива“, при чемъ „естественными посредниками въ устной передачѣ мотива были малоруссы“. Въ такомъ случаѣ названіе Коцея „татаринномъ“ было бы великорусскимъ подновленіемъ. Замѣтимъ, что рядомъ съ устнымъ переходомъ юго-славянскаго пѣсеннаго сюжета г. Халанскій допускаетъ и литературный, сравнивая циклъ былинъ о женѣ измѣнницѣ съ повѣстью Пахомія Логовета „о убіеніи злочестиваго царя Батыя“, собственно съ тою ея частью, гдѣ говорится о бѣгствѣ съ Батнемъ сестры Владислава, измѣнѣ ея брату и убійствѣ измѣнницы вмѣстѣ съ врагомъ. Въ этой версіи „турчинъ“ не при чемъ, врагъ является „татаринномъ“; турчинъ сербскихъ пѣсень, можетъ быть, — мѣстное подновленіе; южно-русская пѣсня объ Иванѣ и Марьѣ стоитъ съ своимъ турчиномъ одиноко, рядомъ съ показаніями аналогической русской быliny.

Въ слѣдующей русской повѣсти ²⁾ положеніе ближе къ былинному, чѣмъ у Логовета; врагъ — татаринъ, вмѣсто сестры является невѣрная жена, и вводится мотивъ, неизвѣстный нашимъ былинамъ,

¹⁾ Халанскій, Великорусскія быliny Кіевского цикла, стр. 115 слѣд.; 125—126.

²⁾ Ркп. Син. библ. № 927, XVI вѣкъ: Черныца Васіана Фатеева, бывшаго архимандрита Воѣмцакаго монастыря Тверскаго уѣзда писмо о житіи въ кратцѣ преподобнаго игумена Іосефа Волоцкаго, л. 41 лиц.—42 лиц.

но знакомый сербской пѣснѣ у Вука II, № 44, давно уже привлеченной къ сравненію съ цикломъ объ Иванѣ Годиновичѣ.

Вотъ содержаніе пѣсни: въ отсутствіи Бановича Страхины турчинъ Влах-Алиѣа уводитъ его жену. Страхины отправляется за нимъ въ погоню, на Косовомъ полѣ вступаетъ съ нимъ въ бой. Утомленный, онъ проситъ жену: пусть возьметъ осколокъ сабли,

Удри, жубо, мене, ја турчина,
Мисли, жубо, кога теби драго.

А турчинъ соблазняетъ ее, сулитъ любовь и богатство: пусть поразитъ Страхиныю. „Женску страну ласно преварити“! Жена ударила мужа прямо въ лобъ, такъ что кровь стала застилать ему глаза. Видя неминуемую гибель, Страхины зоветъ на помощь вѣрнаго пса Карамана; тотъ схватилъ измѣнницу за горло и вмѣстѣ съ нею скатился кубаремъ въ долину. Стало турчину жалко любви, засмотрѣлся во слѣдъ, а Страхины тѣмъ временемъ изловчился, наскочилъ на турка, ударилъ его оземь и заѣлъ до смерти зубами. Съ женой онъ возвращается домой; въ вариантѣ Богишича (Срп. нар. п., стр. 104) его шурья убиваютъ свою сестру за измѣну мужу ¹⁾.

Сл. съ этимъ русскую легенду:

„В то же время оу нѣкоѣго война плениша жену, ѡнъ же взѣ с собою одинаѣ пса да секиру поиде въ слѣдъ ихъ; ѡниже прѣидоша в некое село болгарское людемъ выбежавшии ѡ ѡбрѣтоша множество питиѡ, и многога ради зноѡ упившеса зѣло ѡ спаху ѡко мртви. Войнъ же секирою поѡсѣче всѣмъ глѣвы ѡ влѣзъ въ ѣдину ѡ клетей ѡ видѣ жену свою со княземъ ѡ лежащу на ѡдрѣ такоже ѡто многога пианства спашу. ѡнаже видѣвши мужа возбуди варвара, ѡнже вѣставъ и нача битиса с мужѣ ѣа и одогвѣв ѣму сѣдаше на нѣ, и наченъ имати ножъ, хотя заклати ѣго; песь же ѣ, видѣвъ господина своего хотаща заклана быти, вземъ варвара усты за виденіе и за главу совлече ѣго со господина своего. ѡнже вѣставъ уби варвара ѡ взѣ жену свою, новую Далиду, ѡиде ѡ сотвори ей елико восхотѣ.— ѡле бѣсованіѡ женскаго ѡ звѣрей гависа злѣиши: сей оубо ѡзбави господина своего ѡ смерти, жена же предаде ѣго на смерть. Изъ начала оубо вса злаа роду члѣческому быша жены ради: ѡ Адамъ жены ради изъ раѡ ѡспаде ѡ того ради весь родъ члѣчъ тлѣнѣемъ и смртю ѡсуженъ бысть; Соломонъ премудрый же ради ѡтѣ бога страненъ бысть, тако ѡ Самсонъ великій ѡсщѣнный ѡтѣ чрева

¹⁾ Халанскій, I. с. 115—116.

женою преданъ бысть иноплеманникомъ и ѡслепленъ и оудалиса шть Бога. Не точію въ древнемъ, но и въ новѣй благодати не въ мире сущій токмо, но и иноци и пустыньскій прибытокъ лобызавше жень рода погибоша и иноческїи трудъ погубиша, и изъ начала и до сего часа врагъ женами прельщаётъ рѡдъ члѣвскый. Елици побѣдиша таковыи искусъ, якѡ прекрасный Иѡсиѡвъ, и сего ради вѣсь вѣка похвалаемъ есть; аще послѣди и жену имѣ, а девъство до конца. Въ ветхомъ мали зѣло сохраниша, а ѡвелиже шть Дѣвы израсте цвѣтъ жизни, Господь нашъ Исусъ Христосъ, ѡтуле множество безчислено сохраниша и сохраняють подвигъ дѣвственныи паче песка морьскаго, не точію иноци, но и в мире сущїи, и бракъ презирають и дѣвственный подвигъ подвижающеса и до кончины живота въ славу Богу, емѹ слава нынѣ и присно и вѣки вѣкомъ. Аминь“.

ХІ.

Жидовинъ-богатырь.

Мнѣ дважды приходилось коснуться этого „unicum“ нашего былиннаго эпоса ¹⁾, въ которомъ я предположилъ и далекую этническую основу, и наслоеніе легенды. Этническая основа, допущенная уже Хомяковымъ ²⁾,—это заглохшая память о древнихъ насильникахъ, еврействующихъ хазарахъ. Правда, Михайло Казарянинъ, то-есть, хазарянинъ (Кир. IV, стр. 91 слѣд. = Кирша), не отождествляется въ нашихъ былинахъ съ Жидовиномъ (I. с., I, стр. 46 слѣд. = IV, стр. 6 слѣд.), являющимся въ роли нахвальщика, татарина, Збута и Бориса другихъ пѣсень; но это, быть можетъ, позднѣйшая дифференціация, не исключающая болѣе древняго тождества. Г. Халанскій ³⁾ склоненъ принять второй изъ высказанныхъ мною взглядовъ, который я выразилъ въ дополненіе къ первому, не устраняя его: по его мнѣнію, жидовинъ въ значеніи врага, вѣроятно, явился впервые въ книжно-народныхъ сказанїяхъ. Хазарскую гипотезу онъ считаетъ немислѣмою: „Большинство хазаръ мусульмане и христїане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный классъ у

¹⁾ Разысканїя въ области русск. духовн. стиха I, 3; Южно-русск. былинны, вып. II, 288.

²⁾ Сочиненїя, I, 467.

³⁾ L. с., стр. 177—178.

нихъ евреи. Царь ихъ исповѣдуетъ еврейскую религію⁴ (Изв. Албекри о Руси и славянахъ, Куника и Розена I, 60). Въ лѣтописи Нестора хазары называются своимъ именемъ; упоминаются старцы „козарстѣи“. Въ разказѣ объ испытаніи вѣрѣ ясно различаются жида и козары: „жидове козарстѣи придоша рекуще. Владимиръ рече: Гдѣ есть земля ваша? Они-же рѣша: въ Ерусалимѣ“ (Лавр. л. 83). Нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что козары были миссіонерами еврейства на Руси. Не было, стало быть, и основанія для древней Руси, нѣтъ ихъ и для насъ, отождествлять жидовъ и козарь, землю жидовскую и козарскую, жидовина и козарина; тѣмъ болѣе, что въ былинѣ не забличается ни одного упоминанія о козарахъ⁵.—Послѣднее не совсѣмъ вѣрно: былина начинается подъ Кіевомъ, обычный lapsus memoriae пѣвцовъ, но „на степяхъ на ципарскіихъ“, то-есть, хазарскихъ. Замѣтимъ, что этотъ эпитетъ нигдѣ больше не встрѣчается.

Дополняя свои соображенія о жидовинѣ (стр. 229: см. стр. 27—28), г. Халанскій приводитъ сербскую пѣсню о встрѣчѣ Марка кралевича съ исполинскою дѣвушкой джидовкей и болг. жидъ=великанъ, гигантъ, что Миклошичъ прежде (*Die türkischen Elemente in den südöstl. u. osteurop. Sprachen*, I, 55) сравнивалъ съ турецк. dzinn=Dämon, теперь (*Etym. Wb.*) оставляетъ безъ объясненія¹⁾. „Несомнѣнно“, говоритъ г. Халанскій,—„между сербскимъ и русскимъ сказаніями существуетъ родство. Источникъ его темень и кроется скорѣе всего въ книжныхъ сказаніяхъ, а никакъ не въ историческихъ связяхъ нашихъ предковъ съ хазарами“.

Но именно на этой связи слѣдуетъ настоять, ибо трудно представить себѣ, какимъ образомъ изъ легенды вышло представленіе жидовина-нахвальщика, жидовки-исполинши и жида-великана. Такъ, обыкновенно обобщаются въ народной памяти этническія имена: автовъ, волотовъ, обровъ, чуди; жидовъ и татаръ въ мѣстныхъ преданіяхъ Румыніи, чередующихся съ представленіемъ—великана (*Urtaş*)²⁾. Вотъ нѣсколько относящихся сюда легендъ.

Въ Драгославской общинѣ, Дымбовицкой волости, въ Муцельскомъ округѣ есть пещера, высотой не болѣе двухъ метровъ, входящая своимъ отверстіемъ на рѣку Дымбовицу. Здѣсь жили жида

¹⁾ Г. Сырку сообщаетъ мнѣ, что болг. жидъ, въ указанномъ значеніи, даетъ въ множ. житове.

²⁾ См. *Şaineanu*, O pagina din istoria medievala II: Jidovii sau Tatarii sau Urtaşii, Convorbiri literare, 1887, № 6, стр. 521 слѣд.

(Jidovi) исполины; объ одномъ изъ нихъ разказывается легенда, извѣстная и въ Германіи, и у насъ ¹⁾: увидѣвъ однажды крестьянина съ двумя работниками, пахавшаго плугомъ на двѣнадцать быкахъ, онъ изумился этому зрѣлищу, взялъ ихъ въ полу платья и принесъ къ подножію своей горы; но потомъ поставилъ на прежнее мѣсто. На горѣ Гимбавѣ (in reatra Ghimbavului) также жили жидаы; какой-то юноша, влюбившись въ дочь одного гиганта той пещеры, вздумалъ прокрасться къ ней тайкомъ, но отецъ его увидѣлъ и бросилъ въ него камнемъ въ двѣ тысячи окъ, и до сихъ поръ лежащимъ на вершинѣ горы Прислопа.

Извѣстны курганы или могилы, носящіе названіе жидовскихъ; остатки старыхъ городищъ съ именемъ Jidova или Uriaşa (=исполинское), о которыхъ разказывается, что они построены были жидами и татарами; говорятъ о незапамятномъ времени, что то было при жидахъ, татарахъ или исполинахъ.

Первые совершенно вѣрно навели Şaineanu на память о хазарахъ, занимавшихъ южную Россію, принявшихъ въ VIII вѣкѣ еврейство и существовавшихъ, какъ еврейское государство, въ теченіе трехъ столѣтій (до 1016 г.). Въ VII вѣкѣ ихъ власть простиралась отъ Дона до Панноніи: Болгарія и другія славянскія народности были ихъ подданными, мадьяры отъ нихъ въ зависимости, Византійскіе императоры платили имъ дань; о козарскихъ жидахъ поминаетъ подъ 986 г. Несторъ. По распаденіи ихъ державы, хазары еще упоминаются на Таврическомъ полуостровѣ, а на Кавказѣ ихъ именемъ обозначали евреевъ: Ghyssar. Этого достаточно для отождествленія казарина-жидовина и представленія того и другаго не только богатыремъ, но и исполиномъ. Позже ихъ замѣнили татары, и также обобщились въ народномъ преданіи; для объясненія совмѣстности жидовъ и татаръ въ румынскихъ повѣрьяхъ не нужно и гипотезы Şaineanu (стр. 528), что могли имѣться въ виду татары, принявшіе еврейство (judaisaŃi). Важнѣе то, что Jidova указываетъ своею формою на заимствованіе у славянъ, что, стало быть, самыя преданія о жидахъ-хазарахъ-исполинахъ могли быть занесены или восприняты на румынской почвѣ славянами.

¹⁾ Л. с., 523—524. См. между прочимъ *Трусычича*, Космогоническія преданія жителей Польши, *Киевлянинъ* 1866, № 44, стр. 170.

XII.

Къ сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ.

Въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ, вып. 2, гл. VIII, стр. 295—296, пересказана слѣдующая сербская легенда, изъ которой я выбираю пока лишь первую часть, въ виду новой объявившейся къ ней параллели.

Какой-то царь, охотясь, наткнулся на человѣческой черепъ и наступилъ на него конемъ. „Зачѣмъ наступаешь ты на меня?“ говорить ему мертвая голова;— „хоть и мертвая, я могу повредить тебѣ“. Какъ услышалъ это царь, сошелъ съ коня, взялъ ту голову и отвезъ домой; здѣсь онъ сжегъ ее, остатки истолокъ въ порошокъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ сундукъ. Когда однажды онъ отлучился, его дочь, дѣвушка на выданьѣ, взяла ключъ, отперла сундукъ и, начавъ перебирать въ немъ, нашла свертокъ. Увидавъ въ немъ порошокъ и не зная, что это такое, она помочила слюною палець, опустила въ порошокъ и отвѣдала языкомъ; съ той поры она забеременѣла. Когда впоследствии стали допытываться, какая тому причина, дозволяли, что все это — отъ мертвой головы. Пришло время, и дѣвушка родила сына. Однажды царь взялъ малютку на руки, а тотъ вѣспился ему въ бороду. Царь пожелалъ узнать, сдѣлалъ ли онъ это сознательно, по своей волѣ, или по глупости: велѣлъ принести одинъ сосудъ съ горячими угольями, другой полный золотыхъ, и смотрѣлъ, за что ухватится ребенокъ; тотъ схватился за золотые, а на угли не обратилъ вниманія. Увидѣлъ тогда царь, что исполнится пророчество головы.

Когда мальчикъ выросъ и сталъ юношей, царь выгналъ его на бѣлый свѣтъ и говорить: „Не останавливайся нигдѣ, пока не найдешь мѣста, гдѣ два лиха схватились другъ съ другомъ“. Юноша идетъ; слѣдуетъ разказъ о созданіи имъ Константинополя, гдѣ онъ самъ впоследствии воцаряется, отнявъ власть у своего дѣда.

Разумѣется, очевидно, Константинъ Великій; онъ царскаго рода по матери, рожденъ при особыхъ чудесныхъ обстоятельствахъ.

Французская легенда дѣлаетъ его худороднымъ, типомъ преслѣдуемаго, но спасаемаго своею долей счастливца. Худороднымъ яв-

ляется и чудесный мальчикъ слѣдующаго армянскаго сказанія ¹⁾, интереснаго намъ потому, что въ первой своей части оно повторяетъ всѣ подробности сербскаго.

Въ столицѣ нѣкотораго царства жилъ купецъ; однажды онъ ѣхалъ по берегу рѣки, теченіемъ которой несло человѣческой черепъ, который повторялъ обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ: При жизни убилъ сто человѣкъ, но послѣ убью еще сто. Купецъ взялъ черепъ, дома истолокъ его въ ступѣ, а порошокъ повѣсилъ въ мѣшечкѣ въ своей комнатѣ. Въ его отсутствіи его тринадцати-лѣтняя дочь, не ладившая съ своею мачихой и хотѣвшая отравиться, отвѣдала этого порошка, думая, что это ядъ, забеременѣла и родила мальчика. Бездѣтная мачиха полюбила его; отецъ, вернувшись изъ отлучки, не сталъ попрекать дочери, увидѣвъ въ этомъ руку Всевышняго. Ребенокъ же росъ не по днямъ, а по часамъ; трехъ лѣтъ отъ роду онъ казался пятнадцати-лѣтнимъ; черезъ десять лѣтъ онъ сталъ высокимъ, стройнымъ, красивымъ юношей. Однажды тамошній царь, гуляя передъ дворцомъ, увидѣлъ, что изъ пруда выпрыгнула рыба и, широко раскрывъ ротъ, громко захохотала царю въ лицо, а затѣмъ скрылась. Никто изъ мудрецовъ царя не въ состояніи объяснить ему этого чуда, за что они и платятся головою. Тогда явился мудрый юноша, внукъ купца, велитъ взломать полъ въ комнатѣ, гдѣ жила единственная пятнадцати-лѣтняя дочь царя; тамъ въ нижнемъ покоѣ нашли молодыхъ людей, любовниковъ царевны. Они повѣшены, многіе по этому дѣлу казнены: такъ исполнилось пророчество черепа; юношу же царь сдѣлалъ своимъ первымъ визиремъ; умирая безъ примаго наслѣдника, онъ передалъ ему свою власть, и тотъ сдѣлался величайшимъ изъ царей своего времени.

Сл. еще слѣдующія русское ²⁾ и малорусское сказанія ³⁾.

У одного вдоваго попа дочка; однажды, возвращаясь изъ прихода, онъ видитъ: горитъ на дорогѣ человѣчья голова, вся сгорѣла, одинъ пепелъ остался. Попъ проѣхалъ мимо, но затѣмъ вернулся, собралъ пепелъ и положилъ въ горшокъ, чтобы дома похоронить его. Дочь

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2, стр. 77 и слѣд.: Армянскія сказанія „Черепъ — царь“ и „Невеста — всадникъ“ (отрывокъ изъ дневника караглискаго нормальнаго училища, сообщ. К. Газаровъ).

²⁾ *Аванасевъ*. Нар. русск. ск., № 62.

³⁾ *Новости* 1889 г., 8-го марта (Д. Мордовцевъ: Нѣчто для гг. ученыхъ).

думаетъ, что отецъ привезъ ей какой-нибудь гостинецъ, глянула въ горшокъ, а пепелъ оборотился ларчикомъ; взломала она ларчикъ, лизнула пепла и забеременѣла. Когда родился у нея мальчикъ, ему нарекли имя Надзей, поповъ внукъ. Онъ растетъ не по годамъ, а по часамъ, его сила и раннія богатырскія ухватки возбуждаютъ недовольство сосѣдей; на него жалуются дѣду, и онъ по неволѣ отсылаетъ внука на всѣ четыре стороны. Надзей идетъ, братается съ Горыней богатыремъ; „яны многа хадзили и многа богатырѣвъ побядзили. и многа гарадовъ захватсили; патомъ яны пожанились и богата жили“.

Сходно разказывается въ Малороссіи о Семенѣ Палии. Одиный „чоловикъ“ пахалъ въ полѣ; вдругъ подѣ плугомъ что-то хрустнуло. Смотритъ „чоловикъ“—мертвая голова, да такая огромная, какъ „казанъ“. Видно это была голова великаго богатыря-лыцаря, думаетъ „чоловикъ“; возмю ее, попрошу батюшку окропить ее святой водою, прочитатъ надъ ней молитву, и тогда похороню по христіански. Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову и говоритъ: „А много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба попоѣла“. А голова вдругъ и говоритъ: „и еще много попоѣмъ“. Жинка испугалась, бросила голову въ горящую печь; осталась отъ головы одна зола, которую выгребли и сложили въ горшокъ; утромъ увидала ее дочь хозяина, приняла за соль и посолила ею кусокъ хлѣба, который и сѣла. Отъ этого она забеременѣла и родила сына, котораго назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже „характерникъ“; отправляясь на Запорожье, онъ встрѣтилъ чорта и спалилъ его: отъ того и прозвали его Палиемъ.

Вернемся къ сербскому и армянскому сказаніямъ, какъ болѣе полнымъ. Ихъ сходство въ первой части ясно. Мудрые мальчики рождаются при тѣхъ же буквально совпадающихъ обстоятельствахъ, тамъ и здѣсь они рано проявляютъ свою мудрость; разница въ мотивахъ: въ сербской легендѣ мальчикъ различаетъ между золотомъ и горячими угольями, въ армянской узнаетъ причину, почему засмѣялась рыба (невѣрность царицы). Это—мотивъ одного разказа въ *Çukasartati* ¹⁾: когда Викрамидитья завтракалъ однажды съ своей супругой *Kāmālilā*, онъ предложилъ ей жареныхъ рыбъ. Оказалось, что это—самцы, и царица объявила, что она

¹⁾ См. *Orient et Occident*, I: *Liebrecht*, Merlin, стр. 341; *Benfey*, Nachtrag zu Merlin, *ibid.* 344 и слѣд.; Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, гл. VII, сл. стр. 321 и слѣд.

не только не прикоснется къ нимъ, но не въ состояніи и взглянуть на нихъ. При этихъ словахъ рыбы подняли такой смѣхъ, что всѣ жители города его услышали. Изумленный этимъ царь требуетъ объясненіе чуда у своихъ мудрецовъ и совѣтниковъ, прорицателей и авгуровъ, наконецъ у своего пурогиты, которому грозитъ изгнаніемъ, если онъ не повѣдаетъ ему, что означаетъ диковинный смѣхъ. Пурогита не знаетъ, что дѣлать, но его выручаетъ изъ бѣды его мудрая дочь Bâlapanditâ: она идетъ къ царю, велитъ выпустить изъ темницы его перваго министра Pushrahâsa, заключеннаго туда невинно, и тотъ объясняетъ, почему засмѣялись рыбы: когда онъ предсталъ предъ царя, тотъ въ шутку ударилъ жену цвѣткомъ, а она представилась, что упала отъ того въ обморокъ. Не то было ночью, говоритъ Pushrahâsa, когда царица разыгралась съ своими любовниками, и они постегали ее. Царицу раздѣли, нашли слѣды ударовъ, а въ одномъ сундукѣ и ея любовника. Викрамадитья казнить его, а жену изгоняетъ.

Тотъ же разказъ, повторенный съ нѣкоторыми отличіями и у Сомодевы, перенесенъ былъ въ западныхъ сказаніяхъ на Мерлина: рыбы отсутствуютъ, самъ Мерлинъ смѣется загадочно, разгадка въ такихъ же откровеніяхъ, касающихся царицы. Интересно при этомъ, что какъ Мерлинъ, такъ и юноши сербскаго и армянскаго сказаній рождены безъ отца; по совпаденію этимъ не ограничиваются: я особенно имѣю въ виду сербскую сказку.

Извѣстенъ разказъ французскаго романа о Мерлинѣ, повторенный и Готфридомъ Монмутскимъ ¹⁾, о томъ, какъ Вортигернъ строитъ неприступный замокъ, но неудачно, ибо сооруженное въ одинъ день поглощалось на слѣдующій землею. Чтобы упрочить зданіе, нужна кровь мальчика, рожденнаго безъ отца. Такимъ является Мерлинъ и открываетъ, почему рушилась постройка: въ ея основѣ открылось озеро, а тамъ спавшіе въ двухъ полыхъ камняхъ бѣлый и красный драконы; ихъ борьба и производила разрушеніе.

Въ соответствующемъ разказѣ у Неннія имени Мерлина нѣтъ, но сюжетъ тотъ же. Мудрецы Вортигерна также объявляютъ, что постройка не удастся, пока не найдено будетъ дитя, рожденное безъ отца, и замокъ не окропится его кровью. Мальчика приводятъ: онъ говоритъ, что подъ основаніемъ замка находится озеро, тамъ два сосуда (или створчатый сосудъ) съ шатромъ посрединѣ; въ немъ два

¹⁾ Слич. сходный разказъ въ *Loth, Les Mabinogion*, I, стр. 65, прим. 178 и слѣд.

спящихъ дракона, одинъ хочетъ вытѣснить другаго изъ шатра; сначала одолѣвалъ бѣлый, затѣмъ красный погналъ противника за озеро. Озеро—это вселенная, шатеръ—царство Вортигерна, красный драконъ—онъ самъ, бѣлый—народъ, занявшій многія страны Британніи отъ моря до моря. Красный драконъ одолѣлъ бѣлаго—это нашъ народъ прогнать непріятеля. Такъ объясняетъ мальчикъ, называющій себя царственнымъ Амвросіемъ, а отца своего однимъ изъ консуловъ римскаго народа. Но вѣдь онъ рожденъ безъ отца? Рожденіе могло объясняться сверхъестественнымъ путемъ, какъ въ сербскомъ и армянскомъ сказаніяхъ. Такъ или иначе чудесный мальчикъ, Мерлинъ будущей легенды, царственного, римскаго (?) рода.

Имя Амвросія обращаетъ насъ къ генеалогіи британскихъ властителей у Готфрида и во французскомъ романѣ. Константинъ, братъ Аудрена, царя Бретани, является въ Британнію и провозглашенъ его властителемъ. У него три сына: Константъ, Аврелій-Амвросій и Утеръ-Пендрагонъ. По смерти Константина Вортигернъ, одинъ изъ главныхъ его совѣтниковъ, извлекаетъ изъ монастыря его сына Константа, провозглашаетъ его царемъ, править его именемъ и, устранивъ его убійствомъ, воцаряется самъ. Братьевъ Константа ихъ воспитатели переправили въ Бретань, чтобы избѣжать преслѣдованія Вортигерна, который, отдавшись саксамъ, сталъ непопулярнымъ и удалился въ Камбрію. Здѣсь онъ и принялся строить, по совѣту своихъ маговъ, неприступный замокъ, гдѣ бы онъ могъ быть безопасенъ отъ враговъ. Замокъ не строится, необходима помощь Мерлина—царственного Амвросія Неннія, —который велитъ Вортигерну беречься пламени сыновей Константина: они уже на пути, прогонять саксовъ, тебя осадятъ въ башнѣ, которую обложатъ огнемъ, а Аврелій-Амвросій воцарится на твоемъ мѣстѣ.

Вортигернъ узурпаторъ, Аврелій-Амвросій, сынъ Константина, изъ стараго царственного рода, отнимаетъ у него власть, какъ въ сербской легендѣ Константинъ—у своего дѣда. Онъ также царственного рода, хотя рожденъ безъ отца, какъ царственный Амвросій въ легендѣ у Неннія. Еслибы мы рѣшились отождествить этого Амвросія-(Мерлина) съ Авреліемъ-Амвросіемъ, сыномъ Константина, аналогія положеній представилась бы интересная, усиленная еще сходствомъ эпизодовъ о постройкѣ замка и созданіи Константинополя. Замокъ не строится у Вортигерна, одинъ Амвросій-(Мерлинъ) знаетъ почему: вражда бѣлаго и краснаго драконовъ, очевидно, выражаетъ распрю двухъ народностей и двухъ династій. Сербская легенда до-

сказываетъ: царь выгналъ юношу-Константина и не велѣлъ останавливаться, пока онъ не найдетъ мѣста, гдѣ два зла схватились другъ съ другомъ. Онъ видитъ тернъ, вокругъ котораго обвилась змѣя; змѣя кусаетъ тернъ, а тернъ ее колетъ. Вотъ тѣ два зла, думаетъ онъ; идетъ, а за нимъ потянулась стѣна. Здѣсь и сталъ Константинополь.

Змѣя и тернъ только другое выраженіе двухъ борящихся драконовъ; образъ объяснимъ лишь въ связи съ представленіемъ о Константинѣ, безродномъ и вмѣстѣ царственнымъ, чудесно-зачатомъ отрокомъ, устранившемъ стараго, преслѣдовавшаго его династа.

Я ограничусь пока сопоставленіемъ и указаніемъ аналогій; не лишено во всякомъ случаѣ значенія то обстоятельство, что Аврелій-Амвросій сынъ Константина, братъ Константа. Совпаденіе именъ не случайное; въ этомъ направленіи могло произойти и совпаденіе легендъ.

Александръ Веселовскій.

КЪ ВОПРОСУ О СОСТАВѢ ПОВѢСТИ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ.

Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ обращаютъ на себя вниманіе извѣстія о поставленіи и преставленіи митрополитовъ и епископовъ, такъ какъ въ этихъ извѣстіяхъ мы нерѣдко находимъ точныя хронологическія указанія не только на годъ и мѣсяцъ, но иногда и на день поминаемаго событія, на ряду съ тѣми данными, въ которыхъ точныя указанія на мѣсяцъ и день еще не составляютъ обычнаго явленія, хотѣ онѣ и относятся къ событіямъ, имѣвшимъ немаловажное значеніе ¹⁾.

Значительнѣйшая часть нами указанныхъ извѣстій о русскихъ іерархахъ, въ различныхъ спискахъ Повѣсти, относится къ митрополіи къ Кіевской и Новгородской епископіи, и съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что эти данныя извлечены изъ краткихъ записей, которыя велись въ Кіевѣ и Новгородѣ вскорѣ послѣ утвержденія въ этихъ городахъ христіанства ²⁾.

¹⁾ См. Хронологическій указатель древней Русской исторіи *М. П. Погодина*, ст. 2, 3 и 4 въ *Уч. Зап. 2-го отд. Академіи Наукъ*, кн. VII, вып. 2. С.-Пб. 1863, стр. 45—150. См. также хронологическую таблицу въ приложеніи къ соч. *Е. Голубинскаго*: *Исторія Русской церкви*, т. 1. М. 1880.

²⁾ Записи о митрополитахъ Кіевскихъ см. подъ слѣдующими годами: 6499 (991), 6559 (1051), 6597 (1089), 6598 (1090), 6612 (1104), Сводная лѣтопись. сост. *Лейбовичемъ*, С.-Пб. 1876, стр. 92, 133, 165, 210;—объ епископахъ Новгородскихъ, 6538 (1030), 6542 (1034), 6568 (1060), 6569 (1061), 6576 (1068), 6577 (1069), 6585 (1077), 6586 (1078), 6604 (1096), тамъ же, стр. 125, 126, 137, 138, 145, 156, 157, 180. *Исторія Русской церкви*, *Е. Голубинскаго*, т. 1, М. 1880, стр. 553: „Рядъ епископовъ Новгородскихъ извѣстенъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная отъ самаго начала, ибо новгородцы, ведшіе свои собственныя лѣтописныя записи, неупустительно отмѣтили сязну своихъ владыкъ въ этихъ послѣднихъ“. О лѣтописи новгородской „послѣ 1036 г.“ см. *И. Срезневскаго*: *Древніе памятники русск. письма и языка*. С.-Пб. 1863, стр. 11.

Но, кромѣ кievскихъ и новгородскихъ записей, послужившихъ источниками древнѣйшаго лѣтописнаго свода, существовали, какъ полагаютъ, записи о событіяхъ, имѣвшихъ историческое значеніе, и въ другихъ городахъ Русской земли въ эпоху составленія этого свода. Къ таковымъ записямъ относятъ слѣдующія:

Лѣто 6580 (1072 г.). „Поставленъ бысть епископомъ Ростову Исаіа“¹⁾.

Лѣто 6602 (1094 г.). „В се же лѣто преставися епископъ Володимерскій Стеванъ, мѣсяца априля въ 27 день, въ часъ 6 ночи, бывъ преже игуменъ Печерьскому монастырю“.

Лѣто 6613 (1105 г.). „Постави митрополитъ епископа Анеилофия Володимерю, мѣсяца августа въ 27-й день“.

„Томъ же лѣтѣ постави Лазаря в Переяславль, ноября въ 12-й день“.

„Томъ же лѣтѣ постави Мину Полотъску, декабря въ 13-й день“. Въ Радзивиловскомъ спискѣ (писанъ въ концѣ XV в.) и въ рукописи Московской духовной академіи (писанъ въ XV в.) нѣтъ слѣдующихъ указаній: „мѣсяца... 27-й день“; „ноября въ 12-й день“; „декабря въ 13-й день“.

Лѣто 6624 (1116 г.). „Преставися Мина епископъ Полотъскій, мѣсяца юня въ 20-й день“. Въ Радз. и Акад. „июля“²⁾.

Изъ четырехъ вышеприведенныхъ извѣстій одно относится къ Ростову, и можно предполагать, что оно здѣсь и было записано. „Мы знаемъ“, замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ изслѣдованіи о составѣ русскихъ лѣтописей, — „что въ XIII в. былъ извѣстенъ „Лѣтописецъ Ростовскій старій“; сохранились „слѣды нѣсколькихъ Ростовскихъ лѣтописей; жизнеописанія Ростовскихъ святыхъ, дошедшія до насъ въ позднѣйшихъ передѣлкахъ, основой своею должны относиться къ глубокой древности; здѣсь христіанство встрѣтило довольно сильное противодѣйствіе; оттого сюда направились нѣкоторые изъ лучшихъ дѣятелей христіанской проповѣди и, насаждая вѣру, насаждали и просвѣщеніе. Сюда относится извѣстіе о построеніи первой церкви въ Ростовѣ, сохранившееся въ позднѣйшей передѣлкѣ“... „Часто повторяющійся списокъ Ростовскихъ епископовъ едва ли не служитъ доказательствомъ, что тамъ велась лѣтопись

¹⁾ П. С. Р. Л., XV (Тверск.), 166. Сводная лѣт., 152.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., изд. Археогр. ком., С.-Пб. 1872, стр. 219, строки 6 — 8; 270, строки 18—21; 276, строки 18—19.

епископовъ; указаніе на поставленіе въ епископы Исайи въ 6580 г. едва ли не заимствовано изъ такой лѣтописи; но положительнымъ остаткомъ такой лѣтописи надо считать слѣдующее извѣстіе одного изъ списковъ лѣтописи, родственнаго съ Воскресенскимъ: „6615 (1107 г.). Чюдо сотвори Богъ и святая Богородица въ Суждальстѣй странѣ: придоша болгаре ратию на Суждаль и обступиша градъ, и много зла сотвориша, воюще села и погосты, и убивающе многихъ отъ христіанъ. Суции же людіе въ градѣ, не могуше противу ихъ стати, не сущу князю у нихъ, на молитву къ Богу обратившася и ко пречистѣй его Богоматери покаяніемъ и слезами, и затворишася во градъ. И всемилостивый Богъ услыша молитву ихъ и покаяніе, яко же древне ниневитяны помилова, тако и ихъ избави отъ бѣды, ослѣпи бо ратные болгары. Тако изшедши изъ града всѣхъ избиша“. Такимъ образомъ, хотя и не сохранилась Ростовская лѣтопись, но существованіе въ Ростовѣ лѣтописныхъ замѣтокъ въ эпоху составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ „нельзя отрицать“¹⁾.

По мнѣнію автора того же замѣчательнаго изслѣдованія о составѣ русскихъ лѣтописей, которое и въ настоящее время сохранило свое важное научное значеніе, извѣстіе о преставленіи Владимірскаго епископа Стефана, подъ 1094 г., записано „несомнѣнно“ во Владимірѣ Волинскомъ: „обозначенъ не только день, но и часъ кончины“; здѣсь же „могло быть записано“ и извѣстіе о поставленіи епископа Анфилохія, подъ 1105 г.²⁾

Первое изъ приведенныхъ извѣстій дѣйствительно заключаетъ въ себѣ точныя хронологическія данныя, но на основаніи только этихъ данныхъ едва ли можно считать несомнѣннымъ, что оно могло быть записано именно во Владимірѣ Волинскомъ. И въ Кіевѣ случайно или не случайно могли въ точности узнать и мѣсяць, и день кончины Владимірскаго епископа Стефана. Съ большимъ вѣроятіемъ можно также предполагать, что извѣстіе о кончинѣ Стефана было

¹⁾ О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, *К. Бестужева-Рюмина*. С.-Пб. 1868, стр. 65—67. О Ростовской лѣтописи см. *Соловьева*: *Исторія Россіи*, IV (изд. 1857 г.), стр. 401—402; *Ключевскаго*, *Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ*, М. 1871, стр. 2: „Раньше другихъ центровъ сѣверо-восточной Руси и съ болѣе обильнымъ запасомъ преданій выступаетъ старый Ростовъ, дядь Залѣвской земли, съ пестрою группой житій“.... Стр. 5: 4-я редакція житія Леонтія заключаетъ въ себѣ вставки изъ Ростовской лѣтописи XII вѣка, стр. 8—9.

²⁾ Тамъ же, стр. 57.

записано въ Печерскомъ монастырѣ, такъ какъ епископъ Стефанъ нѣкогда былъ игуменомъ Печерскаго монастыря, а этотъ монастырь, какъ извѣстно, былъ самымъ значительнымъ, выдающимся культурнымъ центромъ русской жизни въ эпоху составленія Повѣсти; здѣсь, вскорѣ послѣ его основанія, составлялись сказанія о немъ, заключающія въ себѣ столь цѣнный историческій матеріалъ; здѣсь, дорожили памятью о тѣхъ инокахъ, которымъ приходилось покидать этотъ монастырь съ цѣлью насаждать христіанское ученіе тамъ, гдѣ оно еще не успѣло прочно утвердиться ¹⁾.

Опредѣленіе мѣста записи о поставленіи епископа Анфилокія, подъ 1105 г., едва ли можетъ быть предметомъ спора, если только разбирать эту записку отдѣльно. Она должна быть отнесена къ кievскимъ записямъ, такъ какъ въ Кіевѣ происходило поставленіе епископовъ ²⁾.

Но, кромѣ двухъ приведенныхъ записей, указываютъ на существованіе и другихъ владимиро-волинскихъ записей, слѣды которыхъ сохранились въ дошедшихъ до насъ спискахъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Поэтому и обратимся къ разсмотрѣнію этихъ записей.

Сюда относится извѣстіе о становищахъ и ловищахъ Ольги въ землѣ Древлянской, а также припоминаніе при имени Свѣнelda — „тоже отецъ Мистишинъ“ ³⁾.

¹⁾ Къ краткимъ извѣстіямъ о Печерскомъ монастырѣ относятся также слѣдующія: 6583 (1075 г.): церковь Печерская „кончана бысть на третье лѣто, мѣсяца юля 11-й день“; 6597 (1089 г.)—объ освященіи церкви Печерской св. Богородацы; 6617 (1109) — о погребеніи Евпракіи. Своя. лѣт., 155, 164, 214; Лѣт. по Лавр. сп., изд. 1872 г., стр. 192, 201, 273. О поставленіи епископа Стефана находимъ извѣстіе въ Ист. Росс. *Татищева*, II, 141: 1090 г. — „Поставленъ Стефанъ, игуменъ Печерскій, епископомъ во Владимірѣ“. На это извѣстіе указываетъ и г. *Сеницовъ*: Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Росс. исторія В. Татищева. М. 1887, стр. 323.

²⁾ *Е. Голубинскаго*: Исторія Русской церкви, т. I, М. 1880, стр. 310: „Въ Новгородѣ епископы были не избранные самими новгородцами, а присланные изъ Кіева, до первой половины XII в. Въ лѣтописяхъ не говорится прямо, отъ кого они были присланы — отъ великаго князя или отъ митрополита; но такъ какъ новгородцы давно уже не принимали отъ великихъ князей и своихъ удѣльныхъ (выбирая ихъ сами), то вѣроятнѣйшимъ представляется думать, что отъ послѣдняго, а не отъ перваго. Но еслибы въ другихъ мѣстахъ съ давняго времени былъ обычай избирать епископовъ самимъ, то было бы совсѣмъ не понятно, какимъ образомъ и почему долгое время медлили послѣдовать этому обычаю другихъ въ Новгородѣ, гдѣ были все причины, чтобы онъ явился самъ собою и равнѣ, чѣмъ у другихъ“.

³⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*: О составѣ русск. лѣт., 49. Чтенія о древнихъ русск. лѣтописяхъ *И. И. Срезневскаго*. С.-Пб. 1862, стр. 16.

Но преданіе о становищахъ и ловищахъ Ольги въ землѣ Древлянской не отличается тѣми признаками, на основаніи которыхъ обыкновенно допускается предположеніе относительно мѣстной записи, какъ источника. Вѣроятнѣе предполагать, что это преданіе, какъ и припоминаніе о Свѣнелдѣ, заимствованы составителемъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода изъ той Повѣсти, въ которой собственно и относится названіе, перенесенное на этотъ сводъ; а въ эпоху составленія этой начальной Повѣсти никакихъ мѣстныхъ записей, кромѣ кievскихъ, еще не существовало ¹⁾.

¹⁾ Чтенія *Срезневскаго*, стр. 8: „одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей доведена была не далѣе какъ до 972 г.“ Стр. 16: „древнѣйшія лѣтописи велась въ Новгородѣ и Киевѣ. Есть еще намеки, что лѣтописъ издревле велась и въ области Волынской; въ числѣ такихъ можно считать сравненіе даней, взятыхъ съ древлянъ Олегомъ и Игоремъ, подробное припоминаніе о дѣлахъ Свѣнелда въ землѣ уличей, неопредѣленное упоминаніе о Мистишѣ сынѣ Свѣнелда, который (если не былъ одно лицо съ Лютомъ, а только братомъ его), подобно отцу (и брату), могъ имѣть свои владѣнія скорѣе всего въ землѣ Деревской“. Свѣдѣнія о даняхъ, взятыхъ съ древлянъ Олегомъ и Игоремъ, могли быть первоначально занесены и въ кievскую лѣтописъ, такъ какъ эти свѣдѣнія имѣли, конечно, значеніе и для Кіева; о томъ, что дѣлалъ Свѣнелдъ въ землѣ уличей, непосредственно земли Волынской не касалось, такъ какъ земля уличей въ составъ Волынской земли и не входила; остается упоминаніе о Мистишѣ, которое и самъ авторъ называетъ неопредѣленнымъ. Впрочемъ, онъ и самъ считаетъ неоспоримымъ только то, что „лѣтописи велась независимо въ разныхъ краяхъ Руси и по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, въ Новгородѣ и Киевѣ“ (стр. 16). Мнѣнія Срезневскаго о начальной нашей лѣтописи были разобраны въ статьѣ, напечатанной въ *Моск. Унив. Извѣстіяхъ*, 1868 г., № 9, „Нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ“. Стр. 742: въ доказательство существованія лѣтописи X вѣка „приводятъ еще слова лѣтописи подъ 6453 г.: „воевода бѣ Свѣнелдъ, тѣ же отецъ Мистишинъ“. Такъ какъ Мистиша не упоминается нигдѣ послѣ въ лѣтописи и, значитъ, былъ лицо не важное, то значитъ, говорить, онъ упоминается здѣсь только для того, чтобы отличить отца Мистиши отъ другаго Свѣнелда. Но не странно ли представить, что лѣтописецъ-современникъ вздумалъ отличать знаменитаго отца именемъ невѣстнаго сына! Ему стоило только сказать—воевода Свѣнелдъ, и всѣ знали бы о комъ онъ говоритъ. Но если лѣтописецъ не могъ такъ говорить о Свѣнелдѣ при его жизни, то мы въ правѣ сказать, что онъ не могъ бы сдѣлать того же и вскорѣ послѣ его смерти. Последняя же замѣтка о Свѣнелдѣ находится въ лѣтописи подъ 978 г. Потому развѣ только лѣтописецъ конца X и начала XI в. имѣлъ поводъ назвать Свѣнелда отцемъ Мистиши“.

Извѣстный разказъ объ ослѣпленіи Василька (см. у *Соловьева*, III, изд. 1857 г., стр. 133—134) слѣдуетъ считать отдѣльнымъ сказаніемъ, а потому мы и не считаемъ необходимымъ входить въ разборъ этого памятника. Вопросы, насъ занимающіе, касаются краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, а не сказаній.

Что же, если только приведенныя нами соображенія основательны, даетъ намъ право предполагать существованіе лѣтописныхъ замѣтокъ владиміро-волинскихъ, какъ источника Повѣсти? Одно только извѣстіе о преставленіи Владимірскаго епископа Стефана, подъ „1094 г.“ Но оно одно является слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы сдѣлать заключеніе о записяхъ владиміро-волинскихъ въ эпоху составленія древнѣйшаго лѣтописнаго свода, тѣмъ болѣе потому, что приурочивается къ отдѣлу записей печерскихъ.

Къ тому же 1105 г., къ которому относится извѣстіе о поставленіи епископа во Владимірѣ-Волинскій, относится и запись о поставленіи Лазаря въ Переяславль, ноября 12-го, и эта запись можетъ быть отнесена къ отдѣлу кievскихъ записей на томъ же основаніи, на какомъ къ тому же отдѣлу отнесена нами и запись объ Анфилохѣ, 1105 г., августа 27-го. Въ Кіевѣ также могли записать и извѣстіе объ освященіи церкви св. Михаила въ Переяславлѣ, такъ какъ оно было совершено митрополитомъ Кіевскимъ Ефремомъ, и на ряду съ этимъ извѣстіемъ находимъ и отзывъ о митрополитѣ Ефремѣ и свѣдѣнія о zaloженіи имъ церкви св. Θεодора и о другихъ постройкахъ, предпринятыхъ по распоряженію того же митрополита. „В се же лѣто“, сообщаетъ наша лѣтопись подъ 6597 г. (1089),— „священа бысть церкы святаго Михаила Переяславская Ефрѣмомъ, митрополитомъ тоя церкы юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславлѣ митрополѣя, и пристрой ю великою пристроєю, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды. Сий бо Ефрѣмъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ, бѣ бо тогда много зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложилъ церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Θεодора, и посемь святаго Андрѣя у церкви отъ воротъ и строенье банное камено, сего же не бысть преже в Руси; и градъ бѣ заложилъ камень, отъ церкви святаго мученика Θεодора, и украсилъ градъ Переяславскій зданіи церковными и прочими зданья“¹⁾.

¹⁾ Лѣт. по Лавр. еп., изд. 1872 г., стр. 202. *Бестужевъ-Рюминъ*: О составѣ русск. лѣт., 56—57. Пр. 178: „Что значить „митрополитомъ тоя церквы“ и „бѣ бо преже въ Переяславлѣ митрополѣя“ — мы не беремъ объяснить“. Объясненіе, сдѣланное митрополитомъ Макаріемъ въ его „Исторіи Русской церкви“ т. 1, С.-Пб. 1857, стр. 24, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Е. Голубинскій, въ своей „Исторіи русск. церкви“, т. 1, М. 1880, стр. 286, не можетъ считаться состоятельнымъ. Проф. Голубинскій замѣчаетъ: „фактъ первоначальнаго существованія или нахождения каеодры митрополита [не] въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ,

Всѣ находящіяся въ этой записи свѣдѣнія о церквахъ приведены, какъ можно догадываться, съ цѣлью характеризовать дѣятельность митрополита Ефрема, и потому-то онѣ не одновременны и замѣтно отличаются отъ тѣхъ имъ однородныхъ свѣдѣній, которыя находятся во многихъ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ и несомнѣнно заимствованы изъ записей мѣстныхъ. Такова, напримѣръ, запись о заложении церкви святаго Спаса, подъ 6793 г. (1285 г.), запись, съ которой начинается Тверская лѣтопись: „Заложаша церковь каменну святаго Спаса на Твери благовѣрнымъ великимъ княземъ Михайломъ Ярославичемъ и матерію его, благовѣрною великою княгинею Оксиньею Ярославлею Ярославича и епископомъ Симономъ Тверскимъ“¹⁾.

Къ записямъ полоцкимъ относятся слѣдующія: подъ 1105 г. о поставленіи Мины въ Полоцкъ (подъ 1116 г. о преставленіи его здѣсь) и о смерти Всеслава. Первая изъ этихъ записей можетъ быть отнесена къ тому разряду записей, къ которому отнесены нами и другія вышеприведенныя записи о поставленіи епископовъ²⁾. По-

не подлежитъ сомнѣнію“.... „намѣреніе Владиміра помѣстити митрополита не въ столицѣ государства, а отдѣльно въ особой резиденціи, не представляетъ собою примѣра единственнаго въ своемъ родѣ, что такъ было и у многихъ другихъ. Изъ Переяславля перевелъ митрополитовъ въ Кіевъ Ярославъ“.

1) П. С. Р. Л., XV, 406. Ср. Никон. лѣт., III, стр. 35, 1253 г.—объ освященіи церкви св. Бориса и Глѣба, въ Ростовѣ. О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью, *Ив. Тихомирова* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. CLXXXVIII, стр. 273.

Кромѣ двухъ вышеприведенныхъ извѣстій о Переяславлѣ, въ Повѣсти находится еще слѣдующее, относящееся къ тому же городу: 6606 (1098 г.) „заложи Володимерь церковь камяну святой Богородицѣ, Переяслави, на княжѣ дворѣ“, Сводн. лѣт., стр. 198 — 199: Лѣт. по Ип. сп., С.-Пб. 1871, стр. 179. Съ этою записью сопоставимъ слѣдующую: 6609 (1101) „Володимерь заложи церковь у Смоленскѣ святой Богородицѣ камяну, епискупью“ [„мѣсяца мая 2-го, въ 3 часъ дне“], Сводн. лѣт., 205. Лѣт. по Ип. сп., 181. Не смотря на подробныя хронологическія данныя въ этой записи, едва ли можно на основаніи только ея предполагать, что составитель древнѣйшаго лѣтописнаго свода пользовался записями смоленскими; вѣроятнѣе же объяснять эту запись тѣмъ, что въ Кіевѣ имѣли свѣдѣнія о церквахъ, построенныхъ по повелѣнію кн. Владиміра и внѣ Кіева, и это же объясненіе примѣнимо и къ записи 1098 г. о построеніи Владиміромъ церкви въ Переяславлѣ.

2) Въ Посланіи епископа Симона къ Поликарпу, въ перечнѣ епископовъ, бывшихъ иноками Кіево-Печерскаго монастыря, упоминается Мина („Мина Полотскоу“), см. Истор. христоматію, *Ф. Буслаева*, М. 1861, стр. 767, напеч. по рук. Синод. библ., № 216, ст. изъ Патерника Печер., по сп. 1554 г., съ рук. 1460 г. Ср. въ Исторіи Русск. церкви, *Е. Голубинскаю*, т. 1, М. 1880, стр. 562: „Из-

этому для рѣшенія вопроса о полоцкихъ записяхъ особенное значеніе приобретаетъ извѣстіе о смерти Всеслава. „В лѣто 6609“ (1101)— читаемъ въ лѣтописи— „преставися Всеславъ, Полоцкий князь, мѣсяца априля въ 14-й день, въ 9 часъ дне, въ среду“. По числовымъ даннымъ этого извѣстія оно и было относимо къ полоцкимъ записямъ. Но эти данныя оказываются не вполне точными. „14-е апрѣля въ мартовскомъ году падало на субботу, а въ сентябрьскомъ — на воскресенье. Должно быть: апрѣля 4-го или 11-го; эти числа въ мартовскомъ году приходились въ среду“.

Въ Радзивилловскомъ спискѣ, принадлежащемъ Академіи Наукъ, конца XV вѣка, и въ рукописи Московской духовной академіи, XV вѣка, нѣтъ: „мѣсяца априля въ 14-й день, въ 9 часъ дне, въ среду“. Неточное опредѣленіе дня въ Лаврентьевскомъ спискѣ не указываетъ ли на то, что запись эта тоже должна быть отнесена къ разряду кievскихъ, а не полоцкихъ, какъ и извѣстія объ епископѣ Минѣ? Въ Кіевѣ на судьбу Всеслава не могли не обращать вниманія; было время, когда онъ занималъ кievскій столъ; изъ-за Всеслава поссорились и Ярославичи, и какъ извѣстно, память о Всеславѣ жила на югѣ Руси и во времена болѣе позднія ¹⁾.

Записки о поставленіи и преставленіи митрополитовъ и епископовъ, впервые нашедшія себѣ мѣсто въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, вносились и въ позднѣйшіе лѣтописные своды; на основаніи ростовскихъ записей былъ составленъ перечень епископовъ Ростовскихъ, а на основаніи новгородскихъ записей—лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ ²⁾. Къ этимъ памятникамъ имѣютъ также ближайшее отношеніе недавно открытыя въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Θεογονστѣ ³⁾.

Е. Замысловскій.

вѣстны въ настоящее время епископы Полоцкіе: 1. Мина, изъ монаховъ кievопечерскихъ, поставленный 13-го декабря 1104 г., умершій 20-го юнія 1116 г.“

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр., изд. 1872 г., стр. 264 — 265. *Бестужевъ-Рюминъ*: О сост. русск. лѣт., стр. 57.

²⁾ П. С. Р. Л., VII, 313—314. *Бестужевъ-Рюминъ*: О сост. русск. лѣт., 66. „Роспись или краткій лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ“, начеч. въ изд. Арх. ком. „Новгород. лѣтописи“, С.-Пб. 1879, стр. 130 и сл.

³⁾ Ст. В. Г. *Васильевскаго* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888 г., февраль.

РУССКОЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА ¹⁾.

III.

Царствованіе императрицы Елизаветы, много теряющее при поверхностномъ обзорѣ сравнительно съ блестящимъ царствованіемъ Екатерины II, прекрасно разъяснено и оцѣнено у С. М. Соловьева. По весьма мѣткому замѣчанію его, Н. И. Панинъ не могъ бы сказать, что его чуть не убилъ параличъ при чтеніи дѣла о Волинскомъ, если бы между правленіемъ Анны и временемъ Екатерины II не стояло царствованіе Елизаветы. Современники очень хорошо вспоминали объ этихъ двадцати годахъ „кроткаго правленія женскаго“; въ правленіе это почти забылись, должны были казаться уже далекимъ воспоминаніемъ времена Бирюковщины; кончились среди русскаго правительства раздоры и борьба за власть, которую вели тамъ иноземцы, чуждые интересовъ русскаго народа; главными руководителями дѣлъ стали люди истинно русскіе, направленіе внутренней политики опредѣлилось и не мѣнялось въ теченіе двадцати лѣтъ; во все царствованіе дочери Петра главное вниманіе и заботы правительства направлены были на удовлетвореніе насущныхъ потребностей народа; въ законодательствѣ постоянно шло смягчающее вліяніе, ограничены пытки, уничтожена смертная казнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ злоупотребленія рѣже оставались безнаказанными; уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ и заставъ устранено множество затрудненій во внутрен-

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

нихъ, особенно торговыхъ сношеніяхъ; много принято прямыхъ и косвенныхъ мѣръ для распространенія просвѣщенія: учреждены университетъ, четыре гимназіи, развито изданіе книгъ, основанъ театръ; въ сношеніяхъ съ другими государствами интересы и достоинство Россіи постоянно и твердо охранялись, и между тѣмъ почти все царствованіе прошло въ мирѣ и тишинѣ; только подъ самый уже конецъ правленія Елизаветы Россія вела тяжелую войну, начатую вслѣдствіе сознанный и дѣйствительной потребности удержатъ „скоропостижнаго короля“, задержать, если не остановить, слишкомъ замѣтное усиленіе сосѣда, какъ несомнѣнно доказано Соловьевымъ, такъ что теперь уже неумѣстны всякія предположенія, будто бы главнымъ поводомъ къ виѣшательству Россіи послужили лично для императрицы неприятыя отзывы Фридриха ¹⁾). Вступленіе на престолъ Петра III во время самой войны — имѣло слѣдствіемъ, что тяжелая и побѣдоносная война кончилась безъ видимыхъ выгодъ для насъ, но она далеко не осталась безплодною вполнѣ: она еще болѣе усилила значеніе Россіи въ средѣ европейскихъ государствъ и много содѣйствовала распространенію образованности среди нашего дворянства. Впервые русскіе вели войну съ европейскимъ цивилизованнымъ государствомъ не у себя въ землѣ и не на крайнемъ сѣверѣ, а въ центрѣ, можно сказать, Европы; значительная часть нашей арміи была почти пять лѣтъ въ государствѣ болѣе цивилизованномъ и благоустроенномъ, при чемъ большая область была принята нами въ свое управленіе, и въ ней установлено почти правильное, почти мирное, обыкновенное теченіе жизни. Въ это время чуть не всѣ молодые русскіе дворяне, которыми была наполнена армія во всѣхъ чинахъ, побывали за границей, увидали тамъ совершенно новую жизнь, болѣе развитое общество, имѣли подъ руками обширную литературу, сдѣлавшуюся имъ теперь доступною, и пользовались ею, узнали новыя, лучшіе способы хозяйства; они писали въ Россію о томъ, что видѣли тутъ новаго; съ нѣкоторыми офицерами жили въ тогдашней столицѣ Пруссіи, Кенигсбергѣ, и ихъ семейства, сюда же пріѣзжало по разнымъ дѣламъ изъ Россіи много народу, дворянъ и купцовъ; наконецъ, сначала изъ Московскаго университета, а потомъ и такъ, изъ богатыхъ домовъ, присылали учиться въ Кенигсбергскомъ университетѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые занимались хорошо,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, тт. 22—24.

и которымъ ученѣе это принесло потомъ большія выгоды¹⁾; во время войны вообще усилились наши сношенія съ Вѣной, Парижемъ; въ свѣтѣ пословъ, гонцами, не мало тамъ побывало дворянъ, которые безъ этого случая никогда туда не попали бы; наконецъ, возбуждено было общественное вниманіе, расшевелена умственная дѣятельность, и это не мало, конечно, значило для общества на той степени развитія, на которой находилось тогда русское. И по словамъ одного современника, дворяне, „насмотрѣвшись нѣмецкихъ, лучшихъ порядковъ, потомъ въ состояніи были переимѣнить и всю свою прежнюю и весьма недостаточную экономію и привести ее въ несравненно лучшее состояніе—чрезъ самое то придать и всему государству иной и предъ прежнимъ несравненно лучшей видъ и образъ“²⁾; слѣдовательно, самимъ даже современникамъ этихъ событій замѣтно было, что послѣ Семилѣтней войны многое переимѣнилось къ лучшему; самое улучшеніе сельскаго хозяйства не могло бы быть сдѣлано, еслибы не произошло вообще нѣкотораго умственнаго движенія впередъ.

18-го февраля 1762 года Петръ III издалъ свой знаменитый манифестъ о вольности дворянства, которымъ разрѣшалось дворянамъ служить и выходить въ отставку по собственному желанію, жить, гдѣ угодно, въ Россіи и за границей и учить дѣтей чему и какъ кто хочетъ. Хотя послѣднее право было вскорѣ опять отчасти ограничено³⁾, но этотъ манифестъ есть, дѣйствительно, важнѣйшій актъ въ развитіи правъ и привилегій дворянства: онъ именно обращалъ его въ сословіе привилегированное, надѣляемое особыми правами, изъ сословія служилаго и несшаго службу иногда, дѣйствительно, очень тяжелую, ибо, не говоря объ отдѣльныхъ тягостяхъ военной службы, и по ограниченіи ея двадцатипятилѣтнимъ срокомъ, бывали случаи даже переселенія дворянъ изъ одного мѣста въ другое въ видахъ правительства и по его лишь предписанію, безъ согласія переселяемыхъ; уклониться же отъ своей тяжелой службы дворянство не имѣло рѣшительно никакихъ легальныхъ способовъ⁴⁾. Въ этомъ отношеніи манифестъ о вольности дворянства, кажется намъ, значительно отличается даже и отъ не менѣе знаменитой жалованной грамоты дворянству 21-го апрѣля 1785 года, ибо эта

1) Факты у *Болотова*, I, 995, 974; II, 313; III, 59, 1026.

2) *Болотовъ*, II, 453.

3) П. С. З., №№ 11444, 11531.

4) *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 145—147.

последняя, хотя и даруетъ дворянамъ важныя права и широкое самоуправленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на нихъ исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей, касающихся не дворянскаго только сословія, а всѣхъ обывателей мѣстности ¹⁾, такъ что слова князя М. М. Щербатова, что жалованная грамота есть „болѣе лишеніе, чѣмъ даніе правъ“ ²⁾, совершенно справедливы, хотя не вѣрны въ томъ смыслѣ, что характеризуютъ не главное содержаніе этого акта, а указываютъ лишь частность его; манифестъ 18-го февраля 1762 года не возлагаетъ на дворянъ въ обыкновенное мирное время никакихъ обязанностей, и если дворяне уже давно тяготились службою, давно желали свободы отъ нея, то появленіе этого манифеста именно послѣ Семилѣтней войны было и наиболѣе естественно, такъ какъ теперь, вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, съ особенною силою должно было пробудиться въ дворянахъ желаніе свободы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе полезно, такъ какъ дворяне, которые могли поселиться теперь по деревнямъ, должны были внести много новаго, благотворнаго для развитія общества.

Дворяне немедленно широко воспользовались предоставленною имъ свободою; тотчасъ всѣ дороги изъ Петербурга и Москвы покрылись дворянами, которые оставили службу и спѣшили по своимъ домамъ ³⁾ и такимъ образомъ явились въ провинціи, по всѣмъ угламъ Россіи, люди еще не старые, какими, бывало, пріѣзжали дворяне въ деревню прежде, люди еще живые, насмотрѣвшіеся петербургской жизни, привыкшіе къ ней; если и прежде, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, пріѣхавшему изъ Петербурга деревенскіе дворяне казались „сущими шутами и простаками“ ⁴⁾, то теперь дворяне, особенно побывавшіе за границей, несомнѣнно должны были найти еще болѣе различія между тою жизнью, къ которой они привыкли, и тою, которая встрѣчала ихъ въ деревнѣ; люди въ большинствѣ случаевъ еще бодрые, еще съ энергіей, съ кое-какими знаніями, любящіе общество, съ зародившимся стремленіемъ впередъ, съ желаніемъ улучшеній, люди, увидавшіе на дѣлѣ плоды образованія и выгоды знанія, они не могли, конечно, въ массѣ подчиниться тому, что должны были увидеть по деревнямъ, а должны были, напротивъ,

¹⁾ П. С. З., № 16186.

²⁾ О поврежденіи правовъ въ Россіи, Р. Ст. III, 685.

³⁾ *Болотовъ*, II, 149, 294.

⁴⁾ *Болотовъ*, I, 157.

оказать болѣе сильное воздѣйствіе на простое, необразованное, разрозненное, деревенское общество. Екатерининское правительство, съ своей стороны, особенно въ началѣ, старалось тоже содѣйствовать смягченію нравовъ, заботилось объ улучшеніи судопроизводства, о поднятій училищъ, старалось не только дать ходъ всему хорошему, но еще возбуждать и поддерживать стремленіе къ нему; много новаго, много улучшеній въ общественной жизни не замедлило обнаружиться; и время съ начала шестидесятыхъ до конца семидесятыхъ годовъ, до введенія новаго порядка въ губернской администраціи—важнѣйшаго, безъ сомнѣнія, факта внутренней жизни Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка—было приготовленіемъ къ той, совершенно новой жизни, которая началась въ провинціи съ областной реформы. Мы не будемъ подробно описывать здѣсь бытъ въ эту эпоху именно потому, что общій фонъ его былъ еще старшій, потому что много было еще въ немъ того, о чемъ говорено было выше,—постараемся только отмѣтить главнымъ образомъ то направленіе, которое стала принимать общественная жизнь, указать лишь въ общихъ чертахъ начало движенія и путь, которымъ оно пошло; послѣднія, болѣе ясныя и отличныя отъ прежнихъ формы быта, къ которымъ пришла общественная жизнь въ провинціи въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, будутъ описаны далѣе.

Встрѣчалось еще и въ 60-хъ годахъ по усадьбамъ не мало прежнихъ людей „старичковъ простенькихъ, ничего почти не значущихъ“, такихъ, съ которыми „нельзя было молвить разумнаго слова и побесѣдовать прямо дружески“, людей, не бравшихъ книги въ руки; еще и въ это время люди, которые „славилась ученостью, почитались умнѣйшими и любопытнѣйшими“, имѣли „все сіе въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ“; встрѣчались еще нерѣдко люди, исключительно занятые собаками, разными птицами, страстные охотники до боевыхъ гусей и другіе подобныя типы, прежде составлявшіе все деревенское общество¹⁾; но уже и они вели далеко не такую замкнутую, уединенную жизнь, какъ прежде; вновь поселившіеся помѣщики значительно увеличили число провинціального дворянства, принесли съ собою и сообщили и прежнимъ помѣщикамъ болшую привычку къ обществу, болшую потребность во взаимномъ общеніи; кругъ знакомствъ необходимо становился шире, и знакомые чаще видались между собою; вошло въ обычай раза три-четыре въ годъ выѣзжать изъ

¹⁾ *Болотовъ*, II, 359, 410; III, 132, 49, 508.

своихъ домовъ и недѣли въ двѣ-три объѣхать всѣхъ знакомыхъ на довольно значительномъ разстояніи. Домашній образъ жизни многихъ помѣщиковъ оставался таковъ же, каковъ былъ и прежде, препровожденіе времени въ гостяхъ не измѣнилось существенно: играли въ фанты, карты, разговаривали по прежнему о хозяйствѣ, объ охотѣ, любовь къ которой все болѣе и болѣе усиливалась, о тяжбахъ, о прошедшей войнѣ, долго еще сохранялась любовь къ качелямъ, къ катаньямъ съ горъ и тому подобнымъ увеселеніямъ, которыя прежде были почти единственнымъ развлеченіемъ помѣщиковъ; сейчасъ же послѣ войны мы еще не видимъ въ большинствѣ дворянъ средняго состоянія какихъ-нибудь болѣе общихъ, болѣе отвлеченныхъ интересовъ, по прежнему центромъ умственной жизни околodka служитъ какая-нибудь тяжба, чья-нибудь свадьба или смерть; но все-таки жизнь стала разнообразнѣе, общество сблизилось, а это было уже своего рода прогрессомъ, облегчало дальнѣйшее движеніе впередъ, и движеніе это, дѣйствительно, мы видимъ постоянно ¹⁾. Въ то же время приведена была въ исполненіе одна правительственная мѣра, которая уничтожила огромное число поводовъ къ тяжбамъ и тѣмъ отвлекла, конечно, интересы и вниманіе дворянства отъ приказныхъ дѣлъ; мы говоримъ о генеральномъ размежеваніи, къ которому давно уже собирались приступить, и которое произведено было въ 60-хъ годахъ. Къ этому же времени относится и другой замѣчательный фактъ Екатерининскаго царствованія—созваніе комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Правда, мы не имѣемъ отзывовъ современниковъ, въ которыхъ высказывалось бы признаніе за нею большой пользы: напротивъ, многіе находили, что она была совершенно излишнею и безплодною, что никакого дѣла изъ нея не вышло, такъ какъ большинство дворянъ по своему развитію было еще весьма далеко отъ возможности быть полезными въ такомъ дѣлѣ ²⁾. Но если даже не признавать, что намѣреніе императрицы было лишь узнать желанія и нужды сословія ³⁾, — указаніями депутатовъ очень много воспользовались при составленіи учрежденія о губерніяхъ,—если даже и не признавать этой единственной цѣли, то все же не могъ не оказаться полезнымъ для дворянъ призывъ собраться, обсудить свое положеніе и

¹⁾ *Болотовъ*, II, ч. XI—XIV.

²⁾ Слова *Вибикова*—*Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. 4, XXIX; *Болотовъ*, II, 654—655.

³⁾ *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. 4, XXIX.

нужды, обдумать свои желанія и поискать средствъ къ устраненію недостатковъ. Наказы дворянъ своимъ депутатамъ весьма интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ весьма обильныя данныя для опредѣленія интересовъ и понятій дворянства всей почти Россіи; видно, что было еще много дворянъ, которыхъ даже такой привывъ недостаточно возбуждалъ къ умственной дѣятельности, которые были, дѣйствительно, вовсе не приготовлены къ рѣшенію поставленнаго вопроса; такъ, напримѣръ, въ одномъ наказѣ первымъ пунктомъ поставлено, что „дворянство, имѣя штабъ- и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, принуждены бывають съ питейныхъ домовъ покупать водку и вино, многимъ съ противными и съ непристойными спеціями и запахомъ; посему дворянство по характерамъ ихъ видѣть принуждены себѣ въ томъ недостатокъ..... посему о дозволеніи о сидѣть вина каждому помѣщику по достатку доложить комиссіи“; затѣмъ идетъ предложеніе брать пошлины не съ истца, а съ виноватаго, просьба сложить рублевый окладъ съ бань и въ заключеніе говорится: „что же принадлежитъ до разсужденія объ обществѣ, о томъ вамъ, избранному отъ насъ депутату, поступать по присяжной должности и по точной силѣ законовъ Ея Императорскаго Величества“¹⁾; въ другомъ наказѣ прямо сказано: „мы, будучи въ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи всего Муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ“, и предоставляется все на усмотрѣніе депутата²⁾. Но есть не мало наказовъ хорошо обдуманныхъ и хорошо изложенныхъ³⁾; слѣдовательно, въ другихъ мѣстахъ собирались дворяне не даромъ, обо многомъ переговорили между собою и кое-что уяснили себѣ.

Значительно пошатнулось въ это время то слѣпое уваженіе къ прежнему, сдѣланному предками, о которомъ говорили мы раньше: безусловнаго почтенія къ старинѣ теперь уже нѣтъ, теперь иные уже скептически относятся къ тому, что прежде казалось „священнымъ отъ древности“; нѣкоторые обычаи старины кажутся уже глупыми;

¹⁾ *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. IV, 351—353, наказъ депутату отъ дворянства г. Кадыи (нынѣ заштатный въ Костромской губерніи); депутатомъ былъ избранъ майоръ Мак. Степ. Захаровъ.

²⁾ *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. VIII, 510—511; депутатъ—отставной л.-гв. капитанъ Ив. Петр. Чаадаевъ.

³⁾ Напримѣръ, наказъ Дмитровскаго дворянства. *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. VIII, 500—510 и нѣкоторые другіе.

многіе дворяне передѣлываютъ свои дома, взмѣняютъ способы хозяйства, между тѣмъ какъ прежде это было бы сочтено „смертнымъ грѣхомъ и неслыханнымъ отважнымъ предпріятіемъ“ ¹⁾. На первое время такое отношеніе къ старинѣ было, можно сказать, только еще отрицательнымъ приобрѣтеніемъ, такъ какъ мѣсто прежняго уваженія къ старому не заняло еще ни знаніе, ни развитіе, но новый взглядъ былъ залогомъ дальнѣйшаго движенія, открывалъ ему дорогу. Мы видимъ также среди дворянъ расширеніе потребностей, появленіе первыхъ признаковъ чувства изящнаго, и для массы тогдашняго средняго дворянства это тоже было не малымъ шагомъ впередъ: прежнія жилища кажутся теперь уже слишкомъ малыми, тѣсными, похожими на тюрьмы; строятся новые дома, болѣе просторные, комнаты въ восемь и даже болѣе, и всѣ эти комнаты кажутся „необходимо надобными для спокойнаго обитанія“; онѣ дѣлаются выше, больше, свѣтлѣе; убираются обоими, украшаются какими-нибудь картинами, гравюрами и т. д. ²⁾; но вся жизнь, вся обстановка въ 60-хъ годахъ еще очень проста, болѣе близка еще къ старому, и нѣтъ почти признаковъ той роскоши, которая получила потомъ широкое распространеніе; впрочемъ, первые ея признаки—множество разнообразной прислуги, роскошные костюмы, экипажи и т. д.—появились уже въ началѣ 70-хъ годовъ ³⁾.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, немедленно же вслѣдъ за манифестомъ о вольности дворянства и именно вслѣдствіе его, рядомъ съ такими простыми, еще прежняго типа дворянами, о которыхъ мы сейчасъ говорили, появились въ провинціи по усадьбамъ люди, по своему времени образованные, большіе любители книгъ, собиравшіе библіотеки, и такъ какъ книги тогда доставать было очень не легко, то даже переписывавшіе ихъ собственноручно; любимымъ чтеніемъ ихъ были исторія Роллена, въ переводѣ Тредіаковскаго, сочиненія Сумарокова, переводные романы—похожденія Клевеланда, Маркизь Г***, Жилблазъ, нѣкоторые классики—Квинтъ Курцій, Эпиктетъ и др.; встрѣчались по деревнямъ и такіе люди, съ которыми очень образованный человѣкъ того времени находилъ большее удовольствіе поговорить о разныхъ предметахъ; эти люди осо-

¹⁾ *Болотовъ*, II, 400, 513, 542.

²⁾ *Болотовъ*, II, 304, 798—800; описаніе дворянскихъ домовъ у него же, Памятникъ временъ протекшихъ, 188.

³⁾ *Болотовъ*, III, 104—105

бенно старались сводить между собою знакомство, видались часто и находили большое удовольствіе „въ ученыхъ и важныхъ разговорахъ“ ¹⁾). Конечно, такихъ людей было еще очень мало; Болотовъ, напримѣръ, при своемъ весьма обширномъ вслѣдствіе разныхъ условий знакомствѣ, до 1776 года называетъ въ числѣ своихъ знакомыхъ по именамъ такихъ „любопытныхъ“ людей только 12 человекъ,—но все-таки важно было и не могло остаться безплоднымъ уже появленіе и этихъ нѣсколькихъ лицъ въ одномъ околосѣ. Въ 70-хъ годахъ Болотовъ началъ встрѣчать въ домахъ богатыхъ дворянъ, которые теперь тоже селились иногда въ провинціи, людей, отлично знающихъ иностранныя языки, знакомыхъ съ французскою и нѣмецкою литературою, „обожающихъ даже Вольтера“, „охотниковъ до поэзіи и наукъ свободныхъ“ и занимавшихся ими; впрочемъ, до 1776 года онъ называетъ такихъ только шесть человекъ. Въ обществѣ такихъ болѣе развитыхъ людей разговоры ведутся о философіи, о преимуществахъ той или другой системы ея, читаются французскіе и нѣмецкіе поэты; такіе дворяне разсуждаютъ о Сумароковѣ и Ломоносовѣ, сравниваютъ ихъ, при чемъ приносятъ изданія ихъ сочиненій и съ восторгомъ прочитываютъ нѣкоторыя ихъ произведенія; обсуждаютъ событія политическія, внутреннія распоряженія; такъ, напримѣръ, манифестъ о межеваніи вызвалъ оживленные толки и разсужденія; теперь вообще все общество стали занимать политическія событія, такъ что, напримѣръ, при первой турецкой войнѣ при Екатеринѣ II въ уѣздахъ многіе стали выписывать газеты, и вообще тѣмъ дальше, тѣмъ все рѣже и рѣже стали попадаться среди помѣщиковъ люди ничего не знающіе, и тѣмъ болѣе рѣзко выставляются они современниками какъ исключенія ²⁾). Карамзинъ, выросшій въ это именно время, передавая очень близко къ описанному содержаніе бесѣдъ тогдашнихъ лучшихъ помѣщиковъ, съ величайшимъ уваженіемъ говорить о томъ духѣ чести и преданности отечеству, который господствовалъ среди ихъ, и вообще вспоминаетъ своихъ знакомыхъ деревенскихъ жителей изъ этого круга съ величайшимъ уваженіемъ ³⁾).

¹⁾ *Болотовъ*, II, 1009, 605, 853, 356, 862—863; *И. И. Дмитриевъ*, 20—21; *М. А. Дмитриевъ*, 46; *И то и се*, 1769, л. X; „*Трутень*“, 1769, 42.

²⁾ *Болотовъ*, III, 186; II, 1011; III, 164; II, 626, 742; *И. И. Дмитриевъ*, 20—21.

³⁾ Сочиненія *Карамзина*, изд. *Смирдина*, 1848, III, 264, „Рыцарь нашего времени“: „Добрые люди, миръ вашему праху! Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣтствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словохотую,

При болѣе близкихъ сношеніяхъ въ средѣ дворянства, установившихся тогда, отъ людей образованныхъ кое-что мало по малу приставало къ другимъ; теперь не смотрятъ уже на чтеніе, какъ на нѣчто опасное и вредное, теперь уже во всякомъ почти домѣ можно найти хоть какую-нибудь книгу, какой-нибудь романъ, или хоть пѣсенникъ или придворный календарь ¹⁾. Мы имѣемъ очень подробныя указанія на интересы дворянъ того времени въ наказахъ, данныхъ дворянами своимъ депутатамъ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Какъ выше уже указано, нѣкоторые наказы очень замѣтно выдаются изъ общаго уровня въ ту или другую сторону, но большинство сходны между собою въ главныхъ чертахъ; въ этихъ наказахъ высказывается желаніе сохранить соединеніе дворянства, созданное для выборовъ предводителя и депутата, и самую должность предводителя, и черезъ него дать дворянству извѣстную долю участія въ мѣстномъ управленіи; затѣмъ дворянство проситъ точнаго размежеванія земель, подробнаго опредѣленія порядка наслѣдства, учрежденія нѣкоторыхъ судебныхъ органовъ по провинціямъ, упрощенія судопроизводства, новыхъ мѣръ противъ ябедничества и лихоимства; въ нѣкоторыхъ наказахъ говорится о промышленныхъ предпріятіяхъ, о торговлѣ крестьянъ; въ еще меньшемъ числѣ наказовъ — объ учрежденіи училищъ для дворянскихъ дѣтей: учрежденіе многихъ училищъ тогда еще не представлялось большинству возможнымъ, но пользу образованія сознавали уже очень многіе; ученіе къ тому же освобождено было отъ прежней тяжелой связи со службою, отъ прежнихъ смотровъ, и люди, сами не получившіе образованія, теперь болѣе, чѣмъ прежде, стараются научить своихъ дѣтей чему возможно. И прежде случалось, что небогатые люди отдавали своихъ дѣтей въ дома болѣе достаточныхъ — для компаніи ихъ дѣтямъ, а иногда и для совмѣстнаго ученія съ ними; теперь же отдаютъ дѣтей къ знакомымъ именно для ученія, и притомъ, не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, и учатъ ихъ, кромѣ грамоты и ариметики, еще и закону Божію, и рисованію, отчасти и „правоученію“, которое соединяло въ себѣ части тепе-

отъ васъ заимствовалъ Русское дружелюбіе, отъ васъ набрался духу Русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ боярахъ: ибо спѣсь и высокомѣріе не замѣняютъ ее; ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человека отъ подлости и дѣлаетъ презрительныхъ. Добрыя старини, миръ вашему праку!“

¹⁾ И. И. Дмитриевъ, 15; Аксаковъ, 92.

решнаго катехизиса и нѣкоторыя физическія свѣдѣнія ¹⁾). Можно думать, что примѣромъ и побужденіемъ для обычая учить дѣвочекъ, послужило учрежденіе института для бѣдныхъ дворянскихъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ. Въ это время облегчилась возможность ученія дѣтей въ провинціи тѣмъ, что вслѣдъ за появленіемъ тамъ большаго числа дворянъ, во многихъ городахъ устроились пансіоны для дѣтей, въ иныхъ даже по нѣскольку, съ курсомъ предметовъ приблизительно такимъ же, какъ указанный выше, и о пансіонахъ этихъ мы имѣемъ далеко не одни дурныя отзывы; многіе брали учителями студентовъ Московскаго университета, иные, за невозможностью учить дѣтей дома, посылали своихъ сыновей для ученья даже въ другіе города подъ присмотромъ надежнаго слуги ²⁾). Теперь попадаются нерѣдко и любознательныя, склонныя къ чтенію, хорошія и разумныя молодыя дѣвицы, хотя на ряду съ ними встрѣчается не мало дѣвушекъ, по прежнему, безъ всякаго образованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь можно встрѣчать не мало „московскихъ модницъ“, которыхъ остерегались и молодые, но серьезные люди. Болотовъ, въ своей „Дѣтской философій“, которая, очевидно, заключаетъ въ себѣ портреты его знакомыхъ, выводитъ и такую дѣвушку, и вѣроятно, его описаніе близко къдѣйствительности, именно потому, что онъ не пытался создать типы въ литературной формѣ. По его изображенію, такія барышни постоянно скачутъ, вертятся, нацѣвываютъ модныя пѣсенки, только и говорятъ, что про наряды, смѣются дѣвушкамъ скромнымъ и учащимся, говорятъ, что еслибы вздумали родители хоть одну зиму не повезти ихъ въ Москву, то онѣ ѣсть бы не стали, слегли бы въ постель, а заставили бы туда ѣхать; имъ все равно, чего бы ни стоили модныя наряды, мать должна ихъ доставать, собирая деньги съ крестьянъ, хоть бы тѣ переколѣли ³⁾). Еще въ это время, значить, зародились тѣ типы, которые потомъ были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ въ литературѣ, и тогда же они были встрѣчены порицаніемъ.

Поѣздки въ Москву вошли теперь во всеобщее употребленіе, и

¹⁾ Даниловъ, 41, 45—46; Болотовъ, III, 102, 117 и др.; В. Хвостовъ, 553 часть курса, „нравоученія“ и представляютъ два напечатанные тома „Дѣтской философій“ Болотова.

²⁾ И. И. Дмитріевъ, 11—13; Энгельгардтъ, 8; Винскій, 85; Тимковскій, 1412; Шевыревъ, Исторія Моск. университета, 106; „Инструкція о воспитаніи“ 1772—1775, Р. Ст., XXXI, 659—661.

³⁾ Болотовъ, II, 671, 824; Дѣтская философія, I, 378—401, II, 1—35.

даже прежніе скупые домохозяева стали теперь ежегодно посѣщать столицу; на масляницу, на Рождество ежегодно съѣзжалось сюда множество дворянъ; здѣсь они вели веселую жизнь, ѣздили въ маскарады, въ театръ, который всѣмъ нравился, такъ что многіе, проживъ въ Москвѣ недѣли двѣ-три, не пропускали ни одного представленія, а если театръ и въ наше время имѣетъ значеніе болѣе чѣмъ одно развлеченіе, то конечно, еще важнѣе и благотворнѣе было его вліяніе тогда на общество несравненно менѣе просвѣщенное и развитое. Въ Москвѣ же дѣлались разныя закупки: покупали провизію, платье, экипажи, нѣкоторые, наконецъ, книги; только здѣсь были доктора, аптеки, хотя, правда, и тѣ, и другія были еще очень плохи ¹⁾. Въ городскомъ обществѣ, по замѣчанію современниковъ, тоже произошли значительныя измѣненія: „свѣтское“ городское обращеніе 60-хъ годовъ уже далеко оставляло за собою „свѣтское“ обращеніе конца 40-хъ, и если еще тогда пріѣзжему изъ столицы деревенскіе дворяне казались простаками и шутиками, то конечно, и теперь не могли не дѣйствовать на многіхъ деревенскихъ дворянъ развивающимъ образомъ столкновенія съ людьми, болѣе привычными къ обществу, къ разнообразной жизни; притомъ отсутствіе многого, что казалось прежде „свѣтскимъ“ въ обращеніи, теперь показалось бы уже просто ужасною грубостью: по нѣкоторымъ бѣглымъ замѣчаніямъ, по сравненіямъ современниковъ можно думать, что чуть не все тогдашнее свѣтское обращеніе состояло въ томъ, чтобъ имѣть въ домѣ достаточное число мебели, не браниться и не драться съ прислугой при гостяхъ, не брать кушаньевъ съ блюдъ прямо руками и т. п. ²⁾.

Таково было дворянское общество въ провинціи, таковы были въ немъ движенія въ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка; сѣмена прогресса были уже въ него брошены; но возникалъ вопросъ: получатъ ли эти сѣмена дальнѣйшее развитіе, дано ли будетъ этому развитію надлежащее направленіе, и будетъ ли оказана ему необходимая поддержка, или оно, предоставленное самому себѣ, будетъ идти медленно, въ тяжелой борьбѣ съ неподвижностью прежнихъ привычекъ и прежнихъ понятій? Волинскій не безъ основанія, вѣроятно, высказывалъ на своемъ плохопонятномъ теперь языкѣ, что наше дворянство вообще на столько не честолюбиво, на столько не

¹⁾ *Болотовъ*, II, 340, 663—656, 598; III, 117; *Вечера*, 1772, II, 105—111.

²⁾ *Болотовъ*, II, 366; I, 200; II, письма 125—127, III, письмо 154.

энергично, что принудительная служба ему же полезна и необходима для интересовъ государства; графъ Сиверсъ тоже писалъ, что манифестъ о вольности дворянства имѣеть ту невыгодную сторону, что, при неразвитости большинства далекихъ дворянъ, въ нихъ можетъ совершенно заглухнуть сознание общихъ интересовъ и своихъ обязанностей предъ государствомъ; и дѣйствительно, въ 1766 г. одинъ дворянинъ, на приглашеніе къ выбору предводителя и депутата въ комиссію, отказался прійхать, говоря, что по манифесту о вольности дворянства онъ свободенъ отъ всякой службы ¹⁾). Областная реформа явилась очень кстати и разрѣшила поставленные вопросы въ благопріятномъ смыслѣ.

IV.

Царствованіе Екатерины II вызывало у насъ самыя различныя оцѣнки. Современники, особенно поэты, и нѣсколько ближайшихъ поколѣній прославляли его какъ блестящую эпоху, какъ золотой вѣкъ, называли Екатерину Великою и Премудрою; потомъ начали находить въ немъ то тотъ, то другой недостатокъ, стали упрекать его въ лживости, въ порчѣ общественныхъ нравовъ, въ забвеніи истинныхъ обязанностей въ отношеніи къ разнымъ обслловіямъ и въ другихъ, не менѣе тяжелыхъ винахъ, такъ что наконецъ отношеніе къ этому царствованію перешло, можно сказать, въ отрицательное, чуть не во враждебное. Подобное различіе сужденій о немъ, впрочемъ, понятно: богатство въ немъ выдающихся событій, обиліе произведенныхъ реформъ, затронувшихъ чуть не всѣ стороны жизни, и важность произведенныхъ этими реформами слѣдствій могутъ, болѣе или менѣе, дать основаніе для самыхъ противорѣчивыхъ выводовъ. Но надобно, во первыхъ, строго различать исторію Россіи вообще, исторію русскаго общества, отъ исторіи самой императрицы и окружавшей ее аристократіи, вовторыхъ, надобно помнить, что какъ весьма значительные,

¹⁾ „Правда, что въ неволѣ служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно и такіе, которые ѣдятъ въ своемъ домѣ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получить ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякій захочеть лежать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопы и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и съ той чести надлежащія мѣста отдавать имъ“ и т. д.—см. *Романовичъ-Славатинскій*, *Дворянство*, 187. *Илюайскій*, „Графъ Яковъ Сиверсъ“, *Р. В.* 1865, т. II, 165, I, 640.

бросающіеся въ глаза недостатки, такъ и замѣтные успѣхи въ извѣстныхъ только отношеніяхъ не даютъ еще права изречь ни безусловной похвалы, ни безусловнаго порицанія всему царствованію; такое общее сужденіе, общая оцѣнка стануть научно возможными только тогда, когда внимательно будетъ разобрано и изучено тогдашнее состояніе Россіи со всѣхъ сторонъ, когда будутъ изслѣдованы всѣ движенія въ тогдашней жизни; вообще такое общее сужденіе не можетъ предупреждать, а должно сопровождать строго научную, непремѣнно полную и даже талантливую исторію того времени, а не изученіе отдѣльных факторовъ или сторонъ его; но такой исторіи царствованія Екатерины II мы еще не имѣемъ, а по тому ненаучно и рѣзкое, рѣшительное осужденіе его; можетъ быть даже, что еще и рано писать такую исторію, такъ какъ историку будетъ слишкомъ трудно, если не невозможно, остаться вполнѣ непристрастнымъ: очень многіе вопросы внутренней и внѣшней тогдашней жизни государства волнуютъ еще и насъ; многіе интересы, дѣйствовавшіе тогда, раздѣляютъ еще и теперешнихъ людей. Но если, при теперешнемъ состояніи науки русской исторіи, еще не время высказывать окончательный приговоръ царствованію Екатерины II, то все-таки наша обязанность до мѣръ силъ готовить возможность такого сужденія тщательнымъ и непристрастнымъ изученіемъ отдѣльных сторонъ тогдашняго быта, отдѣльных вопросовъ исторіи того времени; многіе изъ нихъ теперь стали уже въ значительной степени доступны обработкѣ, а многіе еще ждутъ ея; къ числу послѣднихъ относятся исторія быта и нравовъ тогдашняго дворянства, о чемъ я уже говорилъ выше; упомянуто было также, что къ тогдашнему обществу дворянъ начали высказывать все чаще и чаще, особенно послѣднее время, очень враждебное отношеніе, стали изображать его очень мрачными красками, и что вмѣстѣ съ тѣмъ еще не сдѣлано и попытки прослѣдить постепенныя измѣненія въ бытѣ и нравахъ дворянства за время царствованія Екатерины II: ограничивались лишь „характеристиками“ тогдашняго общества, въ извѣстный только моментъ, и притомъ характеристиками, въ составленіи которыхъ уже замѣтны иногда предвзятія цѣли.

Выше мы указали, на основаніи возможно полнаго и непристрастнаго изученія источниковъ, каково было тогдашнее дворянское общество въ царствованіе Елизаветы и въ первыя 15 лѣтъ царствованія Екатерины II, указали и начавшееся движеніе впередъ, при чемъ въ общихъ чертахъ отмѣчали тѣ правительственныя мѣры, которыя оказывали

наиболѣе замѣтное вліяніе на измѣненіе быта и нравовъ общества; теперь перейдемъ къ изученію общества, какимъ оно было въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка, то-есть, послѣ введенія областной реформы, которая оказала чрезвычайно большое и благотворное вліяніе на всю общественную жизнь въ провинціи, и притомъ изложимъ сначала внѣшнюю сторону тогдашней жизни, оставляя болѣе подробную характеристику умственного и нравственного состоянія общества до послѣдней главы.

Современники и очевидцы областной реформы оставили намъ весьма интересныя замѣчанія о ней и объ ея слѣдствіяхъ, и если мы можемъ, ближе ознакомившись съ авторами этихъ отзывовъ, признать ихъ за людей добросовѣстныхъ, достаточно развитыхъ, чтобы понимать свое время, и достаточно знавшихъ его, чтобы видѣть происшедшія перемѣны, то не можемъ не придавать ихъ замѣчаніямъ высокаго значенія, какъ для самой оцѣнки фактовъ, которые, конечно, каждому изъ нихъ въ его кругу, въ томъ кругу, куда вводить онъ насъ, были извѣстны лучше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ узнаемъ мы изъ его словъ, такъ и для констатированія тѣхъ или другихъ, особенно общихъ фактовъ, для пониманія общаго фона того времени, не всегда легко для насъ уловимаго. Всѣ эти отзывы почти единогласно сходятся въ признаніи за областною реформою чрезвычайно важнаго и благотѣльнаго вліянія на всю внутреннюю жизнь Россіи.

Такъ, Болотовъ, замѣчая вообще, что реформы Екатерины производятъ „великое потрясеніе умовъ, заставляють всѣхъ дворянъ мыслить, хлопотать и заботиться“, пишетъ про учрежденіе о губерніяхъ, что „всѣ читали его съ особливимъ вниманіемъ и готовились заблаговременно уже ко всѣмъ перемѣнамъ, долженствующимъ произтечь изъ сего важнаго преобразованія“, и что „эпоха эта была, по всей справедливости, самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны“ ¹⁾. Винскій, человѣкъ, вообще желчный въ своихъ отзывахъ, замѣчаетъ однако, что „самое славное изъ Екатерининскихъ дѣлъ—права, данныя дворянству и городамъ“, и что „они были бы дѣйствительно полезны, еслибы дворяне умѣли читать и понимать“. Конечно, можетъ быть, дарованіе этихъ правъ и не принесло тѣхъ именно плодовъ, какихъ ждали иные современ-

¹⁾ Болотовъ, II, 627, III, 574.

ники, но изъ записокъ самого же Винскаго видно, что вообще пользу они принесли замѣтную: онъ самъ же указываетъ, вскорѣ послѣ введенія въ Уфѣ губернскихъ учреждений, много улучшеній, находящихся въ непосредственной зависимости отъ этого факта ¹⁾. Добрынинъ, описывая открытіе Бѣлорускаго намѣстничества, прибавляетъ: „Такимъ образомъ вся губернія восприняла новый видъ управленія, подъ которымъ обѣ бѣлорусскія губерніи, какъ и вся имперія, благоденствовали, покоились, торжествовали, черезъ всѣ счастливые годы ея (Екатерины II) царствованія, исключая только частныхъ какихъ-нибудь неурядковъ, какими отличались иногда начальники губерній по недовѣднію или по употребленію во зло данной имъ власти, отъ чего, однако, вѣроятно нигдѣ и никогда никакое правленіе свободно быть не можетъ“ ²⁾. Кн. Дашкова также пишетъ въ своихъ запискахъ: „Новое раздѣленіе Россіи на области, какъ первый шагъ къ введенію порядка и цивилизаціи въ такой обширной странѣ было истинно великимъ дѣломъ Екатерины. Вслѣдствіе его дороги сдѣлались безопасны и удобны, внутренняя торговля оживилась и частное благосостояніе скоро проявилось въ улучшеніи городовъ. Въ разныхъ городахъ были построены на государственнѣйшій счетъ соборы и прекрасные дома для воеводъ; но что всего главнѣе—императрица, не забывавшая мѣткой русской пословицы до Бога высоко, до царя далеко — учредила мѣстные суды и полицію и тѣмъ обезпечила народное довѣріе и спокойствіе“ ³⁾. Кн. О. Н. Голицынъ пишетъ объ областной реформѣ: „Отъ сего учрежденія проистекла для имперіи большая польза. Прежде одинъ воевода съ товарищемъ управлялъ цѣлою губерніею, въ дѣлахъ была большая проволочка и неудобность. Дворянство, живущее въ деревняхъ, не имѣло столько способовъ въ воспитаніи дѣтей и, мало между собою сообщаясь, оставалось въ совершенной праздности и безъ всякой пользы для отечества; нравы не обрабатывались и оставались загрубѣлыми, особливо же въ отдаленныхъ губерніяхъ; народъ или крестьяне не имѣли понятія о нѣкоторомъ общемъ порядкѣ и не столько имѣли способовъ къ промышленности. Симвъ общепользнымъ средствомъ распространилось нѣкоторое нужное просвѣщеніе и обходительность. Находили только, что въ начертаніяхъ о губерніяхъ излишнія учре-

¹⁾ Винскій, 179, 186—187.

²⁾ Добрынинъ, 201.

³⁾ Записки кн. Дашковой, 288—289.

ждены присутственныя мѣста первой инстанціи, что, кажется, послѣ и подравлено уничтоженіемъ нѣкоторыхъ. Въ разсужденіи пространства нашей имперіи и свирѣпыхъ свойствъ нашего народа нужно было ввести сельскую полицію или благочиніе. Съ того времени, дѣйствительно, менѣ слышно о какихъ-либо злодѣяніяхъ¹⁾. Гр. Северсъ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины въ дѣлѣ губернской реформы, указывалъ, что она должна привлечь къ участию въ государственной дѣятельности массу новыхъ людей, нѣсколько ограничить этимъ вліяніе одной придворной аристократіи и устранить то невыгодное слѣдствіе манифеста о вольности дворянства, что, при тогдашнемъ невысокомъ еще развитіи и образованіи, дворяне могли потерять всякое сознаніе общихъ интересовъ и своихъ обязанностей передъ государствомъ; кромѣ того, онъ и потомъ свидѣтельствовалъ о благотворномъ вліяніи этой реформы на жизнь и нравы дворянства²⁾. Наконецъ, Карамзинъ еще въ 1801 году писалъ объ этой реформѣ совершенно въ томъ же духѣ. „Новое учрежденіе о губерніяхъ составляетъ“, говоритъ онъ,—„вторую³⁾ важную эпоху въ ея (Екатерины Великой) правленіи и мало по малу удивительнымъ образомъ перемѣнило Россію какъ въ умахъ, такъ и въ нравахъ“; Затѣмъ, указавъ, что послѣ манифеста 1762 года многіе дворяне, поселившіеся въ помѣстьяхъ, „вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь“, Карамзинъ говоритъ, что учрежденіе пансіоничества открыло дворянамъ новое поле дѣятельности, вывело ихъ изъ произвольнаго заточенія, соединило и болѣе познакомило между собою, возвысило цѣну добраго мнѣнія о человѣкѣ, дало болѣе средствъ достойнымъ образомъ воспитывать дѣтей, открыло новые способы для торговли и благотѣльно повліяло даже на улучшеніе сельскаго хозяйства, и что подъ вліяніемъ сношеній съ дворянами, живущими по городамъ, улучшились нравы и торговыхъ людей, прежде грубые, а жизнь въ провинціи стала безопаснѣе. Вообще Карамзинъ находитъ, что „Россія въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлью было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, еслибы теперь воскресли, не узнали бы Россіи“⁴⁾. Мы ограничиваемся здѣсь при-

¹⁾ Записки кн. *Θ. Н. Голицына* въ *Р. Арх.* 1874, 1293—1294.

²⁾ *Иловайскій*, Сочиненія, 540—541, 546, 548, 570—572.

³⁾ Первою онъ признаетъ созваніе комиссіи для сочиненія проекта *Новаго Уложенія*.

⁴⁾ *Карамзинъ*, „Историческое похвальное слово Екатерینѣ II“, Сочиненія, изд. 1848 г., т. I, 275—380, особенно 329—370.

веденными отзывами, хотя можно привести и еще не мало самых благоприятныхъ отзывовъ о царствованіи Екатерины II вообще, а особенно—объ областной реформѣ ¹⁾. Несомнѣнно, мнѣ кажется, что отзывы столь многихъ лицъ, отзывы, имѣющіе цѣлью охарактеризовать именно общее положеніе Россіи, столь удивительно согласные между собою, отражаютъ фактъ дѣйствительной жизни, фактъ важный, крупный, рѣзко бросающійся въ глаза, и тѣмъ удивительнѣе, что эпоха эта проходитъ вовсе не замѣченной во всѣхъ почти трудахъ по исторіи XVIII вѣка. Намъ извѣстенъ лишь одинъ несочувственный отзывъ объ этой реформѣ, именно кн. М. М. Щербатова, который въ своемъ извѣстномъ политическомъ памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ дѣлаетъ, между прочимъ, такой упрекъ Екатеринѣ: „Составлены учрежденія, которыя не стыдились законами называть, и содѣланныя намѣстничества, наполня безъ разбору людьми, съ нарушеніемъ всего перваго, къ вреду общества, къ умноженію ябедъ и раззоренія народнаго, да и за тѣми надзирающіе не имѣютъ, исправляютъ ли точно по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городскими названныя, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе народу“ ²⁾. Но этотъ отзывъ, по самой страстности тона возбуждающій уже подозрѣніе въ своей справедливости, совершенно недоказательствъ, не означаетъ недостатковъ этихъ учреждений прямо, между тѣмъ какъ всѣ противоположныя отзывы прямо и опредѣленно указываютъ, въ чемъ именно выражалась польза этихъ учреждений,

¹⁾ *Мил. Ал. Фонъ-Визинъ* говорить въ своихъ Запискахъ, что царствованіе Екатерины II—„время самое блистательное въ нашей исторіи“; „небывалая въ Россіи до нея кротость и умѣренность въ дѣйствіяхъ верховной власти и нѣкоторое уваженіе къ законамъ ознаменовали царствованіе Екатерины II; этимъ Россія обязана была уваженію императрицы къ энциклопедистамъ и желанію быть ими прославляемой“; по его словамъ, учрежденіе губерній и городоваго положеніе, давъ мѣстнымъ жителямъ право выбирать чиновниковъ мѣстнаго управленія и судопроизводства, „улучшили управленіе губернскаго и уѣзднаго“. *Р. Ст.*, XLII, 57, 58. *В. Селивановъ*, въ статьѣ „Изъ давнихъ воспоминаній“, пишетъ: „Конечно, Шишковскій страшный человекъ, но все-таки при Екатеринѣ какъ-то всѣ были довольны и забывали даже о Шишковскомъ“, *Р. Арх.* 1869, 165; *Эмеллардтъ* говоритъ: „Царствованіе его (Павла I) было для всѣхъ чрезвычайнѣе тяжело, особливо для привыкшихъ благоденствовать подъ кроткимъ правленіемъ обожаемой монархини. Конечно, и при ней были несправедливости, но онѣ были рѣдки и претерпѣвали ихъ частныя лица, а не все цѣлое“, стр. 199.

²⁾ Кн. *М. М. Щербатовъ*, „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, *Р. Ст.*, III, 685.

и на сколько, съ своей стороны, отзывы эти обобщаютъ относящійся сюда матеріалъ изъ источниковъ для исторіи того времени, на столько же въ свою очередь подкрѣпляются и подтверждаются сами всѣмъ, что и предъ нами ясно выступаетъ изъ этихъ источниковъ, если, конечно, обращать вниманіе и придавать значеніе не единичнымъ фактамъ, а общему смыслу и характеру разказовъ, общему фону, который выступаетъ при чтеніи тогдашнихъ мемуаровъ и другихъ подобныхъ матеріаловъ.

„Къ важному и навѣки достопамятному для города дню“ открытія въ немъ намѣстничества происходили великія приготовленія: готовили дома для намѣстника, губернатора и другихъ высшихъ чиновниковъ, для присутственныхъ мѣстъ, для дворянскаго собранія, при чемъ присутственныя мѣста приходилось иногда на первое время помѣщать въ монастырскихъ зданіяхъ, въ семинарія, а для зала дворянскаго собранія обращать одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ города въ одну комнату; приготовляли деревянный театръ, фейерверкъ, помѣщеніе для маскарада, потому что открытіе намѣстничества сопровождалось разными увеселеніями. Въ городъ собиралось все окрестное дворянство, пріѣзжали и изъ сосѣднихъ губерній, такъ что городъ „никогда еще не видывалъ толь великаго множества и знатнаго, и средняго, и мелкаго дворянства“; въ Новгородъ, напримѣръ, съѣхалось на открытіе намѣстничества до 650, въ Тверь до 500 дворянъ; чиновникъ Добрынинъ, не имѣвшій еще знакомыхъ въ Могилевѣ, куда пріѣхалъ искать мѣста, пишетъ, что дворяне, собравшіеся на открытіе губерніи, „пили, ѣли и играли“; но Болотовъ, вращавшійся въ средѣ самаго дворянства, даетъ въ своихъ запискахъ ясно понять, что они были очень заинтересованы должнствующими совершиться событіями; о нихъ преимущественно разсуждали и разговаривали, были очень возбуждены. Другіе источники свидѣтельствуютъ также, что мѣстные дворяне сближались съ вновь прибывшими чиновниками, которые чаще были люди сравнительно знающіе и образованные, и что вообще настроеніе общества было таково, какого только можно было желать ¹⁾.

Въ назначенный для открытія день всѣ дворяне являлись въ соборъ; тамъ, на молебнѣ, читали манифестъ, и затѣмъ всѣ ѣхали въ залъ дворянскаго собранія, такъ-называемый „красный“; въ немъ у

¹⁾ Болотовъ, III, 715—720; Трефолевъ „А. П. Мельгуновъ“, Р. Арх. 1865, 895; Иловайскій, Сочиненія, 554, 568, 569; Добрынинъ, 193, 194; Винскій, 179.

передней стѣны сооружался тронъ, и за нимъ ставился портретъ императрицы; со ступенекъ трона намѣстникъ, окруженный чиновниками и гостями изъ другихъ губерній, говорилъ привѣтственную рѣчь, которую собраніе слушало стоя, затѣмъ предлагалъ трехъ кандидатовъ въ губернскіе предводители дворянства, и начиналась баллотировка, которую большинство тутъ только впервые узнало: дворянамъ, сидѣвшимъ на скамьяхъ, раздавали по шарикъ и потомъ обносили ихъ баллотировочными ящиками; губернской прокуроръ считалъ шары на виду всѣхъ. На другой и на третій день, подъ председательствомъ уже губернскаго предводителя, выбирали уѣздныхъ предводителей и съ ними, послѣ назначенія двѣнадцати кандидатовъ въ засѣдатели въ совѣстный судъ, въ верхній земскій судъ и въ приказъ общественнаго призрѣнія, выбирали и на эти должности и въ уѣздные судьи и засѣдатели; выбранныхъ водили къ намѣстнику, онъ ихъ утверждалъ „въ сихъ чинахъ“ и поздравлялъ; на четвертый день избранныхъ приводили къ присягѣ, на пятый — намѣстникъ открывалъ присутственныя мѣста и „садилъ“ тамъ чиновниковъ. Въ эти же дни происходили разныя увеселенія: спектакли труппы, набранной изъ чиновниковъ, маскарадъ и фейерверкъ, которыхъ многіе никогда прежде не видывали; въ то же время давали вечера и парадные обѣды намѣстникъ, предводитель, иногда даже мѣстный архіерей. Увеселеніями торжества открытія и заканчивались; открытіе новыхъ уѣздныхъ городовъ и присутственныхъ мѣстъ въ нихъ производили губернаторы безъ всякой торжественности ¹⁾. Пріѣзжіе возвращались по домамъ со множествомъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ интересовъ, новыхъ темъ для разговоровъ и размышленій. Особенно въ первое время было замѣтно благотворное вліяніе областной реформы. Мы не знаемъ, кто были ближайшими сотрудниками императрицы при составленіи Учрежденія о губерніяхъ ²⁾; но очевидно, что этотъ актъ былъ очень тщательно и внимательно обдуманъ;

¹⁾ *Болотова*, III, 720—728, 746; *Русскій Архивъ* 1865, 913.

²⁾ „Сиверсъ впоследствии разказывалъ, что совѣтникомъ императрицы въ настоящемъ случаѣ собственно былъ онъ одинъ, и никто изъ министровъ тутъ не участвовалъ, даже и князь Вяземскій. Екатерина хотѣла сначала ввести новые учрежденія только въ Твери, въ видѣ опыта. „Но, говоритъ Сиверсъ, совѣтъ, состоявшій изъ придворныхъ льстецовъ, бросился къ ея ногамъ и со слезами умолялъ немедленно обратить въ законъ такое великое благодѣяніе. Ея Величество уступила и проектъ сдѣлался закономъ“; *Иловайскій*, Сочиненія, 540.

главнѣйшимъ матеріаломъ для него послужили, по видимому, заявленія депутатовъ въ комиссіи 1766 года, особенно дворянскіе наказы, и нельзя не отмѣтить, что и самоуправленіе, и участіе въ судебныхныхъ и другихъ общихъ дѣлахъ округа, и опека и все прочее, чего просили дворяне, было имъ дано, и дано въ формахъ гораздо болѣе совершенныхъ, законченныхъ, такъ-сказать, государственныхъ, чѣмъ представляли себѣ дворяне въ своихъ наказахъ; реформа эта вводилась постепенно, но безъ замедленій и съ измѣненіями, необходимость которыхъ указывала практика ¹⁾; людямъ очень хорошо образованнымъ, большею частью даже талантливымъ, выдающимся, выбирать которыхъ такъ умѣла императрица Екатерина, поручены были теперь по двѣ, по три губерніи, и многіе изъ намѣстниковъ очень ревностно заботились о выгодахъ и улучшеніи края, ввѣреннаго ихъ управленію; вмѣсто прежнихъ воеводъ, своими поступками опозорившихъ самое это имя, губернаторами назначались, особенно въ первое время, большею частью люди честные, благонамѣренные и ларовитые; они съ замѣтнымъ успѣхомъ направляли свою дѣятельность на улучшение дѣлопроизводства и судопроизводства, заботились о подъемѣ торговли и промышленности, о распространеніи знаній: во многихъ городахъ во время самыхъ торжествъ открытія губерніи рѣшали учредить училища, на нихъ тутъ же собирались деньги, и они дѣйствительно основывались; суммы, которыя въ другихъ городахъ жертвуются были на памятники императрицы, она приказывала обращать на школы. Вновь учрежденныя училища, сравнительно съ прежними, были, поставлены очень хорошо; въ управленіи, какъ уже указано выше, приняли теперь участіе многіе дворяне, сосредоточившіеся, такимъ образомъ, въ болѣе значительномъ числѣ въ городахъ; въ иныхъ губернскихъ городахъ заведены типографіи, и началась при содѣйствіи высшихъ мѣстныхъ властей даже журнальная дѣятельность ²⁾; во всей общественной жизни, въ развитіи массы дворянства, не замедлили оказаться многія и весьма важныя измѣненія.

Общественная жизнь была рѣшительно выбита изъ прежней колеи, въ которой развитіе ея, какъ мы видѣли, шло довольно ме-

¹⁾ П. С. З., №№ 14816, 15280.

²⁾ *Иловайскій*, Сочиненія, 572, 558, 569—570, 578; *Державинъ*, VI, 556, 558, 563; Пугешевствіе *Кокса*, Р. Ст., XIX, 24, Ст. *Трефолева* о А. П. Мельгуновѣ, Р. Арх., 891—892; П. С. З., № 14927.

дленно. Теперь всякій помѣщикъ долженъ былъ жить не только для своего дома, отдѣльно отъ всѣхъ и всего; теперь онъ имѣлъ новыя права, новыя обязанности, новыя интересы; у помѣщиковъ были теперь поводы, собираясь, говорить не объ одномъ своемъ хозяйствѣ, не объ однѣхъ собакахъ, а обсуждать то, другое, говорить о дѣлахъ всей губерніи, и въ рѣшеніи многихъ изъ нихъ теперь каждый дворянинъ, прямо или косвенно, могъ принимать участіе. И нельзя, дѣйствительно, не отмѣтить, съ какимъ умѣньемъ реформа была направлена именно къ устраненію той обособленности, того отсутствія дѣятельности, которыя угрожали дворянству, поселившемуся теперь въ провинціи, полнымъ застоємъ, опасностью облѣниться, измелчать умственно, отдавшись вполне однимъ только домашнимъ, хозяйственнымъ заботамъ. Та общественная жизнь, которая началась на торжествахъ открытія губерній, уже не прекращалась. Въ городахъ теперь постоянно живетъ довольно много дворянъ; присутственныя мѣста наполнены судьями и засѣдателями изъ дворянъ; все это люди большею частью еще не старые, болѣе или менѣе развитые, интересующіеся разными вопросами; они сближаются, живутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, и даже въ отдаленныхъ, прежде отличавшихся грубостью нравовъ, городахъ, начинается такая живая, интересная общественная жизнь, что многіе поселяются тамъ, перѣзжая даже изъ столицы; иногда губернаторъ собираетъ около себя все общество, предлагая молодежи танцы и игры, а людямъ пожилымъ умные, интересные разговоры о политикѣ, литературѣ и искусствахъ, устраивая у себя вечера, балы, концерты, спектакли; у иныхъ губернаторовъ большія библіотеки, которыя они предоставляютъ въ пользованіе желающихъ читать, завязывая съ таковыми дружественныя отношенія, хотя бы это были и люди, занимающіе въ обществѣ не высокое положеніе; часто пріѣзжаютъ въ городъ и жители деревень, собираясь въ особенно большомъ количествѣ черезъ каждые три года „на выборы и имѣющія быть увеселенія“; исчезаетъ почти различіе, прежде столь рѣзкое, между жителями деревень и городовъ; „грубость и скотство“, прежде господствовавшія въ городахъ, отдаленныхъ отъ главныхъ центровъ, „тотчасъ принуждены уступить мѣсто людскости, вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ“, замѣчаетъ Винскій. Это—еще то же общество, что было и прежде, но обстоятельства измѣнились, и оно мѣняется; связанное и сплоченное общими интересами

оно „занимается общежитіемъ“, по выраженію Сиверса ¹⁾). Въ запискахъ, напримѣръ, Болотова можно замѣтить, что значительно переи́нились въ это время къ лучшему многіе его знакомые, люди уже не молодые, выросшіе еще при прежнихъ обстоятельствахъ и учившіеся не въ Петербургѣ или Москвѣ, а дома, и измѣнились именно потому, что въ благоприятную сторону измѣнены были условія общественной жизни: у нихъ есть теперь кое-какіе умственные интересы, у нихъ пробуждена умственная дѣятельность. Теперь у дворянъ болѣе зажиточныхъ можно встрѣтить часто цѣлое общество такихъ людей, которые были прежде на перечеѣ, людей образованныхъ и могущихъ говорить „обо всемъ“; во многихъ домахъ собираются значительныя библіотеки, картины, коллекціи эстамповъ, разныхъ рѣдкостей и т. д.; цѣлое общество собирается слушать переводы изъ иностранныхъ книгъ; попадаютъ въ отдаленныхъ даже городахъ люди, которые ведутъ какъ бы мѣстную летопись, записываютъ разные слухи, анекдоты, у которыхъ можно даже получить „рѣдкія и тайныя“ (запрещенныя) сочиненія; чрезвычайно распространяется любовь къ чтенію: въ Богородскѣ, напримѣръ, подъ самою, значить, Москвою, до 1779 года никто не зналъ о журналахъ, издававшихся Новиковымъ, а теперь многіе выписываютъ всѣ русскіе журналы и газеты, даже и иностранныя, съ нетерпѣніемъ ждутъ почты, съ особенною любовью слѣдятъ за тѣмъ или другимъ изданіемъ ²⁾). Благодаря дѣятельности Новикова, оказавшаго на этомъ поприщѣ чрезвычайно важныя услуги Россіи, заведена торговля книгами во многихъ провинціальныхъ городахъ; въ послѣднее двадцатипятилѣтіе прошлаго вѣка торговля книгами разрослась въ Россіи необыкновенно: прежде въ Москвѣ была лишь одна книжная лавка, — теперь ихъ стало до 20, продававшихъ въ годъ книгъ на сумму до 200000 рублей ³⁾; много значилъ тутъ, конечно, и указъ о вольныхъ типографіяхъ. Теперь, даже въ отдаленныхъ городахъ попадаетъ не мало молодыхъ людей, очень хорошо образованныхъ, ведущихъ жизнь „философическую“, какъ тогда говорили, или занимающихся на-

¹⁾ *Державинъ*, 556—557; *Винскій*, 183, 179; *Русскій Архивъ* 1865, 931—932; *Болотовъ*, IV, 100; III, 806—807; *Иловайскій*, Сочиненія, 572; „*Курьеръ изъ ада*“ 1788, 57.

²⁾ *Болотовъ*, II, 859, 930, 1020 и др.; IV, 245, 275, 340, 513, 686, 709, 845, 886 и мн. др.; „Памятникъ времени протекшихъ“, 32; *Винскій*, 183.

³⁾ *Карамзинъ*, Сочиненія, изд. 1848 г., т. III: „О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи, 545—550; *И. И. Дмитріевъ*, 46, 52, 57.

убами, напимѣръ, ботаникой, изученіемъ электричества и т. п.; современники сами отмѣчаютъ, что въ 80-хъ годахъ поднялась наконецъ и въ Россіи „заря наукъ“¹⁾; впрочемъ, люди, жившіе и нѣсколько позже, бывшіе въ то время еще молодыми, вспоминали, что хотя въ массѣ дворянства и стали распространяться тогда свѣдѣнія, но большею частью безъ системы, а что серьезно, упорно учиться принялись у насъ лишь съ 1808 года, когда установленъ былъ образовательный цензъ для чиновниковъ²⁾; попадаются „артисты“, то-есть, любители изящныхъ искусствъ, знатоки театра; иные занимаются литературой; вскорѣ даже любовь къ литературнымъ упражненіямъ дошла до смѣшной страсти, до смѣшнаго увлеченія стихотворствомъ, такъ что чуть не всякій считалъ себя обязаннымъ писать стихи³⁾, — но это есть увлеченіе совершенно естественное при томъ быстромъ пробужденіи умственныхъ силъ, которое тогда происходило. Все чаще и чаще встрѣчаемъ мы упоминанія о „знающихъ и многими достоинствами одаренныхъ людяхъ“; многіе изъ богатыхъ молодыхъ людей бывали за границей; потомъ и это обратилось тоже почти въ моду⁴⁾, стало признаваться многими уже не средствомъ, а цѣлю: извѣстны многочисленныя нападки тогдашнихъ журналовъ на обычай странствовать по чужимъ краямъ; но эти нападки были направлены на увлеченіе путешествіями, на путешествія безъ пользы, а мы имѣемъ не мало указаній, что путешествія за границу приносили и должную пользу: что молодые люди возвращались, много передумавши, многое узпавши, познакомившись съ состояніемъ западной науки и литературы. Появились въ обществѣ и люди, увлеченные идеями XVIII вѣка, такъ-называемые вольтеріанцы, и даже

¹⁾ *Болотовъ*, III, 914; IV, 517, 928, 1153; *Висскій*, 86; „*Почта духовъ*“ 1789, 87, свидѣтельствуютъ также о развитіи научной любознательности, хотя и въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ: „хотя за большое невѣжество почитается не знать именъ современныхъ писателей, или названій вновь выходящихъ твореній—но никто ихъ не читаетъ“: обстоятельная библіографія въ такихъ журналахъ, какъ *Академическія извѣстія*, *С.-Петербургскія ученныя еядомости*, *Россійскій магазинъ*, доказываетъ, что этотъ сатирическій отзывъ имѣлъ все-таки основаніе въ дѣйствительной жизни.

²⁾ *М. А. Дмитріевъ*, 18, 78.

³⁾ *Болотовъ*, IV, 928; *Памятникъ*, 42, *Добрынинъ*, 118; *И. И. Дмитріевъ*, 59—разказъ о встрѣчѣ съ Д. И. Фонъ-Визинимъ; яркій примѣръ—помѣщикъ Струйскій,—о немъ *М. А. Дмитріевъ*, 85—88.

⁴⁾ Письма *Ликара* къ князю А. Б. Куракину, изъ Петербурга, 1781—1782 г., *Р. Ст.*, I, 129—130.

атеисты, стали слышаться даже насмѣшки надъ религіей,—но это, опять-таки, есть естественный, и всегда сопровождающій быстрое движеніе, переходъ въ противоположную крайность отъ воспитанія исключительно на духовныхъ книгахъ, царившаго прежде ¹⁾); кромѣ того, такое поклоненіе Вольтеру и безвѣріе, что тогда почти всегда соединяли, никогда не было господствующимъ и даже сильно распространеннымъ; въ общемъ современники не любили и старались избѣгать такихъ молодыхъ людей, они замѣчали также, что вольтеріанцы вскорѣ дѣлались меланхоликами, усталыми людьми ²⁾): это и есть психологически естественное слѣдствіе сильнаго подчиненія чуждому увлеченію, для котораго окружающая жизнь не представляла необходимой почвы.

Вообще, въ теченіе немногихъ сравнительно лѣтъ, въ провинціи создается образованное, развитое общество; отъ прежняго своего состоянія оно быстро идетъ къ тому, что мы видимъ вокругъ себя теперь; Карамзинъ былъ въ значительной мѣрѣ правъ, говоря, что предки ихъ не узнали бы Россіи, еслибы встали изъ гробовъ; но совершившіяся измѣненія были вполне естественны: это было развитіе, улучшеніе старой жизни, а не нѣчто постороннее, не нѣчто вполне новое; никакого разрыва съ предшествующею эпохою мы не видимъ ни изъ какихъ источниковъ; напротивъ, если общество заключало въ себѣ много новаго, то оно носило еще въ себѣ не мало и явныхъ остатковъ старины. Образованные молодые люди были въ это время уже чужды прежнихъ суевѣрій, но за то мы встрѣчаемъ значительное распространеніе вѣры въ магію, въ таинственныя гаданія, которыя были въ концѣ прошлаго столѣтія весьма распространены въ западной Европѣ и оттуда проникли къ намъ; въ иныхъ городахъ появляются, привлекая общее вниманіе, разные заѣзжіе „страшные астрологи и провѣщатели“; мы видимъ и теперь, даже у людей образованныхъ, такіе интересы и занятія, которые намъ не могутъ не казаться смѣшными, напримѣръ, „придумываніе разныхъ замысловатыхъ алфавитовъ, которыхъ разгадать не возможно“,

¹⁾ *Болотовъ*, IV, 350, 484, 790; III, 164; IV, 203, 112; *Шууровъ* въ статьѣ— „Ученіе и ученіи въ XVIII вѣкѣ“ приводитъ интересныя слова Полѣнова о Тюбингенскомъ университетѣ, *Р. Арх.* 1866, 318; также отличается самостоятельнымъ, серьезнымъ взглядомъ „Журналъ путешествія“ *Зинovieва*, *Р. Ст.*, XXIII; не говорю уже о путешествіяхъ Фонъ-Визина, Радицева, Карамзина; *М. А. Дмитриевъ*, 50.

²⁾ *Болотовъ*, III, 164.

или сочиненіе въ стихахъ развѣхъ загадокъ, которыя трудно признать остроумными, или „составленіе изъ красокъ разныхъ цвѣтовъ“ и т. п. А любовь къ подобнымъ занятіямъ еще очень недавно, сравнительно, можно было встрѣтить у довольно образованныхъ по старинному, стариковъ ¹⁾. Не измѣнилось рѣзко и отношеніе къ слугамъ; я выше говорилъ уже, что нельзя считать господствовавшимъ въ то время дурное съ ними обращеніе, — таково же осталось оно и въ концѣ XVIII в.; но и теперь, напримѣръ, въ книгѣ, напечатанной Новиковымъ въ 1789 году, и о которой Новиковъ отзывался очень хорошо ²⁾, между прочимъ говорится, что часто приходится наказывать слугъ, а что если, провинившись, слуга еще станетъ грубо отвѣчать, то придется дать ему оплеуху, если онъ продолжаетъ ворчать себѣ подъ носъ, то прибавитъ ихъ еще нѣсколько, потомъ потаскать за волосы, наконецъ, если онъ искренно не проситъ прощенія — съѣчь, и наконецъ, прибавляется: „не случается ли часто, что мы такихъ непокорливыхъ рабовъ сажаемъ въ стулья, облагаемъ кандалами, моримъ голодомъ“? Впрочемъ, бить слугу во вспыльчивости, тѣмъ болѣе при постороннихъ, считалось крайне непристойнымъ ³⁾; обыкновенно наказанія носили по истинѣ отеческій характеръ и вовсе не были слѣдствіемъ презрѣнія къ слугѣ, забвенія въ немъ человѣческаго достоинства: такъ наказывали и самихъ тогдашнихъ дворянъ въ дѣтствѣ, такъ и они наказывали своихъ дѣтей; бабушка, рассказываетъ одна современница, которая была въ свое время хорошо воспитана, — какъ на кого изъ дворовыхъ прогнѣвается, сниметъ съ ноги башмакъ и живо отшлепаетъ; если наказанный попроситъ прощенія, то тѣмъ и кончалось; если не попроситъ, то наказаніе усиливалось ⁴⁾. Не замѣчаемъ измѣненій и во взглядѣ на крѣпостныхъ; и теперь встрѣчаются люди, заботливо относящіеся къ своимъ крестьянамъ, на столько ими заняты, что только и говорятъ, что о нихъ и ихъ хозяйствѣ, и даже надоѣдаютъ своими разговорами другимъ, которымъ эти предметы кажутся

¹⁾ Тимковскій, 1421; Болотовъ III, 1201; IV, 68—69.

²⁾ Путеводитель къ истинному человѣческому счастью, М. 1784, III, 227—240; отзывъ объ этой книгѣ *Московскія Вѣдомости* 1784, № 16 и слѣдующіе.

³⁾ Добрынинъ рассказываетъ, какъ личная расправа со своимъ мальчикомъ епископа Кирилла Флоринскаго неприяно поразила помѣщика, у котораго онъ остановился, 62; драку со слугами Болотовъ также отмѣчаетъ, какъ доказательство грубости тамбовскихъ помѣщиковъ.

⁴⁾ Разказы бабушки, 11.

„слушанія недостойными“; это типъ людей, впрочемъ уже не новый: объ освобожденіи крестьянъ говорено было нѣсколькими депутатами еще въ комиссіи 1766 года; встрѣчаются и потомъ указанія на заботы о крестьянахъ, даже объ обученіи крестьянскихъ дѣтей, и я указываю здѣсь только, что такой типъ не вымиралъ никогда, что среди дворянства всегда помнили, что крѣпостные такіе же люди ¹⁾). Вообще, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отчасти отношеніи, мы видимъ движеніе впередъ—но именно, какъ исполнѣ естественное, органическое развитіе, а не какъ распространеніе новыхъ началъ, отрицающихъ прежнія понятія.

Но если сохранялось еще много стараго, если новое развивалось прямо изъ стараго, то это послѣднее получало рѣшительное преобладаніе. Тотъ „тонкій вкусъ“, та „свѣтская жизнь“, начало которымъ положено было въ столицахъ еще въ 50-хъ годахъ, въ послѣднюю четверть вѣка исполнѣ и повсюду проникли въ общество; различіе между обществомъ столичнымъ и провинціальнымъ хотя, конечно, существовало, но все болѣе и болѣе сглаживалось; а о жизни въ Петербургѣ (въ 1782—1783 г.) одинъ современникъ пишетъ: „Словомъ, всѣ жили весело и пріятно, безъ всякаго принужденія; однакожь благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми въ хорошемъ обществѣ, а для того надобно было имѣть репутацію безъ малѣйшаго пятна и тонъ хорошаго воспитанія“; повсюду распространился теперь вкусъ къ удовольствіямъ эстетическимъ, любовь къ музыкѣ, спектаклямъ, такъ что массы публики наполняли постоянно театръ и слушали концерты заѣзжихъ „виртуозовъ“, которые теперь стали посѣщать столичныя и большіе города; даже у себя въ домахъ многіе помѣщики стали устраивать концерты, спектакли, а болѣе богатые заводили даже цѣлыя труппы собственныхъ актеровъ; въ Москвѣ къ концу вѣка было 15 театровъ, и изъ нихъ лишь одинъ казенный; прежде въ немногихъ домахъ имѣли музыку, состоявшую изъ двухъ-трехъ лакеевъ, игравшихъ „на скрипочкахъ“—теперь же во многихъ, даже не особенно богатыхъ домахъ, составляли изъ дворовыхъ цѣлыя оркестры музыкантовъ, обученныхъ у настоящихъ, иногда очень хорошихъ, капельмейстеровъ, которые начали теперь селиться даже по небольшимъ уѣзднымъ городамъ; на

¹⁾ *Болотовъ*, III, 1107; *Сб. Русск. Имп. Ист. Общ.*, т. 34, 54, 55; *Лепехинъ*, *Дневныя записки*, I, 93; *Наказъ управителю (Рычкова)* въ 16-й книжкѣ *Трудовой Волим. Экон. Общ.* (XVIII в.), 1—68.

музыку человекъ далеко не могъ издерживать иногда до шестой части своихъ годовыхъ расходовъ ¹⁾. Въ концѣ 80-хъ годовъ вошли въ провинціи во всеобщее употребленіе визиты; начались они съ того, что по праздникамъ ѣздили на поклонъ къ главнымъ особамъ города, потомъ стали ѣздить и по знакомымъ; а одно время, въ Тулѣ по крайней мѣрѣ, была какая-то манія на визиты: всѣ только и дѣлали, что рыскали по знакомымъ, оставаясь всюду лишь по нѣсколькимъ минутъ ²⁾.

Съ этой же эпохи замѣтно болѣе значительное улучшеніе воспитанія и обученія дѣтей и увеличеніе для этого способовъ; кромѣ того, что въ столицахъ увеличилось число учебныхъ заведеній, расширенъ ихъ штатъ и улучшено преподаваніе и воспитаніе учащихся,—теперь во многихъ городахъ, при ближайшемъ участіи родителей, открываются частныя пансіоны для маленькихъ дѣтей, гдѣ учатъ французскому и нѣмецкому языкамъ, географіи, исторіи и ариметикѣ; въ болѣе значительныхъ городахъ возникли правительственныя школы, въ которыхъ были нерѣдко хорошіе учителя; нѣкоторыя семьи изъ усадебъ нарочно переѣзжаютъ въ городъ, чтобъ учить дѣтей, и не довольствуясь тѣмъ, что преподается въ училищахъ и пансіонахъ, стараются подыскать учителя и другаго языка, а если представляется возможность, то посылаютъ учиться и въ какомъ-нибудь частномъ домѣ; такъ, напримѣръ, у Болотова постоянно жили два, три ученика, собирались въ опредѣленные часы дѣти его знакомыхъ, и онъ толковалъ имъ законъ Божій, физику и другія части естественной науки, училъ ихъ рисованію; замѣтимъ здѣсь, что тогда вообще довольно часто жили въ домахъ болѣе состоятельныхъ людей разныя бѣдныя родственницы или дѣвушки-сироты. Во многихъ домахъ учили дѣтей музыкѣ; считалось необходимымъ выучиться танцамъ; когда собирались вмѣстѣ молодые люди и дѣвушки, то вмѣсто прежнихъ вачелей или городковъ, они занимаются разыгрываніемъ музыкальныхъ пьесъ и т. п. ³⁾. Мы выше видѣли, каково было у многихъ

¹⁾ *Болотовъ*, I, 179, 180; III, 869, 914, 947, 1023; IV, 129, 270, 344, 346, 1150, 1298 и др.; *Этельгардтъ*, 49; *Памятникъ*, 267, 268; *Державинъ*, 556, 559; о распространеніи въ обществѣ вѣжливости говорить *Курьеръ изъ ада* 1788, 252.

²⁾ *Болотовъ*, IV, 206, 811.

³⁾ *Болотовъ*, III, 117, 767—771, 838, 1088; IV, 344, 1150; *Записки гв. И. М. Доморукаго*, въ *Сочиненіяхъ* его, т. II, С.-Пб. 1849, 510—511; *Державинъ*, 556—559; *Левшинъ*, *Домашній памятникъ*, Р. Ст. VIII, 826—833; *Путешествіе Кокса*, Р. Ст., XVIII, 24; ст. *Трефолева* о Мельгуновѣ, *Русск. Арх.* 1865 г., 891—892.

прежнихъ помѣщиковъ собственно воспитаніе; часто встрѣчали мы отзѣвы, что дѣти ихъ совсѣмъ не воспитаны или воспитаны кляхо; теперь все чаще и чаще читаемъ: воспитаны изрядно, хорошо; въ болѣе достаточныхъ домахъ для дѣтей держать и „учителей и мадамъ“, часто мужа съ женою; спросъ на такихъ воспитателей былъ такъ силенъ, что породилъ большое зло, такъ какъ наниматься стали въ гувернеры и гувернантки люди, совершенно не подготовленные къ этому дѣлу, даже съ весьма дурнымъ прошлымъ; правительство для ослабленія этого зла установило экзамены, посылало по провинціи ревизовать свидѣтельства гувернеровъ и гувернантокъ, но мѣры эти не были вполнѣ дѣйствительны; жалобы, что французскіе воспитатели и воспитательницы портятъ русское юношество, громко и единогласно слышатся съ разныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе при необходимости удовлетворять все усиливавшейся потребности времени въ образованіи, тогдашніе люди не могли устранить это зло, не имѣли средствъ болѣе успѣшно съ нимъ бороться; но все-таки теперь уже дѣти не подвергаются жестокому обращенію учителей; какъ исключеніе указываетъ Болотовъ, что ему приходилось одного мальчика „даже наказывать“; такое воспитаніе, какъ описанное въ первой главѣ, теперь удивляетъ и поражаетъ всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, и они стараются подыскать кого-нибудь, кто „поисправилъ“ бы такихъ мальчиковъ ¹⁾.

О женщинахъ, какъ и прежде, встрѣчаемъ не много данныхъ; но все-таки мы узнаемъ, что теперь дѣвочекъ учатъ наравнѣ съ мальчиками; замѣтно, что чаще встрѣчаются женщины почтенныя и образованныя, молодыя дѣвушки хорошо воспитанныя, свѣтскія и разумныя; среди ихъ попадаются охотницы читать, занимающіяся музыкой; считается необходимымъ дѣвушкамъ „для приданія большаго совершенства природнымъ дарованіямъ“ умѣть танцевать, и танцамъ учатся, не смотря даже на рѣзкости вспыльчиваго танцмейстера. Въмѣстѣ съ общимъ развитіемъ, стремленіемъ къ большимъ удобствамъ и лучшей обстановкѣ, женщины начинаютъ обращать больше вниманія на наряды, моды: въ гости одѣваются шитыя золотомъ и серебромъ шелковыя платья; собираясь куда-нибудь не совершенно запросто—одѣваются къ вечеру съ утра; обязательнымъ стало румяниться, такъ что

¹⁾ Кн. *Долгорукаго* Записки, 502, 504, 514; *Левшинъ*, 830—833; замѣтки на статью „А. П. Мельгуновъ“, *Русск. Арх.* 1865, 921—922; *Болотовъ*, IV, 743, 897; *Энгельгардтъ*, 8.

не нарумянившись прїѣхать въ гости значило поступить невѣжливо; бѣлиться было не обязательно. Мы видѣли, какъ отмѣчено было появленіе въ провинціи „моднаго духа“: къ концу вѣка мы жалобъ на него уже не встрѣчаемъ въ мемуарахъ современниковъ; но, зная, что обстановка жизни вообще улучшилась и имѣя постоянныя нападки на моды въ журналахъ, мы должны заключать, что духъ этотъ сталъ общераспространеннымъ, такъ что никого уже не удивлялъ. Женщины, однако, даже и молодня, сохранили по прежнему „излишнее“, по мнѣнію даже благочестивыхъ мужчинъ, благочестіе, по прежнему любили предпринимать путешествія въ особенно чтимымъ образомъ, поднимали образа на домъ, служили предъ праздниками на дому всенощныя и готовы были лучше цѣлый день проморить больного голодомъ, чѣмъ дать ему въ постный день скоромной пищи ¹⁾.

Духовенство въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка въ общемъ замѣтно превосходило прежнихъ деревенскихъ поповъ, описанныхъ въ первой главѣ; мы имѣемъ, правда, въ блестящихъ юморомъ запискахъ Добрынина, описаніе довольно безобразной жизни Сѣвскаго архіерея Кирилла Флоринскаго, проводившаго все время въ пьянствѣ, притомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими духовными лицами, имѣемъ у того же Добрынина указаніе на почти безграмотнаго архіерея Аванасія Вольховскаго; но, чтобъ придать этимъ фактамъ ихъ истинное значеніе, ихъ надобно разсмотрѣть внимательнѣе и непременно въ связи съ окружающими ихъ указаніями. Кириллъ Флоринскій былъ все-таки, какъ ясно и изъ записокъ Добрынина, человекъ очень не глупый и по своему времени образованный, и только съ теченіемъ времени онъ отдался такому образу жизни, — но онъ былъ психически не вполне здоровъ: каждое новолуніе онъ подвергался какимъ-то припадкамъ и хотя имѣлъ, конечно, возможность подобрать себѣ товарищей для своихъ кутежей, но все вообще духовенство очень не уважало и не любило его за его образъ жизни, даже на столько, что отношеніе это довольно часто ясно прорывалось — все духовенство, напримѣръ, въ городѣ, ему не подчиненномъ, отказывалось съ нимъ служить, и т. п.; Аван-

¹⁾ *Болотовъ*, III, 117, 771; *Державинъ*, 556—559; кн. *Долгорукій*, 506; *Болотовъ*, IV, 656, 641 и др.; *Разказы бабушки*, 27, 114; *Энгельгардтъ*, 8; *Болотовъ*, III, 1019, IV, 22, 684 и др.; на моды особенно нападаютъ журналы *Почта духовъ*, 1789, *С.-Петербургскій Меркурій*, 1793.

насей же Вальховскій, малограмотность котораго самъ же Добрынинъ отмѣчаетъ, какъ поразительный въ то время фактъ, получилъ каеэдру лишь благодаря тому, что мать гр. А. А. Безбородка, старая старуха, требовала отъ сына для этого Аванасія, своего бывшаго духовника, епископской каеэдры, угрожая въ противномъ случаѣ проклятіемъ. Не можемъ здѣсь не спросить съ удивленіемъ: такіе ли это факты, которыми должно характеризовать какое-либо время? 1) Попадались и теперь, конечно, грубые и мало образованные священники; но если и здѣсь, оставивъ въ сторонѣ отдѣльные случаи, обратимся къ общему, то увидимъ, что большинство молодыхъ священниковъ — люди учившіеся, приличные, и вообще во всѣхъ отношеніяхъ превосходящіе прежнихъ священниковъ и возбуждающіе ихъ зависть; на молодыхъ представителяхъ духовнаго сана ясно замѣтно улучшение семинарскаго образованія, произведенное при Екатеринѣ II, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагала учрежденная для этого коммиссія; дворяне, сохранившіе по прежнему близкія отношенія со своими священниками, которые, впрочемъ, не пользовались уже прежнимъ вліяніемъ, а сами ѣздили къ помѣщикамъ на поклонъ, замѣчали только въ нихъ часто излишнюю приверженность къ спиртнымъ напиткамъ, выносимую ими изъ семинарій 2).

Въ это же время начинаемъ мы, хотя еще изрѣдка, встрѣчать упоминанія и о купцахъ болѣе развитыхъ, отчасти даже образованныхъ, знакомиться съ которыми дворяне не находятъ для себя унижительнымъ и неприятнымъ; дѣти купцовъ и мѣщанъ теперь учатся, въ довольно большомъ числѣ, въ особыхъ училищахъ, и училища эти идутъ иногда очень хорошо; но въ общемъ все-таки по прежнему жизнь и обычай купечества и мѣщанства кажутся дворянамъ грубыми и грязными 3).

При Екатеринѣ же, когда такъ развилась общественная жизнь, были почти впервые приняты мѣры къ сохраненію народнаго здра-

1) *Добрынинъ*, 32, 57—58; 296—297; *Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1774 гг., 4, 5.

2) *Болотовъ*, III, 47, 462, 471, 1032; IV, 759, 1191; *Знаменскій*, Духовныя школы, 392, 475 — 479; *Памятникъ времени протекшихъ*, 54, 144; *Челищевъ*, („Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1792 г.“, С.-Пб. 1886)—служилъ молебны въ сотнѣ церквей, и только два раза говоритъ о духовныхъ дурно, 146 и 268—269; *Тимковскій*, 1412.

3) *Болотовъ*, III, 471, 1124; IV, 413; *Челищевъ*, 113, 222—223, 215, 226, 236; *Памятникъ времени протекшихъ*, 150.

вія, необходимость чего указывали многіе депутаты еще въ комиссіи 1766 г., почти каждую весну и осень, особенно свирѣпствовали тогда по деревнямъ, повальныхъ болѣзней, — горячки, лихорадки, оспа, уносившія множество народу, преимущественно дѣтей, а средства противъ эпидемій были только домашнія, а чаще же всего не употреблялось никакихъ лѣкарствъ, въ ожиданіи, что больной отлежится; многіе обращались за помощью къ знахарямъ, докторовъ же можно было найти лишь въ главныхъ городахъ, да и то они часто были крайне плохи и недобросовѣстны; аптеки точно также существовали лишь въ большихъ городахъ и были не лучше, чѣмъ доктора: если, напримѣръ, не случалось въ нихъ того лѣкарства, которое спрашивали, то аптекарь безъ стѣсненія давалъ какое-нибудь другое. Въ шестидесятыхъ годахъ медицинская коллегія рѣшила имѣть докторовъ по возможности въ каждомъ городѣ, городского и уѣзднаго, — и дѣйствительно, врачей начинаемъ встрѣчать и въ провинціи, но сначала большею частью плохихъ, хотя попадались, конечно, и добросовѣстные и знающіе, — и къ такимъ лѣчиться шли многіе и очень охотно; нѣкоторые современники были недовольны только тѣмъ, что докторамъ и акушеркамъ, которыя тоже упоминаются въ 90-хъ годахъ, платили слишкомъ щедро — рублей 10, 25 и даже, за визитъ въ уѣздѣ, рублей 100 (надо помнить, что деньги были тогда гораздо дороже), такъ что человѣкъ небогатый почти никогда не могъ дозваться къ себѣ доктора, вполнѣ обеспеченнаго и безъ него; докторá, къ неудовольствію дворянъ, начали даже скупать дворянскія имѣнія и земли, тогда какъ дворяне смотрѣли на владѣніе помѣстьями какъ на свое исключительное право, доктора же выходили не изъ дворян¹⁾.

Въ это же время дворянство, черезъ свое участіе въ административныхъ дѣлахъ провинціи, пришло въ болѣе близкое соприкосновеніе съ чиновничествомъ, которое, по сословному дѣленію начала XVIII вѣка, стало почти наследственно и пополнялось исключительно изъ своей же среды, изъ потомковъ прежнихъ подъячихъ, при чемъ достигавшіе опредѣленнаго чина получали дворянство. Прежніе приказные въ глазахъ дворянъ были „пьяницы и негодяи, заслуживающіе презрѣнія“; ихъ продажность, безчестность и безсовѣстность вызвали единодушное желаніе замѣны прежняго административнаго и особенно су-

¹⁾ П. С. З., № 11965; *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. VIII, 302—306, 352—360; *Болотовъ*, III, 117—119, 940—941; IV, 109, 461; *Челышевъ*, 166, 243—244.

дебнаго порядка новымъ, съ участіемъ въ немъ дворянъ, высказавшееся въ комиссіи 1766 г. Екатерина, немедленно по вступленіи на престолъ, приняла усиленныя мѣры противъ лихоимства и злоупотребленій чиновниковъ: помимо строжайшаго преслѣдованія виновныхъ въ этомъ, она, наконецъ, установила опредѣленное жалованье чиновникамъ, вмѣсто котораго прежде имъ полагалось взимать такъ-называемыя „акциденціи“, то-есть, нѣчто въ родѣ судебныхъ издержекъ нашего времени, но шедшихъ прямо въ пользу того или другаго лица; эти-то акциденціи, установленныя закономъ, но не опредѣленныя имъ, и подавали множество поводовъ къ самому бесовѣстному взяточничеству ¹⁾. И въ первое время царствованія Екатерины видимъ, дѣйствительно какъ будто меньше взяточничества и другихъ безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ; но вскорѣ это опять сглаживается, и взятка по прежнему дѣлается необходимою; честный секретарь, когда таковой встрѣчается, кажется рѣдкимъ явленіемъ, чуть не чудомъ. Въ эту эпоху, когда такъ сильно подвинулось впередъ вообще развитіе общества, замѣтный умственный прогрессъ совершается и среди чиновниковъ, и въ числѣ ихъ начинаютъ попадаться и знающіе, и интересующіеся политикою и науками, выписывающіе русскіе и иностранныя журналы — но нельзя сказать, чтобы происходило и улучшеніе ихъ нравственности; напротивъ, взяточничество вскорѣ снова усиливается, и даже значительно увеличивается размѣръ требуемыхъ подачекъ, продолжаютъ многочисленныя, разнообразныя злоупотребленія въ разныхъ отрасляхъ управленія, особенно въ хозяйствѣ казенныхъ волостей и при рекрутскихъ наборахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и халатное, небрежное отношеніе къ дѣлу: чуть праздникъ—не найдешь въ городѣ ни одного должностнаго лица, засѣданія присутственныхъ мѣстъ не могутъ состояться, потому что или всѣ члены въ гостяхъ, или какой-нибудь членъ принимаетъ гостей; въ самыхъ присутствіяхъ чиновники занимаются больше разговорами и шутками, чѣмъ дѣломъ; чтобы чего-нибудь добиться, надо самому постоянно торчать тамъ, гдѣ дѣло производится; возобновляется прежняя волокита, и снова слышатся жалобы, что нужно только попасть дѣлу въ сенатъ, чтобы и лежать тамъ по нѣскольку лѣтъ; къ сожалѣнію, и тутъ подтверждается старая, печальная истина, что ум-

¹⁾ *Владиміръскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе, 118 — 122; *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 134, 152—153; *Болотовъ*, I, 748.

ственное и нравственное развитіе часто далеко не соответствуют другъ другу ¹⁾).

Еще ближе касалось дворянъ общество военныхъ. Еще прежде, въ эпоху обязательной службы и обязательнаго, подготовительнаго прямо къ службѣ, ученія, завелся обычай записывать дѣтей въ службу еще малолѣтними, при чемъ имъ съ дѣтства шли чины, такъ что такимъ молодымъ дворянамъ не приходилось уже нести дѣйствительной службы въ солдатскомъ чинѣ; первоначально, однако, это было привилегіей лишь болѣе знатныхъ и вліятельныхъ фамилій, но мало по малу такой обычай распространился весьма широко, и имъ стали пользоваться всѣ; сдѣлалось почти обязательнымъ, чтобъ отецъ крестный выхлопоталъ новорожденному на зубокъ патентъ на сержантскій чинъ; дѣтей записывали обыкновенно въ гвардію, потому что гвардейскіе чины были гораздо выше армейскихъ; достигши лѣтъ 18 — 20, молодые люди являлись на службу и старались добиться офицерскаго чина въ гвардіи, а это удавалось всегда, болѣе или менѣе скоро, смотря по тому, сколько ищущій могъ заплатить; полезно было подыскать какую-нибудь протекцію, и это было тоже не трудно, потому что въ петербургскомъ высшемъ обществѣ были дамы, большія охотницы хлопотать за всякихъ знакомыхъ своихъ знакомыхъ; попавши же въ гвардейскіе офицеры, всякій начиналъ „просто летѣть далѣе и нерѣдко, лежа на боку, менѣе нежели въ десять лѣтъ дослуживался до капитановъ гвардіи, затѣмъ немедленно переходилъ въ армію полковникомъ и получалъ полкъ съ доходами въ нѣсколько тысячъ, или отставлялся къ штатскимъ дѣламъ „бригадиромъ“ и этимъ перебывалъ дорого дѣйствительно служившимъ въ арміи“; число же всѣхъ офицеровъ гвардіи въ концѣ царствованія Екатерины простиралось до 20,000, при чемъ многіе сверхкомплектные получали жалованье. На раду съ такимъ злоупотребленіемъ въ арміи распространилась большая небрежность въ отношеніи къ дѣламъ и другія многочисленныя зло-

¹⁾ Соловьевъ, 26 т., 31 — 33; Иловайскій, Сочиненія, 571—572, 576; *Державинъ*, 563, 580; *Болотовъ*, III, 391, 683, 685; IV, 103, 399, 675, 699; *Винскій*, 102; *Добрынинъ*, 167, 202; Памятникъ времени протекшихъ, 5, 179; Любопытныя и достопамятныя анекдоты импер. Павла, *Русск. Арх.* 1864 г., 12, 48; ст. о А. П. Мельгуновѣ, *Русск. Арх.* 1865 г., 883; *Трутенъ* 1769 г., и *Курьеръ изъ ада* 1788 г., 162, 240, свидѣтельствуютъ также объ уменьшеніи вѣточности въ первое время Екатерининскаго царствованія.

употребленія: многіе достигали, напримѣръ, довольно значительныхъ чиновъ, слѣдующимъ путемъ: добивались отставки съ чиномъ, а затѣмъ снова поступали на службу и повторяли такъ по нѣскольку разъ; впрочемъ, одинъ изъ современниковъ, изобразившій состояніе русской арміи въ очень мрачныхъ краскахъ и очень рѣзко говорящій о безпорядкахъ въ ней, утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что уровень офицеровъ вообще очень повысился, и что составъ ихъ очень хорошъ, но только они чрезвычайно распущены, и надо сильно подтянуть всѣхъ, начиная съ высшихъ чиновъ; разказы другого современника, долго служившаго въ разныхъ полкахъ и очень подробно описавшаго это время своей жизни, подтверждаютъ этотъ отзывъ одинаково съ обѣихъ сторонъ ¹⁾. Лучшіе люди понимали, что существующій порядокъ прохожденія военной службы ненормаленъ, осуждали его, но и сами пользовались имъ, потому что иначе ихъ дѣти должны были бы остаться по службѣ навсегда позади своихъ сверстниковъ; кромѣ того, порядочные люди отпускали дѣтей въ гвардію съ великимъ страхомъ: въ провинціи знали, что гвардейцы ведутъ въ Петербургѣ жизнь очень разгульную, пьютъ, мотаются, что въ гвардіи любовныя похождения придаютъ человѣку извѣстный блескъ и вѣсъ, а имѣть любовницу считается почти необходимымъ для порядочнаго офицера; въ провинціи замѣчали, что вообще молодые люди, пріѣзжающіе изъ столицы, а особенно гвардейцы, развратны, распущены, часто говорили, что гвардія — развратница молодыхъ людей, и потому отпускали дѣтей на службу съ великимъ страхомъ; изъ столицы вообще къ концу вѣка начала распространяться нравственная порча ²⁾.

Всѣ тѣ измѣненія, которыя мы указали немного выше, все то новое, что мы замѣтили въ обществѣ, появилось въ первыя двадцать приблизительно лѣтъ Екатерининскаго царствованія; нечего и говорить особенно, на сколько это были крупныя измѣненія, на сколько эти шаги значительны. Провинціальное дворянское общество отъ состоянія, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе близкаго къ состоянію теперешнихъ крестьянъ, чѣмъ современной интеллигенціи, обратилось въ это именно

¹⁾ *Левшинъ*, 826; *Болотовъ*, IV, 254, 683; *Анекдоты*, 22, 61, 62; *Записка ген.-пор. С. М. Ржевскаго о русской арміи 1780-хъ годовъ*, *Русск. Арх.* 1879 г., I, 357—362; *А. С. Пушкинъ*, Живъ, 40, 50, 83, 108 и друг.

²⁾ *Винскій*, 95 и друг.; *Державинъ*, 447; Изъ старой записной книжки, *Р. Арх.* 1877 г., I, 512; *Пушкинъ*, IV, 45; *Болотовъ*, IV, 218.

время въ общество въ нашемъ смыслѣ слова, въ собраніе людей интеллигентныхъ, связанныхъ сознаниемъ общихъ интересовъ, имѣющее свои опредѣленныя права и обязанности, имѣющее цѣли, выходящія изъ уровня только обыденныхъ, хозяйственныхъ, домашнихъ заботъ. Въ дальнѣйшій періодъ мы не замѣчаемъ уже такого быстрого движенія впередъ, и между 80-ми и 90-ми годами далеко нѣтъ такой разницы, какъ между 60-ми и 70-ми; далѣе развитіе идетъ скорѣе, такъ-сказать, количественное, чѣмъ качественное: мы видимъ все большее и большее распространеніе въ обществѣ людскости, знаній, развитія, а не появленіе новыхъ улучшеній. Кромѣ того, въ 80-хъ же годахъ, вообще въ концѣ царствованія Екатерины, нельзя не замѣтить значительныхъ ухудшеній, значительнаго развитія роскоши и паденія нравовъ во многихъ отношеніяхъ.

Я упомянулъ уже раньше, что съ поселеніемъ въ провинціи большого количества дворянъ послѣ манифеста 1762 года, они стали значительно улучшать свою обстановку и весь свой образъ жизни; улучшение это скоро перешло въ роскошь. Помѣщики стали прилагать слишкомъ большія заботы объ украшеніи своихъ усадебъ, строили тамъ большіе каменные дома, разводили сады, парки; обои домовъ замѣняются дорогими картинами альфреско, которыя рисуютъ уже не доморощенные маляры, а нарочно выписанные ученики академіи художествъ; въ садахъ заводятся разныя дорого стоящія затѣи: фонтаны, гроты, искусственныя развалины и т. п.; прежнія небольшія скромныя собранія знакомыхъ замѣняются съѣздами челоуѣвъ въ 30—50, при чемъ на дворѣ собирается до 20 каретъ, и каждый такой съѣздъ, обращается въ роскошный и дорогой пиръ, продолжающійся дня по два, по три; кромѣ домашнихъ оркестровъ, заведены дорогія музыкальныя машины; явилась большая роскошь въ одеждѣ: почти все, относящееся до нея, стали закупать въ Петербургѣ или Москвѣ, иногда сразу на нѣсколько сотъ рублей, даже скромно жившіе люди; не говоря уже о дорогихъ дамскихъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ платьяхъ, и мужчины должны были имѣть разныя дорогіе фраки, сюртуки, жилеты, плащи, шубы, стали носить муфты, по улицамъ ходили не иначе, какъ въ сопровожденіи лакея и вообще держали множество прислуги; прежде въ провинціи карета была рѣдкостью—теперь ихъ надобно имѣть по нѣскольку и довольно часто мѣнять; дома болѣе состоятельныхъ людей украшаются множествомъ картинъ, иные даже золотыми и серебрянными статуетками, на которыя во

множествѣ переливали монету; всѣ праздники, особенно стоворы, свадьбы, справляются теперь несравненно роскошнѣе, чѣмъ прежде; женихи должны дѣлать невѣстамъ очень дорогіе подарки, а когда невѣстамъ шьютъ приданое, то весь домъ на нѣсколько недѣль обращается въ обширную швальню; даже люди вовсе не богатые считаютъ нужнымъ обучить и дать въ приданое дочери мальчиковъ—парикмахера, кондитера и т. п. Объ усиленіи роскоши имѣемъ мы множество упоминаній въ журналахъ—чѣмъ ближе къ концу вѣка, тѣмъ больше—и прямыя сообщенія современниковъ; первые признаки ея въ провинціи мы должны видѣть около времени губернской реформы; далѣе она все усиливается и вызываетъ у многихъ стремленіе жить выше средствъ, за чѣмъ слѣдуетъ разореніе, — что и стало нерѣдкостью въ это время, особенно если наслѣдство, деньги доставались молодымъ людямъ ¹⁾. Большія траты, конечно, тяжелѣе ложились на крестьянъ; но впрочемъ, кажется, что тогдашняя роскошь должна была обходиться гораздо дешевле, чѣмъ нынѣшняя, потому, во-первыхъ, что многое дѣлали свои же крѣпостные, вовторыхъ, и потому, что самая тогдашняя „роскошь“, едва ли была дѣйствительно такова, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: если мы имѣемъ указанія, что, напримѣръ, за столомъ у цесаревича лакеи прислуживали безъ перчатокъ, что на раутахъ у бывшего генераль-провіантмейстера Оболянинова негдѣ было сѣсть, и свѣчи отъ духоты гасли, что въ довольно богатомъ домѣ прислуга встрѣчала гостя съ салнымъ огаркомъ въ рукѣ и босикомъ, и что воздухъ въ домахъ знатныхъ баръ былъ тяжелый,—то мы въ правѣ предположить, что самое представленіе о роскоши было тогда еще далеко не таково, какъ теперь, что именемъ роскоши называли тогда совершенно не то, что подразумѣвается подъ этимъ словомъ теперь, М. А. Дмитріевъ прямо говоритъ, что жили тогда не такъ роскошно, какъ барственно. Этими замѣчаніями я не думаю, конечно, опровергать факта распространенія роскоши, но указываю только, что нужно значительно ограничить представленіе о ея размѣрахъ ²⁾.

Виѣсть съ роскошью усилилась до страшныхъ размѣровъ карточная игра; о развитіи ея въ столицахъ есть упоминанія еще ранѣе;

¹⁾ *Болотовъ*, III, 900, 1181; IV, 21, 82, 349, 350, 363, 641, 642, 1269 и др.; *Винскій*, 181; *Левшинъ*, 835—837; *Анекдоты*, 23, 40; *Добрынинъ*, 104—105.

²⁾ *Порошинъ*, по изд. 1881 г., 455; *Левшинъ*, 846; *Державинъ*, 524; кн. *Шаховской*, 184; *М. А. Дмитріевъ*, 14.

въ провинціи же она была прежде извѣстна гораздо менѣе и составляла принадлежность лишь общества болѣе богатыхъ и образованныхъ людей; но, начиная съ конца 80-хъ годовъ, дворяне почти только и дѣлаютъ, что сидятъ за картами, и мужчины, и женщины, и старые, и молодые; садятся играть съ утра, зимою еще при свѣчахъ, и играютъ до ночи, вставая лишь пить и ѣсть; засѣданія присутственныхъ мѣстъ иногда прерываются, потому что изъ самаго засѣданія вдругъ вызываютъ членовъ къ кому-нибудь на карты; играли преимущественно въ коммерческія, но много и въ азартныя игры; составлялись компаніи обыграть кого-нибудь навѣрняка; поддерживать себя карточною игрою нисколько не считалось предосудительнымъ. Карточная игра больше всего содѣйствовала тому, что многіе тратили больше, чѣмъ получали, что стали продавать свои имѣнія и даже завели обычай, на первое время всѣхъ сильно поразившій, продавать людей безъ земли, особенно въ рекруты; чиновники растрачиваютъ казенныя деньги, дворяне вступаютъ въ откупа, что тоже удивляетъ большинство, возвышая цѣну на откупъ во время торговъ, а потомъ, чтобы вернуть деньги, безсовѣстно спавиваютъ народъ ¹⁾; вообще повторяю, и по фактамъ изъ источниковъ, и по отзывамъ многихъ современниковъ, общественная жизнь и нравы, совершивъ такое быстрое движеніе впередъ въ первую половину царствованія Екатерины II, въ 80-хъ годахъ начинаютъ падать; „нравы умягчались, но вмѣстѣ съ тѣмъ и распуста становилась виднѣе“, замѣчаетъ одинъ изъ тогдашнихъ мемуаристовъ; появляется опять многое такое, что если и случалось прежде гораздо раньше, то отъ грубости, необработанности нравовъ, а теперь является слѣдствіемъ ихъ паденія, распущенности; являются „славныя бузны и забіяки, устрашающіе весь уѣздъ“, усиливается до страшныхъ размѣровъ страсть къ охотѣ; тѣ же самые люди, уже не молодые, которые жили вообще совершенно порядочно, теперь кутятъ, на охотѣ пьютъ, дерутся, сквернословятъ, производятъ отвратительныя безобразія; порча нравовъ приноситъ и новое худое: среди дворянскихъ семей начинаютъ попадаться дѣвицы вольнаго поведенія, встрѣчаются родители, которые содѣйствуютъ тому, чтобы дочь стала фавориткой какого-нибудь вельможи, прискиваются для нихъ фиктивные мужья, хотя, правда, та-

¹⁾ П. С. З. № 11877, 12263; *Болотовъ*, IV, 19, 393, 420, 613, 632, 839; *Винскій*, 194—195; *Державинъ*, 445, 510, 580; *Анекдоты*, 12.

кіе случаи вызываютъ почти общее негодованіе и навлекаютъ на та-кихъ лицъ общее презрѣніе, впрочемъ, скорѣе лишь чувствуемое, чѣмъ явно выражаемое; въ провинціи, однако, кажется, не слишкомъ часты были разводы, на которые жалуется кн. М. М. Щербатовъ. Вообще, изъ всѣхъ мемуаровъ, кромѣ записокъ А. С. Пишчевича, изображающихъ почти исключительно жизнь офицеровъ, нельзя со-ставить представленія, чтобы паденіе семейной жизни достигало та-кихъ размѣровъ, какъ рисуютъ нѣкоторые журналы, а вслѣдъ за ними, безъ всякой критики, и нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾.

Трудно сказать, откуда и какъ возникла эта порча, чтó вызвало ее. Несомнѣнно, что многое дурное шло съ самаго верху, изъ ари-стократіи, изъ столицы; такъ упомянутые выше случаи фаворитизма явились въ провинціи въ непосредственной связи съ появленіемъ тамъ лицъ аристократіи, намѣстниковъ, губернаторовъ; паденіе нравовъ при дворѣ въ концѣ царствованія Екатерины II едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; помимо отдѣльных фактовъ, которыми можно подтверждать это, есть и прямыя жалобы на то отъ тѣхъ же лицъ, которыя вспоминаютъ съ самой лучшей стороны этотъ дворъ въ первыя десять лѣтъ царствованія Екатерины; кромѣ даже извѣстныхъ отзывовъ кн. М. М. Щербатова, имѣемъ указанія, что даже въ про-винціи императрица Екатерина не пользуется уже къ концу своего царствованія такимъ благоговѣніемъ со стороны своихъ подданныхъ, какъ прежде, или какъ Елизавета Петровна; кромѣ указанныхъ выше жалобъ на дурное вліяніе гвардіи, въ провинцію часто проникаютъ весьма неблагоприятныя слухи и факты изъ нравовъ высшей аристо-кратіи; въ провинціи многіе толкуютъ, что правительство награждаетъ сущихъ негодаевъ, что бояре наши производятъ нелады въ дѣлахъ. Мы не вдаемся въ изслѣдованіе причинъ паденія нравовъ въ аристократіи, но констатируемъ его и указываемъ его вліяніе и на остальное общество. Затѣмъ весьма вѣроятно, что не мало вреда наносили и многіе изъ тѣхъ иностранцевъ педагоговъ, которыхъ такъ много завелось въ провинціи, при чемъ большинство ихъ были люди, вовсе не соотвѣтствовавшіе такому дѣлу; родители, нанимав-

¹⁾ Винскій, 103; кн. Щербатовъ, О поврежденіи нравовъ, 15—16; Лесгинъ, 835, 836; Болотовъ, IV, 61, 178, 334, 421, 1186; Лунинъ, 471; А. Пишчевичъ въ своей „Жизни“ рисуетъ весьма легкіе нравы, рассказываетъ свои постоянныя любовныя интриги; но онъ былъ офицеръ-кутила, далеко не пошелъ по службѣ; подыскать же себѣ такое общество, конечно, возможно всегда и вездѣ.

шіе ихъ, сами еще рѣдко были въ состояніи опредѣлить ихъ годность, и потому иногда пріисканіе новаго учителя иностранца возлагалось даже на слугу ¹⁾); быть можетъ, что, и помимо отличія почвы, куда попадало даже истинное ученіе философовъ XVIII в., отъ той, на которой оно возросло, это ученіе такъ-называемое просвѣдительское, и само по себѣ не представляло полного преобладанія хорошихъ сторонъ надъ дурными, и само по себѣ приносило нѣкоторый вредъ ²⁾. Но все-таки, несомнѣнно, что этихъ причинъ мало, и что надо искать причинъ болѣе глубокихъ и дѣйствія болѣе яснаго, почему и какъ общество, въ которомъ прежде мы, признавая грубость, неразвитость, не можемъ указать господства фактовъ нравственной испорченности, теперь, улучшившись въ умственномъ развитіи, начинаетъ въ то же время падать въ отношеніи развитія нравственнаго, хотя, впрочемъ, фактъ паденія нравственности при началѣ быстрого умственнаго движенія повторяется въ исторіи. Быть можетъ, тутъ сказалась еще недостаточная подготовленность нашего общества къ такому быстрому движенію, какое въ немъ совершилось, недостаточная подготовленность его къ критической оцѣнкѣ и выбору многого изъ того, что приносилось къ намъ съ запада, и черезъ литературу, и непосредственно, черезъ пріѣзжавшихъ къ намъ оттуда и черезъ ѣздившихъ отъ насъ туда. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что многое хорошее, въ сущности и хорошо начавшееся, переходитъ потомъ въ крайность и, какъ крайность, обращается во вредъ. Такъ, было совершенно естественно и дѣйствительно „необходимо для спокойнаго обитанія“, нѣкоторое улучшение дома, домашней внѣшней обстановки, но оно быстро переходитъ въ роскошь; игра въ карты, на которую смотрѣли сначала, какъ на лучшее средство противъ праздности въ минуты отдыха, какъ на полезную и пріятную умственную гимнастику, сближающую общество, дающую поводъ къ легкой, занимательной бесѣдѣ ³⁾,

¹⁾ Лордъ *Маммбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II, *Русск. Арх.* 1874, кн. 2, 150—152; *Зиновьевъ*, *Журналъ путешествія*, 607—611; кн. *Щербатовъ*, О поврежденіи нравовъ, 15—16; *Болотовъ*, IV, 158, 169, 206, 256—257, 525, 812—817; слова *Мессельера*, *Р. Арх.* 1874, 973; *Леопольдъ*, 833.

²⁾ Нѣкоторыя стороны тогдашней западноевропейской, особенно французской, литературы, которыя не могли приносить особенно благотворныхъ плодовъ, отмечены у г. *Незеленова*: „Новиковъ издатель журналовъ“, 30—39 и *Щепкиной* „Популярная литература XVIII в.“—*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1886, апрѣль.

³⁾ „Свободные часы“ 1763, 230; такіе же взгляды высказываетъ *Порошинъ*,

обращается въ страсть; сближеніе общества, начало свѣтскости, распространеніе вѣжливости, переходить въ пустоту жизни, въ преобладаніе одной вѣжливости; стремленіе къ образованію, путешествія за границу и изученіе иностранныхъ языковъ, какъ средство достигнуть этого образованія, обращается въ стремленіе къ тому, чтобы захватить побольше вершковъ, изученіе иностранныхъ языковъ дѣлается цѣлью; путешествія, предпринимаемыя безъ достаточной подготовки и безъ руководства, приносятъ молодымъ людямъ только вредъ; наконецъ, пробужденіе умственной дѣятельности, любовь къ ней, выразившаяся въ стремленіи писать, сочинять, обращается въ смѣшную страсть стихокропательства; и такъ до смѣшного и вреднаго доведено было почти все хорошее, проявившееся сначала; но тѣ хорошіе отзывы о событіяхъ во внутренней исторіи Россіи во вторую половину XVIII вѣка, которые приведены выше, и справедливость которыхъ старался я подтвердить группировкою господствовавшихъ фактовъ того времени, написаны всѣ гораздо позже, ине уже въ началѣ нашего вѣка,—а это доказываетъ, что многое хорошее все-таки осталось, что въ общемъ, въ суммѣ, перемѣна произошла все-таки къ лучшему, хотя и нѣкоторое помраченіе этого лучшаго, ухудшеніе нѣкоторыхъ сторонъ быта, тѣхъ именно, которыя составляютъ хорошую сторону быта патриархальнаго, господствовавшего прежде, также несомнѣнно. Трудно еще теперь, при отсутствіи подготовительныхъ работъ, особенно при неразработанности исторіи нашей литературы XVIII вѣка, вполне раскрыть причины этого явленія; самая быстрота движенія впередъ и вмѣстѣ незрѣлость общества, его неумѣнье опредѣлить полезную и существеннѣйшую сторону новаго и границы его полезнаго примѣненія все-таки кажутся намъ наиболѣе вѣроятною и общею причиною указаннаго упадка нравовъ.

На этомъ мы и останавливаемъ наше изслѣдованіе быта дворянъ въ провинціи въ царствованіе Екатерины II; для изображенія дальнѣйшей эпохи, еще слишкомъ мало матеріаловъ, такъ что еще нельзя надѣяться достигнуть даже относительной полноты; кромѣ того, въ ближайшее время послѣ описаннаго, была произведена сильная попытка реакціи, а такія эпохи всегда требуютъ особенно тщательнаго изученія, которое становится къ тому же воз-

разговаривая однажды съ великимъ княземъ, что ему должно будетъ потомъ играть иногда въ карты.

возможнымъ лишь послѣ болѣе полного выясненія эпохи предшествовавшей; указавъ паденіе нравовъ въ концѣ царствованія Екатерины II, мы, однако, не хотимъ и считаемъ совершенно противнымъ исторической истинѣ приписывать этому времени большую нравственную испорченность или слишкомъ низкій нравственный и умственный уровень вообще и теперь представимъ свою попытку обрисовать тогдашнее общество съ этой именно стороны, не претендуя впрочемъ еще на полноту очерка: мы остановимся лишь на главныхъ сторонахъ тогдашней умственной и нравственной жизни и попытаемся лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ выяснить разницу тогдашнихъ общихъ взглядовъ и принциповъ отъ нашихъ.

Н. Чечулинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖИТІЕ СВ. СТЕФАНА СУРОЖСКАГО.

І. Обзорніе литературы.

Житіемъ и особенно посмертными чудесами св. Стефана Сурожскаго изслѣдователи первоначальной русской исторіи занимаются давно и усердно. Значеніе этого памятника для вопроса о происхожденіи Русскаго государства было оцѣнено еще въ XVI столѣтіи составителями Степенной книги царскаго родословія. „Иже и преже Рюрикова пришествія въ Славенскую землю, не худа быше держава Словенскаго языка; воинствоваху бо и тогда на многія страны и на Селунскій градъ, и на Херсонъ, и на прочіихъ тамо, якоже свидѣтельствуеть нѣчто мало отъ части въ чудесѣхъ великомученика Дмитрія и сятаго Архіепископа Стефана Сурожскаго“¹⁾). Представленіе о дорюриковскомъ походѣ славянъ—очевидно, русскихъ—на Корсунь основано здѣсь на сказаніи о чудесахъ Стефана Сурожскаго. Но и въ старину не все держались такого взгляда. Составитель одной изъ позднихъ редакцій Новгородской лѣтописи предполагалъ, что славянскій походъ на Корсунь и Сурожъ послѣдовалъ уже за тѣмъ, какъ вслѣдствіе призванія варяговъ извѣстная часть славянъ стала называться Русью, то-есть, послѣ пришествія Рюрика. „Въ лѣто 6360 наченьшу въ Грѣцѣхъ Михаилу царствовать, начатся прозывать Руская земля. И ходиша Словянѣ изъ Новгорода князь именемъ Бравалинъ и воеваша на Греки и повоеваша Греческую землю отъ Херсона и до Корчева и до Сурожа около Царя града“²⁾). Хотя

¹⁾ Книга степенная. Часть первая (издалъ *Миллеръ*) Москва. 1775, стр. 83.

²⁾ *Востокова*, Описаніе рукоп. Румянц. музея, стр. 350.

источникъ добавленія, сдѣланнаго къ словамъ первоначальной лѣтописи, здѣсь и не указанъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно заимствовано изъ того же сказанія о чудесахъ Стефана Сурожскаго. Такъ-называемый Кубасовскій хронографъ, приведенный первоначально Карамзиннымъ ¹⁾, еще болѣе открыто относитъ походъ князя Бравалина къ 6360 (852) году при царѣ Михаилѣ, но уже какъ будто ради послѣдовательности вмѣсто славянъ называетъ Русь. „И при семъ царѣ Михаилѣ въ лѣто 6390 ходили Русь войною изъ Нова града, князь именемъ Бравалинъ, воевати на Греки, на Царьградъ, и повоеваша Греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурова... о томъ же писано въ чудесѣхъ св. Стефана Сурожскаго“ ²⁾. Когда началась ученая разработка русской исторіи, то источникъ любопытныхъ свѣдѣній о русскомъ походѣ—до-рюриковскомъ или при-рюриковскомъ—на южный берегъ Крыма уже былъ забытъ, такъ какъ онъ не былъ напечатанъ. Въ Минеяхъ-Четьяхъ Дмитрія Ростовскаго житіе св. Стефана Сурожскаго хотя и помѣщалось, но въ краткомъ видѣ, безъ чудесъ, притомъ въ первоначальныхъ изданіяхъ Сурожъ, казавшійся непонятнымъ, превращенъ былъ въ Суррентъ (Соренто?), и Стефанъ Сурожскій названъ былъ Суррентійскимъ ³⁾. Первый восстановилъ ученую память о Стефанѣ Сурожскомъ и о князѣ Бравалинѣ Востоковъ. Въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея онъ напечаталъ два отрывка изъ отдѣла о посмертныхъ чудесахъ Стефана, изъ которыхъ въ одномъ говорится о разореніи русскимъ княземъ Бравалиномъ многихъ городовъ на южномъ берегѣ Тавриды—отъ Корсуна до Керчи, и о нападеніи на Сурожъ, а въ другомъ—о путешествіи царицы Анны изъ Корсуна въ Керчь. Затѣмъ въ 1844 году, въ первомъ томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, появилась небольшая статья, сообщенная Погодинымъ, но писанная, какъ послѣ сдѣлалось извѣстно, А. В. Горскимъ; здѣсь сдѣланы были не лишеныя важности замѣчанія объ исторической достовѣрности

¹⁾ Карамзинъ называлъ его Демидовскимъ по экземпляру, подаренному Демидовымъ Московскому университету: См. *А. Попова*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, стр. 231.

²⁾ Обзоръ хроногр., стр. 234. Въ Демидовскомъ (по Карамзину, I, примѣч. 289): изъ Кіева града до *Сурожа*.

³⁾ Такъ въ рукописномъ экземплярѣ Имп. публичной бібліотеки (F. I, № 651, F. 188) съ поправками, сдѣланными рукою, по видимому, самаго Дмитрія; то же чтеніе и въ первомъ печатномъ кіевскомъ изданіи 1695 года; но въ московскомъ изданіи 1759 года уже сдѣлано надлежащее исправленіе.

самаго житія, повѣствовавшаго объ исповѣдникѣ времени первыхъ иконоборцевъ, скончавшемся приблизительно около 780—790 года, а относительно сказанія о посмертномъ чудѣ надъ княземъ Бравлиномъ прибавлено было какъ бы въ подкрѣпленіе достовѣрности сопоставленіе съ подобнымъ же повѣствованіемъ о нашествіи русскихъ на приморскій городъ Малой Азіи, Амастриду: это послѣднее сказаніе скрывалось дотолѣ въ изданномъ болландистами (въ латинскомъ переводѣ) житіи епископа Амастриды, Георгія. Но если сказаніе о сурожскомъ происшествіи оказывалось въ основѣ своей достовѣрнымъ, или представлялось такимъ съ точки зрѣнія авторитетности знакомаго съ дѣломъ свидѣтеля, то возникалъ старыи вопросъ: когда же это было—до Рюрика, при Рюрикѣ или послѣ Рюрика? Въ самомъ источникѣ сказано только то, что рать русская изъ Новгорода съ своимъ предводителемъ Бравлиномъ появилась предъ Сурожемъ вскорѣ по смерти святаго епископа Сурожскаго Стефана: мало лѣтъ минувшимъ; сверхъ того, обращеннаго князя Бравлина крестить епископъ Филаретъ, который въ житіи уже былъ названъ, какъ непосредственный преемникъ Стефана. Это насъ приводитъ къ концу VIII или началу IX столѣтія. Однако послѣ того, какъ авторитетомъ Карамзина было закрѣплено ученіе о возникновеніи Русскаго государства только съ призваніемъ варяговъ въ 862 году, такой выводъ не могъ сейчасъ же быть признанъ несомнѣннымъ. Авторъ статьи хотѣлъ быть осторожнымъ и предоставлялъ критиѣ повѣрить съ другихъ сторонъ сообщеніе, которое, хотя и не подкрѣплялось извѣстными лѣтописными источниками, но принадлежало свидѣтелю, заслуживающему вѣроятія. За дѣло вядся А. А. Куникъ, который въ то время доканчивалъ второй томъ своего знаменитаго большаго изслѣдованія о призваніи шведскихъ родовъ (*Die Berufung der schwedischen Rodsen: Zweite Abtheilung. S.-Petersburg. 1845*). Такъ какъ онъ успѣлъ убѣдить себя, а отчасти и другихъ въ томъ, въ чемъ сталъ сомнѣваться только гораздо позже, именно, что родсы вышли изъ Швеціи для прочнаго поселенія на востокъ именно около половины IX вѣка—нѣскольکو лѣтъ равше, или нѣскольکو лѣтъ позже 850 года, то понятно, въ какую сторону должно было направиться его рѣшеніе. Онъ не отвергалъ самой основы славянскаго сказанія, хотя и не считалъ его оригинальнымъ и первоначальнымъ; онъ полагалъ, что въ немъ идетъ рѣчь о томъ же самомъ русскомъ походѣ въ Черное море, который разумѣется и въ Амастридской легендѣ; а эта послѣдняя была приурочена къ походу Аскольда и

Дира. Увлекаясь сдѣланнымъ вскользь сопоставленіемъ въ статьѣ Горскаго, которую онъ тогда, впрочемъ, приписывалъ Погодину, А. А. Куникъ видѣлъ въ Сурожской легендѣ только видоизмѣненіе, другую редакцію Амастридской: „чудо, которое сначала появилось (aufkam) въ Пафлагоніи, было перенесено на св. Стефана въ Хазаріи“ (pag. 353). Все укладывалось въ рамки скандинавско-норманскаго періода; за Бравалиномъ или Бравлиномъ признавалось право считаться лицомъ историческимъ, о которомъ лѣтописецъ Несторъ умолчалъ при разказѣ о походѣ Аскольда и Дира, вѣроятно, потому, что онъ дѣйствовалъ подѣ Амастридою отдѣльно въ качествѣ предводителя самостоятельной хищнической шайки; тѣмъ не менѣе имя его, легко поддающееся нѣсколькимъ примѣрнымъ объясненіямъ изъ языковъ скандинавскихъ, случайнымъ образомъ осталось въ памяти позднѣйшаго потомства и всплыло на свѣтъ исторіи въ Сурожскомъ сказаніи, которое первоначально могло быть написано по гречески. Позднѣе ак. Куникъ нѣсколько видоизмѣнилъ свои воззрѣнія. Ученая его совѣсть стала себя чувствовать много спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось довольно благовиднымъ образомъ превратить Бравлина въ святаго Владиміра и отнести Сурожскую легенду къ исторіи похода на Корсунь въ 988 (или 989) году, при чемъ Амастридская исторія оставалась уже раздѣльно при первоначальномъ своемъ приуроченіи; различія въ имени Бравлинъ, превращающія собственное имя въ обыкновенное прилагательное „бранливъ“, и стоящее рядомъ имя царицы Анны служили къ тому хорошимъ поводомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ почтенный изслѣдователь освободился, по его собственному выраженію, отъ впечатлѣнія, произведеннаго первоначальнымъ чтеніемъ статьи Горскаго, а другимъ можетъ показаться, равнымъ образомъ и отъ впечатлѣнія, производимаго хронологическими указаніями самаго источника (мало лѣтъ минуло... епископъ Филаретъ). Въ статьѣ о запискѣ Готскаго топарха (Записки Академіи Наукъ, т. 24, 1874 г.) г. Куникъ изложилъ подробнѣе свой взглядъ на обѣ легенды, изображающія два совершенно различныя событія, имѣя въ виду отрицателей Нестора, которые стали слишкомъ самонадѣянно пользоваться этими источниками. Послѣдуемъ и мы вслѣдъ за нимъ въ лагерь этихъ отрицателей.

Тутъ на первомъ мѣстѣ должны стоять имена С. А. Гедеонова, поборника теоріи происхожденія Руси отъ славянъ прибалтійскихъ и Д. И. Иловайскаго, который фанатически увѣровалъ въ происхожденіи той же Руси отъ роксоланъ черноморскихъ, превращаемыхъ для

удобства въ россоланъ и кстати возводимыхъ въ званіе славяѣ. Но послѣдній изъ нихъ, представляя во всемъ прочемъ совершенаго антипода почтенному академику и даже держась своихъ особымъ особенныхъ методовъ изслѣдованія, въ данномъ вопросѣ какими-то неисповѣдимыми судьбами оказался вдвойнѣ его послѣдователемъ, готовымъ принять и старое, и новое мнѣніе своего противника. Ему кажется вѣроятнымъ, что русскіе въ походѣ Аскольда и Дира (865 г.) не ограничились однимъ нападеніемъ на столицу имперіи, а старались захватить или разграбить греческіе города въ Тавридѣ, а слѣдовательно, могли между прочимъ взять Сугдею или Сурожъ. „Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ“, продолжаетъ авторъ Разысканій о началѣ Руси (Москва. 1882. стр. 325), — „мы можемъ приурочивать обѣ легенды и къ болѣе позднимъ временамъ... Чудо совершившееся съ русскимъ княземъ въ Сурожѣ и крещеніе его сильно отзываются извѣстною легендой о крещеніи Владиміра только не въ Сурожѣ, а въ Корсунѣ. Послѣднее сближеніе подтверждается чудеснымъ испѣленіемъ царицы Анны, о которомъ упоминаетъ тоже житіе св. Стефана“. Что же касается Гедеонова, то онъ, конечно, не соглашался допустить превращеніе Бравлина въ святаго Владиміра, такъ какъ ему казалось невозможнымъ, чтобы русскій агіологъ замѣнилъ славное имя Владиміра темнымъ указаніемъ на бранливаго князя; напротивъ, онъ готовъ былъ видѣть въ Сурожской легендѣ такое же свидѣтельство о существованіи славянской—до-варяжской Руси, какъ въ упоминаніи о русскихъ письменахъ въ житіи Кирилла, „еслибы только это въ высшей степени важное свидѣтельство о славянской и до-варяжской Руси было достаточно выяснено современною историческою критикою“ (Варяги и Русь. С.-Пб. 1876, въ самомъ концѣ сочиненія, въ послѣднемъ примѣчаніи).

Историки Русской церкви, преосв. Макарій и Филаретъ относительно Сурожскаго событія первоначально были оба одинаковаго мнѣнія, то-есть, относили его къ до-рюриковскому періоду, какъ это видно изъ перваго изданія Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра (архим. Макарія С.-Пб. 1846, стр. 171), а также изъ всѣхъ изданій Исторіи Русской церкви (сочиненіе Филарета, архіепископа Харьковскаго. Изданіе третье, печатано съ изданія 1849 года, I, стр. 4). По мнѣнію Харьковскаго епископа, самая подробность разказа о событіи съ новгородскимъ русскимъ княземъ (имя опущено) ручается за его вѣрность, а совершилось оно около 755 года; такъ какъ изъ хронологическихъ данныхъ, заключающихся

въ житіи-святаго, видно, что онъ скончался около 750 года, а Филаретъ, дѣйствующее лицо при послѣдовавшемъ крещеніи князя, былъ преемникомъ Стефана. Преосвященный (тогда архимандритъ) Макарій, правда, замѣтилъ нѣкоторыя хронологическія несообразности въ житіи, но думалъ, что ошибку можно легко объяснить недосмотромъ переписчиковъ, и что затѣмъ все остальное будетъ совершенно соответствовать даннымъ исторіи и хронологіи ¹⁾. Но во второмъ изданіи своего труда (С.-Петербургъ. 1868, стр. 223, 224) онъ измѣнилъ свой взглядъ. Здѣсь исторія Сурожскаго событія изъ текста перенесена въ примѣчаніе; предпочитается чтеніе бранливъ вмѣсто прежняго Бравалина; сказаніе разсматривается какъ легенда, которую можно встать вспомнить; она, по видимому, могла образоваться подъ вліяніемъ искаженныхъ разказовъ о крещеніи великаго князя Владимира; правда, въ житіи замѣчено, что нашествіе русской рати на Сурожъ послѣдовало „мало лѣтъ минувшю“ по смерти Стефана († около 787), и что крестителемъ князя и его бояръ былъ преемникъ св. Стефана, архіепископъ Филаретъ, а это заставляетъ относить все событіе ко времени, еще предшествовавшему основанію Русскаго государства; но неизвѣстно, когда и гдѣ составлено разсматриваемое житіе, и въ какой мѣрѣ можно положиться на его сказаніи; въ немъ есть несообразности и даже ошибки, которыя не могутъ возбуждать къ нему довѣріе. Въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ изданіемъ Исторіи христіанства до Владимира появились въ 1863 году замѣтки XII—XV вѣка, относящіяся къ городу Сугдеѣ, найденныя архимандритомъ Антонинимъ въ рукописи халкинской бібліотеки (близъ Константинополя) при греческомъ синаксаріѣ; здѣсь сдѣлано было указаніе на существованіе въ томъ же сборникѣ и краткаго греческаго житія св. Стефана Сурожскаго; къ сожалѣнію, статья не была напечатана, а только было сдѣлано краткое сообщеніе, что, кромѣ указанія на путешествіе въ Аѳины, греческое житіе

¹⁾ О несообразностяхъ въ хронологіи у насъ будетъ рѣчь ниже; онъ не остались незамѣтными и для Горскаго. Преосв. Макарій выражалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Стефанъ прибылъ въ Царьградъ при св. Германѣ патриархѣ, прожилъ у него 15 лѣтъ, потомъ удалился въ уединеніе и подвизался 30 лѣтъ, и тогда-то уже, то-есть, спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ прибытія въ Царьградъ, рукоположенъ во епископа (Сурожу) тѣмъ же самымъ патриархомъ, хотя Германъ занималъ престолъ не болѣе 15 лѣтъ (715—730); но эта ошибка объясняется недосмотромъ переписчиковъ, принявшихъ ε̄ (пять) за ιε̄ (15) и Ι (1) за λ̄ (30).

никакихъ новыхъ данныхъ въ себѣ не заключаетъ (Записки Одесскаго общества VI, 623). Такимъ образомъ ни преосв. Макарій, ни другіе не могли воспользоваться имъ для рѣшенія возникавшаго вопроса о происхожденіи подробнаго русскаго сказанія, о мѣстѣ и времени первоначальнаго его составленія. Преосв. Макарій принужденъ былъ ограничиться замѣчаніемъ, что если существовало на греческомъ языкѣ житіе св. Стефана Сурожскаго, то мы не знаемъ, то ли это житіе, какое существуетъ и а славянскомъ, или другое. Упомянемъ еще о соображеніяхъ преосв. Порфирія о житіи св. Стефана Сурожскаго и о походѣ Бравлина, высказанныхъ мимоходомъ во „Второмъ путешествіи по св. горѣ Аѳонской“ (Востокъ христіанскій. Москва. 1880, стр. 300 и сл.). Мнѣніе его сходилось съ первоначальнымъ взглядомъ архим. Макарія; отмѣчались несообразности въ хронологическихъ показаніяхъ жизнеописанія и устранялись посредствомъ исправленія цифры $\overline{\wedge}$ (30) въ Δ (четыре); указывалось на знаніе лицъ и событій, не позволяющихъ отвергать и другихъ показаній жизнеописателя; крещеніе Бравлина въ Сурожѣ относилось къ концу восьмого столѣтія, напримѣръ, къ 795 году, но все-таки предполагалось, что новгородскій князь Бравлинъ былъ варягъ, какъ это доказывалось будто бы его именемъ, напоминающимъ Браваллу въ Даніи.

Общіе русскіе историки Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, будучи умѣренными норманистами, тоже не находили нужнымъ отвергать достовѣрности Сурожскаго сказанія въ его основѣ. Первый писалъ: „Даже прежде еще Аскольдова похода, мы встрѣчаемъ извѣстія о нападеніяхъ Руси на греческія области и о принятіи христіанства нѣкоторыми изъ русскихъ вождей: таково извѣстіе, находящееся въ житіи святаго Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ русскаго князя Бравалина и о крещеніи его тамъ; извѣстіе это относится къ началу IX вѣка; подобное же извѣстіе находимъ въ жизнеописаніи святаго Георгія, епископа Амастрійскаго (Исторія Россіи, изданіе пятое Москва. 1874, стр. 108).

Такъ какъ въ примѣчаніи (стр. 322) историкъ, отвергая старое мнѣніе А. А. Куника о зависимости Сурожской легенды отъ Амастрійской, ссылаясь на книгу архим. Макарія и оставляя эту ссылку во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ своего труда, то онъ и заслужилъ рѣзкій упрекъ со стороны г. Куника за то, что держится мнѣнія, оставленнаго самимъ его первымъ виновникомъ (О запискѣ Готскаго топарха, стр. 110). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Русская

исторія, 1,95) извѣстное по житію Стефана Сурожскаго нападеніе какого-то русскаго князя на Сурожъ приводитъ въ связь съ мнѣніемъ славянскою (въ противоположность норманнской) школы о томъ, что Русь надобно отдѣлять отъ варяговъ и считать это названіе искони принадлежащимъ Руси южной; слѣдовательно почтенный историкъ, относившійся къ означенному воззрѣнію не совсѣмъ отрицательно, допускалъ возможность существованія славяно-русскаго князя Бравлина, совершившаго походъ въ Тавриду до прихода варяговъ.

Новѣйшая и болѣе подробная оцѣнка житія Стефана Сурожскаго вмѣстѣ со сказаніемъ о чудесахъ его принадлежитъ автору капитальнаго труда по исторіи Русской церкви, задуманнаго въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и поражающаго читателя громадностью начитанности и эрудиціи, но въ то же время и нѣкоторою своеобычною критическими приѣмами, представляющими странное смѣшеніе европейской научности съ педантически-школярнымъ заносчивымъ мудрованіемъ отъ собственнаго разума: первую достойный уваженія авторъ любитъ поражать всякихъ отсталыхъ славянофиловъ и руссофиловъ, излишне будто бы увлекающихся стариною, а вторую свою чертою онъ обнаруживаетъ въ себѣ кореннаго и нѣсколько первобытнаго русскаго человѣка, готоваго рубить съ плеча. Мы разумѣемъ „Исторію Русской церкви“ Е. Е. Голубинскаго, обнимающую пока періодъ кievскій или домонгольскій (томъ первый, первая половина, Москва, 1880). Хорошія и дурныя качества ясно отражаются на тѣхъ страницахъ, которыя посвящены сказанію о крещеніи новгородскаго князя въ Сурожѣ. Изложивъ по рукописямъ Московской синодальной бібліотеки разказъ о чудѣ надъ княземъ, авторъ переходитъ, какъ и слѣдовало, къ оцѣнкѣ самаго житія. Онъ полагаетъ, что житіе происхожденія греческаго, а не русскаго, и что посмертныя чудеса, а слѣдовательно, и повѣствованіе о чудѣ съ новгородскимъ княземъ, не должны быть отдѣляемы отъ житія и написаны тѣмъ же самымъ греческимъ авторомъ, который сложилъ житіе. Впрочемъ сопоставленіе съ дошедшимъ до насъ краткимъ житіемъ Стефана, извѣстнымъ по сообщенію архим. Антонина, заставляетъ думать, что находящееся въ нашихъ рукописяхъ житіе есть сокращеніе болѣе пространнаго; потому что изъ указанія архим. Антонина видно, что въ греческомъ есть свѣдѣнія, которыхъ не находится въ нашемъ (путешествіе въ Аѳины). Отсутствіе житія въ греческихъ рукописяхъ, равно какъ и отсутствіе св. Стефана въ греческихъ святцахъ, объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ святой не общій, а только мѣстный. Указавъ

на хронологическія несообразности въ житіи, то-есть, на несоотвѣтствіе отмѣчаемыхъ годовъ возраста Стефана съ событіями и лицами, которыя съ нимъ и около него совершаются, Е. Е. Голубинскій не пытается устранить эти несообразности произвольными предположеніями объ ошибкахъ переписчиковъ (просмотрѣвъ пять рукописей синодальной библіотеки, онъ могъ убѣдиться въ одинаковости чтенія во всѣхъ ихъ); напротивъ того, онъ разрѣшаетъ загадку самымъ простымъ приѣмомъ, принявъ всѣ цифры за вѣрныя и вслѣдствіе того допуская, что на самомъ дѣлѣ Стефанъ былъ поставленъ въ епископы около 760 года, присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ (ибо въ актахъ его упоминается Стефанъ Сугдейскій) и умеръ около 790—795 гг. Предположеніе можетъ оказаться и вѣрнымъ, но только оно пока совершенно произвольно. Исслѣдователь какъ будто не замѣчаетъ, что, оставляя неприкосновенною хронологію, онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ фактическую достовѣрность всего содержанія памятника, потому что въ немъ Стефанъ достигаетъ епископства при Львѣ Исаврѣ, посвящается патріархомъ Германомъ, съ нимъ бесѣдуетъ, обличаетъ въ иконоборческой ереси Льва Исавра послѣ пятилѣтняго епископства въ Сурожѣ, а Левъ Исавръ умеръ въ 741 году и т. д.—Продолжаемъ изложеніе соображеній Е. Е. Голубинскаго. Нашествіе на Сурожъ непріятелей, называемыхъ новгородцами, было при преемникѣ Стефана, „мало лѣтъ“ послѣ его смерти; слѣдовательно, должно быть относимо приблизительно къ пространству годовъ отъ 800 до 820. Итакъ спрашивается: какъ смотрѣть на этотъ разказъ о нападеніи новгородцевъ на Сурожъ въ началѣ IX вѣка? Удивляясь, пишетъ Е. Е. Голубинскій, странному легковѣрію тѣхъ, которые хотятъ ему вѣрить, мы, съ своей стороны, рѣшительно не находимъ возможнымъ это сдѣлать. „Вопервыхъ, до прибытія къ нимъ варяговъ-руссовъ, новгородцы назывались не Русью, а славянами. Вторыхъ, мы ни изъ одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не имѣемъ, чтобы славяне наши, до прибытія къ намъ варяговъ, занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ знаемъ только, что они сами были цѣлью этихъ набѣговъ и что эта постоянно страдательная роль составляла ихъ характеристическую и отличительную черту. Третьихъ, въ то время вся южная Русь, заслонявшая собою Крымъ, принадлежала хазарамъ, простиравшимъ свою власть до Кіева, и предполагать, чтобы новгородцы отважились и могли и захотѣли за чѣмъ-то пробиться сквозъ хазаръ есть дѣло совершенно невѣроятное и немыслимое.

Наконецъ, вчетвертыхъ, повгородцы въ то время были данниками варяговъ: до того ли же имъ было, чтобы предпринимать какіе бы то ни было, а тѣмъ болѣе такіе отдаленные и такіе невозможные походы? Неизвѣстные воители не только взяли Сурожъ, но Корсунъ и Керчь и разграбили всю мѣстность между двумя послѣдними городами или весь южный Крымъ: великую нужно имѣть вѣру, чтобы не находить невозможнымъ усвоить подобныя блестящіе подвиги новгородцамъ IX вѣка!"

Въ этомъ разсужденіи и помимо тона есть не мало странностей. Тѣ, которые допускаютъ возможность нашествія русскаго князя (хотя бы и новгородскаго, хотя на этомъ обыкновенно не настаиваютъ) на Крымъ, въ то же самое время думаютъ, что либо варяги къ тому времени были уже призваны, либо Русь стала называться Русью помимо ихъ, и именно въ Сурожскомъ сказаніи они находятъ одно изъ подтвержденій своего того или другаго взгляда. Не всѣ приписываютъ Сурожскій походъ именно славянской Руси, славянамъ, а тѣ, которые приписываютъ эту экспедицію славянамъ, могутъ сказать автору, что если онъ будетъ отвергать свидѣтельство Сурожскаго житія, да за одно съ тѣмъ и Амастридскаго, то дѣйствительно не останется ни одного прямого свидѣтельства о славянскихъ (=славянорусскихъ) набѣгахъ на указанныя страны, но что вопросъ именно въ томъ и заключается, слѣдуетъ ли отвергать эти свидѣтельства. Не дѣлаетъ ли онъ нѣкоторый *circulum in demonstrando*? Не увлекается ли силлогизмомъ, преждевременно отпавляясь отъ общей послыки, когда таковой еще нѣтъ, и перемѣшивая историко-критическія операціи съ умозрительными? Третьихъ, власть хазаръ, можетъ быть, была такого характера, что вовсе не мѣшала самостоятельнымъ предпріятіямъ Руси славянской или какой-иной, такъ что имъ пробиваться вовсе не было никакой нужды; по лѣтописи, господство состояло во взиманіи дани. А если, вчетвертыхъ, новгородцы около 820 года были данниками варяговъ (на что нѣтъ положительныхъ доказательствъ), то отъ этого уже не далеко отъ возможности допустить столь же раннее ихъ присутствіе въ соотвѣтствующихъ областяхъ.

Въ концѣ концовъ авторъ все-таки допускаетъ, что фактъ русскаго нашествія въ началѣ IX вѣка на Крымъ дѣйствительно существовалъ, но только виновниками его были не новгородскіе руссы, а также и не кіевская Русь, а совсѣмъ отъ нихъ особенные и ничего съ ними общаго не имѣвшіе азовско-таврическіе Руссы—

ничего общаго, кромѣ, однако, происхожденія, потому что почтенный изслѣдователь, въ вопросахъ начальной русской исторіи причисляя себя вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ къ числу норманистовъ (стр. 42), все-таки думаетъ, что и эти азовско-таврическіе руссы тоже были норманнскою колоніею, которая пробралась сюда и засѣла въ Крыму гораздо ранѣе утвержденія варяговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ.

Заслугу Е. Е. Голубинскаго составляетъ постановка вопроса о томъ, какъ могло попасть къ намъ столь мало распространенное въ греческихъ рукописяхъ житіе св. Стефана, хотя въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ онъ уже имѣлъ предшественника въ лицѣ бывшаго одесскаго профессора Ф. К. Бруна, который исторію города Сурожъ посвятилъ цѣлую статью (Новороссійскій календарь 1872 г.), да и въ другихъ своихъ статьяхъ касался вопроса о походѣ русскихъ на Сурожъ, заявляя, впрочемъ, себя послѣдователемъ А. А. Куника. Г. Голубинскій указывалъ на торговныя связи русскихъ съ Сурожемъ, мѣстомъ своего рода Нижегородской ярмарки, на русскихъ купцовъ сурожанъ, ѣздившихъ въ Крымъ: „такъ эти-то купцы и могли вывести изъ Сурожъ житіе св. Стефана, мѣстнаго сурожскаго святаго, котораго они должны были почитать, подобно тому какъ купцы, торгующіе на Нижегородской ярмаркѣ, почитаютъ препод. Макарія. Предполагается, что когда переводчики стали переводить греческій текстъ, то встрѣтивъ тамъ по гречески написанное слово Русь, они по незнакомству съ азовско-таврическими руссами, подумали, что тутъ рѣчь идетъ о нихъ самихъ, обыкновенныхъ руссахъ, да и прибавили для ясности „изъ Новгорода“.

Все, по видимому, разъяснено совершенно удовлетворительно и ваглядно, но, къ сожалѣнію, во многомъ произвольно. И послѣ появленія книги проф. Голубинскаго остается въ силѣ замѣчаніе, которое по своей ученой добросовѣстности высказалъ еще въ 1874 году академикъ А. А. Куникъ (О запискѣ готскаго топарха, стр. 103): „Всѣ мы, когда-либо пользовавшіеся Сурожскою легендою или ее критиковавшіе, отнесли къ дѣлу нѣсколько легко. Тутъ оказывается, какъ бывало и въ другихъ случаяхъ, крайне необходимымъ подвергнуть предварительному строгому изслѣдованію весь составъ источника, прежде чѣмъ брать изъ него тѣ или другія мѣста для спеціальныхъ цѣлей“. Если самъ А. А. Куникъ не считалъ возможнымъ ни взяться за эту задачу, ни выжидать ея рѣшенія съ другой стороны, то на это—оправданіе заключалось въ недостаточности налич-

ныхъ источниковъ. Онъ говорилъ: „Хотя память Стефана Сурожскаго празднуется только въ Россіи, греческая же церковь ея не празднуетъ, тѣмъ не менѣе основною славянскому тексту долженъ былъ послужить греческій подлинникъ. Существованіе этого греческаго подлинника или отрывка его доказаль отецъ Антонинъ,—при чемъ онъ замѣтилъ, что между житіями Стефана Сурожскаго и Стефана Исповѣдника есть много чертъ общихъ. Поэтому необходимо напечатать и тѣмъ сдѣлать общедоступными какъ указанное отцемъ Антониномъ краткое греческое житіе, если не отыщется другое болѣе полное, такъ и житіе св. Стефана Исповѣдника. Само собою разумѣется, что къ нимъ должны быть присоединены также и разныя редакціи славянскаго текста... Но прежде чѣмъ изслѣдованіе этихъ источниковъ на основаніи надежныхъ текстовъ будетъ приведено къ окончанію, пройдутъ многіе годы, пожалуй, даже десятки лѣтъ“.

Слова А. А. Куника въ нѣкоторомъ отношеніи оказались пророческими. Ни славянское подробное житіе св. Стефана Сурожскаго, ни краткое греческое о немъ сказаніе до сихъ поръ не были изданы и оставались въ рукописяхъ; житіа Стефана Новаго, исповѣдника Константинопольскаго, не было нужды вновь издавать, такъ какъ оно нѣсколько разъ было издаваемо въ подлинникѣ и притомъ встрѣчается въ общедоступныхъ сборникахъ. Только теперь то и другое — славянское и греческое житіе Стефана Сурожскаго — отпечатаны подъ редакціей нижеподписавшагося въ одномъ изъ изданій археографической комиссіи и вскорѣ должны появиться въ свѣтъ. Настоящее изслѣдованіе написано на основаніи изученія этихъ документовъ. Оно выходитъ, можетъ быть, слишкомъ обширнымъ, но мы думали, что вопросъ все-таки стоитъ того, чтобы изучать его самымъ тщательнымъ образомъ и не только въ глубину, но и въ широту. Такъ какъ въ связи съ историко-литературнымъ критическимъ вопросомъ о текстахъ, уже поставленъ вопросъ историко-культурный—о сношеніяхъ древней Россіи съ Сурожемъ, то мы начинаемъ изслѣдованіе обзорѣніемъ судьбы греческой Сугдеи или Сурожа. Последний вопросъ важенъ не по отношенію только къ исторіи почитанія у насъ Стефана Сурожскаго и занесенія къ намъ его письменной памяти, но, какъ извѣстно, и по отношенію къ народной словесности, по отношенію къ былинамъ въ которыхъ богатырь Сурожанинъ или Суровець играетъ видную роль. На возможность народно-поэтическихъ связей Кіевской Руси съ Сурожемъ указывалъ А. Н. Веселовскій (Южно-русскія былины V. Богатыри-Сурожцы, стр. 69).

Глава, посвященная обзорнѣю исторіи Сурожа, казалась намъ не лишнею и потому, что „Матеріалы для исторіи Сугдеи“—прекрасная статья Ф. К. Бруна, перепечатанная въ сборникѣ Черноморье (т. II. Одесса, 1880) въ настоящее время допускаетъ нѣкоторыя фактическія дополненія, благодаря обнаруженію новыхъ источниковъ и новыхъ весьма цѣнныхъ пособій. Тѣмъ болѣе это можно связать по отношенію къ главѣ о Судахъ въ Крымскомъ Сборникѣ Кеппена (С.-Пб. 1836). Главнымъ источникомъ новыхъ свѣдѣній, который, впрочемъ, былъ доступенъ Ф. А. Бруну, должны считаться приписки къ греческому сборнику краткихъ житій святыхъ (Синаксарію) XII вѣка, подѣланныя на поляхъ позднѣйшими обладателями сборника XIII—XV вѣковъ, довольно безграмотною рукою, но все-таки въ большинствѣ удобопонятныя. Намъ кажется, до сихъ поръ изъ этихъ приписокъ еще не извлечено все, что можно изъ нихъ извлечь. Затѣмъ источникомъ долженъ считаться прекрасный трудъ В. Е. Тизенгаузена „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды. Томъ первый, извлеченія изъ сочиненій арабскихъ“ (С.-Пб. 1884). Хорошимъ пособіемъ при изученіи данныхъ того источника послужить новѣйшій трудъ профессора-ориенталиста В. Д. Смирнова „Крымское ханство до начала XVIII вѣка“ (С.-Пб. 1887). Слѣдуетъ упомянуть о новѣйшемъ дополненномъ французскомъ изданіи Исторіи Левантинской торговли Гейда, написанной первоначально на нѣмецкомъ языкѣ: „Heyd, Histoire du commerce du Levant. Edition française par Furey Raynaud. Leipzig. 1886.

II.

Историческія свѣдѣнія о Сурождѣ.

Городъ Сурождъ, нынѣшнее мѣстечко Судахъ, лежалъ на южномъ берегу Крыма между Кафою (Θεодосіей) и Алуштою при выходѣ къ морю изъ богатой виноградниками долины; онъ обладалъ гаванью, которую много путешествовавшій арабскій географъ XIV вѣка Ибн-батута считалъ одною изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ удобныхъ въ мірѣ ¹⁾. Греческое названіе города было Сугдайя или Сугдея (Σουδαία и Σοῦδαία), а также Сугдія (Σοῦδία); западно-европейцы именовали его всего чаще Солдайею, восточные географы, писавшіе по арабски,—Су-

¹⁾ Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, I, 303.

дагомъ, но и Сурдакомъ; одинъ изъ нихъ пишетъ Шолладія или Солладія ¹⁾). Восточное наименованіе всего ближе не только къ нынѣшнему названію мѣста, но и къ предполагаемому первоначальному. Думаютъ, что названіе должно быть объясняемо изъ иранскаго языка, на которомъ слово сугда значить чистый, святой; то же самое прилагательное находятъ въ названіи страны и древняго города иранскихъ Согдіанъ, занимавшихъ долину, гдѣ теперь находятся Самаркандъ и Бухара (въ Авестѣ Сугда, у Птолемея Сугдія). Еще ближе подходитъ къ дѣлу не только въ филологическомъ, но и въ историческомъ отношеніи осетинское „сугдегъ или сугдагъ“, такъ какъ осетины, осы или древнерусскіе ясы, какъ теперь единоголасно признается всѣми, представляютъ аланскую вѣтвь иранскаго племени, которая сохранилась въ лицѣ ихъ, какъ небольшой остатокъ, а въ древности жила на гораздо большемъ пространствѣ—отъ Кавказа до самаго Крыма ²⁾). Безымянный компиляторъ, составившій въ VI вѣкѣ, Периплъ Чернаго моря изъ разныхъ источниковъ, прибавилъ отъ себя замѣчаніе, что городъ Θεодосія, находившійся по сосѣдству съ Сурожемъ, имѣлъ другое названіе, Ардава, на аланскомъ или таврійскомъ языкѣ; итакъ, предполагается, что тавры, жители южнаго Крыма, говорили аланскимъ языкомъ, а при этомъ оказывается сверхъ того, что и выраженіе Ардава очень удовлетворительно объясняется при помощи нынѣшняго осетинскаго нарѣчія. Очень любопытное свидѣтельство о распространенности аланъ или ясовъ въ Крыму представляетъ одно византійское произведеніе начала XIII вѣка, въ которомъ грекъ Θεодоръ, назначенный епископомъ въ Кавказскую Аланію (Осетію), описываетъ свое путешествіе къ мѣсту своего назначенія въ формѣ посланія къ „великому пастырю“, то-есть, къ Константинопольскому патріарху, имѣвшему тогда мѣстопробываніе въ Никее, и къ епископамъ, составлявшимъ его помѣстный соборъ ³⁾.

¹⁾ *Шолладія у Едриси* (trad. *Jaubert*) II, 395, *Сурдакъ* у Ибн-Батуты (I. c.); сверхъ того, въ завѣщаніи Марко-Поло старшаго городъ названъ *Солдацию* (*Soldachia*), а на каталанской картѣ *Содайею*.

²⁾ *Вс. Миллеръ*, Осетинскіе этюды. Часть третья. Исслѣдованія. Москва, 1887, стр. 77 и др.

³⁾ Назначеніе посланія Θεодора обыкновенно понимается неправильно: *Брунс* (Черноморье, стр. 130) полагаетъ, что оно писано къ аланамъ—вѣроятно на основаніи главнаго слова въ оглавленіи „*Ἀλανικὸς*“. *Томашекъ* (*Goten in Taugien*, p. 42) на этомъ же самомъ основаніи заключилъ, что Θεодоръ былъ назначенъ въ епископы именно таврическихъ аланъ, что опять неточно.

Феодоръ, утратившій родину вслѣдствіе латинскаго завоеванія (1204 г.), отправился къ своей кавказской паствѣ черезъ Крымъ и Херсонъ (Корсунъ) и уже изъ этого послѣдняго города долженъ былъ искать убѣжища въ аланскомъ поселеніи вблизи Корсуня; сообщая объ этомъ, онъ замѣчаетъ, что племя аланъ разсѣяно во многихъ мѣстахъ, что только древнія его границы простирались отъ Кавказскихъ горъ до Иверіи (Грузіи), а теперь, вслѣдствіе склонности своей къ переселеніямъ, оно-де своими массами наполнило всю Скиѳію и Сарматію ¹⁾. Феодоръ возбудилъ противъ себя неудовольствіе Херсонскаго епископа, потому что, снисходя на желаніе аланъ, жившихъ или, лучше сказать, кочевавшихъ по сосѣдству съ Херсономъ, онъ въ этомъ жалкомъ народѣ, разсѣянномъ въ горахъ и пустыняхъ и до сихъ поръ совершенно лишенномъ надлежащаго духовнаго попеченія, призналъ какъ бы свою паству. Херсонскій епископъ усмотрѣлъ въ томъ нарушеніе своихъ епархіальныхъ правъ, своей юрисдикціи, и ссылаясь на церковные каноны, хотя Феодоръ, по его словамъ, вовсе не нарушалъ ихъ, такъ какъ не проповѣдывалъ публично, не рукополагалъ никого во священство, но только давалъ отвѣты частнымъ образомъ тѣмъ изъ аланъ, которые приходили къ нему съ вопросами.—Небольшое количество аланъ Феодоръ нашелъ и въ Воспорѣ (Керчи), гдѣ былъ епископомъ его отецъ, тоже встрѣтившій теперь много затрудненій и неприяностей.

Въ концѣ концовъ, не смотря на всякаго рода опасности, грозившія со стороны скиѳовъ, то-есть, татаръ, распространившихся въ черноморскихъ областяхъ, Феодоръ достигъ своей кавказской паствы; его посланіе писано уже оттуда, когда онъ вполнѣ ознакомился съ народностью аланъ, и слѣдовательно, показаніе его о единоплеменности крымскихъ аланъ съ осетинами особенно цѣнно; но едва ли онъ не ошибается въ своемъ предположеніи, что широкое распространеніе этого племени есть фактъ новый, принадлежавшій его времени. О присутствіи аланскаго племени въ южной части Крыма, а равно

¹⁾ Θεοδώρου ἐπισκόπου Ἀλανίας Ἀλανικός λόγος ἐπιστολιμαῖος πρὸς τὴν Κωνσταντινούπολιν καὶ τοὺς ἐνδημοῦντας τῶν ἐπισκόπων: *Ματθ. Patrum nova bibliotheca*, t. VI, 879, (no ср. pag. 175, гдѣ приведено заглавіе по болѣе правильному чтенію *Алліція: πρὸς τὸν Κωνσταντινουπόλεως καὶ τοὺς ε. τ. ε.*) Самые слова, для насъ важныя, читаются на стр. 883: Παροικοῦσι τῇ Χερσῶνι καὶ Ἀλανοί, οὐχ ἤττον θεληθέντες ἢ θελήσαντες, ὡς οἴοντε περιτείχισμα ταύτης καὶ περιφρούρημα и выше pag. 382: Πολυσυχίδες γὰρ τὸ ἔθνος τοῦτο καὶ διήκον μὲν ἀπὸ τῶν καυκασίων ὄρων ἐς Ἰβήρας τὸ ἀρχαῖον καὶ πάτριον ὄριον· ἀγαπᾷ δὲ καὶ μετοικεσία· πολλοστῶν τινῶν πέμπτειν ὡς μικρῶ Σκυθικῆν τε πᾶσαν καὶ τῶν Σαυρομάτων ἐκπληροῦν.

и на сѣверъ отъ него, свидѣлствуютъ и позднѣйшіе арабскіе писатели, какъ Абульфѣда, Ибнбатута, далѣе—западные путешественники Рубрукъ и Барбаро. Итакъ, ничто не мѣшаетъ намъ принять, что Сугдея возникла первоначально на алачской или ясской почвѣ. Кстати припомнить: существуютъ не лишенные достовѣрности указанія, что у самихъ коренныхъ кавказскихъ аланъ существовалъ вѣкогда городъ или поселеніе съ тѣмъ же самымъ названіемъ. Мы имѣемъ въ виду разказъ греческаго монаха Епифанія, писателя VIII вѣка, о хожденіяхъ апостола Андрея. Епифаній самъ совершилъ путешествіе по предполагаемымъ слѣдамъ апостола и описалъ свой собственный путь вмѣстѣ съ его путемъ; если извѣстія его имѣютъ апокрифическій характеръ по отношенію къ апостольскому времени, то конечно, они вполне достовѣрны по отношенію ко времени писателя. Изъ повѣствованія Епифанія мы видимъ, что апостоль Андрей, посѣтивъ Авазгію (Абхазію) и Зикхію (Джикетію, область черкесовъ), затѣмъ отправился къ верхнимъ Сугдеямъ или, какъ читается въ другихъ редакціяхъ сказанія, въ верхнюю Сугдію, πρὸς τὴν ἀνωτέρω Σουγδίαν, въ Сугду горню, по славянскому переводу ¹⁾; отсюда путь лежалъ въ Оспуръ, то-есть, въ Керчь и въ Херсонъ. Это послѣднее обстоятельство, а потомъ замѣтка, что Сугдія въ эпоху автора, была необитаема, устраняютъ предположеніе, что тутъ можно разумѣть таврическую Сугдею. Древніе грузинскіе переводы греческаго подлинника говорятъ о верхнемъ Суадагѣ, нынѣ необитаемомъ, а новые ихъ комментаторы прибавляютъ, что въ Осетіи въ 35 верстахъ отъ Владикавказа и доселѣ существуетъ аулъ Суадагъ ²⁾. Въ восьмомъ вѣкѣ, когда путешествовалъ и писалъ Епифаній, крымская Сугдея несомнѣнно существовала, и нѣтъ причины предполагать, что она была тогда разорена или необитаема.

Если городъ Сугдея возникъ въ области иранскаго племени ясовъ или аланъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что и первоначальное его населеніе было исключительно аланское. По свидѣлству записей, внесенныхъ въ древній греческій синаксарій, жители помнили годъ основанія своего города, имѣли, такъ сказать, свою эру, подобно жи-

¹⁾ Московскій синодальный кодексъ XI вѣка, по каталогу Маттеи № 177. Fol. 329 v. Πρὸς τὴν ἀνωτέρω Σουγδίαν οὕτω καλουμένην κατεληλόθει· ἥτις νῦν ἐστὶ ἀσίχτιος. Въ печатномъ изданіи (*Migne, Patr. gr., t. 120*): Σουγδαίου τοῦ ἀνω. Славянскій переводъ въ Макарьевской минеѣ за ноябрь мѣсяць.

²⁾ *Христианское чтеніе* 1869 года, гдѣ переводъ грузинской редакціи житія сообщенъ по рукописи Давидгареджійскаго монастыря.

телямъ другихъ классическихъ колоній. Эра эта начинается съ 212 года по Р. X. ¹⁾ Конечно, не кочевые полудикіе аланы хранили такое преданіе, а болѣе образованные поселенцы того же племени, которое издавна господствовало въ другихъ городахъ южной Россіи и Крыма, то-есть, греки. Правда, что начало третьяго вѣка по Р. X. не было благопріятнымъ временемъ для возникновенія греческихъ колоній; тогда напротивъ приходили въ упадокъ старыя исконныя и блестящія центры греческой жизни на берегахъ Понта, какъ, напримѣръ, Ольвія; начиналось движеніе варварскихъ германскихъ племенъ, заполнившихъ югъ нынѣшней Россіи, вслѣдствіе котораго по сосѣдству съ территоріей Сугдеи возникли поселенія Готскихъ климатовъ. Но съ другой стороны, именно разрушеніе старыхъ пунктовъ поселенія могло повести къ основанію новыхъ, хотя бы и не въ столь широкихъ размѣрахъ; а притомъ связи южно-бережнаго Крыма съ противоположащими областями Малой Азіи столь легки и естественны, что никогда не могли надолго прекращаться; онѣ засвидѣтельствованы для готскаго періода самою исторіей распространенія у готовъ—южно-русскихъ и крымскихъ—христіанской вѣры при помощи выходцевъ и плѣнниковъ изъ Каппадокіи и Пафлагоніи ²⁾. Мы должны предпологать существованіе греческой основы населенія съ самаго начала исторической жизни въ Сугдеѣ или Сурожѣ. Впослѣдствіи, на ряду съ греческими, встрѣчаются здѣсь не только армянскіе, но и турецкіе элементы, явно—многочисленные. Проникновеніе ихъ, конечно, найдетъ себѣ объясненіе и въ позднѣйшихъ историческихъ судьбахъ города; но едва ли слѣдуетъ избѣгать предположенія, что элементъ турецкій, наиболѣе органически слившійся съ остальнымъ составомъ населенія, соединенный съ нимъ даже самою вѣрою, ведетъ свое начало отъ той же эпохи переселенія народовъ, когда въ Крыму появились разные родичи-соплеменники гунновъ и болгаръ—въ родѣ акацировъ сарагуровъ, уроговъ, сорозговъ ³⁾. Представляется большое искушеніе самое русское названіе

¹⁾ Записки Одесскаго Общества ист. и древн., т. V, стр. 605. Ἐκτίσθη τὸ κάστρον τῆς Σουρδαίας τὸ ἐφ' ἡμῶν (5720) ἔτους. Замѣтка повторена три раза—писцомъ 1296 года, 1345 и 1411, всякій разъ съ расчисленіемъ времени, протекшаго со времени основанія города.

²⁾ Имѣемъ въ виду житіе св. Саввы Готскаго и другія свидѣтельства: см. объ этомъ въ нашей статьѣ „Житіе Іованна Готскаго“.

³⁾ Сорозги у Приска (*Dindorf, historici graeci minores*, 1, 278): Ἀττίλα, ἀναγκασθεὶς ἀπὸ τῶν Ῥωμαίων, ἐπέστρεψε πρὸς τὸν ἑαυτοῦ λαόν, ὡς ἔλεγε, τὸν ἑαυτοῦ λαόν, ὡς ἔλεγε, τὸν ἑαυτοῦ λαόν. — Урош у него же на ряду съ сарагурами (pag. 341): ἐπιστρέψασατο — κατὰ τοὺς ἑώους Ῥωμαίους Σαράγουροι καὶ Οὐρούροι καὶ Ὀνύγουροι.

Сурожа, столь удаляющееся отъ иранской и греческой формы, объяснять въ связи съ предположеніемъ о пребываніи въ южномъ Крыму сороговъ и о причастности ихъ къ первоначальной исторіи греческой Сугдеи. Позднѣйшее господство хазаръ въ этихъ мѣстахъ не подлежитъ сомнѣнію. Значеніе и сила греческаго элемента въ Крыму, а вѣроятно—и въ Сугдеѣ, получили новую поддержку въ періодъ иконоборства, ознаменовавшійся обширною монашескою эмиграціей изъ греческихъ областей, подчиненныхъ непосредственной власти императора, съ одной стороны, въ южную Италію, а съ другой—на сѣверные берега Понта. Когда одного изъ вождей монашеской оппозиціи противъ церковныхъ преобразованій Константина Копронима сочувствующія православію лица спрашивали, гдѣ слѣдуетъ искать убѣжища отъ власти дракона, то святой (Стефанъ Новый) прежде всего указалъ на сѣверные склоны береговъ Чернаго моря, на побережья его области въ сосѣдствѣ съ Воспоромъ (Керчью), Херсономъ, Готіей неизменною (Готскими климатами въ Крыму) и затѣмъ уже на Италію ¹⁾. Во время церковныхъ смуть, наступившихъ въ греческой церкви послѣ возстановленія иконопочитанія въ 787 году, которое, впрочемъ, оказалось только временнымъ, по старой рѣшѣ указанной дорогѣ находили себѣ въ южной Тавридѣ убѣжище многіе преслѣдуемые и недовольные епископы, монахи, пресвитеры и, конечно, другіе мірскіе люди. Не одинъ разъ указывается на это явленіе въ перепискѣ Феодора Студита, вождя строгой монашеской партіи и ревнителя каноновъ въ началѣ VIII вѣка, а также и въ его жизнеописаніяхъ. То же самое продолжалось и по возобновленіи иконоборства ²⁾. Феодоръ Студитъ замѣчаетъ, что Промыслъ открылъ вѣрнымъ такое убѣжище не ради только ихъ тѣлесной безопасности, но и ради духовнаго спасенія живущихъ тамъ, находившихся во тьмѣ и заблужденіи ³⁾. Другими словами, изгнанники должны были содѣйствовать распространенію и укрѣпленію христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и греческаго языка, къ усиленію греческаго элемента въ населеніи Тавриды. Относительно южной Италіи такое вліяніе иконо-

¹⁾ См. Vita S. Stephani iunioris: *Migne, Patrol. graeca*, t. 100, pag. 1147, ср. Русско-Византійскіе отрывки: *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878 г., июнь, стр. 307

²⁾ Vita S. Theodori Studitae: *Migne, Patrol. graec.*, XCIX, 252: Οἱ γὰρ ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας ἐπίσκοποι καὶ πρεσβύτεροι et cet., pag. 1344 (epistolae Theodori): ἐπισκόποις τοῖς διὰ Χριστὸν φυγαδευθεῖσιν ἐν Χερσῶνι. Ср. pag. 1070 и проч.

³⁾ *Migne*, l. c., pag. 1344.

борства давно замѣчено и признано въ наукѣ. Политическое господство хазарь, начавшихъ распространять свою власть въ понтийскихъ странахъ съ половины VII вѣка, не могло служить тому препятствіемъ, ибо, будучи язычниками, а затѣмъ принявъ еврейскую вѣру, хазары относились съ терпимостью или равнодушіемъ ко всѣмъ исповѣданіямъ, а также и къ христіанству, даже не мѣшали распространенію послѣдняго между собственными подданными. Надпись, найденная въ Θεοδοσίῳ-Καφῆ и относящаяся къ началу IX вѣка, принадлежитъ человѣку, носящему турецко-хазарское наименование: „рабъ Божій тагманъ“¹⁾). Хазарскіе каганы роднились съ Византійскими императорами посредствомъ брачныхъ союзовъ, при чемъ ихъ сестры и дочери обращались въ христіанство и затѣмъ оказывались усердными защитницами православія. Такъ Юстиніанъ II, во время своего пребыванія въ Крыму, женился на Θεοδορῆ, сестрѣ Хазарскаго кагана, и разчитывалъ съ его помощью воротить себѣ утраченный престолъ и свергнуть противника. Левъ Исавръ устроилъ бракъ своего сына Константина Копронима на другой хазарской принцессѣ, дочери кагана, получившей имя Ирины: о ней будетъ у насъ рѣчь ниже. Топархъ Воспора (Керчи), который въ данное время на ряду съ Лангобардскимъ королемъ является слишкомъ скорымъ подражателемъ своеволія Византійскаго императора въ брачныхъ дѣлахъ, — былъ все-таки христіанинъ, и если нельзя навѣрное утверждать, что онъ былъ хазарскаго происхожденія по крови, то во всякомъ случаѣ онъ былъ подчиненнымъ владѣльцемъ, вассаломъ у Хазарскаго кагана. Не извѣстно, тотъ ли самый топархъ, или же его преемникъ восхваляется у Θεοδωρα Студита на ряду съ готскимъ своимъ собратомъ, какъ поборникъ правой вѣры. Крымскіе готы во второй половинѣ VIII вѣка находились, какъ мы знаемъ изъ житія Іоанна Готскаго, тоже подъ властью хазарь, и не видно, чтобы они подвергались какому-нибудь преслѣдованію за свою вѣру. Восстаніе, о которомъ развѣивается въ житіи, не было вызвано религиозными побужденіями, и если въ немъ потомъ принялъ участіе самъ епископъ Готскій Іоаннъ, то это не можетъ служить доказательствомъ противнаго: когда возстаніе было окончательно подавлено, каганъ не только пощадилъ жизнь готскаго князя, но и помиловалъ приближенныхъ епископа, успѣвшаго спастись бѣгствомъ на противоположашій греческій берегъ. Возвращаемся собственно къ Сурдеѣ.

¹⁾ Δούλος τοῦ Θεοῦ Τάγμαν: *Boeck. Corpus Inscript., № 9286. Кенненъ, Крымскій Сборникъ, стр. 70. Tomaschek, Goten in Taurien, pag. 24.*

Въ промежутокъ между третьимъ и восьмымъ вѣкомъ мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ данныхъ изъ ея исторіи; у географа Равенскаго названо только имя Сугдея ¹⁾; хотя этотъ авторъ и писалъ свою космографію въ седьмомъ вѣкѣ или даже повднѣ, но перечисленіе крымскихъ городовъ у него заимствовано навѣрное изъ гораздо болѣе ранняго источника, такъ какъ самъ онъ нѣсколько ниже ссылается, какъ на свой источникъ, на Ливанія и Евтропія, касавшихся въ своихъ трудахъ великаго Понтійскаго моря.

Въ началѣ восьмага вѣка Сугдея, по всѣмъ признакамъ, состояла подъ властію хазарскою, и точно также, какъ другія греческія общины, находившіяся въ такомъ положеніи, служила убѣжищемъ для иконопочитателей, преслѣдуемыхъ въ собственно византійскихъ владѣніяхъ. Въ царствованіе Константина Копропима (740—775) сюда удалился исповѣдникъ Стефанъ, который не мало потрудился надъ распространеніемъ христіанства среди мѣстныхъ жителей. Если не ранѣе, то именно при немъ основана была въ Сугдеѣ епископская кафедра. Различныя сказанія, къ нему относящіяся, подвергаются оцѣнкѣ въ слѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Вѣроятно, тотъ же самый Стефанъ присутствовалъ и на вселенскомъ Никейскомъ соборѣ, въ 787 году, на которомъ временно восторжествовало православіе. Онъ постоянно отмѣчается въ сохранившихся актахъ соборныхъ засѣданій на ряду съ уполномоченнымъ представителемъ Готскаго Іоанна, а въ протоколѣ пятаго засѣданія значилась его подпись: *Στέφανος ἀνάγιος ἐπίσκοπος πόλεως Σουγδάων, ἀσμένως πάντα τὰ προγεγραμμένα δεξιόμενος ὑπέγραψα* ²⁾.

Кафедральною церковью города былъ храмъ Святой Софіи, обновленіе котораго отмѣчено авторомъ синаксарныхъ замѣтокъ и отнесено къ 793 году ³⁾. Вопреки позднѣйшимъ неточнымъ показаніямъ Сугдея съ начала занимала низшую степень въ іерархическомъ чинѣ епи-

¹⁾ *Ravennatis Anonymi Cosmographia*, edd. *Pinder et Parthey*. Berolini. 1860, pag. 175—176; item ad frontem *Roxolanorum regionis sunt patriae, id est Sithotrogorum, item patria Campi Campanidon, Getho Githorum, Sugdabon, Fanaguron*.

²⁾ *Mansi*, *Concilia XIII*, 137. Стефанъ, недостойный епископъ города Сугдайскаго, охотно принимая все вышесказанное, подписался. Другія упоминанія въ протоколахъ засѣданій, *ibid.*, XII, pagg. 994, 1095, XIII, 137, 365, 384.

³⁾ *Записки Одесскаго Общества*, т. V, стр. 615, № 135. Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ τὰ ἐγκαινία (τοῦ ναοῦ τῆς) ἁγίας Θεοῦ λόγου σοφίας (τοῦ ἐν) πόλει σουγδαία ἐν τῷ 793 (6301) ἐτ. Запись повторена дважды, такъ что въ ея смыслѣ и лѣтосчисленіи не можетъ быть сомнѣнія.

скопских кафедръ, и только позже возведена была на степень архіепископіи, а затѣмъ и митрополіи. Но, какъ и всѣ другія епархіи, основанныя въ варварскихъ странахъ восточной Европы, она съ самаго начала и послѣ была подчинена непосредственно Константинопольскому патриарху. Когда послѣдовало возвышеніе на степень архіепископіи, мы не знаемъ. Можетъ быть это произошло вслѣдствіе восстановленія въ сѣверныхъ при-понтійскихъ областяхъ непосредственной византійской власти въ политическомъ отношеніи, то-есть, во второй половинѣ X вѣка. Въ 997 году опредѣленіе Константинопольскаго синода при патриархахъ Сизиніи подписаль въ числѣ другихъ митрополитовъ и архіепископовъ Константинъ Сугдійскій (Σουγδίας), а въ 1026 архіепископъ Арсеній; имя того, который засѣдалъ на соборѣ 1087 при патриархѣ Николаѣ, не извѣстно ¹⁾. По изслѣдованіямъ нѣмецкаго ученаго Гельцера, одна изъ редакцій каталога епископскихъ кафедръ, безразлично надписываемыхъ именемъ Льва Мудраго, относится къ царствованію Алексѣя Комнина, послѣ 1084 года ²⁾. Здѣсь сугдейскій іерархъ уже носитъ званіе архіепископа, при чемъ рядомъ помѣщены Фуллы, представлявшія отдѣльную епархію той же степени. Какъ извѣстно, область Фулльская еще около половины IX вѣка была мало знакома съ христіанствомъ; славянскій первоучитель Константинъ (Кириллъ), пришедшій сюда изъ Корсуна, нашель въ фулльскомъ языкѣ людей, поклоняющихся старому дереву. Находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Сугдеею, Фуллы во многомъ раздѣляли ея судьбы и уже съ XII вѣка соединялись вѣстѣ подъ властью одного архіепископа; такъ, на Константинопольскомъ соборѣ при патриархѣ Лукѣ Хрисовергѣ въ 1156 году есть подпись владыки Сугдо-фулльскаго Σουγδοφούλλων ³⁾. Тѣмъ не менѣе, въ позднѣйшей редакціи росписанія епархій, относимой вышеназваннымъ ученымъ къ концу XII вѣка, къ эпохѣ Ангеловъ, Сугдея и Фуллы значатся какъ отдѣльныя архіепископіи. То же самое находимъ и у Нила Доксапатрія ⁴⁾. Послѣ соединеніе сдѣлалось постояннымъ. Что же касается внутреннихъ успѣховъ христіанства въ предѣлахъ Суг-

¹⁾ Ράλλη καὶ Πότλη, Σύσταγμα, V, 19, 32, 60.

²⁾ Gelzer, Zur Zeitbestimmung der griechischen Notitiae episcopatum: *Tahrbücher für protest. Theologie*. 1884, pag. 556.

³⁾ Kennenъ, Крымскій сборникъ, стр. 131. Ράλλη καὶ Πότλη, Σύσταγμα, V, pag. 98.

⁴⁾ Parthey (Hieroclis Synecdemus et) *Notitiae episcopatum* (Berolini. 1866), pag. 201, 301. Нилъ Доксапатрій писалъ въ 1143 году.

дейской епархіи, то нѣкоторое указаніе въ этомъ отношеніи можно извлечь изъ замѣчанія, находящагося въ житіи славянскаго первоучителя, что на ряду съ другими народами, какъ-то армянами, ивѣрами (грузинами), абхазами, готами (очевидно, крымскими) сугьди, то-есть, сугдейцы, славили Бога на своемъ собственномъ языкѣ; но іерархія была, конечно, греческая ¹⁾.

Полное востановленіе византійской государственной власти на полуостровѣ мы относимъ къ тому времени, когда, съ одной стороны, совершенно было низвергнуто господство хазаръ войсками Василія Болгаробойцы въ союзѣ съ русскими подъ начальствомъ брата или родственника св. Владимира (въ 1016 г.), а съ другой и самый Воспоръ или Керчь, прежній центръ хазарскаго владѣчества, сдѣлался вновь греческимъ достояніемъ. Извѣстно, что при Исаакѣ Ангелѣ Евпатерій, стратилатъ и дуксъ Херсона, возстановлялъ (въ 1190 году) укрѣпленія Воспора, пришедшія въ упадокъ ²⁾; но еще ранѣе того императоръ Мануиль Комнинъ (1143 — 1180) считалъ своимъ владѣніемъ Тмутаракань и городъ Росію (Ρωσία) при устьѣ Дона, а это означало полное господство Византіи въ лежащихъ позади, ближе къ ней, таврическихъ предѣлахъ. Тогда, конечно, и Сурожъ не только числился, но и дѣйствительно сталъ находиться въ составѣ греческихъ владѣній. Но что онъ пережилъ въ промежутокъ между хазарскою властію и востановленіемъ византійскаго владѣчества, объ этомъ можно только гадать, такъ какъ опредѣленныхъ и достаточно достовѣрныхъ свѣдѣній источники совсѣмъ не сообщаютъ. Въ договорѣ Игоря съ греками (945 г.) предполагается, что русскіе не только могутъ беспокоить Корсунъ своими набѣгами, но и защищать тамъ по близости какія-то свои владѣнія. Если это означаетъ русскій протекторатъ надъ извѣстными областями въ Тавридѣ, то еще не извѣстно, входилъ ли въ составъ этихъ зависимыхъ владѣній городъ Сугдея. Въ сказаніи о чудесахъ вышеупомянутаго епископа Стефана повѣствуется о русскомъ князѣ, который воевалъ всю страну между Керчью и Сурожемъ, но прежде чѣмъ приурочивать это сказаніе къ походу Владимира на Корсунъ въ 988 или 989 году, нужно еще установить достовѣрность самой легенды и ея происхожденіе, а этого пока не сдѣлано удовлетворительнымъ

¹⁾ Житіе св. Константина Философа: *Москвитянинъ*, 1843, № 6, стр. 405, 435. Ср. *Брукъ*, Черноморье, 11, 129.

²⁾ *Восек*, Corpus inscription. Graecar., № 8740.

образомъ. Послѣ на полуостровъ проникали печенѣги, имѣвшіе торговныя связи съ Корсуномъ, но какихъ-либо данныхъ о прямомъ ихъ отношеніи къ Сурожу не имѣется. Иное дѣло — половцы или, какъ ихъ называютъ арабскіе писатели, кипчаки. Конечно, нѣтъ никакихъ основаній увѣрять, что городъ Сугровъ, разоренный русскими князьями во время знаменитаго похода на половцевъ въ 1111 году, находился въ Крыму и былъ тождественъ съ Сурожемъ; ходъ дѣла и контекстъ заставляютъ скорѣе думать противное. Но, съ другой стороны, довольно достовѣрныя, хотя относительно поздніе мусульманскіе писатели говорятъ намъ, что предъ нашествіемъ татаръ Сугдея находилась подъ властію кипчаковъ: такъ думали не только Ибнел-асиръ († 1233) и Ибнбатута, но и западный миссіонеръ Рубрукъ (=Рубруквисъ). Впрочемъ, подчиненіе степнымъ ваварамъ могло означать просто дань, которую сурожане должны были платить для охраненія своей безопасности и своей торговли, какъ это бывало и въ татарское время ¹⁾. На первый взглядъ представляется страннымъ, что Слово о полку Игоревомъ относитъ Сурождъ къ землямъ неизвѣстнымъ, но такъ какъ въ этой же категоріи названы Тмутаракань и Корсунъ, то очевидно, это не значитъ совершеннаго незнакомства русскихъ съ Сугдеею, а только ея отдаленность или же отчужденность въ политическомъ отношеніи. Помимо общихъ соображеній, основываемыхъ на близкомъ знакомствѣ русскихъ съ Чернымъ моремъ, которое въ XI и XII вѣкахъ называлось даже специально Русскимъ моремъ, на извѣстіяхъ о ходѣ русско-византийской торговли, для которой печенѣги и половцы служили отчасти только посредниками, существуютъ инаго рода указанія на тѣсныя связи между Русью и Сурожемъ уже въ XII вѣкѣ. Авторъ приписокъ въ греческомъ синаксаріѣ подъ 24-мъ іюля сдѣлалъ такую замѣтку, что въ этотъ день совершается память святыхъ новоявленныхъ мучениковъ въ русскихъ странахъ, Давида и Романа, убитыхъ собственнымъ братомъ, окаяннымъ Сватополкомъ ²⁾. Хотя приписка сдѣлана позднѣйшею рукою, но очевидно, знакомство съ русскими святыми Борисомъ и Глѣбомъ, которые здѣсь обозначены ихъ христіанскими име-

¹⁾ Itinerarium Willelmi de Rubruk: pag. 219. In illa planicie (къ сѣверу отъ Сурожа) solebant esse Comani, antequam venirent Tartari, et cogebant civitates predietas et castra, ut darent eis tributum . . .

²⁾ Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνήμη τῶν ἁγίων νεοφαν(έν)των μαρτύρων ἐν ρωσικοῖς χώραις δαβὶ καὶ ρωμανοῦ τῶν ὑπὸ οὐκίον αὐταδέλφων ἀναίρεθ(έν)των ὑπὸ τοῦ τάλανος σφατο πούλκου (№ 170).

нами, относится къ тому времени, когда они считались новоявленными, а это приводит насъ къ началу XII вѣка, если не ранѣе. Происхожденіе приписки нужно объяснять такъ, что авторъ замѣтокъ, не нашедши въ греческомъ синаксаріѣ извѣстныхъ ему, какъ жителю Сурожа, святыхъ, почитаемыхъ здѣсь съ давняго времени, восполнилъ пропускъ, и для этого употребилъ уже усвоенныя прежде выраженія, вѣроятно, вошедшія въ мѣстный церковный обиходъ. Впрочемъ, прямое упоминаніе о русскіяхъ, какъ союзникахъ Сурожа, принимающихъ непосредственное участіе въ его дѣлахъ, встрѣчается въ одной не изданной турецкой хроникѣ при разказѣ о событіяхъ въ первой половинѣ слѣдующаго XIII столѣтія: объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

По свидѣтельству Ибнелъасира, Судакъ, по его мнѣнію, входившій въ составъ кипчакскихъ владѣній, еще ранѣе татарскаго нашествія (1223 года) былъ важнымъ торговымъ городомъ. „Отсюда кипчаки получаютъ свои товары, потому что къ нему пристають корабли съ одеждами; послѣднія продаются, а на нихъ покупаются дѣвушки и невольники, буртаскіе мѣха, бобры, бѣлки и другіе предметы, находящіеся въ землѣ ихъ“¹⁾. Корабли съ одеждами несомнѣнно были корабли греческіе, потому что до основанія Латинской имперіи въ Константинополѣ, то-есть, до паденія греческой власти на Босфорѣ, никакой другой изъ промышленныхъ народовъ, торгующихъ тканями, не имѣлъ доступа въ Черное море; основаніе венеціанскихъ и генуэзскихъ колоній относится къ позднѣйшему времени, а при императорѣ Мануилѣ прямо воспрещено было италіанскимъ торговымъ городамъ отправлять суда въ Воспоръ или Тмутаракань. Въ первое время послѣ четвертаго крестоваго похода (1204) верховная власть надъ областями южнаго Крыма, надъ Корсуномъ, Готією и Сугдеею, несомнѣнно перешла къ Трапезунтскимъ царямъ—Велико-Комнинамъ, хотя она и могла по временамъ обращаться, благодаря половцамъ, въ простое номинальное господство. Вмѣстѣ съ тѣмъ и черноморская торговля сосредоточилась теперь исключительно въ рукахъ купцовъ Трапезунта, Амастриды и Аминса, и въ старое время участвовавшихъ въ выгодахъ торговли корсунской. Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ, что пафлагонскіе и вообще понтіійскіе корабли привозили въ Херсонъ хлѣбъ, вино и другіе товары (De administr., сар. 53: ed. Vopp. pag. 270), что чрезъ посредство печенѣговъ корсуны отправляли въ Россію, Хазарію и на Кавказъ въ Джихетію

¹⁾ *Тиземаузенъ*, Матеріалы, стр. 26.

(Ζυζιάν: *ibid.*, сар. 6, pag. 71), всякаго рода ткани, тигровыя кожи, перец и т. п. Никита Пафлагонскій, писатель конца IX или начала X вѣка, выставлялъ центромъ черноморской торговли городъ Амастриду: „Въ нее“, говоритъ онъ, — „какъ на общей торжище, стекаются скиѣны, живущіе по сѣверной сторонѣ Евксина, а равно и тѣ, которые расположены къ югу; они приносятъ свои товары и получаютъ въ замѣнъ то, что есть у нея; это городъ, находящійся въ центрѣ между восточнымъ предѣломъ и западнымъ; во всемъ, что привозится сушею или моремъ, здѣсь нѣтъ недостатка“¹⁾. Итакъ, изъ словъ Ибнелъасира мы должны заключить, что въ Сурожъ въ XII вѣкѣ стала переходить исконная греческая торговля, которая прежде имѣла главнымъ посредникомъ городъ Корсунь. О развѣтвленіяхъ и важномъ значеніи этой торговли онъ говорилъ въ своемъ сочиненіи и ранѣе, описывая событія 1205—1206 года, когда Икопійскій султанъ Гааседдинъ будто бы предпринималъ походъ къ Трапезунту для защиты коммерческихъ интересовъ своихъ (греческихъ и турецкихъ) подданныхъ. Трапезунтскій царь, по словамъ Ибнелъасира, былъ причиною того, что пресѣлились на нѣкоторое время пути сушею и моремъ — съ одной стороны изъ Малой Азій, а съ другой изъ Руси и Кипчака, между которыми прежде посредничали подданные султана: съ одной стороны, они вели торговлю съ ними, то есть, съ русскими и кипчаками, входили въ города ихъ, а съ другой — къ нимъ шли вупцы изъ Сиріи, Ирака, Мосуля, Джебзире, собираясь преимущественно въ городъ Сивасъ (=Севастія)²⁾. Что касается предметовъ сурожскаго вывоза, то очевидно, у Ибнелъасира перечислены не всѣ они, но уже и между ними есть такіе, какихъ кочевники не могли сами производить. Въ неволю они продавали, безъ всякаго сомнѣнія, не столько своихъ дѣтей или родичей, сколько русскихъ плѣнниковъ, во множествѣ уводимыхъ при каждомъ набѣгѣ. Достаточно вспомнить патетическое описаніе первоначальной лѣтописи подъ 1093 г., принадлежащее современнику и очевидцу. Но еще изъ разказа объ Евстратіи въ Патеріиѣ Печерскомъ мы видимъ, что уведенные плѣнники, если не были выкупаемы, продавались въ рабство, и что скупщиками бывали жидаы, проживавшіе въ Корсунѣ³⁾. Однимъ сло-

¹⁾ Никиты Пафлагонянина похвала св. Іакинну Амастрийскому: *Migne, Patrol. Graec.*, CV, 42).

²⁾ Переведено у А. А. Куника: Основаніе Трапезунтской имперіи, стр. 730.

³⁾ Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные В. Яковлевимъ. С.-Пб. 1872, стр. 93—95.

вомъ, начиналась еще въ половецкій періодъ въ Корсунѣ и нашемъ Сурожѣ та торговля плѣнными, которая особенно разцвѣла въ татарскій и генуэзскій періодъ и наполнила русскими рабами армию и гаремы Египетскихъ султановъ-мамелюковъ. Если между мѣхами, вывозимыми изъ Сурожа, одни были бургасскіе, то-есть, съ береговъ Волги, то другіе, особенно бѣлые, могли быть доставляемы русскими; еще архіепископъ Аѳинскій, Михаилъ Хонскій считалъ бѣлые заячьи мѣха, привозимые въ Константинополь, специально русскимъ продуктомъ ¹⁾. Ибнелъасиръ не упоминаетъ объ одномъ очень важномъ предметѣ, который тоже вывозился съ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, между прочимъ изъ Сугдеи; мы разумѣемъ соленую рыбу и даже икру, о которыхъ есть упоминанія у нѣсколькихъ болѣе раннихъ византийскихъ писателей. Тцетцесъ въ одномъ изъ своихъ произведеній говорилъ объ оксійскихъ или оксіанскихъ рыбахъ, а въ другомъ объясняетъ намъ, что подъ этимъ нужно разумѣть тарихи, то-есть, соленую рыбу, которую варвары называютъ, по словамъ Тцетцеса, верзитикомъ; что же касается названія рыбы оксійскою, то оно употреблено было замысловатымъ писателемъ въ силу того, что жители Согдіи (=Сугдеи), хазары и корсунцы назывались вообще оксіанами отъ рѣки Окса, которая будто бы тамъ протекала ²⁾. Не проще ли можно было бы объяснять оксіанскую рыбу отъ слова уксусъ (ὄξος), такъ какъ дѣйствительно греки знали сортъ рыбы, приготовленный съ помощью этого состава? Евстаѳій Солунскій, современникъ XII вѣка, отличаетъ отъ рыбы свѣжепросоленной уксусную: ἰχθύες ταραχουτοί—ὄξωτοί ³⁾. Столь же неудачно Тцетцесъ объяснялъ выраженіе бармбаликъ, которое у скифовъ (=половцевъ) означало будто бы Азовское море; но во всякомъ случаѣ интересно, что онъ зналъ слово балыкъ, помѣщенное и въ куманскомъ словарѣ съ объясне-

¹⁾ См. нашу статью „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ“—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, июль, 1888, стр. 150.

²⁾ *Chiliad*. XIII v. 90, ed. *Pressel*, p. 484.

Ὀξίανους ἰχθύας μοι ταραίους εἶναι νόει,
 Ὅτι περ βαρβάρως καὶ κοινῶς βερζιτικά καλοῦνται.
 Οἱ δὲ Σογδίας κάτοικοι, Χάζαροι καὶ Χερσῶνες
 Ἀπὸ τοῦ Ὀξέου ποταμοῦ, εἰς σφῶν τῇ γῶρᾳ ῥέει
 Ὀξίανοὶ καλοῦνται, ἵνα καὶ ἰωνίσω.

³⁾ *Tafel*, Eustathii opuscula (Franf. 1832), pag. 231. Ἰχθύες ταραχουτοί: τινὲς δὲ καὶ ἐκ προσφάτου ἀλίπαστοι, πολλοὶ δὲ καὶ ὄξωτοι.

ніемъ его смысла („рыба“) ¹⁾. Если не вѣроятно, чтобы море называлось рыбнымъ городомъ (κάρμ, по Тцетцесу, на скинскомъ—πόλις), то весьма правдоподобно, что какой-нибудь городъ, ведущій рыбную торговлю, носилъ такое прозваніе ²⁾. Отъ Рубрука (Рубруквиса) мы узнаемъ, что въ послѣдствіи центромъ рыбнаго промысла была Тмудараканъ (Matrica); константинопольскіе купцы посылали оттуда свои барки къ устьямъ Дона и покупали тамъ громадныя количества всѣхъ сортовъ рыбы ³⁾. О разныхъ видахъ икры—красной и черной—говоритъ Евстацій Солунскій, замѣчая, что это былъ продуктъ сѣвернаго понтійскаго поморья и преимущественно рѣки Дона ⁴⁾. Если мы припомнимъ условія тогдашняго мореходства, то совершенно необходимо предполагать въ этой торговлѣ посредничество ближайшаго къ греческимъ берегамъ пункта, то-есть, Сурожа, тѣмъ болѣе что у Тцетцеса онъ прямо названъ.

Изъ домашнихъ событій въ Сурдеѣ за первую половину XIII столѣтія намъ извѣстно основаніе храма св. Аеанасія въ 1214 году, выстроеннаго на счетъ городской общины по случаю бывшей смертности въ городѣ, которая послѣ того вскорѣ и прекратилась ⁵⁾. Затѣмъ настали еще болѣе тяжелые дни, когда Сурожъ не мало по-

¹⁾ Codex Comanicus, то-есть, латино-персидско-куманскій (=половецкій) словарь, писанный въ 1303 году, сохранился въ рукописи, привезенной въ даръ венеціанской республикѣ Петраркою, изданъ вполне (послѣ Клапрота) венгерскимъ графомъ Куп'омъ въ 1880 году: См. статью академика *Е. Радлова* „О языкѣ кумановъ по поводу изданія куманскаго словаря“. Приложение къ XVIII тому *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*, № 4 (1884 г.).

²⁾ *Tzetzes, Chiliad. VIII, v. 773* (pag. 313): Τοῖς Σκύθαις Καρμπαλοῦκ ἡ λίμνη κληθεῖν φέρεται, Καρμπαλοῦκ δ' Ἑλληνισθὲν πόλις ἰχθύων λέγεται. Τὸ κάρμ γὰρ πόλις σκουθικῶς, τὸ δὲ παλοῦκ ἰχθύες. Броневскій (*Tartaria*, pag. 7) пишетъ (о Балаклавѣ), что городъ, который греки именовали *Iamboldum seu Iamboli* турки назвали *Balacheium*, quasi piscium agrum, потому что море тамъ особенно изобилуетъ рыбою.

³⁾ *Itinerarium Willelmi de Rubruk* (*Recueil des voyages*, t. IV, pag. 215). Sed mercatores de Constantinopolim applicantes ad predictam civitatem Matricam mittunt bareas suas usque ad flumen Tanaim, ut emant pisces siccatos, sturiones scilicet et hosas borbatos, et alios pisces infinite multitudinis.

⁴⁾ *Eustath. l. c.* Οὐκ ἐνέλιπον δὲ οὐδὲ ὡς ἰχθύων παραρριζομένη. γένος αὐτὰ ἐκάτερον, ὅσα δὲ εἰς δυὰδρα πλακῶδη παράκεινται παραυγάζοντα εἰς ὑπέροτρον, καὶ ὅσα ἐπὶ ἀρρίχων μέλανα χέρονται σωρηδόνων χορηγὸς ἐκ τῶν βορείων πρὸς ἄλλοις τόποις καὶ ὁ εἰς τὸν Εὐξείνῳ ἐκβάλλων Τάναϊς. Этими деликатесами угощали императора Мануила монахи одного столичнаго монастыря при неожиданномъ посѣщеніи его.

⁵⁾ Замѣтка въ *Синаксаріѣ*, № 25, стр. 599.

страдалъ отъ татаръ и отъ сельджукидскихъ турокъ. Нашествіе татаръ на Сурождъ въ первый разъ послѣдовало, какъ отмѣчено въ синаксаріѣ, въ самомъ началѣ 1223 года ¹⁾. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи мы находимъ у Ибнелъасира и у Рашид-еддина. Изъ перваго видно, что нападеніе татаръ на городъ Судаку произошло вскорѣ послѣ появленія ихъ въ землѣ аланъ и кипчаковъ. Остановившись въ Кипчакѣ, татары прибыли къ городу Судаку и овладѣли имъ, а жители его разбрелись; нѣкоторые изъ нихъ съ своими семействами и своимъ имуществомъ взобрались на горы, а нѣкоторые отправились въ море и уѣхали въ страну румскую, которая находится въ рукахъ мусульманъ изъ рода Килиджарслана ²⁾. Разказъ Рашид-еддина не представляетъ новыхъ подробностей, такъ какъ заимствованъ изъ того же Ибнелъасира: „монголы въ той странѣ (кипчаковъ)—закочевали на зиму. Оттуда же двинулись къ городу Судаку на берегъ моря,—и тотъ городъ взяли, а жители тамошніе разсѣялись. Потомъ они направились на землю русскую“ ³⁾. Такимъ образомъ, Рашид-еддинъ пропустилъ ту подробность, что часть сурожанъ искала себѣ убѣжища во владѣніяхъ турецкаго сельджукидскаго султана, но совершенно неправдоподобнымъ такое извѣстіе мы не можемъ назвать, хотя естественнѣе было бы ожидать, что пристанище найдется во владѣніяхъ Трапезунтской монархіи, въ составъ которой входилъ почти весь противлежащій берегъ Чернаго моря, начинающій отъ спорнаго Синопа; только одинъ—очень, правда, важный приморскій греческій городъ—Амизъ уже находился прямо въ рукахъ турецкихъ. Такъ или иначе, первое татарское нашествіе разразилось надъ Сугдеею въ видѣ страшной, но скоро миновавшей грозы. Намъ прямо сообщаютъ, что послѣ удаленія татаръ изъ земель кипчакскихъ и русскихъ уже въ слѣдующемъ 1224 году, все пришло въ прежній

¹⁾ *Записки Одесск. Общ. Исторіи*, т. V, стр. 601. № 33. Τη αὐτῆς ἡμέρας (= 27-го января) ἦλθον οἱ πρώτοι οἱ τῆταροι τοῦ σφλας ετ. (=6731=1223).

²⁾ Сборникъ матеріаловъ *Тизмаузена*, т. I, 26. Затѣмъ татары, пробывъ нѣкоторое время въ землѣ кипчацкой, двинулись въ 620 году (4-го февраля 1223—23-го января 1224) въ страну русскихъ; и потомъ слѣдуетъ разказъ о большомъ сраженіи, которое есть битва при Калкѣ. Отсюда видно, что Ибнелъасиръ относилъ эту битву въ 1223 году, какъ это и было доказано А. А. Куникомъ въ *Ученыхъ Запискахъ по первому и третьему отдѣленіямъ Академіи Наукъ*, т. II, 779.

³⁾ Рашид-еддина,—Исторія Чингизъ-хана (Исторія монголовъ, часть третья) въ переводѣ И. Н. Березина: *Труды Восточнаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества*, 1888 г., стр. 92.

порядокъ; возобновилась и торговля, центромъ которой былъ Сурожъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ вторглись татары, не получалось отъ нихъ (кипчаковъ) ничего по части бургасскихъ мѣховъ, бѣлокъ, бобровъ и (всего) другаго, что привозилось изъ этой страны. Когда же они покинули ее и вернулись въ свою землю, то путь возстановился и товары опять стали привозиться, какъ было прежде“¹⁾. Не совсѣмъ ясно и понятно, въ какомъ соотношеніи съ только что разказанными событіями находится другое бѣдствіе, разразившееся надъ Сурожемъ и временно наведшее большой страхъ на жителей. Происходили какія-то ссоры и столкновенія съ Иконійскимъ турецкимъ султаномъ, во владѣніяхъ котораго сурожане недавно искали убѣжища; послѣдовало нашествіе на Сурожъ и занятіе города турками. По видимому, эти событія находятся въ связи съ тою войною, которую въ данное время Иконійскій султанъ сельджукъ Алаеддинъ-Кей-Кобадъ (1219—1239) вель съ Трапезунтскимъ христіанскимъ царемъ Андроникомъ I Гидомъ (1223—1235). По греческимъ мѣстнымъ источникамъ, война между султаномъ и христіанскимъ царемъ возникла по слѣдующему поводу: „Во второй годъ царствованія Андроника Гида, султанъ Меликъ (меликъ по арабски просто значитъ царь) сынъ великаго султана Алатина (вѣрнѣе—самъ Алаеддинъ), помѣнявшись съ Гидомъ клятвою примиренія, постановили не выходить болѣе на бравъ другъ съ другомъ, а оставить страны въ мирѣ и дать покой окрестнымъ жителямъ пограничныхъ крѣпостей. Но договоръ этотъ былъ нарушенъ, по неразумію тогдашняго синонскаго градоначальника, покорнаго султану, Рейсъ-Етума. Корабль, нагруженный государственными податями Корсуни и тамошнихъ странъ Готеи, съ государственнымъ начальникомъ податей Алексіемъ и съ нѣкоторыми знатными корсунянами, шелъ оттуда съ ежегодною данью царю Гиду; но волненіемъ моря занесенъ былъ въ Синопъ. Помянутый Рейсъ разбойнически захватилъ это судно и деньги и всѣхъ бывшихъ вмѣстѣ съ матросами. Потомъ послалъ на Корсунъ вооруженныя суда, и они совершенно опустошили эту страну“²⁾. Правитель Синопа, признававшій верховную

1) *Tusenstaunders*, Сборникъ матеріаловъ, стр. 28.

2) *Fallmerayer*, Original-Fragmente zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt: *Abhandlungen der historischen Classe der k. Bayerischen Akademie*. Dritten Bandes erste Abtheilung, pag. 72, нѣмецкій переводъ выше, pag. 18, 19; русскій переводъ въ приложеніяхъ къ статьѣ А. А. Кумика „Основаніе Трапезунтской имперіи“ въ *Ученыхъ запискахъ по I и III отдѣленіямъ*, т. II (1854 г.), стр. 738 и сл.

власть султана, по имени и по происхожденію армянинъ, былъ наказанъ трапезунтцами, долженъ былъ возвратитъ похищенное, но за опустошеніе окрестностей Синопа вступился самъ султанъ, и возгорѣлась война; успѣхъ сначала былъ на сторонѣ турецкой, но затѣмъ подъ самымъ Трапезунтомъ въ сильную бурю турки потерпѣли страшное пораженіе, самъ султанъ взятъ былъ въ плѣнъ. Греки приписывали неожиданное торжество свое патрону города Трапезунта св. Евгенію, предполагая его чудесное вмѣшательство. Султанъ, отпущенный на свободу, отказался впредь отъ всякихъ притязаній и до конца жизни свято исполнялъ условія договора. Разказъ этотъ читается въ похвальномъ словѣ св. Евгенію Трапезунтскому и подтверждается въ своей основѣ краткою трапезунтскою хроникою Панарета ¹⁾. Онъ пока важенъ для насъ тѣмъ, что прямо свидѣтельствуеетъ о переходѣ власти надъ южнымъ Крымомъ, слѣдовательно, и надъ Сурожемъ, въ трапезунтскимъ Велико-Комнинамъ. Но въ недавнее время открыты другія извѣстія объ Алаединѣ, которыя касаются уже прямо Сурожа и естественнымъ образомъ какъ бы сами собою комбинируются съ греческимъ сказаніемъ. Въ турецкихъ источникахъ говорится, что Алаединъ былъ краса династіи, имѣлъ ревность къ священной брани, овладѣлъ областями Рума вплоть до Скадара, перевезъ свое войско изъ Синопа черезъ Черное море и завоевалъ въ странахъ Дешти-Кыпчака крѣпость Судажъ ²⁾. Болѣе подробно и специально о морскомъ турецкомъ походѣ противъ Сурожа трактуетъ отрывокъ изъ не изданной Сельджуидской хроники „Сельджук-намэ“ Мухаммеда Равенди, содержаніе котораго сообщено голландскимъ ориенталистомъ Хаутсма ³⁾. Въ этомъ разказѣ Сурожъ представляется независимою республикою, находящеюся въ союзѣ съ русскими и кыпчаками,—что, замѣтимъ отъ себя, нисколько не мѣшало признанію верховной власти Трапезунтскаго императора: Корсунъ и Готія тоже сохраняли свои традиціи самоуправ-

¹⁾ Хроникою Панарета, которая издана была *Фальмерайеромъ*: Original-Fragmente и т. д. въ IV томѣ *Abhandlungen* Ваварской академіи и *Tafelwerk* въ *Eustathii opuscula*.

²⁾ *В. Д. Смирновъ*, Крымское ханство. С.-Пб. 1887, стр. 10.

³⁾ *Houtsma*, Ueber eine türkische Chronik zur Geschichte der Seljuken Klein-Asiens. (Actes du sixième congrès des orientalistes en 1883 à Leide. Deuxième partie. Leide. 1885, pag. 369). Ср. барона *В. Р. Розена* Рецензію на это изданіе въ *Запискахъ Восточнаго отдѣленія Импер. Русскаго Археолог. Общества*, т. I, выпускъ IV (1887 г.), стр. 327.

ленія, послѣдняя и послѣ имѣла своихъ князей. Кейкобадъ—говорится далѣе въ хроникѣ—былъ раздраженъ противъ (сурожской) общины, потому что граждане нанесли ущербъ одному мусульманскому купцу; онъ отправилъ противъ нея военный отрядъ на судахъ. Когда экспедиція достигла города, то какъ русскіе, такъ и кипчаки старались склонить могущественнаго сельджукидскаго государя къ дружественнымъ чувствамъ, и городъ Судахъ далъ удовлетвореніе, допустивъ свободное отправленіе магометанскаго богослуженія и принявъ небольшой турецкій гарнизонъ. Дата этого событія не опредѣлена хронологически въ турецкомъ источникѣ, но Хаутсма догадывается, что ее нужно помѣстить нѣсколько лѣтъ позднеѣе, чѣмъ нашествіе татаръ. Мы имѣемъ полное право разсматривать сурожское событіе какъ эпизодъ большой войны Иконійскаго султана съ царемъ Трапезунтскимъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ той и другой стороны дошли до насъ только неполныя извѣстія о ней, и нѣтъ достаточной причины не довѣрять, какъ трапезунтскому сказанію о чудесахъ св. Евгенія, такъ и сообщенію не изданной турецкой хроники, съ тѣми, конечно, ограниченіями, которыя вытекаютъ изъ самаго характера источниковъ. Прежде всего слѣдуетъ добавить, что подчиненіе города Сурожа султану не оказалось, какъ это видно изъ дальнѣйшей исторіи, прочнымъ или долговременнымъ; можетъ быть, оно прекратилось съ окончаніемъ войны и вмѣстѣ съ заключеніемъ мира. Въ одномъ изъ двухъ каноновъ, сложенныхъ въ Сурожѣ въ честь святаго Стефана, воспѣвается торжество христіанъ надъ нечистыми агарянами, надъ измаильтянами, которые хотѣли озлобить достояніе Господа, то-есть, самый городъ Сурожъ, но подверглись посрамленію; здѣсь же встрѣчается обращенная къ Богу молитва о дарованіи дальнѣйшихъ побѣдъ „крестоносному царю нашему“¹⁾. Мы думаемъ, что тутъ рѣчь идетъ именно о мусульманскомъ нашествіи и о нападеніи султана Иконійскаго; сурожане торжествовали побѣду своего государя и свое собственное освобожденіе.

Въ 1238 году татары вторично посѣтили Сугдею — въ мѣсяцѣ декабрѣ, какъ это отмѣтилъ въ своемъ экземплярѣ краткихъ житій святыхъ позднѣйшій сурожанинъ²⁾. Однако и это не означало окон-

¹⁾ Объ этомъ канонѣ рѣчь будетъ ниже.

²⁾ *Записки Одесскаго общ.*, т. V, стр. 597, № 10 (подъ 26-мъ декабрѣ): τῆ αὐτῆς ἡμέρας ἦλθ... τῆταιροι οἱ βουτροῦ... τοῦ ,σφμζ (=6747=1238). Марино Сануто (*Secreta fidelium crucis III*, 12) упоминаетъ о разореніи Сугдеи въ связи съ нашествіемъ

чательнаго и полнаго порабощенія. Десять лѣтъ спустя, именно въ 1249 году, послѣдовало очищеніе Сурожа отъ татаръ. Въ синаксаріѣ по этому поводу замѣчено слѣдующее: „Въ этотъ день (апрѣля 27-го) все было очищено отъ татаръ вѣи города, и сосчиталъ севасть народъ, и оказалось восемь тысячъ триста въ 6757 году отъ сотворенія міра, и праздновалъ торжественно“¹⁾). Какъ и почему произошло это радостное событіе, на это нѣтъ намека; но, по видимому, полное освобожденіе отъ татаръ сопровождалось возстановленіемъ верховной власти греческаго Трапезунтскаго императора; представителями или намѣстниками его являются сановники, носящіе высокій титулъ севастовъ (первоначально *augustus*). Севасть произвелъ счисленіе населенія, остававшагося въ городѣ и оказавшагося не особенно значительнымъ, хотя, вѣроятно, нужно тутъ разумѣть только взрослое мужское населеніе. Севасты съ тѣхъ поръ постоянно упоминаются въ припискахъ къ синаксарію вплоть до 1310 года; въ 1262 отмѣчается смерть раба Божія Поликарпа Севаста, по прозванію Мамиція (*Μαμίτζης*: № 80); въ 1305 году упомянуть Севасть Топти и жена его Тамаръ (№ 65); всего чаще сообщается о кончинѣ ихъ сыновей и дочерей, предаваемыхъ погребенію въ православныхъ церквахъ Сурожа, какъ это иногда прямо указывается въ припискахъ. Большая часть именъ этихъ севастовъ явно греческія, и что всѣ они были христіане, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; правда, что въ родствѣ и свойствахъ ихъ попадаются имена, звучація чуждыми грекамъ звуками, но нужно быть осторожнымъ въ приуроченіи такихъ именъ именно къ турецкимъ корнямъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду тѣсныя связи трапезунтскихъ государей и магнатовъ съ сосѣднею Грузіей; Тамаръ, жена севаста Топти, тождественна по имени съ грузинскою Тамарою, такъ много содѣйствовавшею основанію Трапезунтской монархіи; дочь севаста Пула (можетъ быть Севастопула, то-есть, сына севаста) была женою Або, а это послѣднее имя тоже грузинское (извѣстно житіе святаго Або, постра-

татаръ на Русь и Хазагію, относя все это къ 1242 году. *Tatari vastant Rusiam, Gazariam, Sugdaiam*. Ср. *Tomasek*, *Goten in Taurien*, pag. 42.

¹⁾ Pag. 611 № 104. τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐξηχαθάρισθη... ταταρίων τὸ ἄπαν... ἔσω τὸ ἀστὴ καὶ ἠριθμήσειν σεῦ. τῶν λαῶν καὶ ἡρεθὺ χίλιας; ἢ καὶ τριακόσια ἐν ἑτ. ἑψακτῆς τοῦ χόσμου γενήσεως καὶ ἑορτάζε πανουργικός. Арх. Антонинъ понялъ числительныя слова „тысячь восемь и триста“ какъ 308 тысячь, но намъ кажется болѣе правдоподобнымъ иное возможное толкованіе, дающее и болѣе скромный результатъ.

давшего отъ сарацинъ въ VIII вѣкѣ); если сама она называлась Баракъ, то и это имя, равно какъ и Алачукъ, можетъ быть объясняемо изъ специальной трапезунтской ономотологіи; только Токтемиръ, сынъ севаста, носить явно турецкое названіе, но отецъ его все-таки назывался Стефаномъ ¹⁾. На ряду съ севастами, равно какъ и послѣ исчезновенія ихъ, упоминаются архонты, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть представителей мѣстной городской власти ²⁾.

Нельзя, однако, утверждать, что съ восстановленіемъ законной власти православнаго греческаго царя совсѣмъ прекратились всякія подчиненныя отношенія къ татарамъ; опасность съ этой стороны всегда была близка, и очень понятно, что для отстраненія бѣды приходилось платить болѣе или менѣе постоянную дань. Такъ по крайней мѣрѣ было въ тотъ моментъ, когда Сурожъ посѣтилъ знаменитый путешественникъ—монахъ Рубрукъ, направившійся ко двору великаго монгольскаго хана по секретному порученію Французскаго короля Людовика Святаго. Рубрукъ (Рубруквисъ, Рунсбрекъ), со своими спутниками и переводчикомъ, прибылъ въ Сурожъ чрезъ Константинополь, еще находившійся въ рукахъ латинянъ, 21-го мая 1253 года. Купцы изъ Константинополя, уже заранѣе принесли вѣсть, что въ Сурожъ вскорѣ явится посольство къ хану Сертаку, отправленное королемъ Людовикомъ изъ Святой земли; Рубруку это было не совсѣмъ пріятно, потому что онъ предполагалъ выдавать себя за простаго миссіонера. Какіе то были купцы—греческіе или венеціанскіе, мы не знаемъ, но указаніе на тѣсныя торговыя связи Сурожа съ Царьградомъ весьма любопытно. Городскія власти, которымъ Рубрукъ даетъ титулъ капитановъ (*capitanei civitatis*), находились въ отсутствіи, именно: они отправились еще зимою къ кипчакскому хану Батю для уплаты дани и пока не возвращались; поэтому пришлось вступить въ необходимыя объясненія съ замѣстителями (*vicarii*) городскихъ правителей: севасть почему-то не упоминается. Объясненія были приняты благопріятно, и путешественникамъ отведено было помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ при каѳедральной церкви ³⁾. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что епископъ былъ не греческій православный, а какой-нибудь другой, напримѣръ, армянскій ⁴⁾. Оказа-

¹⁾ Ср. *В. Д. Смирновъ*, Крымское ханство, стр. 34, 35.

²⁾ Архонты: № 73 (1310 года), № 13 (1407 года).

³⁾ *Et ipsi receperunt nos gratanter et dederunt nobis hospitium in ecclesia episcopali.*

⁴⁾ Ср. *Брунг*, Черноморье, II, стр. 140.

лось, что епископъ самъ бывалъ у Сартака, и онъ наговорилъ Рубруку много хорошаго о ханѣ, что, впрочемъ, впоследствии не оправдалось. Когда возникъ вопросъ о способахъ дальнѣйшаго путешествія, то совѣтниками явились тѣ константинопольскіе купцы; какъ люди, вполне знакомые съ мѣстными обычаями и средствами, они посовѣтовали взять или даже купить для перевозки вещей запрягаемыя волами, крытыя телеги, въ какихъ русскіе перевозятъ свои мѣха ¹⁾; при чемъ сами путешественники лично могли бы спокойно и неслѣшно ѣхать подлѣ на коняхъ; это было удобнѣе въ томъ отношеніи, что избавляло отъ необходимости перекладывать вещи, назначаемыя главнымъ образомъ для подарковъ хану и его приближеннымъ, при неизбѣжной смѣнѣ лошадей и при всякой остановкѣ. Однако, Рубрукъ послѣ остался недоволенъ рекомендованнымъ ему способомъ передвиженія, такъ какъ онъ оказался вдвое медленнѣе, чѣмъ на вьючныхъ лошадяхъ. Для насъ важнѣе всего здѣсь мимоходомъ сдѣланное указаніе на русскихъ купцовъ, которые торговали съ Крымомъ и съ самымъ Сурожемъ мѣхами. Впрочемъ, объ этомъ Рубрукъ и прямо говоритъ при описаніи мѣстоположенія Солдаи и ея торговаго значенія. Сюда пристають всѣ купцы, приходящіе изъ Турціи и направляющіеся въ сѣверныя страны, и на оборотъ, купцы, приходящіе изъ Россіи и странъ сѣверныхъ и желающіе совершить переѣздъ въ Турцію. Послѣдніе доставляютъ сюда различныя и дорогіе мѣха, а первые привозятъ хлопчатобумажныя матеріи, шелковыя ткани и пряные корни ²⁾. Очевидно, это все та же торговля, о которой говорилъ еще Ибнелъасиръ, приписывая въ ней главную роль кипчакамъ; ближе знакомый съ дѣломъ западный человекъ вмѣсто кипчаковъ называетъ русскихъ. Что же касается Турціи, куда ѣздили русскіе купцы, то здѣсь разумѣются противоположащіе берега Малой Азіи, находившіеся подъ властью Иконійскаго сельджукидскаго султана, со включеніемъ, нужно думать,

¹⁾ Tum dederunt nobis optionem, utrum vellemus habere bigas cum bobus ad portandum res nostras, vel equos pro saginariis: et mercatores constantinopolitani consulerunt mihi quod acciperem bigas, immo quod emerem proprias bigas cooperatas, in quibus portant Ruteni pelles suas.

²⁾ Pag. 284. Soldaya, que ex transverso respicit Sinopolim et illuc applicant omnes mercatores venientes de Turchia volentes ire ad terras aquilonares et a converso venientes de Roscia et terris aquilonaribus volentes transire in Turkiyam. Isti portant varium et grysiam et alias pelles pretiosas: alii portant telas de cotone sive gambasio et pannos sericos et spices aromaticas.

и областей Трапезунтскихъ, считаемыхъ зависимыми отъ нихъ. Нѣсколько позднѣе мы встрѣчаемъ въ Солдайѣ и венеціанскихъ купцовъ. Въ 1260 году прибыли въ Крымъ и высадились, вѣроятно, въ Сурожѣ венеціанскіе купцы Николо и Маффіо (Матеей) Поло; они пробирались ко двору Кипчакскаго хана Берке, гдѣ думали выгодно продать извѣстное количество драгоценныхъ камней. Прибыли они прямо изъ Константинополя, гдѣ въ то время доживала послѣдніе дни Латинская имперія и хозяйничали венеціанцы; старшій братъ ихъ и компаньонъ Марко провелъ въ Константинополѣ часть своей жизни и, вѣроятно, находился тамъ и въ настоящій моментъ. Его торговые обороты простирались до Сугдеи-Сурожа — если не теперь, то нѣсколько позднѣе; онъ имѣлъ въ Солдайѣ свой домъ, служившій, можетъ быть, торговою конторою. Достигнувъ преклоннаго возраста, Марко Поло старшій, дядя знаменитаго путешественника, рѣшилсѣ удалиться въ Венецію, свое отечество, и написалъ здѣсь въ 1280 году духовное завѣщаніе; въ немъ идетъ рѣчь о сурожскомъ домѣ, въ которомъ, оказывается, обитали дѣти Марко: сынъ Николай и дочь Марокка; въ завѣщаніи предоставляется имъ пожизненное пользованіе сказаннымъ домомъ, а полная собственность предоставляется франсисканцамъ, находившимся въ городѣ ¹⁾. Это показываетъ, что венеціанцы, засѣвшіе потомъ въ Солдайѣ довольно прочно, начинали селиться здѣсь около времени пребыванія Рубрука и братьевъ Поло. Но прежде чѣмъ перейти къ венеціанскому періоду, мы должны отмѣтить два факта изъ исторіи отношеній Сурожа къ турецкому міру.

Въ 1263 году прибыли въ Крымъ послы Египетскаго султана Вейбарса, знаменитѣйшаго изъ мамелюковъ, остановившаго успѣхи монголовъ въ Сиріи и всю жизнь свою находившагося въ упорной борьбѣ съ великимъ ханомъ Гулагу и его преемниками, при чемъ онъ искалъ себѣ опоры въ другихъ Чингисидахъ. Вейбарсъ имѣлъ цѣлью побудить хана Золотой орды, который въ противоположность великому хану обнаруживалъ усердіе къ исламу, прямо къ священной войнѣ противъ Гулагу; посредниками въ сношеніяхъ были аланскіе купцы и многочисленныя татары, находив-

¹⁾ Вся эти свидѣнія о Марко Поло старшемъ и объ его домѣ въ Сурожѣ почерпаются изъ его завѣщанія; документъ былъ обнаруженъ первоначально у *Cicogna*, *Inscr. Veneziane*, III. 489, а теперь помѣщается при изданіяхъ путешествій Марко Поло (Пасини, Юля). Ср. *Heyd-Raynard*, I, 299; II, 215, 216.

шіеся въ Египтѣ. Посольство, временно задержанное Никейскимъ императоромъ Ласкарисомъ, прибыло потомъ на Судацское поморье—разумѣется малоазіатскій берегъ Чернаго моря—и затѣмъ высадилось въ Крымъ. О послахъ говорится, что они взобрались на гору, называемую Судакъ, и что здѣсь встрѣтилъ ихъ татарскій уполномоченный, правитель края, имѣвшій резиденцію въ мѣстечкѣ Крымъ (то есть, Солхатъ), которое населяли кипчаки, русскіе и аланы ¹⁾. Отсюда, однако, не видно, чтобы самый Суроужъ находился подъ непосредственнымъ управленіемъ татарскаго сановника, какъ заключаютъ нѣкоторые ученые ²⁾. Болѣе положительный признакъ въ этомъ смыслѣ представляетъ исторія поселенія въ Крымъ Иковійскаго султана Иззеддина, въ пользу котораго должны были ходатайствовать предъ ханомъ Берке только что упомянутые египетскіе послы. Съ его именемъ обыкновенно соединяется представленіе о весьма значительной прибавкѣ къ тюркскимъ элементамъ, распространявшимся на полуостровъ въ лицѣ половцевъ, а потомъ татаръ, еще и собственно турецкаго. Для насъ важно то, что удѣломъ Иззеддина, который былъ ему данъ преемникомъ Берке, былъ именно Солхатъ и Судакъ или Суроужъ, если только позднѣйшій турецкій компиляторъ вѣрно передалъ слова своего болѣе древняго источника ³⁾. Едва ли, однако, число спутниковъ Иззеддина, пришедшихъ въ Крымъ, было такъ значительно, чтобы чувствительнымъ образомъ повліять на составъ населенія греческой Сугдеи. Этотъ сельджукидскій султанъ, внукъ извѣстнаго намъ Адаедина Кейкобада, явился сюда не прямо съ родины своей въ Малой Азіи, а уже изъ Византіи послѣ длиннаго ряда приключеній. Вынужденный вѣроломствомъ собственнаго брата, перешагнувъ на сторону азіатскихъ (не кипчакскихъ) монголовъ, спастись

¹⁾ Современный арабскій писатель Ибнабдешвахыръ у *Тиземаузена*: Сборникъ матеріаловъ, I, 63. Ср. В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 38. Другой арабскій писатель, который говоритъ объ этомъ, есть Эльмуваддаль (у *Тиземаузена*, I, стр. 192); правитель края назывался Таюкъ, и онъ имѣлъ почтовыхъ лошадей; Крымъ отстоялъ отъ берега на одинъ день вѣды.

²⁾ Ср. *Врѣнъ*, Черноморье, II, 137; В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 38.

³⁾ Объ этомъ говорятъ только Сейидъ Лукманъ, придворный повѣтъ султана Мурада III, въ сочиненіи, которое представляетъ извлеченіе изъ стариннаго историческаго труда, и которое было переведено на латинскій языкъ профессоромъ Гелзинггорскаго университета *Лаузомъ*: Seid Locmani ex libro Turcico, qui Oghuzname inscribitur (Helsing. 1854). Ср. В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 14.

себя бѣгствомъ, онъ сначала нашель себѣ пристанище у Греческаго императора Михаила Палеолога, незадолго предъ тѣмъ овладѣвшаго Константинополемъ. Правда, что число спутниковъ, которые его сопровождали или же пришли вслѣдъ за нимъ, было весьма значительно; по свидѣтельству византійскихъ писателей, всего набралось болѣе тысячи взрослыхъ, способныхъ носить оружіе. Но обстоятельства, сопровождавшія переходъ султана подъ покровительство хана Золотой или Кипчакской орды, болѣе точно передаваемыя византійскими писателями, чѣмъ позднѣйшимъ турецкимъ, были таковы, что не допускали возможности этой массѣ опять послѣдовать за своимъ прирожденнымъ вождемъ въ его дальнѣйшемъ переселеніи. Иззеддинъ разчитывалъ либо свергнуть брата при помощи византійскаго союзника, многимъ ему прежде обязаннаго, либо получить отъ него приличный удѣлъ въ греческихъ областяхъ. Намъ говорятъ, что онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и не достигъ ни того, ни другаго, ни помощи противъ брата, ни удѣла ¹⁾. Понявъ, что Палеологъ проводить его пустыми проволочками, Иззеддинъ вступилъ въ сношенія съ ханомъ Берке и съ Болгарскимъ царемъ Константиномъ, который тогда настроенъ былъ противъ Палеолога самымъ враждебнымъ образомъ ²⁾. Составилась коалиція противъ Византіи изъ татаръ и болгаръ; византійскія владѣнія страшно пострадали отъ этихъ союзниковъ, угрожавшихъ самой столицѣ. Иззеддинъ успѣлъ отдѣлиться отъ императора, который держалъ его при себѣ, между тѣмъ какъ союзники прямо старались объ его освобожденіи. Они осадили ту крѣпость, въ которой Иззеддинъ находился съ самыми близкими къ нему людьми, и когда осада затянулась вслѣдствіе упорства защитниковъ, татары удовольствовались именно одною выдачею Иззеддина и сняли осаду ³⁾. Что же касается его родичей и прежнихъ приверженцевъ, то византійцы настойчиво внушаютъ намъ, что почти всѣ

¹⁾ Niceph. Gregorae histor., I, 82: 'Αζατίνης; (такъ онъ именуется у византійцевъ) αἰτεῖ δούκην θάτερου ἢ συμπαχίαν κατὰ τὸν Σχυθῶν, ἢ γῆς Ῥωμαίων; ἀποτομή τινι καὶ οἰοεὶ κληρονομίαν εἰς κατοικίαν μονιμωτέραν αὐτοῦ τε καὶ τῶν ἀδελφῶν αὐτοῦ.

²⁾ Pachymer., I, 229; Gregor., I, 100.

³⁾ Nicephor. Gregor., I, 101; Pachymer., I, 229—240. Арабскіе писатели Рукнеддинъ Бейбарсъ (*Тиземаузень*, I, 103), Эннувейря (стр. 103), Эльмуаддаль (стр. 191) согласны съ византійцами въ томъ, что Иззеддинъ былъ освобожденъ татарами изъ крѣпости, въ которой держался онъ и его сыновья и внуки; только напрасно они говорятъ о близости ея къ Стамбулу; разувѣется (по византійцамъ) крѣпость *Эносъ*. Ср. *Смирносъ*, Крымское ханство, стр. 21.

они отчасти по неволѣ, отчасти по доброй волѣ остались на византійской службѣ и даже обратились въ христіанство ¹⁾). Они встрѣчаются еще и послѣ въ составѣ византійскаго войска въ количествѣ 1100 человекъ и въ качествѣ весьма ненадежнаго контингента ²⁾). Если вѣрно, что отъ этихъ именно „туркопуловъ“, какъ они спеціально именуются у Грегори, ведетъ свое начало турецкое поселеніе въ Добруджѣ—позднѣйшій турецкій компиляторъ даетъ основаніе къ такому мнѣнію.—то нужно думать, что они утвердились тамъ не при Иззеддинѣ, а послѣ него ³⁾). Слѣдовательно, Иконійскій султанъ, когда его пріютилъ Кипчакскій ханъ Берке, не въ состояніи былъ привести съ собою большую колонію. Съ другой стороны, его потомство вовсе не укоренилось на крымской почвѣ; по смерти Иззеддина († 1279) сынъ его Масудъ покинулъ Тавриду и воротился въ Малую Азію, гдѣ получилъ отъ преемниковъ Гулагу Эрзерумъ и Сивась ⁴⁾). Присутствіе турецкихъ элементовъ въ населеніи Сурожа, охватывающееся къ концу столѣтія весьма яснымъ и достигающее большихъ размѣровъ, не находитъ себѣ достаточнаго объясненія въ исторіи поселенія султана Иззеддина. Самое отношеніе Иззеддина къ Сурожу не совсѣмъ ясно. Намъ прямо говорятъ, что онъ имѣлъ свое мѣстопробываніе въ Сараѣ и тамъ умеръ ⁵⁾). Если въ составъ его удѣла, отведеннаго ханомъ Берке, дѣйствительно входилъ Сурожъ, то скорѣе всего—въ качествѣ города, обложеннаго данью: подарки или поминки, которые прежде старшины общины возили въ орду, шли теперь на содержаніе сосѣдняго магометанскаго выходца, татарскаго подручника.

Мы видѣли, что венеціанцы во время Латинской имперіи не только проливали въ Крымъ, но и появлялись въ самой Сугдѣѣ, гдѣ уже свили себѣ гнѣздо католическіе монахи, францисканцы. Между тѣмъ произошелъ переворотъ, громаднй по своему значенію для всемірной исторіи, сильно отразившійся и на положеніи нашего Сурожа. Воспользовавшись отсутствіемъ венеціанскаго флота, ушедшаго въ экспе-

¹⁾ Gregor., I, 101, 229.

²⁾ Gregor., I, 229, 248.

³⁾ О поселеніи въ Добруджѣ: *Брунъ*, Черноморье, стр. 142; *Смирновъ*, Крымское ханство, стр. 12—24.

⁴⁾ *Тиземаузенъ*, Сборникъ матеріаловъ, I, 103, 434; *Смирновъ*, Крымское ханство, стр. 23.

⁵⁾ См. *Смирновъ*, Крымское ханство, стр. 27: по арабскимъ источникамъ у *Тиземаузена*.

дицію въ Черное море, полководецъ Михаила Палеолога, Алексѣй Стратигопуль, 25-го іюля 1261 года овладѣлъ Константинополемъ. Главною опорой въ борьбѣ противъ венеціанъ служили для Палеолога соперничавшіе съ ними генуезцы, которымъ онъ отвелъ Перу для поселенія. Генуезцамъ, согласно съ заключеннымъ договоромъ, дано было право исключительной торговли по берегамъ Чернаго моря. Они отлично воспользовались благопріятными обстоятельствами, спѣшили утвердить свою монополію и сдѣлаться полными хозяевами на побережьяхъ Тавриды; центромъ ихъ торговой дѣятельности въ этихъ мѣстахъ стала Кафа, цвѣтущая колонія, основанная въ 1266 году на территоріи, купленной за деньги у какого-то татарскаго владѣльца. Однако, дѣло не могло обойтись безъ борьбы съ другими торговыми италіанскими общинами.

Соперниками генуезцевъ на Черномъ морѣ были сначала пизанцы, имѣвшіе здѣсь свой портъ, Porto Pisano (Таганрогъ или вѣрнѣе Сивьявка); но это были враги не очень опасные, и генуезцы надъ ними легко восторжествовали. Въ 1277 году произошло столкновеніе между генуезцами и пизанцами, которое окончилось пораженіемъ послѣднихъ. Одна пизанская галера пустилась въ море съ намѣреніемъ поживиться грабежемъ на счетъ многочисленныхъ генуезцевъ, утвердившихся по берегамъ Чернаго моря; она посѣтила портъ Синопскій, потомъ гавань Сурожскую; но въ виду Сурожа она была встрѣчена галерою генуезцевъ, была взята и сожжена; бой происходилъ въ виду городского населенія, любовавшагося зрѣлищемъ ¹⁾.

Единственными соперниками, способными бороться съ Генуею на этой почвѣ, были венеціанцы. Нисколько не расположенные отказаться отъ выгодной торговли на Черномъ морѣ, они далеки были отъ всякаго соглашенія, которое предоставило бы имъ только второстепенную роль въ этой сферѣ. Къ ихъ счастью, дружба между Палеологомъ и Генуею оказалась непрочною и скоро смѣнилась натянутыми отношеніями, которыя заключились открытымъ разрывомъ.

При такихъ условіяхъ естественно, что Византійскій императоръ самъ отказался отъ своего намѣренія запретить венеціанцамъ доступъ въ Черное море; едва протекло четыре года отъ заключенія

¹⁾ Oberti Stanconi et Jacobi Aurie annales: *Pertz*, SS. XVIII, 285. Et auditis predictis, in continenti insequi cepit predictum Pisanorum galeam, et ventis prosperis in *Soldaiam* pervenit. Dumque ibidem moraretur, ecce supervenit predicta Pisanorum galea.. Nostra vero exiens eidem obviam, prelium inter ipsas est commissum durissimum in conspectu hominum *Soldais*.

договора (въ Нимфеѣ), предоставившаго монополію Генуѣ, какъ Михаилъ Палеологъ позволилъ венеціанцамъ селиться по ихъ выбору на черноморскихъ берегахъ, и переворотъ былъ на столько полный, что греческій посолъ, возвращаясь изъ поѣздки къ татарскому хану, не усумнился сѣсть въ Солдайѣ (Сурождѣ) на венеціанскій корабль, ядѣсь находившійся ¹⁾. Отсюда видно, что венеціанцы опять стали ѣздить по Черному морю и вывозить товары съ береговъ Понта. Торпливо очистивъ эти берега въ моментъ возстановленія греческой власти на Золотомъ рогѣ, они спѣшатъ наверстать потерянное. Новыя колоніи ихъ образовались прежде всего въ Солдайѣ-Сурождѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1287 году венеціанскій консулъ, назначенный въ Солдайю, получилъ полномочія по отношенію ко всей Хазаріи, какъ называлась по старой памяти южная часть Крыма ²⁾. Съ своей стороны, генуезцы принимали всяческія мѣры, чтобы сохранить свое положеніе и удержать за Кафою торговныя преимущества. Генуезскимъ купцамъ запрещено было подъ угрозю штрафа проводить болѣе трехъ дней въ Солдайѣ, совершать тамъ какую бы то ни было куплю или продажу, выгружать товары въ какомъ бы то ни было другомъ пунктѣ между Кафою и Суражемъ: всѣ генуезскіе купцы должны были считать Кафу единственнымъ торговымъ центромъ ³⁾. Такая борьба между быстро разцвѣтшею колонією генуезцевъ и Суражемъ явно свидѣтельствуетъ о томъ, что важное торговое значеніе послѣдняго не только не упало въ сравненіи съ предыдущимъ, кипчакскимъ періодомъ, но еще возвысилось. О поѣздкахъ русскихъ торговыхъ людей въ Сурождъ ради сбыта мѣховыхъ товаровъ мы уже знаемъ; если они проживали въ сосѣднемъ Солхатѣ (Ески-Крымѣ), то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что они селились и въ Сурождѣ. Но въ данный періодъ мы начинаемъ встрѣчать свидѣтельства о собственныхъ поѣздкахъ сурожскихъ купцовъ, можетъ быть — изъ мѣстныхъ грековъ, а можетъ быть — изъ другой среды, по дальнимъ русскимъ городамъ. Въ 1288 году мы находимъ сурожскихъ

¹⁾ *Tafel und Thomas*, Urkunden zur Handelsgeschichte der Republik Venedig, III, 254 (*Fontes rerum austriacarum*, XIV): *iudicium venetorum decisiones piraticae*: Марко Микели долженъ получить отъ императора 20 иперперовъ, quos habere debebat — — pro eo, quod portaverat a Mari Maiori Constantinopolim, scilicet à Soldadia pro portatura unum nuncium domini imperatoris.

²⁾ *Heyd-Raynaud*, II, 168; *Брунъ*, Черноморье, II, 142—143; *Canale*, Della Crimea, II, 441.

³⁾ *Heyd-Raynaud*, II, 170, 171.

купцовъ во Владимирѣ-Волынскомъ. Лѣтопись говоритъ о нихъ при описаніи погребенія Владимира Васильковича Галицкаго: „И тако плакавшеса надъ нимъ все множество володимерцевъ, нѣмци, и суроужьцѣ, и новгородци, и жидове плакахуся аки и во взятѣ Иерусалиму“¹⁾). Впослѣдствіи называли сурожанами какъ русскихъ людей, ѣздившихъ въ Сурожъ, такъ и грековъ, вообще чужеземцевъ, пріѣзжавшихъ оттуда съ шелковыми, суровскими, товарами. Въ данномъ случаѣ помѣщеніе суроужцевъ между нѣмцами, съ одной стороны, а съ другой — между сѣверными новгородцами, не даетъ возможности рѣшить вопросъ о національности ихъ съ достовѣрностью. Южно-русскія былины знаютъ богатырей сурожанъ или суровцевъ, выѣзжающихъ на полеванье съ ратью татарскою, расправляющихся съ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ. Конечно, возможно, что татары замѣнили тутъ какого-нибудь инаго, болѣе древняго врага, но есть и такіе признаки, которые указываютъ на принадлежность самаго первичнаго образа нашему времени, на самое сложеніе былины въ нашу эпоху, когда Сурожъ былъ не только греческимъ городомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и франко-италианскимъ. Это относится не столько къ суздальцу-суровцу, хотя и онъ заморенинъ, то-есть, человекъ, пріѣзжій изъ-за моря (суровець—дублетъ къ сурожанину, суровець—суздалецъ—простая тавтологія), сколько къ Чурилу Пленковичу, отецъ котораго старый Пленко сароженинъ, по прекрасному объясненію А. Н. Веселовскаго, есть не что иное какъ франкъ, то-есть, италианецъ, поселившійся въ Сурожъ. Но сынъ его выступаетъ заѣзжимъ богатыремъ въ стольномъ градѣ Кіевѣ при свѣтломъ князѣ Владимирѣ²⁾). Отношенія венеціанской торговой колоніи съ ея консуломъ къ греческому населенію мы должны представлять себѣ аналогичными съ позднѣйшими порядками при генуезцахъ, то-есть, въ такомъ видѣ, который оставлялъ за греческою общиною извѣстную самостоятельность. Не прерывалась и связь ея съ православными царями Греческими. Къ этому именно времени относится замѣчаніе арабскаго писателя Ибн-Саида († 1274 г.), сохраненное Абульфедею „Населеніе Судака

¹⁾ Ипатьевская лѣтопись, стр. 605. Годъ смерти (1289) означенъ въ изданіи ошибочно.

²⁾ Все, что сказано о богатыряхъ-сурожцахъ, заимствованно изъ изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго о южно-русскихъ былинахъ: *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. XXXVI (1885 г.): V) Богатыри-сурожцы, стр. 69—124. Пленкъ изъ Франка — вслѣдствіе довольно обычнаго перехода греческаго φ въ славянское п и перегласовки.

представляетъ смѣсь всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣръ, но христіанство есть господствующая религія¹⁾. Господство это, конечно, основывалось на преобладающей численности греческаго населенія; есть указаніе, что уже были здѣсь и армяне; въ другихъ городахъ, именно во вновь возникшей Кафѣ, они составляли даже преобладающее христіанское населеніе; но предположеніе, что то же самое было и въ Сурожѣ, основывается только на общихъ соображеніяхъ. Замѣтка сурожанина въ синаксаріѣ о томъ, что армяне въ 1292 году неправильно отпраздновали Пасху вмѣсто 6-го апрѣля въ позднѣйшій день²⁾, конечно, можетъ говорить въ пользу присутствія армянъ въ городѣ, такъ какъ иначе это обстоятельство не обратило бы на себя вниманія писавшаго; но до преобладанія армянъ отсюда еще далеко³⁾. Отмѣтки объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ армянъ встрѣчаются, но рѣдко⁴⁾. Число православныхъ умножалось и отъ обращенія татаръ, поселившихся въ городѣ, на что есть прямые указанія въ томъ же синаксаріѣ: въ 1275 году скончалась Параскева татарка, а въ 1276 году почилъ рабъ Божій Іоаннъ татаринъ⁵⁾. Около 1282 года Сурожская архіепископія была возведена на высшую іерархическую степень епископскихъ кафедръ, то-есть, признана митрополіею, тогда какъ доселѣ числилась въ ряду архіепископій: это опять служить признакомъ увеличивающагося значенія города въ мірскихъ отношеніяхъ. Въ позднѣйшихъ спискахъ епархій, надписываемыхъ именемъ Византійскаго императора Андроника (Старшаго 1282—1328 г.) возвышеніе Сугдеи или Сугдіи (Сурожа) въ митрополію объясняется тѣмъ, что съ нимъ были соединены сосѣднія Фуллы, прежде самостоятельныя въ церковномъ смыслѣ⁶⁾; но едва ли между двумя фак-

¹⁾ Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud (Paris. 1848), II, 319.

²⁾ № 88, стр. 609: „Въ этотъ день (6-го апрѣля) въ 6800 (1292) году кругъ луны 17, кругъ солнца 24, была пасха христіанская. А армяне (οἱ δ' Ἀρμένιοι) 16-го (числа) того же мѣсяца, потому что потерялись (διότι ἐχάσαντο)“.

³⁾ Ср. Брунъ, Черноморье, стр. 140.

⁴⁾ № 46, стр. 603: въ 1306 году умерла жена Самата армянина. Смерть Саввы Самата, сына сурожскаго протопопа Ерема отмѣчена выше подъ № 13 (стр. 626) и отнесена къ 1283 году. Очень вѣроятно, что и Давидъ, сынъ Сумбата (=Семпада: № 47, годъ 1282) былъ армянинъ.

⁵⁾ № 82, стр. 607, 608: Παράσκευῃ τὰ τὰρίσση χριστιανῆ; № 67, стр. 606: Ἰα. χριστι τὰτρ.

⁶⁾ G. Parthey, (Hieroclis Synecdemus et), Notitiae episcopatum № XI, 97; XII, 106 (pag. 233, 242) Ср. Ralle et Pottle, Σύσταμα κανόν., V, 494: (96): ὁ Σουγδαία, ἡ ἀπὸ ἀρχιεπισκοπῆς ἐπιτηθήθη. Ἡ Σουγδαία ἦν ὡς καὶ Φούλλα. ζθ (99). Ср.

тами связь была такъ тѣсна, какъ слѣдовало бы на этомъ основаніи думать. Мы видѣли, что случаи соединенія обѣихъ кафедръ бывали и въ XII вѣкѣ, да и теперь они повторялись безъ дальнѣйшихъ послѣдствій: развѣ предположимъ, что временное признано было теперь постояннымъ правиломъ. Въ 1274 году отмѣчена кончина Сугдеофульскаго архіепископа Θεοδωρα, въ скимѣ Θεοδοσία, а въ 1282 году кончина другого Θεοδωρα митрополита Сугдеофульскаго ¹⁾. Кому принадлежитъ инициатива оказанной Сурожу чести—сказать мы не можемъ; нужно только замѣтить, что по каноническимъ правиламъ это не могло совершиться безъ согласія свѣтской власти, то есть, императора Константинопольскаго ²⁾. Отмѣтимъ, наконецъ, въ числѣ сурожскихъ церковныхъ дѣлъ послѣдовавшее въ 1289 году новое освященіе храма св. Аѳанасія ³⁾.

Тринадцатое столѣтіе заключалось для обоихъ соперничавшихъ городовъ, Кафы и Сурожа, самымъ бѣдственнымъ образомъ—новымъ нападениемъ со стороны татаръ, виновникомъ котораго былъ Ногай, простой эмиръ или полководецъ хана Телебуги, достигшій потомъ самостоятельности и основавшій особую татарскую державу. Одинъ весьма достовѣрный и къ тому же современный арабскій историкъ разказываетъ намъ, что эмиръ Ногай, достигшій въ ордѣ до исключительнаго преобладающаго положенія, послѣ разрыва съ ханомъ Тохтою, овладѣлъ областями его и послалъ своего внука въ крымскія земли собирать подати, наложенныя на жителей; когда тотъ пришелъ въ Кафу, городъ, принадлежавшій генуезскимъ франкамъ,

pag. 136: въ спискѣ митрополій, возведенныхъ въ эту степень въ различные времена (№ VI). 'H δὲ Σουρδαία καὶ αἱ Φούλλαι: δύο ἦσαν ἀρχιεπισκοπαὶ, ἐνωθεῖσαι δὲ ἐγένοντο μία μητρόπολις, διὸ καὶ ὁ Σουρδαίας καὶ Φούλλων λέγεται. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Σύνταγμα, V, 491 примѣч.) говорится еще и о соединеніи Кафы, но кажется, напрасно: см. ниже. По упоминаніямъ Сугдейскихъ архіереевъ въ актахъ константинопольскихъ патриаршихъ помѣстныхъ соборовъ (синодовъ) можно было бы заключить, что еще въ XII вѣкѣ они были митрополитами, но это противорѣчило бы показанію Нила Дожсепатрія и другимъ спискамъ, носящимъ названіе Лѣта Мудраго, но представляющимъ редакцію XII вѣка (у *Партея*, №№ II и X). Дало въ томъ, что автокефальныя архіепископіи въ соборныхъ актахъ при перечисленіи присутствующихъ часто переименовывались съ митрополіями, какъ это показалъ Гельцеръ (Gelzer) въ выше цитованной статьѣ.

¹⁾ Синаксарій (*Записки Одесск. общ.*, V, стр. 593, 602), №№ 19, 44.

²⁾ См. объ этомъ новеллу императора Алексѣя Комнина, *Zachariae*, Ius Graecorum, III, 368.

³⁾ Синаксарій, № 17 (стр. 598): Ἐθρονίσθη ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου...

и потребовалъ отъ ея жителей денегъ, то они сначала предложили ему угощеніе, отъ котораго онъ сдѣлался пьянъ, а потомъ напали и убили его. Когда извѣстіе объ умерщвленіи внука достигло Ногаю, то онъ отправилъ въ Крымъ огромное войско, которое ограбило и сожгло городъ Кафу, убило множество крымцевъ, взяло въ плѣнъ множество находившихся въ немъ купцовъ магометанскихъ, аланскихъ и франкскихъ, захватило имущество ихъ, ограбило Сарукерманъ, Кыркъ-іери (Чуфуть-кале), Керчь и др. ¹⁾ Событія эти отнесены къ году гаджры, начинающемуся съ 9-го октября 1298 года (=698 г.). Отрядъ Ногаю былъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Сугден, что едва ли могъ миновать ее. И вотъ мы дѣйствительно находимъ въ мѣстномъ источникѣ (си-наксаріѣ) замѣтку, что 20-го декабря 1298 пришло войско Ностая, то-есть, вѣрнѣе — Ногаю ²⁾. Но чтó сдѣлало это войско съ Сурожемъ, нашъ сурожанинъ объ этомъ умалчиваетъ. Слухи о крымскихъ событіяхъ 1298 года принесены были въ Египетъ купцами, прибывшими изъ Судака въ іюнѣ слѣдующаго года, но переданы намъ въ смутномъ видѣ, притомъ такъ, что дѣло идетъ объ одномъ Судакиѣ (Сурожиѣ), а о Кафѣ умалчивается. Приходилъ будто бы самъ царь Ногаю (въ декабрѣ 1298 г.) и явился подъ Сурожемъ съ большимъ войскомъ; онъ приказалъ жителямъ Судака, чтобы всѣ, которые были за него, вышли за городъ со своими людьми и со своимъ имуществомъ; вышли всѣ приверженцы его, а ихъ было болѣе одной трети населенія; потомъ онъ велѣлъ войскамъ своимъ окружить городъ и сталъ требовать къ себѣ одного за другимъ жителей, истязалъ ихъ, отбиралъ все имущество, такъ что, наконецъ, умертвилъ всѣхъ, кто оставался въ городѣ, а самый городъ подожогъ и уничтожилъ до тла, собственно: оставилъ такъ, какъ будто его и не было ³⁾. Такая свирѣпая расправа понятна по отношенію къ Кафѣ — тамъ она имѣетъ характеръ мести,—но по отношенію къ Сурожу является совсѣмъ безсмысленною; то, чтó авторъ прибавляетъ далѣе

¹⁾ Рукнединъ Бейбарезъ у *Тиземаузена*, Сборникъ матеріаловъ, I, 111—112.

²⁾ № 5, стр. 596: τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἤλθ. τοῦ νο. σαὶ τὸ φοβεράτο τοῦ σωζ. ἐτ. При переложеніи сентябрьскихъ годовъ на счетъ по юліанскому календарю, архим. Антонинъ забывалъ иногда о томъ, что при осеннихъ мѣсяцахъ (сентябрь и декабрь) нужно вычитать изъ годовъ отъ сотворенія міра не 1508, а 1509, отъ того у него здѣсь стоятъ 1299 годъ.

³⁾ *Тиземаузенъ*, I, 195. Извѣстіе принадлежитъ Эльмуѣздалю, который жилъ и писалъ въ Египтѣ, подобно Бейбарсу, но нѣсколько позднѣе (сочиненіе кончается 1311 годомъ), и не пользовался такимъ высокимъ положеніемъ.

въ качествѣ мотива, еще болѣе запутываетъ дѣло ¹⁾. Однимъ словомъ, мы думаемъ, что онъ напрасно удержалъ въ памяти изъ всѣхъ разказовъ одинъ только Сурожъ и вслѣдствіе того перенесъ на его осаду подробности, касавшіяся скорѣе Кафы; по отношенію къ Сурожу дѣло, вѣроятно, ограничилось вынужденіемъ новой дани и грабежемъ. Во всякомъ случаѣ, сообщеніе о полномъ истребленіи города крайне преувеличено. Въ Сурожѣ сохранился драгоценный экземпляръ греческаго синаксарія, въ которомъ современный обладатель его продолжалъ дѣлать свои замѣтки, и не далѣе какъ въ февралѣ слѣдующаго (1299) года отмѣтилъ кончину одной греческой монахини; въ томъ же году записана кончина одного представителя знатной греческой фамиліи, которая встрѣчалась и ранѣе; подъ 1302 годомъ упоминаются еще двѣ старинныя фамиліи ²⁾. Не говорить о совершенномъ разореніи Сугдеи и документъ, относящійся къ 1317 году и касающійся церковныхъ дѣлъ, хотя въ немъ упоминается о татарскомъ нашествіи, очевидно—томъ самомъ, которому приписано столь много. Вслѣдствіе этого нашествія покинуты были жителями нѣсколько селеній, принадлежавшихъ къ Сугдейской епархіи, однако, по истеченіи времени они воротились и опять поселились на своихъ мѣстахъ ³⁾. На церковномъ положеніи епархіи это

¹⁾ Эльмувадалъ пишетъ: „Причиною этому было то, что пошлины и другіе доходы съ Судака дѣлились между четырьмя татарскими царями; одинъ изъ нихъ былъ Токтай.... Говорили, что цари, которые были соправителями его (Ногаю), обижали намѣстниковъ его при (дѣлѣхъ) приходившихся на его долю доходовъ. Это и побудило его къ тому, что онъ сдѣлалъ“. Можно, пожалуй, найти четырехъ эмровъ, которые въ давнее время способны были получать долю изъ дани и поминковъ Сурожа; но дѣло въ томъ, что все положеніе обстоятельствъ давало Ногаю возможность устранить конкурентовъ, не прибѣгая къ истребленію города, отъ котораго онъ получалъ доходы. Ср. *Смирновъ*, Крымское ханство, стр. 32 и 101.

²⁾ Стр. 604, № 53: „Скончалась раба Божія Каливика монахиня, называемая Киснальти (февраля 15). Стр. 620, № 173: скончался рабъ Божій пансевастъ Автоній *Алуца* (1299 г. іюля 29). Ср. стр. 604, № 56: скончался рабъ Божій Евоній *Алуца* 6803 (=1295). Стр. 663, № 48: скончалась—*Алачукъ* дочь севаста Косты—6810 (1302 г.). Ср. № 98, стр. 610: почилъ раба Божія *Алачу* 6799 1317 году (1291 г.). Ср. еще №№ 186 и 126.

³⁾ Acta Patriarchat., I, № 41, (pag. 75, 76): ἀνεφερε καὶ ὁ πρὸ ἡρώων ἐπιβήτης ἐφοικισθῆναι τινα τῶν ἡωρίων τῆς ἐνορίας αὐτοῦ ἐκ τῆς τῶν Τατάρων ἐπιδρομῆς, ἐπικλεθόντων δὲ πάλιν εἰς αὐτὰ τῶν ἐποικίων αὐτῶν καὶ κληρονομησάντων ἐν αὐτοῖς.... Документъ, какъ сказано въ текстѣ, относится къ 1317 году, но событія, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, случившись, очевидно, нѣсколько ранѣе.

отразилось невыгодно въ томъ смыслѣ, что перерывомъ существовавшихъ прежде отношеній воспользовался сосѣдній митрополитъ Готин присвоилъ себѣ надъ селеніями духовную власть и сталъ требовать отъ нихъ обитателей каноническую подать (τὸ χαροαχόν). Митрополитъ Сугдейскій привнесъ на это жалобу патриаршему синоду въ Константинополь, и патриархъ поручилъ произвести разслѣдованіе сосѣднимъ іерархамъ, въ числѣ которыхъ были Тмутараканскій и Аланійскій. Нравственное состояніе Сурожской епархіи, можетъ быть, вслѣдствіе косвеннаго вліянія смутныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ и постояннаго соприкосновенія съ татарами, тоже представляло много печальнаго. Сугдейскій митрополитъ доносилъ патриарху, что въ предѣлахъ его округа совсѣмъ не соблюдаются церковныя правила о запрещенныхъ бракахъ, женятся, не обращая вниманія на родство по крови и свойству, и не обращаютъ вниманія на увѣщанія пастырей, даже самого митрополита ¹⁾. Возвращаясь къ сообщенію арабско-египетскаго писателя.

И рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы видѣть въ предполагаемой (недостовѣрной) трети исключительно мусульманское населеніе, приведенное нѣкогда Иззеддиномъ; совершенно знающій свидѣтель, бывшій вскорѣ затѣмъ на мѣстѣ, говоритъ намъ, что и послѣ населеніе Сурожа состояло изъ византійцевъ, то-есть, грековъ, которые преобладали, и тюрковъ, подъ которыми онъ разумѣетъ преимущественно кипчаконъ (половцевъ) и татаръ ²⁾. Такъ было до позднѣйшей катастрофы, случившейся при ханѣ Узбекѣ черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, подробности которой уже гораздо лучше засвидѣтельствованы. По сообщенію Ибнбатуты, она произошла именно вслѣдствіе раздора между византійцами и турками, и побѣда въ этой внутренней междоусобной борьбѣ осталась сначала на сторонѣ византійцевъ, то-есть, грековъ; но затѣмъ туркамъ помогли ихъ сообщники (со стороны), перебили страшнѣйшимъ образомъ византійцевъ и выгнали большую часть изъ нихъ ³⁾. Объясненіемъ этого

¹⁾ Ibid., pag. 76: ὁ; προβαίνουσιν εἰς τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ συναχθεῖσα κεχωλομένη κ. т. д.

²⁾ Ибнбатута: *Тизенмаузенъ*, Собраніе матеріаловъ, I, 303. О значеніи слова турки у Ибнбатуты см. стр. 283 (кипчаки), 286 (тоже), 289 (тоже), 231 (татары), 295 (татары), 296, 301.

³⁾ Выписываемъ все мѣсто, относящееся къ Сурожу: „Сурдакъ—это одинъ изъ городовъ Кипчакской степи, на берегу моря. Вокругъ него сады и воды; населяютъ его турки и, подъ ихъ покровительствомъ, нѣсколько византійцевъ,

общаго представленія дѣла служатъ слѣдующія замѣтки въ синаксаріѣ: „8-го августа 1322 года пришелъ уполномоченный хана Узбека по имени Карабулатъ и занялъ Сугдею безъ боя, приказалъ снять всѣ колокола, сломать иконы и кресты и запереть двери церквей: была печаль, какой никогда не бывало“ ¹⁾. Затѣмъ въ январѣ слѣдующаго года „безбожные агаряне закрыли божественную и святую икону Спасителя въ царскихъ вратахъ богоспасаемаго града Сугден“ ²⁾.

Очень точныя извѣстія о событіяхъ въ Сурожѣ 1322 года получены были въ Авиньонѣ при папскомъ дворѣ, гдѣ все еще продолжали носиться съ идеею обращенія татаръ въ христіанство и противопоставленія ихъ сарацинамъ, то-есть, османскимъ туркамъ. Нѣкоторая терпимость, обнаруживаемая первоначально умнѣйшимъ изъ хановъ Золотой орды Узбекомъ по отношенію къ христіанамъ въ его владѣніяхъ, служила къ поддержанію иллюзій. Тѣмъ съ большею горестью узналъ папа Іоаннъ XXII о происшествіяхъ въ Крыму, которыя касались не только вообще христіанъ, но и католиковъ, недавно тамъ утвердившихся. Въ своемъ посланіи къ Узбеку онъ все-таки выгораживалъ хана, все объяснялъ злыми внушеніями его приближенныхъ. Они именно возбудили мятежъ въ городѣ Солдаѣ, слѣдствіемъ котораго было изгнаніе христіанъ изъ города, запрещеніе звонить въ колокола и снятіе оныхъ, превращеніе храмовъ въ мечети. Папа просилъ о томъ, чтобы все было восстановлено въ прежнемъ видѣ, чтобъ изгнаннымъ позволено было возвратиться ³⁾. Но очевидно,

которые занимаются ремеслами. Большая часть домовъ деревянныя. Городъ этотъ (прежде) былъ великъ, но большая часть его была разрушена по причинѣ раздора, который произошелъ между византійцами и тюрками, и въ которомъ побѣда осталась за византійцами. Тогда тюркамъ помогли ихъ сообщники, которые перебили византійцевъ страшнѣйшимъ образомъ и выгнали большую часть ихъ. Часть же остается (тамъ) подъ покровительствомъ (тюрковъ) до сего времени“.

¹⁾ *Записки Одесск. общ.*, V. 621 № 181: τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἤλθεν ὁ τὸ λακτέμιρῆς καὶ ἀποκρησῆρῆς τοῦ ὀρπεκῆ. τὸ ὄνομα αὐτοῦ καράπολάτ. καὶ ἐπαραλαβὼν τὴν σουγδαῖαν δίκῃς πολέμου. καὶ ἐκατέβασαν τὰς καμπῆνας ὄλας καὶ ἐτζάκησαν οἰκόνους καὶ σρους. καὶ ἀπέκλησαν τὰς πόρτας. καὶ ἐγένετο θλήψῃς ἣα οὐ γέγονεν οὐδέποτε. τοῦ ἔτους σωλ ἡμέρα κυριακῆ.

²⁾ *Ibid.*, стр. 600, № 30: τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἐσκέπασαν οἱ ἄθεοι ἄγαρηνὴ τὴν θεῖαν καὶ ὀιέραν εἰκόναν τοῦ σρε ἡμων ἰσ χυ τοῦ ἐν τὸ βασιλικῷ ποιλ τοῖς θεόσοστου πόλεως σουγδαί (ас) τοῦ ἐτὸ σωла.

³⁾ *Raynaldi Annales ecclesiastici* (новое изданіе), t. XXIV, pag. 202. 203.— *Saraceni in eam ferociam in urbe Soldaya exarsere, ut concitata seditione chri-*

что заступничество святаго отца оставалось долгое время бесплоднымъ. Гоненіе не только продолжалось въ слѣдующемъ году, но и вновь разразилось по истеченіи нѣкотораго времени въ 1327 году. Весною этого года были разорены городской замокъ, церкви св. Софій, св. Стефана и св. Варвары нѣкимъ Агачь-Пасли по приказанію хана Узбека и темника Толактемира, который въ то же время считался татарскимъ намѣстникомъ въ Сугдеѣ ¹⁾). Благосостояніе Сурожа надолго было подорвано; нѣкоторое время онъ имѣлъ видъ исключительно мусульманскаго города. Иббатута, посѣтившій его въ 1334 году и радушно принятый Толактемиромъ, нашелъ, что христіанская община состояла только изъ нѣсколькихъ греческихъ ремесленниковъ, жившихъ подъ покровительствомъ турковъ. Абульфедъ, современникъ Иббатуты, совсѣмъ не упоминаетъ о существованіи христіанъ въ Солдайѣ и только въ видѣ воспоминанія приводитъ слова Ибсаида о господствѣ ихъ въ прежнія времена ²⁾). Въ связи съ такимъ печальнымъ положеніемъ дѣлъ находится и судьба Сурожскаго іерарха Луки, который, по видимому, наслѣдовалъ Іоанну. Еще въ 1312 году онъ оставилъ свою митрополию, и какъ это было въ обычаѣ, въ замѣнъ получилъ отъ патріарха въ управленіе другую, гдѣ могъ пользоваться большею безопасностью; до 1330 года онъ правилъ епархіей Лакедемонскою и былъ именуемъ митрополитомъ Сугдейскимъ и архіепископомъ Лакедемонскимъ; въ означенномъ году онъ воротился въ мѣсту своего первоначальнаго служенія, считая, нужно думать, обстоятельства болѣе благопріятными; однако,

stianos repulerint eorumque templa divini Numinis cultui consecrata, Mahumetico ritu profanarint: такъ передаетъ Райнальдъ содержаніе папской грамоты, гдѣ она касается Солдай. Ниже слѣдуетъ самая грамота, гдѣ о Солдайѣ читается слѣдующее: *Demum, quia in christianorum angustiis, tribulationibus et pressuris non possumus anxie non torqueri, dolenter audivimus, christianos in civitate Soldaye noviter degentes esse noviter de civitate ipsa per Sarracenos ejectos, et campanas de Ecclesiis eorum depositis, Ecclesias ipsas factas esse mesquitas. Nos autem—petimus,—praedicatos christianos—ejectos facias in dictam civitatem ad inhabitandum inibi regredi, et restitutis eis dictis ecclesiis et campanis ipsos Domino nostro Jesu Christo—servire permittas.*

¹⁾ *Записки Одесск. общ.*, V, 611 № 103: τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκατέλησεν τὸ κίστρον τὴν ἀγ. (ἰαν) σο (φίαν) τῆς σουγδαίας καὶ τὸν ἀγ. στέφανον καὶ τὴν ἀγίαν βαρβάραν ὀνόματι ἀγατὶ παλῆς ὁ μισρὸς ξυλοκέφαλος... βᾶ.. μαγαλ (ουσ)πεκ καὶ τοῦ μυριαρχ το λακτημήρ καὶ κεφαλι... σουγδα... τοῦ σωλε ἔτους.

²⁾ *Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud (1848), II, 319.—Soudac — — c'est une ville entourée de remparts et ses habitants professent l'islamisme... Les marchands s'y rendent en foule et elle rivalise avec Cafa...*

онъ едва ли былъ въ состояннн вступить на свою настоящую каеодру; по крайней мѣрѣ онъ скончался въ 1339 году въ Кафѣ ¹⁾. Подобнымъ же образомъ въ 1363 году послѣдовало перемѣщеніе Суроожскаго митрополита въ г. Энось ²⁾. Все-таки не слѣдуетъ думать, что греческое населеніе Суроожа навсегда осталось въ такомъ прииженномъ положеннн, какъ было при Ибнбатутѣ. Еще ранѣе генуезскаго періода, когда наступили рѣшительно лучшія времена, мы находимъ среди его не только бѣдныхъ ремесленниковъ, но и священниковъ; въ 1339 году здѣсь скончался севасть Анаткусъ (№ 91) и погребенъ былъ въ церкви св. Димитрія; въ 1345 году была вновь внесена въ синаксарій замѣтка о числѣ лѣтъ, протекшихъ со времени основанія многострадальной Сугдеи (№ 62). По видимому, кромѣ церкви Димитрія, осталась неприкосновенною еще и другая, именно св. Николая, въ которой произошло чье-то рукоположеніе въ 1337 году вмѣсто соборнаго храма св. Софіи (№ 11). Въ какомъ отношенн находилась или считалась Сугдея къ Греческой имперіи за весь этотъ (венеціанскій) періодъ, продолжавшійся цѣлое столѣтіе, сказать съ опредѣленностью трудно. Такъ какъ Трапезунтскіе императоры еще и послѣ именовали себя властителями Заморья (περαταία), подъ которымъ разумѣются именно крымскія владѣнн, то приходится думать, что и теперь, какъ прежде, Сугдея тянула въ политическомъ отношенн къ Трапезунту, а не къ Цареграду ³⁾.

¹⁾ Титулъ митрополита Луки, который прежде считался до того загадочнымъ, что искали Лакедемона въ соседствѣ съ Суроожемъ и узнавали его въ деревнѣ Лака (*Записки Одесск. общ.*, V, 832), совершенно разъясняется его упоминаніемъ въ такъ-называемой *Монемвасійской хроникѣ*, гдѣ прямо сказано, что въ Лакедемонѣ послѣ Никеоора въ 6820 году инд. 10 по опредѣленню царя присланъ былъ митрополитъ *Сугдейскій Лука*, что онъ оставался тамъ до 6838 года, въ которомъ прибылъ настоящій свой (γνήσιος) архіерей Нилъ: Σπυρ. Λάμπροῦ Ἱστορικὰ μελετήματα (ἐν Ἀθῆναις. 1884), стр. 106. 107. Лука встрѣчается въ Актахъ Константинопольскаго патриархата подъ 1327, 1329 и 1330 годами, I, 144, 147, 155: τοῦ Σουδαίως ὑπερτίμου καὶ προέδρου Λαχεδαίμονιας Λουκά. Кончина его отмѣчена въ припискахъ къ синаксарию стр. 611, № 101. Εἰς τὰς χϛ̄ τοῦ ἀπριλλ̄ μηνὸς ἑκοστή̄ хорὸς Λουκάς ἀρχιεπίσκοπος Σουδαίως ἡμέρα σαββάτω καὶ ἐτάθη ἡμέρα χοριαχὴ εἰς τὸν Καφάν τοῦ ἐτ. ςωμζ ινδ. з. Подъ 1322 годомъ (№ 27, стр. 600) отмѣчена смерть архіепископа Сугдейскаго Іоанна, но лѣтосчисленіе подлежитъ сомнѣнню, такъ какъ хорошо сохранилась только первая цифра. Титулъ архіепископа, даваемый въ синаксаріѣ, но не въ хроникѣ—Лука, объясняется, можетъ быть, его отношеніемъ къ Лакедемону.

²⁾ Acta Patriarchat. Constantinopolit., I, 443 (№ 188).

³⁾ *Брунъ* (Черноморье, II, 134) предполагаетъ, что послѣ возстановленія греческаго селенн. стр. 2.

Въ 1365 году генуезцамъ, утвердившимся въ Кафѣ, удалось овладѣть Солдайею ¹⁾; это приобрѣтеніе было чрезвычайно важно въ территоріальномъ и торговомъ отношеніи, потому что Солдайя долго и не безъ успѣха соперничала съ Кафою и все-таки, не смотря на всѣ бѣдствія, оставалась значительнымъ городомъ. Съ другой стороны, завоеваніе было также благодѣяніемъ и для христіанства, которое почти было уничтожено здѣсь послѣ событій 1322—1327 годовъ.

Недостаточно было приобрѣсть новыя территоріи, нужно было ихъ охранять. Именно въ этотъ моментъ татары имѣли энергическаго вождя въ лицѣ темника Мамая, который въ періодъ времени отъ 1360 по 1380 игралъ въ Золотой ордѣ роль палатнаго мэра и въ концѣ концовъ самъ принялъ титулъ хана; подъ его предводительствомъ татары сдѣлали попытку отнять у генуезцевъ ихъ завоеванія, и въ самомъ дѣлѣ они успѣли отобрать у нихъ если не самую Солдайю, то по крайней мѣрѣ, восемнадцать зависящихъ отъ нея мѣстечекъ ²⁾. Но это было только временное пораженіе, и вообще пере-

ческой власти въ Константинополѣ Сурожъ уже состоялъ подъ властью Палеологовъ, а не Великихъ Комниновъ Трапезунтскихъ; но двѣ замѣтки въ синаксаріѣ, которыя онъ приводитъ въ доказательство, этого не говорятъ. Одна изъ нихъ гласитъ, что 24-го іюля 1261 года взялъ Синопъ Комнинъ, господинъ, Мануилъ, и относится къ Трапезунтскому императору, а другая замѣчаетъ, что въ тотъ же день взяли городъ (разумѣется Константинополь) святой царь Палеологъ Михаилъ: нужно имѣть въ виду, что замѣтка сдѣлана, вѣроятно, позже. Далѣе Брунъ пишетъ: „Правда еще въ 1374 году въ титулѣ Трапезунтскаго императора Алексія III упоминается Заморье, то-есть, крымскія владѣнія; нужно полагать однако, что она тогда, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежала цареградскому его товарищу Іоанну II; иначе не понятно, какими образомъ сынъ сего послѣдняго Мануила (1391—1425) могъ дать сыну своему *Константину* въ удѣлъ черноморскія владѣнія, смежныя съ Хазаріею (объ этомъ Визант. историкъ Дука: *Ducas*, ed. Bonn., p. 134). Но въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, Константинъ — разумѣется послѣдній греческій императоръ—вовсе не владѣлъ крымскими городами; все объясняется, мы думаемъ, проектомъ брака Константина на трапезунтской наслѣдницѣ, по поводу котораго историкъ Франдана сносился съ Трапезундомъ именно въ концѣ царствованія Мануила въ августѣ 1425 г.: ἐστάλην πάλιν ἐγὼ εἰς Κωνσταντινούπολιν ὑπὲρ πολλῶν τιμῶν ὑποθέσεων καὶ περὶ τῆς Τραπεζούντος καὶ τῆς Γοτθίας καὶ περὶ τινος συνοικισμοῦ διὰ τὸν ἀθύεντην μὲν (въ концѣ второй книги).

¹⁾ *Heyd-Raynaud*, II, 204 (со ссылкой на *Юржевича*).

²⁾ На это есть указаніе въ договорѣ 1380 года, о которомъ рѣчь идетъ сейчасъ ниже: *quelli dixoto casai (casay) di quay eran de Sodaya (sotemixi e repenti a Sodaya) quando lo comun preuse Sodaya, possa (poa) Mamau (Mamaj) segno (segnò) per forza li preise (geli leva per forza)*: по двумъ спискамъ у *Дессимоли*.

вѣсь оставался на сторонѣ генуезцевъ; дѣйствуя энергически, они становились болѣе и болѣе твердою ногою на южномъ берегу Крыма. Договоръ, который окончилъ борьбу, оставилъ въ ихъ рукахъ Солдайю и призналъ ихъ законными обладателями всей Готіи, берегового пространства между Солдайею и Балаклавою. Уполномоченнымъ для составленія договора со стороны республики былъ консулъ Кафы, Джіанноне дель Боско, а съ татарской стороны владѣтель или правитель Солхата, представлявшій лицо хана, Яркассъ, дѣйствовавшій также и отъ своего имени. Документъ, составлявшій результатъ ихъ совѣщанія 28-го ноября 1380 года близъ Кафы, по видимому, не получилъ значенія окончательнаго договора; для этого понадобилась вторая конференція, состоявшаяся 23-го февраля 1381 года; здѣсь представителемъ татаръ былъ уже не Яркассъ, но Ілія (Elias), сынъ Кутлубуги (Cotlobuga), между тѣмъ какъ генуезскимъ уполномоченнымъ было то же лицо, что и прежде ¹⁾. Послѣ новыхъ непріязненныхъ столкновений и враждебныхъ дѣйствій договоръ былъ утвержденъ въ 1387 году тремя уполномоченными хана Тохтамыша. Солдайя стояла во главѣ новыхъ пріобрѣтеній, признанныхъ за Генуею ²⁾.

Для Солдайи-Сурожа настали лучшія времена. Подъ генуезскою властью христіанская стихія возродилась, между тѣмъ какъ мусульманская стала ослабѣвать; въ позднѣйшихъ генуезскихъ статутахъ населеніе Солдайи обозначается какъ смѣсь элементовъ латинскихъ и греческихъ. Явные признаки говорятъ о благосостояніи города. Въ окрестностяхъ его процвѣтало винодѣліе; названіе налога, который взимался съ виноградарей, — *ambelomatico*, показываетъ, что введеніе виноградной культуры и преимущественное занятіе ею принадлежало грекамъ. Въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ города находились 18 общинъ (*casali*) съ населеніемъ греческаго происхожденія; титулъ *proti* (=прѣто), даваемый старшинамъ, обличаетъ ихъ греческое происхожденіе. Общины эти перечисляются въ одномъ документѣ; довольно

¹⁾ *Desimoni*, Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380—1381 scritto in lingua volgare: *Archivio storico italiano*, XX (1887), pag. 161. Трактатъ сохранился въ двухъ пергаментныхъ спискахъ, отличныхъ по датамъ и по именамъ лицъ, представлявшихъ Кипчакскаго царя; одинъ списокъ былъ обнаруженъ *de Sacy* въ *Notices et extraits*, XI, 32, другой былъ извѣстенъ только *Oderico*, былъ найденъ между его рукописями и издавъ *Olivieri*: *Carte et cronache manoscritte per la storia genovese*, 1855, p. 73. Ср. *Брунъ*, Черноморье, II, 141. *Heyd-Raynaud*, II, 205, 206. *Смирновъ*, Крымское ханство, стр. 134, 135.

²⁾ *Heyd-Raynaud*, I, с.

замѣтитъ, что нынѣшнія деревни Козъ, Ускутъ, Тарантахъ, расположенныя въ окрестностяхъ Судака, находились въ числѣ ихъ (*casali*).

Самый Сурожъ имѣлъ видъ крѣпости подобно Кафѣ или даже болѣе, чѣмъ эта послѣдняя, служившая главнымъ образомъ резиденціей управленія всею Газарією, какъ по старой памяти назывались генуезскія владѣнія. Изъ одной надписи на стѣнахъ Судака видно, что окончаніе фортификаціонныхъ работъ относится къ 1414 году (Записки Одесск. Общ., V, 173 и сл.). Собственно городъ былъ окруженъ стѣнами, на верху которыхъ постоянно бодрствовала нарочная стража; ворота были снабжены подъемными мостами, которые каждый вечеръ были поднимаемы, такъ что всякія сношенія со внѣшностью на ночь прекращались. Двѣ цитадели или крѣпости служили защитою для города, одна называлась замкомъ Св. Креста (*castrum S. Crucis*), другая—замкомъ св. Іліи (*castrum S. Iliæ*). До настоящаго времени ихъ развалины представляютъ весьма величавый видъ. Известковая скала, на которой онѣ были построены, возвышается почти перпендикулярно надъ моремъ и доступна только позади, гдѣ она образуетъ террасу. Именно на этой террасѣ стояла нижняя крѣпость, будучи обнесена стѣною, которая въ свою очередь фланкировалась десятью башнями—то четверугольными, то круглыми; въ серединѣ возвышалась башня, заключавшая въ себѣ единственные входныя ворота, и эти ворота защищены были передовыми укрѣпленіями. Выше нижней цитадели, болѣе обширной, на остроконечной скалѣ виднѣлась другая меньшая; наконецъ еще выше, на вершинѣ горы, стояла четверугольная башня, связанная съ прочими частями крѣпости стѣною, спускающеюся по покатости скалы. Древняя гавань находилась къ западу отъ крѣпости въ глубокой и защищенной съ трехъ сторонъ бухтѣ, которую татары донныѣ называютъ Судагъ-Лиманъ; въ этой мѣстности сохранились остатки зданія, похожаго на церковь или монастырь ¹⁾).

Съ 1399 года консулъ Солдаинъ былъ назначаемъ не изъ Кафы, а въ самой Генуѣ членами колониальной комиссіи. Генуезскія власти въ Сурожѣ, какъ и въ другихъ пунктахъ (*Sembalo*, Балаклава), не могли обойтись безъ переводчика—драгомана, опытнаго въ знаніи языковъ латинскаго, греческаго и татарскаго; кромѣ того, извѣстные документы и письма должны были редактироваться по гречески, и для

¹⁾ *Брунс*, Черноморье, II, 121. *Heyd-Raynaud*, II, 207 и слѣд.

этой цѣли существовали особые чиновники, считавшіеся на государственной службѣ: консуль Солдаи имѣлъ въ нихъ нужду прежде всего для своихъ сношеній съ 18 общинами (casali), входившими въ составъ городской территоріи. Въ самомъ городѣ элементъ греческій на столько былъ силенъ, что комиссіи, завѣдывавшія разными отраслями управленія, состояли изъ латинянъ и грековъ поровну. Въ этомъ можно видѣть признакъ довѣрія, питаемаго властителями страны къ греческой части населенія, а равно и доказательство вѣрности или привязанности этой послѣдней къ своимъ господамъ. Соотвѣтственно съ этими примѣрами равенства между греками и латинами въ подробностяхъ городской жизни, слѣдуетъ еще указать на существованіе латинскихъ епископовъ въ Солдайѣ, довольно мирно уживавшихся рядомъ съ греческими митрополитами. Генуезская власть нисколько не препятствовала сношеніямъ Константинопольскаго патріарха съ подчиненными ему епархіями въ Крыму; она не препятствовала греческимъ архіереямъ присутствовать на синодахъ константинопольскихъ и передавать на судъ патріарха споры о границахъ, возникающіе между ними. Изъ Сугдейскихъ іерарховъ, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ патріаршихъ синодовъ, за этотъ періодъ времени въ актахъ упоминаются по имени: Евсеій, (№ 131, I, 294—безъ года), избранный (ἐκκλησιαστικός), но еще не посвященный; изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что онъ присутствовалъ на соборѣ, осудившемъ ересь Варлаама и Акиндина въ 1351 году, и затѣмъ Θεоктистъ въ 1389 и 1393 годахъ (II, №№ 404, 435, pag. 129 169). Остальныя многократныя упоминанія, отмѣчая присутствіе, не называютъ именъ ¹⁾.

Церковной власти митрополита Сугдео-фульскаго подлежала и Кафа со своею территоріей, такъ какъ она не имѣла своего православнаго епископа. Въ 1366 году патріаршій монастырь св. Петра въ Кафѣ, по ходатайству игумена, былъ освобожденъ отъ всякаго подчиненія митрополитамъ Сугдейскимъ, какъ ставропигіальный: изъятіе, даруемое въ видѣ исключенія, показываетъ, что нормальный порядокъ былъ собственно другой ²⁾. Кромѣ Готской митрополіи,

¹⁾ Съ половины XIV вѣка со времени Евсеія упоминаются въ слѣдующихъ годахъ: 1356 (pag. 362), 1361 (pag. 429, 447), 1362 (p. 419), 1387 (t. II, pag. 102, 105), 1389 (pag. 402, 403, 404, 406); 1390 (pag. 148), 1392 (pag. 160, 164), 1393 (pag. 175, ср. 178, 198 безъ года), 1394 (pag. 202, 208, 213, 215), 1401 (pag. 519).

²⁾ Acta Patriarchat. I, 486 (№ 226). Сугдейскій же митрополитъ разумѣется, очевидно, и въ патріаршей грамотѣ, въ которой идетъ рѣчь о монастырѣ св.

епархія Сугдейская граничила также и съ Корсунскою. Съ предстоятелемъ послѣдней Сугдейскіе митрополиты вели долгій споръ изъ-за невѣстнаго теперь мѣстечка Елисса ¹⁾. Дѣло нѣсколько разъ пересматривалось и перерѣшалось патриархами, то въ пользу Корсунскаго, то въ пользу Сугдейскаго, при чемъ расположенные къ Корсуню патриархи обращали вниманіе на бѣдность Корсунской епархіи по сравненію съ Сугдейскою ²⁾; послѣдняя считалась многолюдною и богатою, какъ это высказалъ патриархъ Матѳей, предоставляя въ 1400 году Сугдейскую вакантную кафедру митрополиту Перги и Атталіи (въ Малой Азіи), принужденному оставить свою паству вслѣдствіе преслѣдованія со стороны мусульманъ ³⁾. Изъ документовъ относящихся къ тяжбѣ по поводу обладанія Елиссомъ, видно, что ходъ ея вратѣ былъ слѣдующій: вышеназванный митрополитъ Сугдео-фульскій и Лаведемонскій Лука владѣлъ Елиссомъ и даже поставилъ въ немъ епископа (II, 42, 43); при патриархѣ Филоѳеѣ оводо 1376 года возникъ споръ, и патриархъ запретилъ Корсунскому митрополиту заявлять какія бы то ни было притязанія на Елиссъ (ibid.); патриархъ Макарій въ первое свое патриаршество присудилъ Елиссъ къ Корсунской митрополіи изъ вниманія къ ея бѣдности; слѣдующій патриархъ Нилъ въ 1382 г. снова перерѣшилъ вопросъ въ пользу Сугдеи, но Макарій во второе свое патриаршество въ 1390 году возстановилъ силу своего первоначальнаго опредѣленія ⁴⁾. Еще дольше длился споръ между Готскимъ и Корсунскимъ митрополитомъ о владѣніи Кинсаномъ, но онъ не относится къ нашей темѣ.

Въ XIV вѣкѣ чаще, чѣмъ прежде, встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ указанія на пребываніе купцовъ сурожскихъ въ русскихъ предѣлахъ, преимущественно въ Москвѣ, но въ то же время обнаруживается и тотъ фактъ, что названіе сурожанъ было усвоено и за русскими людьми, которые вели торговлю сурожскими, или какъ

Георгія въ Каѳъ, при чемъ за мѣстнымъ архіереемъ сохраняются извѣстныя права (II, pag. 71, № 369, годъ 1395).

¹⁾ Полагаютъ, что это есть нынѣшній *Кара-и-лаесъ*, деревня къ сѣверу отъ Черкесъ-Керменъ.

²⁾ Προέτανε (митрополитъ Херсонскій) τὸ γεγονός αὐτῷ συνδικὸν δικαίωμα παρὰ τοῦ χρηματισαντος πατριάρχου διαλαμβάνον ἔλεον μόνον καὶ συμπάθειαν πρὸς αὐτόν, ὡς πτωχῆς οὐσῆς τῆς κατ'αὐτὸν ἐκκλησίας καὶ ἀπόρου καὶ ἐνδεοῦς (II, 43).

³⁾ Acta Patriarchat., II, 389, 390 (№ 574): πολυάνθρωπον οὖσαν.

⁴⁾ II, 42—44 (№ 355, годъ 1382); II, 71 (№ 370, годъ 1386): рѣчь идетъ собственно о спорѣ Корсунскаго съ Готскимъ митрополитомъ, но упоминается и тяжба съ Сугдейскимъ; II, 142—150 (№ 419, годъ 1390).

послѣ стали говорить, суровскими товарами, хотя бы они и не ѣздили за ними въ Крымъ сами. Въ 1356 году прибылъ въ Москву изъ орды татаринъ Ирнчей, и съ нимъ гости сурожане ¹⁾. Въ 1375 году удалился въ Тверь сынъ тысяцкаго Вельяминова, а вмѣстѣ съ нимъ сурожанинъ Некомать, судя по прозванію грекъ, и во всякомъ случаѣ ловкій интриганъ, хорошо знакомый съ отношеніями въ ордѣ—тогда называли его брехомъ (нѣкій брехъ, именемъ Некомать): онъ выхлопоталъ сопернику Дмитрія Ивановича ярлыкъ на великокняжеское достоинство, и за это послѣ поплатился головою ²⁾. Отправляясь въ походъ противъ Мамаю въ 1380 году, Дмитрій Донской взялъ съ собою „отъ сурожанъ, рекше отъ гостей“ десять человекъ „повѣданія ради дальнихъ земель“, то-есть, какъ бывалыхъ людей, способныхъ служить развѣдчиками, проводниками и пособниками въ закупкѣ и отысканіи продовольствія. Въ Сказаніи о Куликовской битвѣ (Задонщинѣ) сохранены ихъ имена, изъ нихъ только развѣ первыя могутъ быть считаемы за греческія, а большая часть принадлежитъ русскимъ людямъ ³⁾. Любопытно, что и гораздо послѣ, по истеченіи цѣлаго столѣтія, иныя изъ этихъ фамилій встрѣчаются въ несомнѣнныхъ документахъ, касающихся торговли русскихъ людей съ Крымомъ и татарами ⁴⁾. Въ разказѣ о нашествіи на Москву Тох-

¹⁾ Никоновская лѣтопись, Полное собраніе, X, 228.

²⁾ О Некомать: Воскресенская лѣтопись подъ 1375 и 1383 гг. (Полное собраніе, VIII, 22, 49); *Карамзинъ*, V, примѣч. 32, 37; *Иловайскій*, II, 95, 114.

³⁾ *Русскій историческій сборникъ* III, 25—26; *Карамзинъ*, V, примѣч. 70; *Аристовъ*, Промышленность Древней Руси (С.-Пб. 1866), стр. 189; *Иловайскій*, II, 121. Имена читаются не вездѣ одинаково и въ последнемъ названномъ сочиненіи переданы (по *лѣтописямъ*?) не въ лучшемъ видѣ. Ср. „пресвященнаго Порфирія въ книгѣ „Второе путешествіе по Святой землѣ (=Востоку христіанскій“), стр. 298; *Тимофеева* „Сказаніе о куликовской битвѣ“ (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1885, августъ, стр. 215). Последній пользовался, по видимому, лучшимъ и древнѣйшимъ спискомъ (Тихонравова) и передаетъ имена такъ: „Василій Капица, Сидоръ Елеуерьевъ, Козьма Ковыръ, Константинъ Болкъ, Михаиль Саларевъ, Тимофей Веслюковъ, Дмитрій Черный, Семень Антоновъ, Иванъ Шихъ, Дмитрій Саларевъ.

⁴⁾ Митя Саларевъ упоминается въ грамотѣ Ивана III въ Крымъ 1491 года, откуда видно, что онъ ѣздилъ съ товарами и за товарами въ Крымъ и Каю (Памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымскою и Ногайскою ордою: *Сборникъ Императорскаго историческаго общества*, т. 41, стр. 117, 118; стр. 406). Иванъ Веслюковъ московскій гость былъ обижень въ Каю (тамъ же, стр. 256). Шихомъ дѣтякамъ ногайскіе торговцы являютъ въ 1490 году (тамъ же, стр. 92); гость Иванъ Шиховъ былъ обижень въ Азовѣ, о чемъ упоминается въ 1500 году (стр. 298).

тамъша (въ 1382 году) въ числѣ московскихъ обитателей упомянуты „бояре, и сурожане и суконники“ ¹⁾; сопоставленіе съ суконщиками свидѣтельствуетъ, что названіе уже обозначаетъ здѣсь только родъ торговли. Позднѣе въ 1469 году Иванъ III Васильевичъ посылалъ въ походъ противъ Казани „сурожанъ и суконниковъ и купчихъ людей“ ²⁾. Въ 1549 году мы находимъ сурожскій дворъ въ Новгородѣ ³⁾. Изъ уставной таможенной грамоты, данной въ 1571 году по наказу Грознаго новгородскимъ намѣстникомъ княземъ Пронскимъ, видно, что новгородскіе сурожа не прежде пользовались извѣстными привилегіями относительно государевыхъ пошливъ, отиѣненными именно этою грамотою ⁴⁾. Но въ это время самаго Сурожа уже не существовало. Чтобы имѣть послѣднее указаніе на взаимныя торговыя прямыя сношенія русскихъ людей съ генуезскими колоніями, мы можемъ воспользоваться въ качествѣ аналогіи эпизодомъ, который относится собственно къ Кафѣ и случился, можно сказать, на канунѣ ея завоеванія мусульманскою державою. Въ 1474 году купцами кафинскими былъ отправленъ торговый караванъ въ русскія земли, и на обратномъ пути, во владѣніяхъ великаго князя Ивана Васильевича былъ ограбленъ шайкою казаковъ; чтобы вознаградить себя за ущербъ, кафинцы захватили имущество русскихъ купцовъ изъ Москвы (Rutheni de Moscho), основавшихся въ ихъ городѣ ⁵⁾. Именно по этому поводу великій князь вступилъ въ сношенія съ генуезцами, слѣды которыхъ сохранились въ началѣ посольской книги по дѣламъ крымскимъ. Толмачъ, отправленный къ кафинцамъ, долженъ былъ говорить ихъ „консулосу“ о томъ, что они де пограбили людей великаго князя Гридку Жука, да Степанка Васильева и ихъ товарищей и взяли у нихъ всякаго товару на двѣ тысячи рублей; слѣдовало требовать возвращенія ограбленнымъ ихъ товаровъ. Кафинцы на это отвѣчали: пусть сначала отправить ве-

¹⁾ Прибавленіе къ Софійской первой лѣтописи: Полное собраніе, VI, 99. Воскресенская лѣтопись, VIII, 43.

²⁾ *Карамзинъ*, VI, примѣч. 20.

³⁾ Вторая Новгородская лѣтопись (изданіе археографической комиссіи 1879 г.), стр. 72.

⁴⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, томъ II (Москва 1819), стр. 58: „А что было у Суроженъ государева грамота жалованная въ провадѣхъ и о всякихъ государевыхъ пошлинахъ, и государь ту грамоту отставилъ, а велѣлъ у Суроженъ имати всѣ свои пошлины по старинѣ, а записывати таможенныхъ товары въ книгѣ самими, которые грамотѣ и писати умѣють“.

⁵⁾ *Heyd-Vaupaud*, I, 402 (на основаніи *Atti della società Ligure*, VII, 2, pag. 114 и сл.).

ликий князь товаръ нашихъ купцовъ кафинскихъ, который отняли у нихъ казаки. На такое встрѣчное требованіе отвѣтъ былъ такой, что казаки эти не были подвластны великому князю, а принадлежали къ людямъ царевича изъ великаго рода Тохтамышева; „а улановъ и князей, и казаковъ у него много: какъ къ нему прѣѣзжаютъ люди многіе на службу, такъ отъ него отъѣзжаютъ люди многіе; и намъ по чему вѣдати, кто будетъ вашихъ купцовъ пограбилъ? ¹⁾).

Существованіе генуезскихъ колоній на черноморскихъ берегахъ стало болѣе, чѣмъ прежде, опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ изъ состава Золотой орды выдѣлилась самостоятельная Крымская подъ властью собственныхъ хановъ — съ центромъ въ Солкаты (Старомъ Крымѣ), гораздо болѣе близкимъ къ Кафѣ и Сурожу, чѣмъ Сарай. Судьба ихъ была рѣшена въ тотъ день, какъ султанъ Магометъ II овладѣлъ Константинополемъ: вскорѣ за тѣмъ турецкія пушки, разставленныя по обѣимъ сторонамъ Босфора (Анадоли и Румели-гиссаръ) стали преграждать генуезцамъ свободный доступъ къ ихъ колоніямъ. Затѣмъ положеніе приняло критическій характеръ, когда обнаружилась возможность тѣснаго союза между Крымскимъ ханомъ и Турецкимъ султаномъ, возможность единовременнаго нападенія съ суши и съ моря, нѣсколько разъ принимавшая видъ осязательной крайности... Сверхъ ожиданія, окончательная катастрофа заставила ждать себя болѣе двадцати лѣтъ; она была отсрочена отчасти благоразумными и энергическими мѣрами протекторовъ банка св. Георгія, своего рода акціонерной компаніи, которой сильно задолжавшая республика передала управление Хазарією, отчасти случайными событіями. Въ 1475 году 4-го іюня великій визирь Кедукъ-паша взялъ Кафу, и этимъ рѣшена была участь всѣхъ генуезскихъ владѣній, между прочимъ и Солдаи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ современнаго подробнаго отчета объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ послѣдніе дни ея существованія, отчета подобнаго донесеніямъ о паденіи Кафы, изъ которыхъ мы опять узнаемъ о захватѣ турками находившихся въ ней русскихъ купцовъ ²⁾. Относительно Сурожа мы должны ограничиваться позднѣйшими сообщеніями Броневскаго, много лѣтъ проведеннаго въ Крыму въ качествѣ посла отъ польской республики

¹⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Ногайскою ордю. Томъ I (*Сборникъ Императорскаго историческаго общества*, томъ 41), № I (стр. 8, документъ 1474 года, мартъ). Ср. № 2 (стр. 12).

²⁾ *Heyd-Raynaud*, II, 403.

при королѣ Стефанѣ Баторіѣ. Въ своемъ Описаніи Тартаріи (Tartariae descriptio), книгѣ, написанной въ 1579 году въ Крыму, онъ сообщаетъ намъ, что сурожане сдались только послѣ храброй и отчаянной защиты, и что даже по сдачѣ города туркамъ, около тысячи человѣкъ отборныхъ воиновъ храбро оборонялись въ нижней крѣпости, а затѣмъ затворились въ большой церкви и всѣ тамъ погибли; турки заложили камнями двери и окна этой церкви и оставили трупы лежать безъ погребенія ¹⁾: эти подробности Броневскій узналъ отъ одного греческаго митрополита, который прибылъ въ Крымъ съ греческихъ острововъ для визитаціи оставшагося мѣстнаго духовенства. Самъ онъ нашелъ въ Сурожѣ почти однѣ только развалины. Видны были три замка на высокой горѣ, которые были обнесены стѣнами и башнями и построены—Броневскій не знаетъ, въ греческое или генуезское время. Видны были безчисленные греческіе храмы, сложенные изъ довольно большихъ камней, и столь малые по своимъ размѣрамъ, что скорѣе похожи были на часовни; только нѣкоторые изъ нихъ сохранились въ цѣлости, а большая часть обращены были въ развалины и лежали поверженные на землѣ. Остатки генуезскаго господства были значительнѣе и гораздо величавѣе греческихъ. Они показывали, что это былъ нѣкогда весьма значительный городъ; христіане-греки, оставшіеся здѣсь въ очень незначительномъ количествѣ, еще помнили о временахъ минувшаго блеска; они же утверждали, что число православныхъ церквей считалось тогда цѣлыми сотнями. Броневскій съ своей стороны объясняетъ такое явленіе крайнею сварливостью и взаимною неуживчи-

¹⁾ *Martini Broniovii de Biezdzfedeo, bis in Tartariam nomine Stephani primi Poloniae regis legati Tartariae descriptio, ante hac in lucem nunquam edita. Coloniae Agrippinae, anno 1595* (экземпляръ этого изданія есть въ Императорской публичной библиотекѣ), pag. 10 — A metropolita quodam viro Graeco et honesto, qui ex insulis graecis ad visitandos presbyteros illos tum eo advenerat et hospitio me excoeperat, accepi: Quod cum immanissima gens Turcarum eam civitatem ingenti maritimo exercitu oppugnasset, a Genuensibus fortiter et animose illa defenderetur, verum cum obsidionem diuturnam et famem Genuenses diutius ferre, nec impetum tam numerosi exercitus Turcarum sustinere amplius possent, in maximum templum illud, quod adhuc ibi integrum est, centeni aliquot, vel, ut ille assererat, mille fere viri egregii sese receperant, et per dies aliquot in arce inferiori, in quam Turcae irruerant, fortiter et animose sese defendentes, insigni et memorabili Turcarum strage edita, tandem in templo illo universi concidere, templi illius portae et fenestrae a Turcis muro impletae caesorum cadavera in eum usque diem insepulta jacent. In templum ne accederem, a Caphensi Seniaco quondam Turca, quem in ea arce perpetuum ille habet, ego prohibitus sum.

востью грековъ; вслѣдствіе раздоровъ и вражды отдѣльными семьи не хотѣли сходитьса вмѣстѣ даже для общественнаго богослуженія. Въ нижнемъ замкѣ можно было видѣть три очень большія католическія церкви, дома, стѣны, ворота, башни съ генуезскими гербами. Въ окрестностяхъ находились виноградники, которые давали наилучшее вино во всей Тавридѣ, и фруктовые сады, простиравшіеся вмѣстѣ съ виноградниками болѣе чѣмъ на двѣ (римскихъ) мили; ихъ продолжали обрабатывать кафянскіе жители, состоявшіе изъ турокъ, евреевъ, христіанъ¹⁾. Сурожъ не возрождался болѣе изъ своихъ развалинъ даже и подъ русскою властью; „въ настоящее время тишина кладбища господствуетъ въ этой мѣстности“ (выраженіе Ф. К. Бруна), хотя въ сосѣдствѣ, тамъ, гдѣ было прежде городское предмѣстье, и появилась нѣмецкая колонія, называемая по прежнему Судахъ; только громадныя башни и стѣны, здѣсь сохранившіяся, да остатки зданія, похожаго на монастырь или церковь, — свидѣтельствуютъ о превратностяхъ судьбы и о минувшемъ величій Сугдеи; драгоценныя памятники спасены были отъ окончательной гибели, благодаря стараніямъ Одесскаго общества исторіи и древностей; ученые этого общества, профессора Юргевичъ и Брунъ, всего болѣе потрудились надъ ихъ описаніемъ и изученіемъ²⁾.

¹⁾ Sidagios a Graecis, a Genuensibus vero Sudacum, arx et civitas illa dicta fuit. Tartaris prorsus incognita est. Arces muro et turribus cinctas et unitas Graeci seu Genuenses Itali condidere. Tempa Graeca ex grandioribus saxis infinita esse, et quasi sacella pauca admodum, nonnulla integra visuntur, plurima vero in ruinas versa et humi prostrata jacent. Superbi, discordes et desides Graeca Genuensibus Italis fracti et debilitati civitatem eam amiserant. Non contemnenda Genuensium vestigia Graecis multo clariora ibi conspiciuntur. At insignem eum locum quondam, ut ex ruinis videre licet, extitisse, et a Christianis Graecis, quorum parvae admodum reliquiae ibi sunt, memoratur. Graecorum gentem eo discordiarum et inimicitiarum deuenisse, quod familiae quae dissidiis laborabant, ut ne denotionem quidem publicam fieri eique interesse volebant. Propterea templa illa infinita quam plurimi aedificauere, quae aliquot centena ibi extitisse Christiani perhibent. Tempa tria maxima Catholica, domus, muri, portae, ac turres insignes, cum textilibus et insigniis Genuensium in arce inferiori visuntur. Portorium non ignobile civitatis ejus fuit, vineas et pomaria, quae ad duo et amplius milliaria extenduntur, fertilissima a Saphensibus, Turcis, Iudaeis et Christianis nunc etiam ibi coluntur. Nam universae Tauricae vinum optimum ibi nascitur. . . .

²⁾ На статью Бруна о Сугдеи мы часто ссылались. Проессоръ Юргевичъ издалъ съ переводомъ и примѣчаніями уставъ генуезскихъ колоній на Черномъ морѣ 1449 года (Записки, т. V). Онъ же издавалъ и объясналъ генуезскія надписи въ Кафѣ и Судахъ (тамъ же, стр. 157—177, и томъ IX „Донесеніе о поѣздкѣ въ Крымъ“) и т. п.

III.

Древнѣйшіе источники о жизни Стефана Сурожскаго.

Древнѣйшимъ извѣстіемъ о Стефанѣ Сурожскомъ пока нужно считать краткое о немъ сообщеніе въ Минологіи императора Василия Порфиророднаго, подъ которымъ теперь уже никто не думаетъ разумѣть Василія I Македонянина, а всѣ признають Василия II Болгаробойцу. Итакъ, Минологіи составленъ былъ въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка. Подъ 28-мъ ноября здѣсь сперва помѣщено краткое сказаніе о мученичествѣ Стефана Новаго, пострадавшаго за иконы при царѣ Константинѣ Копронимѣ въ 765 году, какъ это отмѣчено въ хроникѣ Теофана, или же вѣрнѣе въ 767 (о годѣ рѣчь будетъ ниже). Краткое сказаніе или же синаксарь, очевидно, составленъ на основаніи подробнаго житія Стефана Новаго, написаннаго діакономъ Великой Константинопольской церкви, по имени тоже Стефаномъ, около 808 года: въ обоихъ одинаково упоминается о множествѣ исповѣдниковъ, заключенныхъ въ темницѣ, которыхъ встрѣтилъ тамъ Стефанъ Новый, но только немногіе, отчасти ранѣе пострадавшіе, отчасти ближайшіе ученики и послѣдователи Стефана, названы въ Житіи по имени: таковы Петръ, Андрей и Анна. Напротивъ того, Минологіи Василия и другія позднѣйшія подобнаго рода компіляціи подъ тѣмъ же самымъ днемъ помѣщаютъ память, а отчасти называютъ имена еще многихъ другихъ приверженцевъ иконопочитанія, принявшихъ монашество и подвергшихся преслѣдованію того же самаго царя—по видимому, отдѣльно отъ Стефана и нѣсколько позднѣе. Мы приводимъ статью Василиева минологія съ нѣкоторыми разночтеніями, представляемыми синаксаремъ въ печатныхъ греческихъ минеяхъ, и вмѣсто перевода — соответствующій славянской текстъ Макарьевскихъ миней, въ которомъ опять встрѣчается одно очень важное для насъ дополненіе, вѣроятно, ведущее свое начало отъ греческой редакціи.

* Ἀθλις τῶν ἁγίων τῶν σὺν τῷ ἁγίῳ
Στεφάνῳ τῷ Νέῳ, ὑπὲρ τῶν ἁγίων εἰκότων
μαρτυρησάντων.

Πολλοὶ τῶν στρατιωτῶν τότε ὀρθο-
δόξων (ὀρθόδοξοι ὄντες), ἀποταξάμενοι τῷ
βίῳ, γεγόνασι μοναχοί. Τοὺς τοιοῦτους
δὲ ὁ παράνομος βασιλεὺς τιμωροῦσάμενος

В той же день память иже съ свя-
тымъ Стефаномъ Новымъ святыхъ ра-
ди иконъ мученыхъ.

Мнози отъ воинъ православннхъ су-
ще отрекшеси жлтїа и быша мниси.
Таковыхъ же беззаконннхъ мучитель
мучивъ отъ живота лишивъ. Ибо еди-

ἐφόνευσε [τοῦ βίου ὑπεξήγαγε]. Καὶ γὰρ τὸν ἕνα, Βασίλειον καλούμενον [ἐκκαλούμενος, πρὸς τὴν αὐτοῦ πλάνην καὶ μὴ πειθόμενον] ἐκτοφλώσας (этого слова нѣтъ въ гр. мнвняхъ) εἶτα τὴν προσκύνησιν τῶν ἁγίων εἰκόνων λαλοῦντα ἀκούσας [καὶ μὴ πειθόμενον, ἀλλὰ τὴν προσκύνησιν τῶν ἁγίων εἰκόνων σέβασθαι τούτου εἰπόντος] λακτίσας ἐξήνεγα τα ἔντερα αὐτοῦ [λάξ κατὰ τοῦ γαστρὸς αὐτὸν χρούσας, τὰ ἐγχατα ἐξεχεε]· καὶ ἐξορισθεὶς μετὰ οὐδύνης ἐτελεύτησεν [καὶ οὕτως ἐτελεύτησεν]. Ἄλλος ἐγκλειστος [ἐγκλεισθεὶς] ἐν τῷ Σωσθενίφ ρινοκοπηθεὶς, ἐν Χερσῶνι ἐξωρίσθη, καὶ μέλλων φονευθῆναι ἐφυγεν εἰς Χαζαρίαν, ἐν ἣ καὶ ἐπίσκοπος ἐγένετο καὶ ὕστερον ἐτελειώθη. Ἄλλος [ἕτερος] δὲ Στέφανος ὀνόματι (τοῦνομα) εἰς Σουγδίαν (Σουγδαίαν) ἐξορισθεὶς (ἐξωρίσθη), καὶ πολλοὺς ὠφελήσας, τέλος ἔσχε τοῦ βίου. Ὅμοίως καὶ Γρηγόριοι δύο (δύο нѣтъ въ печат. мнвняхъ) σὺν πολλοῖς ἄλλοις (ἄλλοις πολλοῖς) ἐξορισθέντες ἀπέθανον (ἐτελεύτησαν). Ἄλλὰ καὶ Ἰωάννης (ὁ) ἀπὸ λεγαταρίων εἰς Δαφνουσίαν (ἐν Δαφνουσίᾳ) ἐξορισθεὶς καὶ τοῦ βασιλεύοντος κελεύσει δερόμενος κατὰ καιρὸν συχνῶς (καὶ τυπτόμενος συχνῶς) τὸν βίον ἀπέλιπεν.

Сравнивая славянской текстъ съ двумя греческими редакціями, мы замѣтимъ, что, не смотря на совершенно рабскую буквальность перевода, онъ не сходится вполнѣ ни съ тою, ни съ другою, такъ что необходимо предполагать третью редакцію, а въ ней и прямое упоминаніе объ епископствѣ Стефана Сурдейскаго. Что это такъ, что Стефанъ на основаніи минологіи считался епископомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ лицевья изображенія, сопровождающія текстъ въ знаменитомъ экземплярѣ кардинала Албани. На картинкѣ, оттиснутой съ рукописи, изображены Василій, которому выкалываютъ глаза, Іоаннъ, котораго истязуютъ; по сторонамъ видны двое въ епископскомъ облаченіи: это, конечно, епископъ Хазарскій и нашъ Стефанъ; затѣмъ двое въ обыкновенномъ платьѣ: это должно быть два Григорія ¹⁾).

¹⁾ См. Menologium Basillii, ed. cardin. Albani; ср. Горскій въ *Запискахъ Одесскаго общества*, т. I, стр. 196.

Съ показаніемъ минологіевъ относительно времени исповѣдничества и подвиговъ Стефана Сугдейскаго вполне согласно свидѣтельство другаго важнаго источника, на который страннымъ образомъ никто изъ изслѣдователей—а между ними, были признанные знатоки церковной литературы—не обратилъ вниманія. Мы разумѣемъ службу или даже службы святому Стефану Сурожскому, ибо ихъ двѣ. Онѣ извѣстны не только по рукописямъ, но и читаются въ печатной словянорусской служебной минеѣ за декабрь мѣсяцъ. Въ греческой минеѣ службы Сурожскому Стефану не встрѣчается или по крайней мѣрѣ не отыскано; но все заставляетъ думать, что первоначальный текстъ славянской службы былъ греческій, составленный въ Сурожѣ мѣстнымъ пѣснописцемъ; очень понятно, что назначенный для мѣстнаго церковнаго обихода, онъ не нашелъ себѣ широкаго распространенія и не попалъ въ другія богослужебныя книги, кромѣ тѣхъ, которыя были назначены для мѣстнаго употребленія въ Сурожѣ, гдѣ въ память св. Стефана учрежденъ былъ особый праздникъ. Въ пятнадцатый день мѣсяца декабря, въ предполагаемый день кончины святаго, совершалось въ Сурожѣ его память. Мѣстный малограмотный житель, который владѣлъ греческимъ синавсаріемъ, находящимся теперь въ Халкинской бібліотекѣ, сдѣлалъ объ этомъ собственноручно замѣтку, такъ какъ очевидно въ первоначальномъ текстѣ этой памяти не значилось. „Въ тотъ же день празднуется въ городѣ Сугдей 15-го декабря кончина святѣйшаго отца нашего Стефана исповѣдника, архіепископа Сугдейскаго, ибо онъ просвѣтилъ сугдейцевъ и сдѣлалъ ихъ христіанами и въ пятнадцатый день декабря мѣсяца скончался, то-есть, почилъ во Господѣ. — Запись Георгія“. Въ другой замѣткѣ, помѣщенной выше, память святаго Стефана, архіепископа Сугдейскаго, погребеннаго во святомъ алтарѣ святой Софіи, отмѣчена, правда, подъ семнадцатымъ днемъ декабря, но едва ли это не простая ошибка или недосмотръ приписчика. Сверхъ того, св. Стефана праздновали въ Сурожѣ и 30-го января вмѣстѣ съ памятью трехъ великихъ святителей: такое двойное ежегодное воспоминаніе одного и того же особенно уважаемаго, хотя и мѣстнаго, святаго не представляетъ ничего необычнаго. — Подъ тѣмъ же 15-мъ декабря помѣщается и въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ служба съ двумя канонами въ честь Стефана Сурожскаго и вотъ что читаемъ мы въ одной изъ стихирь, входящихъ въ составъ службы.

„Образъ соблюлъ еси пресвѣтло, преподобне отче. По Христовѣ

иконѣ стать еси мужески, не устранился гноетезнаго прещенія, но духовнымъ мечемъ того умертви⁴.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прещеніе гноетезнаго есть прещеніе Копронима, какъ обыкновенно и притомъ вполне согласно съ этимологіею греческаго выраженія переводится прозвание въ славянскихъ источникахъ. Соответственно съ этимъ и въ другихъ случаяхъ, когда говорится о царѣ гонителѣ, слѣдуетъ понимать Константина Копронима; онъ отправилъ его и въ заточеніе, подъ которымъ разумѣется, впрочемъ, темничное заключеніе въ самомъ Константинополѣ, предшествовавшее удаленію въ Крымъ: „мучителя беззаконна посрамилъ еси, въ заточеніяхъ неправедно отсылаемъ“ (тропарь святому); „въ заточеніи пострадавъ ранами, въ темницахъ претерпѣвъ озлобленія“ (другой тропарь); „поганыхъ прещенія не устранился блаженне, богоуязвленныхъ умою, Христова благолѣпія честнѣй иконѣ научилъ еси всѣмъ неспрамно поклоняться и теплою вѣрою целовати, и потомъ претерпѣлъ еси бѣенія, отче Стефане, и темница“ (стихира на Господи воззвахъ)

„Ты бо всеблаженне, лютаго царя посрамилъ еси, честь же иконную восходити на первообразіе научилъ еси“ (второй канонъ, икосъ на шестой пѣснѣ) и т. д.—Это столкновение съ иконоборнымъ царемъ Константиномъ составляетъ главную тему прославленія Стефана; о дѣятельности его въ Сурожѣ говорится не столь выразительно и часто, хотя все-таки Стефанъ называется просвѣтителемъ Сурожа „Ты Сурожу бывъ просвѣтитель“ (второй канонъ на шестой пѣсни), а въ другой пѣсни онъ именуется первопрестольникомъ сурожскимъ; (на стиховнѣ стихиры л. 103): въ обоихъ случаяхъ какъ будто предполагается, что Стефанъ былъ первымъ здѣсь насадителемъ или утвердителемъ христіанства и первымъ епископомъ въ городѣ¹). Святитель постоянно прославляется не только какъ гордость и честь (похвала) города Сурожа, но и какъ постоянный защитникъ и заступникъ сурожанъ, прибѣгающихъ съ молитвою къ мощамъ его, присутствіе которыхъ авторы еще предполагаютъ въ городѣ. „Знаменія и чудеса тебе владыка прослави, трблаженне Стефане!

¹) Протоѿроч; первопрестольный—означаетъ либо епископа, занимающаго первый по значенію и чести престолъ среди другихъ, принадлежащихъ къ тому же патриаршему или митрополичьему округу, либо епископа, перваго по времени на известномъ престолѣ. Такъ какъ первое значеніе не идетъ къ Сурожу и никакой другой изъ архіереевъ этого города не носилъ подобнаго титула, то остается только второе значеніе слова, относящееся къ лицу, а не къ кафедрѣ.

прогониши бо духи и уврачуеши страсти; душа просвѣщаеши вѣрныхъ, приходящихъ ко святому гробу (стихира вторая на Господи возвахъ, л. 196 обор.).

Очень знаменательны мольбы о заступленіи отъ вѣшнихъ враговъ города Сурожа, съ которыми обращаются къ святителю оба составителя каноновъ, говоря при этомъ отъ имени своихъ согражданъ, называя исповѣдника неборимымъ хранителемъ граду нашему. Изъ указаній, къ несчастію, не совсѣмъ опредѣленныхъ, на вѣроисповѣданіе и племенное происхожденіе враговъ всего скорѣе можно было бы угадать и время составленія обѣихъ службъ, что для нашего изслѣдованія представляетъ вопросъ не лишенный важности.

Въ первомъ канонѣ:

Сокруши супостаты, преподобне, и силу ихъ вооруженную; покори намъ подъ ноги вскорѣ видимую рать..... и державу (κράτος?) даруй твоей паствинѣ....

Покрый градъ твой, отче нашъ Стефане богоносне, отъ сыновъ агаряны: се бо скрегчють зубы своими на ны, пожрети на ны разжгщеса, яко звѣріе дикіи, и сокруши зубы ихъ.

Отче отцемъ богоносный Стефане, Сурожу утвержденіе—рабы своя соблюди отъ всякаго прегрѣшенія и отъ безбожныхъ варваръ.

Сохрани градъ свой, отче преподобне Стефане, и отъ безбожныхъ и новѣрныхъ находа и отъ усобныхъ рати.

Сынове агаряни вооружаются на смиренныя люди твоя, Стефане пречестне, но сокруши ихъ невидимо, лукъ и стрѣлы ихъ, і меча вонзи въ сердца ихъ.

Велми радуется присно градъ твой твоими чудесы; и мы во всяка времена насыщаемся во вѣки отъ священныхъ мощей твоихъ, нынѣ не отходи отъ насъ, молитвы твоя къ Богу, яко да отъ безбожныхъ варваръ насъ избавитъ (пѣснь девятая).

Сурожьстїи народи прїидите, соберитесь вси къ божественнѣй рацѣ отца нашего Стефана преподобнаго и со слезами воззовите: избави люди своя, не даждь достояніе твоего роду измаильтескому..... (пѣснь девятая).

Во второмъ канонѣ:

„Падоша востающен на ны, отче, твоими молитвами побѣждаеми, агаряни внуцы, хотящїе достояніе твое озобити, и посмѣхъ убо быша и поруганїе, паденїя своего плачюще.

„Постави тебе церквы своей основаніе Христось, столпа крѣпка и неподвижима во вѣки, соблюдающа и назирающа градъ свой непо-

движимъ и во вѣки вѣка ненавѣтуетъ и отъ всякихъ избавляюща нападаніи, иже вѣроу съвершающихъ твою память“ (девятая цѣсьн).

Составленіе службы святому и, нужно полагать, обоихъ каноновъ относится еще къ тому времени, когда Сурожъ сохранялъ свою самостоятельность, признавая верховную власть Византійскаго императора.

„Христову нынѣ престолу предстои, святителю съ Богоматерію и Пречистою Дѣвою, молися не престаи, побѣды на варвары крестноному царю нашему даровати“ (Богородиченъ въ концѣ канона).

Бого же слѣдуетъ разумѣть подъ агарянами или измаильтянами, которые въ одномъ канонѣ представляются врагами, постоянно угрожающими Сурожу, и въ другомъ—какъ будто при извѣстномъ единичномъ случаѣ потерпѣвшими неудачу и посрамленіе? По наиболѣе обычному словоупотребленію агаряне и потомки Измаила суть сарацины и вообще магометане; и намъ извѣстенъ подлинный фактъ враждебнаго столкновенія сельджукидскаго султана Кей-Кобада съ сурожанами и союзниками ихъ—русскими, относящійся къ 1227 году или нѣсколько болѣе раннему. Замѣтимъ, однако, что если не въ XIII столѣтіи, то позднѣе названіе агарянами прилагается равнымъ образомъ и къ татарамъ, болѣе близкимъ и болѣе грознымъ супостатамъ Сурожа, встати обратившимся уже въ магометанство. Такъ въ синаксарной припискѣ 1323 года, татары Узбека названы безбожными агарянами ¹⁾. Однако нѣтъ никакой возможности думать, чтобы послѣ катастрофы 1323 года можно было сурожанину воспѣвать торжество надъ врагами и говорить въ положительномъ смыслѣ о неприкосновенности своей родины отъ всяческихъ навѣтовъ и нападеній вражескихъ. Если даже разумѣть подъ агарянами, подвергшимися посрамленію, татаръ, то слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду ихъ первое покушеніе на Сурожъ и послѣдовавшее отступленіе,

¹⁾ Въ русскомъ это обыкновенно; напримѣръ, въ житіи Михаила Клопскаго повѣствователь пишетъ о себѣ, что онъ посланъ былъ въ Новгородъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ (Грозномъ) *собирати* воинство въ соупротивленіе *безбожныхъ агарянъ* (Описаніе Макарьевскихъ миней *Е. Барсова*, стр. 107). Новгородская первая лѣтопись по Синодальному списку (изд. 1889), стр. 249; при описаніи Батыева нашествія татары называются *Измайльти*; ср. стр. 368; поганіи измаильтяне (подъ 1390 г.). Въ Воскресенской, Никоновской лѣтописи и въ Степенной книгѣ эти наименованія еще обыкновеннѣе. Въ уставѣ для генуезскихъ колоній 1449 года магометанскіе жители Каѡы названы сарацинами (*Записки Общ. ист.*, VI, 614).

то-есть, событія 1223 года. Въ томъ и другомъ случаѣ составленіе канонъ св. Стефану въ Сурождѣ мы должны будемъ относить къ XIII вѣку, съ одной стороны—ранѣе Генуэзскаго періода, —а съ другой стороны—къ такому времени, когда уже можно было говорить о цѣлнхъ вѣкахъ почитанія мощей святаго и оказываемаго имъ заступничества городу. Составитель довольно ясно различаетъ реальныхъ враговъ и реальныхъ опасности своего времени отъ неопредѣленныхъ и общихъ напастей, которыя отвращаемы были святымъ отъ его предковъ въ прошедшемъ. Ни хазаровъ, ни русскихъ, ни печенѣговъ или половцевъ мы не можемъ предполагать подъ именемъ агарянъ или измаильтянъ, хотя въ русскихъ (но все-таки не греческихъ) источникахъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ, именно печенѣги и половцы, и производятся отъ Измаила: „Измаиль роди 12 сына, отъ нихже суть торемени, и печенѣви и торци и кумани, рехше половци“ (Первоначальная лѣтопись подъ 1096 годомъ), а также именуется безбожными сынами измаелевыми (тамъ же). Что татаръ рускіе древніе писатели могли называть безбожными агарянами, это разумѣется само собою, и тѣмъ менѣе предстоитъ надобность приводить тому примѣры, что такого рода случай уже отмѣченъ въ ближайшемъ для насъ греческомъ источникѣ.

Такъ или иначе, въ двухъ источникахъ, имѣющихъ наибольшую цѣнность—одинъ по своей относительной древности, другой по характеру своему и по своей принадлежности мѣстному, очевидно, высокообразованному писателю—о Стефанѣ Суроожскомъ намъ сообщается такое представленіе, что онъ принадлежалъ къ исповѣдникамъ иконопочитанія при царѣ Константинѣ Копронимѣ, подобно другимъ лично засвидѣтельствовалъ предъ царемъ непреклонность своего убѣжденія и горячность своей вѣры, подвергся вслѣдствіе того темничному заключенію и разнымъ истязаніямъ, но затѣмъ отправленъ былъ въ изгнаніе въ городъ Сугдею, много потрудился надъ распространеніемъ и утвержденіемъ христіанства между мѣстными жителями и сдѣланъ былъ епископомъ названнаго города, по видимому, первымъ въ ряду будущаго ряда его архипастырей. Такъ какъ преслѣдованіе, заключеніемъ котораго было удаленіе Стефана въ Крымъ, ставится въ связь съ событіями 765 или 767 года, то мы имѣемъ полное право думать, что извѣстный Сугдейскій епископъ Стефанъ, присутствовавшій на Вселенскомъ соборѣ 787 года, есть лицо тождественное съ изгнанникомъ предыдущаго двадцатилѣтія,—хотя на это и нѣтъ указанія въ прославляющихъ его церковныхъ пѣсняхъ. Вообще по самому

ряду источниковъ, которые мы до сихъ поръ имѣли въ виду, подробностей биографическихъ и нельзя было ожидать—особенно о первоначальномъ его жизненномъ поприщѣ. Судя по точному смыслу краткой статьи Василюва минологія, Стефанъ прежде поступленія въ монашество былъ воиномъ; не противорѣчатъ этому прямо и такія выраженія въ службѣ исповѣднику, гдѣ о немъ говорится, что онъ былъ освященъ отъ пеленъ (стихиры на Господи возвахъ), что Богъ позналъ его отъ рожденія: „позна тебе отъ чрева, богоносе, всевѣднй Богъ; прежде возвѣщаетъ тебѣ аггеломъ, освящаетъ тебе зиждителя душамъ“ и т. д.

Такъ какъ оба наши источника по отношенію къ восьмому вѣку, когда жилъ святой, довольно поздни, а между тѣмъ Стефанъ Сурожскій есть лицо несомнѣнно историческое, а не какое-либо созданіе благочестиво настроеннаго воображенія, то слѣдуетъ полагать, что память о немъ и съ тѣми немногими подробностями, которыя мы отмѣтили, дошла до болѣе позднихъ вѣковъ, напримѣръ, до конца десятаго столѣтія, путемъ историческаго преданія, при томъ закрѣпленнаго письменно, а не устнаго только; то-есть, необходимо думать, что ранѣе эпохи Василю Болгаробойцы, когда составлена была статья для Минологія, существовало то или другое сказаніе о Стефанѣ—не извѣстно только отдѣльное или общее для упоминаемыхъ вмѣстѣ съ нимъ сотоварищей—Хазарскаго и другихъ. Для аналогіи не излишне обратить вниманіе на статью въ томъ же Василювомъ минологіѣ о Корсунскихъ святыхъ епископахъ Василю, Ефремѣ, Еееріѣ и другихъ. Она читается въ Минологіѣ подъ восьмымъ числомъ марта; но нѣтъ сомнѣнія, и простое сличеніе отдѣльныхъ выраженій въ томъ убѣждаетъ осязательно, что статья составлена по извѣстному подробному сказанію объ этихъ мученикахъ, которое въ подлинникѣ было напечатано не особенно много лѣтъ тому назадъ, и которое носитъ столь же явные слѣды мѣстнаго корсунскаго происхожденія, какъ и каноны Стефану Сурожскому. Ученые, конечно, стали бы сомнѣваться въ древности и первоначальности подробнаго корсунскаго повѣствованія, еслибы не существовало столь убѣдительно свидѣтельство о возможности относить ихъ къ десятому вѣку или даже ранѣе, какое представляетъ фактъ наличнаго славянскаго перевода въ супрасльской рукописи XI вѣка ¹⁾. Въ Корсуні,

¹⁾ Monumenta linguae Palaeoslovenicae e codice Suprasliensi, ed. F. Miklosich. Vindob. 1851, стр. 414 и сл. Греческій подлинникъ житія съ русскимъ переводомъ изданъ въ VII томѣ Записокъ Одесскаго общества (1868 г.), стр. 169 и сл.

какъ и въ Сурожѣ, процвѣтала своя мѣстная греческая письменность, отъ которой до насъ дошли, къ сожалѣнію, только очень скудные остатки и отчасти намеки въ родѣ упоминанія объ алфавитарѣ въ честь апостола Андрея, составленномъ въ Корсунѣ. Мы, конечно, можемъ только гадать о характерѣ и объемѣ того историческаго сказанія о Стефанѣ и его сотоварищахъ, какимъ пользовались составители Василюва минологія, но положительно имѣемъ право утверждать, что дошедшія до насъ, пока не изданныя, жизнеописанія Стефана Сурожскаго—одно греческое, другое русское—совсѣмъ не представляютъ оригинала и очень отъ него далеки не только по времени своего происхожденія, но и по своему содержанію. То, что теперь читается въ этихъ житіяхъ, никакъ не могло быть написано знающимъ и образованнымъ грекомъ—все одно константинопольскимъ или же таврическимъ—восьмаго, десятаго или же одиннадцатаго столѣтія, и никакъ не выдерживаетъ критики при сравненіи съ тѣми хотя скудными, но очевидно правдоподобными данными, какія могутъ быть извлечены изъ службы и краткаго синаксаря въ минологіѣ. Мы для того и останавливались столь долго надъ статьей минологія и надъ службою Стефану, чтобъ имѣть точку опоры для критики болѣе подробныхъ житій, къ которымъ теперь и переходимъ. Мы начнемъ съ греческой статьи, которую здѣсь сообщаемъ въ переводѣ, чтобы затѣмъ сдѣлать свои замѣчанія.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНІИ РАЗРЯДНЫХЪ КНИГЪ.

Въ Читеніяхъ Общества исторіи и древностей російскихъ (1887 г., книга 2-я) я изложилъ свое мнѣніе о различныхъ редакціяхъ и объ исторіи составленія древнѣйшей разрядной книги. Скорѣе, чѣмъ я могъ надѣяться по свойству предмета, мнѣніе это вызвало специальную и компетентную оцѣнку въ ученой литературѣ. Я разумно трудолюбиво и добросовѣстно составленное изслѣдованіе Н. П. Лихачева: „Разрядные дѣяніи XVI вѣка“. Соглашаясь со мною въ существенныхъ чертахъ, уважаемый авторъ высказываетъ однако рядъ оговорокъ и сомнѣній, которыя мѣшаютъ ему принять мои выводы вполне. Въ настоящей статьѣ я попытаюсь отвѣтить на ту часть книги г. Лихачева, которая посвящена разбору моего взгляда (стр. 285—342).

Прежде всего, я дѣлю существующія рукописи разрядовъ на три основныя типа: 1) текстъ, который я считаю официальнымъ, 2) текстъ, составленный частными лицами и частными средствами, и 3) текстъ, скомпилированный изъ первыхъ двухъ типовъ. Н. П. Лихачевъ противопоставляетъ этому 27-е положеніе своей диссертациі: „Дошедшія до насъ разрядныя книги частныхъ лицъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ компиляціи, съ трудомъ поддающіяся дѣленію на основныя редакціи“ (стр. 551). Но если заключить отсюда, что г. Лихачевъ не признаетъ существованія упомянутыхъ трехъ типовъ, это будетъ не вѣрно: онъ принимаетъ не только мое дѣленіе, но и мою терминологію; такъ, онъ обстоятельно обсуждаетъ мои выводы относительно существованія официального текста и самъ указываетъ нѣсколько неизвѣстныхъ мнѣ до сихъ поръ рукописей, относящихся, по видимому, къ этому типу (стр. 300—301); затѣмъ онъ

говорить особо (стр. 322) о „самостоятельныхъ частныхъ“ редакціяхъ и опять сообщаетъ новый, неизвѣстный мнѣ экземпляръ этого типа; наконецъ, въ 29-мъ тезисѣ онъ говоритъ и о „частной компилятивной“ редакціи, а на стр. 334 призываетъ распространенность рукописей этой редакціи. Въ чемъ же несогласіе? Какъ увидимъ далѣе, Н. П. Лихачевъ, по видимому, и теперь не выдѣляетъ среди компилятивныхъ рукописей—рукописей съ чистымъ официальнымъ текстомъ. Но возможность существованія официального текста онъ признаетъ. Чтобы убѣдиться въ дѣйствительности этого существованія, необходимо печатное изданіе официального текста, мною въ настоящее время приготовляемое. Остальные два типа бросаются въ глаза при изученіи разрядныхъ, и существованіе ихъ стоитъ внѣ спора. Споръ можетъ идти только о дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ втораго и третьаго типа. Но этихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій я не пытался установить, и приписывая мнѣ положительныя утвержденія по этому поводу, Н. П. Лихачевъ совершенно справедливо противъ нихъ протестуетъ. Что касается въ частности разрядныхъ чисто частнаго происхожденія, я самъ увѣренъ, „что въ XVI вѣкѣ почти всѣ важнѣйшіе роды самостоятельно слѣдили за разрядными записями“ (стр. 330), и что, слѣдовательно, не только могло, но и должно было существовать нѣсколько самостоятельно составленныхъ разрядныхъ этого типа ¹⁾. Если я указалъ на одинъ только видъ—разрядную Колычевыхъ, то самъ же и оговорился, что этимъ не отрицаю существованія другихъ видовъ. „Среди рукописныхъ разрядныхъ“, говорилось у меня,—„попадается одинъ типъ, открывающій намъ по крайней мѣрѣ одну изъ такихъ разрядныхъ“ (стр. 15). Я говорилъ объ одной этой, потому что только надъ нею одною мнѣ удалось сдѣлать наблюденія, приведшія къ положительному выводу. Это еще не значить, что я ее одну и знаю. Такимъ образомъ, врядъ ли можно упрекать меня, что я „придалъ слишкомъ большое значеніе открытымъ имъ (мною) Колычевскимъ записямъ“.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло относительно компилятивной редакціи. Возможности существованія нѣсколькихъ самостоятельныхъ компиляцій опять-таки отрицать нельзя; оно даже очень вѣроятно; я самъ указалъ въ рукописи Румянцовской, № 340, особый родъ компиляція,

¹⁾ Мои слова: „Необходимо предположить, что въ рукахъ частныхъ лицъ и до составленія официального текста, помимо его, должны были имѣться свои разрядныя“ (стр. 15).

исходящій не отъ официальнаго, а отъ частнаго текста. Но почти исключительно распространена въ рукописяхъ одна, по моему предположенію, Бутурлинская компиляція, конечно, очень варьирующаяся, но восходящая къ одному тексту. Здѣсь Н. П. Лихачевъ, сколько могу судить, лучше меня знакомый съ разрядными этого типа, долженъ былъ бы повести дальше изслѣдованіе, указать другія разновидности самостоятельнаго происхожденія, и я въ правѣ на него поспѣловать, что вмѣсто того онъ ограничился голымъ выраженіемъ сомнѣнія, чтобы двѣ указанныя мною рукописи этого типа (Арх. Ин. Дѣль 99—131 и разрядная Е. В. Барсова) „принадлежали къ одной редакціи“ (стр. 330). Именно относительно ихъ я совершенно увѣренъ въ этомъ, и критика такого знатока, какъ Н. П. Лихачевъ, была бы для меня очень интересна.

Итакъ, Н. П. Лихачевъ, колеблясь въ принятіи моихъ трехъ типовъ, по видимому, смѣшиваетъ двѣ ступени классификаціи. Первую—дѣленіе на основныя типы (частный, компилятивный и—въ возможности—официальный онъ самъ въ концѣ концовъ принимаетъ); а дальнѣйшую—дѣленіе частнаго и компилятивнаго типа на разновидности—и я признаю преждевременнымъ, хотя не отказываюсь ни отъ одного изъ своихъ наблюденій въ этомъ направленіи.

Перехожу теперь къ другой части моего мнѣнія къ вопросу объ официальномъ текстѣ. Я сдѣлалъ выводъ, что официальный текстъ древнѣйшей разрядной книги составленъ заднимъ числомъ въ 1556 году, и что онъ дошелъ до насъ въ извѣстныхъ спискахъ. Н. П. Лихачевъ говоритъ: „Трудно сомнѣваться въ томъ, что первая официальная разрядная книга была составлена заднимъ числомъ“ (стр. 300). Въ тезисахъ онъ соглашается еще болѣе: „Мысль, что первая перечневая (объ этомъ названіи, употребляемомъ г. Лихачевымъ, рѣчь будетъ идти ниже) государева разрядная книга начата составленіемъ около 1553 года,—является весьма вѣроятной“ (стр. 551). Наконецъ, во введеніи (стр. XIII) говорится: „Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что и первая перечневая разрядная книга была составлена никакъ не позже 1556 года“. Итакъ, первая официальная разрядная книга написана заднимъ числомъ, начата около 1553 года и составлена не позже 1556 года. Хотя ни въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ авторъ не привелъ своихъ доказательствъ, тѣмъ не менѣе легко догадаться, какое обстоятельство заставило его колебаться между 1553 и 1556 годами. Въ рукописи Арх. Ин. Д. № ⁸⁹⁵/₈₄₇ я нашелъ одно мѣсто, ускользнувшее отъ меня во время составленія статьи въ Чте-

ніяхъ. Среди 1553 года текстъ рукописи прерывается вставкой (л. 284): „в тѣхъ мѣстѣ учал писати дьякъ Иванъ Юрьевъ“. Сообщивъ объ этомъ Н. П. Лихачеву, я узналъ отъ него, что дьякъ Иванъ Юрьевъ былъ однимъ изъ дьяковъ разряднаго приказа въ 1556 году (ср. стр. 302—303). По мнѣнію г. Лихачева, мѣсто это „съ одной стороны подтверждаетъ указанную П. Н. Миллеровымъ соприкосновенность текста этой редакціи съ текстомъ официальной разрядной книги; по съ другой, точно отмѣчаетъ, что дьякъ Иванъ Юрьевъ лишь продолжалъ начатую до него разрядную книгу“. Замѣтимъ прежде всего, что еслибы дѣйствительно это мѣсто доказывало, что Юрьевъ лишь продолжалъ начатую до него разрядную книгу, то авторъ лишился бы единственнаго основанія утверждать, что эта книга „начата составленіемъ около 1553 года“. Утверждая послѣднее, авторъ какъ будто самъ не вѣритъ выставленному имъ первому предположенію, именно, что разрядная книга начата составленіемъ до Юрьева; но мы сейчасъ увидимъ, что съ точки зрѣнія автора это послѣднее предположеніе есть единственно возможное. Дьякъ Юрьевъ, служившій несомнѣнно въ разрядѣ въ 1556 году, началъ писать текстъ нашей разрядной съ середины 1553 года—„в тѣхъ мѣстѣ“ (или „съ сѣхъ мѣстѣ“, какъ значитъ въ вариантѣ, найденномъ Н. П. Лихачевымъ въ разрядной Императорской Академіи Наукъ)¹⁾. По мнѣнію Н. П. Лихачева, это значитъ, что разряды 1553 года Юрьевъ написалъ именно въ 1553 году, разряды 1554—въ 1554 году и т. д.; а изъ этого онъ въ свою очередь молчаливо заключаетъ, что Юрьевъ въ 1553 году уже былъ дьякомъ разряда, и въ хронологическомъ спискѣ дьяковъ онъ отмѣчаетъ его службу годами 1553—1556 (стр. 533). Если такъ, то отчего же и разрядамъ 1552 года не быть написаннымъ въ 1552 году, 1551—въ 1551 году и т. д.? Въ смыслѣ Н. П. Лихачева, дѣйствительно, Юрьевъ только и могъ „продолжать начатую до него разрядную книгу“. Но дѣло въ томъ, что нельзя понимать слова источника въ смыслѣ г. Лихачева; „съ сѣхъ мѣстѣ“ и значитъ „съ этого мѣста“, а „не съ этого времени“. Иначе Юрьеву пришлось бы въ 1553 году написать всего четыре листика разгонистаго почерка (л. 284—287), притомъ изъ матеріаловъ, которые должны были поступить въ составителя только въ концѣ года, и затѣмъ добавлять по строчкѣ по мѣрѣ накопленія сыраго матеріала. Ясно, что Юрьевъ написалъ часть книги съ 1553 года не въ 1553 году, а одновре-

¹⁾ Тоже въ разрядной Румянц. Муз., № 737.

менно съ другими годами, и всего вѣроятнѣе, въ тотъ годъ (1556), когда онъ несомнѣнно былъ дьякомъ разряда. Вѣроятно, на его долю выпало составленіе или переписка (его вставка приходится въ серединѣ сложнаго предложенія: но можетъ быть, сюда она попала въ нашихъ рукописяхъ въ свою очередь при перепискѣ съ полей оригинальнаго экземпляра) этой части разрядной, составившейся, какъ я предположилъ на основаніи другихъ доказательствъ, именно въ 1556 году. Такимъ образомъ, вставка о Юрьевѣ, которая до сихъ поръ служила для меня несомнѣннымъ доказательствомъ официального происхожденія нашей разрядной, теперь становится новымъ и вѣскимъ подтвержденіемъ того, что разрядная эта составлена въ приказѣ дьяками именно въ 1556 году. Другія мои доказательства въ пользу 1556 года были слѣдующія: во первыхъ, опись разрядныхъ, вынесенныхъ изъ приказа въ пожаръ 1626 года, помѣчаетъ, что древнѣйшая разрядная доходила до 1556 года; во вторыхъ, свадьбы, которыми, по указанію той же описи, начиналась официальная разрядная, доведены въ извѣстныхъ спискахъ, отождествляемыхъ мною съ официальной разрядной, до 1555 года; третьихъ, къ 1556 году, хотя не къ одному нему, относятся записанныя въ московскихъ лѣтописяхъ реформы относительно службы и служилаго землевладѣнія. Эти доказательства Н. П. Лихачевъ старается ослабить. По поводу послѣдняго соображенія онъ замѣчаетъ, что „нововведеніямъ этого года вообще приписываютъ слишкомъ большое значеніе (стр. 302)“. Но я не знаю, считать ли это выраженіемъ его мнѣнія, потому что на стр. 31 встрѣчаемъ: „Въ исторіи приказной системы нельзя не обратить вниманія на важныя реформы въ сферѣ государственнаго управленія, произведенныя царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1556 году“, а на стр. 288 говорится, что „самый годъ, на которомъ прерывается древнѣйшая разрядная книга, годъ какихъ-то реформъ, отмѣченныхъ лѣтописью, самъ по себѣ многозначителен“. Какъ бы то ни было, утвержденіе противъ утвержденія: я думаю, что на реформы этихъ годовъ до сихъ поръ не было обращено достаточнаго вниманія, какого онъ несомнѣнно заслуживаетъ по своей важности. Что касается двухъ другихъ аргументовъ за 1556 годъ, основанныхъ на сличеніи наличныхъ списковъ съ показаніями описи спасенныхъ отъ пожара документовъ разряда, то Н. П. Лихачевъ старается опровергнуть мои доказательства тождества древнѣйшей спасенной отъ пожара книги съ текстомъ, признаваемымъ мною за официальный. Это отождествленіе онъ считаетъ „краеугольнымъ камнемъ“ моего вывода—не со-

всѣмъ справедливо: я дѣлалъ выводы на основаніи изученія самого текста; хотя, конечно, если выводъ мой вѣренъ, то-есть, если текстъ, признаваемый мною за официальный, есть дѣйствительно официальный, само собою разумѣется, онъ долженъ быть тождественъ съ текстомъ, хранившимся въ самомъ приказѣ и спасеннымъ отсюда во время пожара. Перейдемъ къ самымъ возраженіямъ. По описи спасенныхъ отъ пожара книгъ ¹⁾, древнѣйшая вынесенная изъ приказа разрядная книга начиналась свадьбой великаго князя Василя Ивановича съ Еленой 1526 года и кончалась 1557 годомъ ²⁾. Я предположилъ, что въ этой книгѣ, какъ и въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ официального текста, свадьбы были выдѣлены и писаны впереди разрядовъ, захватывая 1526—1555 годы; а потомъ начинались, опять какъ въ нашемъ текстѣ, разряды съ 6984 (1475) года. Остается еще возможность, что спасенная книга всего только и обнимала 30 лѣтъ (1526—1557), соединяя свадьбы и разряды вмѣстѣ и не возвращаясь къ разрядамъ болѣе раннимъ. Я старался устранить эту возможность тѣмъ соображеніемъ, что разряды болѣе ранніе существуютъ въ нашихъ разрядныхъ официальныхъ типахъ, слѣдовательно, очевидно, спаслись отъ пожара; а такъ какъ въ описи спасенныхъ разрядныхъ книгъ о нихъ не говорится отдѣльно, то необходимо предположить, что они входили въ составъ древнѣйшей спасенной книги. Этому соображенію Н. П. Лихачевъ противопоставилъ возможность, что болѣе ранніе разряды хранились въ другомъ мѣстѣ и такимъ образомъ избѣжали пожара. Возможности этой нельзя отрицать. Къ указаніямъ, сдѣланнымъ г. Лихачевымъ, прибавлю еще одно, сообщенное мнѣ А. Н. Зердаловымъ: въ старой описи Разряднаго архива 1735 г. (№ 81) по московскому столу значится за № 74 (л. 416): „книга 134 году на переплывеньевъ день въ среду etc.... (описание

¹⁾ Подлинникъ описи хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, по московскому столу № 19; печаталась въ извлеченіяхъ Новиковымъ въ Визлюевкѣ и Ивановымъ въ *Русскомъ Историческомъ Сборникѣ*; вполне напечатана Н. П. Лихачевымъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ; и въ то же время таблица, по ней составленная (еще при Ивановѣ), напечатана въ V части „Описанія документовъ и бумагъ Московскаго архива министерства юстиціи“. Г. Лихачевъ разошелся съ „Описаніемъ“ по вопросу о порядкѣ листовъ, перепутанныхъ въ рукописи. См. Опис., V, стр. 2.

²⁾ „Книга въ козѣ разрядная, великаго князя Василя Ивановича всеа Рускіи 7034 году по 65 годѣ, почалась свадьбой, какъ князь великій повялъ княжну Елену“.

пожара), а изъ разряду въ тотъ пожаръ вынесено всякихъ дѣлъ, а иные дѣла и старыя письма смысканы въ разряде и на казенномъ дворѣ после московскаго пожара, а какія дѣла, и то писано въ той книгѣ имянно“. Эта исчезнувшая теперь книга дополняла сохранившуюся книгу № 19, напечатанную Н. П. Лихачевымъ въ приложеніяхъ. Такимъ образомъ, древнія разрядныя записи могли сохраниться отъ пожара даже въ самомъ разрядѣ. Но стараясь увеличить этимъ соображеніемъ возможность того обстоятельства, что вынесенная изъ пожара книга 1526—1557 годовъ не заключала въ себѣ разрядовъ до 1526 г., Н. П. Лихачевъ самъ сообщил одно обстоятельство, которое неожиданно для меня самого ставитъ вопросъ на болѣе твердую почву. Дѣло въ томъ, что въ рукописномъ подлинникѣ той описи, которую я цитировалъ по Иванову, 7034 годъ (1526) зачеркнутъ и поставленъ 6990. Г. Лихачевъ печатаетъ текстъ съ поправкой и, слѣдовательно, считаетъ это чтеніе болѣе правильнымъ. Но сообщивъ объ этомъ на стр. 294, авторъ какъ бы забываетъ о существованіи этой поправки: и раньше (стр. 288—289), и позже (стр. 301—302) онъ обсуждаетъ свидѣтельство описи, какъ будто бы этой поправки не было, и какъ будто бы существовало одно прежнее чтеніе „7034 году по 65 годъ“. Вслѣдствіе того, онъ продолжаетъ обсуждать ту возможность, что въ этой книгѣ древнѣйшихъ разрядовъ, до 1526 г., не было, и что вся она заключала въ себѣ разряды только за тридцатилѣтній промежутокъ 1526—1556 годовъ; онъ даже думаетъ, что одна погибшая рукопись проф. Баузе, судя по описанію, заключавшая въ себѣ именно разряды 1526—1556 гг. и начинавшаяся свадьбой ¹⁾, „можетъ быть, опровергла бы гипотезу П. Н. Милюкова о тождествѣ выдѣленной имъ редакціи съ первой разрядной книгой“, а вмѣстѣ съ тѣмъ опровергла бы и рукописную поправку подлинной описи, принятую Н. П. Лихачевымъ въ его текстъ. Какую же цѣну въ дѣйствительности имѣетъ эта поправка 1526 года на 1482? Современна она рукописи или представляетъ чей-нибудь позднѣйшій домыселъ? Очевидно, рѣшить дѣло можетъ только свѣрка съ рукописью архива министерства юстиціи.

Произведя эту свѣрку, я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Опись написана въ 134 году, въ самый годъ пожара (потому что

¹⁾ Эта рукопись описана такъ: „свадьба царя Василія Іоанновича и прочія дворцовыя записки отъ 1526—1556 г.“;—описание, очевидно, столь же двусмысленное, какъ и показаніе описи спасенныхъ книгъ въ первоначальномъ чтеніи.

этотъ годъ именуется „нынѣшнимъ“, см. л. 16 и у г. Лихачева прилож., стр. 36). Послѣ того, какъ она была написана, чья-то рука прошла ее съ начала до конца и испещрила поправками (которыя въ изданіи Н. П. Лихачева, къ сожалѣнію, не указаны, кромѣ одной упомянутой). Двѣ самыя крупныя поправки заключаются въ перемѣщеніи отдѣльныхъ мѣстъ описи. Такъ, на л. 15 было написано: „десятыя новиковъ разныхъ городовъ съ 121 года по 129 годъ“. Это мѣсто зачеркнуто и сбоку у зачеркнутаго приписано очень небрежно и неразборчиво: „*ис*(ать или писано) *см*(ше)“. Дѣйствительно, это мѣсто вставлено выше, на л. 9 (у Лихачева, стр. 33) послѣ написанія описи, какъ позволило оставшееся пустое мѣсто, не предназначавшееся, очевидно, для этой вставки. Точно также на л. 134 об. зачеркнуто и приписано на л. 59 об. (у Лихачева, стр. 55) мѣсто: „десятыя Мещанъ, которые по разбору 130 году написаны были въ городовую службу, а по челобитью и смотру въ Колуге воеводы Ивана Бутурлина да дьяка Петра Данилова справлены въ конную службу 134 году“. Возлѣ зачеркнутаго на стр. 134 об. опять приписано: „*ис см*“. Не указываю поправокъ болѣе мелкихъ. Всѣ поправки писаны болѣе небрежно, чѣмъ основной текстъ и, по видимому, одними чернилами, которыя замѣтно отличаются отъ чернилъ, которыми писано начало описи ¹⁾ (намъ особенно интересное): 1) болшею темнотою цвѣта, 2) болшею неровностью окраски проведенныхъ чернилами линий: между тѣмъ какъ въ основномъ текстѣ видимъ ровно окрашенные штрихи, въ поправкахъ средина штриховъ (широкихъ) свѣтлѣе краевъ и испещрена мелкими крапинками.

Когда сдѣланы эти поправки? На листѣ 3-мъ было написано (у Лихачева, стр. 31) „книга разрядная перечневая, какъ государь царь и великій князь Михайло Оедоровичъ всеа Русіи учинился на Московскомъ государствѣ 121 году по 134 годъ“. Къ этимъ словамъ нашъ корректоръ прибавилъ: „и 134 годъ“. На оборотѣ того же листа послѣ словъ „да послѣ пожара написаны подлинники 133 г.“ другими чернилами приписано „134“.

Итакъ, когда составлялась опись, составитель не вписалъ въ нее ни перечня, ни подлинника 134 года; а когда корректоръ просматривалъ ее, онъ внесъ то и другое. Очевидно, эти документы составлены были въ промежуткѣ между составленіемъ описи и корректурой. Кажется, нельзя не вывести отсюда, что пересмотръ описи сдѣ-

¹⁾ Далѣе цвѣтъ чернилъ мѣняется.

ланъ былъ уже въ 135 году. Къ этому выводу мы еще вернемся; теперь же возвращаемся къ вопросу, для котораго мы должны были заняться разборомъ поправокъ: какое значеніе имѣетъ поправка 1526 года на 6990 (1482)? Поправка эта принадлежитъ лицу, несомнѣнно близкому къ документамъ и вполне компетентному. Съ другой стороны, обратимъ вниманіе на то, что поправка проведена неполнѣ. Корректоръ зачеркнулъ 1526 годъ, но оставилъ слѣдующія слова, которыя могли относиться только къ 1526 году: „почалась свадьбой, какъ князь великій (Василій Ивановичъ) повялъ князю Елену“. Н. П. Лихачевъ чувствуетъ потребность привести эти слова въ согласіе съ поправкой и для этой цѣли пробуетъ объяснить ихъ свадьбой Ивана Ивановича Молодаго съ Еленой Молдаванкой 6991 года.

Но и при такомъ объясненіи 1) годъ все-таки не подходитъ; 2) приходится предположить искаженіе въ собственномъ имени (Василій вмѣсто Ивана); 3) немаловажнымъ препятствіемъ служить то обстоятельство, что разрядъ свадьбы Ивана Ивановича не сохранился, чего не могло бы быть, еслибы съ него начинался спасенный отъ пожара текстъ древнѣйшей разрядной книги. Итакъ, выходъ одинъ: мы должны признать вѣрною и поправку на 6990 годъ, и слѣдующія слова, по которымъ книга начинается свадьбой 1526 года. Такъ какъ съ этой свадьбы 1526 г. дѣйствительно начиналась разрядная, то составитель описи и отмѣтилъ 1526 годъ, какъ начало разрядной; но такъ какъ это было не совсѣмъ вѣрно, и въ дѣйствительности разряды вслѣдъ за свадьбами начинались съ конца XV вѣка, то корректоръ вмѣсто 1526 поставилъ 6990 годъ: получившійся текстъ „книга.... 6990 году по 65 годъ началась свадьбой, какъ великій князь etc...“ не оставлялъ мѣста недоразумѣніямъ и совершенно вѣрно описывалъ содержаніе книги: дѣйствительно, она заключала въ себѣ разряды съ конца XV вѣка, но начиналась свадьбой 1526 года. Но вотъ затрудненіе: корректоръ поставилъ 6990 годъ, а нашъ официальный текстъ начинается съ 6984; чему же мы должны больше вѣрить: наличному тексту или показанію описи? Какъ нарочно, чтобы вывести насъ изъ этого затруднительнаго положенія, Н. П. Лихачевъ приводитъ рядомъ другую справку, изъ которой видно, что разрядная книга „6996 году началась свадьбою, послана вверхъ съ подьячимъ“ такимъ-то. „Такимъ образомъ“, говоритъ г. Лихачевъ,—„два документальныхъ (хотя, конечно, можетъ быть и ошибочныхъ) показанія о началѣ той разрядной книги, которая началась свадьбой, даютъ два разныхъ года—6990 и 6996“ (стр. 295).

Въ виду этого разнорѣчія и возможности ошибки нѣтъ надобности защищать начальный годъ нашего officialнаго текста. Ошибка могла произойти отъ разныхъ причинъ. Корректоръ, просматривая опись, могъ поставить круглую цифру, по памяти, не справляясь съ подлинною книгой. Или вотъ еще возможный источникъ ошибки. Въ рукописи архива № 395—847 первая строка, съ которой начинаются собственно разряды, написана кинноварью вязью, такъ что разобрать ее довольно трудно даже и для опытнаго глаза. Годъ 6984 стоитъ въ самомъ началѣ этой строки („Лѣта 6984 мѣсяца октября въ 22 день на память св. Аверкія“); такимъ образомъ, читавшій могъ не разобрать или подѣлаться разобрать его. Во всякомъ случаѣ, отмѣченная г. Лихачевымъ поправка устраняетъ то толкованіе, по которому разрядовъ древнѣе 1526 г. не было въ вынесенной изъ пожара книгѣ, и такимъ образомъ, тожество этой книги съ нашимъ officialнымъ текстомъ является еще несомнѣннѣе ¹⁾.

Покончивъ съ вопросомъ о редакціяхъ древнѣйшей книги, перейдемъ теперь къ другому важному обстоятельству: какъ слѣдуетъ представлять себѣ веденіе разрядныхъ документовъ въ XVI и XVII вѣкахъ? „Въ запискѣ о дѣлахъ, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 года“, говоритъ Н. П. Лихачевъ (стр. 303),— „для царствованія Михаила Ѳеодоровича отмѣчено существованіе разрядныхъ книгъ двухъ типовъ — подлинниковъ каждаго года и одной „перечневой“ книги, которая, какъ мы знаемъ, охватывала годы съ 7121 по 7134 годъ“. До сихъ поръ авторъ правъ. Дѣйствительно, въ описи названы книги упомянутыхъ двухъ типовъ. Но вообще опись спасенныхъ дѣлъ различаетъ (и я вслѣдъ за нею, см. стр. 5 моей статьи) для царствованія Михаила Ѳеодоровича не два, а три типа разрядныхъ документовъ: 1) книга разрядная перечневая 7121—7134; 2) книги разрядныя подлинники каждаго изъ этихъ годовъ отдѣльно; 3) разрядныя столпы двухъ послѣднихъ годовъ (133 и 134). „Въ этихъ столпахъ“, говоритъ Н. П. Лихачевъ (стр. 288),— „нельзя не видѣть черновыхъ подлинниковъ тѣхъ же годовъ“. Напротивъ, въ

¹⁾ Любопытная разрядная Румянц. № 797, въ которой находится указанный Н. П. Лихачевымъ Ливонскій разрядъ 1577 г., начинается именно съ 6990 года; эта разрядная интересна (кромѣ приписки Юрьева) еще тѣмъ, что въ концѣ 7062 г. описана въ ней свадьба Симеона Басаевича, и приписаны памяти Геннадія Вутурлина и Петра Константиновича, обыкновенно помѣщающіеся въ началѣ разрядовъ; на 7062 году, вѣроятно, кончался оригиналъ, съ котораго списывалась первая половина этой книги.

ЭТИХЪ СТОЛПАХЪ НЕЛЬЗЯ НЕ ВИДѢТЬ СТОЛПОВЪ, ТО-ЕСТЬ, СТОЛБЦОВЪ, СЫРАГО МАТЕРІАЛА РАЗРЯДНЫХЪ ЗАПИСЕЙ, ИЗЪ КОТОРАГО УЖЕ СОСТАВЛЯЛСЯ „ПОДЛИННИКЪ“ ВЪ ВИДѢ КНИГИ. НЕДОСТАТОЧНО ЯСНОЕ РАЗЛИЧЕНІЕ СТОЛПОВЪ ОТЪ ПОДЛИННИКОВЪ ВЫЗВАЛО СО СТОРОНЫ г. ЛИХАЧЕВА НЕДОРАЗУМѢНІЯ, ВЪ РАЗЪЯСНЕНІЮ КОТОРЫХЪ МЫ ТЕПЕРЬ И ПЕРЕХОДИМЪ. ИЗЪ ПОЖАРА ВЫНЕСЕНЫ БЫЛИ СТОЛБЦЫ ДВУХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ГОДОВЪ, 133 И 134; „ДА ПОСЛѢ ПОЖАРУ НАПИСАНЫ ПОДЛИННИКИ 133 ГОДЪ, 134“. Я ВЫВЕЛЪ ОТСЮДА, ЧТО „ПОДЛИННИКЪ ПИСАЛСЯ ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ИСТЕКШАГО ГОДА ПО ОКОНЧАНІИ ЭТОГО ГОДА“. АВТОРЪ, ОТОЖЕСТВЛЯЯ „СТОЛПЫ“ СЪ „ПОДЛИННИКАМИ“, НАХОДИТЪ ОДИНАКОВО ВѢРОЯТНЫМЪ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ ИВАНОВА, ЧТО ВЪ ДАННОМЪ СЛУЧАѢ ПОДЛИННИКИ 133 И 134 ГОДОВЪ НАПИСАНЫ БЫЛИ ПОСЛѢ ПОЖАРА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАМѢНИТЬ СГОРѢВШІЕ ВО ВРЕМЯ ПОЖАРА (БѢЛОВЫЕ?) ПОДЛИННИКИ (СТР. 288). НО ПОЖАРЪ ПРОИЗОШЕЛЪ 3-ГО МАЯ 7134 ГОДА; СЛѢДОВАТЕЛЬНО, ПОДЛИННИКЪ 7134 ГОДА ВО ВСЯКОМЪ СЛУЧАѢ ЕЩЕ НЕ БЫЛЪ НАПИСАНЪ, А СУЩЕСТВОВАЛИ ТОЛЬКО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ВЪ СТОЛБЦАХЪ. КОГДА СОСТАВЛЯЛИ ВЪ ТОМЪ ЖЕ 134 ГОДУ ОПИСЬ СПАСЕННЫХЪ ОТЪ ПОЖАРА ДѢЛЪ, СУЩЕСТВОВАЛИ ВСЕ ЕЩЕ ОДНИ ЭТИ РАЗРЯДНЫЕ СТОЛБЦЫ 134 ГОДА, — ОНИ И ПОПАЛИ ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ ОПИСИ. ПОПАЛЪ ВЪ ЭТОТЪ ТЕКСТЪ И ПОДЛИННИКЪ 133 ГОДА, СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗЪ СТОЛБЦОВЪ „ПОСЛѢ ПОЖАРУ“, ТО-ЕСТЬ, ПОСЛѢ 3-ГО МАЯ 7134 ГОДА, НО ЕЩЕ ВЪ ТѢМЪ ЖЕ ГОДУ; НО ПОДЛИННИКЪ 134 ГОДА НЕ МОГЪ БЫТЬ СОСТАВЛЕНЪ РАНЬШЕ ОКОНЧАНІЯ ГОДА; И ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, ВЪ НАШЕЙ ОПИСИ ОНЪ ПРИПИСАНЪ ДРУГИМИ ЧЕРНИЛАМИ ПОСЛѢ СОСТАВЛЕНІЯ ОПИСИ, ВѢРОЯТНО, ВЪ 135 ГОДУ. ТОГДА ЖЕ СОСТАВЛЕНЪ И ПЕРЕЧЕНЬ ЭТОГО ПОДЛИННИКА, ПРИБАВЛЕННЫЙ КЪ ПЕРЕЧНЕВОЙ КНИГѢ И ПРИПИСАННЫЙ КЪ ОПИСИ ТОЖЕ ДРУГИМИ ЧЕРНИЛАМИ (СМ. ВЫШЕ). ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ, ПО КРАЙНЕЙ МѢРѢ ПОДЛИННИКЪ КНИГИ 134 Г. И ПО НЕЙ ПЕРЕЧЕНЬ СОСТАВЛЕНЪ ПО ОКОНЧАНІИ ГОДА; ЧТО ТАКЪ ЖЕ СОСТАВЛЯЛСЯ И ПОДЛИННИКИ ДРУГИХЪ ГОДОВЪ, ВИДНО, НАПРИМѢРЪ, ИЗЪ ПОДЛИННИКА 7125 ГОДА, ВЪ КОТОРОМЪ УПОМИНАЕТСЯ ГРАМОТА НАЧАЛА (ОКТАБРЯ) 7126 Г. ¹⁾.

ИТАКЪ, Я РАЗЛИЧАЮ ДЛЯ XVII В. ТРИ РОДА ДОКУМЕНТОВЪ: СТОЛПЫ, ТО-ЕСТЬ, ПОДЛИННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ПОДЛИННИКИ—КНИГИ И ПЕРЕЧНИ. Н. П. ЛИХАЧЕВЪ НЕПОСРЕДСТВЕННО ЗА ПРОЦИТИРОВАННЫМЪ МѢСТОМЪ, ГДѢ УКАЗАНЫ ДВА РОДА КНИГЪ, ПРОДОЛЖАЕТЪ: „ДЛЯ XVI В. ОПИСЬ НЕ ДѢЛАЕТЪ РАЗЛИЧІЯ МЕЖДУ ПЕРЕЧНЕМЪ И ПОДЛИННИКОМЪ, И ДЛЯ НАСЪ ВОПРОСЪ О ТОМЪ, ВЕЛИСЬ ЛИ ПОДЛИННИКИ КАЖДАГО ГОДА ВЪ XVI СТОЛѢТІИ, ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ СУЩЕСТВЕННУЮ ВАЖНОСТЬ. П. Н. МИЛЮКОВЪ КОЛЕБЛЕТСЯ ВЪ РѢШЕНІИ ЭТОГО ВОПРОСА:

¹⁾ См. Разр. кн., I, стр. 412; Дворц. разр., I, 276—277.

„...по веденію разрядовъ въ XVII вѣкѣ“, говоритъ онъ,—„мы еще не имѣемъ права заключать о веденіи ихъ въ XVI в. Напротивъ, изъ этого неупоминанія о разницѣ (между подлинниками и перечневыми разрядными) мы скорѣе можемъ вывести, что ея и не существовало, что были только два разряда записей въ XVI вѣкѣ: подлинныя документы и спасенныя отъ пожара книги“ (стр. 5—6). Здѣсь какъ бы отрицается веденіе подлинниковъ въ XVI столѣтіи, но на стр. 13 г. Милюковъ, говоря о нововведеніяхъ 1556 г., указываетъ: „Не будетъ особенно смѣлымъ заключить, что перемѣна эта состояла въ болѣе правильномъ веденіи разрядныхъ книгъ, всего вѣроятнѣе, въ новомъ составленіи подлинниковъ“. Тутъ уже признается не только существованіе подлинниковъ, но и веденіе разрядныхъ книгъ до 1556 года, въ которомъ, по убѣжденію г. Милюкова, была составлена первая официальная книга. Впрочемъ, это противорѣчіе въ сущности мнимое: авторъ допускаетъ неправильное веденіе разрядныхъ росписей за долго до 1556 года; эти-то росписи и явились подлинниками, по которымъ въ упомянутомъ году была составлена перечневая разрядная“.

Второе изъ процитированныхъ г. Лихачевымъ мѣстъ (стр. 13), дѣйствительно, можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ: мнѣ слѣдовало вмѣсто болѣе правильнаго веденія разрядныхъ книгъ говорить о болѣе правильномъ веденіи разрядныхъ записей или о новомъ заведеніи разрядныхъ книгъ. Какъ видно изъ слѣдующихъ за цитатой словъ Н. П. Лихачева, онъ такъ и понялъ мою мысль, не смотря на неудачное выраженіе ея. Но выводъ изъ перваго мѣста (стр. 5—6), что я отрицаю веденіе подлинниковъ въ XVI столѣтіи, г. Лихачевъ возбуждаетъ съ своей стороны недоумѣніе относительно того смысла, который онъ придаетъ термину „подлинникъ“. Я отрицаю разницу между перечнемъ и подлинникомъ въ XVI столѣтіи, и эти два рода книгъ XVII в. ставлю въ параллель съ однимъ родомъ книгъ XVI в., съ нашими текстами разрядовъ XVI вѣка. Какъ видно изъ второй цитаты, я склоненъ называть ихъ, если ужъ нужно называть ихъ терминами XVI в., именно подлинниками. Итакъ, я не отрицаю веденія подлинниковъ въ XVI столѣтіи, потому что готовъ назвать подлинниками сохранившіяся разрядныя книги XVI вѣка. Еще менѣе склоненъ я отрицать веденіе подлинныхъ документовъ разрядныхъ назначеній въ XVI вѣкѣ, если ихъ разумѣетъ Н. П. Лихачевъ подъ названіемъ подлинниковъ. Послѣдняя фраза приведенной цитаты показываетъ, что для г. Лихачева дѣйствительно „эти-то

росписи и явились подлинниками“. Мы видѣли, что „столпы“ XVII в. авторъ также назвалъ „черновыми подлинниками“. Именно въ этомъ смыслѣ, то-есть, въ смыслѣ отождествленія подлинника съ подлинными документами, слѣдуетъ, по видимому, понимать выраженіе г. Лихачева, что „для насъ вопросъ о томъ, велись ли подлинники каждаго года въ XVI столѣтіи, представляетъ существенную важность“; въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ и собираетъ свѣдѣнія о подлинныхъ документахъ разрядныхъ назначеній въ XVI вѣкѣ. Все это дѣлаетъ несомнѣннымъ, что Н. П. Лихачевъ смѣшиваетъ подлинники съ подлинными документами. Такъ какъ терминъ „подлинникъ“ извѣстенъ намъ только для XVII вѣка, то мы и вернемся къ разрядамъ XVII вѣка и постараемся разъяснить взаимныя отношенія подлинника и подлинныхъ документовъ.

Разница того и другаго ясна уже изъ самой терминологіи описи спасенныхъ отъ пожара книгъ. Но и самые документы, упоминаемые въ описи, книги-подлинники и столпы, сохранились до нашего времени въ Московскомъ столѣ разряднаго приказа, бумаги котораго находятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Перечисленные въ описи подлинники уже напечатаны въ изданіи „Разрядныхъ книгъ“¹⁾. Изъ „столповъ“, упомянутыхъ въ описи, по крайней мѣрѣ столпы 133 года мнѣ удалось найти въ московскомъ столѣ разряднаго приказа подъ № 20. Какъ мы видѣли, изъ этихъ именно столповъ составлена была послѣ пожара и раньше составленія описи, слѣдовательно, въ 134 году, книга-подлинникъ 133 года (1625), значащаяся въ Московскомъ столѣ подъ № 16 и напечатанная въ „книгахъ разрядныхъ“ на стр. 1043—1167. Такъ какъ изученіе столбца № 20 вполне разъясняетъ способъ составленія „подлинника“, то я и предложу здѣсь подробное сличеніе, результаты котораго будутъ ясны сами собою.

Столбецъ расклеенъ, и отдѣльные листы, составлявшіе его, переѣчены въ новое время. При этой переѣткѣ, какъ сейчасъ увидимъ, порядокъ листовъ не всегда сохранялся.

Листъ 1—3. Грамота на Тулу—черновая; въ нашъ подлинникъ она не попала, но попала въ книги, названныя издателями „дворцовыми разрядами“ (I, 648—650); надъ нею помѣта: „не писать“. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ грамоты, которыя помѣщаются въ столпахъ, представляютъ черновики.

¹⁾ Книги разрядныя по официальнымъ оныхъ спискамъ. Томъ I. С.-Пб. 1853. ЧАСТЬ ССЛХІІІ. ОТД. 2.

Листъ 4. „Ис Пронска отпустить детей боярскихъ курмышанъ 45 чел.“ и т. д. до словъ „торушанъ 46 чел., козличь 47 чел.“ Какъ видно изъ сравненія съ напечатаннымъ подлинникомъ это—обрывокъ начала, очевидно, утераннаго: въ напечатанномъ подлинникѣ онъ помѣщенъ на стр. 1045—1046; по обрывку можно заключить, что и остальное содержаніе этого начала напечатаннаго подлинника было списано со столповъ.

Листъ 5—7. Грамота сентября 7133 на Дѣдиловъ стольнику и воеводамъ — вн. Матвѣю Дм. Прозоровскому и Степ. Лувьяновичу Хрушову. Надъ ней отмѣтка: „не писать“, и въ напечатанномъ подлинникѣ ея нѣтъ.

Листъ 8—11. Грамота въ Переяславль Рязанскій (изложена кратко въ Дв. разр. I, 650) съ помѣтой „не писать“; на оборотѣ надпись: „столпъ разрядной полковыхъ воеводъ 133 году“. Въ концѣ сдѣлана приписка: „таковы жъ грамоты и росписи на Крапивну, на Михайловъ, въ Переславль Рязанской, въ прибылой полкъ въ Мценскъ“.

Листъ 12. На немъ помѣта „писать“, и, дѣйствительно, онъ списанъ въ нашемъ подлинникѣ (стр. 1047 со словъ: „того жъ году сентября въ день государь царь и великій князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи указалъ изъ Украиннаго разряда“ etc... до словъ „по новой росписи“).

Листъ 13 съ помѣтой „не писать“ есть вариантъ предыдущаго: „133 года сентября въ 28 государь“ etc...

Листъ 14—25. Опять помѣта „писать“. Отсюда списаны л. 1047—1049 Разр. вн., за исключеніемъ итоговъ служивыхъ людей по годамъ.

Л. 26—27. „Не писать“—грамота на Тулу Никиф. Яв. Мещерскому отъ октября (и приписка: таковы жъ на Дѣдиловъ въ Степ. Хрушову отпустить мещанъ etc...)

Л. 28—29. „Не писать“—грамота въ Мценскъ Грекову объ отпускѣ отъ октября (кратко передана въ Дворц. разр. 650).

Л. 30—31. „Не писать“—„въ украинномъ разрядѣ въ полкѣхъ на осень оставлены меньшіе воеводы, а съ ними велѣно бити ратнымъ людямъ тамошнихъ городовъ до снеговъ“.

Л. 33—35. Грамота на Тулу Мещерскому 7133 г. декабря 7 (sic): та самая, которая напечатана въ Дв. разр., стр. 653—654.

Л. 36—38. Отсюда продолжается списыванье въ нашъ подлинникъ отъ (словъ „того жъ году декабря“ etc., стр. 1049, до словъ: „въ

Пронску... казаковъ 192 ч.“, стр. 1051), далѣе приписано: „по та мѣста писавъ, сказать: того жъ году марта въ 13 день государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи указалъ быти на своей государевой службѣ въ украинномъ разрядѣ для обереганья отъ приходу крымскихъ и нагайскихъ людей воеводамъ по полкамъ, а срокъ указалъ государь воеводамъ стати по мѣстомъ—вербное“... болѣе на листкѣ не умѣстилось и поставленъ знакъ + для переноса.

Л. 39—40. Та же самая приписка написана начисто, а далѣе опять идетъ черненье. Въ подлинникѣ все выписанное мѣсто дѣйствительно идетъ сплошь за указанными словами „казаковъ 192 ч.“ (стр. 1051) и далѣе выписывается буквально до словъ: „на Резани—кн. Петръ князь Олександровъ сынъ Репнинъ“; въ столбцѣ стоятъ затѣмъ слова „да Иванъ Юрьевъ сынъ Ловчиковъ“; а въ подлинникѣ вставка: „да готовъ въ Переславлѣ Резанскомъ князь... Волконской“. Этою вставкою вводится разказъ о мѣстническомъ дѣлѣ кн. Волконскаго съ Репнинымъ, въ результатѣ котораго назначенъ Ловчиковъ (стр. 1052—1053). Далѣе отъ словъ „на Михайловѣ“ три строки подлинника опять совпадаютъ со столбцомъ; но отъ словъ „и Ульянъ Ляпуновъ“ подлинникъ разказываетъ новое мѣстническое дѣло (стр. 1053 — 1056) Ляпунова съ Волконскимъ (о матеріалахъ для этихъ вставокъ см. ниже). Со словъ „въ Пронску“ опять три строки идутъ по столбцу, а далѣе (со словъ „и государю царю“) разказывается третій мѣстнический споръ Крюкова съ Ловчиковымъ и Волконскимъ (стр. 1056—1058).

Л. 41—50. Со словъ „а по вѣстемъ“ подлинникъ опять начинаетъ переписывать столбцы съ ихъ поправками; такъ слѣдующія слова „быти воеводамъ въ сходѣ“ вставлены въ столбцѣ позже и перенесены оттуда въ текстъ подлинника — напрасно, потому что въ слѣдующей фразѣ они повторяются. Дословное списыванье идетъ до стр. 1060 до словъ:

Л. 51—80. „и всего тулскихъ жилаецкихъ людей 404 ч.“ Затѣмъ въ столбцѣ слѣдуетъ: „да въ большомъ же полку по большимъ вѣстемъ быти другихъ половинъ“ и т. д.; надъ этимъ надписано: „не писать“, и дѣйствительно въ подлинникѣ все пропущено до словъ „въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ“, при которыхъ стоятъ отмѣтка: „писать“. Послѣ передоваго полка (стр. 1061), далѣе послѣ сторожеваго (стр. 1062; столб. л. 66 — 68), въ Переяславлѣ Рязанскомъ (стр. 1063; столб. л. 74), на Михайловѣ (стр. 1063; л. 77), въ Пронскѣ (стр. 1064; л. 80) сдѣланы такія же помѣты „не писать“ и такіе

же пропуски о другихъ половинахъ, призывавшихся въ случаѣ большихъ вѣстей. Послѣ пропуска въ Пронскѣ сдѣлана опять помѣта „писать“, и вписаны позже слова „а какъ воеводамъ, будучи по полкомъ, государевымъ дѣломъ промышлять, и государева грамота и наказы къ воеводамъ посланы таковы“. Эта вводная фраза.

Л. 81—82. И слѣдующая грамота выписаны въ подлинникѣ цѣликомъ (1064—1065).

Л. 83—95. „Не писать“: „таковы жъ грамоты и списки посланы съ жилцомъ съ Филиповымъ с Хвоцинскимъ на Дѣдильовъ“ и т. д.; роспись по полкомъ воеводѣ и съ ними людей нынѣшняго 133 года: въ большомъ полку и т. д. (буквально какъ въ Дворц. разр. I, 667—669, до словъ „по росписи“); а съ воеводами людей по полкомъ (л. 88—95). Все это пропущено въ подлинникѣ.

Л. 95—238. „Писать“. И дѣйствительно, это главная часть подлинника (стр. 1065 со словъ „а наказъ“ до 1102 до сл. „юля въ 6-й день“); наказы напечатаны издателемъ съ большими сокращеніями.

Съ листа 239 помѣчено „не писать“ (грамота во Владимірѣ Плещееву о службѣ владимірцевъ въ украинномъ разрядѣ—марта 15 и черненныя списки, куда и кто—изъ подъячихъ—, писалъ таковы жъ грамоты“).

Л. 252—262. Этотъ любопытный отдѣлъ столбца заключаетъ подлинныя челобитья по вышеупомянутымъ (см. л. 39—40) мѣстическимъ спорамъ. Л. 252—254 (съ помѣтами „не писать“): 1) письмо 25-го апрѣля 133 г. съ казакомъ отъ Ѡ. Волконскаго изъ Михайлова; на оборотѣ надпись: „государю“ etc... внизу „въ разрядѣ“ и отиѣтка „государевъ указъ помѣченъ на Ульяновѣ отпискѣ Лапунова“. Это и слѣдующія челобитья сохраняютъ слѣды, какъ были сложены и запечатаны. Волконскій извѣщаетъ, что Лапуновъ пріѣхалъ 10 дней спустя послѣ срока и „приказалъ во мне холопу твоему съ сыномъ боярскимъ Григоріемъ Засѣкинмъ: въ сѣбѣжю де я избу къ тебе нѣ еду и быт с тобою у государева дѣла не хочю. И мнѣ, холопу твоему, вели с тѣмъ Ульяномъ свой государевъ указъ учинит, чтобы твоему государеву дѣлу поруки не было“. 2) Л. 255. Челобитье Ульяна Лапунова противъ И. Ловчикова; на оборотѣ адресъ, отиѣтка „апрѣля 24“ и помѣта (очевидно, та, о которой упоминаетъ предыдущій документъ): „указалъ государь послати свою государеву грамоту... будетъ Ульянъ Лапуновъ у государева дѣла со кн. Ѡ. Волконскимъ не сядетъ и въ сѣбѣжю избу не пріѣзжаетъ, и Ульяна за то посадитъ въ тюрьму, да о томъ во государю отписат.“ (Изложеніе челобитной см. въ печат-

номъ подлинникѣ стр. 1053—1054). 3) Л. 256: грамота къ Гагину въ смыслѣ „государева указа“; она напечатана въ Дв. разр., 678—679 (но въ столбцѣ-черновикѣ, безъ приписи дьяка). 4) Л. 257: отписка Гагина, что Ляпуновъ не слушается, тюрьмы на Михайловѣ нѣтъ, и онъ посадилъ его въ городню до указа. На оборотѣ адресъ, помѣта „133 г. мая 4 подалъ сынъ боярскій Матвѣйко Рандѣевъ“; на одномъ краю отмѣтка: „чтена“, на другомъ „розрядъ по (?) 133 году“. Въ печатномъ подлинникѣ изложена на стр. 1054—1055. 5) Л. 258: челобитье Григ. Плещеева противъ Салтыкова; на оборотѣ адресъ и помѣта: съ человекѣмъ Григ. Плещеева. Объ этомъ челобитѣ и резолюціи по нему упоминается въ Дворц. разр. I, 670. 6) Отписка И. Сукина, что Крюковъ списокъ не взялъ. Подана мая 2. На обор. помѣта: „чтена. Указалъ государь послат свою государеву грамоту, а велелъ Максима Крюкова за непослушанье, будетъ списокъ не возьметъ и у дѣла не будетъ, посадить въ тюрьму“. Изложена въ подлинникѣ на стр. 1057. 7) Грамота въ этомъ смыслѣ (вторая въ дѣлѣ Крюкова) изложена въ подлинникѣ на стр. 1057; текстъ ея въ Дворц. разр., 679. 8) Челобитье Крюкова (отвѣтъ, поданъ 15-го мая), что онъ, Крюковъ, „бояся твоей государевой опалы, списки взялъ, а менши, государь, мнѣ, холопу твоему, по своему отечеству кн. Ѳ. Волконскаго и Ив. Ловчикова быт не мочно“. Изложено въ „подлинникѣ“ на стр. 1058.

Л. 263—280. Грамоты (въ іюнѣ и іюлѣ) на Тулу Катиреву-Ростовскому (съ помѣтой, что таковы же посланы на Дѣдиловъ, Мценскъ, Пронскъ); въ Володимиръ Плещееву (съ помѣтой, что таковы же посланы въ Юрьевъ-Польскій, Муромъ, Нижній, Лухъ, Гороховець, Арзамасъ), володиміръцамъ другой половины, которые въ домахъ живутъ, о сборахъ на службу.

Л. 281—291. Отсюда помѣчено „писать“ и выписано въ подлинникѣ отъ сл. „іюля въ 6-й день“ (стр. 1102) до сл. „того жъ году на Волуйкѣ“ (стр. 1106).

Л. 292. „Не писать“ — грамота 7-го іюля на Тулу кн. Катиреву-Ростовскому.

Л. 293. Челобитье Ѳ. Волконскаго (получено 9-го іюля); изложено въ подлинникѣ 133 г. на стр. 1055.

Л. 294. Челобитье его же, чтобы не отсылать Ляпунова въ тюрьму въ Переяславль, потому что Ляпуновъ его этимъ позорить.

Л. 295—296. Грамота въ этомъ смыслѣ Пущину 15-го іюля; напечатана въ Дворц. разр., 711—713.

Л. 297. Челобитье Ѡ. Волконскаго, что Ляпуновъ опять не слушается (подана іюля 16).

Л. 298 — 299. Грамота Волконскому 17-го іюля, напечатана въ Дворц. разр. 713—714.

Л. 300. Отвѣтъ Пущина 26-го іюля на грамоту 15-го іюля (л. 295—396); на оборотѣ надпись: „взятъ къ отпуску“. Изложена въ нашемъ подлинникѣ на стр. 1055—1056: Ляпуновъ списки взялъ.

Л. 301—302. Отписка Ѡ. Оболенскаго іюля 17-го съ надписью на оборотѣ: „чтена: взять къ дѣлу“.

Л. 303—307. Грамота на Тулу кн. Катиреву 21-го іюля (съ помѣтой, что таковы посланы во всѣ полки).

Л. 308 — 311. Челобитье Волконскаго, подано 22-го іюля, съ помѣтой: „государевъ указъ посланъ: велѣно ему (Ляпунову) бити у дѣла по прежнему указу: а не ѣдетъ, и ево посадятъ въ тюрьму, и онъ бы однолично промышлялъ со всѣми людьму не оплошно“. Въ концѣ челобитья помѣтка: „по сей отпискѣ грамота не послана для того, что Ульянъ Ляпуновъ у кн. Ѡ. Волконскаго списки взялъ“. Ср. выше л. 300.

Л. 312—317. Отписка Катирева и Плещеева, подана 2-го августа; помѣта на оборотѣ: „чтена“.

Л. 318. „Того жъ году были въ городѣхъ бояре и воеводы“ — зачеркнуто. На оборотѣ: роспись полковая 133 году.

Далѣе, послѣ пустаго листа, на л. 320 начата переписка на бѣло части книги съ стр. 1051: „лѣта 7133 марта въ 13 день“ и т. д. Въ остальной части столбца листы перебиты, За выписаннымъ изъ л. 281—291 столбца на стр. 1106 подлинника (см. выше) слѣдуетъ: „того жъ года на Валуйкѣ“ — это мѣсто отчасти соотвѣтствуетъ л. 381 разрядн. столбца. На л. 383 надписано: того жъ году по городомъ бояре и воеводы и приказные люди (ср. стр. 1106—1107); но далѣе идетъ другая надпись, тѣмъ въ подлинникѣ: „а по украиннымъ городамъ воеводы и съ ними люди“. Помѣты „писать“ идутъ и здѣсь и точно соотвѣтствуютъ выписаннымъ мѣстамъ въ подлинникѣ (стр. 1107—1152). Но порядокъ въ „подлинникѣ“ совсѣмъ иной, и между столбцомъ и книгой въ этомъ мѣстѣ нужно предположить еще посредствующее звено. Это предположеніе, можетъ быть, подтверждается тѣмъ, что къ помѣтамъ „писать“ присоединяются въ этой части постоянныя помѣты (возлѣ первыхъ): „справить“. Совершенно нѣтъ соотвѣтствующей части въ столбцахъ для стр. 1153—1166 подлинника. Но для процесса составленія „записки счетныхъ дѣлъ“, которой

обыкновенно кончаются книги—подлинники, мы можемъ привести иллюстрацію изъ такой же записки предыдущаго 132 года. Для „записки счетныхъ дѣлъ“ 132 года можно указать источникъ въ столбцѣ 17-мъ московскаго стола: при сравненіи оказывается (ст. 17, № 2), что начало и конецъ дѣла—поводъ къ нему и государевъ указъ—выписаны буквально; а средняя часть, самое челобитіе князя Звенигородскаго на Татева, изложено сокращенно по подлинному документу, находящемуся при дѣлѣ.

Предложенное сличеніе столпа съ подлинникомъ 133 г. даетъ, какъ намъ кажется, полное разъясненіе тому, какъ составлялись разрядныя книги въ XVII в. Подлинникъ писался по матеріаламъ предыдущаго года, которые специально для этой цѣли выдѣлялись изъ другихъ документовъ разряда по мѣрѣ накопленія, затѣмъ располагались хронологически; составитель съ перомъ въ рукѣ перебиралъ ихъ, отмѣчая, что писать и чего не писать въ книгу, вставляя связующія фразы на самыхъ документахъ на не дописанныхъ мѣстахъ; если не хватало мѣста,—на оборотѣ; потомъ все отмѣченное и приписанное прямо переносилось въ книгу. Оставалось, такимъ образомъ, въ сторонѣ значительное количество подлинныхъ документовъ: преимущественно входящія бумаги не переписывались, а излагались вкратцѣ для болѣе ясной мотивировки исходящихъ документовъ. Мѣстническія отношенія, судя по вставкамъ въ нашей книгѣ и постоянному веденію „записки счетныхъ дѣлъ“, по видимому, особенно интересовали редактора; назначенія не состоявшіяся, какъ служба другой половины въ случаѣ „большихъ вѣстей“ въ 133 году, выпускались. Такимъ образомъ, наши разрядныя книги суть результатъ двойной выборки: среди документовъ разряда выбираются документы известнаго рода, и въ нихъ самихъ отдѣляется нужное отъ ненужнаго.

Процессъ составленія разрядныхъ книгъ XVII вѣка, такимъ образомъ, ясенъ. Но разрядныя XVII вѣка отдѣлены отъ разрядныхъ XVI вѣка довольно значительнымъ промежуткомъ смутнаго времени: „какъ пришелъ къ Москвѣ воръ рострига Гришка Отрепьевъ і царя и великаго князя Василья Ивановича царство на 121 годъ, по царство великаго государя царя і великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи розряды не писываны“. Такъ гласитъ собственное показаніе источника; но нельзя не остановиться передъ этимъ показаніемъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Разрядъ существовалъ и дѣйствовалъ даже въ междоцарствіе (ср. Изборн. Попова, 351,2), не говоря о времени Шуйскаго (ср. *ibid.*, 335); трудно допустить, чтобы пись-

менное дѣлопроизводство приказа остановилось ¹⁾. Въ мѣстническихъ дѣлахъ, дѣйствительно, встрѣчаются ссылки на разряды, бывшіе при царѣ Василіи (Шуйскомъ), см. Разр. кн. I, 86—87; Дворц. разр. 121, 218; въ разрядѣ 114 года производится справка объ окладчикахъ при верстанѣхъ (Разр. кн. I, 938); ссылки на разрядъ 115 года дѣлаются въ мѣстническихъ дѣлахъ (Р. Сб. V, 112, 170); наконецъ, ссылка на одинъ случай при Растригѣ не только допускается, но даже повторяется въ официальномъ документѣ (Разр. кн. I, 667—670). Необходимо добавить, съ другой стороны, что разрядъ 113 года оказывается не написаннымъ (Р. Сб. V, 176); а одинъ походъ при Шуйскомъ сыскивается „бояры, которые тотъ походъ помнятъ“, съ участіемъ дьяка, который былъ во время похода въ разрядѣ, и которому „про то вѣдать мочно“ (Дворц. разр. I, 138—139). Всѣ эти ссылки на разряды смутнаго времени и царя Василія взяты изъ документовъ до пожара 1626 года, когда разряды смутнаго времени скорѣе могли сохраниться. Если они не сохранились, можно только предположить, что они были истреблены въ самое время смуты. Но что же значить выраженіе источника: „разряды не писываны“?

Въ рукописной описи вынесенныхъ изъ пожара дѣлъ эти и предыдущія слова написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: „какъ пришло въ Москвѣ воръ рострига Гришка Отрепьевъ по 121 годъ разряды... книги не писываны“. Слова эти приходятся на оборотѣ 2-го листа внизу страницы, такъ что словомъ „разряды“ кончается строка, а съ слова „книги“ начинается слѣдующая. Но начало этой слѣдующей строки оторвано, такъ что слово „книги“ стоитъ отступя направо отъ начала остальныхъ строкъ: въ оторванной части оставалось такимъ образомъ мѣсто для одной буквы. Кажется, можно сдѣлать только два предположенія о томъ, какая буква оторвана передъ словомъ „книги“: или „и“ или „в“. Такимъ образомъ въ зачеркнутомъ стояло или „разряды и книги не писываны“, или „разряды въ книги не писываны“ ²⁾. Второе чтеніе дало бы полную возможность объяснить наше недоумѣніе. Разряды въ смыслѣ подлинныхъ документовъ писались и въ смуту, но книги по нимъ, подобныя подлинникамъ XVII вѣка, составлены не были; когда погибли основные документы—

¹⁾ Свѣдѣнія о персоналѣ и дѣятельности разряда за это время собраны въ книгѣ Н. П. Лихачева, стр. 525—547.

²⁾ Естественность такого выраженія доказывается постояннымъ заглавіемъ подлинниковъ XVII вѣка: „книга, а въ ней писанъ разрядъ такого-то году“.

въ пожаръ ли 1626 года, или во время смуты (что, можетъ быть, вѣроятнѣе въ виду приведеннаго мѣста Дв. разр. I, 138—139),—то можно было говорить вообще: разряды не писаны, или „не написаны“, какъ еще характернѣе выражается Р. Сб. V, 176. Новая династія, конечно, не была расположена узаконять мѣстныя прецеденты смутной эпохи, и можетъ быть, этимъ объясняется болѣе общее и неточное выраженіе, замѣнившее зачеркнутое въ нашей описи: „разряды не писаны“. Выраженіе „разряды и книги“ также естественно (см. Р. Сб. V, 35); во такъ какъ можно считать несомнѣннымъ, что разряды смутной эпохи (въ смыслѣ подлинныхъ документовъ) писались и существовали, то и это выраженіе мы должны принимать за *ἐν δὲ δόξῃ* и толковать въ томъ же смыслѣ, что только книги не составлены за это время по подлиннымъ документамъ.

Принявъ то положеніе, что въ смутную эпоху книги не составлялись по разряднымъ документамъ, мы должны вывести далѣе, что составленіе такихъ книгъ, какъ наши подлинники XVII вѣка, есть дѣло новой династіи. Эти подлинники, какъ мы видѣли, составлялись правильно по истеченіи года; еслибы то же было и въ смутное время, то, по крайней мѣрѣ въ правленіе Шуйскаго, не могло не быть составлено нѣсколькихъ книгъ-подлинниковъ. Но относительно нашихъ разрядныхъ книгъ XVI вѣка трудно даже предположить, чтобы эти книги составлялись каждый годъ особо: для этого объемъ отдѣльныхъ годовъ слишкомъ ничтоженъ. Я считаю доказаннымъ, что первая книга сразу составила изъ матеріаловъ за три четверти вѣка. Если обратимъ вниманіе на содержаніе дальнѣйшихъ книгъ, вынесенныхъ изъ пожара, то замѣтимъ, что всѣ онѣ кончаются съ окончаніями царствованій государей. Вторая доходитъ до смерти Грознаго, третья до смерти Феодора, четвертая до смерти Бориса. Нельзя ли предположить, что сводъ столбцовъ въ книгу дѣлался въ XVI вѣкѣ по окончаніи царствованій? Конечно, это предположеніе требуетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ, въ XVI вѣкѣ (съ 1556 г.) мы знаемъ уже не три рода документовъ: столбцы, подлинники и перечни, а только два — столбцы и книги, вынесенные изъ пожара и тождественные съ сохранившимися разрядными XVI вѣка.

Смѣшивая столбцы съ подлинниками въ XVII вѣкѣ, Н. П. Лихачевъ и для XVI вѣка считаетъ возможнымъ говорить о „подлинникѣ разряда“ (стр. 316) въ смыслѣ подлинныхъ документовъ; естественно, для характеристики сохранившейся книги ему остается другой тер-

минъ XVII вѣка — „перечневая“. Къ этому, слѣдовательно, сводится теперь разница нашихъ взглядовъ: я полагаю, что въ XVI вѣкѣ нѣтъ различія между подлинникомъ и перечнемъ; что то и другое появилось въ XVII вѣкѣ, въ XVI же вѣкѣ существовали столбцы и составлявшіяся изъ нихъ по временамъ книги; а Н. П. Лихачевъ думаетъ, по видимому, что подлинники (они же и подлинныя документы) существовали всегда, а наша книга есть „перечневая“. Я надѣюсь, однако, что послѣ того, какъ выясненъ смыслъ термина „подлинникъ“ въ употребленіи документовъ XVII вѣка и въ моемъ употребленіи, намъ легче будетъ сойтись во взглядахъ съ г. Лихачевымъ, и весь споръ сведется къ спору о словахъ. Кажется, единственное мѣсто, въ которомъ Н. П. Лихачевъ мотивируетъ свое мнѣніе, что древнѣйшая разрядная книга, намъ извѣстная, есть перечневая, — слѣдующее (стр. 315): „Внимательное чтеніе разрядныхъ книгъ, сохранившихся до настоящаго времени, можетъ привести насъ къ нѣкоторымъ важнымъ наблюденіямъ. Невольно обращаетъ на себя вниманіе тотъ характеръ простаго перечня, который носитъ текстъ разрядныхъ книгъ половины XVI столѣтія: указанъ разрядный случай, записана роспись воеводъ, иногда приведены головы — и только. Изрѣдка попадающіяся указанія на источники: „а въ нарядѣхъ писано“ свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло лишь съ извлеченіемъ изъ основныхъ документовъ“...

Итакъ, Н. П. Лихачевъ называетъ нашу книгу „перечневою“ потому, что она составляетъ лишь „извлеченіе“ изъ основныхъ документовъ, а не переписываетъ ихъ цѣликомъ. Съ послѣднимъ я совершенно согласенъ и никогда не представлялъ себѣ разрядной книги XVI вѣка, какъ заключающей въ себѣ *in extenso* подлинныя документы разряда. Цѣль составленія этой книги — мѣстническая справка, и далеко не все, чтѣ заключалось въ государевыхъ разрядахъ, нужно было для мѣстническихъ справокъ. Мы видѣли, однако, что и подлинникъ XVII вѣка, хотя онъ несравненно ближе къ подлиннымъ документамъ и поэтому гораздо объемистѣе, тѣмъ не менѣе тоже подходит по опредѣленію г. Лихачева подъ терминъ „перечневая“ книга, потому что и онъ есть не болѣе, какъ „извлеченіе изъ основныхъ документовъ“. Но воплѣ признавая, что текстъ разрядныхъ книгъ XVI вѣка составляетъ только „извлеченіе изъ основныхъ документовъ“, я нисколько не думаю выводить отсюда, что текстъ этотъ носитъ „характеръ простаго перечня“. Если Н. П. Лихачевъ терминъ „перечня“ хочетъ обозначить только это свойство — „извлеченіе“, тогда между нами разница только въ словахъ; но если онъ подѣ

перечнемъ разумѣть реестръ, указатель ¹⁾, тогда необходимы дальнѣйшія разъясненія. Мы не знаемъ, чтò такое была „перечневая“ Михайлова царствованія, потому что она не сохранилась; изъ названія тоже трудно сдѣлать какое-нибудь заключеніе, такъ какъ терминъ „перечень“ имѣеть очень широкій и относительный смыслъ. Собственно разрѣшить этотъ споръ, если онъ существуетъ, могло бы только сравненіе нашего текста съ подлинными документами. Когда я составлялъ свою статью въ Чтеніяхъ, я не зналъ еще, что существуютъ болѣе подробныя извлеченія изъ этихъ навсегда потерянныхъ документовъ, чѣмъ наша книга, слѣдовательно, сравненіе возможно. Пересматривая лѣтомъ прошлаго года разрядныя книги Императорской Публичной Библиотеки, я познакомился съ подробнымъ разрядомъ похода 1563 года, несомнѣнно официального происхожденія ²⁾. „Книга Полоцкаго похода“, справедливо говоритъ Н. П. Лихачевъ (стр. 323),—представляетъ драгоценный, единственный въ своемъ родѣ разрядный памятникъ. Здѣсь мы найдемъ и подробныя росписи дѣтей боярскихъ, и наказы, и переписки въ разрядныхъ росписяхъ, записанныя въ формѣ дневника. Сравненіе этой разрядной съ текстомъ, напечатаннымъ въ Древней Росс. Вивлюэикѣ, можетъ наглядно показать разницу между разрядами перечневыми и подлинниками“ (я выразился бы: „между нашею разрядною и подлинными документами XVI вѣка“). Почему же Н. П. Лихачевъ не сдѣлалъ этого сравненія или не познакомилъ съ нимъ читателя? Это было бы самымъ существеннымъ шагомъ впередъ въ изученіи текста и исторіи составленія разрядныхъ книгъ XVI вѣка. По видимому, онъ не сдѣлалъ

¹⁾ См. стр. 324, гдѣ говорится именно о „справочномъ указателѣ“.

²⁾ Q. IV. № 70,—четыре тома подъ заглавіемъ: Acta magni Ducatus Lithuaniae. Всѣ эти томы заключаютъ въ себѣ отчасти копии, отчасти подлинники официальныхъ документовъ Московскаго правительства: списокъ утвержденной грамоты всего освященнаго собора и государевыхъ бояръ—о выборѣ Борися; описаніе спорныхъ мѣстъ между русскою и литовскою границей 1707 г.: Полоцкаго повѣта и пригородовъ—Сокола, Туровля, Краснаго, Бопья, Кречата (въроятно, это то самое описаніе, которое упоминается въ описи Царскаго архива, въ ящикѣ 168-мъ), дипломатическіе документы по переговорамъ Сюпина-Шуйскаго со шведами; знаменитая опись Царскаго архива, напечат. въ А. Арх. Э. I, № 289. Въ третьемъ томѣ находится и нашъ походъ; изъ книги Н. П. Лихачева я узналъ, что онъ напечатанъ въ IV томѣ „Витебской Старины“ г. А. Сапуновымъ (Витебскъ. 1885); г. Лихачевъ сообщилъ поправки по сличеніи печатнаго текста съ рукописью (стр. 323). Къ сожалѣнію, печатнаго текста мнѣ до сихъ поръ не удалось видѣть.

этого по той же причинѣ, по которой онъ нѣсколько разъ спрашиваетъ меня: совпадаетъ ли та или другая выписка несомнѣнно изъ государева разряда съ текстомъ, признаваемымъ мною за officialный (стр. 297—298). Конечно, этотъ текстъ выдержать испытаніе: мѣста, о которыхъ идетъ рѣчь, повторяются въ немъ съ буквальной точностью; но почему Н. П. Лихачевъ не могъ навести самъ этой пустой справки? По видимому, у него не имѣется подъ руками officialнаго текста, и ему не извѣстно, какъ относится къ этому тексту—тексту, напечатанный въ Древн. Росс. Вивліонѣ. Между тѣмъ сличеніе officialнаго текста съ текстомъ Полоцкаго похода разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія относительно существа дѣла. Предложу теперь это сличеніе.

Полоцкій походъ начинается подробнымъ заглавіемъ: „црь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси приговорилъ з братомъ своимъ Юрьемъ Васильевичемъ etc.... какъ ему оужъ дастъ Богъ самому идти для своего дѣла и земскаго на недруга своего короля Литовскаго Жигимонта Августа на зимѣ и по которымъ мѣстомъ гсдрскимъ людемъ збиратися и на которой срокъ“. Виѣсто этого въ нашемъ текстѣ стоитъ короткое заглавіе: „лѣта 7071 декабря походъ царя и великаго князя къ Полоцку зимою“. Подъ заглавіемъ слѣдующее мѣсто отъ словъ „а съ цремъ“ до словъ „стоварищи“ извлечено буквально. Далѣе „а се роспись (подробный перечень рубрикъ составныхъ частей войска)“—пропущено. Далѣе изъ отдѣла: „а по полкомъ государь росписалъ“—сдѣланы извлечения; напримѣръ, въ большомъ полку воеводы всѣ выписаны, а фраза „а съ ними деревскіе пятинны, которые были на году на Лукахъ, да волочане, литва лидынская, ружане, рязанцы, etc...“ пропущена; слѣдующая фраза: „да въ большомъ же полку княж Володимеровы Андрѣевича бояре и приказные люди“ сохранена, и къ ней прибавлено изъ другаго мѣста, что „съ Шигалѣвымъ дворомъ былъ князь Семенъ Палецкой“. Въ такомъ же родѣ идутъ извлечения и прибавки и въ другихъ полкахъ; всѣ выписаны, при разныхъ полкахъ, лица, представленные къ инородцамъ, къ посохѣ. Далѣе „а се роспись, въ которыхъ городехъ людемъ збиратися“—пропущена; пропущенъ и срокъ, и распоряженіе, чтобъ дѣти боярскіе по городамъ себѣ запасъ пасли на всю зиму и до весны и лошади кормили, и посылава головъ дѣтей боярскихъ збирати пѣшихъ людей, роспись, кому быть съ годовыхъ служебъ, приказъ собрать митрополичьихъ и архіерейскихъ людей. Послѣ этого пропуска выписано, кому государь велѣлъ быть

въ окольныхихъ, съ сокращеніемъ редакціи; для образца сокращеній привожу оба текста параллельно:

Полоцкій походъ: „Октября 24 дня царь и великій князь приказалъ велѣлъ быти въ окольныхихъ Захарье Ивановичу Очину Плещееву, а велѣлъ имъ быти въ Можайску на филипово загovenье и двory роздать.

Ноября 29 црь и великій князь отпустилъ передъ собою окольныхихъ Офонася Андреевича Бутурлина, да Василя Петровнча Головина.

И ноября 30 дeвъ црь и великій князь для своего дѣла и земского пошелъ съ Москвы служить молебень у пречистой Едцы и у великихъ чудотворцевъ и шелъ пѣшь до Бориса и Глѣба, что на Арбатѣ, а провожалъ его Макарій митрополитъ со кресты etc....

Официальный текстъ: „А въ окольныхихъ велѣлъ гедрь быт Захарье Ивановичу Очину Плещееву ¹⁾, да Дмитрею Григорьеву сѣ у Плещееву, а велѣлъ имъ въ Можайску двory роздават

А передъ собою гедрь отпустилъ въ окольныхихъ Офонася Андреевича Бутурлина да Василя Петровнча Головина.

А пошелъ црь и великій князь для своего дѣла и земсково с Москвы ноября въ 30.

Нельзя не согласиться, что такія выписки слишкoмъ подробны для перечневой книги (въ смыслѣ указателя):

Дальнѣйшій дневникъ похода и роспись, которымъ людямъ быти съ царемъ и въ остальныхъ полкахъ (л. 21—41 об.), пропущена, а дальше выписано (подрядъ, послѣ цитированнаго выше): „а со цремъ и великимъ княземъ бояре“ (л. 43), и далѣе въ размѣрѣ цѣлаго листа (415-й въ Арх. ³⁹⁵/₃₄₇): подобныя сплошныя выписки представляютъ прекрасный случай убѣдиться въ превосходномъ состояніи официального текста) до сл. „подьячей у суда: Иванъ Алексѣевъ“. Далѣе пропущено заглавіе „ропись царва и великог князи полку, которымъ быти в рындахъ и в поддатнех, и которым быти въ ясоулѣх и в дозорщикех и в поешикех и выныхъ посылкахъ“; а затѣмъ опять сплошь выписано: рынды: у большого саадака и т. д.—всего три страницы (л. 416—417). Затѣмъ „кнзи и дѣти боярскіе, которымъ спати въ стану, головы въ становыхъ сторожах из спальниковъ, дозорщики“ пропущены (48 об.—52), но выписанъ (съ л. 52 об.) къ знамени Ми-

¹⁾ Какъ видимъ, официальный текстъ въ данномъ мѣстѣ исправилъ текста полоцкаго похода, потому что возстановляетъ его пропускъ. Любопытно, что въ Арх. ⁹⁸/₁₂₉ видимъ тотъ же пропускъ.

хаялъ Васильевъ сынъ Годуновъ“; потомъ опять пропускъ: „а дѣти боярскіе и городовые къ знамени, х кошамъ; князи и дѣти боярскіе прибраны въ ясоулы, столъники ясоулы; которымъ отъ государя быти на посылки: столъники, стряпчіе и жильцы, которыхъ съ головами въ посылки не писати и которые за расходомъ остались“ (л. 53—57) — все это пропущено. Въ Полоцкомъ походѣ слѣдуетъ продолженіе дневника похода: и декабря 18 црь и великій князь изъ Можайска къ Лукамъ Великимъ для своего дѣла и земскаго пошелъ etc...“ Весь этотъ походъ въ собственномъ смыслѣ, приходъ подъ Полоцкъ, начало осады, пожаръ острога и посадка, плѣнь 11,060 человекъ—все это пропущено (л. 68—94) вплоть до 13-го февраля; здѣсь среди событій 13-го февраля выписано: „и февраля въ 13 день (въ № 70: того жъ дни) привели ко црю и великому князю казанскіе татарове изъ загоновъ дву литвиновъ“ etc. Эта, по видимому, случайная выписка сдѣлана потому, что извѣстіе, сообщенное этими литвинами, о приходѣ Ходкѣвича съ 40,000 войска, вызвало новое назначеніе; весь ихъ разказъ выписанъ силошь до „Варкалап“ (въ № 70 здѣсь прибавлено: стоитъ отъ Бобынич за три мили); далѣе опять сплошная выписка: и црь и великій князь отпустилъ Ибака; перечень отпущенныхъ съ Ибакомъ татаръ выпущенъ, но роспись воеводъ по полкамъ выписана (л. 418). Всѣ дальнѣйшія событія, движеніе царевича и кн. Юрія къ Бобыничамъ, смерть кн. Юрія, возвращеніе отряда, приступъ и взятіе Полоцка, отступленіе виленскаго воеводы отъ р. Черницы, въѣздъ государя въ Полоцкъ,—пропущены (л. 95 об.—104). Выписано только распредѣленіе, „кому быти въ Полоцку и годовати“. вмѣсто пропуска вставлена для связи фраза: „а какъ црь и великій князь городъ Полоцкъ взялъ“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи слова „велѣлъ быти“ мѣстами измѣнены на „были“. Выписка идетъ до сл. „Борису Щепину“; далѣе въ № 70 слѣдуетъ: „а наказ данъ боярину кн. Петру Ивановичю Шуйскому таков: память бояромъ“ etc... (л. 105 об.—119 об., весь наказъ приведенъ), отпуски къ Москвѣ съ извѣстіемъ о взятіи Полоцка, перемѣны головъ,—все это выпущено до 23-го февраля, когда „того жъ дни црь и великій князь разписалъ бояръ и воеводъ и велѣлъ имъ быти по полкамъ“. Въ официальномъ текстѣ этотъ разрядъ введенъ слѣдующей фразой: „а какъ црь и великій князь пошелъ къ Москвѣ: росписалъ и т. д.“; онъ занимаетъ почти листъ (419-й). Далѣе—24-е, 25-е февраля—распоряженія пропущены; выписано изъ февраля 26-го: „црь и великій князь велѣлъ идти напередъ къ Невлю сторожевому полку“ (л. 129 об.; въ

офиц. текстѣ: „а велѣлъ гсдрѣ ити на передъ к Невлю сторожевому полку“). Отсюда остальной разказъ о возвращеніи опущенъ (л. 130—132) до 3-го марта, изъ котораго выписаны слова, сплошь примыкающія къ приведеннымъ: „а на Невлю гсдрѣ оставилъ воеводу“ и т. д. (въ № 70, л. 133: „того жъ дни прѣ и великій князь оставилъ на Невлѣ воеводу“) до сл. „Чеглокова“; остальные слова: „а с ними быть дѣтямъ боярскимъ, которые были въ походѣ“ и т. д.— пропущены: также и дальнѣйшее до „росписи по годовымъ службамъ отъ немѣтскихъ городовъ и от литовскихъ украинъ“. Эта роспись выписана непосредственно за сл. „Чеглокова“ и введена фразой: „а какъ гсдрѣ пошелъ съ Лукъ к Москвѣ: росписалъ по годовымъ“ и т. д. Въ самой росписи сдѣланы сокращенія: въ Юрьевѣ выпущены послѣ „Дашкова“ передъ „Карповымъ“ слова: „да въ Юрьевѣ жъ готовъ на третей годъ съ Петрова заговѣнья (Карповъ)“; передъ „Сабуровымъ“ выпущено: роспись дѣтямъ боярскимъ съ каждымъ изъ воеводъ (съ цифрами). Такъ и далѣе пропущены сроки, на которые назначены воеводы въ росписи и количество служилыхъ людей съ ними (л. 138—151). Здѣсь и кончается рукопись Полоцкаго похода; въ официальномъ текстѣ слѣдуетъ „того жъ лѣта роспись отъ поля“.

Изъ этого сличенія видно, что нашъ текстъ заразъ и слишкомъ подробенъ, и слишкомъ отрывоченъ, чтобы быть „перечнемъ“ въ смыслѣ указателя: въ немъ выпущены десятки однихъ страницъ, а другія страницы переписаны сплошь. Это не перечень, а выборка съ извѣстною цѣлью: съ цѣлью извлечь все, что можетъ пригодиться для справки о служебныхъ назначеніяхъ. Въ XVII вѣкѣ, когда сторѣли подлинныя разряды, эта выборка дѣйствительно сдѣлалась единственнымъ источникомъ для справокъ; въ XVI вѣкѣ, вполне возможно, что справки дѣлались, какъ по выборкѣ, такъ и по подлиннымъ документамъ. Въ своей прежней статьѣ я приводилъ соображенія и цитаты въ пользу того, что справки (конечно, послѣ 1556 г.) именно дѣлались по извѣстнымъ намъ „книгамъ“, а не по подлиннымъ документамъ¹⁾. Случай, приведенный Н. П. Лихачевымъ на стр. 316, убѣдилъ

¹⁾ Стр. 9 и прим. 10: между прочимъ я указалъ на то, что въ мѣстническихъ справкахъ повторяется ошибка официального текста, помѣщающаго одинъ и тотъ же разрядъ въ двухъ разныхъ годахъ (7023 и 7027). Н. П. Лихачевъ предполагаетъ, что это не ошибка, и что одинъ разрядъ изъ десяти лицъ могъ дѣйствительно повториться. Возможность очень слабая, которая еще уменьшается тѣмъ, что оба разряда были изъ Ржева, въ обонхъ предвидится встрѣча съ княземъ Вас. Шуйскимъ. Въ 7023 г. Вас. Шуйскій, положимъ, былъ тоже

меня, что справки до пожара дѣлались также и по подлиннымъ документамъ; именно, выписка изъ Казанскаго похода сдѣлана не по официальномъ тексту, а по документу, столь же подробному, какъ Полоцкій походъ (см. Русск. Сб. V, 27). Изъ двѣнадцати строкъ этой выписки въ официальный текстъ попало только двѣ съ половиной: „въ Путивле намѣстникъ и воевода князь Федоръ князь Ивановъ сынъ Кашинъ, да Григорій Ивановъ сынъ Нагово, да Бахтеяр Григорьевъ сынъ Зюзинъ“. Но во всякомъ случаѣ остается вѣрнымъ, что справки наводились, какъ показываютъ самыя выраженія мѣстничаящихся, одинаково „разряды и книгами“, — именно известными намъ книгами, какъ я продолжаю думать; такимъ образомъ, книги имѣютъ самостоятельное значеніе рядомъ съ документами. Названіе „перечневой“ можетъ быть приложено къ нимъ, только чтобъ указать на ихъ характеръ „извлечения“; но тогда что мѣшаетъ назвать перечневой и „подлинникъ“ XVII вѣка? Уже то обстоятельство, что отъ XVI вѣка сохранились только наши книги, а отъ XVII вѣка только подлинники, показываетъ, что книги XVI вѣка служили той же цѣли, какъ книги XVII вѣка, и что послѣднія были прямымъ продолженіемъ первыхъ. Доказать, что книги XVI вѣка суть „перечневныя“, можно не иначе, какъ найдя „перечневую“ времени Михаила и подлинники XVI вѣка, а до тѣхъ поръ — характеризовать нашу разрядную, какъ перечневую, значить объяснять *obscurum per obscurius*.

Остается разобрать еще одинъ очень интересный вопросъ. Мы познакомились выше съ Полоцкимъ походомъ 1563 г., затѣмъ видѣли слѣды существованія „Казанскаго похода“, столь же, по видимому, подробнаго ¹⁾; Н. П. Лихачевъ съ полнымъ основаніемъ указываетъ еще одинъ подобный документъ: Ливонскій походъ 1577 г. (стр. 323). Является вопросъ, что же такое сами эти документы?

Мы предполагали до сихъ поръ во второй половинѣ XVI вѣка два типа разрядныхъ документовъ: столбцы и наши книги. Документы названныхъ походовъ второй половины XVI вѣка не подходятъ ни къ тому, ни къ другому типу. Наши „книги“ суть только извлечения изъ нихъ; съ другой стороны, какъ они близко ни стоятъ

назначенъ въ Литовскую землю, но зимой, а въ 7027 и Шуйскій, и нашъ разрядъ были назначены въ одномъ мѣсяцѣ — июль. Кроме того, упоминаемый въ 7027 г. въ большомъ полку Михаилъ Вас. Горбатый въ 7023 г. долженъ былъ служить еще въ правой рукѣ по другой росписи.

¹⁾ См. также книгу Н. П. Лихачева, стр. 324.

къ подлиннымъ документамъ, тѣмъ не менѣе это не подлинныя документы, а составленныя по нимъ книги. Еслибъ это были книги XVII вѣка, мы безъ затрудненія назвали бы ихъ подлинниками. Мы не знаемъ, употреблялся ли этотъ терминъ въ XVI вѣкѣ; тѣмъ не менѣе эти походы — прямые предшественники подлинниковъ XVII вѣка. Вотъ почему я на этотъ разъ соглашаюсь вполне съ Н. П. Лихачевымъ, что эти походы можно назвать разрядными подлинниками XVI вѣка. Но существованіе ихъ еще не доказываетъ существованіе непрерывнаго „подлинника“ XVI вѣка и не превращаетъ нашей книги въ „перечневую“. Какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкѣ изъ документовъ разряда дѣлались извлеченія не только для мѣстныхъ цѣлей, но и для другихъ специальныхъ. Въ нѣсколькихъ книгахъ Московскаго стола (архивъ министерства юстиціи) мы видимъ образцы такихъ выписей: книга № 11 — выписка о лицахъ, бывшихъ у стола Филарета Никитича 131—137 года; № 15 — выписки о лицахъ, бывшихъ при приѣмѣ пословъ и въ дипломатическихъ посланкахъ 132 — 143 годы (обѣ напечатаны въ Дворц. разр. I); № 14 — выписка, какіе въ которомъ году были воеводы въ украинномъ разрядѣ за 132—160 годы и т. п. Въ описи царскаго архива XVI вѣка видимъ образцы такихъ же специальныхъ выписокъ (ящикъ 187: списокъ воеводъ смоленскихъ, въ которомъ году сколько съ ними было людей). Специальную цѣль подробнаго составленія документовъ, въ родѣ Полоцкаго, Казанскаго, Ливонскаго походовъ можно, кажется, угадать. Очень возможно, что они и составлены были только для этихъ чрезвычайныхъ, крупныхъ событій XVI вѣка, — тѣхъ походовъ, въ которыхъ участвовалъ самъ царь. По описи царскаго архива въ ящикѣ 217-мъ хранился еще разрядный документъ, совершенно напоминающій нашъ Полоцкій походъ: „ропись государева полку и перечни, какъ царь и великій князь былъ въ Серпуховѣ 7064 года“ (съ помѣтой: „взата къ государю“). Этимъ же обстоятельствомъ, личнымъ участіемъ государя, объясняется, вѣроятно, и то, что въ ящикѣ 181 мы находимъ „выписи разрядные, воеводы по полкомъ и разрядъ смоленской (1513 г.)“. Этимъ же объясняется присутствіе въ царскомъ архивѣ разрядовъ свадебъ царской фамиліи или лицъ, близкихъ царскому дому ¹⁾. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что разрядъ Полоцкаго похода

¹⁾ Въ четырехъ ящикахъ—152: „книги свадебныя“; 215: „списокъ свадьбы князя Ивана Дмитріевича Бѣлскаго“; 216: „списокъ князь Володимеровы Одревича свадьбъ“; 228: „списки князь Юрьевы свадьбы Васильевича“. Сличеніе подробныхъ разрядовъ свадебъ съ свадьбами нашего официальнаго текста я предполагаю сдѣлать при печатномъ изданіи.

попалъ въ польскія руки изъ царскаго же архива (вмѣстѣ съ описью спорныхъ порубежныхъ мѣстъ и съ самою описью архива). Такимъ образомъ, мѣстонахождение этихъ документовъ подчеркиваетъ цѣль, съ которою они составлены. Царскіе походы и свадьбы могли составляться и въ XVI в. особенно подробно и близко къ подлиннымъ документамъ; но отсюда нельзя дѣлать вывода о существованіи сплошнаго подлинника, столь же подробнаго. Остальные документы продолжали лежать въ черникахъ и оригиналахъ, и между ними и нашею книгой мы не знаемъ посредствующаго звена. Чтобъ обозначить отношеніе нашей книги къ подлиннымъ документамъ, опись царскаго архива предлагаетъ намъ терминъ болѣе общій, болѣе соответствующій веденію разрядовъ въ XVI в., чѣмъ термины „перечневая“ или „подлинникъ“: „выписи разрядныя“; и царскіе походы, и списки смоленскихъ и украинныхъ воеводъ, и наша книга, и даже подлинники XVII в. суть именно „выписи разрядныя“, болѣе или менѣе подробныя.

Какъ видитъ читатель, замѣчанія и данныя, сообщенныя Н. П. Лихачевымъ, помогли мнѣ во многомъ уяснить процессъ составленія разрядныхъ. Естественно поэтому будетъ закончить статью выраженіемъ благодарности автору книги „Разрядные дьяки XVI вѣка“. Кто работалъ въ глухихъ дебряхъ узко-спеціального вопроса, тотъ хорошо знаетъ, какъ пріятно встрѣтиться среди подобной одиночной работы съ товарищемъ по спеціальности и продолжать работу въ ожиданіи немедленной и вполне компетентной провѣрки.

Н. Миллюковъ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). С. С. Трубачева. С.-Пб. 1889.

Давно уже была почувствована необходимость обзорнiя постепеннаго развитiя взглядовъ русской критики на Пушкина, обзорнiя, въ которомъ видно было бы развитiе русскаго общественнаго сознанiя, подъ разными влiянiями болѣе и болѣе проникавшаго въ сущность и смыслъ Пушкинской поэзи. Авторъ разбираемой книги поставилъ въ началѣ ея эпиграфомъ слѣдующiя замѣчательныя слова Бѣлинскаго: „Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленiямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознанiи общества. Каждая эпоха произноситъ свое сужденiе, и какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за ней эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, а ни одна, и никогда не выскажетъ всего“... Удовлетворенiе потребности въ историческомъ очеркѣ отношенiй критики къ Пушкину началось тоже давно: въ знаменитыхъ статьяхъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ мы встрѣчаемъ указанiя на мнѣнiя о нашемъ великомъ поэтѣ современныхъ ему критиковъ. Въ замѣчательномъ сочиненiи П. В. Анненкова „А. С. Пушкинъ. Материалы для его биографiи и оцѣнки произведенiй“, предпосланномъ первоначально его изданiю сочиненiй Пушкина, встрѣчается еще болѣе такихъ указанiй. Въ Современникѣ 1855 и 1856 гг. печатались обширныя статьи подъ заглавiемъ: „Очерки Гоголевскаго перiода русской литературы“. Въ этихъ статьяхъ встрѣчаемъ мы обширныя выписки изъ критикъ, между прочимъ, и о Пушкинѣ

книгъ, и характеристику и критиковъ, и журналовъ, хотя недостаточно объективную. Въ недавнее время г. Зелинскій предпринялъ перепечатать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ статьи о Пушкинѣ подъ заглавіемъ „Русская критическая литература о произведеніяхъ Пушкина“. Къ сожалѣнію, изданіе его, не сопровождаемое никакими замѣтками о журналахъ, изъ которыхъ онъ заимствуетъ статьи, и объ ихъ направленіи, безусловно пригодно только для людей, хорошо знакомыхъ съ литературой Пушкинскаго періода. Въ классическомъ изданіи сочиненій Пушкина, сдѣланномъ Л. И. Поливановымъ, изданіи, которое было бы самымъ лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ, еслибы не ограничивалось назначеніемъ для школъ, собраны, частью въ цѣлости, частью въ сокращеніи, всѣ сколько-нибудь замѣчательныя статьи о Пушкинѣ, но въ изданіи этомъ онѣ расположены по произведеніямъ Пушкина, такъ, что статьи объ „Онѣгинѣ“ собраны при „Онѣгинѣ“, статьи о „Борисѣ Годуновѣ“ при „Борисѣ Годуновѣ“ и т. д. Такое расположеніе съ прибавленіемъ собственныхъ замѣчаній издателя о каждомъ произведеніи, замѣчаній, свидѣтельствующихъ объ его обширныхъ познаніяхъ въ литературѣ Европейской и русской, объ его тонкомъ и часто глубокомъ пониманіи искусства, и объ его ясномъ представленіи умственного состоянія общества временъ Пушкинскихъ, служатъ драгоценнымъ пособіемъ для изученія произведеній Пушкина; но изучающій развитіе русской критики можетъ пользоваться трудомъ Л. И. Поливанова, только хронологически расположивъ тѣ критики, которыя онъ сообщаетъ. Къ сожалѣнію, авторъ разбираемой нами книги, остановившись на 1880 году, не принялъ во вниманіе трудовъ Л. И. Поливанова. Обращаемся теперь къ его книгѣ.

Цѣль книги, на сколько мы ее поняли,—представить оцѣнку всей существующей литературы о Пушкинѣ въ связи съ характеромъ умственного развитія общества и литературы. Само собою разумѣется, что такая книга вполне необходима: она служитъ пособіемъ не только для людей, изучающихъ Пушкина, но и для изучающихъ умственное и нравственное развитіе общества. Она необходима и для будущихъ критиковъ Пушкина, указывая имъ на то, что сдѣлано, и на то, что еще остается сдѣлать. Такой сводъ и необходимъ, и своевремененъ. Авторъ принялъ во вниманіе почти все написанное до 1880 г. влѣбительно ¹⁾, изложилъ ясно и толково то, что онъ нашель, и

¹⁾ Къ сожалѣнію, авторъ не всегда цитуетъ книги, которыми онъ пользовался, слова которыхъ онъ сокращалъ, а иногда даже повторялъ дословно. Ука-

составилъ очень полезную книгу, въ которой, конечно, есть пропуски и недосмотры, но которая правильно ставитъ вопросъ и отличается ясностью изложенія. Конечно, достоинства эти сами по себѣ даютъ книгѣ значительную цѣну въ виду того, что подобнаго труда до сихъ поръ еще не было сдѣлано въ цѣломъ. Указавъ читателю въ примѣчаніи на нежелательный способъ, которымъ авторъ пользуется трудами предшественниковъ, мы обратимся теперь къ обзору книги въ ея подробностяхъ.

Въ своемъ введеніи „Вмѣсто предисловія“ авторъ излагаетъ общій ходъ развитія возрѣвнѣй русской критики на Пушкина. Изъ этого изложенія видно, что авторъ стоитъ на вѣрной точкѣ зрѣнія; особенно замѣтно это въ томъ мѣстѣ, которое онъ назначаетъ А. А. Григорьеву. Обращаемъ на это вниманіе потому, что дѣятельность А. А. Григорьева слишкомъ мало оцѣнена въ русскомъ обществѣ и литературѣ, что доказывается уже тѣмъ, что собраніе его сочиненій, начатое еще въ 1876 году, остановилось на первомъ томѣ, да и тотъ, говоря языкомъ книгопродавцевъ, идетъ туго.

Свое изложеніе авторъ начинаетъ съ общей характеристики литературы, журналистики и литературныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ.

жемъ то, что нами замѣчено: стр. 25 слѣдуетъ сличить съ сочиненіемъ *Анненкова* „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 102—103; стр. 26—27 съ тѣмъ же сочиненіемъ, стр. 108—114, а также 117; стр. 28—съ книгой *Анненкова*, стр. 219—220; стр. 37—съ „Матеріалами“ *Анненкова*, стр. 60. Стр. 54—58 сильно напоминаютъ „Матеріалы“ *Анненкова*, стр. 91—96. На стр. 66—слова: „Всѣ отъѣзды мнѣншіи... описаній“ взята у *Анненкова* („Матеріалы“, стр. 97). На стр. 73—„Споръ, ... Шиллеру“ тоже взята у *Анненкова*, стр. 103. На стр. 76—„Были романтики, ...—элегія“ слѣдуетъ сравнить съ „Матеріалами“, стр. 104—105. Стр. 79—81 слѣдуетъ сравнить съ стр. 105—107 „Матеріаловъ“ *Анненкова*. Точно также авторъ пользуется книгой *А. П. Пятковскаго* „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“: На стр. 235—„Извѣстія... значительность“—сл. у *Пятковскаго* (1-е изд.), т. II, стр. 385. На стр. 236—„Несравненно... размовки“, т. II, стр. 336. Также пользуется онъ сочиненіемъ *А. Н. Пыпина* „Взлинскій, его жизнь и переписка“: ср. стр. 246 съ *Пыпинымъ*, т. I, стр. 90—91. Стр. 246—248 ср. съ *Пыпинымъ*, стр. 117—120 (въ сокращеніи). Стр. 250 составляетъ пересказъ стр. 94 изъ книги г. *Пыпина*. Пользуется онъ и сочиненіями *А. А. Григорьева*. Такъ статья о *Малкѣ* (до *Мартьянова*) сильно напоминаетъ статью *Григорьева* „Оппозиція нравовъсія“, цитуетъ авторъ далеко не все то, что онъ повторяетъ. Статья же о самомъ *А. А. Григорьевѣ* въ значительной степени заимствована изъ предисловія *Н. Н. Страхова* (сл. стр. 344—346 съ стр. IV—VII), хотя имени *Н. Н. Страхова* не упоминается. Далѣе мы сличеній не продолжаемъ.

Въ концѣ главы авторъ излагаетъ свой взглядъ на Пушкина, какъ на критика. Глава эта, не давая ничего людямъ, знакомымъ съ литературой, едва ли можетъ удовлетворить читателя, ибо, заключая въ себѣ бѣглый взглядъ на романтизмъ, она слишкомъ уже мало говоритъ о господствовавшемъ тогда общемъ вкусѣ. Немногихъ словъ, характеризующихъ критику до-романтическую, слишкомъ недостаточно для составленія себѣ полнаго образа. Такое изложеніе, которое здѣсь принялъ авторъ, удобно въ журнальной статьѣ, и едва ли годится въ книгѣ, хотя бы даже и популярной. Напомнимъ читателю превосходное сочиненіе г. Загарина о Жуковскомъ, въ которомъ такъ обстоятельно и хорошо выясненъ романтизмъ Жуковского. Конечно, скажутъ намъ, то біографія Жуковского, а это обзоръ исторіи критики. Но быть можетъ, тѣмъ болѣе слѣдовало бы остановиться на существеннѣйшихъ явленіяхъ. Мы не остаемся довольны и самымъ изложеніемъ понятія о романтизмѣ, написаннымъ слишкомъ легко. Авторъ можетъ отвѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи читатель встрѣтитъ характеристики критиковъ классическаго и романтическаго направленія, и что по этимъ характеристикамъ онъ можетъ составить себѣ понятіе и объ общемъ характерѣ направленія; съ этимъ мы не можемъ согласиться. Очевидно, что безъ ясно поставленной общей характеристики не можетъ составиться полное удовлетворительное понятіе и объ отдѣльныхъ явленіяхъ. Къ тому же этимъ характеристикамъ недостаетъ указаній на отношеніе нашихъ воззрѣній къ воззрѣніямъ европейскимъ, служившимъ имъ протѣтипомъ. За этимъ вводнымъ изложеніемъ авторъ переходитъ къ отношеніямъ критики къ произведеніямъ Пушкина, располагая свои замѣтки по хронологіи самыхъ произведеній Пушкина и критическихъ объ немъ отзывовъ. Первые главы посвящены „Руслану и Людмилѣ“, „Кавказскому плѣннику“, „Бахчисарайскому фонтану“. Здѣсь авторъ излагаетъ и статьи критическія одного направленія, и отвѣты на нихъ другого. Особенно интересно въ этихъ главахъ для читателя, мало знакомаго съ исторіей русской литературы, изложеніе знаменитой полемики между княземъ Вяземскимъ и М. А. Дмитриевымъ по поводу „Бахчисарайскаго фонтана“. Poleмика эта даетъ автору случай привести мнѣнія о романтизмѣ, какъ самого Пушкина и его современниковъ, такъ и позднѣйшихъ критиковъ, до Бѣлинскаго включительно. Переборку критикъ авторъ прерываетъ главой, посвященной характеристикѣ Полеваго. Характеристика эта весьма недурна. Въ началѣ ея авторъ, въ противность своему обыкновенному приему,

указывает на мнѣнія о Полевомъ разныхъ лицъ, затѣмъ, изложивъ мнѣнія, вызванныя „Цыганами“, г. Трубачевъ останавливается на высоко замѣчательной статьѣ И. В. Кирѣевского „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“. Статья эта по своей глубокомысленной проницательности и прелести изложенія до сихъ поръ не потеряла своей цѣны. Г. Трубачевъ, не смотря на позднѣйшее заявленіе Московскаго Вѣстника, гдѣ эта статья появилась впервые, не смотря на то, что она перепечатана въ сочиненіяхъ Кирѣевского, повторяет старую ошибку Булгарина, считавшаго ее статью Шевырева. Слѣдующая глава посвящена Вѣстнику Европы и въ особенности Надеждину. Отзывъ автора о Надеждинѣ вѣренъ, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ самостоятеленъ, но это еще не бѣда. Очень кстати вноситъ авторъ въ свой отзывъ изложеніе диссертациі Надеждина, къ сожалѣнію, мало извѣстной въ нашей литературѣ, диссертациі, на которую указывалъ еще Бѣлинскій, и которая въ свое время не была оцѣнена. Странно, что такой умный человекъ, какъ Надеждинъ, проповѣдывавшій съ кафедръ здравыя эстетическія понятія и такъ удачно выразившій ихъ въ своей диссертациі, представлялъ въ своихъ критикахъ, всегдѣ бойкихъ и живыхъ, несомнѣнные признаки отсутствія вкуса. Объяснять это, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, только критическимъ задоромъ или высотой требованій Надеждина нельзя. Придется признать, что онъ понималъ изящное только умомъ, а не чувствомъ. Большой умъ Надеждина сказался яснѣе и лучше въ его послѣдующей ученой этнографической и исторической дѣятельности. Въ эстетическомъ отношеніи, какъ замѣтилъ Ап. Григорьевъ и повторилъ нашъ авторъ, Надеждинъ оказалъ великую услугу русскому умственному развитію: онъ воспиталъ Бѣлинскаго. Слѣдующая глава посвящена разборамъ „Нулина“ и „Полтавы“; здѣсь авторъ основательно останавливается на разборѣ „Нулина“ Надеждинымъ и на блистательномъ ему отвѣтѣ Пушкина, заключающемъ въ себѣ здравыя понятія о нравственномъ и безнравственномъ въ литературѣ. Замѣтка Пушкина заслуживаетъ внимательнаго изученія даже и въ наше время. Перебирая статьи о „Полтавѣ“, авторъ нашъ останавливается самъ на мысли объ отсутствіи единства—въ „Полтавѣ“. Нельзя не пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на статью В. Я. Стоюнина, напечатанную еще въ 1880 году, въ которой доказывается, что единство „Полтавы“ вполне ясно выражается въ ея эпилогѣ. Изложеніе критикъ на „Онѣгина“ авторъ начинаетъ краткою характеристикой этого великаго романа. Сопоставленіе нашего тепершняго взгляда на „Онѣгина“

съ далеко неудовлетворительнымъ пониманіемъ современныхъ ему критиковъ—дѣло весьма не лишнее. Но еслибъ авторъ не торопился печатать свою книгу, а просмотрѣлъ бы уже появившійся IV томъ изданія Пушкина г. Поливанова, то сдѣлалъ бы свою характеристику рельефнѣе. Въ этой главѣ мы встрѣчаемся съ осужденіемъ критики, напечатанной въ Сынѣ Отечества. Статья эта написана Веневитиновымъ и ужъ потому самому заслуживала бы болѣе внимательнаго изученія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ вопросѣ о народности Овѣгина Полевой былъ правѣе, но въ вопросѣ объ эстетическихъ основаніяхъ сужденія, конечно, Веневитиновъ стоялъ гораздо выше. Отъ „Овѣгина“ авторъ переходитъ къ „Годунову“. Здѣсь опять мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ не ознакомился съ блистательнымъ этюдомъ Л. И. Поливанова о „Борисѣ Годуновѣ“. Въ началѣ главы онъ нѣсколько говоритъ объ изученіи Пушкинымъ Шекспира и о значеніи этого изученія въ развитіи Пушкина. Статья Л. И. Поливанова дала бы ему возможность понять, какъ самостоятельно Пушкинъ отнесся къ Шекспиру, и избавила бы его отъ труда сожалѣть въ концѣ главы, что А. А. Григорьевъ не написалъ этюда о „Борисѣ Годуновѣ“. Быть можетъ, этюдъ Григорьева и былъ бы ярче этюда Поливанова, но едва ли былъ бы основательнѣе.

Послѣ „Годунова“ въ публикѣ замѣчается упадокъ интереса къ Пушкину; нѣкоторые критики, даже и въ наше время, объясняютъ это тѣмъ, что Пушкинъ отсталъ отъ тогдашняго направленія лучшихъ людей. Н. Н. Страховъ въ превосходной статьѣ „Запоздалая замѣтка“, нѣкогда помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ¹⁾, ищетъ причины холодности къ Пушкину въ возвышенности его мысли и гармоническомъ строѣ его поэзіи. Статья эта, къ сожалѣнію, осталась, кажется, неизвѣстною нашему автору, и онъ ищетъ причины холодности въ бѣдности тогдашней критики, какъ будто бѣдность критики, ей предшествовавшей, сколько-нибудь мѣшала общему энтузіазму къ Пушкину, энтузіазму, условленному тѣмъ, что первыя его произведенія были доступнѣе пониманію публики, воспитанной предшествовавшею литературой и еще не вникшей въ строй Пушкинской поэзіи. Въ концѣ дѣятельности Пушкина появился Бѣлинскій. У этого могучаго борца, какъ называетъ его А. А. Григорьевъ, пониманіе Пушкина возросло постепенно. На нервыхъ порахъ и онъ готовъ былъ согласиться съ тѣмъ, что послѣднія про-

¹⁾ Нынѣ перепечатана въ книгѣ „Замѣтки о Пушкинѣ“.

изведенія Пушкина свидѣтельствуютъ объ упадкѣ его таланта. Исходя изъ своей точки зрѣнія, авторъ представляетъ характеристику Шевырева, критиковъ Сѣверной Пчелы и Сенковского. Въ концѣ главы онъ характеризуетъ въ общихъ чертахъ критику Бѣлинскаго во всѣхъ періодахъ его дѣятельности. Слѣдующая глава посвящена подробностямъ о критикахъ на разныя произведенія послѣдняго періода литературной дѣятельности Пушкина и статей, появившихся вскорѣ послѣ смерти Пушкина. Между всѣми этими статьями ярко выдѣляются блистательная статья Гоголя въ „Арабескахъ“ и глубоко вѣрная статья Фаренгангена фонъ-Энзе, появившаяся въ двухъ русскихъ переводахъ — въ Сынѣ Отечества и Отечественныхъ Запискахъ, изъ которыхъ послѣдній сопровождается предисловіемъ М. Н. Каткова.

Восьмому тому сочиненій Бѣлинскаго, занятому его обширнымъ этюдомъ о Пушкинѣ, авторъ совершенно основательно посвящаетъ особую главу. Значеніе критики Бѣлинскаго для оцѣнки Пушкина признано всѣми въ русской литературѣ, но многіе видятъ въ немъ послѣднее слово о Пушкинѣ, которое для иныхъ еще недавно казалось значительно преувеличеннымъ, немногіе же поняли, что въ критику Бѣлинскаго недостаетъ пониманія общественнаго значенія поэзіи Пушкина и ея народности. Увлеченный своими теоріями послѣднихъ годовъ, возвышающійся иногда только силою своей гениальности до пониманія Россіи, Бѣлинскій и не могъ оцѣнить этой стороны Пушкина и долженъ былъ отнестись къ ней или холодно (напримѣръ, въ отношеніи къ Повѣстямъ Бѣлкина), или даже совсѣмъ отрицательно (въ отношеніяхъ Татьяны къ Онѣгину). Изъ этой-то отрицательной стороны, изъ поклоненія теоретическимъ идеаламъ, перешедшаго у Бѣлинскаго въ послѣдніе годы въ совершенную холодность къ его давнимъ эстетическимъ идеаламъ, и родилась та школа критиковъ, которая теоретически выразилась въ „Эстетическихъ отношеніяхъ“, а практически наиболѣе ярко въ статьяхъ Писарева. Связь этой школы съ Бѣлинскимъ хотя и отрицается нѣкоторыми, но признается такимъ горячимъ поклонникомъ Бѣлинскаго, какимъ является А. Н. Пыпинъ. Мы не можемъ не одобрить того, что нашъ авторъ сталъ на сторону людей, замѣтившихъ, что критика Бѣлинскаго требуетъ и дополненія, и поправки. Мы можемъ только пожалѣть, что для полной характеристики Бѣлинскаго онъ не принялъ во вниманіе превосходной статьи А. В. Дружинина, помѣщенной въ III томѣ его сочиненій. Обзорѣвъ

критику Бѣлинскаго, авторъ переходитъ къ совершенно противоположному явленію и посвящаетъ слѣдующую главу Маяку и его критику Мартынову. Для характеристики Маяка онъ выбралъ себѣ вѣрнаго руководителя—Ап. Григорьева. Жаль только, что онъ не обратилъ вниманія на указанное А. А. Григорьевымъ сочувствіе къ Маяку Загоскина. Маякъ, конечно, явленіе нелѣпое, но и сами нелѣпости имѣютъ основы въ теченіяхъ общественной мысли, имѣютъ даже свою пользу, указывая на то, что есть нездороваго въ извѣстномъ теченіи. Такъ знаменитое заявленіе, что сапоги выше твореній Шекспира, много помогло возвращенію общества на здравый путь. Мы думаемъ, что Маякъ имѣлъ свою пользу: онъ помогъ отдѣлать официальную народность отъ высокой теоріи славянофиловъ. Послѣднія главы авторъ посвящаетъ критикѣ времени послѣ Бѣлинскаго. Онъ какъ будто торопится въ этихъ главахъ и проходитъ мимо многихъ замѣчательныхъ произведеній. Онъ не останавливается на статьѣ Дружинина ¹⁾, представляющей стройную характеристику поэтическаго развитія Пушкина, не упоминаетъ глубокомысленной статьи Н. Н. Страхова въ „Складчигѣ“ ²⁾, на которую, однако, обращаютъ вниманіе и А. Д. Галаховъ въ своемъ учебникѣ русской литературы, и Л. И. Поливановъ въ своемъ изданіи Пушкина. Въ статьѣ этой чрезвычайно много оригинальнаго: здѣсь впервые до очевидности показано, какъ Пушкинъ умѣлъ переноситься въ чуждую жизнь; здѣсь мастерски очерчено значеніе внѣшней формы въ поэзіи Пушкина. Статья г-жи Кохановской „Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина“, статья, полная тонкихъ и изящныхъ проникновеній въ сущность Пушкинскаго творчества, тоже осталась не упомянутою г. Трубачевымъ. Еще страннѣе умолчаніе о трудахъ Анненкова, которыя имѣютъ не только біографическое, но и критическое значеніе, поясняя и развитіе таланта Пушкина, и его взглядъ; оцѣнка этихъ трудовъ положительно необходима. Для полноты картины постепеннаго развитія критическаго пониманія поэтическаго творчества Пушкина, какъ въ его прямомъ ходѣ, такъ и въ отклоненіяхъ, поучительныхъ и полезныхъ, какъ мы уже сказали, для этой полноты желали бы мы видѣть въ разбираемой книгѣ изложеніе споровъ, порожденныхъ парадоксомъ С. С. Дудышкина объ отсутствіи народности въ произведеніяхъ Пушкина. Парадоксъ

¹⁾ Сочиненія, т. VII.

²⁾ Перепечатано въ „Замѣткахъ о Пушкинѣ“.

этотъ вызванъ былъ энтузіазмомъ къ народной поэзіи, возбужденнымъ великолѣпными статьями Ѡ. И. Буслаева и начавшими тогда выходить сборниками произведеній народной поэзіи. Народная поэзія, еще недавно засуженная Бѣлинскимъ, въ сравненіи съ поэзіей Гомеровской казавшаяся бѣдною и лишенною общечеловѣческаго содержания, ярко заблестала при свѣтѣ историко-сравнительнаго изученія. Открывался, казалось, новый свѣтлый міръ, и при первыхъ лучахъ этого новаго свѣта возможно было заблужденіе, породившее извѣстный парадоксъ; осужденіе же этого парадокса послужило къ большому уясненію всей широты значенія Пушкина и къ установленію болѣе яснаго взгляда на народность. То, чтó нѣкогда говорилъ Полевой, какъ бы предугадывая, теперь сдѣлалось общимъ достояніемъ мыслящихъ людей.

Г. Трубачевъ останавливается на очень немногихъ явленіяхъ критики послѣ смерти Бѣлинскаго: онъ характеризуетъ статью М. Н. Каткова выписками изъ нея, но главное вниманіе сосредоточиваетъ онъ на статьяхъ Писарева и Ап. Григорьева. Для пониманія Писарева онъ поступаетъ очень основательно, начиная съ изложенія „Эстетическихъ отношеній“. Эта книга была теоретическимъ кодексомъ для критиковъ такъ-называемаго здраваго реализма. Весьма основательно обличеніе выводовъ Писарева съ выводами Мартынова въ Маякѣ: крайности сходятся, говоритъ французская пословица. Общая характеристика А. А. Григорьева превосходна въ книгѣ г. Трубачева: оно и не мудрено, ибо эта характеристика представляетъ буквальное повтореніе характеристики, сдѣланной однимъ изъ самыхъ изящныхъ нашихъ писателей, Н. Н. Страховымъ. Изложеніе статей Григорьева сдѣлано тщательно, и справедливо указано на его великую заслугу объясненія Вѣлкина. Еслибъ авторъ не поторопился съ печатаніемъ своей книги, то онъ познакомился бы съ этюдомъ Л. И. Поливанова, предпосланнымъ въ его изданіи Повѣстямъ Вѣлкина. Въ этомъ этюдѣ мы встрѣчаемся съ детальнымъ, хотя и краткимъ развитіемъ мыслей Григорьева.

Книга заканчивается изложеніемъ Пушкинскаго праздника 1880 года, при чемъ авторъ особенно останавливается на рѣчи Достоевскаго и пробуетъ критиковать ее. Но его взглядъ едва ли можетъ быть всѣми принятъ. Онъ говоритъ: „Русскій народный идеалъ толкуется Достоевскимъ весьма своеобразно. Это не толкованіе, а вѣщаніе, это личное вѣрованіе Достоевскаго, фантастическое и утопическое“. Г. Трубачевъ забываетъ при этомъ, что ширина русскаго

духа, дающаго ему возможность понимать явленія чужой жизни, признается и такими людьми, которыхъ онъ не обвинить въ вѣщаніяхъ. Таково было мнѣніе Бѣлинскаго, въ чемъ авторъ можетъ убѣдиться изъ книги А. Н. Пыпина, и изъ многихъ замѣчаній въ его статьяхъ; такое же мнѣніе случалось намъ слышать и на лекціяхъ Грановскаго. Надѣюсь, что этихъ двухъ лицъ и самъ г. Трубачевъ не станетъ обвинять въ томъ, въ чемъ обвиняетъ Достоевскаго.

Книга г. Трубачева представляетъ сводъ большей части того, что было писано о Пушкинѣ. Мы не стали бы осуждать его заимствованій, еслибъ онъ цитовалъ свои источники, а онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не упоминаетъ. Надѣмся, что въ послѣдующихъ своихъ трудахъ авторъ откажется отъ этой совсѣмъ непохвальной привычки. Человѣкъ онъ, очевидно, очень молодой, да и притомъ торопившійся кончить свой трудъ къ опредѣленному сроку: сочиненіе его, на сколько извѣстно въ печати, было удостоено золотой медали. Если этимъ обстоятельствомъ можно до нѣкоторой степени объяснить поспѣшность труда, то, печатая свою книгу, авторъ несомнѣнно былъ обязанъ строго пересмотрѣть ее и, конечно, не оставаться безразличнымъ къ капитальнымъ, появившимся прежде напечатанія его книги, трудамъ, каковъ, не разъ уже названный нами трудъ Л. И. Поливанова.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Произведенія Еврипида въ переводѣ *Е. О. Шнейдера*. Выпускъ I. Исполнить. Москва. 1889.

Съ оживленіемъ у насъ классическаго образованія стали опять появляться переводы греческихъ классиковъ, не только такіе, которые изготовляются съ цѣлями меркантильными ради сбыта учащимся, но и такіе, которые этихъ цѣлей не преслѣдуютъ. Появленію переводовъ послѣдняго рода нельзя не порадоваться, такъ какъ, при маломъ распространеніи у насъ знаній по классической филологіи, такіе переводы могутъ принести свою долю пользы, содѣйствуя ознакомленію нашего общества съ произведеніями классической литературы. Къ сожалѣнію, пока у насъ мало существуетъ такихъ переводовъ, не говорю—первостепенныхъ, но даже и второстепенныхъ, то есть, такихъ, которые, не достигая вполне своеобразности и изящества подлинника, все-таки передавали бы его вѣрно, притомъ въ формѣ литературной, наиболѣе соответствующей формѣ подлинника,

поэтовъ—въ стихотворной формѣ, прозаиковъ—въ соответствующей прозаической формѣ, во всякомъ случаѣ передавали бы хорошимъ русскимъ языкомъ удобочитаемымъ и удобопонятнымъ. Если взять только произведенія поэтической греческой литературы, то пока по-счастливилось одному Гомеру, который нашелъ себѣ достойныхъ переводчиковъ въ Гнѣдичѣ и Жуковскомъ, особенно въ Жуковскомъ, равнаго которому не можетъ представить даже богатая переводами западно-европейская литература. Остальныя же поэтическія произведенія грековъ или совсѣмъ не переведены, или переведены мало.

Переводы Мартынова, появившіеся въ началѣ нынѣшняго столѣтія, считать не приходится. До такой степени они не понятны и карикатурны! Если же имѣть въ виду только лучшіе переводы, то такихъ окажется не много. Такъ изъ лириковъ переведены пѣсни Анакреонта (Меемъ), изъ Пиндара нѣсколько одъ (одна ода—Мерзляковымъ, двѣ—Водовозовымъ), изъ буколиковъ—нѣсколько идиллій Θεокрита (Гнѣдичемъ, Мерзляковымъ, Меемъ), изъ драматическихъ поэтовъ—нѣсколько трагедій Софокла (Эдипъ царь и Антагона—Шестаковымъ, Эдипъ въ Колонѣ—Водовозовымъ), кое-что изъ Эсхила (Персы—Ордынскимъ, Скванный Прометей—Илецкимъ) ¹⁾, кое-что изъ Еврипида (Ифигенія въ Тавридѣ—Мерзляковымъ, Ифигенія въ Авлидѣ—Водовозовымъ) и нѣсколько комедій Аристофана (Облака—Муравьевымъ-Апостоломъ, Ахаряне и Всадники—Ордынскимъ) ²⁾. Изъ этого перечня, въ которомъ едва ли пропущено что-нибудь стоящее упоминанія ³⁾, можно видѣть, что далеко не всѣ даже главнѣйшія произведенія греческой поэзіи имѣются въ переводахъ, и что въ этомъ отношеніи еще многое можно сдѣлать. Такъ у насъ полнаго перевода трагиковъ (я разумѣю литературный переводъ) пока нѣтъ. Поэтому всякая попытка пополнить недостатокъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ только одобренія. Такою попыткой является трудъ г. Шнейдера. Еще въ прошломъ году г. Шнейдеръ напечаталъ переводъ Меден Еврипида въ Пантеонѣ литературы, а въ текущемъ году издалъ особымъ выпускомъ трагедію Еврипида Иполитъ

¹⁾ Замѣтимъ, что Персы переведены прозою, а Скванный Прометей далеко не достигаетъ поэтическаго полета Эсхилова.

²⁾ За исключеніемъ переводовъ Мерзлякова, Гнѣдича и Муравьева-Апостола, всѣ остальные появились въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ и большею частью напечатаны въ журналахъ, гдѣ они и хранятся подъ елудомъ.

³⁾ Въ приведенномъ перечнѣ мы указали переводы только цѣльныхъ произведеній, а не отрывковъ.

и готовить къ печати Алцесту. Судя по заглавію къ Ниволиту, г. Шнейдеръ намѣренъ перевести всего Еврипида и издать свои переводы отдѣльными выпусками.

Въ наше время, когда изъ всѣхъ видовъ поэзіи, кажется, одна только драматическая поэзія проявляетъ наиболѣе жизни, появленіе Еврипида въ переводѣ было бы какъ разъ кстати. Еврипидъ игралъ не малую роль въ развитіи трагедіи и вообще драмы. Изъ посредственно и непосредственно пользовались западно-европейскіе драматурги. Созданная имъ Медеа, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не сходитъ съ современной нашъ сцены. Поэтому переводъ его трагедій могъ бы быть полезенъ хотя бы для сравненія нынѣшняго драматическаго искусства съ древнимъ.

Мы разсмотрѣли Ипполита и еще раньше имѣли случай познакомиться съ Медеей г. Шнейдера и можемъ сказать, что въ общемъ переводы его производятъ хорошее впечатлѣніе. Содержаніе передано вообще вѣрно, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, притомъ болшею частью такихъ, которыя и для комментаторовъ представляютъ камень преткновенія. Что же касается до формы, то г. Шнейдеръ переводитъ такъ-пазываемыми бѣлыми стихами. Для классическихъ поэтовъ, которымъ рима совершенно чужда, такой способъ передачи наиболѣе пригоденъ. Онъ не только даетъ переводчику болшую свободу выраженія, но, что главнѣе, позволяетъ ему передать подлинникъ ближе и по содержанію, и отчасти по ритму. Переводъ его снабженъ примѣчаніями къ тѣмъ мѣстамъ, которыя безъ поясненій не были бы понятны для читателя не-спеціалиста. Мы посоветовали бы г. Шнейдеру не слишкомъ скупиться на примѣчанія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда того требуетъ неясность мысли въ самомъ подлинникѣ, какъ, напримѣръ, во второмъ стасимѣ, представляющемъ переходъ отъ одного предмета къ другому съ поэтической вольностью; потому не имѣло бы для читателя хотя вкратцѣ пояснить связь между частями подобныхъ хоровыхъ партій. Наконецъ, г. Шнейдеръ предпосылаетъ своему переводу введеніе, въ которомъ знакомитъ читателя съ мнѣемъ, послужившимъ темою для трагедіи Еврипида, и съ самимъ сюжетомъ трагедіи и развитіемъ его. Введеніе это показываетъ, что г. Шнейдеръ хорошо знакомъ съ литературою своего предмета. Конечно, переводъ г. Шнейдера не безъ недостатковъ, но этихъ недостатковъ сравнительно мало, такъ что было бы несправедливо изъ-за нѣсколькихъ плохихъ стиховъ или неловкихъ и неточныхъ выраженій осудить весь его трудъ. Глав-

нымъ недостаткомъ является то, что иногда ради выдержки стихотворной схемы жертвуется чистотою русскаго языка и ясностью выраженія. Если однако приходится чѣмъ-либо жертвовать, то конечно, скорѣе можно пожертвовать первымъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя жертвовать вторымъ. Мы не считаемъ стопъ и при чтеніи стиховъ, особенно не рифмованныхъ, не замѣчаемъ, хватаетъ ли, или не хватаетъ одной стопы или одного слога, а замѣчаемъ только, соблюденъ ли, или нѣтъ ритмическій акцентъ. Но не русская разстановка словъ, неправильность конструкціи или выраженія намъ тотчасъ бросаются въ глаза и непріятно поражаютъ слухъ. Приведу нѣсколько примѣровъ:

Ст. 210. Мнѣ бы хотѣлось на твой гипподромъ повестись
И венецкихъ коней укрощала бы я!

(Вмѣсто: Венецкихъ коней укрощая, какъ въ подлинникѣ).

Ст. 195. На несчастье мы всѣ влюблены
Въ блескъ земной, каковъ ни былъ бы онъ,
По незнанію жизни иной,
Что скрываетъ земля, не выдавъ.

Разстановка весьма двусмысленная! И вся фраза не ясно передаетъ слова подлинника *κοῦχ ἀπόδειξιν τῶν ὑπὸ γαίας*. Примѣрно смыслъ этихъ словъ можно было бы передать такъ:

Оттого что подземный міръ
Отъ глазъ нашихъ сокрытъ.

Ст. 485. Межъ тѣмъ хвала тебѣ противнѣй словъ ея,
И съ большей горечью услышишь похвалу.

Слова подлинника *καὶ σοὶ μᾶλλον ἀλγίων κλύειν* можно было бы передать примѣрно слѣдующимъ образомъ: и слышать похвалу душѣ твоей больнѣй.

Ст. 559. Съ громомъ, разящимъ огнемъ, обручивъ
Вакха, Зевесова сына, родившую,
Спать уложила Киприда въ постель,
Гдѣ смертный жребій Семела наша.

И разстановка словъ, и употребленіе рядомъ нѣсколькихъ творительныхъ, и наконецъ, неудачное выраженіе „спать уложила въ постель“, все это дѣлаетъ выписанное нами мѣсто неяснымъ. Смыслъ подлинника слѣдующій: Киприда, обручивъ родительницу Вакха (то-есть, Семелу) съ огненнымъ громомъ (то-есть, Зевсомъ), уложила ее въ смертномъ снѣ (то-есть, убила ее).

Ст. 600—610. (Кормилица). Что я сказала, оглашать никакъ нельзя.

(Ипполитъ). Повѣдать славное—его прославить тожь.

Отвѣтъ Ипполита въ переводѣ не особенно ясенъ. Слова подлинника проще: τὰ τοὶ κάλ' ἐν πολλοῖσι κάλλιον λέγειν, хорошее однако лучше сказать въ присутствіи многихъ.

Вообще нѣкоторые стихи вышли не особенно удачно, потому что переводчикъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, старался выдерживать метрическую схему подлинника. При разности стихотворнаго ритма въ нашемъ и древнемъ языкахъ такое стараніе невыгодно отзывается на русскомъ стихѣ. Даже при передачѣ самаго простаго метра, напримѣръ, разговорнаго ямбическаго триметра, не возможно выдержать схему безъ ущерба для русскаго стиха. Если триметръ передавать все шестистопными ямбами, то во-первыхъ, приходится иногда для полноты схемы вставлять разныя ненужныя слова, а затѣмъ самые стихи получаютъ какую-то однообразную форму. У нашихъ поэтовъ ямбическій размѣръ (въ рифмованныхъ и не рифмованныхъ стихахъ) обыкновенно разнообразится тѣмъ, что стихъ заканчивается то ямбически, то хорейчески, или иначе, одинъ разъ представляетъ схему полныхъ ямбовъ, а другой разъ схему каталектическихъ ямбовъ. Возьмемъ, напримѣръ, сцену между Пименомъ и Григорьемъ изъ Бориса Годунова или же Скупого Рыцаря Пушкина, написанныхъ не рифмованными стихами, наиболѣе подходящими къ разговорному ямбическому метру. Въ нихъ ямбы имѣютъ либо ямбическій, либо хорейскій конецъ, притомъ безъ опредѣленнаго чередованія, а такъ, какъ придется. Замѣтимъ, что Пушкинскій ямбъ представляетъ или 5 стопъ или 5¹/₂ (въ послѣднемъ случаѣ получается стихъ съ хорейскимъ окончаніемъ или такъ-называемый каталектическій ямб).

„Ещё одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окована мой и т. д.“

И наши переводчики классиковъ, какъ, напримѣръ, Мерзляковъ, Шестаковъ, Водовозовъ и др., передаютъ триметръ греческій большею частью такими же ямбами.

О дѣти, Кадма древняго потомки!
Зачѣмъ сошлись вы къ симъ мѣстамъ и съ вѣтвью
Молитвенной садитесь къ алтарямъ . . .
(изъ Эдипа царя въ переводѣ Шестакова).

Такой способъ передачи греческаго триметра нельзя считать случайностью, а скорѣе можно объяснить тѣмъ, что такого рода ямбы

ближе всего подходят къ характеру діалога или разговорной рѣчи и болѣе соотвѣтствуютъ складу русскаго языка и русскаго ритма. Мы, конечно, не хотимъ сказать, что греческій триметръ слѣдуетъ всегда передавать такимъ способомъ, а хотимъ только указать, что его можно передавать и не шестистопными ямбами; передавая же шестистопными ямбами, не мѣшаетъ чаще разнообразить его, чтобы придать своему стиху болѣе непринужденный и въ то же время изящный колоритъ. Впрочемъ, г. Шнейдеръ иногда разнообразить свои ямбы въ вышеуказанномъ смыслѣ, и всякій разъ, какъ онъ дѣлаетъ это, стихъ его выигрываетъ въ благозвучіи и изящности. Напримѣръ:

Ст. 17 и слѣд. Въ гѣсу зеленомъ, съ дѣвой неразлучно
Звѣрей онъ травитъ стаей быстроногихъ псовъ,
Сношенья завязавъ для смертнаго не въ пору.
Я не завидую тому и пр.

Не смотря однако на нѣкоторые недостатки, трудъ г. Шнейдера представляетъ пріятное явленіе въ нашей переводной литературѣ, и намъ остается только пожелать, чтобы предпріятіе его было доведено до конца. Переводъ всего Еврипида былъ бы не малымъ вкладомъ въ нашу переводную литературу по древнимъ классикамъ.

А. Вейсманъ.

WIENER VORLEGEBLÄTTER FÜR ARCHÄOLOGISCHE ÜBUNGEN. 1888. Mit Unterstützung des K. K. Ministeriums für Cultus und Unterricht herausgegeben von *Otto Benndorf*. Wien. 1889.

Только-что появилась первая тетрадь новой серіи названнаго изданія, встрѣченнаго въ свое время такъ сочувственно и быстро разошедшагося. Болѣе удобный форматъ, лучшая внѣшность, а главное, подробный указатель рисунковъ даютъ новому выпуску неомнѣнное преимущество передъ старыми, продолженіемъ которыхъ онъ является. Нельзя не поблагодарить издателя и за то, что теперешнее изданіе пущено въ розничную продажу, между тѣмъ какъ прежде могло быть получено только лично отъ автора. Всякому археологу, преимущественно же университетскому преподавателю классической археологіи извѣстно, на сколько важно такого рода изданіе памятникъ искусства, разсѣянныхъ повсюду и собранныхъ съ цѣлью служить матеріаломъ для практическихъ занятій по классической археологіи; къ тому же и цѣна cadaго выпуска—12 марокъ, сравнительно весьма доступна.

Первая таблица, за исключеніемъ № 8-го, отведена произведеніямъ архангескихъ коринескихъ гончаровъ-живописцевъ (Timonidas, Gamedes, Chares, Milonidas, Theozotos). Всѣ рисунки пересмотрѣны, а №№ 9, 10 изданы вновь. Громадная разница въ стилѣ перваго и послѣдняго нумеровъ, помѣченныхъ именемъ гончара-живописца Тимонида, заставляетъ насъ думать, что врядь ли оба произведенія могутъ быть приписываемы одному и тому же лицу, какъ это дѣлаетъ г. Клейнъ (Die griechischen Vasen mit Meistersignaturen, стр. 28). Мы склонны думать, что одинъ Тимонидъ былъ внучею другаго. Въ подтвержденіе своего мнѣнія укажемъ на то обстоятельство, что старшій, по нашему мнѣнію, Тимонидъ пишетъ только свое имя, младшій же, какъ бы въ отличіе, считаетъ нужнымъ прибавить, что онъ сынъ Вія (ΤΣΜΟΣΔΑΜ ΒΣΡΑΨΒΓΕΑ). Если наше мнѣніе ошибочно, то разницу въ стилѣ придется объяснить тѣмъ, что № 1-й представляетъ собою небольшой сосудикъ, назначенный въ продажу, послѣдній же — глиняную, разрисованную съ той и другой стороны плитку, принесенную въ даръ Посидону. Разница въ назначеніи данныхъ предметовъ могла, конечно, повлечь за собою и неодинаковую степень вниманія къ исполненію самаго рисунка. Повторяемъ, однако, еще разъ, что первое произведеніе принадлежитъ къ самымъ примитивнымъ образцамъ коринеской живописи, какъ по рисунку, такъ и по орнаменту, второе же можетъ выдержать сравненіе съ лучшими произведеніями чернофигурной живописи по вазамъ. № 8-й — сосудъ съ сигнатурою Aristophros, сосудъ, мѣстопроисхожденіе котораго не извѣстно и надпись спорна. Спорная часть этой надписи факсимилирована въ указателѣ.

Таблицы II, III и половина IV отведены извѣстной, такъ-называемой вазѣ François (живописецъ—Klitias, гончаръ—Ergotimos). Эта ваза, нашедшая себѣ мѣсто уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ, явилась на основаніи вновь сдѣланнаго и провѣреннаго рисунка. Сознывая вполне важную роль, которую играла и всегда будетъ играть эта амфора въ изученіи древней керамики, какъ по изяществу своего рисунка, такъ и по богатству его мнѣологическаго содержанія, мы, однако, не можемъ отнестись вполне сочувственно къ новому изданію даннаго сосуда въ предлагаемой формѣ. Если г. Бендорфъ счелъ нужнымъ вновь издать рисунки этого памятника гончарнаго производства и отвести ему 2½ таблицы, то намъ кажется, ему не слѣдовало бы удовлетвориться контурнымъ рисункомъ, который не въ силахъ передать характера чернофигурной живописи по вазамъ на

столько же удовлетворительно, какъ черные силуэты съ указаніемъ гравировки внутри рисунка. Намъ тѣмъ болѣе не понятно, почему издатель рѣшился на первый видъ, что большинство рисунковъ вышло въ томъ видѣ, которому мы отдаемъ предпочтеніе. Этотъ недостатокъ особенно чувствителенъ тамъ, гдѣ, за отсутствіемъ оригиналовъ, рисунки служатъ единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ издѣліями гончаровъ-живописцевъ, и намъ кажется, что отъ изданія, назначеннаго служить дѣлу преподаванія, такія требованія вполнѣ умѣстны.

На другой половинѣ IV таблицы помѣщены еще примѣры архаическихкихъ аттическихкихъ гончаровъ-живописцевъ. № 2-й чаша (мастеръ Ergotimos) издана вновь. Подъ № 3-мъ предлагаются два черепка (мастеръ Nearchos), появившихся раньше въ Griechische und Sicilische Vasenbilder Taf. XIII Бендорфа; теперь же къ нимъ прибавлены еще два черепка, неизвѣстные до сего времени, при помощи которыхъ, какъ намъ кажется, вполнѣ объяснимъ изображаемый сюжетъ. Объ этихъ новыхъ осколкахъ упоминаетъ только г. Студничка (Jahrbuch 1887, стр. 142, пр. 19).

Остановимся подробнѣе на разборѣ даннаго рисунка: середину главнаго черепка занимаютъ три лошади, обращенныя влѣво; онѣ заложены въ колесницу (ноги лошадей и колесница не сохранились). Справа виднѣется часть старика, подводящаго четвертую лошадь. Въ описаніи гг. Бендорфа и Клейна значится, что одна изъ лошадей окрашена въ фіолетовой цвѣтъ; къ сожалѣнію, нельзя узнать, которая лошадь бѣлая и которая фіолетовая. Слѣва стоитъ бородастый мужчина, обращенный лицомъ къ лошадямъ; онъ одѣтъ въ панцырь и поножи, лѣвою рукой держитъ ближайшую лошадь за гриву, а правую, по видимому, пристегиваетъ возжу къ уздечкѣ. Передъ нимъ надпись AXIΔE(vs), за нимъ нарисованы еще нѣкоторые предметы, не упомянутые у гг. Бендорфа и Клейна и сдѣлавшіеся совершенно понятными, благодаря лишь вновь изданному черепку, непосредственно примыкающему къ излому. Г. Бендорфъ думалъ, что на нашемъ фрагментѣ изображенъ выѣздъ Патрокла, указывая на Ил. III, 166. Г. Студничка вовсе не объясняетъ рисунка. Мы, съ своей стороны, приходимъ къ другому заключенію. Дѣло въ томъ, что за Ахилломъ стоитъ женская фигура (верхняя часть ея не сохранилась), которая въ правой рукѣ держитъ щитъ, украшенный головой Медузы, а въ лѣвой, протянутой впередъ, шлемъ, два копья и мечъ, какъ разъ все то, чего недостаетъ для полнаго вооруженія Ахилла; слѣдовательно, Ахиллъ

не снаряжаетъ въ бой Патрокла, а самъ собирается отмстить врагу за смерть друга. Непосредственно за женщиной сохранилась только одна буква Σ, занимавшая, по видимому, послѣднее мѣсто въ словѣ. Не трудно догадаться, что эта женщина мать Ахилла, Θетида, приносящая ему оружіе, выкованное Ифэстомъ. Старикъ въ такомъ случаѣ изображаетъ вѣрнаго слугу Ахилла, Финива. За Ахилломъ также сохранилась буква χ или χ. По всей вѣроятности, здѣсь написано было обычное καλός (ср. Клейнъ, *Vasen mit Meistersignaturen*, стр. 38), такъ какъ эта надпись помѣщена слишкомъ низко и далеко отъ женщины, чтобъ усматривать въ ней ея имя. На извѣстномъ уже раньше осколкѣ, принадлежащемъ къ другой сторонѣ сосуда, сохранились части мужской фигуры съ надписью ΗΕΦΑΣΤΟΣ и двухъ женскихъ фигуръ; кромѣ того, на новомъ черепкѣ ноги женской фигуры чернѣйшій ободокъ, виднѣющійся за ногами, г. Студничка ошибочно принимаетъ за мужскія ноги: это только черная подмазка, на которую, какъ извѣстно, накладывалась бѣлая краска для обозначенія обнаженнаго женскаго тѣла. Стоитъ только сравнить ноги Θетиды, чтобъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Если на одной сторонѣ была изображена передача издѣлій Ифэста Ахиллу, а на другой сторонѣ мы видимъ Ифэста въ кругу женщинъ, то не будетъ слишкомъ смѣло заключить, что здѣсь была изображена передача оружія самимъ Ифэстомъ переидамъ. Какъ извѣстно, этотъ сюжетъ трактовался въ древне-греческомъ искусствѣ неоднократно.

На таблицахъ V-й, VI-й и VII-й помѣщено девять сосудовъ съ чернофигурною живописью, принадлежащихъ одному и тому же аттическому мастеру (Εχekias). Семь изъ нихъ вышли въ свѣтъ на основаніи вновь заготовленныхъ рисунковъ. На V-й таблицѣ фигуры являются въ видѣ силуэтовъ, на VI-й въ видѣ контурнаго рисунка, а на VII-й въ томъ и другомъ видѣ. Имѣя на данныхъ таблицахъ рисунки одного и того же мастера, репродуцированные, однако, различнымъ образомъ, кажется, всякій, кто видѣлъ оригиналы, не замедлитъ отдать несомнѣнное преимущество силуэтнымъ рисункамъ.

На таблицѣ VIII-й собраны краснофигурныя изображенія греческихъ свадебныхъ обрядовъ съ пяти сосудовъ и съ одной коньковой черепицы (ср. Студничка. *Jahrbuch* 1887, стр. 69). И эти рисунки, по нашему мнѣнію, выиграли бы, еслибы фигуры были на черномъ фонѣ, какъ, напримѣръ, многія въ *Denkmäler des klass. Alterthums* Баумейстера.

На таблицѣ IX-й помѣщены снимки съ рельефовъ пяти римскихъ саркофаговъ также съ изображеніями свадебныхъ обрядовъ.

Таблицы X-я, XI-я и XII-я отведены ряду опытовъ (числомъ 9) воспроизведенія композиціи Полигнота „Разрушеніе Иліона“, на основаніи Павсанія, текстъ котораго приведенъ въ переводѣ на послѣдней таблицѣ. Рядъ этихъ воспроизведеній начинается съ рисунка графа de Saulus, вышедшаго въ 1757 году, и заканчивается рисункомъ г. Михалека, служившимъ пояснительною таблицей при лекціи, читанной г. Бендорфомъ въ австрійскомъ музеѣ въ Вѣнѣ въ 1887 году. Итакъ, первый рисунокъ отдѣляется отъ послѣдняго періодомъ времени въ 130 лѣтъ. Конечно, весьма интересно прослѣдить постепенные успѣхи въ пониманіи монументальной живописи Полигнота. Мы остановимся только на послѣднемъ опытѣ воспроизведенія картины Полигнота. Этотъ рисунокъ внушаетъ къ себѣ довѣріе главнымъ образомъ потому, что въ общемъ распредѣленіи группъ и фигуръ, онъ, строго слѣдуя тексту Павсанія, основывается на рельефныхъ картинахъ, найденныхъ на стѣнахъ гробницы Гьельбаши. Въ этихъ же рельефахъ мы, какъ извѣстно, въ правѣ видѣть не только знакомство съ живописью Полигнота, но даже несомнѣнную зависимость отъ его композицій. Далѣе, то обстоятельство, что данныя картины составлены изъ фигуръ, заимствованныхъ съ упомянутыхъ рельефовъ и рисунковъ съ вазъ, увеличило бы еще болѣе достоинство описываемой таблицы, еслибы рисунокъ не пестрѣлъ такимъ разнообразіемъ въ стилѣ фигуръ, употребленныхъ для реконструкціи: на ряду съ фигурами вполне развитаго рисунка стоятъ другія, взятая изъ краснофигурной живописи по вазамъ такъ-называемаго „строгаго стиля“. Произведенія гончаровъ-живописцевъ Сосія, Павфоя, Дурія и нѣкоторыя другія, не тронутыя еще вліяніемъ Полигнота, никоимъ образомъ не могутъ служить матеріаломъ для воспроизведенія картинъ великаго живописца. Итакъ, соглашаясь съ тѣмъ, что этотъ опытъ, по всей вѣроятности, передаетъ болѣе или менѣе удачно композицію Полигнота въ смыслѣ размѣщенія фигуръ, мы въ то же время увѣрены, что оригиналъ носилъ болѣе свободный характеръ рисунка.

В. Мальбергъ.

Записки Никиты Ивановича Толубѣева (1780 — 1809 гг.). Рукопись собранія А. А. Титова. Изданіе редакціи историческаго журнала Русская Старина. С.-Пб. 1889.

А. А. Титову удалось сдѣлать цѣнную находку на нижегородской толкучкѣ: онъ купилъ записки Н. И. Толубѣева, жившаго въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ то въ Нижнемъ, то въ своей нижегородской деревнѣ на старой Муромской дорогѣ. Находки такія не рѣдки въ нашихъ провинціальныхъ городахъ: такъ, въ томъ же Нижнемъ куплена была въ мелочной лавочкѣ цѣлая связка писемъ Кулибина, попавшая туда по смерти послѣдней изъ его дочерей. Мы, къ сожалѣнію, еще не привыкли дорожить памятью прошлаго; къ счастью, записки Толубѣева попались въ хорошія руки, и мы ихъ видимъ изданными; письма же Кулибина погибли вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ.

Записки Толубѣева не принадлежатъ къ числу книгъ, къ которымъ съ жадностью обращаются любители чтенія: въ нихъ не найдется ни откровеній политическихъ тайнъ прошлаго времени, ни пикантныхъ анекдотовъ, ни блестящихъ характеристикъ, ни изящнаго художественнаго изложенія. Въ нихъ все просто и сѣро, какъ проста и сѣра была жизнь мелкаго помѣщика и субалтерня-офицера первой четверти нашего столѣтія. Но записки эти поражаютъ внимательнаго читателя своимъ простодушіемъ. Передъ нами встаетъ образъ честнаго, хотя и малограмотнаго человѣка, добросовѣстно исполняющаго возлагаемая на него обязанности, покорно переносящаго посылаемыя на него испытанія, готоваго и пофилософствовать на досугѣ о томъ, какъ хорошо жить богатымъ людямъ; подобныя разсужденія, которымъ онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, чрезвычайно характеристичны: въ нихъ мы не слышимъ зависти къ богатымъ, а скорѣе признаніе совершившагося факта. Издатель сближаетъ Толубѣева съ Болотовымъ и Даниловымъ. Въ этомъ сближеніи есть своя доля правды: по непосредственности своего изложенія Толубѣевъ напоминаетъ въ особенности Данилова; сходство же его съ Болотовымъ болѣе отдаленно: ихъ сближаетъ, конечно, то, что принадлежитъ къ одному и тому же типу русскихъ помѣщиковъ старыхъ временъ, къ тому простодушному типу, который глубоко былъ преданъ сознанію обязанностей, который далекъ былъ и отъ подвиговъ Куролесовыхъ, и отъ начинающагося вольнодумства. При сходствѣ съ Болотовымъ Толубѣевъ представляетъ съ нимъ и различіе: учились оба на жѣдныя деньги, но хотя Толубѣевъ былъ и зна-

чительно моложе Болотова, хотя кое-что и читалъ, онъ совершенно былъ лишенъ Болотовской любознательности, и по узости круга, въ которомъ онъ жилъ, и по природному недостатку въ наблюдательности онъ не видалъ и не записалъ такъ много, какъ видѣлъ и записалъ Болотовъ.

Записки Толубѣева начинаются безыскусственною, но чрезвычайно интересною картиною сельской жизни конца XVIII вѣка. Большинство современныхъ намъ писателей и изслѣдователей останавливаются преимущественно на темной сторонѣ времени крѣпостнаго права. Обрушиваясь всею силой своего негодованія на тѣхъ людей стараго времени, которые не считали возможнымъ немедленное освобожденіе крестьянъ, писатели эти, пользующіеся по большей части сатирическими обличеніями современниковъ или уголовными дѣлами, рисуютъ намъ мрачную картину, по самой своей мрачности, кажущуюся подозрительно людямъ непредубѣжденнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ общество, состоящее, съ одной стороны изъ свирѣпыхъ злодѣевъ, и съ другой — изъ тупыхъ или озлобленныхъ рабовъ? Такого общества не бывало съ начала міра. Во всякой картинѣ рядомъ съ тѣнью мы видимъ и свѣтъ. Обличители эти забываютъ, что Пушкинъ, конечно, не врагъ освобожденія крестьянъ, Пушкинъ, мощное воззваніе котораго къ будущему Царю-Освободителю всѣмъ памятно и всѣмъ знакомо, этотъ самый Пушкинъ нарисовалъ намъ въ высокой степени симпатичный образъ благодушнаго помѣщика въ своемъ Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, и тотъ же Пушкинъ въ „Дубровскомъ“ изобразилъ преданность населенія къ своему помѣщику. Нашъ авторъ, во многомъ напоминающій Бѣлкина, описывая деревенскую жизнь, изображаетъ мать свою, лѣчившую крестьянъ разными травками и пользовавшуюся за то ихъ полнымъ уваженіемъ. Кто изъ жившихъ въ деревнѣ въ старыя годы не помнитъ барскихъ аптечекъ съ пучками шалфея, ромашки, разныхъ лѣкарственныхъ травъ, съ перегнанною въ домашнихъ кубкахъ розовою и черемуховою водою и тому подобными нехитрыми медикаментами? Только намекая на отношенія помѣщика къ крестьянамъ, Толубѣевъ съ особенною любовью останавливается на бытѣ крестьянъ: бытъ этотъ сохранялъ тогда всю свою патриархальность: старики управляли своимъ домомъ и въ міру имѣли первый голосъ. Изъ разказовъ Толубѣева мы видимъ, что въ ихъ мѣстности (въ Орловской губерніи) старики вмѣшивались въ игры молодежи и предупреждали всякія обиды и всякія нарушенія порядка. Страницы, посвященныя

нашимъ авторомъ народной жизни тѣхъ дальнихъ временъ, будутъ драгоценны для историка народнаго быта. Въ безыскусственныхъ, но привлекательныхъ картинкахъ проходитъ передъ нами сельскій людъ во всѣ поры года. Мы видимъ крестьянъ на работѣ, во время сельской ярмарки, въ лѣтнихъ хоровахъ, въ зимнихъ играхъ о святкахъ и о масленицѣ.

Изъ деревни поваръ Толубѣевъ въ городъ и поумищенъ былъ въ открывшееся народное училище. Объ ученіи его мы не узнаемъ ничего и можемъ только догадываться, что оно шло плохо; за то читаемъ разказы о разныхъ его неагостяхъ. Курса онъ не кончилъ и былъ опредѣленъ отцомъ въ гражданскую службу. Служба эта, грязная и скучная въ тогдашнихъ провинціальныхъ мѣстахъ, надоѣдала мальчику, и онъ былъ доволенъ, когда, съ помощью дяди, ему удалось перейти въ военную службу. Въ царствованіе Павла онъ только переходилъ по разнымъ мѣстностямъ, но при Александрѣ участвовалъ въ войнахъ 1805, 1807 гг. и въ Шведской войнѣ, а по выходѣ въ отставку снова поступилъ въ ополченіе, которое онъ называлъ „огорченіемъ“. Вотъ какъ характеризуетъ издатель военную службу Толубѣева: „Тяжелую, воловью работу вынесъ Толубѣевъ въ рядахъ кавалерійскаго полка, который въ разное время былъ то кирасирскимъ, то драгунскимъ, то наконецъ, гусарскимъ, мѣняя свои названія вмѣстѣ съ своею формою, крайне стѣснительною по массѣ мелкихъ принадлежностей и необходимости чистки всѣхъ этихъ приборовъ и уборовъ, для военнаго дѣла вовсе ненужныхъ. Мы застаемъ въ этомъ полку Н. И. Толубѣева то бравымъ ординарцемъ почти безсмысленно у различныхъ шефовъ и ревизующихъ командировъ, то аудиторомъ, квартирмейстеромъ, а не то шефскимъ или полковымъ адъютантомъ, наконецъ бригаднымъ адъютантомъ. Никита Ивановичъ былъ грамотнѣе своихъ товарищей-офицеровъ, писалъ красиво, а главное, былъ расторопнѣе и исполнительнѣе другихъ, — вотъ почему имъ чрезвычайно дорожили его непосредственные начальники; это не помѣшало, однако, Толубѣеву однажды чуть не погибнуть по капризу одного изъ своихъ не въ мѣру раздражительныхъ и самолюбивыхъ полковыхъ шефовъ“. Въ нѣсколько утомительномъ повѣствованіи о военной службѣ нашего автора встрѣчаются любопытные эпизоды: разказы о пышности западно-русскихъ помѣщиковъ Браницкихъ, Суденки; эпизодъ о столкновеніи его генерала Л. съ княземъ В. (именъ — авторъ записокъ не обозначаетъ), который не представилъ храбраго генерала къ наградѣ изъ зависти, вслѣдствіе

чего награду отъ своего правительства генералъ получилъ только тогда, когда ему дана была награда отъ Прусскаго короля. Описанія битвъ у нашего автора, конечно, ничего не дадутъ военному историку, ибо онъ писалъ только то, что самъ видѣлъ, но нѣкоторыя черты, быть можетъ, не останутся не замѣченными. Благодарныя автору сказывается въ его благодарномъ воспоминаніи о всѣхъ, кто оказалъ ему какую-нибудь услугу. Въ особенности трогателенъ его разказъ о томъ, какъ ухаживала за нимъ больнымъ хозяйка-нѣмка въ Бѣлостоѣ, тогда принадлежавшемъ Пруссіи. Чрезвычайно симпатичными выходятъ у нашего автора типы простыхъ, русскихъ людей, съ которыми онъ сталкивался въ военной службѣ. Таковъ кирасиръ Клименко, учившій его на первыхъ порахъ военному артикулу. Строгій служака Клименко былъ строгъ и въ жизни; вотъ что говорилъ онъ нашему автору, попробовавшему читать ему сперва какой-то романъ, а потомъ апокрифическую тетрадку „Сонъ Богородицы“: „Вамъ треба читать Евангеліе, Апостолъ, Библію, а изъ свѣтскихъ: Дѣянія Петра Великаго, походы Миника, Румянцева, Суворова, а романы ваши успѣете увидѣть или услышать на дѣлѣ, раскольничьихъ же книгъ и въ руки брать не треба“. Такимъ же симпатическимъ лицомъ является у нашего автора деньщикъ его Грицко, съ нѣжною любовью ухаживавшій за нимъ во время его болѣзни.

Женившись и вышедши въ отставку, Н. И. Толубѣевъ поселился въ Нижегородской губерніи. Изъ этой эпохи своей жизни онъ записалъ очень мало. Любопытенъ только эпизодъ о томъ, какъ при выходѣ изъ театра онъ былъ раздавленъ лошадьми откупщика, при чемъ ему повреждено было ребро; откупщикъ за это не подвергся никакой отвѣтственности. На этомъ эпизодѣ прекращаются записки Толубѣева. Дальнѣйшую его судьбу узнаемъ отчасти изъ приписки его пріятеля на рукописи. Приписка эта коротка, а конецъ ея оборванъ. Годъ смерти Толубѣева не извѣстенъ. Изъ сыновей его одинъ, Аполлонъ Никитичъ, былъ учителемъ исторіи въ Нижегородской гимназіи до 1839 г., а другой, Павелъ Никитичъ, кончилъ курсъ въ гимназіи въ 1841 г., потомъ служилъ въ Нижнемъ и теперь, кажется, скончался.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

RECUEIL DES INSTRUCTIONS DONNÉES AUX AMBASSADEURS ET MINISTRES DE FRANCE DEPUIS LES TRAITÉS DE WESTPHALIE JUSQU'À LA RÉVOLUTION FRANÇAISE. T. IV—V. Pologne, avec une introduction et des notes par *Louis Farjes*. Paris. 1888.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ комиссія дипломатическихъ архивовъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ рѣшила издать сборникъ инструкцій, получавшихся французскими посланниками въ разныхъ европейскихъ государствахъ отъ Вестфальскаго мира до революціи 1789 года, при чемъ редакторы отдѣльныхъ томовъ должны были снабдить издаваемые документы вступительными статьями и примѣчаніями. Первый томъ этого собранія, заключающій въ себѣ инструкціи посланникамъ въ Австрію, былъ изданъ подъ редакціей Альберта Сореля, автора превосходнаго сочиненія „L'Europe et la révolution française“. Слѣдующій томъ былъ посвященъ Швеціи и изданъ былъ подъ редакціей А. Жеффруа, написавшаго исторію Густава III Шведскаго. Третій томъ, редактировавшійся виконтомъ de Caix de Saint-Aymour, занятъ инструкціями посланцамъ въ Португалію. Цѣлые два тома, четвертый и пятый, по поводу конхъ мы пишемъ эту замѣтку, содержатъ въ себѣ подобныя же документы, относящіяся къ исторіи Польши, а вступительная статья и примѣчанія принадлежатъ здѣсь Луи Фаржу. Съ шестаго тома начинаются инструкціи французскимъ посланникамъ въ Римъ, которыя, вѣроятно, займутъ болѣе двухъ томовъ: въ вышедшей части помѣщены документы только отъ 1648 по 1687 г. (редакторъ Napotaux). Дальнѣйшіе выпуски будутъ посвящены Англіи, Пруссіи, Россіи (редакція проф. Рамбо), Турціи, Голландіи, германскому сейму (diète germanique), Баваріи и Пфальцу, Даніи, Савойѣ и Мантуѣ, Неаполю и Пармѣ и наконецъ Венеціи. Весь сборникъ будетъ состоять не менѣе, какъ изъ двадцати томовъ и, конечно, представитъ собою весьма важный историческій матеріалъ.

Лежащія передъ нами два тома, которые содержатъ въ себѣ инструкціи французскимъ посланцамъ въ Польшу, состоятъ изъ 82 страницъ введенія, написаннаго редакторомъ Л. Фаржемъ, изъ 665 страницъ документовъ съ примѣчаніями и 31 страницы алфавитнаго указателя собственныхъ именъ. Во введеніи редакторъ сборника даетъ краткій очеркъ исторіи Польши, обращая особое вниманіе на исторію отношеній между этимъ государствомъ и Франціей съ древнѣйшихъ временъ. Особенно подробнымъ дѣлается изложеніе съ XVII вѣка: посредничество Франціи между Польшей и Швеціей въ эпоху Трид-

пятилѣтней войны, кандидатура принца Конде на польскій престолъ, отношенія между Людовикомъ XIV и Яномъ Собѣскимъ, кандидатура принца Конти, отношенія между Франціей и Польшей при Августѣ II, борьба за польскій престолъ въ 1733 г., въ которой была заинтересована Франція, секретная политика Людовика XV въ Польшѣ, французская революція и Польша—вотъ тѣ предметы, на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивается вниманіе автора въ этомъ историческомъ очеркѣ. Кромѣ архивнаго матеріала, положеннаго въ основу послѣдняго, авторъ широко пользовался всѣмъ, что только было писано по французски и въ прежнія, и въ недавнія времена о Польшѣ, при чемъ для нѣкоторыхъ отдѣловъ своего введенія онъ имѣлъ надежныхъ руководителей. Таковы маркизь де Ноайль, авторъ известной книги „*Henry de Valois et la Pologne en 1572*“, Сальванди, историкъ Яна Собѣскаго, Ауербахъ, издавшій года два тому назадъ сочиненіе „*La diplomatie française et la cour de Saxe*“, герцогъ Бродль, разказавшій о секретной политикѣ Людовика XV въ особомъ изслѣдованіи (*Le secret du roi*) и др. Послѣднія времена Рѣчи Посполитой разказаны въ этомъ очеркѣ весьма коротко, такъ какъ въ эту эпоху Франція оставила Польшу почти на произволъ судьбы. Сущность отношеній Франціи къ Польшѣ сводится къ тому, что первое изъ этихъ государствъ всегда дорожило вторымъ въ видахъ своей политики на сѣверо-востокѣ Европы то по отношенію къ своей старой соперницѣ—Австріи, то противъ усиливавагося могущества Россіи и Пруссіи. Въ XVI в. Франція посадила своего принца на польскій престолъ, въ XVII оказала Рѣчи Посполитой добрую услугу упомянутымъ выше посредничествомъ, сажала на польскій престолъ французенокъ, пыталась добиться польской короны для двухъ своихъ принцевъ, а въ XVIII вѣкѣ шла по той же дорогѣ и даже въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой, въ эпоху наибольшей бездѣятельности своей внѣшней политики, все еще оказывала помощь польскимъ патриотамъ. Фаржь держится того мнѣнія, что, не смотря на весь интересъ, какой имѣла Франція въ спасеніи Польши, сдѣлать этого она не могла. Въ его сборникѣ приводится (т. I, стр. 81) интересный документъ 1664 г., въ которомъ повторяется знаменитое пророчество Яна Казимира, сдѣланное въ 1661 г. Именно въ инструкціи министра иностранныхъ дѣлъ Лионна посланнику въ Польшѣ Бонси мы читаемъ между прочимъ: „*Les bons Polonais qui aiment véritablement leur patrie ne sont pas sans appréhension, et avec beaucoup de fondement, qu'il n'y ait un concert secret et peut-être déjà un traité exprès entre l'empereur,*

l'électeur de Brandebourg et le czar pour partager entre eux la Pologne à la mort du roi et s'approprier chacun les pièces de ce royaume-là et du grand duché qui se trouveront le plus à leur bienséance pour la proximité de leurs états⁴. Возможность раздѣла, существовавшая во второй половинѣ XVII вѣка, сдѣлалась необходимою, независимо отъ разныхъ причинъ, на которыхъ вообще указываютъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что Россія, желавшая играть выдающуюся роль въ западно-европейскихъ дѣлахъ, могла достигнуть своей цѣли, только соединившись съ Польшею или погубивъ это государство. Такъ думаетъ Фаржъ (т. I, стр. LXXXI), прибавляя къ этому, что стремленіе Россіи къ Балтійскому морю неминуемо ставило вопросъ объ отторженіи Литвы, а ключи Константинополя находились прямо въ Варшавѣ. Такимъ образомъ новый французскій историкъ вѣршинныхъ судьбъ Польши, подобно всѣмъ вообще нерусскимъ историкамъ, не обращаетъ вниманія на племенной составъ Рѣчи Посполитой, который въ связи съ „собираніемъ Руси“ объясняетъ очень многое въ упомянутыхъ судьбахъ: не одно желаніе Россіи играть политическую роль на западѣ было причиной борьбы между обоими государствами не на животь, а на смерть. И въ главѣ о „польской расѣ“ (стр. III sq.) авторъ не обратилъ вниманія на русскій элементъ въ населеніи Рѣчи Посполитой и на вѣковой процессъ „собиранія Руси“. Только говоря о территоріи прежней Польши вообще и въ частности о ея восточныхъ и юго-восточныхъ границахъ, онъ замѣчаетъ: „là, la Pologne était séparée de ses voisins par une véritable marche, sans cesse reconquise ou perdue, et sur laquelle les Tartares et les Moscovites prétendaient à la souveraineté aussi bien qu'elle“ (стр. II). Объясняя читателямъ, что такое Литва (стр. I), онъ равнымъ образомъ не упоминаетъ о племенномъ составѣ ея населенія. Въ данномъ случаѣ Фаржу слѣдовало бы обратиться къ „Русской исторіи“ Рамбо, изъ которой онъ извлекъ бы болѣе полныя свѣдѣнія объ историческихъ русско-польскихъ отношеніяхъ: нельзя, конечно, назвать вполне надежнымъ главный источникъ его знаній по этому вопросу—„Tableau de la Pologne ancienne et moderne par Malte-Brun et Léonard Chodzko“ (1830).

Въ послѣднія 30—40 лѣтъ существованія Польша, именно съ Семилѣтней войны, Франція все больше и больше отстраняется отъ польскихъ дѣлъ. Въ инструкціи Шуазеля маркизу de Raulmy, бывшему посланникомъ въ Польшѣ въ 1760 году (см. т. II, стр. 215—229), уже видно, что французское правительство покидаетъ Рѣчь

Посполитую, ибо прежняя политика подвергается осужденію. „On a suivi par le passé“, читаемъ мы здѣсь,—„à l'égard de ce royaume une conduite très couteuse à la France, et qui n'avoit d'autre fondement que le préjugé d'un ancien usage. On a traité avec la couronne de Pologne comme avec les puissances qui ont un gouvernement réglé, et dont on peut craindre ou espérer quelque influence dans le corps politique de l'Europe, ce qui est une erreur manifeste“. Указавъ въ подробности на то, въ чемъ состояли ошибки французской политики въ польскихъ дѣлахъ, министръ продолжаетъ: „Mais comme cette anarchie convient aux intérêts de la France, toute sa politique à l'égard de ce royaume doit se réduire à la maintenir et à empêcher qu' aucune puissance n'accroisse son domaine aux dépens de celui de la Pologne. Tout autre système serait illusoire“. Поэтому Французскій король отказывался впредь отъ образованія и поддержки собственной партіи въ Польшѣ и отъ дѣятельнаго вмѣшательства во внутреннія польскія дѣла. Было бы слишкомъ долго приводить здѣсь все содержаніе этого любопытнаго документа, объясняющаго намъ, почему Франція отреклась отъ своей прежней политики въ Рѣчи Посполитой: указываемъ только на его несомнѣнную важность при обсужденіи вопроса о томъ, какъ сложились для Польши внѣшнія неблагоприятныя обстоятельства. Извѣстно, что послѣ избранія Станислава Понятовскаго вслѣдствіе оскорбленія на сеймѣ упомянутаго de Rauphu даже прекратились вплоть до революціи официальные отношенія между Франціей и Польшей: версальскій кабинетъ не назначалъ новаго посланника, довольствуясь только болѣе или менѣе случайными агентами, среди коихъ въ качествѣ „envoyés“ мы встрѣчаемъ Дюмурье и Виомениа. Такъ продолжалось дѣло до перваго раздѣла, послѣ чего Франція уже не имѣла никакихъ агентовъ въ Польшѣ. Къ эпохѣ между 1772 и 1791 гг. относится только одна инструкція, помѣщенная въ сборникъ: въ 1775 г. французскій министръ иностранныхъ дѣлъ де Верженнъ обратился къ данцигскому резиденту de Pons'у съ нѣкоторыми указаніями относительно польскихъ дѣлъ, и въ этомъ документѣ (т. II, стр. 310—312) прямо говорится о полномъ отреченіи отъ Польши въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ. „La France“, говорится здѣсь между прочимъ,—„a cessé de s'occuper du salut de la Pologne; elle a même cessé de donner des conseils aux patriotes, par la raison qu'elle n'étoit plus en mesure de les contenir, ni par son influence, ni par la force de ses armes“. De Pons'у дается совѣтъ главнымъ образомъ

наблюдать за тѣмъ, что творится въ Рѣчи Посполитой. Вообще эти инструкціи 1760—1775 годовъ проливаютъ свѣтъ на французскую политику въ Польшѣ передъ первымъ раздѣломъ и въ эпоху этого раздѣла.

Официальныя сношенія Франціи съ Рѣчью Посполитой были возобновлены только въ 1791 г. Послѣ переворота 3-го мая въ Варшавѣ былъ посланъ полномочный министръ, на что Франція отвѣтила посылкою такового въ лицѣ Descorches, marquis de Sainte-Croix. Послѣдній покинулъ свой постъ послѣ крушенія монархіи во Франціи, и представителемъ республики въ Варшавѣ сдѣлался Vonpeau въ качествѣ chargé d'affaires. Наконецъ, во время возстанія Костюшки въ Польшу былъ посланъ конвентомъ citoyen Parandier тоже въ качествѣ chargé d'affaires. Инструкціи тремъ этимъ дипломатическимъ агентамъ, занимающія 17 страницъ, и заключаютъ сборникъ Фаржа. Вотъ и все, что имѣется въ сборникѣ по любопытному вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ, въ коихъ одновременно происходили революціи, имѣвшія не мало точекъ соприкосновенія. Указаніемъ на нѣкоторые факты, относящіеся къ этой эпохѣ, я и окончу свой краткій отчетъ о цѣнномъ сборникѣ Фаржа,

Посылая въ Варшаву Декорша, французское правительство должно было предвидѣть, что его шагъ будетъ истолкованъ въ смыслѣ возвращенія къ старой политикѣ, и новому посланнику предписывалось первымъ дѣломъ „d'empêcher cette opinion de s'établir“. Дѣло въ томъ, что по мнѣнію французскаго правительства, Польша „n'ajoutera pas de longtemps un grand poids dans le côté de la balance de l'Europe où elle se laissera entraîner“. Такимъ образомъ въ Парижѣ не особенно вѣрили въ возрожденіе Рѣчи Посполитой послѣ конституціи 3-го мая. Далѣе въ инструкціи было сказано, что хотя Французскій король воспротивился бы новому расчлененію Польши, тѣмъ не менѣе его посланникъ долженъ избѣгать всего, что могло бы открыть истинныя виды короля. Посланнику рекомендуется также не особенно довѣряться какой-нибудь одной партіи „parce que les Polonois changent souvent de parti et ne sont pas fort discrets“. Наконецъ, Декоршу въмѣняется въ обязанность поменьше говорить о французской революціи и только исправлять идеи о новомъ французскомъ устройствѣ, не пытаясь его проагандировать. Образование торговицкой конфедераціи сдѣлало пребываніе посланника въ Варшавѣ весьма затруднительнымъ, а послѣ 10-го августа, когда рушился тронъ во Франціи, ему прямо дано было знать великимъ маршалкомъ Мнишхомъ, что

онъ не можетъ оставаться въ Рѣчи Посполитой. Убѣжая домою, Декоршъ поручилъ веденіе дѣлъ своему секретарю Бонно, которому далъ небольшую инструкцію, какъ себя вести въ столь затруднительномъ положеніи, но Бонно не долго завѣдывалъ дѣлами: въ 1793 г. онъ былъ арестованъ по приказанію Екатерины II и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Когда началось возстаніе Костюшки, комитетъ общественнаго спасенія, завѣдывавшій тогда внѣшнею политикою Франціи, послалъ въ Польшу гражданина Парандье съ небольшою инструкціею. Цѣлью комитета было узнать, какую выгоду могла бы извлечь Франція изъ польской революціи въ своей борьбѣ съ коалиціей, и Парандье не долженъ былъ ни заключать союзъ съ Рѣчью Посполитой, ни пытаться ее спасти. Миссія Парандье должна была оставаться тайной, и самъ онъ долженъ былъ объявить себя агентомъ Французской республики только членамъ польскаго правительства. Комитетомъ общественнаго спасенія ему ставился вопросъ, дабы онъ могъ сообщить нѣкоторыя идеи „sur la meilleure manière de tirer parti de l'insurrection polonoise pour les intérêts de la liberté et de l'égalité en général et pour ceux de la République en particulier“. Этими комитетъ болѣе всего интересовался, но считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ преждевременнымъ „d'accréditer dans le moment actuel un agent quelconque d'une manière ostensible et solennelle auprès du gouvernement provisoire de Pologne“. Та же осторожность заставила французское революціонное правительство рекомендовать своему агенту величайшую сдержанность по отношенію къ внутреннимъ польскимъ дѣламъ. Наконецъ, и ему предписывалось „просвѣщать мнѣніе поляковъ и народовъ, сосѣднихъ съ Польшей, относительно событій и характера французской революціи“. Такимъ образомъ и въ эту эпоху, когда одинаковость положенія Франціи и Польши среди другихъ государствъ и сходство того, что дѣлалось внутри обѣихъ странъ, наиболѣе благоприятствовали ихъ союзу, Франція держалась относительно Рѣчи Посполитой той политики, которая была возвѣщена инструкціей 1760 г.: комитетъ общественнаго спасенія не отступилъ отъ образа дѣйствій правительствъ Людовика XV и Людовика XVI. Дѣло въ томъ, что Франція перестала дорожить союзомъ съ Польшей, потому что извѣрилась въ его выгоды для себя.

Заключимъ нашу замѣтку желаніемъ, чтобъ и остальные томы прекраснаго французскаго изданія не заставили себя ждать.

Н. Карѣевъ.

Новыя явленія провинціальной исторической литературы.

Провинціальная историческая литература замѣтно развивается въ послѣдніе годы. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ ея совсѣмъ не существовало и въ прежнее время. Въ ряду почтенныхъ дѣятелей нашей историографіи встрѣчаются еще въ XVIII вѣкѣ нѣсколько достопамятныхъ именъ мѣстныхъ дѣятелей. Съ начала изданія губернскихъ вѣдомостей дѣятельность провинціальныхъ дѣписателей усиливается, ибо тогда редакторами этихъ изданій являлись очень часто люди съ научнымъ интересомъ и высшимъ образованіемъ. Вѣглый просмотръ составленнаго нѣкогда И. П. Боричевскимъ „Указателя къ губернскимъ вѣдомостямъ съ 1842 по 1850 годъ“ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ. Дѣятельность научная не прекращалась въ провинціи, но развитіе провинціальныхъ корреспонденцій отчасти отвлекало отъ нея. Нынѣ же, когда къ губернскимъ статистическимъ комитетамъ, оказавшимъ не малыя услуги къ познанію нашего отечества, присоединились еще архивныя комиссія, дѣятельность эта становится замѣтнѣе и, быть можетъ, будетъ плодотворнѣе; хорошимъ примѣромъ для работъ губернскихъ архивныхъ комиссій могли бы служить почтенные труды археографическихъ комиссій, существующихъ въ Кіевѣ и Вильнѣ.

I.

Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. *А. Дмитриева*. Выпускъ I. Пермь. 1889.

Пермскій край давно уже принадлежитъ къ числу мѣстностей, выставляющихъ видныхъ работниковъ въ области научной. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ имена, но нельзя не упомянуть Д. Д. Смышляева, издателя „Пермскаго Сборника“ и составителя прекрасной книги „Источники и пособія для изученія Пермскаго края“ и Н. К. Чупина, посвятившаго много лѣтъ изученію Пермскаго края и составившаго драгоцѣнный, хотя, въ сожалѣнію и не оконченный словарь Пермской губерніи. Къ этимъ достопамятнымъ труженикамъ присоединился съ 1880 года А. А. Дмитріевъ. Изъ любопытнаго автобіографическаго предисловія, предпосланнаго книгѣ, мы узнаемъ, что авторъ ея еще въ Казанскомъ университетѣ, подъ руководствомъ профессора Д. А. Корсакова, занимался изученіемъ, по лѣтописямъ и грамотамъ,

новгородской исторіи, тѣсно связанной съ исторіей Перми. Получивъ мѣсто въ Пермской гимназіи, онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по разнымъ мѣстностямъ края, составилъ себѣ небольшую коллекцію рукописей, по содержанию касающихся Пермскаго края, и напечаталъ въ разныхъ изданіяхъ довольно много статей, заключающихъ въ себѣ или изслѣдованія, или матеріалы, касающіеся того же края. Издаваемый имъ сборникъ долженъ, по его плану, состоять, главнымъ образомъ изъ перепечатки прежнихъ его статей въ передѣланномъ видѣ. Старымъ статьямъ предшествуетъ статья о Перми Великой, занимающая, кромѣ нѣсколькихъ страницъ, отданныхъ матеріаламъ, весь первый выпускъ сборника.

Статья о Перми Великой слѣдитъ за судьбами ея до второй четверти XVII вѣка. Она свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ автора съ существующими изслѣдованіями и съ доступнымъ ему первоначальнымъ матеріаломъ. Онъ начинаетъ съ изложенія разныхъ мнѣній о Біарміи и приходитъ къ тому убѣжденію, что Біармія не Пермь, а часть нынѣшней Архангельской губерніи. На основаніи археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ Пермскомъ краѣ, авторъ соглашается съ тѣми изслѣдователями, которые полагаютъ, что драгоценныя вещи, находимыя въ тѣхъ мѣстностяхъ, суть произведенія, завозимыя сюда болгарскими торговцами. Мѣстное же добываніе металловъ, засвидѣтельствованное „чуждыми копами“, было незначительно, и подѣлки изъ добываемыхъ матеріаловъ грубы. Конечно, свѣдѣнія скандинавскихъ сагъ, во первыхъ, баснословны, и вторыхъ, какъ авторъ, вполне убѣдительно доказываетъ, къ Перми не относятся. Но нельзя не замѣтить, что самое добываніе желѣза есть уже признакъ нѣкоторой степени цивилизаціи. Къ сожалѣнію, новгородцы, первые до нѣкоторой степени подчинившіе себѣ Пермскую землю, не оставили намъ о ней никакихъ подробностей, болгары же, тщательно скрывавшіе отъ заѣзжихъ путешественниковъ о своихъ торговыхъ сношеніяхъ и сами не имѣвшіе письменности, не сообщили ровно ничего; но самый фактъ торговли, самое нахожденіе драгоценныхъ вещей, изъ которыхъ многія пошли говорить, на переливъ, тоже не свидѣтельствуютъ въ пользу полного отсутствія цивилизаціи въ древней Пермской землѣ. Въ связи съ вопросомъ о древнемъ населеніи края, авторъ представляетъ любопытныя свѣдѣнія о путяхъ въ Пермь въ древнюю эпоху, въ пору новгородскаго владычества и во времена московскія. Въ связи съ тѣмъ же вопросомъ авторъ изслѣдуетъ появленіе горныхъ и соляныхъ промы-

часть сслхш, отд. 2.

словъ въ этомъ краѣ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ границамъ и административному раздѣленію Перми Великой до начала XVII вѣка. Здѣсь онъ искусно пользуется источниками, начиная съ житія Стефана Пермскаго и кончая грамотами и писцовыми книгами XVI и XVII вв. Здѣсь онъ твердо указываетъ отдѣльность Перми Великой (Прикамской) отъ Перми Вычегодской, опредѣляетъ административное дѣленіе Великой Перми, состояніе ея городовъ и уѣздовъ, а также образовавшихся внутри ея владѣній Строгановыхъ и Пыскорскаго монастыря.

Послѣдняя глава любопытнаго изслѣдованія г. Дмитриева посвящена управленію древней Перми до XVII вѣка. Здѣсь мы встрѣчаемъ много важныхъ свѣдѣній и замѣчаній объ іерархіи Пермской и Велико-Пермской. Со времени св. Стефана, до 1571 г. кафедра была въ Усть-Вьми, а до 1658 года въ Вологдѣ, при чемъ съ 1584 года епископы называются Вологодскими и Великопермскими. Важны также свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой главѣ о Пермскихъ князьяхъ-христіанахъ, подручникахъ великаго князя Московскаго, и о смѣнившихъ ихъ намѣстникахъ и воеводахъ. Характеристику же новгородскаго управленія Перми авторъ заимствуетъ у Н. И. Костомарова. Въ концѣ книги помѣщены два документа, перепечатанные авторомъ изъ рѣдкихъ и малодоступныхъ книгъ: 1) Великопермская уставная грамота чердынцевъ и усольцевъ XVI вѣка и 2) Поступное письмо Якова, Григорія и Семена Аникіевичей Строгановыхъ Пыскорскому монастырю 1570 года.

Въ настоящее время существуетъ обширный сборникъ г. Шишонка „Пермская лѣтопись“, представляющій собою возможно полный сводъ всего, что до сихъ поръ извѣстно о томъ краѣ. Не отвергая пользы подобныхъ сводовъ, хотя бы они и представляли значительныя погрѣшности, на которыя г. Дмитриевъ не разъ указываетъ въ книгѣ г. Шишонка, нельзя не признавать, что они только облегчаютъ трудъ изслѣдователю, а никакъ не замѣняютъ его работы. Работа же г. Дмитриева, какъ и работы гг. Спицына (въ Вяткѣ), Сапунова (въ Витебскѣ), Гацискаго (въ Нижнемъ-Новгородѣ) Жизневскаго (въ Твери), Суворова въ (Вологдѣ) и иныхъ, есть работа столько же изслѣдователя, сколько и собирателя. Если архивныя комиссіи послужатъ центромъ для работъ такихъ тружениковъ и окажутъ имъ нравственную или матеріальную поддержку, то исторія разныхъ мѣстностей Русской земли, а вмѣстѣ съ нею и общая русская исторія, далеко подвинется впередъ. Искренно пожелаемъ, чтобы такъ хорошо начатый трудъ продолжался безостановочно.

II.

А. А. Титовъ. Лѣтопись Великоустюжская. Изданіе. А. К. Трапезникова. Москва. 1889.

Всероссійская лѣтопись мало по малу замирала и наконецъ совсѣмъ умерла въ XVII вѣкѣ, замѣняясь въ XVIII вѣкѣ газетою, съ одной стороны, и болѣе сильнымъ развитіемъ записокъ частныхъ людей—съ другой. Но въ областяхъ и городахъ Русской земли продолжалось записываніе мѣстныхъ событій въ XVIII и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ XIX вѣкѣ. Многія изъ такихъ лѣтописей теперь уже извѣстны публикѣ. Начинаясь часто выборкой извѣстій о данной мѣстности изъ обще-русскихъ лѣтописей, а можетъ быть, частью и изъ мѣстныхъ, до насъ не дошедшихъ, лѣтописи эти заключаются замѣтками одного или нѣсколькихъ послѣдовательныхъ лѣтописцевъ. Замѣчательно одно обстоятельство: въ обще-русскихъ лѣтописяхъ древнихъ мы усматриваемъ привязанность къ тому или другому княжескому роду, къ тому или другому князю, въ новыхъ — ту или другую политическую тенденцію, въ лѣтописяхъ Новгорода и Пскова—преданность родному устройству или слѣды вліянія той или другой изъ враждующихъ партій; въ лѣтописяхъ же мѣстныхъ мы встрѣчаемъ почти полное безпристрастіе. Если существовалъ прототипъ Пушкинскаго Пимена, то именно въ этихъ мѣстныхъ лѣтописцахъ. Горячее чувство сказывается у нихъ лишь только въ повѣствованіи о чудесахъ. А. А. Титовъ, о полезныхъ трудахъ котораго по изученію русской старины не разъ было говорено на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, составилъ сводъ изъ нѣсколькихъ рукописныхъ устюжскихъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ новѣйшій доходитъ до 1885 года. Еще въ 1873 году извѣстный вологодскій археологъ Н. И. Суворовъ издалъ подобный же сводъ, дополнивъ его выписками изъ Карамзина и другихъ источниковъ. Въ основу того и другаго изданія легъ сборникъ, составленный въ концѣ XVIII вѣка протоіереемъ Вологдинымъ.

Описывая въ предисловіи рукописи, легшія въ основаніе его свода, г. Титовъ не обозначилъ, къ сожалѣнію, сходства и разности между употребленными имъ въ дѣло лѣтописцами. Правда, онъ указываетъ иногда на хронологическія разности между ними, но, не объясняя точно, въ чемъ они согласны, лишаетъ изслѣдователя возможности опредѣлить ихъ общій источникъ. Указывая хронологиче-

скія несогласія устюжскихъ лѣтописцевъ, издатель вноситъ однако же два раза одно и то же извѣстіе подъ разными годами; такъ напримѣръ, на стр. 13 подъ 1299 годомъ помѣщено извѣстіе о нападеніи новгородцевъ на Устюгъ при великомъ князѣ Василии Дмитріевичѣ, а на стр. 24 то же извѣстіе, но другой редакціи, правильно помѣщено подъ 1398 годомъ ¹⁾). Иногда издатель дѣлаетъ свои примѣчанія, но жаль, что этихъ примѣчаній не больше. Такъ, на стр. 51—55 разказывается о защитѣ Устюга свв. Прокопіемъ, Іоанномъ и Варлаамомъ Хутынскомъ отъ нападенія литовцевъ, въ память чего устюжане построили церковь св. Варлааму, что было въ 1603 году, когда, какъ извѣстно, не появился еще и первый самозванецъ, а движеніе шаекъ на сѣверѣ относится ко временамъ уже Тушинскаго вора. Вотъ въ такихъ случаяхъ слѣдовало бы прилагать объяснительныя примѣчанія. Нельзя не пожалѣть также, что издатель скупецъ на примѣчанія топографическія, которыя придаютъ такую цѣну извѣстному труду А. С. Гацискаго „Нижегородскій лѣтописецъ“. Самъ по себѣ сводъ устюжскихъ лѣтописей есть трудъ, исполнѣ заслуживающій благодарности, не только мѣстныхъ, но и обще-русскихъ историковъ. Въ немъ найдутъ они свѣдѣнія о старыхъ областныхъ распряхъ, (напримѣръ, съ вятчанами), о смѣнѣ архіереевъ, пока существовала особенная Великоустюжская кафедра, при чемъ дается и краткое жизнеописаніе, а иногда даже характеристика архіерея; историкъ найдетъ также свѣдѣнія о внѣшней исторіи бывшей нѣкогда семинаріи, о смѣнѣ гражданскихъ правителей, о введеніи новыхъ учрежденій, о бѣдствіяхъ народныхъ, и драгоцѣнныя, полныя наивной вѣры, разказы о чудесахъ. Въ концѣ приложены списки епископовъ-намѣстниковъ, воеводъ и городскихъ головъ. Въ началѣ изданія мы встрѣчаемъ подробное его оглавленіе, которое, по хронологическому своему расположенію, можетъ замѣнить хронологическую таблицу. Признаться, мы предпочли бы настоящую таблицу, въ которой были бы проверены годы, указанные лѣтописцемъ, и сообщены уже въ правильномъ видѣ. Не можемъ не пожалѣть также, что авторъ не послѣдовалъ хорошему примѣру тѣхъ изданій, которыя сопровождаются алфавитнымъ указателемъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было изданіемъ своего свода А. А. Титовъ оказалъ услугу наукѣ.

¹⁾ Впрочемъ издатель оговариваетъ это.

III.

Основатель Нижняго Новгорода великій князь Георгій (Юрій) Всеволодовичъ (1189—1889). Историческій очеркъ *А. М. Меморская*. Нижній Новгородъ. 1889.

4-го марта текущаго года въ Нижнемъ Новгородѣ праздновалась семисотлѣтняя память основателя этого города, князя Георгія Всеволодовича. Между другими подробностями этого праздника, которыя уже описаны въ газетахъ, было засѣданіе архивной комиссіи, и на этомъ засѣданіи была прочитана предсѣдателемъ ея А. С. Гацискимъ весьма любопытная статья „О мѣстѣ битвы на рѣкѣ Сити“. Обзорѣвъ всѣ мнѣнія, представленныя до сихъ поръ нашими учеными о мѣстѣ этой битвы, указавъ на то, что археологическія раскопки, совершенныя по берегамъ Сити, до сихъ поръ нисколько не способствовали разъясненію вопроса, почтенный изслѣдователь останавливается на народномъ преданіи, признающемъ мѣстомъ битвы теперешнее село Божонки. Къ сожалѣнію, эта любопытная статья напечатана только въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№ 11, 1889 года); потому мы и сочли нужнымъ обратить вниманіе на ея результатъ. Та же архивная комиссія издала для ознакомленія гражданъ Нижняго съ житіемъ его основателя книжку, заглавіе которой выписано выше. Книжка эта составлена подробно и достаточно умѣло. Ее сопровождаетъ списокъ источниковъ и пособій, которыми авторъ пользовался. Изъ лѣтописей онъ останавливается преимущественно на Лаврентьевскомъ спискѣ, который, конечно, долженъ быть признанъ самымъ капитальнымъ изъ источниковъ для изображенія опустошенія татарами и вообще для этой эпохи сѣверо-восточной Руси. Конечно, другія лѣтописи могутъ служить только для нѣкоторыхъ мелкихъ чертъ, — потому намъ и несовсѣмъ понятно, отчего, устраняя всякія другія лѣтописи, и даже общесводное сказаніе, находящееся въ Русскомъ Временникѣ, авторъ считаетъ нужнымъ указать на Степенную книгу. Быть можетъ, не всѣ изъ пособій, имъ употребленныхъ, могли бы принести ему какую-нибудь пользу; впрочемъ на этомъ особенно настаивать не будемъ. Книга начинается легендами о мѣстности, нынѣ занимаемой Нижнимъ-Новгородомъ, и краткою характеристикой Болгарскаго царства; затѣмъ авторъ представляетъ общую характеристику Руси въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Мы могли бы замѣтить здѣсь, что авторъ напрасно рано употреб-

ляетъ слово удѣлъ, которое въ XII вѣкѣ еще не имѣло значенія, въ чемъ онъ могъ бы убѣдиться изъ изслѣдованія Соловьева; напрасно также говорить о томъ, что удѣльная система основана завѣщаніемъ Ярослава Мудраго, ибо еще изъ „Исторіи родовыхъ отношеній“ можно было бы знать, что такого происхожденія система эта не имѣла. Самое прозваніе Мудрый тоже пора оставить, ибо оно принадлежитъ позднѣйшимъ книжникамъ. Краткій очеркъ состоянія Руси заключается очеркомъ правленія Всеволода Юрьевича. По смерти Всеволода открывается борьба между его сыновьями. Авторъ этой борьбѣ посвящаетъ обстоятельное изложеніе. По смерти Константина на столъ Владимірскій вступилъ Георгій. Авторъ слѣдитъ за его борьбою съ болгарами, сообщаетъ все, что можно было собрать объ основаніи Нижняго и о возникшей вслѣдъ за тѣмъ борьбѣ съ мордвою. Затѣмъ авторъ изображаетъ дѣятельность Георгія, какъ правителя земли Русской. Здѣсь, кажется, онъ заходитъ за предѣлы, указываемые фактами: не только Георгій Всеволодовичъ, но даже и самъ Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо не могутъ быть названы правителями всей Русской земли. Косвенно подтверждаетъ это и самъ нашъ авторъ, разказывая о подвигахъ Мстислава въ Галичѣ. Въ страницахъ, посвященныхъ этому вопросу, авторъ, говоря о сѣздѣ сѣверныхъ князей во Владимірѣ, отмѣчаетъ роль княжескихъ сѣздовъ въ древней Руси. При этомъ въ примѣчаніи онъ указываетъ, что были примѣры жестокости князей послѣ сѣзда. Фактъ неоспоримый; но можно ли считать ослѣпленіе Василька „результатомъ“ Любецкаго сѣзда, какъ дѣлаетъ то г. Меморскій? Нашествіе татаръ разказано авторомъ обстоятельно и хорошо, но показаніе автора о прямыхъ сношеніяхъ Чингисхана съ русскими князьями до Калкской битвы едва ли можно признать достовѣрнымъ. Названіе Батя сыномъ Чингисхана тоже не вѣрно: онъ былъ его внукъ. Авторъ заканчиваетъ свое изложеніе описаніемъ погребенія великаго князя Георгія и судьбы священннхъ его останковъ. Вообще книжка г. Меморскаго весьма пригодна для той цѣли, для которой она назначена. Самый же праздникъ имѣетъ высокое въ патриотическомъ смыслѣ воспитательное значеніе. Нельзя не пожелать, чтобы разныя мѣстности не упускали случая къ такимъ вполне законнымъ празднествамъ, и чтобы такіе случаи всегда подавали поводъ къ ознакомленію съ вызвавшими ихъ лицами и событіями.

IV.

Уставныя звѣскія грамоты Литовско-Русскаго государства. *Михаила Ясинскаго*.
Кіевъ. 1889.

Исторія Литовско-Русскаго государства только въ весьма недавнее время обратила на себя серьезное вниманіе русскихъ изслѣдователей. Еще недалеко то время, когда, не смотря на довольно значительное количество матеріаловъ, обнаруживаемыхъ преимущественно официальными учрежденіями, популярныя сочиненія по литовской исторіи писались на основаніи польскихъ книгъ, преимущественно же мало критической Нарбутовой исторіи Литвы. Въ тѣ годы заявленіе Устрялова, что западная Россія—область чисто русская, встрѣчено было не только недоумѣніемъ но и клеветой, ибо даже въ „Исторіи государства Россійскаго“, не смотря на знаменитую записку Карамзина, русскій характеръ Литовскаго государства былъ недостаточно выдвинутъ. Лишь въ недавнее время внутренняя исторія Литовско-Русскаго государства и процессъ его ополяченія стали предметомъ внимательнаго изученія. Понятно само собою, что университетъ св. Владиміра выставилъ наибольшее число дѣятелей на этомъ новомъ еще у насъ поприщѣ. Всѣмъ извѣстны труды Н. Д. Иванішева, В. Б. Антоновича, Ф. И. Леонтовича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Н. П. Дашкевича и другихъ¹⁾; но не только въ Кіевѣ работали надъ исторіей Западной Руси: стоитъ вспомнить изданія П. Н. Батюшкова, труды В. Г. Васильевскаго, М. О. Кояловича, С. А. Бершадскаго и пр., чтобы признать это.

М. Ф. Владимірскаго-Будановъ въ свой замѣчательный трудъ „Обзоръ исторіи русскаго права“ не внесъ, къ сожалѣнію, права литовско-русскаго, хотя въ свою хрестоматію и помѣстилъ памятники этого права. Причиной такого исключенія было, вѣроятно, то обстоятельство, что право литовско-русское еще не такъ полно обработано въ подробностяхъ, чтобы могло быть представлено въ своемъ общемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе авторъ „Нѣмецкаго права въ Литвѣ и Польшѣ“ направляетъ своихъ учениковъ къ подробному изученію юридическихъ отношеній Литовско-Русскаго государства. О трудѣ одного изъ его учениковъ мы намѣрены говорить въ настоящее время.

¹⁾ О М. А. Максимовичѣ мы не говоримъ, какъ и вообще о лицахъ, занимающихся казачкою исторіей.

Книга г. Ясинскаго состоитъ изъ двухъ частей: 1) исторіи уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства, и 2) систематическаго свода этихъ уставныхъ земскихъ грамотъ. Во второмъ отдѣленіи авторъ дѣлаетъ то же для уставныхъ земскихъ грамотъ литовскихъ, что нѣкогда было сдѣлано г. Ермиковымъ для московскихъ губныхъ грамотъ и С. М. Соловьевымъ для договорныхъ грамотъ Новгорода съ великими князьями. Такія сводныя изданія имѣютъ свою большую цѣну: они знакомятъ съ общими началами, которыя при разсматриваніи актовъ въ отдѣльности теряются для изслѣдователя; они рисуютъ картину юридическихъ отношеній съ той стороны, которая заключается въ актахъ даннаго рода. Г. Ясинскій не ограничился систематическимъ распредѣленіемъ матеріала, заключающагося въ памятникахъ, но, слѣдуя пригѣру своего учителя, сопровождаетъ свое изданіе обширнымъ комментариемъ, которымъ разъясняются и непонятныя слова, и старыя учрежденія, и юридическіе взгляды тѣхъ временъ. Одно такое изданіе могло бы считаться важною услугою русской исторической наукѣ; но г. Ясинскій предпосылаетъ своему изданію чрезвычайно цѣнное введеніе, въ которомъ вполне разъясняетъ роль занимающихъ его памятниковъ въ развитіи Литовско-Русскаго государства. Памятники эти принадлежатъ къ обширной области такъ называемыхъ „привилеевъ“. На привилеи эти, посредствомъ которыхъ совершается переходъ отъ древняго обычнаго права къ статутамъ литовскимъ, уже было обращено вниманіе русской науки; но до сихъ поръ изслѣдователи (г. Чарнецкій въ не конченной къ сожалѣнію: „Исторіи Литовскаго статута“) ограничивались подборомъ и изданіемъ памятниковъ. Нашъ авторъ подвергаетъ ихъ подробному изученію. Онъ раздѣляетъ ихъ на три разряда: 1) жалованныя грамоты въ тѣсномъ смыслѣ (имѣющія главнымъ образомъ характеръ пожалованія лицу или учрежденію), 2) льготныя грамоты (пожалованія привилегій лицамъ, сословіямъ и т. д.) и 3) жалованныя грамоты охранительнаго характера. Эти послѣднія составляютъ главное содержаніе труда, насъ занимающаго. Собственно для исторіи права важны два послѣдніе разряда: посредствомъ грамотъ втораго разряда вводятся въ Литовско-Русское государство новыя элементы, то-есть, польское шляхетское начало и нѣмецкое право городовъ. Этими началами Литовско-Русское государство постепенно уподобляется Польскому, и такъ-то готовится эпоха статутовъ и окончательная унія Литвы съ Польшей. Третій разрядъ привилеевъ, который авторъ характеризуетъ какъ жалованныя грамоты охранительнаго характера, онъ называетъ

уставными земскими грамотами. Грамоты эти выдавались разнымъ областямъ и заключали въ себѣ обѣщаніе сохранить существовавшіе въ этой области порядки. Нашъ авторъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что хотя грамоты эти дошли до насъ отъ болѣе позднихъ временъ, но происхожденіемъ своимъ относятся къ временамъ болѣе раннимъ. Онъ указываетъ на то, что тамъ, гдѣ существуютъ двѣ грамоты, позднѣйшая повторяетъ болѣе раннюю; отсюда онъ дѣлаетъ весьма вѣроятное заключеніе и ко всѣмъ остальнымъ. Это обстоятельство заставляетъ его сдѣлать историческій очеркъ каждой изъ областей, получившей такія грамоты со времени ея присоединенія къ Литовско-Русскому государству. Эти краткіе, но чрезвычайно точные и ясные очерки, много способствуютъ уясненію самаго дѣла. Изъ нихъ мы видимъ тотъ юридическій бытъ, корни котораго надо отыскивать въ древне-русскихъ порядкахъ. Авторъ въ своей искусной группировкѣ этихъ актовъ указываетъ на то, что они распадаются на три группы: въ нѣкоторыхъ (Витебская, Полоцкая, Смоленская, Жмудская) преобладаетъ старо-русскій характеръ всеословности; въ другихъ (Волынская и Подляшская-Бѣльская) представляютъ сословную окраску, а третій (обѣ Кіевскія) представляютъ переходъ отъ первыхъ ко вторымъ. Авторъ указываетъ на двѣ причины такого явленія, первая группа ближе къ сѣверо-востоку, то-есть, къ Московскому государству, вторая — къ юго-западу, то-есть, къ Польшѣ. Съ другой стороны, чѣмъ древнѣе грамота, тѣмъ болѣе она сохраняетъ всеословный характеръ. Въ перечисленіи областей, которымъ даны были грамоты, мы видѣли Жмудскую землю, которая, по видимому, не должна была бы принадлежать къ русскимъ областямъ, но которая долго сохраняла русскіе порядки, благодаря ранней русской колонизаціи, на что указывалъ еще И. Д. Бѣляевъ, и съ чѣмъ вполне основательно соглашается нашъ авторъ. Прибавимъ еще, что г. Ясинскій не забываетъ библиографію своего предмета. Онъ основательно изучилъ изданіе занимающихъ его памятниковъ, добросовѣстно ознакомился съ сочиненіями, описывающими изучаемое имъ время, и такимъ образомъ положилъ прочное основаніе для своихъ будущихъ работъ и въ настоящемъ далъ твердую опору для изслѣдователей литовско-русской старины.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Перикль. Историко-критическій этюд *В. Бузескула*. Харьковъ.—Въ русской литературѣ не было посвящено ничего специальному разъясненію той роли, которую игралъ Перикль въ исторіи развитія Аѳинской республики, если не считать популярной брошюры проф. Люперольскаго и вызванной ею рецензіи проф. Кургорн: оба эти труда имѣли въ виду общее ознакомленіе публики съ личностью Перикла, не касаясь частныхъ. Посему, при всей разработанности этой темы въ литературахъ западныхъ, представляется далеко не излишнимъ въ нашей литературѣ специальная монографія о Периклѣ. Это—тѣмъ болѣе, что въ недавнее время на его личность и на ту роль, которую онъ игралъ въ общемъ ходѣ развитія аѳинской государственной жизни, начинаютъ проводиться взгляды, существенно отличные отъ господствовавшихъ доселѣ, взгляды, которые можно назвать отрицательными. Они, въ приложеніи къ великимъ личностямъ древняго міра, не составляютъ чего-либо новаго, но тѣмъ не менѣе повторяются съ настойчивостью и, будучи нерѣдко сопровождаемы изящнымъ изложеніемъ, обращаютъ на себя вниманіе и нуждаются или въ обоснованіи, или въ опроверженіи. Последнее, по отношенію къ Периклу, вѣзъ на себя г. Бузескулъ: задачу его нельзя не назвать благодарною, потому что внимательное и детальное изученіе той роли, которую игралъ Перикль въ развитіи аѳинской государственной жизни, отрѣшенное отъ пристрастія и исканія предвзятыхъ идей, приводитъ изслѣдователя къ выводамъ, опровергающимъ отрицательную критику. Изслѣдованіе это ведется г. Бузескуломъ спокойно, методически и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Съ этой стороны его книга заслуживаетъ полнаго сочувствія. Специалистъ найдетъ кое-что спорное, можетъ указать на пропуски и недомолвки, но съ общою постановкою дѣла согласится всякій, безпристрастно изучавшій личность Перикла и ту роль, которую онъ игралъ въ греческой исторіи.

Сказаніе о св. Софій Цареградской. Памятникъ древней русской письменности исхода XII вѣка. По рукописи исхода XIV вѣка, № 902, въ 4-ку, бібліотека графа А. С. Уварова. Сообщилъ архимандритъ *Леонидъ*. С.-Пб. (Памятники древней письменности, вып. LXXVIII).—Сказаніе о св. Софій Цареградской, хотя и было извѣстно изслѣдователямъ нашей старинной литературы, но по спискамъ XVI столѣтія. Неугомимому разыскателю древне-русскихъ памятниковъ о. архимандриту Леониду посчастливилось найти списокъ этого сказанія въ одной рукописи, относимой имъ къ концу XIV или началу XV вѣка, списокъ, представляющій уклоненія отъ общеизвѣстной редакціи. Относительно времени, къ которому можетъ быть отнесено сказаніе, издатель значительно расходится съ предшествовавшими изслѣдователями, изъ коихъ нѣкоторые (проф. Кондаковъ) видѣли въ немъ одно изъ компилятивныхъ произведеній второй половины XV вѣка; о. Леонидъ значительно отодвигаетъ время составленія сказанія и полагаетъ, что оно написано до разграбленія Софійскаго храма латинами въ 1204 г., видя такимъ образомъ въ издаваемомъ имъ памятникѣ одно изъ древнихъ произведеній русской письменности и древнѣйшее изъ русскихъ описаній св. Софій. Взглядъ

этотъ хотя, вѣроятно, и будетъ оспариваться, тѣмъ не менѣе обращаетъ вниманіе на ближайшее изслѣдованіе сказанія, заслуживающаго подробнаго разбора и оцѣнки. Издано оно, съ типографской точки зрѣнія, безукоризненно.

Сборникъ Едомскаго. Сообщилъ *Николай Барсуковъ*. С.-Пб. (Памятники древней письменности, вып. LXXIX).—Сборникомъ Едомскаго названа пожертвованная въ музей Общества любителей древней письменности его членомъ-корреспондентомъ Г. Θ. Штендманомъ рукопись XVIII вѣка, принадлежавшая торговому человеку Герасиму Едомскому. Содержаніе этой рукописи состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, представляющихъ интересъ новизны и потому вполне заслуживавшихъ быть изданными. Первые тринадцать листовъ заняты „Спискомъ съ явленія чудотворца Василия Монгазейскаго города“. Извѣстны доселѣ „Повѣсть о блаженномъ Василии“ и „Слово о явленіи святыхъ мощей святаго мученика“ были найдены въ рукописи XVIII вѣка; списокъ XVII в. является впервые и представляетъ любопытныя отличія и дополненія. Блаженный Василій пострадалъ въ первый день пасхи, 23-го марта 1600 г., „отъ господина своего за цѣломудріе“; мощи его открыты въ 1670 г. и перенесены въ Туруханскій монастырь. Вторая статья сборника писана тарабарскою грамотою и содержитъ въ себѣ „Слово о нѣкоей гробницѣ“; за симъ слѣдуютъ „Стихи пресвятой Богородицѣ“, „Вопрошеніе святаго Іоанна Богослова у праотца нашего Авраама о отшедшихъ къ Господу праведныхъ душахъ и грѣшныхъ“ и „Слово о смерти и о животѣ“. Послѣдніе два памятника были уже извѣстны ученымъ изслѣдователямъ, будучи изданы: первый проф. Тихомировымъ, второй проф. Буславимъ. Сборникъ Едомскаго изданъ въ дословной перепечаткѣ, которой предпослано обстоятельное введеніе, составленное Н. П. Барсуковымъ и разъясняющее значеніе отдѣльныхъ статей сборника, съ указаніемъ ихъ литературы. Изданіе не только изящно, но и роскошно.

Отчеты о засѣданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности. 1881—1882. Составилъ членъ-корреспондентъ общества *Павелъ Тихановъ*. С.-Пб. (Памятники древней письменности, вып. LXXX).—Настоящее изданіе восполняетъ пробѣлъ въ ряду опубликованныхъ протоколовъ Общества любителей древней письменности и отличается отъ предыдущихъ выпусковъ тѣмъ, что сопровождается значительнымъ количествомъ рисунковъ, которые представляютъ наиболѣе характерныя снимки съ предметовъ, обсуждавшихся или предъявлявшихся въ засѣданіяхъ. Отчеты о нихъ составлены съ надлежащею обстоятельностью и представляютъ не безинтересную страничку изъ ученой дѣятельности Общества.

И. Н. Смирновъ. Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. Казань.—Материаломъ для этого очерка послужили свѣдѣнія, собранныя авторомъ весной 1888 года, во время поѣздки по черемисскимъ селеніямъ въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Вятской, Костромской и Уфимской. Авторъ пользовался также трудами тѣхъ немногихъ изслѣдователей, которые прежде него изучали бытъ черемисовъ. Прежде всего г. Смирновъ даетъ очеркъ исторіи черемисской народности. Наша первоначальная дѣтопись, какъ извѣстно, помѣщаетъ черемисовъ на нижнемъ теченіи Оки; въ настоящее же время главная масса ихъ живетъ между рѣками Волгой и Вяткой, а отдѣльныя группы—по рѣкамъ Камѣ и Бѣлой; когда и при какихъ условіяхъ совершилось это переселеніе черемисовъ съ запада на

востокъ, на этотъ вопросъ историко-географическая литература не даетъ отвѣта; разобравъ свидѣтельства актовъ, названія селеній и данныя языка, г. Смирновъ пришелъ къ заключенію, что извѣстія первоначальной дѣтописи, вѣрны, то-есть, что черемисы дѣйствительно жили нѣкогда на правомъ берегу Волги по Окѣ, рядомъ съ мордвой. Отсюда постепенно въ разное время черемисы переселились въ вынѣшнія мѣста своей осѣдлости въ Вятской губерніи. Основываясь также на филологическихъ данныхъ, авторъ старается доказать, что черемисы подверглись сильному культурному вѣдѣнствію волжскихъ болгаръ: подъ ихъ вліяніемъ произошла переходъ ихъ отъ охотничьей жизни къ скотоводству и земледѣлію, сложился особый бытъ, домашняя обстановка, костюмъ, возникла торговля, явились зародыши общественной организаціи и получили дальнѣйшее развитіе первоначальныя вѣрованія. Въ дальнѣйшіе періоды черемисы, тѣснимые русскими, отступали на югъ, гдѣ и вошли въ сферу вліянія татаръ, двигавшихся съ юго-востока. Они признали надъ собою власть татаръ и вѣстѣ съ ними въ теченіе трехъ столѣтій, боролись съ наступавшею Россіей, которой подчинились лишь послѣ паденія Казани. Впрочемъ еще долгое время и неоднократно они дѣлали попытки возстанія, и только чрезъ полстолятія по завоеваніи Казани, становятся мирными подданными Москвы. Но окончательная ассимиляція черемисовъ совершилась лишь недавно подъ вліяніемъ русскаго крестьянства и духовенства, учредившаго школы, гдѣ черемисовъ обучаютъ по учебникамъ на ихъ языкѣ; теперь и изъ среды ихъ самихъ являются уже учителя и священники. Численность этого племени достигаетъ, по предположеніямъ автора, до 247—250 тысячъ душъ обо-его пола. Очертивъ природныя условія, среди которыхъ живутъ черемисы, авторъ описываетъ постройки ихъ, утварь, костюмъ, пищу, занятія, увеселенія и вообще ихъ внѣшній бытъ, а затѣмъ старается возстановить историческія судьбы черемисской семьи. Эта глава особенно интересна, хотя многія положенія авторъ не обставляетъ надлежащими свидѣтельствами. Въ средѣ черемисовъ господствовала первоначально полигамія; двоеженцы, троюженцы встрѣчаются и теперь, послѣ принятія ими христіанства. Слѣды снохачества, левирата и гетерима, связанныхъ съ полигамическимъ строемъ семьи, многочисленны и въ настоящее время; есть основаніе предполагать, что сначала браки совершались внутри родовыхъ группъ, затѣмъ появилось умываніе, купля невѣсть, при чемъ, вслѣдствіе этой перемѣны, положеніе женщины понизилось; не смотря на всѣ эти замѣненія въ быту черемисовъ, и въ настоящее время между ними довольно значительны остатки древняго родового строя. Черемисы выработали также нѣкоторыя формы экономической организаціи: помочь, артель. Къ сожалѣнію, авторъ не касается вопроса о способахъ владѣнія землею; но извѣстно, что примѣненіе общиннаго начала къ обработкѣ земли болѣе распространено у черемисовъ, чѣмъ у другихъ сосѣднихъ народностей. Наиболее подробно авторъ останавливается на религіозныхъ вѣрованіяхъ черемисовъ, давая впрочемъ въ этомъ отношеніи мало новаго.

И. Н. Смирновъ. Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзій и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ финновъ. Казань. — Эта талантливо составленная лекція страдаетъ однимъ недостаткомъ — обиліемъ послѣднихъ обобщеній. Авторъ видитъ слѣды жертвоприношеній въ обычаяхъ ставить по стѣнамъ домовъ каріатиды въ видѣ человѣческихъ фигуръ и пускать кошку или собаку въ новый

домъ (въ Германіи), въ подвѣшиваніи куклы къ дереву у вотяковъ и въ развѣшиваніи мордовскаго шупшана на оглобли (это будто бы напоминаетъ о развѣшиваніи кожи убитаго) и въ т. п. Дѣйствительно, въ представленіяхъ финновъ о богахъ и въ ихъ поэзіи есть намеки на человѣческія жертвоприношенія, но изъ лекціи г. Смирнова выносятся заключеніе, что мирные финны то и дѣло, при всякомъ случаѣ, прибѣгали къ этому роду умилостивленія боговъ. Авторъ въ своихъ предположеніяхъ идетъ еще дальше: по его мнѣнію, представленія о кровожадности боговъ объясняются тѣмъ, что сами финны были людоеды: создавая боговъ по своему подобію, они тѣ же качества приписали послѣднимъ. Слѣдовало бы привести побольше прямыхъ свидѣтельствъ; „переживанія“ можно вѣдь толковать на разные лады!

— Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили слѣдующія книги:

Изсладованія и статьи по русскои литературѣ и просвѣщенію. *М. И. Сухомлинова*, Т. II. С.-Пб.—Содержаніе: Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ.—Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.—Восемь небольшихъ статей, относящихся къ литературной исторіи 1820-хъ—1850-хъ годовъ (о Пушкинѣ, Гоголѣ, кн. П. А. Вяземскомъ, Н. А. Полевомъ, Н. Ф. Павловѣ, И. С. Аксаковѣ и другихъ славянофилахъ).

А. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. С.-Пб.—Содержаніе: Скептически-матеріалистическое направленіе.—Мистическо-правовое направленіе.—Непосредственное народное направленіе. Приложенія: 1) Новиковъ въ Шлюссельбургской крѣпости, и 2) разборъ сочиненія М. И. Сухомлинова объ А. Н. Радищевѣ.

Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I. Изданіе II-го отдѣленія Академіи Наукъ.—Содержаніе этого тома составляютъ 27 статей по исторіи русской и славянскои старины, народности и словесности, написанныхъ покойнымъ Котляревскимъ съ 1855 по 1862 годъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга VI. М.—Содержаніе: 1) Московскіе департаменты сената и подвѣдомственные имъ архивы въ 1812—1814 годахъ—*И. И. Шимко*; 2) Исторія московскихъ сенатскихъ архивовъ съ 1813 по 1835 годъ—*Н. Я. Токарева*; 3) Очеркъ дѣятельности комитета, учрежденнаго въ 1835 г. для описанія московскихъ сенатскихъ архивовъ—*И. И. Шимко*; 4) Обзоръ дѣятельности московскихъ сенатскихъ архивовъ съ 1835 по 1843 годъ—*Н. Я. Токарева*; 5) Дополненія къ исторіи вотчиннаго архива въ XVIII столѣтіи—*Н. Н. Ардашева*; 6) Опись чертежей, хранившихся въ разрядѣ во второй половинѣ XVII вѣка,—*А. А. Гоздаво-Голумбевскаю*; 7) Дѣла слѣдственной о кабинетъ-секретарѣ Петра I А. В. Макаровѣ комиссіи (1792—1734)—*В. В. Шереметевскаго*; 8) Дѣла слѣдственныхъ о раскольникахъ комиссій въ XVIII вѣкѣ—*В. В. Нечаева*; 9) Указная книга помѣстнаго приказа, съ примѣчаніями *В. Н. Сторожева*.

Нѣсколько данныхъ о книгахъ по городамъ Московскаго государства. *Н. Д. Чечулина*. С.-Пб. (отдѣльный оттискъ изъ журнала Библиографъ).

Къ родословной рода Бестужевыхъ-Рюминыхъ. *Д. Θ. Кобско* (отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества, т. IV).

Вступительная лекція проф. П. В. Владимірова въ курсъ исторіи русской литературѣ.—Читана въ университетѣ св. Владиміра 7-го сентября 1888 года, (отдѣльный оттискъ изъ Кіевскихъ университетскихъ извѣстій).

Федоръ Вержбовскій. Двѣ кандидатуры на польскій престолъ Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда, 1574—1575. По не изданнымъ источникамъ. Варшава.

За тринадцать лѣтъ. 1876—1889. Библиографическій указатель научныхъ трудовъ, диссертаций, статей и рецензій экстраординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета Федора Вержбовскаго. Варшава.

Древняя индо-китайская гамма въ Азии и Европѣ, съ особеннымъ указаніемъ на ея проявленіе въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, съ многочисленными потными примѣрами. Музыкально-этнографическій этюдъ *А. С. Фаминина.* С.-Пб.

Очерки русской народной медицины. I. Акушерство. *В. Θ. Демича* (отдѣльный оттискъ изъ журнала Врачъ).

LITERÄRISCHE STUDIEN ÜBER DIE WICHTIGSTEN RUSSISCHEN VOLKSMITTEL AUS DEM PFLANZENKUNDE. Von *Wassily Demitch*, aus Tschernigoff. Dognat.

Связь экономическихъ явленій съ законами энергій. *Н. Батюшкова.* С.-Пб. (отдѣльный оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв.).

О народныхъ переписяхъ въ Россіи. Сочиненіе *Петра Кеппена* (отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію статистики).

Наша сельская школа по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ. *М. Н. Раевскаго.* С.-Пб. (отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Русскаго Географическаго Общества).

О важнѣйшихъ повальныхъ заволъваніяхъ дѣтей, преимущественно въ школьномъ возрастѣ. Лекціи, читанныя учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Терской области врачомъ Владикавказскаго реальнаго и городского Николаевскаго училищъ *Л. Р. Кобыляскимъ.* Владикавказъ.

Уроки геометріи. Прогимназическій курсъ. Составилъ *Н. В. Зурскій.* Кутаисъ.

Отчетъ о дѣйствіяхъ главнаго гидрографическаго управленія морскаго министерства за 1886 годъ. С.-Пб.

Отчетъ о состояніи Саратовской городской публичной библиотеки въ 1888 году. Саратовъ.

Отчетъ о занятіяхъ съ 1-го мая 1886 года по 1-е апрѣля 1887 года. Кандидата историко-филологическихъ наукъ *Н. П. Лизачева,* оставленнаго при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи. Казань.

РУССКОЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА ¹⁾.

V.

Въ предыдущихъ главахъ я описывалъ бытъ провинціального дворянства преимущественно съ внѣшней, такъ сказать, стороны и указалъ тѣ измѣненія, то движеніе впередъ, въ смыслѣ сближенія общества, улучшенія общественной жизни и распространенія знаний и общаго развитія, которыя произошли въ этомъ обществѣ въ теченіе второй половины XVIII вѣка. Мнѣ кажется, что нѣтъ необходимости здѣсь даже вкратцѣ оглядываться на изложенное: чрезвычайно важныя улучшенія провинціального общества, чрезвычайно большой шагъ его отъ быта почти крестьянскаго къ образу жизни, близкому къ современному намъ, кажется мнѣ несомнѣннымъ и по отзывамъ самихъ современниковъ, и изъ тѣхъ фактовъ, которые мною приведены; если же въ моемъ очеркѣ это и не выступаетъ достаточно рельефно, то только отъ недостатковъ моего изложенія, а въ дѣйствительности такой фактъ несомнѣнно существовалъ. Но очеркъ мой былъ бы не полонъ, еслибъ я не остановился на изображеніи тогдашняго общества въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, особенно въ виду тѣхъ совершенно противоположныхъ мнѣній о русскомъ обществѣ XVIII вѣка, которыя были уже высказаны и приведены мною въ самомъ началѣ статьи. Какъ въ предыдущихъ главахъ, такъ и теперь, я постараюсь строго держаться того метода, который я старался разъяснить въ первой главѣ: по возможности отыскивать именно то, что было господствующимъ, наиболѣе распространеннымъ, а не придавать наибольшее значеніе исключительнымъ, рѣзкимъ проявленіямъ той или другой черты; я воспользуюсь въ этомъ

¹⁾ Окончаніе. См. майскую вв. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.
часть сслѣдств. отд. 2.

случаѣ преимущественно литературой того вѣка, особенно журналами: для характеристики умственныхъ интересовъ и нравственныхъ идеаловъ своего времени они представляютъ наиболѣе важный и совершенно достовѣрный матеріалъ, ибо литература не можетъ не отражать на себѣ умственного и нравственного уровня общества. Въ тѣхъ самыхъ общихъ чертахъ, въ которыхъ въ настоящее время только и возможна характеристика тогдашняго общества со стороны его умственного и нравственного развитія, нельзя указать сколько-нибудь значительнаго различія между средой провинціальною и столичною; поэтому я попытаюсь представить лишь общую характеристику русской интеллигенціи конца прошлаго вѣка.

Въ каждомъ періодѣ слѣдуетъ различать нравственность личную и общественную; первая проявляется преимущественно въ частной жизни человѣка и находится въ зависимости отъ господства тѣхъ или другихъ моральныхъ качествъ въ характерѣ его; ее опредѣляютъ общечеловѣческія нравственныя правила, измѣняющіяся, какъ извѣстно, съ большимъ трудомъ, весьма медленно, даже еле замѣтно, такъ что основныя черты этой нравственности остаются почти безъ перемѣны въ теченіе чуть не всей исторической жизни человѣчества и въ настоящее время наблюдаются даже у нѣкоторыхъ не цивилизованныхъ народовъ. Нравственность общественная — это то или другое отношеніе къ различнымъ общественнымъ явленіямъ, та или другая оцѣнка ихъ; она находится въ большей зависимости отъ умственного уровня времени, отъ общественного и государственнаго строя каждой страны, замѣтнѣе различается по времени и мѣсту и быстрѣе измѣняется: самыя нравственные, на примѣръ, люди древности относились совершенно хладнокровно къ рабству, торговлѣ людьми, жизнь раба цѣнили очень низко и т. п., а теперь это возмущаетъ человѣка мало-мальски развитаго. Говоря о нравахъ въ какой-нибудь періодъ необходимо строго различать эти двѣ стороны.

Относительно нравственности личной я уже высказалъ выше убѣжденіе, вынесенное мною изъ изученія XVIII вѣка: люди были тогда въ этомъ отношеніи такіе же, какъ и теперь: также встрѣчались и болѣе добрые и болѣе злые, и эгоисты и готовые жертвовать всѣмъ для другаго, и завистливые и великодушные, и мягкіе и жестокіе, и развратные и воздержные; также признавали они обязательность извѣстныхъ нравственныхъ требованій и также относились съ попианіемъ къ ихъ нарушенію; также сознавали нравственные

идеалы и стремились къ нимъ; только тогда, въ силу меньшей еще общественной въ жизни, въ силу отсутствія всякой нивелировки еще съ дѣтства, какъ тѣ, такъ и другія стороны характера, развивались опредѣленнѣе, рѣзче, и чаще одна какая-нибудь черта получала господство надъ всѣми другими; тогда было больше рѣзкихъ типовъ, какъ въ дурную, такъ и въ хорошую сторону, — только хорошіе типы, конечно, труднѣе замѣтить, чѣмъ дурные, потому что дурное впечатлѣніе можно получить очень быстро, и очень сильное, а чтобы составить себѣ твердое, хорошее мнѣніе о какомъ-нибудь человѣкѣ, надо видѣть его долго, постоянно, узнать его очень хорошо; въ то время, какъ для дурной характеристики отдѣльнаго человѣка достаточно иногда указать два-три вѣскіе факта, хорошую доказать, иногда даже формулировать, не легко. Вообще, совершенно невѣрно представлять себѣ вторую половину XVIII вѣка временемъ поразительно низкаго уровня нравственности, широкаго господства только дурныхъ инстинктовъ. Когда читаешь записки Болотова, Тимковскаго, Разказы бабушки, записки Хвостова, Добрынина и мн. др., то видишь людей съ инымъ умственнымъ складомъ, съ инымъ воспитаніемъ, но въ нравственномъ отношеніи совершенно такихъ же, какъ и теперь. С. Т. Аксаковъ, человѣкъ, сравнительно еще недавно жившій, но помнившій XVIII вѣкъ, притомъ человѣкъ, способность котораго понимать внутреннюю жизнь людей никакъ не можетъ быть отрицаема, говорить: „Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя, и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть доброе и худое! Ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзій, также любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ“ и т. д.. Напомню здѣсь также опять слова гр. Л. Н. Толстого: „Въ тѣ времена люди также любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями, та же была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь, въ высшемъ сословіи“. Наконецъ, Карамзинъ, самъ человѣкъ XVIII вѣка, человѣкъ, придававшій нравственности и ея требованіямъ такое большое значеніе, вспоминаетъ о концѣ XVIII вѣка съ самой хорошей стороны.

Болѣе надо сказать о нравственности общественной. Она несомнѣнно измѣнилась съ того времени къ лучшему, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ государственной и общественной жизни. Но

одно отличіе прежней нравственности отъ нашихъ понятій, даже сама по себѣ ея отсталость отъ нихъ даютъ ли намъ право порицать и хулить ее? Можемъ ли мы признавать себя виновными предъ тѣми поколѣніями, которыя будутъ развитѣе и лучше насъ, за то, что предшествующая жизнь не дала намъ тѣхъ или другихъ взглядовъ, которыя распространятся, можетъ быть, въ будущемъ? Справедливо ли было бы строгое осужденіе нашего вѣка со стороны тѣхъ будущихъ поколѣній, которыя, положимъ, счастливо разрѣшатъ многіе тяжелые вопросы соціальной и экономической жизни, за то, на примѣръ, что мы уживаемся не только довольно спокойно, но и просто совершенно спокойно, съ рѣзкимъ неравенствомъ въ распредѣленіи экономическаго благосостоянія? Мы заранѣе имѣемъ право возразить на подобное обвиненіе; мы можемъ сказать, что мы не умѣли, не могли лучше устроиться, потому что у насъ были другія, еще болѣе существенныя и неотложныя задачи; потому что мы теперь должны еще производить массу такой работы, отъ которой тѣмъ самымъ избавимъ своихъ потомковъ; потому что намъ еще съ трудомъ, еще съ бою достается многое такое, что наши потомки будутъ всасывать, такъ сказать, съ молокомъ матери. Мы можемъ заранѣе сказать на такое обвиненіе, что наши взгляды, понятія, интересы не произвольно нами избраны, а суть плодъ и результатъ всего предшествовавшаго историческаго развитія, что мы поставлены были вообще далеко не въ то положеніе, въ какомъ будутъ стоять наши судьи, и что судить насъ надо главнымъ образомъ не за то, въ чемъ наши понятія будутъ расходиться съ понятіями нашихъ судей,—въ такомъ случаѣ мы уже заранѣе осуждены, потому что грядущимъ поколѣніямъ и естественно быть въ общемъ лучше, ибо они будутъ пользоваться плодами большаго количества труженниковъ,—но за то только, гдѣ мы будемъ дѣлать отступленія отъ нашихъ собственныхъ взглядовъ, гдѣ мы будемъ поступать неискренно, гдѣ будемъ изъ личныхъ цѣлей допускать въ жизнь компромиссы со своею совѣстью. Не касаясь съ философской точки зрѣнія вопроса о свободѣ воли и необходимости, всякій можетъ сказать, что въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, и даже въ одномъ ряду ихъ, онъ можетъ, а въ другомъ не можетъ поступать такъ или иначе; я могу, на примѣръ, дать или не дать, взять или не взять взятку,—но представить себѣ, что всякій вопросъ, всякое столкновеніе не только въ жизни народовъ, но и частныхъ лицъ, будутъ рѣшены непременно по законамъ строжайшей справедливости, что не нужны теперь ни суды, ни войны, никакое насиліе, — не могу; всякій, на примѣръ,

врачъ вполне можетъ оказать или не оказать безкорыстную помощь больному, но ни врачъ, ни кто другой теперь не можетъ еще руководиться во всей жизни принципомъ, что всѣ люди братья, и т. п. Намъ кажется, что только такая точка зрѣнія дѣлаетъ возможнымъ болѣе спокойное и правильное сужденіе о нравахъ прошлаго, даетъ возможность дѣлать различную оцѣнку разныхъ лицъ одного и того же прежняго общества, — иначе, напримѣръ, всѣ древніе люди окажутся безнравственными, потому что они были рабовладѣльцы и даже проповѣдники и защитники рабства, и крайне ограниченными въ умственномъ отношеніи, потому что ихъ религія есть суевѣріе, пожалуй еще большее, чѣмъ, напримѣръ, убѣжденіе, что человѣка можно приворожить, или что еретица не можетъ выговорить: „да воскреснетъ Богъ“. И въ самомъ дѣлѣ, такая сравнительная, такъ сказать, оцѣнка въ области научной, относительно успѣховъ умственныхъ, господствуетъ уже давно; всѣ уже понимаютъ то, что въ извѣстныя эпохи слѣдуетъ признать очень важнымъ, крупнымъ шагомъ, и то, что въ другое время, при иныхъ обстоятельствахъ, становится чуть не смѣшнымъ, — а между тѣмъ почему-то не признаютъ, что точно также было и въ области нравственности общественной, и словно предполагаютъ, что люди всегда имѣли собственно одни и тѣ же взгляды, но какъ-то жили компромиссами, часто и чувствами, и понимали, что дѣлаютъ что-либо дурное, и все-таки дѣлали такъ, иногда не смотря даже на явный вредъ самимъ себѣ. Такъ вотъ относятся обыкновенно изслѣдователи XVIII вѣка къ крупному факту исторіи тогдашняго общества, къ существованію крѣпостнаго права. Я убѣжденъ, что разсуждать теперь о несправедливости и о вредѣ его значить оскорбить русское образованное общество, и что можно, слѣдовательно, говорить о немъ, какъ о фактѣ исторіи, совершенно спокойно, безстрастно. Съ такой точки зрѣнія, мнѣ кажется, совершенно возможно уподобить тогдашнее владѣніе крѣпостными теперешнему обладанію большимъ богатствомъ. Какъ мы теперь живемъ и совершенно спокойно дѣлаемъ каждый свое дѣло въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ выросли, такъ точно внимательное и безпристрастное изученіе источниковъ исторіи XVIII вѣка убѣждаетъ насъ, что огромная масса тогдашняго общества и даже лучшіе его представители сживались съ крѣпостнымъ правомъ совершенно, такъ сказать, не сознавая его вреда; они такъ съ нимъ сроднились, что даже не останавливались надъ вопросомъ: а не можетъ ли быть иначе? Онъ имъ и въ голову не приходилъ. Какъ

теперь поражаетъ насъ безумная роскошь, слишкомъ широкое пользование своими средствами для чисто личныхъ цѣлей, то-есть, злоупотребленіе богатствомъ, точно также злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ поражали и тогда уже очень многихъ; но какъ и теперь случаются и такія злоупотребленія и гораздо болѣе возмутительные факты, такъ точно и тогда злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ хотя и осуждалось, но встрѣчалось тоже нерѣдко. Ясно, конечно, что хотя владѣніе людьми съ нравственной точки зрѣнія болѣе дурно, чѣмъ владѣніе лишними деньгами, но также и то, что это явленія одного порядка, одного смысла привилегированности однихъ предъ другими. Что тогда жили, такъ сказать, внѣ сознанія этого явленія, почти не представляли себѣ возможности инаго порядка вещей; на это можно привести нѣсколько вѣскихъ доказательствъ. Сумароковъ, напримѣръ, изображая въ видѣ сна идеальное государство, въ которомъ отсутствуютъ невѣжество, взяточничество и прочіе пороки современнаго ему общества, ни слова не говоритъ о крѣпостномъ состояніи ¹⁾. Извѣстны его возраженія на Наказъ; онъ, напримѣръ, не могъ себѣ представить, откуда безъ крѣпостнаго права возмется прислуга? ²⁾ Фонъ-Визинъ, посвятившій особую комедію осмѣянію спѣси княжескихъ родовъ, въ уста героя этой комедіи, слѣдовательно, лица, долженствовавшего говорить лишь самыя умныя вещи, влагаетъ, вмѣстѣ съ осужденіемъ излишней спѣси, разсужденія о преимуществахъ благородства, въ смыслѣ именно дворянства, и о неизбѣжности подчиненія однихъ другимъ для развитія общества ³⁾: такіе два, по нашему, совершенно противорѣчивые взгляда уживаются тогда въ одномъ человѣкѣ. Новиковъ, эта столь высокая въ нравственномъ отношеніи личность, продавалъ своихъ крѣпостныхъ и въ Трутнѣ признавалъ „нужное подчиненіе“, котораго только не должно обращать „въ несносное иго рабства“ ⁴⁾. Радищевъ, прославившійся своимъ смѣлымъ сочиненіемъ, такъ ярко рисовавшимъ несчастное положеніе крестьянъ и какъ бы требовавшимъ ихъ освобожденія, когда типографщикъ Селивановскій отказался напечатать его—вышелъ изъ себя и разругалъ Селивановскаго именно такъ, какъ баринъ

¹⁾ *Трудолюбивая пчела*, 1759, 738—747.

²⁾ См. статью *Соловьева* въ *Русск. Вѣстникѣ* за 1861 г., т. XXXV.

³⁾ *Фонъ-Визинъ*, „Выборъ гувернера“, ком.—Сочиненія, изд. 1866, 111—123.

⁴⁾ Письмо его объ этомъ приложено въ *Библиографическія записки*, т. III, 1861, факсимиле; *Трутень*, 1768, 26, 148—149.

мастерового ¹⁾), и самъ своихъ крѣпостныхъ не отпускалъ на волю. И. В. Лопухинъ, масонъ, другъ Новикова, человѣкъ чрезвычайно добрый, высокихъ нравственныхъ убѣжденій, которыя онъ всегда старался проводить въ жизни, писалъ, что не возможно уничтожить крѣпостное право при тогдашнемъ развитіи крестьянъ и тоже не освобождалъ своихъ крестьянъ. То же писали Болтинъ и Карамзинъ ²⁾). Но мы ни мало не думаемъ осуждать кого-либо изъ нихъ; они и не могли дѣйствовать иначе, и поступая такъ, они, по своему глубокому и вполне честному убѣжденію, не дѣлали ничего дурнаго; если мы на ихъ отношеніе къ крѣпостному праву смотримъ совершенно иначе, то въ значительной степени обязаны этимъ и имъ, и вообще своимъ предкамъ, выработавшимъ для насъ возможность нашей жизни и нашихъ взглядовъ; намъ, послѣ Карамзина, Пушкина, Тургенева, намъ, читающимъ произведенія Льва Толстого, и нельзя поступать въ этомъ отношеніи такъ, какъ поступали люди, ничего подобнаго не знавшіе. Достаточно уже извѣстно, что западно-европейское вліяніе, ученіе энциклопедистовъ скорѣе поддерживало, чѣмъ ослабляло крѣпостное право: въ этомъ ученіи проводятся идеи, что для того, чтобы свободный былъ вполне свободенъ, необходимо рабу быть вполне рабомъ, что нельзя вдругъ и однимъ общимъ узаконеніемъ дѣлать свободною массу людей ³⁾) и т. д.

Высокое мнѣніе о дворянскомъ достоинствѣ было сильно распространено; мы видѣли уже, что дворяне вообще неохотно знались съ недворянами; часто встрѣчается въ журналахъ та же мысль о чести дворянина, которую высказываетъ фонъ-Визинъ; но основаніемъ благородства и преимуществъ дворянства всегда выставляются заслуги предковъ, ихъ долгая и полезная служба государству,—гордящихся же просто древностію рода всегда осмѣивали, а если и предполагали, что благородный человѣкъ имѣетъ лучшія качества, чѣмъ простой, то потому только, что отъ болѣе образованныхъ, лучшихъ родителей естественнѣе и родиться челоѣку съ лучшими задат-

¹⁾ *Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, 76.

²⁾ *Порфирьевъ*. Исторія русской словесности, ч. II, отд. II. Казань. 1884, стр. 301—302 и 350—351; приведены выписки изъ Лопухина и Болтина. *Карамзинъ*, Записка о древней и новой Россіи—*Русск. Арх.* 1870, 2229—2350, особ. 2300—2304.

³⁾ *Rousseau*, *Contrat social*, III, 19; *Montesquieu*, *L'esprit des lois*, liv. XV, ch. XVIII.

ками ¹⁾). Презрѣнія въ низшимъ классамъ нельзя признать господствовавшимъ; даже рабовъ-негровъ признавали одаренными такими же душевными свойствами, какъ и всѣ другіе люди ²⁾); какъ только нѣкоторые писатели указали, что слово „подлый“, значившее прежде просто „человѣкъ низшаго класса“, стало принимать презрительный смыслъ, оно быстро вышло изъ употребленія въ прежнемъ значеніи ³⁾). Не мало есть указаній, что дворянская гордость въ Екатерининскую эпоху была гордость благородная и никому не оскорбительная; есть даже жалобы на то, что строгость императора Павла, а частью и слѣдующія царствованія, значительно ослабили, ухудшили ее, такъ какъ дворянъ и на службѣ, и еще въ корпусахъ стали подвергать разнымъ, иногда унижительнымъ наказаніямъ ⁴⁾); мы не рѣ-

¹⁾ *Невинное упражненіе*. М. 1763, 167—173; *Зритель* 1792, III, 150—154; точно такой же взглядъ высказывается и въ самомъ началѣ жалованной грамоты дворянству 1785 г., П. С. З., № 16186.

²⁾ *Праздное время въ пользу употребленное* 1759 г., доказывая мысль, что безъ воспитанія и доброе, хорошее сердце даетъ дурные плоды, приводитъ анекдотъ изъ жизни рабовъ-негровъ, 163—168; *И то и се*, т. VI: „Добрый и отличный человѣкъ достоинъ почтенія безъ различія—россіянину ли онъ, французъ ли, или татарину“.

³⁾ Болотовъ, напрямѣръ, много разъ употребляетъ это слово въ такомъ смыслѣ; между прочимъ, передавая разказы о докторѣ-самоучкѣ Ерофенчѣ отъ лица, которому Ерофенчъ помогъ, онъ говоритъ: „Еще сказывалъ мнѣ г. Соймоновъ, что онъ дѣйствительно очень простъ и самый подлець, не знающій никакихъ церемоній. „Мой государь!“ и то понизовскому, да и только всего“, II, 734. Волынский писалъ даже „подлое шляхетство“, въ смыслѣ низшее, мелкое дворянство—*Романовича-Славатинскаю*, *Дворянство*, 187; вспомнимъ „подлый шталь“ у Ломоносова; *Живописецъ*, по изд. *Ефремова*, 189.

⁴⁾ Кн. Ѳ. Н. Голицынъ: „дворянство въ ея (Екатерины II) царствованіе поднялось духомъ и честію до высокой степени“, *Русск. Арх.* 1874, 1279. Слова *Карамзина* изъ повѣсти „Рыцарь нашего вѣка“, мы уже указывали. *В. Селивановъ*, передавая въ статьѣ „Изъ давнихъ воспоминаній“ разговоры стариковъ, очевидцевъ Екатерининской эпохи, пишетъ: „Я ужаснулся той перемены, которую нашелъ (въ корпусахъ) теперь (при Александрѣ I). Куда дѣвались вѣжливость, благородное обращеніе! У насъ наказаніе розгами было вещью рѣдкою, а тутъ всякій офицеръ деретъ, когда ему вздумается. Стыдъ наказанія пропасть, разницы между надетомъ и солдатомъ не стало“, *Русск. Арх.* 1869 г., 160. *Эмелиардтъ* пишетъ: „Царствованіе его (Павла) было для всѣхъ чрезвычайно тяжело, а особливо для привыкшихъ благоденствовать подъ кроткимъ правленіемъ обожаемой монархини. Конечно, и при ней самой были несправедливости, но онѣ были рѣдки и претерпѣвали ихъ частныя лица, а не все цѣлое“, 199. Въ такомъ же духѣ пишетъ *А. С. Пушкинъ*, 215—216.

шаемся говорить объ этомъ положительно, потому что время Павла и Александра I еще слишкомъ мало изучено. Кромѣ того, дворянство въ старину твердо помнило свою обязанность служить государству; понятіе объ обязанности каждаго дворянина посвятить нѣсколько лѣтъ жизни службѣ отечеству постоянно существовало и послѣ манифеста 1762 г.; не только изъ литературы, но даже и изъ жизни, можно привести примѣры, гдѣ даже родители высказываютъ готовность перенести безропотно, если сынъ погибнетъ на службѣ; здѣсь же напомнимъ и тотъ благородный взглядъ на обязанности службы, который указанъ выше ¹⁾). Въ связи съ этимъ стоитъ еще одинъ крупный фактъ тогдашней общественной нравственности: горячій патріотизмъ и живое чувство народности у тогдашнихъ образованныхъ людей; мы привыкли повторять, что тогдашнее русское общество слѣпо подражало и слѣдовало всему французскому, привязано было къ Франціи болѣе, чѣмъ къ своей родинѣ; но это неправильно; увлеченные французскими симпатіями люди, конечно, встрѣчались, и вѣроятно чаще, чѣмъ встрѣчаются они теперь; но это были люди ниже средняго уровня тогдашняго общества, люди худшіе; не говоря уже о замѣчательно національномъ составѣ всей высшей администраціи при Екатеринѣ и о національномъ направленіи въ политикѣ, о начавшемся при ней живомъ изученіи русской народности, о громкой и искренней лирикѣ, блестящимъ представителемъ которой явился Державинъ, о томъ, что переписка аристократіи и государственныхъ людей шла тогда преимущественно на русскомъ языкѣ ²⁾), — мы видѣли уже ту гордость своими успѣхами, своимъ народомъ, которая ясно проходитъ въ тогдашнихъ журналахъ; совершенно такое же отношеніе къ

¹⁾ Жизнь *Ио. Ио. Неплюева*, имъ самимъ описанная. М. 1870: „Противъ желанія моего (ибо намѣреніе мое было служить до конца жизни) принужденнымъ нашелея просить объ увольненіи“ по болѣзни, 105; о вникъ онъ говоритъ: „Надежду полагаю на него, что увижу въ немъ усерднаго слугу отечества, жертвующаго ему жизнью“, 111. *Этельмарту* говорилъ отецъ, отправляя его на службу: „Лучше я хочу услышать, чтобы ты былъ убитъ, нежели бы себя осрамилъ“, 69. „Долгъ, который, всякій сынъ отечества исполнить обязанъ, то-есть, посвятить нѣсколько лѣтъ жизни службѣ отечеству“, *Вечера*, 1772, по изд. 1788, I, 161—166. Въ такомъ же точнo духѣ—*Утренній Свѣтъ* 1778, II, 8; *С.-Петербургскій Меркурій*. Ежемѣс. изданіе на 1793 г., IV, 119, *Прохладные часы* и т. д. 1793, I, 370—387. *Собесѣдникъ*, 1783. IV, 111—137.

²⁾ Кн. П. А. *Вяземскій*, *Фонъ-Визинъ*, 18.

Россіи можно указать и во многихъ мемуарахъ ¹⁾; представители противоположнаго направленія, даже при всей довольно значительной тогда свободѣ печати, никогда не высказывались печатно, никогда не представляли своихъ объясненій и оснований: среди ихъ, значитъ, не было выдающихся людей; выдающіеся люди держались противоположнаго направленія. Рядомъ съ гордостью своимъ временемъ нужно указать самую искреннюю, глубокую вѣру въ возможность быстрого, безостановочнаго, даже какого-то торжественнаго движенія челоѣчества впередъ—путемъ распространенія знаній и воспитанія; эта молодая вѣра высказывалась чрезвычайно простоудшно, какъ аксіома, и никѣмъ не подвергалась даже сомнѣнію; европейскія событія, впрочемъ, скоро разрушили эти свѣтлыя мечтанія ²⁾.

Важную сторону тогдашней общественной нравственности составляли недостатки судопроизводства и широкое распространеніе взяточничества. Мы не обинуясь скажемъ, что и то, и другое господствовало въ ужасной мѣрѣ и дѣйствительно составляло крупное зло, заслуживающее жестокаго порицанія, ибо неправильность такого порядка была признана уже большинствомъ общества и преслѣдовалась правительствомъ и литературой; очень многіе изъ тогдашнихъ людей дѣйствительно виновны въ томъ, что изъ страсти къ деньгамъ долго оставались глухи къ громко провозглашаемому порицанію взятокъ. Но нельзя, однако, не указать, что неправосудіе и взяточничество въ той сильной степени, какъ мы ихъ находимъ, были созданы отчасти историческими обстоятельствами: въ тогдашнемъ обществѣ не было еще развито понятіе объ отвлеченномъ, такъ сказать, характерѣ правосудія; въ плоть и кровь общества еще не вошло представленіе о полной независимости судебныхъ рѣшеній ни отъ какихъ постороннихъ причинъ и вліяній и объ обязанности постоянно-одинаковаго возмездія за одинаковыя преступленія, такъ какъ не существовало единаго, точнаго опредѣленія на каждый случай, но накопилась масса разнообразныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу постановленій, такъ что, съ одной стороны, люди съ умомъ очень не сильнымъ, вовсе и

¹⁾ Напримѣръ, *Болотовъ*, IV, 586, 611, 905 и др.; сюда же относятся и многія, ранѣе указанныя, мѣста въ мемуарахъ, особенно—говорящія о службѣ отечеству.

²⁾ Такой взглядъ связать въ очень многихъ статьяхъ тогдашнихъ журналовъ; см. также *Н. Н. Страховъ*, *Борьба съ западомъ*, II, 102—103.

не вступая въ сдѣлку съ совѣстью, не придерживались иногда того, чего требуетъ, по нашимъ понятіямъ, справедливость, а съ другой—люди не очень строгіе къ себѣ, чего и нельзя требовать отъ большинства при тогдашней степени развитія, весьма легко могли вполне оправдывать себя въ своихъ главахъ. Кромѣ того, и по закону, до Екатерины II приказные не получали опредѣленнаго жалованья, а должны были довольствоваться, какъ уже упомянуто, „акциденціями“, то-есть, доходами съ дѣлъ, судебными издержками, такъ сказать; акциденціи эти были установлены закономъ, но не были имъ опредѣлены ¹⁾; естественно, что отсюда не могли не проистекать сильнѣйшія злоупотребленія; они стали даже совершенно привычнымъ явленіемъ, такъ что многіе люди XVIII вѣка высказываютъ къ взяткѣ такое отношеніе, которое невольно поражаетъ насъ. Даже такой сильный умъ, какъ В. Н. Татищевъ, не находилъ ничего несправедливаго и унизительнаго для себя въ томъ, чтобы брать денежные вознагражденія отъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, говоря, что онъ за это скорѣе окончитъ дѣло, работая надъ нимъ и въ такое время, когда по закону не обязанъ работать; Болотовъ, самъ человекъ вполне честный, давалъ взятки совершенно спокойно; точно также и Державинъ; Добрынинъ не скрываетъ, что самъ взялъ дважды взятку, не находя въ этомъ ничего особенно позорнаго, такъ какъ бралъ не изъ жадности, а изъ стыда, что онъ, губервскій страпчій, живетъ хуже всякаго секретаря; есть даже указаніе, что брали взятки и все сейчасъ же отдавали на содержаніе бѣдныхъ ²⁾, и этотъ фактъ выступаетъ предъ нами вовсе не какъ кощунственное лицемеріе, а какъ поступокъ совершенно искренній: ясный примѣръ не компромисса съ совѣстью, а искреннаго, хотя и совершенно отличнаго отъ нашего, убѣжденія. Замѣтной и благотворной перемены въ этомъ отношеніи можно было ожидать только отъ большаго развитія общества въ умственномъ отношеніи; хотя, какъ извѣстно, умственное развитіе и нравственное улучшеніе далеко не всегда обусловливаютъ другъ друга, но болѣе развитому человеку все-таки легче уяснить себѣ ту лживость и неправду, которая ослѣпляла людей менѣе развитыхъ и давала поводы къ сильнымъ злоупотребленіямъ въ области судопроизводства и администраціи.

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій, Дворянство, 152—153.

²⁾ Духовный, по изд. 1885, 17; Болотовъ, III, 395, Державинъ, 58; Добрынинъ, 304—305; Висскій, 118.

Мнѣнія изслѣдователей по исторіи XVIII в. объ умственномъ развитіи нашего тогдашняго дворянства мы уже видѣли: г. Семейскій прямо говоритъ, что дворяне въ умственномъ отношеніи были не выше своихъ крестьянъ; г. Незеленовъ называетъ XVIII вѣкъ вѣкомъ поразительнаго невѣжества; г. Дубровинъ отрицаетъ всякіе умственные интересы въ дворянствѣ, видя въ его жизни лишь волокитство, сплетни да стремленіе хорошенько поѣсть и выпить. Мы, съ своей стороны, въ общихъ чертахъ коснулись уже этого вопроса, говоря о бытѣ помѣщиковъ, и указали, что до послѣдней четверти XVIII в., особенно до Семилѣтней войны, умственное развитіе и интересы большинства дворянъ были, дѣйствительно, очень не высоки и не широки; но мы отмѣтили и тотъ огромный шагъ въ этомъ отношеніи, сдѣланный къ концу вѣка, который при внимательномъ изученіи, не возможно не замѣтить. Существуетъ не только большая разница между умственнымъ уровнемъ общества первой половины и конца XVIII вѣка, но даже въ послѣднюю четверть его нельзя не указать весьма значительнаго прогресса; кромѣ того, самое содержаніе тогдашней умственной жизни, самое направленіе умственной дѣятельности тогдашняго общества заслуживаютъ того, чтобы на разсмотрѣніи ихъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Наилучшимъ и вполне достовѣрнымъ, несомнѣннымъ источникомъ для правильнаго разрѣшенія этого вопроса должно послужить изученіе литературы и сравненіе ея состоянія въ разныхъ эпохи, при чемъ наибольшее вниманіе нужно удѣлать писателямъ второстепеннымъ и третьестепеннымъ, даже и вовсе не выдающимся. Писатели высокодаровитые, дающіе надолго тонъ и направленіе трудамъ писателей болѣе мелкихъ, появляются рѣдко и составляютъ исключеніе, свидѣтельствующее, конечно, о высокомъ умственномъ уровнѣ всего народа; но мы не имѣемъ права приписывать ихъ мысли, мнѣнія, интересы, ихъ слова, самую ихъ логику всему остальному обществу, потому что нерѣдко такіе писатели далеко опережаютъ свой вѣкъ, стоятъ гораздо выше его. Изучать общественную мысль, развитіе, интересы, понятія, взгляды, даже самую логику большинства нужно по сочиненіямъ тѣхъ авторовъ, которые не выдавались изъ среды обыкновенныхъ умныхъ и образованныхъ людей своего времени, которые теперь уже забыты, потому что писали только для своего времени, отражали лишь его, не затрогивая такихъ вопросовъ и не создавъ такихъ образовъ и типовъ, которые интересуютъ и грядущія поколѣнія; такіе писатели подчиняются, конечно, вліянію крупныхъ представителей литера-

туры, но только въ томъ, что соотвѣтствуетъ вообще тогдашнему умственному уровню; писатель же, стоящій много выше своего времени и затрогивающій болѣе глубокіе и долговѣчные вопросы, обыкновенно остается непонятнымъ и безъ послѣдователей въ свое время. Обширный матеріалъ для такого изученія представляетъ намъ журнальная литература Екатерининскаго царствованія, и притомъ матеріалъ, не нуждающійся ни въ какихъ оговоркахъ, ни въ какихъ ограниченіяхъ, потому что интересы, взгляды и логика цѣлаго поколѣнія не могутъ не отразиться въ литературѣ его времени; поэтому и обратно — общее направленіе литературы, такъ сказать, средней рисуетъ намъ направленіе и самаго общества того времени, и прогрессъ въ общемъ, среднемъ уровнѣ литературы совершенно не мыслимъ безъ прогресса въ общемъ развитіи и самаго общества, изъ среды котораго выходили писатели, и среди котораго читались ихъ труды.

Относительно направленія тогдашней русской литературы надо сказать, что оно было серьезное и хорошее. Наши историки литературы признаютъ, что „мораль и исправленіе нравовъ были всеобщей заботою“, что „нравственное направленіе составляетъ отличительную черту всѣхъ литературныхъ произведеній Екатерининской эпохи“, что отношеніе русскихъ писателей XVIII вѣка къ порочному „чуждо французской легкомысленности; они смотрѣли на него глазами гнѣвной сатиры или, по крайней мѣрѣ, съ комической точки зрѣнія“¹⁾. Эти замѣчанія совершенно вѣрны и пожалуй еще не вполне выставляютъ хорошую сторону тогдашней литературы, тогдашнихъ умственныхъ интересовъ и тогдашняго направленія. Разсужденія о должномъ и не должномъ, о различныхъ страстяхъ, объ ихъ вредѣ и о борьбѣ съ ними, объ обязанностяхъ человѣка и о цѣляхъ жизни, о задачахъ и правильныхъ приемахъ воспитанія, о пользѣ ученія и т. д. составляли главное содержаніе почти всѣхъ тогдашнихъ произведеній; въ журналахъ мы постоянно видимъ статьи, напримѣръ, о зависти, гордости, злорѣчій, скупости, злобѣ, вспылъ-

¹⁾ „В. И. Лукинъ“, ст. А. Н. Пылина въ „Сочиненіяхъ Лукина и Ельчанинова“, изд. 1868, XVIII; *Порфирьевъ*, Исторія русской словесности, ч. II, отд. II, 358—359; *Галаховъ*, Исторія русской словесности, т. II, С.-Пб. 1875, 169; сочувственно характеризуютъ литературу второй половины XVIII вѣка *Аванасевъ* въ книгѣ „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.“, 1—2, и проф. *Буличъ* въ книгѣ „Сумароковъ и современная ему критика“, указывая на отзывчивость на запросы общественной жизни, IX—X, 4.

чивости, о любви, о дружбѣ, о выборѣ друзей и вообще сообществъ и т. д.; часто одинъ и тотъ же журналъ помѣщаетъ по нѣскольку статей на одну подобныя темы. Рядомъ съ этимъ обсужденіемъ вопросовъ нравственности и общественности, тогдашняя литература постоянно касается ближайшимъ образомъ вопросовъ нашей собственной жизни, говоритъ о состояніи просвѣщенія, правосудія, объ отношеніи къ низшимъ и высшимъ, о преимуществахъ и обязанностяхъ благородныхъ людей и т. д.; нѣтъ почти ни одного журнала, который не касался бы ближайшимъ образомъ этихъ предметовъ; мелкія неважнаго содержанія статьи занимаютъ въ тогдашней журнальной литературѣ мѣсто сравнительно очень небольшое ¹⁾; все, что представляла замѣчательнаго тогдашняя западно-европейская литература, и очень многое изъ литературы классической было у насъ переведено, и нѣкоторые переводы изданы даже по нѣскольку разъ; слѣдовательно, они находили читателей, а знакомство съ древнею литературой было тогда, безъ сомнѣнія, болѣе распространено чѣмъ теперь ²⁾. По своему преобладающему характеру литература того времени называется дидактическою, и иные обвиняютъ людей XVIII вѣка, въ частности и русское общество, за постоянное дебатированіе вопросовъ нравственности и общественности, въ резонерствѣ ³⁾. Но что должно значить подобное обвиненіе? Неужели можно предположить, чтобы тогдашніе люди писали обо всемъ этомъ, не интересуясь искренно затрогиваемыми вопросами? Но неужели же въ наше время еще не всё знаютъ,

¹⁾ Очеркъ этотъ составленъ преимущественно по слѣдующимъ журналамъ: *Праздное время* 1759, V—VI; *Трудолюбивая пчела* 1759, *Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаний и произведенію удовольствія* 1762, *Невинное упражненіе* 1763, *Свободные часы* 1763, *Полезное съ пріятнымъ* 1769, *И то и се* 1769, *Парнасскій Щепотильникъ* 1770, *Вечера* 1772, *Утренній Свѣтъ* 1778, *С.-Петербургскія ученія выдѣлки* 1779, *Академическія Извѣстія* за 1779, *Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова* 1783, *Зеркало свѣта* 1786, *Курьеръ изъ ада съ письмами* 1788, *Почта духовъ* 1789, *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій, Зритель, Дѣло отъ бездѣлья, Россійскій магазинъ* 1792, *С.-Петербургскій Меркурій* 1793, *Прохладные часы* 1793; болѣе подробныхъ ссылокъ въ этомъ случаѣ я не дѣлаю, въ виду того, что общій характеръ, общій духъ журнала возможно вѣрно понять, лишь ознакомившись со всѣмъ его содержаніемъ. Много воспользовался я также обзорѣмъ журналовъ и изданій Новикова въ изслѣдованіи г. *Незеленова*, весьма обстоятельнымъ въ этихъ частяхъ.

²⁾ *М. А. Дмитріевъ*, 46; *Н. Буличъ*, Сумароковъ и современная ему критика, 155, *Вн. П. А. Вяземскій*, *Фонтъ-Визинъ*, 16—17.

³⁾ *Незеленовъ*, Новиковъ, издатель журналовъ, 417.

какъ трудно провести въ жизнь какую-нибудь новую идею, какой-нибудь новый взглядъ, особенно въ дѣлѣ, близко касающемся частной жизни массы людей, когда приходится бороться съ множествомъ привычекъ, установившихся подъ прежнимъ вліяніемъ обстоятельствъ и проч.? Несомнѣнно, что тогдашніе люди обсуждали въ литературѣ такіе вопросы, которые были тогда еще многимъ не ясны, не были еще разрѣшены, подобно тому, какъ со временемъ будетъ, конечно, совершенно ясно и несомнѣнно для всѣхъ многое и изъ того, что мы теперь обсуждаемъ, о чемъ споримъ, въ чемъ колеблемся, что для насъ еще ново и темно; не возможно же было бы наполнять тридцать лѣтъ десятки разныхъ журналовъ разсужденіями о томъ, въ чемъ и тогда всѣ были увѣрены давно! Такихъ журналовъ никто бы не сталъ читать, — а на дѣлѣ видимъ совершенно противное. Конечно, нельзя было останавливаться на однихъ разсужденіяхъ, а надо было и проводить ихъ мало по малу въ жизнь; но русское общество XVIII в. на этомъ и не остановилось, и если намъ кажется совершенно простымъ, очевиднымъ то, что тогда обсуждали со всѣхъ сторонъ, если это стало для насъ полною, чуть не прирожденною собственностью, то потому именно, что наши предки, какъ только ходъ исторической жизни поставилъ ихъ въ новыя условія, какъ только началъ расширяться ихъ кругозоръ, какъ только начали они жить не однимъ обычаемъ и преданіемъ старины, такъ немедленно же стали выработывать себѣ свое міросозерцаніе, немедленно обратились къ разработкѣ самыхъ важныхъ вопросовъ общежитія. Въ этомъ смыслѣ русской литературы XVIII в. и ея большая заслуга; полное сходство въ этомъ отношеніи всѣхъ почти журналовъ (не столь ясно отражаютъ такой характеръ только журналы специально ученые и специально сатирическіе) доказываетъ, что это были искренно поставленныя задачи, серьезно преслѣдуемыя цѣли, а не фальшивое, притворное резонерство, не простая игра мыслями и фразами; еслибы было такъ, то несомнѣнно, явились бы различныя виды такого несерьезнаго отношенія къ литературѣ. Въ русскомъ обществѣ того времени нашлось много людей, желавшихъ на этомъ поприщѣ послужить своему отечеству; немедленно является масса писателей, не всегда особенно даровитыхъ, но всегда честныхъ, всегда серьезно относящихся къ дѣлу, преслѣдующихъ нравственные идеалы, никогда не служившихъ распространенію легкихъ нравовъ, чѣмъ отличалась, на примѣръ, тогдашняя французская литература. Эти люди работали сначала въ

очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Припоминая общую картину, нарисованную въ первыхъ главахъ, мы легко повѣримъ словамъ журналовъ, что иные старики-дворяне готовы были просто проклясть своего родственника за занятія литературой и прерывали съ нимъ всякія сношенія, что стихотворцы были многими презираемы; но съ теченіемъ времени писатели добились того, что все общество перемѣнило къ нимъ отношеніе, что званіе автора стало даже почетнымъ; какъ мы уже говорили, стремленіе участвовать въ литературѣ дошло потомъ даже до смѣшной страсти въ писанію стиховъ ¹⁾. Что тогдашніе сочинители писали о дружбѣ, о любви, о зависти, гордости, вспыльчивости и т. п. не изъ пустаго резонерства, а искренно интересуясь такими вопросами, серьезно ихъ обдумывая и разбирая, это доказываетъ еще и то огромное улучшение, тотъ огромный прогрессъ, который вообще, совершился въ то время въ нашей литературѣ. Профессоръ Буличъ говоритъ совершенно справедливо: „Когда Сумароковъ сошелъ съ литературнаго поприща, русская литература, начавшаяся громкою одою, сдѣлала уже исполинскіе шаги въ развитіи.... Отъ безсознательнаго, крикливаго гимна до сознательной сатиры, кажется, переходъ труденъ и далекъ, а онъ совершился быстро и ровно въ 30 лѣтъ, считая съ Ломоносовской оды на взятіе Хотина. Такими исполинскими шагами шла наша теперь забытая литература“ ²⁾. Съ своей стороны мы можемъ прибавить, что разница между первыми журналами XVIII в. и журналами конца его громадна; если въ подобныхъ случаяхъ возможно сравненіе, то можно сказать, что она едва ли многимъ меньшая, чѣмъ разница между изданіями конца XVIII вѣка и нашими теперешними журналами.

Въ журналахъ болѣе ранняго времени мы видимъ весьма плохой, не выработанный языкъ, весьма небогатуу, мелкую, такъ сказать, мысль: какая-нибудь статейка на восьми крошечныхъ страничкахъ кажется уже большимъ сочиненіемъ ³⁾; содержаніе статей, доказательства, развитіе мысли—очень слабы; можно даже сказать, что доказательства въ нашемъ смыслѣ тогда почти не встрѣчаются, и что высказать какую-нибудь мысль считалось уже и доказать ее; въ

¹⁾ Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика, X; *Свободныя часы* 1763, 294—295; *Вечера* 1772, 1—6; *Почта духовъ* 1789, 47—48; *Парнаскій Щепетильникъ* 1770, 16—17, 102—103 и друг.

²⁾ Н. Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика, 97—98.

³⁾ *Праздное время* 1759, II, 135—142.

литературѣ тогдашней замѣтно чрезвычайное преклоненіе предъ существующимъ, видна крайняя робость мысли; ссылка на то, что такъ всегда было, такъ всѣ думаютъ—тоже одно изъ наиболѣе часто приводимыхъ оснований; это есть проявленіе того же отношенія къ старинѣ, о которомъ я говорилъ выше ¹⁾; предметы статей въ тогдашнихъ журналахъ охвачены обыкновенно далеко не со всѣхъ сторонъ, а развѣ съ какой-нибудь одной; поэтому часто въ одномъ и томъ же журналѣ, даже у одного и того же автора, чуть не рядомъ въ двухъ статьяхъ встрѣчаешь совершенно противоположные взгляды; такое отсутствіе выработанныхъ взглядовъ ясно, напримѣръ, замѣтно у Сумарокова, который пользовался великимъ уваженіемъ современниковъ; онъ, напримѣръ, то превозноситъ Петра Великаго на счетъ предшествовавшего ему времени, то восхваляетъ это время, то называетъ Александра Македонскаго великимъ, героемъ, то пишетъ, что онъ, какъ Катилина, руководствовался только честолюбіемъ, и что если Катилинѣ истина дала имя злодѣя, а Александру имя Великаго, это — лесть, такъ какъ ему случайно удалось его предпріятія ²⁾. Попытки литературной критики въ раннихъ журналахъ — чрезвычайно слабы, ограничиваются обыкновенно просто

¹⁾ Интересно одно замѣчаніе *Челышева*: разсуждая, какъ хорошо было бы, еслибы въ Архангельскѣ губернаторша и другія знатныя дамы взяли за дѣло устройства ткацкой фабрики для дѣвушекъ, онъ говоритъ: „не все то, что не было, еще невозможно“ (*Путешествіе*, 95); это писано въ 1792 г., слѣдовательно, послѣ французской революціи; онъ высказываетъ также описаніе, что раскольники могутъ сдѣлаться весьма опасными для государства, если „явятся между ними замысловатая, обширная голова“, какъ, напримѣръ, Сулла, Марій, Юлій Цезарь, Кромвель (122); это замѣчаніе также отражаетъ ту боязнь, которая охватила общество въ виду совершавшихся на западѣ событій.

²⁾ *Полезное съ приятнымъ* 1769—г. I—„о воспитаніи“, 5—27; воспитаніе выставляется какъ главное для человѣка; г. II — „о наукахъ“, 1—22, наибольшее значеніе придается знаніямъ. *Трудолюбивая пчела* 1759, 231—234; слова о Петрѣ Великомъ—у *Булгача*, Сумароковъ, 172, 175: до Петра, говоритъ Сумароковъ, Россія „не была просвѣщена ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ; разумъ утопалъ въ мракъ невѣжества, вредительная тѣма разума пріятна была и полезный свѣтъ тягостенъ казался“; а въ другомъ мѣстѣ: „бредятъ люди, которые проповѣдуютъ, что мы до времени Петра Великаго варвары, или паче скоты были; предъ нами такіе же люди были, какъ и мы“ и т. д. Нѣкоторыхъ колебаній, неизбѣжныхъ именно при выработываніи себѣ убѣжденій, нельзя не видѣть и у Новикова, но впрочемъ не въ такой рѣзкой мѣрѣ, какъ выставляетъ г. *Незлениковъ*, Новиковъ, 172 — 174, 184, 199, 225.

выписками мѣсть, которыя кажутся критику превосходными, хорошими или дурными, и только ¹⁾); въ этихъ журналахъ мы видимъ еще почти полное отсутствіе интересовъ научныхъ; вообще, это такая литература, которая могла интересовать общество еще очень молодое, еще далеко не выработавшее себѣ опредѣленныхъ убѣжденій, очень мало образованное, съ очень еще слабо развитымъ умомъ.

Совершенно не то впечатлѣніе производить журналы, начиная съ конца семидесятыхъ приблизительно годовъ и далѣе: они значительно больше по объему и разнообразію по содержанію, но сохраняютъ хорошую сторону прежнихъ журналовъ: точно также имѣютъ они постоянно въ виду интересы общественной жизни, серьезные нравственные задачи; точно также, обсуждая вопросы нравственности и общежитія, продолжаютъ они вырабатывать свое міросозерцаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ появляются разнообразнѣйшія статьи чисто научнаго содержанія, свидѣтельствующія о значительномъ развитіи знаній и интересовъ въ обществѣ; являются даже цѣлыя журналы, наполненные специально учеными статьями по самымъ различнымъ отраслямъ и вопросамъ—изъ области естествознанія, политической экономіи и статистики, исторіи, географіи, физики и даже математики; въ этихъ журналахъ ведется даже ученая библиографія и обзоръ выдающихся періодическихъ заграничныхъ изданій. Мы не можемъ опредѣлить количество подписчиковъ на эти журналы, но есть указанія, что они расходились хорошо ²⁾. Конечно, къ тогдашнимъ журналамъ вообще, а особенно къ статьямъ научнымъ, нельзя придавать мѣрки нашихъ современныхъ періодическихъ изданій, и чтобъ опредѣлить, хороши они были или худы, содержательны или безсодержательны, серьезны или нѣтъ,—мы должны смотрѣть на нихъ не отъ себя, не изъ конца XIX вѣка, а сравнить ихъ съ тѣмъ, чѣмъ были журналы прежде, что, слѣдовательно, было для нихъ образцомъ и исходною точкою развитія. Тогда огромный прогрессъ сразу бросается въ глаза; а если есть прогрессъ, то уже нѣтъ поразительнаго невѣжества. Самая постановка вопросовъ, способы изложенія теперь значительно выше прежняго; статьи по объему несравненно болѣе прежнихъ, касавшихся тѣхъ же вопросовъ; вопросъ раз-

¹⁾ Буличъ, Сумароковъ, 199—200; Незеленовъ, Новиковъ, 175.

²⁾ Утренній свѣтъ 1778 г. расходился приблизительно въ 600—800 экземплярахъ (Незеленовъ, Новиковъ, 272), а многіе другіе журналы были несомнѣнно столь же интересны.

бирается всесторонне, доказывается строго логически; самый языкъ теперь уже значительно развитъ и обработанъ. Очень распространено мнѣніе, что тогда господствовало почти каррикатурное смѣшеніе русскаго языка съ французскимъ; въ доказательство приводятъ выписки изъ журналовъ, гдѣ изображенъ разговоръ, почти сплошь составленный изъ французскихъ словъ, только склоняемыхъ и спрягаемыхъ по русски. Но вѣдь и журналы приводили это какъ карикатуру; стремленіе употреблять въ разговорѣ хоть два-три слова французскихъ встрѣчается въ извѣстныхъ слояхъ общества еще и теперь, когда, какъ мы всѣ знаемъ, смѣшеніе своего языка съ иностранными вовсе не господствуетъ; не господствовало оно въ образованномъ обществѣ и тогда: одинъ изъ журналовъ даетъ объясненіе употреблявшихся тогда въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ и приводитъ ихъ всего около 250; среди жалобъ на введеніе французскихъ словъ мы видимъ иногда, что возставали противъ уродованія языка и противъ такихъ словъ, которыя теперь приобрѣли полное право гражданства въ русскомъ языкѣ, каковы залъ, туалетъ, сюртукъ и проч.; И. И. Дмитріевъ упоминаетъ мимоходомъ, что Карамзинъ сталъ писать языкомъ именно близкимъ къ разговорному языку семидесятыхъ годовъ; это свидѣтельство чрезвычайно важно, и конечно, оно вполне опровергаетъ возможность распространить журнальныя карикатуры разговорной рѣчи на все общество ¹⁾. Замѣтное улучшеніе вообще журналовъ ясно видно изъ книги г. Незеленова: „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“: чѣмъ болѣе поздній журналъ Новикова онъ обозрѣваетъ, тѣмъ чаще и чаще приходится ему отзываться съ большою похвалою о той или другой статьѣ. Успѣхи сдѣлали и критика, прежде бывшая почти въ младенчествѣ: она высказываетъ теперь требованія, болѣе ясно сознанныя; разборъ произведеній со стороны языка и слова поставленъ болѣе правильно ²⁾. Эти журналы, наконецъ, самымъ очевиднымъ образомъ доказываютъ неосновательность жесткаго упрека, высказаннаго тогдашнему обществу, въ отсутствіи у него нравственныхъ идеаловъ. Кромѣ вышеуказаннаго общаго характера тогдашнихъ журналовъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ въ нихъ идею, сознательно проводимую, что человѣкъ долженъ постоянно стремиться

¹⁾ *И то и се* 1769, лл. XXVI и XXVII; *И. И. Дмитріевъ*, 86.

²⁾ См., напримѣръ, *Собесѣдникъ* 1783, II, 103—117; IV, 11—26, 176—189; *Петербургскій Меркурій* 1793, III, 124—144.

къ нравственному совершенствованію, жить и работать для блага другихъ, а не одного себя ¹⁾. Общество выработывало долго и выработало себѣ, наконецъ, здравыя понятія о воспитаніи; возраженіе, что все это были лишь фразы, неумѣстно: въ такомъ случаѣ никакое стремленіе къ наукѣ, къ истинѣ никому не можетъ быть поставлено въ заслугу, потому что никто не достигалъ такой цѣли вопліѣ. Я уже указывалъ нѣсколько ранѣе на журналъ Зритель 1792 г.: онъ служитъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того движенія общественной мысли впередъ, того улучшенія ея, которое тогда произошло; статьи этого журнала по очень многимъ вопросамъ отражаютъ мысль зрѣлую и сильную, убѣжденія твердыя и честныя, взгляды широкіе и правильные; этотъ журналъ, повторяю, отличается отъ первыхъ журналовъ Екатерининской эпохи не менѣе, чѣмъ они отъ современныхъ намъ.

Однимъ словомъ, мы видимъ въ теченіе царствованія Екаторины чрезвычайно большой прогрессъ въ той именно литературѣ, которая несомнѣнно вѣрно отражала общественную мысль и развитіе общества того времени. Если мы посмотримъ выше этого средняго условія, то увидимъ такія крупныя, блестящія явленія, какъ лирика Державина и комедія Фонъ-Визина. Наконецъ, если мы взглянемъ нѣсколько впередъ, то должны будемъ признать, что большое и сильное умственное движеніе непремѣнно происходило въ ту эпоху, за которою вскорѣ явились Жуковский, Пушкинъ, Гоголь, и въ томъ обществѣ, литература котораго въ сто всего лѣтъ прошла отъ Тредіаковского до Достоевскаго, Тургенева и Льва Толстаго...

Вотъ въ какихъ чертахъ представляются намъ бытъ, нравы и уровень умственнаго развитія русскаго дворянства во второй половинѣ XVIII вѣка, если приложить къ изученію источниковъ для исторіи того времени методъ болѣе правильный. Въ серединѣ прошлаго вѣка мы видѣли общество еще очень грубое, мало развитое, не образованное; затѣмъ видѣли, какъ въ силу историческаго движенія жизни происходило въ немъ движеніе впередъ, какъ разно-

¹⁾ *Полезное съ пріятнымъ* 1769, предисловіе, л. XI: „привода людей единственно къ добродѣтели, можно сдѣлать общество благополучнымъ“; *Вечера* 1772, 152—156; *Утренній свѣтъ* 1778: „въ томъ состоитъ главная должность человека, чтобъ онъ всегда совершеннѣйшимъ и безпрестанно лучшимъ искалъ становиться“, 7; то же говорятъ *Почта духова* 1789, предисловіе, и *Прохладные часы* 1793, 426.

образилась, видоизмѣнялась и улучшалась тогдашняя общественная жизнь; наконецъ, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія мы оставили въ провинціи общество уже значительно развитое, съ довольно богатою умственною жизнью, съ широкими интересами, такое общество, которому до состоянія современнаго намъ остается шагъ уже сравнительно небольшой; мы видѣли къ тому же въ этомъ обществѣ, на ряду съ нѣкоторыми увлеченіями, на ряду съ крайностями въ сторону не желательную и не содѣйствовавшими прогрессу, много задатковъ хорошаго, прогрессивнаго, что обезпечивало ему дальнѣйшее движеніе впередъ; и намъ представляется довольно ясно, что такое общество, каково описанное нами, совершивъ въ пятьдесятъ, шестьдесятъ лѣтъ тотъ путь движенія впередъ, который мы прослѣдили, совершенно естественно могло дойти въ семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ до состоянія, современнаго намъ; выводъ, полученный исторически, сходится тутъ, можно сказать, съ тѣмъ, что мы можемъ вывести и изъ своихъ обыденныхъ наблюденій въ жизни. Мы старались всѣ свои заключенія и выводы строить на основаніи подробнаго и тщательнаго изученія источниковъ; но намъ кажется, и а priori ясно, что признаваніе въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка однихъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ, отрицаніе въ немъ всякаго движенія впередъ есть заблужденіе; и а priori необходимо признать въ немъ прогрессъ, такъ сказать, часть того прогресса, который привелъ общество къ его современному состоянію отъ его прежняго, несомнѣнно худшаго; историческимъ изученіемъ мы старались болѣе близко опредѣлить самый ходъ этого прогресса въ избранную эпоху, отмѣтить его фазисы и указать, что было наиболѣе благоприятнымъ въ этомъ отношеніи.

Н. Чечулинъ.

РУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени воссоединенія униі съ православіемъ въ части Россіи, нѣкогда входившей въ составъ великаго княжества Литовскаго. Это событіе подлежитъ уже суду исторіи.

Къ сожалѣнію, о состояніи русской греко-униатской церкви въ настоящемъ столѣтіи, именно въ царствованіи императора Александра I, не имѣется достаточно полныхъ свѣдѣній. Вѣрнѣе сказать—не имѣется критической оцѣнки фактовъ, относящихся къ греко-униатскому вопросу, который назрѣвалъ подъ вліяніемъ грозныхъ и величественныхъ событій эпохи Александра I. Да и количество фактовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ, весьма не велико. Ошибочный взглядъ правительства на русскую греко-униатскую церковь, какъ на частицу церкви Римской, вполне выясненъ въ извѣстныхъ сочиненіяхъ графа Д. А. Толстаго „Le Catholicisme Romain“ и отчасти священника Морошкина „Иезуиты въ Россіи“. Государственные люди эпохи Александра I въ притязаніяхъ поляковъ, которымъ сочувствовали, не могли разобрать фальшивыхъ нотъ, разстраивавшихъ русскую національность въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ.

Принимавшіе участіе въ воссоединеніи, слившемъ въ одно политическое тѣло разрозненные части русскаго народа, были хорошо знакомы съ условіями существованія униі, подверженной расхищенію со стороны латинства, каковыми были: ослабленіе духовной дисциплины въ монашескомъ базилианскомъ орденѣ, угнетенное состояніе бѣлаго духовенства, ограниченнаго въ способахъ духовнаго образованія и порабощеннаго епиторами, убогое состояніе церквей, лишен-

ныхъ древняго греческаго благолѣпія, упадокъ нѣкоторыхъ монастырей, напимѣръ, Супрасльскаго лавры, растрата церковныхъ фондушей и духовныхъ имѣній, отданныхъ помѣщикамъ по закладнымъ, двусмысленное социальное положеніе полутора милліоновъ прихожанъ бѣлоруссовъ, малоруссовъ и черноруссовъ, вслѣдствіе тяжелой крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, польскихъ или ополяченныхъ дворянъ, всегда непріязненно относившихся къ униатамъ.

Въ греко-униатской церкви, не смотря на искаженія латинниковъ, еще не погибли однако здоровые корни, отъ которыхъ время до времени, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, появлялись могучіе ростки, напоминавшіе о прежнемъ могуществѣ и величіи. Эти духовные мужи, начиная отъ Лисовскаго и Красовскаго, отстаивали чистоту греко-славянскаго богослуженія и восточныхъ церковныхъ обрядовъ въ униі. Но они не оставили своимъ потомкамъ описанія тѣхъ страданій, которыя испытали они подъ напоромъ стихій чуждыхъ греко-славянскаго церкви, придавленной притязательностью Римской курии и униженной эгоизмомъ латинниковъ.

Изъ трудовъ нашихъ ученыхъ, писавшихъ объ униі, мало извѣстно о тяжелой долѣ греко-униатскаго бѣлаго духовенства въ царствованіе императора Александра I. Ихъ сообщенія ограничиваются отрывками или же общими мѣстами, приуроченными къ позднѣйшимъ событіямъ, собственно къ факту воссоединенія. Объ этомъ событіи, рѣшившемъ судьбу униі, имѣются однако обстоятельныя, обширныя сказанія современниковъ. Недавно изданы записки главныхъ дѣателей воссоединенія униатовъ съ православіемъ—Іосифа (Сѣмашка), митрополита Литовскаго и Василя (Лужинскаго), архіепископа Полоцкаго. Записки митрополита Іосифа представляютъ особенную историческую цѣнность потому собственно, что сопровождаются множествомъ документовъ, имѣющихъ связь съ реформами и съ личною его дѣятельностью, а дѣятельностью Іосифа Сѣмашка и Василя Лужинскаго обуславливаются официальная сторона воссоединенія и управленіе Литовскою и Вѣлорусскою епархіями послѣ воссоединенія. Статья Антонія Зубка (бывшаго архіепископа Минскаго), главнѣйшаго сотрудника Іосифа Сѣмашка, представляетъ сжатую характеристику развитія униатскаго вопроса и нѣсколько интересныхъ біографическихъ эпизодовъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о воспоминаніяхъ протоіерея Плакида Янковскаго, который живо изображаетъ бытъ бѣлаго духовенства бывшей Брестской епархіи и очерчиваетъ дѣятельность нѣкоторыхъ лицъ, пользовавшихся виднымъ значеніемъ въ униі.

Изслѣдованіемъ самого акта воссоединенія занимались М. О. Кояловичъ и священникъ Морозкинъ. Упомянемъ еще о трудахъ И. А. Чистовича, Н. И. Петрова, гг. Щербицкаго, Дылевскаго и другихъ. Но обыкновенно комментаторы касаются лишь вскользь разныхъ сторонъ уніатскаго вопроса въ періодъ угасанія уніи, именно въ царствованіе Александра I. Изъ монографій, относящихся къ разсматриваемой нами эпохѣ, нельзя не обратить вниманія на недавно появившуюся статью г. Платона Жуковича о главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ.

Акту воссоединенія предшествовала сорокалѣтняя упорная борьба въ самой греко-уніатской церкви между представителями монашескаго и бѣлаго духовенства, то-есть, между базилианами, защитниками латинизаціи греческихъ обрядовъ, и прелатами и канонниками, охранителями чистоты греко-славянскихъ обрядовъ по уставу греческой церкви въ уніи. Собственно говоря, это была борьба двухъ партій—польско-латинской или аристократической и русско-славянской или народной. Базилиане отстаивали порядокъ вещей, установившійся при польскомъ правительствѣ, бѣлое духовенство требовало реформъ, возвращенія къ старому: оно обращалось не къ западу, а къ востоку, по убѣжденіямъ своей совѣсти.

У насъ еще вѣтъ обстоятельной исторіи реформъ уніатской церкви, начатыхъ въ царствованіе императора Александра I, и мы очень мало знаемъ о дѣятельности сложной духовной іерархіи того времени. А эта іерархія распадалась на два непріязвенныя между собою духовныя сословія—монашество и свѣтскій клиръ. Кромѣ того, къ дѣламъ уніатской церкви имѣли опредѣленное отношеніе министры князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ въ качествѣ главноуправляющихъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Оба, завѣдывая дѣлами греко-уніатской церкви, управляли министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но дѣятельность того и другаго министра по отношенію къ греко-уніатамъ различается по существу: первый былъ сторонникомъ монополій базилианскаго монашескаго ордена въ уніи и прямо или косвенно поддерживалъ латинизацію греко-славянскаго восточнаго обряда въ русской уніатской церкви, второй, напротивъ, былъ сторонникомъ бѣлаго духовенства и принималъ близко къ сердцу интересы русскаго народа; для него возстановленіе чистоты греко-восточнаго обряда и церковно-славянскаго языка въ богослуженіи, въ уніи были вопросами совершенно ясными, не подлежащими со-

миѣнію или недоумѣнію. Эта черта управленія министерствомъ Шишкова также мало изслѣдована. Однако онъ былъ первымъ изъ государственныхъ людей въ Россіи, который на греко-униатовъ взглянулъ, какъ на людей русскихъ, на исповѣдуемую ими вѣру—какъ на вѣру греко-восточную. Эти убѣжденія не навѣяны ему кѣмъ-либо извнѣ; оттого онъ такъ твердо и рѣшительно направилъ начатое до него дѣло по инициативѣ императора Александра I, въ убѣжденіяхъ котораго, какъ извѣстно, совершился крутой переломъ послѣ изгнанія изъ Россіи іезуитовъ въ 1820 году.

Дѣлами униатской церкви завѣдывалъ особый (съ 1805 г.) департаментъ римско-католической коллегіи, не имѣвшій однако твердо установленной законами власти въ отношеніи къ подвѣдомственнымъ ему архіереямъ и базилианскимъ провинціаламъ. Существовали регламенты, обработанные іезуитами, и были установленія въ каждой епархіи и въ каждой провинціи базилианскаго ордена: консисторіи, капитулы, консулты. Всѣ эти установленія въ епархіяхъ не имѣли между собою связи ни фактической, ни юридической. Да и этотъ административный распорядокъ или, правильнѣе сказать, безпорядокъ въ управленіи дѣлами униатской церкви, установленный въ началѣ XIX столѣтія, почти не разъясненъ въ нашей литературѣ. Такимъ образомъ, потомкамъ главныхъ дѣятелей греко-униатской церкви въ періодъ борьбы за принципы восточные—греческіе и западные—римскіе остается еще обширное дѣло добыванія фактовъ изъ архивовъ и ученой ихъ обработки, чтобы вѣрно судить о событіяхъ, которыми обусловленъ ходъ преобразованій въ греко-униатской церкви и опредѣляются основные мотивы для воссоединенія униі съ православіемъ въ царствованіе императора Николая I.

Извѣстные источники для историка униі XIX вѣка требуютъ еще провѣрки и дополненія по разнообразнымъ официальнымъ документамъ и актамъ, еще не изданнымъ. Кромѣ официальныхъ актовъ, не приведенныхъ еще въ извѣстность, имѣются другія указанія не официального характера, также не изданныя.

Вотъ что писалъ греко-униатскій ученый славистъ двадцатыхъ годовъ къ настоятелю Свято-Троицкаго Виленскаго базилианскаго монастыря Виктору Босяцкому въ отвѣтъ на дѣлаемый ему симъ послѣднимъ упрекъ за реформы греко-униатской церкви, въ письмѣ отъ 21-го января 1835 года ¹⁾: „Склоненіе базилиан-

¹⁾ Рукописный сборникъ собственноручныхъ писемъ профессора Михаила Бобровскаго. Письма объ униі, № 3: Roku 1835. Dnia 21 Stycznia, z Szereszewo

скаго ордена и самой униі въ Литвѣ къ упадку, ты, преподобный отецъ, кажется изволишь приписывать продѣлкамъ (działaniom) греко-униатскихъ священниковъ, въ числѣ которыхъ помѣщаешь и меня, такъ какъ въ своемъ письмѣ, упоминая о нынѣшней реформѣ обрядовъ нашей церкви, говоришь тономъ, вызывающимъ къ покаянію: „ударьте себя по груди за ваши дѣлашки“ (uderzcie sie w pierś za wasze robotki)“. Далѣе профессоръ Бобровскій объясняетъ ходъ переговоровъ между базилианскимъ орденомъ и главными представителями Брестскаго капитула, пользовавшимися значеніемъ (przewaga) въ свѣтскомъ клирѣ. Таковыми были (въ двадцатыхъ годахъ) офиціалъ Брестской консисторіи Антоній Тупальскій (онъ же и членъ капитула), архипресвитеръ Брестскаго капитула Гавріиль Янковскій (предсѣдатель капитула) и членъ того же капитула вице-предсѣдатель Брестской консисторіи, а затѣмъ предсѣдатель Виленской митрополичьей консисторіи, каноникъ Антоній Сосновскій. Затѣмъ Бобровскій упоминаетъ, что о возвращеніи нѣкогда захваченныхъ базилианами фундушей и капиталовъ, предназначенныхъ на каедру Брестскую, на епархіальную семинарію, на Брестскій капитулъ, означенные защитники блага духовенства дѣлали представленія и въ греко-униатскую коллегію (то-есть, во 2-й департаментъ римско-католической коллегіи), и къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ (кн. Голицыну). „Мнѣ извѣстны были“, пишетъ Бобровскій, — „нѣкоторые изъ отзывы; на нихъ нѣтъ моей подписи; но я, сколько могъ, отстаивалъ существованіе важнѣйшихъ монастырей, а именно Жировицкаго и Виленскаго, убѣждалъ и совѣтовалъ офиціалу Тупальскому (въ письмѣ къ нему) падать, по возможности, монашество, какъ опору церкви, безъ котораго свѣтскій клиръ, разсыпанный мелкими семьями и угнетенный нищетою, подобенъ трости, колеблемой отъ вѣтру въ ту или другую сторону... Мнѣ привелось также самому принимать участіе въ комитетѣ, созванномъ въ Жировицахъ митрополитомъ (Булгакомъ) для окончательнаго рѣшенія вопроса о капиталахъ на семинаріи (въ январѣ 1826 г.). Въ этомъ комитетѣ литовскій провинціалъ Каминскій отстаивалъ интересы своего ордена и предлагалъ разныя комбинаціи, которыя не могли быть приняты ¹⁾).

Do Przewielebnego X. Wiktora Bosiackiego Przetozonego klasztoru Bazylianskiego Wilenskiego S. Тrousu. Здѣсь мы приводимъ лишь нѣсколько отрывковъ изъ этого посланія, въ которомъ протоіерей Бобровскій излагаетъ краткую программу дѣлъ въ униі со времени митрополита Лисовскаго.

¹⁾ Въ то время профессоръ Бобровскій жилъ въ Жировицахъ и былъ временнымъ вице-предсѣдателемъ консисторіи.

„Были еще представленія въ коллегію о вредномъ вліяніи на учениковъ главной семинаріи ихъ товарищей-латинниковъ и предложенія возстановить чистоту греческаго богослуженія, искаженнаго латинниками. Объ этомъ хлопоталъ особенно А. Сосновскій, бывшій офиціальъ Виленской митрополичьей консисторіи, дѣлая представленія въ столицу. Его соображенія возымѣли свое дѣйствіе: приемъ униатскихъ клириковъ въ главную семинарію былъ прекращенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникла мысль объ учрежденіи въ Полоцкѣ греко-униатской академіи ¹⁾. И упраздненіе монастырей, и реформа обрядовъ восточной церкви, соединенной съ римскою, могли быть вызваны и происходившими между „закономъ“ (то-есть, орденомъ) и клиромъ пререканіями, и послѣдовавшими отзывами изъ консисторій въ коллегію объ искаженіи обрядовъ греко-униатской церкви, вслѣдствіе вліянія латинниковъ. Но все это могло быть только предлогомъ: скорбь о внезапной переимѣнѣ, мы приписываемъ другъ другу то, что происходитъ отъ другихъ причинъ, о которыхъ мы не знаемъ или знать намъ не подобаешь. Пусть латинники скажутъ сами: почему закрываютъ ихъ монастыри, уменьшаютъ приходы? Почему запрещено намъ униатамъ участіе въ богослуженіи вмѣстѣ съ ними? Все это дѣло Провидѣнія Божія. Пути его неисповѣдимы. О нихъ узнаютъ только потомки. И быть униі въ Литвѣ, и ея паденіе—въ рукахъ Божіихъ. Реформы греко-униатскаго обряда въ Галицкой Руси при Маріи Терезіи (Иосифъ II?) не прекратили однако существованія тамъ униі. Очевидно, не отъ реформы обрядовъ зависитъ у насъ ея быть и существованіе ²⁾. Затѣмъ, очертивъ вкратцѣ ходъ въ дѣлахъ униі, начиная отъ митрополита Ираклія Лисовскаго, упомянувъ о подпискахъ на воссоединеніе съ православіемъ, данныхъ епископами (въ 1834 г.), не исключая и Жарскаго (базилианина), что ясно доказываетъ, что наступаетъ уже конецъ униі (już po nią), указавъ на господствующую въ Россіи вѣротерпимость ко всѣмъ исповѣданіямъ, на свободу перехода (униатовъ) въ православіе по убѣжденію и не одобрявъ случившихся въ униі насильственныхъ принужденій даже крестьянъ корыстными обѣщаніями, что ведетъ къ волненіямъ и безпорядкамъ,

¹⁾ Указываемые здѣсь факты подтверждаются, какъ увидимъ ниже, дѣлами архива св. синода (по 2-му департаменту римско-католической коллегіи).

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что благодаря этимъ реформамъ въ греко-униатской церкви австрійскихъ славянъ возстановлена была чистота обрядовъ въ богослуженіи по уставу греческой церкви, и обезпеченъ былъ благо духовенства. Гр. Толстаго, *Le Catholicisme Romain*. II, стр. 375 и 376.

Бобровскій говоритъ: „Развѣ можете вы Свято-Троицкій монастырь, который держался униі, удержать при униі? Свое любопытное посланіе къ Босаяцкому Бобровскій оканчиваетъ слѣдующими словами: „Naupozyteczniejszą byś przysługę zrobił, gdybyś materiały zebrał do dziejow upadającego swego Zgromadzenia i gasnącey Cerkwi unickiej. Masz pod ręką archiwum zakonne, a jako wpływający w ostatnich czasach do styru swego Zakonu morzesz wtej mierze wiedzieć pewniej niżeli kto inny. Przy kłopotach gospodarskich będzie to rozrywką lubiącemu zazerać po zaplesniałych zwiach“¹⁾.

Спустя четыре года, именно 18-го февраля 1839 г., то-есть, через нѣсколько дней послѣ совершенія въ г. Полоцкѣ (въ недѣлю православія 12-го февраля) соборнаго акта о воссоединеніи униатовъ къ православной Греко-Восточной Каѳолической церкви, Бобровскій рекомендовалъ официалу (предсѣдателю литовской консисторіи) Тупальскому заняться составленіемъ мемуаровъ, хотя бы въ видѣ набросковъ, о событіяхъ столь важныхъ, происходившихъ на его глазахъ въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1804 по 1839 г.). Передаемъ это письмо пѣликомъ въ переводѣ: „Изъ нѣкоторыхъ извѣстій, которыя я имѣлъ счастье получить отъ вашего высокопреподобія догадываюсь, что уже наступилъ послѣдній часъ униі. Передать потомству ея начало, распространеніе, стремленіе къ упадку и самое паденіе было бы дѣломъ чрезвычайной важности. Кромѣ васъ, никто не знакомъ такъ хорошо съ этими фактами. О временахъ прошедшихъ можно ограничиться общимъ очеркомъ; но нужно распространиться описаніемъ явленій современныхъ. Нужно представить краткую біографію митрополитовъ и епископовъ, начиная отъ Лисовскаго, изложить что каждый сдѣлалъ для блага церкви, или же кто изъ нихъ былъ причиною ея упадка. Много, а можетъ быть всего болѣе, виновенъ въ этомъ базилианскій орденъ. Надлежало бы упомянуть о его дѣателяхъ. Такія и подобныя имъ обстоятельства должны быть въ свѣжей памяти у васъ, какъ человѣка, который въ теченіе почти полувѣка принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ нашей іерархіи. Достаточно будетъ сдѣлать хотя наброски (in cundo), безъ системы, безъ хронологическихъ справокъ, но съ искреннею любовью къ истинѣ того, что можетъ при-

¹⁾ То-есть: „Ты оказалъ бы величайшую услугу, еслибы собралъ матеріалы, относящіеся къ исторіи падающаго ордена и угасающей греко-униатской церкви. Имѣешь подъ рукою базилианскій архивъ и, какъ человѣкъ, заинтересованный дѣлами своего ордена въ послѣднее время, можешь знать о нихъ болѣе и вѣрнее всякаго другаго. При хозяйскихъ хлопотахъ это могло бы служить развлеченіемъ любящему заглядывать въ свитки, покрытые пылью“.

ходить на мысль въ минуты болѣе свободныя. Трудъ этотъ никого не могъ бы скомпрометировать,—напротивъ былъ бы драгоценнымъ для потомковъ, хотя и неприятнымъ для современниковъ, слѣдовательно, не лишённымъ опасности осужденія и для автора записокъ, а въ такомъ случаѣ разсудительность требуетъ подражать перу Тацита¹⁾.

Мы не знаемъ, исполнилъ ли этотъ совѣтъ профессора протопресвитеръ Тупальскій, который по своей обширной дѣятельности, по своему опыту и знакомству съ извѣстными личностями своего времени, по своему значенію въ іерархіи болѣе всякаго другаго былъ способенъ изложить событія, которыми сопровождалась реформа, послѣдовательно подготовившія воссоединеніе униатовъ съ православіемъ. Ему ближе всякаго другаго были извѣстны глубокія язвы въ социальномъ бытѣ монашескаго ордена и нужды бѣлаго униатскаго духовенства съ того времени, когда іезуитъ Груберъ, занявъ господствующее положеніе въ іезуитскомъ орденѣ, направилъ дѣла римско-католической коллегіи къ прямой цѣли—латинизаціи уни.

О многосторонней дѣятельности Антонія Тупальскаго, кромѣ дѣлъ архивныхъ, мы судимъ изъ характеристики Янковскаго, который, въ качествѣ члена консисторіи и преподавателя Жировицкой семинаріи, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ энергичному предсѣдателю консисторіи; послѣдній, будучи многіе годы во главѣ бѣлаго духовенства обширнѣйшей Брестской епархіи, старался парализовать интриги базилианъ, усвоившихъ себѣ образъ дѣйствія іезуитовъ.

Весьма богатый по содержанію матеріала архивъ бывшаго 2-го департамента (униатскаго) римско-католической коллегіи, въ вѣдѣніи которой греко-униатская церковь состояла почти четверть столѣтія (1805—1828 гг.), остается до сихъ поръ мало обработаннымъ. Но въ этотъ именно періодъ, отъ образованія особаго департамента (2-го) для униатовъ въ означенной коллегіи и до учрежденія особой греко-униатской коллегіи, совершились весьма важныя событія: тогда собственно подготовлены были способы къ воссоединенію, когда бѣлому духовенству при содѣйствіи правительства удалось разбить основы базилианскаго ордена, какъ особо организованной силы, опасной для русскаго славянства въ Западной Россіи²⁾.

¹⁾ Письмо это подъ № 6, писано 18-го февраля 1839 г. изъ Шерешева. Тупальскій былъ несмѣняемымъ предсѣдателемъ консисторіи съ 1807 по 1828 г. Брестской, а съ 1828 г. Литовской греко-униатской епархіи и многіе годы фактически управлялъ ею.

²⁾ Нельзя не пожалѣть о гибели богатаго архива Брестской греко-униатской консисторіи, въ которомъ, конечно, хранилось множество чрезвычайно важныхъ

Изъ нашихъ документовъ видно еще, что на реформы въ униі нельзя смотрѣть исключительно только съ религіозной точки зрѣнія; реформы греко-униатской церкви обнимаютъ социальный бытъ русскаго народа и находятся въ тѣсной связи съ событіями чисто политическаго характера. Во всякомъ случаѣ, исторія греко-униатской церкви находится въ тѣсной связи съ государственною политикою и съ ходомъ просвѣщенія въ западной Россіи.

Изъ весьма многихъ дѣлъ архива св. синода по 2-му департаменту римско-католической коллегіи (1805—1828 гг.) мы избрали самое обширное и важное по качеству матеріала дѣло, начатое въ 1822 году и конченное въ 1828 году: „Объ упраздненіи нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей и учрежденіи духовныхъ училищъ по епархіямъ“, на 677 листахъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается печальное состояніе греко-униатской церкви и содержатся матеріалы для объясненія хода борьбы бѣлаго духовенства съ представителями базилианскаго ордена: тутъ окончаніе драмы, начавшейся преобразованіями Лисовскаго. Въ тѣсной связи съ развитіемъ вопроса объ упраздненіи базилианскихъ монастырей, поднятаго архіепископомъ Лисовскимъ въ началѣ царствованія императора Александра I, состоятъ многіе другіе первостепенные вопросы, объясненіе которыхъ находимъ въ другихъ дѣлахъ архива св. синода, съ которыми также мы обязаны познакомить читателя, а также въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія.

Настоящій нашъ трудъ не болѣе какъ попытка къ систематическому изложенію событій въ русской греко-униатской церкви до рѣшительнаго пораженія базилианскаго ордена, а это и было началомъ конца униі въ Западной Россіи.

I.

Протесты бѣлаго духовенства въ концѣ прошлаго столѣтія.

Послѣ возвращенія западныхъ губерній отъ Польши, существованіе въ нихъ греко-униатовъ, казалось, не могло быть продолжительнымъ. Такъ думало католическое духовенство вмѣстѣ съ базилианскимъ орденомъ, когда принялось за совращеніе ихъ въ латинство,

историческихъ документовъ, собранныхъ Брестскимъ капитуломъ. Архивъ сгорѣлъ въ Жировицахъ въ 1836 году отъ неизвѣстной причины, и такимъ образомъ исторія лишена одного изъ важнѣйшихъ источниковъ.

нарушая тѣмъ постановленія Римскихъ папъ; такъ думало и русское правительство, оставляя греко-униатовъ въ совершенной зависимости отъ римско-католической коллегіи, что было прямымъ нарушеніемъ политическаго взгляда Екатерины II на униатскій вопросъ.

Базиліанскій орденъ, разжившійся при безпорядочномъ управленіи Польши, чувствовалъ себя теперь въ неловкомъ положеніи. Онъ захватилъ въ свои руки церковныя капиталы и фондуши, овладѣлъ соборными кафедрями, присвоилъ себѣ суммы, завѣщанныя на нѣкоторыя епархіальныя семинаріи, противодѣйствовалъ учрежденію епархіальныхъ семинарій для духовнаго образованія и устройства консисторій, интриговалъ противъ официаловъ изъ свѣтскаго клира и съ подозрительною злобою относился къ капитуламъ, или представителямъ старшаго духовенства въ епархіяхъ.

Что могло быть съ греко-униатскимъ монашествомъ, которое беззастѣнчиво уклонялось отъ своихъ обѣтовъ, нарушало каноническіе законы и образовало среди русскихъ униатовъ партію враждебную и греко-славянскій церкви, и русской народности?

Казалось, дни латинскаго ордена, какъ чужаднаго растенія среди русскихъ западной Россіи, должны быть сочтены, а съ паденіемъ ордена унія становилась политическимъ абсурдомъ: осталось бы убогое, лишенное образованія сельское духовенство, и крестьяне, бывшіе въ тяжелой крѣпостной зависимости отъ господъ, латинянъ, чуждыхъ по исповѣдуемой ими греко-славянскій вѣрѣ. Случилось однако нѣчто противоположное. Базиліанскій орденъ уцѣлѣлъ и является передъ судомъ исторіи какъ величайшій врагъ греко-восточнаго обряда и русской народности. Онъ и послѣ раздѣла своего на провинціи, лишившись непосредственной связи съ Римомъ черезъ папскаго нунція въ Варшавѣ, былъ еще силенъ, но не крѣпостью своего внутренняго устройства, не суровою монашескою дисциплиной, а своимъ богатствомъ, своими связями съ господствовавшими въ странѣ латинопольскими силами и поддержкой іезуитовъ въ Петербургѣ и въ Бѣлоруссіи, особенно своими же интригами и вліяніемъ на народное просвѣщеніе.

Въ Западной Россіи, въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши находилось, въ началѣ XIX вѣка, до ста базиліанскихъ монастырей (мужскихъ и женскихъ), значительная часть которыхъ была образована изъ приходскихъ церквей и имѣла не болѣе двухъ, трехъ, четырехъ монаховъ: эти монастыри владѣли множествомъ крестьянъ (до 20.000) и большими капиталами (болѣе 800.000 р. с.). Бѣлое ду-

ховенство, между тѣмъ, оставалось въ политическомъ загонѣ: образование его было въ совершенномъ пренебреженіи, содержаніе оно имѣло крайне скудное, матеріальное существованіе семействъ духовенства до такой степени было мало обезпечено, что сыновья священниковъ, изъ которыхъ многіе происходили изъ древнихъ русскихъ дворянъ, должны были или искать службы экономовъ, прикащиковъ, офиціалистовъ у ополяченныхъ или польскихъ помѣщиковъ, или же, при отсутствіи всякаго образованія, обращаться въ крѣпостныхъ батраковъ. Положеніе вдовъ и сиротъ священниковъ было безвыходнымъ. А при такихъ условіяхъ легко было найдти поводы къ совращенію униатовъ въ католицизмъ. И дѣйствительно, началось совращеніе, которое стало угрожать существованію греко-славянской церкви, когда на помощь базилианскому ордену подоспѣла польская пропаганда, имѣя во главѣ всю польскую аристократію, до четырехъ тысячъ монаховъ римско-католическихъ орденовъ и организованные при содѣйствіи министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына библейскіе комитеты.

Прекрасною иллюстраціей исторической неправды, которая привела бѣлое духовенство къ политическому униженію въ послѣдніе годы существованія Рѣчи Посполитой, служитъ протестъ уполномоченныхъ отъ имени бѣлаго духовенства (бывшей) Виленской митрополитической епархіи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ отъ 4-го ноября 1776 года, копію котораго мы передаемъ въ старинномъ переводѣ съ латинскаго, сохраняя языкъ и правописаніе переводчика. Латинская копія съ переводомъ приложена къ представленію Брестской греко-униатской консисторіи во второй департаментъ коллегіи отъ 12-го марта 1823 года ¹⁾.

„1776 Года Ноября 4 дня въ Городѣ Вильнѣ. Передъ Агтами Виленской Митрополитальной Генеральной Консисторіи, явась лично, Управляющій виленскою Соборною Церквю священникъ Казимиръ Щигельскій, во исполненіе повелѣнія Высопреосвященнаго Архіепископа Митрополита всея Россіи своего Пастыря, отъ имени Бѣлаго Духовенства Митрополитальной Епархіи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ распространяемой на Суперіора Прокуратора и все общество Виленскаго Базыльанскаго монастыря, не исключая и прочихъ

¹⁾ № 151, подъ лит. В, архивъ св. синода по 2-му (греко-униатскому) департаменту, дѣло № 61, начато 29-го сентября 1822 г., кончено 26-го апрѣля 1882 г., на 677 листахъ. См. л. 76 и слѣд.

начальниковъ Литовской провинціи того же Ордена, какъ равно и нижепоименованныхъ лицъ, публично жаловался о нижеслѣдующемъ: „Что хотя все монашество ни къ чему иному но единственно для вспомошествованія Бѣлаго Духовенства установлено, церквою принято и утверждено, но напротивъ того обвиняемые монахи Ордена Святаго Василя Великаго, отступивъ той цѣли, въ мѣсто оказавшей помощи, крайнія бѣлому унитскому Духовенству, особливо въ Польскомъ Королевствѣ и Великомъ Литовскомъ Княжествѣ находящемуся, притѣсненіи, ущербы, насиліи и самовольствіи нанести осмѣлились, прежде сего овладѣвъ всѣ преимущества и достоинства и присвоивъ себѣ право самовольнаго владѣнія бѣлымъ Унитскимъ Духовенствомъ; ибо первоначально Капитулы при Кафедральныхъ Соборныхъ церквяхъ находившіеся, посредствомъ разныхъ насильныхъ и обманныхъ способовъ, истребили такъ, что едва при трехъ каедряхъ слѣды оныхъ Капитулъ нынѣ находятся, но и сіи недавно возобновлены; исключая же другія Епархіи въ Митрополитальной токмо Епархіи великаго Литовскаго Княжества по первоначальному устройству находились Капитулы при четырехъ соборныхъ церквяхъ, какъ то: Виленской, Гродневской, Новогрудской и Минской, но при оныхъ церквяхъ нынѣ токмо чуть память Капитулъ остается и даже ни одинъ изъ бѣлаго духовенства Священникъ не находится; симъ образомъ Капитулы, уничтоживъ нѣкоторыя соборныя церкви, какъ-то: Новогрудскую и Минскую, со всѣми въ оныхъ находящимися алмазами, жемчугами, серебряною и прочею посудою и церковнымъ имуществомъ, равномѣрно пляцами и фундушами изъ давнихъ временъ къ онымъ принадлежащими, сами въ свое владѣніе заняли, Гродневскую же монахинямъ тогожь Ордена безъ вѣдома и позволенія Апостольскаго престола, а также безъ соизволенія Королей Польскихъ и Князей Литовскихъ отдали и нѣкоторые фундуши оной церкви перемѣнили и уничтожили, а виленскую церковь, имѣя въ своемъ управленіи во время цвѣтущаго тогда въ Литвѣ уніатскаго исповѣданія, съ наружи и ввнутри достаточно украшенную съ пренебреженіемъ вѣроисповѣданія и удаленіемъ даже жительствующихъ въ томъ столичномъ Княжествѣ Литовскаго городѣ разнаго званія жителей разорили такъ, что одна токмо чаша Новогрудскимъ Священникомъ Краскевичомъ пожертвованная и двѣ ветхія рызы (какъ опись удостовѣряеть) послѣ ихъ управленія остались, а иконъ Пресвятыя Богородицы Чудотворной со всѣми алмазными украшениями изъ оной церкви въ свою Пресвятыя Троицы (какъ удостовѣряеть данная ими

росписка и носящійся слухъ) перенесли, прочіежь Виленскія церкви бывшія прежде приходскими какъ-то: 1-ю Покрова Пресвятыя Богородицы,—2-ю Іоанна Богослова—3-ю Святаго Михаила—4-ю Іліи Пророка—5-ю Святыя Катерины—6-ю Святаго Николая—7-ю Святыхъ Козми Дамяна—8-ю Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла—9-ю Святаго великомученика Іегорія—и 10-ю Рождества Христова, во время своего оними управленія, равнымъ образомъ разорили такъ, что нынѣ на тѣхъ пляцахъ и кимитарахъ (?), а также гдѣ находились приходскихъ священниковъ дома и строенія, нынѣ каменными и деревянными дворянъ и обывателей Виленскихъ равно и еврейскими домами суть застроены, каковыя пляцы и фундуши для малой користи съ оскорбленіемъ святыхъ мѣстъ отдали разнымъ лицамъ, и такимъ распоряженіемъ для малаго платежа въ пользу митрополитовъ стались причиною къ тяжбѣ и значительнымъ издержкамъ произвышающимъ даже самыя доходы; сверхъ вышеупомянутыхъ церквей еще 11-ю приходскую церковь Свѣтлаго Воскресенія Христова подобнымъ же образомъ разорили и всѣ церковныя утвари, посуду и серебро забрали, 12-ю Святой Параскевіи съ пляцами, фундушемъ, каменными зданіями на Кимитарѣ оной послѣ выстроенными и жылыи домъ приходскаго священника въ свое владѣніе заняли;—13-ю Перенесенія мощей Св. Николая, забравъ съ оной всѣ церковныя утвари и посуду, и опустошивъ оставили, которую такъ съ наружи какъ въ внутри исправилъ и украсилъ въ нынешнихъ временахъ священникъ Францъ Модзелевскій Намѣстникъ въ Духовенствѣ и Офіціалъ Генеральный Виленскій къ сей разореной церкви законно опредѣленный, который нынѣ одинъ токмо изъ бѣлаго духовенства въ городѣ Вильнѣ находится въ мѣсто шести бывшихъ прежде презвитеровъ, двухъ діаконовъ при Виленской Соборной церкви, тринадцати приходскихъ священниковъ при поименованныхъ церквяхъ находившихся и Виленскаго Капитула обжалованными уничтоженнаго. Поста новленіе фундаторовъ вовсе переимѣнили, означенныя ими обязанности по удаленіи приходскихъ Священниковъ уничтожили, исправленіемъ мирскихъ требъ прихожанамъ занялись, и приходами управляли по 1762 годъ; по уничтоженію, какъ выше сказано, Виленскаго Капитула и приходскихъ тамо находившихся Священниковъ, присвоивъ для себя всѣ ихъ права и преимущества, отъ имени Капитула равныя здѣлки, вопреки древнимъ фундушамъ, вредныя для Бѣлаго Духовенства, подѣляли. Королевскія привилегіи по невѣрному своему представле-

нію въ мѣсто прежнихъ правъ и привилегій Бѣлому Духовенству служащихъ исходатайствовали. Фольварокъ Свираны Княземъ Константиномъ Острогскимъ Воеводою Троцкимъ въ 1522 году, на четырехъ Пресвитеровъ и двухъ Діаконовъ Виленской Кафедральной церкви наданный къ своему монастырю причислили; Фольваркъ же Крокшты, съ принадлежащимъ къ оному Фольфаркомъ Шешоле званымъ, упомянутымъ Фундаторомъ, на выше сказанныхъ Священниковъ и Діаконовъ означенный, исходатайствовалъ невѣрнымъ представленіемъ у Владислава IV Короля Польскаго дозволеніе подъ видомъ, будтобы, другія имѣнія на церковь за 50,000 польскихъ золотыхъ приобрести покупкою имѣютъ, хотябы оныхъ имѣній едва за 100,000 золотыхъ нынѣ можно было откупить, какъ видно изъ подписи Викариа Виленскаго монастыря Іеромонаха Котлубая (который себя въ продажномъ правѣ именовалъ быть Капитульнымъ) продали, и на мѣсто того никакихъ уже другихъ имѣній для церкви нетокимо не покупали, но даже выше сказанную сумму неизвестно на что употребили; сверхъ сего фольварокъ Вака называемый г. Федоромъ Якушкевичемъ маршаломъ Александра короля польскаго великаго князя литовскаго отъ сотворенія свѣта по греческимъ хронографамъ 7015 года индикта II марта 29-го дня, и отъ Рождества Христова 1506 года, на двоихъ изъ бѣлаго духовенства викарихъ при Виленской кафедральной церкви наданный, а послѣ графомъ Павломъ Сапѣгою земскимъ судьей Троцкаго воеводства 1605 года умноженный, лишивъ какъ выше сказано бѣлое духовенство владѣнія онаго имѣнія, которое и по настоящее время бѣлому духовенству не возвращено, себѣ присвоили.—Равнымъ образомъ уничтоживъ капитулы при соборныхъ Гродненской, Новогрудской и Минской церквахъ, издревле существующія упомянутыя церкви со всѣми украшеніями, утварами и посудами церковными съ ихъ фундушами овладѣли и прелатовъ вовсе удалили такъ, что и по настоящее время бѣлому духовенству владѣть не допустили, фундушоваыя суммы изъ имѣній, на коихъ были обеспечены съ слѣдующими отъ оныхъ процентами, безъ обеспеченія оныхъ на другихъ имѣніяхъ отобрали, и въ свою пользу обратили, какъ-то: 5000 польскихъ золотыхъ церкви св. Козмы и Даміана (что открывається изъ первоначальной записи) къ своему монастырю іеромонахъ Котлубай присовокупилъ; послѣ чего іеромонахъ Бенѣцкій, митрополитальный офиціалъ Кобринскій архимандритъ сумму на церковь святаго Іоанна Богослова записанную и на каменномъ домѣ въ Вильнѣ, Солтановскій называемомъ, обес-

печенную въ мѣсто съ процентами употребилъ на собственную свою надобность и о томъ не оставилъ никакого въ архивѣ слѣда, чѣмъ былъ причиною не малыхъ тяжбныхъ издержекъ. Сверхъ сего находящесь изъ дровле въ кирпичныхъ стенахъ и окнахъ для укрѣпленія оныхъ желѣзо въ кафедральной Виленской церквѣ, во время своего офиціальства, велѣлъ выбрать и употребилъ на оковку своихъ повозокъ, а 1700 года во время существованія въ городѣ Вильнѣ заразы (какъ доказываютъ опись и состоящіе въ живыхъ по сіе время свидѣтели), олово, до 24,000 злотыхъ польскихъ стоющее, подъ потолкомъ церкви св. Николая оловяннымъ литейщикомъ сохраненное во время своего начальства знашолъ, и велѣлъ сдѣлать съ онаго токмо 18 небольшихъ подсвѣчниковъ, остальное обратилъ въ свою пользу, тако же іеромонахъ Жиравскій офиціалъ и супероръ Виленскаго монастыря и ордена своего консулторъ, каменный домъ на госпиталь виленской кафедральной церкви наданный монахамъ августіанскаго ордена, не смотря на право принадлежности и обязательства, продалъ и оныя деньги не въ пользу госпиталя, но неизвѣстно на что употребилъ.— По уничтоженіи же, какъ о семъ неоднократно уже сказано, капитулъ и знатнѣйшихъ священниковъ въ городахъ Литовскаго княжества, и послѣ опустошенія самыхъ церквей со всѣхъ находившихся въ оныхъ украшеніяхъ еще гораздо легче удалось монахамъ послѣдніи принадлежности въ другихъ мѣстахъ оставшіеся, которые имъ изъ хорошаго состоянія поправились, завладѣть насильно, какъ то: Рогачевскую, Рожанскую, Лысковскую, Черліонскую, Жировицкую, Гольдовскую, Глуценскую, Суховицкую, Кассутскую, Раковскую, Свѣржанскую, Мирскую и прочія церкви, коихъ нынѣ не помню, и оныя церкви въ монастыри обратили, оставя токмо бѣлому духовенству тѣ церкви, изъ коихъ фундашей честный человекъ пропитать себя былъ бы не въ состояніи; церковь же Мерецкую со всѣми принадлежностями продалъ монахамъ іезуитамъ, Порудоминскую подъ разными предлогами со всѣми фундашами, какъ равно Олитскую, Ковенскую, за небденіемъ со всемъ разорили. Семинарію изъ складки бѣлаго духовенства и помощи митрополита во время Кобринскаго собора 1626 года ¹⁾ въ

¹⁾ Кобринскій синодъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа IV (Вельямина Рутскаго) изъ епископовъ, его викаріевъ, въ 1626 году, утвержденный папою Урбаномъ VIII. — Перевелъ съ латинскаго на польскій Иванъ Бобровскій изъ книги подъ заглавіемъ: Appendix ad specimen ecclesiae ruthenicae.

городѣ Минскѣ учрежденную и въ вѣденіе монаховъ базыльяновъ отданную въ послѣдствіи уничтожили, прописаннымъ же образомъ собранную на упомянутую семинарію сумму въ свою пользу обратили. Кромѣ сего на возобновленіе оной же семинаріи сумму 27,000 польскихъ злотыхъ, Минскимъ архимандритомъ Любенецкимъ записанную, и приговорами апостольской въ Варшавѣ существовавшей нунціатуры 1755 года 6-го іюня и нунціатурской делегации 1760 года декабря 19-го состоявшимися на вспомошествованіе и возобновленіе епархіальной Минской семинаріи назначенную, отъ госпожи Сологубовой (какъ свидѣтельствуесть подлинная квитанція) полученную, не отдали на семинарію, но за собою задержали. Въ семинаріи Свѣржанской князьями Радзивиллами фундованной, по сіе время ни одного клирика не воспитали такъ, чтобы въ епархіи могъ быть полезнымъ, ибо употребляя оныхъ къ собственнымъ услугамъ, старались удерживать ихъ въ темнотѣ, дабы тѣмъ самымъ пресѣчь распространеніе просвѣщенія между бѣлымъ духовенствомъ и не давать способа къ вѣденію о причиненныхъ обидахъ, а тѣмъ паче къ принесенію жалобы. Посѣщая церквѣ оныхъ фундушове документы отъ приходскихъ священниковъ забрали, а въ части только оныя въ митрополитальный архивъ отдали, ибо 600 церквей здѣсь въ Литвѣ числится, а токмо 100 церквей какъ видно по митрополитальному архиву документы нынѣ находятся. Во время канонической визиты искали только своей пользы, какъ присматривали за церковнымъ порядкомъ, и по сему никакихъ актъ, либо слѣдовъ, какими издревле пользовались фундушами священники, онымъ не оставляли, чѣмъ болѣе стались имъ поводомъ къ многоячнымъ тяжбамъ, наводящимъ значительныя обѣды (обиды). Равнымъ образомъ дѣлъ во время управленія монахами производившихся мировою либо приговорами совершенныхъ акта съ великою сторонъ обидою находятя, а только самовольнаго своего управленія многочисленныя распоряженія единственно въ угожденіи помѣщиковъ съ крайнею обидою бѣлаго духовенства послѣдовавшія, коихъ память по настоящее время въ обиженныхъ продолжается, оставили. — Въ представленіи клириковъ къ рукоположенію въ санъ іерейскій не имѣли въ виду ихъ просвѣщеніе, согласно съ церковными узаконеніями, но

Auctore Ignatio Kulczynski rutheno ord. S. Basilii m. proc. gen. et rect. S. S. Sergii et Bacchi ad Montes Romae. M. D. CC. XXXIV (1734). „Dz. Dobroczyń.“. 1823, т. I, стр. 97.

пожертвованіе ими чинимое, тѣмъ образомъ въ простотѣ укрѣпить, но не просвѣщать старались, единственно дабы бѣлое духовенство всѣми было пренебрегаемо; къ достаточнѣйшимъ приходамъ такихъ, кои малаго просвѣщенія, худаго поведенія и неприличнаго урожденія опредѣляли. — Такимъ образомъ собрали въ короткомъ времени значительныя суммы, управляя бѣлымъ духовенствомъ, какъ удостоивряетъ заведенное съ архимандритомъ Жолгѣвскимъ Юсафатомъ Высоцкимъ, бывшимъ Кіевскимъ офиціаломъ дѣло, а о прочихъ таковыхъ дѣлахъ нѣтъ слѣда, то только извѣстно, что онѣ, самовольно распоряжая сими деньгами одержали высшія достоинства. Архивъ митрополитальный и епархіальный въ своемъ вѣдомствѣ имѣя, не всѣ документы (какъ въ послѣдствіи изъ давнихъ описей открылось) возвратили, ибо тѣ документы, которые принадлежали къ фундашамъ бѣлаго духовенства самовольно ими задержаннымъ, при себѣ оставили, и между возвращенными много находится испорченныхъ. Симъ образомъ, приводя бѣлое духовенство до послѣдней нищеты, сами остались большими владѣльцами присвоенной собственности. — По таковымъ изложеннымъ угнетеніямъ бѣлде духовенство снабдилось заключеніемъ Замоискаго собора подъ предсѣдательствомъ апостольскаго нунціума Гримальди въ заглавіи о „офиціалахъ конституціи“, которую однако же монахи подъ разными видами безъ повиновенія не исполнили, и хотя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ усовершенствовано было учрежденіе изъ бѣлаго духовенства офиціаловъ, однакожъ и въ случаяхъ законами изображенныхъ не повиновались посѣщать церквей, къ коимъ принадлежатъ приходы, и которые, какъ выше сказано, принадлежали бѣлому духовенству, воспретили, не являсь даже на епархіальные соборы и не повинуясь правиламъ епархіальнымъ, коимъ повиноваться какъ управляющіе приходами, согласно общимъ правиламъ конституціи Апостольской, а именно Вендикта XIV „firmandis atque asserendis obstringuntur“ начинающейся, были обязаны. Посему затѣмъ о всѣхъ выше прописанныхъ обидяхъ и самоволіяхъ монахами содѣланныхъ доказаться имѣемыхъ, предоставляя бѣлому унитскому духовенству, отъ имени котораго нынѣ публично протестъ дѣлаю, — имѣть дѣло въ каждомъ подлежащемъ судѣ съ упомянутыми монахами всѣми вообще и именно показанными, а себѣ свободу настоящій протестъ умножить и возобновить, каковой, своеручно въ актахъ подписую. Виленскій коммендаръ священникъ Казиміръ Щыгельскій“.

„Копія такового протеста съ актами во все вѣрна. Свидѣтельствуютъ 1823 года февраля 7. Виленскій офиціалъ и предсѣдатель консисторіи Илья Мокржыцкій. Засѣдатель Иванъ Каменскій. Засѣдатель Константинъ Заблоцкій. Свѣрля съ актами секретарь Фелиціанъ Томоровичъ.

Переводилъ коллежскій регистраторъ, Бржеской уніатской консисторіи переводчикъ Осипъ Тупальскій“.

Протестъ священника Шигельскаго оставленъ польскимъ правительствомъ безъ всякаго вниманія. Только впоследствии, уже въ началѣ настоящаго столѣтія, онъ послужилъ матеріаломъ для раскрытія Брестскимъ капитуломъ, а затѣмъ и консисторіей, по архивнымъ документамъ, незаконныхъ обращеній церковныхъ фундушей въ сундуки базилианскаго ордена. Захваченные базилианскимъ орденомъ капиталы и фундаціи передавались помѣщикамъ подъ залоги ихъ имѣній. Многіе изъ этихъ капиталовъ исчезли или же стали предметомъ нескончаемыхъ тяжбъ.

Дополненіемъ къ означенному протесту бѣлаго духовенства можетъ служить протестація прокуратора священника Іоанна Мокрицакаго, отъ 24-го января 1779 года, вслѣдствіе недозволенія митрополита Леона Шепетацкаго получить изъ митрополичьяго архива документы, принадлежащіе церквамъ и бѣлому духовенству. Изъ протестаціи Мокрицакаго, подкрѣпленной документами, видно, что монастыри бывшей виленской митрополичьей епархіи Суцковскій, Коссутскій, Рокковскій и Свѣртанскій образованы изъ приходскихъ церквей; имѣлось основаніе считать бывшими приходскими церквами базилианскіе монастыри: Казиміровскій, Илукштанскій, Якобштадтскій, Геліановскій (Ильинскій), Ростоцскій и Логойскій. Такъ, по документу 1714 года значится, что въ Логойскѣ были три приходскія грекоунитскія церкви: Соборная, св. Николая и Преображенская; изъ Соборной церкви образованъ монастырь, но церковь продолжала называться Соборною или Замковою ¹⁾).

Стремленія базилианскаго ордена, поддерживаемаго іезуитами и помѣщиками въ видахъ религіозныхъ и политическихъ, къ сохраненію матеріальнаго и нравственнаго господства въ русской уніи, не были поняты русскимъ правительствомъ въ первые годы по присо-

¹⁾ Арх. св. синода. Дѣло 1822 г., № 61, л. 28.

единеніи къ Россіи областей, населенныхъ бѣлоруссами, малоруссами, черноруссами и червоноруссами.

Не взирая на папскія буллы объ ограниченіи числа монастырей посредствомъ упраздненія тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ было менѣе восьми монаховъ, не смотря на указы императрицы Екатерины и особенно на указъ 1795 г., а равно на указъ императора Павла I, отъ 30-го декабря 1797 г., данный Беклемишеву, вопросъ объ упраздненіи излишнихъ базилианскихъ монастырей оставался безъ всякаго движенія до тѣхъ поръ, пока въ началѣ настоящаго столѣтія Полоцкій униатскій архіепископъ Ираклій Лисовскій не раскрылъ императору Александру I крайне печальнаго положенія униатской церкви и свѣтскаго клира, совершенно подавленнаго притязательностью базилианъ, все болѣе и болѣе приближавшихъ греко-восточную обрядность въ унию къ Римской церкви, и не указалъ на беспомощность и безправіе миллионъ русскихъ прихожанъ означенной церкви. Дѣло, очевидно, было весьма серьезнымъ: базилиане, опираясь на римско-католическую коллегію, которая, игнорируя указы императрицы Екатерины II, поддерживала регламентъ для католической церкви, сочиненный иезуитами и въ иезуитскомъ духѣ, стали стремиться къ полной независимости отъ епархіальныхъ архіереевъ и къ соединенію трехъ провинцій—Литовской, Русской и Бѣлорусской, въ одно цѣлое подъ властью протоархимандрита, или генерала. Иезуитскій орденъ, великодушно принятый Россіей, имѣлъ своего генерала и изъятъ былъ изъ-подъ вліянія не только епархіальнаго начальства, но и митрополита. Примѣръ этотъ былъ заразителенъ, и базилианскіе провинціалы, руководимые епископомъ, а потомъ митрополитомъ Булгакомъ, постоянно стремились къ восстановленію званія протоархимандрита, на подобіе иезуитскаго генерала.

Здѣсь слѣдовало бы обратить вниманіе на козни и интриги полоцкихъ иезуитовъ, когда, послѣ паденія просвѣщеннаго римско-католическаго митрополита Сестренцевича, должности президента, вице-президента и членовъ римско-католической коллегіи были заняты иезуитами, навербованными Груберомъ. Но объ этомъ читатель найдетъ подробныя указанія въ извѣстномъ сочиненіи священника Морозкина „Иезуиты въ Россіи“. Достаточно знать, что иезуиты до самаго своего изгнанія изъ Петербурга и изъ Полоцка были главными руководителями всѣхъ махинацій базилианскаго ордена, всѣми силами противодѣйствовавшаго намѣреніямъ Александра I къ улучшенію быта бѣлаго греко-униатскаго духовенства. До восшествія на пре-

столю императора Александра I, греко-униатская церковь не только лишена была самостоятельности, но и обречена была на слияніе съ латинскою. Само правительство, по внушенію Грубера, толкало ее въ нѣдра латинской церкви. Вотъ что замѣчаетъ Морошкинъ: „Уничтожая или поглощая латинствомъ униатскую церковь, іезуиты совершенно иначе относились къ монашескому ордену—базиліанскому, зная самую тѣсную связь его съ іезуитскимъ своимъ институтомъ и видя въ немъ не восточное монашеское учрежденіе, но совершенно западный орденъ, да и притомъ еще совершенный сколокъ и копію съ своего ордена: они старались его не только поддерживать, но и возвысить и дать ему такую же автономію, какая была дана новымъ регламентомъ (11-го декабря 1800 года) всѣмъ латинскимъ орденамъ“¹⁾.

Еще ранѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи, реформа обрядовъ греко-униатской церкви начата была въ Галиціи по плану Львовскаго архіепископа Ангеловича. „Въ Австріи“, пишетъ графъ Толстой, — „на основаніи регламента Іосифа II была устроена для духовенства (греко-униатскаго) семинарія; для приходскихъ священниковъ были назначены оклады содержанія, а въ случаѣ недостатка, давалась поддержка изъ вспомогательнаго капитала; настоятели приходовъ назначались по избранію епископовъ, а не ктиторовъ, епископами назначались исключительно представители блага духовенства; вотъ почему греко-униаты Австріи въ эту эпоху сохранили въ церкви устройство и греческіе обряды несравненно въ большей чистотѣ, чѣмъ русскіе въ западныхъ губерніяхъ“²⁾. У насъ преобразование греко-униатской церкви началъ архіепископъ Лисовскій въ своей Бѣлорусской епархіи въ царствованіе Екатерины II. Возстановленіе чистоты греко-восточнаго обряда въ Бѣлорусской униатской епархіи подняло на ноги не только базиліанъ и іезуитовъ, но и польскихъ помѣщиковъ. Позднѣйшіе іезуитскіе агенты въ С.-Петербургѣ, подражая Груберу и пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ императора Александра I, не допускали по принципу самостоятельнаго греческаго обряда въ униі. И эта ревность къ латинизаціи греко-славянской церкви въ Россіи была только замаскированнымъ средствомъ къ достиженію болѣе важной

¹⁾ *Морошкинъ*. Іезуиты въ Россіи, ч. 1, стр. 441.

²⁾ *Tolstoy*. Le Catholicisme Romain en Russie, II, p. 375, 376. На такое улучшеніе быта блага духовенства въ Австріи не разъ ссылались, какъ увидимъ, брестскіе каноники.

цѣли, къ ополяченію миллионовъ русскаго народонаселенія Западной Россіи. На этомъ пунктѣ сходились планы петербургскихъ и полоцкихъ іезуитовъ съ планомъ польской партіи, имѣвшей представителемъ князя Адама Чарторыйскаго, который сталъ во главѣ народнаго просвѣщенія девяти литовско-русскихъ губерній, отъ Западной Двины до Двѣпра.

Итакъ, съ 1801 года въ русской униатской церкви началась внутренняя борьба между представителями бѣлаго и монашескаго духовенства. Бѣлое духовенство, почувствовавъ въ себѣ силу и надѣясь на поддержку правительства, стремилось очистить свою церковь отъ несвойственныхъ ея природѣ латинскихъ нововведеній и искало способы для улучшенія своего быта, для поднятія богословскаго образованія; базилиане отстаивали прибрѣтенныя въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, большею частью насиліемъ, привилегіи, защищали неприкосновенность своихъ капиталовъ, свое исключительное право на высшее богословское образованіе, на руководство образованіемъ священниковъ, на независимость самоуправленія, на занятіе епископскихъ кафедръ. Борьба началась при архіепископѣ Лисовскомъ.

II

Ираклій Лисовскій и его реформы въ униатской церкви.

Состояніе греко-униатской церкви въ началѣ XIX вѣка.—Учрежденіе особаго униатскаго (2-го) департамента въ римско-католической коллегіи.—Устройство Полоцкой семинаріи.—Штаты консисторій въ униатскихъ епархіяхъ.—Образованіе особаго отдѣла при главной духовной семинаріи въ Вильнѣ для высшаго богословскаго образованія униатскихъ священниковъ.—Противодѣйствіе реформамъ со стороны базилианъ и латинянъ.—Базилианскій орденъ, какъ воспитательное общество въ Западной Россіи.—Присоединеніе Супрасльскаго епархіи къ Россіи послѣ Тильзитскаго мира.—Возстановленіе Виленской митрополичьей епархіи.—Смерть Лисовскаго.—Его заслуги.

При востшествіи на престолъ императора Александра I униатская церковь находилась въ подчиненіи римско-католической коллегіи въ С.-Петербургѣ, входившей въ составъ министерства юстиціи, и составляя три епархіи: Полоцкую, Брестскую и Луцкую. Униатская Виленская митрополия была упразднена въ 1795 году, и митрополитъ Ростокскій доживалъ свои годы на пенсіи. Базилианскій орденъ составлялъ также три провинціи: Бѣлорусскую, Литовскую и Русскую (бывшую Польскую на Волыни). Въ законоположеніяхъ, опредѣлявшихъ устрой-

ство церкви и порядокъ управления (1796—1801 гг.), встрѣчались существенныя недомолвки и противорѣчія ¹⁾). Постановленія эти не были согласованы съ папскими буллами и между собою. Въ буллахъ также были противорѣчія ²⁾). Хотя въ регламентѣ 13-го ноября 1801 г. опредѣленъ былъ высшій надзоръ епархіальныхъ архіереевъ надъ провинціалами ордена, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что „провинціалы не суть подвластны архіереямъ“; потому, они должны лишь относиться къ архіереямъ и посылать имъ свои жалобы для представленія въ коллегію. Между тѣмъ какъ орденское управленіе пользовалось самостоятельностью въ провинціяхъ, епископы не имѣли въ своемъ распоряженіи ни средствъ, ни способовъ для управленія епархіями. При такихъ условіяхъ, въ дѣлахъ униатской церкви съ конца XVIII в. господствовалъ хаосъ. Протоархимандритъ Фальковский, управлявшій двумя провинціями ордена Литовскою и Русскою, мечталъ о подчиненіи себѣ и Бѣлорусской провинціи, существованіе которой обезпечено было папскими буллами.

Римскіе папы торжественно, рядомъ буллъ утвердили и обезпечили для униатовъ образъ богослуженія на славянскомъ или церковномъ языкѣ, права и обряды греческой церкви. Но эти обязательства были парализованы всею политикою Рѣчи Посполитой и видоизмѣнились по мѣрѣ развитія усилій базилианскаго ордена къ латинизаціи обрядовъ; монашеское званіе, вездѣ почитаемое народомъ за святость жизни, самоотверженіе и другія христіанскія добродѣтели, въ Литовской Руси, въ значительной мѣрѣ населенной издревле русскими, съ XVII столѣтія было избрано орудіемъ для послѣдовательнаго уклоненія уни отъ ея первоначальныхъ основъ и совершеннаго порабощенія латинству. Съ этою цѣлью въ монашескій санъ ордена св. Василія допущены были лица латинскаго исповѣданія, нерѣдко не умѣвшія даже читать по славянски. Въ своихъ многочисленныхъ

¹⁾ 1. П. С. З., № 17380 Именной ген.-губ. Тутолмину 6-го сентября 1795 г. Именной 30-го декабря 1797 г. генералу отъ инквизитеріа Вельмищеву № 18734.—Регламентъ для церквей и монастырей р.-к. въроисповѣданія 3-го ноября 1798 г. Выс. утвержд. пункты объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи, 11-го декабря 1800 г. № 19684; Имен. указъ 29-го декабря 1800 г. № 19706, Выс. утв. докладъ—О возстановленіи духовнаго и церковнаго правительствъ р.-католическаго закона 13-го ноября 1801 г. № 20053.

²⁾ Папскія буллы, на которыя мы будемъ ссылаться, не нравились базилианамъ, особенно: буллы папы Иннокентія X—1624 г. и Венедикта XIV—1753 г.; сравн. постановленія Замойскаго собора 1731 г.

школахъ базилианцы давно, особенно же послѣ Замойскаго собора, отдавали предпочтеніе языку латинскому, такъ что славянскій едва находилъ убѣжище въ церковномъ клирѣ. Неумѣиємъ читать по церковно-славянски базилианскіе монахи даже гордились передъ бѣлымъ или свѣтскимъ духовенствомъ. Русскій языкъ, вопреки постановленію синода 1626 г. и даннымъ обѣтамъ, былъ совершенно выведенъ изъ употребленія въ школахъ затѣмъ, а замѣненъ языкомъ польскимъ и въ официальной перепискѣ, и въ школахъ, и въ частномъ быту. Въ началѣ настоящаго столѣтія только священники объяснялись по русски, но ихъ дѣти обучались уже на польскомъ языкѣ!

Попытки архіепископа Лисовскаго къ возстановленію чистоты греческаго богослуженія и церковнаго благолѣпія въ храмахъ, по чину Восточной церкви, въ Бѣлоруссіи, при императорѣ Павлѣ I, возбудивъ неудовольствіе римскихъ католиковъ, особенно помѣщиковъ, и встрѣтивъ противодѣйствіе въ базилианскомъ ордентѣ, были остановлены предписаніями изъ столицы. Уніатская церковь, по видимому, отдавалась въ жертву римско-католической коллегіи, въ которой уніаты не имѣли даже своихъ представителей ¹⁾. Само правительство, не считая унію особымъ отъ римскаго католичества исповѣданіемъ, не обращало никакого вниманія на совращеніе уніатовъ въ католицизмъ и почему-то надѣялось на добровольный переходъ уніатовъ въ православіе, въ господствующую вѣру. Но и такая скромная политика не могла успокоить руководителей римско-католической вѣры и польскую партію въ столицѣ. А латинское духовенство не теряло времени.

Послѣ Замостьскаго собора, въ первую четверть XVIII столѣтія, уніатскимъ священникамъ велѣно обрить бороды, вмѣсто расъ приказано имъ носить католическія сутаны, въ уніатскихъ церквахъ предписано вводить органы, снимать иконостасы, употреблять читаемыя литургии (мессу), подражать латинянамъ въ обрадахъ, вводить колокольчики и непрерывное присѣданіе священника на колѣни (przysłękanie), принимать добавочные католическіе праздники, почитать нѣкоторыхъ латинскихъ святыхъ. Многія церкви, располагавшія болѣе значительными фундами, обращены были въ монастыри, а капиталы, завѣщанные основателями, нѣкогда православными людьми, обращены были на процвѣтаніе базилианскаго ордена, доступъ въ

¹⁾ „Тавъ какъ они [уніаты], присоединенные или къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ не могутъ имѣть въ департаментъ римско-католической коллегіи“. 1. П. С. З., № 19706. Именн. указъ, 29-го декабря 1800 г.

который открытъ лицамъ латинской вѣры. Такая же участь постигла и капиталы, завѣщанные на епархіальные семинаріи. Духовное образованіе униатскихъ священниковъ оставлено съ намѣреніемъ въ совершенномъ пренебреженіи; матеріальный же ихъ бытъ, подъ гнетомъ ктиторовъ, какъ и бытъ крестьянъ подъ властью помѣщиковъ, доведенъ былъ до состоянія нищенства. На униженныхъ униатовъ со всѣхъ сторонъ сыпались удары.

Такъ смутно было положеніе вещей въ первые годы по присоединеніи къ Россіи областей, населенныхъ русскими униатами.

Но всякая новая мѣра, доведенная до крайности, возбуждаетъ реакцію. Еще папа Бенедиктъ XIV, за нѣкоторое время до изгнанія иезуитовъ изъ Польши, 14-го августа 1753 года издалъ знаменитую буллу, поразившую не въ мѣру усердныхъ униатскихъ монаховъ въ самое сердце. Булла эта извѣстна подъ названіемъ „*Bulla et Brevia summ. Pontificum*“. На нее не любили ссылаться базилиане, но о ней помнило бѣлое духовенство. Въ ней папа упрекалъ униатскаго митрополита и епископовъ, происходившихъ изъ базилианъ, за пренебреженіе ихъ къ образованію свѣтскаго клира. „Каждый изъ васъ“, пишетъ папа Бенедиктъ XIV, — „для управленія епархіей долженъ имѣть многихъ чиновниковъ и официаловъ; вы, между тѣмъ, возлюбленные братья, хотите потому-то, чтобъ эти должности занимали монашествующіе, а не лица изъ свѣтскаго клира“ и т. д. Въмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же папа опредѣлилъ сумму на устройство и содержаніе высшей богословской школы въ Вильнѣ, извѣстной подъ именемъ папскаго алузната, для образованія клириковъ изъ бѣлаго духовенства, по нѣскольку человѣкъ изъ каждой епархіи. По уставу, воспитаники алузната не имѣли права вступать въ монашество и предназначались для занятія высшихъ духовныхъ должностей въ униатскихъ епархіяхъ, до епископа включительно „*usque ad episcopatum*“. Не смотря на свое кратковременное существованіе, Виленская богословская школа дала бѣлому униатскому духовенству каждой епархіи по нѣскольку священниковъ, отличавшихся достаточнымъ богословскимъ образованіемъ и занимавшихъ поэтому должности протопресвитеровъ или канониковъ въ епархіяхъ и официаловъ при епископахъ. Въ Полоцкой епархіи мѣсто официала консисторіи занималъ сначала каноникъ Григорій Кохановичъ, потомъ каноникъ — архипресвитеръ Іоаннъ Красовскій, происходившій изъ старинныхъ галицкихъ русскихъ дворянъ, съ гербомъ ястржембець. Другіе — Савиничъ, Михаилъ Копецкій, Стефанъ Лопушинскій, Конюшевскій, Родзевичъ, съ званіемъ протопресвитеровъ

и канониковъ соединяли обязанности благочинныхъ. Эти воспитанники алузната и другіе образованные священники, какъ напримѣръ, Глыбовскій, Демяновичъ, Ермоловичъ, были ближайшими сотрудниками архіепископа Лисовскаго по исправленію греко-восточныхъ обрядовъ и возобновленій въ церквахъ иконостасовъ ¹⁾.

Нѣсколько позже обнаружилась дѣятельность на пользу своей церкви воспитанниковъ Виленскаго алузната въ Брестской епархіи: они вошли въ составъ капитула, возстановленнаго въ силу постановленій того же папы Бенедикта XIV. Силы бѣлаго духовенства здѣсь были, такъ-сказать, сконцентрированы; но капитулъ не находилъ себѣ поддержки у епархіальныхъ епископовъ и сначала могъ дѣйствовать только посредствомъ робкихъ протестовъ. Епископъ Юсафатъ Булгакъ, находясь подъ вліяніемъ іезуитовъ базилианскаго ордена, поддерживалъ стремленія латинизаторовъ въ борьбѣ съ архіепископомъ Лисовскимъ; будучи самъ воспитанникомъ римской коллегіи и происходя изъ польскихъ дворянъ помѣщиковъ, онъ считалъ образованіе для бѣлаго духовенства совершенно лишнею роскошью. Напротивъ Брестскій капитулъ, состоявшій изъ болѣе образованныхъ священниковъ епархіи, еще въ началѣ XIX вѣка приобрѣлъ особенное значеніе не только въ своей Брестской епархіи, но и во всей греко-униатской церкви, какъ противодѣйствующая сила базилианскому ордену. Это былъ тяжелый молотъ, наносившій послѣдовательные и всегда вѣрные удары базилианскому институту въ церковной униі. Въ этомъ капитулѣ заявили свою дѣятельность на пользу церкви съ конца прошлаго вѣка точно также воспитанники папскаго алузната, какъ напримѣръ: Антоній Тупальскій, Оома Восцелловичъ, Антоній Шиманскій, Антоній Михальскій и другіе. Значеніе Брестскаго капитула въ Западной Россіи замѣтно возростало, послѣ смерти митрополита Лисовскаго, съ 1810 года. Со времени присоединенія Бѣлостокской области къ Россіи, Супрасльская епархіа вошла въ составъ Брестской, а бывшій въ ней капитулъ, учрежденный папою въ 1796 г., фактически былъ слитъ съ Брестскимъ. Немногочисленное духовенство бывшей Супрасльской епархіи съ своимъ капитуломъ отличалось отъ другихъ епархіи своею сплоченностью и рѣшимостью отстаивать права своей церкви. Десятилѣтнее господство Пруссіи развило въ

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ къ реформѣ униатской церкви въ Полоцкой епархіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, сообщаетъ въ своихъ запискахъ архіепископъ Василій Лужинскій.

духовенствѣ бывшаго Подляся политической смыслъ и самообладаніе. Опасность прозелитизма заставила священниковъ Подляся сплотиться подъ защитой нѣкогда знаменитой Супрасльской лавры ¹⁾).

Въ началѣ царствованія императора Александра I римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ, удаленный отъ дѣлъ по проискамъ патера Грубера и іезуитовъ, за-одно съ которыми дѣйствовала римско-католическая коллегія, въ силу новаго положенія 1801 г. объ управленіи дѣлами католической церкви, былъ назначенъ ея президентомъ и такимъ образомъ снова сталъ во главѣ правительства латинской церкви въ Россіи, къ немалому неудовольствію іезуитовъ и папы. Сестренцевичъ, получившій всестороннее образованіе въ разныхъ заграничныхъ университетахъ и научившійся многому изъ своего путешествія по Европѣ, рѣзко отличался отъ современнаго ему латинскаго духовенства, представляя, можно сказать, исключительное явленіе въ своей средѣ. Онъ не былъ слѣпымъ фанатикомъ и сознавалъ всю фальшь притязаній Римской курии и внутреннія язвы папской власти. Къ тому же римско-католическій митрополитъ имѣлъ много личныхъ поводовъ ненавидѣть іезуитовъ. Сестренцевичъ благопріятствовалъ униатскому архіепископу Ираклію Лисовскому, который, пользуясь происками протоархимандрита Новаковскаго, стремившагося при содѣйствіи членовъ коллегіи іезуитовъ, прокурора той же коллегіи и Брестскаго епископа Юсафата Булгака къ слитію всѣхъ базилианскихъ провинцій въ одно цѣлое, рѣшилъ продолжать реформы въ униатской церкви, начатыя-было еще императрицею Екатериною II, но остановленныя при императорѣ Павлѣ I. Игуменъ Полоцкаго базилианскаго монастыря Новаковскій, опираясь на архіепископа Лисовскаго, представилъ въ сенатъ объясненія на незаконныя дѣйствія орденакаго капитула, созданнаго въ Тороканахъ, и между прочимъ о противозаконномъ отчужденіи помѣщеній виленскаго алумната бывшимъ его ректоромъ монахомъ Лешинскимъ и епархіальнымъ епископомъ Булгакомъ. Сенатъ принялъ сторону игумена Новаковскаго, не утвердилъ постановленій орденакаго капитула, смѣстилъ трехъ наиболѣе виновныхъ членовъ коллегіи, въ томъ

¹⁾ Свн. Арх. Дѣла 2-го департ. римско-католической коллегіи: 1807 г. № 40, 1808 г. № 23, 1809 г. № 4, 23 и 38. Здѣсь епископомъ былъ *Дужновскій*, членъ Брестскаго капитула; онъ заботливо поддерживалъ Супрасльскую семинарію и завѣщалъ на нее капиталъ въ 40,000 злотыхъ. Значеніе Супрасльскаго монастыря въ униі видно изъ исторіи его, составленной по документамъ богатаго архива.

числѣ епископа Бениславскаго, врага Сестренцевича и приказалъ епархіальнымъ архіереямъ имѣть надзоръ за базилианскими монахами каждому въ своей епархіи ¹⁾. Званіе протоархимандрита было навсегда упразднено.

Возникшая смута въ церкви по проискамъ базилианскаго ордена не мало огорчала маститаго архіепископа Лисовскаго, который и самъ испыталъ - было отъ него не мало непріятностей въ царствованіе Павла I, когда вводилъ въ униатскихъ церквяхъ Бѣлоруссіи иконостасы, предлагалъ отправлять богослуженіе въ своей епархіи по московскому Служебнику, надѣлъ рясу православнаго архіерея и отростилъ себѣ бороду. Признавъ необходимость защитить игумена Новаковскаго, онъ командировалъ въ Петербургъ своего архипресвитера Іоанна Красовскаго, умнаго и энергичнаго офіціала, и испросилъ для него аудіенцію у императора Александра I. Красовскій ярко освѣтилъ передъ государемъ униженное и заброшенное положеніе 3.000,000 греко-униатовъ, подавляемыхъ несправедливымъ преобладаніемъ латинской церкви, и въ подтвержденіе своихъ словъ привелъ нѣсколько фактовъ объ отторженіи въ римскій католицизмъ значительной части бѣлоруссовъ со многими священниками ²⁾.

Подчиненіе греко-униатской церкви латинской по регламентамъ 1798, 1800 и 1801 годовъ имѣло печальныя послѣдствія для униатскаго духовенства, лишенное своей самостоятельности, не имѣвшее даже представителей для защиты интересовъ своей церкви въ коллегіи, рассматривалось какъ духовенство, стоящее ниже латинскаго ³⁾. Думали, что воссоединеніе значительнаго числа греко-униатовъ съ православіемъ при императрицѣ Екаторинѣ служило доказательствомъ возможности перехода въ православіе и всѣхъ прочихъ. Но это было глубокимъ заблужденіемъ. Пользуясь такимъ настроеніемъ правительства, а можетъ быть, дѣйствительно опасаясь потерять жертву своей эксплуатаціи, латиняне объясняли на свой ладъ отзывъ императора Павла о греко-униатахъ и стали распространять

¹⁾ І. П. С. З., № 21033. Объ устраненіи безпорядковъ въ управленіи католической церкви, 3-го ноября 1803 г.

²⁾ *Знаменскій*. Чтенія изъ исторіи Русской церкви за время царствованія императора Александра I. *Правосл. Собес.* 1885 г., августъ, стр. 445. Василій Дужинскаго: Записки въ *Правосл. Собес.* 1884 г., июнь, стр. 195 и 198.

³⁾ *Tolstoy*. *Le Catholicisme Romain*, t. II, 338. І. П. С. З. XXVIII, № 20989. Какъ видно, римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ собственною властію рукополагалъ въ греко-униатскіе епископы.

слухи, что правительство уничтожаетъ унию, а потому намѣрено силою обращать въ греко-россійскую вѣру всѣхъ тѣхъ униатовъ, которые не пристанутъ къ римско-католическому исповѣданію ¹⁾).

Нѣкоторые приходы въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, вслѣдствіе разглашеній и наущеній римско-католическаго духовенства, отложились отъ униатскаго исповѣданія и причислены были, въ противность законовъ и правилъ каноническихъ, къ католической епархіи со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ имуществомъ ²⁾). Для вѣрнаго успѣха совращенія полагалось, прежде всего, склонить греко-униатскихъ священниковъ, за которыми пойдетъ народъ, не имѣющій понятія о различіи между православными и унией. Помѣщики-криторы, въ свою очередь, внушали бѣднымъ униатскимъ священникамъ, что въ случаѣ непринятія ими латинства, они не только отнимутъ у нихъ приходы, но даже лишатъ ихъ скуднаго имущества, то-есть, лишатъ ихъ насущнаго хлѣба; если же они согласятся перемѣнить религію, то они всегда будутъ пользоваться ихъ благосклоннымъ покровительствомъ и помощью во всѣхъ своихъ нуждахъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые священники по своему невѣжеству попали въ эту ловушку; они согласились называться католиками и стали убѣждать своихъ прихожанъ слѣдовать ихъ примѣру, между тѣмъ какъ помѣщики, съ своей стороны, приказывали прихожанамъ исполнять требованія отпавшихъ униатскихъ священниковъ подъ страхомъ наказанія. Но не смотря на всякаго рода жестокости, католики не достигли бы никакого успѣха въ своемъ фанатическомъ предпріятіи, еслибы не прибѣгли къ обману. Бѣлоруссы и малоруссы такъ привязаны къ греческимъ обрядамъ и богослуженію на церковно-славянскомъ языкѣ, что никогда не согласились бы съ ними разстаться. Поэтому римско-католическое духовенство поступало такимъ образомъ: оно ввело

¹⁾ 1. П. С. З., XXVII, № 20748. Именной 5-го мая 1803 г. данный Бѣлорусскому губернатору Михельсону: „По поводу слуховъ, разсѣваемыхъ ксендзами миссіонерами Освейскаго монастыря, считаю нужнымъ вамъ предписать, чтобы никакъ вы не допускали слуховъ, сего ради распространяемыхъ, поступая по законамъ со всѣми тѣми, кои въ оныхъ будутъ учаемы“.

²⁾ 1. П. С. З., XXVIII, № 21400. Именной указъ 15-го іюня 1804 г.: „Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы и во всѣхъ вообще губерніяхъ, гдѣ находится униа, наблюдаемо было со всею точностію, дабы католическое мѣстное духовенство не дѣлало никакого притязанія къ униатамъ, а напротивъ воздержалось бы отъ разглашенія объ уничтоженіи униатскаго исповѣданія и тому подобныхъ наущеній и соблазновъ, общему порядку противныхъ“.

только нѣкоторыя добавки въ литургіи и опрѣсноки; всѣ же прочіе обряды были сохранены по прежнему, такъ что крещеніе, бракосочетаніе, погребеніе и другіе обряды совершались по чину греческой церкви на славянскомъ языкѣ. Внужалось также подъ рукою, что греко-уніаты, подобно католикамъ, вовсе не обязаны соблюдать постовъ—Петровки, Филиповки и даже Великаго поста! Сначала совращенія были единичными, потомъ совращались деревни, и наконецъ, цѣлыя приходы, послѣ того католики занимали греко-уніатскую церковь и овладѣвали ея фондами. Такими способами удалось увлечь до 200,000 уніатовъ въ Бѣлоруссіи. Извѣстный іезуитъ, фанатикъ Шантьеръ, временно управлявшій Могилевскою римско-католическою епархіей, въ этомъ позорномъ дѣлѣ обнаружилъ особенное искусство. Онъ внушалъ духовенству своей епархіи, что императоръ Павелъ I разрѣшилъ совращеніе греко-уніатовъ въ латинство, что унія уже не можетъ существовать, и что она будетъ уничтожена ¹⁾. Въ томъ же родѣ дѣйствовалъ нѣсколько позже, Минскій римско-католическій епископъ Дедерка, бывшій въ секретной перепискѣ съ іезуитскимъ генераломъ Груберомъ и сносившійся съ Римомъ посредствомъ бывшаго папскаго нунція Литты ²⁾.

Пользуясь двухлѣтнимъ пребываніемъ Красовскаго въ Петербургѣ, Лисовскій имѣлъ возможность объяснить замыслы латино-польской партіи и исходатайствовать у государя распоряженіе для разрушенія замысловъ іезуитовъ, имѣвшихъ сильную партію въ столицѣ и при дворѣ. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду Полоцкую епархію, на которую въ это время только и распространялось вліяніе Лисовскаго. Впрочемъ, съ его взглядомъ согласны были представители блага духовенства Брестской епархіи, самой обширной и значительной по числу церквей, монастырей и прихожанъ. Въ этой епархіи базилиане, опираясь на Булгака, имѣли тогда еще полное господство въ управленіи дѣлами греко-уніатскихъ церквей.

Архіепископъ Лисовскій былъ достойнымъ представителемъ греко-уніатскаго духовенства, какъ по первенству занимаемой имъ полоцкой кathedры, такъ и по своимъ заслугамъ въ царствованіе импера-

¹⁾ *Tolstoy*, Le Cath. Rom., II, 339—343,—ссылка на „Wiadomości do dziejow Kościoła etc.“, p. 197. По другимъ свѣдѣніямъ, число совращенныхъ простиралось тогда до 100 тысячъ.

²⁾ *Морозкинъ*. Іезуиты въ Россіи, ч. II, приводитъ факты, обличающіе Дедерку въ тайной перепискѣ съ Литвою. Арх. св. синода по 2-му деп. 1814 г., № 14. О поздавѣвшихъ совращеніяхъ греко-уніатовъ въ латинство.

трицы Екатерины II. Онъ глубоко былъ привязанъ къ греко-восточнымъ обрядамъ и въ своей епархіи всѣми силами противодействовалъ смѣшенію обрядовъ греко-униатской церкви съ латинскими, къ чему стремились базилиане при польскомъ правительствѣ, особенно въ концѣ прошлаго вѣка. Нужно замѣтить, что еще въ 1785 г. достойный пастырь предлагалъ папѣ уничтожить въ Бѣлоруссіи всѣ измѣненія, сдѣланныя въ религіозныхъ обрядахъ греко-славянской церкви, которыя такъ настойчиво вводились послѣ Замойскаго собора. Съ согласія папы онъ составилъ церковно-славянскій Служебникъ, приложивъ къ славянскому тексту переводъ литургіи Іоанна Златоуста на латинскомъ языкѣ. Въ своемъ донесеніи по этому поводу онъ приписывалъ большую часть нововведеній базилианскимъ монахамъ и доказывалъ кардиналамъ, что даже прибавленіе къ Символу Вѣры „и отъ Сына“ (*Filioque*) принадлежитъ къ категоріи измѣненій позднѣйшихъ. Подобный пастырь не могъ смотрѣть равнодушно на униженіе греко-униатской церкви, не могъ переносить хладнокровно совращенія своихъ единовѣрцевъ въ совершенно чуждое имъ исповѣданіе: „Хорошо знаю“, говорилъ онъ, — „что римляне по отношенію къ намъ имѣютъ дурные замыслы; ихъ постоянныя двухвѣковыя преслѣдованія греко-униатовъ направлены къ одной цѣли—къ нашему порабоженію“¹⁾.

Жалобы, приносимыя витебскими, могилевскими и частью минскими греко-униатами, подтверждались губернскими властями, мѣстнымъ русскимъ духовенствомъ и безпристрастными жителями. Представленія архипресвитера Красовскаго о преслѣдованіяхъ бѣлорусскихъ греко-униатовъ и совращеніе значительнаго ихъ числа въ латинство побудили императора Александра I въ рескриптѣ на имя генерала отъ кавалеріи Михельсона, отъ 4-го іюля 1803 г., повелѣть принять соотвѣтственныя мѣры для охраненія греко-униатовъ отъ притѣсненій: „Сближеніе униі съ православнымъ греческимъ исповѣданіемъ даетъ ей право на сіе покровительство“.... „Та же самая терпимость, которая заставляеть правительство не прикасаться къ убѣжденіямъ совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы была послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ униатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ униі въ обрядъ римско-католическій. Если вѣра господствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то колыми паче вѣра

¹⁾ *Tolstoy, Le Cath. Rom., II, 344.*

терпимая не можетъ ихъ употреблять“ ¹⁾). Губернское начальство—разъяснено далѣе въ рескриптѣ—не только не должно было оказывать содѣйствія симъ притязаніямъ, но и всѣми мѣрами обязано было защищать униатовъ въ притѣсненіяхъ отъ католиковъ. Военному губернатору предписано строго наблюдать за всѣми покушеніями, какія могутъ происходить со стороны духовныхъ католическихъ начальствъ къ стѣсненію народной совѣсти. Въ то же время митрополиту римскихъ церквей Сестренцевичу, по должности предсѣдателя римско-католической коллегіи, внушено было въ точности слѣдовать предписаніямъ указа, по званію же архіепископа Могилевскаго—принять къ наблюденію и отвѣту, чтобы не было наносимо не только стѣсненій и совращеній, но и малѣйшаго прикосновенія свободѣ совѣсти униатовъ отъ духовнаго католическаго начальства ²⁾).

Представленія Лисовскаго о несправедливомъ подчиненіи русской греко-униатской церкви латинянамъ и талантливое изложеніе фактовъ Красовскимъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ униатами отъ латинянъ произвели сильное впечатлѣніе на государя юнаго, чувствительнаго, уважавшаго законность и права. Но къ сожалѣнію, въ самой организаціи высшаго управленія дѣлами греко-униатской церкви были крупныя недостатки; поэтому намѣренія Александра I не были осуществлены во всей полнотѣ: правительственные лица, случалось, разрушали то, что предписывалось къ исполненію въ высочайшихъ указахъ. Не считали для себя обязательными высочайшіе указы, вызванные событіями въ Полоцкой епархіи, греко-униатскіе епархіальные начальники—Брестскій Булгакъ и Луцкій—Левинскій.

Правительственныя мѣры, стремившіяся къ освобожденію греко-униатской церкви, приводились въ исполненіе въ теченіе шести лѣтъ къ ряду, то-есть, до самой кончины великаго іерарха Лисовскаго. Но выполненію преобразовательныхъ плановъ Лисовскаго искусно противодействовала латино-польская партія въ столицѣ и въ провинціяхъ. Іезуиты отстаивали преимущества римско-католическихъ ордевовъ, не исключая базилианскаго; князь Чарторыйскій, въ качествѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа и товарища министра иностранныхъ дѣлъ, развивалъ планъ народнаго образованія въ духѣ

¹⁾ 1. П. С. З., № 20837, именной военному губернатору Михельсону, отъ 4-го іюля 1803 года.

²⁾ 1. П. С. З., № 20838, именной митрополиту р.-к. церкви Сестренцевичу 6-го іюля 1803 года.

польской національности и въ то же время проповѣдывалъ въ петербургскихъ салонахъ о необходимости освобожденія греко-славянъ отъ турецкаго ига; даже митрополитъ Сестренцевичъ, восстановленный въ своемъ достоинствѣ, не только потерялъ прежнюю энергію по отношенію къ іезуитамъ, но, чувствуя свое безсиліе для борьбы съ іезуитскою партіей въ столицѣ, обнаружилъ не свойственную его образу мыслей ультрамонтанскую ревность въ пропагандѣ латинства между греко-униатами ¹⁾.

Мѣры въ отношеніи греко-униатовъ, въ періодъ съ 1803 по 1809 г., заслуживаютъ однако вниманія историка, потому что въ нихъ еще въ началѣ XIX вѣка правительство ярко выражало свое стремленіе освободить греко-униатскую церковь отъ тяжкаго ига латинизаторовъ и желаніе загладить ошибки, вслѣдствіе которыхъ миллионы русскихъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ продолжали находиться въ матеріальномъ и нравственномъ порабощеніи. Но для исполненія этихъ желаній требовалось много условій.

Для исполненія плана улучшеній, задуманныхъ архіепископомъ Лисовскимъ, требовалось прежде всего единодушіе правительственныхъ органовъ, а тутъ-то и обнаружались колебанія на ту или другую сторону, желаніе удовлетворить той и другой партіи, какъ бы помирить ихъ. Поэтому являлись полумѣры, дававшія поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ, и образовалось широкое поле для интриги, для борьбы партій въ коллегіи и епархіяхъ. Нерѣшительность дѣйствій правительственныхъ органовъ только усиливала дерзость римскихъ католиковъ и ихъ друзей базилианскихъ монаховъ. Постановленія о восстановленіи духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона (13-го ноября 1801 года), которымъ

¹⁾ 1. П. С. З., № 21160—сенатскій 17-го февраля 1804 года; № 21291—сенатскій 17-го мая 1804 года; № 21400—именной Бѣлорусскому военному губернатору, 15-го іюля 1804 года; № 21467—штаты униатскихъ консисторій, 28-го сентября 1804 года; № 21836—сенатскій, 16-го іюля 1805 г.; № 22264—уставъ главной духовной семинаріи, 6-го сентября 1806 года; № 22397—Полоцкая семинарія, 16-го декабря 1806 года; № 23462—восстановленіе Литовской (Виденской) митрополичьей епархіи, 14-го февраля 1809 года. Сравни. *Морошкина*: *Иезуиты въ Россіи*; Груберъ, испрашивая у государя покровительство іезуитскому ордену, писалъ, между прочимъ, что у него *нѣтъ подданныхъ, столь неизмѣнно преданныхъ и столь странныхъ, какъ члены этого самаго общества*, II, стр. 34. Съ Груберомъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, II, стр. 103. Успѣхи іезуитской пропаганды въ С.-Петербурѣ, II, стр. 108 и слѣд.

подчинялась русская греко-униатская церковь, предоставляли базилианскому ордену право почти независимаго учрежденія отъ архіерейской власти¹⁾. Самая существенная просьба греко-униатовъ о совершенномъ отдѣленіи ихъ церкви отъ вліянія латинскаго духовенства такимъ образомъ осталась безъ удовлетворенія.

Въ 1804 году бѣлое духовенство получило право на представительство своихъ членовъ въ римско-католической коллегіи. Для присутствія въ коллегіи назначены епископъ и три ассессора (засѣдателя), по одному отъ каждой епархіи; каждому члену дано два голоса, чтобы уравновѣсить голоса съ восемью представителями латинскихъ епархій. Но съ самаго начала занятій въ коллегіи обнаружались неудобства такого смѣшенія. Брестскій епископъ Булгакъ, изъ базилианъ, оказался сторонникомъ латинянъ. Къ депутатамъ изъ бѣлаго духовенства католическіе члены относились съ пренебреженіемъ; греко-униаты должны были употребить немовѣрныя усилія для защиты своихъ мнѣній, относящихся ко благу церкви; вмѣсто соединенія, въ засѣданіяхъ коллегіи господствовало постоянное разногласіе и неприличное возбужденіе противъ архіепископа Лисовскаго. Поэтому Лисовскій представилъ чрезъ князя Голицына на высочайшее усмотрѣніе въ іюнѣ 1805 г. записку въ формѣ доклада, съ изложеніемъ преслѣдованій, которымъ всегда подвергалась греко-униатская церковь со стороны латинской²⁾.

„Высочайшее повелѣніе 12-го іюля 1804 года“, писалъ Лисовскій, — „доставило греко-униатской церкви новое существованіе и возвысило ее на степень соотвѣтственную съ достоинствомъ ея обряда; но духовенство латинское, находя, что оно лишено права притѣснять и преслѣдовать греко-униатовъ, отнеслось съ негодованіемъ къ мѣрамъ

¹⁾ „Новое постановленіе о латинской церкви“, говоритъ Морозкинъ, — „представляло монашескимъ орденамъ самоуправленіе, независимое отъ вліянія епархіальныхъ архіереевъ, и начальники монастырей, равно какъ и монастыри, имѣли только формальное или номинальное отношеніе къ епархіальнымъ архіереямъ; архіерей обьявны были доносить коллегіи о всякомъ, свидѣвіи достойномъ, происшествіи въ монастыряхъ, находящихся въ ихъ епархіяхъ и т. д., но не имѣли права вмѣшиваться во внутреннее управленіе монастырей, какъ-то: избраніе монастырскихъ начальниковъ, провинціаловъ, хозяйственныя распоряженія, монастырскую дисциплину, поведеніе монаховъ, выборъ въ монахи“ и т. п. „Иезуиты въ Россіи“, т. II, стр. 58. Также Wiadomości niektóre do dziejow kościoła katolickiego w Polsko-Rossyjskich Prowincjach, Ustęp, str. 40—44.

²⁾ Эта замѣчательная записка цѣликомъ помѣщена въ приложеніи № 24 къ сочиненію графа Толстаго: Le Cath. Rom., II, стр. 510 и слѣд.

по улучшенію положенія униатовъ". Выставивъ случаи притѣсненія и насилія со стороны латинянь, архіепископъ Лисовскій просить князя Голицына (занимавшаго должность оберъ-прокурора св. синода) довести до свѣдѣнія Государя Императора о необходимости совершеннаго отдѣленія греко-униатской церкви отъ латинской и о назначеніи его, архіепископа Полоцаго, по праву (согласно постановленіямъ Замойскаго собора 1721 года) митрополитомъ. Этому назначенію противится римско-католическая коллегія безъ всякихъ законныхъ основаній. Она намѣревается подчинить всѣхъ греко-униатовъ духовной власти римскаго митрополита въ Россіи, что не имѣетъ никакого смысла. Греко-униаты по своимъ правамъ, обычаямъ, обрядамъ, по своимъ духовнымъ учрежденіямъ и по всему своему составу, равно какъ по своимъ достоинствамъ, суть греки. Греки же, въ дѣлахъ духовныхъ управлялись непосредственно своими восточными патріархами; греко-униаты, со времени духовнаго союза съ папою въ 1595 г., постоянно заботились о сохраненіи своей зависимости отъ восточнаго патріарха, при чемъ его власть въ отношеніи наименованія епископовъ и архіепископовъ, осмотра церквей, духовной дисциплины и т. п. перешла къ греко-униатскимъ митрополитамъ. И Римскіе папы не присвоивали себѣ митрополичьей власти въ униі. Существующій нынѣ порядокъ смѣшенія обрядовъ въ греко-униатской церкви составляетъ общественное зло и служитъ только предлогомъ каждому лицу въ отдѣльности измѣнять постановленія свв. отцовъ церкви и вселенскихъ соборовъ къ великому соблазну и униженію церкви православной. „Если противъ всякаго ожиданія, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, будетъ признано нужнымъ оставить греко-униатскій народъ въ совращеніи (по невѣдѣнію), а духовенство (въ этихъ приходахъ) будетъ исповѣдывать латинство, въ такомъ случаѣ, я по долгу совѣсти, равно какъ для защиты и ради достоинства греческаго обряда, къ которому я искренно приверженъ, вынужденъ буду принять самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы заставить прекратить злоупотребленія, происходящія отъ смѣшенія обрядовъ греческихъ съ латинскими“.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на искусственное соединеніе двухъ церквей подъ властью папы, русскіе греко-униаты не только были очень далеки отъ латинства, но всегда относились къ нему враждебно. Между тѣмъ правительственныя власти въ Россіи, вопреки ходатайству Лисовскаго и дѣйствительной пользы для церкви, продолжали поддерживать искусственное соединеніе обѣихъ церквей;

только снисходя къ настояніямъ Лисовскаго, принуждены были образовать особый департаментъ въ римско-католической коллегіи; но при этомъ дѣла общія обоихъ исповѣданій должны были разсматриваться въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ: 1-го римско-католическаго и 2-го греко-уніатскаго ¹⁾. Епископъ Булгаевъ былъ отозванъ изъ Петербурга, а предсѣдателемъ вновь образованнаго департамента назначенъ архіепископъ Лисовскій ²⁾. За симъ, 24-го іюля 1806 г. Лисовскій былъ назначенъ митрополитомъ греко-уніатскихъ церквей въ Россіи ³⁾.

Возстановленіемъ достоинства греко-уніатскаго митрополита, къ крайнему неудовольствію латинянъ, имѣлось въ виду, безъ сомнѣнія, поддержать падающую унію, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать греко-уніатской церкви нѣкоторую независимость. Но отдѣленія греко-уніатской церкви отъ латинской не послѣдовало; власть митрополита осталась скованною регламентомъ 1801 г.: базилианскій орденъ продолжалъ быть независимымъ отъ власти архіереевъ. Дѣло въ томъ, что князь Голицынъ, къ которому обратился Лисовскій, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Шантыремъ, извѣстнымъ іезуитскимъ пропагандистомъ; поэтому предложенія Лисовскаго принимались Голицыннымъ неохотно, и многія намѣренія уніатскаго митрополита не осуществились.

Лисовскій, занявъ митрополичью кафедру, старался вводить въ своей епархіи заимствованные у латинянъ обряды и поддерживать внутреннее устройство греко-восточной церкви ⁴⁾. Но ему не удалось возстановить чистоту греческихъ обрядовъ въ другихъ епархіяхъ, какъ видно изъ жалобъ, доходившихъ въ столицу, отъ представителей блага духовенства Брестской епархіи. Въ 1806 г. онъ предписалъ греко-уніатскому духовенству, чтобы въ богослуженіи поминалось сначала имя императора, а потомъ папы. Но за симъ Лисовскій безуспѣшно ходатайствовалъ о подчиненіи базилианскаго ордена епархіальнымъ епископамъ, о возстановленіи указа императрицы Екатерины (1795 г.) касательно закрытія излишнихъ базилианскихъ монастырей съ обращеніемъ церковныхъ фондушей, которыми базилиане овладѣли

¹⁾ П. С. З., XLVIII, № 21836. Именной указъ сенату, 16-го іюля 1805 г.

²⁾ Архивъ св. синода 1805 г., № 24, 2-го января 1806 г.

³⁾ Архивъ св. синода по 2-му департ. 1806 г., № 33.

⁴⁾ Такъ однажды онъ писалъ: „Нѣкоторые обряды и обычаи латинянъ были введены у греко-уніатовъ, но съ нѣкотораго времени я совершенно ихъ вывелъ въ моей епархіи, возстановляя во всей чистотѣ, какъ должно, всѣ обряды греко-россійской церкви“. *Tolstoy. Le Cathol. Rom.*, II, p. 348.

васильственно, на устройство епархіальныхъ семинарій и каѳедральныхъ штатовъ, и вообще на удовлетвореніе нуждъ бѣлаго духовенства во всѣхъ епархіяхъ. Дѣла эти большею частью останавливались на полдорогѣ—то за неимѣніемъ свѣдѣній, то за справками, то по противодѣйствію епископа Булгака, или по неправильному заключенію прокурора коллегіи, или за невѣрностью справокъ, въ которыхъ немилосердно подтасовывались законы. А между тѣмъ въ то же время отъ латынянъ шли предложенія, задерживавшія теченіе дѣлъ по проектамъ Лисовскаго!... Напрасно также Лисовскій добивался уничтоженія права патронатства или ктиторства. „Право патронатства“, писалъ Лисовскій въ своемъ представленіи,—„крайне несправедливо по отношенію къ сиротамъ умершихъ священниковъ, потому что ктитору, представляя въ настоятели приходовъ по своему усмотрѣнію священниковъ, оказавшихъ какія-либо услуги имъ лично, принуждаютъ меня утверждать этихъ кандидатовъ, вовсе не заботясь о томъ, куда я дѣну бѣдныхъ сиротъ, утверждать же ихъ, говорю, я долженъ безусловно, и вѣрять имъ приходы. Имѣя въ виду, что патронатство не существовало прежде и не существуетъ теперь въ церкви Восточной, что назначеніе въ приходы и помѣщеніе сиротъ зависятъ отъ власти епархіальныхъ архіереевъ непосредственно, что, кромѣ того, право патронатства у греко-униатовъ заимствовано отъ духовенства римско-католическаго, что наконецъ, ктитору затрудняютъ меня тяжбами, потому что, по законнымъ причинамъ, я не даю приходовъ тѣмъ, которыхъ они избираютъ по своимъ капризамъ, я осмѣливаюсь (на сей предметъ) испросить высочайшее утвержденіе, чтобы, относительно назначенія священниковъ, на греко-униатовъ распространены были права и преимущества восточной церкви“¹⁾).

Ходатайства митрополита или оставались безъ вниманія, или же хотя и одобрялись, но не получали исполненія, не смотря на то, что съ предложеніями и доводами Лисовскаго соглашались департаментъ римско-католической коллегіи и министръ юстиціи²⁾. Въ патронатствѣ дѣйствительно признавали зло, а между тѣмъ оно сохранено было во всей силѣ. Послѣдовалъ высочайшій указъ о приведеніи въ исполненіе указа Еватеринны II относительно закрытія лишннихъ монастырей, но эта необходимая мѣра, безъ разрѣшенія которой не-

¹⁾ *Tolstoy. Le Cathol. Rom.*, II, 349.

²⁾ Архивъ св. синода по 2-му департаменту за время отъ 1805 до 1809 г., особенно: 1807 г., № 17, 1808 г., № 16.

мыслимы были какія-либо преобразованія въ церкви, остановилась въ самомъ зародышѣ. Коллегія даже не знала, какими фундашами и капиталами владѣлъ базилианскій орденъ. Рѣшено было произвести описи, но и описи, какъ увидимъ, не были доведены до конца, или же онѣ производились самими провинціалами, безъ должнаго контроля епископовъ ¹⁾. Послѣ извѣстнаго дѣла 1803 г. о безпорядкахъ въ управленіи римско-католической церкви, регламентъ 1801 г. дополненъ указомъ, повелѣвавшимъ подчинить базилианскихъ провинціаловъ наблюденію епархіальныхъ архіереевъ, „яко главныхъ начальниковъ“, но въ дѣйствительности зависимость ордена отъ епископовъ осталась номинально: согласно регламенту 1801 года, базилианскіе монастыри управлялись провинціалами, консультой и настоятелями, которые замѣщались по выборамъ, черезъ каждые четыре года, и къ этимъ выборамъ епархіальные архіереи не имѣли никакого отношенія. Поэтому епархіальные архіереи не только не представляли своевременно отчетовъ о состояніи базилианскихъ монастырей и проч. во 2-й департаментъ, но и сами не имѣли вѣрнаго понятія о фундашахъ и капиталахъ базилианскихъ провинцій; своимъ имуществомъ орденъ продолжалъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію, не давая никому отчета въ доходахъ и расходахъ. Въ свою очередь и 2-й департаментъ по духу регламента 1801 года не могъ имѣть вліянія на базилианскій орденъ, не смотря на то, что въ за-сѣдатели (съ 1805 г.) опредѣлялись каждые три года прелаты и каноники изъ бѣлаго духовенства, по выбору епископовъ. Понятно также, почему и консисторіи не имѣли рѣшительно никакого значенія для провинціаловъ ²⁾.

¹⁾ Еще римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ представлялъ соображенія о подчиненіи римско-католическихъ монашескихъ орденовъ епархіальнымъ епископамъ, объ уничтоженіи патронатства и о реформѣ въ управленіи церковными имуществомъ съ устраненіемъ экономовъ духовныхъ. Но проектъ Сестренцевича былъ обнаруженъ іезуитами ранѣе доклада его государю министромъ Лопухиннымъ, и князь Голицынъ, настроенный Шантыремъ и другими пособниками іезуитовъ, умѣлъ доложить, что исполненіе проекта ведетъ къ неудобствамъ. Объ отобраніи имущества отъ латинскихъ монастырей и церквей, въ томъ числѣ и отъ униатскихъ, подаль записку и прокуроръ коллегіи Овцынъ подъ заглавіемъ „О римско-католическомъ монашествѣ и бѣломъ духовенствѣ“. Послѣ смерти государя записка Овцына передана въ 1826 г. министру А. С. Шишкову. Этотъ интересный документъ помѣщенъ у *Морошкина*, ч. II, стр. 242, и мы къ нему возвратимся въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ I. П. С. З. 1803, XXVII, 21,033. 1804 г. XXVIII, №№ 21,160, 21,393, 21,400, 21,467; 1805 г. № 21,836. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1806 г., №№ 24, 27, 29.

Очевидно, что правительство того времени не давало себѣ отчета въ униатскомъ вопросѣ, не знало, что такое греко-униатское духовенство, и по видимому, чистосердечно принимало греко-униатовъ за римскихъ католиковъ. Кочубей, Лопухинъ, Завадовскій, Разумовскій, Голицынъ и другіе государственные люди того времени благопріятствовали іезуитамъ и латино-польской партіи и въ ихъ интересахъ направляли всѣ дѣла въ западныхъ губерніяхъ; послѣдніе же по ихъ понатіямъ были губерніями польскими ¹⁾). Поэтому и все исходившее откуда-либо въ защиту угнетенной греко-униатской церкви правительственныя лица разрѣшали такъ, чтобы по возможности удовлетворить обѣ стороны, а чаще всего въ интересахъ латинянъ. Но въ дѣлахъ внутреннихъ, административныхъ преіемы дипломатическіе ведутъ лишь къ недоразумѣніямъ, столкновеніямъ, взаимнымъ неудовольствіямъ, пререканіямъ. Сама верховная власть при этомъ теряетъ должную силу и энергію. Униатскій вопросъ, который былъ уже такъ близокъ къ разрѣшенію въ извѣстномъ смыслѣ при Лисовскомъ, запутался послѣ его смерти, именно вслѣдствіе господства въ столицѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ и въ самомъ обществѣ, стихій враждебныхъ православію и русской народности въ западныхъ губерніяхъ. Всякаго рода мѣры, клонившюся къ улучшенію блага духовенства, къ очищенію обрядовъ греко-униатской церкви отъ латинскихъ примѣсей, къ освобожденію греко-униатской церкви отъ латинской, департаментскіе чиновники, какъ и ихъ начальники, объясняли какими-либо личными побужденіями, вовсе не подозревая, что они подъ диктовку іезуитовъ и базилианъ рыли яму для своей вѣры, своей народности, своего отечества.

При всемъ томъ идеи Лисовскаго не только не погибли, но напротивъ того нашли сильную поддержку въ капитулахъ. Для своего времени Лисовскій сдѣлалъ очень много, особенно для духовнаго образованія блага духовенства. Онъ устроилъ Полоцкую семинарію и, предложивъ открыть семинаріи въ другихъ епархіяхъ на счетъ фундушей и нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей, поддерживалъ просьбы блага духовенства объ образованіи въ главной духовной семинаріи при

¹⁾ Вотъ что говоритъ Морошкинъ о государственныхъ людяхъ первой эпохи царствованія императора Александра I: „Наши министры приносили въ портфеляхъ своихъ іезуитскіе проекты въ сенатъ, государственный совѣтъ, къ самому государю, и съ видомъ глубокомысленности, широкаго пониманія государственныхъ интересовъ, таяли тутъ фальшивую ногу подъ іезуитскую дудку и играли одну изъ самыхъ жалкихъ и зловредныхъ ролей для Россіи“, ч. II, стр. 257.

Виленскомъ университетѣ отдѣла для греко-уніатскихъ клириковъ съ содержаніемъ на счетъ доходовъ базилианскихъ монастырей. Эта мѣра была необходимою и справедливою, потому что папскій алуиантъ съ высшими богословскими курсами былъ упраздненъ съ 1799 года по винѣ базилианъ. Главную духовную семинарію, учрежденную по мысли и настоянію князя Чарторыйскаго, вопреки противодѣйствію монашескихъ орденовъ, оба митрополита, Лисовскій и Сестреницевичъ, согласились подчинить надзору свѣтскаго начальства, дабы такимъ образомъ избавить будущихъ пастырей (и въ римской, и въ греко-уніатской церкви) отъ опаснаго вліянія іезуитскаго, базилианскаго и другихъ монашескихъ орденовъ. Такой взглядъ на вопросъ объ образованіи духовенства въ то время преобладалъ въ обществѣ. Съ видами митрополита Лисовскаго (относительно уніатовъ) совпадали намѣренія римско-католическаго митрополита Сестреницевича (въ отношеніи католиковъ) и планы Адама Чарторыйскаго (по части образованія юношества). Оттого, можетъ быть, и удалось устроить главную духовную семинарію въ Вильнѣ, не смотря на рѣшительное и самое упорное противодѣйствіе монашескихъ сословій обоихъ обрядовъ ¹⁾. Противо-іезуитскимъ направленіемъ отличался духъ преподаванія въ семинаріи Австрійской имперіи, а по образцу Вѣнской главной семинаріи устраивалась и Виленская.

Для приведенія въ исполненіе преобразовательныхъ плановъ Лисовскаго необходимо было открыть свободные денежные источники; а эта-то задача была самою трудною. Базилианскій орденъ держался за свои привилегіи, пріобрѣтенныя при польскомъ правительствѣ, и тщательно пряталъ документы на обладаніе богатыми населенными имѣніями и капиталами, нѣкогда составлявшими собственность церковнаго клира. Фондушами упраздненныхъ при польскомъ правительствѣ іезуитскихъ монастырей въ Литвѣ, на Волини и Подоліи, владѣла эдукационная комиссія, бывшая въ рукахъ литовско-польскихъ магнатовъ-латынянъ. Упраздненіе или секуляризація даже незначительныхъ монастырей какого-либо иного ордена тогда не вхо-

¹⁾ Архивъ св. синода, по 2-му департаменту 1808 г. № 36. Понужденія на взносъ денегъ въ главную духовную семинарію съ 1803 по 1812 г. Обстоятельными свидѣніи о главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ находятся въ статьѣ П. Жуковича въ *Христ. чтеніе* на 1887 г. Но особенно богаты матеріалы въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія—карт. № 1087, № 6559. См. еще въ отчетѣ ректора Петерб. римско-католич. академіи Симона за 1887—1888 гг. „De seminarij principali Vilenensi“.

дали еще въ планѣ правительства; напротивъ, императоръ Александръ I почти все свое царствованіе (до удара, постигшаго полочныхъ иезуитовъ въ 1820 г.), неблагосклонно относился къ мѣрамъ, связаннымъ съ упраздненіемъ монастырей¹⁾. Но онъ допускалъ возможность секуляризаціи такихъ базилианскихъ монастырей, объ упраздненіи которыхъ состоялись высочайшія повелѣнія его бабки императрицы Екатерины. Въ этомъ смыслѣ и данъ былъ указъ 17-го мая 1804 года, гдѣ сказано, что еще императрица Екатерина II сдѣлала распоряженіе о приведеніи въ извѣстность базилианскихъ монастырей съ цѣлью упраздненія тѣхъ изъ нихъ, которые не удовлетворяли своему назначенію. Но и указъ 1804 г., подобно предыдущимъ распоряженіямъ Римскихъ папъ (съ 1624 г.) и Русскихъ императоровъ (съ 1795 г.), оставался безъ исполненія. Самые незначительные монастыри по числу монаховъ въ Литовской Руси, большею частью образованные изъ приходскихъ церквей, вопреки уставамъ церкви и монашескимъ обѣтамъ, продолжали свое существованіе; въ нѣкоторыхъ находилось не болѣе двухъ, трехъ, четырехъ монаховъ, благодушествовавшихъ на покой или отправлявшихъ извѣстное число „облигацій“²⁾. При такихъ условіяхъ митрополитъ Сестренцевичъ и архіепископъ Лисовскій въ 1805 году опредѣлили—потребную на содержаніе проектированной главной духовной семинаріи сумму въ 15,000 руб. сер. для содержанія въ ней 50 клириковъ (въ томъ числѣ 15 униатскихъ), разложить въ видѣ процентовъ съ доходовъ на монастыри, какъ римскіе, такъ и униатскіе. Складчина съ 80 базилианскихъ монастырей (исключая архимандри-

1) Число монашествующихъ въ западныхъ губерніяхъ несравненно превосходило всѣхъ монашествующихъ греко-россійской церкви. Изъ записки Овцына видимъ, что во владѣніи различныхъ монашескихъ орденовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, а равно базилианскаго ордена и блага духовенства латинскаго и греко-униатскаго состояло 141,990 душъ крестьянъ, капитала серебряною монетою—4.202,038 рублей, монаховъ—3,402, монахинь—661, блага духовенства—4,028. *Морозкинъ*, Иезуиты въ Россіи, II, 245. Но въ этомъ числѣ греко-униатское духовенство составляло не болѣе четвертой доли, а именно: монаховъ до 700, священниковъ—1,985, у нихъ капиталовъ до милліона р. с., изъ коихъ въ распоряженіи базилианъ болѣе 800,000 р. с.

2) Подобныхъ церквей, обращенныхъ въ базилианскіе монастыри, въ мѣрѣ, въ Врестской епархіи было болѣе десяти и въ нихъ состояло 57 монаховъ, обязанныхъ отслужить въ годъ 3,547 облигацій, то-есть, литургій за умершихъ. Этимъ монастырямъ принадлежало до 500 душъ крѣпостныхъ и свыше 25 тыс. руб. сер. капиталовъ. Подобные мелкіе монастыри существовали и въ другихъ униатскихъ епархіяхъ. Архивъ св. синода, 1810 г., № 6. Сравни. протесты Щигельскаго и Мокрицкаго.

чихъ и женскихъ, не подчиненныхъ управленію ордена), распределена была на каждую провинцію въ известной пропорціи. За исправнымъ взносомъ денегъ обязаны были наблюдать провинціалы и епископы. Но этихъ денегъ базилиане никогда не вносили исправно и тѣмъ вызвали непрерывныя внушенія и понужденія со стороны 2-го департамента коллегіи ¹⁾).

Никогда базилиане не могли простить священническимъ сыновьямъ, обучавшимся въ главной духовной семинаріи, налога съ монастырей, въ сущности весьма незначительнаго, и это обстоятельство было одною изъ причинъ постоянныхъ неудовольствій начальствующихъ монаховъ къ ученымъ богословамъ изъ блага духовенства. Неудовольствія эти въ послѣдствіи, когда окрѣпло бѣлое духовенство, перешло въ ненависть и выражалось гоненіями. Тѣ же монахи, между тѣмъ, не стѣснялись обязательствами по обученію свѣтскаго юношества, преимущественно дворянъ, въ своихъ публичныхъ школахъ, жертвовали значительную часть доходовъ монастырскихъ на Кременецкую гимназію, устроенную Ѳ. Чацкимъ, на содержаніе стипендіатовъ въ Виленскомъ университетѣ и охотно передавали капиталы и золотые сосуды въ Отечественную войну на организацію польскихъ войскъ для арміи Наполеона! Слѣдовательно, нападки базилианскаго ордена по поводу дѣлаемыхъ монастырями взносовъ на богословское образованіе священниковъ для своей же церкви были несправедливы: они исходили изъ весьма мутнаго источника. Эту неправду чувствовали представители блага духовенства, которые поэтому имѣли полное основаніе стремиться къ разоблаченію, на основаніи архивныхъ документовъ, незаконнаго

¹⁾ Такими же неисправными плательщиками были доминиканскіе и нѣкоторые другіе ордена. Архивъ св. синода, дѣло 1808 г., № 26, на 218 листахъ: л. 10—копія письма къ митрополиту Сестренцевичу отъ ректора Стройновскаго 18-го января 1804 г.; л. 16—указъ коллегіи 20-го февраля 1804 г. о складѣ на главную дух. семинарію. Далѣе видно, что нѣкоторые монастыри никогда не вносили денегъ исправно; въ 1808 г., когда полагалось открыть главную духовную семинарію, министр народнаго просвѣщенія графъ Заводовскій просилъ коллегію о понужденіи провинціаловъ. Просьбы возобновлялись ежегодно; до Отечественной войны въ недомкѣ со всехъ монастырей было 17,000 руб., то-есть, на 2,000 р. болѣе оклада, опредѣленнаго на главную семинарію. См. еще дѣло 1824 г., № 32. Изъ него видно, что на долю базилианскихъ монастырей причиталось складки 5,000 руб. сер., а недомки достигли свыше 12,000 руб. сер. Въ платежъ этой складки неисправнѣе другихъ были монастыри Русской провинціи на Волыни и Подоліи.

присвоенія базилианскимъ орденомъ фундушей, то-есть, имѣній и капиталовъ, назначенныхъ или завѣщанныхъ на соборныя каѳедры, на городскія и нѣкоторыя сельскія приходскія церкви, на устройство и содержаніе семинарій. Разоблаченія, сдѣланныя въ минувшемъ столѣтіи въ протестахъ священниковъ Щигельскаго и Мокрицкаго, принимали въ настоящемъ столѣтіи, съ 1810 года, все болѣе и болѣе угрожающій для базилианъ характеръ. Случай обнаруженія документа, хранившагося въ монастырѣ полоцкихъ базилианокъ подъ крѣпкими сводами въ потаенныхъ шкапахъ, послужилъ, можно сказать, рѣшительнымъ толчкомъ въ другихъ епархіяхъ къ поискамъ въ архивахъ, для разысканія фундушей, нѣкогда принадлежавшихъ свѣтскому клиру или семинаріямъ.

На это обстоятельство стоитъ обратить вниманіе. Эти поиски документовъ въ архивахъ Брестской епархіи ознайомили духовенство съ древнѣйшими актами, написанными по русски, и, помимо непосредственной пользы для дѣла, образовали въ немъ знатоковъ древней письменности, любителей старины, археологовъ.

Изъ открытаго въ 1802 году въ Полоцкѣ документа оказалось, что князь Михайлъ Вишневецкій завѣщалъ нѣсколько имѣній, въ сложности до 1,000 дворовъ, въ Лепельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, на духовную семинарію Полоцкой епархіи; этимъ достояніемъ овладѣли базилианскіе монахи, обративъ его въ пользу своего ордена. Ктѣ открылъ этотъ важный документъ—не извѣстно; говорятъ, протопресвитеръ Іоаннъ Красовскій; можетъ быть, это и справедливо, если принять во вниманіе никогда не утихавшую вражду къ нему базилианъ. Съ документа Вишневецкаго снята была копія, а подлинникъ представленъ государю императору, съ ходатайствомъ архіепископа Лисовскаго объ обращеніи бывшихъ имѣній князя Вишневецкаго, согласно волѣ завѣщателя, на содержаніе Полоцкой семинаріи. Къ этой недвижимой собственности слѣдуетъ присоединить капиталъ въ 200 тысячъ талеровъ, собранный съ духовенства, который, по обычаю того времени, находился въ залогъ на имѣніяхъ разныхъ помѣщиковъ, а частью былъ растроченъ, или же не приносилъ никакихъ доходовъ, вслѣдствіе неблагонадежности залогопринимателей. Представленія Лисовскаго были уважены государемъ, и въ 1806 г. Полоцкая епархія получила достаточныя средства на устройство и содержаніе семинаріи, соборнаго штата, консисторіи и архіерейскаго дома. Высочайшимъ указомъ 16-го декабря 1806 года повелѣвалось: 1) Полоцкій Софійскій соборъ назначить мѣстопребываніемъ епархіальной

семинаріи, соборнаго штата и консисторіи; 2) при монастырѣ построить домъ для архіерея; 3) деревни Судиловчи и Чертвяны съ селеніями поручить Полоцкому архіепископу, которому и содержать монаховъ Софійскаго монастыря, соборную церковь, семинарію, и съ этою цѣлью причислить 35,000 руб., а 2,000 червонцевъ назначить въ пользу семинаріи; 4) составить предположеніе о числѣ семинаристовъ, какое необходимо для епархіи, и избрать ректора.

Такъ случайное открытіе весьма важнаго историческаго документа въ базилианскомъ архивѣ дало средства къ устройству Полоцкой каедръ, консисторіи и семинаріи ¹⁾.

Но не такъ просто было устроить епархіальныя семинаріи и обезпечить существованіе консисторій и каедральныхъ штатовъ въ Брестской и Луцкой епархіяхъ, не смотря на то, что и въ нихъ открыты были ясныя слѣды фундушей и капиталовъ, нѣкогда завѣщанныхъ на семинаріи для свѣтскаго духовенства, на епископскія каедръ, на капитулы (соборы). Капиталами этими завладѣлъ базилианскій орденъ въ разное время. О возвращеніи ихъ или о закрытіи соотвѣтственнаго числа базилианскихъ монастырей, съ цѣлью обращенія фундушей оныхъ на нужды блага духовенства согласно указу 1804 года, завязалась переписка съ коллегіей, которая продолжалась многіе годы безъ всякихъ результатовъ. Епископъ Булгакъ убавкивалъ 2-й департаментъ и князя Голицына указаніями на существованіе семинаріи въ Лаврышовѣ (близъ Новогрудка) или въ м. Свержаныхъ ²⁾; между тѣмъ, Брестскій капитулъ, обнаруживъ въ архивахъ неправильное присвоеніе монастырями фундушей еще и на Минскую семинарію (отъ

¹⁾ I. П. С. З., № 22397. См. еще № 21467—о штатахъ униатскихъ консисторій, 28-го сентября 1804 г. Архивъ св. синода, дѣло 1805 г., № 3 и 1806 г., № 28. Архіепископъ Василій Лужинскій въ своихъ запискахъ (*Правосл. Собесѣдникъ* 1884 г., июль, стр. 192), подробно описываетъ ходъ дѣла объ устройствѣ Полоцкой семинаріи. Онъ самъ принадлежалъ къ первому приему и находился въ хорѣ пѣвчихъ.

²⁾ Въ Лаврышовской семинаріи обучалось 15 семинаристовъ. Фундушъ, состояшій изъ 6,180 руб. и нѣвнія, приносилъ дохода 1,167 р. 62 к. Основаніемъ капитала служили 2,000 червонцевъ, вырученные отъ продажи папскаго алуината, переданные маршалу Слонимскаго уѣзда Пусловскому, пріятелю епископа Булгака. На содержаніе Свержанской семинаріи было завѣщано въ 1743 г. 11,145 р. 8 к. съ обязанностью содержать 12 учениковъ; но въ дѣйствительности въ ней не обучалось ни одного, ибо наследники завѣщателя не платили денегъ. Архивъ св. синода, дѣло 1805 г., № 33. Существованіе консисторіи въ г. Новогрудкѣ ничѣмъ не было обезпечено.

1626 г.) и неправильное обращеніе въ монастыри многихъ церквей Гродненской губерніи, сталъ ходатайствовать о возвратѣ этихъ фундушей и другихъ капиталовъ на устройство церквей, на содержаніе капитула, на обезпеченіе вдовъ и сиротъ духовнаго вѣдомства и на семинарію: капитулу было извѣстно, что Лаврышовская семинарія, управляемая базилианами, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ Брестской епархіи, самой обширной, было 779 церквей, а въ Лаврышовѣ обучалось весьма малое число клириковъ. Чему и какъ обучались эти клирики—увидимъ ниже.

Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи былъ вопросъ объ устройствѣ консисторій, кафедръ и семинарій въ Луцкой епархіи, не смотря на существовавшіе капиталы на устройство четырехъ семинарій въ трехъ прежнихъ епархіяхъ (бывшей Митрополичьей, Подольской и Владимирской), вошедшихъ въ составъ вновь образованной Луцкой¹⁾. Фундуши на означенныя семинаріи, частью собранныя посредствомъ складчины съ духовенства, частью завѣщанныя офиціаломъ Киевской митрополіи Примовичемъ, каноникомъ Яковомъ Мерхелевичемъ и митрополитомъ Львомъ Кишкою, были помѣщены подъ имѣнія различныхъ помѣщиковъ, но эти фундуши не приносили никакихъ доходовъ или же обременены были тяжбами съ наследниками завѣщателей. Значительная часть фундушей признана была неблагонадежными, вслѣдствіе разоренія помѣщиковъ или отдачи ихъ имѣній подъ коллюкацію. Мало того, нѣкоторые изъ базилианскихъ архимандритскихъ монастырей связали себя обязательствомъ вносить ежегодно значительныя суммы на содержаніе Кременецкой гимназіи (вслѣдствіи обращенной въ лицей), служившей цѣлямъ свѣтскаго образованія юго-западныхъ губерній. Собственно изъ четырехъ семинарій, считавшихся на бумагѣ, существовала только одна Почаевская, если можно назвать семинаріей нѣсколько учениковъ, которые, живя на частныхъ квартирахъ, содержали себя на собственный счетъ и на обученіе ихъ расходовалось въ годъ 1050 польскихъ злотыхъ, то есть, менѣе 160 руб. сер.²⁾

¹⁾ *Житомирскую* изъ пожертвованій 200,000 злотыхъ Примовичемъ, *Родомысльскую* по завѣщанію митрополита Льва Кишки 66,500 злот., *Луцкую* или *Почаевскую* по складчинѣ 30,000 злот. съ блага духовенства, *Володимирскую*—также по завѣщанію Льва Кишки 66,500 злотыхъ. Послѣдній капиталъ былъ обезпеченъ на имѣніяхъ тайн. сов. Чацкого и неблагонадеженъ, подобно прочимъ. Архивъ св. синода, дѣло 1805 г., № 33.

²⁾ Въ синодальномъ архивѣ имѣется нѣсколько дѣлъ, относящихся къ епарх. часть ССЛXIII, отд. 2.

Каедру и консисторію Луцкій епископъ Левинскій содержалъ на собственный счетъ, изъ назначаемаго отъ казны жалованья на особу епископа. Никакого каедральнаго штата, ни даже каедральнаго собора въ Луцкой епархіи не имѣлось; весь же доходъ Луцкаго капитула составлялъ 455 р. 75 к.; изъ этихъ ничтожныхъ денегъ содержались каедральные прелаты и каноники, производились починки въ фольваркахъ, уплачивались подати, дѣлались расходы на тяжбы...

Министерству юстиціи, въ составъ котораго входила римско-католическая коллегія, собственно говоря, не было никакого дѣла до устройства греко-уніатской церкви; министру юстиціи довольно было дѣла съ массою тяжбебъ, производившихся во всѣхъ инстанціяхъ; безконечныя тяжбы базилианъ, переносясь изъ одной инстанціи суда въ другую, достигали наконецъ сената и здѣсь замирали на многіе годы. Министръ финансовъ, съ другой стороны, не могъ получать точныхъ свѣдѣній—о селеніяхъ, капиталахъ и доходахъ греко-уніатской церкви. Министръ народнаго просвѣщенія напрасно посылалъ въ коллегію предложеніе за предложеніемъ съ укоризной о неисправномъ взносѣ денегъ монастырями, по раскладѣ 1805 года, на устройство и содержаніе главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ. Правительство вынуждено было прибѣгнуть, наконецъ къ угрозамъ, что недоимки на семинарію Виленскую будутъ взыскиваемы съ доходовъ провинціаловъ и самихъ епископовъ; но и угрозы министра Завадовскаго не могли понудить монастырскія власти исполнять правительственные указы ¹⁾.

хіяльнымъ семинаріямъ Брестской и Луцкой епархіи, съ 1803 по 1822 г., изъ которыхъ можно заключить, что къ разрѣшенію этого вопроса епархіальные архіереи Булгакъ, Головни, Левинскій, Мартусевичъ и даже Кохановичъ не прилагали ни должной энергіи, ни старанія. Между прочимъ, дѣла 1805 г. № 33, 1806 г. № 3, 1815 г. № 9, 1816 г. № 43.

¹⁾ Архивъ св. синода, дѣло 1808 г., начато 8-го августа въ 1803 г., окончено въ 1812 г. № 26, на 218 лист. „Понужденіе на взносъ денегъ монастырями на главн. дух. семинарію при Виленскомъ университетѣ“. Съ 18-го іюля 1803 г. по 30-е ноября 1807 г. вся недоимка на устройство главной духовной семинаріи достигала 12531 руб. 81 к., въ томъ числѣ съ однихъ базилианскихъ монастырей 5871 руб. сер. Неисправные всѣхъ были монастыри Русской (Волынской) провинціи. Въ 1809 г., недоимки со всѣхъ монастырей достигли 17951 руб. 48 коп. сер. Недоимки годъ отъ году возрастали, понужденія коллегіи не имѣли никакого успѣха, а затѣмъ наступила Отечественная война, прикрывшая массу злоупотребленій базилианскихъ провинціаловъ. См. еще отчеты Виленскаго университета въ архивъ министерства народнаго просвѣщенія о главной духовной семинаріи.

Оба митрополита, Сестренцевичъ и Лисовскій, какъ уже сказано, было заинтересованы въ скорѣйшемъ открытіи главной семинаріи; первый желалъ избавиться отъ вліянія на іезуитовъ римскаго духовенства, послѣдній не довѣрялъ базилианамъ. Назначенные ими депутаты въ совѣтъ университета вмѣстѣ съ ректоромъ разработали образцовый для того времени уставъ высшей богословской школы въ Западномъ краѣ; католическимъ и униатскимъ клирикамъ уставомъ предоставлено право занимать высшія должности въ римско-католическихъ и греко-униатскихъ епархіяхъ, а неженатымъ и вдовымъ, имѣющимъ ученые степени,—достигать епископскаго сана. Главная семинарія, не смотря на единодушное противодѣйствіе духовныхъ монашескихъ сословій—обоихъ исповѣданій, по настоянію Чарторыйскаго, была открыта въ 1808 г. Униатскихъ клириковъ въ первый же годъ поступило 17 человекъ, то-есть, свыше числа, опредѣленнаго по штату на всѣ три униатскія епархіи: Брестскую 9, Полоцкую 4 и Луцкую 2. Но не ранѣе какъ черезъ десять, пятнадцать лѣтъ послѣ открытія главной семинаріи, обнаружались благодатные плоды дѣятельности для униатской церкви первыхъ питомцевъ устроенной въ Вильнѣ высшей богословской школы.

Тяжкое бремя однако выпало на долю маститаго іерарха Лисовскаго, и не легко было бороться ему съ силами, противодѣйствовавшими его намѣреніямъ.

Попытку кассировать предположеніе правительства объ открытіи или, лучше сказать, о возобновленіи высшаго богословскаго курса для униатскихъ клириковъ изъ блага духовенства нагляднѣе всего обнаруживаетъ проектъ, представленный гр. Завадовскимъ на высочайшее утвержденіе „О Базилианскомъ обществѣ для воспитанія духовнаго юношества въ Западной Россіи“. Проектъ реформы базилианскаго ордена составленъ былъ въ величайшей тайнѣ и долженъ былъ парализовать реформы Лисовскаго. Главнымъ творцомъ проекта былъ литовскій провинціалъ Лешинскій, архимандритъ Лешинскаго базилианскаго монастыря (тотъ самый, который былъ начальникомъ папскаго алумната и постарался растратить его достояніе въ 1799 г.). Пособниками Лешинскому были: визитаторъ Чацкій и епископъ Стройновскій. Попечитель Виленскаго учебнаго округа князь Чарторыйскій, какъ самъ выражается въ своихъ мемуарахъ, находилъ въ министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Завадовскомъ усерднаго исполнителя своихъ желаній; онъ разчитывалъ на любезность министра и въ настоящемъ дѣлѣ. По проекту Лешинскаго,

образованіе всего униатскаго духовенства въ Западной Россіи должно было принадлежать исключительно монахамъ базилианскаго общества, въ рукахъ котораго поэтому нужно было сохранить всѣ базилианскіе фондуши подѣ видомъ „эдукаціонной собственности“. Въ проектѣ не отрицалась необходимость упраздненія бесполезныхъ для самого базилианскаго общества монастырей въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ бывшей Польши, какъ предписывалось указами императрицы Екатерины II, 3-го октября 1795 г., и сената 1804 г., но полагалось обратить монастыри, предназначенные къ упраздненію, въ приходскія школы (каковыя должны быть устроены и въ архимандричьихъ монастыряхъ), а фондуши этихъ монастырей назначить исключительно для усиленія образовательныхъ средствъ базилианскихъ же училищъ и остающимся отъ упраздненія монастырямъ. Каждый монастырь обращался въ какую-либо школу: или въ богословскую, или въ философскую духовную, или же въ публичную для свѣтскаго юношества всѣхъ сословій. Званія начальниковъ, провинціаловъ, архимандритовъ, епископовъ могли достать только заслуженные учителя базилиане. Этотъ проектъ Чарторыйскій представилъ министру народнаго просвѣщенія, который передалъ его на заключеніе Сестренцевичу.

Предсѣдатель 1-го департамента римско-католической коллегіи митрополитъ Сестренцевичъ нашелъ проектъ о базилианскомъ обществѣ „совмѣстнымъ съ правилами базилианъ и совершенно соответствующимъ назначенію сего сословія и общающимъ истинную пользу государству“. Въ этомъ отамѣ была извѣстная доля ироніи. Министръ народнаго просвѣщенія, не спросивъ заключенія митрополита Лисовскаго (какъ предсѣдателя униатскаго департамента коллегіи), представилъ докладъ на Высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало 27-го іюля 1807 г., вскорѣ послѣ возвращенія государя изъ Тильзита. Копія высочайше утвержденнаго доклада была препровождена во 2-й департаментъ коллегіи для исполненія. Теперь только обнаружались истинныя цѣли базилианскаго ордена—совершенно устранить вліяніе на дѣла въ униі свѣтскаго клира, требовавшаго отчета въ суммахъ, затрачиваемыхъ на нужды епархіи, и утвердить въ церкви преобладаніе монашескаго базилианскаго ордена, передавъ въ его руки духовное и народное образованіе, какъ въ богословскихъ и публичныхъ школахъ, такъ и въ приходскихъ училищахъ, устраиваемыхъ при униатскихъ монастыряхъ. Митрополитъ Лисовскій поспѣшилъ изъ Полоцка, откуда онъ еще не успѣлъ вернуться въ столицу послѣ встрѣчи государя, чтобы приостановить распоряженія по исполненію

указа, разрушавшаго весь планъ начатыхъ уже реформъ. Лисовскому удалось убѣдить государя въ зломъ умыслѣ, скрытомъ подъ благовидными формами проекта, и указать на нарушаемые въ немъ монашескіе обѣты и постановленія папы Бенедикта XIV. Вслѣдствіе того, 12-го сентября 1807 г., министру юстиціи кн. Лопухину высочайше повелѣно приостановиться исполненіемъ указа 27-го іюля въ сенатѣ, впредь до особаго повелѣнія ¹⁾.

Для соображенія высочайше утвержденного доклада, исполненіе котораго было приостановлено, съ даннымъ по сему докладу мнѣніемъ митрополита Лисовскаго, по повелѣнію государя образованъ былъ особый комитетъ изъ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго, оберъ-прокурора св. синода А. Н. Голицына и епископа суфрагана І. Красовскаго. О дѣятельности этого комитета, существовавшего нѣсколько лѣтъ, мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія. Въ немъ разсматривались важнѣйшія дѣла, поступавшія изъ 2-го департамента коллегіи и отъ епархіальныхъ консисторій, преимущественно же жалобы бѣлаго духовенства на несправедливыя притязанія базилианскаго монашескаго ордена и на присвоеніе имъ церковныхъ имѣній. Положеніе Красовскаго, возведеннаго въ сентябрѣ 1809 года въ санъ архіепископа, въ этомъ комитетѣ было затруднительно. Завадовскій благопріятствовалъ Чарторыйскому, а Голицынъ—іезуитамъ. Оба рускіе вельможи, за-одно съ врагами русской народности, разрушали все, что Лисовскимъ признавалось необходимымъ сдѣлать для улучшенія греко-униатовъ къ видахъ государственной пользы. Поэтому проектъ реформы базилианскаго ордена по латинско-польской редакціи не исчезъ безслѣдно. Базилианамъ во многихъ монастыряхъ было разрѣшено имѣть публичныя школы на правахъ гимназій для свѣтскаго юношества, о чемъ указъ послѣдовалъ въ 1810 г., то-есть, уже послѣ смерти Лисовскаго.

Еще ранѣе 1809 году, предпринята была систематическая опись монастырскихъ базилианскихъ фундушей, и провѣрка документовъ. Но эта важная работа не привела департаментъ къ какому-либо практическимъ результатамъ ²⁾. Упраздненіе монастырей, давно уже

¹⁾ Архивъ св. синода, дѣло 1807 г. № 29, на 9 листахъ. Замѣчательна въ этомъ дѣлѣ роль князя А. Чарторыйскаго: онъ усердно хлопоталъ объ устройствѣ главной семинаріи и въ то же время содѣйствовалъ базилианамъ въ недопущеніи въ нее униатскихъ клириковъ!

²⁾ Архивъ св. синода, дѣла 1810 г. №№ 6, 30 и 38. Изъ дѣла № 6 видно, что „всемилоостивѣйше установленный комитетъ“ занимался разборомъ жалобы Брест-

намѣченныхъ, кромѣ немногихъ скомпрометированныхъ въ Отечественную войну, снова остановилось на долго. Въ этомъ же комитетѣ (вѣроятно) возникла мысль о необходимости болѣе цѣлесообразнаго управленія дѣлами латинской церкви, отъ которой государственные люди того времени не желали отдѣлять греко-уніатовъ.

Въ 1810 г. учреждено „главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій“ изъ чиновниковъ министерства юстиціи и римско-католической коллегіи; начальникомъ управленія указомъ сенату, даннымъ 25-го іюля 1810 г., назначенъ синодальный оберъ-прокуроръ, тайный совѣтникъ князь А. Н. Голицынъ, пользовавшійся особымъ личнымъ довѣріемъ императора Александра I, но, къ сожалѣнію, совершенно опутанный іезуитскими сѣтями. Всѣ эти перемѣны произошли послѣ кончины Лисовскаго, послѣдовавшей 30-го августа 1809 года.

Для полноты очерка дѣятельности Лисовскаго слѣдуетъ сказать еще о возстановленіи, по его представленію, Виленской митрополичьей епархіи. Лисовскому нужно было ослабить вліяніе на дѣла уніи Брестскаго епископа Іосафата Булгака, сторонника базилианскаго ордена; послѣдній, потерпѣвъ небольшую неудачу въ столицѣ и ограниченный въ своихъ дѣйствіяхъ въ Вѣлоруссіи, сосредоточилъ свою дѣятельность въ обширной Брестской епархіи. Литовская базилианская провинція была самою могущественною и самою богатою. Особенная дѣятельность базилианъ проявлялась въ Свято-Троицкомъ и Жировицкомъ монастыряхъ. И на ослабленіе этихъ двухъ пунктовъ обратилъ вниманіе Лисовскій.

Послѣ присоединенія Вѣлостоцкой области къ Россіи въ 1807 году прибавилась Супрасльская епархія, въ которой находилось 70 уніатскихъ церквей и три монастыря: Супрасльскій (нѣкогда знаменитая лавра), Дрогичевскій и Кузницкій ¹⁾. Это приобрѣтеніе для греко-

ской консисторіи отъ 28-го января 1810 г. Еще ранѣе, по поводу возникшаго вопроса о монастырскихъ капиталахъ, составлена была опись монастырямъ Курляндской, Виленской, Гродненской и Минской губерній, входившихъ въ составъ Литовской провинціи. Опись составили въ 1809 г. предсѣдатели Виленской и Брестской консисторій—Мокрицкій и Тупальскій и члены Литовской консульты настоятель св. Троицкаго базилианскаго монастыря Семеткевичъ, консульторъ Клопотовскій и консульторъ Маковецкій. О ней вспоминали черезъ 14 лѣтъ, и она послужила въ 1823 г. образцомъ для составленія описей двухъ другихъ провинцій. Дѣло 1822 г. № 61, на листахъ 82—113.

¹⁾ Въ Вѣлостоцкой области было до 41,000 греко-уніатовъ. Изъ числа 70 церквей 11 отошло къ царству Польскому, слѣдовательно, въ составъ Брест-

униатской церкви въ Россіи было немаловажнымъ. При прусскомъ правительствѣ Супрасльская епархія получила самостоятельное устройство; въ нее назначенъ былъ епископъ, образованъ капитулъ, замѣнявшій консисторію, и устроена семинарія на счетъ денегъ, собранныхъ съ духовенства и пожертвованныхъ епископомъ. Духовенство Супрасльской епархія отличалось самостоятельнымъ взглядомъ на дѣла церковной уніи и обогатило Брестскій капитулъ нѣсколькими священниками, игравшими впоследствии первенствующую роль въ Брестской епархіи.

Съ восстановленіемъ Литовской митрополичьей епархія Супрасльская епархія была упразднена, а Брестская преобразована на слѣдующихъ основаніяхъ, предложенныхъ Лисовскимъ: 1) къ возстановляемой Виленской митрополичьей епархіи перечислить 300 церквей Брестской епархія, а 75 (sic) церквей Супрасльской епархія включить въ составъ Брестской; 2) имѣнія, завѣщанныя литовско-русскими вельможами княземъ Острогскимъ и Салъгою на Виленскій кафедральный соборъ и на соборную Новогрудскую церкви, находящіяся въ распоряженіи Брестскаго епископа Булгака, причислить на прежнихъ основаніяхъ къ возстановленной митрополичьей епархіи, которою управляютъ епископъ суфраганъ (викарный) и консисторія; 3) жалованье въ 4.000 талеровъ, опредѣленное прусскимъ правительствомъ на содержаніе епископа ¹⁾, обратить на жалованье Брестскаго суфрагана (викарія), которому оставаться въ Супрасльскомъ монастырѣ, а консисторіи для мѣстопробыванія равно для Брестскаго епископа, избрать другой монастырь Литовской провинціи; 4) митрополичью ризницу, состоящую у епископа Булгака, возвратить въ Вильну, гдѣ имѣеть быть мѣстопробываніе викарнаго епископа, кафедры и консисторіи, а равно возвратить митрополичій архивъ ²⁾.

своей епархія вошло 59 церквей. Супрасльскою епархіей, послѣ смерти Духновскаго, въ 1806 г. управлялъ Левъ Яворовскій, архимандритъ. Архивъ св. синода 1809 г., дѣло № 23; *Le Cathol. Rom.*, II, 351, 352.

¹⁾ Послѣ занятія Бѣлостокской области, прусское правительство въ 1796 г. захватило въ казну имѣнія, завѣщанныя Александромъ Ходкевичемъ на содержаніе Супрасльскаго монастыря, назначивъ на содержаніе епископу 4000 талеровъ и монастырю 2223 прусск. талера. Но по возвращеніи этой области къ Россіи конфискованныя имѣнія не были возвращены монастырю и ходатайство настоятеля монастыря объ этомъ не было уважено. См. Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 23.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXX, № 23482. Указъ 14-го февраля 1809 г. Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 4, начатое 17-го февраля 1809 г. и оконченное 30-го сентября 1810 г., на 249 листахъ.

Такимъ образомъ, въ 1810 году, получила развитіе іерархія греко-уніатской церкви, а именно: образовались четыре епархіи—митрополичья въ Вильнѣ, архіепископская въ Полоцкѣ и двѣ епископскія: Брестская, съ пребываніемъ епархіальнаго епископа въ Жировицахъ, и Луцкая—въ Жидичинѣ. Въ каждой епархіи назначенъ викарный (суфраганъ): въ митрополичьей наименованный епископомъ Брацлавскій архимандритъ Адріанъ Головня, въ архіепископской — епископы Іоаннъ Красовскій, въ Брестской — Левъ Яворовскій, бывший епископъ Супрасльскій, наименованный Владимірскимъ, и въ Луцкой—Яковъ Мартусевичъ, бывший полоцкій каноникъ. Брестскій епархіальный епископъ, его викарный Левъ Яворовскій, а также викарный Виленской епархіи — Адріанъ Головня происходили изъ базилианскаго ордена, всѣ же прочіе архіереи были изъ бѣлаго духовенства ¹⁾. Это раздвоеніе іерарховъ на черныхъ и бѣлыхъ, какъ увидимъ, имѣло большія невыгоды. Кромѣ Полоцкой епархіи, нигдѣ не имѣлось еще правильно организованныхъ соборныхъ кафедръ; бывшіе въ Брестской и Луцкой епархіяхъ капитулы оставались на прежнихъ основаніяхъ. Брестскій капитулъ, усиленный канониками упраздненнаго Супрасльскаго капитула, распространилъ свое вліяніе и на вновь учрежденную Виленскую епархію, не имѣвшую своего капитула. Совершенно разоренный Супрасльскій монастырь, съ своимъ прекраснымъ храмомъ и богатою рукописною бібліотекою, остался по прежнему независимымъ отъ ордена. Супрасльская семинарія была закрыта, а ея фондуши въ количествѣ 6000 руб. сер. переданы на усиленіе средствъ семинаріи Брестской епархіи.

Приведеніе въ исполненіе указа 14-го февраля 1809 года возбудило разногласіе между епископомъ Брестскимъ Булгакомъ и вновь назначеннымъ Виленскимъ епископомъ суфраганомъ Адріаномъ Головню. Поэтому вопросъ о разграниченіи двухъ епархій и о передачѣ фундушей изъ одной въ другую поступилъ на разрѣшеніе 2-го департамента коллегіи. Но и въ коллегіи не могли быть устранены разногласія между членами, которыя омрачили послѣднія минуты жизни

¹⁾ Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 3. Объ опредѣленіи въ епархіяхъ Полоцкой и Виленской суфраганами Іоанна Красовскаго и Адріана Головни, 16-го февраля.—Дѣло 1808 г. № 8. Въ октябрѣ 1808 г. умеръ епископъ Луцкій Левинскій и на его мѣсто назначенъ Григорій Кохановичъ; мѣсто же умершаго епископа Корсака занялъ Яковъ Мартусевичъ; оба—Кохановичъ и Мартусевичъ—были канониками Полоцкой епархіи.

великаго греко-униатскаго іерарха ¹⁾. Лисовскій заболѣлъ 11-го августа и скончался 30-го августа.

Послѣ его смерти засѣданія коллегіи возобновились 17-го сентября и окончены 30-го единогласнымъ соглашеніемъ по мысли и желаніямъ Лисовскаго. Брестскую епархію составили: Бѣлостокская область, вся Гродненская губернія и часть Минской съ повѣтами: Слуцкимъ, Пинскимъ, Мозырскимъ и Рѣчицкимъ, не касаясь Новогрудской церкви, какъ соборной; остальные же уѣзды Минской губерніи, Виленская и Курляндская губерніи образовали Виленскую епархію. Лаврышовскую и Свержанскую семинаріи (существовавшія по названію) положено устроить по правиламъ Тридентскаго собора съ причисленіемъ къ первой фундушей, вырученныхъ отъ папскаго алумната, а ко второй—фундушей отъ Супрасльской семинаріи. Въ главную семинарію при университетѣ опредѣлено назначать впредь ежегодно по 5 клириковъ изъ Брестской и по 4 изъ Виленской. Въ Вильнѣ рѣшено было учредить консисторію, въ которой засѣдать тремъ каноникамъ, назначеннымъ покойнымъ митрополитомъ, и устроить митрополичью ризницу, которую, а равно митрополичій архивъ, Булгакъ обязанъ сдать Головнѣ. Домъ для помѣщенія консисторіи обязанъ былъ нанять базилианскій орденъ, если нѣтъ помѣщенія въ Свято-Троицкомъ монастырѣ. Вся имѣнія, нѣкогда принадлежавшія Виленской митрополіи, епископъ Булгакъ долженъ сдать епископу Головнѣ, а послѣднему предоставить самому розыскивать фундуши, принадлежавшія Виленскимъ церквамъ и все розысканное принять въ свое вѣдѣніе ²⁾. Предположенія 2-го департамента коллегіи были утверждены министромъ юстиціи княземъ Лопухиннымъ, за исключеніемъ фундуша Свержанской семинаріи въ 102.403 злот. 25 гр., какъ спорнаго, о чемъ дѣло производилось еще въ сенатѣ (уже много лѣтъ). Вновь образованная епархіа, согласно указамъ 14-го февраля 1809 года и 3-го февраля 1810 года, от-

¹⁾ Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. на 249 лл. „О возстановленіи Литовско-Виленской митрополичьей епархіи“. Для защиты интересовъ епархіи Брестскій епископъ командировалъ въ Петербургъ председателя консисторіи Антонія Тупальскаго. Члены коллегіи Гаченовскій (Луцкой) и Горбацевичъ (Брестской) поддерживали требованія епископа Головни. Тупальскій доказывалъ неудобства отдѣленія Новогрудскаго уѣзда къ Виленской епархіи, ибо, кромѣ чрезполосности, Виленская епархіа получила бы двѣ семинаріи—Лаврышовскую и Свержанскую, въ Брестской же не осталось бы ни одной, такъ какъ еундуши Супрасльской семинаріи переданы въ Лаврышовскую.

²⁾ Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 4, 1. П. С. З., т. XXX, № 24118, указъ 3-го февраля 1810 г.

крыта 12-го февраля 1810 года, и председателемъ консисторіи назначенъ Брестскій каноникъ Илья Мокрицкій, который обязанъ былъ принять и митрополичью ризницу, и митрополичій архивъ. Съ своей стороны епископъ Булгакъ доносилъ коллегіи 7-го мая 1810 года: „По указу 14-го февраля 1809 года все исполнено; остается донести, что въ исполненіе сего указа переношусь (изъ Новогрудка) съ консисторіей и цѣлымъ штатомъ въ Жировицкій базилианскій монастырь Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда“¹⁾.

Съ возстановленіемъ Виленской митрополичьей епархіи связано открытіе нѣкоторыхъ злоупотребленій епископа Булгака, котораго митрополитъ Лисовскій не безъ основанія считалъ своимъ недоброжелателемъ и противникомъ мѣръ, клонившихся къ поднятію образованія въ бѣломъ духовенствѣ и къ улучшенію и упроченію его быта на счетъ фундушей, предположенныхъ къ упраздненію базилианскихъ монастырей, нѣкогда принадлежавшихъ свѣтскому клиру.

Въ началѣ 1809 года базилианскій архимандритъ Головня, предназначавшійся къ занятію епископской уніатской кафедрѣ въ Вильнѣ, донесъ митрополиту о крайне плачевномъ состояніи единственно уцѣлѣвшей здѣсь греко-уніатской церкви св. Николая, объ уничтоженіи Спасскаго собора, зданіе котораго передано было епископомъ Булгакомъ университету для помѣщенія скотолѣчебной школы, а ризница свалена гдѣ-то на чердакѣ базилианскаго Свято-Троицкаго монастыря, о печальномъ состояніи митрополичьяго архива, пользованіе которымъ не обусловлено никакими формальностями, о захватѣ виленскими базилианскими монахами фундушей, принадлежавшихъ кафедральному собору, и наконецъ, о незаконномъ отчужденіи зданій папскаго алузната²⁾. Донесенія Головни подтвердили извѣстные уже Лисовскому факты. Митрополитъ въ запискѣ, представленной черезъ князя А. Н. Голицына, ходатайствовалъ у государя о дозволеніи передать подъ помѣщеніе Виленской консисторіи епископа суфрагана базилианскій Свято-Троицкій монастырь. Записка Лисовскаго доложена была государю, а затѣмъ Голицынъ далъ знать митрополиту 25-го мая 1809 года, о послѣдовавшихъ распоряженіяхъ, какъ

¹⁾ Тамъ же, листы 129, 136, 151, 193, 220, 230.

²⁾ Собственноручныя письма Головни на польскомъ языкѣ объ упадкѣ греко-уніатской церкви въ Вильнѣ (гдѣ нѣкогда было до 16 уніатскихъ церквей) хранятся въ архивѣ св. синода, въ дѣлѣ 2-го департамента коллегіи за 1809 г., № 4. Это весьма важный документъ для характеристика управленія греко-уніатской церкви.

видно въ слѣдующей приложенной къ его письму копіи съ отношенія его къ министру народнаго просвѣщенія ¹⁾).

„Изъ прилагаемой при семъ записки Ираклія Лисовскаго ваше сіятельство усмотрите, что онъ въ замѣнѣ Виленской каедрны, поступившей вмѣстѣ съ бывшими при ней домами, обширнымъ плацомъ и прочею принадлежностью въ вѣдѣніе Виленскаго университета, просить, по случаю возстановленія митрополичьей епархіи униатской, отдать состоящій въ Вильнѣ василіанскій монастырь для помѣщенія суфрагана и консисторіи“.

„Но какъ сей монастырь, по объясненію митрополита Лисовскаго въ докладѣ о преобразованіи василіанскаго ордена по 6-му пункту (рѣчь идетъ о докладѣ 27-го іюля 1807 года), назначенъ для духовнаго юношества по приготовленію къ наукамъ для слушанія высшихъ наукъ, то Его Величество соизволилъ приказать отнестись къ вамъ, милостивый государь, имѣя въ разсмотрѣніи своемъ докладъ 1807 года и замѣчанія митрополита Лисовскаго, принять совокупныя съ оными соображенія и вышеизложенное обстоятельство, изъясненное въ запискѣ, поданной нынѣ отъ него, митрополита, и потомъ представить о семъ на благоусмотрѣніе Государя Императора въ мнѣніи вашемъ по дѣлу о преобразованіи василіанскихъ монастырей“.

„Исполняя симъ Высочайшую волю, я долгомъ считаю присоветовать и то, что хотя помянутая каедральная церковь и поступила уже съ высочайшаго утвержденія въ вѣдѣніе Виленскаго университета, но какъ Его Величество извѣстился нынѣ, что Брестскій епископъ Булгакъ дѣлалъ такое условіе безъ вѣдома министра (юстиціи?) и римско-католической коллегіи и потому высочайше повелѣть соизволилъ министру юстиціи черезъ 2-й департаментъ коллегіи епископу Булгаку за сіе объявить выговоръ и подтвердить всѣмъ униатскимъ епископамъ, чтобы они безъ вѣдома высшаго духовнаго начальства отъ продажи и подобныхъ уступокъ церковнаго имущества впредь воздерживались“.

Изъ другихъ дѣлъ 2-го департамента коллегіи, изъ представленій Брестской консисторіи и изъ переписки о выборѣ помѣщенія

¹⁾ Копія съ отношенія синодальнаго оберъ-прокурора къ министру народнаго просвѣщенія отъ 23-го мая 1809 г. за № 408; такое же отношеніе послано къ министру юстиціи. Дѣло 1809 г. № 87, лист. 246 и 247. Еще ранѣе обнаружилось незаконное отчужденіе епископомъ Булгакомъ зданія бывшаго папскаго алумята. Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, карт. 1087, № 6559.

для главной духовной семинаріи въ Вильнѣ, мы знаемъ, что епископъ Булгакъ и бывшій провинціалъ Лешинскій самовольно распорядились продажей вданій бывшаго папскаго алумната и вырученную отъ продажи сумму употребили будто бы на уплату долговъ, бывшихъ на алумнатѣ; между тѣмъ объ этихъ долгахъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Брестскій капитулъ почелъ себя обязаннымъ добиваться возвращенія отъ Булгака незаконно отчужденнаго имъ имущества греко-уніатской церкви, назначеннаго для духовнаго образованія лицъ бѣлаго духовенства.

Такими некрасивыми фактами характеризуются дѣйствія епископа Булгака, оказывавшаго покровительство базилианскому ордену и дѣйствовавшаго на переکورъ митрополиту Лисовскому и его сотруднику епископу Красовскому. Эти обстоятельства ближайшимъ образомъ объясняютъ причины неудовольствія маститаго іерарха къ старшему изъ епископовъ въ греко-уніатской церкви и его ходатайство передъ кончиною, о назначеніи митрополитомъ избраннаго имъ себѣ преемникомъ Луцкаго епископа суфрагана Красовскаго въ санъ Полоцкаго архіепископа.

Митрополитъ Лисовскій, намѣтивъ реформы въ уніатской церкви, оставилъ своимъ преемникамъ множество не разрѣшенныхъ вопросовъ. Значительно подорвавъ кредитъ базилианскаго ордена, онъ не могъ возратить свѣтскому клиру отнятыя у него орденомъ фондуши. Не могъ онъ осуществить и другія предположенія, вложившіяся къ устройству греко-уніатской церкви почти на тѣхъ общихъ началахъ, которыя съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ, были осуществлены митрополитомъ Шишковымъ, то-есть, объ устройствѣ церкви на счетъ базилианскихъ монастырей, закрытіе которыхъ предрѣшено было указомъ 1804 года. Планъ Лисовскаго принялъ къ свѣдѣнію Брестскій капитулъ. Лисовскій старался дать ходъ своимъ сотрудникамъ по Полоцкой епархіи—Красовскому, Кохановичу и Мартусевичу, но послѣдній измѣнилъ ему, второй оказался совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ латино-польскою партіей, а первый не могъ возвыситься до занятаго имъ положенія и не могъ удержаться въ борьбѣ съ базилианами, пользовавшимися покровительствомъ Булгака и вниманіемъ князя Голицына.

Во всякомъ случаѣ дѣятельность Ираклія Лисовскаго имѣла громадное значеніе на будущую судьбу греко-уніатской церкви. Его программу мы можемъ формулировать въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ: 1) Нужно отдѣлить греко-уніатскую церковь отъ латинской,

возстановить званіе митрополита, съ цѣлью ослабленія папской власти, и возстановить чистоту греческихъ обрядовъ. 2) Нужно стремиться ослабить силу и вліяніе на дѣла въ церкви базилианскаго ордена, подчинивъ базилианъ надзору епархіальныхъ архіереевъ. 3) Необходимо поднять и распространить богословское образованіе бѣлаго духовенства въ семинаріяхъ, употребивъ для этой цѣли: а) фондуши и капиталы базилианскихъ монастырей, неправильно ими присвоенные, и б) фондуши и капиталы тѣхъ монастырей, которые самовольно и незаконно обращены изъ приходскихъ церквей. 4) Въмѣстѣ съ назначеніемъ представителей отъ бѣлаго духовенства засѣдателями въ особый департаментъ коллегіи и съ устройствомъ епархіальныхъ консисторій и кафедральныхъ соборовъ всѣми мѣрами должно способствовать къ поднятію благосостоянія бѣлаго духовенства, назначать образованныхъ и болѣе просвѣщенныхъ прелатовъ и канониковъ (протопресвитеровъ) къ замѣщенію высшихъ должностей въ епархіяхъ, и допускать достойнѣйшихъ канониковъ безбрачныхъ и вдовыхъ, имѣющихъ ученныя степени, къ занятію архіерейскихъ кафедръ. 5) Слѣдуетъ уничтожить ктиторство.

Слѣдовательно, программа Лисовскаго была лишь развитіемъ знаменитой буллы папы Бенедикта XIV согласовалась съ іерархическимъ устройствомъ греко-восточной церкви съ тою разницею, что Лисовскій, какъ и Бенедиктъ XIV, допускалъ возможность назначать епископами и наиболѣе достойныхъ не женатыхъ и вдовыхъ прелатовъ и канониковъ (протоіереевъ) изъ свѣтскаго духовенства.

Преобразованія Лисовскаго въ конечномъ результатѣ должны были повести къ освобожденію греко-униатской церкви отъ преобладанія въ ней сторонниковъ латинизаціи. Но дальнѣйшее выполненіе его плана было пріостановлено, какъ кажется, потому, что само наше правительство продолжало смотрѣть на унию глазами латинизаторовъ и въ то время не имѣло средствъ для противодѣйствія польской партіи. Государственные люди не знали этнографіи западныхъ губерній. По указаніямъ латинянъ направлялось и общественное образованіе въ Бѣлоруссіи и въ губерніяхъ литовскихъ—Гродненской и Виленской, на Волини и Подоли. Сами министры и губернаторы считали эти губерніи польскими.

Послѣ кончины Лисовскаго обстоятельства круто измѣнились. Ставшій во главѣ управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи князь Александръ Николаевичъ Голицынъ не обладалъ ни дальновидностью государственнаго сановника, ни твердо-

стію начальника, необходимою для исполненія сложныхъ и щекотливыхъ обязанностей, ни наконецъ, знаніемъ истиннаго положенія вещей въ странѣ, еще не потерявшей своей прирожденной національности. Напротивъ, личныя свойства князя Голицына, при склонности къ мистицизму, сдѣлали его орудіемъ лативствующей партіи, которая, подъ покровомъ благочестія и подъ видомъ государственной пользы, всѣми способами стремилась къ разрушенію дѣла начатаго Лисовскимъ. Голицына несравненно болѣе занимали дѣла созданнаго имъ библейскаго общества, чѣмъ греко-уніатской церкви. Прежніе его друзья, несогласные съ нимъ во взглядахъ, относительно перевода книгъ Священнаго Писанія, становились его врагами. А къ врагамъ своимъ, добрый и мягкій по природѣ, князь Александръ Николаевичъ относился съ безпощадною жестокостью.

И. Бобровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АПОКРИФИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ АМУ- ЛЕТОВЪ, НАЗЫВАЕМЫХЪ ЗМѢВИКАМИ.

Давно обратили на себя вниманіе археологовъ памятники въ видѣ металлическихъ медалей, рѣзныхъ камней и металлическихъ образковъ, имѣющіе одинъ общій признакъ—изображеніе женской головы или фигуры, окруженной змѣями. Почти на всѣхъ такихъ памятникахъ находятся тожественныя или однородныя надписи на греческомъ или славянскомъ языкѣ, иногда на томъ и другомъ вмѣстѣ. На большей части памятниковъ является на одной сторонѣ изображеніе змѣвика, а на другой—архангела Михаила или Божіей Матери, Спасителя (вѣроятно, крещеніе) или нѣкоторыхъ святыхъ (св. Θεодора, св. Никиты, двухъ всадниковъ, принимаемыхъ за Θεодора Тирона и Θεодора Стратилата). Въ числѣ надписей есть имена, указывающія на принадлежность или на назначеніе этихъ предметовъ для тѣхъ или другихъ лицъ. Присутствіе ушковъ у большинства рассматриваемыхъ памятниковъ указываетъ на носеніе ихъ, вѣроятно, на груди, какъ носятъ кресты.

Для объясненія происхожденія и значенія рассматриваемыхъ памятниковъ имѣютъ одинаково важное значеніе ихъ форма, изображенія и надписи. На все это было обращено вниманіе въ многочисленныхъ ученыхъ статьяхъ, перечень которыхъ можно найдти въ статьѣ Г. С. Дестуниса: „Разборъ спорной греческой надписи, изображенной на осьми памятникахъ“ въ X томѣ Извѣстій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, стр. 15—19 (1881 г.), и еще полнѣе въ статьѣ графа И. И. Толстаго: „О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣвиками“ въ Запискахъ того же Общества, т. III (новая серія), стр. 364—368; въ послѣдней статьѣ находятся

снимки со всѣхъ извѣстныхъ доселѣ змѣвиковъ ¹⁾. Мы не будемъ излагать здѣсь различныя мнѣнія, высказанныя въ объясненіе змѣвиковъ; краткое изложеніе этихъ мнѣній, представлено въ только-что упомянутой недавней статьѣ гр. И. И. Толстаго. Присутствіе имени Василя на такъ-называемой черниговской золотой медали, открытой въ 1821 году близъ Чернигова, дало поводъ къ историческимъ объясненіямъ: думали, напримѣръ, въ имени Василя видѣть указаніе на христіанское имя русскаго князя Владиміра Святаго, а въ змѣвикѣ — символическое изображеніе изычства. Въ настоящее время, когда открыто уже значительное количество однородныхъ памятниковъ, такое толкованіе едва ли найдетъ послѣдователей въ виду его полной произвольности и полного игнорирования многихъ важныхъ подробностей, встрѣчающихся въ змѣвикахъ.

Относительно назначенія разсматриваемыхъ памятниковъ по праву возобладало теперь мнѣніе, впервые высказанное еще митрополитомъ Евгениемъ, что змѣвики суть не что иное, какъ предохранительныя наузы, амулеты (*φαλακτῆρια*). Отъ чего же они должны были предохранять? На этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, всего удачливѣе отвѣтилъ Е. В. Барсовъ ²⁾. Онъ высказался въ томъ смыслѣ, что медальоны употреблялись въ качествѣ цѣлебныхъ амулетовъ. Указавъ на значеніе змія въ Писаніи и въ народныхъ сказаніяхъ, какъ на символъ всего злаго, г. Барсовъ думалъ, что двѣнадцатиглавный змѣй олицетворяетъ собою на змѣвикахъ двѣнадцать сестеръ лихорадокъ, какъ представительницъ всѣхъ человѣческихъ болѣзней. Мнѣніе, что змѣвики суть амулеты противъ болѣзней, блестяще подтвердилось чтеніемъ и объясненіемъ греческой надписи, встрѣчающейся на многихъ змѣвикахъ, представленнымъ въ вышеуказанной статьѣ Г. С. Дестунисомъ: по его объясненію, надпись представляетъ заклинаніе или заговоръ противъ болѣзни матки или утробы. Но если, по нашему мнѣнію, приблизительно вѣрно понято значеніе змѣвиковъ, какъ предохранительныхъ наузовъ, амулетовъ, то вовсе не объяснено происхожденіе ихъ, значеніе и взаимное соотношеніе изображеній, и надписей.

¹⁾ Чтеніе настоящей нашей статьи будетъ затруднительно безъ помощи изображеній змѣвиковъ; поэтому мы рекомендуемъ особенно снимки въ статьѣ графа Толстаго, сдѣланные весьма отчетливо. Снимки съ 19 змѣвиковъ приложены также къ статьѣ Д. И. Прозоровскаго: „О древнихъ медальонахъ, называемыхъ змѣвиками“ въ *Христіанскихъ древностяхъ* 1878 г.

²⁾ *Моск. Вѣдомости* 1874 г., № 311; этой замѣтки мы не читали и пользуемся изложеніемъ гр. Толстаго.

Послѣдній изслѣдователь змѣвиковъ, гр. И. И. Толстой, хотя и признаетъ за ними „характеръ предметовъ, вполне однородныхъ съ амулетами, ладонками и вообще наузами“, допускаетъ даже ихъ пошеіе для отвращенія болѣзней, но ищетъ объясненія какъ надписей, такъ и изображеній въ апокалипсическихъ образахъ и выраженіяхъ. „О происхожденіи нашихъ змѣвиковъ“, говоритъ онъ,—„можно высказывать лишь одни предположенія, почему я и не касаюсь этого вопроса; едва ли однако подлежитъ сомнѣнію, послѣ указаннаго мною вліянія на изображенія и надписи изъ Апокалипсиса, что на нихъ отразился страхъ вѣрующихъ людей предъ грядущими бѣдствіями, наступленіе которыхъ, какъ извѣстно, неоднократно ожидалось со дня на день. Помѣщеніе священныхъ изображеній Богоматери, Архистратига—побѣдителя сатаны, угодниковъ могло имѣть цѣлью лишь избавленіе отъ бѣдъ, защиту отъ напастей. Если эти напасти первоначально и представлялись, можетъ быть, въ умѣ вѣрующаго болѣе или менѣе духовными (а если и реальными, то въ образѣ апокалипсическихъ бѣдствій), то уже очень рано, вѣроятно, даже одновременно (и это подъ вліяніемъ самаго апокалипсическаго пророчества) они должны были воплотиться въ болѣе реальную форму, главнымъ образомъ, болѣзней и ранъ, какъ наиболее обыденныхъ и чувствительныхъ бѣдъ, постигающихъ человѣка. Поэтому и наши змѣвики съ ихъ апокалипсическою окраской должны были служить для отвращенія этихъ напастей“ (стр. 406—407). Почти совсѣмъ игнорируя объясненіе греческой надписи на змѣвикахъ, какъ заговора противъ болѣзни, и указывая на сходство нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ ней существительныхъ и глаголовъ съ апокалипсическими, осторожный авторъ далекъ однако отъ рѣшительныхъ заключеній и дѣлаетъ такую оговорку: „Впрочемъ, можетъ быть, какой-либо апокрифъ разъяснитъ вопросъ несравненно проще, а потому и вѣрнѣе“ (стр. 399).

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены показать, что такой апокрифическій матеріалъ находится уже въ наукѣ на лицо и достаточно для того, чтобы разрѣшить всѣ главнѣйшіе вопросы, возбуждаемые „змѣвиками“ какъ относительно надписей, изображеній и ихъ взаимной связи, такъ и относительно назначенія амулетовъ, а отчасти и ихъ происхожденія.

Въ греческой, славянской и румынской письменности, а также въ нѣкоторыхъ другихъ литературахъ, напримѣръ еврейской, существуетъ цѣлый рядъ легендъ, молитвъ и заклинаній противъ демоническаго существа, причиняющаго разнородный вредъ людямъ. Эти

легенды, молитвы, заклинанія въ греческой и славянской письменности обыкновенно связываются съ именемъ св. Сисинія; часто впрочемъ его мѣсто занимаетъ архангелъ Михаилъ, а въ позднѣйшихъ текстахъ и нѣкоторые другіе святые. Относящіеся сюда греческіе тексты были напечатаны Аляціемъ ¹⁾ и Саею ²⁾, по русски содержаніе ихъ изложено И. Д. Мансветовымъ ³⁾ и академикомъ А. Н. Веселовскимъ ⁴⁾. Древнѣйшіе славянскіе тексты, открытые нами въ сербской рукописи конца XIII вѣка или начала XIV, принадлежащей бѣлградскому профессору Сречковичу, напечатаны недавно въ нашей книгѣ: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“ вѣкъ I, Москва, 1888 года, стр. 26—47; здѣсь указана и литература позднѣйшихъ однородныхъ текстовъ. Въ виду общедоступности греческихъ и славянскихъ текстовъ, мы не будемъ подробно излагать ихъ и укажемъ только главныя черты ихъ содержанія. Въ подробныхъ греческихъ и славянскихъ текстахъ разказывается о томъ, какъ злое демоническое существо женскаго образа похищало новорожденныхъ дѣтей одной женщины, по имени Мелитины. Ея братъ Сисиній (или братья Сисиній и Синодоръ или Теодоръ) преслѣдуетъ демона, принимающаго различные образы, ловитъ его, бьетъ палицей и требуетъ возвращенія проглоченныхъ дѣтей. Демонъ обѣщаетъ возвратитъ дѣтей, если Сисиній изльетъ молоко матери своей. Чудо совершается, и демонъ возвращаетъ проглоченныхъ дѣтей. Но Сисиній не отпускаетъ демона и требуетъ объясненія, кто онъ такой. Демонъ объясняетъ злоторную свою дѣятельность, свои „козни“ и клянется именемъ Божиимъ, что если Сисиній отпустить его, то онъ будетъ убѣгать того человѣка, который будетъ имѣть запись именъ демона (тутъ же перечисляемыхъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ) или произносить молитву Сисинія (то-есть, перечень тѣхъ же именъ или изображеніе козней діавола). Во мно-

¹⁾ *Leo Allatius, De templis Graecorum recentioribus etc. nec non de Graecorum hodie quorundam opinationibus. Coloniae Agrippinae. 1645, p. 126—129, 133—135; перепечатка текстовъ Аляція сдѣлана анад. А. Веселовскимъ въ его сочиненіи: Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI—X, С.-Пб. 1883, стр. 89—96.*

²⁾ К. Ν. Σαθα. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, τόμος 4, σελ. 573—578; изложеніе содержанія и выдержки см. у академ. Веселовскаго: „Замѣтки по исторіи апокрифовъ“, I, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1886 г., июль, 289—293.

³⁾ „Византійскій матеріалъ для сказанія о двѣнадцати трасавицахъ“: *Древности*, труды Импер. Моск. Археол. Общ., т. XI, стр. 30—32, 1881 г.

⁴⁾ Разысканія, стр. 41—44.

гихъ вариантахъ ловить демона и отбираетъ прогоняющія его имена архангелъ Михаилъ.

Уже изъ предложеннаго краткаго содержанія Сисиніевской легенды видно, что существовало вѣрованіе въ демоническое злое существо, которое можно прогнать записью его именъ или изображеніемъ его козней, перечисляемыхъ въ заклятїи. Такое заклятїе на письмѣ могло имѣть характеръ амулета. Если теперь сопоставить змѣевники съ подробностями Сисиніевской легенды и заклятїя, то въ послѣднихъ найдется почти полное объясненіе первыхъ.

Начнемъ съ изображеній на змѣевникахъ. Мы думаемъ, что женская голова или фигура, окруженная змѣями, представляетъ не что иное, какъ то самое демоническое существо, о которомъ говорится въ Сисиніевской легендѣ и заклинанїяхъ. Въ греческихъ и славянскихъ текстахъ оно представляется въ образѣ отвратительной и страшной женщины; существо это — дьяволъ; оно носитъ различныя имена; дѣйствїя его описываются сравненїями съ различными звѣрями, птицами, гадами; существо это способно принимать образы этихъ звѣрей, птицъ, гадовъ. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ текстовъ, гдѣ говорится о наружности демоническаго существа: Въ одной греческой молитвѣ противъ Голоѡ—такъ обыкновенно въ греческихъ текстахъ называется это демоническое существо — архангелу Михаилу встрѣтился τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα ἢ μικρὰ Γολοῦ, ἔχουσα τὰς τρίχας αὐτῆς ἕως τῶν πτερνῶν αὐτῆς καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῆς πεπορφωμένους ¹⁾. По старосербскому тексту, напечатанному въ нашихъ „Матеріалахъ“ подъ № 4 строка 3—5, Сисинїй встрѣтилъ „вѣщицу имоущоу власы до земли и очи ни бѣста огнѣнѣ“ ²⁾. Въ однородной сербской же молитвѣ съ именемъ архангела Михаила у вѣщицы „власы до земли и очи огнѣнѣ и зѣбе и рѣке кровавѣ“ ³⁾. По одному русскому заговору ⁴⁾, Сисинїй „обрѣте бѣснца, имуща очи разжены и руде желѣзны и власы верблюжіе“. По румынской молитвѣ, св. Сисой, замѣняющїй здѣсь Сисинїя, встрѣчаетъ „Авщицу крыло сатанино: волосы у ней до пятъ, глаза словно огонь, изъ пасти и изъ всего тѣла исходило пламя.. безобразная видомъ“ ⁵⁾. Когда Сисинїй ловить вѣщицу-Гилу на морѣ, то хватаетъ ее за волосы, попираетъ ногами и бьетъ палицей.

¹⁾ Сада, I. с., стр. 576, № 2.

²⁾ Матеріалы и замѣтки, стр. 36.

³⁾ Starine, XIII, 155.

⁴⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Арханг. губ., ч. 2, № 43; Веселовскїй, Разысканїя, VI—X, стр. 429.

⁵⁾ Веселовскїй, I. с., стр. 48.

На всѣхъ медальонахъ и образкахъ демоническое существо представлено въ видѣ женской головы съ длинными волосами, иногда красивой, а большею частью безобразной; есть изображенія, на которыхъ, кромѣ головы, видны женскія груди (такъ на черниговской медали); есть и такія, на которыхъ представлена болѣе полная женская фигура (см. въ описаніи графа Толстаго №№ 11, 18, 15 табл. XVII, № 2). Изъ женской головы и другихъ частей тѣла, если таковы изображены на медальонахъ, исходятъ змѣи и окружаютъ ее. Въ такомъ видѣ въ апокрифахъ нашихъ демоническое существо не описывается. За то въ нихъ находимъ подробное описаніе разнообразныхъ зловныхъ дѣйствій этого существа. Еслибъ изображать эти зловныя дѣйствія и свойства демона на рисункѣ, то потребовалось бы для каждой „ковни“ дьявольской особое изображеніе. Мы полагаемъ, что змѣи, исходящія изъ головы, символически представляютъ многообразныя „ковни“ дьявола. Въ самыхъ апокрифическихъ легендахъ и молитвахъ есть уже своего рода символизмъ: многообразныя ковни дьявола выражаются въ его именахъ, число которыхъ различно, но типическимъ является число 12. Такъ въ древне-сербскомъ текстѣ, изданномъ въ нашихъ „Матеріалахъ“ подѣ № 1-мъ, находимъ 12 именъ, въ № 4-мъ—13; въ послѣднемъ случаѣ прибавку одного имени можно объяснять тѣмъ, что греческіе тексты говорятъ обыкновенно о двѣнадцати съ половиной именахъ дьявола, при чемъ эта половина тринадцатаго имени является цѣлымъ словомъ или именемъ. Одинъ текстъ у Аллациа ¹⁾ говоритъ о двѣнадцати именахъ, а другой—о двѣнадцати съ половиной и перечисляетъ тринадцать; два текста у Саэм (№ 1 и 2) перечисляютъ двѣнадцать съ половиной именъ, а третій (№ 3) упоминаетъ о двѣнадцати. Имена демоническаго существа какъ въ греческихъ, такъ и славянскихъ текстахъ, весьма разнообразны; многія, очевидно, не греческаго и не славянскаго происхожденія; удобопонятныя имена указываютъ на разные виды зла, причиняемаго демономъ людямъ; при переводѣ греческихъ именъ на славянскій языкъ употребляются иногда описательныя выраженія. Вотъ нѣсколько перечней именъ демона изъ греческихъ и древнихъ славянскихъ текстовъ. Перечень изъ втораго (по изданію г. Веселовскаго) текста Аллациа: 1 Γολοῦ, 2 Μωρρᾶ, 3 Βυζοῦ, 4 Μαρμαροῦ, 5 Πετασία, 6 Πελαγία, 7 Βορδὸνα, 8 Ἀπλετοῦ, 9 Χαμοδράκαινα, 10 Ἀναβαρδαλαία, 11 Ψοχρανοπάστρια, 12 Παιδοπνίκτρια, τὸ ἥμισυ Στρίγλα. Изъ текстовъ

¹⁾ См. въ изданіи *Веселовскаго*, Разысканія, I. с., стр. 91.

изданія Саен № 1: 1 Γολλοῦ, 2 Ἀμορφοῦς, 3 Ἀβοζοῦ, 4 Καρχοῦς, 5 Βριανή, 6 Βαρδαλλοῦς, 7 Αἰγυπτιανή, 8 Βαρνά, 9 Χαρχανιστρέα, 10 Ἀδίκηα, 11..., 12 Μοῦα, τὸ ἤμισον Πετωμένη; № 2: 1 Μανλοῦ, 2 Ἀμορφοῦς, 3 Καρηνχοῦς, 4 Ἀβιζιοῦ, 5 Ἀβιδαζιοῦ, 6 Μαρμαλατοῦς, 7 Καριανή, 8 Ἑλληνοῦς, 9 Ἀριανή, 10 Ἀδίκηα, 11 Χαρχαρίστρια, 12 Μοῦα, τὸ ἤμισον Πετωμένη. Не менѣе разнообразія представляютъ и славянскіе тексты; такъ въ нашихъ „матеріалахъ“ № 1: „а. родъ мой вѣщица .в. мора .г. змиа .д. согны дѣх .е. эванги .з. кже дѣти оузимасть .с. иже дѣти давить и иже штроки кмлетъ .е. иже доуше погубляють .л. иже чѣвкы разбивають .аі. львъ и скоумень .ви. иже всѣмъ твари корить“; № 4: „а. име мок вѣщица, иже въ чѣвка въображатъ се .в. шбратъница .г. шсоурини .д. маригада .е. климента .с. спириноса .з. авериа .и. пастирина .е. селевиа .л. чедомориа .аі. сурида .ви. добраа .гг. прѣобразница“. Не привожу перечней изъ позднѣйшихъ южнославянскихъ, румынскихъ и русскихъ текстовъ; варианты изъ нихъ приведены отчасти въ нашихъ „Матеріалахъ“ подъ №№ 1 и 4 Сисиніевскихъ молитвъ, тамъ же сдѣланы ссылки и на замѣчанія А. Н. Веселовскаго, касавшагося именъ вѣщицы не одинъ разъ.

Злоторная дѣятельность демоническаго существа въ апокрифическихъ легендахъ-молитвахъ изображается не одними именами демона; въ нѣкоторыхъ вариантахъ сама вѣщица—Голоῦ разказываетъ о причиняемомъ ею злѣ. Такъ въ греческомъ текстѣ у Саен № 2 Гилу на вопросъ архангела Михаила: „откуда идешь и куда направляешься“, отвѣчаетъ: „я прихожу въ чей-либо домъ какъ змѣя, какъ драконъ, какъ пресмыкающееся четвероногое, чтобы погубить его; я хожу поражать женщинъ, я причиняю имъ болѣзнь живота (или сердца: ποῦ αὐτοῦς καρδιοπονεῖν) и иссушаю ихъ медоко; я могу задавить и сокрушить; я убиваю дѣтей, ибо имя мое—Παταζαρέα“ (поперница въ славянскихъ текстахъ). Въ сербскомъ текстѣ, въ „Матеріалахъ“ № 3, Сисиній обращается къ вѣщицѣ: „повѣждь ми, что ксть твоя кзнь, дивволе, и рече кмоу. азъ ксмь вѣщица нарекома дивволь. азъ ксмь наставникъ чаротворцемъ всемоу злоу“. Волѣе подробно говоритъ о себѣ вѣщица въ сербскомъ текстѣ № 4. На вопросъ Сисинія: „кто кси ты, камо ли идеши, Ѡкик ли кси страны? Ѡвеща вѣщица и глагола: азъ доубик ис корѣне иземлю и юность женамъ прохождю, иако медвѣдица, и иако голоубица, и иако змиа, и иако кокошь; азъ оудавляю дѣти добрык, азъ творю дѣти въ ноци плакатисе, шсъваю и ипокрываю дѣть (?), тѣмъ слышу се

вѣщица и поперьяница; ѿ срѣды имъ хлѣба изимаю, да имъ силоу измоу. И когда Марія роди Истинное слово Бжже на земли, (идохъ) тамо помоучити ю, да не погублю¹. Въ румынской однородной молитвѣ на вопросъ св. Сисоя авещица говоритъ: „я обращаюсь въ муху, паука, собаку, во всѣ образы видимые и невидимые, и иду соблазнять женщинъ, похищаю юношей, соблазняю ихъ дѣвушекъ въ глубокомъ снѣ“¹).

Въ еврейскихъ сказаніяхъ роль Гилу-вѣщицы играетъ Дилитъ, первая жена Адама; по одному изъ такихъ сказаній, на вопросъ ангеловъ, посланныхъ Господомъ привести удалившуюся отъ Адама Дилитъ, послѣдняя отвѣчаетъ: „оставьте меня, ибо я создана для того, чтобы вредить новорожденнымъ, мальчикамъ до восьми, дѣвочкамъ до двѣнадцати дней отъ роду“²).

Такими чертами описывается въ апокрифическихъ легендахъ и молитвахъ демоническое существо, противъ котораго, по нашему мнѣнію, назначались амулеты—змѣвовики. Въ позднѣйшихъ русскихъ текстахъ многообразныя козни многоименнаго демона являются въ образѣ самостоятельныхъ существъ, обыкновенно 12 дочерей Иродовыхъ или двѣнадцати трысавиць.

Теперь обратимся къ тѣмъ даннымъ въ апокрифическихъ легендахъ и молитвахъ Сисиніевскаго типа, которыя указываютъ на ихъ заклинательное или профилактическое значеніе, съ цѣлью выяснить отношеніе къ нимъ амулетовъ-змѣвовиковъ. Въ представленномъ выше краткомъ изложеніи содержанія легендъ-молитвъ было уже упомянуто, что отъ злобныхъ дѣйствій демоническаго существа человекъ можетъ избавиться средствами, указанными, по легендѣ, самимъ этимъ демономъ. Вотъ относящіяся сюда подробности изъ легендъ. По второму греческому тексту Алляція, Сисиній и Сисинодоръ стали бить Гилу и требовать, чтобъ она не истребляла новорожденныхъ. „Отпустите меня, святые Божіи, Сисиніе и Сисинодоре“, говоритъ имъ она,—„и не убивайте меня до конца. Я скажу вамъ, что нужно сдѣлать, чтобъ я никогда не приходила туда, но удалаясь за 75 стадій“. „Что же намъ нужно сдѣлать, безобразная Гилу?“ Она говоритъ имъ: „Если кто можетъ написать 12¹/₂ моихъ именъ, то я не войду въ домъ раба Божіа такого-то, имѣющаго сію молитву, ни къ сожителю его такому-то, ни къ дѣтямъ ихъ, но буду удалаясь отъ

¹) *Весселовскій*, Разысканія, VI—X, 48.

²) *Весселовскій*, *ibid.*, стр. 51—52.

дома ихъ на 75 стадій⁴. Далѣе слѣдуетъ перечень именъ. Итакъ, запись 12¹/₂ именъ діавола, „сія молитва“ служитъ средствомъ къ прогнанію діавола. То же говорится и въ первомъ текстѣ Аляція, только тамъ діалогъ не вполне выдержанъ, и опущенъ перечень именъ. Гилу говорятъ: „Прошу васъ, святые Божіи, не мучьте меня много. И гдѣ лежитъ этотъ филактерій (τὸ φουλακτήριον τοῦτο), я не войду туда, и гдѣ онъ будетъ прочитанъ, я не буду вредить въ томъ мѣстѣ и убѣгу стадій на 60. И если кто можетъ написать двѣнадцать именъ моихъ, я не обижу дома этого, не буду господствовать надъ этимъ домомъ, не покину его четвероногаго и не буду имѣть власти надъ его членами“. По тексту у Саен № 2, Гилу клянется убѣгать на пятьсотъ миль отъ дома того человѣка, который можетъ написать ея 12¹/₂ именъ. По тексту у Саен № 3, Ἀβιζοῦ (одно изъ именъ того же демона) говоритъ встрѣтившему ее св. Арсенію: „Клянись высотами неба и глубиною моря, не лгу; гдѣ есть 12 моихъ именъ, я не войду въ тотъ домъ и къ младенцу этого дома; имѣющій этотъ филактерій (ἔχοντα τὸ φουλακτήριον τοῦτο) прогонитъ меня отъ своего дома“. Запись именъ демона служитъ предохранительнымъ средствомъ въ румынской молитвѣ съ именемъ св. Сисоя¹⁾ и въ славяно-румынской съ именемъ архангела Михаила²⁾. Въ однородной молитвѣ грузинской али-духъ женскаго пола, гибельный для новорожденныхъ — даетъ клятву не приближаться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произноситься имена этого существа или будетъ находиться хартія съ этими именами³⁾. По одному изъ еврейскихъ сказаній, Лилитъ обѣщаетъ удалиться отовсюду, гдѣ она услышитъ или увидитъ записанными свои семнадцать именъ⁴⁾.

Нѣсколько иначе клятвою демона опредѣляется содержаніе филактерія въ греческомъ текстѣ у Саен № 1 и въ текстахъ славянскихъ: прогоняющую демона силу имѣетъ не только запись именъ діавола, но также и запись имени Сисинія и другихъ святыхъ, равно какъ и запись сказанія о нихъ, то-есть, о томъ, какъ они поймали діавола. Въ текстѣ у Саен № 1 читаемъ: „Святые Божіи, не мучьте много меня, заклинаю васъ кругомъ солнца и рогомъ луны: гдѣ пишется имя ваше и читается дѣяніе ваше (ἡ πολιτεία σας), и 12¹/₂

¹⁾ Веселовскій, *ibid.* 48.

²⁾ *Ibid.*, 50.

³⁾ *Ibid.*, 428.

⁴⁾ *Ibid.*, 52.

именъ монхъ, я не дерзну приблизиться къ дому тому, но убѣгу на три мили отъ дома того“. Въ древнихъ сербскихъ текстахъ, въ № 1 по нашему изданію, клятва вѣщаницы повторяется дважды: строки 51—55: „се кльну: Ѡсегѣ да идѣже име твоѣ (то-есть, Сисинія) лежитъ или молитва твоѣ глетъсе да не приходи тоу ни которы дѣволъ“, строки 83—87: „идѣже име твоѣ славитьсе или молитва твоѣ глетъсе. оу раба бжѣга. име. да не приходитъ тоу ни которы дѣволъ“. Въ текстѣ № 2 говорится: „дѣволъ клетъсе гмѣ исухмѣ .з. пьприщъ бѣжати млѣтвы стѣго сисина“ (стр. 49—50). Въ № 3: „кльну то се стѣи сисине. поѣлоуи ме да бѣжоу имени твоѣго .з. поприщъ. и плоди моиъ .з. и слугамъ моиъмъ да не боудеть тоу чести. оу раба бжѣга: име“ (въ концѣ). Въ сербскомъ текстѣ № 4 вѣщаница разказываетъ св. Сисинію, какъ поймалъ ее архангелъ Михаилъ, когда она шла погубить имѣвшаго родиться Спасителя. „И видѣвъ же архангелъ Михаилъ и кѣтъ ме и шкова ме и рече ми: да ми се Ѡ дѣти прокльнѣши. и рекохъ кмоу: тако ми Бѣ славнаго. не имамъ ти сългати, нѣ истину ти повѣдаю: и тѣко можеть прѣписати имена моиъ, не имамъ власти ношью вѣлѣсти въ хлѣвиноу кмо, ни младѣнца погубити, ни стара ни юна, ни скота кмоу“. Далѣе слѣдуетъ вопросъ архангела Михаила объ именахъ дѣвола и перечень ихъ. Сисиній, выслушавъ разказъ вѣщаницы, говоритъ: „заклинаю же стѣимъ клѣсѣимъ айглоу, кмоу же власть кѣтъ надъ вѣщаницами, да не творити пакости рабоу бжѣю, име, ни котори же рода твоѣго дѣволъ; именемъ моиъмъ да прогонитьсе всаки Ѡ него нечѣсти дѣхъ“. Въ однородной сербской молитвѣ по позднѣйшему тексту вѣщаница клянется: „ко зна моя имена, не могу му ништа, и кои може носитъ са собомъ“. При молитвѣ въ концѣ находится замѣтка: „ова молитва свѣтаго архангела Михаила да буде на помоѣтъ, коме се запише“¹⁾. По одному изъ еврейскихъ сказаній (въ Alphabetum Siracidis), Лилить, на однородность которой съ Голоб—вѣщницей было указано выше, клянется именемъ Бога жива, что гдѣ ни увидитъ на амулетѣ имена или образъ ангеловъ, тамъ она не будетъ приносить вреда дѣтямъ. По другому еврейскому же сказанію (въ Serpher Rasel), первая Ева клялась посланнымъ за нею ангеламъ, что ни она и никто изъ ея сонма не будетъ вредить тамъ, гдѣ она увидитъ имена ангеловъ, ни тому, кто ихъ носитъ на себѣ²⁾.

¹⁾ Starine, X, 283.

²⁾ Веселовскій, Разысканія, VI—X, 52.

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что прогоняющимъ демона средствомъ служатъ: 1) имена демона, 2) имена ангеловъ или святыхъ, поймавшихъ демона и отобравшихъ у него имена и взявшихъ съ него клятву, 3) имена какъ демона, такъ и ангеловъ и святыхъ, наконецъ, 4) вообще молитва противъ діавола, содержащая разказъ о поимѣ его ангелами или святыми и о его „козняхъ“¹⁾. Прогоняющую силу имѣетъ какъ чтеніе молитвы, такъ и простая запись ея и ношеніе съ собою въ качествѣ филактерія, амулета, науза; то же значеніе имѣетъ и изображение ангеловъ (по евр. св.).

Обратимся теперь къ доказательствамъ того, что наши змѣевники представляютъ собою тѣ самые амулеты по своему назначенію, о которыхъ говорится въ приведенныхъ выше цитатахъ изъ легендъ и молитвъ. Само собою разумѣется, что первостепенное значеніе имѣютъ для поставленной цѣли надписи на змѣевникахъ: можно ли ихъ объяснить изъ разсматриваемаго нами апокрифическаго матеріала? Намъ кажется, что изъ этого матеріала возможно объяснить надписи почти вполне. Обратимся къ важнѣйшей изъ нихъ, къ сравнительно длинной греческой надписи, встрѣчающейся на многихъ змѣевникахъ сполна или въ сокращеніи. Впервые (въ 1835 г.) наиболѣе удачно эту надпись прочиталъ Крузе (на основаніи пяти змѣевниковъ) такимъ образомъ: Ὑστέρα μέλανι μελανομένη μελάνη ὡς ὄφις εἰλόησα καὶ ὡς δράκων σπρίζησα καὶ ὡς λέων βρούχησα καὶ ὡς ἀρνίον κομνήματο, и переводилъ: „черная родильница очернила себя зломъ (=яростью), пресмыкалась въ прахъ, какъ змѣй, и шипѣла какъ драконъ (и рычала какъ левъ) и была въ ужасѣ, какъ ягненокъ (когда побѣдилъ ее архангелъ Михаилъ)“. Крузе при этомъ сообщилъ видоизмѣненіе, предложенное Нейкирхомъ въ концѣ надписи: ὡς λέων βρούχασεν ΟΣ ΑΡΝΙΟΝ ΚΤΗΘΗ въ смыслѣ: „когда Агнець Христось былъ зачатъ“. Много лѣтъ спустя (въ 1881 г.) представлено было прекрасное чтеніе и объясненіе надписи Г. С. Дестунисомъ (на основаніи восьми памятниковъ) въ такомъ видѣ: Ὑστέρα μελανή, μελανωμένη, ὡς ὄφις εἰλόεσαι καὶ ὡς δράκων σπρίζεις καὶ ὡς λέων βρουχᾶσαι καὶ ὡς ἀρνίον κομνῶ κομείσαι, то-есть, „Матича (=болѣзнь матичи) черная, почернѣлая, какъ змѣй ты вьешья и какъ драконъ свищешь и какъ левъ рычишь и какъ ягненокъ ^{спнишь} _{сиа}“. По видимому, совершенно независимо отъ чте-

¹⁾ Въ рукописяхъ греческихъ и славянскихъ заглавіе „молитва“ носятъ и тѣ тексты, въ которыхъ разсматривается легенда о Сисиніи и Мелитанѣ.

ній Крузе и Г. С. Дестуниса надпись на извѣстномъ ониксѣ, съ которымъ наши изслѣдователи давно познакомились по изданію Монфокона (см. у гр. Толстаго, № 26) и еще на двухъ эмблевахъ ¹⁾ прочиталъ нѣмецкій ученый В. Френеръ совершенно согласно съ послѣднимъ: ὄστερα μελάνη μελανομένη ὡς ὄφις εἰλόεσαι (καὶ ὡς δράκων σορίσεις) καὶ ὡς λέων βροχᾶσαι καὶ ὡς ἀρνίον κοίμοῦ. Слово ὄστερα онь затрудняется понимать въ прямомъ смыслѣ matrix и, подобно Г. С. Дестунису, предполагаетъ здѣсь персонификацію болѣзни ²⁾. Графъ И. И. Толстой предпочитаетъ держаться чтенія Крузе (см. стр. 398 его статьи) и, какъ было замѣчено выше, относительно состава надписи предполагаетъ вліяніе на него апокалиптическихъ выраженій. Изъ приведенныхъ выше данныхъ однако вѣроятнѣе заключать, что содержаніе надписи навѣяно не Апокалипсисомъ, а вѣрованіемъ въ демоническое существо, отъ котораго можно избавиться заклятіемъ.

Должно прежде всего сознаться, что ни въ одинъ изъ доступныхъ намъ апокрифическихъ текстовъ разсматриваемая надпись не входитъ въ полномъ ея составѣ; но по частямъ можно указать въ нихъ почти всѣ выраженія надписи, не говоря уже объ общемъ сходствѣ въ смыслѣ и образахъ. Начнемъ съ перваго слова надписи—ὄστερα: по аналогіи съ апокрифическими молитвами-заклинаніями, изложенными выше, въ ὄστερα слѣдуетъ предполагать одно изъ именъ того демоническаго существа, противъ котораго назначена запись на амулетѣ. Изъ представленнаго выше апокрифическаго матеріала видно, что заклинаемое демоническое существо получаетъ обыкновенно имя отъ того зла или той болѣзни, которая оно причиняетъ людямъ. Еще Г. С. Дестунисъ и В. Френеръ видѣли въ словѣ ὄστερα — matrix, матица, утроба, олицетвореніе женской болѣзни, Френеръ въ ὄστερα разсматриваемой надписи видитъ демоническое существо.

Выше мы видѣли, что одну изъ главнѣйшихъ козней многоименнаго бѣса, противъ котораго направлены заклятія, составляетъ мученіе рождающихъ женщинъ, истребленіе младенцевъ или во чревѣ

¹⁾ *Philologus*, Supplementband, V, Heft I: Kritische Analecten von W. Fröhner, № 46, S. 42 — 44. См. дополненіе къ статьѣ гр. И. И. Толстаго, стр. 111—113.

²⁾ „Angerufen wird ein dämonisches wesen, das sich windet wie eine schlange, das wie ein löwe brüht, wie ein drache zischt und, in folge der beschwörung, zahm werden soll wie ein lamm.... Um so schwieriger scheint das wort ὄστερα, das in seinem gewöhnlichen sinne (*matrix*) hier nicht erträglich ist, denn es muss von einer personifiziertem Krankheit die rede sein“ (Kritische Analecten, S. 44).

или вскорѣ послѣ рожденія ихъ на свѣтъ. По однимъ легендамъ дѣволъ и пойманъ былъ архангеломъ Михаиломъ въ то время, когда направлялся мучить Дѣву Марію, имѣвшую родить Слово Божіе; по другимъ легендамъ, Сисиній и Синодоръ ловятъ того же дѣвола, когда онъ покидалъ дѣтей Мелитины; по еврейскимъ легендамъ, Лилитъ имѣетъ то же назначеніе. Среди именъ демона, приводимыхъ въ легендахъ, не мало такихъ, которыя прямо указываютъ на мученіе родильницъ или истребленіе дѣтей. Въ греческихъ текстахъ встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ имя Голубъ. Съ этимъ именемъ извѣстно издавна у грековъ женское демоническое существо, покидавшее и пожиравшее новорожденных¹⁾.

Византійскій писатель XI вѣка, знаменитый Михаиль Пселль, сдѣлалъ слѣдующую интересную замѣтку о Гилу: „Гилло, это древнее пресловутое имя, не есть ни демонъ, ни человѣкъ, превратившійся въ звѣря (оборотень). Подобныхъ превращеній философы не допускаютъ... Этого имени не попадалось мнѣ между различными именами и силами демоновъ, извѣстными изъ писателей, изъ сочиненій научныхъ (λογίαις) и изъ волшебныхъ книгъ Порфирія. Только въ одной апокрифической еврейской книгѣ нашелъ я это имя. Авторъ этого сочиненія, подъ именемъ Соломона, выводитъ какъ бы въ драматической пьесѣ, имена и дѣйствія демоновъ, и по его мнѣнію Γιλώ есть сила враждебная рожденію и существованію. Она истребляетъ дѣтей еще въ зародышѣ, а тѣхъ, которыя вышли на свѣтъ, ей опредѣлено губить въ продолженіе года. Затѣмъ ἀδράστεια—судьба связываетъ ее и тѣмъ лишаетъ силы. Въ настоящее время ходячее мнѣніе усваиваетъ эту силу старухамъ—γραιδίαις; онѣ высасываютъ дѣтей и вытягиваютъ изъ нихъ всѣ соки. И вотъ почему женщины, которыя ходятъ за родильницей, называютъ чалыхъ дѣтей γιλώβρωτα, то-есть, съѣденными Гилло“²⁾. Въ той самой апокрифической книгѣ, о которой упоминаетъ Пселль, именно въ Testamentum Solomonis, находится между прочимъ характеристика злаго демоническаго существа съ именемъ Ὀβιζῶθ, которое не со-

¹⁾ Представленія древнихъ и новыхъ грековъ о Гилу см. у *Б. Шмидта*: Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum, 1 Th. Leipzig. 1871, S. 139 — 140; у *Мансветова*, I. с., стр. 29 и у *Веселовскаго*, Разысканія, VI—X, 41—42.

²⁾ Эта статья Пселла напечатана *Аллиемъ*, op. cit., p. 117—118 и *Саевой*, Мес. Вѣст., V, 572—573; мы воспользовались переводомъ Мансветова.

миѣнно тожественно съ 'Αβοζοῦ, 'Αβτοῦ, Βοζοῦ, Авизоя нашихъ апокрифическихъ молитвъ. По „завѣту Соломона“, известному на греческомъ языкѣ ¹⁾, 'Οβζῶθ является Соломону въ числѣ семи женскихъ духовъ, олицетворяющихъ семь планетъ и семь казней, вносимыхъ ими въ родъ людской; о своей спеціальности она говоритъ Соломону: „мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы убивать дѣтей, поражать глухотою уши, слѣпить глаза, смыкать уста узломъ, губить разумъ и знобить тѣло“; „цвѣтъ лица ея былъ свѣтлозеленоватый, волосы жестки какъ у дракона и всѣ члены ея невидимы“. Последняя черта должна для насъ имѣть особую важность: она прямо указываетъ причину изображенія демоническаго существа на змѣбеникахъ въ видѣ одной головы безъ туловища; на нѣкоторыхъ змѣбеникахъ находимъ и жесткіе торчащіе волосы, напримѣръ, на казанской золотой медали (въ описаніи гр. Толстаго, № 2; ср. рисунокъ змѣбеника въ статьѣ гр. Толстаго на стр. 412 внизу, взятый изъ книги Книга). Далѣе, въ числѣ именъ демона въ апокрифическихъ молитвахъ встрѣчается Στρίγλα; а стригла (бѣлор. стрига, чешск. střiha, слов. struga, польск. strzyga, хорв. strigoŭ), по греческимъ и славянскимъ повѣрьямъ, — вѣдьма, опасная беременнымъ женщинамъ, подмѣнивающая и убивающая дѣтей ²⁾.

Въ апокрифахъ нашихъ есть много и другихъ данныхъ, указывающихъ на ту же кознь діавола. Таковы имена παιδοπνίχτρια въ текстѣ Алляція „чедомориа“ въ сербскомъ текстѣ № 4; въ сербск. текстѣ № 1: „иже дѣти оузимають, иже дѣти давить, иже штроки кмлетъ“; въ текстѣ № 2 у Саѡн Голоῦ говоритъ про себя: ἐγὼ ὑπάγω ποιῆσαι γονακῶν πληγὰς, ποιῶ αὐτοὺς καρδιοπονεῖν, καὶ γάλα αὐτῶν ξηραίνω· ἐγὼ συνθλάσαι δύναμαι καὶ κατὰ κράτος δ' αὐτῶν ξαλεῖψαι· ἐγὼ τὰ νήπια ἀποκτένω, τὸ γὰρ ὄνομά μου Παταξάρεια κηλοῦμαι; въ сербскомъ текстѣ № 4 вѣщица между прочимъ такъ описываетъ свои козни: „юность женамъ прохожю, яко мѣдвѣдица, и яко голоубица, и яко змиа, и яко кокошь; азъ оудавляю дѣти добрыи; азъ творю дѣти въ нощи плакатисе... (отъ срѣды имъ хлѣба изимаю, да имъ силу измоу“. Хотя на основаніи вышеизложеннаго можно допустить, что слово ὑστέρα

¹⁾ Изданъ сполна *Флексіемъ* въ *Anecdota Sacra* и *Минемъ* въ *Patrol. curs. compl. ser. graeca*, t. 122; краткая характеристика памятника и изложеніе содержания находятся въ указанной статьѣ *Мансвествова*, которою мы и пользуемся.

²⁾ О стриглѣ см. у *Шмидта*, *op. c.*, стр. 136—138, и у *Веселовскаго*, *ibid.*, стр. 223.

могло стать однимъ изъ именъ демоническаго существа, вреднаго для родильницъ и младенцевъ, но можно также предполагать, въ виду отсутствія этого имени въ апокрифическихъ текстахъ, въ словѣ *ὄστρα* искаженіе или осмысленіе, съ точки зрѣнія греческаго языка, какаго-нибудь иностраннаго, восточнаго слова.

Переходимъ къ эпитетамъ *ὄστρα* въ надписи: *μαλάνη μελανομένη*. По поводу этихъ эпитетовъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе (чего доселѣ не было сдѣлано) на греческій заговоръ въ одной изъ рукописей Григоровича ¹⁾, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ; свѣдѣнія о немъ сообщены И. Д. Мансветовымъ. Заговоръ имѣетъ такое заглавіе: *Ἄπορρητος τῆς αἰῶνος πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ θαυματουργῆς χάτα τῆς αἰῶνος τῆς χαλεπῆς δαιμονος*.

Къ сожалѣнію, письмо въ рукописи такъ не разборчиво, что Мансветовъ могъ прочесть лишь нѣкоторыя фразы. Вотъ начало заговора: *Ὁρχίζο σε πασαν ἀβυσσον καὶ δαιμονιον αἰρα ἀρσενικον, αἰρα θηλοχον, ἀβρα απο τῆς υδατος, ἀβρα απο τῆς αιματος, αἰρα απο μηνματος...* Далѣ слѣдуетъ пропускъ въ связномъ чтеніи, а затѣмъ продолженіе: *καὶ εἶπεν (αρχαγγελος) αὐτῆ· ποθεν ἐρχῆ καὶ υπαγῆς αἰρα μελάνη μιαινομένη τριχειλε χαφαλε καὶ εἶπεν αὐτῶ· ἐγὼ υπαγῶ ἀνθρώπων οοτβα φαγειν τεχνα αὐτων ἀφανίζειν*. Архангелъ призываетъ на демона небесный огонь и заклинаетъ его выйти изъ членовъ (человѣческаго тѣла) и удалиться: *ἀλλ' υπαγε σε εἰς το ορος τα υψιστα καὶ χρυβης (κρηφης) δρακοντος φαγε τα οοτβα αὐτου καὶ πια το αιμα αὐτη...* Неопытное слово *αἰρα*, *ἀβρα* находитъ для себя объясненіе въ томъ же *Testamentum Solomonis*, въ которомъ говорится о *Ὁβιζούθ* и, по словамъ Пселла, о Голубѣ; по *Testamentum Solomonis*, одинъ изъ духовъ при своемъ появленіи поднимаетъ съ земли цѣлое облако пыли и на вопросъ о своемъ имени отвѣчаетъ: „*ἀβρα* — я духъ праха“ ²⁾. По своему составу заговоръ въ рукописи Григоровича близко подходитъ къ молитвамъ отъ „нѣжита“ и „хульнаго бѣса“, очень часто попадающимся въ рукописяхъ юго-славянскихъ и русскихъ ³⁾; очень вѣроятно, что нѣжитъ есть переводъ или замѣна какаго-нибудь имени въ греческихъ текстахъ. Молитвы отъ нѣжита по своему плану напоминаютъ молитвы Сисиніевскія отъ діавола: обменовенно архангелъ,

¹⁾ *Викторовъ*, Описание рукописей В. Григоровича, стр. 46 (Отчетъ Моск. Публ. и Рум. муз. за 1876—1878 гг. М. 1879).

²⁾ *Мансветовъ*, стр. 28.

³⁾ См. цѣлый рядъ ихъ въ *Starine*, XIII, 153—154.

святой и т. д. встрѣчаютъ нѣжита и спрашиваютъ: куда онъ идетъ; нѣжита перечисляетъ свои козни — разныя болѣсти, причиняемыя людямъ. Молитвы отъ нѣжита несомнѣнно возникли первоначально изъ тѣхъ же возрѣній, какъ и другія разсмотрѣнныя нами; и тѣ, и другія находятъ для себя объясненіе отчасти въ Testamentum Solomonis ¹⁾. Приведу здѣсь одну краткую, къ сожалѣнію, не вполне пудобоювную „Молитвою шть нежита“ по сербскому списку XVI в.: „Благи домовникъ, лоукава домовница, тако ми прострѣтѣа лознаго, иди немоци шть раба божѣа име р. тако же и змиа шть лонца тврьда тврьдѣа чръниа почрънено съ меднимъ препласанѣкмъ и съ меденими шбѣщамѣ; шчо грѣдешъ тако кокошь, искать ткоже елень медь по медь; приди въ мѣсто твое дваставное съ седамъ десеты noktи твоими. Станемъ добре, станемъ съ страхомъ“. Несомнѣнно, въ этой молитвѣ много искаженій, но она по своей формѣ, и по нѣкоторымъ выраженіямъ отчасти напоминаетъ нашу греческую надпись на змѣевикахъ, къ которой теперь и возвратимся. Въ греческомъ заговорѣ изъ рукописи Григоровича демоническое существо *ἄβρα* носить эпитеты: *μελανη μεινομενη τριχειλε κεφαλε*. *Μελάνη* вполне совпадаетъ съ эпитетомъ *ὄστερα* въ надписи. Что касается *μεινομενη* то быть можетъ, читалось прежде въ текстѣ *μελανομένη*, какъ въ надписи; но если правильно *μεινομένη* — „запачканная“, „оскверненная“, то и этотъ эпитетъ имѣетъ приблизительно тотъ же смыслъ, что и *μελανομενη*, и соотвѣтствуетъ эпитетамъ *Γολοῦ* въ легендахъ: *μοσαρά, μαρά, μαρά καὶ ἀχάθαρτος*. Какъ эпитетами *μεινομενη* и *τριχειλε κεφαλε* — „волосатая голова“ — демоническое существо *ἄβρα* сближается съ волосатой северною *Γολοῦ* — вѣщицей Сисиніевскихъ молитвъ: такъ эпитетомъ *μελανη* *ἄβρα* сближается съ демоническимъ существомъ надписи.

Не лишне упомянуть къ *μελανη* еще о томъ, что въ одномъ румыно-славянскомъ текстѣ молитвы противъ Авизои приводится 11-ое имя ея: „чръни“... (не прочитано сполна) ²⁾. Въ упомянутой ранѣе грузинской молитвѣ противъ демона али, состоящей собственно изъ двухъ молитвъ, въ послѣдней говорится: „Явились св. архангелы Михаилъ и Гавріилъ; вышелъ черныи всадникъ, веда чернаго коня, въ черной сбруѣ, съ черною плетью. Сълъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: куда ѣдешь,

¹⁾ *Мансветовъ*, 28.

²⁾ *Веселовскій*, Размысканія, VI—X, 50.

злодѣи смраднѣи, съ зубами ядовитыми? Отстань отъ сего раба божія и войди въ голову дракона. Христось, Богъ милосердія, благности и отрады! помоги, Матерь Христа Марія, и даруй облегченіе рабу Божию¹⁾. Первая составная часть этой молитвы, какъ мы видѣли ранѣе, принадлежитъ къ типу Сисиніевскихъ, а вторая, сейчасъ приведенная, близко подходитъ къ греческому заговору Григоровича и молитвамъ отъ нѣжита.

Перейдемъ къ дальнѣйшимъ подробностямъ греческой надписи, къ тѣмъ образамъ, въ которыхъ представляется злотворная дѣятельность заклинаемаго демоническаго существа: ὡς ὄφις ἀλώεσσαι καὶ ὡς δράκων σπιρίσεις καὶ ὡς λέων βροχᾶσαι καὶ ὡς ἀρνίον κομποῦ (κοιμεῖσαι). Во второмъ текстѣ у Саенъ Голоу говоритъ: ἐγὼ ἀπέρχομαι εἰς οἶκον τινός, ὡς ὄφις, ὡς δράκων...²⁾. Въ древне-сербскомъ текстѣ въ нашемъ изданіи № 4 вѣщица говоритъ: „азъ... юность женамъ прохождю. ѣако и медвѣдица, и ѣако голуубица, и ѣако змиа“. Въ числѣ именъ вѣщицы въ сербскомъ текстѣ № 1 встрѣчаемъ: змиа, лвъ и скоумень; въ греческомъ текстѣ у Аллациа—Χαροδράκαινα. Сравненія съ агнцемъ-ягненкомъ въ нашемъ матеріалѣ не встрѣтилось, но изъ приведенныхъ ранѣе данныхъ видно, что козни діавола сравниваются не только съ дѣйствіями страшныхъ существъ, но и вроткихъ, напримѣръ, голуубицы; въ числѣ именъ есть добрая (12-ое имя сербск. текста № 4).

Въ Сисиніевской легендѣ есть основаніе для толкованія ἀρνίον въ смыслѣ Агнца-Христа: демонъ былъ пойманъ архангеломъ Михаиломъ въ то время, когда шелъ повредить Его рожденію; но большая часть толкователей надписи читаютъ не κομποῦ, какъ читалъ Нейкирхъ, а κοιμεῖσαι.

Итакъ, большая греческая надпись на змѣевикахъ представляетъ, по нашему мнѣнію, отрывокъ изъ заклинительной легенды молитвы Сисиніевскаго типа противъ многоименнаго демоническаго существа, принимающаго на себя различные образы, чтобы вредить людямъ.

Теперь обратимся къ другимъ надписямъ на змѣевикахъ. На многихъ изъ нихъ находятса надписи, большею частью въ сокращеніи, какъ на греческомъ языкѣ, такъ и на славянскомъ: Ἅγιος, ἄγιος, ἄγιος Κύριος Σαβαώθ, πλήρης ὁ οὐρανός καὶ γῆ τῆς δόξης σου: „Святъ,

¹⁾ Ibid., 428.

²⁾ Ср. въ сербск. текстѣ Ковачевича, Starine, X, 283: „на самъ вѣщица и улазмиъ у кућу ка и змиа“.

святъ, святъ Господь Саввоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея¹. Надпись эта находится на медальонахъ или на той сторонѣ, гдѣ изображена женская головка со змѣями (въ описаніи гр. Толстаго №№ 7—13, на змѣевикахъ у Френера № 3 и у Кинга, снимокъ съ котораго представленъ въ концѣ статьи гр. Толстаго), или же при изображеніи архангела Михаила или другихъ святыхъ. Въ нашемъ апокрифическомъ матеріалѣ находимъ достаточныя данныя для объясненія этой надписи въ связи съ изображеніями. Демоническое существо, пойманное ангелами или святыми, обѣщаясь не вредить людямъ, клянется именемъ Божиимъ; ангелы и святые также именемъ Божиимъ заклинають діавола. Клятвы эти въ текстахъ выражаются не одинаково, но нѣкоторыя изъ нихъ прямо содержатъ разсматриваемую надпись. Въ сербскомъ текстѣ № 1 (строка 78 и слѣд.) діаволь клянется: „тако ми сили .м. пповь, еже поуть шкртъ престола гна днь и ноць же вочивающе. и мышце гне высокымъ же ксть въ вѣкы“. Здѣсь, конечно, разумѣется пѣснь „Святъ, святъ святъ“ и пр.; заклианіе попадаетъ также и въ другихъ молитвахъ, напримѣръ, въ сербской заклианательной молитвѣ, „идѣже миши начнути жита гати“: „проклианамъ ви .кд. священники кои литургиясаю богу: светъ, светъ, светъ“¹). Въ сербскомъ текстѣ № 2 вѣщица клянется именемъ Господа Иисуса; въ текстѣ № 4 вѣщица клянется архангелу Михаилу: „тако ми ба славнаго“. Въ „заклианіи діавола“, надписанномъ именемъ св. Сисина и нанечатанномъ въ нашихъ „Матеріалахъ“ подъ № 10, встрѣчаемъ такую тираду въ концѣ: „заклинаю те, дивволе, сѣдшимъ на прѣстолѣ велицѣ и страшнѣмъ, прѣдъ нимъ же рѣка огньна течеть и въ ню грѣшны... метають и тебе, дивволе; кмоу же прѣдъстанеть англи ти соуще, архангли, херовими и серафим(и слоу)жеще выпиють всклианіемъ: сть, сть, сть гь са(вя)ють, благословень кси“... Въ сербской же молитвѣ съ именемъ архангела Михаила вѣщица клянется: „тако ми небесного Господа Бога Савашта“²); въ другомъ спискѣ той же молитвы: „тако ли (чит. ми) Господи (чит. да) Савашта“³). Вообще славословіе „Святъ, святъ“ и пр. встрѣчается во многихъ заклиан-

¹) Starine, XIII, 159. 24 священника, вѣроятно, 24 апокалипсическіе старца, окружающіе престолъ Господень и вмѣстѣ съ небесными силами воспѣвающіе славословіе Богу. Апокалипсисъ, гл. 4.

²) Starine, XII, 155.

³) Starine, X, 283.

ніяхъ ¹⁾). Лилить (въ Alphabetum Sigacidis) клянется именемъ Бога жива.

Итакъ, надпись на змѣвникахъ: „Святъ, святъ и пр.“ можно разсматривать или какъ клятву демона, какъ бы напоминающую ему о томъ, что онъ обѣщаль убѣгать оттуда, гдѣ увидитъ амулетъ, или же какъ заклатіе, направленное противъ демона; на змѣвникахъ надпись эта встрѣчается, какъ совмѣстно съ разсмотрѣнною выше пространною греческою надписью, такъ и безъ нея. Присутствіе на амулетахъ имени Божія Саваоѣ аналогично съ надписью великаго имени Божія на печати Соломона, при помощи которой онъ господствовалъ надъ демономъ.

На многихъ медальонахъ находятся надписи, содержащія молитвенныя обращенія къ Христу, Богородицѣ, архангелу Михаилу, на примѣръ, „Господи, помози рабѣ своей Евдотіѣ“, „Господи, помози рабу своему Андрѣви“ (у гр. Толстаго № 3); „Господи, помози рабу своему Василию“ (№ 1), „Господи, помози рабѣ своей (Елисаѣ)“, „свѣте Михаиле, ... (помилуй)“ (№ 4), „Господи, помози рабу своему Петрови“ (№ 5) ²⁾; ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΒΟΗΘΗ ΤΩΝ ΕΧΟΝΤΑ СЕ ΑΜΗ(Ν) (№№ 7—11); ΘΚΕ ΦΡΟΥΡΗ ΦΥΛΑΤΤΕ...

(№ 12); ΘΟΤΟΚΕ ΒΟΗ.

ΘΕΙ ΤΗ СΗ ΔΟΥΔΗ ΕΙΡΗΝΗ (№ 25). Въ соотвѣтствіе такимъ надписямъ на змѣвникахъ въ греческихъ и славянскихъ рукописяхъ находимъ, вслѣдъ за легендами-молитвами Сисиніевскаго типа, краткія молитвы обращенія ко Христу, Богородицѣ и Святымъ; въ этихъ молитвахъ испрашивается помощь противъ діавола рабу Божию такомуто. Такъ въ изданіи Сисиніевскихъ легендъ-молитвъ Аллѣція вслѣдъ за послѣдними находимъ краткія молитвенныя обращенія въ такомъ родѣ: Ἄγιε Σισυνίε καὶ Συνίδορε, βοηθήσατε τὸν δούλον τοῦ θεοῦ τὸν δεῖνα, καὶ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, καὶ τῶν τέκνων αὐτῶν, τῶν ἐχόντων τὸ φυλακτήριον τοῦτο. Далѣе слѣдуетъ прошеніе о прогнаніи Гилу. Затѣмъ слѣдуютъ подобныя же обращенія къ свв. Потапію, Маринѣ, Николаю Чудотворцу, Георгію, Θεодору Тирону и Стратилату; наконецъ, болѣе пространныя молитвы—Христу и Богородицѣ. Вотъ нѣсколько фразъ изъ нихъ: Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ... εἰσακούσόν μου τοῦ δούλου σου, δεομένου... ἴνα... ἐξαποστείλῃς ἄγγελον φωτεινὸν φρουρεῖν καὶ σκέπειν τὰ τέκνα τοῦ δούλου σου τοῦ δεῖνος... Φύλαξον αὐτούς,

¹⁾ Ср. Starine, XIII, 156, мол. 10.

²⁾ Правописаніе надписей здѣсь не удержано.

χύριε, ἀπὸ παντὸς πονηροῦ καὶ ἀπὸ δαμιονίου μεσεμβρινοῦ καὶ νοκтериноῦ καὶ ἀπὸ πνευμάτων πονηρῶν, καὶ ἀπὸ τὴν μιὰν Γυλοῦν.—Εὐχὴ εἰς τὴν ὑπεραγίον θεοτόχον... Δέομαι οὖν, δέσποινά μου, τὴν σὴν ὀξυτάτην βοήθειαν... φύλαξον τὰ τέκνα τῶν δούλων σου... καὶ ἐξαπόστειλον ἄγγελον φωτεινὸν ἐπ' αὐτοὺς τοῦ φρουρεῖν καὶ φυλάττειν αὐτοὺς ἀπὸ παντὸς κακοῦ... καὶ ἀπὸ τὴν μιὰν Γυλοῦν ¹⁾). Въ древней сербской рукописи, по которой изданы цитованныя выше Сисиніевскія легенды-молитвы, вслѣдъ за послѣдними находятъся молитвы отъ діавола къ Господу и святымъ и заклинанія именемъ Господа, Богородицы и святыхъ. Въ молитвѣ № 8, по изданію въ нашихъ „Матеріалахъ“, читаемъ: „Гѣ прѣсты Ѡче .все могои бѣ вѣчны, Ѡрини дигвола въ бездноу. Ѡ раба бѣжиа име р.“ и пр. Въ молитвѣ № 5 строки 30—34: „ты гѣ... избави раба твоего сего име р. Ѡ всакоѣ неприазни“.

Для аналогіи полезно припомнить, что по Testamentum Solomonis подобное разсматриваемымъ надписямъ воззваніе къ Богу (извѣстному имени Божію) прогоняетъ бѣса. Одинъ изъ духовъ, явившись къ Соломону, говоритъ: „я называюсь рыба (имя въ связи съ названіемъ знаковъ зодіака), жилы расслабляю и разрушаю, но когда услышу: „адоналфъ помощи“, тотчасъ уйду!“ ²⁾.

Очень интересна надпись на змѣевикѣ, на одной сторонѣ котораго изображены семь спящихъ ефесскихъ отроковъ (у гр. Толстаго № 22) съ надписью ихъ именъ. Круговая надпись гласитъ ³⁾: „Господи Іисусе Христе, давший сонъ 7 отрокомъ въ Ефесстей горѣ, даждь и (нам)а рабома своима Георгію, Христинѣ сонъ животенъ и миренъ угаси силу огненную, аминь“. Другая надпись при изображеніи головы со змѣями читается приблизительно такъ: „Господи, помози рабома своима, нареченнома во святоѣмъ крещеніи Маріи (должно бы быть—Георгію) и Христинѣ (пропускаемъ не вполнѣ прочтанныя слова содержація въ себѣ, вѣроятно, мірскія имена Георгія и Христины) съ старѣйшею дчерію (вѣроятно Марія—ея имя), аминь“. Вторая изъ этихъ надписей относится къ разряду только-что разобранныхъ, первая же представляетъ собою цѣлую молитву изъ числа тѣхъ, которыя часто попадаются въ требникахъ и назначаются для

¹⁾ См. у *Весселовскаго*, I. с., стр. 94—96.

²⁾ *Мансметовъ*, I. с., стр. 27.

³⁾ Приводимъ надпись, удерживая лишь порядокъ словъ и сохраняя смыслъ, но не соблюдая правописанія подлинника. Ср. чтенія гг. Прозоровскаго, Флякмонова, гр. Толстаго въ трудѣ послѣдняго, стр. 387.

отвращенія разныхъ напастей и болѣзней. Особенно много такихъ молитвъ находится въ извѣстномъ глаголическомъ Синайскомъ требникѣ; нерѣдко въ нихъ попадается и апокрифическій элементъ. Составитель молитвы беретъ обыкновенно какую-либо подходящую къ данному случаю черту изъ жизни святаго или Спасителя и отсюда приходитъ къ моленію объ избавленіи отъ напасти или въ заклинанію діавола или болѣзни ¹⁾. Разсматриваемая надпись на змѣевикѣ имѣетъ то же значеніе, что и большая греческая надпись *ὁστέρα μαλάκην* и пр., только она имѣетъ вполне православное христіанское содержаніе. Разсматриваемая надпись-молитва назначается для предохраненія отъ напастей во снѣ. Выше было достаточно уже приведено указаній, что многоименное демоническое существо нашихъ апокрифическихъ молитвъ особенно опасно женщинамъ и дѣтямъ во снѣ и ночью. Изъ рукописныхъ текстовъ видно, что молитвы Сисиніевскаго типа иногда спеціально читались въ ночь. Вотъ одна изъ такихъ молитвъ по древнему сербскому тексту: „м(о)л(итва) Ѡ злаго дѣа. Въ првы чѣ ноци приде Хсь на землю—землѣ потр(есе)т(ь)се и ѣбса подвизаш(е)се; Ѡстоупи, лоукавы дѣяволе, Ѡ раба бжита, имѣ... здѣ... Стои Маріе матери него, гже породи присносѣци свѣтъ. и ѡзари ситанамъ си всего мира; здѣ Кѡзьма и Даміанъ; адѣ Вартоломѣи и Сисиньдоурь: да ижденоуть лоукаваго дѣявола, да бѣжитъ Ѡ мѣста сего .т. поприць, идѣже вланається рабъ бжи, имѣ, спати хочеть, славе Ѡпа и сѣа и сѣго дѣа ²⁾. Чудесный сонъ семи эфесскихъ отроковъ есть, такъ сказать, эпическая часть, элементъ для сравненія, составляющій необходимую принадлежность почти всѣхъ заклинаній и заклинательныхъ молитвъ. Обращеніе къ семи эфесскимъ отрокамъ или упоминаніе о нихъ нерѣдко встрѣчаются въ молитвахъ отъ разныхъ напастей. Такъ въ сербской молитвѣ „всѣмъ святымъ надъ всякою болѣзнью“ между прочимъ говорится: „Светы .Б. отрокъ иже въ ефесѣ, посѣтите раба своего ³⁾. Семь отроковъ упоминаются и въ греческихъ молитвахъ ⁴⁾. Остальныя, до-

¹⁾ См. статью Мансветова о Синайскомъ требникѣ въ *Приб. къ твор. св. отцовъ* 1883 г., кн. III, стр. 361; ср. наши Матеріалы и замѣтки, в. 1, стр. 39—40.

²⁾ Матеріалы и замѣтки, стр. 42—43.

³⁾ *Stargine*, X, 281.

⁴⁾ Профессоръ Казанской духовной академіи Н. Красносельцевъ въ статьѣ: „Славянскія рукописи патріаршей бібліотеки въ Іерусалимѣ“ (*Прав. Собесѣдн.* 1888, декабрь, приложение) описываетъ обширный греческій рукописный сбор-

сель не рассмотрѣнныя нами надписи на змѣевикахъ состоятъ изъ именъ тѣхъ святыхъ, которые изображены на амулетахъ, и объясняются въ связи съ этими изображениями. Къ рассмотрѣнію послѣднихъ мы теперь и приступимъ.

На шести экземплярахъ змѣевиковъ (№№ 1—6 въ описаніи гр. Толстаго) изображенъ архангелъ Михаилъ въ стоячемъ положеніи съ жезломъ въ правой рукѣ и съ державой въ лѣвой (державу въ лѣвой рукѣ не вездѣ можно хорошо отличить). На двухъ амулетахъ (№№ 4 и 5) архангелъ Михаилъ попираетъ діавола-змія ногами и поражаетъ жезломъ въ голову. При изображеніи архангела Михаила на большинствѣ памятниковъ находится надпись его имени.

Изображеніе архангела Михаила на амулетѣ, назначаемомъ для прогнанія діавола, понятно, изъ общехристіанскаго представленія объ этомъ архангелѣ, какъ о побѣдителѣ сатаны. Но въ разсматриваемомъ нами апокрифическомъ матеріалѣ, какъ мы видѣли уже ранѣе, архангелу Михаилу усваивается особая роль побѣдителя и прогонителя многоименнаго бѣса, причиняющаго разнородный вредъ людямъ. По многимъ вариантамъ молитвы Сисиніевскаго типа, ловцомъ и прогонителемъ многоименнаго діавола является архангелъ Михаилъ: такъ въ греческомъ текстѣ у Саенъ № 2, въ сербской молитвѣ, напечатанной въ *Starinah* X, 283 и XIII, 155, въ русскихъ заклинаніяхъ, въ одной славяно-румынской молитвѣ и въ вариантахъ румынскихъ¹⁾; по одному изъ напечатанныхъ нами древнихъ сербскихъ текстовъ (№ 4), вѣщница рассказываетъ Сисинію, какъ поймалъ ее архангелъ Михаилъ, когда она шла къ Дѣвѣ Маріи, и какъ отобралъ у нея средство для прогнанія—ея имена; по другому изъ древне-сербскихъ вариантовъ (№ 1), Сисиній получаетъ власть надъ демономъ отъ ангела. Въ еврейскихъ сказаніяхъ ловцами Лилитъ являются ангелы. Въ очень близкихъ къ молитвамъ Сисиніевскаго типа—молитвахъ отъ нѣжита,

ивнѣ 1774 г. библіотеки православной евангелической школы въ Смирнѣ, содержащій въ себѣ цѣлый рядъ послѣдованій, отдѣльныхъ молитвъ и заклинаній, читаемыхъ надъ страдающими отъ духовъ нечистыхъ; въ той же статьѣ подъ № 22 описанъ часословъ сербской рецензіи конца XIV в., содержащій въ себѣ множество апокрифическихъ молитвъ; въ одной изъ молитвъ: „*Ū zla dĕa nâ bolĕ vsademĕ*“ упоминается семь отроковъ воескихъ. Еслибы всѣ упоминаемыя г. Красносельцевымъ славянскія и греческія апокрифическія молитвы были изданы, то онѣ доставляли бы несомнѣнно не мало матеріала для разработки и нашей темы.

¹⁾ *Веселовскій*, Разысканія, 49—50; Замѣтки по литературѣ и нар. слов., стр. 87 и сл.

упоминавшихся ранѣе, также являются обыкновенно ангелы. По нашему мнѣнію, въ легендахъ-молитвахъ Сисиніевскаго типа имена ангеловъ древнѣе именъ Сисинія и его братьевъ. Не лишено значенія сдѣланное Гастеромъ сближеніе имени Сисинія съ однимъ изъ именъ ангеловъ въ еврейскомъ Alphabetum Stracidis: *Susnuv* ¹⁾.

Попирание ногами діавола и пораженіе его жезломъ, представленное на нѣкоторыхъ рисункахъ, опять вполне согласно съ данными въ легендахъ-молитвахъ. Когда Сисиній вытащилъ вѣщицу изъ моря, „начеть бити палицею желѣвною и шгнѡю“ (Матеріалы № 1); по сербскому тексту *Stagine*, XIII, 155, архангелъ Михаилъ бьетъ вѣщицу „гвоздеом (то-есть, желѣвною) и шгненом палицом“; по сербскому тексту въ Матеріалахъ № 2, братья (Сисиній, Синодоръ, Теодоръ), поймавши вѣщицу, „перѣхоу и ногами своими“; по тексту № 3, Сисиній „похвати дѣлавола и ста кмоу на ши“; по тексту № 4, вѣщица говоритъ: „архангль Михаилъ ...къте ме и шкова ме“. Въ греческихъ текстахъ, какъ съ именемъ Сисинія, такъ и архангела Михаила, говорится то же: Гилу повергаютъ на землю и бьютъ, мучать.

На одномъ изъ змѣвниковъ, у графа Толстаго № 21, представлены два всадника, быстро скачущіе на коняхъ; у одного виднѣнъ въ правой рукѣ жезлъ или копье. Надписи нѣтъ; не извѣстно, почему Д. И. Прозоровскій признаетъ во всадникахъ Ѳеодора Тирона и Ѳеодора Стратилата. Но Ѳеодоръ Тиронъ и Ѳеодоръ Стратилатъ, на сколько мы знаемъ, изображаются обыкновенно тяжело вооруженными пѣшими воинами. Нельзя ли въ двухъ скачущихъ всадникахъ признать изображеніе преслѣдующихъ діавола Сисинія и Синодора, которые въ легендахъ изображаются всадниками? По обѣимъ греческимъ легендамъ Алляціи и по № 1 Саонъ, Сисиній съ братьями изображаются всадниками; на коняхъ они преслѣдуютъ Гилу, похитившую дѣтей сестры ихъ Мелитины; по краткому варианту Алляціи, кони Сисинія и его братьевъ — крылато вознуданные, *πτεροφάλινοι*. Въ старо-сербскихъ текстахъ (№№ 1 и 3) Сисиній является также всадникомъ.

На двухъ змѣвникахъ встрѣчаемъ изображеніе святаго въ видѣ тяжело вооруженнаго пѣшаго воина (№№ 19 и 21); при одномъ изображеніи отчетливо видна надпись „агвасъ Ѳедъръ“; при другомъ менѣе ясная надпись, но вѣроятно, такая же. Этотъ Ѳеодоръ признается изслѣдователями Ѳеодоромъ Стратилатомъ. На трехъ змѣвникахъ-образкахъ (№№ 30—32) изображенъ Ѳеодоръ Тиронъ, копьемъ

¹⁾ *Веселовскій*, Ръвысканія, VI—X, 53.

поражающій змѣя въ пасть. Всѣ эти змѣевники мѣдные и русскаго (вѣроятно, сравнительно поздняго) происхожденія. Причины помѣщенія изображеній этихъ святыхъ понятны: извѣстное чудо со змѣемъ Феодора Тирона разказывается иногда и о Феодорѣ Стратилатѣ (впрочемъ, въ надписяхъ на змѣевникахъ находимъ только просто Феодоръ или Феодоръ Тиронъ), и эти святые змѣеборцы легко могли стать замѣстителями ловцовъ діавола Сисинія и Синодора, тѣмъ болѣе, что имя Синодоръ давало по созвучію поводъ къ замѣнѣ болѣе извѣстнымъ именемъ святаго Феодора; не лишено значенія и то обстоятельство, что въ одномъ изъ древнихъ сербскихъ текстовъ одинъ изъ братьевъ Сисинія называется Теодоръ (въ Матеріалахъ № 2: „Сисинъ синьдоръ теодоръ“). Въ сказаніи о пораженіи Феодоромъ Тирономъ змѣя есть нѣкоторыя черты, общія съ сказаніемъ о поимкѣ многоименнаго діавола Сисиніемъ или архангеломъ Михаиломъ. Битва Феодора со змѣемъ происходитъ по поводу похищенія змѣемъ женщины, матери Феодора: Сисиній ловитъ и мучитъ діавола по поводу преслѣдованія діаволомъ Мелентіи, сестры Сисинія, архангелъ Михаилъ то же дѣлаетъ съ діаволомъ, когда послѣдній шелъ мучить Богородицу. У діавола — Гилу, вѣщицы — двѣнадцать именъ (по нѣкоторымъ вариантамъ, эти имена обозначаютъ какъ бы имена дѣтей бѣса — „плоди мои“, говоритъ вѣщица въ древне-сербскомъ текстѣ № 3), у змѣя, похитившаго мать Феодора, — двѣнадцать змѣенышевъ, терзающихъ женщину. На одномъ изъ образковъ (№ 32) сверху изображена женская голова, окруженная двѣнадцатью змѣями, а ниже — святой, поражающій змѣя въ пасть; подъ первымъ изображеніемъ съ правой стороны находится надпись: „мити Федора тирона“, надъ вторымъ — „Федоръ“. Если „мити“ читать „мати“ (или греч. „митар“, ср. на змѣевикѣ № 19: „агнасъ Федъръ“), то можно полагать, что такая надпись внушена тѣмъ, что традиціонное изображеніе многоименнаго демона въ видѣ женской головы, окруженной змѣями, понятно было, подъ влияніемъ сказанія о чудѣ Феодора, какъ изображеніе его матери, окруженною двѣнадцатью змѣенышами ¹⁾.

¹⁾ Въ сказаніи о чудѣ Феодора Тирона читаемъ: „Рабъ же Божій Феодоръ вииде въ жилище змѣено и обрѣтъ матеръ свою яко украшену, златомъ и серебромъ покрыту, 12 змѣй великихъ остегнули ю и аспіда мерьская предъ нею“ (Памятники Стар. Русск. Литературы, в. III, стр. 144); по другому списку: „Двадцать змѣй великихъ облегли ю“ (*Христ. Древности и археологія—Прохорова*, кн. V (1864 г.), стр. 62); Феодоръ „видѣ издалеца матеръ свою, сздашу, яко дѣву украшенну златомъ и бисеромъ, и покрыту двѣнадцати змѣями, и кругъ ея

На двухъ змѣвникахъ въ видѣ образковъ (№№ 32 и 33) изображенъ мученикъ Никита, держащій лѣвою рукою діавола за волосы, а правою поражающій его. Извѣстно каноническое житіе мученика Никиты Готескаго (напеч. въ Макар. Минеяхъ 15-е сентября) и апокрифическое—Никиты, сына царя Максиміана (напечатано въ Памятникахъ стар. русск. литературы, в. III, стр. 146—146); часто встрѣчающееся, на металлическомъ маленькомъ образкѣ изображеніе Никиты, поражающаго діавола (см. напримѣръ, А. К. Жизневскаго, Описание Тверскаго музея, №№ 139, 148, 289 473—476 и др.), относится къ сему послѣднему Никитѣ и основано на его апокрифическомъ житіи, въ которомъ между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Повелѣ царь окovati святаго Никиту и всадити въ темницу. Діаволь же оболокъся въ ангельскую одежду и иде въ темницу, глагола ему: „Радуйся, мучениче христовъ Никито!“ Блаженный же отвѣща: „Кто есть принося ми цѣлованіе?“ Діаволь же рече: „Азъ есмь ангель Господень, съ небеси сндохъ глаголати къ тобѣ, да пожреша богомъ кумирьскимъ и паки же послѣди помолитися Богу своему, да не въ многи муки себе въведеша“. Блаженный же, въздѣвъ руди свои на небо, и поклони колѣни свои на землю, помолися, глагола: „Господи, покажи ми, кто есть глаголай со мною, еже ми не на пользу глаголетъ?“. И спедь архангелъ Господень Михаилъ, глагола ему: „Простри руку свою, мученикъ христовъ Никито, и удержи, то ти самъ о собѣ глаголетъ“. Простре же блаженный руку свою, ятъ дьявола и поверже подъ собою и наступи на шею его и задави и снемъ оковы, яже бяху на ногу его, и бьяше дьявола оковами, глагола: „Рци ми, демони бѣсѣ, кто тя послалъ сѣмо?“ Бѣсѣ же рече: „Страстотерпче Божій, ослаби ми ногу твою, и азъ ти глаголю: послалъ мя есть отецъ мой Сатана, придохъ къ тебѣ“. И рече ему святій Никита: „Скверны, нечистый, како еси дрзнулъ внити сѣмо?“ Глагола ему бѣсѣ: „Святче Божій, яко же ты тщишия вѣнецъ пріяти отъ руки Вседръжителя, тако же и мы тщимся, да благодарственна отъ отца нашего Сатаны примемъ“. Глагола ему страстотерпце: „Рци ми, бѣсѣ, что ся нарицается имя твое?“ И глагола ему бѣсѣ: „Азъ есмь нарицаемый Вельзаулъ. Азъ есмь борися со епископы, въводя въ гнѣвъ: азъ есмь въводя человекы въ огонь, и въ водахъ потопляю;

множество змѣвъ и гадовъ (Рукопись XVII вѣка, принадл. намъ). Въ греческомъ текстѣ: καὶ εὐρεν τὴν μητέρα αὐτοῦ ὡς χόρην ἐπὶ δίφρου καθεζομένην καὶ δόξα δόξαις κόχλω αὐτῆς. Καὶ ἀσπίδα μαρὰ ἔχετο ἐμπροσθεν αὐτῆς (см. А. Н. Веселовскаго, Разысканія, I, стр. 19).

азъ есмь творай челоуѣкомъ въ всемъ съгрѣшати и изды даяти же намъ ... Азъ есмь творя челоуѣкомъ, да молвятъ, яко онъ пощ грѣшенъ есть, да мы отъ руки его команіе не примемъ¹. Рѣчь демона въ данномъ спискѣ прервана обличеніемъ раздѣляющихъ послѣднее мнѣніе¹). Въ похвальномъ словѣ Аркадія, архіепископа Кипрскаго, „на пречестную память святаго велико-хрестова мученика Никиты“, напечатанномъ въ Минеяхъ митрополита Макарія (15-го сентября) и относящемся несомнѣнно къ Никитѣ апокрифическаго житія, а не къ Готескому, читаемъ слѣдующую тираду: „Никита воинномъ оружіе непобѣдимое; Никита царствія поборець. Никита воздѣланымъ совоздѣланникъ и путникамъ наставникъ, Никита плавающимъ крѣмниче, Никита озлобленнымъ отмститель и лжущимъ обличитель, Никита плачущихся утѣшитель и крѣпкихъ благолѣпіе, Никита сирымъ предстатель и вдовицамъ питатель, Никита пристанище и же пустыняхъ скитающимся пастырь, Никита болящимъ врачъ и прибогающимъ просвѣтитель, Никита плѣннымъ предстатель, Никита паствамъ стражъ игуменомъ благословеніе, Никита боримыхъ утѣха, алчущимъ питатель и нагихъ одѣтель, Никита искушающимъ мость и миру утвержденіе, Никита бѣсомъ губитель, еллиномъ раздружитель и вѣры правитель“²). Въ спискахъ сказанія о мученіи Никиты находятся обыкновенно записи въ родѣ слѣдующихъ: „Да идѣже слышится святое чтеніе честнаго и славнаго мученика Христова, врача Никиту,—и ти аще не добрѣся начнетъ учити своему ученію, да добрѣ ся научимъ; аще болить, да испѣленіе ему будетъ; аще ли будетъ въ гордѣ работѣ, да свобода ему будетъ, и бѣсы мучить, да избавится отъ нихъ; аще ли сирота или вдовица, заступленіе имъ да будетъ. У него же будетъ чтеніе и св. славнаго мученика Христова Никиты,—за шесть днѣй бѣжать отъ него грѣси его, а за чотыредесать днѣй бѣжать отъ него демони“³); въ другомъ спискѣ: „аще кто св. мученика Никиты напишетъ мученіе и житіе его, или кто напишетъ отъ житія и страсти и мученія его, тотъ челоуѣкъ избавленъ будетъ отъ всякаго зла и причастникъ будетъ праведнаго суда живнъ вѣчну“⁴).

¹) Памятники стар. русск. литературы, III, 147—148.

²) Великія Минеи Четив, изд. Археогрѣ. комиссіи. С.-Пб. 1869, сентябрь, ст. 1210.

³) Памятники стар. русск. литературы, в. III, стр. 149.

⁴) Изъ рукописи Н. С. Тиховраова; см. А. Н. Веселовскаго, Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. II. С.-Пб. 1880, стр. 14.

Изъ приведенныхъ данныхъ понятно, почему изображеніе мученика Никиты является на змѣвикахъ: онъ—борецъ съ діаволомъ, прогонитель его, цѣлитель болѣзней и заступникъ: какъ выписка изъ житія его служила амулетомъ, такъ и образокъ Никиты, побивающаго діавола (безъ змѣвика), до сихъ поръ находится въ такомъ же употребленіи ¹⁾. На образкахъ св. Никита представленъ схватившимъ діавола за волосы, а по житію онъ хватаетъ діавола за руку: не повліяла ли на такое изображеніе св. Никиты легенда о поимѣ и мученіи діавола Сисиніемъ, и не явился ли св. Никита замѣстителемъ Сисинія? Вышеприведенный разказъ изъ житія св. Никиты о встрѣчѣ его съ діаволомъ въ своемъ планѣ и нѣкоторыхъ подробностяхъ имѣетъ не малое сходство съ легендами Сисиніевскаго типа.

Остается еще сказать объ изображеніи Божіей Матери, встрѣчающемся на многихъ змѣвикахъ (№№ 6,—15, 29—31). Говоря о молитвенныхъ воззваніяхъ, находящихся на змѣвикахъ, мы видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ обращены къ Богородицѣ; въ объясненіе ихъ мы указали на молитвы къ Богородицѣ, помѣщаемыя въ рукописяхъ вслѣдъ за Сисиніевскими легендами. Въ послѣднихъ также не рѣдки упоминанія о Богородицѣ: по легендамъ, многоименный діаволь намѣревался и ей повредить при рожденіи Спасителя. Впрочемъ присутствіе изображенія Богородицы на амулетахъ, назначаемыхъ для прогнанія врага діавола, понятно изъ общаго христіанско-православнаго представленія о ней, какъ о скорой помощницѣ и заступницѣ во всякихъ напастяхъ.

Труднѣе поддается объясненію изображеніе на двухъ змѣвикахъ, №№ 17 и 18, по видимому, крещенія Спасителя: въ срединѣ Спаситель, по одну сторону—ангелъ, по другую— Іоаннъ Предтеча; на второмъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ можно, пожалуй, признать подъ среднею фигурой струи іорданскія; присутствіе крестовъ можно разсматривать какъ символъ побѣды надъ діаволомъ. Не внушено ли помѣщеніе такого изображенія на змѣвикѣ извѣстнымъ апокрифическимъ сказаніемъ о рукописаніи Адама, охранявшемся 12 змѣиными головами на двѣ Іордана до времени крещенія Спасителя? Сказаніе это, сохранившееся въ славянскихъ рукописяхъ, древнее и отразилось въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ греческаго происхо-

¹⁾ Выдѣлка мѣдныхъ образковъ такого рода продолжается и до настоящаго времени; совершенно новенькіе можно встрѣтить у торговцевъ подобнымъ товаромъ.

жденія; изъ нихъ можно припомнить выраженія: „честнымъ его крестомъ рукописаніе грѣхъ нашихъ растерзалъ еси“; „Адама истлѣвшаго обновляетъ струями Иорданскими и зміевъ главы гнѣздящихся сокрушаетъ царь вѣковъ Господь“ (изъ канона на Богоявленіе), „Опали струей зміевы главы...“ (оттуда же) ¹⁾.

Рѣшеніе вопроса о времени и мѣстѣ издѣлія зміевиковъ не входитъ въ нашу задачу: вопросъ этотъ можно рѣшать при помощи палеографической, художественной и технической критики по подлиннымъ экземплярамъ зміевиковъ; мы ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями. Изъ надписей на зміевикахъ можно вывести заключеніе, что они изготовлялись и употреблялись первоначально среди грековъ Византійской имперіи: на это указываютъ тѣ экземпляры зміевиковъ, которые имѣютъ только однѣ греческія надписи; нахождение такихъ зміевиковъ въ предѣлахъ Руси и въ другихъ мѣстахъ указываетъ на распространеніе ихъ и употребленіе и за предѣлами Византійской имперіи. Прибавленіе къ греческимъ надписямъ славянскихъ, въ частности русскихъ, указываетъ на приготовленіе зміевиковъ для русскихъ; зміевики съ исключительно русскими надписями несомнѣнно приготовлялись и употреблялись въ Россіи. Во всякомъ случаѣ обычай носить амулеты-зміевики зашелъ къ намъ несомнѣнно изъ Византіи, какъ изъ Византіи проникли къ славянамъ и русскимъ сказанія о многоименномъ бѣсѣ и заклинанія противъ него. Если основательно наше указаніе на связь амулетовъ-зміевиковъ съ заклинательными молитвами Сисиніевскаго типа, то правильное рѣшеніе вопроса о мѣстѣ и времени появленія этого рода амулетовъ будетъ зависѣть отъ правильнаго рѣшенія другаго вопроса: когда, гдѣ и подъ какими вліяніями возникли суевѣрныя сказанія о демоническомъ многоименномъ существѣ, имѣющемъ вредное вліяніе на судьбу человѣка и отвращаемомъ заклинаніями и амулетами? На нашъ взглядъ, путь къ разрѣшенію этого вопроса вѣрно указанъ покойнымъ И. Д. Мансветовымъ въ много разъ цитованной нами его статьѣ: „Византійскій матеріалъ для сказанія о двѣнадцати тринавицахъ“. Онъ правильно, по нашему мнѣнію, указалъ на связь молитвъ Сисиніевскаго типа съ тѣми представленіями, которыя находятся въ апокрифѣ Testamentum Solomonis. Этотъ памятникъ, по его словамъ, есть не что иное, какъ отголосокъ халдейскаго астральнаго культа, искажен-

¹⁾ См. *И. Я. Порфирьевъ* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ в событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. С.-Пб. 1877, стр. 41—42.

наго въ иной религіозной и культурной средѣ. Космическіе духи халдейской магіи превратились въ злыхъ духовъ, хотя въ Testamentum Solomonis это превращеніе еще не полно. Въ Testamentum Solomonis духи приурочиваются къ знакамъ солнечнаго круга. Мансветовъ сдѣлалъ попытку воспользоваться данными этого памятника для объясненія нѣкоторыхъ элементовъ Сисиніевской легенды-молитвы. Такъ 12 именъ демона онъ приводитъ въ связь съ 12 знаками зодіака; въ греческихъ текстахъ однако Голоѵ носитъ двѣнадцать именъ съ половиной. „Это полу-има“, говоритъ Мансветовъ,—„миѣ кажется, означаетъ разность луннаго года въ сравненіи съ солнечнымъ и соотвѣтствуетъ тѣмъ лишнимъ днямъ, которые получались въ результатѣ времясчисленія по зодіаку. Эти космологическія числовыя данныя, облекаясь въ художественные образы, не исчерпывались 12-тью именами, и этотъ излишекъ дней нашелъ себѣ выраженіе въ послѣднемъ полуимени“. Отсылая къ статьѣ г. Мансветова желающихъ ближе ознакомиться съ его объясненіями и выкладками, мы обратимъ вниманіе на одну особенность нашихъ змѣвиковъ, которая, по видимому, можетъ объясняться данными въ Testamentum Solomonis. На змѣвикахъ вокругъ женской головы находимъ 12 змѣвиныхъ туловищъ съ головами не всегда змѣиными; но есть не мало змѣвиковъ— а это, кажется, самые древніе (№№ 26, 27, 28 (здѣсь седьмая змѣя съ двумя головами, вѣроятно, для симметричности рисунка), у Френера № 2—рѣзные камни, у Френера № 3—émail cloisonné, по его мнѣнію, V или VI в.),—на которыхъ изображены только семь змѣй; далѣе: женская голова изображается обыкновенно безобразною, но на нѣкоторыхъ изъ змѣвиковъ, и именно на тѣхъ, гдѣ находятся семь змѣй, голова представлена довольно красивою. Слѣдующее мѣсто въ статьѣ г. Мансветова можетъ, на нашъ взглядъ, послужить къ объясненію разсматриваемой особенности змѣвиковъ: „Въ завѣщаніи Соломона мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ женоподобныхъ демоновъ, въ которыхъ мягкость и благообразіе женскаго типа сильно искажается въ виду ихъ враждебныхъ наклонностей и вырабатывается типъ вѣдьмы. Представителями этого переходнаго типа служатъ семь женскихъ духовъ „благообразныхъ и пріятной наружности“, которые являются Соломону олицетвореніемъ семи планетъ и семи казней, вносимыхъ ими въ родъ людской,—особенно же любопытна для характеристики этого типа злая фея по имени Овизуть. Характеристику Овизуть изъ Testamentum Solomonis мы привели выше и видѣли, что Овизуть почти тождественна съ Гилу-вѣщицей и является

въ числѣ именъ послѣдней. Припомнимъ здѣсь, что именно у Овизуть, по „Завѣту Соломона“, видна только волосатая голова, а члены невидимы.

На связь представлений о демоническомъ существѣ, изображаемомъ на змѣвикахъ, съ восточнымъ астральнымъ культомъ указываютъ, быть можетъ, и находящіяся на нѣкоторыхъ змѣвикахъ изображенія звѣздъ: послѣднія особенно отчетливо видны на змѣвикѣ № 22, менѣе ясно на змѣвикахъ №№ 18 и 19. Впрочемъ судить объ этомъ по снимкамъ трудно.

Когда болѣе тщательно будутъ изслѣдованы восточные источники суевѣрій, отразившихся въ легендахъ и молитвахъ Сисиніевскаго типа и сродныхъ съ ними, тогда, не сомнѣваемся, откроются новыя данныя для объясненія змѣвиковъ въ указанномъ нами смыслѣ. Очень возможно, что найдутся амулеты типа змѣвиковъ и съ восточными надписями. Въ изслѣдованіяхъ румынскаго ученаго Гастера указано уже, что заговорная формула Сисиніевскаго типа отразилась и въ іудейско-кабалистической литературѣ ¹⁾. Въ славянскихъ рукописяхъ и въ греческихъ встрѣчается множество молитвъ заклинаній, состоящихъ изъ набора непонятныхъ словъ, нерѣдко выдающихъ свое восточное происхожденіе; въ указанномъ выше греческомъ Смирнскомъ сборникѣ, описанномъ г. Красносельцевымъ, находится „стихъ (или заговоръ), который имѣютъ обыкновеніе евреи носить какъ филиактерій (или талисманъ)“. Связь нѣкоторыхъ византійскихъ и славянскихъ заклинаній съ восточными не можетъ подлежать сомнѣнію.

М. Соколовъ.

¹⁾ *Literatura populara română. Bucuresci. 1883; см. А. Н. Веселовскаго, Разысканія, VI—X, 51—53, и его же, Замѣтки по литер. и нар. слов., стр. 87.*

О ГИЛЛО.

(Замѣтка по поводу статьи М. И. Соколова).

Относительно вѣрованія въ умерщвляющую дѣтей Гилло, Гило или Гилу́ и Гелу́, наслѣдованнаго византійцами отъ греческаго язычества, ученые (Шмидтъ, А. Н. Веселовскій, И. Д. Мавсчетовъ, М. И. Соколовъ, статью котораго мы имѣли возможность прочесть ранѣе выхода въ свѣтъ настоящей книжки Журн. Мин. Нар. Просв.) довольствуются текстами, сообщенными Аляціемъ и Саею. Но есть еще одно очень любопытное свидѣтельство, которое вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Оно находится въ жизнеописаніи патріарха Тарасія, извѣстнаго своимъ руководящимъ участіемъ въ дѣлѣ возстановленія иконопочитанія на седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.). Житіе написано ученикомъ и, слѣдовательно, младшимъ современникомъ Тарасія, діакономъ Игнатіемъ, выдающимся ученымъ литераторомъ той эпохи. Оно напечатано пока только въ латинскомъ переводѣ (въ Acta Sanctorum Болландистовъ и въ греческой Патрологіи Migne, t. 98); но въ нашихъ рукахъ были также два греческіе кодекса (Парижскій и Вѣнскій), содержащіе въ себѣ самый подлинникъ, чѣмъ мы и воспользовались, чтобы списать этотъ памятникъ для собственнаго употребленія, а при удобномъ случаѣ и для изданія въ печати.

Въ началѣ жизнеописанія разказывается, что отецъ Тарасія, занимавшій высокую судебную должность при царѣ Константинѣ Копронимѣ (741—775 гг.), увидѣлъ однажды предъ своимъ трибуналомъ двухъ женщинъ, обвиненныхъ въ томъ, будто онѣ оборачивались въ Гилдъ и въ такомъ видѣ умертвили нѣсколькихъ младенцевъ. Византійскій сановникъ оказался столь просвѣщеннымъ, что оправдалъ обвиненныхъ; однако, столь необычайный поступокъ возбудилъ всеобщее вниманіе, и дѣло доходило до цара. Вотъ разказъ по Парижскому списку, съ указаніемъ нѣкоторыхъ разночтеній Вѣнскаго:

ὡς διὰ πάσης εὐκληρίας καὶ μεγίστης ὑπεροχῆς τὸ πρωτεῖον παρὰ τοῖς τηνικαῦτα κρατοῦσι Γεώργιος ὁ τούτου (Ταρασίου) πατὴρ καὶ ἡ φερόνυμος μήτηρ Ἐγκράτεια περιουσίᾳ δικαιοσύνης ἐκτήσαντο, ἐκ πατρικίων σειρᾶς πατρικιοὶ χρηματίσαντες. ὣν ὁ μὲν πατὴρ πρὸς δικαστικῶν ἐπαναβάς θρόνων ὕφει (ὑψος?) καὶ τὸ δίκαιον ἀδεκάστως πᾶσιν ἐπίσης νέμων Σόλωνος καὶ Δουκούργου τῶν παλαιῶν νομοφυλάκων ὤφθη κατὰ πολὺ δικαιότερος. ὅσγε καὶ δίκην ἔδωκέν ποτε δι' εὐνομίας εὐθύτητα, τῶν δοκούντων ἄρχειν ταύτην ἀγνοησάντων καὶ πράττειν οὐχ ἐλομένων τὸ δίκαιον. Ἡ δὲ τῆς εὐνομίας ἐν τούτοις ἦν περιπέτεια· γύναιά τινα πενιχρότητι σύνοικα δεινοῖς ἐαλώκει κατηγορίας ἐγκλημάσι. Τίς δὲ ἡ κατηγορία, λέξων ἔρχομαι. Βρεφῶν ὑπομαζίων διεβλήθησαν εἶναι φονεῦτραι, διὰ τρυμαλίας οἴκων ἢ κεκλεισμένων θυρῶν διεισδύνουσαι καὶ τῶν ἤδη νηπίων ἀπροόπτως ποιουμένοι τὴν ἀναίρεσιν. αἱ καὶ πρὸς κριτήριον εἰλκοντο ὑπο τῶν τοῖς μύθοις πειθόμενων, ἀλλὰ μὴ βουλομένων τῷ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ κατακολουθεῖν ἀφαντασιᾶσθαι παιδεύματι. Μυθεύεται γὰρ παρ' ἑλλήσι γυνή τις Γιλλώ (Γελλῶ Vindob.) ὀνόματι, ἣτις ἀώρη τέλει τὸ ζῆν ἀπορρήξασα φαντάσμασί τισι ἐπιφοιτῶν ἐπὶ τὰ νεογνά καὶ ἀρτιγέννητα νήπια καὶ τὴν τούτων ἀναίρεσιν κατεργάζεσθαι. Τούτῳ τῷ πονηρῷ τοῦ μύθου κλεπτόμενοι πνεύματι οἱ ταῦτα πυθανερόμενοι πειρῶνται πως καὶ ἐπὶ γυναιῶν ὡς ἀληθῆ διαβιβάζειν τὴν τοιαύτην τοῦ μύθου ἐνέργειαν, καὶ ταύταις (ταύτας V.) ἀνατιθέναι ἀλλοιουμέναις εἰς πνεῦμα τῶν πρὸ ὥρας θανόντων τὸ αἷτιον. ὦ τῆς ἀναλγησίας! ὦ τῆς τῶν καρδιακῶν ὀμμάτων πηρώσεως! εἰ τῷ μήκει καὶ βάθει καὶ πλάτει σῶμα πεπλημένον (πεπιλημμένον V. = πεπληωμένον?) διαλυθὲν εἰς πνεῦμα χωρεῖ καὶ συγχωρεῖται ταῦτα ποιεῖν· ἄρα Χριστὸς εἰπὼν ἡ ἀλήθεια· πνεῦμα σάρκα καὶ ὁστέα οὐκ ἔχει — φάντασμα τοῖς ταῦτα βεβαιουμένοις λελόγισται. ἀλλὰ μὴν καὶ Χριστὸς ἀληθῆ σάρκα λαβὼν καὶ πνεῦμα σάρκα καὶ ὁστέα μὴ ἔχειν τοῖς μαθηταῖς ἀψευδῶς πιστωσάμενος, οὐδεμιᾶ φαντασίας ἀνυπαρξία περιγραφῆσεται.

Οὕτω γὰρ δοξάζων καὶ κρίνων ἀνοποστόλως Γεώργιος τῶν ἐγκλημάτων ἀπαλλάττει τὰ γύναια. Ὁ δὲ δὴ κρατῶν, — πολὺς γὰρ ἦν τὸ φαντασιῶδες πρεσβέων — αισθόμενος οὕτως ἐπικρίναι Γεώργιον, ἀγώγιμον πρὸς αὐτὸν προστάττει γίνεσθαι. Παρ' οὗ τρανωθεὶς τὴν τῆς ἀληθοῦς ἀποφάσεως ἔκβασιν, τοῦτον μὲν ἐσχάτως ἤκισατο· τῇ δὲ παρ' αὐτοῦ καὶ μὴ βουλόμενος κρίσει γίνεται σύμφηφος, ἀθῶα τηρήσας τῶν ἐγκλημάτων τὰ γύναια. Καὶ τὰ μὲν τῆς ἐνστάσεως Γεωργίου καὶ δικαιοπραγίας ἐνταῦθα χεῖρθω...

То-есть: Отецъ его Георгій и мать, знаменательно названная Еввратіей, происходя отъ рода патриціанскаго и сами принадлежа къ патриціямъ, по своему благосостоянію и всяческому превосходству приобрѣли первенствующее положеніе при тогдашнихъ правителяхъ.

Отецъ, возведенный на высоту судейскаго кресла и безпристрастно всѣмъ равно воздавая должное, явился гораздо справедливѣе Солона и Ликурга, древнихъ законодателей. Онъ нѣкогда произнесъ судебное рѣшеніе, внушенное прямою юридическаго смысла, тогда какъ тѣ, которые должны были стоять во главѣ правосудіи, не признали его и не хотѣли дѣйствовать согласно съ правдою. Поводъ къ обнаруженію его благозаконности заключался въ слѣдующемъ: Нѣсколько женщинъ убогаго состоянія подверглись тяжкому обвиненію; а какое это было обвиненіе, я сейчасъ скажу. Онѣ были оклеветаны въ томъ, будто были убійцами грудныхъ дѣтей, проникая сквозь домовныя скважины или „дверемъ затвореннымъ“ и незамѣтно совершая истребленіе младенцевъ. Люди, вѣрующіе въ такія басни и не желающіе слѣдовать непризрачному наставленію Христа Бога, привлекли этихъ женщинъ къ суду. Ибо у еллиновъ существуетъ повѣрье (миѳъ, басня) о какой-то женщинѣ Гилло (Гелло), преждевременно лишившей себя жизни, которая, принимая на себя видъ призрака, посѣщаетъ малыхъ и новорожденныхъ младенцевъ и губить ихъ. Вводимые въ заблужденіе злымъ духомъ, который разумѣется подъ этою баснею, тѣ, которые въ нее вѣрили, старались доказать дѣйствительность ужаснаго преступленія—какъ истину въ примѣненіи къ этимъ женщинамъ, и возложить на нихъ ту вину, что онѣ оборачивались въ духовъ съ цѣлю погубить дѣтей, прежде времени умершихъ. О безчувствіе, о слѣпотѣ сердечныхъ очей! Если образованное изъ персти—въ длину, высоту и широту—тѣло разложившись вмѣщается въ духа и можетъ это творить, то значитъ, призракомъ считается для тѣхъ, кто утверждаетъ сіе, Христосъ-истина, сказавшій, что духъ плоти и костей не имѣетъ. Но вѣдь Христосъ, принявшій истинную плоть и удостовѣрившій своихъ учениковъ, что духъ плоти и костей не имѣетъ, не можетъ быть считаемъ подверженнымъ какой-либо недѣйствительности призрака. Такъ думая и разсуждая, Георгій освободилъ женщинъ отъ обвиненія. Но властитель—такъ какъ много преданъ былъ призрачному—узнавъ, что Георгій произнесъ означенное рѣшеніе, велѣлъ его привести къ себѣ. Удостовѣрившись отъ него въ дѣйствительности правильно послѣдовавшаго рѣшенія, онъ подвергъ его крайнимъ истязаніямъ, но произнесенное имъ рѣшеніе, хотя и не желая того, подтвердилъ своимъ согласіемъ, оставивъ женщинъ свободными отъ обвиненій. Вотъ въ чемъ проявлялась твердость и правосудіе Георгія.

В. Васильевскій.

КЪ ВОПРОСУ О ДОМОСТРОѢ.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ я напечаталъ свое изслѣдованіе о Домостроѣ. Въ шестнадцать лѣтъ многое могло измѣниться въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія памятниковъ нашей древней письменности. За такой промежутокъ времени могъ измѣниться и самый методъ изслѣдованія, что и случилось въ отношеніи разработки памятниковъ народнаго творчества. Одновременно съ вопросами о заимствованіи сюжетовъ, для созданія памятниковъ народнаго творчества, или устно отъ другихъ народовъ, или изъ литературныхъ источниковъ, по немногу назрѣвалъ новый методъ для изслѣдованія. До сихъ поръ изслѣдованіе произведеній русской народной поэзіи производилось на основаніи ея содержанія. На основаніи содержанія одна былина соединялась съ другою, на основаніи содержанія былины и колядки подвергались исторической критикѣ, сравнительному изученію съ памятниками народнаго творчества другихъ народовъ. Самый текстъ былины до сихъ поръ не подвергался критикѣ. На основаніи текста былины не дѣлалось заключенія о ея древности. Теперь мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на то, что напѣвъ былины можетъ вести къ заключенію о ея древности. Извѣстный собиратель былинь Рыбниковъ замѣтилъ, что какъ только сказитель вмѣсто пересказа былины начинаетъ пѣть ее, то „мгновенно стихъ получаетъ устойчивость, новыя слова смѣняются древними, которыхъ смысла и онъ, быть можетъ, не понимаетъ, сами собою являются опущенные стихи, неожиданныя подробности“¹⁾. Кромѣ тѣсной связи содержанія съ напѣвомъ пѣсни, изъ которой слова не вынешь, Рыбниковъ отмѣтилъ и нѣсколько

¹⁾ Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, IV, стр. LII.

НАКАЗАНІЕ, ШОЦА КЪ СЕБѢ.
 ТАГО СЛОДЛАЮ ОЗЪТЪ ШНЫИ,
 І МРІИ, І ПОУЧАЮ, І НАКАЗУЮ
 БОДРАМЛАЮ. ЕДИНО ТОВАРАГО СНА
 СДОБГО. І ЛУ. І ЕГО ЖЕНЪ. І МС. І НУ
 АМОУ АНЦЪ. БЫТИ ДО СЛАСА
 ХРІСТИАНСІА СЪ СЛАСОНЪ. БО СЛАСО
 ЧИСТОНО СДОБТИ И ПРІОБЪ. СДОБРО
 ППОРАЩЕ БОЛЮ БЖІЮ, ХРАМАЦІ
 ЗАПОПЪ АН БГО. СЕБЪ ОУПДЪ СЪ ЖА
 ЮЩЕ ДО СЛАСІА СЪ СТРА СЕ БЖІИ. БО ЗА
 КОННОМ ЖИТИ СЕБЪ ПДЪ СЪ, І СЖЕНЯ
 ППОУЧАЮЩЕ, ПАКІО ДОМОУ ЧАЦЪ
 СДОК НАКЪ ОУЩЕ. НЕ НЪ ЖЕ ІЮ, НИ
 РАНАМИ, И КРАДО ТОЮ ПАШІСОЮ,
 І МЪ ОУЩЕ ІЗЪ АТЬ ПТИ ДО СЛАСІА ПОКО.
 СЫ ПТО І ОУЩЕ. БО ПТИ ПЛАХЪ ХРАМЪ.
 БО СЛАСІА ОУЩЕ СЕ. БО ДАЮ ПАМЪ
 ХРІСТИАНСКОМЪ ЖИТИ СЕ ПДЪ,

ПИСАНІЕ. МАПАМЪ БОДРАМЛЕНІЕ СЪ.
 І ЧАДЪ ПШІИ; ОУЩЕ СЕГО МОЕ ПНЕ
 КІА НЕ ПЖЕМЛЕТЕ. І МШЕГО НАКАЗАНІА
 НЕ СЛЪШАЕТЕ. І ПО ПЕ МОУ НЕ ОУЧЕ
 ЖИТИ. І НЕ ПАСКО ПДОРИТИ. БО ЖЕ
 Е ПІАМО. САМИ САСОБЪ СДОБТЪ
 АРАТЕ САНЪ СТРАШНАГО СЪ РА. І ОУ
 ВАШИ ДИНА І ГРѢХЪ НЕ ПРНЧАСТЕМ.
 КРОМЪ МОЕ АША. ОУЩЕ СЕ СЕ
 КЪ БО БЛАГОУЧИИИ БУГО СЛО ПЛАМЪ,
 І ПЛАСІА СЪ ПРЪЛАГАТЬ ПА СЪ І ОУЩЕ
 ПИСАНІЕ ПРЪЛАГАТЬ ПА СЪ І ОУЩЕ
 СПРІИМЕТЕ СІЕ МОЕ ХРАДО СДОУЧЕНІЕ
 И ГРѢХОК НАКАЗАНІЕ. СДО СЕЮ ЧИСТО
 ППОРАЩЕ ПНОЮ. І ПРЪУКИ ПЛА ППРО
 СА ОУБТА ПОМОЦНИ И РЪУМА ППО СЛИ
 КО ППО СКОМО. І КАКЪ БГО ППРОУЧИТЬ
 ПДЪ. І НАЧЕТЕТЕ АБЛЪ ППРОУЧИТИ
 БО СІ БЖІИ НА ПДА МПТО БОЖІИ

НАКЪЗНИШЕШЖУ
ИГОСЛОВАЮ АЗЪ ГРѢШНЫН. ѿмк.
Ипоучаю инаказью и врагов
млаю единопуднаго сна своего
ѿмк. жегоженѣ. и хъ уады и до
мочадцы быти во всякомъ
хрѣтїанскомъ законѣ. и во
всякой чистотѣ совѣсти
и въ правдѣ. въ роко пшора
и въ волю бжїю. и храняще

напѣвовъ былинь. „Напѣвы былинь“, говоритъ онъ,—„довольно однообразны; напримѣръ, у Рябинина (пѣвца) ихъ собственно два, но перехваты и колѣна голоса даютъ каждой былинь особый характеръ. Одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Пóтнѣй какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ. Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ „двухъ королевичахъ изъ Кракова“ или „Ильѣ Муромцѣ“ и дѣлается грознымъ въ „Ильѣ и Паленицѣ“¹⁾. Далѣе въ этомъ направленіи пошелъ Гильфердингъ, издавшій „Онежскія былины“. Въ своихъ наблюденіяхъ надъ народными рапсодами онъ подтвердилъ, что существуютъ три главные размѣра былиннаго стиха: хорей, хорей съ дактилемъ и анапестъ. Второй, которымъ сложены былины о Соловьѣ Будимировичѣ и Чурилѣ, онъ называетъ игривымъ, третій, которымъ сложены былины о Вольгѣ, Микулѣ, Колыванѣ, о дѣтствѣ Ильи Муромца, называетъ торжественнымъ²⁾. Къ этому Гильфердингъ прибавляетъ, что историческія пѣсни XVII вѣка писаны инымъ размѣромъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ событія облекаются блескомъ чудеснаго, и тогда является размѣръ былинь кievскаго или новгородскаго цикла. Еще далѣе въ томъ же направленіи повелъ этотъ вопросъ проф. Потенія. Разбирая народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Головацкимъ, онъ высказалъ мысль, что распредѣленіе пѣсенъ по напѣвамъ было бы только возстановленіемъ и закрѣпленіемъ ассоціацій уже существующихъ въ мысли пѣвцовъ, что народная пѣснь слагается по образцу прежней или примыкаетъ къ ней своимъ напѣвомъ или стихотворнымъ размѣромъ, а потому было бы важно возстановить генеалогію напѣвовъ. У чеховъ многіе собиратели народныхъ пѣсенъ записали ихъ вмѣстѣ съ напѣвомъ. У насъ только въ прошедшемъ году изданы Пальчиковымъ съ нотами пѣсни, записанныя въ Оренбургской губерніи и очень немногія у Мельгунова, Рубца, Лысенко и Балакирева. При отсутствіи записанныхъ напѣвовъ профес. Потенія, положивши въ основу размѣръ стиха, произвелъ обслѣдованіе южно-русскихъ обрядовыхъ пѣсенъ и въ значительной степени указалъ соотношеніе размѣра съ однообразнымъ или отчасти сходнымъ содержаніемъ пѣсенъ.

Въ области изслѣдованія памятниковъ нашей древней письменности за послѣдніе шестнадцать лѣтъ не появилось никакой новой

¹⁾ Ibid., ч. III, стр. XXXVII.

²⁾ Гильфердингъ, Онежск. былины. 1873, стр. XL.

научной постановки. Безъ практическаго знакомства съ древнею письменною литературой, безъ практическаго умѣнья опредѣлять время появленія списка нельзя браться за изслѣдованіе вопросовъ изъ нашей древней литературы и говорить съ авторитетомъ и рѣшимостью. Нельзя изслѣдователю древней письменности только хорониться за чужіе авторитеты или говорить а priori. Письменные памятники, какъ и монументальная старина и съ неправильно-стями, и съ нелогичностями, и даже съ ошибками несетъ намъ дорогіе факты. Знакомый съ древнерусскою письменностью практически можетъ опредѣлить не только вѣкъ, начало и конецъ его въ рукописномъ памятникѣ, но нерѣдко и четверти столѣтія.

Къ сожалѣнію, и въ настоящее время мы еще не можемъ нашъ Домострой вставить въ общій рядъ дидактическихъ памятниковъ всемірной литературы, такъ чтобы онъ занялъ совершенно опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ. Мы можемъ только указать на одно стихотворное дидактическое сочиненіе византійской литературы, пополняя имъ указанныя нами прежде данныя для сравнительнаго изученія Домостроя — это стихотворное посланіе Алексѣя Комнена къ сыну вельможи Цезаря Врѣнскаго ¹⁾, а также на переводъ, сдѣланный въ 1479 году въ Россіи сочиненія „Василія царя греческаго

¹⁾ Приводимъ нѣкоторыя мысли: „Чадо мое возжеланныйшее, возлюбленный-шее дитя мое, кость отъ кости моей, плоть отъ плоти моей... царя, о слыжь, почитай и страшись его: царь есть намѣстникъ Бога... захочешь если ты приобрести чью-либо дружбу, выпрашивай мысли, намѣренія друга, особенно, имѣлъ ли до тебя онъ друга... если ты узнаешь, что хранилъ любовь онъ честную, тогда раскрой ему свои объятія и другомъ назови... пусть никогда языкъ не предупреждаетъ твоего разсудка... избѣгай жестокихъ словъ — гнѣвъ возбуждаютъ они... многимъ людямъ повредилъ дерзкій языкъ... старайся отъ всѣхъ приобрести любовь... не приобретай друзей на мигъ... избѣгай посѣщенія кутежей... дурныхъ рѣчей не говори и слушать не желай... если бѣднѣе дѣлаетъ несправедливость, то онъ къ этому принужденъ... когда получишь что-нибудь незаконно, не давай того ни другу, ни сосѣду... если тайну какую сообщить тебѣ кто-либо, смотри, не разбалтывай ея... если ты станешь искать совѣта, ищи его у стариковъ, а совѣтовъ людей молодыхъ не принимай... не соблазняйся женой изъ-за красоты ея... если дѣвица желаетъ тебѣ чести, бери ея... лучше выбери тихую, тебѣ добра желающую, пусть она имѣетъ немного приданаго... если ты въ чемъ провинился, совершилъ убійство, женъ твоей ни въ чемъ не сознавайся, чтобы она, разсердившись за твою брань, не подвергла тебя опасности... считай сокровищемъ мое наставленіе, Господь да сохранитъ тебя, благословеніе мое прими“. *Vasnera, Carmina Graeca medii aevi. Lpz. 1873 г.:*
¹⁾ *Ἀλεξίου Κομνήνου ποίημα παραίνετικόν.*

главъ наказательныхъ 66 къ сыну его царю Льву* (реп. М. синод. библ., № 367).

Все мое изслѣдованіе о Домостроѣ было основано главнымъ, почти исключительнымъ образомъ, на спискахъ этого памятника, сохранившихся отъ древней нашей письменности. Появленіе новыхъ списковъ съ новыми особенностями содержанія или литературнаго изложенія могло бы повліять на видоизмѣненіе результатовъ изслѣдованія. Послѣ напечатанія мною изслѣдованія о Домостроѣ сдѣлались извѣстными нѣкоторые новые списки этого памятника. Въ настоящемъ году сообщено было свѣдѣніе о томъ, что въ Румянцовскомъ музеѣ находятся два списка Домостроя, поступившіе туда изъ библиотеки Андрея Попова, что одинъ списокъ находится въ сборникѣ XVII в. (№ 2522) и содержитъ въ себѣ 15 начальныхъ главъ Домостроя, за исключеніемъ первой, и что „редакція этого списка какъ по оглавленію, такъ и по составу статей совпадаетъ буквально съ редакціей списка Домостроя, принадлежащаго Обществу исторіи и древностей“, что „другой списокъ Домостроя, подъ № 3413 (а какого вѣка?) принадлежитъ по размѣщенію главъ и ихъ составу къ Коншинской редакціи“¹⁾. Мы имѣли подъ руками списокъ Домостроя XVII вѣка, принадлежащій Антоніево-Сійскому монастырю Архангельской губерніи. На нижнихъ поляхъ этого списка находится слѣдующая надпись: „Книга Архимандрита Никодима келѣная а ѿдала ея сѣгъ гѣ ноября въ 25 день во свое обѣщаніе въ домъ живоначальныя троицы и чудотворца Антонія для памятованія по себѣ и по родителямъ своихъ“. Въ оглавленіи находится 64 главы, но въ текстѣ нѣтъ послѣдней, то-есть, посланія Сильвестра къ сыну, хотя въ оглавленіи и написано „ѣд посланіе ꙗ наказаніе ѿ оца къ сынѣ, здѣ имашь конецъ глѣвамъ“. Въ списокѣ есть небольшая перестановка главъ сравнительно со спискомъ Коншина, но не представляющая чего-либо существеннаго, такъ что этотъ списокъ долженъ быть отнесенъ къ изводу списковъ краткихъ. Слышали мы отъ Е. В. Барсова, что у него есть списокъ Домостроя XVIII вѣка, относящійся къ изводу краткому. Всѣ теперь указанные новые списки не вносятъ собою ничего существеннаго, чѣмъ они отличались бы отъ списковъ, описанныхъ мною прежде. Всѣ эти списки легко умѣщаются въ тѣ два отдѣла, на которые списки были подраздѣлены въ моемъ изслѣдованіи. Эти новые списки представляютъ сами по себѣ новое доказательство вѣрности сдѣланнаго въ моемъ изслѣдованіи раздѣленія списковъ на

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 года, мартъ, стр. 174.

двѣ категоріи. Не маловажную роль въ вопросѣ объ изслѣдованіи Домостроя играетъ время, къ которому относятся списки его. Намъ принадлежитъ опредѣленіе времени списка древнѣйшаго, списка Общества исторіи и древностей. Сдѣланное нами опредѣленіе, что этотъ списокъ несомнѣнно относится, если не къ первой четверти, то къ первой половинѣ XVI вѣка ¹⁾, подтверждено И. Е. Забѣлинъ, который говоритъ, что списокъ этотъ представляетъ „мелкій полуставъ первой половины, или опредѣленіе можно сказать, второй четверти XVI столѣтія“ ²⁾. Списокъ этотъ представляетъ довольно частое написаніе большого юса, который въ XVI вѣкѣ особенно часто можно встрѣчать только или въ священныхъ, или въ богослужебныхъ книгахъ, а не въ памятникахъ свѣтской литературы. Въ этомъ спискѣ Домостроя начертаніе буквы з, хотя и не переходитъ въ XV вѣкѣ, но близко къ начертанію, употреблявшемуся въ томъ вѣкѣ. Относительно списка Коншина, который Голохвастовъ положилъ въ основаніе при изданіи Домостроя, мною высказано было мнѣніе, что этотъ списокъ долженъ относиться не только ко второй половинѣ XVI вѣка, а скорѣе къ самому концу его или къ началу XVII вѣка. Снимокъ съ Коншинскаго списка, изданный Голохвастовымъ, на столько великъ, что по немъ можно сдѣлать вѣрное опредѣленіе времени утраченнаго списка. Письмо списка Коншина носитъ на себѣ самые несомнѣнные признаки того времени, когда печатныя изданія книгъ распространились у насъ и имѣли рѣшительное вліяніе на писцовъ. Эта особенность письма невольно сказала у Голохвастова, который замѣтилъ, что „вся рукопись и оглавленіе чистаго книжнаго славянскаго почерка“ ³⁾. Только съ послѣдней четверти или, лучше, съ конца XVI вѣка наши писцы привыкли подражать печатнымъ буквамъ, потому что печатныя изданія у насъ распространялись медленно и были очень рѣдки въ XVI в. Списокъ Домостроя, относящійся къ полному изводу и принадлежащій Московской духовной академіи, хотя въ написаніи и носитъ нѣкоторые слѣды вліянія печатныхъ книгъ, но нѣкоторыя начертанія, какъ з, сохраняетъ отъ древняго письма. Еслибы въ настоящее время какой-либо критикъ сталъ указывать на слова Голохвастова, что списокъ Коншина есть современный списокъ сочиненія знаменитаго благовѣщенскаго свя-

¹⁾ Опытъ историко-литературн. изслѣд. о происхожд. Домостроя, стр. 73.

²⁾ Утенія Общ. ист. и др. 1881 г. кн., 11-я, стр. 11.

³⁾ Временникъ Общ. истор. и древн. 1849 г., кн. 1, стр. 1.

щенника Сильвестра, и утверждать, что „Голохвастову было виднѣе знать вѣкъ рукописи издаваемого имъ Домостроя при содѣйствіи Коншина“¹⁾, а самъ критикъ откровенно бы признавался, что онъ не беретъ рѣшать вопроса о времени списка, то мы можемъ на это сказать только то, что для нашихъ предковъ были виднѣе всѣ рукописи, какъ и рукопись Слова о Полку Игоревѣ для Мусина-Пушкина, послѣ изданія котораго и до сихъ поръ твердо не опредѣленъ вѣкъ рукописи самаго крупнаго памятника нашей древней литературы. Такимъ образомъ и теперь должно оставаться высказанное мною положеніе о томъ, что списокъ Общества исторіи и древностей относится къ первой половинѣ XVI в., а списокъ Коншина только къ концу того же вѣка. Какъ ни важенъ былъ для меня при изслѣдованіи списокъ Домостроя, принадлежащій Обществу исторіи и древностей, но изслѣдованія своего я не могъ основать на немъ одномъ. Нужно было произвести поиски въ общественныхъ библіотекахъ и у частныхъ лицъ. Нѣкоторые списки XVII вѣка оказались очень близкими къ списку Общества исторіи и древностей, но безъ знанія послѣдняго нельзя было дѣлать выводовъ. Знать списокъ XVII вѣка вовсе не значить знать списокъ XVI вѣка, хотя бы оба эти списка были дословно сходны между собою. Списокъ Домостроя, принадлежащій Моск. дух. академіи, хотя и относится къ XVI вѣку, далеко не поднималъ бы значенія группы списковъ пространныхъ. Когда же нашлась группа списковъ, числомъ до шести, со спискомъ Общества исторіи во главѣ, то тогда эта группа могла дать возможность дѣлать выводы. Можно, пожалуй, говорить о томъ, что болѣе раннія редакціи нѣкоторыхъ памятниковъ уцѣлѣли въ позднихъ спискахъ, но это тѣ доказательства отъ сравненія, которыя можно приводить только послѣ дѣйствительныхъ аргументовъ. Нужно сперва показать на Домостроѣ, что ранняя его редакція сохранилась въ позднѣйшихъ спискахъ, а уже потомъ можно прибавлять примѣры, потому что исключенія никогда не составляютъ правила.

Сдѣланное мною раздѣленіе списковъ Домостроя на двѣ группы, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ пространные списки съ предисловіемъ, а другая болѣе краткіе безъ введенія, но съ поученіемъ Сильвестра сыну, остается и теперь въ полной силѣ со всѣми главными отличіями одной группы отъ другой. Ошибаются тѣ, которые списки Домостроя Московской духовной академіи и Большаковскій

¹⁾ *Временникъ*, кн. 1, стр. 4.

относятъ къ краткимъ по изводу, потому что они писаны съ полнаго извода, но не дописаны. Списокъ Московской духовной академіи не только имѣетъ предисловіе, полныя главы, но и дописанъ до 41-й главы включительно, такъ что заключаетъ въ себѣ многое изъ вопросовъ домашняго хозяйства. Нѣкоторые критики недовольны тѣмъ, что я, раздѣливъ списки на группы, не называю эти группы съ рѣшительностью редакціями. Въ то время, когда я работалъ надъ Домостроемъ, многіе ученые высказывали мнѣ сомнѣніе въ возможности опредѣлить редакціи Домостроя, какъ А. Θ. Бычковъ, какъ покойный Н. В. Калачовъ. И дѣйствительно, если строго можно признать редакціей группу полныхъ списковъ Домостроя со всѣми ея особенностями, то, строго говоря, нельзя того же сдѣлать съ группою второю, потому что, кромѣ главы или поученія Сильвестра, всѣ отличія краткихъ списковъ заключаются въ отрицательныхъ особенностяхъ, то-есть, въ сокращеніяхъ. Мы не встрѣчаемъ въ краткомъ изводѣ ни переработки главъ, ни распространенія ихъ. Даже самыя отрѣзки въ главахъ больше произведены на концахъ ихъ, а не въ началѣ. Выбрасываніе было дѣломъ не редактора, а заказывавшаго и переписывавшаго. Тѣмъ не менѣе сокращенія, нѣкоторая перестановка главъ, посланіе Сильвестра, постоянно встрѣчающееся при этихъ спискахъ, дали мнѣ возможность назвать второй и первый отдѣлы списковъ изводами. Самымъ раздѣленіемъ на двѣ группы списковъ я уже признавалъ двѣ редакціи, высказываясь въ этомъ случаѣ осторожно.

Мною высказано было положеніе, что изводъ полныхъ списковъ древнѣе извода списковъ краткихъ. При полныхъ спискахъ находится предисловіе, которое такимъ образомъ восходитъ къ первой половинѣ XVI вѣка. Нельзя считать подложнымъ или случайнымъ это предисловіе которое встрѣчается при 6 спискахъ, принадлежащихъ и XVII вѣку, и второй половинѣ XVI вѣка и первой половинѣ XVI вѣка. Нѣтъ никакого основанія скептически относиться къ этому предисловію. Еслибы кто-нибудь сказалъ, что при первой редакціи русскаго Хронографа есть введеніе, которое не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію памятника, какъ переведенное съ греческаго языка ¹⁾ съ начальною частью Хронографа, который пополнялся и въ Сербіи, и въ Россіи, а введеніе оставалось все то же первоначальное, то я долженъ былъ бы признать этотъ фактъ, но никакого права не имѣлъ бы распространять этотъ частный примѣръ какъ правило на другіе памятники въ нашей

¹⁾ А. Попова Обзоръ хронографа. русск. ред., II, стр. 3.

письменности. И для Хронографа это не правило, а исключеніе какъ фактъ случайный. Когда же мы имѣемъ дѣло со своимъ русскимъ, оригинальнымъ произведеніемъ литературы и при одномъ изводѣ этого памятника встрѣчаемъ предисловіе, то у насъ нѣтъ основанія считать его ни переводнымъ, ни случайнымъ. Это введеніе заключаетъ въ себѣ содержаніе или указаніе на содержаніе, вполне соответствующее памятнику. Какъ по указанію введенія, такъ и въ самомъ Домостроѣ, основное содержаніе: духовное строеніе, мирское строеніе и домовное строеніе. Самый порядокъ изложенія матеріи въ Домостроѣ соответствуетъ указаніямъ предисловія, которое по списку Общества исторіи и древностей указываетъ на число 64 главъ ¹⁾. Въ этомъ-то предисловіи и есть указаніе на то, что изводъ полныхъ списковъ стоялъ ближе къ первоначальной редакціи Домостроя, потому что въ предисловіи дѣлается указаніе на одного изъ предшественниковъ редактора этого извода. Въ предисловіи опредѣленно говорится: „и еще въ сей книгѣ изнайдеши наказъ отъ нѣкоего о мирскомъ строеніи“ ²⁾. Еслибы кто-нибудь сталъ говорить, что редакторъ полного списка Домостроя говоритъ о себѣ самомъ подъ словомъ нѣкоего, то онъ не имѣлъ бы на то ни малѣйшаго основанія. Ясно, что авторъ введенія говоритъ о третьемъ лицѣ. Нерѣдко писатели древней Руси скрывали свое имя, но не въ третьемъ лицѣ. Часто писатель въ древней Руси не упоминалъ о себѣ совсѣмъ или скрывалъ свое имя подъ криптографіей, но никогда въ этомъ значеніи не употреблялъ о себѣ выраженія „отъ нѣкоего“. Напротивъ того, въ древней письменности выраженіе „отъ нѣкоего“ встрѣчается, не только какъ указаніе на третье лицо, но больше всего на писавшаго прежде автора. Въ списокѣ XVI вѣка жизнеописанія Евфросина Псковскаго есть слѣдующая оговорка писателя „труды же его и хожденіе и чудодѣйствіе нѣкимъ писателемъ (было написано), о имени его писаніе не яви“ ³⁾. Въ списокѣ XVI вѣка жизнеописанія Давида Переяславскаго писатель говоритъ: „ни отъ когоже ниже видѣхъ ниже слышахъ идеже бы написано было о житіи его, иже многа в повѣстяхъ восхваляюще обношаху и мнози воспытующе аще есть писано о немъ. Аще и начинаху нѣціи, но невѣмы свершено“ ³⁾. Въ списокѣ XVII вѣка писатель жизнеописанія Іосифа Каменскаго говоритъ: „прежде насъ на-

¹⁾ См. предисловіе въ сп. Общ. ист. и др., *Ученія* 1881 г., кн. II, стр. 10.

²⁾ Рип. Ундольскаго, сп. XVI вѣка, стр. 19.

³⁾ Рип. графа Уварова, № 590, стр. 3 об.

писана быша труды его и хоженіе и чудодѣйствіе нѣкимъ списателемъ, о имени его писаніе не яви¹⁾. Въ спискѣ XVII вѣка жизнеописанія Симона Волинскаго списатель говоритъ: „како прежде быша труды его и хоженіе и чудодѣйствіе нѣкимъ писателемъ, о имени его писаніе потонку изъявися“²⁾. Изъ приведенныхъ мною указаній ясно, что во введеніи къ Домострою выраженіе „Наказъ отъ нѣкоего“ составляетъ указаніе не только на третье лицо, но даже на писателя. Такимъ образомъ, на основаніи этого введенія мы должны сдѣлать заключеніе, что раньше полнаго Домостроя существовалъ какой-то трудъ, составленный неизвѣстнымъ для редактировавшаго Домострой авторомъ. На основаніи такого указанія мы ясно видимъ, что списки полные стоятъ близко къ первой редакціи Домостроя. Мы не будемъ останавливаться на томъ, что въ числѣ списковъ краткихъ только одинъ восходитъ къ концу XVI вѣка, тогда какъ полныхъ два, и изъ нихъ одинъ восходитъ къ первой половинѣ XVI вѣка, но обсудимъ то возраженіе, что очень часто краткая редакція предшествуетъ полной. Не отрицаемъ того, что въ нѣкоторыхъ родахъ литературныхъ памятниковъ краткія редакціи предшествуютъ полнымъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ древне-русскихъ житій святыхъ, раннихъ приложныхъ, въ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ, составившихся въ провинціальныхъ мѣстностяхъ и потомъ дополнявшихся и переработывавшихся. Но въ то же время мы можемъ указать, что первая редакція житія Сергія Радонежскаго, составленная Епифаніемъ, гораздо обширнѣе передѣланной и переработанной Пахоміемъ сербомъ. Изъ житій святыхъ позднѣе дѣлались извлеченія какъ легенда—четья, прочитывавшіяся въ церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописи, хронографы постоянно пополнялись, такъ что позднія переработки являются полнѣе ранняго состава ихъ. Не для всѣхъ памятниковъ и не при всѣхъ условіяхъ можно приложить настоящее требованіе. Не соглашаясь, чтобы въ настоящемъ случаѣ краткіе списки Домостроя были раннимъ изводомъ, мы въ то же время допускаемъ краткія болѣе или менѣе отдѣльныя, подготовительныя сочиненія, изъ которыхъ сложился нашъ Домострой, а потому требуемую постепенность въ созданіи памятника мы признаемъ.

Такъ какъ одна краткость списковъ не можетъ служить аргументомъ въ пользу большей близости ихъ къ первоначальной редакціи

¹⁾ Ркп. Солов. Библ., № 227, стр. 4-я.

²⁾ Ркп. М. син. библ., № 406, стр. 5 об.

Домостроя, то мы рассмотрим и другіе доводы, которые думаемъ представлять въ томъ же направленіи. Есть одно антиисторическое мнѣніе, заключающееся въ томъ, что авторъ первоначальнаго извода Домостроя долженъ былъ быть „образованный человѣкъ“, съ строго логическими требованіями. Такая постановка вопроса или требованій для произведеній древне-русской литературы XV и XVI вѣковъ вполне неестественна. Извѣстно, что писатели XV вѣка были плохіе стилисты, такъ что епископы находили нужнымъ въ то время поручать стилистическую работу заѣзжему сербу Пахомию ¹⁾. Русская духовная проповѣдь XV и XVI вѣковъ не имѣла строгаго плана, дѣленія на составныя части. Извѣстно, что Курбскій именно въ такихъ недостаткахъ упрекалъ Ивана IV. Развѣ Стоглавъ представляетъ логическую послѣдовательность въ своемъ порядкѣ? Извѣстно, что философскій элементъ у нашихъ писателей древней Руси появляется съ школы XVII вѣка, которая и въ духовную проповѣдь ввела еему и дѣленіе на части. Въ XVII вѣкѣ впервые появились учебники, представляющіе въ своей основѣ философскую схему. Древне-русскіе литераторы больше всего держались въ изложеніи порядка повѣствовательнаго. На основаніи этого въ памятникахъ древней Руси мы скорѣе всего можемъ ожидать болѣе логическаго изложенія позднѣе, а менѣе логическаго съ болѣе сырмъ, мало обдѣланнымъ матеріаломъ ранъше. Отъ редакціи первой половины XVI вѣка естественно ожидать менѣе логическаго изложенія, чѣмъ отъ редакціи, составленной во второй половинѣ. Могутъ быть, конечно, и исключенія, но мы говоримъ только относительно общаго правила, обуславливающегося историческимъ ходомъ нашей литературы.

Такъ какъ два извода списковъ Домостроя разнятся одинъ отъ другаго въ значительной степени отбросками того, что находится въ другомъ изводѣ, то мы должны рассмотретьъ, чего недостаетъ въ другомъ и въ какомъ видѣ оказывается этотъ дефектъ. Очень важно то, что недостаетъ постоянно въ концахъ главъ, а не въ срединѣ или другой части ихъ. Полныя главы Домостроя не представляютъ собою переработки краткихъ ни въ содержаніи, ни въ изложеніи, а потому естественнѣе допустить отброски и урѣзки, чѣмъ добавленія. Отброски, сдѣланные въ краткихъ спискахъ, дѣйствительно представляютъ или ненужный баластъ выписокъ изъ сочиненій, безъ которыхъ можно обойтись, не нарушая смысла и полноты, какъ въ

¹⁾ См. мое изслѣдованіе: Пахомиѣ сербъ, писатель XV вѣка.

главъ о томъ, како врачеватися отъ болѣзней и всякихъ скорбей или же такіе отрывки, которые нарушаютъ приличіе и чистоту Домостроя, какъ большой эпизодъ о потворенныхъ бабахъ, какъ упоминаніе о болѣзни „тайнымъ членамъ отгнтіе“. Въ полныхъ спискахъ мы встрѣчаемъ болѣе суровое названіе главы „похвала мужемъ“, тогда какъ въ краткихъ болѣе мягкое „похвала женамъ“. Въ краткомъ изводѣ выпущено указаніе того, для чего нужно 600 разъ произнести молитву. Трудно допустить, чтобы всѣ подобныя добавленія въ Домострой могли быть сдѣланы позднѣе. На оборотъ, суровый нѣсколько стиль или тонъ въ подробныхъ спискахъ смягчается въ краткихъ спискахъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что списки краткіе, какъ болѣе прогрессивное явленіе въ литературѣ, должны были явиться позднѣе полныхъ. Одному критику хотѣлось бы доказать, что порядокъ главъ и указаній одной главы на другую логичнѣе въ спискахъ краткихъ, чѣмъ въ полныхъ Домостроя. Полагаютъ, напримѣръ, что главѣ о томъ, како врачеватися христіанамъ отъ болѣзней и всякихъ скорбей приличнѣе стоять 23-ю, а не 8-ю, а мы полагаемъ, что такой главѣ естественнѣе стоять въ отдѣлѣ о духовномъ, чѣмъ о мирскомъ строеніи и во всякомъ случаѣ совершенно умѣстно стоять между главами религіознаго характера, потому что все врачеваніе предлагается духовное. Полагаютъ, что неестественно за главами о духовномъ строеніи стоять тремъ слѣдующимъ главамъ: 1) како мужу съ женою совѣтовати ключнику приказывать о столовомъ обиходѣ и о поварнѣ и о хлѣбнѣ, 2) ключнику приказъ каковъ случится, 3) наказъ отъ государя ключнику какъ ѣства постная и мясная варити и кормити семья въ мясоѣдѣ и постѣ. Дѣйствительно эти главы въ спискахъ краткихъ поставлены между главами о домовномъ строеніи, то-есть, въ третьей части Домостроя, что совершенно согласно съ общимъ характеромъ упорядоченія размѣщенія въ Домострой позднѣе. Нельзя при этомъ не замѣтить, что эти три главы въ полныхъ спискахъ поставлены прямо вслѣдъ за главою „каково кормити приходящихъ въ дому своемъ съ благодареніемъ съ домочадцы“, такъ что эти три главы представляютъ какъ бы подробное дополненіе практическаго характера къ этой главѣ. Въ этихъ трехъ главахъ много говорится объ устройствѣ большаго обѣда, приготовленіяхъ къ нему, кушаньяхъ, надзорѣ за гостями, на дворѣ за санями и сѣдлами. Кромѣ того, эти три главы начинаются и оканчиваются вопросами о религіозныхъ обязанностяхъ. Многія угощенія древней Руси были дѣломъ религіознымъ. Самый про-

стой обѣдъ считался священнодѣйствіемъ. А потому въ этомъ отношеніи какой-либо большой неестественности полные списки Домостроя не представляютъ. Нѣкоторые полагаютъ, что порядокъ главъ вообще въ спискахъ краткихъ Домостроя естественнѣе, чѣмъ въ полныхъ, такъ какъ списки краткіе предлагаютъ въ своемъ порядкѣ сперва молиться за святительскій и священническій чины, заниматься посѣщеніемъ монастырей и больницъ, а уже потомъ предлагаютъ главу о томъ, что нужно молиться за царя, тогда какъ въ пространныхъ спискахъ раньше этихъ трехъ главъ стоитъ та, въ которой даются предписанія молиться за царя. Тѣ, которые такъ полагаютъ, и не подумали о томъ, что авторъ или редакторъ Домостроя, принадлежалъ къ писателямъ древней Руси, которые въ значительной степени пользовались чужимъ, написанными до нихъ источниками. Еслибы критикъ обратился къ главѣ моего изслѣдованія, гдѣ говорится объ источникахъ Домостроя, то онъ нашелъ бы, что всѣ первыя главы и содержаніемъ, и словами, и строгимъ порядкомъ обязаны Стослову Геннадія, откуда авторъ и взялъ цѣликомъ размѣщеніе этихъ главъ ¹⁾. А изъ всего этого слѣдуетъ тотъ простой и естественный выводъ, что редакція полныхъ списковъ Домостроя стоитъ ближе къ своимъ источникамъ, къ самому раннему составу Домостроя, чѣмъ изводъ краткихъ списковъ. Вполнѣ естественно поэтому, что редакторъ полного извода Домостроя не поскупился позаимствовать изъ Стослова Геннадія въ главу о томъ, како любить Бога, многое такое, что въ изводѣ списковъ краткихъ опущено или сокращено. Точно также въ спискахъ полного Домостроя близко къ тексту самаго памятника стоитъ названіе главы „похвала мужемъ“, такъ какъ въ самомъ текстѣ главы говорится „о добрѣ женѣ хвала мужу и честь“ ²⁾, что при очисткѣ Домостроя въ краткихъ его спискахъ могло появиться въ оглавленіи: „похвала женамъ“, какъ отвѣчающее содержанію самой главы. А потому мы должны сдѣлать то заключеніе, что болѣе полная и подробная редакція Домостроя древнѣе краткой.

Такъ какъ глава о томъ, како врачеватися христіаниномъ отъ болѣзней и всякихъ скорбей, въ спискахъ полныхъ, каковы Общ. исторіи и древностей, стоитъ VIII-ю, а въ спискахъ краткихъ какъ Коншинскій XXIII-ю, то указанія, сдѣланныя въ этой главѣ на другія,

¹⁾ Опытъ истор. лит. изслѣд. о Домостроѣ, стр. 104, 105, 106.

²⁾ Утенія 1881 г., кн. II, спис. Домостроя, стр. 66.

считаютъ болѣе естественными въ спискахъ краткихъ. Въ этой главѣ находится слѣдующее указаніе: „якоже въ началѣ писано книги сея отъ первыя главы вся 15 главъ и прочая главы книги сея такоже прочести и 29 глава“. Но во 1-хъ, 15 главами обозначается все главное и основное ученіе о духовномъ строеніи, а еще за 15 идутъ нѣкоторыя главы, не имѣющія прямого отношенія къ духовному строенію; 29-ю же оканчивается отдѣлъ Домостроя о мирскомъ строеніи и затѣмъ уже идутъ главы, посвященныя часто мелкому домашнему хозяйству; 2) въ разныхъ спискахъ дѣлаются и не одинаковыя указанія на главы, напримѣръ, одни списки дѣлаютъ указаніе на 29 главу, другіе на 10 и 29 ¹⁾, третьи на другія главы, такъ какъ въ разныхъ спискахъ главы различно размѣщены; 3) въ спискахъ Домостроя очень часто дѣлаются цифровыя указанія назадъ, на предшествующія главы, какъ напримѣръ, въ спискѣ Домостроя XVI в., принадлежащемъ Моск. дух. академіи: въ 38 главѣ въ концѣ ея „писано о томъ же въ главѣ 26 и 32“. Понятно, что точности отъ этихъ цифровыхъ указаній, строгой выдержанности мы не можемъ требовать. Приведемъ для образца изъ того же списка Моск. дух. академіи два текста изъ VIII главы: „якоже вдале писано книги сея отъ первыя главы вся 15 главъ и прочая главы книги сея такоже прочести и 29 глава“ ²⁾, а также „тутоже прочти двадесять осмую главу“ ³⁾. На такомъ разнообразіи указанія и нѣкоторой неточности списковъ мы не можемъ дѣлать никакихъ выводовъ. Еслибы даже и оказалось, что въ краткихъ спискахъ больше точности въ этихъ цифровыхъ указаніяхъ, то это могло бы только подтверждать наше мнѣніе, что краткая редакція—болѣе тщательно была перевѣрена и выправлена, а слѣдовательно и появилась позже пространной.

Эпизодъ о потворенныхъ бабахъ встрѣчается въ полныхъ спискахъ Домостроя очень пространно въ отдѣлѣ о мирскомъ строеніи и короче въ отдѣлѣ о домовномъ строеніи. Въ спискахъ краткихъ или въ краткомъ изводѣ Домостроя нѣтъ ни того, ни другаго, ни цѣлаго эпизода, ни отрывка изъ него. Въ 33-й главѣ Коншинскаго списка въ главѣ о томъ, какъ „по вся дни государыни надзирати у слугъ всего и домашней порядни и руководѣля и о самой ей и о всякомъ береженіи в строеніи“, мы читаемъ: „таковы бы у ней служки были вѣжли-

¹⁾ *Временникъ*, кн. I, стр. 37, стр. 102.

²⁾ *ib.*, стр. 114.

³⁾ *ib.*

вые по прежписанному. А съ слугами бы государыня пустошныхъ рѣчей ни пересмѣшныхъ отнюдь не говорила. Ни торговки, ни бездѣльныя женки, ни волхвы, никако не приходили". Если эту фразу мы сличимъ съ подробными списками, то мы найдемъ, что послѣднія слова „ни торговки, ни бездѣльныя жонки, ни бабы, ни волхвы, никакожь во дворѣ не приходили, понежъ отъ нихъ много зла чинитца, слугамъ потворъ“¹⁾, то намъ сдѣлается яснымъ, что произведено сокращеніе и измѣненіе для краткихъ списковъ изъ полныхъ, въ которыхъ мысль опредѣленна и періодъ не обрывается, а имѣетъ округленность. Изъ этого мы должны заключить, что краткіе списки составляютъ сокращеніе полныхъ.

Если же полные списки представляютъ собою болѣе древній изводъ Домостроя, то мы и должны отъ этого именно извода искать объясненія того, какъ произошелъ Домострой. Въ такомъ случаѣ мы должны имѣть дѣло съ большимъ памятникомъ нашей литературы. Извѣстно, что литературная производительность въ нашей древней Руси была небольшая. Не легко допустить, чтобы подобный памятникъ составился вдругъ однимъ человѣкомъ. Трудно допустить, чтобы многого не было готоваго для составителя полнаго извода Домостроя. Въ своемъ изслѣдованіи о Домостроѣ мы указали много источниковъ для первой и второй части Домостроя.

Какъ мы говорили выше, Введение при полныхъ спискахъ Домостроя прямо указываетъ, что раньше полнаго состава его существовало сочиненіе „о мирскомъ строеніи“. Для этой части Домостроя мною указаны были въ моемъ изслѣдованіи источники, существовавшіе въ нашей древней литературѣ. При помощи сборниковъ извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, Измарагдовъ, Златой Чепи не трудно было составить большую часть главъ отдѣла о мирскомъ строеніи. Нѣкоторые списки Измарагда въ значительной степени руссифицировались у насъ въ XV и XVI вѣкахъ, о чемъ сдѣлалъ замѣчаніе покойный А. В. Горскій. Шагъ къ составленію отдѣльнаго сочиненія „о мирскомъ строеніи“ подъ тѣмъ или другимъ заглавіемъ съ дословными выписками изъ готовыхъ источниковъ совершенно согласенъ съ ходомъ литературнаго дѣла въ концѣ XV или первой четверти XVI вѣка. А потому показаніе предисловія о томъ, что до

¹⁾ Чтенія 1881 г., кн. II, спис. Домостроя, стр. 93. Въ той же еоризѣ и буквально словами Коштинск. списка повторяется этотъ текстъ въ спискѣ Новоросс. университета, XVII в., 52 стр. об.

составленія полной редакціи Домостроя былъ „наказъ отъ нѣкогого о мирскомъ строеніи“ мы можемъ считать вполне вѣроятнымъ. Согласно же древнѣйшему списку Домостроя, этотъ наказъ отъ нѣкогого мы безъ натяжки и съ большою вѣроятностью можемъ относить къ первой четверти XVI вѣка.

Хотя въ Предисловіи говорится просто „и еще въ сей книгѣ ознайдеши о домовномъ строеніи“, безъ указанія на автора, но трудно допустить, чтобы одно и то же лицо могло составить отдѣлъ о духовномъ строеніи и о домовномъ строеніи. Источники для той и другой части совершенно различны. Составитель этой послѣдней части долженъ былъ быть знакомъ съ хозяйственною частью очень зажиточной, богатой семьи, гдѣ нѣсколько лицъ, завѣдывавшихъ разными частями хозяйства, должны были вести подробныя записи того, что куплено, что куда поступило, что взято, что возвращено.

Такія записи называются памятями. О записываніи, о необходимости вести точные счета всего домашняго постоянно напоминаетъ въ главахъ этой части, напримѣръ, въ 36-й „и записать“, въ 41-й „о всемъ, что въ сей памяти писано... что въ сей книгѣ написано“, въ 42-й „держати по прежеписанному“, въ 50-й „то было бы въ письмѣ и измѣрено“, въ 51-й „и въ письмѣ и въ счетѣ“, въ 52-й „колке чего изъ села или изъ торгу принесутъ—записать... кому государь велитъ что дати, то все записать“, въ 53-й „въ письмѣ“, въ 54-й „записано“, въ 55-й „все бы было въ письмѣ“, въ 58-й „всему ли естъ счетъ и мѣра и письмо“.

Знаемъ мы, что записи хозяйственныя велись въ монастыряхъ, въ которыхъ отъ XVI вѣка остались обиходники съ описаніемъ, напримѣръ, кушаньевъ на весь годъ. Отъ времени Ивана IV сохранилось нѣсколько записей царской казны, то-есть, одежды и цѣнныхъ вещей. Дѣломъ этихъ записей завѣдывали дьяки. Въ Новгородѣ подъ вліяніемъ нѣмцевъ широко развивавшаяся торговля пріучала новгородцевъ къ записямъ и памятямъ. Богатые новгородскіе бояре, посадники и торговые люди могли вести свое хозяйство съ такимъ счетомъ, какъ требуетъ третья часть Домостроя, потому что грамотныхъ и письменныхъ людей, которые могли бы вести такое хозяйство съ записями въ Новгородѣ въ первой четверти XVI вѣка было гораздо больше, чѣмъ въ Москвѣ.

Записи по тѣмъ отдѣламъ хозяйства, на которые указываетъ Домострой, сохранились, пожалуй, отъ царскаго хозяйства въ XVII вѣкѣ¹⁾.

¹⁾ Викторовъ, Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Москва. 1887.

А потому и въ настоящее время мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что и третья часть Домостроя легче всего могла составиться въ Новгородѣ. Въ XVI вѣкѣ Москва представителей по письменной части и по иконописной въ значительной степени получала изъ Новгорода. Видно, что эта именно часть Домостроя не всѣми принималась въ Москвѣ, потому что есть нѣсколько списковъ полнаго извода Домостроя безъ нея. За то эта часть почти не подвергалась никакой пердѣлкѣ въ краткомъ изводѣ. Мы очень сомнѣваемся, чтобы московскіе бояре въ первой половинѣ XVI вѣка могли находить для своего хозяйства столькожъ людей грамотныхъ, такъ какъ богатыхъ бояръ въ Москвѣ было много. Мы не претендуемъ на то, чтобы эта часть носила названіе „о домовномъ строеніи“, потому что это названіе взято въ Предисловіе изъ самаго текста Домостроя изъ 39 главы, гдѣ говорится „о домашнемъ строеніи“.

Эта часть Домостроя такъ удобно отдѣляется не только всѣмъ своимъ содержаніемъ отъ предыдущей части, но и своимъ началомъ, въ которомъ представлена общая мысль „по доходу и расходу“.

Такимъ образомъ мы считаемъ вѣроятнымъ, что и третья часть Домостроя существовала раньше редакціи пространнаго Домостроя въ первой четверти XVI вѣка.

Первая часть Домостроя, написанная сторонникомъ усилившейся царской власти въ Московскомъ государствѣ, составлена главнымъ образомъ на основѣ Стослова Геннадія съ дословными изъ него выписками въ первыхъ главахъ. Такъ какъ во введеніи очень подробно и очень много мыслей приводится именно изъ первой части, то естественно признать редактора всего полнаго Домостроя и авторомъ первой его части. Эта редакція могла быть сдѣлана въ первой половинѣ XVI вѣка.

Такимъ образомъ вторая часть Домостроя о мирскомъ строеніи и третья о домовномъ существовали раньше пространнаго извода Домостроя и, вѣроятно, были написаны въ Новгородѣ.

Въ Домостроѣ упоминаются каменные дома у частныхъ лицъ, а у многихъ новгородцевъ были клѣти каменные, тогда какъ въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка мы не знаемъ этого. Въ Домостроѣ упоминается, что богатые люди имѣли свои соленныя варницы, чего о московскихъ боярахъ первой половины XVI вѣка сказать нельзя, тогда какъ нѣкоторые богатые новгородцы владѣли ими. Повторимъ снова, что въ Домостроѣ не упоминается о домовыхъ церквахъ, хотя въ Москвѣ жили богатые бояре, старые удѣльные

князя, потому что крестовую комнату Домострой не смѣшиваетъ съ церковью. Что Москва въ первой половинѣ XVI вѣка не была проникнута такимъ торговымъ элементомъ какъ Новгородъ, видно изъ словъ митрополита Данила, который говоритъ „всѣ бѣгаютъ рукодѣлія, вси шапятъ (пренебрегаютъ) торгованіа“¹⁾, такъ что торговый элементъ Домостроя гораздо больше гармонируетъ съ Новгородомъ, чѣмъ съ Москвой. Въ главѣ Домостроя о дочери за обыкновенное дѣло считается, когда отецъ „во градѣхъ куплю дѣтетъ или по морю“. Только въ Новгородѣ, мѣстѣ всерусской торговли кунницами, могло выработаться ласкательное прозвище „кунки“ (то-есть, дѣвушки). Названіе „приказный“ въ Домостроѣ вовсе не означаетъ принадлежащаго въ царскому приказу, потому что слово это иногда замѣняется прямо словомъ „приказчикъ“, потому что приказный у господина, когда бываетъ большой пиръ, присматриваетъ, подаетъ кушанья и даже стряпаеть¹⁾. Еще менѣе того можно основывать мнѣніе о написаніи Домостроя въ Москвѣ на томъ, что встрѣчается въ Коншинскомъ спискѣ „у здѣшняго человѣка“, тогда какъ въ спискѣ Общ. „у домашняго торговаго человѣка“.

Не могу не припомнить того, что мною уже было сдѣлано указаніе на нѣкоторыя особенности новгородскаго говора, встрѣчающіяся въ спискахъ Домостроя, какъ, напримѣръ, „оцѣщеніе“²⁾ (въ сп. Коншина), на нѣсколько разъ попадающіяся названія господинъ и госпожа, вм. государь и государыня (въ спискѣ Савваитова), на такія слова сп. Общ. истор. какъ мшеломство, замѣненное въ сп. Коншина рѣзоимствомъ, какъ слово пачесы, очесы кудели, льна или пеньки, производствомъ которыхъ издавна занимались Псковская и Новгородская области.

Я уже не буду говорить о томъ, что въ спискахъ ранней редакціи Домостроя, то-есть, полной, встрѣчается, напримѣръ, „укоряюща“, тогда какъ въ краткихъ спискахъ „укаряюща“, что ключикъ полныхъ списковъ замѣняется словомъ „дворецкій“ въ краткихъ³⁾.

Нѣкоторые указываютъ на то, что будто бы названіе „опашень“, употреблявшееся въ Новгородѣ, не встрѣчается въ Домостроѣ. Но 1) опашень изуфрянъ⁴⁾ упоминается въ Домостроѣ, 2) очень ча-

¹⁾ Чтенія 1881 г., т. 11 Словарь Памвы Бернды sub voce.

²⁾ Временникъ, кн. 1-я, стр. 88.

³⁾ Ib., стр. 89.

⁴⁾ Временникъ, кн. 1-я, стр. 54.

сто встрѣчается онъ между царскими одеждами ¹⁾. Нѣкоторые говорятъ, что въ Домостроѣ встрѣчаются такія мѣры какъ четверть, которая не была въ Новгородѣ, а между тѣмъ въ Псковской лѣтописи по изд. Погодина нѣсколько разъ въ XV вѣкѣ отмѣчена „четверть ржи“ (стр. XXII).

Въ виду сдѣланныхъ нами указаній какъ на бытовныя подробности, такъ и на литературныя данныя, мы можемъ считать вѣроятнымъ, что вторая и третья часть Домостроя выработывались въ Новгородѣ.

Никто не отрицаетъ, что священнику Сильвестру принадлежитъ поученіе, составленное имъ для своего сына Анфима и жены его Пелагеи. Видно, что сочиненіе это онъ писалъ послѣ смерти своей жены, потому что о брачной жизни своей говоритъ какъ о прошломъ. Писалъ онъ это поученіе въ Москвѣ „многихъ сиротъ въ Новгородѣ и здѣ на Москвѣ: вскормихъ“. Вѣроятнѣе, что Сильвестръ писалъ это посланіе не позже 1559 года, еще при жизни царицы Анастасіи, но не задолго до своего отъѣзда изъ Москвы. Не смотря на начавшуюся противъ него остуду царицы, онъ не могъ не говорить о ея милостяхъ сыну „царское государево жалованье и государыни царицы“. Но въ то же время въ своемъ наставленіи сыну Сильвестръ держится такого порядка „и святительское благословеніе на себѣ имѣеть и царское государево жалованье“. А далѣе онъ говоритъ сперва о почитаніи священническаго и иноческаго чина, а потомъ уже о молитвѣ за цара и царицу. Такой порядокъ изложенія находится и въ самомъ Домостроѣ по краткому (Коншинскому) списку. А такъ какъ такой порядокъ не согласенъ съ древнею редакціей, основанной на Стословѣ Геннадія, то этого мы не можемъ не отмѣтить съ одной стороны какъ указаніе на тенденцію Сильвестра, а съ другой какъ на повтореніе той же тенденціи и въ краткомъ изводѣ (Коншинскаго) Домостроя. Не возможно считать подобное совпаденіе случайнымъ, когда посланіе Сильвестра исключительно только встрѣчается при краткомъ изводѣ Домостроя. Только къ чужому сочиненію можно дѣлать добавленіе малаго домостроя или посланія, обращеннаго къ сыну. Къ Сильвестру совершенно идетъ та работа сокращенія, очистки, какую представляетъ краткій изводъ сравнительно съ полнымъ. Если только Сильвестръ далъ своему сыну посланіе со спискомъ Домостроя, то невѣроятно, чтобы онъ чего-либо не сдѣлалъ съ нимъ,

¹⁾ *Викторовъ*, Описание записныхъ книгъ и бумагъ дворцовыхъ приказовъ, 1877 г., стр. 285, 199, 271, 311.

какъ извѣстный литераторъ, хотя уже и очень старый. Нужно полагать, что онъ писалъ это посланіе въ 70-хъ годахъ своей жизни. Переработка могла быть для него уже трудною, но сокращенія и отброски естественнымъ дѣломъ. Естественно было Сильвестру отбросить и о потворенныхъ бабахъ, такъ какъ онъ передавалъ посланіе и Домострой не только сыну Анфиму, но и женѣ его Пелагеѣ; естественно было измѣнить названіе главы, передѣлавъ „похвала женамъ“, естественно было измѣнить главу о дочери, отбросить названіе болѣзни „тайнымъ удамъ отгнитіе“, хотя въ той же главѣ есть названіе болѣзни „френгуги“. Такія сокращенія и видоизмѣненія естественно же всего ожидать отъ придворнаго священника, стоявшаго близко къ царицѣ и имѣвшаго собственную сноху. Другія сокращенія того, что только уснащало и отяжеляло безъ пользы памятникъ, Сильвестру естественно было сдѣлать. Могъ недовольный Сильвестръ перемѣстить и главу о почитаніи царя. Такое объясненіе нужно считать вполне вѣроятнымъ ¹⁾.

Такимъ образомъ и въ настоящее время остается то же дѣленіе списковъ Домостроя на два извода, то же опредѣленіе времени появленія списковъ, остается полный изводъ Домостроя болѣе раннимъ, а краткій болѣе позднимъ. Остается и теперь, какъ прежде, дѣленіе Домостроя на три части, изъ которыхъ двѣ послѣднія, на основаніи указанія Предисловія, должны быть признаны предшествовавшими полному изводу Домостроя и возникшими въ первой четверти XVI вѣка, можетъ быть, въ Новгородѣ. По прежнему остается большая вѣроятность, что краткій изводъ Домостроя устроенъ священникомъ Сильвестромъ.

Иванъ Некрасовъ.

¹⁾ Въ настоящей статьѣ мы старались только дополнить наше исслѣдованіе, но по возможности не повторять его.

ЖИТІЕ СВ. СТЕФАНА СУРОЖСКАГО ¹⁾.

IV.

Греческое краткое житіе Стефана Сурожскаго въ русскомъ переводѣ ²⁾.

1. Сей незабвенный всесвятѣйшій отецъ нашъ Стефанъ родину имѣлъ въ странѣ Каппадокійской, происходя изъ села, называемаго Воривасомъ, отъ родителей благочестивыхъ и боголюбивыхъ. Ставъ отрокомъ, онъ отданъ былъ ими для изученія Священнаго Писанія. И онъ превзошелъ въ наукѣ всѣхъ тамъ сверстниковъ и начальствующихъ въ школахъ, и на восемнадцатомъ году возраста своего, изучилъ внутреннюю и внѣшнюю (духовную и свѣтскую) письменность, грамматику и пѣтику, астрономію и геометрію, и хорошо усвоивъ весь кругъ образованія, сдѣлался для всѣхъ многожеланнымъ. Когда же родители его разстались съ жизнію, онъ все свое имущество раздѣлилъ нищимъ и, удалившись изъ своего отечества, прибылъ въ Аѳины, ибо онъ имѣлъ желаніе поклониться и приложиться во Храмъ Богоматери. Нашедши туземныхъ исконныхъ тамъ философовъ и риторовъ, онъ со всѣми бесѣдовалъ и не мало съ ними разсуждалъ, а затѣмъ прибылъ въ Константинополь и сдѣлался из-

¹⁾ *Окончаніе.* См. майскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ

²⁾ Какъ извѣстно, краткое житіе св. Стефана Сурожскаго находится въ сборникѣ краткихъ житій (Синиксаріѣ), теперь хранящемся въ библиотекѣ на островѣ Халки (близъ Константинополя), въ томъ самомъ, въ которомъ находятся и другія замѣтки, относящіяся къ исторіи Сурожа. Копія этого житія была давно получена нами при посредствѣ И. Е. Троицкаго.

~~вѣстнымъ и возлюбленнымъ для всѣхъ выдающимся~~ знаиомъ, по причинѣ крайней кротости своей и пріятности своего слова. Вступивъ въ одинъ монастырь, онъ въ немъ постригся, ибо онъ возлюбилъ монашескую и подвижническую жизнь; и онъ не встрѣтилъ отказа въ томъ, чего требовалъ.

2. А въ это время, вслѣдствіе того, что разлучился съ жизнію и представился ко Господу предстоятель славнаго города Сурожа (=Сугден), была потребность и происходили поиски другаго архіерея. Такъ какъ церковный чинъ находилъ, что незабвенный мужъ отличался выдающеюся добродѣтелью, постоянствомъ во нравѣ, силою во словѣ и былъ учителемъ въ правильныхъ догматахъ, то по опредѣленію и испытанію божественнаго и священнаго собора, а также и самаго правящаго апостольскимъ престоломъ, — я разумію святѣйшаго Германа исповѣдника, — всесвященнѣйшій Стефанъ возводится на архіепископскій престолъ, полагается какъ свѣтъ на свѣтильникъ и свѣтитъ тамъ находящимся, не только вѣрнымъ, но и невѣрнымъ, не только близкимъ, но и отдаленнымъ; на подобіе солнца, онъ всѣхъ освѣщаетъ и веселитъ свѣтлою своею жизнію, и отправляется незабвенный къ доставшемуся ему стаду.

3. Вслѣдствіе поупущенія Божія, недостойный царства, Левъ Армянинъ, недостойно и тираннически захвативъ самодержавную власть, возжегъ сильнѣйшую брань противъ божественныхъ святыхъ и священныхъ иконъ, и всѣхъ, сколько находилъ, вѣрныхъ и православныхъ присуждалъ къ темницамъ, изгнанію и горькимъ мукамъ, и когда онъ потрясъ, можно сказать, всю землю, нечестивое его повелѣніе достигло и знаменитаго града Сурожа. И посылаетъ звѣрообразный Левъ волковъ — аравитянъ, оруженосцевъ своихъ и сотрудниковъ, и они похитили Божію овцу, и ученикъ учителя своего, какъ незлобивый агнецъ, послѣдовалъ ему, не поднимая спора, ниже вопля. И достигнувъ берега, они — о чудо! — всеполезнѣйшій, священнѣйшій и святѣйшій сосудъ, какъ нѣкоторый негодный грузъ, ввергнувъ въ корабль, отплыли; и много пострадавъ во время плаванія, священнѣйшій Стефанъ достигъ царствующаго города. И сошедши съ корабля, сей воинственный мужъ, облачившись во всеоружіе Святаго Духа, схватился со звѣремъ; и зарычавшій Левъ никакъ не испугалъ его; не убоаяся мужественный (воитель), но поразилъ его отъ Писанія и многихъ догматовъ, а также и духовными пѣснопѣвіями, и испровергъ бессильную его дерзость. Прогремѣвъ, святой привелъ въ ужасъ нечестиваго и навелъ на него страхъ, и сказалъ муже-

ственный громкимъ голосомъ: „О царь, недостойный царства! Честь образу и поклоненіе, какъ Творцу естества, восходить къ Первообразу“. Сказавъ другое многое, святой заградилъ уста Льву, какъ нѣкогда Давидъ; но измѣнившись въ лицѣ, онъ тотчасъ повелѣлъ казнить святаго, и тотчасъ прислужники звѣря повергли святаго на землю, и одни попирали его ногами и били палками, другіе бросали въ него камнями. И когда святой много пострадалъ, то заключили его въ темницу.

4. Много испыталъ и вынесши, но одержавъ побѣду, по благодати Божіей, святой, чрезъ посредство нѣкоторой жены (по имени) Ирины, и въ самое дѣлѣ суцѣй Ирины ¹⁾, былъ освобожденъ изъ заключенія. И возвратившись къ своему стаду, пастырь добрый нашель словесныхъ своихъ овецъ исполненными многого сокрушенія, но узрѣвши пастыря, овцы возрадовались великою, несказанною радостію. И хорошо упасши и научивъ свое стадо, сотворивъ много чудесъ—одни прежде успенія, другія послѣ успенія, онъ переселился ко Господу въ пятнадцатый день декабря мѣсяца. Его же молитвами, Господи Боже, помилуй и спаси насъ!

Первое, что бросается въ глаза въ этомъ изложеніи житія Святаго, есть несообразность, заключающаяся въ сопоставленіи двухъ именъ: патріарха Германа, который поставилъ Стефана архіепископомъ Сурожа, и царя Льва Армянина, который былъ обличаемъ Сурожскимъ святителемъ и подвергъ его истязаніямъ. Патріархъ Германъ былъ современникомъ Льва Исаврійскаго; при немъ начался первый періодъ иконоборства, ознаменованный прежде всего низложеніемъ его, какъ непреклоннаго защитника иконопочитанія, а это произошло въ 730 году. Левъ Армянинъ (813—820) возобновилъ преслѣдованіе иконъ, послѣ того какъ оно было восстановлено постановленіями втораго Никейскаго собора при императрицѣ Иринѣ и послѣ нея держалось въ продолженіе двадцати-шести лѣтъ при царяхъ Константинѣ, Никифорѣ и Михайлѣ. Между низложеніемъ престарѣлаго Германа и между началомъ царствованія Льва Армянина протекло восемьдесятъ-три года. Далѣе: загадочная на первый взглядъ Ирина, положеніе и званіе которой совсѣмъ не объяснено въ греческомъ житіи, по которая

¹⁾ То-есть, умирительницы, такъ какъ слово Ирина по гречески значитъ мѣртъ.

представляется столь вліятельною, что была виновницею освобожденія Стефана, переноситъ насъ въ эпоху Константина Копронима (741—775), наслѣдовавшаго своему отцу Льву Исаврійскому. Если бы тутъ разумѣлась православная царица Ирина, созвавшая седьмой Вселенскій соборъ, то, конечно, и нашъ малограмотный грекъ-суро-жанинъ не въ состояніи былъ бы назвать ее нѣкоторою женою. Въ болѣе подробной славяно-русской редакціи мы найдемъ прямое объясненіе, что виновницею освобожденія Стефана была дочь Хазарскаго кагана и супруга императора Константина Копронима, которая дѣйствительно именовалась Ириною. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что названный ранѣе и прежде Ирины царь Левъ былъ на самомъ дѣлѣ Левъ Исаврійскій. Если мы сдѣлаемъ такую довольно легкую поправку въ нашемъ текстѣ, то конечно, устранимъ главнѣйшую и вопіющую несообразность, и все будетъ имѣть видъ нѣкоторой послѣдовательности. Но и послѣ этого останется рѣзкое противорѣчіе съ нашими другими хотя болѣе краткими, но за то болѣе авторитетными свѣдѣніями, почерпаемыми изъ Мивологія Василіева, а также изъ церковной службы святому Стефану Сурожскому. Тамъ дѣло представляется такимъ образомъ, что Стефанъ сначала обличаетъ царя иконоборца, притомъ не Льва, а Константина, и подвергается мученію, а уже потомъ отправляется въ изгнаніе въ Сурожъ, гдѣ получаетъ епископскій санъ; а здѣсь на оборотъ — съ начала дѣлается архіепископомъ, а послѣ является въ столицу для борьбы съ иконоборцами и т. д. Сверхъ того, здѣсь предполагается, что и ранѣе Стефана существовала въ Сурожѣ епископская кathedra. Что же мы должны думать объ этихъ противорѣчіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о происхожденіи краткаго греческаго сказанія? Должны ли мы совершенно отвергнуть его достовѣрность, какъ произведенія поздняго съ содержаніемъ произвольно выдуманнаго?

Рѣшиться на это мы не можемъ. Самое упоминаніе объ Иринѣ, которое при надлежащемъ объясненіи и дополненіи будетъ заключать въ себѣ нѣчто правдоподобное, имѣющее знаменательный историческій смыслъ, показываетъ, что нашъ малограмотный сурожанинъ способенъ былъ не столько на выдумку, сколько на недоразумѣніе; онъ не изобрѣталъ фактовъ, а только не совсѣмъ ясно понималъ и не совсѣмъ точно передавалъ читанное у другихъ или слышанное устно. Онъ не твердъ былъ въ церковной исторіи до того, что не сознавалъ отчетливо различіе между Львомъ Исаврійскимъ и Львомъ Армянномъ, и хотя помнилъ имя Ирины, но не могъ сообразить, какая это

была Ирина. Затѣмъ у него есть и другія біографическія сообщенія, носящія на себѣ печать первичной подлинности, нѣкотораго спеціальнаго знакомства съ разказами о происхожденіи и юности своего мѣстнаго святителя, хотя мы опять не можемъ ручаться въ совершенной правильности собственныхъ именъ и смысла каждой отдѣльной черты. Что будущій архипастырь Сурожа родился въ Каппадокіи въ селеніи Ворисавѣ, это мы должны принять за фактъ добросовѣстно сообщаемый и можемъ усумниться только развѣ въ вѣрности наименованія — не области, а селенія. Любопытно далѣе сообщеніе о путешествіи въ Аѣины. Оно мотивируется, съ одной стороны, желаніемъ поклониться во храмъ Богоматери, а съ другой—любовью къ мудрости или наукѣ: тамъ восемнадцатилѣтній Стефанъ встрѣтилъ риторовъ и философовъ, какими искони славился этотъ городъ. Два побужденія, конечно, не исключаютъ себя взаимно; но нельзя не замѣтить, что оба отзываются нѣкоторою несвоевременностью или анахронизмомъ. Храмъ Богородицы въ Аѣинахъ существовалъ безъ сомнѣнія въ VIII столѣтіи, такъ какъ онъ возникъ на мѣстѣ и въ замѣнъ древняго Паренена и упоминается между прочимъ еще у географа Равенскаго; полагаемъ, что и Аѣины въ то время, вопреки Фальмерайеру, не представляли совершенно заглошшаго мѣста: но все-таки нѣтъ примѣровъ, чтобы еще тогда они служили притягательнымъ пунктомъ для благочестивыхъ пилигримовъ. Такіе примѣры относятся къ XII вѣку и все-таки были довольно рѣдки. Что же касается ученой славы Аѣинъ, то на оборотъ къ VIII и IX вѣкамъ она совсѣмъ померкла и представляла скорѣе отголосокъ стараго преданія, которому дѣйствительность очень мало отвѣчала. Правда, существуетъ преданіе объ одномъ западномъ святомъ VII вѣка († 681) Гисленіѣ или Эгидіѣ, проповѣдникѣ христіанства въ ннѣйшней Бельгіи (въ провинціи Геннегау), что онъ родомъ былъ изъ Аттики, и что своими родителями, обладавшими богатствомъ и знатностью, онъ отданъ былъ въ обученіе преподавателямъ свѣтской науки, а затѣмъ занимался изученіемъ философіи въ Аѣинахъ; но это разказывается въ житіи святаго, написанномъ гораздо позднѣе, и притомъ въ такой связи, которая обличаетъ легендарное происхожденіе всего разказа ¹⁾.

¹⁾ Venerandus igitur sacerdos Gislenuus in gente Attica inclytis juxta saeculi gloriam parentibus, christiana nobilitate nitentibus, extitit oriundus... Traditus ergo liberalium artium paedagogis ac imbutus penitus his, apud Athenas nobilissimam

Сообщеніе объ успѣхахъ Стефана въ свѣтскомъ образованіи, о пребываніи его въ Аѳинахъ и о разсужденіяхъ съ тамошними философами и риторамъ, въ сущности, переносятъ насъ въ другую эпоху; оно скорѣе шло бы ко временамъ Василія Великаго или Іоанна Златоуста. Въ мало достовѣрномъ и почти апокрифическомъ житіи послѣдняго, сочиненіе котораго приписывается Георгію Александрійскому, тоже повѣствуется о пребываніи Златоуста въ Аѳинахъ и, что любопытно и должно быть отмѣчено теперь же, выраженія обоихъ нашихъ источниковъ—памяти о Стефанѣ Сурожскомъ и житія Іоанна—представляютъ въ данномъ случаѣ черты нѣкотораго страннаго сходства, заставляющаго предполагать вліяніе распространеннаго и популярнаго источника на болѣе поздній—сурожскій. О Златоустѣ говорится у Георгія, что онъ, обучаясь въ Аѳинахъ, превзошелъ всѣхъ бывшихъ прежде него въ школѣ: ὑπεραχοντίσας ἅπαντας τοὺς πρὸ αὐτοῦ ὄντας ἐν τῇ σχολῇ. Для описанія успѣховъ Стефана въ наукахъ употребляются тѣ же самыя выраженія: καὶ πάντας τοὺς ἐχεῖσε συνήλικώτατας καὶ προχαθήμενούς ἐν τῇ σχολῇ τῶν γραμματῶν ὑπερῆχόντισε. На восемнадцатомъ году Стефанъ кончилъ свои учебныя занятія и отправился въ Аѳины; и Златоусту, по словамъ Григорія, было восемнадцать лѣтъ, когда онъ воротился изъ Аѳинъ. Могли бы указаны быть и другія параллельныя мѣста; но пока довольно и этого. Мнѣніе наше относительно послѣдняго приведеннаго пункта такое, что авторъ халкинской записи о памяти Стефана Сурожскаго, вѣроятно, имѣлъ какія-нибудь побужденія внести въ его біографію упоминаніе объ Аѳинахъ, но едва ли имѣлъ къ тому настоящія основанія въ самыхъ своихъ источникахъ. Всего скорѣе дѣло было такъ, что онъ помнилъ нѣчто объ особенныхъ успѣхахъ святаго въ наукахъ, что въ его памяти держались слова и обороты рѣчи, относящіяся къ Стефану, но въ то же время напоминающіе о древнихъ еще болѣе знаменитыхъ отцахъ церкви, посѣщавшихъ Аѳины ради свѣтской мудрости, чего о Стефанѣ въ подлинномъ предполагаемомъ

urbem, quae cunctis nationum linguis tribuit totius flores eloquentiae. Hoc itaque saeculari studio affatim edoctus и т. д. Далѣе разглагольствуется, что ради свѣтской мудрости не забывъ духовной, Эгидій поступилъ въ монастырь, получивъ савъ священника, и подражая примѣру св. Діонисія Ареопагита, изъ Аѳинъ отправился въ Римъ и далѣе на западъ, чтобы проповѣдывать язычникамъ Евангеліе. Acta sanct. Bolland. Octobr. vol. IV, p. 1030; ср. *Hopf*, Griechische Geschichte (въ Энциклоп. *Эрша* и *Грубера*, т. 86), стр. 113; *Gesta episcop. Cameracens. Pertz*, SS. VII, 409, 164.

житіи, вѣроятно, не говорилось и въ дѣйствительности не было. Какъ и въ другихъ случаяхъ, здѣсь не выдумка, а больше недоразумѣніе, излишнее увлеченіе ассоціаціей идей.

Переходимъ теперь къ подробной славяно-русской редакціи житія Стефана Сурожскаго, какъ оно читается въ рукописи XVI столѣтія (въ бібліотекѣ Московской духовной академіи). Оно довольно обширно, и потому мы передаемъ его содержаніе только въ извлеченіи. Мы раздѣляемъ свой пересказъ на главы, какъ это сдѣлано при изданіи текста для археографической комиссіи.

V.

Содержаніе подробнаго славяно-русскаго житія и критическія замѣчанія къ оному.

Въ житіи говорится сначала о рожденіи и воспитаніи Стефана, описываются его успѣхи въ наукахъ и прибытіе въ Константинополь; начальныя слова напоминаютъ Халкинскую записку: „Сей убо преподавнй отецъ нашъ Стефанъ бѣ отъ великаго Каподокіа, села Морисава“, а въ одномъ древнемъ спискѣ—Каппадокійскія страны села Мориваса (въ греч. Вориваса). Отличаясь необыкновенною даровитостью, онъ былъ отдавъ послѣ достиженія семи лѣтъ въ ученье и въ короткое время оказалъ необычайные успѣхи въ познаніи святыхъ книгъ. Желая высшаго образованія, онъ по достиженіи пятнадцати лѣтъ въ правленіе царя Θεодосія Андраминдина и при патріархѣ Германѣ прибылъ въ Царьградъ, желая довершить свое образованіе. Здѣсь (а не въ Аѣинахъ) онъ постигъ грамматику, риторику, философію и превзошелъ всѣхъ своихъ учителей, такъ что всѣ дивились его мудрости. Притомъ онъ отличался не только знаніемъ, но и своею жизнью. Слѣдуетъ разсужденіе о необходимости того, чтобы съ высокимъ образованіемъ соединялись и добрыя дѣла.

2. Слава Стефана обратила на него вниманіе патріарха Германа, который призвалъ его къ себѣ, съ нимъ бесѣдовалъ, велѣлъ часто приходиться къ себѣ и вообще полюбилъ его. Пятнадцать лѣтъ пробылъ Стефанъ въ Царьградѣ и сталъ смущаться совѣстью, что, живя въ мірѣ, онъ не можетъ достигнуть совершенства, что ему нужно искать безмолвія; и вотъ онъ ушелъ въ одинъ монастырь, въ которомъ и постригся. Здѣсь онъ прожилъ простымъ монахомъ тридцать лѣтъ.

3. Въ то время умеръ прежній Сурожскій архіепископъ Стефанъ, и сурожане пришли къ царю и патриарху просить себѣ новаго архіерея; искателей было много, но достойнаго на мѣстѣ не оказалось, и этимъ объясняется обращеніе къ высшимъ властямъ. Долгія совѣщанія въ столицѣ тоже не приводили къ удовлетворительному результату; наконецъ, самъ Богъ открылъ патриарху Герману своего избранника.

4. Ему было видѣніе: ангелъ Божій явился ему ночью и указалъ на Стефана, который уже тридцать лѣтъ подвизался въ одномъ мѣстѣ. Патриархъ не зналъ этого мѣста, но ангелъ указалъ мѣстопробываніе Стефана дѣтшицу, котораго взялъ съ собою отъ патриарха.

5. Затѣмъ этотъ же ангелъ является самому Стефану, который былъ повергнутъ этимъ явленіемъ въ трепеть, но потомъ, когда ангелъ принялъ человѣческой образъ, ободрился и сталъ спрашивать о причинѣ явленія. Ангелъ возвѣстилъ о высококомъ призваніи, предстоящемъ Стефану—питать людей вѣчною пищею и заграждать уста еретикамъ, другими словами—о велѣніи Господнемъ идти въ Сурожъ.

6. Стефанъ отказывается, ссылаясь на свое недостоинство; ангелъ общается ему Божественную помощь, какая дарована была Моисею, когда онъ посланъ былъ къ Фараону, указываетъ на слова Христа, въ которыхъ онъ заповѣдалъ своему малому стаду не бояться и т. д., и возвѣстилъ, что на утро придеть къ нему посольство отъ патриарха.

7. Святой остается въ недоумѣніи, а патриархъ Гермогенъ послѣ бывшаго ему видѣнія, бесѣдуетъ съ своими приближенными о неисповѣдимыхъ судьбахъ Бога, который имѣетъ много сокровенныхъ и неизвѣстныхъ никому вѣрныхъ рабовъ.

8. При наступленіи утра, онъ отправляетъ съ отрокомъ двухъ священниковъ къ Стефану и велитъ его привести, хотя бы противъ его воли. Стефанъ, котораго посланные находятъ на молитвѣ, отрицается своимъ недостоинствомъ, утверждаетъ (что противорѣчитъ прежде сказанному), будто патриархъ его никогда не видалъ и не знаетъ; но тѣ спрашиваютъ его объ имени и, убѣдившись въ тождествѣ, приводятъ къ патриарху.

9. Патриархъ встрѣчаетъ Стефана съ честью, привѣтствуетъ его какъ избранника Божія, сравниваетъ его съ Давидомъ, побѣдившимъ Голиаѳа, называетъ блаженнымъ городъ Сурожъ, которому дано было объявить міру такое сокровище.

10. Патриархъ, на вопросъ Стефана, объявляетъ ему волю Божию о поставленіи его епископомъ и приглашаетъ въ церковь для посвященія.

11. Стефанъ снова отрицается, ссылаясь на трудность архіерейскихъ обязанностей; патріархъ угрожаетъ ему эпитиміей за непослушаніе, и тогда Стефанъ покоряется. Его ведутъ въ церковь, Германъ рукополагаетъ его послѣдовательно поддіакомъ, діакономъ и пресвитеромъ. Слава о немъ распространяется въ столицѣ.

12. Царь, который со своей стороны полюбилъ Стефана, хотѣлъ устроить посвященіе его въ архіереи наиболѣе торжественнымъ образомъ. Въ присутствіи множества „друговъ и рядникъ“ (ἑταίρων καὶ ἰδιωτῶν?), знатныхъ воиновъ и самого царя совершенно былъ обрядъ.

13. Черезъ нѣсколько дней патріархъ призываетъ новопоставленнаго архіепископа, бесѣдуетъ съ нимъ; затѣмъ, испросивъ отъ него благословеніе, Стефанъ отправляется на царскомъ кораблѣ въ Сурожъ.

14. Описывается торжественная встрѣча въ Сурожѣ. Стефанъ бесѣдуетъ въ первый разъ къ своей паствѣ, удивляетъ всѣхъ данною ему отъ Бога мудростію, въ силу которой онъ разрѣшалъ всѣ трудности въ пониманіи Писанія и давалъ отвѣтъ на всѣ вопросы. Однако, онъ самъ просилъ себѣ молитвъ у народа, указывая на тяжесть бремени, которое на него возложено; онъ ссылался на примѣръ папы Льва, перваго (?) епископа Римскаго, который послѣ избранія сорокъ дней провелъ при гробѣ апостола Петра въ постѣ и молитвѣ... Слушатели въ восторгѣ, возглашаютъ, что еще никогда ихъ городъ не имѣлъ такого учителя. Они рукоплескали сопровождая это громкими восклицаніями, махали окройницами, кожувальными скутами, ручными убрисами, вѣнками.

15. Новый епископъ непрестанно поучаетъ паству, не только въ церкви, но въ домахъ и на торжищахъ, препирая еретиковъ и многихъ зловѣрныхъ обращая на путь истины. Онъ бесѣдовалъ съ народомъ, приводя толковниковъ, которые знали оба языка. Было въ тѣхъ мѣстахъ, кромѣ еретиковъ много поганныхъ, то-есть, язычниковъ, которые приносили жертвы капищамъ (жряку капищемъ); теперь они тоже обращались и крестились въ безчисленномъ количествѣ.

16. Стефанъ радовался умноженію вѣрующихъ; между тѣмъ къ нему приводили больныхъ и недужныхъ, и они получали исцѣленіе. Видя это, стали приходить въ Сурожъ толпы окрестныхъ жителей. Когда дѣлалось извѣстнымъ, что онъ хочетъ говорить къ народу, то всѣ стекались въ церковь: ремесленники („рукодѣльници“) оставляли свои занятія, городскіе строители — свои строенія; если на тотъ

день было назначено зрѣлище или конское ристалище, то люди оставляли все это и шли въ церковь.

17. Народъ стекался отовсюду на коняхъ и на колесницахъ, наполняя всѣ улицы, торжища и церкви. Было поставлено много пресвитеровъ и клириковъ для различныхъ духовныхъ его потребностей: одни крестили оглашенныхъ язычниковъ, приводили еретиковъ на добрую вѣру, другіе поучали закону божественному вѣрующихъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ Стефанъ ученіемъ своимъ обратилъ къ христіанству и „крестилъ“ весь городъ и окрестныя села. Между тѣмъ діаволъ возмутилъ церковь въ Цареградѣ; наступило иконоборство.

18. Рѣчь идетъ о началѣ иконоборства при царѣ Львѣ Исаврѣ (Савросѣ) подъ влияніемъ двухъ жидовиновъ, которые сказали царю, что слѣдуетъ уничтожить иконы и кресты. Сначала приказано было ставить иконы высоко, потомъ пригвождать ихъ къ стѣнѣ, и вообще океанный сталъ придумывать разное противъ иконъ.

19. Патріархъ Германъ останавливаетъ его, при чемъ, между прочимъ, указываетъ на существовавшее предсказаніе, что въ Цареградѣ долженъ явиться царь иконоборецъ, но желалъ, чтобы это случилось не при его, Льва, державѣ.

20. Съ особенною силою Германъ настаивалъ на опасности и бесполезности противленія Христовой церкви, которой не могли и прежде одолѣть никакія гоненія и насилія.

21. Выслушавъ слова патріарха, царь только больше ожесточился: заявилъ, что онъ — тотъ царь, который былъ предсказанъ, и сталъ метать святныя иконы и честныя кресты на землю, топтать ихъ ногами и т. д. Онъ всюду разослалъ приказанія въ соответствующемъ смыслѣ; непослушнымъ грозилъ лишеніемъ сана, отнятіемъ имущества, заключеніемъ въ темницу.

22. Послѣдовалъ всеобщій ужасъ: одни изъ епископовъ плакали, а другіе, выходя изъ церкви, били себя по глазамъ и по честной главѣ и по яснымъ устамъ, цѣловали другъ друга съ горькими слезами. Началось яростное гоненіе, которое здѣсь описывается рѣзкими сильными чертами. Страшно было видѣть царственный градъ; онъ какъ бы въ клубъ свился; одни волновались, какъ бурная вода, бѣгая туда и сюда, другіе бѣжали прочь, оставляя своихъ родныхъ („сердоболя своя“) и покидая имущество. Царь велѣлъ поставить вездѣ сторожей и запретилъ выходъ изъ города.

23. Патріархъ снова обращается къ нему съ увѣщаніями, но онъ

только больше возмутился; низвелъ Германа съ престола и сослалъ его въ ссылку на островъ; на мѣсто его назначенъ былъ нечестивый Анастасій. Въ это же время, „рати бывши“, онъ убилъ сына Феодосіева и вмѣстѣ съ нимъ триста бояръ. Все царство принялъ Левъ и не переставалъ мучить родъ христіанскій, иконы обращая въ щепы („раскѣпая“), и кресты метая по дорогамъ и улицамъ. Говорится также о казняхъ, которымъ подвергались вѣрные иконопочитанію епископы и духовенство.

24. Эта глава составляетъ повтореніе того, что уже было выше сказано—о низведеніи Германа и о вступленіи на его мѣсто Анастасія.

25. Разказъ возвращается къ Сурожу. Сюда пришелъ корабль со злыми посланцами отъ злочестиваго царя, которые запрещали поклоняться кресту и иконамъ. Стефанъ противорѣчить и самъ хочетъ идти къ царю; народъ его не пускаетъ и готовъ за него биться до смерти. Стефанъ отъѣзжаетъ на кораблѣ тайно ночью, утаився отъ гражданъ.

26. Предъ пришествіемъ святаго царь захватилъ и посадилъ въ „анумера“ (въ темницу) 370 епископовъ, игуменовъ, поповъ и діаконновъ; однимъ отсѣкъ руки, другимъ вырѣзалъ глаза, урѣзалъ носы и т. д. Когда Стефана ввели во дворецъ, то онъ нашелъ тамъ много ложныхъ епископовъ, думающихъ съ царемъ злую думу.

Царь спросилъ Стефана: „Кто ты?“ Стефанъ отвѣчалъ: „Христовъ рабъ, Стефанъ Сурожскій“. Царь спросилъ: „Зачѣмъ ты сюда пришелъ?“ Епископъ отвѣчалъ: „Твои посланные привели меня“. Царь говоритъ: „Видишь ли соборъ, засѣдающій со мною; они пожгли и поскѣпали икономъ и кресты: послѣдуй этому и ты, тогда ты будешь въ великой чести“. Святой отвѣчалъ, что онъ не пойдетъ за такимъ призывомъ, если даже его онъ велитъ мучить, разсѣчь на части или жечь огнемъ. „По иконѣ и по крестѣ Господни все стерплю“, говоритъ Стефанъ, а затѣмъ ссылается на предсказаніе на имѣющагося появиться нечестиваго царя, который будетъ называться Конономъ; но оказывается, что Кононъ есть первоначальное имя самого Льва, данное ему при рожденіи. Стефанъ называетъ такого царя предтечею Антихриста и за это подвергается истязаніямъ и заключенію въ темницѣ.

27. По минованіи недѣли, царь снова велѣлъ привести святаго. Святой явился въ сопровожденіи семи епископовъ, которые сами захотѣли раздѣлить его судьбу. Когда они пришли къ гонителю, онъ

держалъ въ рукахъ образа Спаса, Богородицы и Іоанна Крестителя. „И рече царь Стефану: како мя нареклъ еси предтечею антихристова? Глагола святыи ¹⁾: дѣло твое тѣ есть (это твое дѣло); реклѣ ти есмь, наки тоже глаголю. Рече царь плюя на икону, юже въ рущѣ дрѣжаще; и удари ю въ землю и потонта. И рече Стефану: тако и ты сътвори. Святой на то отвѣчалъ: врагъ Божій, ты недостойнъ царства: какъ не иссохли твои руки? Пусть Богъ отнять отъ тебя царство въ скоромъ времени и сократитъ жизнь твою. Царь, услышавъ такія слова, велѣлъ снова бить Стефана, такъ что онъ остался едва живъ; затѣмъ привязали его къ лошадиному хвосту и отвезли въ темницу.

28. Дальнѣйшая судьба Стефана излагается очень кратко. „Ставшие же вси святители, помолиша Бога, да скратитъ животъ злочливаго царя; и молитвою святыхъ скоро умре царь злый, и наста сынъ его Константинъ Гноетезный; а царица его Феодора керченскаго царя дщи та бо вѣдаше святаго, слышала бѣ о добродѣтели его и о ученіи и о чудесѣхъ его. И рече цареви мужевн своему: господине царю! отецъ твой всадилъ бѣ въ темницу архіепископа нашего Стефана Сурожскаго; но молю ти — аще мя любяши, выпусти его. Онъ же пославъ повелѣ привести его. Въ то же время родился сынъ у царицы, и крести его святой Стефанъ. Царь же отпусти святаго Стефана, одаривъ, съ великою честью в Сурожъ на столъ свой. И приде въ Сурожъ в корабли, и пасяше ученіемъ своимъ стадо свое“.

29. Затѣмъ слѣдуетъ повѣствованіе о чудесахъ святаго, изъ которыхъ одно совершенно было при жизни, а другое тотчасъ по смерти, при гробѣ. Былъ одинъ клирикъ именемъ Филаретъ, котораго Стефанъ хотѣлъ поставить во священники, но который уклонялся отъ этого, считая себя недостойнымъ. Святой угрожалъ ему эпитиміей, и тотъ упалъ къ ногамъ его. Святой взялъ его за руки, велѣлъ встать и привести горшокъ съ водою для омовенія рукъ, но когда тотъ сталъ лить воду, она не шла, а стояла какъ камень, потому что святой втайнѣ произнесъ запрещеніе. Это послужило урокомъ послушанія, который подѣйствовалъ.

30. Въ заключительной главѣ житія сообщается о кончинѣ святаго и о другомъ чудѣ; но ранѣе того, какъ бы мимоходомъ, гово-

¹⁾ Возстановляемъ правильное чтеніе по Толстовскому списку; въ Троицкомъ вмѣсто подчеркнутыхъ словъ читается: *апостола Стефана*.

рится объ отношеніяхъ его къ одному властелину. Въ то время былъ князь Юрій Тарханъ, и святой любилъ его, потому что тотъ правилъ по закону Божию, часто приходилъ къ нему и поступалъ согласно съ его велѣніями. Около того же времени приключилась святому тяжкая болѣзнь, и онъ преставился 15-го декабря. Когда сошлись всѣ архіепископы и попы, чтобы отпѣвать его, а народъ плакалъ, то Богъ сотворилъ чудо. Былъ одинъ сурожанинъ, по имени Ефремъ; онъ былъ слѣпъ отъ рожденія и пользовался покровительствомъ архіерея, который кормилъ и одѣвалъ его. Услышавъ о смерти святого, онъ въ горести воскликнулъ: „Кто меня теперь будетъ хранить? ведите меня, чтобы я могъ цѣловать ноги святого“. Когда его привели, и онъ припалъ къ ногамъ усопшаго, то сейчасъ же прозрѣлъ. Затѣмъ погребли святого и прославили Бога.

О посмертныхъ чудесахъ Стефана надъ русскимъ княземъ, осаждавшимъ Сурожъ, и надъ царицею Анною рѣчь будетъ ниже, а теперь мы должны остановиться на оцѣнкѣ изложеннаго нами житія.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе извѣстное родство въ содержаніи и выраженіяхъ славяно-русскаго житія съ краткою греческою памятью. Яснѣе всего оно обнаруживается въ началѣ того и другаго текста. Здѣсь и тамъ указывается происхожденіе Стефана изъ Каппадокіи; тамъ и здѣсь названо самое селеніе, которое было для него родиною, хотя и съ вариантомъ въ чтеніи: въ греческомъ Воривасъ, въ славянскомъ Морисавъ и Моривасъ. Очевидно, что это одно и то же слово, и трудно сказать, гдѣ находится искаженіе неизвѣстнаго по другимъ источникамъ наименованія. Затѣмъ сейчасъ же обнаруживается другое отличіе при внутреннемъ сходствѣ. Хотя въ славянской редакціи тоже описываются успѣхи юнаго Стефана въ наукѣ духовной и свѣтской и называются предметы его занятій — отчасти одни и тѣ же съ греческою, но здѣсь нѣтъ упоминанія объ Афинахъ, и все совершается въ Константинополѣ. Въ обоихъ источникахъ основныя факты въ жизни святого слѣдуютъ въ одинаковомъ порядкѣ. Стефанъ постригается въ монахи, поставляется епископомъ Сурожу — тамъ и здѣсь патріархомъ Германомъ, при чемъ и въ болѣе краткомъ повѣствованіи дѣлается соотвѣтственное указаніе на долгіе поиски достойнаго кандидата на мѣсто умершаго архіепископа. Равнымъ образомъ и въ сурожской записи содержится указаніе на то, что новопоставленный епископъ, не смотря на болѣе раннее существованіе Сурожской каедрѣ, дол-

женъ былъ имѣть дѣло не только съ христіанами, но и съ невѣрными. Славяно-русское житіе, нѣсколько даже противорѣча внутреннимъ образомъ само себѣ, доходить до того, что главную дѣятельность Стефана полагаетъ въ обращеніи еретиковъ и язычниковъ и прямо выражается, что онъ крестилъ Сурожъ, какъ будто сходясь съ тою записью въ Синаксаріѣ, гдѣ было сказано, что Стефанъ просвѣтилъ Сурожъ и сдѣлалъ ихъ христіанами (см. выше). Тамъ и здѣсь за подвигами Стефана въ Сурожѣ слѣдуетъ его столкновение съ царемъ иконоборцемъ и говорится о началѣ гоненія на иконы, а мы знаемъ по Минологію Василія, что послѣдовательность событій могла представляться въ иномъ видѣ. Различіе славяно-русскаго памятника отъ греческой записи заключается здѣсь въ томъ, что въ немъ царь гонитель называется Львомъ Исавромъ, что гораздо болѣе соотвѣтствуетъ всему дальнѣйшему содержанію разказа, тогда какъ въ греческомъ — нужно думать, по недоразумѣнію—предполагается Левъ Армянинъ. За то, другое собственное имя, встрѣчающееся въ дальнѣйшей исторіи, несомнѣнно правильнѣе названо въ греческой записи, чѣмъ въ пространномъ славянскомъ житіи. Виновицею освобожденія Стефана тамъ названа Ирина, и въ этомъ имени дѣйствительно можно признать историческую личность, находившуюся въ такомъ положеніи, что она могла съ успѣхомъ ходатайствовать за епископа Сурожскаго. Ириною называлась супруга царя Константина Копронима, дочь Хазарскаго кагана, подъ властію котораго находилась несомнѣнно значительная часть Крыма, начиная съ Босфора или Керчи, а вѣроятно, и самый Сурожъ. Славянское житіе считаетъ ее дочерью Керченскаго царя, что можетъ означать Хазарскаго кагана, и прямо называетъ женою Константина Копронима, въ томъ и другомъ отношеніи выражаясь съ большею опредѣлительностью, чѣмъ греческая записъ, сообщающая только личное имя нѣкоторой жены; но съ другой стороны, славянской текстъ совершенно ошибается въ имени, такъ какъ Θεодоры не было въ числѣ нѣсколькихъ супругъ Константина Копронима, а называлась такъ жена гораздо болѣе ранняго императора, Юстиніана II, тоже дочь Хазарскаго кагана. Ирина дѣйствительно могла говорить о Стефанѣ, какъ о нашемъ архіепископѣ—и по близости обоюдныхъ отношеній къ Хазаріи и по единству религиозныхъ убѣжденій, ибо вѣрность ея православію засвидѣтельствована надежными источниками ¹⁾. Въ заключеніи греческой записи сдѣлано указаніе на чудеса,

¹⁾ Theoph. Chronogr., ed. Boor, I, pag. 400, 410.

которыя сотворилъ святой до успенія и послѣ успенія; въ славянскомъ житіи разказаны самыя чудеса.

Выводъ отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, такой, что если оба наши повѣствованія предполагаютъ одинъ общій источникъ, объясняющій ихъ основное сходство, то уже этотъ источникъ представлялъ существенныя отступленія отъ тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній о Стефанѣ, какія отражаются въ Митологіи Василя и въ церковныхъ службахъ святому; и вовторыхъ, не только по отношенію къ греческой записи, составленной, вѣроятно, по памяти, но и по отношенію къ славяно-русскому житію, должно имѣть мѣсто такое предположеніе, что пользованіе тутъ было не непосредственное, а на столько свободное, что каждому оставалась возможность дѣлать ошибки, какихъ избѣжалъ другой. Именно потому, что ошибки не общія, онѣ не могутъ быть отнесены на счетъ какого бы то ни было опредѣленнаго общаго подлинника. Есть, значить, въ славяно-русской редакціи нѣкоторая доля лично принадлежащаго ея автору, и можетъ быть, она состоитъ не въ однихъ только не намѣренныхъ ошибкахъ относительно собственныхъ именъ, но и еще въ чемъ-нибудь, напримѣръ, въ пропускахъ и дополненіяхъ. Хотя мы и склоняемся къ мнѣнію, что упоминаніе объ Аѳинахъ въ греческомъ сказаніи есть прибавка сурожанина, но пока съ такимъ же правомъ можетъ быть сдѣлано и другое предположеніе, что тутъ есть пропускъ въ русской редакціи. Дополненіями и нѣкоторымъ сочинительствомъ въ русскомъ духѣ отзываются многія мѣста въ разказѣ объ иконоборческомъ гоненіи. Не говоримъ о томъ, что въ нашемъ подробномъ разказѣ дѣйствія Льва Исаврійскаго рисуются въ слишкомъ рѣзкомъ и грубомъ видѣ; важнѣе то обстоятельно, что въ представленіи нашего писателя иконоборцы являются врагами не только образовъ, но и креста, сокрушаютъ и попираютъ кресты на ряду съ иконами; а вѣдь это до такой степени ложно, что уже никакъ не могло быть сказано въ произведеніи сколько-нибудь литературно-образованнаго византійца. Мы имѣли случай говорить объ отношеніи иконоборцевъ къ почитанію креста, и показали, что они не только не отвергали его, но напротивъ выдвигали впередъ съ особенною ревностью, противопоставляя иконамъ ¹⁾). Русскій стиль, по видимому, сказывается совершенно встать и при описаніи мученій, которымъ подвергались иконопочитатели, напри-

¹⁾ Русско-византійскіе отрывки. Житіе Георгія Амастридскаго. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г., мартъ, стр. 150, 151.

мѣръ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ честная глава, ясныя уста, слезы горкія, градъ, аки въ клубъ свился (гл. 22). Далѣе, въ подробномъ русскомъ житіи сами собою бросаются въ глаза довольно странныя вставки изъ другихъ источниковъ, притомъ такія, что слѣдовъ ихъ не замѣтно въ греческой вѣткой записи. Въ девятнадцатой главѣ патріархъ Германъ говоритъ Льву Исавру, что есть такое предсказаніе („пишетъ бо ся“), что возстанетъ нѣкогда царь иконоборецъ, но пусть этого не будетъ при твоей державѣ. Это напоминаетъ извѣстную бесѣду царя Льва съ патріархомъ Германомъ, изложенную въ хроникѣ Теофана. Теофанъ пишетъ:

„Германъ замѣтилъ царю: „Изъ одного предсказанія мы знаемъ, что дѣйствительно когда-то будетъ уничтоженіе иконъ, но только не въ твое царствованіе“. Императоръ пожелалъ узнать имя царя, при которомъ предсказаніе должно было совершиться. Отвѣтъ Германа былъ: „При Кононѣ“. „Но“, объявилъ царь,— „мое имя, данное мнѣ при крещеніи есть въ самомъ дѣлѣ Кононъ“. Удивленный патріархъ съ горестью произнесъ: „Да не будетъ государь, чтобы зло это совершилось въ твое царствованіе, ибо имѣющій исполнить предсказаніе есть предтеча Антихриста и разрушитель божественнаго домостроительства“¹⁾.

Посмотрите, что сдѣлалъ съ этимъ столь извѣстнымъ разказомъ нашъ писатель. Намекнувъ на него въ связи съ личностью патріарха Германа, онъ потомъ ниже весь разказъ всецѣло приложилъ (въ главѣ 26-й) къ Стефану Сурожскому; не Германъ, а Стефанъ Сурожскій говоритъ у него: „Мы въ книгахъ находимъ, въ Цареградѣ настанетъ царь поганый иконоборецъ, пожигая иконы и кресты Господня: Богъ сего не сѣтворитъ въ твое царство. И рече царь: аще еси правъ, рци имя царя того. Отвѣщавъ святыи рече: Кононъ.—Царь рече: право, Стефане, нашелъ еси: Кононъ отецъ и мати нарекли имя мнѣ. Отвѣщавъ святыи Стефанъ: Богъ сего въ твое царство да не сѣтворитъ; а иже тако твориши предтеча еси антихристовъ“. Не есть ли это приѣмъ довольно наивнаго начетчика, и притомъ русскаго, такъ какъ нельзя вообразить себѣ, чтобы грекъ столь щедро расточалъ эпитетъ „поганый“, въ его языкѣ весьма рѣдкій? Вотъ

¹⁾ Theophan. chronogr., ed. de Boor, I, 407; Hamartal., ed. Muralt, p. 633. Тотъ же самый разказъ и въ житіи патріарха Германа, изданномъ *Попадонуло Карамесомъ* въ приложеніи къ XV тому Константинопольскаго Филологическаго Слуга (1884 г.), pag. 11, § 13.

еще подобный примѣръ: русское житіе заставляетъ Стефана говорить сурожанамъ о тяжести епископскаго сана и при этомъ ссылаться на примѣръ папы Льва, невѣрно называемаго первымъ настояльникомъ римскимъ; избранный въ епископы, онъ 40 дней пребылъ у гроба апостола Петра въ постѣ и молитвѣ, чтобы тотъ испросилъ ему прощенье у Бога за прежнія его прегрѣшенія; по истеченіи 40 дней явился ему апостолъ и сказалъ, что отпускаются ему все грѣхи, кромѣ священства (кромѣ тѣхъ, которые сдѣланы послѣ посвященія въ этотъ санъ), и что за одни эти онъ будетъ истязанъ (гл. 14). Но дѣло въ томъ, что эти слова сказаны были совсѣмъ другимъ лицомъ; они буквально заимствованы изъ Духовнаго Луга Іоанна Мосха (VII-го вѣка), гдѣ приписаны аввѣ Аммосу, избранному въ патріарха Іерусалимскаго. Онъ говоритъ отцамъ:

Εὐχεσάθε μοι, πατέρες. ὅτι μέγα φόρτιον καὶ δύσβαστον ἐνεχειρίζθη, καὶ φοβεῖ με τὸ πρᾶγμα τῆς πατριαρχίας οὐ μετρίως. Πέτρου γὰρ καὶ Παύλου καὶ Μωϋσέως, καὶ τῶν τοιούτων ἐστὶν τὸ ποιμαίνειν ψυχὰς λογικάς.

Εὐρον γὰρ ἐγγράφως, ὅτι ὁ μακάριος, φησί, Λέων, ὁ τῆς Ῥωμαίων ἐκκλησίας γενόμενος πρόεδρος, ἐπὶ τεσσαράκοντα ἡμέρας παρέμενε τῷ τάφῳ τοῦ ἀποστόλου Πέτρου νηστεύων καὶ δεήσας προσκαρτερῶν, αἰτῶν τὸν ἀπόστολον и т. д. ¹⁾.

„Лугъ Духовный“, когда писалось житіе Стефана, существовалъ уже давно и въ славянскомъ переводѣ, и статья объ Аммосѣ встрѣчалась, вѣроятно, въ Прологахъ; теперь она находится и въ Макарьевской Минееѣ за ноябрь мѣсяцъ, повторенная даже дважды въ видѣ отдѣльной статьи, при чемъ вмѣсто имени Льва тамъ стоитъ почему-то Павелъ.

Было высказано, что житіе Стефана Сурожскаго, сколько оно из-

¹⁾ Ioannis Moschi Pratum Spirituale, cap. 149 (*Migne*, *Patrol. graec.*, t. 86^a, pag. 3013).

вѣстно было по русскимъ источникамъ, представляетъ много чертъ общихъ съ древне-греческимъ житіемъ Стефана Новаго. Мы должны замѣтить, что показаніе это, если оно предполагаетъ какія-либо заимствованія и перемѣщенія подробностей изъ одного въ другое, оказывается совершенно несправедливымъ. Ничего общаго между житіемъ Стефана Новаго и Стефана Сурожскаго нѣтъ, кромѣ того развѣ, что въ обоихъ говорится о патріархѣ Германѣ, о началѣ гоненія на иконы при Львѣ Исаврѣ и т. д.; но говорится о всемъ этомъ совершенно различно въ каждомъ изъ житій. Какъ извѣстно, житіе Стефана Новаго, написанное около 808 года, принадлежитъ очень образованному автору и отличается столь высокими историческими достоинствами, что можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ источниковъ для изученія эпохи иконоборства; хотя оно и не чуждо бранныхъ выходокъ и ругательныхъ эпитетовъ по адресу царей-иконоборцевъ, но конечно, его авторъ никогда не въ состояніи былъ дойти до такихъ нелѣпостей, чтобы приписывать поруганіе креста иконоборцамъ, которые все-таки оставались христіанами. Хронологическія данныя жизни Стефана Новаго, константинопольскаго мученика, совершенно отличны отъ такихъ же данныхъ, касающихся жизни сурожскаго угодника. Стефанъ Новый, по указанію его жизнеописанія, въ 716 году только что родился; бесплодная прежде мать его получила обѣтованіе о разрѣшеніи неплодія отъ патріарха Германа, именно въ день его вступленія въ Константинополь, послѣ перемѣщенія изъ Кизика, въ церкви св. Софіи (августъ 715 г.). Конечно, и всѣ дальнѣйшія даты не могутъ совпадать и не совпадаютъ. Точно также трудно указать какія-либо особенныя родственныя черты, помимо общаго упоминанія о гоненіи и гонителѣ, между нашимъ житіемъ и актами св. Андрея въ Кризѣ, изданными въ новѣйшее время ¹⁾. Сходство заключается развѣ только въ томъ,

¹⁾ Сказаніе о мученіи св. Андрея въ Кризѣ (*ἐν Κρίσει*, мѣсто въ Константинополѣ) издано въ *двухъ* греческихъ редакціяхъ въ Дѣяніяхъ Святыхъ: *Acta Sanctorum. Octobris. Tom VIII (Bruxellis. 1853)*. Андрей пострадалъ однимъ мѣсяцемъ ранѣ Стефана Новаго, именно 20-го октября 767 года: См. *Hefele, Conciliengeschichte (2-te Aufl.)*, IV, 425 и слѣд.—Предположеніе о родствѣ житія Стефана Сурожскаго съ греческими актами Андрея, а равно съ жизнеописаніемъ Стефана Новаго съ большою опредѣленностью высказано было *И. И. Мартыновымъ* въ его извѣстномъ изданіи, вошедшемъ въ составъ *Acta Sanctorum—Annus ecclesiasticus graeco-slavicus*, гдѣ на стр. 308 (подъ 15-е декабря) мы читаемъ слѣдующее: *Demum videtur scriptor slavus ea duntaxat novisse quae in*

что, и Андрей предпринялъ путешествіе съ острова Крита, своей родины, въ столицу ради обличенія цари-иконоборца, какъ эго сдѣлалъ Стефанъ, отправившійся съ тою же цѣлью изъ Сурожа. Но повторяемъ, такое еходство имѣеть слишкомъ общій характеръ и вовсе не можетъ вести къ предположенію о заимствованіи. Собственно для изображенія начальнаго періода иконоборства нашъ анонимный писатель едва ли имѣлъ какіе особенные источники, помимо общаго запаса своихъ свѣдѣній и общей начитанности въ исторіи церкви, въ житіяхъ святыхъ и т. п.; при этомъ матеріаломъ, хранившимся въ его памяти, онъ распорядился очень свободно, такъ что приписывалъ своему герою дѣла и рѣчи, завѣдомо принадлежавшія другимъ. Одно сообщеніе имѣеть на первый взглядъ нѣкоторое подобіе спеціального историческаго факта, неизвѣстнаго другимъ источникамъ. Мы имѣемъ въ виду замѣчаніе, сдѣланное мимоходомъ (въ главѣ 23-й) объ убіеніи Львомъ Исавромъ сына Θεодосіева и съ нимъ трехъ сотъ болгаръ. Предполагается, что это было послѣ низложенія патріарха Германа и возведенія на его мѣсто Анастасія, то-есть, послѣ 730 года „рати бывшей“. Между тѣмъ, сынъ императора Θεодосія попался въ плѣнъ Льву Исавру еще тогда, когда этотъ послѣдній выступилъ претендентомъ на престолъ: именно это событіе было въ числѣ причинъ, ускорившихъ развязку борьбы и отреченіе Θεодосія въ пользу Льва (716). Мало того, наиболѣе достовѣрный источникъ, Θεοφάνης, прямо говоритъ, что послѣ отреченія сынъ и отецъ были посвящены въ духовное званіе, сдѣлались клириками, и остальное время своей жизни провели спокойно ¹⁾. Итакъ, самостоятельное сообщеніе житія совсѣмъ невѣрно и появилось на свѣтъ, вѣроятно, опять вслѣдствіе какой-нибудь путаницы въ припоминаніи чуждаго.

Послѣ этого весьма позволительно заподозрить подлинность и умѣстность въ житіи Сурожскаго святаго такихъ подробностей, которыя на

Menologio Basilii dem 28 Novembris de S. Stephano Sugdaeensi referuntur; ea autem nimis jejuna habuisse; et propterea ex Vitis S. Stephani junioris et maxime S. Andreae in Crisi multas desumpsisse partes, quibus S. Stephanum Sugdaeensem, in Suroziensem culpa librariorum mutatum, ornaret: unde intelligatur, quomodo Acta haec seu Passio tot bonis rebus abundet, et simul tam parum cohaereat...

¹⁾ Theophan, ed. Boor, I, 390. Θεοδόσιος δὲ σὺν τῷ υἱῷ αὐτοῦ κληρικοί γεγονότες τὸν ὑπόλοιπον χρόνον τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν εἰρήνῃ διήξαν. Ср. Niceph. Breviar., ed. de Boor, pag 52: ἀβλαβῶς ἰδιωτεῖσα...

первый взглядъ кажутся драгоценными въ качествѣ живыхъ бытовыхъ чертъ городской жизни въ Тавридѣ византійскаго періода, а по здравомъ размышленіи представляются слишкомъ роскошными анахронизмомъ, напоминающимъ о совершенно другой эпохѣ и о другихъ мѣстахъ. Мы имѣемъ въ виду торжественную встрѣчу Стефану (гл. 14) при первомъ его въѣздѣ въ Сурожъ: рукоплесканія, маханія краями одеждъ, убрусами и вѣнками; бесѣды Стефана съ народомъ при помощи переводчиковъ, которые знали два языка (гл. 15) — предполагають (пресов. Порфирій) греческій и хазарскій, и особенно театральныя зрѣлища и конныя ристалища, очень, будто бы, обычныя въ тогдашнемъ Судагѣ (гл. 16); массы народа, стекающіяся изъ окрестностей (гл. 17). Думаемъ, что такъ разыграться могло воображеніе развѣ только на далекомъ разстояніи отъ Сурожа.

Кромѣ обильнаго развитія подробностей, русская редакція обладаетъ еще одною особенностью — цѣлымъ рядомъ хронологическихъ указаній, относящихся къ біографіи святаго. На эти хронологическія указанія давно обращено вниманіе тѣми учеными, которые читали или могли читать не изданный текстъ житія Стефана Сурожскаго, потому что они замѣчательны своею явною несообразностью, полнымъ противорѣчіемъ съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей, какъ онъ представленъ даже въ самомъ житіи. Говорится (гл. 1), что Стефанъ прибылъ изъ Каппадокіи въ Царьградъ въ лѣто Θεодосія царя Андряминдіна; Θεодосій царствовалъ дѣйствительно не много болѣе года (отъ марта 716 до лѣта 717), и въ хроникахъ ему дается именно только одинъ годъ (Θεοφανъ, Никифоръ патріархъ, Зонара); такъ какъ прибывшему было тогда пятнадцать лѣтъ, то рожденіе Стефана нужно относить къ самымъ первымъ годамъ столѣтія, къ 700 и 701 году. Германъ въ 716 году уже занималъ патріаршескій престолъ, будучи переведенъ на эту кафедру изъ Кизика въ августѣ 715 года въ правленіе Артемія (Theoph. ed. de Voog, I, 384); слѣдовательно, первоначальное хронологическое опредѣленіе нашего источника можно считать вполне правильнымъ. Но пойдѣмъ далѣе. Стефанъ, пробывъ въ Константинополѣ пятнадцать лѣтъ, привялъ монашество и провелъ въ избранномъ монастырѣ тридцать лѣтъ (гл. 2): послѣдняя, наиболѣе высокая, цифра не можетъ считаться ошибочно написанною или сомнительною уже потому, что она повторена въ житіи и ниже (въ главѣ 4). По истеченіи озваченнаго времени, то-есть, сорока пяти лѣтъ послѣ прибытія въ Константинополь, слѣдовательно, въ 767 году, Стефанъ поставляется въ епископы Сурожу,

избранный и рукоположенный патриархомъ Германомъ,—какъ далѣе явствуетъ,—будто бы еще до начала гоненія на иконы, воздвигнутаго Львомъ Исавромъ. Однако, такія сопоставленія совсѣмъ не возможны: въ 761 году уже и имени не было ни о патриархѣ Германѣ, оставившемъ патриаршій престолъ въ 730 году, ни о царѣ Львѣ Исаврійскомъ, скончавшемся въ 741 году, а начало гоненія на иконы слѣдуетъ считать съ 726 года, черезъ десять лѣтъ послѣ прибытія Стефана въ Царградъ, а не черезъ сорокъ-пять.

Сверхъ того, въ славяно-русскомъ житіи предполагается, что проведя въ Сурожѣ пять лѣтъ и явившись въ столицу приблизительно въ 767 году, Стефанъ не только нашелъ въ живыхъ Льва Исавра, но даже обличалъ его въ ереси и потерпѣлъ отъ него разныя мученія и заключеніе въ темницу; однако, въ 767 году, уже съ давняго времени царствовалъ Константинъ Копронимъ, именно около этого времени — отъ 765 по 779 г. — съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовавшій монаховъ, главныхъ защитниковъ иконопочитанія. Чѣмъ же объяснить такія несообразности? Мы знаемъ, что дѣлались попытки всю вину взвалить на ошибки писцовъ, но это, во первыхъ, невѣроятно потому, что, какъ сказано, главная цифра повторяется, и притомъ, чтеніе всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, рукописей здѣсь одинаково; во вторыхъ, предлагавшіяся исправленія оказываются неудачными и не достигающими цѣли. Если мы исправимъ только вторую цифру 30 на 4, предполагая, что переписчикъ написалъ Δ вмѣсто Λ, то окажется, что Стефанъ былъ поставленъ въ епископы городу Сурожу въ 735 году, но тогда уже началось преслѣдованіе иконъ, и Левъ Исавръ заявилъ себя злымъ еретикомъ, а между тѣмъ въ житіи предполагается, что царь въ это время былъ расположенъ къ Стефану и единодушенъ съ православнымъ патриархомъ Германомъ, что онъ даже далъ свой корабль для отправленія Стефана въ Сурожъ. Если мы исправимъ и другую цифру, то-есть, вмѣсто 15 годовъ пребыванія въ Царградѣ будемъ считать только пять, предполагая ошибку переписчика, поставившаго ΙΕ вмѣсто Ε, то посвященіе Стефана въ епископы будетъ относиться къ 725 году; но тогда онъ былъ бы слишкомъ молодъ для архіерейства, и возведеніе его въ этотъ санъ было бы противно церковнымъ канонамъ. Намъ, напротивъ, кажется, что всѣ цифры надобно оставить такъ, какъ онѣ есть, что онѣ имѣютъ свою особую достовѣрность; и это будетъ очевидно сейчасъ же, какъ только мы обратимся къ первоначальнымъ, наиболее подлиннымъ извѣстіямъ о Стефанѣ Сурожскомъ. По этимъ из-

вѣстіямъ, онъ ранѣ своего удаленія въ Крымъ обличалъ не Льва Исавра, а Константина Копронима, и пострадалъ почти въ одно время съ Стефаномъ Новымъ, то-есть, въ 767 году¹⁾. Какъ мы уже видѣли, по расчету хронологическихъ замѣтокъ въ русскомъ житіи столкновение Стефана Сурожскаго съ Копронимомъ будетъ приходиться именно на 767 годъ (701 + 15 + 15 + 30 + 5), или на слѣдующій. Наша мысль заключается въ томъ, что въ житіи невѣрны собственно подробности, заимствованныя, очевидно, изъ посторонняго источника и вставленныя совершенно не къ мѣсту и неудачно въ хронологическія рамки, уже ранѣ существовавшія. Въ увлеченіи сочинительствомъ наивный компиляторъ не замѣчалъ и не отдавалъ себѣ отчета въ нагромождаемыхъ имъ противорѣчійхъ, не чувствовалъ того, что его факты совсѣмъ не укладываются въ тѣ рамки, которыя, очевидно, даны были ранѣ, и которыя онъ считалъ для себя обязательными...

VI.

Замѣствованія изъ житій Іоанна Златоустаго и Петра митрополита.

Изъ наблюденій и замѣчаній, сдѣланныхъ въ предыдущей главѣ, мы отчасти познакомились съ литературными приѣмами автора житія Стефана Сурожскаго; имѣя предъ собою какую-то неизвѣстную, но очевидно, довольно скудную въ фактическомъ отношеніи основу, онъ

¹⁾ Обширное и весьма тщательное изслѣдованіе о хронологіи гоненія при Константинѣ Копронимѣ и, между прочимъ, о годѣ мученической смерти Стефана Нового находимъ въ VIII томѣ Дѣяній Святыхъ въ Предварительномъ Комментаріи (Commentarius praevius) къ атамъ Андрея въ Кривѣ (= Критскаго). Болландисты доказываютъ необходимость относить послѣднюю къ 767 году, вопреки Θεοφάνη и Νικηφόρῳ, которые помѣщаютъ ее подъ 765 годомъ (Theophan. chronogr. ed. Voog, 1, 436=6257 VII индик.). Дѣйствительно, въ большей части рукописей его житія, написаннаго около 808 года, притомъ въ лучшихъ и наиболѣе древнихъ, говорится, что Стефанъ пострадалъ на *пятьдесятъ третьемъ* году своей жизни, и только въ бенедиктинскомъ изданіи житія отмѣченъ вариантъ, указывающій на пятидесятый годъ. Такъ, въ синодальномъ московскомъ кодексѣ № 162 (по каталогу Маттеи), относящемся къ X или XI вѣку, мы находимъ (fol. 44 г.) слѣдующее чтеніе: ἐτελειώθη — — τῷ πεντηχοστῷ τρίτῳ χρόνῳ τῆς αὐτοῦ ἡλικίας. Равнымъ образомъ въ другой редакціи житія, представляющей, вѣроятно, переработку Метафраста, рукописное чтеніе удерживаетъ тѣ же 53 года. См. Codex Paris. № 1525 fol. 404 г. τελειότα: δὲ — — ὁ ποιῶντος ὄντως Στεφάνος τρία καὶ πενήντα ἑτάρονας ἐτη. Выше было указано, что Стефанъ Новый, по совершенно отчетливому показанію его жизнеописанія, родился въ 715 или въ 716 году.

не затруднялся восполнять недостатокъ подробностей изъ другихъ, постороннихъ источниковъ, даже совершенно чуждыхъ предмету. Такъ, онъ сдѣлалъ заимствованія изъ сказанія о Германѣ патріархѣ, приписавъ своему герою то, что принадлежало Герману; такъ онъ сдѣлалъ вставку изъ Патерика (Духовнаго Луга), въ которой опять чужія слова вложены въ уста Стефана Сурожскаго, и притомъ, довольно некстати. Новые изслѣдователи, не замѣтивъ сейчасъ указанныхъ заимствованій, предполагали другія, но такія, какихъ, на повѣрку, въ дѣйствительности не оказывается: говоримъ о мнимомъ родствѣ нашего памятника съ житіями Стефана Новаго и Андрея въ Кризѣ. Теперь мы должны обратить вниманіе на другой, тоже не замѣченный и еще болѣе поразительный фактъ—цѣлаго ряда заимствованій, совершенныхъ неизвѣстнымъ авторомъ славянорусской редакціи житія Стефана Сурожскаго изъ одного и того же источника и въ столь обширныхъ размѣрахъ, что они сообщаютъ его произведенію характеръ литературнаго плагиата. Этотъ источникъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ житіе Іоанна Златоустаго,—правда, не то, которое было написано Палладіемъ и пользуется теперь наибольшимъ уваженіемъ и распространенностью, а напротивъ, довольно апокрифическое по своему содержанію, отвергнутое наукою и теперь мало извѣстное, произведеніе Георгія Александрійскаго. Георгій былъ патріархомъ въ Александріи послѣ Іоанна Милостиваго и ранѣе Кира, то-есть, въ началѣ седьмаго вѣка; онъ упоминается въ хроникахъ Теофана и Евтихія Александрійскаго, въ перечисленіи патріарховъ у патріарха Никифора; онъ оставилъ свой престолъ, по видимому, послѣ завоеванія Палестины сарацинами и предъ нашествіемъ ихъ на Египеть. Кончину его обыкновенно относятъ къ 630 году (Baronius, Pagi, Le Quien, Clinton). По свидѣтельству Фотія, Георгій Александрійскій составилъ подробное жизнеописаніе Іоанна Златоустаго, коминируя Палладія, Сократа и другихъ (τὰ περὶ τὸν Χρυσόστομον); при этомъ, ученый Константинопольскій патріархъ, сообщивъ довольно подробный отчетъ о сочиненіи Георгія, произноситъ неодобрительное сужденіе о стилѣ его и, въ заключеніе, прибавляетъ замѣчаніе, что авторъ не мало погрѣшилъ противъ исторіи (οὐκ ὀλίγα πλίστορον). Греческій подлинникъ житія изданъ былъ только однажды Генрихомъ Севилемъ въ 1612 году въ Оксфордскомъ собраніи трудовъ Іоанна Златоустаго¹⁾; ни Монфоконъ, ни аббатъ Мивъ не

¹⁾ Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσόστομου τῶν εὐρισκομένων Τόμος ὀγδοὸς (VIII). Δι' ἐπιμελείας καὶ ἀναλωμάτων

считали нужнымъ его переиздать. Въ бывшее время на Руси сочиненіе Георгія пользовалось также большимъ уваженіемъ: оно перѣдко встрѣчается въ старинныхъ славяно-русскихъ рукописяхъ и вошло въ составъ Макаріевской Минеи за ноябрь мѣсяцъ. Такъ какъ мы пока не знаемъ, когда и кѣмъ составлено подробное житіе Стефана Сурожскаго, было ли оно первоначально написано по гречески гречески или по славянски русски, то само собою разумѣется, что при сличеніи его съ жизнеописаніемъ Іоанна Златоустаго мы должны прежде всего имѣть въ виду греческій текстъ этого послѣдняго сочиненія. Оказывается, что уже въ первой главѣ Сурожскаго житія, гдѣ идетъ рѣчь о воспитаніи и обученіи Стефана, многое буквально взято изъ житія Іоанна Златоустаго, и что отсюда же ведутъ свое начало различныя характеристичныя выраженія и сравненія и нѣкоторыя сентенціи. Одинъ отрывокъ совершенно тождественъ съ разширеніемъ Созомена, вставленнымъ въ его разказъ объ Іоаннѣ Златоустѣ. Но хотя этого отрывка и нѣтъ въ греческой редакціи, напечатанной Севилемъ, мы все-таки думаемъ, что онъ вставленъ не нашимъ авторомъ, не сочинителемъ житія Стефана Сурожскаго, а уже найденъ былъ компиляторомъ въ находившемся подъ его руками источникѣ, то-есть, въ житіи Іоанна Златоустаго. Главы отъ 3-й до 9-й, въ конхъ повѣствуется о выборахъ новаго пастыря для Сурожа, о видѣніи Германа патріарха, о явленіи ангела Стефану, о сопротивленіи послѣдняго, о посольствѣ къ Стефану отъ Германа, о новомъ сопротивленіи избранныка и затѣмъ объ его согласіи, все это написано по сочиненію Георгія Александрійскаго, при чемъ иногда заимствуются буквально и слошь цѣлыя страницы. Поставленіе Стефана, прибытіе его въ Сурожъ, торжественная встрѣча, съ тѣми любопытными бытовыми подробностями, о которыхъ мы упоминали, равно какъ столь же интересныя на первый взглядъ свѣдѣнія о дѣятельности Стефана въ Сурожѣ, объ успѣхахъ его проповѣди, совершаемой при помощи переводчиковъ и заставляющей забывать о конскихъ ристалищахъ, все это, увѣ, должно быть относимо къ Антиохіи и Константинополю, а не къ Сурожу и Крыму, такъ какъ первоначально написано было объ Іоаннѣ Златоустомъ. Слѣдуетъ затѣмъ отдѣлъ о началѣ иконоборства и о Львѣ

Ερρικου τοῦ Σαβίλου (Savile) ἐκ παλαιῶν ἀντιγράφων ἐκδοθεῖς. Etoneae, in Collegio Regali. Excudebat Ioannes Norton, in Graecis et cet. Regius typographus. Anno MDCXII. На экземплярѣ Императорской публичной библиотеки, поступившемъ изъ собранія Залускаго, значително, что онъ принадлежалъ первоначально знаменитому Кольберу (Bibliothecae Colbertinae).

Исавръ. Здѣсь авторъ житія былъ предоставленъ собственнымъ силамъ, такъ какъ Георгій Александрійскій въ житіи Златоуста вдвойнѣ не имѣлъ возможности заниматься этою эпохою. Авторъ, дѣйствительно, сочинялъ многое самъ, но тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь все-таки сумѣлъ извлечь пользу изъ своего излюбленнаго источника: поученіе патриарха къ царю, составляющее содержаніе 20-й главы, заимствовано изъ житія Златоуста. Еще разъ обратился къ первоначальному своему руководителю писатель-плагиаторъ житія Стефана въ самомъ концѣ сочиненія, послѣ разказа объ его чудесахъ: хвалебное прославленіе Стефана въ концѣ главы 32-й опять заимствовано у Георгія Александрійскаго. Для большей убѣдительности и наглядности мы считаемъ необходимымъ привести рядомъ оба текста—славянскій и греческій.

При русскомъ текстѣ мы отмѣчаемъ главы и страницы хотя не вышедшаго въ свѣтъ, но уже отпечатаннаго изданія, въ приложеніи къ протоколамъ археографической комиссіи. Греческій текстъ взятъ изъ вышеозначеннаго восьмаго тома сочиненій Златоустаго въ изданіи Севила.

Глава 1 (стр. 81): прилежати нача тоу сѣлѣ книжному почитанію скоро в себѣ вѣвлече яко губа водоу.

(стр. 81): бѣаше бѣ душа его и лице шсвящено духомъ,

(стр. 81): не точію бѣаше, исполненъ чловѣческыя мудрости, но и божественаго разоума.

(стр. 81): слово бѣ дѣлы добрыми оутворенѣ вѣры достойно творитъ. а безъ дѣлъ добрыхъ роугателя и льстеца и своихъ словесъ коудителя являеть глаголющаго. аще и зѣлѣ подвижится оуча. а семоу чюдному моужоу шбое то бѣаше. еже хитрѣ оучити и добра дѣла имѣти.

(VIII. 161): ἐπιμελῶς οὖν καί τε σχολάζων τῇ μελέτῃ τῶν ἀναγνωσμάτων... ἐν βραχεῖ καιρῷ ἀνιμάται, καθάπερ σπόγγος ὕδωρ.

(VIII. 163): ἦν γὰρ αὐτοῦ ἡ ψυχὴ καὶ τὸ πρόσωπον κατηγλαϊσμένον τῇ τοῦ ἁγίου πνεύματος χάριτι.

(VIII. 161): ἦν πλήρης οὐ μόνον ἀνθρωπίνης σοφίας, ἀλλὰ καὶ θεϊκῆς συνέσεως...

(Sozomenus, ap. Migne, Patr. curs. compl. ser. graeca, t. 67, p. 1513): λόγος γὰρ ὑπὸ τῶν ἔργων κοσμούμενος πίστει ἄξιός εἰκότως φαίνεται. Ἄνευ δὲ τούτων, εἴρωνα καὶ τῶν ἰδίων λόγων κατήγερον ἀποφαίνει τὸν λέγοντα, καὶ σπουδάζει διδάσκων. Τῷ δὲ κατ' ἀμφοτέρα εὐδοκιμεῖν προσῆν. Ἀγωγῇ μὲν γὰρ βίου σώφρονι, καὶ πολιτεῖα ἀκριβεῖ ἐχρηῆτο, φράζει δὲ λόγου σαφεῖ.

(стр. 81): но понеже прослыло имя его въ всемъ Цариградѣ. ѡ мудрости и ѡ разумѣ и ѡ смѣреніи его. бѣваше бѡ оумъ си възнося на духовныя разумы подвизашеся зѣло. да ничто же его гонѣзнетъ. Глава 2. тако до конца извыклъ бѣ вся хитрости. ничто же бѡ его гонѣзе.

Глава 2 (стр. 81): повелѣ емоу часто приближаться себѣ же и церкви посрѣщеніа. наипаче любить и нача. и възлюби доброту сердца его.

(стр. 81): паче добрѣйши съвратитися въ молчащее житіе.

Глава 5 (стр. 82—83): Герману же патриарху ноцію бдящюу. и ѡбычною пѣснь поющюу. ноціаго правленіа молящюу Бога. явился ему ангелъ Господень и глагола к нему. вѣставъ заутра и послѣ идѣже избранныкъ Божій именемъ Стефанъ. иматъ оуже 30 лѣтъ въ ѡномъ мѣстѣ темнѣмъ. ти того приведѣ постави архіепископа Сурожу. хоцетъ бѡ Богъ имъ многы люди освѣтити. и на оувѣданіе себѣ привести. и показати его единосоущенъ апостолю. съсудъ избранъ естъ Христу Богу. и к нему посланъ есмь ѡтъ Бога. повелѣти емоу не ѡслушатися тебе ни причемже. но створити все глаголемое емоу ѡтъ тебе..... Бѣваше же блаженный в той часъ в темнѣмъ мѣстѣ ѡномъ. творя ѡбычныя молитвы съумленіемъ къ Богу. внезапно же оубѡ

(VIII. 166): ἐπαίδῃ δὲ ἐξάρχουστον ἐγένετο τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἐν πάσῃ τῇ περιχώρῳ ἐχαίρει, περὶ τε τῆς σοφίας καὶ συνέσεως καὶ ταπεινοφροσύνης αὐτοῦ, καὶ ὅπως εἰς ἄκρον ἐτήσκησε πᾶσαν τὴν τῶν Ἑλλήνων παιδεύειν (οὐδὲν γὰρ αὐτὸν ἐλάνθανε).

(VIII. 167): ἐπιτρέπει αὐτῷ συνῶς πληρίαζειν αὐτῷ τε καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ, ἐρχομῆς τοῦ κάλλους τῆς τοῦτου καρδιάς.

(VIII. 166): ἐπὶ τὸν ἡσύχιον μᾶλλον ἐτρέπετο.

(VIII. 176): ἐκτελοῦντος τὸν νυκτερινὸν κανόνα τῆς ψαλμωδίας, ὤφθη αὐτῷ ἄγγελος κυρίου λέγων πρὸς αὐτόν. ἀνχιστάς ἔωθεν παραγενεῦ ἐν τῷ μοναστηρίῳ, ἔνθα ἐστὶν ὁ ἐκλεκτὸς τοῦ Θεοῦ Ἰωάννης, καὶ τοῦτον ἀγαγὼν ἐν τῇ πόλει, χειροτόνησον αὐτὸν πρεσβύτερον. μέλλει γὰρ ὁ Θεὸς δι' αὐτοῦ πολὺν λαὸν φωτίσαι, καὶ εἰς ἐπίγνωσιν αὐτοῦ ἀγαγεῖν, καὶ ἀναδείξει αὐτὸν ἄλλον νέον ἀποστόλον. σκεδὸς γὰρ ἐκλογῆς ὑπάρχει. ἰδοὺ δὲ πρὸς αὐτὸν ἀπεστάλην παρὰ τοῦ Θεοῦ ἐντείλασθαι αὐτῷ μὴ παρκοῦσαί σου ἐν τινι, ἀλλὰ ποιῆσαι πάντα τὰ λεγόμενα αὐτῷ παρὰ σοῦ. ἦν δὲ καὶ ὁ μακάριος Ἰωάννης ἐν τῷ ἀναχωρητικῷ αὐτοῦ κελλίῳ ἐκτελῶν τὰς εἰθισμένας αὐτῷ εὐχὰς καὶ δεήσεις πρὸς τὸν Θεόν. ἐξαίφνης οὖν παρέστη αὐτῷ ἄγγελος Κυρίου ἐν εὐσθητῇ λαμπρᾷ, ὃν θεασάμενος καὶ πτοηθεὶς σφόδρα, ἔπεσεν ἐπὶ τῆς γῆς ἐντρομος

прииде къ нему ангелъ Господень въ одежи свѣтлѣ. его же оубоявѣся зѣλω и паде на земли трепеща весь. емъ же и ангелъ за роукоу вѣстави и, глаголя. вѣстани, небойся.

(стр. 83): не бойся моужоу желаніа добра, новый Даниеле. в немже изволи жити Духъ Святыи чистоты дѣла сердца твоего. посланъ есмь к тебѣ отъ Бога и Спаса нашего Исуса Христа. повѣдати ти радость отъ него велику. тебѣ дастъ Господь истинѣ видѣніе, якоже кормити люди твоими оусты гадію негибноущею, но пребывающею въ жизнь вѣчную. и заградити уста еретическаа. глаголющая неправду на Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа...

Глава 6 (стр. 84): Блаженный же Стефанъ припадъ къ стопамъ его, глаголя. Господи мой. кто есмь азъ грѣшникъ. и всѣхъ челоуѣкъ хоужи. да буду доволенъ на то, ш немже глагола. нѣсмь достоинъ толики пріати слоужбы. немощенъ сый възможи и крѣпися. ти сътвори еже ти повелѣно Богомъ. не мози никакоже шслушати. не потаи даннаго ти дара отъ Бога, на глаголаніе и оутверженіе людий его твоимъ учениемъ. ихже ради Христосъ кровь свою проліа, да спасеть насъ отъ лести. глаголи словъ Божіе безъ боязни. вѣспомяни

γεγονώς δλος. ἐπιλαβόμενες δὲ τῆς χειρὸς αὐτοῦ ὁ ἄγγελος, ἤγειρεν αὐτὸν λέγων· ἀνάστηθι, μὴ φοβοῦ.

(VIII. 169): μὴ φοβοῦ, ἄνερ ἐπιθυμιῶν, νέε Δανιήλ, ἐν ᾧ εὐδόκησε κατοικῆσαι τὸ ἅγιον πνεῦμα διὰ τὴν καθαρότητα τῆς καρδίας σου. ἀπεισάγημεν γὰρ πρὸς σὲ παρὰ τοῦ μεγάλου διδασκάλου καὶ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀναγγεῖλαί σοι χάριν μεγάλην. καὶ σοι οὖν ἐχαρίσατο ὁ Κύριος τῆς ἀληθείας τὴν γνῶσιν εἰς τὸ διαβρῆσαι τοῦ στόματός σου πάντας τοὺς λαοὺς τὴν βρώσιν. οὐ τὴν ἀπολλυμένην, ἀλλὰ τὴν μένουσαν εἰς ζωὴν αἰώνιον, καὶ ἐμφράξαι αἰρετικῶν στόματα τὰ λαλοῦντα παράνομα κατὰ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν

VIII. 169—170): Πάλιν οὖν κλίνας τὰ γόνατα αὐτοῦ ὁ μικάριος Ἰωάννης προσεκύνησε λέγων· τίς εἰμι ἐγώ, κύριοί μου, ὁ ἁμαρτωλὸς καὶ πάντων ἀνθρώπων ἐσχατότερος, ἵνα ἰκανήσω πρὸς ταῦτα, ἅπερ εἶπατε, αὐταρχεσαι. οὐκ εἰμι ἄξιος τοιαύτης μερίσσης καὶ φοβεράς κατατολμησαι διακονίας· οὐ δύναμαι πρὸς αὐτήν ἴσχυε καὶ ἀνδρίζου, καὶ ποιήσον πάντα ὅσα ἐνετειλάμεθά σοι, μὴ ἀποκρούσης τὴν δοθεῖσάν σοι χάριν παρὰ τοῦ Θεοῦ εἰς τὸ λαλῆσαι καὶ φωτίσαι καὶ στηρίξαι τὸν λαὸν αὐτοῦ ἐν τῇ διδασκαλίᾳ σου, ὑπὲρ οὗ καὶ τὸ ἴδιον αὐτοῦ αἶμα ἐξέχεεν, ἵνα σώσῃ αὐτοὺς ἐκ πλάνης. λάλησον τὸν λόγον τοῦ

Господа рекшаго: не бойся малое мое стадо се. имже изволи штецъ мой царство дати. и ты оубо не бойся. имже изволи благо Христосъ Богъ нашъ с тобою. и тобою освѣтити многи душа. имаши же и въ печали и въ бѣды многи пріяти правды ради душевныя. но терпи акы крѣпкій воинъ. тѣмъ бо царство Божіе приимши.....

Глава 7 (стр. 84—85): Преподобный же патриархъ Германъ се видѣвъ пребысть многи часы акы забываяся. чюдися явленію вѣдѣти и дивяся. оутру же бывшу сѣдѣ паки помышляше всѣбѣ. чюдися ш видѣніи. иже бѣ видѣлъ. и видѣша его иже снимъ бяхоу снѣце суца его. приступивше к нему моляхоуть и да имъ повѣсть виною. сей же въздохнувъ изъ глубины сердца и покаявъ главою своею. прослезися рече, ш чада. колико скровенныхъ рабъ иматъ Богъ. имже нѣсть достойнъ миръ сей ни точенъ. по истинѣ. такоже чюдни путіе твои Господи и не испытанна дѣла твоя. и паки рече. тайны царевы шбывляти не безъ блазна есть. но и зѣлѡ бѣдоу приносить. тайны же Божія покрывше тоуже бѣду иматъ. рекъ ти и болшу имже ш души. вѣчноую муку ключается пріяти. зане нѣсть подоба крыти сего. паче же еже хочеть Богъ да оувѣдятъ раба

Θεοῦ ἀνευδούστω. μνήσθητι τοῦ Κορίου εἰπόντος μὴ φοβοῦ τὸ μικρὸν ποίμνιον, ὅτι ἐδόκησεν ὁ πατήρ μου δοῦναι ὑμῖν τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν. καὶ τὸ οὖν μὴ δειλιάσῃς, ὅτι ἠδόκησεν ὁ Χριστὸς καὶ Θεὸς ἡμῶν διὰ σοῦ φωτίσαι πολλὰς ψυχὰς καὶ εἰς ἐπίγνωσιν αὐτοῦ ἀγαγεῖν. μέλλεις δὲ καὶ εἰς θλίψεις καὶ κινδύνους ἐλθεῖν διὰ τὴν ὀρθότητα τῆς ψυχῆς σου; ἀλλ' ὑπόμεινον ὡς γενναῖος ἀγωνιστῆς. διὰ γὰρ ταῦτα τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν κληρονομήσεις.....

(VIII 170): 'Οδὲ ὄσιος Ἡσύχιος ταῦτα θαυμάζων εἰμεινεν ἐπὶ πολλὰς ὥρας ἐνεὸς, θαυμάζων τὴν ὀκτασίαν καὶ ἐκπληττόμενος. πρωίας δὲ γενομένης ἤλθεν εἰς τὴν ἐκκλησίαν. καὶ εὔρε τοὺς ἀδελφοὺς συνηθροισμένους ἐν αὐτῇ καὶ καθίσας σὺν αὐτοῖς πάλιν καθ' ἑαυτὸν ἠδολέσγει καὶ ἐξίστατο, ἐνθυμούμενος τὴν ὄρασιν, ἣν εἶδαν. ὡς δὲ εἶδον αὐτὸν οἱ σὺν αὐτῷ οὕτω διακείμενον, προσελθόντες αὐτῷ παρεκάλουν ἀναγγεῖλαι αὐτοῖς τὴν αἰτίαν. ὁ δὲ στενάξας μέγα ἐκ βάθους τῆς καρδίας αὐτοῦ καὶ σείσας τὴν κεφαλὴν, μετὰ δακρύων εἶπεν· ὦ τέχνα, πόσους κρυπτοὺς δούλους ἔχει ὁ Θεὸς, ὧν οὐκ ἔστιν ἄξιος ὁ κόσμος; ἀληθῶς θαυμάσται αἱ ὁδοὶ σου. Κύριε, καὶ ἀνεξερεώνητα τὰ κρίματά σου. τῶν οὖν ἀδελφῶν ἐπιπλείω παρακλούντων αὐτὸν φράσαι αὐτοῖς τὴν αἰτίαν, ἀποκριθεὶς ὁ Ἡσύχιος λέγει. Μεσσηρία μὲν βασιλέως κρύπται κελόν, θραμβεθεῖν δὲ οὐκ ἀσφαλές, ἀλλὰ καὶ βαρυστάτην τὴν τιμωρίαν ἐπάγει· μυ-

его. како есть на подражаніе любви его. иже присіе к нему прилежатъ. и потружаются ѿ своемъ спасеніи. но молю вы вѣрнии и добрѣ мысленѣ слышите глаголемоую рѣчь. тогда исповѣда имъ видѣніе ангелово и вся глаголаана емоу.

Глава 9 и 10 (стр. 86): И вшедше къ патриарху повѣдаше приходъ его. Великий же патриархъ Германъ, и вси иже с нимъ срѣтѣша его сѣ честію. молившемся имъ къ Богу ти сѣдшимъ. вѣзрѣвъ патриархъ къ блаженому Стефану, рече. зѣλω въжадахъ видѣти честное твое лице преподобный ѡтче. понеже повелѣно ми Богомъ се сътворити. тѣмъ же радуйся вѣрний чытителю Христовъ святыя церкви. миръ тебѣ, исцѣлителю болящимъ душею и тѣломъ. подражателю святыхъ апостолъ. миръ тебѣ. иже погроузи неприязнь ѡбщаго всѣхъ насъ врага діавола. вѣроу святыя Троица. тако же Давидъ древле Голіада иноплемєнника на рати връже нїемъ працнымъ тремя камени. блаженъ градъ твой Сурожъ. тако ты хранило духовные каменіа честнаго плѣно намъ ѡбіави. блажени людіе вси иже приємлють духов-

στήρια δὲ Θεοῦ καλόπτειν τὸν ἴσον κίνδυνον ἔχει, τὰχα δὲ καὶ μείζονα, καθ' ὃ εἰς ψυχὴν τείνει, καὶ διὰ τοῦτο αἰώνιον κέλευσιν ἐπάγει. δι' ὃ οὐ χρὴ κρυβεῖν ταῦτα, καὶ μάλιστα ἄπερ αὐτὸς θέλει γνωσθῆναι περὶ τῶν δούλων αὐτοῦ τῶν γνησίων αὐτῷ προσκαίμενων, καὶ ἀγωνιζομένων ὑπὲρ τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. ἀλλὰ παρακαλῶ ὑμᾶς πιστῶς καὶ εὐγνωμόνως ἀκοῦσαι τῶν λεγομένων, μαρτυροῦσης μοι τῆς συνειδήσεώς μου, ὅτι οὐ ψεύδομαι. τότε ἐξηγήσατο αὐτοῖς πάντα τὰ τῆς ὀπτασίας.

(VIII. 177): εἰσῆλθον δύο κληρικοὶ τοῦ ἐπισκόπου εἰς τὸ μοναστήριον μνησούντες τὴν ἄφειν αὐτοῦ. ὁ δὲ μέγας Ἰωάννης καὶ πάντες οἱ ἀδελφοὶ ἐξελθόντες ἔξω τοῦ μοναστηρίου ὑπήντησαν αὐτῷ, καὶ προσκυνήσαντες αὐτὸν εἰσῆγαγον ἐν τῷ μοναστηρίῳ. εὐξαμένων δὲ αὐτῶν ἐν τῇ ἀγίᾳ ἐκκλησίᾳ καὶ καθισάντων, ἀτενίσας ὁ ἐπίσκοπος πρὸς τὸν Ἰωάννην, εἶπεν· ἐκ πλείστου χρόνου ἐπεθύμουν θεάσασθαι τὸν τίμιόν σου χαρακτῆρα. ὅσιε πάτερ Ἰωάννη ἀλλὰ νῦν κελευσθεὶς ὑπὸ τοῦ Θεοῦ τοῦτο ποιῆσαι, ἀναβάλαί οὐ τετόλμηκα. δι' ὃ χαίροις, πιστῆ ἱερεῦ τῆς τοῦ Χριστοῦ ἀγίας ἐκκλησίας. εἰρήνη σοι, θεραπευτὰ τῶν νοσημάτων ψυχικῶς καὶ σωματικῶς, μιμητὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, εἰρήνη σοι τῷ καταβαλόντι τὸν πονηρὸν καὶ κοινὸν ἀπάντων ἡμῶν ἐχθρὸν τὸν διάβολον τῇ πίστει τῆς ἀγίας Τριάδος, καθὼς καὶ Δαβὶδ πάλαί τὸν ἀλλόφυλον Γολιάθ ἐν τῷ πολέμῳ διὰ τῆς βολῆς τῆς σφενδόνης

ныя твоя трапезы божественаа твоя словеса. и піюще с веселіемъ штъ питія твоего побъченіа. Се же глаголюшу патріарху. и вси слышаще и дивляхоуся. паки же штвѣща патріархъ рече емоу Стефане его же Богъ почте. и възвыси дѣлъ твоихъ ради добрыхъ. попусти ны скорѣе сътворити повелѣніе Господне. и сице бщ намъ гѣпо есть исполнити всяку правду. встани, пойдемъ въ церковь. да скончаемъ волю Господню. еже ш тебѣ повелѣно есть намъ. Святыи же штвѣщавъ патріарху глаголя. честный штче молю твою святыню, да ми повѣси что глаголеши. и что хощещи сътворити на мнѣ. ты тако все великое мнѣ тобою, и твоимъ преподобытвѣемъ нештвѣщаяся сътворю.

Глава 11 (стр. 86—87): Штвѣща святыи рече, тяжко ми санъ есть епископскый вселенскый патріарше. выше бш мѣры мояа и дѣлъ моихъ есть се. азъ хоудый не могу сего носити.

Глава 12 (о торжественномъ

των τριῶν λίθων. Μακαρία εἶ (ἡ πόλις) πάλιν, λέγω· ποῖον θησαυρὸν πνευματικὸν λίθων τιμίων ἀνὰ μέσον ἡμῶν ἀνεκάλυψας; μακάριοι πάντες οἱ ἀπολαύοντες τῆς πνευματικῆς τραπέζης τῶν θεῶν σου λόγων, καὶ πίνοντες ἐν εὐφροσύνῃ ἐκ τοῦ κεράσματος τοῦ κρατήρος τῆς σῆς διδασχῆς. Ταῦτα δὲ λεγοντος τοῦ ἐπισκόπου, πάντες οἱ ἀκούοντες κατεπλήττοντο. πάλιν δὲ ὁ ἐπίσκοπος ἀποκριθεὶς εἶπε πρὸς αὐτὸν· Ἰωάννη, ὃν ὁ Θεὸς ἐτίμησε καὶ ὕψωσε διὰ τὰς πράξεις σου τὰς ἐναρέτους, ἀπόλυσον ἡμᾶς τάχος ἐκτελέσαι τὸ πρόσταγμα τοῦ Κυρίου. προρέπεται γὰρ ἡμᾶς εἰς τοῦτο τὸ γεγραμμένον· οὕτω πρόπον ἡμῖν ἐστὶ πληρῶσαι πᾶσαν δικαιοσύνην. ἐγείρου, ἀγωνεὺν ἐντεῦθεν, ὅπως ἐκπληρώσωμεν τὸ πρόσταγμα τοῦ Κυρίου τὸ περὶ σοῦ ὑπ' αὐτοῦ κελευσθέν ἡμῖν. Ὁ δὲ Ἰωάννης ἀπεκρίθη τῷ ἐπισκόπῳ λέγων· Τίμιε πάτερ, παρακαλοῦμεν τὴν σὴν ἀγιωσύνην ἀναμεῖναι ἐν τῷ μοναστηρίῳ καὶ ἐκτελέσαι ἡμῖν τὴν ἀναιμάχτων θοσίαν, καὶ μεταδοῦναι τῶν ἀχράντων μυστηρίων Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν· καὶ εἶθ' οὕτω πάντα τὰ κελευόμενά μοι παρὰ τῆς ὑμῶν οἰότητος ἀναντιρρήτως ποιήσω.

(VIII. 186): Καὶ ἀνοίξας τὸ στόμα αὐτοῦ εἶπε τῷ βασιλεῖ· Φορτικόν μοι τὸ ἀξίωμα τῆς ἐπισκοπῆς πέλει, εὐσεβέστατε βασιλεῦ. ὑπὲρ γὰρ τα μέτρα μου καὶ τὰς πράξεις μου καθέστηκε τοῦτο, ἐλάχιστος πάντων ὑπάρχων.

(VIII. 178): συνήχθη πᾶς ὁ κλη-

поставленіи Стефана) (стр. 87): множество друговъ и рядникъ. иже въ воинѣхъ сановитіи бѣахоу. и народъ многъ гражданъ. и наплѣнися вся церковь ѡтъ народа. бывшу жеоуставному чину. се болѣ часа зовущу на священіе. въведоша преподобнаго Стефана на поставленіе вѣ санѣ архіепископъскаго чину.

Глава 14-я (встрѣча Стефана Сурожанами: стр. 88): Изидоша мужи старѣйшины градныя на срѣтеніе ему. и въведоша и въ церковь с подобною честію. събращаеся вси народи въ церковь, градни и живуціи окрестъ града. и приходяціи странници. тоже не точію да и видѣтъ, но да и слышать побченіе его. той же святаго Духа силою просвѣтивъся нача бесѣдовати къ народу повѣстьми многими. ти вси чюдяхуся гаже ѡтъ Бога ему дана естъ мудрость. ти тако имъ раздрѣшаше еже въ божественѣмъ писаніи бѣдно разумѣти.

(стр. 89): поистинѣ ѡтче святыхи, нѣ естъ пріаѣлъ градъ нашъ никогдаже такова оучителя. иже естъ твое святительство. да при томъ славимъ Бога милосердаго. иже прислалъ тя нама вожа на добро. да крѣпнися оубо и възмъзи рабе Божій, апостоле новыи.

(стр. 89): ти плескааху. възводяще гласъ горѣ. ѡво ѡкройничасть сѣлхнн, отд. 2.

ρος τῆς πόλεως καὶ πάντα πληθὺς ἀρχόντων τε καὶ ἰδιωτῶν καὶ τῶν ἐν στρατεύμασι καὶ ἀξιώμασι διαπρεπόντων, ἐπλήσθη δὲ πᾶσα ἡ ἐκκλησία ἐκ τοῦ λαοῦ. γενομένης δὲ τῆς εἰωθίας ἀκολουθίας, καὶ λοιπὸν τῆς ὥρας καλούσης πρὸς τὸ ζητούμενον, ἄγουσι τὸν ὄσιον Ἰωάννην ἐπὶ τὴν χειροτονίαν τοῦ πρεσβυτερικῆς βαθμοῦ.

(VIII. 217): συνήγαστο πᾶς ὁ λαὸς τῆς πόλεως ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, καὶ ὁ βασιλεὺς καὶ πᾶσα ἡ σύγκλητος μετ' αὐτοῦ, καὶ ἡ περίχωρος τῆς πόλεως, καὶ οἱ παρεπιδημοῦντες ξένοι, οὐ μόνον διὰ τὴν ἑορτὴν, ἀλλὰ καὶ διὰ τὸ ἀκοῦσαι τῶν τοῦ Ἰωάννου ἐξηγήσεων. αὐτὸς δὲ ὁ Ἰωάννης τῇ τοῦ παναγίου πνεύματος δυνάμει καταλαμπρονθεὶς, ἤρξατο ὁμιλεῖν τῷ λαῷ ἐν ἱστορίαις πολλαῖς. πάντες δὲ ἐθαύμαζον εἰς τὴν ἐκ Θεοῦ δοθεῖσαν αὐτῷ σοφίαν, καὶ πῶς διέλυσεν αὐτοῖς τὰ ἐν ταῖς θεαῖς γραφαῖς δυσερμήνευτα καὶ δυσνόητα.

(VIII. 197): Ἀληθῶς, πάτερ, οὐκ ἠξιώθη ἡ πόλις αὕτη, ἀπὸ τῶν χρόνων Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως, ἐπισκόπου καὶ διδασκάλου κατὰ τὴν ἀγιωσύνην σου, καὶ ἐπὶ τούτοις εὐχαριστοῦμεν τῷ φιλανθρώπῳ Θεῷ τῷ καταπέμψαντί σε ἡμῖν ὁδηγοῦντα πρὸς τὰ συμφέροντα. Ἴσχυε οὖν καὶ ἀνδρίζου, δοῦλε Χριστοῦ καὶ ἀποστολε νέε.

(VIII. 217): καὶ ἐκρότουν αὐτὸν. ὑψοῦντες εἰς τὸν ἀέρα οἱ μὲν τὰς

цами пашуще. швы же скуты кожаными. швіи ручными оуброу-сы. а друзіи вѣнці въшюще и глаголюще. поистинѣ достойнѣ еси стога сего третїинадцатъ апостоле. Христось тя послагъ к намъ естъ. да спасеть душа наша. и напоиши штъ источникъ спасенныхъ еже ти далъ естъ.

Глава 15-я (проповѣдь въ Сурожѣ: стр. 89): многи зловѣрныя оулови. бесѣдоваше же к нимъ толики приводя. иже шба гзыка добрѣ вѣдаху. да сїи творя оутрь въ градѣ многи прелѣстившася оулавляше. апостольскаго проповѣданїа истинуу указая.

Глава 16-я (стр. 90): слышаще его бесѣдующа к нимъ дивляхоуся паче славяще хвалами многими. не бш бяху николиже видѣли, ни слышали таковаго оучителя преже сего въ градѣ томъ. да где и разоумѣахоу народи и тако хочеть бесѣдовати. вси тамо стечаахоуся его ради въ церковь. руководѣнници бш вставишадѣла своя ручная и прихожаахоу. а строители граднїи вставиша своя строенїа скоро прихожаху. ти аще боудяше в той день творити позоръ или конемъ уристанїе. то все вставлени рано притечаахоу въ церковь. да ся не лишатъ спроста рещи ни единого словеси исходящаго изъ устъ его. ꙗцегу си то великоу мянше быти. слышаще медомъ текущая та словеса

χλινώδας ἐποτρῶν, οἱ δὲ τὰ πτερόγρια τῶν κουτζούλων, ἕτεροι δὲ ἐγχειρίδια, καὶ ἄλλοι τὰ φακίολια, βρῶντες, ὡς ἀληθῶς ἄξιος εἶ τῆς ἱερωσύνης ταύτης, τρισκαίδεκάτε τῶν ἀποστόλων. ὁ Χριστὸς ἐπεμύε σε πρὸς ἡμᾶς ὥσθαι τὰς ψυχὰς ἡμῶν καὶ ποτίσαι ἐκ τῶν πηγῶν τοῦ ζωτηρίου, οὗ αὐτὸς ἐδωρήσατό σοι.

(VIII. 189): πολλοὺς τῶν πλανωμένων ἐθήρευσεν. αὐτὸς τε γὰρ ἑκάστῃσε προσφοιτῶν διελέγετο, ἐρμηνευταῖς χρώμενος τῶν ἐκατέρων γλῶτταν ἐπισταμένοις. ταῦτα μὲν οὖν ἔνδον ἐν τῇ πόλει διετελεῖ ποιῶν, καὶ πολλοὺς τῶν ἐξηπατημένων ἐζώτρει. τῶν ἀποστολικῶν κτηρογμάτων ἐπίδεικνὸς τὴν ἀλήθειαν.

(VIII. 179): ὁμιλοῦντα αὐτοῖς, ἐξεπλήττοντο ἐπιπλεῖον δοξάζοντες αὐτὸν κρότοις καὶ ἐγκωμίοις πλείοσιν. οὕτε γὰρ ἦσαν πάποτε ἰδόντες ἢ ἀκούσαντες τοιοῦτόν τι γινόμενον ὑπὸ τινος ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ· ἠνίκα δὲ ἐμάνθανον οἱ ὄχλοι ὡς μέλλει ἐξηγεῖσθαι ὁ Ἰωάννης, πάντες συνέτρεχον προθύμως ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ. οἱ μὲν γὰρ χειροτέχναι παρεῶντες τὰ ἔργα αὐτῶν ἤρχοντο, οἱ δὲ ἐπ' ἐξουσιῶν παραβλέποντες τὰ πρακτέα αὐτῶν ἄπρακτα δραμαῖοι παρεγγύοντο. καὶ θέατρον δὲ ἢ ἵπποδρόμιον εἰ ἔδοξεν ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἐπιτελεσθῆναι, πάντες παρεῶντες . . . ῥαγδαίως ἔτρεχον ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ πρὸς τὸ μὴ ἀμοιρῆσαι αὐτοὺς σχεδὸν εἰπεῖν, ἐνὸς ῥήματος ἐκπορευομένου διὰ στόματος αὐτοῦ, ζημίαν μεγάλην ἠγροῦμενοι. καὶ ἀκούοντες τῶν μελιῶ-

радующееся успѣхъ приемляюще душевнѣ и ѡбращахоуся въ свояси. таковъ бѡ даръ бѣаше Господь далъ ему на глаголаніе величьсви своихъ безъ споны.

Глава 20-я (рѣчь Германа къ царю Льву: стр. 93—94): Ѡ человекѣ, беззаконіа встанися хоулы сея, да ти не раздрунить силы. жестоко бѡ ти есть противу рожну ступати. не бѡ вѣступи на встенѣ нозиси шкровави. вълны бѡ камени не разсыплють. но сами си в пѣны разсыплють. нѣсть ничтоже церкви силніе. церкви бѡ и небеси силніе и крѣплѣйши есть. небо и земля преминетася. а словеса Божіа не прѣминоуютъ. кага оне же словеса еже рече Господь. ты еси Петръ, на семь камени съзижу церковь мою. и врата ада не оудолѣють ей. аще вѣроуеши словеси тому. то и дѣлу вѣроуй. не бысть ли то тако, такоже глаголанно. како мучители хотѣша съдолѣти церкви. колико сковрадъ, колико пещницъ разжены, колико звѣриныхъ зубъ пущающе на христіаны, колико вружіа встра на нихъ сдѣлаша. не умоікоша ли, не въ забытіи ли погвужени быша. а церкви паче солнца свѣтитсѣ. а внѣхъ памть вся оугасе. а си бесмерти. да ли егда бѣ мало вѣрныхъ. то не могоша имъ удогѣти. али нынѣ хоцещи удогѣти. егда весь миръ исполнися добрыя вѣры. не вводи рати на небо. аще бо боре-

ρότων αὐτοῦ λογίων ἀπήρχοντο δόξαν ἀνακέμποντες τῷ φιλανθρώπῳ Θεῷ. τοιαύτην γὰρ χάριν ἦν ὁ Κύριος δωρησάμενος αὐτῷ εἰς τὸ λαλεῖν τὰ μεγαλεῖα αὐτοῦ ἀκωλύτως.

(VIII. 259): Σκληρὸν γὰρ σοι πρὸς κέντρα δόξα λακτίζειν. οὐκ ἀμβλύνεις τὰ κέντρα, ἀλλὰ τοὺς πόδας αἰμάσεις· ἐπεὶ καὶ τὰ κύματα τὴν πέτραν οὐ διαλύει, ἀλλὰ ταῦτα εἰς ἀφρόν διαλύονται. οὐδὲν ἐκκλησίας δυνατώτερον. ἀνθρώπε, λύσον τὸν πόλεμον, ἵνα μὴ καταλόση σοὺ τὴν δύναμιν. μὴ εἴσχε πόλεμον εἰς οὐρανόν. ἀνθρώπον εἰάν πολεμῆς, ἢ ἐνίκησας, ἢ ἐνίκηθης, ἐκκλησίαν σὲ εἰάν πολεμῆς, νικῆσαι σε ἀμήχανον. ὁ Θεὸς γὰρ ἐστὶν ὁ πάντων ἰσχυρότερος... .. ἡ ἐκκλησία οὐρανοῦ ἰσχυροτέρα. Ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσονται, οἱ δὲ λόγοι μου οὐ μὴ παρέλθωσι. ποῖοι λόγοι; Σὺ εἶ Πέτρος, καὶ ἐπὶ ταύτῃ μου τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν, καὶ πόλαι ἄδου οὐ κατισχύσουσιν αὐτῆς. εἰ ἀπιστεῖς τῷ λόγῳ, πίστευε τοῖς πράγμασι. πόσοι τόρानοι ἠθέλησαν περιγενέσθαι τῆς ἐκκλησίας; πόσα τήγανα; πόσοι κάμινοι; θηρίων ὀδόντες; ξίφη ἠκονημένα; καὶ οὐ περιεγένοντο. ποῦ οἱ πολεμήσαντες; σεσιγήνται καὶ λήθη παραδέδονται. ποῦ δὲ ἡ ἐκκλησία; ὑπὲρ τὸν ἥλιον λάμπει. τὰ ἐκείνων εἰσβεσται, τὰ ταύτης ἀθάνατα. εἰ ὅτε ὀλίγοι ἦσαν, οὐκ ἐνίκηθσαν, ὅτε ἡ οἰκουμένη ἐπλήσθη εὐσεβείας, πῶς νικῆσαι δύνασαι;

мися съ челоѣкы, то или удо-
лѣши ихъ. или они удолѣютъ
ти. съ церковю же аще бореш-
ся. то удолѣти ей не можеш. но
удолѣеть ти. како же и прежде
тебе бывшимъ.

Глава 32-я въ концѣ (хвалебное
прославление Стефана: стр. 102):
Ему же рещи отъ благословенія
Господня земля твоя. отъ горы
небесныя росы. отъ глубины
кладязныя здола и по вся часы
плодныхъ, и отъ исходъ лоуч-
ныхъ, отъ источника присто-
текущъ. Ты порази чресла противу-
стоящимъ борющимся.

pag. 257. Ἀπὸ εὐλογίας Κορίου
ἢ γῆ σου, καὶ ἀπὸ ὄρων οὐρανοῦ καὶ
ὄρουσο, καὶ ἀπὸ ἀβύσσου πηγῶν κά-
τωθεν καὶ καθ' ὄραν γεννημάτων
ἡλίου τροπῶν, καὶ ἀπὸ συνόδου με-
τῶν καὶ ἀπὸ χοροφῆς ἀενάων βοο-
τῶν ἔσονται ἐκὶ κεφαλῆν Ἰωσήφ καὶ
χοροφῆν. — — — Πάταξον ὄσφρων
ἀνθεσθηκότων αὐτῶν.

Оно, впрочемъ, заимствовано цѣликомъ изъ Священнаго Писанія
(Второзак. 33, 43).

Не утверждая этого прямо, мы нѣсколько разъ, въ виду представ-
лявшихся наблюдений, склоняли свою рѣчь къ тому, что въ разбираемомъ
нами славяно-русскомъ житіи нужно видѣть не какое-либо перевод-
ное съ греческаго, но именно русское произведение. Теперь умѣстно
воротиться къ высказанной догадкѣ, такъ какъ мы обладаемъ сред-
ствами къ ея повѣркѣ, послѣ которой она либо получить полную
степень достовѣрности, либо должна будетъ подвергнуться устрани-
нію. Рѣшительный моментъ заключается въ отвѣтѣ на вопросъ, поль-
зовался ли авторъ житія греческимъ подлинникомъ житія Іоанна
Златоустаго, или же его славянскимъ переводомъ. Греческимъ по-
длинникомъ, конечно, могъ одинаково пользоваться какъ грекъ, такъ
и образованный знающій русскій, хотя такихъ всегда бывало не
много; но къ славянскому переводу, безъ сомнѣнія, никто изъ гре-
ковъ не обратился бы . . . Вотъ какія основанія заставляютъ насъ
утверждать, что подъ руками нашего писателя былъ готовый, очень
распространенный въ употребленіи славяно-русскій переводъ сочи-
ненія Георгія Александрійскаго.

Вопервыхъ, заимствование нѣсколькихъ отмѣченныхъ нами строкъ,
принадлежащихъ собственно писателю пятаго вѣка Созомену. Ихъ
мы не найдемъ въ греческомъ подлинникѣ житія Іоанна Злато-

устаго, который былъ изданъ англичаниномъ Севилемъ по двумъ рукописямъ (Палатинской и Баварской библиотекъ); но въ славянскихъ переводныхъ редакціяхъ обыкновенно вставляется посредникъ изложенія довольно длинная выписка о Златоустѣ изъ означеннаго церковнаго писателя, не вполне умѣстная потому, что въ ней повторяется уже ранѣе и съ большею подробностью разказанное самимъ Георгіемъ. Въ Новгородско-Софійскомъ экземплярѣ Минеи Макарія за ноябрь мѣсяць, теперь принадлежащемъ С.-Петербургской духовной академіи (рукоп. № 1319), выписка изъ Созомена занимаетъ полтора столбца (in fol.) и начинается словами: „глаголетже о семь велицѣмъ Іоаннѣ и Созомонѣ историкѣ, рекше повѣстникѣ“, а кончается замѣчаніемъ: „да сие глаголетъ Созомонъ о Іоаннѣ, но мы ся пакы возвратимъ на перьвую повѣсть архіепископа Гевргія александрьскаго“ (л. 256 на обор. и 257). Итакъ, ясно, что вставка не была сдѣлана самимъ Георгіемъ, почему ея и не встрѣчается въ греческихъ рукописяхъ. Что авторъ житія Стефана Сурожскаго имѣлъ предъ глазами славянскій переводный текстъ, объ этомъ, кромѣ того, свидѣтельствуетъ и совершенное тожество фразеологій въ небольшомъ учиненномъ имъ заимствованіи (изъ подлежащихъ страницъ) съ выраженіями славянскаго дополненаго Созоменомъ житія Златоуста.

Макарьевская Минея о Златоустѣ:

Слово бо дѣлы добрыи оутворено вѣры достойно ся творить. а бездѣлъ добру роугателя и лестца и своихъ словесъ кудителя являетъ глаголющаго. аще и зѣло подвижется уча. а сему великому моужю шбоѣ то бѣше. хитрѣ оучити и добра дѣла имѣти.

Житіе Стефана Сурожскаго:

Слово бш дѣлы добрыми оутворено вѣры достойно творить. а безъ дѣлъ добрыхъ роугателя и лестца и своихъ словесъ коудителя являетъ глаголющаго. аще и зѣло подвижется оуча. а сему чюдному моужоу шбоѣ то бѣше. еже хитрѣ оучити и добра дѣла имѣти.

Совершенно не возможно, чтобы два переводчика, работавшіе независимо одинъ отъ другаго, сошлись бы до такой степени въ выборѣ словъ и выраженій, отчасти не совсѣмъ обычныхъ.

Мы пришли бы къ такому же результату, еслибы повторили сдѣланную разъ операцію сличенія текстовъ по отношенію къ переводному житію Іоанна Златоустаго вмѣсто греческаго подлинника. Мы

не утверждаемъ, что сходство между славянскимъ переводомъ сочиненія Георгія Александрійскаго и соотвѣтствующими отрывками въ житіи Стефана Сурожскаго всегда имѣетъ видъ тожества буква въ букву, но вѣдъ и фразеологія греческаго подлинника не всегда точно выдерживается. Существенно важно то обстоятельство, что, говоря вообще, русскій текстъ житія Стефана еще ближе къ славянскому сказанію объ Іоаннѣ Златоустомъ, чѣмъ къ греческому подлиннику этого послѣдняго, и что тамъ, гдѣ въ одномъ славянскомъ текстѣ замѣчаются отклоненія отъ греческаго оригинала, подобныя же отклоненія повторяются и въ другомъ... Избѣгаемъ новихъ длинныхъ выписокъ, и ограничиваемся нѣсколькими болѣе характеристичными примѣрами. У Георгія Александрійскаго разказъ объ избраніи Іоанна Златоустаго на патриаршій престолъ Константинополя начинается такъ (pag. 183):

Εὐθέως οὖν σπουδῇ καὶ χειροτονίας ἐπίσκοπου ἐγένετο, καὶ ἄλλων ἄλλον ἐπιζητούντων συνέτρεχον τινες τῶν μὴ ζητούμενων ἀμφιζητούντες τὴν προεδρίαν ¹⁾).

Въ славянскомъ текстѣ приведенныя слова Георгія Александрійскаго, не поддающіяся буквальной передачѣ, переведены нѣсколько свободно, и съ такою же свободою они переданы и въ житіи Стефана Сурожскаго, при чемъ удержано одно весьма характеристическое выраженіе (вертахуся), не совсѣмъ оправдываемое греческимъ подлинникомъ.

Сказаніе Георгія объ Іоаннѣ Златоустѣ по Макарьевской минеѣ за ноябрь (р. С.-Петербур. дух. акад., л. 258 на обор.):

абіе оубо подвизаніе бысть ѿ поставленіи патриарховѣ. овому сего а иному ѿного хотящю поставити друзии же вертахуся. мнози на ся кождо хотяще взяти санъ тои.

Житіе Стефана Сурожскаго:

абіе же възсканію бывшюу ѿ поставленіи архіепископа Сурожюу. ти ѿвому сего поминающюу, ѿвому нного хотящюу поставити. друзии же вертахуся. мнози на ся санъ кождо стяжаще.

Рѣчь Германа патриарха о Стефанѣ въ седьмой главѣ житія

¹⁾ И тотчасъ началось стараніе о поставленіи епископа, и когда одинъ выискиваетъ одного, а другой другаго, то сбѣжались нѣкоторые изъ такихъ, которые не были выискиваемы, споря между собою о санѣ (буквально: о предствительствѣ).

представляет буквальное сходство съ рѣчью Исхія по поводу видѣнія, которое онъ имѣлъ относительно Іоанна, какъ мы видѣли это изъ сличенія греческаго отрывка съ русскимъ житіемъ. Это сходство будетъ, если возможно, еще осязательнѣе и полнѣе, когда вмѣсто греческаго подлинника мы возьмемъ славянскій его переводъ.

отвѣщавъ Исхія рече: тайны царьскыя ювлати небезблзвна есть. но зѣло и бѣду приносить. тайну же божию покрывше. ту же бѣду имать. реку ти и большю. имаже о души вѣчную мукою ключается пріати. зане нѣсть подоба крыти сего и т. д.

и паки рече. тайны царевы обьявлати не безъ блзвна есть. но и зѣло бѣдоу приносить. тайны же Божія покрывше тоуже бѣду имать. рекъ ти и болшу ниже ѡ души. вѣчную муку ключается пріати. зане нѣсть подоба крыти сего и т. д.

Если мы сравнимъ оба славянскіе текста съ вышеприведеннымъ греческимъ подлинникомъ, то замѣтимъ, что въ обоихъ оставлены безъ перевода начальныя слова греческаго текста, которыя гласятъ: тайну цареву скрывать хорошо, а объявлять не безопасно...

Повторимъ еще одну выписку, относящуюся къ 14-й главѣ житія Стефана, для сличенія съ славянскимъ переводомъ сказанія Георгія Александрійскаго.

Житіе Стефана.

Нача бесѣдовати к народу повѣстьми многими. ти вси чюдяхуся таже отъ Бога ему дана есть мудрость. ти тако имъ раздрѣшаше еже въ Божественномъ писаніи бѣдно разумѣти...

Къ этимъ словамъ, заимствованнымъ изъ уже разъ приведеннаго выше отрывка, въ житіи прибавлено еще нѣсколько строкъ для характеристики Стефановой проповѣди, но эти строки взяты уже совсѣмъ изъ другаго мѣста. За такими мелкими заимствованиями, когда нашъ авторъ выписываетъ не подъ рядъ, а выхватываетъ отдѣльныя предложенія изъ разныхъ мѣстъ, трудно намъ угоняться. Видно, что онъ весьма основательно изучилъ свой образецъ, могъ иное цитовать изъ него на память, хотя въ большинствѣ случаевъ очевидны слѣды прямого списыванія съ лежащей предъ глазами книги. Слѣдующія ниже строки любопытны опять въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны,

Сказаніе о Златоустѣ

л. 272 на обор.

Нача бесѣдовати к народу повѣстьми многими. ти вси чужахуся. таже отъ Бога емоу дана мудрость ти тако имъ раздрѣшаше. еже въ божественемъ писаніи бѣдно баше и покровно.

настоящій ихъ смыслъ можетъ быть понятъ только изъ греческаго подлинника, а съ другой—что оригиналомъ для нихъ послужилъ все-таки не греческій текстъ, а переводъ онаго на славяно-русскій языкъ.

Объ Іоаннѣ Златоустѣ говорится у Георгія Александрійскаго (Savile, VIII, 191): Ἰωάννης ἦν τὴν διὰ μικρῶν ἐξέτασιν κατακλείειν εἰς βραχυεῖς τινας λόγους καὶ ῥαδίους συλλαβεῖν καὶ τὴν δι' ὀλίγων εἰς μῆκος ἐπεκτείνειν (онъ былъ способенъ, онъ умѣлъ—заключить длинное изслѣдованіе и выразить его въ нѣсколькихъ краткихъ и доступныхъ словахъ, а короткое—растянуть въ длину).

Вотъ какъ это передается въ двухъ славяно-русскихъ текстахъ:

Сказаніе о Златоустѣ

(л. 261 на обор.).

Зѣло же мощенъ бѣше еже бо
са на долзѣ пытается то краткы
словесы вмалѣ сказаше и еже
вмалѣ то продолжитіе (sic=про-
должити к?) велми и оукрасити.

Житіе Стефана.

За вся бѣ и еже на долзѣ кто
что пыташе. Краткими словесы
вмалѣ сказаше имъ. еже вмалѣ
то продолжи житіе и велми укра-
ситъ. ни дважды едино слово ¹⁾.

Эти сопоставленія, кажется, будутъ достаточны для того, чтобы передать и другимъ убѣжденіе, вынесенное нами изъ сравнительнаго изученія текстовъ, что авторъ житія Стефана Сурожскаго при пользованіи твореніемъ Георгія Александрійскаго о св. Іоаннѣ Златоустѣ имѣлъ подъ рукою славянскій переводъ этого сказанія, и что, слѣдовательно, житіе въ такомъ видѣ, какъ мы его читаемъ, было составлено русскимъ человѣкомъ и не есть прямой переводъ съ греческаго.

Только теперь получить надлежащую цѣну и еще одно сопоставленіе, которое мы можемъ сдѣлать. Оно относится къ молитвенному обращенію, которымъ заключается житіе. Это молитвенное заключеніе находится, правда, не во всѣхъ спискахъ житія, но оно читается въ лучшемъ, Академическомъ спискѣ (Московской духовной академіи), а также и въ той редакціи житія, которая повторена въ Макарьевской Миней за декабрь мѣсяцъ, судя по описанію ея. Въ самомъ Академическомъ спискѣ подразумѣваемая заключительная патетическая часть приписана послѣ, на новой страницѣ и другою рукою, но отсюда не слѣдуетъ, что это есть сочиненіе приписчика, а напротивъ, развѣ только то, что въ его время была въ обращеніи двоя-

¹⁾ Последняя фраза, вѣроятно, соответствуетъ нѣсколько выше стоящему восклицанію: τί θεῖ ὄν λέγειν;

каго рода экземпляры житія Стефана Сурожскаго—съ заключительною молитвою и безъ нея. Когда было замѣчено, что копія, переписанная для обладателей сборника однимъ писцомъ, не имѣетъ такого конца, какой есть въ иныхъ подлинникахъ, то и признано было нужнымъ сдѣлать приписку, которую пришлось исполнить уже новому лицу. По характеру своему прибавка должна принадлежать первоначальному автору, по крайней мѣрѣ выдаетъ себя за такую. Удивительно то, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на заключительное обращеніе къ святому въ Кипріановомъ житіи Петра митрополита:

Се тебѣ шт насъ слово похвално, елико по силѣ нашей грубо (сти). ш изрядни въ святителяхъ. о нихже попекль еси, тако беструденъ апостоль. и ш стадѣ порученом ти словесныхъ швахъ христовыхъ. ихже своею кровію испуки. конечнымъ милосердіемъ и благостію. и ты убш сице вѣроу съблюде по великому апостолу и течение съврѣши гаснѣише наслаждаешия невечернаго тричнаго свѣта. тако небеснаа мудроствовавъ, възлетѣ благоуправленъ. насъ же молимтя назираи и управляи свыше. вѣси бш колику тяжесть иматъ житіе се. в том бш и ты нѣкогда трудился еси. но убш понеже тебе предстателя русійскаа земля стяза, славныи же градъ Москва. честныя твоя мощи такоже нѣкое съкровище честно съблюдаеть. и такоже тебѣ живу соушоу. на всякии день, православнии и свѣтли наши князи съ теплою вѣроу поклоняются и благословеніе приємлють съ всѣми православными; въздающіе хвалу живоначалнѣй троици. ею же

Се тебѣ шт насъ слово похвално, елико по силѣ нашей грубости, изрядныи во святителяхъ, ш нихже ся попекль тако беструденъ апостоль о стадѣ порученномъ ти, словесныхъ овцахъ христовыхъ, ихже своею кровію испуки. и ты оубо сице вѣроу соблюде. — — —

И насъ молим ты назирай и оуправляй свыше. вѣси бо колику тяжесть иматъ житіе се. в томъ бо и ты нѣкогда троудился еси. но оубо понеже тебе предстателя роусьская земля стяза. славныи же градъ Сурожъ честныя твоя мощи, такоже нѣкое сокровище честно съблюдаеть и такоже тебѣ живу на всякъ день православнии христіаньстии народи и с теплою вѣроу поклоняются и благословеніе приємлють. вси иже недуги шдержими въскоре исцѣленіе приємлють.

всѣмъ намъ получить о самомъ христвѣ господи нашемъ. ему же подобаеть слава и т. д.

Такимъ образомъ временемъ дѣятельности митрополита Кипріяна, умершаго въ 1406 году, приблизительно опредѣляется и время, когда появился на свѣтъ нашъ памятникъ: очевидно, не ранѣе первой половины XV вѣка. Съ этимъ сходятся другія данныя, касающіяся литературной исторіи житія Стефана Сурожскаго. Извѣстно, что глухая ссылка на него встрѣчается въ жизнеописаніи русскаго угодника, преподобнаго Димитрія Придубцаго († 1391 г.), составленномъ въ началѣ второй половины XV столѣтія, пятимъ преемникомъ въ управленіи основанной имъ обители. Авторъ изслѣдованія о древне-русскихъ житіяхъ святыхъ въ связи съ указаніемъ на это отношеніе между двумя житіями, сдѣлалъ такое замѣчаніе, которое показываетъ, что въ массѣ разсмотрѣнныхъ имъ рукописей онъ не встрѣтилъ ни одной, которая обличала бы существованіе Сурожскаго житія ранѣе сейчасъ означеннаго періода, то-есть, второй половины XV вѣка ¹⁾. Очевидно, что списатель житія не зналъ о взятіи и разореніи Сурожа турками, что произошло, какъ намъ извѣстно, въ 1475 году. Онъ предполагаетъ въ своемъ заключительномъ молитвенномъ воззваніи къ святому, что мощи его находятся въ славномъ градѣ Сурожѣ и все еще привлекаютъ къ себѣ поклоненіе православныхъ христіанъ. Между тѣмъ храмъ святой Софіи, гдѣ почивали останки св. Стефана, былъ уже разоренъ татарами въ 1327 году, какъ объ этомъ сказано въ обзорѣ исторіи города Сугден; если мощи могли быть тогда спасены и перенесены въ какую-либо другую церковь, то послѣ турецкой катастрофы и до новѣйшихъ временъ о нихъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда и никакого слуха. Правда, что о нихъ поется въ канонахъ

¹⁾ В. О. Ключевскій, Древне-русскія житія святыхъ, стр. 188—189. Въ ряду посмертныхъ чудесъ, описанныхъ въ біографіи Димитрія, встрѣчается разказъ о разореніи Вологды вятчанами во время княжеской усобицы и о нападеніи Димитрія Шемяки на этотъ городъ, что по лѣтописи произошло въ 1450 году. „Изъ этихъ извѣстій“, пишетъ г. Ключевскій,—„можно заключить, что Макарій (авторъ біографіи Димитрія) писалъ въ началѣ второй половины XV вѣка... По поводу чуда съ однимъ изъ вятчанъ приведенъ разказъ изъ житія Стефана Сурожскаго, которое стало распространяться въ нашей письменности, *по видимому*, около половины XV вѣка“. Отрывокъ изъ житія преподобнаго Димитрія будетъ приведенъ ниже.

и тропаряхъ церковной службы Стефану даже и до настоящаго времени, но эти каноны и обѣ службы были составлены гораздо ранѣ русскаго житія, когда Сурожъ находился подъ верховною властью православныхъ царей и только еще страшился враждебныхъ замысловъ агарянъ или измаильтятъ. Сочиненные первоначально по гречески и, конечно, извѣстные русскимъ, посѣщавшимъ Сурожъ, они стали входить въ московскія богослужебныя книги тоже не рано и, кажется, уже послѣ того, какъ житіе Стефана распространилось. Въ Бѣлозерской служебной Миней за декабрь, писанной въ 1512 году (въ библиотекѣ Петербургской духовной академіи № 639—382), подъ 15-мъ числомъ (л. 121) означеннаго мѣсяца отмѣчена память иже во святыхъ отца нашего Стефана архіепископа Сурожскаго, но службы ему первоначально не было помѣщено, а сдѣлана ссылка, что нужно искать ее въ концѣ „отъ доски“; дѣйствительно тамъ (на листѣ 361) находится канонъ святому (Христосъ рождается). Софійская Служебная Минея 1515 года (тамъ же № 219) представляетъ слѣдующее явленіе: упоминанія въ текстѣ о Стефанѣ Сурожскомъ, и службы ему нѣтъ ¹⁾; но въ самомъ началѣ 15-го дня, послѣ перечисленія святыхъ этого дня (Елевѳерія, Павла), сдѣлана выноска, писанная подъ низомъ сворописью XVI или XVII вѣка: „ищи новому чудотворцу въ еевральской миней Стефану архіепископу Сурожскому“. Бѣлозерскіе святцы XV вѣка (№ 740, 483) имѣютъ подъ соотвѣтствующимъ днемъ тропарь св. Стефану Сурожскому. Ссылка въ Степенной книгѣ показываетъ, что въ первый періодъ царствованія Іоанна Грознаго житіе Стефана Сурожскаго было уже хорошо извѣстно и рассматривалось какъ важный историческій документъ, свидѣтельствующій о славѣ русскаго имени еще до призванія Варяговъ. Въ Степенной книгѣ имѣются въ виду собственно посмертныя чудеса Стефана, но въ посланіи царя Іоанна Васильевича къ Максиму Греку о ереси Матеемъ Бакшиина архіепископъ Стефанъ Сурожскій упоминается въ числѣ защитниковъ иконопочитанія, что уже намекаетъ на знакомство съ его житіемъ ²⁾.

¹⁾ Ср. архим. *Сергія* Полный мѣсяцесловъ Востока, II, 328. Показанія его, впрочемъ, не всегда отчетливы и правильны. Въ данномъ случаѣ они были провѣрены для насъ студентомъ С.-Петербургской духовной академіи Н. Ф. Чурловскимъ, которому и приносимъ нашу благодарность.

²⁾ Акты историческіе, т. I, стр. 298: „Такъ же и иконному въображенію являша исповѣдницы, Германъ, Тарасій, Никифоръ патріархи Царяграда, Θεοφιλαктъ Никомидійскій, архіепископъ Стефанъ Сурожскій, Стеванъ Новый — и нии мнози, яко же вѣси самъ множае насъ“.

VII.

Составъ первоначальнаго житія и чудеса.

Какъ произведеніе русскаго книжника XV столѣтія, скомпилированное съ назидательною цѣлю изъ разныхъ источниковъ и приновленное къ тогдашнимъ литературнымъ вкусамъ, житіе Стефана Сурожскаго имѣетъ весьма малую историческую цѣнность. Наше предыдущее изслѣдованіе, послужившее къ разъясненію его происхожденія, было бы даже излишне тщательнымъ и подробнымъ, еслибы мы не могли сослаться, съ одной стороны, на литературный интересъ памятника, оказывающагося очень любопытнымъ именно по приемамъ, употребленнымъ для его созданія, а съ другой — на тѣсную и неразрывную связь житія съ посмертными чудесами, въ которыхъ встрѣчается столь важное и въ то же время столь загадочное упоминаніе о нападеніи Русскаго князя на Сурожъ. Теперь намъ слѣдуетъ ближе познакомиться съ самыми чудесами и далѣе—рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли и эту часть считать такимъ же позднимъ, произвольнымъ и недостовернымъ произведеніемъ русскаго сказателя, какъ, напримѣръ, повѣствованіе о столкновеніи Стефана съ Львомъ Исавромъ и подробности о приемахъ и успѣхахъ его проповѣднической дѣятельности въ Сурожѣ; или же, напротивъ, сказаніе о чудесахъ слѣдуетъ поставить въ связь съ тѣми слабыми слѣдами первоначальной и древней основы, какіе мы все-таки могли уловить и должны были признать въ составѣ русскаго житія? Припомнимъ, какіе это были слѣды, и какой residuum оставался послѣ анализа, обличившаго цѣлый рядъ заимствованій изъ постороннихъ источниковъ.

Въ самомъ началѣ славяно-русскаго житія названы отечество и родина святаго: такъ какъ подобное же указаніе находится и въ греческой записи, сдѣланной въ халкинскомъ Синаксаріѣ полуграмотнымъ грекомъ изъ Сурожа XIV или XV столѣтія, — очевидно, на память и на основаніи ранѣе существовавшаго, болѣе обработаннаго жизнеописанія, то слѣдуетъ признать, что и въ русскомъ житіи собственныя имена — Каппадокія и Морисавъ (Моривасъ — греч. въ родит. Βορβάζου) — восходятъ къ болѣе древнему источнику, вѣроятно, къ тому же, какой читалъ и грекъ. Затѣмъ въ предполагаемомъ древнемъ житіи шла рѣчь о воспитаніи и успѣхахъ Стефана въ наукахъ, что подало поводъ сурожанину вспомнить объ ученыхъ Аѳинахъ,

хотя мы не думаемъ, чтобы это имя стояло въ первоначальномъ житіи. Если употребленное при этомъ выраженіе нѣсколько напоминаетъ жизнеописаніе Іоанна Златоустаго, составленное Георгіемъ Александрійскимъ, то такое частное явленіе слѣдуетъ считать простою случайностью; во всякомъ случаѣ, русскій писатель воспользовался сочиненіемъ Георгія не въ этомъ мѣстѣ и вполне самостоятельно, такъ какъ и текстъ у него былъ подъ руками не греческій, а славянскій. Въ древнѣйшемъ первоначальномъ источникѣ сообщались краткія біографическія свѣдѣнія о дальнѣйшемъ жизненномъ поприщѣ святаго — о прибытіи его въ Царьградъ при Θεодосіѣ Адрамитинѣ, о пятнадцати годахъ, проведенныхъ въ столицѣ, о постриженіи въ монашество, о тридцатилѣтней пустынной жизни — и вѣроятно, только вскользь и кратко упоминались общія судьбы церкви за это время, а затѣмъ болѣе подробно говорилось о гоненіи Константина Копронима, о столкновеніи его со Стефаномъ, объ обличеніи гноетезнаго цара, о мученіяхъ и ссылкѣ святаго въ Сурожъ. Что біографическія численныя показанія объ эпохахъ возраста святаго не придуманы русскимъ авторомъ, это мы должны были заключить изъ полного ихъ противорѣчія съ общимъ ходомъ повѣствованія, съ подробностями, заимствованными изъ постороннихъ источниковъ, а съ другой стороны — изъ полного ихъ соответствія съ дѣйствительнымъ историческимъ ходомъ вещей, съ указаніями на 767 годъ, какъ годъ наибольшаго разгара иконоборческаго гоненія и время удаленія Стефана въ Крымъ. Нужно полагать, что уже въ первоисточникѣ упоминалось имя Ирины, дочери Хазарскаго царя и супруги царя Константина Копронима, такъ какъ указаніе на нее находится какъ въ русскомъ, такъ и въ греческомъ сказаніи. Къ сожалѣнію, оно въ обоихъ случаяхъ либо неточно, либо неясно, и едва ли въ первоначальномъ источникѣ это имя могло стоять въ той связи, въ какой читается теперь въ обоихъ сказаніяхъ. Въ 767 году, когда, по болѣе достовѣрнымъ источникамъ (Минологіи Василія), Стефанъ Сурожскій подвергся преслѣдованію, Ирины Хазарской уже не было въ живыхъ, такъ какъ вслѣдъ за исторіею Стефана Новаго, пострадавшаго незадолго предъ тѣмъ, у Θεοφана, въ его хроникѣ, говорится о третьей женѣ Константина Копронима, Евдокіи: 1-го апрѣля 769 года онъ провозгласилъ цесарями двухъ сыновей Евдокіи, а третьему младшему далъ титулъ nobilissima ¹⁾. Ирина была первою женою Копронима,

¹⁾ Theophan. Chronogr. ed. de Boor, I, 434.

и этотъ бракъ былъ устроенъ еще отцомъ его, императоромъ Львомъ. Въ предупрежденіе всякихъ возраженій мы должны прибавить, что заступничество Ирины за Стефана едва ли правдоподобно и въ той связи, въ какой оно поставлено (съ именемъ Θεодоры) въ русскомъ житіи—вскорѣ послѣ смерти Льва Исавра, потому что Константину почти тотчасъ послѣ вступленія на престолъ пришлось вести упорную борьбу съ другимъ претендентомъ на власть, зятемъ его по сестрѣ Артаваздомъ; самый Константинополь по 2-е ноября 743 года находился въ рукахъ Артавазда, который здѣсь и былъ единственнымъ распорядителемъ: онъ, дѣйствительно, былъ на сторонѣ иконопочитателей. Въ русской редакціи житія Стефана предполагается, что въ это же время родился у Ирины сынъ, котораго онъ и крестилъ. Но на самомъ дѣлѣ старшій сынъ Константина Копронима отъ Ирины явился на свѣтъ, какъ это отмѣчено въ хроникѣ, только въ 750 году ¹⁾. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что именно въ этой связи всего скорѣе въ древней и наиболѣе подлинной исторіи Стефана могло быть упомянуто имя Ирины Хазарской: обычай избирать воспріемниковъ или даже и крестителей царскихъ дѣтей въ средѣ наиболѣе прославившихся богоугодною жизнью лицъ существовалъ въ Византіи, и очень возможно, что Ирина, не раздѣлявшая иконоборческихъ воззрѣній своего мужа, пока еще и не высказавшихся съ полною рѣзкостью, обратила свое вниманіе на пустытника и подвижника Стефана. Наконецъ, въ первоначальномъ источникѣ шла рѣчь о посвященіи Стефана въ епископы и дѣятельности его Стефана въ Сурожѣ послѣ ссылки, которая, конечно, была отнесена, какъ въ Минологіѣ, къ царствованію Константина Копронима: краткая замѣтка въ концѣ русскаго житія, что Стефанъ послѣ предполагаемаго возвращенія въ Сурожъ „пасяше ученіемъ стадо свое“, слова въ Василювомъ Минологіѣ (по славянской редакціи), что онъ добръ упасъ свое стадо, выраженія одной изъ приписокъ въ Синаксаріѣ, которыя были приведены выше (см. майскую книжку, стр. 168) что онъ просвѣтилъ сугдейцевъ, все это довольно общія выраженія, но они передаютъ мысль, которая, безъ сомнѣнія, была высказана въ подлинной древнѣйшей біографіи исповѣдника... Вотъ соображенія, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать попытку восстановленія той редакціи сказанія о Стефанѣ Сурожскомъ, какая существовала въ X или даже IX вѣкѣ и послужила при составленіи

¹⁾ Theophan. Chronogr. ed. de Boor, I, 445.

статьи въ Минологіи Василя. Мы представляемъ себѣ эту первоначальную редакцію въ формѣ весьма краткой по аналогіи съ житіемъ другого крымскаго святаго, Іоанна Готскаго, которое было написано еще въ періодъ иконоборства, а послѣднее состоитъ всего изъ десяти главъ, включая разказъ о чудесахъ, которыхъ Іоаннъ былъ виновникомъ при своей жизни; все оно помѣщается на четырехъ страницахъ этой самой печати ¹⁾).

Что касается чудесъ, то тѣ два, которыя совершились—одно до кончины исповѣдника, а другое при его кончинѣ, и содержаніе которыхъ изложено выше, несомнѣнно входили въ составъ первоначальнаго сказанія. Клирикъ Филаретъ, виновникъ чуда надъ сосудомъ съ водою, вынужденный согласиться на свое посвященіе въ пресвитеры, а потомъ назначенный Стефаномъ въ преемники себѣ, есть, по видимому, лицо историческое, то-есть, существовавшее въ дѣйствительности. Мы уже имѣли случай указать на упомянутаго въ посланіи Θεодора Студита (+826) къ архимандриту сосѣдней съ Сурожемъ Готеи архіерея Филарета ²⁾: дѣло шло именно о раздорахъ между двумя сосѣдами и о примиреніи ихъ при посредствѣ Θεодора, находившагося въ сношеніяхъ съ вѣрными православію церквами Тавриды ³⁾. Разказу объ изцѣленіи слѣпозорожанина Ефрема при погребеніи Стефана предшествуетъ въ нашей редакціи представляющаяся мало мотивированною замѣтка объ отношеніяхъ исповѣдника при его жизни къ князю Юрію Тархану. „Въ то же бѣ время князь Юрій Тарханъ и любя его святыи, по закону Божию правяше власть свою всегда приходя къ святому Стефану послушаше его, како веляше ему тако творяше. святыи же велми оучаше его на путь спасенни“. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе знаменательное выраженіе тарханъ; въ немъ заключается явный намекъ на подчиненіе Сурожа хазарской власти, то-есть, на такой историческій фактъ, который мы должны предполагать на основаніи другихъ достовѣрныхъ источниковъ, а между тѣмъ не обратившій на себя вниманія со стороны русскаго связателя. Слово тарханъ, общее всѣмъ тюркскимъ

¹⁾ См. Русско-византийскіе отрывки: *Журн. Мин. Нар. Просв.*, январь 1878 г., стр. 126—129.

²⁾ Тамъ же, стр. 164. Послѣ оказалось, что такого же мнѣнія и проф. *Е. Е. Голубинскій*: *Исторія Русской церкви*, 1, 45.

³⁾ Οὗ χάριν ἠναγκάσθημεν ἐπιστεῖλαι καὶ τῷ πατρὶ καὶ ἀρχιερεὶ Φιλάρετῳ εἶγε καὶ προσευθεῖν ἢ παράκλησις ἡμῶν ταπεινῶν, συνδέουσα τὰ πρὸς εἰρήνην. *Epistol. Theod. Stud. lib. II, № 164 (Migne, Patrol. graec., XCIX, 1520)*.

языкамъ ¹⁾, и доннѣ весьма употребительное у казанскихъ татаръ и у чувашей, означаетъ первоначально собирателя войска, военного вождя (=герцога), а затѣмъ вообще свободнаго и благороднаго человѣка, изъятаго отъ податной повинности (ср. тарханныя грамоты). Что это выраженіе было употребительно у болгаръ и аваровъ, мы хорошо знаемъ ²⁾. Но мы встрѣчаемъ его также у Менандра въ исторіи византійскаго посольства къ туркамъ, живущимъ въ глубинѣ Азій; Зимарха, римско-византійскаго посла, на возвратномъ пути сопровождалъ во главѣ отвѣтнаго посольства человѣкъ, по имени Тагманъ, а по своему сану тарханъ ³⁾. Военные вожди Хазарскихъ хагановъ, современныхъ Льву Исаврійскому, тоже носятъ прозваніе тархановъ. По разказу Хевонда, армянскаго писателя VIII вѣка, одинъ разъ хаганъ медилъ вступать въ битву, потому что ждалъ Алъ-Тархана, котораго онъ призвалъ къ себѣ на помощь. Въ другой разъ хаганъ собралъ сильное войско и поручилъ его полководцу своему Ражу-Тархану ⁴⁾. Если въ нашемъ памятникѣ хазарскій намѣстникъ или правитель въ Крыму носитъ христіанское имя, то и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго при извѣстныхъ вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ въ хазарской державѣ: мы уже указывали надпись раба Божія Тагмана (то же имя, что и у Менандра), относимую къ IX вѣку и свидѣтельствующую о принадлежности одного хазарскаго вельможи къ христіанской церкви ⁵⁾. Припомнимъ, что и послѣдній хазарскій повелитель, взятый въ плѣнъ соединенными войсками двухъ союзниковъ императора Василія и великаго князя Русскаго Владиміра въ 1016 году, носилъ имя Георгія ⁶⁾. Если мы предположимъ, что

¹⁾ *Золотницкато*, Чувашско-русскій словарь, стр. 272; *Vambery*, Der Ursprung der Magyaren (Leipzig. 1882), p. 67; *Tomasek*, Die Goten in Taurien, p. 20.

²⁾ У аваровъ—въ стихотвореніи на аварскую победу короля Пипина, сына Карла Великаго, въ 796 году: Poetae latini aevi Carolini, recens. *Dümler* (1881), I, pag. 117: Audiens casanus rex undique perterritus || Protinus ascendens mulam cum *Tarcan* primatibus || Regem venit adorare. У болгаръ: Constant. Porphyrog. De ceremoniis 1,681 (Bonp.)—извѣстныя формулы: πῶς ἔχουσιν ὁ κανάρτι κείνος καὶ ὁ Βουλίας тарχάνος.

³⁾ Ἦν δὲ ἐπικλησιε τῷ μετ' ἐκεῖνον πρεσβευτῇ Ταγμὰ αὐτῷ, ἀξίωμα δὲ Ταρχάν: Menandri Fragmenta (*Dindorf*, Historici graeci minores), II, 53.

⁴⁾ Исторія халифовъ—вардапета Хевонда. Переводъ съ армянскаго (*К. П. Патканова*). С.-Пб. 1862, стр. 28, 92.

⁵⁾ См. майскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, стр. 115, гдѣ приведены и прямыя указанія на христіанское исповѣданіе хазарскаго топарха въ Керчи.

⁶⁾ Cedren. II, 464: Γεωργίου τοῦ Τζούλου.

хазарскій тарханъ, современникъ Стефана, имѣлъ свою резиденцію не въ самомъ Сурожѣ, а въ Босфорѣ или Керчи, центрѣ хазарскаго преобладанія въ странахъ азовско-таврическихъ, то представится возможность отождествленія его съ тѣмъ Георгіемъ, который названъ въ надписи при церкви Іоанна Предтечи въ Керчи отъ 752 года ¹⁾. Любопытно, что и въ сказаніи Елифанія о хожденіяхъ его по слѣдамъ апостола Андрея, памятникъ, тоже принадлежащемъ иконоборческому періоду, по славянской переводной редакціи говорится о присутствіи въ Керчи Иколинадіа епископа и Георгія намѣстника, которые разказали путешественникамъ о многихъ чудесахъ Андрея. Впрочемъ, греческій подлинникъ къ этимъ словамъ, обыкновенно считаемымъ за принадлежность одной славянской редакціи, даетъ Георгію не свѣтскій, а скорѣе духовный титулъ ²⁾. Такъ или иначе, упоминаніе въ славянскомъ житіи Стефана Сурожскаго имени тархана есть черта исторической достовѣрности, какой не могъ изобрѣсти отъ себя авторъ его, а непременно заимствовалъ изъ болѣе древняго источника, то-есть, изъ того сказанія, какое существовало ранѣе составленія Василиевыхъ Миней—посредственно или непосредственно. Нѣтъ основанія думать иначе и о посмертныхъ чудесахъ, то-есть, о послѣдней части сказанія, наиболѣе для насъ важной. Прежде чѣмъ обратиться къ оцѣнкѣ заключающихся въ ней данныхъ, мы должны ближе познакомиться съ самимъ текстомъ, котораго до сихъ поръ мы не приводили ни въ подлинникъ, ни въ сокращеніи. Предлагаемъ его по списку Московской духовной академіи съ указаніемъ нѣкоторыхъ разночтеній другихъ древнихъ списковъ.

¹⁾ Ἐνθάδε κατὰ κίτε τῆ δουλή του θῦ κρηνακος υιος γεωργίου и т. д.: *Мурзакесичъ*, Записки о церкви Іоанна Предтечи въ Керчи (*Записки Одесскаго Общества*, т. I, стр. 626).

²⁾ Въ славянскомъ переводѣ Елифанія, помѣщенномъ въ ноябрьской Маркарьевской Миней, читается объ апостолѣ Андрѣ: И приде въ Оспоръ Корчевъ градъ обону страну Понта противу Амиса: Тужде и мы додохомъ *Иколинадіа епископа и Георгія намѣстника, иже отъ прѣданія повѣдаду намъ многа чудеса Андреева*. Въ печатныхъ изданіяхъ греческаго подлинника не находится словъ, соответствующихъ славянскимъ, отиѣченнымъ курсивомъ, но въ парижскомъ кодексѣ XII вѣка № 1510 (fol. 15 ч.), содержащемъ въ себѣ хожденіе Андрея, мы находимъ то же самое: κακείθεν ἦλθεν εἰς Βασπορον πόλιν πέραν τοῦ Πόντου Ἀντικρῦ Ἀμίσου ἔπου καὶ ἡμεῖς ἴφθασαμεν Ολομβάδιον ἐπίσκοπον, ὅστις ἦδει δέκα γλώσσας, καὶ Γεώργιον ὑποψήφιον и т. д. Ὑποψήφιος въ церковномъ употребленіи означаетъ избраннаго, но еще не посвященнаго епископа: см. новеллу Исаака Ангела у *Zachariae*, Jus graecorum, III, p. 514, 515, № 86.

Г. Ѡ прихожденіи ратию к Сурожу князя Бравлина изъ Великаго Новаграда ¹⁾. По смерти же святаго мало дѣтъ мнвою, прииде рать велика роусская изъ Новаграда князь Бравлинъ силенъ зѣлю ²⁾. плѣни штъ Корсоуна и до Корча ³⁾. съ многою силою прииде к Соурожу. за 10 дни бишася злѣ между себе. и по 10 дней видѣ Бравлинъ, силою изломивъ ⁴⁾ желѣзная врата. и видѣ изъ градъ, и земъ мечъ свой. и видѣ въ церковь въ святую Софію. разбивъ двери и видѣ идеже гробъ святаго. а на гробѣ царское шдѣло и жемчугъ и злато и камень драгнй, и кандила злата. съсудовъ алатныхъ много, все пограбиша. и в томъ часѣ разболѣся. шбратися лице его назадъ, и лежа пѣны точаше. възви глаголя, великъ человекъ святъ естъ иже zde. и оудари ма по лицу, и шбратися лице мое назадъ. и рече князь боляромъ своимъ. шбратите все назадъ что есте взяли. шни же възвратиша все. и хотѣша и князя пояти штгуду. князь же възви, глаголя. не дѣйте мене да лежу, изломати бш ма хочеть единъ старъ святъ моужь. притисну ма, и душа ми изити хочеть, и рече имъ, скоро выженѣте рать изъ града сего. да невъзметъ ничтоже рать, и излѣзе изъ града. и еще невъстаняше. дондеже пакы рече князь боляромъ си възвратите все елико пограбихомъ священныя съсоуды церковныя. в Корсоуни и в Керчи и вездѣ. и принесите сѣмо все. и полшожите на гробѣ Стефановѣ. шни же възвратиша все, и ничтоже себѣ не шставиша. но все принесоша и полшжиша при гробѣ святаго Стефана. и пакы въ ужасѣ, рече святый Стефанъ къ князю. аще не креститися въ церкви моеѣ, не възвратишися и не изыдеши штсуду. и възви князь глаголя. да придоуть попове и крестят ма. аще въстану и лице мое шбратится, крещуся. придоша попове, и Филаретъ архіепископъ. и молитву сътвориша надъ княземъ. И крестяша его въ имя штца и Сына и Святаго Духа. и шбратися лице его пакы. креститишася и боляри вси. но еще шѣа его боляше. попове же рекоша князю. шбѣщайся Богу. елико штъ Корсоуна до Корча что еси

¹⁾ Заглавіе обозначено въ рукописи внизу страницы красными буквами.

²⁾ Рум. № 435: „князь Бравлинъ силенъ“ („зѣло“ нѣтъ). Рум. № 434: „и князь бравлинъ и силенъ“.

³⁾ Рум. № 435: „поплени Ѡ Корсоуна и до Керчева“. Рум. 434: „поплени Ѡ Корсоуна и до Керчи“.

⁴⁾ Рум. № 435: „за 10 дни приде Бравлинъ с силою изломивъ“ („бишася злѣ“ пропущено). Рум. № 434: „И съ многою силою прииде к Соурожу. за 10 дней прииде, силою изложи имъ“.

взялъ плѣнники моужи и жены и дѣти. повели възвратити вся, тогда князь повелѣ всѣмъ своимъ вся Штлустинша кождо въ свояси. за недѣлю же не изиде изъ церкви. донелиже даръ даде великъ святому Стефану. и градъ и люди и поповъ почтивъ Шгѣиде. и то слышавше инѣи ратнѣи и не смѣаху нанти. аще ли кто нандяше, то посрамленъ Штхождааше.

32. Д. Ш исцѣленіи царици корсоунскія ¹⁾. Анна же царица ²⁾ штъ Корсоуна в Керчь идоущи ³⁾. разболѣся на поути смертнымъ недугомъ на Чернѣй водѣ ⁴⁾. на оумѣ ей приде святой Стефанъ. и рече, Ш святой Стефане. аще мя штъ болѣзни сея избавиши, многи дароу и почести въздамъ: тоеже ноци явися ей святой Стефанъ, глаголя, Христось истинный Богъ нашъ, исцѣляетъ тя. мною службникомъ своимъ. възстави здрава, иди в путь свой с миромъ. в той часъ прѣвста недугъ ея, и бысть здрава тако не болѣвши ей николиже. и почюти исцѣленіе бывшее ей. и добрѣ похвали Бога, и святаго Стефана. и вси иже с нею възставше заоутра с радостію великою идоша в путь свой. дѣла Вожіа проповѣдающе бывшая преподобнымъ его. и многи дары дароваша церевн святаго. си же изрядная чюдеса сътвори Господь преподобнымъ своимъ. всюду проповѣдахоу славу его. сице же бысть житіе преподобнаго Стефана. тако же есть писано.

Въ вышеупомянутомъ житіи преподобнаго Димитрія Прилуцкаго— первый изъ приведенныхъ разказовъ передается въ слѣдующемъ видѣ: „или иногда такоже страшно чюдо бысть в сѣроже градѣ. пришедъ кнѣзь Ш рѣскаго нова града ратію и градъ взять. и плени не токмо люди. но и сосоуды сщѣнныа. еще же и гробъ стго стефана новаго одѣянтъ многоцѣнными поволаками, и нача самъ кнѣзь совлачити, и невидимо оударенъ бысть полицѣ абие. і обратиса лице его назадъ, и паки той покааса и крѣщеніе приатъ и вѣрова во ха. и плѣнъ возврати, и паки здравъ бысть, исцѣленіе полѣчи Ш стгаго гроба мѣтвами стго стефана і Шиде во свояси“ ⁵⁾.

¹⁾ Заглавіе написано въ рукописи красными чернилами на верху страницы.

²⁾ Первая буква А въ словѣ Анна написана красными чернилами; замѣчательно равночтеніе въ Рум. № 435: „А инатъ царица“. Еще иначе Рум. № 434: „А в царица“.

³⁾ Рум. № 435: „въ Керчь идоучи“. Рум. № 436: „в Керчь идущимъ“.

⁴⁾ Рум. № 434: „разболѣся смертнымъ недугомъ. среди поути на Чернѣй водѣ“. Въ Рум. № 435: слова: „на Чернѣй водѣ“ пропущены.

⁵⁾ Рукопись Общества любителей древней письменности № 3131 (F. XC VII), л. 374, XVII в. Выписка сообщена намъ Х. М. Лопаревымъ.

Что намъ слѣдуетъ думать объ этихъ двухъ эпизодахъ, и особенно о первомъ изъ нихъ?... Прежде всего мы полагаемъ, что разказъ о посмертныхъ чудесахъ Стефана самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ предыдущимъ, представляетъ нѣкотораго рода параллелизмъ къ двумъ проявленіямъ той же чудодѣйственной силы до смерти и при смерти угодника, и во всякомъ случаѣ не есть простое сочиненіе русскаго автора, а ведетъ свое начало отъ необходимо предполагаемаго древняго источника, писаннаго, конечно, на греческомъ языкѣ. Русскій излагатель при передачѣ двухъ фактовъ, изъ коихъ одинъ прямо касается его отечества, не обнаруживаетъ никакой особой тенденціи, никакого предвзятаго намѣренія или расчета; по всему видно, что онъ, помимо религіознаго содержанія, былъ равнодушенъ къ своему повѣствованію и не давалъ себѣ ни малѣйшаго труда разъяснить то, что въ немъ было темнаго и загадочнаго: имена Бравлина и Анны (если оба стояли съ самаго начала въ русской редакціи) не вызвали у него никакого ближайшаго историческаго воспоминанія или приуроченія къ общезвѣстнымъ событіямъ русской исторіи, кромѣ развѣ указанія на Новгородъ, которое, впрочемъ, могло быть прибавлено послѣ переписчиками. Однимъ словомъ, русскій писатель передалъ то, что нашелъ въ своемъ источникѣ, и если сдѣлалъ какія погрѣшности, то сдѣлалъ ихъ *bona fide*. Ранѣе, когда повѣствованіе о первоначальной жизни святаго, казалось ему слишкомъ сухимъ и краткимъ, а потому и мало назидательнымъ, онъ не усомнился прибѣгнуть къ заимствованіямъ изъ постороннихъ источниковъ, тоже безъ дурнаго умысла; но здѣсь онъ, очевидно, не былъ въ такомъ положеніи и могъ довольствоваться наличнымъ матеріаломъ. Конечно, только благодаря своему источнику, русскій писатель не сдѣлалъ никакого промаха въ наименованіи храма, въ которомъ хранились останки св. Стефана, и правильно назвалъ его св. Софією (ср. выше о ея обновленіи въ 793 году). Вотъ, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что эпизодъ нападенія враждебной рати на Корсунъ и Суроужъ — по мысли первоначальнаго автора, которая осталась не искаженною и въ позднѣйшей передачѣ, относился ко времени не очень отдаленному отъ кончины Стефана, а мы знаемъ, что, родившись въ самомъ началѣ столѣтія, Стефанъ скончался навѣрно въ концѣ VIII вѣка и если присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, то уже въ преклонной старости. Разказъ о разореніи Суроужа и о покушеніи на раку святаго начинается прямо словами, что это случилось по минованіи немногихъ лѣтъ по смерти святаго; мы могли бы, пожалуй, не придавать имъ

особеннаго значенія, еслибы далѣе не былъ названъ архіепископъ Филаретъ, очевидно — тотъ же самый, который и выше былъ упомянутъ въ качествѣ ученика и непосредственнаго преемника Стефанова. Итакъ, въ словахъ „не много лѣтъ минуло“ нѣтъ никакой ошибки, никакого недоразумѣнія; ихъ нужно принимать въ буквальномъ смыслѣ, не выходя за предѣлы первыхъ двухъ или, крайнее, трехъ десятилѣтій IX столѣтія, такъ какъ Филаретъ, современникъ . Теодора Студита, могъ, конечно, пережить его. Попытка приурочивать фактъ ко времени св. Владимира, къ концу десятаго вѣка, съ этой точки зрѣнія должна быть признана совершенно неудачною, и въ оправданіе ея можно сказать развѣ только то, что пока житіе не было вполнѣ напечатано, отношеніе Филарета къ еще живому Стефану не выставлялось столь рѣшительно и ясно, какъ мы это видимъ теперь. Позволительно отвергать фактическую достовѣрность разказа, считать его совершенно баснословнымъ, но во всякомъ случаѣ первое правило здравой критики требуетъ, чтобы мы сначала поняли и приняли дѣйствительный его смыслъ, какъ онъ есть; а въ данномъ случаѣ тотъ, кто первый писалъ исторію о нашествіи Вривлина съ сознаниемъ и мыслью, разумѣлъ, что она произошла при первомъ преемникѣ Стефана, въ началѣ IX столѣтія. Мы полагаемъ, что этотъ сознательный писатель жилъ ранѣе конца X столѣтія, ранѣе времени св. Владимира, князя Русскаго, потому что то или другое письменное сказаніе о Стефанѣ и его товарищахъ существовало ранѣе изданія Миналогія царя Василія-Болгаробойцы; самое большее — онъ былъ современникомъ этихъ двухъ государей. Какъ это иногда бываетъ, изслѣдователи болѣе всего сомнѣвались въ томъ, что наименѣе подвержено сомнѣнію, усердиѣе всего отрицали то, что наиболѣе ясно. Но сколько бы на то ни было потрачено усилій, трудно доказать, что „не много лѣтъ“ значитъ очень много лѣтъ: пятьдесятъ, сто, полтора и болѣе. Не только писатель столь ограниченнаго кругозора, какимъ является намъ авторъ чудесъ, но ни одинъ свѣтскій или духовный писатель не былъ бы способенъ мѣрять время такими широкими и длинными полосами, чтобы пятьдесятъ и сто лѣтъ казались ему немногими годами, хотя бы приходилось отправляться отъ наиболѣе знаменательной и наиболѣе выдающейся эры. Положимъ, было бы сказано: „нѣсколько лѣтъ по воскресеніи Христа“; мы никакъ бы не подумали, что писатель говоритъ намъ объ эпохѣ Нервы и Траяна, а тѣмъ менѣе объ эпохѣ Марка Аврелія, и разумѣетъ преслѣдованіе христіанъ въ Вионніи Пляннѣмъ Младшимъ или кровавое гоненіе въ Лионѣ. То же самое,

если бы счетъ начинался отъ смерти Александра Македонскаго... Равнымъ образомъ, имя Филарета, выдаваемого за преемника Стефану, мы никакъ не можемъ замѣнить какимъ-нибудь другимъ и утверждать, что описанное событіе совершилось не при немъ, а напимѣрь, при Вассіанѣ или Пахоміѣ, такъ какъ, къ сожалѣнію, даже самаго списка Сурожскихъ архіереевъ у насъ нѣтъ. Всякое отступленіе отъ буквального смысла и точныхъ словъ источника отериваетъ здѣсь такую beadну, которая способна поглотить все.

Гораздо правильнѣе было бы утверждать, что описаннаго событія вообще никогда не бывало, и что на разказъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на благочестивую легенду, идея которой—прославленіе чудотворца, а подробности принадлежатъ воображенію писателя; что если онѣ заимствованы изъ дѣйствительности, то именно при помощи фантази перенесены изъ одной эпохи въ другую, изъ позднѣйшей въ болѣе отъ насъ отдаленную. Однако, и такое разсужденіе, которое мы пока представляемъ въ общемъ его смыслѣ (не касаясь собственныхъ именъ), не могло бы быть вполне одобрено, какъ безупречное. Такъ или иначе, мы убѣждены, что разказъ о нашествіи русской рати на Сурожъ заключаетъ въ себѣ подлинную историческую основу, имѣетъ въ виду событіе, дѣйствительно происшедшее въ первой половинѣ девятаго вѣка. Не слѣдуетъ смущаться формою преданія, чудесною и легендарною примѣсю, въ которую оно облечено. Эта форма соотвѣтствуетъ господствовавшему міросозерцанію времени, вслѣдствіе котораго самые простые и естественные процессы и событія представлялись воображенію въ окраскѣ сверхъестественнаго и чудеснаго. Въ современныхъ западныхъ лѣтописяхъ можно было бы указать рядъ аналогическихъ разказовъ объ отступленіи свирѣпныхъ норманновъ отъ стѣнъ того или другаго монастыря или города, благодаря вмѣшательству того или другаго святаго, поразившаго враговъ внезапною болѣзнію. То, что было естественнымъ слѣдствіемъ варварской неумѣренности, то приписывалось дѣйствию святаго; но было бы опрометчиво отвергать самую обстановку, при которой предполагаемое чудо совершилось, то-есть, осаду и отступленіе варваровъ, — факты, подтверждаемые иногда посторонними свидѣтельствами вполне прозаическаго характера. Именно повѣствованія о чудесахъ святыхъ—не столько сама жизнь ихъ, сколько чудеса—представляютъ въ средневѣковой литературѣ наиболѣе обильный запасъ бытовыхъ, да и фактическихъ данныхъ для исторіи отдѣльныхъ городовъ и областей. Чудеса св. Димитрія Солунскаго въ то же время

суть драгоценнѣйшая хроника этого города, особенно за VI—VIII столѣтія. Недавно обнаруженный новый отрывокъ изъ житія Василя Новаго показываеъ, что даже наиболѣе фантастическія произведенія агиографической литературы могутъ—хотя бы и подъ формой видѣнія—содержать совершенно въ остальномъ трезвый отчетъ объ историческихъ фактахъ; можно даже думать, что лѣтописный византійскій разказъ (у продолжателей Амартола) о нашествіи русскихъ при Игорѣ есть производный, заимствованный изъ этого источника ¹⁾. Еслибы мы располагали болѣшимъ числомъ сохранившихся сказаній о святыхъ Корсуна и Сурожа, вообще Тавриды, то многое было бы для насъ гораздо яснѣе въ первоначальной русской исторіи; вѣроятно, насъ не затруднялъ бы тогда и Русскій князь, слишкомъ рано появившійся подъ Сурожемъ на историческую сцену. Теперь мы имѣемъ въ сущности одинъ источникъ, въ которомъ можемъ отыскать нѣсколько данныхъ о положеніи вещей на югѣ полуострова въ томъ же девятомъ вѣкѣ, но только въ началѣ второй его половины; мы разумѣемъ извѣстія о пребываніи въ Крыму будущаго славянскаго просвѣтителя и первоучителя, Константина Философа—во время его хазарской миссіи (856 или 858 гг.). Что нашелъ здѣсь славный путешественникъ? Въ такъ-называемой Италіанской легендѣ о перенесеніи мощей св. Климента, въ сказаніи, историческій характеръ котораго не подлежитъ сомнѣнію, мы читаемъ, что когда Константинъ разспрашивалъ жителей Корсуна о древнемъ храмѣ Климента по сосѣдству на взморьѣ, то ему стали говорить о бывшихъ частыхъ вторженіяхъ варваровъ, вслѣдствіе чего не только запусъбли окрестности Корсуна, но и большая часть той страны была опустошена и сдѣлалась необитаемой ²⁾. Мы бы допустили излишнюю смѣлость и произвольность, еслибы вздумали утверждать, что здѣсь разумѣется то самое опустошеніе страны отъ Корсуна до Керчи, о которомъ говорится въ чудесахъ Стефана Сурожскаго, и слѣдовательно, тѣ же самые враги. Но такъ какъ мы има враговъ оставляемъ пока неопредѣленнымъ, то можемъ сказать, что общее содержаніе нашего разказа не только противорѣчитъ другому на-

¹⁾ А. Н. Веселовскаго, Видѣніе Василя Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 году: *Журн. Мин. Нар. Просв.*, январь 1889.

²⁾ Praeterea et ob multitudinem incurantium Barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita (у Бильбасова, Карилъ и Месодій, т. II, стр. 227).

личному историческому источнику, но находить въ немъ извѣстное подтвержденіе. Конечно, многое должно быть отнесено на долю хазаръ и другихъ тюркскихъ племенъ, ранѣ хозяйничавшихъ на полуостровѣ. Въ (Паннонскомъ) житіи св. Константина тоже повѣствуется, что во время пребыванія братьевъ въ Корсунѣ къ одному христіанскому городу—всего скорѣе тутъ разумѣется именно Сурождь — приблизился хазарскій воевода и осадилъ его, но затѣмъ, убѣжденный бесѣдою Константина, который лично отправился на встрѣчу варварамъ, отступилъ, не сдѣлавъ никакого вреда, напротивъ давъ обѣщаніе креститься ¹⁾. Но кто сталъ бы этого ожидать и какъ могли бы мы это предположить, что въ данное время на полуостровѣ, по дорогѣ отъ Корсуни къ Азовскому морю, можно было также встрѣтить и угровъ? А между тѣмъ они преслѣдовали Константина-Кирилла и были какъ волки, когда онъ совершалъ означенный путь ²⁾. Ничего не будетъ удивительнаго, если мы встрѣтимся и съ русскими...

Самый важный, но въ то же время и самый затруднительный пунктъ въ сказаніи о нашествіи на Сурождь въ первой половинѣ или, скорѣе, въ первой четверти девятаго вѣка представляетъ именно то, что враги названы по имени, что при этомъ дано не только этнографическое, но и географическое опредѣленіе. Рать была русская, предводителемъ ея былъ Русскій князь Брамлинь; сверхъ того, она будто бы пришла изъ Новгорода.

Для разрѣшенія трудности есть два пути. Если разсматривать сказаніе о чудѣ просто какъ легенду, то что же удивительнаго представляетъ знакомство писателя, жившаго, можетъ быть, не много ранѣ Василя Болгаробойцы и св. Владимира, не только съ Русью, но и съ Новгородомъ? Именно въ его время, при Владимирѣ Святославичѣ и ранѣ, русскіе считались опасными сосѣдами для Корсуни и страны той: естественно было перенести и въ предыдущую эпоху, въ начало девятаго вѣка, представленіе своей собственной — и какое-нибудь непредѣленное упоминаніе о врагахъ, о скиѣахъ, а еще лучше, о тавро-скиѣахъ истолковать въ смыслѣ Руси и Новгорода, извѣстнаго еще Константину Багрянородному подъ именемъ Немогарда. Если этого мало, то можно отнести нѣчто на счетъ и русскаго составителя

¹⁾ *Бодянскаго Собраніе памятниковъ. Кириллъ и Меѳодій въ Чтеніяхъ Общ. исторіи и древн. 1863, кн. 2, стр. 12. Ср. Гильбасова, Кириллъ и Меѳодій, II, 171.*

²⁾ См. тамъ же.

біографіи Стефана Сурожскаго, наприкладъ, прибавленіе Новгорода, какъ уже и поступилъ одинъ изъ изслѣдователей, Е. Е. Голубинскій. Не лишнее было бы при этомъ припомнить и разказъ, заимствованный Герберштейномъ будто бы изъ Новгородскихъ лѣтописей, о происхожденіи холопьяго города, разказъ начинающійся тѣмъ, что новгородцы семь лѣтъ сряду осаждали Корсунь ¹⁾. Многое, конечно, противится такому взгляду на сказаніе, вслѣдствіе котораго улетучивается совсѣмъ его историческое содержаніе, противится прежде всего опредѣленность указаній на личныя имена дѣйствующихъ лицъ: архіепископъ Филаретъ, князь Бравлинъ. Какой другой путь, на это указываютъ слѣдующія весьма выразительныя и сильныя замѣчанія другаго русскаго ученаго (А. С. Будиловича) по поводу русскихъ писемъ, найденныхъ въ Крыму св. Кирилломъ. „Роль культурнаго моста между Византіей и Русью началъ играть Корсунъ отнюдь не съ X вѣка, не со времени Владимира Святаго, и гораздо раньше и во всякомъ случаѣ не позже хазарской миссіи Кирилла философа.... Въ самомъ дѣлѣ, пора бы уже оставить старую гипотезу о тождествѣ Руси съ варягами—норманскими, литовскими, вендскими и иными—и примириться съ мыслию, что уже въ IX вѣкѣ жилъ на Днѣпрѣ и въ бережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей вплоть до Тамани, могущественный и мореходный славянскій народъ, давшій уже въ IX вѣкѣ этимъ морямъ свое русское имя и скоро, въ XI—X вв., наполнившій молвою о своихъ подвигахъ страницы греческихъ, славянскихъ и другихъ лѣтописей и актовъ. Если нашимъ варягоманамъ недостаточно свидѣтельствъ греческихъ о набѣгахъ Руси на Царьградъ въ 865 и 941 гг., латинскихъ (Бертинской лѣтописи)—о сношеніяхъ русскаго (?) кагана съ императоромъ Теофиломъ въ 839 г.; арабскихъ—о набѣгахъ Руси на берега Каспійскаго моря въ 880, 909—910, 914, 944 гг. и вообще о существованіи на границахъ Хазаріи сильнаго славянскаго народа Русь; славянскихъ—о раннихъ походахъ на Царьградъ же, Дунай, Хазарію, о войнахъ Руси Тмутараканской съ народами подкавказскими и т. д.; если все это не убѣждаетъ ихъ въ очень раннемъ существованіи сильнаго русско-славянскаго государства между Днѣпромъ и Кубанью, то пусть же объяснятъ они безъ этого предположенія разказъ Паннонскаго житія св. Кирилла о посѣщеніи имъ Корсуна (до 862 г., слѣдовательно, „до призванія Варяговъ-Руси“ нашей начальной лѣтописи) и находкѣ тамъ русскаго Евангелія

¹⁾ *Rerum Moscov. Commentar.*, ed. *Starzewsky*, p. 51.

и Псалтыри: обрѣте же тоу ѿвангелиѣ и псалтырь роусьскими письмены пьсано и чловѣка обрѣте глаголюща тоу бесѣдоу и бесѣдова съ нимъ, и сила рѣчи приимъ, свои бесѣды прикадаи различнага письмена гласнага и съгласнага, и къ богу молитвы творитъ въ скорѣ начати чести и съказати, и мѣнозисѣ ѿмоу дивѣвахъ бога хвалаште (гл. 8).... „Голословная фраза о интерполяции (Каспій, Дорна и Куника) тутъ не поможетъ, ибо приведенное мѣсто находится во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ Паннонскаго житія, которыхъ имѣется дюжины полторы“¹⁾.

Въ интерполяцію мы точно также не вѣримъ, и вполне готовы присоединиться къ мнѣнію о существованіи и распространенности имени Русь и русскій ранѣе 862 года. Послѣ тщательнаго разбора другаго памятника, аналогичнаго съ житіемъ Стефана Сурожскаго, мы давно пришли къ заключенію, что подразумеваемый памятникъ, то-есть, житіе Георгія Амастридскаго, написанъ ранѣе 842 года, и, что, слѣдовательно, имя Руси (Ρως), которая тамъ въ концѣ упомянута, было извѣстно на берегахъ Черваго моря ранѣе этого года. Амастридское житіе имѣетъ то именно преимущество предъ Сурожскимъ, что дошло до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ и въ греческомъ подлинникѣ, притомъ съ явными признаками времени своего написанія. Важно не столько то, дѣйствительно ли Русскій князь хотѣлъ ограбить гробницу Георгія въ Амастридѣ и былъ остановленъ вмѣшательствомъ естественной или сверхъестественной силы, сколько самая возможность такого разказа въ устахъ греческаго писателя первой половины IX вѣка. Въ этомъ отношеніи свидѣтельство Амастридскаго житія можетъ быть поставлено не только на ряду съ жизнеописаніемъ св. Кирилла, писаннымъ, какъ полагаютъ, въ X вѣкѣ, но еще превосходить его своею древностію. Тѣмъ не менѣе мы не дерзнемъ сказать, что та Русь, которая посѣтила въ первой половинѣ IX вѣка берега Пафлагоніи, была Русь славянская. Уважаемый ученый славистъ, слова котораго были приведены, забываетъ, что свидѣтельству Паннонскаго житія о русскихъ письменахъ, принимаемыхъ за славянскія, можетъ быть противопоставлено по крайней мѣрѣ равносильное свидѣтельство императора Константина Багрянороднаго, который хорошо зналъ славянъ и лично принималъ

¹⁾ А. С. Будиловича, О греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Кирилла и Меодія: Меодіевскій юбилейный сборникъ, наданный Варшавскимъ университетомъ. Варшава. 1885, стр. 26—27.

Русскую княгиню Ольгу, а между тѣмъ выразительно и рѣзко отличалъ русскій языкъ отъ славянскаго и Русь отъ славянъ точно также какъ и наша первоначальная лѣтопись. На сцену выступаютъ Дѣпровскіе пороги, которыхъ никакъ нельзя миновать; да и обойти ихъ посредствомъ умолчанія—дѣло не такое, чтобъ оно приличествовало ученому, привычному рѣшительно и прямо высказывать свои мнѣнія. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что русскія названія пороговъ у Константина суть названія тоже славянскія, но только другаго нарѣчія. Когда предметъ на одномъ языкѣ называется Нелсыть, а на другомъ Аифаръ, на одномъ языкѣ Островной порогъ (собств. Островуни—прахъ, въ болгарской формѣ), а на другомъ Удворса и т. д., то это весьма мало походить на диалектическія отличія. Замѣчаніе Погодина о двухъ русскихъ языкахъ, которые такимъ путемъ получаются, хотя и способны были разгнѣвать кое-кого, все-таки были справедливы и мѣткі. Нельзя также утверждать, что Константинъ допустилъ въ противоположеніи русскихъ названій славянскимъ какое-либо недоразумѣніе, потому что онъ вполнѣ последователенъ вездѣ, гдѣ говоритъ о Руси и славянахъ; первые—господствующій народъ, а вторые—дреговичи, кривичи—ея данники. Итакъ, кому же принадлежали русскія письма Паннонскаго житія, и кто были русскіе приходившіе съ княземъ Брамлиномъ подъ Сурожъ въ началѣ или первой половинѣ IX вѣка, а около того же времени посѣтившіе Амастриду? Когда въ 839 году черезъ Константинополь прибыли въ страну франковъ и явились въ Ингельгеймѣ подданные кагана — А. С. Будиловичъ напрасно называетъ этого кагана русскимъ, ибо источникъ, Бертинскіе анналы, не даетъ на это права,—и заявили, что ихъ именуютъ Русью (Rhos), то тамъ отнеслись къ такому наименованію отчасти съ недоумѣніемъ, отчасти съ недоверіемъ и произвели собственное разслѣдованіе, послѣ котораго признали ихъ — хотя и не окончательно — шведами (ex gente Sueonum). Можно было бы остановиться и на такомъ рѣшеніи, особенно если допустить, согласно съ таинственными намеками самихъ норманистовъ (А. А. Куника), возможность отыскивать этихъ свеоновъ по сю сторону Балтійскаго моря, гдѣ-нибудь поближе къ Новгороду и Киеву. Въ сущности для объясненія Сурожской легенды этого, пожалуй, и было бы достаточно. Такая или иная, но въ первой половинѣ IX вѣка существовала Русь, о которой могли знать въ Сурожѣ по слуху или даже по личному знакомству. Но этого недостаточно ни для Амастридскаго житія, ни тѣмъ болѣе для объ-

ясненія русскихъ письменъ въ Тавридѣ. Въ Амастридскомъ житіи русскіе довольно явно приурочиваются къ другому весьма употребительному этническому термину „тавроскиен“. Названіе тавроскиенъ есть сложное и должно собственно обозначать смѣсь тавровъ, древнихъ обитателей Тавриды, отождествляемыхъ, какъ мы видѣли, въ началѣ второй главы, съ иранскими аланами, и съ ними скиеовъ. Въ глубину вѣковъ и въ темныя дебри вопроса о происхожденіи скиеовъ мы не будемъ пускаться, но мы хорошо знаемъ, что у римскихъ и греческихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. скиеами назывались готы; итакъ, тавроскиенъ суть смѣсь готовъ съ таврами, иначе аланами, иными словами — тѣ валан-готы или валаготы, которые упоминаются въ спискѣ племенъ VIII вѣка (*Generatio gentium*). Тавроскиенъ прежде всего встрѣчаются около 140 года по Р. Х. у Птолемея, какъ обитатели окрестностей извѣстнаго Ахиллесова Дрома, по имени котораго и древніе русы, по византійской ученой терминологіи, тоже тавроскиенъ, назывались еще и дромитами (*Ptolem. Geograph. LIII, c. 5, ed. Car. Müller, I, 431*); затѣмъ о тавроскиенъ, какъ врагахъ греческой Ольвіи около 160 года, упоминаетъ Юлій Капитолинъ, писатель IV вѣка (при Константинѣ). Что мѣшаетъ намъ видѣть въ нихъ готовъ или валаготовъ? Конечно, не сага Иорданиса о переселеніи готовъ изъ Скандинавіи, которое онъ, впрочемъ, помѣщаетъ въ доисторическое время... Въ Крыму со временъ глубокой древности извѣстны скиеотавры, и мы не знаемъ, въ какой степени нужно отличать ихъ отъ тавроскиеовъ. Имя встрѣчается у Плинія (*Histor. Natural. IV, c. 12': ed. Detlefsen, pag. 164*); Аррианъ, писатель II вѣка по Р. Х. и безымянный авторъ перипла Чернаго моря говорятъ о гавани скиеотавровъ, находящейся въ 200 стадіяхъ (35 верстахъ) отъ Теодосіи, то-есть, либо на мѣстѣ нынѣшняго Судака, стариннаго Суроза, либо на мѣстѣ нынѣшняго Отуза ²⁾—въ извѣстной близости, и, можетъ быть, в связи съ средневѣковыми поселеніями готовъ на южномъ побережьи Крыма. Въ Житіи Іоанна Готскаго говорится, что земля тавроскиеовъ подчинена власти готовъ, или, по первоначальному чтенію, находится подъ странюю готовъ ³⁾: въ этомъ заключается либо отождествленіе готовъ съ тавроскиенъ, либо⁴ указаніе на су-

¹⁾ См. Житіе Іонна Готскаго: Русско-визант. отрывки, *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, январь 1878, стр. 133.

²⁾ Брунъ, Черноморье, II, 124.

³⁾ Житіе Іоанна Готскаго: I. c. pag. 126, 133.

ществованіе съ готами Климатовъ еще другихъ по близости. Въ житіи херсонскихъ мучениковъ, написанномъ, какъ мы знаемъ, ранѣе конца X вѣка, читаемъ, что одинъ изъ нихъ былъ поставленъ въ Корсунъ въ епархіи тавроскиевъ¹⁾. Но гдѣ тавроскиемъ, тамъ и русскіе. Нѣсколько, правда, поздняя, Саксонская хроника выражается о Климентѣ, херсонскомъ мученикѣ, что онъ умеръ въ Россіи (Ruzen). Развалины Фуллъ, сосѣднихъ съ Сурожемъ, назывались до послѣдняго времени русскими-Фуллами, Русско-фулами (Кёппенъ, Крымскій сборникъ, стр. 177, 178, 132). Не мы первые скажемъ, что и подъ русскими письменами, найденными въ Корсунѣ св. Кирилломъ, слѣдуетъ разумѣть готскія письмена, Евангеліе и Псалтырь въ переводѣ Ульфила. Если справедливо, что Паннонскія житія были первоначально написаны на греческомъ языкѣ, какъ доказывалъ Вороновъ (Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меодія. Кіевъ. 1877), то можно предполагать, что въ подлинникѣ вмѣсто русскій стояло собственно выраженіе тавроскиевскій, означавшее, какъ видно изъ вышеприведеннаго, или безразлично готовъ, смѣшавшихся съ древнимъ населеніемъ, и русскихъ, либо съ начала готовъ, а съ IX вѣка русскихъ. Кромѣ Ахиллесова Дрома близъ устья Днѣпра (полуостровъ Тендра), кромѣ южныхъ береговъ Крыма, извѣстенъ еще одинъ центръ, гдѣ долго сохранялись остатки пребыванія готовъ въ южной Россіи, въ Азовско-Черноморскихъ областяхъ—это страна готовъ тетракситовъ, поселенія готовъ около Анапы, почти совпадавшія географически съ Тмутараканью, самое названіе которой—мы думаемъ—родственно имени тетракситовъ (вмѣсто тметракситовъ); а это есть въ то же время исконный центръ и русской жизни. Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что всѣ извѣстія о Руси и русскихъ до половины IX вѣка относятся къ тавроскиевамъ и объясняются отождествленіемъ Руси съ тавроскиевами и этихъ послѣднихъ съ готами, валанготами, готаланами. Мы не хотимъ здѣсь проповѣдывать новой теоріи происхожденія Русскаго государства или, лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать готскою (намекъ на нее давно уже встрѣчаются), но не можемъ обойтись безъ замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса она была бы во многихъ отношеніяхъ пригоднѣе нормано-скандинавской. Для нашей настоящей

¹⁾ ἀλλὰ δὲ καὶ τῇ Χερσονί τῆς Ταυροσχοιδῶν ἐπαρχίας τὸν καλὸν Βασίλεια: *Записки Одесскаго общ. ист. и др.*, VII, 121. Въ Супрасльскои рукописи: „еже есть Херсонскій градъ отъ Таврскихъ земля“.

дѣли достаточно знать, что въ первой половинѣ IX вѣка существовало нѣсколько пунктовъ, къ которымъ прикрѣплялось сначала греческое названіе тавроскиенъ, а затѣмъ въ томъ же столѣтіи распространившееся имя Руен, не устранившее перваго, болѣе литературнаго, а служившее параллельнымъ выраженіемъ, отчасти переводнымъ—для него. Въ самыхъ звукахъ слова тавроскиенъ есть элементы, изъ которыхъ въ народномъ греческомъ языкѣ, столь склонномъ къ усѣченіямъ, могло выработаться названіе Рѡсъ. На это какъ будто указываетъ замѣчаніе Льва Діакона (pag. 63), что Рѡсъ есть простонародное выраженіе, означающее народъ, который по настоящему долженъ именоваться тавроскиенами. Который изъ трехъ центровъ — таврической, приднѣпровской или тмутараканской — былъ точкою отправленія походовъ на Амастриду и Сурожъ, рѣшить довольно трудно, да можетъ быть, въ этомъ и нѣтъ нужды. Если мы остановимся на таврическихъ готахъ, то возраженіемъ будетъ служить то обстоятельство, что вождь враждебной рати представляется явнымъ язычникомъ, тогда какъ готы Климатовъ давно были христіанами. Развѣ предположимъ согласно съ вышеприведенными намеками, что, кромѣ готскихъ Климатовъ, занимавшихъ побережье отъ Алушты до Балаклавы, были еще другія родственныя поселенія германскаго племени — на сѣверъ отъ Корсуна, гдѣ послѣ на италіанскихъ картахъ встрѣчается гавань варанговъ (Varangolimen) и мѣсто, называемое Россо-фаръ ¹⁾, или около Симферополя, гдѣ въ древности стоялъ городъ *Νεάπολις* = Новгородъ, упомянутый въ знаменитомъ декретѣ Діофанта? Если Новгородъ оставимъ въ сторонѣ, считая слово прибавкою русскаго налагателя чудесь Стефана Сурожскаго или переписчиковъ его компіаціи, или же выраженіе отъ Новгорода=Неаполя будемъ объяснять въ смыслѣ одного указанія той дороги, которою шла непріятельская рать къ Сурожу, то одинаково хорошо подходитъ къ дѣлу какъ Русь Тмутараканская, такъ и Приднѣпровская. Мы уже замѣчали, что господство хазаръ въ Крыму и надъ самыми русскими областями ничему не мѣшало. Господство это, съ одной стороны, было не прочное, такъ какъ города южной Тавриды—Корсунъ и Сурожъ—одинаково тяготѣли къ Византійской имперіи и дѣлали неизбѣжныя попытки къ освобожденію, а съ другой—самыя подвластныя кагану племена не лишались возможности дѣйствовать самостоятельно.

¹⁾ *Брунъ*, Черноморье (Берегъ Чернаго моря по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій), I, 91, стр. 128.

Что касается имени князя, предводившаго русскою ратью, то мы не надѣемся истолковать его столь удовлетворительно, чтобы устранить всякія сомнѣнія. Можно утверждать только одно, что превращеніе Бравлина (или Бравалина) въ бранливаго князя, встрѣчающееся въ менѣе исправныхъ рукописяхъ Сурожскаго сказанія, есть позднѣйшее чтеніе, склоняющееся къ осмысленію неудобовоспринимаемыхъ звуковъ. Въ томъ спискѣ, который послужилъ намъ для изданія текста и считается лучшимъ и древнѣйшимъ, слово Бравлинъ, очевидно, принимается за собственное имя и въ этомъ смыслѣ поставлено въ заглавіи статьи. Чтеніе Бравалинъ принадлежитъ преимущественно заимствованіямъ изъ житія, какъ въ Степенной книгѣ. Само собою очевидно, что скорѣе отъ Бравлина могъ произойти бранливый князь, чѣмъ на оборотъ—отъ бранливаго Бравлинъ. Да и всякая надобность настаивать на предпочтеніи дурнаго чтенія лучшему исчезаетъ, какъ скоро приуроченіе сказанія о чудѣ къ Владиміру Святому оказывается невозможнымъ. Еслибы нужно было искать въ средневѣковой литературѣ подобозвучныхъ именъ, то намъ представляется прежде всего вестготскій епископъ (въ Сарагоссѣ) Брауліонъ, по просьбѣ котораго Исидоръ Севильскій († 636) написалъ книгу своихъ этимологій ¹⁾. Съ другой стороны, предполагая первоначальное написаніе имени греческимъ алфавитомъ, въ которомъ нѣтъ буквы б, мы могли бы припомнить старое чтеніе Еймундовой саги, для обозначенія русскаго князя Брючислава, считаемаго братомъ Ярослава I, Варялавъ (Varnlaf), еслибы это чтеніе не было замѣнено въ новыхъ изданіяхъ другимъ, которое звучитъ уже Вартилафъ (Vartilaf ²⁾). Извѣстенъ въ концѣ IX столѣтія славянскій князь Брацлавъ который владѣлъ землею между Савою и Дравой: нѣмцыя лѣтописи называютъ его Брацлавономъ ³⁾. Если же прибѣгнуть къ догадкамъ о возможныхъ искаженіяхъ, то представится рядъ разнаго рода германскихъ именъ, начиная съ епископа Берновина (Dümmler. G. des ostfränkisch. Reichs III, 683), и кончая готомъ Фравиттой, отъ котораго можно по аналогіи произвести наименованіе съ окончаніемъ на инъ въ родѣ алеманнскаго Бутилина и т. п.

¹⁾ Isidori Hispalensis episcopi epistolae: *Migne. Patrol. lat.*, LXXXIII, pag. 898: epistola Braulioni archidiacono pag. 908: *Braulioni* episcopo pag. 910: *Braulionis* episcopi Isidoro и т. д. (стр. 910. 911. 914) Ср. pag. 1056, 1057. и *Patrol. lat. t. LXXXII*, 56.

²⁾ *Antiquités russes*, II, 178.

³⁾ *Brazlowo*,—onis, dux Pannoniae: *Annales Fuldenses*—Pertz SS. 1, 401, 408, 413. О немъ см. у *К. Я. Грота* Моравія и Магъары стр. 138, 332 и сл. 352, 357.

Остается сказать два слова о послѣднемъ чудѣ, въ которомъ насцену является царица Анна, получившая исцѣленіе на Черной водѣ, что въ переводѣ на греческій будетъ Мавро-потамо, а на турецко-татарскій Кара-су (слѣдовательно, около Карасу-базара). Конечно, трудно найти какую-нибудь другую Анну, которая была бы царицей и притомъ имѣла бы несомнѣнный исторически-извѣстный случай посѣтить Крымъ не позднѣе конца десятаго вѣка, кромѣ византійской царевны, выданной за Владимира Русскаго и прибывшей въ 989 году въ Корсунь, гдѣ она присутствовала при крещеніи своего нареченнаго супруга. Возможно, что въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о ней, но только странно, что при ея имени не прибавлено ни малѣйшаго разъясненія и ни малѣйшаго намека на ея отношеніе къ Византіи и Руси. Если это предполагалось общеизвѣстнымъ, то обличало бы современнаго писателя, который къ старымъ чудесамъ Стефана, извѣстнымъ по преданію устному или письменному, прибавилъ свое добавленіе, относящееся къ ближайшей ему эпохѣ. Страненъ и путь, которымъ царица направлялась—предполагается въ Кіевъ отъ Корсуни черезъ Керчь, хотя намъ и говорятъ о существованіи рѣчнаго пути изъ Дивпра въ Азовское море: признаемся, что такой путь намъ продолжаетъ казаться весьма проблематичнымъ ¹⁾). Не разумѣется ли тутъ просто Хазарская царица—другая по отношенію къ той, которая равьше была названа дочерью Корчемскаго царя? Наконецъ, и самое чтеніе Анна, какъ видно изъ вариантовъ, не вполне надежно: въ одномъ изъ хорошихъ и древнихъ списковъ вмѣсто того мы разобрали просто „а и царица“, а въ другомъ—„а иная царица“...

В. Васильевскій.

¹⁾ См. статью *Ш. К. Бруна* „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Дивпра въ Азовское море“ (Черноморье, т. I, стр. 92—133) и нашу рецензію на этотъ томъ въ *Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ.* Ноябрь 1879 г. стр. 100 и слѣд.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Учебники логики М. М. Троицкаго.

Учебникъ Логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ. Ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета *М. Троицкаго*. Книга первая. Изд. 2-е. Москва. 1886. Книга вторая. Москва. 1886. Книга третья. Выпускъ первый. Москва. 1888.

Элементы Логики. Руководство къ логикѣ, составленное для среднихъ учебныхъ заведеній ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета *М. Троицкимъ*. Москва. 1887.

Въ предисловіи къ послѣдней книгѣ авторъ говоритъ: „Издаваемые теперь Элементы Логики составляютъ приспособленіе появившихся ранѣе двухъ книгъ нашего Учебника Логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и въ другихъ странахъ, — къ потребностямъ изученія логики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Дѣйствительно, связь „Элементовъ“ съ первыми двумя книгами „Учебника“ самая тѣсная. Изложеніе логики въ „Элементахъ“ представляетъ простую перепечатку изъ двухъ книгъ „Учебника“ всего того, что авторъ считалъ необходимымъ ввести въ курсъ преподаванія логики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Учебникъ“ напечатанъ двумя шрифтами; крупнымъ напечатаны важнѣйшія ученія, составляющія содержаніе логики и ихъ разъясненіе, мелкимъ — частью — которыя подробности, частью указанія по литературѣ и исторіи изложенныхъ ученій. „Элементы“ представляютъ собственно перепечатку крупнаго шрифта часть сслхш, отд. 2.

„Учебника“, однако, съ слѣдующими двумя отличіями отъ него. Во-первыхъ, напечатанное въ „Учебникѣ“ однимъ крупнымъ шрифтомъ напечатано въ „Элементахъ“ двумя шрифтами: болѣе крупнымъ отмѣчены общія основы логики, менѣе крупнымъ — ихъ разъясненіе и раскрытіе связи между ними. Вторыхъ, въ „Элементахъ“ иногда встрѣчаются пропуски текста „Учебника“ строками и даже страницами; всего опущено страницъ 6 — 7; иногда же въ текстъ „Элементовъ“ вносится напечатанное въ „Учебникѣ“ мелкимъ шрифтомъ; эти вставки почти исключительно касаются примѣровъ на логическія правила и иллюстрацій ихъ на чертежахъ и обнимаютъ, взятая въ совокупности, какъ полагаю, страницъ 11 — 12. Но есть и еще связь, тѣсно соединяющая „Элементы“ съ „Учебникомъ“. Въ „Элементахъ“ послѣ изложенія (шрифтъ болѣе крупный) и разъясненія (шрифтъ менѣе крупный) cadaго изъ частныхъ ученій, входящихъ въ логику, сдѣлано особое прибавленіе, напечатанное особымъ мелкимъ шрифтомъ. Это прибавленіе состоитъ изъ „вопросовъ для повтореній“ и „вопросовъ для домашнихъ упражненій“. Вопросы для повтореній прямо касаются тѣхъ ученій и взглядовъ, которые составляютъ содержаніе „Элементовъ“. Вопросы для домашнихъ упражненій идутъ далѣе содержанія „Элементовъ“, это — вопросы на ту часть содержанія первыхъ двухъ книгъ „Учебника“, которая осталась не перепечатанною въ „Элементахъ“. При каждомъ изъ вопросовъ послѣдняго рода отмѣчены и тѣ параграфы и страницы „Учебника“, гдѣ нужно искать отвѣта на нихъ. Совсѣмъ не затронутыми въ вопросахъ для домашняго упражненія остались, полагаю, не болѣе страницъ 30 всего напечатаннаго мелкимъ шрифтомъ въ двухъ первыхъ книгахъ „Учебника“. Такимъ образомъ „Элементы“, — если выразиться не совсѣмъ точно, но не далеко отступая отъ истины, — въ изложеніи входящихъ въ составъ логики ученій представляютъ перепечатку важнѣйшихъ частей содержанія двухъ первыхъ книгъ „Учебника“, а въ прибавляемыхъ къ этому изложенію вопросахъ для домашняго упражненія даютъ разбросанное по всей книгѣ оглавленіе не перепечатанной въ нихъ части содержанія тѣхъ же книгъ того же „Учебника“. Это предварительное замѣчаніе дѣлается, съ одной стороны, съ пѣлюю точнѣе характеризовать отношеніе между двумя поименованными въ заглавіи статьи сочиненіями проф. Троицкаго, а съ другой — для того, чтобы показать, что все дальнѣйшее будетъ одинаково касаться обоихъ этихъ сочиненій, хотя бы и не поименовывалось при этомъ особо каждое изъ нихъ.

По взгляду проф. Троицкаго, логика есть наука о научных приемах или методах исследования и доказательства и должна разъяснить условия научной очевидности, какъ самыхъ этихъ приемовъ, такъ и началъ, на которыхъ они опираются. Онъ дѣлитъ логику на три части: логику дедукціи, логику началъ, то-есть, тѣхъ посылокъ дедуктивныхъ доказательствъ, которыя сами уже не получаютъ дедуктивнымъ путемъ, и логику наукъ или специальную методологию. Собственно двѣ первыя части должны составлять, по его мнѣнію, предметъ общаго или средняго образованія; послѣдняя предоставляется высшему или спеціальному образованію. Отсюда „Элементы“ дѣлятся на логику дедукціи и логику началъ. Эти же двѣ части составляютъ и содержаніе первыхъ двухъ книгъ „Учебника“. Въ логикѣ дедукціи авторъ, сообщивъ предварительное понятіе о ней, прежде всего останавливается на разсмотрѣніи предложеній, какъ „составныхъ частей силлогизма или дедуктивнаго доказательства въ цѣляхъ изученія свойствъ послѣдняго“ (Учебн. 1. 71), и съ анализомъ предложеній соединяетъ анализъ терминовъ, какъ ихъ элементовъ. Затѣмъ разъясняются, такъ-называемыя, непосредственныя умозаключенія, на которыя авторъ смотритъ какъ на раскрытіе смысла даннаго предложенія посредствомъ другихъ предложеній и какъ на переходную форму отъ предложеній къ силлогизмамъ (Учебн. 1. 69—70). Только за этимъ уже слѣдуетъ ученіе, которое въ болѣе точномъ смыслѣ можно назвать ученіемъ о дедукціи, то-есть, разъясненіе силлогизма, сложныхъ дедуктивныхъ умозаключеній и дедуктивнаго доказательства. Начала, логикѣ которыхъ посвящена вторая книга „Учебника“, профессоръ Троицкій раздѣляетъ на опредѣленія и законы природы. Всѣ опредѣленія состоятъ въ установленіи значенія общихъ терминовъ (именъ), всѣ они суть предложенія не реальныя, а чисто номинальныя, словесныя. Съ ученіемъ объ опредѣленіяхъ соединяется ученіе и объ условіяхъ, при которыхъ опредѣленія могутъ становиться началами, то-есть, посылками дедуктивныхъ доказательствъ, и объ умственныхъ операціяхъ, съ помощью которыхъ получаютъ опредѣленія. Съ ученіемъ о законахъ природы соединяется ученіе объ индукціи, какъ популярной *per enumerationem simplicem*, такъ и научной, то-есть, извѣстныхъ пяти видахъ научнаго индуктивнаго доказательства причинной связи явленій. „Популярному наведенію мы обязаны“ не только „знаніемъ всѣхъ эмпирическихъ законовъ природы“, которые „лишены очевидности своей истинности“, но и установленіемъ „самыхъ общихъ или основныхъ реальныхъ истинъ, изъ которыхъ нѣ-

которыя обладаютъ столь высокою очевидностью, что ее называютъ непосредственною. Таковы реальныя аксіомы логики и математики“ (Учебн., 1. 153). Научными наведеніями доказываются законы причинной связи явленій. Такимъ образомъ аксіомы вообще, такъ-называемые законы мысли въ частности, теряютъ значеніе особыхъ истинъ, убѣжденіе въ которыхъ получается особымъ путемъ; по основаніямъ своей достовѣрности они всѣ распредѣляются по двумъ классамъ, опредѣленіямъ и законамъ природы. Однако, особую роль законовъ мысли въ процессахъ знанія авторъ никакъ не отрицаетъ. Въ особой главѣ объ аксіомахъ они ставятся въ число всеобщихъ началъ очевидности научныхъ истинъ и подъ именемъ аксіомъ предложеній разсматриваются какъ начала очевидности, такъ-называемыхъ, непосредственныхъ выводовъ; къ нимъ присоединяются, въ качествѣ аксіомъ умозаключеній, аксіомы силлогизма, демонстраціи и наведенія, замѣняющія у автора, такъ-называемый, законъ достаточнаго основанія. Въ заключеніе логики началъ сообщаются понятія о гипотезѣ, приблизительныхъ обобщеніяхъ и аналогіи. На нихъ авторъ смотритъ какъ на несовершенные методы, къ которымъ приходится прибѣгать вслѣдствіе ограниченности знанія и требованій практической жизни.

Третьей части логики, логики наукъ или специальной методологіи, въ „Элементахъ“, какъ предназначаемыхъ для среднихъ учебныхъ заведеній, совсѣмъ нѣтъ. Но и въ первомъ, единственномъ доселѣ изданномъ выпускѣ третьей части „Учебника“, поднимается вопросъ лишь о логикѣ одной изъ наукъ, психологіи. Правда, той главѣ, которая посвящена здѣсь логикѣ психологіи, предшествуютъ еще три главы подъ названіями: классификація наукъ, опредѣленіе философіи и логика-геометріи. Но „классификація наукъ“ составляетъ, съ точки зрѣнія автора, только введеніе въ логику наукъ; при разсужденіяхъ объ опредѣленіи философіи главнымъ образомъ имѣется въ виду философія какъ предметъ особой кафедры въ университетахъ; а въ логикѣ геометріи авторъ говоритъ лишь о геометрическомъ анализѣ и синтезѣ и преслѣдуетъ, по его собственнымъ словамъ въ предисловіи къ этому выпуску, „только косвенную цѣль закончить изложеніе общихъ логическихъ теорій разъясненіемъ логическаго смысла терминовъ анализъ и синтезъ“; но и это дѣлается лишь съ полемическою цѣлью, именно въ виду того, что „ученые, мало знакомые, какъ говоритъ авторъ въ томъ же предисловіи, съ современною обработкою логики, часто предполагаютъ, что эта наука, не коснувшись методовъ анализа и син-

теза, не касается самой сущности своего предмета". Самая „логика психологіи“ имѣетъ по преимуществу, психологическій интересъ и должна быть разсматриваема въ связи съ психологическими сочиненіями автора тѣмъ болѣе, что самое существенное въ ней представляетъ частью сокращеніе, частью выписку изъ другаго сочиненія автора „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“. Поэтому мы остановимся на общихъ логическихъ ученіяхъ, изложенныхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Учебника“ и въ „Элементахъ“.

Какъ показываетъ уже сдѣланный краткій очеркъ этихъ ученій, „Учебникъ логики“ проф. Троицкаго значительно отличается отъ большинства другихъ системъ и руководствъ по этой наукѣ у насъ частью по нѣкоторымъ изъ проводимыхъ въ немъ взглядовъ, частью по принятой въ немъ классификаціи научнаго матеріала.

Различіе во взглядахъ всего болѣе касается двухъ пунктовъ: ученіе объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ послылкахъ знанія и ученіе о понятіяхъ и сужденіяхъ.

Первый изъ этихъ пунктовъ представляетъ особенную важность. Значеніе вопроса объ основаніяхъ убѣжденія въ аксіомахъ далеко переходитъ предѣлы логическаго ученія въ собственномъ смыслѣ: рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, можно сказать, лежитъ въ основаніи различія направленій философской мысли. Въ своемъ ученіи объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ послылкахъ знанія г. проф. Троицкій вполне ясно и рѣшительно становится на сторону эмпиризма. Впрочемъ чего-нибудь новаго, могущаго послужить къ разъясненію или оправданію эмпиризма, въ „Учебникѣ“ не встрѣчается, хотя, заканчивая первую книгу „Учебника“, авторъ и общалъ во второй „подвергнуть обстоятельной критикѣ“ мнѣніе противниковъ предлагаемаго имъ ученія. На дѣлѣ въ тѣхъ мѣстахъ второй книги, гдѣ затрогивается этотъ вопросъ (84—85, 100—101, 106, 110—113), мы находимъ лишь или перифразъ, или выписки мнѣній писателей, въ одномъ съ авторомъ направленіи рѣшающихъ спорный вопросъ; притомъ же то сочиненіе важнѣйшаго изъ этихъ писателей, которымъ всего болѣе пользуется авторъ, давно уже переведено на русскій языкъ. Такимъ образомъ въ „Учебникѣ логики“ проф. Троицкаго по вопросу о послѣднихъ послылкахъ знанія мы имѣемъ дѣло съ простою популяризацией эмпиризма, которая, конечно, предметомъ научной критики быть не можетъ.

Что касается ученія о понятіяхъ и сужденіяхъ, имѣющаго интересъ уже исключительно въ области логики, то особенности, какія

представляетъ въ изложеніи этого ученія „Учебникъ“ проф. Троицкаго, также заимствованы имъ у представителей эмпирическаго направленія. Авторъ замѣняетъ обычное ученіе о понятіяхъ и сужденіяхъ ученіемъ о терминахъ въ смыслѣ именъ и о предложеніяхъ. Какое значеніе имѣетъ эта замѣна, съ точностью опредѣлить я затрудняюсь. Выгоду замѣнить анализъ сужденій, а съ нимъ и понятій, анализомъ предложеній и терминовъ самъ авторъ главнымъ образомъ находитъ въ томъ, что въ именахъ и предложеніяхъ точіе очерчиваются предѣлы утвержденій и отрицаній, составляющихъ смыслъ ихъ (Уч. 79, 107). „Если предложенія, какъ говорятъ, выражены сужденія, то почему же“—спрашиваетъ онъ—„не изучать ихъ тогда, когда они выражены или представлены предложеніями? Ничего не теряя для нашего анализа предложеній какъ сужденій, мы выигрываемъ при этомъ, по меньшей мѣрѣ, въ ясности и точности предмета обработки“. Отсюда, по видимому, слѣдуетъ заключать, что истинною цѣлью, дѣйствительною задачею своего ученія о предложеніяхъ, онъ ставитъ уясненіе сужденій или „утверженій и отрицаній“, какъ мыслительныхъ актовъ, и обращается къ предложенію не потому, чтобъ оно въ качествѣ словеснаго выраженія мыслительнаго акта представляло для логики какой-либо самостоятельный интересъ, а потому лишь, что логическій актъ сужденія по какимъ бы то ни было причинамъ оказывается болѣе опредѣленнымъ, а слѣдовательно, и болѣе доступнымъ анализу, когда находитъ для себя словесное выраженіе. Такимъ образомъ на предложеніе, по видимому, проф. Троицкій смотритъ какъ на тотъ благопріятный для изслѣдователя случай, при коемъ всего удобнѣе сдѣлать анализъ акта мысли, въ которомъ полагается вся сущность дѣла, и который, правда, соединенъ съ предложеніемъ, но по крайней мѣрѣ мысленно можетъ быть отвлеченъ отъ него. Однако, если онъ дѣйствительно такъ именно понимаетъ свое ученіе о предложеніяхъ, то ему слѣдовало высказать это ясно и опредѣленно, чего онъ однако нигдѣ не дѣлаетъ. Тогда, мнѣ кажется, и трактаты его о предложеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и та роль, какую играетъ терминъ „предложеніе“ во всемъ его „Учебникѣ Логики“, должны бы измѣниться. Тогда въ трактатахъ, имѣющихъ дѣло съ предложеніями, всюду должно бы ставиться на видъ, что изслѣдуются свойства, виды и пр. сужденій, а не предложеній; въ его же изложеніи дѣло ведется такъ, какъ будто цѣль этихъ трактатовъ и состоитъ въ анализѣ предложенія, въ изученіи его свойствъ, его видовъ и пр. Точно также и

при разъясненіи высшихъ познавательныхъ процессовъ никогда не должно бы было опускать изъ виду, что не предложению, а лишь мыслительному акту, въ немъ выраженному, принадлежитъ то значеніе, которое авторомъ обычно и безъ оговорокъ приписывается предложению. Однимъ словомъ, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что если проф. Троицкій такъ именно повинаемъ свое ученіе о предложеніяхъ, какъ выше разъяснено, то все изложеніе его „Учебника“ не только не приспособлено достаточно къ правильному уразумѣнію его мысли, но и даетъ много прямыхъ поводовъ къ ошибочному ея истолкованію. Если же онъ думаетъ иначе, то-есть, если онъ думаетъ, что сущность дѣла не въ сужденіи, какъ чисто мыслительномъ актѣ, а въ предложеніи, какъ сужденіи, выраженномъ словами; если въ его трактатахъ о предложеніи не ставится цѣлью разъясненіе лишь мыслительнаго акта, а анализъ предложенія, именно какъ предложенія, имѣетъ въ его глазахъ самостоятельный логическій интересъ; если наконецъ онъ думаетъ, что и въ высшихъ мыслительныхъ актахъ логическое значеніе имѣетъ не одна сторона только предложенія, не мыслительный только актъ, въ немъ выразившійся, но и самое выраженіе этого акта, то онъ несомнѣнно отступаетъ отъ логиковъ, трактующихъ не о предложеніи, а о сужденіи, много болѣе, чѣмъ предполагаетъ. Въ такомъ случаѣ весь вопросъ нельзя уже свести къ тому, изучать ли сужденія на предложеніяхъ или въ отвлеченіи отъ нихъ и нельзя сослаться на сравнительное удобство изученія предложеній сравнительно съ изученіемъ сужденій: логика должна изслѣдовать не то, что кажется болѣе удобнымъ для изслѣдованія, а то, что составляетъ ея дѣйствительную задачу. Для такого рода замѣны ученія о сужденіяхъ ученіемъ о предложеніяхъ едва ли можно и вообще найти серьезное основаніе. Въ какой бы психологической связи ни стояли сужденія съ предложеніями, какое бы рѣчь не имѣла значеніе для опредѣленности мысли, очевидность, которая составляетъ, по ученію проф. Троицкаго, предметъ логики, и ея логическія, а не психологическія условія, всегда состоятъ и будутъ состоятъ въ свойствахъ и отношеніяхъ мыслительныхъ процессовъ, а не ихъ выраженій въ словѣ. Я не имѣю права утверждать, чтобъ авторъ „Учебника“ отрицалъ это; но если онъ этого не отрицаетъ, то не могу не признавать, что все ученіе его о предложеніяхъ, а равно и та роль, какую играетъ предложеніе во всей его книгѣ, показываютъ, что онъ недостаточно звѣдѣлъ значеніе этого обстоятельства.

Въ основаніи классификаціи ученій, входящихъ въ составъ пер-

вухъ двухъ частей логики, въ „Учебникѣ Логикѣ“ проф. Троицкаго лежитъ мысль о противоположности выводовъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ. Эта мысль въ литературѣ по логикѣ встрѣчается часто. За особенность „Учебника“ нужно счесть, вопервыхъ, то, что противоположность дедуктивныхъ и индуктивныхъ выводовъ ставится здѣсь основаніемъ дѣленію не ученія о выводахъ только, а всей логики, и вторыхъ, то, что ученіе объ индуктивныхъ выводахъ переходитъ здѣсь въ логику началъ.

Превращеніе дѣленія выводовъ въ раздѣленіе всей логики заимствовано проф. Троицкимъ отъ представителей того же направленія, которое онъ проводитъ послѣдовательно, хотя въ какой-нибудь необходимой связи съ основною мыслию этого направленія оно и не стоитъ. Оно зависитъ отъ взгляда на логику, сущность которой сводится къ ученію о выводахъ или, точнѣе, о доказательствахъ. Отождествленіе логики съ ученіемъ о доказательствахъ, по видимому, грозитъ лишитъ ее части ея содержанія. На дѣлѣ эта опасность не такъ значительна, какъ это представляется съ перваго взгляда. Изъ обычно входящихъ въ содержаніе логики ученій исключается лишь ученіе о методахъ синтетическомъ и аналитическомъ; но авторъ руководится при этомъ особыми соображеніями, которыя и разъясняются въ первомъ выпускѣ третьей части его „Учебника“, въ главѣ о логикѣ геометріи. Ученія же не только объ опредѣленіи (а съ нимъ и классификаціи), но и о понятіи и сужденіи или, говоря языкомъ автора, о терминахъ и предложеніяхъ входятъ все же въ составъ науки вслѣдствіе связи своей съ ученіемъ о выводахъ. Такимъ образомъ со стороны полноты входящаго въ науку, по крайней мѣрѣ важнѣйшаго матеріала, различіе рассматриваемаго „Учебника Логикѣ“ отъ другихъ подобныхъ сочиненій незначительно; измѣняется лишь распредѣленіе этого матеріала по отдѣламъ науки. Перемѣны въ размѣщеніи матеріала, конечно, дѣло второстепенной важности, однако все же нельзя не обратить вниманія на одну изъ нихъ, именно на то мѣсто, какое дается въ „Учебникѣ“ ученію о терминахъ и предложеніяхъ. Отдѣлъ, трактующій о терминахъ и предложеніяхъ, отнесенъ здѣсь къ логикѣ дедукціи на томъ основаніи, что ученіе о нихъ необходимо „въ цѣляхъ изученія свойствъ дедуктивнаго доказательства“. Авторъ, мнѣ кажется, недостаточно при этомъ принялъ во вниманіе, что его „логика началъ“ предполагаетъ предварительный анализъ, говоря его языкомъ, предложеній, а съ ними и терминовъ никакъ не менѣе чѣмъ и „логика дедукціи“. Опредѣленія и законы природы разсма-

триваются въ „логикѣ началъ“ какъ предложенія; всѣ процессы индуктивнаго доказательства также совершаются въ предложеніяхъ; слѣдовательно, понятіе о предложеніи всюду предполагается. Опредѣленія отличаются отъ законовъ природы какъ предложенія словесныя отъ реальныхъ, слѣдовательно, предполагается ученіе о различіи между словесными и реальными предложеніями. Въ ученіи объ опредѣленіи говорится объ опредѣленіи посредствомъ рода и разницы; законы природы различаются по объему и содержанию; индукція опредѣляется какъ заключеніе отъ частнаго къ общему (то-есть, отъ частныхъ предложеній къ общимъ?) и т. п.; все это слишкомъ очевидно предполагаетъ предварительное ученіе объ объемѣ и содержаніи терминовъ и о видахъ предложеній. Въ интересахъ логической правильности классификаціи автору слѣдовало выдѣлить ученіе о терминахъ и предложеніяхъ изъ трактата о дедукціи и придать ему значеніе или особой части логики, или, по крайней мѣрѣ, общаго введенія къ двумъ (вѣроятнѣе—и ко всѣмъ тремъ) частямъ ея, логикѣ дедукціи и логикѣ началъ.

Мысль превратить логику индукціи въ логику началъ принадлежитъ самому проф. Троицкому. Однако, несомнѣнно, она могла возникнуть только подъ влияніемъ убѣжденія, что всѣ не доказуемыя дедуктивно реальныя (не словесныя) истины получаютъ индуктивнымъ путемъ; слѣдовательно, и она стоитъ въ тѣсной связи съ основною мыслью философскаго направленія, которое послѣдовательно проводится въ „Учебникѣ“. По видимому, эта замѣна логики индукціи логикой началъ даетъ болѣе стройности логикѣ, построенной на началахъ эмпиризма. Однако нѣкоторые недостатки въ распредѣленіи матеріала оказываются и при этой замѣнѣ. Такъ какъ логика началъ противопоставляется логикѣ дедукціи, то подъ началами, о которыхъ разсуждаетъ логика началъ, автору приходится разумѣть всѣ тѣ, и только тѣ начала, которыя не выводятся дедуктивнымъ путемъ. Это даетъ ему, правда, возможность отнести къ этой части логики ученіе объ опредѣленіяхъ, которыя онъ также считаетъ послылками дедукціи, но въ то же время дѣлаетъ шаткою постановку ученія о законахъ природы, важнѣйшаго содержанія этой части. Законы природы, но его же ученію, получаютъ не индуктивнымъ только путемъ, но и дедуктивнымъ (Уч. 2, 130, 228). Поэтому, если подъ началами разумѣть только тѣ изъ реальныхъ истинъ, которыя или совсѣмъ не подлежатъ дедукціи, или еще не подверглись ей, какъ и самъ авторъ поясняетъ значеніе этого термина (Уч. 2, 5), то общее

ученіе о законахъ природы, ихъ видахъ и пр., очевидно, теряетъ право быть отнесеннымъ къ этой части логики, а должно, подобно ученію о сужденіяхъ, занять особое положеніе въ системѣ. Только благодаря неопредѣленности общаго заглавія этой части, то-есть, только благодаря тому обстоятельству, что съ терминомъ „начала“ легко соединяется мысль о посылкахъ дедукціи вообще, а не о тѣхъ только, которыя не получаютъ дедуктивнымъ путемъ, введеніе общаго ученія о законахъ природы въ „логику началъ“ получаетъ видъ законности.

Отъ автора, который смѣло идетъ на встрѣчу реформъ логики и не расположенъ стѣсняться традиціонными взглядами, можно было бы ожидать, что онъ тщательно взвѣситъ достоинство и недостатки того довольно обычнаго претивоположенія между выводами дедуктивными и индуктивными и того сведенія всѣхъ выводовъ къ этому претивоположенію, которыя лежатъ въ основаніи его общей классификаціи выводовъ. Ожидать этого было бы, казалось, тѣмъ болѣе естественно, что на эти недостатки существовали уже указанія въ литературѣ науки. Ставилось именно на видъ, что противоположность дедукціи и индукціи не обнимаетъ всѣхъ выводовъ: математическіе выводы на основаніи общихъ аксіомъ равенства только насильственно могутъ быть втѣснены въ рамки силлогистическихъ формулъ. Ставилось также на видъ, что самое претивоположеніе дедуктивныхъ выводовъ къ индуктивнымъ не можетъ быть толкуемо, какъ это часто бываетъ, въ смыслѣ претивоположенія между всѣми силлогистическими выводами, съ одной стороны, и всѣми тѣми выводами, которые обыкновенно называются индуктивными—съ другой. Въ „Учебникѣ логики“ проф. Троицкаго можно находить, правда, указанія на отношеніе автора къ взглядамъ такого рода, но не видно, чтобъ онъ достаточно взвѣсилъ значеніе этихъ взглядовъ.

Онъ готовъ признать, что теорія дедукціи обнимаетъ не всѣ реальныя умозаключенія, состоящія, подобно силлогизму, изъ трехъ предложеній (Уч. 1. 105). Онъ готовъ признать, что не обнимаемая этою теоріей умозаключенія основываются на корреляціи понятій подобно силлогизму, съ тѣмъ лишь различіемъ отъ послѣдняго, что здѣсь въ основаніи вывода лежитъ не корреляція подчиненія какъ въ силлогизмѣ, а корреляція другаго рода (Уч. 1. 106—107). Но, различая затѣмъ два возможные вида корреляціи, не тождественной съ подчиненіемъ, тожество или равенство и относительность, онъ соглашается признавать реальность только выводовъ на основаніи относительности (отъ большаго къ большему), которые имѣютъ мало зна-

ченія, и рѣшительно отказывается признать реальность умозаключеній на основаніи равенства. „Умозаключенія тождества и равенства“, говоритъ онъ,—„если только они являются въ формѣ уравненій, должны разсматриваться какъ дедукціи истинныя,—какъ раскрытіе смысла данныхъ предложеній или формулъ per substitutionem, то-есть, посредствомъ замѣщенія“ (Уч. 1. 197). Что же касается дѣйствительно реальныхъ дедукцій равенства, какія обыкновенны въ геометріи, то они идутъ, по мнѣнію автора, не по формулѣ, отрицаемой имъ, а по первой фигурѣ силлогизма—отъ общаго къ частному (Уч. 1. 169). Раскрытіе же смысла предложеній per substitutionem, къ которому относить проф. Троицкій выводы на основаніи равенства, понимается имъ какъ простая замѣна въ предложеніи одного имени другимъ, или однихъ именъ другими (Уч. 1. 138). Такимъ образомъ выходитъ, что огромный классъ выводовъ по формулѣ $A = B$, $B = C$, слѣд. $A = C$, который грозилъ разрушить привычныя рамки ученія о выводахъ, отрицается проф. Троицкимъ на томъ простомъ основаніи, что, по его мнѣнію, сужденіе $A = B$ и сужденіе $A = C$ въ этихъ выводахъ нисколько не различаются по смыслу одно отъ другаго, такъ какъ B и C суть только два различныя названія одной и той же вещи. Я не знаю, обратилъ ли онъ при этомъ вниманіе на другую свою же собственную мысль, которую не разъ онъ высказываетъ, когда говоритъ объ аксіомахъ; а между тѣмъ сличить эту мысль съ высказаннымъ сейчасъ взглядомъ было бы не бесполезно. Математическая аксіома „двѣ вещи равныя той же третьей равны между собою“ признается у него въ ученіи объ аксіомахъ реальною (а не словесною) истиною; это значитъ, что равенство двухъ вещей одной и той же третьей (субъектъ аксіомы) и равенство ихъ между собою (предикатъ аксіомы), по его мнѣнію, не одинъ и тотъ же фактъ, выраженный только разными словами, а два различныя факта. Обозначимъ теперь понятія, о которыхъ говоритъ аксіома, символически математическими знаками. Равенство двухъ вещей третьей символически обозначится такъ: $A = B$ и $C = B$, равенство ихъ между собою обозначится такъ: $A = C$. Мысль автора, что эта аксіома содержитъ въ себѣ реальную истину, будетъ, очевидно, означать, что сужденіе $A = C$ содержитъ въ себѣ новую мысль, которая не только не тождественна съ сужденіемъ $A = B$, но не тождественна даже съ двумя сужденіями $A = B$ и $C = B$. Теперь спрашивается: какъ согласить это съ ученіемъ автора, что выводы равенства, выражаемые уравненіями, суть только раскрытіе смысла одного и того же предложенія per substitu-

tionem, то-есть, простая замѣна однихъ названій другими? Такъ ли нужно понимать это ученіе проф. Троицкаго, что онъ признаетъ, правда, сужденіе „двѣ вещи равныя одной и той же третьей, равны между собою“ за реальную истину, но отказывается въ то же время въ сужденіи „двѣ вещи А и В, равныя одной и той же С, равны между собою“ видѣть реальную истину? Или, можетъ быть, онъ полагаетъ, что хотя и можно уравнивать вещи другимъ вещамъ и факты другимъ фактамъ, но математикъ или кто бы то ни было, какъ скоро чрезъ уравненія желаетъ получить выводы, теряетъ право или способность подъ уравниваемыми величинами понимать различные предметы или факты, и обязательно или съ какою-нибудь роковою необходимостью разумѣетъ подъ ними одинъ и тотъ же предметъ, только обозначенный разными знаками? Не считая себя въ правѣ отвѣтить на этотъ вопросъ за автора „Учебника Логики“, я не могу не прибавить, что не совсѣмъ ясно понимаю и мысль проф. Троицкаго относительно декукціи равенствъ въ геометріи, которыя онъ признаетъ реальными. Неоспоримо, конечно, что часто геометръ равенство двухъ опредѣленныхъ величинъ выводитъ изъ болѣе общихъ положеній, не обращаясь къ выводу по формулѣ: $A=B$, $B=C$, слѣд. $A=C$. Но не оспоримо также и то, что въ геометріи встрѣчаются и ряды равенствъ, подобные сейчасъ указанному. И я неясно понимаю, какъ толкуетъ проф. Троицкій выводы этого послѣдняго рода. Думаетъ ли онъ, что эти равенства при выводахъ такого рода всегда не реальны, что подобныя сопоставленія равенствъ представляютъ простую substitutionem въ смыслѣ простой замѣны однихъ терминовъ другими? Но мнѣ кажется, встрѣчаются случаи, гдѣ такое предположеніе не могло бы имѣть и тѣни истины. При доказательствѣ, напри- мѣръ, Пифагоровой теоремы сначала, какъ извѣстно, дѣлится квадратъ, построенный на гипотенузѣ на два прямоугольника перпендикуларомъ, опущеннымъ изъ прямиаго угла треугольника, и устанавливается равенство каждаго изъ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ прямоугольнаго треугольника съ ближайшимъ къ нему изъ этихъ двухъ прямоугольниковъ. Это равенство доказывается по существу слѣдующимъ образомъ: квадратъ уравнивается вдвойнѣ взятому треугольнику, извѣстнымъ образомъ построенному; прямоугольникъ уравнивается вдвойнѣ взятому другому, также извѣстнымъ образомъ построенному, треугольнику; эти треугольники уравниваются другъ другу, и изъ этихъ трехъ установленныхъ равенствъ наконецъ выводится равенство квадрата съ прямоугольникомъ, такъ что этотъ по-

слѣдній выводъ можно формулировать такъ: A (квадратъ, построенный на одномъ изъ катетовъ) $= 2B$ (извѣстный треугольникъ), $2B = 2C$ (другой треугольникъ), $2C = D$ (прямоугольникъ, составляющій часть квадрата, построеннаго на гипотенузѣ) слѣд., $A = D$. Кто разсматриваетъ уравниваемыя въ этомъ выводѣ величины, тому нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ уясненію какихъ-либо тонкихъ различій между ними; отъ него не требуется никакой тонкости мысли для того, чтобы признать сравниваемыя величины не различными только именами одного и того же предмета, а различными вещами или фактами: сравниваемыя въ этомъ выводѣ величины на чертежѣ, правда, совпадаютъ одна съ другою нѣкоторыми изъ своихъ частей, но ни одна не совпадаетъ съ другою на всемъ протяженіи, не говоря уже о томъ, что три изъ нихъ разнятся другъ отъ друга даже и по своей формѣ. Слѣдовательно, о выводѣ *per substitutionem* здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Можетъ быть впрочемъ, проф. Троицкій не отрицаетъ, что въ тавихъ случаяхъ въ геометріи уравниваемыя величины не представляютъ только различныя наименованія одной и той же вещи, а каждая означаетъ особую вещь, особый фактъ. Признавая выводы изъ такихъ равенствъ за выводы по первой фигурѣ силлогизма, онъ, можетъ быть, думаетъ, что въ умозаключеніяхъ такого рода, кромѣ этихъ частныхъ уравненій всегда подразумѣвается нѣкоторое общее положеніе (напримѣръ, самая аксіома равенства), которое единственно и дѣлаетъ выводъ возможнымъ и превращаетъ его въ заключеніе отъ общаго къ частному, то-есть, въ заключеніе по первой фигурѣ силлогизма. Но тогда, мнѣ кажется, постановка вопроса должна была бы уже нѣсколько измѣниться. Отрицать выводы, выражаемые въ формѣ уравненій, слѣдовало бы тогда уже не потому, что они представляютъ простое раскрытіе смысла предложенія *per substitutionem*, то-есть, не даютъ новой мысли, а по совершенно обратной причинѣ, именно—что выводимая изъ нихъ мысль такъ далека отъ посылокъ, что чрезъ однѣ эти послыки она и установлена даже быть не можетъ, а нуждается еще въ особомъ общемъ положеніи для этой установки. Является при этомъ и другое, еще болѣе важное недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить въ такомъ случаѣ, что авторъ признаетъ независимыми отъ теоріи силлогизма, слѣдовательно, не сводимыми къ первой фигурѣ и тѣмъ не менѣе реальными выводы, называемые имъ выводами по относительности, напримѣръ, а *fortiori*, то-есть, отъ большаго къ большому? Если выводъ $A = B$, $B = C$, слѣд., $A = C$ нуждается въ прибавкѣ общаго положенія, которое должно превратить его въ выводъ по первой

фигурѣ, то почему не нуждался бы въ соответствующемъ общемъ положеніи выводъ: $A < B$; $B < C$, слѣд., $A < C$? Думаетъ ли авторъ, что изъ сужденій $A = B$ и $B = C$ съ меньшею очевидностью слѣдуетъ, что $A = C$, чѣмъ изъ сужденій $A < B$, $B < C$ слѣдуетъ, что $A < C$? Этого я не рѣшаюсь предположить между прочимъ и потому, что тогда вѣдь вышло бы, что аксіому: „двѣ вещи, равныя той же третьей, равны между собою“ слѣдовало бы признать менѣе очевидною, чѣмъ положеніе: „большее большаго еще больше“, а между тѣмъ авторъ первую, а не второе, отнесъ къ числу двухъ математическихъ аксіомъ не выводимыхъ изъ другихъ истинъ, слѣдовательно, призналъ очевиднѣе всѣхъ другихъ.

Авторъ „Учебника логики“ понимаетъ подъ противоположностію дедукціи и индукціи противоположность силлогизма и индукціи; силлогизмъ, какъ выводъ отъ общаго къ частному, онъ противопоставляетъ индуктивному выводу, какъ выводъ отъ частнаго къ общему (Учебн. I. 154.2. 135); онъ оспариваетъ мнѣніе тѣхъ, которые не вносятъ въ понятіе силлогизма признака дедуктивности, то-есть, не характеризуютъ его какъ заключеніе отъ общаго къ частному (Уч. I. 160). Передъ нимъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ возникнуть вопросъ, также уже обсуждавшійся въ литературѣ науки: какъ примирить съ такимъ взглядомъ третью фигуру силлогизма? Въ ней заключеніе бесспорно идетъ отъ частнаго факта; выводъ, правда, не получается въ формѣ общаго сужденія, но все же субъектомъ выводнаго сужденія служитъ родовое понятіе, взятое только не въ полномъ своемъ объемѣ, какъ это бываетъ въ популярной индукціи, а лишь въ части этого объема. Къ индукціи эта фигура, очевидно, ближе, чѣмъ къ дедукціи. Авторъ прямо нигдѣ не ставитъ этого вопроса; косвенный отвѣтъ на него можно, впрочемъ, видѣть въ томъ, что всѣ фигуры силлогизма, кромѣ первой, называются несовершенными. Спорить о томъ, называть ли ихъ совершенными или несовершенными, мнѣ не кажется полезнымъ для дѣла. Пусть онѣ не совершенны, и все же остается фактомъ, что третья фигура ни въ какомъ случаѣ не есть заключеніе отъ общаго къ частному, и если дедукція есть выводъ отъ общаго къ частному, значитъ, къ дедукціи она не относится. Почему же она отнесена къ дедукціи? Конечно, потому, что болѣе удобнаго мѣста для нея не нашлось при классификаціи выводовъ по извѣстному плану. Но это доказываетъ только, что принятая авторомъ, по примѣру другихъ, классификація выводовъ неудовлетворительна.

Такъ-называемую научную индукцію, то-есть, опытные доказательства причинной связи между явлениями, авторъ относитъ къ выводамъ отъ частнаго къ общему. Въ литературѣ науки высказывались основанія, по которымъ ихъ нельзя причислять къ выводамъ такого рода, хотя и къ дедукціи, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее авторъ, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, нѣкоторые изъ нихъ также отнесены быть не могутъ. Авторъ на эти возраженія отвѣчаетъ прямо. И хотя при этомъ отвѣтѣ онъ имѣетъ въ виду исключительно противоположность между дедукціей и индукціей, однако, если смотрѣть на дѣло даже и съ этой точки зрѣнія, все же его возраженія показываютъ, что должнаго вниманія и на этотъ вопросъ онъ не обратилъ. Онъ не отрицаетъ, что опытные доказательства причинной связи въ логикѣ получаютъ дедуктивную форму, но онъ полагаетъ, что это „требуется не для ихъ очевидности, а для логическаго объясненія послѣдней“ (Уч. 2. 190). Казалось бы, что, если доказательство дѣйствительно имѣетъ очевидность, и именно въ качествѣ индуктивнаго доказательства, то и логическое объясненіе этой очевидности должно бы быть объясненіемъ очевидности его именно какъ индуктивнаго доказательства; казалось бы, что, превращая его для объясненія его очевидности въ дедуктивное доказательство, логика объясняетъ уже не ту очевидность, которая присуща ему, какъ индуктивному доказательству, а очевидность другой формы доказательства и, слѣдовательно, косвенно признаетъ, что у него, какъ индуктивнаго доказательства, такой очевидности, которая могла бы быть логически объяснена, не имѣется. Но проф. Троицкій, очевидно, думаетъ иначе. Однако, обратимся къ вопросу: какъ же именно онъ доказываетъ, что опытные доказательства причинной связи явленій индуктивны? Онъ приводитъ въ подтвержденіе этой мысли три основанія. Впервыхъ, „истина научнаго наведенія“, говоритъ онъ, —, то-есть, какой-нибудь законъ причиненія, ставится предварительно, обыкновенно, на основаніи одного какого-нибудь случая, то-есть, бываетъ заключеніемъ къ закону природы отъ частнаго случая“. Я не могъ понять, какъ этотъ аргументъ относится къ дѣлу. Г. Троицкій, конечно, знаетъ, что вопросъ идетъ не о предварительномъ предположеніи, возникающемъ на основаніи одного какого-нибудь случая, а объ опытномъ доказательствѣ закона, котораго состоятельность исключительно зависитъ отъ того, отвѣчаетъ или не отвѣчаетъ оно опредѣленному правилу того метода, по которому оно ведется. Нужно полагать, что не установка только того или другаго физиче-

скаго закона, но и изобрѣтеніе доказательства той или другой геометрической теоремы предварялось предположеніями ея истинности, основывавшимися иногда, вѣроятно, и на частныхъ случаяхъ, ее подтверждавшихъ; едва ли, напримѣръ, первый изобрѣтатель Пиагогоровой теоремы приступилъ бы къ изысканію ея доказательства, еслибы совсѣмъ не имѣлъ основаній предполагать ея истинности. Но я не знаю, чтобы кому-нибудь приходило на мысль ставить вопросъ о формулѣ этого доказательства въ зависимость отъ характеристическихъ чертъ тѣхъ основаній, которыя могли послужить поводомъ къ его изобрѣтенію. Основанія, которыя заставляютъ сдѣлать первоначальное предположеніе объ извѣстномъ законѣ причинной связи, могутъ быть даже на столько вѣскими, что сами могутъ быть принимаемы за особое доказательство этого закона, хотя и не рѣшительное; но и въ такомъ случаѣ, будетъ ли это особое доказательство индуктивнымъ или дедуктивнымъ, мнѣ представляется нѣсколько смѣльнымъ и оригинальнымъ судить по немъ о томъ доказательствѣ этого закона, которое изыскиваетъ специалистъ, увѣрившись въ вѣроятности сдѣланнаго имъ предположенія. Впрочемъ и самая мысль, будто предварительное предположеніе о законѣ есть индуктивный выводъ на основаніи одного частнаго случая, хотя она и нерѣдко встрѣчается, все же представляется мнѣ одною изъ тѣхъ мыслей, которыя кажутся основательными лишь съ перваго взгляда, ровно до тѣхъ поръ, пока не нашли повода всмотрѣться въ нихъ повнимательнѣе. Каждому явленію предшествуетъ огромное количество явленій, и если специалистъ останавливается на одномъ изъ послѣднихъ, какъ на вѣроятной его причинѣ, если онъ сужденіе: „Явленіе В предшествуетъ явленію А“ превращаетъ въ вопросъ: „В не есть ли причина А“, то-есть, его постоянное предшествующее,—то конечно, уже не на томъ только основаніи, что первое въ данномъ случаѣ предшествовало послѣднему, такъ какъ то же онъ могъ утверждать на томъ же основаніи объ огромномъ количествѣ другихъ явленій, которыя также въ этомъ случаѣ предшествовали явленію А. Ясно, что его вниманіе поразили какія-либо преимущества, какія имѣетъ В сравнительно съ другими явленіями, также предшествовавшими явленію А. Но оцѣнка этихъ преимуществъ есть результатъ очень многихъ общеній, сдѣланныхъ имъ на основаніи очень разнообразныхъ прежнихъ наблюденій не только общаго характера, но и спеціальныхъ. Ясно, что его предварительный выборъ явленія В изъ массы другихъ явленій есть результатъ очень сложнаго процесса, характеръ кото-

раго съ точностью опредѣлить будетъ даже потрудитѣ, чѣмъ опредѣлить характеръ довольно однообразныхъ, а слѣдовательно, болѣе доступныхъ точному формулированію научныхъ доказательствъ причинной связи. Поэтому ссылка на предварительное предположеніе не только не относится къ дѣлу, но и показываетъ слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ тому, что представляется на первый взглядъ. Второе основаніе для своего мнѣнія ищетъ проф. Троицкій въ томъ, что при опытныхъ доказательствахъ причинной связи повѣрка сдѣланнаго предположенія, то-есть, то, что въ собственномъ смыслѣ называется доказательствомъ, „приводитъ не къ частности, а къ общему, или болѣе общему предположенію, и опирается на частные случаи или факты, сгруппированные извѣстнымъ образомъ“. Сила этого аргумента заключается, конечно, не въ томъ, что въ выводѣ получается общее положеніе или законъ: общія положенія или законы могутъ выводиться и дедуктивно. Она заключается также и не въ томъ, что въ послылкахъ встрѣчаются указанія на частные факты: указаніе на частный фактъ можетъ содержать въ себѣ меньшая послылка даже и въ первой фигурѣ силлогизма. Смыслъ аргумента состоитъ, конечно, въ томъ, что сужденія, которыя служатъ послылками при опытныхъ доказательствахъ причинной связи, оказываются болѣе частными, чѣмъ то сужденіе, которое изъ нихъ выводится, а такое именно отношеніе между послылками и заключеніемъ составляетъ характеристическую черту индукціи. Чтобъ этотъ аргументъ имѣлъ силу, нужно, очевидно, предположить, что при опытныхъ доказательствахъ причинной связи выгодное сужденіе: „В есть причина А“, или „В есть постоянное и неизмѣнное предшествующее А“ получается въ качествѣ обобщенія болѣе частнаго сужденія: „В въ данномъ случаѣ есть предшествующее А“. Но это предположеніе не справедливо. При каждомъ опытномъ доказательствѣ причинной связи каждое событіе разсматривается какъ подчиненное закону причинности, то-есть, какъ событіе, имѣющее въ числѣ предшествующихъ ему событій свою причину, которая понимается какъ такое событіе или такіа событія, за которыми оно слѣдуетъ постоянно и неизмѣнно. Поэтому при выводѣ сужденія: „В есть постоянное и неизмѣнное предшествующее А“ послылкой служитъ никакъ не сужденіе: „В въ данномъ случаѣ предшествуетъ А“, а сужденіе: „какое-нибудь или какія-нибудь изъ предшествующихъ въ данномъ случаѣ событію А событій В, С, D, E, F и пр. непремѣнно должны быть постоянными и неизмѣнными его предшествующими“. Конечно, это по-

слѣднее сужденіе отличается отъ выводнаго сужденія: „В есть постоянное и неизмѣнное предшествующее А“. Но оно отличается отъ него не какъ болѣе частное отъ болѣе общаго, а какъ менѣе опредѣленное отъ болѣе опредѣленнаго. Чтобы превратить первое сужденіе въ послѣднее, нужно только выдѣлить изъ совокупности событій В, С, D, E, F и пр., между которыми неопредѣленно полагается причина событія А, тѣ событія, которыя не составляютъ причины событія А. Это выдѣленіе совершается частью при помощи дедукціи, частью при помощи особыхъ методовъ, близкихъ къ математическимъ (какъ, на примѣръ, это бываетъ въ доказательствѣ по методу остатковъ), но никакъ не чрезъ обобщеніе частныхъ сужденій, для котораго, очевидно, здѣсь нѣтъ мѣста, какъ скоро частный случай разсматривается какъ подчиненный закону причинности, то-есть, какъ скоро сужденіе о простой послѣдовательности событій другъ за другомъ во времени превращено въ сужденіе о причинной связи между ними, хотя и неопредѣленно поставленной. Въ качествѣ третьяго основанія своего мнѣнія проф. Троицкій высказываетъ приведенную уже выше мысль, что преобразование опытныхъ доказательствъ въ дедукцію требуется не для ихъ очевидности, а только для логическаго объясненія этой очевидности. А что дедуктивная форма не нужна для самой очевидности опытнаго доказательства, это раскрывается авторомъ такъ: „когда они (то-есть, опытные доказательства)“, говоритъ онъ, — „дѣлаются спеціальными, очевидность ихъ не зависитъ отъ аксіомы причинности: очевидность здѣсь есть дѣло фактовъ“..... „Узнаваніе“ отдѣльнаго случая причинной связи „совершается и безъ научнаго опредѣленія причинной связи на основаніи одного практическаго знакомства съ ея признаками, и въ немъ нѣтъ никакого реального умозаключенія“ (Учебн. 2. 189—190. Однако, всё это не совсѣмъ такъ, какъ думаетъ авторъ. Непосредственною посылкой каждаго строгаго опытнаго доказательства причинной связи служить, правда, не аксіома причинности, но никакъ и не фактъ, а мысль, что событіе А въ числѣ своихъ предшествующихъ В, С, D, E, F и т. д. должно имѣть свое постоянное и неизмѣнное предшествующее. Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы спеціалистъ, приступая къ изслѣдованію причины явленія А по одному изъ опытныхъ методовъ, не былъ убѣжденъ, что это явленіе должно имѣть причину между своими прецедентами. Во всякомъ случаѣ изъ того, что ни С, ни D, ни E, ни F и т. д. не могутъ быть причинами А, только для того спеціалиста можетъ быть дѣйствительно очевидно, что В есть при-

чина А, который убѣжденъ, что А должно имѣть причину между предшествующими ему явленіями. Конечно, можно возбудить дальнѣйшій вопросъ: какимъ же именно методомъ получается самая эта послылка: „А должно имѣть свою причину между В, С, D, E, F и т. д.“? Но рѣшеніе этого вопроса собственно безразлично для характеристики вывода сужденія: „В есть причина А“, подобно тому, какъ безразлично для характеристики вывода о смертности Кая, какимъ методомъ получается общее положеніе о смертности всѣхъ людей. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ, какъ бы кто ни думалъ о происхожденіи общей аксіомы причинности, едва ли кто станетъ оспаривать, что между специалистами въ области естествознанія едва ли можно найти людей (развѣ въ видѣ рѣдкихъ исключеній), которые не были бы убѣждены, что, по крайней мѣрѣ, въ области ихъ специальности нѣтъ явленій, не зависящихъ ни отъ какой причины. А, слѣдовательно, убѣженіе ихъ въ зависимости явленія А отъ какаго-либо изъ предшествовавшихъ ему событій В, С, D, E, F и т. д. фактически всегда есть выводъ изъ общаго положенія о зависимости всѣхъ явленій извѣстнаго круга отъ причинъ. Само собою понятно, что въ этомъ выводѣ роль меньшей послылки играетъ убѣженіе, что событію А предшествовали въ данномъ случаѣ именно эти В, С и т. д. Такимъ образомъ, при объясненіи даже и этого вывода говорить объ очевидности фактовъ можно съ такимъ же правомъ, какъ и при всякомъ силлогизмѣ первой фигуры, то-есть, это значитъ—говорить нѣчто, не относящееся къ дѣлу. Что же касается до „узнаванія“ отдѣльнаго случая причинной связи, точнѣе сказать, до выдѣленія дѣйствительной причины изъ массы предыдущихъ явленій, то по различію самыхъ опытныхъ доказательствъ оно представляетъ различія, которыя слѣдовало бы точнѣе анализировать, прежде чѣмъ высказать общую мысль, что „узнаваніе“ совершается на основаніи общаго практическаго знакомства съ признаками причинной связи. Такими общими фразами серьезные вопросы не рѣшаются. Болѣе точное разъясненіе того, какъ представляетъ себѣ это дѣло авторъ, было бы не излишне также и по другой причинѣ. Читатель можетъ недоумѣвать, какимъ образомъ мысль объ индуктивности извѣстнаго доказательства можетъ основываться на томъ, что убѣженіе въ причинной связи, основанное на такомъ доказательствѣ, получается чрезъ признаки этой связи. По изложенному авторомъ ученію о дедукціи, какъ будто выходитъ, что подобное убѣженіе чрезъ признаки составляетъ характеристическую черту именно дедукціи, а никакъ не индукціи:

признакъ признака есть признакъ самой вещи, есть аксіома силлогизма, а не индукціи.

Мы говорили объ особенностяхъ логическихъ воззрѣній проф. Троицкаго, а также и объ отношеніи его къ вопросамъ, которые сравнительно въ позднѣйшее время подняты были въ литературѣ науки. Все это касается нѣкоторыхъ болѣе общихъ взглядовъ, развитыхъ въ его „Учебникѣ логики“. Большинство же частныхъ логическихъ ученій, содержащихся въ послѣднемъ, или совсѣмъ не отличаются по существу отъ обычныхъ взглядовъ, или допускаютъ различія несущественной важности. Оцѣнка этой детальной разработки матеріала, входящаго въ логику, сводится къ вопросу о достоинствахъ и недостаткахъ изложенія и разъясненія логическихъ ученій. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, „Учебникъ“ проф. Троицкаго имѣетъ нѣкоторыя безспорныя достоинства. Не иначе какъ съ одобреніемъ можно отнести къ заявленію автора въ предисловіи къ „Учебнику“, что онъ стремился „передать съ возможною ясностью одну сущность логическихъ ученій, избѣгая всего излишняго и ненужнаго“. Въ авторѣ „Учебника Логики“ видѣнъ человекъ, освоившійся съ литературой предмета, привыкшій къ научному систематическому изложенію; литературнымъ языкомъ онъ хорошо владѣетъ и пишетъ ясно.

Но вмѣстѣ съ этими достоинствами въ логическихъ сочиненіяхъ проф. Троицкаго есть и недостатки. Встрѣчаются ошибки при изложеніи логическихъ ученій. Ошибки въ изложеніи общей силлогистической теоріи, можно сказать, изумительны. Разъяснивъ силлогизмъ на первой фигурѣ, авторъ излагаетъ затѣмъ правила, какъ онъ выражается, „совершенной строгости силлогизмовъ“; затѣмъ слѣдующій параграфъ онъ начинаетъ такими словами: „всѣмъ изложеннымъ правиламъ силлогизма вполнѣ отвѣчаютъ только слѣдующіе четыре типа силлогизма“, и излагаетъ при этомъ четыре правильные модуса первой фигуры (Уч. 1. 179 — 180); умозаключенія этихъ четырехъ типовъ называются совершенными силлогизмами, какъ удовлетворяющіе всѣмъ правиламъ силлогизма (Уч. 1. 180), а самыя правила называются общими правилами совершенныхъ силлогизмовъ (Уч. 1. 183). На дѣлѣ эти правила суть правила всѣхъ правильныхъ силлогизмовъ всѣхъ четырехъ фигуръ и имѣютъ смыслъ лишь какъ общія правила всѣхъ четырехъ фигуръ, такъ какъ для первой фигуры многія изъ нихъ должны быть выражены иначе, конкретнѣе. Самъ авторъ вслѣдъ за процитованными мѣстами разъясняетъ, что

правильные модусы отъ неправильныхъ по всѣмъ фигурамъ можно различать, принимая за критерій изложенныя имъ правила (Уч. 1. 183—184). Но при этомъ онъ, по видимому, совсѣмъ не догадывается, что эта послѣдняя мысль прямо противорѣчитъ взгляду на эти правила, только-что высказанному имъ передъ этимъ, всего нѣсколько строкъ выше. Эта странная ошибка кладетъ тѣмъ не менѣе свою печать на самое разъясненіе авторомъ общихъ силлогистическихъ правилъ. Колеблясь въ пониманіи ихъ общаго характера, представляя ихъ, очевидно, въ какой-то особой связи съ правильными модусами первой фигуры, онъ то разъясняетъ какое-нибудь изъ нихъ такъ, что разъясненіе не отвѣчаетъ широкому смыслу правила, обнимающаго правильные модусы всѣхъ фигуръ, то приводитъ примѣры изъ первой фигуры для объясненія такого случая примѣненія какого-нибудь правила, который явно не приложимъ къ этой фигурѣ. При разъясненіи, на примѣръ, невозможности вывода изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ онъ говоритъ (Уч. 1. 175): „въ силлогизмѣ происходитъ соединеніе и раздѣленіе двухъ терминовъ даннаго предложенія (S и P) по связи съ третьимъ (M), которая выражается утвержденіемъ или только въ меньшей посылкѣ (S есть M) или въ той и другой (S есть M, M есть P). Слѣдовательно, когда даже и въ меньшей посылкѣ нѣтъ утвержденія, — иначе сказать, когда оба предложенія отрицательны... нельзя вывести изъ нихъ никакого слѣдствія“. Ясно, что правило получаетъ толкованіе въ томъ смыслѣ, что меньшая посылка непременно должна быть утвердительна. Но это толкованіе, справедливое въ отношеніи къ первой (и третьей) фигурѣ, не вѣрно въ примѣненіи ко второй; изъ двухъ посылокъ: „всѣ P суть M“ и: „S не есть M“, мы совершенно законно можемъ заключать, что S не есть P, хотя меньшая посылка въ этомъ силлогизмѣ, очевидно, есть сужденіе отрицательное. При общемъ разъясненіи правила о необходимости отрицательнаго вывода, когда одна изъ посылокъ отрицательна, авторъ рассуждаетъ по существу дѣла правильно (Уч. 1. 176): „какъ скоро одна изъ посылокъ“, говоритъ онъ, — „бываетъ отрицательною, средній терминъ (M) бываетъ разъединенъ съ однимъ изъ двухъ остальныхъ терминовъ и слѣдовательно не способенъ соединить ихъ, что и должно выразиться отрицательнымъ слѣдствіемъ“. Но тотчасъ же затѣмъ онъ впадаетъ въ ошибку, стараясь для правила во всемъ его объемѣ представить символическіе примѣры по первой фигурѣ. „S не есть M“, говоритъ онъ, — „когда M есть P, слѣд. S не есть P. Или: S есть M, но M не есть P, слѣд.,

S не есть P.⁴ Первый изъ этихъ примѣровъ есть невозможный, то-есть, логически неправильный выводъ, такъ какъ первая фигура, какъ это въ другихъ мѣстахъ „Учебника“ справедливо признаетъ и авторъ, совсѣмъ не допускаетъ отрицательной меньшей посылки. Правильнаго символическаго примѣра слѣдовало искать въ формулахъ второй фигуры. Не менѣе странные взгляды, высказываетъ авторъ и объ отношеніи между терминами въ силлогизмахъ второй и третьей фигуръ со стороны объема. Объяснивъ, что средній терминъ въ силлогизмѣ можетъ быть равенъ термину большому по своему объему, и представивъ примѣръ изъ первой фигуры, авторъ замѣчаетъ: „равенство средняго и большаго терминовъ встрѣчается только между совершенными силлогизмами „первой фигуры“. Въ „несовершенныхъ“ силлогизмахъ „второй и третьей фигуры“ встрѣчается равенство большаго и меньшаго терминовъ“. На какомъ основаніи думаетъ авторъ, что равенство средняго и большаго терминовъ встрѣчается только въ первой фигурѣ, я совершенно не понимаю; силлогизмъ: „треугольнику, имѣющіе всѣ три угла равны, имѣютъ и равныя стороны, данный треугольникъ неравностороненъ, слѣдовательно, всѣ углы его не могутъ быть равны“, будетъ силлогизмомъ второй фигуры, а между тѣмъ средній и большій терминъ, то-есть, понятія треугольника равносторонняго и треугольника, имѣющаго всѣ три угла равны, совпадаютъ по объему. Что же касается мысли, будто въ несовершенныхъ силлогизмахъ второй и третьей фигуры встрѣчается равенство большаго и меньшаго терминовъ, то здѣсь ошибка перешла всякіе предѣлы дозволительнаго: во второй фигурѣ заключеніе можетъ быть только отрицательное, а слѣдовательно, о равенствѣ большаго и меньшаго терминовъ по объему не можетъ быть и рѣчи. Очевидно, авторъ объ общей теоріи силлогизмовъ имѣетъ довольно смутное представленіе.

Нельзя назвать правильнымъ и объясненіе авторомъ одного изъ такъ-называемыхъ непосредственныхъ выводовъ именно *obversio*, по которому, напримѣръ, общеутвердительное сужденіе: „всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества“ мы можемъ выразить и въ отрицательной формѣ: „нѣтъ такихъ химическихъ явленій, которыя не сопровождались бы выдѣленіемъ электричества“. Общая мысль проф. Троицкаго при разъясненіи этой замѣны одного предложенія другимъ именно, что замѣна получается чрезъ отрицаніе отрицанія (Уч. 1. 141), допустить можно. Но если онъ говорить, что тѣмъ отрицательнымъ предложеніемъ, чрезъ отрицаніе ко-

того получается эта замѣна, служить общеотрицательное сужденіе: „никакія химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества“, то это запутываетъ и затемняетъ дѣло. Назвать общеутвердительное и обще-отрицательное сужденія отрицаніями другъ друга уже было бы неточностію, которой, впрочемъ, можно бы и не придавать значенія, если нѣтъ повода опасаться перетолкованія. Но сказать, что одно изъ нихъ получается чрезъ отрицаніе другаго или съ помощію отрицанія другаго, употреблять терминъ „отрицаніе“ не въ качествѣ неточнаго названія отрицательнаго сужденія, а для обозначенія самаго процесса, при помощи котораго сужденія не одинаковой качественности переходятъ одно въ другое, и въ то же время считать общими эти сужденія, переходяція одно въ другое, это уже нельзя не назвать сбивчивостію въ представленіи. Отрицая общее сужденіе, мы можемъ получить въ результатѣ только частное сужденіе противоположной качественности, а никакъ не общее; а слѣдовательно, и изъ отрицанія обще-отрицательнаго сужденія мы можемъ получить только частно-утвердительное сужденіе, все равно въ положительной или отрицательной формѣ. Отрицая сужденіе: „никакія химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества“, мы чрезъ то еще никакъ не утверждаемъ, что совсѣмъ нѣтъ такихъ химическихъ явленій, которыя не сопровождались бы электричествомъ; мы утверждаемъ лишь, что есть такія химическія явленія, которыя сопровождаются электричествомъ или (въ отрицательной формѣ), что нѣкоторыя химическія явленія нельзя признать не сопровождающимися электричествомъ. Самъ авторъ тотчасъ же за своимъ разъясненіемъ *obversio* (Уч. 1. 144), а также и при разъясненіи закона противорѣчія совершенно справедливо учитъ, что изъ признанія ложности общаго сужденія никакъ не слѣдуетъ истинности общаго же сужденія противоположной качественности. Но развѣ отрицать сужденіе не тоже значить, что признавать его ложнымъ?

Подобная же сбивчивость, но еще болѣе ясно выступаетъ при разъясненіи отношеній авторомъ между сужденіями одной качественности, но отличающимися по количеству, то-есть, между общими и частными. Разъясняя непосредственные выводы чрезъ *conversio*, то-есть, черезъ перестановку въ сужденіи предиката на мѣсто субъекта и субъекта на мѣсто предиката, проф. Троицкій оспариваетъ право *conversionis* частно-утвердительныхъ сужденій (Уч., 151—152). Онъ указываетъ въ доказательство своего мнѣнія на случаи, гдѣ *conversio simplex* частно-утвердительныхъ сужденій ему кажется не примѣнимымъ. „Нѣкото-

рны простыя тѣла суть металлы. Попробуйте обратить это частное (сужденіе?) чрезъ *conversio simplex*, говорить онъ; получимъ: нѣкоторые металлы суть простыя тѣла. Это обратное (сужденіе?), очевидно, ложно. Потому что вѣрно предположеніе: „всѣ металлы суть простыя тѣла“. Если ложность частнаго сужденія выводится авторомъ изъ истинности общаго, то отсюда слѣдовало бы, казалось, что, по его мнѣнію, общее сужденіе исключаетъ частное, и что смыслъ частнаго сужденія онъ полагаетъ не въ простомъ отнесеніи предиката къ части извѣстнаго класса предметовъ, но думаетъ, что при этомъ подразумѣвается убѣжденіе въ невозможности относить этотъ предикатъ къ остальной части того же класса предметовъ. Однако, кто сдѣлалъ бы такой, по видимому, несомнѣнный выводъ, изъ процитованныхъ словъ автора, тотъ ошибся бы. Всея страницъ шесть выше цитованнаго мѣста авторъ говоритъ нѣчто другое. Здѣсь, передавая съ видимымъ сочувствіемъ ученіе Аристотеля о противоположныхъ предложеніяхъ и противопоставляя его „позднѣйшимъ любителямъ симметрическихъ чертежей“, онъ между прочимъ говоритъ: „что касается до предложеній обще-утвердительныхъ и частно-утвердительныхъ (А и J), и обще-отрицательныхъ и частно-отрицательныхъ (Е и O), то такія предложенія, вмѣсто того чтобы быть противоположными въ логическомъ смыслѣ слова, или исключать другъ друга, напротивъ, относятся другъ къ другу какъ подчиняющія (*subalternantes*) и подчиненныя (*subalternae*)“. Въ совершеномъ соотвѣтствіи съ этимъ онъ о частномъ предложеніи говоритъ (Уч. 1. 115): „предложеніе называется частнымъ..., когда сказуемое приложимо или не приложимо къ нѣкоторой части предметовъ, означаемыхъ терминомъ подлежащаго, или ко всѣмъ предметамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — при чемъ не исключается приложимость или неприложимость его и ко всѣмъ предметамъ, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ“. Замѣтимъ кстати, что „позднѣйшіе любители симметрическихъ чертежей“ обыкновенно также не считаютъ общія и частныя предложенія исключаящими другъ друга, и автору въ его борьбѣ противъ *conversio simplex* частно-утвердительныхъ предложеній приходится опровергать столько же и ихъ мнѣнія, какъ и свои собственныя.

Во второй книгѣ „Учебника“ въ логикѣ началъ неяснымъ кажется мнѣ въ ученіи проф. Троицкаго объ опредѣленіи объясненіе возможности пользоваться опредѣленіями при дедуктивныхъ доказательствахъ. Опредѣленія, по его ученію, всегда суть предложенія чисто

словесныя. Становясь пасынками выводовъ, они, однако, должны получить реальный смыслъ. Но точно опредѣлить этотъ реальный смыслъ автору, по видимому, не удастся. Въ началѣ своихъ объясненій по этому вопросу онъ высказываетъ, казалось бы, очень опредѣленную мысль (Уч. 2. 55—56): опредѣленія становятся, говорить онъ, — началами реальной дедукціи только тогда, когда съ ихъ открытымъ словеснымъ смысломъ молчаливо связывается принятіе или утвержденіе реального существованія вещей, указываемыхъ опредѣляемымъ терминомъ, или соответствующихъ опредѣленію. Опредѣленіе: „человѣкъ есть животное разумное такой-то внѣшней формы—какъ начало дедукціи—должно разлагаться на слѣдующіе два (сужденія): существуетъ разумное животное такой-то внѣшней формы, (я:) оно называется человѣкомъ“. По видимому, это значитъ, что опредѣленія при выводахъ переходятъ въ сужденія, въ которыхъ утверждается простое существованіе опредѣляемаго, и оба сужденія, на которыя авторъ разлагаетъ опредѣленія, имѣютъ, по видимому, въ его глазахъ смыслъ одного сужденія въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: люди то есть, разумныя животныя такой-то внѣшней формы существуютъ. Но въ первой книгѣ Учебника (105) авторъ рѣшительно утверждаетъ, что не только предложенія номинальныя, но и предложенія, утверждающія простое существованіе, „не могутъ быть прямыми элементами... дедуктивнаго доказательства, поэтому... выходятъ изъ круга логическихъ предложеній въ тѣсномъ смыслѣ“. Не удивительно, что авторъ чувствуетъ затрудненіе при своемъ толкованіи реального смысла опредѣленій при выводахъ. Тотчасъ же за изложеннымъ разъясненіемъ этого смысла изъ предложеній существованія они переходятъ у него въ предложенія сосуществованія. „Такъ какъ реальная дедукція“, говоритъ онъ (Уч. 2. 58—59),— „есть всегда выводъ какого-нибудь отношенія изъ какихъ-нибудь другихъ реальныхъ отношеній, то понятно, почему опредѣленія, утверждающія только значеніе терминовъ, оказываются способными быть началами реальной дедукціи: скрытно и косвенно они становятся при этомъ утверженіями реальныхъ отношеній сосуществованія“. Судя по разъясненіямъ автора и по примѣрамъ, имъ приводимымъ, это должно, по видимому, означать, что опредѣленіе при выводѣ переходитъ въ сужденіе, въ которомъ одни изъ свойствъ, данныхъ въ опредѣленіи, занимаютъ мѣсто подлежащаго, другія мѣсто сказуемаго, напримѣръ, изъ опредѣленія: „человѣкъ есть животное разумное, такой-то внѣшней формы“ при выводѣ можетъ выйдти сужденіе: „въ человѣкѣ свой-

ства животности сосуществовать съ разумностию и съ такою-то измѣненною формою⁴. Нужно, конечно, думать, что авторъ принимаетъ, что въ подобное же сужденіе можно превратить и всякое сужденіе о существованіи предметовъ (такъ какъ во всякомъ сужденіи такого рода въ подлежащемъ мыслится хотя и слитно, нѣсколько признавовъ), хотя опредѣленно онъ объ этомъ и не говоритъ. Но высказывая такой взглядъ, проф. Троицкій встрѣчается также съ очень значительнымъ затрудненіемъ. Превратить опредѣленія въ сужденія сосуществованія значитъ взять сразу назадъ все то различіе, которое имъ установлено между опредѣленіями какъ номинальными сужденіями, основывающимися лишь на законѣ тождества, и законами природы какъ именно сужденіями сосуществованія, послѣдовательности и пр. Поэтому онъ еще разъ измѣняетъ свою мысль и возвращается къ мысли, ранѣе высказанной: „не слѣдуетъ, впрочемъ, думать“, говоритъ онъ (Уч. 2. 59),—, что скрытый смыслъ, получаемый опредѣленіями, измѣняетъ вполне ихъ собственную природу или дѣлаетъ ихъ изъ предложеній словесныхъ реальными въ полномъ смыслѣ. Опредѣленіе, само по себѣ, имѣетъ только одинъ терминъ, подъ различными выраженіями въ сказуемомъ и подлежащемъ, то-есть, одно и то же имя, одну и ту же идею. Въ скрытомъ смыслѣ опредѣленія представлено тотъ же самый терминъ, только какъ фактъ, какъ вещь существующая въ массѣ приписываемыхъ ей опредѣляемымъ именемъ свойствъ⁴. Итакъ, опредѣленная, становясь началами дедукціи,... бываютъ только предложеніями полуреальными⁴. Такимъ образомъ изъ предложенія сосуществованія опредѣленіе вновь сдѣлалось предложеніемъ, говорящимъ просто о существованіи опредѣляемыхъ вещей и вновь превратилось оно въ предложеніе „полуреальное“, то-есть, „реальное только отчасти“—терминъ, который авторъ даетъ вообще предложеніямъ существования (Уч. 1, 105). Такимъ образомъ въ результатъ получилось то же противорѣчіе съ высказанною въ первой книгѣ „Учебника“ мыслию, только съ тѣмъ различіемъ, что къ этому противорѣчію присоединилось новое противорѣчіе двухъ подъ-рядъ высказанныхъ мыслей, не согласимыхъ одна съ другою. Еслибъ авторъ ясно созналъ себѣ ту послѣдовательность, въ какой ведетъ мысль, что опредѣленія суть предложенія чисто номинальныя (приложимъ ли этотъ взглядъ ко всѣмъ научнымъ опредѣленіямъ,—это здѣсь мы не обсуждаемъ), то онъ понялъ бы, что раскрытый опредѣленіемъ смыслъ извѣстнаго имени можетъ имѣть при выводѣ одно только значеніе:

онъ можетъ употребляться или какъ подлежащее, или какъ сказуемое въ сужденіяхъ, то-есть, или служить характеристикой предметовъ, которымъ прилагается въ сужденіи какое-либо свойство, не данное въ опредѣленіи, или указывать тѣ свойства, кація нужно приписать извѣстному предмету, такъ или иначе данному въ опытѣ или вообще въ наглядномъ представленіи. Но еслибъ авторъ ясно созналъ эту послѣдовательность своего взгляда на опредѣленія какъ строго номинальныя предложенія, то конечно, ему уже нельзя бы было говорить объ опредѣленіяхъ какъ о началахъ въ смыслѣ посылокъ дедукціи. Посылка есть всегда сужденіе, а опредѣленіе (номинальное) составляетъ, правда, какъ сужденіе, но будучи только раскрытіемъ смысла понятія, можетъ и въ выводѣ имѣть только значеніе раскрытаго понятія.

Есть неправильность въ „Учебникѣ“ проф. Троицкаго и при разъясненіи формулы одного изъ опытныхъ доказательствъ причинной связи явленій, именно доказательства по методу согласія. Эту неправильность, впрочемъ, можно встрѣтить нерѣдко въ логической литературѣ; здѣсь только выступаетъ она болѣе рельефно. Заключение по методу согласія проф. Троицкій ставитъ въ связь „съ признакомъ постоянства, отличающимъ причинную связь“. Предположимъ,—такъ разсуждаетъ онъ (Уч. 2. 191),—что въ двухъ или болѣе случаяхъ „предыдущія (явленія) за исключеніемъ одного (или болѣе) не постоянны, то-есть, предшествуя нашему явленію въ одномъ или однихъ случаяхъ, не предшествуютъ ему въ другомъ или другихъ; тогда соответственно указанному свойству причинной связи (то-есть, постоянству) и требованію закона причинности, мы должны были бы прійти къ слѣдующимъ двумъ заключеніямъ: во-первыхъ, что факты непостоянные не могутъ быть причиною нашего явленія; и вторыхъ“, и такъ далѣе. То же повторяется и при разъясненіи того же метода на символахъ: „такъ какъ причина есть постоянное предыдущее, то ею не могутъ быть ни В ни С (то-есть, непостоянныя предыдущія) относительно нашего А“ (Уч. 2. 192). Но постоянство причинной связи, какъ его понимаютъ и какъ единственно только и могутъ понимать при опытномъ изученіи природы, состоитъ лишь въ томъ, что за извѣстною причиною всегда слѣдуетъ извѣстное дѣйствіе, а никакъ не въ томъ, чтобъ извѣстное дѣйствіе слѣдовало только за извѣстною причиною и не могло порождаться какою-либо другою причиною въ отсутствіи первой. А поэтому на основаніи постоянства причинной связи нельзя изъ отсутствія какого-нибудь пре-

дыдущаго въ нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ произошло извѣстное явленіе, заключать, что это предыдущее не могло быть причиной этого явленія въ другихъ случаяхъ. Авторъ черезъ страницу послѣ цитованныхъ словъ самъ говоритъ о множественности причинъ, то-есть, о томъ, что одно и то же явленіе можетъ происходить отъ разныхъ причинъ, но въ такомъ случаѣ какъ же можно изъ отсутствія извѣстнаго предыдущаго въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлать выводъ, что оно не можетъ быть причиною того же явленія въ другихъ случаяхъ, когда находилось въ числѣ его предыдущихъ? Выводъ по методу согласія въ дѣйствительности сложнѣе, чѣмъ какъ его обыкновенно описываютъ.

Укажу нѣсколько примѣровъ менѣе значительныхъ погрѣшностей при изложеніи логическихъ взглядовъ въ книгѣ проф. Троицкаго Сказавъ о значеніи глагола есть какъ связки въ предложеніи, онъ замѣчаетъ (Уч. 1. 73): „Когда глаголь быть и не быть употребляется во временахъ прошедшемъ (былъ) и будущемъ (будеть), онъ разрѣшается подобно другимъ глаголамъ на связку и причастіе, какъ означающій, во первыхъ, утвержденіе или отрицаніе, и вовторыхъ, существованіе“. Въ русскомъ языкѣ не во временахъ только прошедшемъ и будущемъ глаголь быть имѣетъ смыслъ не просто связки, но и существованія; съ тѣмъ же значеніемъ онъ нерѣдко употребляется и во времени настоящемъ; мы говоримъ: „есть Богъ“, „у меня есть книга“, „у моего знакомаго въ саду есть прекрасный цвѣтникъ“. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ „есть“ означаетъ не утвержденіе только, но и существованіе. Единичные термины авторъ опредѣляетъ какъ термины, приложимые только къ одному предмету (Уч. 1. 88), но въ то же время онъ учитъ, что „всѣ единичные термины могутъ быть только подлежащими предложенія“ (Уч. 1. 92). Отчего же такъ? Терминъ „столица Англіи“ приложимъ только къ одному городу, терминъ „величайшая изъ пирамидъ“ приложимъ лишь къ одной пирамидѣ. Но развѣ мы не можемъ высказать сужденій „Лондонъ есть столица Англіи“, „пирамида Хеопса есть величайшая изъ пирамидъ“. „Истинность предложенія и ложность предложенія“, говоритъ авторъ (Уч. 1. 56),— не всегда усматриваются тѣми, кому оно становится извѣстнымъ. Отсюда происходятъ заблужденія (errores) на счетъ истинности или ложности предложеній“. Это не совсѣмъ точно. Изъ одного „неусмотрѣнія истинности“ еще не выйдетъ заблужденія; незнаніе должно сопровождаться простымъ воздержаніемъ отъ сужденія. Неусмотрѣніе истинности дѣлаетъ заблужденіе только возможнымъ, составляетъ только отрицательное условіе его.

Въ „Учебникъ Логикѣ“ проф. Троицкаго встрѣчается не мало матеріала, относящагося въ литературѣ логикѣ. Этотъ матеріалъ состоитъ въ краткомъ изложеніи мнѣній по различнымъ логическимъ вопросамъ, высказывавшихся различными писателями, иностранными и русскими. Встрѣчаются случаи, гдѣ это изложеніе мнѣній принимаетъ видъ исторіи вопроса, конечно, очень краткой и не полной. Иногда авторъ входитъ и въ полемику съ мнѣніями, отличающимися отъ его взглядовъ. Мнѣ кажется, было бы несправедливо ставить автору въ вину, что при этихъ указаніяхъ по исторіи и литературѣ логикѣ очень замѣтно преобладаютъ у него выписки изъ авторовъ того направленія, которое послѣдовательно проводитъ онъ въ своемъ учебникѣ, и что и его историческіе очерки также получаютъ особое освѣщеніе съ точки зрѣнія того же направленія. Все это совершенно понятно и естественно. Но нельзя не сдѣлать упрека автору за полное отсутствіе цитатъ при всѣхъ его ссылкахъ и выпискахъ не только изъ краткихъ учебниковъ, но и изъ болѣе объемистыхъ сочиненій. У читателя легко можетъ возникнуть желаніе ближе ознакомиться съ кратко изложеннымъ въ учебникѣ мнѣніемъ того или другаго автора, и отсутствіе цитатъ, конечно, затруднитъ его въ исполненіи его желанія; одни помѣщенные въ началѣ каждой части учебника перечни книгъ, которые имѣлъ въ виду самъ проф. Троицкій при составленіи своей книги, конечно, очень мало могутъ пособить такому читателю. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ разбросанныя по всѣмъ отдѣламъ учебника свѣдѣнія о мнѣніяхъ различныхъ писателей по различнымъ вопросамъ логикѣ, хотя въ подборѣ ихъ и не видно какого-либо строго опредѣленнаго плана, представляютъ не мало матеріала для знакомства съ литературою науки, особенно англійской и французской, и несомнѣнно стоили труда автору.

Все сейчасъ сказанное, однако, относится не ко всѣмъ указаніямъ по литературѣ и исторіи, которыя встрѣчаются въ рассматриваемомъ сочиненіи, а лишь къ тѣмъ, которыя касаются частныхъ вопросовъ логикѣ. Въ началѣ первой книги „Учебника“ помѣщенъ историко-философскій обзоръ болѣе общаго характера, который имѣетъ дѣло съ философскими ученіями о логическомъ критеріѣ истины и составляетъ содержаніе одной изъ университетскихъ рѣчей профессора Троицкаго. Недостатки этого обзора выступаютъ слишкомъ рельефно, чтобы можно было обойти ихъ молчаніемъ. Стремленіе освѣтить историко-философское движеніе съ точки зрѣнія эмпирическаго направленія едва ли не перешло здѣсь мѣру, которую должны были полагать

ему даже скромныя требованія историческаго безпристрастія. При обзорѣ взглядовъ новаго времени авторъ отъ Локка прямо переходитъ къ Дж.-Ст. Миллю, совсѣмъ не упоминая о Лейбницѣ, ни даже о Кантѣ, какъ будто гносеологическое ученіе послѣдняго не имѣло рѣшительно никакихъ основаній, какъ будто оно не заслуживаетъ даже нѣсколькихъ словъ хотя бы для разъясненія его несостоятельности. Это умолчаніе о „Критикѣ чистаго разума“ производитъ особенное впечатлѣніе въ виду эпитетовъ „безсмертное“, „знаменитое“, „величайшее въ нашемъ столѣтіи“, которые такъ охотно даетъ авторъ произведеніямъ мыслителей, болѣе близкихъ ему по направленію; умолчать о Кантѣ едва ли было удобно и въ виду того, что при обзорѣ философскихъ взглядовъ древняго міра, авторъ упоминаетъ даже о философахъ, которымъ принадлежитъ довольно скромное мѣсто въ исторіи занимающаго его вопроса. Иначе авторъ относится, по видимому, къ противникамъ эмпиризма въ древнемъ мірѣ. Сократъ и Платонъ упоминаются и причисляются даже къ величайшимъ философамъ древности. Однако, это безпристрастіе совершенно особаго рода. Тотчасъ же оказывается, что это величіе Сократа и Платона не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ развитіемъ вопроса о критеріѣ истины, исторію котораго слѣдитъ проф. Троицкій. „Взглядъ Сократа и Платона на критерій истины“, слѣдуетъ разъяснить онъ,—„не былъ совершенною новостію въ исторіи греческой философіи... Сократъ и Платонъ, въ борьбѣ съ софистами, обратились къ ученію о томъ же предметѣ элейской школы... Они настойчиво утверждаютъ вѣрность элейскаго положенія, что человѣческая способность умозаключеній имѣетъ независимыя отъ чувствъ, или данныхъ опыта, средства обоснованія и повѣрки выводовъ“. Правда, при этомъ отмѣчается авторомъ и нѣкоторая разность въ ученіи Сократа и Платона отъ элейскихъ взглядовъ. „Средства эти“, говоритъ онъ,—„по ученію Сократа и Платона прирождены уму человѣка и заключаются не только въ общемъ понятіи о бытіи,—какъ у элейцевъ,—но и во всѣхъ другихъ общихъ понятіяхъ людей“; онъ не опускаетъ даже этого случая, чтобъ упомянуть „о поразительной прелести“, съ какою описываетъ Платонъ свой міръ идей. Но вся эта красивая обстановка только сильнѣе оттѣняетъ суровую мысль, что въ исторіи вопроса, который составляетъ предметъ разсужденій автора, Сократъ и Платонъ никакого значенія не имѣютъ. Эта мысль сначала является въ осторожной формѣ. Рѣшался утверждать, что „усвоеніе элейскаго взгляда на силы человѣческаго ума, независимыя отъ опыта, не было поддержано у Сократа и Пла-

тона никакими новыми доказательствами“, авторъ предусмотрительно прибавляетъ „выдерживающими строгую оцѣнку“. Эта оговорка предназначается, очевидно, для той цѣли, чтобы обезоружить читателя знакомаго съ дѣломъ, который слишкомъ изумился бы смѣлости утвержденія объ отсутствіи всякихъ новыхъ доказательствъ основнаго взгляда у Платона: на недоумѣніе такого читателя оговорка и даетъ косвенный отвѣтъ, разъясняя, что дѣло идетъ лишь о доказательствахъ, выдерживающихъ оцѣнку, и притомъ еще строгую. Но эта прибавка нисколько не помѣшала самому автору совсѣмъ обойти молчаніемъ какія бы то ни было доказательства Платона, какъ будто дѣло не въ томъ, что они не выдерживаютъ строгой оцѣнки, а въ томъ, что они ровно никакого значенія въ исторіи вопроса не имѣютъ. Она даже не помѣшала ему черезъ нѣсколько строкъ рассуждать такъ, какъ будто никакой такой прибавки имъ совсѣмъ сдѣлано не было. Сказавъ, что разъясненныя Сократомъ и Платономъ способы обработки понятій не касались основнаго пункта ученія ихъ объ особыхъ средствахъ человѣческаго ума къ познанію, онъ продолжаетъ: „въ этомъ пунктѣ ученіе обоихъ философовъ не могло вполне опираться факте на тотъ бѣдный, чисто формальный критерій истины, на который опиралась элейская школа“ (Уч. 1. 8—10). Такимъ образомъ, если о Платонѣ и Сократѣ авторъ и упоминаетъ, то въ сущности лишь за тѣмъ, чтобы дать понять читателю, что въ отношеніи по крайней мѣрѣ къ самому существенному вопросу у нихъ, въ сличеніи съ ихъ предшественниками, чего-либо совершенно новаго нѣтъ, что доказательства ихъ взглядовъ не заслуживаютъ даже разъясненія, что, наконецъ, въ основномъ пунктѣ ихъ ученія оказывается лишь дефицитъ сравнительно съ ученіемъ школы элейской. Но довольно объ историческомъ безпристрастіи автора. Обратимся къ его разъясненіямъ философскихъ ученій въ томъ же очеркѣ.

Ученіе Декарта объ очевидности онъ хочетъ поставить въ историческую связь съ изслѣдованіями Бэкона о научныхъ методахъ. „Методы науки“, говоритъ онъ, — „указанные Бэкономъ и признанные бесспорными, могутъ быть отдѣлены отъ методовъ не научныхъ, или не строго научныхъ, одною характеристикю, это — методы очевидности.... Разъ была подмѣчена эта характеристическая природа критерія истины, послѣдующіе мыслители не замедлили подвергнуть тщательному изслѣдованію его различныя стороны“. Перечисливъ затѣмъ различныя вопросы, касающіеся очевидности, авторъ заканчиваетъ свои мысли словами: „на этихъ вопросахъ оста-

новили свое вниманіе философы, слѣдовавшіе за Бэкокомъ, и прежде всѣхъ другихъ — Декартъ“ (Уч. 1. 19). Авторъ, къ сожалѣнію, не разъясняетъ, какими историческими указаніями онъ пользуется для того, чтобы заключать, что Декартъ на методы Бэкона смотрѣлъ какъ на методы очевидности, или чтобы онъ рассуждалъ объ очевидности, потому что на научныхъ методахъ, разъясненныхъ Бэкономъ, „была подмѣчена эта характеристическая природа критерія истины“. Декартъ ищетъ знанія, стоящаго выше всякихъ философскихъ сомнѣній, такихъ сомнѣній, которыя не приходили даже на мысль Бэкону, и съ которыми безсильны бороться методы Бэкона. Очевидность является у него какъ открытое имъ свойство первой найденной имъ, стоящей выше всѣхъ такихъ сомнѣній, истины. Она даже не исходный пунктъ его изслѣдованія, а только одинъ изъ первыхъ его результатовъ, которымъ онъ пользуется при установленіи дальнѣйшихъ истинъ. Къ своему изслѣдованію онъ потому и приступаетъ, что не видитъ, чтобы кѣмъ-нибудь были указаны дѣйствительно научные методы, не оставляющіе мѣсто сомнѣніямъ, особенно въ философіи и познаніи внѣшняго бытія. Его описаніе сомнѣнія и исканія истины были бы пустыми словами, еслибъ онъ былъ увѣренъ, что кѣмъ-нибудь былъ подмѣченъ уже критерій истины, или что кѣмъ-нибудь уже были найдены методы, несомнѣнно ведущіе къ истинѣ, на которыхъ легко и удобно подмѣтить такой критерій. Въ виду всего этого устанавливаетъ историческій переходъ отъ методовъ Бэкона и ихъ очевидности къ ученію Декарта объ очевидности, — устанавливаетъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ дѣлаетъ это проф. Троицкій, вѣжета мнѣ нѣсколько смѣлымъ. Еще болѣе недоумѣній вызываютъ взгляды автора „Учебника“ на область непосредственно очевидныхъ истинъ у Декарта. „Съ его (Декарта) точки зрѣнія“, говоритъ онъ, — къ вещамъ очевиднымъ принадлежитъ прежде всего все то, что называлось еще въ древности и также называется теперь явленіями внутренними и внѣшними. Въ сферу очевидности входятъ, по Декарту, усматриваемыя прямымъ образомъ отношенія между понятіями и терминами, напримѣръ, между понятіемъ мышленія и понятіемъ существованія“ (Уч. 1. 21). Нѣсколько строкъ ниже онъ говоритъ, что основою всѣхъ изслѣдованій Декартъ „объявляетъ факты прямого сознанія въ соединеніи съ услугами языка“. Было бы желательно знать, гдѣ онъ нашелъ у Декарта объявленіе „услугъ языка“ за основы знанія. И если этимъ названіемъ онъ хотѣлъ лишь съ своей

точки зрѣнія характеризовать то, что выше назвалъ отношеніемъ между понятіями (не даромъ прибавлено тамъ „и терминами“), то желательно было бы знать, не къ этимъ ли услугамъ языка нужно отнести также и положеніе, напримѣръ, причинности, которое, несомнѣнно, Декартъ относилъ къ непосредственно очевиднымъ истинамъ, и которое, конечно, проф. Троицкимъ не причисляется къ тому, „что называлось еще въ древности и также называется теперь—явленіями внутренними и внѣшними“? Стараясь сблизить Декарта съ Бэкономъ въ ученіи о непосредственной очевидности, авторъ говоритъ: „Основую всѣхъ изслѣдованій Бэконъ призналъ опытъ, наблюденіе; этою основою Декартъ объявляетъ факты прямаго сознанія въ соединеніи съ услугами языка. Между обоими философами нѣтъ замѣтной разницы, когда дѣло идетъ о вещахъ, которымъ свойственна непосредственная или прямая очевидность“ (Уч. 1. 21—22). Но если мы оставимъ даже въ покоѣ эти „услуги языка“, то все же эта мысль автора представляется не совсѣмъ ясною. Ужели въ самомъ дѣлѣ проф. Троицкому кажется, что нѣтъ замѣтной разницы между сферами непосредственной очевидности у двухъ философовъ, изъ которыхъ одинъ признаетъ явленія внѣшняго чувства непосредственно очевидными единственно только въ качествѣ фактовъ сознанія, а для признанія существованія внѣшнихъ вещей и соответствія ихъ свойствъ нашимъ воспріятіямъ требуетъ особаго доказательства, тогда какъ другой не только признаетъ существованіе внѣшнихъ воспріятій въ качествѣ фактовъ сознанія, но также непосредственно вѣрить и показаніямъ ихъ, какъ относительно существованія внѣшнихъ вещей, такъ и относительно нѣкоторыхъ свойствъ этихъ вещей, напримѣръ, протяженности, движенія, а вѣроятно, и еще нѣкоторыхъ другихъ? Ужели здѣсь для автора разница не замѣтна?

Локкъ признается авторомъ „Учебника“ за одного изъ родоначальниковъ эмпиризма, на „знаменитый“ „Опытъ“ его онъ охотно ссылается и не въ одномъ только своемъ „Учебникѣ логики“. Поэтому особенно странно встрѣтить въ послѣднемъ неточности, и иногда очень крупныя, при изложеніи даже главнѣйшихъ пунктовъ ученія Локка. Неточность встрѣчается уже при самомъ опредѣленіи знанія по Локку. „Знаніе“, говоритъ проф. Троицкій, — „для Локка есть не что иное какъ усмотрѣніе соответствія между идеями предложеній и самими вещами или фактами“ (Уч. 1. 23 — 24). Локково опредѣленіе (IV, 1, § 2) знанія говоритъ лишь объ идеяхъ, а

часть сслхш, отд. 2.

не о вещахъ. Отношеніе къ вещамъ вводится у Локка при опредѣленіи истины, а не знанія (IV, 5, §§ 2 и 5). Введеніе этого добавочнаго отношенія въ опредѣленіе знанія, само по себѣ впрочемъ, существу дѣла не вредило бы, еслибы съ нимъ не соединялись въ опредѣленіи проф. Троицкаго, кромѣ того, двусмысленность и неточность. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать соотвѣтствіе между идеями предложеній и вещами, въ смыслѣ ли соотвѣтствія идей вещамъ, или въ смыслѣ двоякаго соотвѣтствія, во первыхъ, самыхъ идей между собою, во вторыхъ, вещей между собою? Это въ его опредѣленіи остается совсѣмъ неяснымъ. Но и при каждомъ изъ этихъ толкованій, даже если имѣть въ виду, что въ опредѣленіи соединяются понятія знанія и истины, мысль Локка была бы выражена очень неточно. Въ первомъ случаѣ въ опредѣленіи скрадывался бы самый существенный по Локку моментъ въ знаніи—усмотрѣніе согласія между самими идеями, о которомъ онъ никакъ не забываетъ и при своемъ опредѣленіи истины. Во второмъ случаѣ опредѣленіе могло бы внушать ошибочную мысль, будто по Локку есть особые акты усмотрѣнія согласія между вещами, отдѣльные отъ актовъ усмотрѣнія согласія между представленіями. Несравненно важнѣе другая неточность, касающаяся Локкова интуитивнаго знанія. Изъ актовъ этого знанія, по ученію Локка, состоитъ и всякое демонстративное доказательство, а поэтому неправильное представленіе о немъ существенно измѣняетъ смыслъ всего ученія Локка о знаніи. Проф. Троицкій отождествляетъ все интуитивное знаніе Локка съ прямымъ опытомъ и наблюденіями. „Въ умозаключеніи, повторяетъ онъ слова Локка, — „каждый шагъ, приближающій къ истинѣ, имѣетъ достовѣрность интуитивную, то-есть“, прибавляетъ онъ уже отъ себя, — „прямаго опыта, внѣшняго или внутренняго, чувственнаго или умственнаго“ (Уч. 1. 24) ¹⁾. „Ученіе Локкане разъяснило въ подробностяхъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (Уч. 1. 25—26), — „почему никакая косвенная очевидность... не возможна безъ прямой или интуитивной—безъ различнаго рода наблюденій или опыта“. Это отождествленіе всего Локкова интуитивнаго значенія съ наблюденіями и опытомъ ставится имъ какъ неизбѣжный и очевидный выводъ изъ ученія Локка объ опытномъ происхожденіи всѣхъ простыхъ идей. Однако, это не такъ про-

¹⁾ Подъ умственнымъ опытомъ авторъ разумѣетъ также наблюденіе, но только „надъ произведеніями ума,—знаками, ихъ смысломъ, словесностію, литературою, изящными произведеніями искусства“ (Уч. 1. 24).

сто и ясно, какъ, по видимому, представляется это проф. Троицкому. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что опытъ, по ученію Локка, даетъ всѣ идеи простыя, изъ которыхъ образуются и всѣ остальные идеи, такъ что весь матеріалъ знанія заимствуется изъ опыта, и въ этомъ смыслѣ опытъ можно назвать источникомъ всего знанія. Но знаніе по Локку есть усмотрѣніе не идей, а связи и согласія или несогласія и несомвѣстности идей. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Когда вообще отождествляютъ сужденіе съ прямымъ опытомъ и наблюденіемъ, и точно также, когда на точкѣ зрѣнія проф. Троицкаго, то-есть, чистаго эмпиризма, говорятъ объ основаніи на опытѣ и наблюденіи послѣднихъ посылокъ знанія, имѣется въ виду не происхожденіе только представлений, соединяемыхъ въ сужденіи, изъ опыта; предполагается, что на фактахъ опыта основано и самое то отношеніе между представленіями, которое утверждается въ сужденіи, такъ что, на примѣръ, единичное сужденіе просто констатируетъ извѣстный случай отношенія фактовъ, общее—основывается на повтореніяхъ также наблюдаемыхъ или данныхъ въ опытѣ отношеній предметовъ или фактовъ. Этотъ ли процессъ Локкъ называетъ знаніемъ? Для Локка то, что онъ въ собственномъ смыслѣ называетъ знаніемъ, потому и имѣетъ непоколебимую твердость, что здѣсь дано усмотрѣніе того или другаго отношенія между идеями; этимъ знаніе отличается отъ мнѣнія, въ которомъ не усматривается, а лишь принимается это отношеніе, то-есть, въ первомъ случаѣ сужденіемъ констатируется въ предметахъ то и только то, что обнимается и усматривается въ идеяхъ устремляемымъ на нихъ и вникающимъ въ нихъ сознаніемъ, а во второмъ сужденіе идетъ далѣе этихъ границъ и поэтому-то именно уже непоколебимой твердости имѣть не можетъ. Но Локкъ ни въ какомъ случаѣ не былъ на столько поверхностнымъ мыслителемъ, чтобы не понять, что тамъ, гдѣ общее сужденіе устанавливается на основаніи наблюденій и опыта, на основаніи повторенія частныхъ фактовъ, утвержденіе идетъ далѣе того, что обнимается устремленнымъ на идеи и вникающимъ въ нихъ сознаніемъ, такъ какъ всѣхъ частныхъ предметовъ, подходящихъ подъ общее представленіе, исчерпать никогда нельзя, а общее, какъ общее, ни въ какомъ наблюденіи дано быть не можетъ. Отсюда общее сужденіе, если оно должно быть точнымъ знаніемъ, а не мнѣніемъ, усмотрѣніемъ, а не простымъ принятіемъ истины, никогда, по его взгляду, не можетъ быть основано на данныхъ въ опытѣ или наблюденіи фактовъ того отношенія, которое констатируется мыслію, не мо-

жетъ быть основано на фактахъ даже въ томъ случаѣ, когда оно говоритъ о соединимости или несоединимости представленій въ предметахъ. Оно для него есть всегда результатъ мыслящаго сознанія, устремленнаго на самое содержаніе общихъ идей, и опредѣляется исключительно этимъ содержаніемъ идей. Локкъ рѣшительно утверждаетъ, что правильный методъ знанія состоитъ въ разсмотрѣніи отвлеченныхъ идей, такъ какъ общія и несомнѣнныя истины единственно основываются на свойствахъ и отношеніяхъ такихъ идей (IV, 12, § 7) и служатъ для него достаточнымъ завѣреніемъ невозможности точнаго знанія въ томъ или другомъ опредѣленномъ случаѣ, если онъ видитъ, что его нельзя извлечь изъ разсмотрѣнія соответствующихъ идей (IV, 6, § 9). Отсюда и соверпательное (интуитивное) знаніе есть для него результатъ также устремленія мысли на самыя идеи, съ тѣмъ различіемъ отъ другаго знанія, что здѣсь она устремлена только на тѣ идеи, отношеніе между которыми устанавливается въ сужденіи и не нуждается въ другихъ; поэтому истина познается здѣсь съ перваго взгляда на идеи, безъ всякаго сомнѣнія или какъ-либо изслѣдованій (IV, 2, § 1); при общихъ сужденіяхъ это, очевидно, процессъ, не имѣющій ничего общаго съ процессами индуктивными, опредѣляемый исключительно содержаніемъ идей, хотя приобрѣтеніе самыхъ идей и совершается съ строгою постепенностію. Эта зависимость установки отношеній между идеями въ сужденіяхъ общихъ не отъ фактической данности этихъ отношеній въ извѣстныхъ случаяхъ, а отъ вниканія мыслию въ самое содержаніе идей, глубоко входитъ въ теорію Локка. Оно послѣдовательно ведетъ его къ различенію идей, допускающихъ и не допускающихъ знаніе. Ясность идей ставится въ качествѣ неизбежнаго требованія отъ идей, допускающихъ познаніе отношеній между ними (IV, 2, § 15, IV, 12, § 14). Но требуется не одна только ясность вообще идей; требуется кромѣ того, чтобы идеи въ самой своей природѣ заключали отношеніе свое къ другимъ идеямъ, и гдѣ этого нѣтъ, тамъ знаніе не возможно (IV, 3, § 10). Этимъ именно объясняется у Локка скудость нашего знанія о соединимости или несоединимости свойствъ въ предметахъ: идеи формы, величины, движеній мельчайшихъ частицъ въ предметѣ, отъ которыхъ зависитъ возникновеніе въ насъ ощущеній цвѣтовыхъ, звуковыхъ и т. п., не носятъ на себѣ никакой понятной для насъ связи съ послѣдними (—только всемогуществу Божественному угодно было установить правильную послѣдовательность послѣднихъ за первыми—); а потому знаніе связи однихъ съ другими для насъ не возможно (IV, 3, § 13).

На оборотъ, въ идеяхъ математическихъ и въ идеяхъ, на которыхъ основана мораль, хотя по Локку онѣ представляютъ свободныя, то-есть, независимыя отъ опыта комбинаціи получаемыхъ опытно простыхъ идей, существуютъ нужныя для знанія свойства, а потому здѣсь точное знаніе вполне возможно (IV, 3, § 18). Но этого мало. Опыты, наблюденія и т. п., на сколько идетъ дѣло не о приобрѣтеніи матеріала для знанія, а о самомъ знаніи, то-есть, объ усмотрѣніи согласія или несогласія между представленіями, и именно при установленіи сужденій общихъ, вмѣсто того, чтобы отождествляться съ знаніемъ, рѣшительно противопоставляются ему. Твердо настаивая на томъ, что общаго знанія мы можемъ искать только въ нашемъ умѣ, въ изслѣдованіи нашихъ представленій, что истины, касающіяся сущности вещей, то-есть, общихъ идей, вѣчны и основаны единственно на разсмотрѣніи этой сущности, Локкъ, въ противоположность этому опыту, предоставляетъ лишь познаніе существованія вещей и говоритъ, что при помощи экспериментовъ и наблюденій не идутъ далѣе частныхъ (IV, 3, § 31; IV, 6, § 16). Онѣ предоставляетъ опыту, экспериментамъ, наблюденіямъ и т. под. только тѣ области или стороны въ предметахъ, гдѣ не возможно извлечь надлежащаго знанія изъ самыхъ идей, и хотя онѣ ни въ какомъ случаѣ не склоняетъ отрицать или умалять значеніе въ жизни человѣка этого обращенія къ опыту и наблюденіямъ, однако никогда не опускаетъ случая предостеречь отъ ложной надежды достигнуть такимъ путемъ знанія въ собственномъ смыслѣ; ни надлежащей точности, ни надлежащей общности результаты такихъ опытныхъ изслѣдованій, по его взгляду, никогда имѣть не могутъ, а потому и знаніемъ въ собственномъ смыслѣ назваться не могутъ (IV, 6, §§ 13, 15; IV, 12, §§ 9—10; IV, 3, §§ 14, 26, 29). Въ виду всего этого отождествлять все созерцательное знаніе Локка съ прямымъ опытомъ и наблюденіями безъ точнаго разъясненія дѣла, не проговориться ни однимъ словомъ о существенной разницѣ его взглядовъ съ взглядами чистаго Миллевскаго эмпиризма, которому съ буквальною точностію слѣдуетъ проф. Троицкій, на оборотъ ставить дѣло такъ, какъ будто въ вопросахъ о знаніи непосредственно очевидномъ, въ ученіи о послѣднихъ послыкахъ знанія у Локка не предполагается никакого различія отъ взглядовъ эмпиризма,—это значить или не имѣть яснаго представленія о важнѣйшей сторонѣ гносеологическаго ученія Локка, или давать несомнѣнные поводы въ возбужденію ошибочнаго представленія о немъ у читателей. Правда, недоразумѣніе въ пониманіи гносеологическихъ взглядовъ Локка бы-

вали и прежде и не исчезли до настоящаго времени. Но отъ кого же бы и ждать разъясненій остающихся еще недоразумѣній, если не отъ тѣхъ лицъ, которыя, провозглашая величіе Локка, такъ охотно обращаются къ его „знаменитому“ „Опыту“? И не странно ли здѣсь-то именно и встрѣтить не разъясненіе, а усложненіе недоразумѣній? Но у проф. Троицкаго находимъ, сверхъ того, довольно крупныя неточности даже при изложеніи такихъ пунктовъ ученія Локка, которые, казалось бы, совсѣмъ не даютъ повода для недоразумѣній. Отожествивъ Локкову интуитивную достовѣрность съ прямымъ опытомъ, онъ продолжаетъ: „а изъ этого слѣдуетъ, что очевидность косвенная не можетъ выйдти изъ предѣловъ опыта, то-есть, признанія явленій и существованія являющихся вещей, безъ всякой надежды разумѣнія послѣднихъ, какъ онѣ есть въ себѣ“ (Уч. 1. 24). На слѣдующей страницѣ еще яснѣе говорится объ ограниченіи у Локка „прямой и косвенной очевидности предѣлами явленій и существованія ихъ неизвѣстныхъ причинъ“ (Уч. 1. 25); то же, только въ другихъ словахъ, повторяется опять черезъ нѣсколько строкъ. Значить, это не случайная неточность выраженія. И тѣмъ не менѣе, это не вѣрно. Правда, знаніе реальныхъ причинъ явленій, по ученію Локка, очень ограничено. Знаніе субстанцій, то-есть, того внутренняго единства, которое связуетъ свойства и состоянія и лежитъ въ ихъ основаніи, совсѣмъ не возможно; самое познаніе свойствъ и состояній этихъ реальныхъ причинъ явленій также кажется ему очень ограниченнымъ. Но все же оно возможно, по его взгляду, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ. Локкъ знаетъ Бога, какъ существо вѣчное, въ высшей степени могущественное и премудрое, какъ бытіе невещественное. Онъ считаетъ доказательство существованія причины міра съ такими именно свойствами столь же очевиднымъ, какъ доказательство геометрическихъ теоремъ, и посвящаетъ ему цѣлую главу въ своемъ „Опытѣ“ (IV, 6). Онъ признаетъ бытіе Бога въ числѣ необходимыхъ основоположеній морали, а мораль, на ряду съ математикой, относитъ онъ къ точному знанію (I, 3, § 15; I, 4, § 8; IV, 3, § 18). Когда проф. Троицкій говоритъ объ ограниченіи у Локка знанія явленіями и существованіемъ неизвѣстныхъ причинъ, онъ, нужно думать, забываетъ объ этомъ обстоятельствѣ. Локкъ, кромѣ того, ясно отличаетъ такъ-называемыя первыя свойства тѣлъ отъ свойствъ вторыхъ и силъ, и первыя (Декартовы свойства матеріи съ присоединеніемъ плотности) признаетъ принадлежащими вещамъ въ себѣ независимо отъ нашего воспріятія, и опять этому ученію объ объ-

ективной и субъективной сторонѣ воспріятій посвящаетъ почти цѣлую главу въ своемъ „Опытѣ“ (II, 8, §§ 7—26, слич. II, 23, §§ 9—11). Правда, это соотвѣтствіе нѣкоторой части нашихъ идей дѣйствительнымъ свойствамъ тѣлъ, по его мнѣнію, не сулитъ человѣческому знанію сколько-нибудь глубокаго проникновенія въ тѣла, во первыхъ, потому, что есть вопросы въ отношеніи къ самымъ этимъ дѣйствительнымъ свойствамъ тѣлъ, которые для насъ не разрѣшимы, а во вторыхъ, и главнымъ образомъ потому, что составъ тѣлъ, мельчайшія ихъ части съ ихъ движеніями, отъ которыхъ зависятъ остальные воспріемлемыя свойства и состоянія тѣлъ, мы воспринимать не можемъ. Но знать только „существованіе неизвѣстныхъ причинъ явленій“, конечно, не одно и то же, что знать не только существованіе ихъ, но и нѣкоторыя ихъ общія свойства, считающіяся ихъ несомнѣнною принадлежностію, хотя бы при этомъ и признавалось, что воспользоваться этимъ знаніемъ для болѣе частнаго ознакомленія съ міромъ тѣлъ мы не можемъ. Чтобы доказать совершенную непознаваемость, по ученію Локка, свойствъ вещей, проф. Троицкій приводитъ подлинныя (съ вносными знаками) слова Локка о несоотвѣтствіи нашихъ ощущеній существующему внѣ насъ. По своему обычаю, ссылки онъ не ставитъ. Слова Локка взяты, какъ полагаю, изъ „Опыта“ (II, 8, § 7). Но проф. Троицкій не сличилъ ихъ съ содержаніемъ слѣдующихъ параграфовъ той же главы, и кромѣ того, такъ какъ эти слова, какъ читаются они у Локка, противорѣчатъ его мысли и говорятъ лишь о несоотвѣтствіи вещамъ большей части нашихъ ощущеній, то онъ опускаетъ неудобное для него выраженіе: „большая часть“ и передаетъ мѣсто такъ, какъ будто Локкъ говоритъ просто объ ощущеніяхъ. Такой способъ доказательства своей мысли, конечно, простъ, но обыкновенно къ нему не прибѣгаютъ, потому что онъ считается недозволительнымъ. Не совсѣмъ понятна и еще одна мысль проф. Троицкаго при изложеніи Локкова взгляда. Разсуждая о самоочевидныхъ положеніяхъ у Локка, онъ между прочимъ говоритъ: „Истинность нѣкоторыхъ предложеній усматривается непосредственно: сюда относятся нѣкоторыя утвержденія тождества, разницы и равенства, напримѣръ, „что есть, то есть“, „красное — не синее“, „если отъ равныхъ количествъ отнять равныя количества, остатки будутъ равны“. Такія истины Локкъ называетъ прямыми, непосредственными, интуитивными или наглядными“ (Уч. 1. 23). Въ этихъ словахъ, собственно, двѣ неточности. Интуитивныя истины Локка касаются не тождества только, различія и равенства,

но, несомнѣнно, по ясно выраженному ученію его, и существованія свойствъ въ предметѣ. хотя истинъ послѣдняго рода онъ признаетъ и очень не много (IV, 7, § 5); притомъ же, если изъ того класса истинъ, который Локкъ называетъ знаніемъ отношеній, проф. Троицкій упоминаетъ лишь о равенствѣ, то это ограниченіе едва ли справедливо; въ качествѣ примѣровъ созерцательныхъ истинъ такого рода, Локкъ, правда, обычно приводитъ сужденія равенства (и неравенства); но если обратить вниманіе на то, что къ тому же классу относится у Локка вся мораль, и что для него все демонстративное знаніе разлагается на очевидныя истины, необходимо, мнѣ кажется, придти къ убѣжденію, что созерцательныя истины этого класса не могутъ ограничиваться сужденіями равенства. Впрочемъ, эту неточность въ словахъ автора „Учебника“, по видимому, можно объяснить тѣмъ, что авторъ не имѣлъ въ виду очерчивать точно объемъ интуитивнаго знанія по Локку, а хотѣлъ только характеризовать это знаніе, указавъ на нѣкоторые изъ его видовъ, и лишь выразилъ свою мысль недостаточно опредѣленно. Но уже несравненно труднѣе объяснить другую неточность въ тѣхъ же словахъ. Къ индуктивному знанію, по Локку, онъ относитъ здѣсь нѣкоторые утвержденія тождества и разницы, тогда какъ Локкъ ясно и рѣшительно учитъ, что непосредственное знаніе относительно тождества и различія простирается на всю область представленій, считаетъ его нераздѣльнымъ отъ самой опредѣленности идей въ душѣ и основаніемъ всѣхъ другихъ познавательныхъ процессовъ (IV, 3, § 8; IV, 1, § 4; IV, 7, § 4). Этихъ замѣчаній достаточно, чтобы убѣдиться, что фактическая сторона въ общемъ историко-философскомъ обзорѣ проф. Троицкаго, относящемся къ вопросу о критеріѣ истины, не стоитъ выше, чѣмъ историческое безпристрастіе автора, въ немъ высказавшееся.

М. Каринскій.

Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. П. Дм. Браницева. Вильна. 1889.

Кто не знаетъ и не повторяетъ постоянно, что изученіе западно-русской исторіи есть одна изъ насущнѣйшихъ потребностей и русской науки, и русскаго общества. Сознаніе это въ послѣдніе двадцать слишкомъ лѣтъ не остается однимъ только пожеланіемъ. Постоянно издаются акты, касающіеся исторіи Западной Руси, появляются из-

слѣдованія, проливающія свѣтъ на тѣ или другія стороны этой исторіи. Въ университетахъ открываются чтенія, посвященныя ея общимъ обзорамъ. Въ университетѣ св. Владиміра излагаетъ эту исторію глубокой ея знатокъ В. Б. Антоновичъ, излагаетъ ее въ университетѣ Варшавскомъ Н. П. Барсовъ. Съ прошлаго учебнаго года И. А. Линниченко открылъ курсъ ея въ Московскомъ университетѣ. Въ С.-Петербургскомъ проф. Бершадскій излагалъ исторію литовскаго права, съ которымъ онъ такъ близко знакомъ, что видно изъ его сочиненія „Евреи въ Литвѣ“. Литовскій языкъ также обращаетъ на себя вниманіе преподавателей нашихъ университетовъ. Въ С.-Петербургскомъ его преподаетъ г. Вольтеръ; дерптскій профессоръ И. А. Бодуэнъ де Куртене и казанскій г. Александровъ посвящаютъ ему свои труды. Не смотря на усилія этихъ и другихъ ученыхъ, занимающихся исторіей Западной Руси, все еще многое остается темнымъ и не разъясненнымъ, не только вообще въ исторіи Литовско-Русскаго государства, но даже въ исторіи Малой Россіи, на которую такъ давно обращено вниманіе нашихъ преслѣдователей, и въ области которой и въ настоящее время работаетъ такой высокодаровитый писатель, какъ П. А. Кулишъ. Исторія Галицкой Руси, тоже усердно разрабатываемая, можетъ дать содержаніе еще многимъ новымъ трудамъ. Приступая къ изученію западно-русской исторіи, изслѣдователь прежде всего поражается малымъ количествомъ трудовъ, посвященныхъ критическому изученію ея источниковъ. У насъ нѣтъ даже полнаго обзорннѣя лѣтописей, не только литовскихъ, но и малороссійскихъ; нѣтъ надлежащей оцѣнки Стрыйковского, нѣтъ вполнѣ основательныхъ изслѣдованій генеалогическихъ, всего же прискорбнѣе состояніе литовской миеологии: еще на Кіевскомъ съѣздѣ варшавскій профессоръ Мержинскій пролилъ въ своемъ рефератѣ важный свѣтъ на книгу Ласицкаго „De Diis Samogitarum“, признававшуюся долго за главный источникъ литовской миеологии. Къ сожалѣнію, за нимъ не пошли другіе изслѣдователи. Еще до сихъ поръ отъ времени до времени повторяются сказанія писателей XVI вѣка о литовской миеологии, которая тогда уже почти не существовала. До сихъ поръ еще пользуется авторитетомъ слѣдующій восторженный приговоръ М. О. Кояловича: „Литовская миеология носитъ въ себѣ слѣды глубокой древности и усиленной работы фантазіи, то-есть, слѣды древности и уединенности литовскаго народа. Она совмѣщаетъ въ себѣ идеализацію и роскошь азіатскаго миеа съ выработанностью и законченностью греко-римскаго“ („Лекціи по исторіи Западной Россіи“,

изданіе 1864 года, стр. 103). Конечно, изслѣдователи осторожны еще до реферата проф. Мержинскаго сомнѣвались въ свидѣтельствахъ писателей XVI вѣка и ограничивались болѣе достовѣрными показаніями лѣтописцевъ нѣмецкихъ и русскихъ. Много можно было бы найти и другихъ темныхъ сторонъ въ исторіи Литовской Руси, которая долго обрабатывалась въ извѣстномъ тенденціозномъ направленіи, и памятники которой тенденціозно истреблялись. Вспомнивъ такое положеніе дѣла, вспомнивъ, какъ еще недавно принялась серьезная наука за обработываніе литовско-русской исторіи, мы будемъ имѣть болѣе причинъ радоваться, чѣмъ сожалѣть объ ея пробѣлахъ: растетъ число изслѣдователей, прибавляется масса напечатаннаго матеріала, встаютъ одинъ за другимъ новые научные вопросы. Не можемъ не остановиться по этому поводу на ближайшемъ примѣрѣ: кievскій профессоръ И. В. Лучицкій, много лѣтъ занимающійся сравнительнымъ изученіемъ формъ землевладѣнія, преимущественно въ Западной Руси, напечаталъ недавно въ Сѣверномъ Вѣстникѣ замѣчательную статью о сябрахъ, о которыхъ мы имѣли самыя скудныя свѣдѣнія въ Псковской судной грамотѣ и нѣкоторыхъ западно-русскихъ привилеяхъ. Почтенный изслѣдователь указалъ и происхожденіе, и исторію развитія этой формы землевладѣнія и тѣмъ пролилъ значительный свѣтъ на нѣкоторыя явленія обще-русской исторіи. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что чѣмъ дальше пойдетъ изученіе исторіи Западной Руси, тѣмъ болѣе будетъ открываться намъ чертъ, общихъ не только русскому народу, но и всему славянскому племени. Чѣмъ болѣе будетъ изучаться исторія Западной Руси, тѣмъ яснѣе и нагляднѣе будетъ выступать предъ нами Русь Кіевская, тѣмъ возможнѣе станетъ самое объясненіе велико-русскаго племени и его послѣдующей исторіи. Изъ многообразія отдѣльныхъ и какъ бы противорѣчащихъ явленій встанетъ тогда величавый обликъ русскаго народа. Таковы надежды на будущее развитіе русской исторической науки. Но исторія—не кабинетная наука: ее нельзя ограничить изслѣдованіями и монографіями, у исторіи есть практическія видима польза. „Исторія“—скажемъ мы словами Карамзина—„есть священная книга царей и народовъ“, книга, въ которой настоящее поколѣніе узнаетъ своихъ предковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ и самихъ себя. „Дитя“—говоритъ англійская пословица—„отецъ взрослога челоуѣка“. Прошедшее порождаетъ настоящее. Въ данномъ случаѣ русская публика находится въ грустномъ положеніи: учебники исторіи и даже обширныя историческія сочиненія, посвящая большее вниманіе исто-

риі Восточной Руси, даютъ гораздо менѣ мѣста исторіи Руси Западной. Отдѣльныхъ общихъ сочиненій по исторіи Западной Руси почти не существуетъ. Изъ нихъ едва ли не одно — „Лекціи по исторіи Западной Россіи“ М. О. Колявнича доведено до нашего времени, но сочиненіе это, по краткости срока, даннаго лектору, слишкомъ сокращенно. Еще сокращеннѣе книжка П. К. Щебальскаго, ибо она назначалась для народнаго чтенія. И. Д. Вѣляевымъ было написано два сочиненія по исторіи Западной Руси; четвертая книга его „Разказовъ по русской исторіи“ и „Очеркъ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи“. Но первая изъ нихъ доведена только до Люблинской уніи, а вторая, очень ужъ краткая, доходитъ только до 1386 года. Къ тому же покойный московскій профессоръ, отличавшійся большою начитанностью въ источникахъ и чисто русскимъ чутьемъ, не всегда отличался критическимъ тактомъ. Превосходное сочиненіе В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до смерти великаго князя Ольгерда“, какъ видно изъ самаго заглавія, идетъ весьма недалеко. Весьма умная книга Н. П. Дашкевича „Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства“ есть не что иное, какъ замѣчанія на книгу проф. Антоновича съ нѣкоторымъ взглядомъ на позднѣйшія событія, и то оканчивая Люблинскою уніей. Для людей, начинающихъ заниматься западно-русскою исторіей, въ высшей степени полезно совмѣстное чтеніе этихъ двухъ книгъ, но обзора хода всей исторіи Литовскаго государства онѣ не представляютъ. Вотъ почему мы не можемъ не порадоваться появленію книги, заглавіе которой выписано нами выше.

Книга г. Брянцева удовлетворяетъ настоятельно чувствуемой потребности: она даетъ и учащемуся юношеству, и читающей публикѣ полный и на сколько нужно подробный и обстоятельный очеркъ исторіи литовско-русской, заканчивающейся послѣднимъ польскимъ возстаніемъ и дѣятельностью графа Муравьева. Авторъ ознакомился въ значительной степени съ существующими изслѣдованіями по литовской исторіи и даже обращался къ источникамъ. Конечно, отъ популярнаго обзора, а особенно по предмету, такъ еще мало изслѣдованному, какъ исторія литовская, нельзя требовать полнаго и всесторонняго изученія источниковъ, для котораго потребуются труды цѣлыхъ ученыхъ учреждений, и которое займетъ, вѣроятно, не одно поколѣніе научныхъ дѣятелей. Авторъ—ученикъ В. Б. Антоновича, какъ онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ въ своемъ предисловіи,—положилъ труды и взгляды этого почтеннаго ученаго въ основу своего

собственнаго изложенія. Этимъ понятнымъ пристрастіемъ быть можетъ объясняется и то, что онъ не всегда внимательно относится къ замѣчаніямъ Н. П. Дашкевича. Изложеніе г. Брянцева, ясное и довольно живое, дѣлаетъ чтеніе его книги весьма легкимъ и общедоступнымъ. Распространеніе ея въ школахъ и между людьми образованными, вообще мало знакомыми съ исторіей Западной Руси, было бы весьма желательно. Перейдемъ теперь къ обзорѣню содержанія книги.

Авторъ называетъ сочиненіе свое „Исторіей Литовскаго государства“; можно бы замѣтить, что это заглавіе не совсѣмъ точно. Послѣ Люблинской уніи Литовское государство является составною частью Рѣчи Посполитой, а послѣ паденія Польши оно входитъ въ составъ Русскаго государства. Настоящій предметъ книги г. Брянцева есть судьба Западной Руси, нѣкогда составлявшей Литовское государство. Впрочемъ, это заглавіе нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Исторію Литовскаго государства авторъ дѣлитъ на пять періодовъ: первый—отъ древнѣйшихъ временъ до Миндовга, который онъ называетъ легендарнымъ, второй — до 1386 г. (хотя самъ же онъ замѣчаетъ, что этотъ періодъ продолжается до смерти Витовта), третій—до Люблинской уніи, четвертый—до паденія Польши, пятый—до настоящаго времени. Легендарному періоду авторъ даетъ, намъ кажется, слишкомъ много мѣста. Жаль, что онъ не обратилъ вниманія ни на статью профессора Мержинскаго, ни на замѣчанія Н. П. Дашкевича, что легенды о временахъ, предшествовавшихъ Миндовгу, не народные преданія, а позднѣйшія измышленія книжниковъ. Намъ странно было бы видѣть въ изложеніи начальныхъ страницъ русской исторіи повтореніе разказовъ Синописа или такъ-называемой Іоакимовской лѣтописи, какъ странно видѣть въ наше время въ началѣ французской или англійской исторіи средневѣковья передѣлки троянскихъ сказаній; всему этому есть свое законное мѣсто въ исторіи просвѣщенія тѣхъ вѣковъ, когда эти сказанія появились. Не только измышленія книжниковъ, но даже эпическія сказанія народной поэзіи не могутъ считаться вполнѣ надежными руководителями въ первоначальной исторіи. Правда, что г. Брянцевъ называетъ этотъ переводъ легендарнымъ, какъ бы слѣдуя примѣру великаго историка Греціи Дж. Грота, отдѣляющаго первые тома своей исторіи легендарной Греціи. Но греческія легенды, легшія въ основу религіозной жизни грековъ, составлявшія предметъ культа то мѣстнаго, то всеобщаго, имѣли глубокое вліяніе на развитіе греческой жизни, греческаго

искусства; но конечно, никто не придастъ такого значенія измышленіямъ Стрыйковскаго, или такъ-называемой лѣтописи Быховца, или пресловутаго трактата „De diis Samogitarum“. Если до времени слѣдуетъ оставить изложеніе литовской мѣологіи и такъ-называемыхъ легендъ о Литовскихъ князьяхъ, то едва ли можно считать умѣстнымъ въ популярной книгѣ изложеніе различныхъ мнѣній о происхожденіи литовскаго народа, принадлежащихъ новѣйшимъ ученымъ. Современное языкованіе ясно указало на мѣсто литовскаго народа въ ряду другихъ народовъ арійскихъ. Передачей его указаній и должна была ограничиться роль популярнаго изложенія. Въ этомъ же отдѣлѣ своего труда авторъ останавливается на общественной жизни литовцевъ. Въ этомъ вопросѣ онъ руководствуется главнымъ образомъ указаніями В. Б. Антоновича, дополняя ихъ подробностями, которыя иногда быть можетъ слѣдовало бы тоже подвергнуть критическому изслѣдованію, и быть можетъ, нѣкоторые изъ выводовъ почтеннаго кievскаго профессора слѣдовало бы ограничить умными замѣчаніями Н. П. Дашкевича. Здѣсь же авторъ излагаетъ отношенія Литвы къ сосѣднимъ народамъ. Что касается до Россіи и Польши, то разказъ свой авторъ основываетъ на точныхъ показаніяхъ лѣтописей, вопросъ же о сношеніяхъ съ Скандинавіей еще требуетъ болѣе обстоятельнаго изученія. Что норманны появлялись на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе здѣсь все еще темно и ждетъ новыхъ розысканій. Вообще въ этомъ отдѣлѣ слѣдовало бы обратить болѣе вниманія на замѣчанія Н. П. Дашкевича о различіи литовскихъ племенъ по ихъ географическому положенію.

Со вступленіемъ въ историческое время разказъ г. Брянцева становится живѣе и интереснѣе. Быть можетъ, слѣдовало бы опустить едва ли не мѣническаго Рингольда, будто бы отца Миндовга, и столь же мѣническаго Литавера, будто бы отца Гедимина. Вообще, отношенія Гедимина къ Витену еще вопросъ: А. И. Никитскій считалъ его братомъ Витена, а В. Г. Васильевскій—сыномъ того же Витена; вопросъ этотъ чисто палеографическій ¹⁾, и потому допускаетъ до сихъ поръ различныя толкованія.

Жаль также, что П. Д. Брянцевъ, говоря о первоначальныхъ владѣніяхъ Миндовга, не обратилъ вниманія на замѣчаніе Н. П. Даш-

¹⁾ Мнѣніе основано на грамотѣ рижанъ къ Гедимину, гдѣ слово, обозначающее отношеніе князей, не разборчиво, отчего можно читать и *frater*, и *pater*.

кевича, что Черная Русь едва ли принадлежала ему съ самаго начала. Въ общемъ своемъ взглядѣ на первоначальную историческую пору Литовскаго государства нашъ авторъ держался остроумнаго замѣчанія В. Б. Антоновича о борьбѣ въ этомъ государствѣ началъ литовскаго и русскаго. Онъ, быть можетъ, смягчилъ бы свое воззрѣніе, еслибы припомнилъ слѣдующее замѣчаніе Н. П. Дашкевича: „... Существенный мотивъ литовско-русской исторіи — борьба народныхъ стихій въ великомъ княжествѣ Литовскомъ: конечно, въ ней главный интересъ его исторіи, но только не съ начала XIV столѣтія, а съ конца этого вѣка. Въ противномъ случаѣ было бы не возможно образованіе этого государства. До конца XIV столѣтія не видно, чтобы различіе бытовыхъ началъ приводило къ политической розни, къ борьбѣ; напротивъ, Литва поддадала въ значительной степени вліянію русской культуры“ („Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства“, стр. 100). Припомнимъ еще домыслъ Бѣляева о ранней русской колонизаціи въ литовскихъ земляхъ. Одинъ изъ критиковъ моей „Русской исторіи“ упрекалъ меня за то, что я не обратилъ вниманія на борьбу литовскаго и русскаго элементовъ еще до 1386 года; но тѣ листы моей книги, въ которыхъ говорится объ исторіи литовской, были отпечатаны ранѣе появленія книги В. Б. Антоновича. Впрочемъ даже, еслибы этотъ домыселъ и былъ мнѣ извѣстенъ, я, конечно, упомянулъ бы о немъ, но съ нимъ бы не согласился. Переходя къ Гедимину, П. Д. Брянцевъ принимаетъ мнѣніе проф. Антоновича о невѣрности извѣстій лѣтописцевъ, которые говорятъ, что Гедиминъ завоевалъ Кіевъ. Въ этомъ случаѣ и я считаю мнѣніе проф. Антоновича болѣе вѣскимъ, чѣмъ мнѣніе проф. Дашкевича, не смотря на все остроуміе его соображеній. Ольгерда и Кейстута нашъ авторъ характеризуетъ совершенно такъ же, какъ и проф. Антоновичъ; но мы должны признаться, что блестящая характеристика уважаемаго кіевскаго профессора нѣсколько теряется въ новой передачѣ. Приступая къ описанію событій 1386 года, авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи Польши, что составляетъ полезнѣйшую необходимость. Говоря о назначеніи Сьиргайла великимъ княземъ Литовскимъ, авторъ напрасно не обратилъ вниманія на изслѣдованіе А. И. Барбашева, доказавшаго, по моему мнѣнію, совершенно убѣдительно, что такого назначенія никогда не было. Въ характеристикѣ Витовта авторъ нашъ очень близко подходитъ къ мнѣнію объ этомъ великомъ князѣ, высказанному проф. Дашкевичемъ. Оба они не сомнѣваются въ широкомъ умѣ Витовта, но оба не призна-

ютъ его великимъ государственнымъ человекомъ. Нельзя, конечно, не сознаться въ томъ, что Витовтъ своею постоянною перемѣною вѣры не могъ не возбудить сомнѣній въ себѣ во всѣхъ частяхъ Литовскаго государства. Жаль только, что авторы эти мало обратили вниманія на отношеніе Витовта къ гусситству и на его стремленіе къ религиозной уніи, въ которой Витовтъ видѣлъ средство примирить различные элементы населенія. Мысль эта, конечно, оказывается вполнѣ ложною, но она чрезвычайно характеристична для опредѣленія значенія Витовта. Онъ ошибался, конечно, и особенно ярка эта ошибка въ то время религиозныхъ распрій. Дальнѣйшая исторія Литвы ясно показала намъ весь вредъ такихъ попытокъ. Говоря о Витовтѣ, не можемъ не замѣтить, что авторъ нашъ напрасно пользуется дневникомъ Кибурга, ибо, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія, ему очень хорошо извѣстно, что дневникъ этотъ былъ доказательно заподозрѣнъ В. Г. Васильевскимъ, который основательно обвинялъ М. П. Смирнова за пользованіе этимъ дневникомъ: признавать его, конечно, позволительно было въ не критическое время Нарбута, но воспроизводить его въ наше время нѣсколько странно. У нѣкоторыхъ историковъ, иногда даже пользующихся большою популярностью, водится обычай не слишкомъ внимательно приглядываться къ историческимъ свидѣтельствамъ, лишь бы только они сообщали интересныя и красивыя подробности. Такое отношеніе къ дѣлу едва ли позволительно историческимъ романистамъ и совершенно не позволительно историкамъ. Время отъ Витовта до Люблинской уніи изложено довольно хорошо въ разбираемой нами книгѣ. Самая исторія уніи обставлена весьма обстоятельно, и тутъ же, въ концѣ періода, изложено появленіе іезуитовъ въ Польшѣ. Здѣсь бы, по нашему мнѣнію, слѣдовало охарактеризовать вообще дѣятельность ордена, а то онъ какъ бы съ неба падаетъ на Польшу. Приступая къ изложенію уніи, авторъ дѣлаетъ очеркъ тѣхъ измѣненій, которыя введены въ устройство Литовскаго государства постепеннымъ сближеніемъ его съ Польскимъ. Въ этомъ очеркѣ мы желали бы болѣе точнаго разграниченія различныхъ слоевъ общественныхъ: слова—дворянствъ, бояринъ употребляются авторомъ такъ, что читатель не всегда можетъ знать, о чемъ здѣсь именно идетъ рѣчь, не говоря уже о томъ, что бояре далеко не на всемъ пространствѣ Литовскаго государства имѣли одно и то же значеніе. Иное дѣло—бояре книжескіе, иное дѣло—бояре въ такомъ старомъ вѣчевомъ городѣ, какъ Полоцкъ. Трудно уловить въ одну формулу пестрый строй Литов-

скаго государства. Если большіе удѣльные князья прекратились при Витовтѣ и особенно при Казимирѣ, то сколько мелкихъ князей и пановъ, пользовавшихся княжескими правами, сохранилось въ Литовской землѣ, составляло ея верхній слой. Къ могуществу и значенію этихъ князей и пановъ чувствовали особенное влеченіе наши московскіе перебѣжчики. Ихъ положеніе было идеаломъ, носившимся передъ глазами московскихъ князятъ XVI вѣка. И не для нихъ была привлекательна возможность приписки къ польскимъ гербамъ, которая, очевидно, не имѣла значенія только простой формальности. Къ одному гербу, въ тѣ дальнія времена Польши, принадлежали и знатные, и не знатные роды. Очевидно, приписка къ гербу имѣла такой же смыслъ, какой имѣло присоединеніе къ тому или другому шотландскому клану. Ясно, что для низшаго дворянства, если можно употребить это выраженіе, равняющагося польской шляхтѣ, Люблинская унія была весьма желательна. До уніи даваемыя шляхтѣ права не имѣли никакого значенія. Сеймики шляхты, которые заведены были въ Литвѣ, не имѣли тамъ никакого успѣха. „Что же касается до того, чтобъ литовцамъ созывать сеймики“, говорилъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Подлѣскій воевода Костецкій, — „то противъ этого я скажу, что тамъ вовсе не было сеймиковъ со времени Парчевскаго сейма. Сеймики тамъ odbyваются иначе, чѣмъ у насъ, господа; тамъ пріѣзжаютъ на сеймики только воевода, староста, да хорунжіи; напишутъ, что имъ вздумается, и пошлютъ къ земанину на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то его отдаютъ палками... Тамъ шляхта ни въ какихъ совѣщаніяхъ не участвуетъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ, что хотятъ“. То же подтверждаетъ и посольскій маршалъ (предсѣдатель) Чарнковскій: „Тамъ шляхта не ѣздитъ на сеймики, какъ у насъ, а пріѣдутъ — воевода, кастелинъ, староста и пошлютъ потомъ шляхтѣ постановленное ими для подписи и приложенія печати, и если кто не приложитъ печати, то пригрозятъ палкой“.

Въ числѣ элементовъ, помогавшихъ соединенію Литвы съ Польшей, слѣдовало бы упомянуть о полякахъ, поселившихся въ Литвѣ, о чемъ можно найти любопытныя свѣдѣнія у проф. Дашкевича, стр. 148—149. Укажемъ еще нѣсколько мелкихъ неточностей. Правда ли, что братства появились только при Казимирѣ Ягайловичѣ? (стр. 291). Не слѣдовало ли, хотя отмѣтить здѣсь существованіе братчинъ, упоминающихся въ юридическихъ актахъ Восточной Руси и въ народныхъ пѣсняхъ? Не въ нихъ ли начало братствъ? Въ другомъ мѣстѣ авторъ

относить появленіе братствъ къ эпохѣ Сигизмунда I (стр. 406) и приписываетъ основаніе ихъ западному вліанію. Конечно, не лишено основанія замѣчаніе П. А. Кулиша, что на братства оказали вліаніе протестанты польскіе; но самый институтъ этотъ долженъ имѣть корни въ народной жизни. Нашъ авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ ту громадную роль, которую имѣлъ народъ старо-русскихъ земель въ дѣлахъ духовныхъ. Отъ кого происходятъ князья Бѣльскіе? На стр. 212 они—Рюриковичи, на стр. 293—Гедиминовичи. Производить Острожскихъ отъ Данила Галицкаго совсѣмъ уже не приходится послѣ изслѣдованія Максимовича, хотя конечно, и его производство Острожскихъ отъ князей Пинскихъ тоже ничѣмъ не подтверждается. Въ такомъ случаѣ лучше вмѣстѣ съ Бартошевичемъ признать, что происхожденіе Острожскихъ совсѣмъ не извѣстно. Кстати о Галицкихъ князьяхъ: еще изъ книги проф. Дашкевича авторъ могъ бы убѣдиться, что Юрій II есть не иной кто, какъ Болеславъ Тройденевичъ. Подробное доказательство этого онъ могъ бы найти въ изслѣдованіяхъ г. Лонгинова въ Читеніяхъ Моск. Историческаго Общества. Князь Александръ Нелюбъ точно ли князь Ольшанскій? Это догадка С. М. Соловьева, а Бартошевичъ его не знаетъ. Московскій воевода въ 1500 г. звался не Кашнинъ, а Кошкинъ; жена Іоанна Младого, дочь Молдавскаго господаря, звалась не Софья, а Елена. Сынъ Александра Невскаго, первый княжившій въ Москвѣ, назывался не Дмитрій (стр. 294), а Данилъ. Жмудскаго старосту на Люблинскомъ сеймѣ авторъ называетъ то Котовичъ, то Хоткевичъ, подавая тѣмъ поводъ читателю считать одно лицо за два.

Время, наступившее послѣ Люблинской уніи, излагается авторомъ какъ бы эпизодически, что и понятно въ виду того, что Литва въ ту пору перестала быть самостоятельнымъ политическимъ тѣломъ, а сдѣлалась составною частью Рѣчи Посполитой. Представляя разказъ ясный и обстоятельный, изложеніе г. Брянцева въ этой части его книги имѣетъ, по нашему мнѣнію, одинъ существенный недостатокъ: авторъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги рисуетъ намъ поразительныя картины неурядицы, господствовавшей въ Рѣчи Посполитой, но фонъ, на которомъ выходитъ эта картина, остается для насъ темнымъ, потому что авторъ не счелъ нужнымъ остановиться на главныхъ чертахъ государственнаго строя Рѣчи Посполитой. Извѣстная ему книга проф. Карѣева о польскомъ сеймѣ дала бы ему много драгоценныхъ указаній. Роль сеймиковъ, значеніе депутатовъ на сеймахъ („пословъ“), инструкціи, которыя они приносили съ собою, извѣстныя

часть сслхнн, отд. 2.

и для Литовскихъ земель изъ „Архива Юго-Западной Руси“, могли бы послужить драгоценнымъ матеріаломъ для общей политической картины Рѣчи Посполитой. Въ своемъ изложеніи авторъ останавливается главнымъ образомъ на вопросѣ объ уніи и вообще на положеніи церкви. Такъ какъ вопросы эти наиболѣе разработаны въ русской исторической литературѣ, то такое положеніе дѣла благоприятно отразилось и на книгѣ г. Брянцева. Онъ добросовѣстно ознакомился не только съ главными трудами, касающимися положенія церкви въ Западной Руси, но и съ массою журнальныхъ статей. Оттого тѣ страницы его сочиненія, которыя посвящены вопросамъ религиознымъ, имѣютъ значительный интересъ и могутъ служить хорошимъ введеніемъ къ болѣе подробному изученію этихъ вопросовъ ¹⁾. Вообще, какъ накопленіе матеріала, такъ и появленіе все новыхъ и новыхъ трудовъ, касающихся этой стороны западно-русской жизни, давно уже вызывало необходимость подобнаго свода. Конечно, въ частностяхъ можно было бы сдѣлать кое-какія замѣчанія: такъ, напримѣръ, недостаточно ясно отдѣлено различіе старыхъ братскихъ школъ отъ академіи, основанной Петромъ Могилою, и училищъ, заведенныхъ по ея образцу. Конечно, автору не могла быть извѣстна характеристика Петра Могилы, какую мы находимъ въ новомъ блестящемъ, хотя иногда парадоксальномъ трудѣ П. А. Кулиша „Исторія отпаденія Малороссіи“. Могила является въ изложеніи даровитаго историка живымъ человѣкомъ своего времени, а не только дѣятелемъ общественнымъ, но характеръ Іова Борецкаго и Іоанна Вишенскаго былъ уже ясенъ въ прежнемъ трудѣ того же автора „Исторія воссоединенія Руси“. Яркое выставленіе такихъ дѣятелей могло бы въ значительной степени отдѣнить общую картину мрачнаго состоянія западно-русской іерархіи ²⁾. Мы не думаемъ также, чтобы патронатство частныхъ лицъ надъ церквами и монастырями имѣло единственнымъ источникомъ королевскія пожалованія, явившіяся вслѣдствіе перенесенія на лицо короля стараго обще-народнаго вліянія на церковь. Монастыри, построенные частными лицами, и церкви, ими основ-

¹⁾ Авторъ напрасно называетъ протестантами только однихъ лютеранъ, отдѣляя ихъ этимъ названіемъ отъ всѣхъ другихъ протестантскихъ сектъ, существующихъ въ Польшѣ. Такая терминологія можетъ смутить читателя.

²⁾ Кстати къ характеристикѣ дѣятелей этого времени не можемъ не припомнить того, что въ „Исторіи воссоединенія Руси“ мы находимъ живой и, по всей вѣроятности, вѣрный образъ князя Константина Константиновича Острожскаго.

важны, всегда находились въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ своими основателями, и самое избраніе епископовъ, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностей, напримѣръ, Новгорода, едва ли было правомъ обще-народнымъ. Мнѣ кажется, что на указанное обстоятельство слѣдовало бы обратить вниманіе. Другой вопросъ, который съ особенною подробностью излагаетъ г. Брянцевъ, есть вопросъ о казакахъ. Здѣсь главнымъ руководителемъ своимъ онъ избралъ Н. И. Костомарова, добавляя его изъ другихъ изслѣдователей. Иногда такой руководитель вводитъ его въ заблужденіе; такъ, напримѣръ, г. Брянцевъ повторяетъ за Костомаровымъ извѣстія лѣтописцевъ объ устройствѣ, дарованномъ казацкому войску Стефаномъ Баторіемъ. Извѣстно, что украинскія лѣтописи требуютъ весьма тщательной повѣрки, къ которой едва только приступлено. Изъ универсаловъ Стефана Баторія, напечатанныхъ П. А. Кулишомъ въ „Матеріалахъ для исторіи воссоединенія Руси“, видно, что такого устройства Баторій не давалъ¹⁾. Но жаль, что, говоря о казни Острицы, авторъ основывался не на Костомаровъ, у котораго въ „Богданъ Хмельницкомъ“ (т. I, стр. СЛХХ по изданію 1870 г.) находится достовѣрное, основанное на грамотѣ царя Михаила Феодоровича извѣстіе объ убійствѣ Острицы въ Чугуевѣ его же собственными казаками. Жаль также, что, повѣствуя о сожженіи Наливайки въ мѣдномъ быкѣ, авторъ не справился съ Костомаровымъ, который, передавая разныя сказанія о смерти Наливайки, относитъ мѣднаго быка на послѣднее мѣсто, очевидно считая это воспоминаніе о Фаларисѣ измышленіемъ какого-либо книжника (Историческія монографіи, т. III, стр. 281). Вообще вопросъ о казачествѣ и послѣ красивыхъ разказовъ Н. И. Костомарова и блестящихъ характеристикъ П. А. Кулиша будетъ еще долго служить предметомъ изслѣдованій. Не слѣдуетъ забывать, что критическая разработка его началась лишь только съ появленіемъ превосходныхъ статей С. М. Соловьева въ Отечественныхъ Запискахъ 1849 года, и что ученныя ровысканія Максимовича касались лишь только нѣкоторыхъ пунктовъ; наконецъ, что лѣтописи малороссійскія полны баснословныхъ разказовъ, что польскія сочиненія очевидно тенденціозны, что акты малороссійскіе, по всей вѣроятности, сохрани-

¹⁾ Вообще авторъ, скупой на цитаты, что и понятно при популярномъ характерѣ его книги, цитуетъ иногда очень странныя пособія; такъ напримѣръ, можно ли ссылаться въ наше время на „Исторію Малороссіи“ Маркевича или на г. Эварницкаго, въ особенности послѣ серьезной статьи объ его книгѣ въ *Кіевской Старинѣ*?

лись не воплотѣ, при чемъ, конечно, слѣдуетъ помнить, что въ акты попадаетъ далеко не все, что совершается въ жизни; притомъ московскіе акты становятся обстоятельными лишь только со времени присоединенія Малороссіи; къ нимъ, очевидно, прилагается то же самое замѣчаніе.

Третья сторона жизни, на которой съ особеннымъ вниманіемъ останавливается нашъ авторъ, это—шляхетская анархія, выражающаяся, какъ въ столкновеніяхъ паповъ и шляхты между собою, такъ преимущественно въ ихъ отношеніяхъ къ православному и униатскому населенію. Нельзя не признать, что выборъ сторонъ, которыя авторъ особенно освѣщаетъ, сдѣланъ удачно, но указанный нами выше недостатокъ лишаетъ разказъ его и цѣльности, и ясности. Паденіе Польши авторъ изображаетъ кратко; это понятно въ виду существующихъ уже пространныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и Д. И. Иловайскаго, къ которымъ заинтересованные дѣломъ могутъ обратиться за подробностями. Въ этомъ отдѣлѣ книги встрѣчаются также нѣкоторыя неточности: такъ, напримѣръ, „СинOPSISъ“ написанъ не Иннокентіемъ Гизелемъ (стр. 464); московскій воевода въ Вильнѣ, умерщвленный поляками, князь Мышецкій, былъ не бояринъ (стр. 492), а столичный.

Пятый періодъ книги посвященъ времени отъ присоединенія Литвы къ Россіи. Въ этомъ періодѣ авторъ, кратко указывая мѣры правительственныя ¹⁾, при чемъ болѣе подробно изложено воссоединеніе униатовъ, останавливается болѣе продолжительное время на полонизаціи края дѣятельностью князя Чарторыжскаго и Фаддея Чацкого, и на тайныхъ обществахъ и заканчиваетъ разказъ свой двумя польскими возстаніями и дѣятельностью графа М. Н. Муравьева (замѣтимъ, что супруга графа Муравьева была не княжна Шереметева—такихъ князей у насъ нѣтъ,—а просто Шереметева). Для дѣятельности графа Муравьева, какъ и для дѣятельности достопамятнаго митрополита Литовскаго Іосифа Сѣмашка, авторъ нашелъ обильный матеріалъ въ запискахъ этихъ двухъ историческихъ дѣятелей.

Оканчивая нашъ нѣсколько затянувшійся обзоръ книги г. Брян-

¹⁾ Намъ кажется, что авторъ слишкомъ мимоходомъ отиѣтилъ то, что Екатерина сохранила іезуитовъ въ Западномъ краѣ. Вообще намъ кажется, что хотя и трудно говорить объ іезуитахъ, дѣйствующихъ по большей части тайно, но все-таки была возможность сказать о нихъ болѣе, чѣмъ мы находимъ въ книгѣ г. Брянцева.

цева, не можемъ не пожелать, чтобъ эта книга нашла себѣ побольше читателей и скорѣе бы дожидла до втораго изданія, въ которомъ, конечно, будутъ исправлены неизбѣжныя во всякомъ первомъ трудѣ погрѣшности.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи по отзывамъ литературы. П. А. Соколовскаго. С.-Пб. 1889.

С.-Петербургское отдѣленіе комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, желая по возможности облегчить для лицъ, интересующихся вопросомъ о народномъ кредитѣ, изученіе литературы собственно сельскаго краткосрочнаго кредита и тѣмъ предупредить напрасную трату труда на добываніе уже ранѣе полученныхъ выводовъ, а также повтореніе мнѣній, несостоятельность которыхъ уже объяснена, поручило г. Соколовскому составить обзоръ книгъ и статей, относящихся до сельскаго мелкаго кредита.

Пользуясь изданнымъ г. Межовымъ библиографическимъ указателемъ книгъ и статей, относящихся до обществъ, основанныхъ на началахъ взаимности, артелей, положенія рабочаго сословія и мелкой кустарной промышленности въ Россіи, г. Соколовскій составилъ очень обстоятельный и любопытный сводъ всѣхъ высказанныхъ въ нашей печати мнѣній о сельскомъ краткосрочномъ кредитѣ, каковы бы ни были ихъ достоинства и гдѣ бы они не были напечатаны, начиная съ изслѣдованій, спеціально посвященныхъ этому вопросу, до повѣстей г. Глѣба Успенскаго (стр. 209) и статей газеты Другъ Народа (стр. 191) включительно. Авторъ, какъ онъ впрочемъ и самъ заявляетъ (стр. 267), отстраняетъ отъ себя критическую оцѣнку обзорѣваемой литературы, какъ не входящую въ его задачу, и ограничивается лишь замѣчаніями о наиболѣе выдающихся чертахъ и выводахъ ея. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что эта литература, за самыми небольшими исключеніями, имѣетъ характеръ преимущественно полемической. Можно было бы добавить къ этому еще и то, что эта литература по преимуществу теоретическая, отвлеченная. Между тѣмъ по однимъ апріорнымъ положеніямъ трудно рѣшать такіе практическіе вопросы, какъ вопросъ объ устройствѣ народнаго кредита. Не смотря на множество статей, относящихся до вопроса о народномъ кредитѣ, замѣчается особый недостатокъ фактическаго изслѣдованія, особенно когда говорится о способахъ организаціи кре-

дита. Не смотря однако на то, что имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о состояніи волостныхъ кассъ довольно скудны, г. Соколовскій находитъ, что все же ихъ достаточно, чтобы сдѣлать выводъ о неудовлетворительности существующей организаціи этихъ кассъ (стр. 282).

Быть можетъ, этотъ выводъ и вѣренъ, но изъ данныхъ, сообщаемыхъ г. Соколовскимъ, мы не видимъ подтвержденій тому. Предоставимъ читателямъ самимъ это рѣшить на основаніи слѣдующаго.

Починъ устройства сельскихъ банковъ принадлежитъ удѣльному вѣдомству и относится къ 1837 г.; эти банки принимали вклады и выдавали удѣльнымъ крестьянамъ ссуды подъ поручительство и подъ залогъ недвижимаго имущества. Нѣсколько позднеѣ, въ 1840 году, въ управленіе графа Киселева, основанъ былъ хозяйственный капиталъ министерства государственныхъ имуществъ для доставленія государственнымъ крестьянамъ средствъ къ улучшенію ихъ хозяйства и для выдачи пособій пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, чтобы предупредить переходъ крестьянъ въ безхозяйственные. Въ 1843 году приступлено было къ составленію мірскихъ капиталовъ, которыми каждое сельское общество могло бы свободно располагать для разныхъ мѣстныхъ потребностей; эти капиталы назначались для содѣйствія улучшенію быта крестьянъ, для разныхъ полезныхъ предметовъ и богоугодныхъ и благотворительныхъ дѣлъ, а равно на непредвидимые случаи. Мірской капиталъ находился въ непосредственномъ распоряженіи сельскаго общества; имъ завѣдывали сельскій старшина и два попечителя изъ крестьянъ по выбору общества. Еще ранѣе того, 10-го іюня 1839 года, разрѣшено было устройство вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ, ибо министерство государственныхъ имуществъ убѣдилось, что развитію благосостоянія сельскихъ обывателей, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго, препятствуетъ затрудненіе въ присканіи денегъ для удовлетворенія разныхъ срочныхъ платежей въ казну или для покупки необходимыхъ потребностей по сельскому хозяйству. Ссуды изъ вспомогательныхъ кассъ выдавались до 50 рублей на одного домохозяина, съ уплатою 6% въ годъ, подъ ручательство мірскаго схода или нѣсколькихъ домохозяевъ, не иначе какъ по свидѣтельству расправы въ благонадежности заемщика и его поручителей. При всѣхъ вспомогательныхъ кассахъ учреждены были и сберегательныя кассы, для принятія отъ сельскихъ обывателей вкладовъ, для сохраненія и приращенія процентами. Эти кассы открыты были сперва въ немногихъ мѣстахъ; но опытъ скоро убѣдилъ въ ихъ полезности. Число этихъ кассъ и ихъ капиталы быстро увеличились.

Изъ представленныхъ г. Соколовскимъ таблицъ видно, что въ 1857 году въ Европейской Россіи состояло:

	въ губерніяхъ	число въ 9 западныхъ	число великороссійскихъ	кассъ губерніяхъ.	кассъ
мірскихъ капиталовъ	4.084,630 р.	80 в.	326,911 р.	10 к.	
въ вспомогательныхъ кассахъ	3.026,502 „	99 ^{1/2} „	882	145,268 „	89 „ 252
„ сберегательныхъ кассахъ .	4.196,208 „	39 ^{3/4} „	460		

Въ 1865 году, послѣднемъ, когда кассы эти находились еще въ дѣннѣ министерства государственныхъ имуществъ, состояло всего кассъ: вспомогательныхъ 2.782, а сберегательныхъ—1,679, съ капиталомъ, доходившимъ до 8.772,787 рублей, изъ числа коихъ 6.805,552 руб. были въ судѣ.

Съ преобразованиемъ въ 1866 году быта государственныхъ крестьянъ они поступили въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ; мірскіе капиталы ихъ предоставлены были въ распоряженіе обществъ сихъ крестьянъ, и затѣмъ не имѣется никакихъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о волостныхъ кассахъ до 1882 года, когда возникъ вопросъ о сельскихъ банкахъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало отъ губернаторовъ свѣдѣній о положеніи кассъ.

Между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени, съ 1866 года по 1882 годъ, вопросъ о формахъ кредита, и притомъ народнаго, сталъ любимую темою печати; стали распространяться свѣдѣнія объ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, основанныхъ впервые въ Германіи извѣстнымъ Шульце-Деличемъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе основныхъ началъ этого новаго рода кредитныхъ учрежденій, припомнимъ только, что они основаны на началѣ взаимности: всѣ члены связаны взаимною другъ за друга отвѣтственностью, что открываетъ возможность пользоваться кредитомъ тѣмъ, которые въ отдѣльности лишены всякой возможности получить какую-либо ссуду. Такой же банкъ устроенъ былъ въ 1867 году г. Лугининымъ и въ Россіи—въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, въ Рождественской волости; онъ дѣйствовалъ успѣшно и заинтересовалъ собою многія земства. Явились скоро и сочиненія, стоявшія горячо за эту форму кредита; таковы г. Яковлева—Очеркъ народнаго кредита въ западной Россіи и Европѣ, г. Колюпанова—Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ по образцу нѣмецкихъ ссудныхъ товариществъ и т. д.

Губернаторы въ отзывахъ своихъ заявили, что положеніе волост-

ныхъ кассъ неудовлетворительное, самое плохое, нежелательное; онѣ не приносятъ никакой пользы и не внушаютъ довѣрія; дальнѣйшее ихъ существованіе не только бесполезно, но и вредно (стр. 63). Причины того, по мнѣнію губернаторовъ, различны, а именно—произволь и растрата завѣдывающихъ кассами, отсутствіе денегъ, неуплата ссудъ и процентовъ, отказъ должниковъ отъ своихъ росписокъ, неправильныя оцѣнки нуждъ заемщиковъ, недовѣріе вкладчиковъ и т. д. Общій выводъ тотъ, что надо переустроить кредитныя учрежденія, выработать новый нормальный уставъ, установить контроль, передать кассы въ завѣдываніе уѣздныхъ присутствій и т. д.

Между тѣмъ изъ цифръ, сообщаемыхъ г. Соколовскимъ (на стр. 61), оказывается, что послѣ 16-ти-лѣтняго самостоятельнаго управленія крестьянами своими кассами (съ 1866 года по 1882 годъ), эти послѣднія не только не погибли, но увеличили свой капиталъ, который достигъ цифры 12.630,000, и изъ нихъ 11,772,000 руб. были въ ссудахъ, а 858,000 руб. на лицо.

Какъ этотъ капиталъ образовался—не извѣстно; но какъ согласить увеличеніе капитала кассъ съ заявленіями губернаторовъ, что положеніе кассъ неудовлетворительно? Крайне въ этомъ затрудняемся, а г. Соколовскій намъ въ этомъ отношеніи не помогаетъ, и мы думаемъ, что въ виду этого факта, который говоритъ самъ за себя, трудно согласиться, чтобы самая организація волостныхъ кассъ была неудовлетворительна; не слѣдуетъ ли скорѣе искать неудовлетворительности въ лицахъ, завѣдовавшихъ кассами, и недостатками ихъ объяснить то, что многія кассы вели дѣла свои худо въ то время, какъ другія процвѣтали. Придерживаясь отзывовъ губернаторовъ о причинахъ неуспѣха кассъ (не подтверждаемаго однако цифрами), трудно допустить, чтобы могли имѣть успѣхъ у насъ не только кассы, но и ссудныя товарищества. Могутъ ли послѣднія существовать, если члены-товарищи не будутъ уплачивать долговъ и будутъ отказываться отъ своихъ росписокъ? Конечно, нѣтъ. Можно ли ихъ учреждать тамъ, гдѣ господствуетъ безграмотность народа и полное незнакомство съ основными началами счетоводства? Конечно, нѣтъ. Если допустить, что волостныя кассы пришли въ упадокъ вслѣдствіе предоставленія ихъ на полную самостоятельность общества, то есть полное основаніе предполагать, что ссудо-сберегательныя товарищества одни, безъ просвѣщеннаго руководства, успѣшно существовать не могутъ, и одни крестьяне-товарищи не управятся со своими банковыми дѣлами. Высказывая эти сомнѣнія, мы нисколько не являемся противниками ссудо-сберегательныхъ

товариществъ вообще. Безъ сомнѣнія, въ нашемъ обширномъ отечествѣ найдется не мало мѣстностей, гдѣ таковыя товарищества могутъ идти и даже идутъ успѣшно. Г. Соколовскій сообщаетъ на стр. 286 и слѣд., что въ 1886 году состояло у насъ въ различныхъ мѣстахъ 1380 такихъ товариществъ, но не всѣ они представляютъ свои отчеты въ С.-Петербургское отдѣленіе, которымъ повѣрено только 752 отчета. Въ этихъ 752 товариществахъ состояло всего 205,356 членовъ; паевый капиталъ достигалъ 6.000,081 руб., вкладовъ было на 3.360,987 руб., займовъ на 4.426,041 руб. Конечно, это ничтожныя цифры сравнительно съ общимъ населеніемъ имперіи, безспорно нуждающемся въ мелкомъ кредитѣ. Казалось бы цѣлесообразнѣе, распространяя свѣдѣнія о новѣйшихъ формахъ мелкаго кредита (какимъ является товарищество Шульце-Делича и еще болѣе новѣйшія прирейнскія товарищества Райфайзена), поддерживать и распространять существующія сельскія вспомогательныя кассы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ: онѣ могли бы послужить первымъ началомъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Круговая порука—самое главное основаніе обществъ взаимнаго кредита—въ нихъ уже существуетъ, и со временемъ не трудно было бы, для обращенія ихъ въ общества взаимнаго кредита, измѣнить только порядокъ управленія и веденія дѣлъ, не касаясь самаго существеннаго условія—порядка отвѣтственности. Такимъ путемъ скорѣе была бы оказана помощь настоятельной потребности нашего населенія имѣть доступный и дешевый кредитъ и тѣмъ постепенно освободиться отъ того чудовищнаго ростовщичества, которое господствуетъ во многихъ нашихъ деревняхъ, какъ видно изъ весьма любопытной первой главы труда г. Соколовскаго.

Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія, относящіяся только до нѣкоторыхъ уѣздовъ. Недостатокъ систематическихъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи не даетъ возможности дѣлать какія-либо заключенія о дѣйствительномъ состояніи народнаго кредита. Это побуждаетъ автора предложить однообразную программу для изслѣдованія народнаго кредита, на которую, безъ сомнѣнія, обратятъ вниманіе мѣстные земскіе статистики.

Вообще книга г. Соколовскаго составляетъ трудъ очень почтенный и интересный.

И. М.

Библічныя новости.

Библіекая історія при святъ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. *Ветхій завітъ*. Составилъ *А. П. Лопухинъ*. Томъ I. Отъ сотворенія міра до пророка Самуила. С.-Пб. — Книга г. Лопухина составляетъ весьма пріятное явленіе: до сихъ поръ археологическія поясненія на свидѣтельства Библии, составляющія результатъ изслѣдованій надъ древностями египетскими, ассири-вавилонскими и палестинскими, были доступны только людямъ, знакомымъ съ иностранными языками. Только нрѣдка нѣкоторая часть ихъ сообщалась въ русскихъ журналахъ, полный же обзоръ библіекой исторіи при святѣ этихъ новыхъ открытій русская публика доселѣ не имѣла. Такой обзоръ предпринять г. Лопухинимъ и совершенно имъ тщательно и добросовѣстно. Если кто-нибудь замѣтитъ, что авторъ руководствуется извѣстными трудами европейскіхъ богослововъ и антикваріевъ, то въ данномъ случаѣ это обстоятельство болѣе говоритъ въ пользу книги, чѣмъ противъ нея. Пользованіе трудами европейскіхъ антикваріевъ, путешественниковъ и богослововъ дало автору возможность стройно, живо и ясно изложить судьбу израильскаго народа въ тѣхъ географическихъ и историческихъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ. Первый томъ доходитъ до времени пророка Самуила. Читатель съ интересомъ слѣдитъ судьбу первыхъ праотцевъ, расселеніе народовъ, и здѣсь, гдѣ возможно, авторъ приводитъ преданія разныхъ народовъ, имѣющія сходство со сказаніями Библии. Такъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на космогонической поэмѣ, сохранившейся на ассири-вавилонскихъ плитахъ. Со временъ Авраама интересъ возрастаетъ. Изслѣдованія египтологовъ помогаютъ автору дополнить и оживить краткіе очерки Библии. Особенно интересны главы, посвященныя Іосифу, гдѣ встаетъ передъ нами живой образъ древняго Египта. Сороколѣтнее странствованіе по пустынѣ становится яснѣе, благодаря живымъ описаніямъ, замѣствованнымъ отъ путешественниковъ. Изслѣдованіе Моисеева законодательства представляетъ стройную картину, изъ которой обнаруживается и всемірное значеніе этого законодательства, и то, какъ оно примѣнялось къ израильскому народу, и то, на сколько оно способствовало созданію единства этого народа. Время судей рисуется временемъ приготовленія къ царскому періоду. Авторъ изображаетъ намъ и географію Палестины, и состояніе народа въ эпоху его племенного раздѣленія, слѣдовавшаго за кочевымъ его передвиженіемъ по Аравійской пустынѣ. Можетъ быть, Моисеево раздѣленіе на роды, тысячи, сотни и десятки, имѣющее характеръ преимущественно военный, соотвѣтствующее подобнымъ же дѣленіямъ у многихъ средневѣковыхъ народовъ и существовавшее у кочевыхъ племенъ, какъ напримѣръ, у монголовъ, недостаточно выяснено у г. Лопухина. Это, очевидно, учрежденіе позднѣйшее сравнительно съ родовымъ бытомъ, и какъ учрежденіе, кладущее начало государству, должно бы быть особенно выдѣлено. Въ доказательство, какъ тщательно авторъ слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ пояснить его разказъ, приведемъ небольшой примѣръ: передавая разказы послѣднихъ главъ книги Судей, авторъ поясняетъ ихъ разказомъ египетскаго путешественника по Палестинѣ изъ той же эпохи. Прелестною идилліей Руемъ авторъ заканчиваетъ свой первый томъ. Къ большимъ достоинствамъ книги принадле-

жить и то обстоятельство, что авторъ повсюду указываетъ ходячія замѣчанія рационалистовъ и весьма удачно опровергаетъ ихъ. Чтобы такіа опроверженія были болѣе понятны, авторъ предпосылаетъ своей книгѣ очеркъ развитія рационалистическаго взгляда на Библию. Такой очеркъ въ цѣломъ представляетъ пріятную особенность книги. Много цѣны книгѣ придаетъ и хорошій выборъ археологическихкихъ рисунковъ и видовъ мѣстностей, заимствованныхъ изъ известной Басселевской Библии (Half-Guinea Bible).

Н. О. Красносельцевъ. Материалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи святаго Іоанна Златоустаго. Выпускъ первый. Казань. — Еще въ 1885 году въ обширномъ трудѣ: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихкихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки“ г. Красносельцевъ издалъ довольно значительное количество памятниковъ, относящихся къ исторіи литургіи, и преимущественно литургіи св. Іоанна Златоустаго. Большинство этихъ памятниковъ относится къ тому очень древнему періоду, когда еще не было полныхъ и подробныхъ уставовъ литургіи, и въ обращеніи находились редакціи краткія, состоящія почти только изъ молитвъ съ самымъ малымъ количествомъ уставныхъ указаній или рубрикъ. Нынѣ г. Красносельцевъ предпринялъ изданіе памятниковъ болѣе поздней эпохи, когда уже начали составляться подробные уставы литургіи, и когда явился тотъ общераспространенный уставъ, который, осложнивъ собою древнія краткія редакціи, опредѣлилъ видъ чинопослѣдованія литургіи, вскорѣ получившій всеобщее распространеніе и употребляющійся до нынѣ. Какъ извѣстно, уставъ этотъ приписывается Константинопольскому патріарху Филоею. Этотъ уставъ г. Красносельцевъ издалъ по списку, содержащему въ себѣ редакцію, современную Филоею († 1876). Сверхъ того, онъ издалъ нѣсколько другихъ уставовъ, частью болѣе раннихъ, частью современныхъ и даже, можетъ быть, нѣсколько позднѣйшихъ времени Филоея, составленныхъ неизвѣстными лицами. При изданіи этихъ уставовъ г. Красносельцевъ имѣлъ цѣлью указать отчасти на матеріалъ, которымъ пользовался Филоей, отчасти на церковную практику, которую онъ долженъ былъ имѣть въ виду, какъ руководство, при составленіи своего устава. Въслѣдъ за греческими текстами издатель помѣстилъ славянскіе тексты чинопослѣдованія литургіи Златоустаго: прежде всего, текстъ, если не первоначальный, то древнѣйшій, по нѣсколькимъ древнѣйшимъ рукописямъ бібліотекъ Синодальной, Типографской и Софійской, а затѣмъ славянскій текстъ по Филоееву уставу съ указаніемъ позднѣйшихъ дополненій и поправокъ, давшихъ этому тексту современный видъ. Издаваемые памятники г. Красносельцевъ снабдилъ введеніемъ и необходимыми пояснительными примѣчаніями. Для изучающаго преемство преданія въ исторіи литургіи и генеалогію современнаго ея текста изданіе г. Красносельцева весьма важно, и нельзя не пожелать дальнѣйшаго его продолженія.

В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть 2-я. Богослужбныя и сценическія древности. С.-Пб.—Еще не такъ давно указывали мы на появленіе 1-го тома Греческихъ древностей г. Латышева во второмъ изданіи; нынѣ неутомимый ученый подарилъ нашу литературу продолженіемъ своего труда, содержащимъ въ себѣ древности религиозныя и сценическія. Достоинства его будутъ оценены всякимъ, кому придется имѣть дѣло съ книгою г. Латышева, представляющею превосходное пособіе въ указанныхъ областяхъ древне-греческой

жизни: не говоря объ эрудиціи автора, о знакомствѣ его какъ съ источниками, такъ и съ литературой, нельзя не отмѣтить достоинствъ изложенія, дѣлающихъ книгу г. Латышева пріятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ высокополезнымъ предметомъ чтенія. Этими она выгодно отличается отъ подобныхъ же трудовъ литературы нѣмецкой, напримѣръ, отъ капитальнаго, но неудобочитаемаго труда К. Ф. Германа, къ которому можно обращаться только за справками, но прочесть который подъ рядъ едва ли у кого достанетъ мужества. Въ отдѣлѣ древностей богослужебныхъ, послѣ общихъ замѣчаній о религіи еллиновъ, объ отношеніи государства къ культу, о вырожденіи и упадкѣ религіозныхъ вѣрованій, авторъ говоритъ о вещественныхъ принадлежностяхъ культа, о лицахъ, объ обрядахъ и о временахъ культа и, наконецъ, излагаетъ особые виды культовъ и религіозныхъ учреждений, то-есть, мантику, оракулы, мистеріи, религіозныя общества и домашній культъ. Въ отдѣлѣ древностей сценическихъ, послѣ краткаго очерка развитія греческой драмы, говорится объ устройствѣ театральнаго зданія, о декораціяхъ и машинахъ, объ актерахъ, о хорѣ, о костюмахъ и маскахъ, о публикѣ и объ устройствѣ представленій. Изъ этого перечисленія главъ видно богатство содержанія втораго выпуска, пользование которымъ облегчается прекрасно составленными указателями. Смѣло рекомендуемъ трудъ г. Латышева всѣмъ, кто интересуется древне-греческою жизнью и культурой.

Заселеніе Харьковскаго края и овщій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 17-го января 1889 г. проф. *Д. И. Багалъемъ*. Харьковъ. — Въ своей небольшой брошюрѣ авторъ очерчиваетъ постепенный ходъ заселенія края, начиная со второй половины XVII вѣка. Первыми переселенцами были южно-русы изъ Польши, затѣмъ великоруссы. Вслѣдствіе пограничнаго положенія Слободской Украины долгое время вся энергія населенія уходила на оборону края отъ татаръ. Только во второй половинѣ XVIII вѣка, послѣ образованія на югѣ сербскихъ населеній, Харьковскій край перешелъ на мирное положеніе, давшее возможность населенію посвятить свои силы внутреннему развитію. Пользуясь топографическимъ описаніемъ Харьковскаго намѣстничества и другими источниками, г. Багалъй характеризуетъ состояніе общества въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, его матеріальную культуру и особенно умственную. Состояніе это оказывается довольно высокимъ, и авторъ видитъ въ открытіи Харьковскаго университета, преимущественно на средства общества, ясное доказательство высоты умственныхъ потребностей этого общества. Очеркъ написанъ вообще съ знаніемъ дѣла, но, по нашему мнѣнію, слѣдовало болѣе критически отнестись къ статистическимъ даннымъ прошлаго столѣтія, которыхъ точность подозрительна. Книжка напечатана страннымъ образомъ—со множествомъ сокращеній въ словахъ, чтѣ вообще въ печати не принято.

Д. Н. Анучинъ. О задачахъ русской этнографіи. (Нѣсколько справокъ и замѣчаній). Москва.—Первыя попытки этнографическаго изслѣдованія Россіи относятся къ началу XVIII вѣка, но до сихъ поръ не опредѣлены съ точностью ни методъ, ни область, ни задачи русской этнографіи. Г. Анучинъ въ названной брошюрѣ знакомитъ со взглядами на этотъ предметъ трехъ писателей — Э. К. Бэра, Н. И. Надеждина и А. Н. Пыпина. Первый видѣлъ въ этнографіи, главнымъ образомъ, вспомогательную науку для исторіи. „Этнографія нашего вре-

мени“, говоритъ Баръ, — „представляетъ современные племена въ живой картинѣ того положенія, въ коемъ находились другіе народы, давно исчезнушіе. Сравнительная этнографія описываетъ въ настоящемъ тѣ отношенія, о коихъ исторія повѣствуетъ, когда они уже прошли. Знаніе разныхъ народовъ новѣйшаго времени весьма важно для вывода общихъ заключеній тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ данныхъ“. Въ виду вымиранія многихъ обычаевъ Баръ предлагалъ этнографамъ сосредоточить свое вниманіе преимущественно на собраніи этнографическаго матеріала и составленіи музеевъ; особенно слѣдуетъ снѣшить съ изслѣдованіемъ народностей, близкаго къ исчезновенію. Этнографическое отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества, предъ которымъ излагалъ свой взглядъ Баръ, послѣдовало его совѣту и въ продолженіе сорока лѣтъ направляло свою дѣятельность на изученіе менѣе извѣстныхъ и болѣе близкихъ къ вымиранію инородцевъ. Но въ средѣ самого отдѣленія были заявляемы мнѣнія, что главнѣйшею задачею русской этнографіи должно быть изученіе собственно русскаго народа. „Совокупность отличительныхъ чертъ, тѣней и оттѣнковъ, обуславливающихъ особую, самообразную бытность человѣчности или, какъ говорится обыкновеннѣе, народности русской“, языкъ, физическія и психическія свойства русскаго племени — таковы, по мнѣнію Надеждина, матеріалъ русской этнографіи. Задачею разработки этого матеріала должно служить выдѣленіе самородныхъ элементовъ русской народности отъ занятаго у другихъ народовъ. Мнѣніе Надеждина не нашло себѣ послѣдователей между русскими этнографами, большинство которыхъ и до сихъ поръ съ большею любовью занимается изслѣдованіемъ быта инородцевъ, хотя появилось также не мало описавій различныхъ сторонъ жизни и русскаго населенія, особенно свадебныхъ обычаевъ и общиннаго землевладѣнія. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Надеждина вопросу о задачахъ русской этнографіи посвятилъ особую статью А. Н. Пыпинъ. Какъ и Баръ, онъ не настаиваетъ на организаціи систематическаго и научнаго собранія. Но, по справедливому замѣчанію г. Анучина, однимъ собраніемъ нельзя помочь много дѣлу: „нужно дѣйствовать примѣромъ, доказать, что и съ малыми средствами можетъ быть кое-что сдѣлано, а затѣмъ указать, что именно требуетъ болѣшихъ, и почему именно оно необходимо“. Матеріала накопилось уже довольно. Одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи, говоритъ г. Анучинъ, — должно считаться сведеніе во едино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія компетентными людьми, каждымъ по избранной имъ спеціальности. На основаніи имѣющагося матеріала, провѣреннаго и дополненаго личными наблюденіями на мѣстѣ, этнографъ составляетъ описаніе, изображающее живо бытъ описываемаго племени. Но и на этомъ дѣлѣ не должно останавливаться. „Этнографія не можетъ быть наукою чисто-описательною, и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимномъ отношеніи и распредѣленіи племенъ. Определенный цѣль работъ въ области этнографіи должны составлять аналитическія работы. Предметомъ ихъ можетъ быть любая сторона народнаго быта, матеріалъ — сравненіе“. Въ заключеніе авторъ указываетъ на важное значеніе этнографическихъ работъ для исторіи и для ознакомленія съ міровоззрѣніемъ народа, что, въ свою очередь, можетъ быть важно при рѣшеніи практическихъ вопросовъ, касающихся организаціи и улучшенія народнаго быта. Раздѣляя въ общемъ взгляды г. Анучина на задачи этнографіи, не можемъ не замѣтить однако, что они страдаютъ нѣкоторою неопредѣленностью

и отсутствіемъ основной идеи. Понятіе этнографіи расширяется нмъ до предѣловъ энциклопедіи народовѣдѣнія, обнимаящей и поэзію, и мнѳологію, и общественное устройство, и экономическій бытъ, и нравственность, и матеріальную обстановку, и проч. Не слѣдовало ли бы, говоря словами самого автора, „дѣйствовать скорѣе примѣромъ и, не задаваясь трудно выполнимыми программами, показать, что и съ малыми средствами можетъ быть кое-что сдѣлано?“

— Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Длугошъ, польскій историкъ XV столѣтія. *Ст. Пташицаго*. С.-Пб. 1888 (отдѣльный оттискъ изъ журнала Библиографъ).

Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *Г. В. Форстена*. С.-Пб.

Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ *Н. Чечумина*. С.-Пб. (отдѣльный оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв.).

Богородицкая гора въ Эстляндіи. *Михаила Харузина*. М.

Калевичъ (Kalewi roeg). Древняя эстонская сага въ двадцати пѣсняхъ. Перевелъ *Юрій Труманъ*. Выпускъ II. Ревель.

М. Карпинскій. Западно-русская Четья 1489 года. Съ приложеніемъ житія Бориса и Глѣба. Варшава (отдѣльный оттискъ изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника).

Библиографическій словарь русскихъ писателей. Князя *Н. Н. Голицина*. С.-Пб. (отдѣльный оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Пр.).

Александръ Сергѣевичъ Гриводовъ. Библиографическія разысканія *С. И. Пономарева*. С.-Пб. (отдѣльный оттискъ изъ журнала Библиографъ).

Очеркъ современной теоріи заимствованій. *А. Саеельса*. С.-Пб. 1888 (оттискъ изъ журнала Библиографъ).

Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человека. *Н. Я. Грута*, председателя Московскаго Психологическаго Общества. (Рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Общества 24-го января 1889 г.). Дополненное изданіе. М.

Исследования о нарѣчійхъ черемисскаго языка. I. Д-ра *М. Веске*. Казань (отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, т. VII).

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1888 годъ. С.-Пб.

ПОСТАНОВКА КУРСА ЧЕРЧЕНІЯ ВЪ ОВЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬ- НЫХЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Въ нашемъ педагогическомъ мірѣ существуетъ убѣжденіе, что курсъ черченія необходимъ только въ спеціальныхъ школахъ, въ которыхъ ученики готовятся къ какой-либо технической дѣятельности, но совершенно излишенъ въ заведеніяхъ, имѣющихъ общеобразовательный характеръ. Подобное убѣжденіе образовалось вслѣдствіе критическаго взгляда на современную постановку курса черченія въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ существуетъ. Въ большинствѣ этихъ заведеній преподаватели стараются развить въ ученикахъ технику черченія и мало обращаютъ вниманія на приобрѣтеніе учениками навыка читать или понимать чертежи.

Пониманіе чертежа выражается умѣньемъ по данной совокупности линій создавать въ умѣ представленіе о наружномъ видѣ изображеннаго предмета, а также изображать условными знаками форму предмета отсутствующаго или созданнаго воображеніемъ. Такое пониманіе чертежей должно входить въ кругъ знаній каждаго образованнаго человѣка, а не составлять принадлежность техника, потому что сужденіе о наружномъ видѣ многихъ предметовъ нельзя передать устно или письменно, но весьма легко выразить чертежемъ.

Въ большинствѣ учебныхъ заведеній, гдѣ обучаютъ черченію, занятія учениковъ состоятъ: а) въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ съ помощью чертежныхъ приборовъ и въ черченіи кривыхъ втораго порядка, б) въ копировкѣ съ оригиналовъ, и в) въ опредѣленіи по нѣкоторымъ даннымъ различныхъ размѣровъ предмета и въ изображеніи его формы по способу ортогональныхъ проекцій на двухъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ. Въ дѣйствительности же

всѣ занятія сводятся на простую копировку съ оригиналовъ и на составленіе чертежей сообразно съ данными образцами. Въ ряду этихъ занятій съемка съ природы, то-есть, изображеніе предметовъ, находящихся подъ рукою, совсѣмъ не производится учениками, или на эти занятія удѣляется мало времени, и имъ придается ничтожное значеніе.

Съемка съ природы, заставляя ученика сравнивать размѣры и относительное положеніе точекъ, линій и плоскостей съ ихъ изображеніями, развиваетъ въ немъ наблюдательность, способность воображенія и умѣнье по совокупности линій и фигуръ, начерченныхъ на плоскости, создавать въ умѣ представленіе о формѣ предмета и о мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ пространствѣ. Въ противоположность этому, копировка чертежей и ихъ составленіе по указаннымъ образцамъ приучаетъ ученика къ машинальному заучиванію той или другой совокупности линій безъ представленія въ умѣ изображенныхъ предметовъ. Поэтому въ школахъ, въ которыхъ существуетъ черченіе какъ отдѣльный предметъ, надо упражнять учениковъ въ съемкѣ съ природы, удѣляя на эти занятія возможно болѣе времени.

Въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ черченіе не введено въ курсъ обученія, преподаются однако такіе предметы, какъ стереометрія, физика и космографія, изученіе которыхъ не мыслимо безъ чертежей. На урокахъ рисованія ученики мало готовятъ къ пониманію рисунковъ и чертежей, потому что преподаватели, въ большинствѣ случаевъ, преслѣдуютъ художественную, изящную сторону дѣла, а не его полезную цѣль. Ученикъ же, безъ надлежащей подготовки, тратитъ много времени на заучиваніе урока и во многихъ случаяхъ при всемъ своемъ стараніи не въ состояніи сознательно усвоить его. Немногіе ученики съ теченіемъ времени приобрѣтаютъ навыкъ понимать чертежи, но затѣмъ остальные, вплоть до окончанія школьнаго курса, видятъ въ чертежахъ только сочетаніе линій и фигуръ, которыя копируютъ на память во время репетицій и экзаменовъ. Въ школѣ стереометрія считается труднымъ предметомъ, и это убѣжденіе поддерживается въ учащихся вслѣдствіе непониманія ими чертежей. Еслибы школа заботилась о приученіи своихъ учениковъ понимать мысль, выраженную чертежемъ, подобно тому какъ учитъ понимать мысль, выраженную словами, то стереометрія, физика, космографія и другіе предметы не считались бы въ школѣ трудными.

Желая измѣнить существующую постановку курса черченія, не-

обходимо уяснить себѣ: 1) программу занятій, 2) требованія отъ учащихся, 3) методъ преподаванія, 4) число уроковъ, и 5) средство имѣть преподавателей въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ черченіе до сихъ поръ не преподавалось.

При составленіи программы надо обратить вниманіе на порядокъ изложенія различныхъ способовъ изображенія предметовъ и на характеръ задачъ, въ рѣшеніи которыхъ слѣдуетъ упражнять учениковъ на урокахъ черченія.

Въ виду различныхъ цѣлей, для которыхъ составляются чертежи одного и того же предмета или совокупности предметовъ, существуютъ различные способы черченія, и нѣтъ возможности замѣнить ихъ какимъ-либо однимъ, потому что каждый изъ нихъ пригоденъ только въ данномъ случаѣ. Сообщение ученикамъ общеобразовательныхъ заведеній всѣхъ способовъ можетъ оказаться невозможнымъ по недостатку времени, но обязательно ознакомить ихъ съ такимъ способомъ, при которомъ: а) чертежъ составляется скоро, не требуя сложныхъ графическихъ дѣйствій, б) по чертежу легко и быстро составляется представленіе въ умѣ о формѣ предмета, и в) по чертежу можно воспроизводить предметъ исчезнувшій или созданный воображеніемъ.

Изъ всѣхъ способовъ черченія на практикѣ чаще другихъ употребляются: а) способъ линейной перспективы и б) способъ ортогональныхъ проекцій на двухъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ (одной горизонтальной и другой вертикальной).

Рисунокъ или чертежъ, составленный по правиламъ линейной перспективы, удобенъ для вѣрнаго и быстрого представленія въ умѣ формы изображеннаго предмета, но составленіе чертежа и опредѣленіе на немъ размѣровъ предмета медленно и сопряжено иногда со сложными графическими дѣйствіями. Опытомъ можно убѣдиться, что ученики и взрослые рабочіе недовѣрчиво относятся къ изображенію на рисункѣ: параллельныхъ линій — сходящимися, кривыхъ линій — прямыми, прямыхъ линій — точками и т. п. Поэтому способъ линейной перспективы нельзя ставить въ основу курса черченія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ортогональныя проекціи предмета на двухъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ, при совокупномъ ихъ разсмотрѣваніи, даютъ возможность: а) составлять вѣрное представленіе о формѣ изображеннаго предмета и б) точно опредѣлять его размѣры, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ прямо видны на чертежѣ, а другіе легко и скоро

опредѣляются простыми графическими дѣйствіями. Вслѣдствіе того по чертежамъ ортогональной проекціи можно: 1) возстановить предметъ, еслибъ онъ исчезъ, въ той же формѣ съ тѣми же размѣрами и на томъ же мѣстѣ, которое онъ занималъ ранѣе, когда съ него составлялись чертежи, и 2) сдѣлать предметъ, который существуетъ только въ воображеніи, придавая ему желаемую форму, необходимыя размѣры и надлежащее мѣсто среди другихъ существующихъ или воображаемыхъ предметовъ. Поэтому не трудно понять причину, по которой всѣ инженеры, строители, механики и другіе практики ка-кого-нибудь дѣла способъ ортогональныхъ проекцій предпочитаютъ другимъ способамъ изображенія предметовъ.

Не смотря на всѣ выгоды, доставляемая совокупностью чертежей на двухъ плоскостяхъ проекцій, она имѣетъ весьма важные недостатки: 1) малую наглядность, вслѣдствіе которой понятна только людямъ, посвященнымъ въ науку о проекціяхъ, и непонятна рабочимъ, главнымъ исполнителямъ проектовъ, выражаемыхъ чертежемъ, а также ученикамъ, у которыхъ способность воображенія мало развита; 2) неудобочитаема, вслѣдствіе необходимости создавать въ умѣ понятіе о формѣ предмета по двумъ и болѣе чертежамъ, изъ коихъ каждый въ отдѣльности нисколько не напоминаетъ изображенный предметъ. Кромѣ того, умѣнье пользоваться чертежами приобрѣтается не вдругъ, а постепенно, продолжительною практикою, а самое чтеніе чертежей требуетъ сосредоточеннаго вниманія и усиленной работы воображенія даже отъ людей основательно знакомыхъ съ способомъ проекцій.

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, приходимъ къ убѣжденію, что ставить способъ ортогональныхъ проекцій въ основу курса черченія, какъ это дѣлается до настоящаго времени, неосновательно. Можно знакомить учениковъ съ этимъ способомъ только тогда, когда ихъ воображительная способность уже достаточно развилась. Кромѣ того, неудобство постановки этого способа въ основу курса черченія обнаружилось практикою многихъ лѣтъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ курсъ черченія былъ введенъ въ бывшихъ военныхъ гимназіяхъ, причемъ въ основу этого курса былъ поставленъ способъ ортогональныхъ проекцій. При этомъ предполагалось непосильное требованіе отъ учениковъ: при трехъ урокахъ въ недѣлю ознакомиться съ теоріей начертательной геометріи и съ ея приложеніями къ линейной перспективѣ и теоріи тѣней. Въ результатѣ оказалось, что ученики не усваивали теоріи, а на практическое черченіе не оставалось вре-

мени. Поэтому военныя гимназіи въ 1882 году, при своемъ преобразованіи въ кадетскіе корпуса, отказались отъ курса черченія, такъ какъ при существовавшей постановкѣ этого предмета цѣль обученія не достигалась. Въ реальныхъ училищахъ на черченіе назначено достаточно времени, но въ основу курса также поставленъ способъ ортогональныхъ проекцій. Въ результатѣ оказывается, что многіе ученики поступали въ высшія учебныя заведенія безъ навыка къ пониманію чертежей, но съ большою охотою копировать оригиналы и составлять чертежи по даннымъ образцамъ. И вотъ въ настоящее время нѣкоторые преподаватели высказываютъ мнѣніе о безполезности курса начертательной геометріи и даже о сокращеніи числа уроковъ на черченіе въ реальныхъ училищахъ. Но это мнѣніе образовалось вслѣдствіе неправильной постановки курса. Можно не преподавать курса начертательной геометріи учащимся въ реальныхъ училищахъ, но необходимо знакомить учениковъ со способомъ ортогональныхъ проекцій, необходимо—помимо другихъ цѣлей, для того чтобъ они могли сознательно слушать лекціи профессора геометріи въ высшей учебномъ заведеніи.

Вникнувъ во все вышезложенное, приходимъ къ необходимости начинать изложеніе курса черченія съ того способа, которымъ инстинктивно пользуются дѣти и неученые рабочіе при изображеніи окружающихъ предметовъ. Не зная о существованіи линейной перспективы и не замѣчая ея законовъ на простыхъ, вблизи находящихся предметахъ, они машинально изображаютъ эти предметы по правиламъ, которыя излагаются въ способѣ косоугольно - параллельной проекціи (*Schiefwinkelige Parallelprojection*) или возвышенной перспективы (*Perspective Cavalière*). Этотъ способъ соединяетъ въ себѣ выгоды или достоинства способовъ линейной перспективы и ортогональныхъ проекцій и называется иногда вольною или условною перспективою.

Чертежъ, составленный по правиламъ косоугольной проекціи или условной перспективы, имѣетъ слѣдующія качества: 1) сходство съ чертежемъ того же предмета, изображеннаго по правиламъ линейной перспективы, и 2) возможность всѣ главные размѣры предмета видѣть прямо на чертежѣ въ натуральную величину или въ данномъ уменьшеніи. Первое свойство влечетъ за собою наглядность чертежа и возможность легко и скоро составлять въ умѣ представленіе о формѣ изображеннаго предмета, а второе—возможность извлекать изъ чертежа тѣ данныя, которыя отыскиваются въ совокупности ортогональныхъ проекцій. Поэтому способъ косоугольной проекціи или услов-

ной перспективы представляет собою наилучшее средство, съ помощью котораго могутъ понятливо объясняться между собою техники съ рабочими, не свѣдущими въ теоріи проекцій, и преподаватель съ учениками, не имѣющими навыка къ пониманію чертежей. Рисунки, съ помощью которыхъ преподаватель объясняетъ учащимся теоремы изъ курса стереометріи, составляются по правиламъ условной (а не линейной) перспективы.

Начавъ курсъ черченія изложеніемъ правилъ условной перспективы и ознакомивъ учениковъ съ чертежами, составленными по этому способу проекцій, преподаватель можетъ легко и удобно перейти къ способу конической проекціи или линейной перспективы. Затѣмъ, сообщивъ учащимся свѣдѣнія о горизонтальной ортогональной проекціи съ дополнительными числами и профилями, преподаватель можетъ закончить курсъ черченія ознакомленіемъ учениковъ съ совокупностью ортогональныхъ проекцій на двухъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ. Подробное изученіе этого послѣдняго способа проекцій составляетъ предметъ начертательной геометріи, какъ науки, которая должна имѣть мѣсто только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Излагая способъ условной перспективы, надо упражнять учениковъ: а) въ съемкѣ съ натуры геометрическихъ тѣлъ и простѣйшей ихъ совокупности, и б) въ составленіи чертежей по даннымъ размерамъ тѣхъ же предметовъ, располагая ихъ въ различномъ положеніи относительно другъ друга. При ознакомленіи учениковъ съ другими способами проекцій можно довольствоваться только послѣднимъ упражненіемъ.

Въ курсѣ черченія можно довольствоваться изображеніемъ геометрическихъ тѣлъ, потому что самый сложный предметъ можно разсматривать какъ совокупность геометрическихъ тѣлъ, расположенныхъ относительно другъ друга въ надлежащемъ порядкѣ. Только при достаткѣ времени можно упражнять учениковъ въ черченіи предметовъ обыденной жизни или имѣющихъ значеніе въ какомъ-либо практическомъ дѣлѣ.

Курсу черченія слѣдуетъ предпослать упражненія учениковъ, съ чертежными приборами, въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ, примѣнимыхъ въ чертежномъ дѣлѣ. На каждый случай преподаватель обязанъ указать простѣйшій пріемъ для рѣшенія, и нѣтъ нужды ученикамъ рѣшать графически всѣ задачи, предлагаемыя въ геометріи.

Вышесказанный порядокъ изложенія способовъ проекцій важенъ въ томъ отношеніи, что при рѣшеніи задачъ, относящихся къ ли-

нейной перспективѣ и ортогональнымъ проеціямъ, преподаватель обыкновенно пишетъ числовыя данныя при чертежахъ, изображающихъ предметы въ косоугольной проеціи. Кромѣ того, этотъ порядокъ изложенія имѣетъ еще то достоинство, что курсъ черченія можетъ быть пройденъ съ пользою для учениковъ, какъ въ цѣломъ своемъ объемѣ, такъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ, начиная съ условной перспективы. При недостаткѣ времени, можно ознакомить учениковъ только съ условною перспективою и притомъ такъ, чтобы курсъ черченія предшествовалъ или, въ крайнемъ случаѣ, совпадалъ съ курсомъ стереометріи. При болѣе достаточномъ времени, кромѣ того, можно сообщить учащимся необходимыя свѣдѣнія изъ конечской проеціи, потому что пониманіе чертежей, составленныхъ по правиламъ косоугольной проеціи, значительно облегчаетъ усвоеніе правилъ линейной перспективы. Сообщение свѣдѣній изъ линейной перспективы во 2-мъ и 3-мъ классахъ, какъ это дѣлается въ настоящее время преподавателями рисованія, можно признать бесполезнымъ, потому что ученики въ возрастѣ отъ 12 до 13 лѣтъ не въ состояніи усвоить понятіе объ относительномъ положеніи линій и плоскостей въ пространствѣ; къ тому же они совершенно не знакомы съ геометрией на плоскости. При достаточномъ числѣ уроковъ на черченіе, послѣ условной и линейной перспективъ, можно сообщать учащимся свѣдѣнія объ ортогональныхъ проеціяхъ.

При черченіи обыкновенно къ ученикамъ предъявляютъ два требованія: а) правильность и б) техническую отдѣлку или красоту чертежа. Последнее требованіе удовлетворяется: ровнымъ проведеніемъ линій, надлежащимъ ихъ оттѣненіемъ, аккуратнымъ сопряженіемъ кривыхъ и изящною тушовкою или раскраской. Предъявляя къ ученикамъ общеобразовательныхъ школъ второе требованіе, надо допустить нѣкоторыя ограниченія и обратить главное вниманіе на быстроту работы. Количество и разнообразіе рѣшаемыхъ задачъ имѣетъ большое вліяніе на пользу, извлекаемую учениками изъ курса черченія. Рѣшеніе большаго числа задачъ, при маломъ запасѣ теоретическихъ свѣдѣній, принесетъ ученику въ будущемъ больше пользы, чѣмъ малое число красиво сдѣланныхъ чертежей при самомъ основательномъ знаніи теоріи курса. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ будущей практической дѣятельности ученика понадобится умѣнье составлять чертежи отъ руки, откладывая разстоянія на глазъ. Поэтому на урокахъ черченія слѣдуетъ упражнять учащихся въ глазо-

мѣрномъ составленіи чертежей съ соблюденіемъ однако масштаба и правильности проводимыхъ линій.

Черченіе, подобно рисованію, слѣдуетъ преподавать практическимъ путемъ, и притомъ такъ, чтобы теорія усвоивалась учащимися на урокахъ, а не заучивалась дома. Сообщивъ ученикамъ нѣсколько предложеній для общаго рѣшенія задачъ, преподаватель заставляетъ учащихся продѣлать задачи, въ которыхъ примѣнялись бы свѣдѣнія, сообщенныя какъ въ этотъ, такъ и въ предыдущій урокъ. При рѣшеніи этихъ задачъ, преподаватель разъясняетъ частные случаи, которые явятся сами собою, вслѣдствіе разнообразнаго выбора учениками точекъ и линій относительно координатныхъ плоскостей и предѣльныхъ линій чертежа. При подобномъ веденіи дѣла теорія курса черченія будетъ усваиваться учениками легко, а цѣль преподаванія этого предмета въ школѣ будетъ вполне достигаться.

Ислагая способъ условной перспективы, преподаватель въ самомъ классномъ помѣщеніи можетъ найти систему прямоугольныхъ координатныхъ плоскостей (полъ и двѣ смежныя стѣны), а также нѣкоторыя точки и линіи, которыя могутъ быть изображены относительно этой системы. При объясненіи правилъ линейной перспективы полезно имѣть модели, состоящія изъ трехъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостей, изъ коихъ одна вертикальная должна быть прозрачна, на примѣръ, изъ стекла. Кромѣ того, полезно указывать учащимся на разницу между положеніями линій въ пространствѣ и ихъ изображеній на стеклѣ, которое находится между глазомъ и предметомъ. При изложеніи способа ортогональныхъ проекцій, желательно имѣть модели небольшого числа геометрическихъ тѣлъ съ ихъ проекціями на двухъ плоскостяхъ. Предметами для съемки съ натуры могутъ служить модели, употребляемыя для объясненія теоремъ въ курсѣ стереометріи, а также и другія модели простѣйшаго образца, которыя могутъ оказаться въ учебномъ заведеніи.

Вопросъ о числѣ уроковъ, потребныхъ на черченіе, можетъ быть рѣшенъ только практикою въ каждомъ родѣ существующихъ учебныхъ заведеній, въ зависимости отъ числа уроковъ, необходимыхъ на другіе учебные предметы. Не имѣя въ виду, въ общеобразовательныхъ школахъ, готовить будущихъ художниковъ и предполагая, что цѣль уроковъ рисованія будетъ частью достигаться черченіемъ, слѣдуетъ эти два предмета, по числу уроковъ, поставить въ одинаковыя условія. Можно приблизительно рекомендовать на черченіе слѣдующее число уроковъ: а) на вспомогательныя графическія дѣй-

ствія и въ томъ числѣ на черченіе кривыхъ—2; б) на условную и линейную перспективы отъ 3 до 4; в) на способъ горизонтальной проекціи съ отиѣтками и разрѣзами—1, и г) на совокупность ортогональныхъ проекцій—3 и большее число уроковъ.

Вышепомянутое число уроковъ назначается только на общій курсъ черченія, который не слѣдуетъ смѣшивать съ техническимъ. Въ курсѣ технического черченія обыкновенно преслѣдуется специальная цѣль, для которой школа готовитъ своихъ учениковъ.

Вопросъ о преподавателяхъ черченія представляется важнѣйшимъ изъ всѣхъ положеній, разясняемыхъ въ этой статьѣ. Можно безошибочно сказать, что въ Россіи существуетъ весьма небольшое число преподавателей черченія, и это число не возможно увеличить какимъ-либо приказомъ или распоряженіемъ. Каждый человѣкъ, посвятившій себя педагогической дѣятельности, преобразовывается въ полезнаго преподавателя только по прошествіи достаточнаго времени, пользуясь воспоминаніями о своихъ бывшихъ учителяхъ, собственнымъ опытомъ и усиленною работою надъ самимъ собою во время занятій съ учащимися. Поэтому, ввода черченіе наравнѣ съ рисованіемъ въ кругъ предметовъ общаго образованія, нельзя миновать большихъ затрудненій въ приисканіи преподавателей черченія для общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Преподаватель долженъ быть хорошо знакомъ какъ съ геометрией, такъ и съ чертежнымъ дѣломъ, а этому условію могутъ удовлетворить лишь лица, окончившіе курсъ въ одномъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Нельзя поручать курсъ черченія людямъ, которые основательно знаютъ геометрію, но мало знакомы съ чертежнымъ дѣломъ; точно также нельзя ожидать пользы отъ чертежника, хорошо знакомаго съ техникою черченія, но мало свѣдущаго въ геометріи. Первый будетъ преслѣдовать рѣшеніе замысловатыхъ геометрическихъ задачъ, легко рѣшаемыхъ въ умѣ, но совершенно ненужныхъ и не примѣнимыхъ въ практикѣ чертежнаго дѣла, а между тѣмъ не обратитъ вниманія на задачи, которыя являются только при составленіи чертежей. Второй будетъ преслѣдовать рутинный методъ обученія: копировку сложныхъ чертежей, съ изыщною отдѣлкою буквъ, линій и тѣней и, можетъ быть, мало обратитъ вниманія на смыслъ ученической работы. Вообще же и тотъ, и другой будутъ упускать изъ виду главную цѣль преподаванія—упражнять учениковъ въ чтеніи чертежей, развивать въ нихъ творческую способность и умѣнье

мысль о формѣ предметовъ передавать другимъ лицамъ съ помощью чертежа.

Курсъ черченія долженъ имѣть самостоятельный характеръ и не можетъ быть разсматриваемъ какъ повтореніе нѣкоторыхъ отдѣловъ геометріи. Не смотря на тѣсную связь этихъ двухъ предметовъ,—потому что чертежникъ пользуется данными изъ геометріи, а геометрія не можетъ быть разъясняема ученикамъ безъ пособія чертежа теоремъ, рѣшенныхъ умомъ и воображеніемъ,—между совѣтами, которые даются въ геометріи и черченіи, существуетъ разногласіе и даже противорѣчіе. Это разногласіе происходитъ отъ тѣхъ же причинъ, по которымъ теорія и практика какого-нибудь дѣла не совсѣмъ согласны между собою. Такъ, многіе способы рѣшенія задачъ, предлагаемыя въ геометріи, не применимы въ черченіи, потому что первая имѣетъ дѣло съ умственными, отвлеченными линіями, а второе—съ матеріальными; первая разбрасываетъ свои точки и линіи въ безпредѣльномъ пространствѣ, а второе работаетъ въ узкихъ рамкахъ, въ предѣлахъ листа бумаги; первая измѣряетъ протяженіе такими единицами, которыя доступны только уму, а второе имѣетъ дѣло только съ конечными величинами, и притомъ такими, которыя могутъ быть измѣрены раствореніемъ циркуля. Вслѣдствіе того приемы для рѣшенія однихъ и тѣхъ же задачъ въ геометріи и черченіи неодинаковы. Такъ въ геометріи предлагается дѣлить отрѣзокъ прямой, какъ, на примѣръ, дюймъ, на произвольное число равныхъ частей, но чертежникъ опытомъ убѣдился, что дѣлить дюймъ на 100 частей бесполезно, потому что на протяженіи одного дюйма можно поставить карандашомъ или перомъ не болѣе 100 едва видимыхъ глазу точекъ. Въ геометріи говорится, что пересѣченіе двухъ прямыхъ будетъ всегда точка, но въ практикѣ черченія это правило можно допустить только въ томъ случаѣ, когда уголъ между прямыми не будетъ менѣе извѣстнаго предѣла. Въ геометріи для вычерчиванія кривой предлагается вообще опредѣлять возможно большее число ея точекъ, но преподаватель черченія даетъ своему ученику обратный совѣтъ, говоря: „Чѣмъ меньше точекъ тѣмъ лучше, лишь бы онѣ были только выбраны, такъ какъ въ данномъ случаѣ большое число точекъ приведетъ къ худшимъ результатамъ—бесполезной потери времени и труда, неправильному прочерчиванію кривой и неясности чертежа“. Геометрическія правила для дѣленія отрѣзка прямой на равныя части, во многихъ случаяхъ и въ особенности, когда самъ отрѣзокъ или его части малы, игнорируются чертежникомъ, какъ непрактичныя совѣты, а для дѣленія

отрѣзковъ кривыхъ и окружностей геометрія совсѣмъ не даетъ правилъ. Въ курсѣ черченія имѣется для дѣленія отрѣзковъ линій самый вѣрный и во всѣхъ случаяхъ примѣнимый приемъ, состоящій въ споровкѣ, глазомѣрѣ и умѣннѣ обращаться съ циркулемъ. Этотъ приемъ легко приобрѣтается даже начинающими послѣ непродолжительной и аккуратной работы, а во многихъ случаяхъ вполне замѣняетъ правила, излагаемыя въ геометріи. Наконецъ, при составленіи чертежей являются задачи, на рѣшеніе которыхъ иногда нельзя найти указаній въ подробномъ нынѣ существующемъ курсѣ геометріи. Такъ какъ данныя для рѣшенія этихъ послѣднихъ задачъ надо заимствовать изъ геометріи, то преподаватель чертежннкъ, мало знакомый съ этимъ предметомъ, не можетъ принести пользы учащимся.

Возвращаясь къ затронутому вопросу о преподавателяхъ, можно остановиться пока на одномъ его рѣшеніи. Курсъ черченія слѣдуетъ вводить не сразу во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, но по мѣрѣ накопленія преподавателей. Число преподавателей увеличится со временемъ, если будетъ существовать необходимость въ ихъ услугахъ. Одновременное введеніе курса во всѣ учебныя заведенія, при недостаткѣ преподавателей, поведетъ къ тѣмъ неприятымъ послѣдствіямъ, по которымъ бывшія военныя гимназій отказались отъ предмета, знаніе коего весьма важно для учениковъ, спеціально подготовляемыхъ для поступленія въ военныя училища.

Въ заключеніе можно сказать, что на урокахъ рисованія въ общеобразовательныхъ школахъ ученики пріучаются къ копировкѣ съ оригиналовъ, рисованію съ гипсовыхъ моделей головокъ и архитектурныхъ украшеній и къ тщательной тушовкѣ рисунковъ. Вслѣдствіе того, по окончаніи школьнаго курса, многіе изъ нихъ не могутъ нарисовать даже карандашемъ предметовъ, имѣющихъ весьма простую форму, а также плохо читаютъ рисунки и чертежи въ руководствахъ, изучаемыхъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Однимъ словомъ, судя по достигаемымъ результатамъ, рисованіе въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ нуждается, наравнѣ съ черченіемъ, въ болѣе цѣлесообразной постановкѣ курса.

А. Маннавъсь.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА 1).

Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Θ. Буслаевъ*. Седьмое изданіе, исправленное и дополненное. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 235. Цѣна 1 руб.

Русская хрестоматія. Памятники древней русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Θ. Буслаевъ*. Четвертое изданіе, исправленное и дополненное. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 478. Цѣна 1 р. 75 коп.

Седьмое изданіе Учебника русской грамматики *Θ. И. Буслаева* не только исправлено и дополнено, но — можно сказать — и вполне передѣлано. Капитальныя передѣлки оказываются въ слѣдующемъ:

1) Систематическое введеніе правописанія академика *Я. К. Грота* повлекло за собою значительную переработку большей части параграфовъ этимологій.

2) Въ виду успѣховъ по изслѣдованію церковно-славянскаго и русскаго языковъ (сочиненія *Ягича*, *Будиловича*, *Соболевскаго*), составитель Учебника русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, долженъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ научныхъ положеній, признанныхъ въ настоящее время несостоятельными. Такова система склоненій именъ существительныхъ, раздѣленныхъ по Востокову на два склоненія. Въ 7-мъ изданіи (стр. 77) г. *Буслаевъ* принимаетъ четыре склоненія, равно обязательныя, какъ для церковно-славянскаго языка, такъ и для русскаго. Такимъ образомъ сближены

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

органически оба эти языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываются и тѣ школьные учебники русской грамматики, въ которыхъ склоненія существительныхъ раздѣляются на четыре (или на пять) склоненій.

3) Чтобы способствовать успѣхамъ въ обученіи гимназистовъ классическимъ языкамъ, составитель призналъ необходимымъ приноровить къ логическому строю этихъ языковъ, особенно къ латинскому, многіе параграфы русскаго синтаксиса. Онъ не могъ отказать своему учебнику въ такомъ капитальномъ улучшеніи, какъ это явствуется, напримѣръ, на стр. 176—177 и 184—185.

4) Такъ какъ Учебникъ русской грамматики служитъ постояннымъ руководствомъ при объясненіи статей Русской Хрестоматіи, предназначенной тоже для гимназій, то чтобы наиболѣе способствовать этой цѣли, составитель долженъ былъ дать мѣсто въ Учебникѣ русской грамматики всему, что могло бы затруднить учащихся при чтеніи и разборѣ сказанныхъ статей. Это повело его къ значительной переработкѣ учебника. Потому на послѣдней 236-й страницѣ въ примѣчаніи къ „Объясненію сокращеній“ у него и сказано: „Что же касается до примѣровъ на языкѣ древне-русскомъ, приводимыхъ въ этомъ учебникѣ, то они большею частію взяты изъ тѣхъ произведеній, которыя помѣщены въ „Русской Хрестоматіи“, содержащей въ себѣ памятники древне-русской литературы и народной словесности.

Не смотря на такую переработку, 7-е изданіе Грамматики только на два листа болѣе прежнихъ изданій (въ немъ четырнадцать съ половиною листовъ).

Что же касается до Русской Хрестоматіи, содержащей въ себѣ избранные „памятники древней русской литературы и народной словесности“, то, за нѣкоторыми существенными исправленіями въ текстѣ статей и частію въ примѣчаніяхъ, главнѣйшее улучшеніе ея состоитъ въ дополненіяхъ, вызванныхъ какъ программами министерства народнаго просвѣщенія, такъ и требованіями болѣе опытныхъ и болѣе свѣдущихъ изъ преподавателей русскаго языка и словесности.

Въ эту хрестоматію внесены слѣдующія новыя статьи: 1) изъ Несторовой лѣтописи о князѣ Олегѣ (стр. 25—27); 2) изъ Переписки князя Курбскаго съ Грознымъ (стр. 254—262); 3) Письмо царевны Ксеніи Борисовны къ ея теткѣ (стр. 268—270); 4) Изъ переписки царя Михаила Феодоровича съ патріархомъ Филаретомъ (стр. 276—279); 5) повѣсть о Горѣ-Злосчастіи (стр. 331—348); 6) стихъ о Голубиной книгѣ (стр. 357—364); 7) былина о Садкѣ, богатомъ гостѣ (стр. 423—426); 8) народная лирическая поэзія (стр. 447—461).

Чтобы не увеличивать книги во вредъ учащимся и кѣсть съ тѣмъ, чтобы очистить ее отъ статей менѣе значительныхъ или почему-либо затруднительныхъ, въ новомъ (4-мъ) изданіи исключены: 1) одно изъ двадцати чтеній изъ лѣтописи Нестора, именно о кудесникахъ или волхвахъ; 2) одно изъ четырехъ словъ Кирилла Туровскаго; 3) одинъ изъ восьми эпизодовъ въ житіи Сергія Радонежскаго; 4) одно чтеніе изъ старопечатнаго Апостола 1564 г.; 5) изъ Исторіи кн. Курбскаго о покореніи Казани, — статья невразумительная для учащихся по множеству польскихъ варваризмовъ и бѣлорусскихъ провинціализмовъ, и статья изъ путешествія Іоанна Грознаго, съ мелкими подробностями о разныхъ монашескихъ интригахъ, разъясненіе которыхъ не подъ силу гимназическому курсу русской исторіи.

Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ прибавлено пять печатныхъ листовъ, а исключено таковыхъ же три: слѣдовательно книга увеличилась только двумя листами, то-есть, въ ней 30 листовъ вмѣсто 28 прежняго изданія. Цѣна же оставлена прежняя.

Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, сравнительно съ русскимъ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *Е. Ѡ. Карскій*. Вильно. 1888. Стр. 127. Цѣна 65 к.

Появленіе всякаго новаго учебника должно быть непременно оправдано причинами, по которымъ авторъ пожелалъ особымъ трудомъ, новою книгою отвѣтить на потребность школы. Еще было бы лучше, еслибъ онъ при этомъ указывалъ на пробѣлы и недостатки существующихъ руководствъ, которыми объяснялась бы необходимость новой учебной книги. Къ сожалѣнію, послѣдняго у насъ совсѣмъ не бываетъ, а объяснительное предисловіе тоже не всегда разъясняетъ цѣль и задачу вновь появляющагося учебника.

На этотъ разъ авторъ Грамматики древняго церковно-славянскаго языка, г. Карскій, ясно и опредѣленно высказался въ предисловіи о цѣли своей учебной книги. Имъ руководило желаніе „дать учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ краткій курсъ древняго церковно-славянскаго языка (мы сказали бы: курсъ грамматики древняго...), представляющій обще-установившіеся выводы сравнительнаго языковѣдѣнія“. Такая цѣль, расширяющая задачу учебнаго плана, нѣсколько пугаетъ а priori, какъ бы мала по объему ни была сама книжка; но разсмотрѣвъ книжку, видишь, что она дѣйствительно отличается краткостью и представляетъ собою цѣльный, логически связанный курсъ старо-славянскаго языка. Такимъ образомъ передъ нами новый

compendium выводовъ сравнительнаго языкознанія примѣнительно къ церковно-славянскому языку, при чемъ не забыть и русскій языкъ. Слѣдую объяснительной запискѣ къ учебному плану русскаго языка, авторъ, какъ говоритъ онъ самъ, — старался изложить свой курсъ такъ, чтобы онъ не только знакомилъ съ особенностями старо-славянскаго языка, но и объяснялъ бы общій строй языка русскаго и сохранившіеся до нашего времени остатки старыхъ формъ, вслѣдствіе чего грамматика и изложена сравнительно съ русскою. И надо отдать и въ этомъ справедливость автору: нигдѣ имъ по возможности не опускается случай сравненія формъ церковно-славянскихъ съ русскими, что вполне согласно съ учебнымъ планомъ. Но compendium выводовъ сравнительнаго языкознанія далеко превышаетъ требованія учебнаго плана, требованія, во всякомъ случаѣ посильныя для учениковъ четвертаго класса.

Возьмемъ первую часть курса.

Планъ гласитъ слѣдующее: „Звуки и буквы древняго церковно-славянскаго языка, гласныя, твердыя и мягкія, глухія, носовыя, придыханія“. На это отвѣчаютъ въ статьѣ: „Дѣленіе звуковъ старо-церковнаго славянскаго языка“ параграфы рубрики А—„Гласные звуки. Дѣленіе ихъ: основныя, широкіе и узкіе ¹⁾, мягкіе и твердые, йотованныя; вліаніе йота на гласныя; глухіе и носовыя. Измѣненія кореннаго гласнаго звука при словообразованіи: усиленіе или подъемъ, ослабленіе гласныхъ, сокращеніе, замѣна одного другимъ; отраженіе указанныхъ явленій въ русскомъ языкѣ. Измѣненія гласныхъ звуковъ при встрѣчѣ съ другими гласными: разложеніе, слитіе, вставка согласныхъ и приставка ихъ; уподобленіе гласныхъ“.

Статья учебнаго плана: „Раздѣленіе согласныхъ по органамъ произношенія и по степени звучности. Смягченіе согласныхъ и ихъ переходъ въ другіе, вставка, выпаденіе“ — соотвѣтствуетъ въ грамматикѣ г. Карскаго статьѣ: „Дѣленіе согласныхъ звуковъ по количеству, по качеству (по органамъ произношенія), по звуку. Законы сочетанія согласныхъ съ гласными; переходъ голосовыхъ и безголосныхъ, шипящихъ и свистающихъ, твердыхъ и мягкихъ. Перемѣна, выпаденіе звуковъ, вставка, отпаденіе, изглашеніе ²⁾ словъ. Законы сочетанія согласныхъ съ гласными: переходное и непереходное смягченія—зубныхъ, губныхъ и гортанныхъ. Общее замѣчаніе относи-

¹⁾ Дѣленія гласныхъ по количеству въ планѣ не указано.

²⁾ Такіе ученые неологизмы не возможно употреблять въ учебникѣ.

тельно смягченныхъ согласныхъ. Прибавленіе къ фонетикѣ: полногласіе, слоги ор-ол и ер, зачинное ¹⁾ е, слоги ой, ей, нй и ій*. Уже изъ этого сопоставленія видно, что требованія значительно повышены. Внимательное чтеніе учебнаго плана указываетъ, что терминологія фонетики и самая система раздѣленія звуковъ тамъ въ прямой зависимости отъ грамматики Буслаева. Въ грамматикѣ же Карскаго замѣтно вліяніе „Начертанія церковно-славянской грамматики пр. Будиловича“. Ученіе о буквахъ широкихъ и узкихъ въ „Начертаніи“ изложено ясно, при чемъ г. Будиловичъ пояснилъ систему звуковъ графически. Послѣднимъ воспользовался и г. Карскій. Статья г. Будиловича о дѣленіи гласныхъ звуковъ (стр. 12, 13 и 14) весьма понятно изложена, хотя бы и для учениковъ, и дѣйствительно должна быть принята во вниманіе составителемъ всякаго новаго учебника.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что объясненіе іотированныхъ гласныхъ увлекло г. Карскаго въ область недоступную для средней школы. Въ одиннадцатомъ параграфѣ овъ распространяется о свойствахъ j, не существовавшего и въ архангелскомъ языкѣ, а проблематическаго, хотя и безусловнаго, по выводамъ сравнительнаго языковеденія. Положивъ себѣ за правило особымъ шрифтомъ печатать то, что для учениковъ не необходимо, г. Карскій типографскимъ наборомъ этого параграфа, однакоже, указалъ на его необходимость для учениковъ. Мы понимаемъ логическій путь, повлекшій г. Карскаго на эту окольную для учебника дорогу. Но каково же ученику (ученику IV класса), не занимавшемуся филологіей, останавливаться на такихъ строкахъ (стр. 14): „j+ъ послѣ согласныхъ обыкновенно превращается въ ь: конь изъ конjъ; послѣ гласныхъ j+ъ=и“ и т. д. Въ ученіи объ измѣненіи гласныхъ г. Карскій представляетъ три ряда (терминъ) чередованія звуковъ. Съ этими рядами ученикъ можетъ справляться. Таблица рядовъ можетъ служить для справки, но если ее заставляютъ учить наизусть (что возможно), то она будетъ бременемъ для памяти и не облегчитъ дѣла. Ученіе объ измѣненіи гласныхъ подраздѣлено въ учебникѣ на двѣ статьи: 1) „Измѣненія кореннаго гласнаго при словообразованіи“ и 2) „Измѣненія при встрѣчѣ гласныхъ звуковъ съ другими гласными“. Такъ подраздѣлять не точно: и та, и другая статья говоритъ о словообразованіи. Первую статью слѣдовало бы назвать „измѣненіемъ коренныхъ гласныхъ подъ вліяніемъ измѣненія слѣдующаго за кореннымъ слога“.

¹⁾ Тоже неумѣстный въ учебникѣ неологизмъ.

Тогда и названіе второй статьи было бы совершенно точно, а затѣмъ и общее названіе главы: „Измѣненія гласныхъ буквъ“ получило бы должную опредѣленность.

Терминъ: „придыханіе“, указанный въ учебномъ планѣ, не встрѣчается въ грамматикѣ Карскаго, хотя прямое сродство гласныхъ съ ъ и наращенія очень хорошо выяснены параграфами 18-мъ и 20-мъ.

Ученіе о согласныхъ буквахъ тоже гораздо обширнѣе, чѣмъ въ учебномъ планѣ. Такъ указано на „раздѣленіе согласныхъ по органамъ произношенія и по степени звучности, на смягченіе согласныхъ ихъ переходъ въ другія, на вставку и выпаденія“—здѣсь—предлагается „дѣленіе согласныхъ по количеству, по качеству и по звуку“. Законы сочетанія и измѣненія согласныхъ звуковъ приведены въ строгую систему. Уясненію системы, хотя и сложной, помогаетъ таблица, въ которой легко найдтись. До 25-го параграфа о согласныхъ изложено ясно и съ должною, для избранной системы, полнотою. Но самое заглавіе 25-го параграфа уже само по себѣ темно: „Измѣненія согласныхъ созвучій“. Прочтемъ вмѣстѣ съ ученикомъ самое изложеніе этой статьи по строкамъ. „Въ предыдущемъ § изложены были (зачѣмъ были?) законы сочетанія согласныхъ звуковъ въ группы“. Выраженіе „въ группы“ совсѣмъ неудачно, а по неясности — для учебника не возможно. Дѣло шло въ предыдущемъ параграфѣ объ однородности звуковъ, объ измѣненіи въ силу стремленія къ однородности. Понятіе о группѣ звуковъ остается не выясненнымъ и терминъ „группа“ не оговореннымъ. Читаемъ далѣе: „Однако не всѣ согласныя группы, даже и подходящія подъ указанные законы, терпимы въ языкѣ старо-славянскомъ и русскомъ; есть не мало такихъ созвучій, которыя въ неизмѣнномъ видѣ существовать не могутъ. Въ нихъ обыкновенно или перемѣняется первый согласный (прибавьте: звукъ), или онъ совершенно выбрасывается, или даже вставляется новый звукъ, только бы группа стала удобной для произношенія“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе случаевъ перемѣны, выпаденія и вставки, что и изложено вполне удовлетворительно. Но приступъ къ этой статьѣ долженъ быть передуманъ и переработанъ. Къ тому же случаи, изложенные въ § 25-мъ, не подходятъ къ закону однородности звуковъ, строго формулированному въ предыдущемъ параграфѣ.

Третья статья „объ измѣненіи согласныхъ звуковъ“ занимается сочетаніемъ ихъ не съ согласными, а непосредственно съ гласными, и раздѣляется на смягченіе зубныхъ, смягченіе губныхъ и гортанныхъ.

Особымъ прибавленіемъ къ фонетикѣ (ex abrupto встрѣтившійся впервые въ учебникѣ терминъ) является дѣйствительно необходимая, самая существенная статья: „О нѣкоторыхъ отличіяхъ русскаго языка отъ старо-церковнаго въ сочетаніи гласныхъ звуковъ съ согласными“. Это—законъ такъ-называемаго полиогласія, перестановки звуковъ и, наконецъ, начальное о соответствующее к и созвучія ой и ей, соответствующія ѣй и іѣ. Тутъ, кажется намъ, слѣдовало бы указать на то, что и нынѣшній церковно-славянскій языкъ—не только старо-церковный—обособляется этими самыми отличіями отъ русскаго языка.

Отдавая полную справедливость познаніямъ автора въ фонетикѣ и усвоенію имъ ея тонкостей, нельзя однако признать эту часть доступною для ученика. Такъ, напримѣръ, на стр. 16, ученикъ читаетъ ѣ чередованіи юсовъ: „ѣ переходитъ въ ж—тутъ собственно говоря усиливается ѣ въ о, а носовой элементъ остается безъ измѣненія“. Ученикъ, чтобы объяснить себѣ, почему ѣ переходитъ тутъ въ о, когда ни ѣ, ни о нѣтъ, обращается назадъ, къ стр. 11, гдѣ объяснены юсы, но тамъ онъ находитъ соответствіе этихъ мудреныхъ гласныхъ гласнымъ оу и а—, что окончательно сбиваетъ его съ толку. Между тѣмъ II-й пунктъ 7-го параграфа „Начертанія“ г. Будиловича разъяснилъ бы 16-ю страницу г. Барскаго. У г. Барскаго не сказано ясно и опредѣленно о томъ, что буква ѣ выговаривалась какъ е или ѣ, а ж—какъ о или ѣ и, конечно, уже и не разъяснено примѣрами, что было бы совершенно необходимо.

За фонетикой слѣдуетъ статья: „Образованіе словъ“; тутъ разсматриваются корни, префиксы и суффиксы. Эта статья прекрасно составлена; русское словопроизводство поставлено въ связь съ разъясненіемъ церковно-славянскихъ суффиксовъ и префиксовъ.

Полстраницы (41-й) отдано на слова сложные; съ умѣньемъ и опытностью сгруппированы способы сложенія двухъ словъ въ одно. Ученію о флексіяхъ дано наименованіе: измѣненіе словъ. Склоненій принято 4, какъ у г. Будиловича. Особо изложены склоненія личныхъ мѣстоименій, прилагательныхъ полныхъ и числительнаго имени. Образованіе степеней сравненія, числительныхъ и не измѣняемыхъ части—все это подъ руками у учащагося. Спряженія представлены въ двухъ основахъ (темахъ) для образованія видовъ и залоговъ. Образованіе глагольныхъ формъ: наклоненій и временъ—изложено ясно и съ должною полнотою. Однако и тутъ есть недосмотръ: безъ всякаго поясненія самаго термина и безъ аналогической связи съ греческимъ установленъ „аористъ и его виды“. Въ концѣ представлены

полные образцы спряжений и особенности спряжения некоторых глаголовъ.

Особенностямъ старо-церковнаго синтаксиса отмежевано менѣе двухъ страницъ, что совершенно достаточно, такъ какъ тутъ указаны всѣ существенныя особенности:

Въ заключеніе обратимся вновь къ предисловію. Въ немъ авторъ говоритъ, что „для развитія самодѣтельности въ учащемся онъ приложилъ къ курсу тексты важнѣйшихъ памятниковъ древне-славянской письменности и еще задачи, упражненія и вопросы какъ къ разнымъ статьямъ грамматики, такъ и къ текстамъ“, и даже—прибавимъ отъ себя—и краткій словарь. Вопросы и задачи не всѣ равнаго достоинства. Такъ, на стр. 90 къ неудачному по изложенію параграфу 24-му предлагаются и не совсѣмъ удачныя задачи: написать по старо-славянски слова встать, обхватить, отдать, сбегать, будка, изжариться.

Тексты взяты изъ Остромирова Евангелія, изъ такъ-называемой Саввиной Книги, изъ Супрасльской рукописи и изъ книгъ на ново-славянскомъ языкѣ. Передъ каждымъ изъ древнихъ текстовъ сообщены необходимыя свѣдѣнія о немъ. Подъ выдержками изъ Остромирова Евангелія приведенъ греческій текстъ, что весьма полезно для лицъ, знающихъ по гречески. Вопросы по разбору старо-славянскихъ формъ цѣлесообразны, но задачи указываютъ на тотъ фанатизмъ спеціалиста, который вреденъ по отношенію къ средней школѣ, и отъ котораго слѣдуетъ воздерживаться. Напримѣръ, задача „переложить всѣ тексты ново-славянскаго языка на старо-славянскій“ требуетъ большаго навыка въ славяно-русской филологіи и не посильна ученику, которому только въ пору понять данный образецъ архаическаго матеріала. Ни времени на это не хватитъ, да и надобности въ этомъ нѣтъ. Въ подобномъ переводѣ могутъ встрѣтиться, невѣдомыя древнимъ текстамъ, произвольныя формы.

Въ общемъ учебникъ г. Карскаго есть подспорье и пособіе для преподавателя. Какъ руководство — если простить ему сравнительно немногія неясности, онъ могъ бы быть въ рукахъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ гимназій, подобно тому, какъ былъ бы пригоденъ и студенту, приступающему къ изученію древнихъ текстовъ и еще не успѣвшему проштудировать основныя ученые труды. Какъ сопредіумъ выводовъ о законахъ языка, съ своими табличками и полными образцами склоненій и спряжений, грамматика г. Карскаго, благодаря ея краткости, дѣйствительно хорошая книга.

УЧЕБНАЯ РУССКАЯ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. Пособіе при изученіи образцовъ древней и новой русской литературы въ старшихъ классахъ гимназій, съ объясненіями и руководящими вопросами. Составилъ *Н. И. Баталинъ*. Въ 8-ку стр. 336+VII. Москва. 1886. Цѣна 2 руб.

Книга эта представляетъ примѣръ легкой компилятивной работы. Каждому, конечно, извѣстно, что сборникъ литературныхъ образцовъ состоитъ не изъ собственныхъ трудовъ собирателя, а изъ произведеній наиболѣе извѣстныхъ авторовъ; но вопросъ въ томъ, какъ собиратель относится къ выбору. Не одно и то же относится за матеріаломъ прямо къ источникамъ, разсматривать ихъ, сравнивать и извлекать наилучшее или—не считая нужнымъ осуждать себя на трудъ разысканія и оцѣнки—прямо брать готовое изъ ближайшихъ рукъ, то-есть, изъ прежде вышедшихъ въ свѣтъ сборниковъ. Последняго рода работа видна въ хрестоматіи г. Баталина. Онъ наполнилъ свою книгу уже готовымъ, очищеннымъ и просѣяннымъ литературнымъ матеріаломъ. Объясненія къ статьямъ и планы нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя назвать оригинальными потому только, что они помѣщены внизу страницъ, тогда какъ въ другихъ сборникахъ они слѣдуютъ за образцами. Исключеніемъ изъ общаго значенія книги могутъ быть названы лишь вопросы для разбора, приложенные къ нѣкоторымъ статьямъ и служащіе къ облегченію не однихъ только учениковъ, но и учащихся. Поэтому намъ кажется несправедливымъ ставить хрестоматію г. Баталина на ряду съ другими книгами того же рода, требовавшими отъ составителя копотливой работы, а именно непосредственнаго ознакомленія со всѣми трудами писателей, сортировки и выбора образцовъ, даже значительныхъ разысканій.

Сочиненія Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе *Льва Поливанова* для семьи и школы. Томъ пятый: Прозаическія сочиненія. Письма. Въ 8-ку стр. 632. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 75 коп.

Пятый и послѣдній томъ сочиненій Пушкина, изданныхъ для семьи и школы, достойнымъ образомъ заканчиваетъ почтенный и многополезный трудъ г. Поливанова. Онъ заключаетъ въ себѣ выборъ изъ прозаическихъ сочиненій и писемъ нашего поэта. Содержаніе его раздѣлено на четыре отдѣла: 1) статьи и замѣтки критическія и историко-литературныя (1822—1837); 2) сочиненія историческія (1832—1836); 3) статьи автобіографическія и 4) выдержки

изъ писемъ, относящихся къ критикѣ, литературѣ и автобиографіи (1820—1837). Издатель, какъ и въ первыхъ четырехъ томахъ предлагаетъ здѣсь юношеству все, могущее быть для него интереснымъ и дающее ему средство ближайшимъ образомъ познакомиться съ поэтомъ и полюбить его, какъ представителя народной сущности и выразителя родной природы. Нельзя при этомъ не вспомнить умнаго изреченія: познаніе предмета увеличиваетъ любовь къ нему, а любовь—увеличиваетъ познаніе. По отношенію къ Пушкину, можно сказать, что излишекъ предлагаемаго несравненно извинительнѣе, чѣмъ недостатокъ, хотя бы послѣдній и оправдывался какими-нибудь резонными побужденіями. Лучше чрезъ мѣру, чѣмъ въ малой, свушой мѣрѣ. Никто не посягаетъ на издателя—напротивъ каждый поблагодарить его за то, что онъ въ послѣднемъ томѣ цѣлкомъ помѣстилъ „Исторію Пугачевского бунта“ и „Поѣздку въ Арзерумъ“.

Но, кромѣ непосредственнаго ознакомленія съ прозаическими сочиненіями Пушкина, издатель даетъ еще другое, посредственное, состоящее въ объясненіи предлагаемаго матеріала и въ сводѣ критическихъ о немъ отзывовъ. Здѣсь-то главный трудъ и главная заслуга г. Поливанова. Разысканія его чрезвычайно тщательны и обнаруживаютъ разумный выборъ. Каждая статья освѣщается обстоятельными примѣчаніями. Самъ издатель не пускается въ критику, такъ какъ это не отвѣчало бы цѣли его изданія, состоящей въ историческомъ изложеніи взглядовъ на дѣятельность Пушкина. Но при каждой избранной имъ статьѣ указывается поводъ къ ея появленію; сообщается содержаніе сочиненій, о которыхъ судилъ Пушкинъ, и т. п. Такъ, въ исторической замѣткѣ къ „отрывку о слогахъ“ (стр. 5—7) сдѣланъ сводъ мнѣній Пушкина объ этомъ предметѣ; при мнѣніи о предисловіи Лемонтѣ къ переводу басенъ Крылова (стр. 18) сообщается сущность этого предисловія; отзывъ о повѣстяхъ Павлова (стр. 170) сопровождается изложеніемъ содержанія всѣхъ трехъ повѣстей; передъ отдѣломъ: „Статьи и замѣтки изъ Современника“ (1836) изложена исторія этого журнала (стр. 173); для объясненія письма 37-го (стр. 534) приведены стихи Рылѣва изъ двухъ его думъ: Исаакъ Сулавинъ и Петръ I въ Острогоскѣ; письму къ Чаадаеву (стр. 597) предпосланы объясненія характеристики этого лица и, кромѣ того, приложенъ французскій подлинникъ письма, въ виду его важности; иногда сообщаются отрывки изъ сочиненій, помѣщавшихся въ Современникѣ и о которыхъ этотъ журналъ подавалъ свое мнѣніе,

„Исторія Пугачевского бунта“ сопровождается отзывами Я. К. Грота и замѣткой Библиотеки для чтенія, а также приложеніями и примѣчаніями не только самого Пушкина, но и заимствованными изъ новаго труда г. Дубровина.

Однимъ словомъ, трудъ г. Поливанова заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія и благодарности.

Опытъ разбора повѣсти Гоголя: „Тарасъ Бульба“. К. Хоцянова“. Въ 8-ву 83 стр. С.-Пб. 1883. Цѣна 60 коп.

Первыя строки брошюры: „Опытъ разбора повѣсти Гоголя: Тарасъ Бульба“ показываютъ, что авторъ ея, г. Хоцяновъ, разбирая повѣсть Гоголя, поставилъ своею задачею выяснитъ: 1) „какую идею сообщаетъ Гоголь о запорожскомъ казачествѣ и 2) какъ онъ эту идею представляетъ въ живыхъ, художественныхъ образахъ“. Такъ какъ „идея о какомъ бы то ни было явленіи, по выраженію автора, получается у насъ тогда, когда мы знаемъ причины его возникновенія и существенныя, отличительныя признаки“, то первыя 15 страницъ брошюры и наполнены самыми общими замѣчаніями въ этомъ родѣ, сущность которыхъ кратко выражается на стр. 16: „Тяжелыя обстоятельства, горькія испытанія, доставшіяся на долю южной Россіи, вызвали изъ нѣдръ ея людей колоссальныхъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, истинныхъ героевъ плоти и духа, всецѣло посвятившихъ себя служенію великой, гуманной идеѣ, хотя служеніе ихъ этой идеѣ неизбѣжно выражалось безчеловѣчнымъ, звѣрскимъ образомъ“. Видя въ этихъ словахъ идею Гоголя о запорожскомъ казачествѣ и замѣчая, что Гоголь передаетъ ее намъ „не какъ историкъ, а какъ поэтъ“, г. Хоцяновъ пишетъ (стр. 16—35) о различіи въ передачѣ какой-либо идеи вообще историкомъ и поэтомъ, а съ стр. 35 до конца брошюры представляетъ психологическій анализъ, впрочемъ только съ хорошей стороны, поступковъ, мыслей и чувствъ Тараса Бульбы, жены его и Андрія. Вотъ и все содержаніе брошюры г. Хоцянова.

Предоставляя г. Хоцянову думать, что при разборѣ повѣсти историческаго содержанія прежде всего слѣдуетъ выяснитъ идею поэта объ историческомъ явленіи, и что въ изложеніи г. Хоцяновымъ (стр. 1—16) причинъ возникновенія и характерныхъ чертъ запорожскаго казачества выражается именно идея Гоголя объ этомъ же казачествѣ, — нельзя не замѣтить, что часть разсматриваемой

брошюры г. Хоцянова о различіи въ передачѣ историкомъ и поэтомъ какой-либо идеи (стр. 16 — 35) стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ главнаго предмета рѣчи — разбора повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба“, да и, сверхъ того, говорятъ объ этомъ различіи въ передачѣ историкомъ и поэтомъ какой-либо идеи меньше, чѣмъ въ любомъ учебникѣ словесности сказано .о различіи между прозой и поэзіей. Вотъ содержаніе этой части въ выраженіяхъ самого г. Хоцянова: „Извѣстно, что съ самаго появленія человѣчества на порогѣ жизни руководительницей его является внѣшняя, окружающая насъ природа (стр. 16), познаніе однакожъ этого внѣшняго и внутренняго міра приобрѣтается только чрезъ отличіе особенныхъ и существенныхъ признаковъ явленія; эти общіе существенные признаки явленій, соединяясь въ одно цѣлое, которое называется понятіемъ или идеей, въ лицѣ понятія или идеи (стр. 23) даютъ намъ знаніе вѣчное и неизмѣнное; наука же служитъ надежнымъ и вѣрнымъ средствомъ для приобрѣтенія понятій и идей (стр. 25); но такъ какъ наука обитаетъ на высотѣ отвлеченій, то на помощь ей является поэзія“ (стр. 26). Для подтвержденія всего сказаннаго приводятся соображенія объ олицетвореніи Пушкиннымъ и Гоголемъ идеи скупоности (стр. 27—31), о родствѣ художественной исторіи съ поэзіей и многое другое, но на всѣхъ 19-ти страницахъ (стр. 16—35) сравнительно небольшой брошюры нѣтъ ни слова о главномъ предметѣ рѣчи—повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба“.

Никакъ нельзя согласиться, чтобы „Опытъ разбора повѣсти Гоголя: Тарасъ Бульба“ могъ служить, на примѣръ, пособіемъ при изученіи образцовъ русской литературы въ гимназіяхъ или вообще въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Впервыхъ, этотъ Опытъ разбора не удовлетворяетъ указаннымъ учебными планами министерства народнаго просвѣщенія пунктамъ разбора литературныхъ произведеній. Вовторыхъ, г. Хоцяновъ въ изложеніи своихъ мыслей чрезвычайно щедръ на слова и тому, на чтѣ достаточно нѣскольکو строкъ, иногда посвящаетъ десятки страницъ; ссылаемся хоть на содержаніе первыхъ 15-ти страницъ, дающихъ не болѣе того, чтѣ сказано объ идеѣ повѣсти Тарасъ Бульба на стр. 16 брошюры. Положимъ, что г. Хоцяновъ вездѣ говоритъ съ увлеченіемъ своимъ предметомъ рѣчи, но свойства прочувствованной, пламенной рѣчи безслѣдно пропадаютъ, когда читатель, то и дѣло, встрѣчаетъ повтореніе одного и того же, высокопарныя до странности сравненія, выраженія и ого-

ворки, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „признаки въ лицѣ понятія или идеи“ (стр. 23), „миссія повѣи“ (стр. 34), „ассоціація контраста“ (стр. 62). Или въ другомъ мѣстѣ: „прощаніе казаковъ другъ съ другомъ есть приготовленіе къ великому священнодѣйствию, къ великому жертвоприношенію, при которомъ каждый думаетъ занять мѣсто первосвященника, войти въ Святаѣ святыхъ“ (стр. 15). „Идеи Тарасовой рѣчи принадлежатъ къ великимъ истинамъ Евангелія и подъ Дубномъ происходило великое священное сраженіе“ (стр. 63). „Въ повѣсти Тарасъ Бульба много (стр. 34) такихъ торжественныхъ мѣстъ, отъ которыхъ вѣетъ библейскимъ духомъ“. Подобныя пѣвты краснорѣчія могутъ произвести въ головѣ учащагося по меньшей мѣрѣ путаницу понятій.

Рядомъ съ такими претензіями на образность и изящество рѣчи встрѣчаются грамматически неправильныя обороты; напримѣръ, на стр. 3: „Да и не Бога и не внутренняго міра своихъ побѣжденныхъ собственно-то имѣетъ Польша въ виду“. „Но въ то же время, являясь для южной Россіи болѣе безчеловѣчнымъ врагомъ, чѣмъ монголы, Польша вмѣстѣ съ тѣмъ больше послѣдняя и будить, и воспламеняетъ силы народа“ (стр. 4) и т. п. Рѣжутъ глазъ въ сочиненіи преподавателя и такіе редакціонныя промахи, какъ: въ Польше (стр. 64), отовсюду видѣнъ былъ казакъ (стр. 65), надмѣненъ (стр. 69).

Опытъ разбора трагедіи Пушкина: „Моцартъ и Сальери“. К. Хоцянова. Въ 16-ю д. л. 46 стр. Псковъ. 1888. Цѣна 20 коп.

„Опытъ разбора трагедіи Пушкина: Моцартъ и Сальери“ г. Хоцянова представляетъ анализъ двухъ лицъ трагедіи съ психологической точки зрѣнія на нихъ, уясняя читателю главнымъ образомъ: почему, для чего говорить такъ или иначе извѣстное лицо? Какъ вяжется съ предыдущимъ и въ какомъ отношеніи находится къ послѣдующему сказанное имъ? Изъ послѣдовательнаго, слово за словомъ уясняющаго разбора мыслей и словъ въ монологахъ Сальери и Моцарта дѣлаются (начиная съ стр. 40 брошюры) выводы: 1) что лишь Сальери является лицомъ трагическимъ; 2) Сальери долженъ воплощать въ себѣ идею трагедіи, что страсть поработаетъ въ душѣ челоуѣка всѣ его лучшія качества, и ложное служеніе искусству, погоня за славой — гибельны; 3) тогда какъ Сальери служить въ трагедіи отрицательнымъ, мрачнымъ типомъ, Моцартъ является здѣсь

положительнымъ, свѣтлымъ идеаломъ не только артиста, но и вообще добраго человѣка (стр. 45).

Знать подобные выводы относительно трагедіи Пушкина „Моцартъ и Сальери“ — дѣло нелишнее. Но брошюра г. Хоцянова выиграла бы, еслибы въ ней было меньше высокопарныхъ выраженій, въ родѣ слѣдующихъ: „художественное произведеніе состоитъ изъ души и тѣла“ (стр. 1); „истинный священнослужитель искусства, Моцартъ (принявъ ядъ) долженъ на вѣки разстаться съ алтаремъ и жертвенникомъ“ (стр. 39); „Сальери отравилъ собственно не Моцарта, который, подобно свѣтозарному солнцу, спокойно и тихо скрылся за горизонтомъ или какъ нѣкій херувимъ улетѣлъ на небо, а самого себя, и отравилъ не тѣло свое, а душу“ (стр. 40). Восхищаясь или увлекаясь анализируемыми лицами трагедій, г. Хоцяновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей брошюры дѣлаетъ довольно смѣлыя предположенія и преувеличенія. Такъ, назвавъ Моцарта положительнымъ и свѣтлымъ типомъ трагедіи, г. Хоцяновъ говоритъ, что „можетъ быть по всему этому Моцартъ и поставленъ первымъ въ заглавіи произведенія“ (стр. 46). Это заключеніе не совсѣмъ гармонируетъ, во первыхъ, съ высказаннцемъ раньше въ брошюрѣ названіемъ Моцарта: „лицомъ побочнымъ въ трагедіи“ (стр. 44), „въ положеніи котораго ничего собственно трагическаго мы не видимъ“ (стр. 42), и вторыхъ съ первоначальнымъ названіемъ трагедіи у Пушкина „Зависть“, выражающимъ, что самъ поэтъ на первомъ планѣ ставилъ совсѣмъ не свѣтлый типъ въ этой трагедіи. Смѣлымъ предположеніемъ остаются слова и мысли (отъ стр. 32—34), будто Сальери бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта, говоря при этомъ про себя: „Ты (Моцартъ) думаешь, что геній и злодѣйство несовмѣстны, такъ вотъ же тебѣ доказательство, что они совмѣстны!“ Сальери не представляется намъ ни наивнымъ, ни развратнымъ на столько, чтобы такъ явно или нагло совершать преступленіе; напротивъ, онъ замаскировываетъ свое преступленіе уже предъ полумертвымъ, такъ сказать, Моцартомъ, говоря: „Ты выпилъ безъ меня?“ вмѣсто, по замѣчанію самого же г. Хоцянова: „Ты выпилъ отраву?“ Сверхъ того, замѣчаніемъ г. Хоцянова, будто Сальери бросаетъ ядъ съ цѣлю только опровергнуть мнѣніе Моцарта, что геній и злодѣйство — двѣ вещи несовмѣстныя, обезцѣвчивается, если не уничтожается все, сказанное раньше „о неодолимомъ желаніи, могучей страсти“ Сальери избавиться отъ Моцарта подъ вліяніемъ только обиднаго сознанія, что

ворки, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „признаки въ лицѣ понятія или идеи“ (стр. 23), „миссія повѣи“ (стр. 34), „ассоціація контраста“ (стр. 62). Или въ другомъ мѣстѣ: „прощаніе казаковъ другъ съ другомъ есть приготовленіе къ великому священнодѣйствию, къ великому жертвоприношенію, при которомъ каждый думаетъ занять мѣсто первосвященника, войти въ Святаѣ святыхъ“ (стр. 15). „Идеи Тарасовой рѣчи принадлежатъ къ великимъ истинамъ Евангелія и подъ Дубномъ происходило великое священное сраженіе“ (стр. 63). „Въ повѣсти Тарасъ Бульба много (стр. 34) такихъ торжественныхъ мѣстъ, отъ которыхъ вѣтъ библейскимъ духомъ“. Подобныя цѣпты краснорѣчія могутъ произвести въ головѣ учащагося по меньшей мѣрѣ путаницу понятій.

Рядомъ съ такими претензіями на образность и изящество рѣчи встрѣчаются грамматически неправильныя обороты; напримѣръ, на стр. 3: „Да и не Бога и не внутренняго міра своихъ побѣжденныхъ собственно-то имѣетъ Польша въ виду“. „Но въ то же время, являясь для южной Россіи болѣе безчеловѣчнымъ врагомъ, чѣмъ монголъ, Польша вмѣстѣ съ тѣмъ больше послѣдняго и будить, и воспламеняетъ силы народа“ (стр. 4) и т. п. Рѣжутъ глазъ въ сочиненіи преподавателя и такіе редакціонныя промахи, какъ: въ Польше (стр. 64), отовсюду видѣнъ былъ казакъ (стр. 65), надмѣненъ (стр. 69).

Опытъ разбора трагедіи Пушкина: „Моцартъ и Сальери“. К. Хоцянова. Въ 16-ю д. л. 46 стр. Псковъ. 1888. Цѣна 20 коп.

„Опытъ разбора трагедіи Пушкина: Моцартъ и Сальери“ г. Хоцянова представляетъ анализъ двухъ лицъ трагедіи съ психологической точки зрѣнія на нихъ, уясняя читателю главнымъ образомъ: почему, для чего говорить такъ или иначе извѣстное лицо? Какъ вьжется съ предыдущимъ и въ какомъ отношеніи находится къ послѣдующему сказанное имъ? Изъ послѣдовательнаго, слово за-словомъ уясняющаго разбора мыслей и словъ въ монологахъ Сальери и Моцарта дѣлаются (начиная съ стр. 40 брошюры) выводы: 1) что лишь Сальери является лицомъ трагическимъ; 2) Сальери долженъ воплощать въ себѣ идею трагедіи, что страсть поработочаетъ въ душѣ чловѣка всѣ его лучшія качества, и ложное служеніе искусству, погоня за славой — гибельны; 3) тогда какъ Сальери служить въ трагедіи отрицательнымъ, мрачнымъ типомъ, Моцартъ является здѣсь

положительнымъ, свѣтлымъ идеаломъ не только артиста, но и вообще добраго человѣка (стр. 45).

Знать подобные выводы относительно трагедіи Пушкина „Моцартъ и Сальери“ — дѣло нелишнее. Но брошюра г. Хоцянова выиграла бы, если бы въ ней было меньше высокопарныхъ выраженій, въ родѣ слѣдующихъ: „художественное произведеніе состоитъ изъ души и тѣла“ (стр. 1); „истинный священнослужитель искусства, Моцартъ (принявъ ядъ) долженъ на вѣки разстаться съ алтаремъ и жертвенникомъ“ (стр. 39); „Сальери отравилъ собственно не Моцарта, который, подобно свѣтозарному солнцу, спокойно и тихо скрылся за горизонтомъ или какъ нѣкій херувимъ улетѣлъ на небо, а самого себя, и отравилъ не тѣло свое, а душу“ (стр. 40). Восхищаясь или увлекаясь анализируемыми лицами трагедій, г. Хоцяновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей брошюры дѣлаетъ довольно смѣлыя предположенія и преувеличенія. Такъ, назвавъ Моцарта положительнымъ и свѣтлымъ типомъ трагедіи, г. Хоцяновъ говоритъ, что „можетъ быть по всему этому Моцартъ и поставленъ первымъ въ заглавіи произведенія“ (стр. 46). Это заключеніе не совсѣмъ гармонируетъ, во первыхъ, съ высказаннымъ раньше въ брошюрѣ названіемъ Моцарта: „лицомъ побочнымъ въ трагедіи“ (стр. 44), „въ положеніи котораго ничего собственно трагическаго мы не видимъ“ (стр. 42), и вторыхъ съ первоначальнымъ названіемъ трагедіи у Пушкина „Зависть“, выражающимъ, что самъ поэтъ на первомъ планѣ ставилъ совсѣмъ не свѣтлый типъ въ этой трагедіи. Смѣлымъ предположеніемъ остаются слова и мысли (отъ стр. 32—34), будто Сальери бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта, говоря при этомъ про себя: „Ты (Моцартъ) думаешь, что геній и злодѣйство несовмѣстны, такъ вотъ же тебѣ доказательство, что они совмѣстны!“ Сальери не представляется намъ ни наивнымъ, ни развратнымъ на столько, чтобы такъ явно или нагло совершать преступленіе; напротивъ, онъ замаскировываетъ свое преступленіе уже предъ полумертвымъ, такъ сказать, Моцартомъ, говоря: „Ты выпилъ безъ меня?“ вмѣсто, по замѣчанію самого же г. Хоцянова: „Ты выпилъ отраву?“ Сверхъ того, замѣчаніемъ г. Хоцянова, будто Сальери бросаетъ ядъ съ цѣлю только опровергнуть мнѣніе Моцарта, что геній и злодѣйство — двѣ вещи несовмѣстныя, обезцѣчивается, если не уничтожается все, сказанное раньше „о неодолимомъ желаніи, могучей страсти“ Сальери забыть отъ Моцарта подъ вліяніемъ только обиднаго сознанія, что

Моцартъ своимъ чуднымъ даромъ затмилъ товарищей по искусству и въ томъ числѣ его, славолюбиваго Сальери.

Очевидно, плодъ бѣлаго теченія мыслей и происходящей оттуда неточности выраженія составляютъ положенія, въ родѣ слѣдующихъ: „Мысль, что вообще искусство поворится, когда извращаютъ тѣ или другія гениальныя произведенія его, совершенно ошибочна“ (стр. 16); или: „Злая мысль и желанія говорятъ Сальери отравить Моцарта“ (стр. 18).

Брошюра эта, очевидно, не можетъ служить пособіемъ при разборѣ гениальнаго произведенія Пушкина.

Начатки философіи. Общедоступное изложеніе существеннаго содержанія философіи. *Алексѣя Струнникова*. Москва. 1888. Въ 8-ку.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что цѣль его труда слѣдующая: „изложить существенное содержаніе философіи возможно (то-есть, по возможности) 1) полно (но не подробно), 2) кратко, 3) общепонятно и 4) доказательно“ (стр. II). Нельзя не видѣть, что это очень трудная и высокая задача. Многіе изъ знакомыхъ съ философіею пришли бы, конечно, въ большое затрудненіе уже отъ общаго и неопредѣленнаго вопроса: въ чемъ состоитъ „существенное содержаніе философіи“? Но нашъ авторъ, какъ видно, былъ не столько озабоченъ выборомъ предметовъ для своей книги, сколько ихъ изложеніемъ; онъ видитъ въ изложеніи главную свою задачу и выставилъ для него четыре требованія, исполненіе которыхъ весьма не легко.

Мы и начнемъ съ характеристики изложенія, тѣмъ болѣе, что оно первое бросается въ глаза всякому, желающему познакомиться съ книгою. Стараясь проникнуть въ ея содержаніе, мы встрѣтили большія препятствія, показавшія намъ, что для начинающихъ чтеніе ея будетъ очень затруднительно. Именно, очень трудно добратъ до положительнаго ученія книги, до тѣхъ положеній, которыя авторъ признаетъ истинными и ради которыхъ разбираетъ и опровергаетъ другія мнѣнія. Большой недостатокъ книги состоитъ въ отсутствіи опредѣленій, а также точной постановки вопросовъ. Вѣроятно, авторъ думалъ, что менѣе строгій и точный порядокъ изложенія способствуетъ общепонятности и будетъ привлекать читателя. Между тѣмъ, однако, онъ разбилъ свою книгу на очень мелкіе параграфы и каждому далъ свое заглавіе. Но что же оказывается? Заглавія эти не составляютъ никакой правильной системы или канвы того, что изла-

гается въ книгѣ, а поставлены часто случайно и прихотливо, и нерѣдко вовсе не соотвѣтствуютъ тому содержанію, надъ которымъ стоять. Наконецъ, въ книгѣ не соблюдается элементарнаго условія ясности, именно такого порядка, чтобы нигдѣ не упоминалось о томъ, что еще не объяснено; авторъ обыкновенно не приступаетъ къ предмету прямо, а начинаетъ съ оговорокъ и опроверженій, которыя, конечно, будутъ совершенно непонятны читателямъ, еще незнакомымъ съ предметомъ рѣчи.

Первый параграфъ озаглавленъ: „Необходимость указать предметъ науки“. Можно бы подумать, что тутъ доказывается необходимость указать предметъ философіи,—тема очень странная, потому что, кажется, вовсе не нуждается въ доказательствѣ. Но въ параграфѣ вовсе не о томъ и говорится. Тутъ замѣчено, что „понятіе философіи не для всѣхъ ясно и не всѣми представляется одинаково“, а потому „при указаніи предмета философіи“, необходимо „не указать лишь, но и доказать“ (что?). Слѣдовательно, дѣло идетъ о томъ, что, указавши предметъ философіи, нужно доказывать правильность этого указанія.

Но начать все-таки слѣдовало бы съ какого-нибудь указанія. Между тѣмъ авторъ этого не дѣлаетъ, а доказываетъ слѣдующія темы по порядку (мы выписываемъ заглавія параграфовъ): § 3. Философія, по видимому, не имѣетъ а) ни особаго предмета; § 4. б) ни особаго метода; § 5 в) ни особаго источника; § 6. г) ни особаго характера. § 7. признаніе невозможности безусловно отдѣлить философію отъ науки не связано съ позитивизмомъ.

Всѣ эти положенія совершенно отрицательныя, а между тѣмъ предполагается, что читатель еще ничего не знаетъ о философіи. Какъ же возможно ему понять и какъ возможно автору доказать, что нельзя приписывать того или другаго этой неизвѣстной наукѣ? Эти разсужденія могутъ имѣть смыслъ только для тѣхъ, кто уже держится какого-нибудь опредѣленнаго понятія о философіи. Притомъ, поневолѣ авторъ здѣсь употребляетъ выраженія: безусловное бытіе, апіорный характеръ науки (стр. 2), позитивизмъ (стр. 4), умозрительный (стр. 5) и тому подобныя слова, значеніе которыхъ не можетъ быть ясно для начинающихъ.

Въ главѣ о возможности познанія вообще, авторъ, по своему обыкновенію, не ставитъ прямо вопроса, а начинаетъ сперва опро-

вергать тѣхъ, кто вовсе не допускаетъ самаго вопроса. На первомъ мѣстѣ въ числѣ этихъ противниковъ стоитъ философія общаго смысла. Параграфъ 26 такъ и озаглавленъ: философія общаго смысла; но въ этомъ параграфѣ не выставляется на видъ какое-нибудь опредѣленіе этой философіи, или указаніе ея основной мысли. вмѣсто этого начинается прямо рѣчь о двухъ родахъ этой философіи о безотчетномъ и сознательномъ; о второмъ родѣ сказано слѣдующее: „Болѣе сознательное, до извѣстной степени (?) опирающееся на доводы, проведеніе начала (?) общаго смысла въ исторіи философіи обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ предварительнаго развитія скептическихъ взглядовъ на познаніе, при чемъ сознание собственнаго (чьего?) безсилія научно обосновать достовѣрность нашихъ познаній и нежеланіе согласиться съ доводами (а не съ выводами?) противорѣчающаго столь же умственнымъ, какъ и нравственнымъ инстинктамъ человеческой природы скептицизма, заставляетъ указывать столь же на невозможность, какъ и на бесполезность научной оцѣнки средствъ нашего познанія и предлагать вмѣсто такой оцѣнки всѣмъ врожденную, инстинктивно признаваемую (?) способность различать истину отъ лжи, или непосредственное сознаніе истины въ качествѣ источника познанія и согласія всѣхъ или большинства, какъ высшій критерій истины“ (стр. 26).

Вотъ одинъ изъ образчиковъ изложенія автора. Въ этой длинной и многословной фразѣ легко запутаться не только начинающему, но и опытному читателю. Ее слѣдовало бы разбить на отдѣльныя положенія, а главное слѣдовало бы то, что стоитъ въ концѣ, поставить въ началѣ, именно опредѣленіе философіи общаго смысла. Авторъ вздумалъ исторически выводить эту философію, прежде чѣмъ дать о ней понятіе. Но его выводъ очень неясенъ. Изъ скептицизма логически вытекаетъ именно стремленіе изслѣдовать познаніе; такъ Кантъ былъ побужденъ къ своимъ изслѣдованіямъ мнѣніями Юма. А изъ сознанія безсилія, конечно, слѣдуетъ только воздержаніе отъ разсужденій, а не какое-нибудь новое ученіе. Вообще, все дѣло объ этой немудреной философіи трактуется чрезвычайно сложно и неясно. Авторъ посвятилъ ей десять страницъ, раздѣленныхъ на девять параграфовъ; мы никогда не кончили бы нашихъ замѣчаній, еслибы вздумали указывать весь безпорядокъ, все многословіе и неточность даже однѣхъ этихъ страницъ.

Намъ кажется, что главный недостатокъ книги, однако, въ са-

момъ ея содержаніи, и что отъ этого недостатка происходятъ и существенные недостатки ея изложенія. Еслибы судить о ней, по ея благонамѣренности, то-есть, по ея уваженію въ догматахъ религіи, по рѣшительному отрицанію всего, что авторъ считаетъ противорѣчающимъ этимъ догматамъ, а также по тѣмъ нравственнымъ правиламъ, которыя онъ высказываетъ, то, казалось бы, содержанія ея нельзя не одобрить. Но такъ какъ книга имѣетъ предметомъ философію, то ее прежде всего нужно судить съ философской стороны, то-есть, предложить себѣ вопросъ, много ли въ ней философіи?

Что отвѣтъ не будетъ особенно благопріятенъ, можно вывести уже изъ того, что авторъ не успѣлъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія о философіи и даже старается доказать въ началѣ книги, что такого понятія и нельзя составить. По его мнѣнію, „философія начинается всякій разъ тамъ, гдѣ мы хотимъ глубже понять вещь, гдѣ, не удовлетворяясь поверхностнымъ знаніемъ, непосредственно данными разрозненными свидѣтельствами опыта (внѣшняго и внутренняго), хотимъ знать связь, основаніе, причину, цѣль, сравнительное достоинство вещей и т. п.“ (стр. 5).

Въ этомъ многословіи не содержится ничего опредѣленнаго, даже если мы откинемъ прилагательныя и такъ далѣе, подъ которымъ не извѣстно что разумѣется. Какая же наука не стремится „глубже понять“ свой предметъ? Какая „удовлетворяется поверхностнымъ знаніемъ?“ Какая ограничивается „разрозненными свидѣтельствами опыта?“ Какая не хочетъ знать „связи и причины вещей?“ Рѣшительно всѣ науки подойдутъ подъ указанія, данныя здѣсь авторомъ, и отъ нашего произвола будетъ зависетьъ, что включить въ философію. Такъ-напримѣръ, и въ разбираемой книгѣ, въ „начатки философіи“ внесены пространныя разсужденія о происхожденіи видовъ и о Дарвиновой теоріи (стр. 210—239). Противъ такого внесенія можно бы возразить, что именно въ этомъ вопросѣ естественныя науки мало еще успѣли уяснить связь и причины вещей; совсѣмъ не то механика или астрономія,—и однако онѣ не приняты въ философію, и нашъ авторъ ни слова не говоритъ даже о законахъ сохраненія вещества и сохраненія энергіи.

Итакъ, по предмету философія ничѣмъ не ограничивается; дальше оказывается, что она ничѣмъ не ограничивается и по методу. „Что касается метода философіи“, говоритъ нашъ авторъ, „то особенность его можно видѣть развѣ лишь въ его всеобъемлемости, то-есть, въ:

томъ, что философія пользуется всѣми приемами изслѣдованія, примѣняя ихъ соотвѣтственно предметамъ“ (стр. 9). Хороша особенность! Въ силу ея изъ философіи исключается только тотъ приемъ, когда къ предмету примѣняется несоотвѣтственный ему методъ.

Значитъ вообще, философія изслѣдуетъ что угодно и какъ угодно. Подобная свобода и просторъ могутъ показаться очень пріятными; но, къ несчастію, они нисколько не сходятся съ научными требованіями. Всякая наука, а тѣмъ болѣе наука наукъ, философія, стремится къ опредѣленности, къ послѣдовательности, къ строгимъ разграниченіямъ и обособленіямъ. Намъ часто удивляютъ крайнія мнѣнія философовъ, ихъ странныя ученія, далеко отступающія отъ ходячихъ понятій. Разгадка состоитъ въ томъ, что они были послѣдовательны, то-есть, истинно философствовали. Они задавались извѣстными началами и шли въ развитіи этихъ началъ до конца.

Совершенно иначе поступаетъ нашъ авторъ. Онъ приступаетъ къ каждому предмету, ничѣмъ не задаваясь: начинается, съ чего ему вздумается, рассуждаетъ безъ всякаго порядка, беретъ дѣло то съ той, то съ другой стороны, возражаетъ и рѣшаетъ, не держась никакой опредѣленной постановки вопроса и никакого опредѣленнаго приема изслѣдованія. Подобныя писанія, очевидно, вовсе не имѣютъ въ себѣ философскаго характера, и понятно, отчего при этомъ возникаетъ всякая неясность и неточность. Авторъ не избѣжалъ бы этихъ недостатковъ изложенія даже и тогда, еслибы обладалъ болѣе легкимъ и живымъ языкомъ.

Результаты такихъ приемовъ, конечно, не могутъ быть ни тверды, ни особенно значительны. Большею частью авторъ остается, можно сказать, среди дороги и главнымъ образомъ занимается опроверженіемъ чужихъ ученій, а не утверженіемъ своего мнѣнія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Вотъ, на примѣръ, рассужденіе объ общей задачѣ философіи:

„Разумъ человѣческій вѣритъ въ гармонию и единство бытія; поэтому, чѣмъ больше органической связи, единства въ системѣ философіи, тѣмъ болѣе она удовлетворяетъ инстинкту разума, тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ о своей истинѣ. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно доводить это стремленіе до крайности (?), то-есть, стремиться объяснить все изъ одного начала“ (стр. 10).

Можно ли понять что-нибудь опредѣленное изъ этихъ оговорокъ? Съ одной стороны единство бытія есть вѣра и инстинктъ самого

разума, а съ другой стороны—стремленіе къ этому единству есть крайность и ошибка. Авторъ продолжаетъ:

„Говоримъ объ этомъ въ виду того, что подобная задача, будучи не по силамъ уму человѣка вообще, или въ настоящее время, нерѣдко увлекаая философовъ, вела лишь къ натяжкамъ и одностороннимъ взглядамъ: то уничтожали духъ для вещества, то вещество для духа, то Бога для міра, то міръ для Бога. Лучше сознать свою слабость, чѣмъ обманывать себя и другихъ. Мы убѣждены, что единого общаго матеріальнаго начала философіи до сихъ поръ никто не отыскалъ“ (тамъ же).

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что философія не должна увлекаться своею задачей и должна сознавать свою слабость. И, по видимому, для автора все равно, свойственна ли такая слабость уму человѣка вообще, или же она существуетъ только въ настоящее время. Авторъ вовсе и не хочетъ заниматься этимъ вопросомъ. Онъ только предлагаетъ намъ свой авторитетъ, свое убѣжденіе, что до сихъ поръ никто не нашелъ общаго начала. Но вѣдь то, что сегодня не найдено, завтра можетъ быть найдено. Почему же не поискать?

Очевидно, авторъ разсудилъ дѣло ничуть не по философски. Какимъ образомъ философія можетъ уклониться отъ сведенія всего къ единству? Даже если поискать въ разбираемой книгѣ, то и тутъ мы найдемъ утвержденіе, что бытіе вытекаетъ изъ одного общаго начала. Ибо авторъ, какъ и всѣ православно-вѣрующіе, признаетъ, что все создано Богомъ и весьма старательно останавливается на понятіи творенія (§§ 185, 186, 246), то-есть, на томъ, что нѣтъ никакого инаго бытія въ составѣ міра, кромѣ того, которое положено Богомъ, что все создано изъ ничего.

Какъ любопытный примѣръ, приведемъ еще мнѣніе автора, что пространство конечно.

На вопросъ: „что же находится за концомъ пространства?“ философъ, по мнѣнію автора, „долженъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отвѣчать: не знаю“, потому что „судить на основаніи опыта о томъ, что сверхъ опыта, неосновательно, а слѣдовательно, и относительно того, что находится за предѣлами пространства, да и есть еще ли что, а тѣмъ болѣе каково,—относительно всего этого придется лишь сказать: не знаю“ (стр. 206).

Намъ кажется, что философъ, если ужъ держится одного опыта, могъ бы отвѣчать гораздо смѣлѣе, именно сказать, что онъ нигдѣ

еще не встрѣчалъ предѣловъ пространства, а если встрѣтить, то тогда узнаеть и то, что за этими предѣлами.

Авторъ смѣло опровергаетъ также то возраженіе, что предѣлъ понятіе относительное и предполагаетъ нѣчто находящееся за предѣломъ. Это понятіе, говоритъ онъ „можетъ быть понимаемо и въ отношеніи къ тому, что по сию сторону предѣла, то-есть, не въ отношеніи къ тому, что окружаетъ пространство, а въ отношеніи къ самому этому пространству. А если такъ, то исчезаетъ и необходимость мыслить что-либо за его предѣлами“ (стр. 207).

Авторъ такъ просто это и говоритъ, ничѣмъ не доказывая и не поясняя. Но вѣдь если забавляться подобными сплетеніями словъ, не дающими никакого смысла, то вѣдь можно сказать, что и верхъ можетъ быть мыслимъ безъ всякаго низа, что понятіе сынъ не требуетъ необходимо понятія отца, и т. д.

Если философія учить говорить подобнымъ образомъ, то нельзя будетъ не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что философія наука очень вредная, что она отнимаетъ у людей способность разсуждать ясно и правильно.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Сокращенный синтаксисъ латинскаго языка. Профессора *И. В. Нетушила*.
2-е изданіе. Харьковъ. 1888. Ц. 75 коп.

Во второмъ изданіи своего синтаксиса г. Нетушила, удержавъ въ общемъ прежнее расположеніе и обработку грамматическаго матеріала, счелъ необходимымъ ввести въ книгу нѣкоторыя дополненія (помѣщенные преимущественно въ примѣчаніяхъ, подъ строкою), касающіяся преимущественно такихъ явленій, которыя встрѣчаются въ прозѣ Ливія и въ рѣчи поэтической. Можно пожалѣть, что, предпринимая второе изданіе своего труда, авторъ не озаботился устраненіемъ самаго существеннаго его недостатка—дробности въ распредѣленіи и группировкѣ матеріала и не рѣдкой невразумительности изложенія. Такъ, въ книгѣ г. Нетушила остались мѣста въ родѣ слѣдующихъ, на стр. 47: „*Ablativus causae*. Нужно различать: 1) побудительную причину, 2) доводъ знанія или сужденія, 3) поводъ ощущенія и 4) производительную причину“. Или на стр. 67: „Значеніе времени, какъ отвлеченнаго понятія, восходитъ къ конкретному значенію мѣста (ср. нарѣчія, предлоги и нѣкоторые падежи). Такимъ образомъ понятіе о совершенномъ видѣ аналогично точкѣ въ пространствѣ, въ то время, какъ несовершенный видъ представляется въ образѣ пространственной линіи“, и т. д. Помимо этого главнаго недостатка, составляющаго существенное препятствіе къ употребленію разсматриваемой книги въ качествѣ учебника, въ ней заключается не мало удачныхъ опредѣленій и вѣрныхъ объясненій, дающихъ ей право быть допущенною въ видѣ учебнаго пособия, хотя и въ нихъ мѣ-

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

стами попадаются вещи недоумѣнныя и сомнительныя, въ родѣ слѣдующихъ: стр. 6. „Опредѣленіемъ существительнаго можетъ служить существительное, согласованное на правахъ прилагательнаго“; стр. 16: русская пословица: „по одежкѣ протягивай ножки“ приводится въ видѣ: „по одежкѣ растягивай ножку“; стр. 30, прим. 1: „По образцу этихъ оборотовъ (ubi terrarum, eo loci) Ливій употребляетъ нарѣчія eo, huc и quo также съ родительнымъ отвлеченныхъ понятій, напримѣръ, quo amentiae progressi estis (напротивъ, у Цицерона: tantum cupiditate progredi)“. По существу конструкции въ примѣрахъ изъ Ливія и Цицерона совершенно различны и врядъ ли могутъ быть сопоставляемы. Точно также на стр. 40: „Futurum exactum обозначаетъ будущее дѣйствіе, совершившееся до наступленія другаго, также будущаго дѣйствія“. Стр. 76: „Однако послѣ volo и нѣкоторыхъ безличныхъ оборотовъ встрѣчается для усиленія рѣчи неопредѣленное прошедшее вмѣсто ожидаемаго настоящаго“, и т. д.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ГИМНАЗИЧЕСКАГО КУРСА *Э. Чернаго*. Часть I. Этимология по учебнику *Э. Лоза* и другимъ. Изданіе шестое, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Въ 8-ку стр. 243. Москва. 1889. Цѣна 1 руб.

КНИГА УПРАЖНЕНІЙ ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ ПО РУКОВОДСТВУ *П. Везенера*, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Составилъ *Э. Черный*. Изданіе шестое, исправленное. Въ 8-ку стр. 320. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 30 к.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ УСТНАГО И ПИСЬМЕННАГО ПЕРЕВОДА СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА НА ГРЕЧЕСКІЙ ВЪ V—VIII КЛАССАХЪ ГИМНАЗІЙ. Составили *Э. Черный* и *Н. Баталинъ*. Часть вторая. Связныя статьи, систематически расположенныя по отдѣльнымъ главамъ синтаксиса. Съ прибавленіемъ греческихъ темъ, предложенныхъ на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости по всѣмъ учебнымъ округамъ Россіи. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Въ 8-ку стр. 244. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 20 к.

Всѣ три книги г. Чернаго являются не въ первый разъ, а именно первыя двѣ выходятъ въ свѣтъ уже шестымъ, а третья—третьимъ изданіями. Грамматика противъ пятаго изданія, представляетъ болѣе сокращенный матеріалъ, благодаря опущенію формъ и словъ, рѣдко встрѣчающихся у читаемыхъ учениками въ классѣ греческихъ писателей. Примѣръ такого сокращенія подалъ Кэги (Griechische Schulgrammatik von Dr. Adolf Kaegi. Berlin. 1884, въ русской обработкѣ: Н. Страховъ. Греческая этимология по Кэги. Москва. 1887), и трудъ г. Чернаго, безъ сомнѣнія, значительно выигралъ вслѣдствіе того, что составитель воспользовался мыслью Кэги. Такимъ образомъ вы-

пущены нѣкоторыя слова преимущественно въ § 36 и другихъ, за то цѣлесообразно пополнены §§ 46, 67 и 136; также оба указателя. Въ № 2 исправленія немногочисленны и несущественны; а въ № 3 статья 111 замѣнена другою историческаго содержанія („Совѣтъ Гекатея іонянамъ“), и вмѣсто статьи 136, которая подвинута однимъ номеромъ дальше, помѣщена новая статья („Греки выбираютъ предводителя“). Кромѣ того, многія статьи раздѣлены на части, объемъ которыхъ болѣе соответствуетъ одночасовому уроку, а другія получили размѣръ темъ, задаваемыхъ на испытаніяхъ зрѣлости. Къ концу этой книги, въ видѣ приложенія, перепечатаны греческія темы, предложенныя въ теченіе прошлыхъ лѣтъ на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости по всѣмъ учебнымъ округамъ Россіи. Всѣ сдѣланныя почтеннымъ составителемъ измѣненія и исправленія не могли не послужить въ пользу разсматриваемымъ изданіямъ и даютъ г. Черному право на общее сочувствіе.

СИНТАКСИСЪ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Составилъ *О. Н. Фрейбергъ*, преподаватель Витебской гимназіи. 2-е изданіе, переработанное. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 106. Цѣна 80 к.

Составленная въ 1885 г. по образцу явившихся въ послѣднее время въ Германіи краткихъ учебниковъ греческаго синтаксиса, преимущественно руководства д-ра К. Майера, книга г. Фрейберга вышла въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, которое, противъ перваго, по всѣмъ своимъ отдѣламъ переработано съ такою заботливостью, что оно едва ли не приняло характера совершенно новаго труда. Привлекши къ дѣлу новые источники и руководствовавшись, какъ и прежде, эклектическимъ способомъ составленія, г. Фрейбергъ дополнилъ и всячески исправилъ свой учебникъ, при чемъ, благодаря болѣе убористому шрифту, значительно обогащенный текстъ помѣстился на меньшемъ числѣ страницъ (106 стр. вмѣсто 130). Распредѣленіе прежняго матеріала отчасти измѣнилось; число параграфовъ увеличилось до 185 (вмѣсто 135); редація правилъ, болшею частью, точнѣе и опредѣленнѣе, а типографическая рельефность ихъ не можетъ не содѣйствовать наглядности изложенія. Этими признаками усовершенствованія особенно выдаются статьи: о членѣ (§§ 19—29); о падежахъ (§§ 38—80); о временахъ (§§ 88—98); объ условныхъ предложеніяхъ (§§ 124—139) и др. Однимъ словомъ, нельзя не отдать почтенному составителю справедливости въ томъ, что онъ, сознавъ недостатки перваго изданія, съ большою добросовѣстностью отнесся

въ пересмотру своего труда, и что стараніе его увѣнчалось виднымъ успѣхомъ. Второе изданіе его учебника, поэтому, стало несравненно выше перваго и имѣетъ право рассчитывать на общее сочувствіе.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать на нѣкоторые недосмотры и недостатки, которые вкратились въ рассматриваемое изданіе, но легко могутъ быть устранены въ слѣдующемъ.

§ 1. Примѣч. 1, 2, 3, вѣроятно, по ошибкѣ наборщика, перенесены изъ отдѣла о согласованіи (§§ 4—9).

§ 23. Въ прим. сказано: „Вмѣсто названія страны нерѣдко встрѣчается и имя народа во множественномъ числѣ и т. д.“, вмѣсто: „Членъ упускается при именахъ народовъ, если названія ихъ во множественномъ числѣ употребляются для обозначенія страны“.

§ 25. „Ἀγαθὸς ὁ ἀνὴρ или ὁ ἀνὴρ ἀγαθός (ἔστιν) мужъ добръ“. Слѣдовало бы опустить поставленное въ скобкахъ ἔστιν, а вмѣсто „мужъ добръ“ поставить „мужъ, который добръ“. Ὁ ἀνὴρ ἀγαθός не предложеніе, какъ русское „мужъ добръ“.

§ 26. „(членъ) на мѣстѣ сказуемаго ставится“: Гораздо точнѣе и вѣрнѣе обозначать различную постановку члена принятыми уже во многихъ русскихъ учебникахъ терминами: членъ атрибутивный и членъ предикативный. Редакція составителя заставляетъ думать, будто членъ можетъ стоять на мѣстѣ сказуемаго, что никогда не бываетъ и быть не можетъ.

§§ 38 и 43 напрасно, противъ перваго изданія, пропущены наглядные термины: *objectum affectuum* и *obj. effectuum*.

§ 43. „γράφω ἐπιστολήν не можетъ служить примѣромъ на правило о винительномъ падежѣ внутреннего объекта. Въ понятіи γράφω еще не заключается понятіе ἐπιστολήν.“

§ 89. Въ таблицѣ, заимствованной, какъ кажется, отъ Г. Курціуса, въ рубрикѣ: Видъ. 2) употребленъ терминъ: „однократное дѣйствіе“. Греческій аористъ не совпадаетъ съ русскимъ однократнымъ видомъ, что явствуетъ даже изъ § 94.

§ 114. Прим. 1. „Во второй части двойнаго вопроса употребляется и отрицаніе μή“ вмѣсто: „Если во второй части двойнаго вопроса сказуемое отрицается, то употребляется и частица μή“.

§ 130. 2. е) „ἔσπερ ἂν εἰ с. орт. подобно тому, какъ еслибы“; слѣдовало бы указать на эллиптическую форму оборота.

Кромѣ того, г. составитель слишкомъ поспешилъ на примѣры. Особенно чувствителенъ этотъ недостатокъ въ отдѣлѣ о членѣ для учениковъ, отечественный языкъ которыхъ не имѣетъ его. Тутъ не-

обходимо большее количество самых многообразных примѣровъ для иллюстраціи отвѣченныхъ опредѣленій. Наконецъ, отсутствіе предисловія, какъ и въ первомъ изданіи, лишаетъ критика возможности, точно опредѣлить, на сколько трудъ г. Фрейберга самостоятеленъ.

Учебникъ ариѳметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. А. Михайловъ*, преподаватель Владимірской губернской гимназіи. Изданіе автора. Владиміръ на Клязьмѣ. 1888. Цѣна 50 коп. Стр. 76.

Названный учебникъ предназначенъ авторомъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а потому не содержитъ въ себѣ тѣхъ дополненій къ краткому элементарному курсу ариѳметики, которыя должны имѣть мѣсто при повтореніи этой науки въ старшемъ классѣ.

Одно изъ главнѣйшихъ отличительныхъ качествъ этой книги—сжатость изложенія, дѣлающая ее весьма удобною для учениковъ при приготовленіи къ экзаменамъ и вообще для повторенія ими пройденнаго курса. Но сжатость эта доведена до излишества, такъ что можетъ затруднить ученика впервые изучающаго систематическій курсъ ариѳметики. Многія объясненія и доказательства опущены или замѣнены недостаточно полными и ясными намеками. По всей вѣроятности, это сдѣлано въ предположеніи очевидности доказательствъ и въ расчетъ на сообразительность учащагося, но едва ли какія-либо опущенія объясненій или доказательствъ могутъ считаться умѣстными въ начальномъ учебникѣ; по крайней мѣрѣ, при подобныхъ пропускахъ, слѣдовало предувѣдомлять о нихъ. Напримѣръ, на страницѣ 17, параграфы 38 и 39, имѣющіе заглавіемъ: „измѣненіе произведенія, измѣненіе частнаго (при точномъ дѣленіи)“ изложены такъ: „1) Если множимое или множителя увеличимъ во скольконибудь разъ, то и произведеніе увеличится во столько же разъ. $2 \times 3 = 6$, $8 \times 3 = 24$; $2 \times 3 = 6$, $2 \times 9 = 18$. 2) Если множимое или множителя уменьшимъ во скольконибудь разъ, то и произведеніе уменьшится во столько же разъ... и т. д. Тотъ же способъ, то-есть, не сопровождаемый доказательствами, примѣненъ къ разнымъ другимъ теоремамъ, и вообще авторъ на столько дорожитъ каждою строчкою текста, что весьма многое предоставляетъ сообразительности учащихся, которыхъ однако оставляетъ въ неизвѣстности объ этомъ, слѣдовательно, даетъ поводъ предполагать подобныя теоремы не подлежащими доказательству.

Ошибокъ или научныхъ промаховъ, въ грубомъ смыслѣ этого тер-

увеличить недоразумѣніе ученика, на примѣръ, на стр. 23 сказано: „Такъ какъ распредѣлительный законъ не распространяется на дѣлитель, то-есть, нельзя данное число раздѣлить на каждую часть дѣлителя отдѣльно, то дѣленіе на сумму или разность не можетъ быть распредѣлено.“ (А почему законъ распредѣлительный распространяется на дѣлимое, но не распространяется на дѣлителя—никакого объясненія не дано).

Авторъ придаетъ особенную важность усвоенію учениками закона распредѣлительнаго и закона перемѣстительнаго; не только при каждомъ случаѣ, кажущемся ему удобнымъ, онъ обращаетъ вниманіе читателей на эти законы, но и старается по возможности ихъ обобщить. Но едва ли эта цѣль автора можетъ быть имъ достигнута, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, какъ неумѣстная въ начальномъ учебникѣ, не соотвѣтствующая умственнымъ силамъ учениковъ, и во-вторыхъ, вслѣдствіе тяжелаго и неяснаго изложенія, скорѣе затемняющаго, чѣмъ разъясняющаго, излагаемые принципы. Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Я называю закономъ распредѣлительнымъ свойство чиселъ, по которому дѣйствіе, производимое надъ ихъ суммою или разностью, можетъ быть совершено, безъ измѣненія результата, надъ каждымъ слагаемымъ или вычитаемымъ. Закономъ же перемѣстительнымъ—свойство, по которому отъ перемѣны порядка совершенія дѣйствій не измѣнится ихъ результатъ“. Изъ этихъ опредѣленій ученикъ можетъ заключить, что $(a + b)^2 = a^2 + b^2$ и т. п.

Кромѣ опущенія доказательствъ простѣйшихъ теоремъ, въ книгѣ встрѣчается много другихъ пробѣловъ. Не приведена, на примѣръ, таблица умноженія, а только сказано (стр. 10): „Произведенія всѣхъ однозначныхъ чиселъ извѣстны каждому на память и помѣщены въ таблицѣ Пиеагора“; нѣтъ основныхъ теоремъ, относящихся до дѣлимости чиселъ, и не указанъ способъ нахождения общаго наибольшаго дѣлителя послѣдовательнымъ дѣленіемъ; не упомянуто о такъ-называемомъ способѣ приведенія къ единицѣ, и т. п. (Какъ бы въ замѣнъ пропущеннаго или отвергнутаго авторомъ способа приведенія къ единицѣ, введено такое подраздѣленіе задачъ на простыя и сложныя: „Задача, которая рѣшается только однимъ дѣйствіемъ, называется простою. Но если въ задачѣ есть болѣе двухъ данныхъ чиселъ, а слѣдовательно и болѣе одного условія, то для рѣшенія ея обыкновенно нужно болѣе одного дѣйствія. Такая задача называется сложною“. Какъ примѣръ сложной задачи указана такая: „За 5 аршинъ матеріи заплачено 7 рублей; сколько надо заплатить за 15 аршинъ такой матеріи?“)

Въ весьма многихъ случаяхъ авторъ отстываетъ отъ общепринятыхъ правилъ дѣйствій и обычныхъ способовъ объясненій, но не всѣ эти отступленія выдерживаютъ критику и заслуживаютъ подражанія. Напримѣръ, для умноженія смѣшанныхъ дробей указанъ слѣдующій неудобный способъ (стр. 45): „Умножить смѣшанное число на дробь, напримѣръ, $28\frac{5}{6} \times \frac{2}{3}$, значить найти $\frac{2}{3}$ числа $28\frac{5}{6}$;..... Дѣлимъ на 3 сначала цѣлое 28, получимъ въ частномъ 9 и въ остаткѣ 1; раздробимъ 1 въ шестыя доли, получимъ $\frac{6}{6}$, прибавимъ $\frac{5}{6}$, получимъ $\frac{11}{6}$; дѣля $\frac{11}{6}$ на 3, получимъ $\frac{11}{18}$, то-есть, всего получимъ въ частномъ $9\frac{11}{18}$. Это $\frac{1}{3}$ числа $28\frac{5}{6}$, а чтобы найти $\frac{2}{3}$, надо $9\frac{11}{18}$ умножить на 2, получимъ $18\frac{11}{9}$ или $19\frac{2}{9}$. Если оба множителя смѣшанныя числа, то выгоднѣе одинъ изъ нихъ обратить въ неправильную дробь и поступать какъ при умноженіи смѣшаннаго числа на дробь“. Подобный же способъ предложенъ для дѣленія смѣшанныхъ дробей (стр. 47).

Другой примѣръ. Для дѣйствія надъ періодическими дробями указаны способы непосредственнаго вычисленія, то-есть, не обращая этихъ дробей въ обыкновенныя. Напримѣръ, (стр. 60): „Положимъ надо умножить 3,45(036) на 248. Сначала надо умножить всѣ періоды на 248. Отъ умноженія каждаго періода получимъ $036 \times 248 = 8928$. Но произведеніе каждаго новаго періода будетъ на три порядка ниже предыдущаго; поэтому получимъ въ суммѣ:

$$\begin{array}{r}
 8928 \\
 928 \\
 28 \\
 8 \\
 \hline
 8(936)9369\dots
 \end{array}$$

Очевидно, что старшая цифра не принадлежитъ къ періоду, а къ высшему порядку“, и т. д. Лишь въ томъ случаѣ умноженія, когда оба множителя періодическія дроби, предлагается „лучше обратить ихъ въ обыкновенныя дроби.“

Подробный разборъ этой книги былъ бы излишенъ, такъ какъ она представляетъ лишь черновую работу, которую авторъ поспѣшилъ издать, не давъ окончательной обработки частямъ, не приведя части въ одно стройное цѣлое, приспособленное къ учебнымъ условіямъ и къ степени развитія учениковъ, и даже не исправивъ слога, а также орфографическихъ и разныхъ другихъ грамматическихъ ошибокъ.

ТАБЛИЦА ДЛЯ УПРОЩЕННАГО СПОСОБА ИЗВЛЕЧЕНІЯ КВАДРАТНЫХЪ КОРНЕЙ ИЗЪ ЧИСЕЛЪ, СЪ ПОМОЩЬЮ РУССКИХЪ СЧЕТЪ ИЛИ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОГО ВЫЧИТАНІЯ. Составилъ преподаватель Екатеринбургской женской гимназіи *А. П. Павловъ*. Оренбургъ. 1888. Стр. 11. Цѣна 20 коп.

ТАБЛИЦА ДЛЯ УПРОЩЕННАГО СПОСОБА ИЗВЛЕЧЕНІЯ КУБИЧЕСКИХЪ КОРНЕЙ ИЗЪ ЧИСЕЛЪ СЪ ПОМОЩЬЮ РУССКИХЪ СЧЕТЪ ИЛИ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОГО ВЫЧИТАНІЯ. Составилъ преподаватель Екатеринбургской женской гимназіи *А. П. Павловъ*. Екатеринбургъ. 1888. Стр. IV+9 и листъ чертежей. Цѣна 30 коп

Въ названныхъ брошюрахъ изложены два способа извлеченія квадратныхъ и кубическихъ корней изъ чиселъ: одинъ предназначенъ составителемъ для не знающихъ дѣленія, а другой, названный алгебраическимъ,—для умѣющихъ производить это дѣйствіе. Отличіе втораго отъ перваго заключается почти единственно въ замѣнѣ дѣленіемъ ряда послѣдовательныхъ вычитаній. Такъ какъ вычитаніе можно производить на счетахъ, то, по мнѣнію составителя, извлекать квадратные и кубическіе корни можно также съ помощью счетовъ.

Изысканіе такихъ приѣмовъ извлеченія корней, которые давали бы возможность производить это дѣйствіе, не зная дѣленія цѣлыхъ чиселъ, слѣдуетъ считать трудомъ бесполезнымъ и ни для кого непригоднымъ. Для не знающаго дѣленія гораздо важнѣе научиться этому дѣйствію, чѣмъ упражняться въ извлеченіи корней; притомъ, не знающіе дѣленія не будутъ въ состояніи правильно пользоваться никакими упрощенными способами извлеченія корней, такъ какъ это пользованіе, хотя бы бессознательное и по приѣмамъ г. Павлова, требуетъ уже знанія свойствъ десятичныхъ дробей, понятія о степени приближенія найденнаго результата и т. п.

Способъ, рекомендуемый авторомъ названныхъ брошюръ, состоитъ въ послѣдовательномъ вычитаніи, изъ даннаго числа, членовъ ряда, начинающагося единицей и представляющаго рядъ разностей между степенями смежныхъ чиселъ. Слѣдовательно, при извлеченіи квадратныхъ корней это будетъ рядъ нечетныхъ чиселъ.

1, 3, 5,... $(2N-1)$ гдѣ искомый корень.

При извлеченіи кубическихъ корней такой рядъ будетъ

1, 7, 19,... $[3N(N-1)+1]$.

Надо замѣтить, между прочимъ, что авторъ не указываетъ этой послѣдней простой формулы, $3N(N-1)+1$, какъ разности между кубами двухъ смежныхъ чиселъ, а составляетъ рядъ такимъ образомъ: „Возьмемъ арифметическія среднія утроенныхъ квадратовъ двухъ послѣдовательныхъ чиселъ и отбросимъ при этомъ десятичную

дробь $0,5^4$. Желая убѣдить нагляднымъ образомъ въ томъ, что суммы членовъ послѣдняго ряда представляютъ полные кубы, онъ помѣщаетъ въ концѣ брошюры чертежъ, въ которомъ едва ли имѣлась какая-либо надобность.

Чтобы не начинать вычитанія съ перваго члена упомянутыхъ рядовъ, предложены таблицы квадратовъ и кубовъ первыхъ 100 чиселъ (таблица квадратовъ, не извѣстно для какой цѣли, доведена до 115). При помощи этихъ таблицъ находятъ цифры двухъ старшихъ разрядовъ искомаго корня и остатокъ; опредѣляется, съ котораго члена вышесказанныхъ рядовъ надо начинать послѣдовательное вычитаніе изъ остатка; затѣмъ—число вычитаній будетъ указывать слѣдующія цифры корня. Составъ таблицъ и приемы, предлагаемые г. Павловымъ для извлеченія квадратныхъ корней, весьма существенно отличаются отъ предлагаемыхъ имъ же для извлеченія кубическихъ корней, а потому надо сказать о каждой изъ этихъ таблицъ въ отдѣльности.

Таблицы для квадратныхъ корней составлены такъ. Въ первомъ столбцѣ помѣщены по порядку десятки: 10, 20, 30 и т. д. до 1150; во второмъ столбцѣ—квадраты этихъ чиселъ; въ третьемъ (имѣющемъ заглавіе: „Какое послѣднее нечетное число было вычтено“) —разности между квадратами соответствующаго числа перваго столбца и числа единицею меньшаго, то-есть, такой рядъ: 19, 39, 59,...; затѣмъ, есть еще четвертый столбецъ нечетныхъ чиселъ (3, 5, 7,...) не извѣстно, для какой цѣли помѣщенный.

Очевидно, что съ помощью этой таблицы могутъ быть найдены первыя три цифры корня и точный остатокъ, а именно: первыя двѣ цифры—прямо изъ таблицы, а третья и остатокъ—послѣдовательнымъ вычитаніемъ нечетныхъ чиселъ, начиная съ непосредственно слѣдующаго за помѣщеннымъ въ соответствующей строцѣ третьаго столбца.

Хотя этотъ способъ нахождения трехъ цифръ корня и остатка не представляетъ ничего новаго и принадлежитъ къ категоріи первобытныхъ приемовъ, но все-таки онъ выдерживаетъ критику относительно своей точности; дальнѣйшія же подробности, то-есть, предлагаемые г. Павловымъ способы опредѣленія слѣдующихъ цифръ корня, не выдерживаютъ уже и такой критики. А именно, авторъ утверждаетъ, что по его способу всегда можно найти безошибочно еще двѣ цифры корня (четвертую и пятую); между тѣмъ, въ дѣйствительности, нельзя быть увѣреннымъ даже въ точности хотя бы

одной слѣдующей цифры. Напримѣръ, для извлеченія корня изъ 15726, по способу г. Павлова, находимъ въ таблицѣ число десятковъ корня, а именно 12; вычтя квадратъ 120, получаемъ въ остаткѣ 1326; въ третьемъ столбцѣ соотвѣтствующее число было 239, слѣдовательно, вычитаніе изъ остатка надо начать съ слѣдующаго нечетнаго числа; вычитаемъ послѣдовательно числа 241, 243, 245, 247 и 249, получимъ въ остаткѣ 101, а цифра единицъ корня будетъ 5; согласно указаніямъ автора, приписываемъ къ остатку нуль съ правой руки и изъ 1010 вычитаемъ по порядку слѣдующія за 249 нечетныя числа, то-есть, 251, 253, 255, получаемъ въ остаткѣ 2514; слѣдовательно, для цифры десятыхъ долей искомаго корня получимъ 3, но эта цифра не вѣрна, такъ какъ $\sqrt{15726}=125, 4\dots$

Таблица, составленная авторомъ для извлеченія кубическихъ корней не выдерживаетъ сравненія даже съ его таблицею для квадратныхъ корней, ибо не даетъ возможности найти, съ увѣренностью въ безошибочности, ни одной цифры корня, кромѣ тѣхъ первыхъ двухъ, которыя непосредственно въ ней указаны. Еслибъ авторъ былъ послѣдователемъ въ своемъ изложеніи, то ему не трудно было бы составить эту таблицу слѣдующимъ образомъ: въ первомъ столбцѣ помѣстить по порядку числа: 10, 20, 30,... 1000, во второмъ — кубы этихъ чиселъ, въ третьемъ—соотвѣтствующія имъ разности, то-есть:

271, 1141, 2611,... 2997001,

составленныя по формулѣ $3N(N-1)+1$; наконецъ, въ четвертомъ столбцѣ—вторыя разности:

60, 120, 180,... 6000,

составленныя по формулѣ $6N$. Съ помощью такой таблицы можно было бы, по крайней мѣрѣ, найти всегда безошибочно третью цифру корня и точный остатокъ. Но авторъ этого не слѣлалъ, а помѣстилъ въ первомъ столбцѣ числа: 1, 2, 3,... 10, во второмъ—ихъ кубы, въ третьемъ—такія разности: 1, 7, 19... 29701, въ четвертомъ, не извѣстно, для какой цѣли,—числа, составленныя по формулѣ $3N^2$. Поэтому, вычисленіе по этой таблицѣ можетъ ввести ошибку даже въ результатъ перваго ряда вычитаній, то-есть, съ самаго начала дѣйствія. Напримѣръ, извлекая кубическій корень изъ 935442 по способу автора, получимъ въ результатѣ 97,7..., тогда какъ въ дѣйствительности $\sqrt[3]{935442}=97, 8\dots$

Послѣ сказаннаго излишне уже говорить о разныхъ другихъ ошибкахъ или недосмотрахъ автора.

Во многих справочных книгах и учебниках можно найти таблицы квадратов и кубов чисел до 1000, а иногда и далѣе. Руководство такими таблицами не затруднитъ даже не умѣющихъ производить ариѳметическія дѣйствія; слѣдовательно, въ таблицахъ г. Павлова не было бы никакой надобности въ томъ даже случаѣ, еслибъ онъ разработалъ этотъ предметъ несравненно болѣе удовлетворительно.

Общедоступное землеѳрїе. Популярное изложеніе элементарныхъ геодезическихъ задачъ, рѣшаемыхъ съ помощью только одной веревки или веревки и экера домашнего приготовленія, съ приложеніемъ отдѣльной статьи о простомъ углоѳрномъ приборѣ и аршинѣ-дальноѳрѣ. Составилъ *А. Д. Колтановскій*, съ 279 чертежами и планами въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Стр. IV+176. Цѣна 75 коп.

Въ „Предисловіи“ авторъ указываетъ на ту пользу, которую, въ роляхъ землеѳра, народный учитель можетъ принести крестьянскимъ обществамъ, и вообще деревенскимъ жителямъ, и въ подтвержденіе приводитъ нѣкоторые примѣры изъ собственной практики. Цѣль разсматриваемой книги—доставить возможность народнымъ учителямъ и ученикамъ народныхъ школъ рѣшать элементарныя топографическія задачи „съ помощью такихъ простыхъ приборовъ, которые можетъ устроить всякій желающій собственноручно (въ крайнемъ случаѣ—деревенскій столяръ)“.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ о важности для народнаго учителя быть свѣдущимъ по части землеѳрїа и не отнестись сочувственно къ благому намѣренію автора; но, что касается до исполненія имъ этого намѣренія, то оно оставляетъ желать весьма многого. Трудъ г. Колтановскаго требуетъ тщательной переработки, а въ настоящемъ его видѣ не выдерживаетъ критики ни относительно порядка распредѣленія частей, ни относительно самаго изложенія ихъ; притомъ въ немъ предлагаются, между прочими, и такіе приемы рѣшенія топографическихъ задачъ, которые въ практикѣ неудобноисполнимы и могутъ вовлечь пользующагося ими въ грубѣйшія ошибки.

Въ этомъ „Общедоступномъ землеѳрїи“ помѣщены многія свѣдѣнія изъ геометріи, въ томъ числѣ—о пропорціональныхъ линіяхъ, подобіи фигуръ, правильныхъ многоугольникахъ, о площади не только круга, но и эллипса, и т. п. Но авторъ не сгруппировалъ этихъ предварительныхъ свѣдѣній и не предпослалъ ихъ изложенію собственно „землеѳрїа“; въ результатъ такого несистематическаго размѣщенія частей оказалось многословіе, повтореніе и усложненіе въ

указаніяхъ и объясненіяхъ способовъ рѣшенія многихъ простѣйшихъ задачъ. Примѣромъ такого вполне излишняго усложненія можетъ служить рѣшеніе задачи 4-й на стр. 35, а также и многихъ другихъ.

Геометрическія истины изложены безъ доказательствъ. Такой методъ, какъ соотвѣтствующій цѣль автора, не долженъ вызывать порицанія. Но никакими цѣлями не можетъ быть оправдано уклоненіе отъ точности, притомъ такое уклоненіе, въ которомъ не предстояло ни малѣйшей надобности. Примѣрами такихъ неточностей, ничѣмъ не вызванныхъ, можетъ служить сказанное въ § 42 о построеніи правильныхъ многоугольниковъ, въ § 43—о кругѣ („Найдено, что если діаметръ выгнуть по окружности и измѣрить имъ послѣднюю, то онъ уложится на окружности $3\frac{1}{7}$ раза“) и объ эллипсѣ („сложимъ полуоси, помножимъ на $\frac{22}{7}$ и получимъ длину окружности эллипса“), въ § 44—рѣшеніе задачъ о превращеніи квадрата въ равновеликій ему кругъ, круга въ равновеликій квадратъ и треугольника въ равновеликій кругъ; въ этихъ и въ другихъ подобныхъ задачахъ даже не упомянуто, что дѣло идетъ о приблизительныхъ рѣшеніяхъ, а не о геометрически точныхъ. Почерпнувшій свои геометрическія свѣдѣнія изъ книги г. Колтановскаго будетъ, слѣдовательно, убѣжденъ, что квадратура круга найдена, и что задача эта рѣшается весьма просто.

Встрѣчаются и другаго рода неточности, не входяція въ категорію приблизительныхъ рѣшеній. Напримѣръ, на стр. 29, задача о построеніи треугольника по двумъ даннымъ сторонамъ (а и b) и углу (z), лежащему противъ одной изъ этихъ сторонъ рѣшена такъ, какъ еслибы она имѣла только одно рѣшеніе; но данный уголъ (z) оказывается, судя по чертежу, лежащимъ противъ меньшей изъ двухъ данныхъ сторонъ, а между тѣмъ даже не упомянуто, что должно получиться два рѣшенія.

Для построенія угловъ авторъ употребляетъ такъ-называемый способъ хордъ, что вполне цѣлесообразно; но онъ указываетъ этотъ способъ не только для построенія угловъ, но и для ихъ измѣренія на мѣстности и на бумагѣ, а именно онъ говоритъ (стр. 16): „Требуется измѣрить уголъ АВВ. Возьмемъ циркулемъ на сложномъ масштабѣ 84 дюйма, то-есть, 0,84 дюйма, опишемъ изъ вершины угла В дугу КЛ такъ, чтобы она пересѣкла обѣ стороны угла АВВ, затѣмъ соединимъ точки пересѣченія хордой Е и опредѣлимъ длину хорды по масштабу; положимъ длина ея окажется въ 0,45 дюйма; слѣдовательно величина угла В равна 45 дюймамъ“. Еслибы авторъ, вмѣсто терминовъ: „уголъ въ 45 дюймовъ“, „уголъ въ 96 дюймовъ“

и т. п., употреблялъ терминъ: „уголъ соотвѣтствующій хордѣ въ 45 дюймовъ“, „уголъ соотвѣтствующій хордѣ въ 96 дюймовъ“ и т. п., то предлагаемый имъ приемъ не вызывалъ бы возраженій; но рекомендуемая имъ терминологія не можетъ быть одобрена, и распространение ея между учениками народныхъ школъ весьма не желательно. Общепринятомъ измѣреніи угловъ, то-есть, о градусахъ и подраздѣленіяхъ градуса, въ книгѣ даже не упомянуто; это несомнѣнно весьма существенный пробѣлъ въ основныхъ геометрическихъ свѣдѣніяхъ. При перечисленіи инструментовъ упомянуто (стр. 163) о транспортирѣ, но не сказано ни для какой цѣли онъ предназначается, и какое имѣетъ устройство.

Не смотря на вышесказанные недостатки, рассматриваемая книга заслуживаетъ нѣкотораго вниманія учителей народныхъ школъ, такъ какъ содержитъ въ себѣ многія полезныя для практики указанія.

Руководство въ изученію географіи. Составилъ *Кельмеръ*, преподаватель при Ревельскомъ городскомъ (прежнемъ уѣздномъ) училищѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго *Федорогъ*, старшій преподаватель при Ревельскомъ Домскомъ училищѣ. Ревель. 1888. Стр. 196 въ 8-ву.

Географія въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа проходитъ въ теченіе гимназическаго курса два раза. Вышепоименованный учебникъ предназначается для низшихъ классовъ. Онъ раздѣляется на два курса, изъ коихъ первый заключаетъ въ себѣ самыя краткія свѣдѣнія изъ математической и физической географіи и краткое обзорніе всѣхъ частей свѣта; этотъ курсъ предназначается, вѣроятно, для низшихъ школъ, и только свѣдѣнія изъ математической географіи входятъ въ курсъ гимназическій, такъ какъ при второмъ курсѣ, уже исключительно предназначаемомъ для гимназій, этого отдѣла нѣтъ. Нѣмецкое изданіе этого руководства вмѣстѣ съ другимъ трудомъ автора, предназначеннымъ для старшихъ классовъ гимназій, именно: „Lehrbuch der Allgemeinen Geographie“, успѣшно конкурируетъ въ Дерптскомъ учебномъ округѣ съ иностранными изданіями, какъ-то: Пютцемъ и Зейдлицемъ. Успѣхъ учебника объясняется прежде всего тѣмъ, что онъ со стороны объема болѣе приспособленъ къ учебнымъ нуждамъ края, чѣмъ иностранные учебники. Такъ, въ среднемъ учебникѣ Зейдлица, подходящемъ къ рассматриваемому, болѣе 3000 названій, у г. же Кельнера—2500; сверхъ того, нашъ авторъ обращаетъ надлежащее вниманіе на Россію и менѣе останавливается на обзорніи европейскихъ государствъ. Къ достоинствамъ учебника

относится также краткость: никакихъ подробностей, въ видѣ описаній природы, характеристики народовъ, утомительнаго перечня достопримѣчательностей городовъ не встрѣчается, а сообщаются только самыя существенныя, географическія и статистическія данныя, мѣстами же, по преимуществу мелкимъ шрифтомъ, и историческія.

Со стороны точности и вѣрности фактовъ, учебникъ близко подходит къ своимъ нѣмецкимъ образцамъ. Мѣстами, впрочемъ, встрѣчаются опущенія и даже невѣрныя свѣдѣнія. Представимъ примѣры.

Въ учебникѣ нигдѣ не встрѣчаются сарты, народъ немаловажный для нашихъ среднеазиатскихъ владѣній. По поводу Афганистана и Белуджистана нѣтъ намека объ отношеніи ихъ къ Англии (стр. 124).— На стр. 132 сказано: „Единственный значительный близкій островъ, Мадагаскаръ, по причинѣ сильныхъ морскихъ теченій, должно назвать океаническимъ“. Но островъ Мадагаскаръ всюду и всегда считается континентальнымъ; океаническіе острова познаются не по быстротѣ морскаго теченія вокругъ нихъ, а по своей формѣ и геологическому строенію.—Сѣвернымъ мысомъ Европы названъ Нордкапъ (стр. 12), но Нордкапъ есть мысъ острова, а мысъ сѣверной Европы—Нордкинъ.—„Сѣверная Двина образуется изъ сліянія Сухоны и Вычегды“ (стр. 89), въ дѣйствительности же—изъ Сухоны и Юга, а Вычегда есть притокъ Сѣверной Двины.—„Ріо-де-Жанейро лежитъ почти подъ тропикомъ Рака“ (стр. 146); слѣдовало бы сказать подъ тропикомъ Козерога.—Отмѣна крѣпостного права приурочивается къ 1857 г. (стр. 96).

Въ нѣкоторыхъ историческихъ замѣткахъ отъ краткости и сжатости происходятъ неясности. Такъ: „Ватерлоо, поле битвы, на югъ отъ Брюсселя“ (стр. 74). „Верденъ, договоръ о раздѣлѣ 843 г.“ (стр. 76). Петербургская губернія всюду въ учебникѣ называется еще Ингрией, но употребленіе такого названія также странно встрѣчать въ русскомъ учебникѣ, какъ странно было бы встрѣтить въ нѣмецкомъ учебникѣ слѣдующія названія: Балтійское море, или Венедское, Померанія, или земля поморянъ и т. д.

Переводъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворителенъ, но погрѣшности противъ чистоты и правильности языка встрѣчаются. Такъ, для примѣра: Слово „Wandelsterne“ переведено „блудящія звѣзды“ (стр. 2—162).— „Четыре главныя положенія земли къ солнцу“ (стр. 8).— „Прибываніе и убываніе воды“ (стр. 34); въ географіяхъ уже утвердились другія слова: прибыль и убыль воды.— „Плутоническія породы, которыя въ расплавленномъ видѣ выбились изъ внутренности земли“ (стр. 35); слово „выбились“ не выражаетъ сущности дѣла.— „Отъ

супружества людей различныхъ расъ происходятъ двуродные“ (стр. 37); слово „двуродные“ не есть переводъ слова „Mischlinge“.— „Местичи, потомки отъ бѣлыхъ съ индѣйцами“ (стр. 37); теперь чаще употребляютъ слово метисы, а не местичи; кромѣ того, неудобно выраженіе „отъ бѣлыхъ съ индѣйцами“.— „Апеннинскій полуостровъ состоитъ въ противоположность къ Испанскому“... (стр. 45).— Названіе горъ Апеннины употребляется только во множественномъ числѣ, переводчикъ же употребляетъ въ единственномъ числѣ: Сѣверный Апеннинъ, Средній Апеннинъ, и т. д. (ст. 45).— „Замѣчательны большія двойничныя рѣки Азіи“ (стр. 111). Надо бы сказать „парныя“.

Въ транскрипціи названій часто замѣчается отступленіе отъ нѣмецкихъ названій и еще чаще отъ русскихъ, уже утвердившихся въ русскихъ атласахъ и географическихъ сочиненіяхъ. Отмѣтимъ только тѣ названія, на счетъ которыхъ не существуетъ разногласія между атласами Линберга и Ильина. Таковы, напримѣръ: Алжерія вмѣсто Алжірія, Балуджистанъ вмѣсто Белуджистанъ, Верденъ вмѣсто Вердюнъ, Вуоксенъ вмѣсто Вуокса, Исфаганъ вмѣсто Испаганъ, Лофотскіе острова вмѣсто Лофотенскіе, Оранжевая республика вмѣсто Оранжевая, Панджабъ вмѣсто Пенджабъ; Пекинъ, а затѣмъ Нанкинъ, хотя должно быть одно изъ двухъ: или Пекинъ и Нанкинъ, или Пекинъ и Нанкинъ; Трондгеймъ названъ такъ, что трудно произнести: Трондгемъ; Шербуръ вмѣсто Шербургъ; отъ Тибета переводчикъ производитъ названіе народа—тибетанцы, вмѣсто: тибетцы.

Учебникъ общей географіи съ таблицами. Курсъ 1-го класса. Свѣдѣнія изъ математической, физической и политической географіи. Составилъ Г. С. Лыткинъ, преподаватель шестой С.-Петербургской гимназіи. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. IV+63. Цѣна 40 коп.

Учебникъ г. Лыткина представляетъ, сравнительно съ другими того же рода учебниками, нѣкоторыя особенности, какъ въ свойствѣ самаго матеріала, такъ и въ расположеніи его.

Учебный курсъ географіи, какъ извѣстно, начинается съ краткихъ свѣдѣній изъ математической и физической географіи. Свѣдѣнія эти, въ виду возраста учениковъ, конечно, могутъ быть только элементарны, отрывочны, а иногда и вовсе неполны, а между тѣмъ этими свѣдѣніями ученикъ долженъ довольствоваться до VIII класса, гдѣ проходитъ математическая географія. Чтобы устранить происходящее отсюда неудобство для формальнаго и матеріальнаго образованія учениковъ, г. Лыткинъ значительно расширилъ противъ дру-

гихъ учебниковъ отдѣлы по математической и физической географіи, но при этомъ, при помощи шрифтовъ, отдѣлили матеріалъ, требуемый для I-го класса, отъ матеріала, которымъ могли бы воспользоваться ученики IV класса при повтореніи курса географіи. Такъ какъ необязательный матеріалъ, напечатанный мелкимъ шрифтомъ, содержитъ въ себѣ не мало новыхъ, интересныхъ, освѣжающихъ предметъ свѣдѣній и служащихъ какъ бы развитіемъ и пополненіемъ того содержанія, которое сообщается въ крупномъ шрифтѣ, то противъ этого нельзя вооружаться. Доказано опытомъ, что учащіеся охотнѣе повторяютъ старое, если къ нему присоединяется что-нибудь новое; но во всякомъ случаѣ, для такого повторенія требуется большее количество свободнаго времени, чѣмъ то, которымъ располагаютъ наши ученики въ IV классѣ, когда къ экзамену они должны повторить весь пройденный въ низшихъ классахъ курсъ географіи.

Далѣе, авторъ отдѣлил тамъ, гдѣ позволяетъ предметъ, объясненіе терминовъ физической географіи отъ географическихъ названій, сгруппировавъ послѣднія въ таблицахъ. Хотя по существу предмета всѣ географическія названія и должны бы быть затверждаемы только съ помощью географическихъ картъ, но на дѣлѣ этого трудно достигнуть даже самому опытному преподавателю и при существованіи лучшихъ географическихъ пособій. Таблицы, въ родѣ приложенныхъ къ учебнику г. Лыткина, должны служить наилучшимъ замѣщеніемъ картъ, чѣмъ перечень географическихъ данныхъ обычнымъ порядкомъ, ибо таблицы эти даютъ возможность быстрѣе обозрѣвать весь нужный матеріалъ, расположенный въ систематическомъ порядкѣ и собранный въ однородныя группы. Въ учебникѣ г. Лыткина всего шесть таблицъ, которыя помѣщаются въ концѣ соотвѣствующихъ отдѣловъ физической географіи.

Обратимся къ содержанію курса. Математической географіи отведено въ учебникѣ тринадцать съ небольшимъ страницъ, изъ коихъ около пяти содержатъ въ себѣ матеріалъ, назначаемый для 1-го класса; матеріалъ этотъ — общій всѣмъ учебникамъ того же наименованія: въ мелкій же шрифтъ вошло содержаніе подъ слѣдующими рубриками: звѣзды, планеты и кометы; измѣреніе времени; полуденная длина тѣни; годовое движеніе земли; весеннее равноденствіе; лѣтнее солнцестояніе; осеннее равноденствіе; зимнее солнцестояніе; широта и долгота и скорость свѣта. Къ этому отдѣлу прибавлены три рисунка.

Свѣдѣнія изъ физической географіи занимаютъ 31 страницу, изъ

числа которых 11 напечатано мелкимъ шрифтомъ; въ этотъ шрифтъ вошли рубрики: поверхность суши; средняя высота хребта; горныя вершины; морены и валуны; изверженіе вулкана; происхожденіе материковой влаги; покатоности рѣкъ; быстрота рѣкъ; верхнее, среднее и нижнее теченіе рѣкъ; подробности о климатическихъ поясахъ; подробности о водахъ океана; вода; испареніе, туманъ и облака; отличіе снѣга отъ льда; гололедица; градъ; давленіе воздушнаго столба; муссоны; земная кора; поднятіе и пониженіе странъ; перечень по поясамъ растений; морскія животныя; насѣкомыя.

Свѣдѣнія изъ этнографической и политической географіи занимаютъ шесть страницъ, въ томъ числѣ мелкимъ шрифтомъ полторы страницы, именно: перечень мелкихъ народовъ по племенамъ; языкъ; образованіе; поселенія; границы.

Объясненія изъ математической географіи при всей своей краткости отличаются точностью и опредѣленностью. Но для учебныхъ цѣлей требуется, чтобы слѣдующія мѣста были выражены проще:

Стр. 7. „Вольшой кругъ, перпендикулярный къ земной оси“... „Малые круги, перпендикулярные къ земной оси и параллельные экватору“....

Стр. 8. „При годичномъ движеніи земнаго шара вокругъ солнца плоскость земнаго экватора не составляетъ продолженія плоскости солнечнаго экватора, но пересѣкается“ и проч.

Объясненіе терминовъ изъ физической географіи сдѣлано толково, научно и въ систематическомъ порядкѣ. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ къ объясненіямъ присоединяются и географическія данныя, составитель вдается въ подробности, превышающія умственныя силы и интересъ учениковъ 1-го класса. Такъ, перечисляются почти всѣ морскія теченія съ топографическимъ указаніемъ (стр. 31, 32, 33); въ отдѣлѣ о вѣтрахъ говорится о циклонахъ и антициклонахъ (стр. 38), и притомъ въ общихъ чертахъ; въ отдѣлѣ о естественныхъ произведеніяхъ (стр. 42—49) растенія и животныя распредѣляются по климатическимъ поясамъ, съ указаніемъ градусовъ и странъ свѣта. Въ другихъ, не упомянутыхъ статьяхъ также встрѣчаются факты, не подходящіе къ курсу. Такъ, на стр. 21 говорится, что у экваторіальныхъ горъ „сѣверные скаты большіе и отлогіе, а южныя — небольшіе и крутыя“; у меридіональныхъ горъ „восточные склоны большіе и отлогіе, а западныя — небольшіе и крутыя“. Такого рода факты, равно какъ и указаніе высоты снѣговой линіи подъ разными градусами широты, какъ это

сдѣлано на стр. 22, удобнѣе было бы помѣстить мелкимъ шрифтомъ; но съ другой стороны — опредѣленіе родника, озера, болота слѣдовало бы помѣстить крупнымъ шрифтомъ.

Слѣдующее мѣсто необходимо было бы выразить проще:

Стр. 34. „Вода (океаническая и материковая) отличается наибольшою теплоемкостью и принадлежитъ къ довольно хорошимъ проводникамъ тепла; кромѣ того, частицы ея отличаются подвижностью и стремленіемъ расположиться по удѣльному вѣсу, то-есть, болѣе тяжелыя внизу, а болѣе легкія наверху; поѣтому днемъ вода нагрѣвается не такъ быстро, какъ суша, а ночью не такъ быстро она излучаетъ тепло“.

Вездѣ, гдѣ можно, авторъ даетъ этимологическое объясненіе географическимъ терминамъ, какъ напримѣръ: горизонтъ (греческое *horos* — предѣлъ), полюсъ (греческое *polos* — ось, латинское *polus* — конецъ оси), орбита — (латинское — *orbis* — кругъ), луна (латинское *luna*, *lucina* отъ *lucere* — свѣтить), сивьасы (латинское *silva* — дѣсь) и т. п. Все это прекрасно, такъ какъ способствуетъ не только запоминанію слова, но и заключающагося въ немъ понятія; но едва ли цѣлесообразно вводить въ учебникъ слова тѣхъ языковъ, которые не изучаются въ гимназій, какъ, напримѣръ, англійскія, португальскія, голландскія, шведскія и особенно санскритскія и арабскія. Не бесполезно также объяснить этимологію слова „сутки“, но едва ли требуется объясненіе для словъ: востокъ, западъ, уѣздъ и т. п.

Нѣкоторыя кѣтки въ таблицахъ г. Лыткина испещрены названіями; по видимому, авторъ въ этомъ отношеніи боялся отступить отъ учебника, существующаго болѣе четверти столѣтія и много разъ уже одобреннаго ученымъ комитетомъ, именно отъ учебника г. Смирнова. Но книга г. Смирнова, при всѣхъ ея достоинствахъ, не есть книга каноническая, и автору, конечно, не безызвѣстно, что на практикѣ едва ли не половина названій, по крайней мѣрѣ въ начальномъ курсѣ, изъ нея вычеркивается. При умѣренномъ числѣ географическихъ названій таблицы выиграли бы въ наглядности и могли бы быть напечатаны болѣе четкимъ шрифтомъ.

Мѣстами въ учебникѣ встрѣчаются фактическія неточности. Такъ, для примѣра:

На стр. 1 говорится, что видимыхъ простымъ глазомъ неподвижныхъ звѣздъ болѣе 7000. Въ учебникѣ космографіи Малинина и Буренина общее число звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ въ обихъ полушаріяхъ, опредѣляется въ 5500. Въ данномъ случаѣ необходимо было бы соглашеніе.

На стр. 20 название „оазисъ“ производится отъ арабскаго *oasis*—песчаное мѣсто; но Эгли, авторитетъ въ данномъ вопросѣ, въ своемъ трудѣ „Этимологическій географическій лексиконъ“, принимаетъ мнѣніе, что оазисъ древне-египетское слово—*oahé*.

Стр. 27. „Горы и горные хребты рѣдко оказываютъ вліяніе на водораздѣлъ“. Но въ другихъ авторитетныхъ сочиненіяхъ доказывается противное, а Ратцель въ сочиненіи „Земля“ категорически говоритъ: „Горы служатъ часто чрезвычайно рѣзкими водораздѣлами“.

На стр. 51 обзорѣніе племенъ начинается съ монголовъ, безъ какихъ-либо достаточныхъ для этого оснований.

Стр. 56. „Люди, населяющіе земной шаръ, соединяются въ общества для обезпеченія личной безопасности и собственности и учреждаютъ у себя высшую власть“. Мнѣніе автора о происхожденіи высшей власти далеко не подтверждается исторіей.

Изданъ учебникъ довольно опрятно: шрифтъ, за исключеніемъ таблицъ, четкій; бумага прочная, и особенно важныхъ типографскихъ ошибокъ мы не встрѣтили.

Книга г. Лыткина имѣетъ многія достоинства, которыхъ чужды другіе учебники того же рода, и въ виду этого появленіе ея въ новомъ исправленномъ изданіи весьма желательно.

Учебникъ космографіи (математическая географія). По программѣ кадетскихъ корпусовъ составили полковникъ *О. К. Мирецкій* и *А. Ф. Андрушкевичъ*. С.-Петербургъ. 1888. Стр. 115. Цѣна 1 р.

Названная книга содержитъ въ себѣ краткій систематическій курсъ математической географіи, по объему и методу изложенія удовлетворяющій тѣмъ условіямъ, которыя долженъ выполнять учебникъ этого предмета для 8-го класса гимназій и для общаго отдѣленія дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. По своимъ достоинствамъ въ научномъ и учебномъ отношеніяхъ учебникъ этотъ значительно уступаетъ математической географіи А. Савича, но выдерживаетъ сравненіе съ другими учебниками того же предмета, одобренными комитетомъ въ качествѣ пособій. Главныя его достоинства — краткость, систематичность, простота изложенія и отсутствіе того, что можно назвать грубыми промахами или ошибками, хотя и не всѣ доказательства или разсужденія авторовъ выдерживаютъ строгую критику, въ особенности относительно полноты или законченности доказательствъ.

На стр. 1 сказано: „Уже въ древности нѣкоторые философы (Пи-

оагоръ) считали землю за шаръ, хотя доказать это они не могли“. Между тѣмъ несомнѣнно, что многіе древніе ученые не только знали доказательства шарообразности земли, но даже опредѣляли длину земной окружности. Авторы разсматриваемой книги даже не упоминаютъ о такомъ, напримѣръ, древнѣйшемъ доказательствѣ шарообразнаго вида земли, какъ измѣненіе картины звѣзднаго неба съ передвиженіемъ зрителя къ сѣверу или къ югу.

На стр. 2 сказано: „Часть земной поверхности, видимая изъ какой-либо точки А, находящейся на нѣкоторомъ разстояніи АВ отъ этой поверхности, представляется во всѣхъ мѣстахъ земли въ видѣ круга“. Не упомянуто, что подразумѣвается наблюденіе посреди моря или на обширной равнинѣ, а не „во всѣхъ мѣстахъ земли“.

Такое же упущеніе сдѣлано въ § 2 той же страницы, имѣющимъ своимъ предметомъ „Приблизительное вычисленіе радіуса земли“. Притомъ, едвали можно признать удачнымъ помѣщеніе въ учебникѣ такого способа, несовершеннаго и неудобноисполнимаго съ нѣкоторою точностью, какъ вычисленіе земнаго радіуса по разстоянію до горизонта наблюдателя. Правильнѣе было бы, вмѣсто такого вычисления, указать рѣшеніе обратной задачи. Если авторы желали помѣстить на первыхъ страницахъ своего учебника способъ приближительнаго опредѣленія размѣровъ земли, то удобнѣе было основать такой способъ не на разстояніи до предѣла горизонта, а на измѣреніи такъ-называемаго угла пониженія горизонта; этотъ послѣдній способъ, хотя тоже весьма неудовлетворительный, все-таки, при достаточно возвышенной точкѣ наблюденія и при другихъ благопріятныхъ условіяхъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества надъ помѣщеннымъ въ учебникѣ.

На стр. 3 сказано: „На небесномъ сводѣ днемъ мы видимъ солнце, ночью же луну, звѣзды, планеты и кометы“. Но развѣ луна не бываетъ видна днемъ? Притомъ извѣстны явленія такихъ кометъ, которыя усматривались простыми глазами при полномъ сіяніи солнца. Слѣдовало также сказать, что подразумѣвается видимость свѣтилъ безъ помощи зрительныхъ трубъ и что въ телескопы даже днемъ производятся наблюденія достаточно яркихъ звѣздъ.

На той же страницѣ выведено слѣдующее заключеніе изъ неизмѣняемости угловыхъ разстояній между звѣздами при измѣненіи мѣста наблюденія: „Эти свѣтила находятся отъ насъ въ разстояніяхъ, которыя необходимо принять безконечными“. Это слѣдовало бы пояснить, такъ какъ разстоянія до неподвижныхъ звѣздъ не безконечны.

На стр. 8—9 сказано: „Небесная сфера есть шаръ произвольнаго радіуса, имѣющій центръ въ глазѣ наблюдателя и служащій для изображенія небеснаго свода“. Но вѣдь небесный сводъ не шаръ, слѣдовательно сфера не можетъ служить для изображенія небеснаго свода. Надо также замѣтить, что авторы не воспользовались сдѣланнымъ ими выше замѣчаніемъ о разстояніяхъ до неподвижныхъ звѣздъ, а потому въ главахъ 2-й и 3-й, имѣющихъ своимъ предметомъ опредѣленіе видимыхъ положеній свѣтилъ и описаніе звѣзднаго неба, ученику приходится самому догадываться, что когда рѣчь идетъ о неподвижныхъ звѣздахъ, то онъ имѣетъ право считать безразлично центръ небесной сферы или въ своемъ глазѣ, или въ центрѣ земнаго шара.

На стр. 28, при изложеніи способа триангуляцій для опредѣленія дуги меридіана, не говорится, что треугольники будутъ не прямолинейные, и потому сумма внутреннихъ угловъ въ каждомъ изъ нихъ должна превышать 180° . Надлежало бы, вообще, упомянуть о главнѣйшихъ особенностяхъ такой сѣти, то-есть, что эти треугольники рѣшаются какъ сферическіе, и притомъ такіе, которыхъ бока весьма малы сравнительно съ радіусомъ сферы, а потому для вычисленія ихъ нельзя пользоваться обыкновенными формулами сферической тригонометріи и придуманы особые способы.

На стр. 30 сказано: „Помощію высшаго анализа доказывается, что эллиптическая форма меридіана вполне удовлетворяетъ тѣмъ числовымъ даннымъ, которыя получаютъ изъ непосредственныхъ измѣреній“. Никакой анализъ не можетъ доказать того, чего нѣтъ; а результаты точнѣйшихъ измѣреній обнаружили, что геодезическая фигура земли не есть эллипсоидъ вращенія около малой оси, хотя величина ея уклоненій отъ такого вида весьма незначительна. Притомъ сжатіе земли не равно $\frac{1}{298}$, какъ сказано въ учебникѣ, а заключается между $\frac{1}{295}$ и $\frac{1}{294}$.

Не сказано объ опредѣленіи фигуры земли посредствомъ наблюденій надъ качаніями маятника и, вообще, не упомянуто о зависимости силы тяжести отъ географической широты.

Недосмотровъ и неточностей, подобныхъ вышеприведеннымъ, можно бы указать весьма много (не упомянуто о нутаціи; о малыхъ планетахъ сказано, что ихъ почти 200, тогда какъ въ дѣйствительности открыто уже почти 300; сказано, что у Урана 6 спутниковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ достоверно извѣстно только 4, и т. п.); но всѣ эти недосмотры и неточности не могутъ быть причислены къ

разряду грубыхъ ошибокъ, хотя въ совокупности значительно вредятъ достоинству учебника.

Общедоступное для самообученія руководство къ изученію счетоводства по системѣ двойной бухгалтеріи, изложенное по методѣ основательнаго легкаго и скорого усвоенія этой системы, для удобнаго и полезнаго примѣненія во всякаго рода предпріятіяхъ. Двѣ части. Составилъ *М. П. Чернышевъ*. Изданіе *И. Я. Завадовскаго*. С.-Пб. 1887 и 1888. 16 и 54 стр. въ 8-ку. Цѣна 1 руб.

Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что авторъ этихъ двухъ брошюръ не только не избѣжалъ ошибки, въ которую впадаетъ большинство составителей руководствъ по бухгалтеріи,—ошибки, заключающейся въ томъ, что счетоводство принимается за бухгалтерію и на оборотъ, тогда какъ между двумя означенными выраженіями громадное различіе, но даже ясно не сознавалъ намѣченной себѣ задачи. Въ означенномъ трудѣ прежде всего поражаетъ его названіе, „Руководство къ изученію счетоводства по системѣ двойной бухгалтеріи“, какъ будто можно изучать счетоводство по системѣ простой (не двойной, италіанской). Счетоводство не можетъ быть изучаемо по простой или двойной системѣ бухгалтеріи, не можетъ быть изучаемо потому, что оно не знаетъ никакихъ системъ: системы примѣняются только къ бухгалтеріи. Еслибы составитель назвалъ свою книгу „Руководствомъ къ изученію бухгалтеріи по системѣ двойнаго счетоводства“, то это еще можно было бы допустить, потому что на бухгалтерію можно смотрѣть какъ на часть счетоводства, которую, при томъ значеніи, какое придается слову „счетоводство“ въ обыденной рѣчи, можно вести и по простой, и по двойной италіанской системѣ.

Руководство г. Чернышева, изложенное, по мнѣнію составителя, „по методѣ основательнаго, легкаго и скорого усвоенія этой системы для удобнаго и полезнаго примѣненія во всякаго рода предпріятіяхъ“, будучи къ тому же „общедоступнымъ для самообученія“, на самомъ дѣлѣ оказывается непригоднымъ ни для того, ни для другаго. Въ означенномъ трудѣ нѣтъ теоретическаго изложенія основаній бухгалтеріи съ номенклатурою и классификаціей счетовъ (Contis) и связанною со всѣмъ этимъ бухгалтерскою терминологіею, а тѣ небольшія теоретическія замѣтки, которыя попадаютъ въ 1-мъ выпускѣ названнаго труда, не даютъ никакого объясненія и во всякомъ случаѣ оказываются совершенно непонятными при „самообученіи“ (см. вып. 1 стр. 11, опредѣленія актива, пассива, инвентаря, начальнаго баланса и пр.).

Если отъ такого рода изложенія теоретическихъ началъ бухгалтеріи перейти къ перечню книгъ, то прежде всего поражаетъ отсутствіе систематизаціи въ перечнѣ, а затѣмъ — указаніе на необходимость веденія такихъ книгъ, которыя безъ ущерба для дѣла можно не вести въ большихъ предпріятіяхъ, а тѣмъ болѣе въ мелкихъ, которыя составитель руководства имѣлъ преимущественно въ виду. Отсутствіе классификаціи счетовъ, служащихъ основаніемъ для распредѣленія отчетности, является ощутительнымъ еще и потому, что главныя теоретическія основанія бухгалтеріи имѣютъ въ виду номенклатуру счетовъ и должны имѣть соразмѣрное распредѣленіе отчетности, такое распредѣленіе, которое не должно быть ни слишкомъ обширно, ни слишкомъ сжато. Распредѣленіе бываетъ соразмѣрное, если номенклатура счетовъ исчерпываетъ всѣ виды и подвиды движенія капитала, такъ что не остается ни одного оборота, который бы не захватывался какимъ-либо счетомъ. Эта же номенклатура должна учить послѣдовательности при дѣленіи отчетности, той послѣдовательности, благодаря которой становится возможнымъ переходить съ надлежащею постепенностью отъ счетовъ собирательныхъ къ счетамъ по справкамъ, стоящимъ на болѣе низкихъ ступеняхъ подраздѣленія. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ нѣтъ послѣдовательности и отчетливости, самая же отчетность является въ такихъ случаяхъ неполною и недостаточно исчерпывающею всѣмъ измѣненія, которымъ капиталъ подвергается въ данномъ торгово-промышленномъ предпріятіи.

Эти элементарныя начала бухгалтеріи г. Чернышевымъ совершенно игнорируются. Только этимъ и можно объяснить себѣ ту запутанность въ классификаціи счетовъ, которую такъ поражаетъ его Главная Книга (вып. 2, стр. 30 — 37), гдѣ рядомъ съ капитально-основными счетами (Contis) кассы, лицевыми и др. фигурируютъ счета второстепенные, вводные, относящіеся къ торговымъ издержкамъ, предметамъ обзаведенія, страхованію имущества и пр. и пр.

Выше было упомянуто, что г. Чернышевъ, совершенно въ несоотвѣтствіи съ основнымъ планомъ своей работы, предлагаетъ такія книги, которыя оказываются ненужными даже въ большихъ предпріятіяхъ. Въ краткомъ же руководствѣ, предназначенномъ для изученія бухгалтеріи небольшихъ предпріятій, такія книги являются совершенно ненужнымъ балластомъ. Достаточно указать на предлагаемый имъ Меморіаль и Журналь, книги, собственно говоря, совершенно тождественныя, какъ по существу, такъ и по назначенію, какъ и Prima-Nota, которая въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ замѣняетъ

вышесказанный Меморіалъ и Журналъ. Въ большинствѣ даже самыхъ большихъ учрежденій ведется въ качествѣ основной, хронологической, только одна изъ поименованныхъ трехъ книгъ, а г. Чернышевъ предлагаетъ одну черновую, а другую—чистовую, въ качествѣ меморіала и журнала. Съ этимъ можно было бы еще примириться, если бы авторъ, не придавъ системѣ записей (Buchungen) въ меморіалѣ такую форму, какой онѣ фактически не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Извѣстно, что по основнымъ правиламъ бухгалтеріи, мѣна не считается простою операціею, а разлагается на двѣ отдѣльныя операціи, а именно: полученіе приобретаемаго предмета и сдачу предмета отдаваемаго, какъ это особенно ясно видно въ продажахъ на срокъ. Каждая изъ этихъ операцій записывается отдѣльно, и такъ какъ при продажѣ на срокъ, напримѣръ, есть два лица, продавецъ и покупатель, отношенія конхъ къ продаваемой вещи всегда измѣняются, то, если смотрѣть на нихъ только какъ на распорядителей, оказывается, что покупатель долженъ стоимость купленнаго предмета, а продавецъ есть займодавецъ этой стоимости, что, слѣдовательно, изъ каждой продажи товара возникаетъ долгъ и претензія, равные между собою. Изъ этого, естественно, слѣдуетъ, что сколько бы ни было записано случаевъ продажи, но если одновременно подвести итогъ совершенныхъ по ихъ поводу долговъ и возникающихъ изъ нихъ претензій, то сумма всѣхъ долговъ всегда и непремѣнно будетъ равна суммѣ всѣхъ претензій. Въ хронологической книгѣ „Журналъ“ (какъ и въ Меморіалѣ и Prima-Not'ѣ) такой математическій результатъ каждой совершаемой сдѣлки проводится посредствомъ склоненія и падежей слова „счесть“, при чемъ слово „счесть“, стоящее въ именительномъ падежѣ, означаетъ дебитора, а то же слово въ дательномъ падежѣ (счету) означаетъ кредитора, какъ одушевленнаго, такъ и неодушевленнаго и отвлеченнаго. Напримѣръ

Счетъ П. Миллера здѣсь

Счету товаровъ,

каковыя падежи и склоненія слова „счесть“ по иностранной терминологіи замѣняются словами *Per* (*par*) и *An* (*à*), какъ это нагляднѣе видно изъ той же статьи (*Pasten*) на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

Per P. Müller hier
An Waarea Conto

Par P. Müller en ville
à Marchandises générales.

Здѣсь, какъ и тамъ, кредитъ, съ одной стороны, и долгъ—съ другой, равны одинъ другому, и они всегда будутъ равны, сколько бы ни было записано операций. Въ этомъ случаѣ величины положительныя равны величинамъ отрицательнымъ, и не только вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ счетѣ. Эта же метода или способъ, получивъ примѣненіе къ веденію счетовъ между лицами, перенесена и на превращенія капиталовъ, для каковой цѣли достаточно было олицетворить различные роды капиталовъ, предпріятію принадлежащихъ, дать имъ особыя названія и открыть особые счета (Conti), какъ живымъ лицамъ, сдѣлать ихъ отвѣтственными или, выражаясь технически, дебитовать тѣми капиталами, которые получаютъ, и кредитовать тѣми, которые отдаются, совершенно такъ, какъ еслибъ они обмѣнивались между собою.

При такихъ основныхъ приемахъ въ записываніи статей (Buchung) можетъ быть одна кредитовая статья съ нѣсколькими дебитовыми и, на оборотъ одна дебитовая съ соответствующими таковой нѣсколькими кредитовыми, то-есть:

Счетъ N. N. (Per N. N.)

Счета Разныхъ (Per folgende)

или:

Счету Разныхъ (An folgende)

Счету N. N. (An N. N.).

Нѣсколько же дебитовыхъ статей (Счетъ Разныхъ) въ соотвѣтствіи съ нѣсколькими кредитовыми (Счету Разныхъ) одновременно, и на оборотъ, нѣсколько кредитовыхъ статей въ такомъ же соотвѣтствіи съ дебитовыми статьями представляется тѣмъ-то такимъ, что не имѣетъ ни основанія, ни смысла. По теоріи г. Чернышева, однако такого рода записи возводятся въ систему и правило (стр. 22—24, Разные (должны) Разнымъ).

Достаточно затѣмъ указанія любой суммы (одинъ разъ, чтобы на основаніи словъ „счетъ“ и „счету“ (Per и An) уразумѣть, на какой счетъ та же сумма должна быть записана въ дебетъ, и на какой—въ кредитъ. Журналъ и Меморіалъ, какъ и Prima Nota, должны быть поэтому разлинованы такъ, чтобы графа, предназначенная для рублей и копѣекъ, значилась независимо отъ дебета и кредита, которые распознаются на основаніи приставокъ „счетъ“ и „счету“ (Per и An), и для распознаванія коихъ вовсе нѣтъ ни надобности, ни основанія прибѣгать къ системѣ графъ, предлагаемыхъ г. Чернышевымъ. Другими словами, достаточно вести Журналъ или Меморіалъ такимъ образомъ:

Январь.	1	Счетъ N. N. Счету Р. Р. (объектъ записи) . . .	1.000	—
---------	---	--	-------	---

и нѣтъ никакой надобности заготовлять и вести журналъ слѣдующимъ, предлагаемымъ г. Чернышевымъ, способомъ:

Январь.	1	Счетъ N. N. Счету Р. Р. (Объектъ записи)	Дебетъ.		Кредитъ.	
			1.000	—		
			—	—	1.000	—

и каждую сумму параллельно записывать два раза, то-есть, одинъ разъ у соответственнаго дебитора (Per—счетъ NN), а въ другой—у соответственнаго кредитора (Ap—счету Р. Р.).

Изъ всего довольно значительнаго перечня книгъ вспомогательныхъ, какъ равно и изъ указанія отдѣльныхъ счетовъ (Conti) въ Главной Книгѣ, которые должны замѣнить означенныя вспомогательныя книги, у г. Чернышева найдется очень немного такихъ книгъ и счетовъ, образцы которыхъ можно было бы счесть удовлетворительными и соответствующими дѣйствительному ихъ назначенію. Въ отдѣльныхъ счетахъ Главной Книги (вып. 2 стр. 30—37) нумерація страницъ (пагинированіе) идетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ (30, 31, 32 и т. д.), тогда какъ пагинированіе Главной Книги, какъ систематической, должно быть, такъ сказать, параллельное (1—1, 2—2 и т. д.). Въ счетахъ процентныхъ бумагъ той же Главной Книги показаны только графы для рублей и копѣекъ, какъ конечныхъ результатовъ движенія означенныхъ цѣнностей (по ихъ приливу и отливу), и вовсе нѣтъ графъ, предназначенныхъ для указанія номинальной (нарицательной) цѣны тѣхъ же цѣнностей, въ большинствѣ случаевъ никогда не равняющейся рыночной (биржевой) цѣнѣ тѣхъ же бумагъ. Нѣтъ затѣмъ у г. Чернышева и подлежащихъ графъ для указанія истекшихъ или начисленныхъ процентовъ по купонамъ.

Въ книгѣ лицевыхъ счетовъ (стр. 48—49), при той же непра-

вильности въ пагинаціи, авторъ впадаетъ въ заблужденіе относительно названія этой книги, которая какъ конто-корректная, не можетъ ограничиваться только приведенными графами для рублей и копѣекъ, а должна заключать въ себѣ графы: 1) для чиселъ (даты) и мѣсяцевъ, какъ основаній для исчисленія процентовъ (валютное статей), 2) для дней, въ теченіи коихъ капиталъ, такъ сказать, опроцентовывается (*verzinsen*) и 3) для процентныхъ чиселъ (*Zinszahlen*, *Nombres*), выводимыхъ на основаніи означенныхъ дней и показаннаго капитала. Всего этого у г. Чернышева нѣтъ.

Во вспомогательныхъ книгахъ (стр. 52—53) встрѣчаются такія же ошибки; достаточно взять, напримѣръ, Вексельную Книгу (*Wechsel- und Rimesen Buch*), которая въ соответственныхъ графахъ должна представлять собою полную, детализированную копию векселей, начиная съ ихъ №№, суммы, мѣста и времени выдачи, срока эмиссии (*Termin*), срока платежа, съ указаніемъ, отъ кого вексель полученъ, съ наименованіемъ векселедателя (акцептанта), векселедержателя (ремитента) и т. д., и кончая отмѣткою, когда и къ кому вексель ушелъ, отосланъ (ремитированъ). Все это напрасно приходится искать въ приводимыхъ г. Чернышевымъ образцахъ.

Если по всѣмъ вышезложеннымъ соображеніямъ книга г. Чернышева и оказывается въ сущности непригодною, какъ руководство или какъ учебникъ, то, съ другой стороны, не лишена нѣкотораго интереса по обилію приведенныхъ въ ней задачъ по бухгалтеріи, что можетъ быть иногда не бесполезно и для преподавателей.

Нѣмецкія и русскія коммерческія письма, для занятій взрослыхъ и для употребленія въ училищахъ. *К. А. Галлера*. Рига и Дерптъ. 1884.

При слабомъ развитіи въ Россіи коммерческаго образованія нельзя ожидать появленія особой литературы, посвященной различнымъ отраслямъ этого образованія. Если другимъ отраслямъ коммерческихъ знаній (бухгалтеріи, вычисленіямъ, коммерческой ариѳметикѣ и пр.) и посчастливилось въ Россіи нѣсколько болѣе, то нельзя того же сказать о коммерческой корреспонденціи. Не вдаваясь здѣсь въ объясненіе причинъ этого факта, нельзя не замѣтить, что до недавняго времени отечественная литература по этой отрасли поддерживалась почти исключительно такъ-называемыми „Домашними секретарями“, „Письмовниками“ и т. п. изданіями, въ которыхъ есть все, кромѣ коммерческой корреспонденціи. Рядомъ съ этимъ отечественная литература по той же отрасли воспомялась лишь отча-

сти, и въ очень незначительной при томъ мѣрѣ, переводною литературою, не имѣющею никакого отношенія къ торговой практикѣ и торгово-промышленнымъ и юридическо-экономическимъ условіямъ Россіи. Къ этой же послѣдней категоріи учебниковъ можно причислить руководство Н. Краковскаго, переведенное съ польскаго съ притязаніями на оригинальность, то-есть, приспособленное, по мнѣнію автора, къ экономическимъ и юридическимъ условіямъ торгово-промышленной практики Россіи. Составленное не русскимъ и не для русскихъ, означенное руководство страдаетъ тѣми же недостатками языка, какъ и другія переводныя сочиненія. Торговый языкъ одной страны не похожъ на торговый языкъ другой, и техника оборотовъ рѣчи и отдѣльныхъ выраженій никакъ не можетъ быть передана переводомъ — она можетъ быть развѣ передѣлана.

Болѣе старое руководство Клинге, составленное параллельно на четырехъ языкахъ (русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ) можетъ быть причислено къ этой же категоріи, отличается тѣми же недостатками, которые находятъ отчасти оправданіе въ томъ, что у насъ не было установившихся техническихъ торговыхъ терминовъ во время появленія означеннаго учебника (1864 г.). Но въ то время въ Россіи едва начинали только поговаривать, всевозможные виды кредита находились въ зародышѣ, и это не могло не отразиться на содержаніи означенной книги.

По плану и конспекту, книга г. Галлера представляется весьма интересною, такъ какъ образцы писемъ приведены параллельно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что въ значительной мѣрѣ облегчаетъ прохожденіе предмета, который требуетъ знанія его не только на отечественномъ, но и на важнѣйшихъ иностранныхъ языкахъ. Незнакомство г. Галлера съ русскимъ языкомъ, однако же, бросается въ этомъ случаѣ въ глаза очень сильно. Авторъ прежде всего нѣмецъ, и потому весь русскій текстъ его книги страдаетъ нѣмецкимъ построеніемъ фразъ и нѣмецкою конструкціей предложеній, съ ихъ длиннотами, подлежащими въ началѣ предложеній, сказуемыми въ самомъ концѣ и т. д. Въ этомъ же русскомъ текстѣ, составляющемъ, какъ уже замѣчено, дословный переводъ съ нѣмецкаго, составитель не только не потрудился надъ сколько-нибудь сноснымъ переводомъ, но даже не позаботился о такомъ построеніи предложеній и отдѣльныхъ словъ, чтобы смыслъ ихъ могъ быть понятенъ. Вслѣдствіе этого является неясность и неточность, часто граничащая съ полнѣйшею безграмотностью. Напримѣръ:

Einsendung von Wechseln, um etwas damit vornehmen zu lassen (стр. 111).

Или:

Hinsichtlich des Zinsfusses binden wir uns ungern an einen festen Satz (стр. 11).

Или:

Ich glaube vielmehr dass Sie... durch die Grösse des Umsatzes reichlich für den Ausfall entschädigt werden... (стр. 22).

Посылка векселей для поступления съ ними (стр. 124).

Что до процентовъ, не любимъ стѣсняться положеннымъ размѣромъ (стр. 59).

По моему.... Вы болѣе значительнымъ оборотомъ щедро будете вознаграждены за выбыль, могущую произойти... (стр. 70).

То же самое должно сказать и о терминологіи, въ которой авторъ проявляетъ недостаточное знаніе предмета, смѣшивая термины и институты права, не имѣющіе между собою ничего общаго. Напримѣръ, *Damno* у г. Галлера переводится словомъ убытокъ (стр. 81), тогда какъ *damno* есть то, что, по французской терминологіи, называется *perte de place* (относительно векселей), отнюдь не убытокъ. Комиссія или консигнація (стр. 118), авторомъ отождествляются эти понятія, тогда какъ между ними огромная разница. Слово комиссія (какъ вознагражденіе за трудъ) авторъ вездѣ переводитъ словомъ провизія, на основаніи тождественности словъ *Provision* и *Commission* по терминологіи германскаго права, тогда какъ по русскому праву комиссія не есть провизія,—слово, котораго русское право даже не знаетъ, пользуясь вмѣсто него терминомъ провизо (*Proviso*), означающимъ тотъ эквивалентъ, который трассентъ долженъ предъявить трассату.

„...Операціи съ Вашимъ обязательствомъ...“ (стр. 70).

„...за девизы и подобныя обязательныя дѣла...“ (ibid).

Здѣсь можно только догадаться, что авторъ имѣетъ въ виду облиговныя дѣла, которыя онъ очень неудачно характеризуетъ обязательными, упуская изъ виду, что не всякій читатель, а тѣмъ болѣе учащійся, знаетъ, что юридическія отношенія, устанавливающіяся между разными участвующими въ вексельномъ обязательствѣ лицами, и отвѣтственность, которую индоссентъ принимаетъ на себя предъ своими преемниками, требуютъ извѣстнаго риска, характеризующаго такія обязательства; такого рода дѣла (*Obligo*) и называются облиговными и отнюдь не—обязательными.

Небольшой объемъ книжки г. Галлера загроможденъ къ тому же совершенно ненужными образцами фактуръ, счетовъ и пр., собственно не входящими въ коммерческую корреспонденцію, а составляющими предметъ, такъ-называемаго, конторскаго знанія (Contorwissenschaft). Это же обстоятельство лишило автора возможности разработать весьма существенныя части коммерческой корреспонденціи, о которыхъ у него не упоминается ни слова. Впадая въ эту ошибку, авторъ не избѣгъ и другой, не менѣе существенной. Не составивъ себѣ надлежащаго плана, онъ безъ всякой системы привелъ рядъ образцовъ писемъ, относящихся къ отдѣльнымъ случаямъ и видамъ торгово-промышленной дѣятельности, упустивъ изъ виду, что по такимъ образцамъ, составленнымъ безъ системы, очень трудно чему-нибудь научиться. Приведенные же имъ образцы, независимо отъ недостатковъ языка, страдаютъ отсутствіемъ точности, наглядности и всего того, что самъ авторъ возводитъ въ правило въ теоретическихкихъ замѣчаніяхъ, предпосланныхъ практической части его учебника.

На основаніи всего сказаннаго, означенный учебникъ отнюдь нельзя считать подходящимъ для учениковъ. Для изученія коммерческой корреспонденціи означенный учебникъ оказывается совершенно неудобнымъ, даже непригоднымъ. Но нельзя того же сказать объ этомъ учебникѣ съ точки зрѣнія преподавателей, для которыхъ онъ не лишенъ интереса, не только библіографическаго, но и какъ вспомогательное руководство при прохожденіи предмета; это — руководство, въ которомъ нельзя не признать до нѣкоторой степени дѣльныхъ теоретическихкихъ замѣчаній и сжатости, вполне соответствующей объему преподаванія коммерческой корреспонденціи въ реальныхъ училищахъ, гдѣ названный предметъ читается въ качествѣ вспомогательнаго при бухгалтеріи. Само собою разумѣется, что преподаватели должны оказаться въ этомъ случаѣ на высотѣ своего призванія. Они должны тщательно проредактировать во всѣхъ отношеніяхъ образцы, которые захотѣли бы извлечь для воспитанниковъ изъ означеннаго учебника, отдѣлать нужное отъ ненужнаго, очистить терминологию, измѣнить построеніе фразъ и отдѣльныхъ оборотовъ, сообразно съ духомъ и требованіями языка и т. д. Безъ соблюденія означенныхъ условій учебникъ г. Галлера оказывается непригоднымъ и для нихъ.

Пособіе къ изученію психологіи. Священника А. Гумаревскаго. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва 1888. Стр. 250 въ 8-ку. Цѣна 1 р. 25 к.

На заглавномъ листѣ сказано, что эта книга „святѣйшимъ синодомъ удостоена преміи высокопреосвященнѣйшаго Макарія, митрополита Московскаго, и одобрена къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по психологіи“. Эта премія и это одобреніе представляютъ уже большое ручательство, что книга и пригодна, и безопасна для того скромнаго назначенія, которое она прямо имѣетъ въ виду, то-есть, для того, чтобы служить пособіемъ къ изученію психологіи.

Авторъ, какъ видно, не задавался цѣлью написать что-нибудь оригинальное, или даже строго научное. Его книга есть компиляція, не стѣсняющаяся ни учебными требованіями, ни выдерживаніемъ одного опредѣленнаго взгляда на предметъ. Поэтому изъ его книги читатель только можетъ вообще получить понятіе о различныхъ вопросахъ и теоріяхъ, которыми занимается психологическая литература, и особенно литература послѣдняго времени.

Планъ книги можно найдти на стр. 16, въ параграфѣ—раздѣленіе психологіи. Тамъ сказано приблизительно ¹⁾ такъ:

„Психологія естественно раздѣляется на три части: 1) всестороннее изученіе душевныхъ явленій, данныхъ въ опытѣ; 2) изъ изученныхъ явленій метафизическіе выводы о существѣ челоуѣческаго духа и его отношеніи къ тѣлу; 3) видовзмѣненія душевныхъ явленій различными индивидуальными особенностями, преимущественно же своеобразною тѣлесною организаціею“.

Первыя семь главъ (стр. 1—181) посвящены первой части; восьмая глава (стр. 182—204)—второй; послѣднія двѣ главы, 9-я и 10-я (стр. 205—244)—третьей.

Изъ этого очерка видно, что, за исключеніемъ немногихъ страницъ, книга содержитъ въ себѣ то, что обыкновенно называется эмпирической психологіею, то-есть, тѣ описанія и изслѣдованія, которыхъ касаются также антропологія, физиологія органовъ чувствъ, психіатрія и другія подобныя науки, исходяція прямо изъ опыта. То, что авторъ называетъ метафизическими выводами и что онъ излагаетъ въ 8-й главѣ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) душа не есть что-нибудь матеріальное; 2) душа въ челоуѣкѣ мо-

¹⁾ Мы употребляемъ собственныя выраженія автора и только опускаемъ пояснительныя слова и подробности.

жеть достигать степени духа; 3) душа человѣка существенно отлична отъ души животныхъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ глава, въ которой защищаются эти положенія, носитъ заглавіе: О природѣ души человѣческой и ея отношеніи къ тѣлу. Тутъ ничего не говорится ни о томъ, въ чемъ состоитъ связь души и тѣла, ни о происхожденіи души, ни объ ея безсмертіи, слѣдовательно, оставлены совершенно въ сторонѣ настоящіе метафизическіе вопросы о душѣ.

Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду не полное ученіе о душѣ (какъ философскую науку), а только (какъ онъ самъ говоритъ въ прошеніи) полемическую цѣль. „Задача этой книги состоитъ въ томъ, чтобы систематически разоблачить несостоятельность матеріализма въ примѣненіи къ объясненію психическихъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать и обосновать самобытность и духовность начала душевной жизни человѣка“. Итакъ, разбираемая книга не столько имѣетъ положительную, сколько отрицательную задачу; дѣйствительно, ея положительные выводы суть лишь утвержденія, что нельзя признавать извѣстнаго рѣшенія вопросовъ; въ мысли автора вся психологія какъ будто главнымъ образомъ состоитъ въ опроверженіи матеріализма. Преобладаніе такой односторонней точки зрѣнія, конечно, вызвано тѣмъ, что матеріализмъ въ настоящее время имѣетъ большую силу. Но, въ сущности, лучшее средство противъ него состоитъ не въ прямомъ разоблаченіи недостаточности и шаткости его взглядовъ, а въ косвенномъ опроверженіи, то-есть, въ развитіи и утверженіи истинныхъ понятій о предметѣ. Если мы будемъ ясно понимать, что такое духъ и что такое матерія, то мы будемъ совершенно безопасны отъ матеріализма, и онъ насъ будетъ интересовать только какъ одно изъ обыкновенныхъ заблужденій, слѣдовательно такъ, какъ напримѣръ, въ логикѣ изучаются софизмы. Задача психологіи и состоитъ въ изложеніи положительныхъ понятій о душѣ, такъ-сказать въ анализѣ ея духовности.

При томъ характерѣ своего содержанія, который мы указали, разсматриваемая книга интересна по своей полнотѣ; она перебираетъ всѣ пункты эмпирическихъ и физиологическихъ изслѣдованій, касающихся души, а также пункты спора матеріалистовъ противъ спиритуалистовъ. Но она страдаетъ по мѣстамъ недостатками, свойственными компилятивнымъ сочиненіямъ, именно нѣкоторою неточностью въ постановкѣ вопросовъ и смѣшеніемъ различныхъ точекъ зрѣнія. Приведемъ одно очень характерное мѣсто. Дѣло идетъ о происхожденіи пространственныхъ воспріятій:

„Одни психологи (нативисты) утверждаютъ, что наши ощущенія

уже съ самаго начала возникаютъ въ нераздѣльномъ единствѣ съ формами пространства, вслѣдствіе чего эти послѣднія извѣстнымъ образомъ (?) намъ прирождены. Послѣдователи же эмпирическаго направленія стремятся доказать происхожденіе пространственныхъ образовъ изъ одного опыта. Хотя то и другое объясненіе происхожденія пространственныхъ воспріятій, взятая въ отдѣльности, по своей крайности (?) не выдерживаютъ критики; однакоже каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ долю истины и, соединенныя съ извѣстными ограниченіями (?) вмѣстѣ, даютъ объясненіе происхожденія пространственныхъ воспріятій вполне удовлетворительное" (стр. 54, 55).

Но развѣ возможно соединить вмѣстѣ эти двѣ теоріи? Если одна изъ нихъ утверждаетъ, что представленіе пространства возникаетъ только изъ опыта, а другая, что оно вовсе не зависитъ отъ опыта, то приходится принять или одну, или другую; по самому существу дѣла эти теоріи не допускаютъ никакихъ ограниченій: ограниченіе одной значитъ принятіе другой; здѣсь *tertium non datur*, какъ говорятъ логики.

Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что будто бы, такъ или иначе, какіе-нибудь физиологи или психологи достигли вполне удовлетворительнаго объясненія пространственныхъ воспріятій. Строгіе ученые видятъ здѣсь вопросъ величайшей трудности, и только по недосмотру мы можемъ принять анализъ этого вопроса, его отчетливую постановку за самое рѣшеніе. Отличный физикъ Жаменъ говоритъ въ своемъ курсѣ:

„Можно съ двухъ сторонъ разсматривать вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы воспринимаемъ форму, величину, разстояніе, мѣсто внѣшнихъ предметовъ. Вопервыхъ, можно спрашивать себя, какимъ образомъ физическое впечатлѣніе на сѣтчатку превращается въ воспріятіе: это философская задача, разрѣшеніе которой выходитъ за предѣлы человѣческаго разума; вовторыхъ, можно анализировать физическія и физиологическія условія впечатлѣній и разыскивать отношенія, существующія между образами глаза и качествами внѣшнихъ предметовъ: этимъ анализомъ и слѣдуетъ ограничиться" (*Cours de physique*. Т. III, р. 800).

Вотъ совершенно правильный взглядъ на дѣло; Жаменъ различаетъ двѣ задачи, одну философскую, которую считаетъ не только нерѣшенной, но и неразрѣшимой, и другую—эмпирическую, состоящую въ опредѣленіи условій и соответствій, которою онъ и ограничивается. Если мы выйдемъ въ это различіе и успѣемъ внушить

его учащимся, то одинъ этотъ пунктъ, одно это ученіе о зрѣніи уже навсегда сдѣлаетъ невозможнымъ для насъ смѣшеніе духа и матеріи. Но вмѣстѣ мы, конечно, убѣдимся, что пониманіе зрѣнія связано съ глубочайшими и труднѣйшими философскими вопросами. Если же мы смѣшаемъ обѣ задачи, то вамъ можетъ показаться, что эмпирическое изслѣдованіе зрѣнія вполне разрѣшаетъ весь вопросъ. Безъ сомнѣнія, такое смѣшеніе задачъ и соблазняетъ матеріалистовъ, предполагающихъ, что зрѣніе есть только вещественный процессъ.

Вообще можно замѣтить, что въ разбираемой книгѣ многое утверждается слишкомъ рѣшительно и многія объясненія признаются болѣе удовлетворительными, чѣмъ они есть въ сущности,—расположеніе къ догматичности, которое встрѣчается почти у всѣхъ авторовъ, довольствующихся чужими изысканіями. Напримѣръ:

„Если свѣдѣнія о спиритическихъ явленіяхъ заслуживаютъ какого-нибудь вѣроятія (а въ этомъ, кажется, безусловно сомнѣваться нельзя), то въ такомъ случаѣ (?) всѣ спиритическія явленія нужно приписать дѣйствию злыхъ духовъ“ (стр. 233).

Авторъ не разбираетъ и не указываетъ, какими признаками отличаются дѣйствія злыхъ духовъ, и потому его заключеніе слабо обосновано. Но во всякомъ случаѣ нельзя приписывать этимъ дѣйствіямъ всѣхъ спиритическихъ явленій. Извѣстно множество случаевъ, гдѣ доказано было, что медиумы или прибѣгали къ обману, или же подвергались самообману, принимали свои естественныя дѣйствія за нѣчто имъ внушенное.

Не думаемъ также, что авторъ выражается вполне точно, когда онъ говоритъ:

„Нужно всегда помнить, что въ мірѣ происходитъ много такихъ необычайныхъ мистическихъ явленій, которыя совершенно недоступны объясненію при настоящемъ состояніи нашихъ знаній“ (стр. 233).

Давно уже сказано, что мы со всѣхъ сторонъ окружены тайнами, и полезно внушать читателямъ, что вообще мы ни въ чемъ не достигли полнаго объясненія; но эти тайны суть всегдашнія тайны, а вовсе не какія-нибудь необычайныя событія, которыхъ, напротивъ, никогда много не бываетъ, хотя разказовъ объ нихъ и ходитъ всегда множество. А что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ мистическій? Не объяснимый, или только еще не объясненный? Если второе, какъ можно заключать изъ словъ о состояніи нашихъ знаній, то тутъ вовсе нѣтъ причины употреблять этотъ особый терминъ.

Э. А. *Адресъ. Заиканіе и его лѣченіе. Практическое руководство для родителей, воспитателей и для самообученія.* С.-Пб. 1887. 96 стр. въ 8-ву. Цѣна 1 руб.

Книга состоитъ изъ пяти главъ: въ первой излагается литература о заиканіи и историческій очеркъ развитія методовъ лѣченія заиканія; во второй описывается аппаратъ рѣчи, анатомія и механизмъ дыханія; третья трактуетъ о сущности заиканія, о статистикѣ, о различіи заиканія отъ косноязычія; четвертая глава говоритъ о способахъ лѣченія заиканія; пятая глава посвящена практическимъ упражненіямъ. Въ концѣ книги помѣщены два приложенія: библиографія и институты для заикающихся за границею.

Въ предисловіи читаемъ: „Заикающихся въ Россіи чрезвычайно много; руководства же о лѣченіи заиканія не имѣется у насъ ни одного. Вотъ причина, которая меня побуждаетъ предложить свое руководство на судъ безпристрастныхъ читателей, хотя я и отлично знаю, что въ немъ не мало недостатковъ“. Это не вѣрно. Есть такое сочиненіе, а именно книга Кѣна: Заиканье, шепелянье, захлебываніе, картавленіе и прочіе пороки рѣчи, сущность, предотвращеніе и излѣченіе этихъ недостатковъ. М. 1878.

Изъ первой главы мы узнаемъ, что заиками были Моисей, Аристотель, Виргилій, императоръ Клавдій и многіе другіе выдающіеся мыслители древности, что лѣченіемъ заиканія занимались еще въ самой глубокой древности, что нѣкоторые врачи, напримѣръ, гениальный Диффенбахъ въ 1846 г., прибѣгали къ оперативнымъ способамъ, оказавшимся впоследствии бесполезными, а другіе давали внутреннія лѣкарства, и что только начиная съ пятидесятихъ годовъ заикамъ стали совѣтовать различныя упражненія для органовъ дыханія, голоса и рѣчи. Во второй главѣ описаніе аппарата рѣчи хотя анатомически вѣрно, но желательнo было бы помѣстить хоть одинъ рисунокъ человѣческой гортани и легкихъ, безъ котораго самое точное описаніе этого сложнаго аппарата останется непонятнымъ.

Представимъ нѣсколько частныхъ замѣтокъ.

Стр. 11 внизу. Невѣрно сказано: „легкія находятся въ передней части грудной кѣтки“; легкія, какъ извѣстно, наполняютъ всю грудную кѣтку.

Стр. 13 внизу. Въмѣсто „внѣшній аппаратъ рѣчи“ слѣдуетъ „головной“ аппаратъ рѣчи.

Стр. 14. Авторъ говоритъ о многіхъ попыткахъ устроить такой аппаратъ, посредствомъ котораго можно было бы передавать человѣческую рѣчь, и упоминаетъ о машинѣ Кемпелена (1791 г.) и Фабера въ

Вѣнѣ (1830 г.); послѣдняя привезена была въ Петербургъ во второй разъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ племянникомъ изобрѣтателя и показывалась въ музеѣ Гасснера. Но если уже говорить объ искусственныхъ приборахъ для воспроизведенія человѣческаго голоса, то авторъ сдѣлалъ важное упущеніе, не упомянувъ ни словомъ о фонографѣ Эдиссона, въ томъ же музеѣ Гасснера, производящемъ ошеломляющее впечатлѣніе на зрителя и, съ тѣмъ вмѣстѣ, поражающее своимъ простымъ устройствомъ, ибо онъ состоитъ изъ покрытаго фольгою цилиндра, амбушюра въ видѣ воронки и пластинки со штифтикомъ. Тутъ, дѣйствительно, умъ человѣческій нѣмѣтъ: мертвая матерія воспроизводитъ съ поразительною точностью, даже фиксируетъ на своей поверхности произнесенныя слова и звуки голоса.

На стр. 24 и 25 авторъ слишкомъ распространяется о причинахъ заиканія, которыя при современномъ состояніи медицинской науки, какъ и причины нѣкоторыхъ другихъ нервныхъ болѣзней (эпилепсія, пляска св. Витта, глухонѣмота и т. п.), остаются неизвѣстными.

На стр. 28, § 45. Совершенно невѣрное разсужденіе.

На стр. 33 слѣдуетъ прибавить: „какъ и въ Россіи“. Предлагаемый авторомъ способъ лѣченія заиканія не представляетъ ничего новаго; способъ этотъ чисто механическій и примѣняется пока во всѣхъ институтахъ для заикающихся, приоровливаясь къ индивидуальности больного. Тѣмъ не менѣе книга г. Андруса составляетъ полезный вкладъ въ популярно-медицинскую литературу; она написана общепонятнымъ языкомъ, и типографскія ея качества вполнѣ удовлетворительны.

Примѣненіе электричества къ домашнему быту. Составилъ *М. М. Демисевскій*.
Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ 60 полтинными рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. VIII+82. Цѣна 80 коп.

Разсматриваемая книжка содержитъ въ себѣ одиннадцать отдѣловъ, изъ которыхъ первый, занимающій всего три страницы, посвященъ указаніямъ на нѣкоторыя фундаментальныя величины, играющія главную роль въ ученіи объ электричествѣ. Въ остальныхъ главахъ рассмотрѣны: гальваническіе элементы, аккумуляторы, звонки, электрическія зажигательницы, извѣстители разнаго рода (отъ пожара, отъ воровъ и т. д.), телефоны, микрофоны и разныя мелкіе приборы; одинъ отдѣлъ посвященъ гальванопластикѣ. Послѣднія двѣ страницы содержатъ въ себѣ разныя указанія, которыя могутъ оказаться полезными лицамъ, пользующимся электрическимъ токомъ въ домашнемъ быту. Матеріалъ собранъ и сгруппированъ, вообще, довольно удачно, и книга не безъ пользы прочлась бы учащимися среднихъ учебныхъ заведеній, еслибъ

она, къ сожалѣнiю, не обладала многими недостатками, на которые автору придется обратить вниманiе при новомъ изданiи.

Особенно неудаченъ первый отдѣлъ. Омъ и амперъ упомянуты, но о ихъ величинѣ ничего не сказано. Въ § 5, „дѣйствiя, производимыя токомъ“, указаны далеко не всѣ его дѣйствiя; не упомянуты нагрѣванiе, индукцiя и друг., хотя дальше описываются приборы, основанные на этихъ дѣйствiяхъ. Про электричество сказано, что оно „примѣняется ко всѣмъ нуждамъ промышленности“, что преувеличено. Здѣсь же встрѣчаемъ галлицизмъ: „наливъ въ сосудъ подкисленную воду и опрокинувъ и т. д.... — вода разлагается....“ Во всей книгѣ теоретическiя объясненiя весьма неудовлетворительны. Вотъ примѣры: На стр. 6 не объяснено, почему электро-возбудительная сила при параллельномъ соединенiи элементовъ не увеличивается, между тѣмъ какъ для случая послѣдовательнаго соединенiя соответствующее объясненiе приведено. На стр. 17 и далѣе говорится, что аккумуляторы суть резервуары электрической энергiи. Это не вѣрно; аккумуляторы содержатъ въ себѣ химическую энергiю, и ихъ никакъ нельзя уподобить заряженнымъ Лейденскимъ банкамъ, дѣйствительно содержащимъ въ себѣ запасъ электрической энергiи. На стр. 36 болѣе сильное накаливанiе свернутой проволоки объясняется тѣмъ, что развернутая проволока имѣетъ меньшую поверхность охлажденiя. Но вѣдь меньшему охлажденiю должно бы соответствовать какъ-разъ болѣе нагрѣванiе. Истинная причина разсматриваемаго явленiя вовсе не въ томъ заключается, что поверхности различны. На стр. 51 указано, какъ на преимущество телефона Охоровича, что онъ далъ возможность слышать музыку и пѣнiе въ залѣ, вмѣщавшемъ до 500 человекъ. Это совершенно не вѣрно. Знаменитые опыты Охоровича производились съ его термофономъ, устройство котораго до сихъ поръ составляетъ тайну.

Многiя мѣста изложены неясно. Такъ, на стр. 18, въ перечнѣ условiй, которымъ должны удовлетворять аккумуляторы, читаемъ: „при реакцiи въ нихъ должно образоваться твердое вещество“ и т. д. Что значить: „при реакцiи“? Непонятно, подразумѣваетъ ли авторъ реакцiю при заряденiи или при разрядѣ, или что другое. Въ аккумуляторахъ образуется, какъ извѣстно, твердая, не растворимая сѣрноцинковая соль, и въ этомъ заключается какъ-разъ существенный ихъ недостатокъ. На стр. 22 читаемъ совершенно непонятныя слова: „Цинкаты кали содержитъ на литръ 150 граммовъ цинка“. На стр. 32 сказано, что если имѣется двойной проводъ, то не слѣдуетъ дѣлать соединенiй „на одной высотѣ“. А если проволоки

идутъ горизонтально? Авторъ хотѣлъ сказать, что соединенія не слѣдуетъ дѣлать рядомъ.

Чертежи и отношеніе къ нимъ текста заставляютъ желать многого. На огромномъ числѣ рисунковъ недостаетъ буквъ, упомянутыхъ въ текстѣ, вслѣдствіе чего описаніе дѣлается малопонятнымъ. Вотъ примѣры: черт. 6 (недостаетъ С и L), 9 (нѣтъ d), 15 (нѣтъ a и c), 39 (нѣтъ C), 44 (нѣтъ f), 49 (нѣтъ A), 54 (нѣтъ B), 56 (нѣтъ K). Чертежъ 36, очень сложный, совсѣмъ безъ буквъ, такъ что нѣтъ никакой возможности понять даннаго въ текстѣ описанія. Черт. 4 плохъ; растворъ мѣднаго купороса изображенъ прозрачнымъ какъ вода, и не изображены кристаллы купороса, которые непременно должны быть прибавлены. На оборотѣ, на черт. 9 изображены двѣ кучки кристалловъ, которыя не должны тамъ находиться. Важный черт. 29 сдѣланъ невѣрно; одна изъ проволокъ, идущихъ отъ второй кнопки, должна быть продолжена до слѣдующаго горизонтальнаго проводника. Нѣкоторые предметы, не смотря на хорошій чертежъ, весьма сбивчиво описаны. На стр. 14 при описаніи элемента Лаланда, сказано, что „стойка А служитъ для укрѣпленія пластинки С“. Но, на чертежѣ, С есть пробка, и вообще никакой пластинки не видно. Тутъ же сказано, что сосудъ самъ служитъ положительнымъ полюсомъ, и не прибавлено, изъ какаго матеріала онъ сдѣланъ. При описаніи чертежа 34-го перепутаны звонки и кнопки, такъ что между чертежомъ и текстомъ полное разногласіе. На черт. 58 изображенъ двигатель Грискома безъ всякаго описанія его устройства. Такой чертежъ, очевидно, ровно ничего не даетъ и представляется лишнимъ.

Во многихъ мѣстахъ описаны сложные приборы, а чертежа нѣтъ, вслѣдствіе чего описаніе остается непонятнымъ, см., напримѣръ, стр. 26 (магнито-электрической звонокъ Абданка Абакановича), стр. 51 (телефонъ Охоровича), стр. 57 (микрофонъ Дюжона) и т. д.

Опечатокъ много, и нѣкоторые изъ нихъ извращаютъ смыслъ (стр. 23, перепутаны с и С).

Языкъ во многихъ мѣстахъ слѣдовало бы исправить. На стр. 4 читаемъ: „Возьмемъ сосудъ...., и помѣстимъ въ него двѣ пластинки: цинковую и мѣдную, то произойдетъ слѣдующая реакція“ и т. д.

На стр. 15 читаемъ: „Вслѣдствіе амальгамации при не замкнутой цѣпи цинкъ менѣе расходуется“ и т. д. Слѣдуетъ: „Вслѣдствіе амальгамации, цинкъ, при не замкнутой цѣпи, менѣе расходуется....“

Длинную фразу, переходящую отъ стр. 60 къ стран. 61, мы совсѣмъ отказываемся понять.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КОНЧИНА ГРАФА ДМИТРІЯ АНДРЕЕВИЧА ТОЛСТАГО.

Смерть—училъ великій философъ XVII вѣка—никогда не приходитъ по винѣ души: тѣло распадается не потому, что душа отсутствуетъ, но душа вынуждена удалиться потому, что тѣлесная машина попортилася, двигатель ея пересталъ дѣйствовать.

Никогда замѣчаніе это не было такъ примѣнимо, какъ въ случаѣ послѣдовавшей во вторникъ 25-го апрѣля кончины министра внутреннихъ дѣлъ, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго. Съ первыхъ извѣстій о неожиданно поразившемъ его воспаленіи въ правомъ легкомъ возникла тревожная мысль, хватить ли двигателя въ немолодомъ, утомленномъ болѣзнью послѣднихъ лѣтъ организмѣ, достанетъ ли физическихъ силъ, чтобы перенести болѣзненный процессъ безъ конечной порчи тѣлесной машины. Еслибы заботы близкихъ и усилія науки могли на достаточное время поддержать работу сердца, этотъ бодрый духъ, до конца сохранившій и ясность мысли, и энергію желаній, не оставилъ бы тѣла безгласно и бездыханно поверженнымъ среди пышности послѣднихъ земныхъ почестей, въ печальномъ распаденіи ничтожной горсти земли. Но двигатель остановился, утомленное сердце перестало биться. Было четыре часа пятнадцать минутъ, когда графа Толстаго не стало...

Графъ Дмитрій Андреевичъ занемогъ въ среду 19-го апрѣля. Наступили припадки удушья, какимъ онъ страдалъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; температура поднялась до 39,2°; появилась боль въ правомъ боку, показалась кровянистая мокрота. Скоро выяснилось, что графъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Былъ вызванъ изъ Москвы профессоръ Г. А. Захарьинъ, которому въ особенности довѣрялъ графъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ пятницу 21-го апрѣля и нашелъ больного въ опасномъ положеніи. Утромъ въ воскресенье обнаружилось нѣкоторое облегченіе. Температура понижалась до 37,2°; воспалительныя явленія въ средней долѣ праваго легкаго стали стихать. Но въ тотъ же день успокоительные признаки оказались обманчивыми: воспаленіе только перемѣстило свой центръ. Возобновились удушье, высокая температура, частый пульсъ. На слѣдующій день боль стихла, но къ вечеру обнаружились угрожающіе признаки упадка дѣятельности сердца. Число ударовъ пульса достигло 150 въ минуту, число дыханій 44. Всѣ усилія оживить дѣятельность сердца оказались тщетными. Послѣдовалъ параличъ. Больной тихо угасъ при полномъ сознаніи.

Смерть всегда, и на самой скромной средѣ, оставляетъ по себѣ пустоту. На сколько же страшнѣе ощущеніе внезапно наступившей пустоты, когда на жизненномъ станкѣ, среди неустанно двигающейся тѣани событій, вдругъ обрѣзанъ узелъ, гдѣ сходятся десятки тысячъ нитей, остающіяся безъ связи и ждущія новыхъ соединеній! Имя покойнаго графа, за которымъ стояло столько прошлаго, было уже знаменемъ; одно пребываніе его у власти знаменовало систему. Множество страстей, враждебныхъ спокойному теченію государственной жизни, улеглось, сознавъ бесплодность усилій, въ виду опредѣленнаго, въ одну сторону направленнаго правительственнаго дѣйствія.

Графъ Д. А. Толстой родился въ мартѣ 1823 года; воспитывался въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицѣѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1843 году съ золотою медалью. Видная служебная дѣятельность началась для него съ 1847 года, когда онъ былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На него возложено было порученіе составить исторію иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Въ 1848 году ему всемилостивѣйше былъ пожалованъ брилліантовый перстень за составленную имъ исторію финансо-

выхъ учреждений въ Россіи до кончины императрицы Екатерины II; въ томъ же году онъ получилъ придворное званіе. Черезъ пять лѣтъ онъ уже былъ управляющимъ департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Затѣмъ для него открылось новое поприще дѣятельности. Онъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ великаго князя генераль-адмирала въ кипучей работѣ, которая началась тогда въ морскомъ управленіи и еще болѣе возросла съ наступленіемъ новаго царствованія. Въ 1860 году графъ Толстой былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и нѣкоторое время управлялъ департаментомъ министерства, до декабря 1861 г., когда былъ пожалованъ въ званіе гофмейстера и назначенъ сенаторомъ съ увольненіемъ отъ должностей по министерству просвѣщенія. Въ 1863 году появилось въ Парижѣ сочиненіе графа, доставившее ему литературное имя и почетную ученую извѣстность: „Le Catholicisme Romain en Russie“. Лейпцигскій университетъ возвелъ автора въ званіе доктора философіи.

Служеніе на высшихъ государственныхъ постахъ началось для графа Дмитрія Андреевича съ 1865 года, когда онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Съ этихъ поръ на протяженіи четверти вѣка, съ незначительнымъ перерывомъ, графъ Толстой былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей эпохи.

На этомъ длинномъ поприщѣ были два выдающіеся момента, которые опредѣлили характеръ дѣятельности покойнаго графа Толстаго и ея историческое значеніе. Дважды призванъ онъ былъ, въ трудныя минуты колебаній въ обществѣ и въ правительствѣ, быть проводникомъ охранительныхъ началъ и стать противъ легкомысленныхъ и пагубныхъ теченій, грозившихъ принести неисчислимый вредъ.

Въ первый разъ это было въ 1866 году. Недоучившійся безумецъ, высланный изъ дикихъ трущобъ нигилистическихъ кружковъ, насажденных на нашей школьной почвѣ, стрѣлялъ въ Русскаго Государя. И правительство, и общество были подѣ страшнымъ впечатленіемъ проклятаго выстрѣла. Стало яснымъ, какую болѣзнь удалось привить не малой долѣ нашего учащагося поколѣнія въ распущенной школѣ несерьезнаго ученья, какою была тогда наша школа; обнаружилось къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ пагубное потворство раз-

лагающимъ вліяніямъ, проводники которыхъ—литературные и политическіе—почти считали уже школу въ своихъ рукахъ. Постъ министра народнаго просвѣщенія получилъ первенствующее значеніе. Вопросъ о школѣ сталъ вопросомъ первой государственной важности. Возвратить школѣ ея святое учебное значеніе, дать ей національный характеръ, высшій патриотическій духъ и оградить ее отъ политическихъ вѣтровъ, шедшихъ изъ источниковъ, враждебныхъ Русскому государству, антинациональныхъ и измѣнническихъ, стало задачей великой важности. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ графъ Д. А. Толстой былъ призванъ на постъ министра народнаго просвѣщенія.

Оправдалъ ли онъ довѣріе Государя? Никто не станеть отрицать, что въ исторіи министерства народнаго просвѣщенія были двѣ выдающіяся эпохи—эпоха Уварова и эпоха Толстаго.

Графъ Толстой вступилъ въ министерство, когда въ педагогическомъ мірѣ нашемъ шла борьба между классицизмомъ и такъ-называемымъ реализмомъ, общавшимъ, казалось, великія новизны, но въ практическихъ своихъ рекомендаціяхъ сводившимся къ водворенію несерьезнаго ученія. Классическая школа имѣла глубоко убѣжденныхъ, горячихъ защитниковъ въ лицѣ издателей Московскихъ Вѣдомостей М. Н. Каткова и М. П. Леонтьева. Въ этой школѣ, которой западная Европа обязала своимъ научнымъ превосходствомъ, видѣли они единственное средство вывести науку нашу изъ періода подражанія и отдѣльныхъ талантливыхъ проявленій и попытокъ и дать ей силу стать въ области знанія на свои ноги. Въ умственной самостоятельности усматривали они залогъ національной крѣпости и патриотической силы, въ направленіи учащихся къ умственному труду, къ серьезнымъ и плодотворнымъ занятіямъ—лучшую мѣру противъ вторженія разлагающихъ теченій.

Графъ Толстой, не колеблясь, сталъ на сторону классической школы. Катковъ и Леонтьевъ сдѣлались его ближайшими, хотя и неофициальными сотрудниками въ проведеніи реформы гимназій. Проведеніе это, какъ потомъ проведеніе устава реальныхъ училищъ, стоило неимоверныхъ усилій и борьбы. Побѣда была достигнута лишь чрезъ непосредственное заявленіе Верховной Воли. Катковъ впоследствии называлъ водвореніе классической школы въ Россіи такимъ же личнымъ дѣломъ покойнаго Государя, какъ освобожденіе крестьянъ.

Послѣ десяти лѣтъ дѣятельности на постѣ министра народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой могъ уже имѣть утѣшеніе видѣть богатые плоды. Въ 1876 году при Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія приложена была карта, бывшая краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ развитія учебнаго дѣла за десятилѣтіе управленія графа Толстаго. Оказалось, что за десять лѣтъ предъ тѣмъ число всѣхъ высшихъ и среднихъ училищъ простиралось у насъ до 221; въ 1876 году ихъ было уже 530: число увеличилось болѣе чѣмъ вдвое. Гимназій въ 1866 году было 101, въ 1876 ихъ было 133; прогимназій въ 1866 году было 7, въ 1876 было 68; вмѣсто 12 реальныхъ гимназій 1866 года въ 1876 было 51 реальное училище; число учительскихъ семинарій возросло отъ 9 до 60, женскихъ гимназій и училищъ 1-го разряда отъ 38 до 64, женскихъ прогимназій и училищъ 2-го разряда отъ 54 до 144. Вмѣстѣ съ безпримѣрнымъ увеличеніемъ числа учебныхъ заведеній совершилось ихъ коренное преобразование. Классическая система прочно водворилась въ гимназіяхъ, не смотря на чрезвычайную трудность какую представлялъ въ началѣ недостатокъ учителей.

Начальное образованіе въ свою очередь привлекало къ себѣ вниманіе министра и получило значительный притокъ средствъ на самыя училища, на инспекцію и на учительскія семинаріи.

Послѣ преобразования гимназій была предпринята реформа университетовъ. Дѣло встрѣтило не меньшія трудности и препятствія, чѣмъ гимназическая реформа. Но преобразование университетовъ не было суждено покойному графу довести до конца.

Къ концу семидесятыхъ годовъ теченія, противныя системѣ, выдающимся представителемъ которой былъ въ правительственныхъ сферахъ графъ Толстой, стали вновь получать преобладающее значеніе. Враждебныя государственному порядку силы перечисляли свои преступные успѣхи. Имя графа Толстаго проносилось всюду, какъ самое ненавистное, система его дѣйствія обзывалась губительною. Единственная поддержка министра основана была на не мѣнявшемся къ нему расположеніи Государя. Но 25-го апрѣля 1880 года графъ Толстой былъ, по прошенію, всемілостивѣйше уволенъ отъ должностей министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Политическая карьера графа казалась законченною.

Второй призывъ графа ко власти послѣдовалъ при обстоятель-

ствахъ еще болѣе серьезныхъ, чѣмъ первый. Печальные годы, когда государственный корабль нашъ шелъ быстро къ крушенію, заключились страшною катастрофою 1-го марта 1881 года. Наступило новое царствованіе. Потребность сойти съ пагубнаго склона, къ какому влекли страну враждебные разчеты однихъ, политическое неразуміе другихъ, были очевидны. Но новые пути еще не намѣтились ясно. Историческій манифестъ 29-го апрѣля 1881 года указывалъ ихъ, но отъ указанія до осуществленія было еще не близкое разстояніе. Періодъ неспокойныхъ ожиданій, сомнѣній, неувѣренности въ томъ, безповоротно ли рѣшеніе, еще продолжался. При такихъ обстоятельствахъ внезапное назначеніе графа Д. А. Толстаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ широкими полномочіями, произвело поразительное впечатлѣніе.

Привывъ ко власти человѣка съ такимъ опредѣленнымъ направленіемъ, какъ графъ Толстой, сошедшаго съ политическаго поприща именно потому, что направленіе его было побѣждено воспреобладавшимъ противнымъ теченіемъ, равнозначительно было заявленію цѣлой правительственной программы. Дальнѣйшій путь сталъ ясенъ.

Своею дѣятельностью на постѣ министра внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой оправдалъ высокое довѣріе и надежды Государя. Прошло семь лѣтъ съ эпохи его назначенія, и какая уже переменна! То, что было такъ еще недавно, представляется нынѣ въ дальней перспективѣ. Между Россіей начала восьмидесятыхъ годовъ и Россіей нынѣшней кажется промежутокъ не въ семь, а въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Нельзя отрицать, что, въ этомъ дѣлѣ отрешенія не малая доля заслуги принадлежитъ графу Толстому.

И замѣчательное явленіе! Человѣкъ, нѣкогда внушавшій столько къ себѣ ненависти, едва ли тогда не самый непопулярный въ имперіи, окончилъ поприще однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ странѣ. Это сказалося при его погребеніи. Стоитъ пробѣжать отзывы печати, давно ли еще почти сплошь враждебной графу Толстому, чтобы убѣдиться въ этомъ фактѣ. Покойный графъ былъ очень чувствителенъ къ отзывамъ о немъ; но, внимая чувству долга, онъ никогда не искалъ популярности. Популярность пришла къ нему сама собою. Полная опредѣленность направленія, честная правдивость въ мысляхъ и дѣйствіяхъ нашли свою оцѣнку и всеобщее признаніе. Оцѣнка эта выражена и съ высоты трона въ трогательной телеграммѣ Государя Императора къ вдовѣ покойнаго министра, графинѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Толстой. Вотъ эта знаменательная телеграмма:

„Съ какою страшною скорбію узналъ Я о кончинѣ дорогаго Дмитрія Андреевича! Для васъ это страшная потеря, но и для Меня она, можетъ быть, еще тяжелѣе, а въ особенности въ настоящую минуту. Такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника замѣнить трудно. Да подкрѣпитъ Господь васъ въ страшномъ горѣ!“

„Александръ“.

Въносъ въ Почтамтскую церковь и отпѣваніе тѣла покойнаго графа Дмитрія Андреевича происходили въ пятницу, 28-го апрѣля. Заимствуемъ изъ Правительственнаго Вѣстника подробности о печальной церемоніи.

Бъ 10-ти часамъ утра, въ министерской квартирѣ собрались родственники, друзья и сослуживцы покойнаго министра по государственнымъ учрежденіямъ и бывшіе его подчиненные. Въ квартирѣ была совершена панихида протоіереемъ А. И. Парвовымъ, и затѣмъ гробъ былъ вынесенъ и поставленъ на печальную колесницу. Въ предшествіи телеграфныхъ и почтовыхъ служителей, чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ и депутацій, печальная процессія прибыла къ подъѣзду церкви. Гробъ былъ внесенъ въ церковь и поставленъ на серединѣ на катафалкъ, подъ серебрянымъ балдахиномъ. У гроба стало дежурство: четыре чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, оберъ-офицеръ и два унтеръ-офицера отъ с.-петербургскаго жандармскаго дивизиона. Балдахинъ, среди церкви, былъ окруженъ подушками съ орденами, а въ ногахъ гроба, на особомъ аналоѣ, лежала святая икона. У гроба стало семейство покойнаго министра. Гробъ былъ покрытъ золотымъ покровомъ и окруженъ многочисленными вѣнками. Почтамтская церковь скоро наполнилась молящимися. Здѣсь собрались члены дипломатическаго корпуса, члены государственнаго совѣта, министры и главноуправляющіе, ихъ товарищи, сенаторы, члены Императорской Академіи Наукъ, начальники главныхъ управленій и директоры департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, члены совѣтовъ: министра внутреннихъ дѣлъ, медицинскаго, по тюремнымъ дѣламъ, печати и статистическаго и чины различныхъ учрежденій министерства, а также члены совѣта министра народнаго просвѣщенія и ученаго комитета этого министерства, многіе изъ генераль-адъютантовъ, лицъ Государевой Свиты и высшихъ чиновъ Двора, находящіеся въ С.-Петербургѣ генераль-губернаторы и губер-

наторы, а также с-петербургскіе: губернаторъ, градоначальникъ, комендантъ, городской голова и многія лица изъ высшаго петербургскаго общества, представители городской думы и с.-петербургской консерваторіи.

Божественную литургію и затѣмъ отпѣваніе совершалъ предсѣдатель учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, протоіерей А. И. Парвовъ, съ пятью протоіереями и священниками церкви учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ.

На отпѣваніе прибыли изъ Гатчины Ихъ Императорскія Величества и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Его Величество вошелъ въ церковь подъ руку съ Государынею Императрицею. За Ихъ Величествами вошли Ихъ Императорскія Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергѣй Александровичъ съ супругою Великою Княжною Елисаветою Ѳеодоровною, Великая Княгиня Александра Іосифовна съ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ, Великіе Князья—предсѣдатель государственнаго совѣта генераль-фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ, съ сыномъ Николаемъ Михайловичемъ, и Николай Николаевичъ Младшій.

По отпѣваніи, когда присутствовавшіе простились съ прахомъ почившаго министра, сослуживцы покойнаго, члены государственнаго совѣта и сенаторы подняли гробъ, вынесли его на рукахъ и поставили на печальную колесницу. Колесница, съ бѣлымъ серебрянымъ балдахиномъ и графскою короною на верху, была вся увѣшана вѣнками. Передъ печальною колесницею выстроилась длинная процессія депутацій. Кисти балдахина поддерживали два офицера корпуса жандармовъ и два чиновника почтово-телеграфнаго вѣдомства. Серебряные вѣнки на черныхъ бархатныхъ подушкахъ положили у изголовья гроба. На крышку гроба положили вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ и ландышей и цвѣты отъ Ея Величества Государыни Императрицы. Ихъ Величества и Особы Императорской Фамилии присутствовали при установкѣ гроба, и когда печальная колесница тронулась, милостиво простились со вдовою покойнаго, графинею С. Д. Толстою, и ея семействомъ.

По отбытіи Ихъ Величествъ, печальная процессія направилась по Большой Морской улицѣ и Невскому проспекту къ вокзалу Николаевской желѣзной дороги. Шествіе двигалось тихо между двухъ стѣнъ народа, стоявшаго на тротуарахъ по обѣимъ сторонамъ улицъ.

Толпы народа наполняли Казанскую площадь и особенно Знаменскую площадь у вокзала. Шествіе открывалъ жандармскій офицеръ и полувзводъ жандармовъ верхомъ. За траурнымъ швейцаромъ несли фамильный гербъ покойнаго графа, въ траурѣ; затѣмъ слѣдовали: нижніе служители почтово-телеграфнаго вѣдомства, депутаціи отъ учреждений, основанныхъ во время управленія покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ министерствами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, депутаціи отъ с.-петербургскихъ гимназій, гимназій филологическаго института, отъ 1-й и 2-й прогимназій. Отъ каждаго изъ учебныхъ заведеній шло по нѣскольку учениковъ, по два въ рядъ, и директора съ наставниками. Затѣмъ слѣдовали депутаціи: отъ учительскаго института, отъ пріюта принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, техническое училище почтово-телеграфнаго вѣдомства въ полномъ составѣ, институтъ гражданскихъ инженеровъ, также въ полномъ составѣ, депутаціи отъ Императорскихъ историко-филологическаго института и Александровскаго лицея, депутація отъ с.-петербургской городской думы, депутація отъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, депутація отъ Императорской Академіи Наукъ, депутація отъ министерства народнаго просвѣщенія, чины почтово-телеграфнаго вѣдомства и чины министерства внутреннихъ дѣлъ. На восьми подушкахъ несли ордена покойнаго министра, русскіе и иностранные; на послѣдней подушкѣ лежала цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго. По сторонамъ процессіи шли 40 факельщиковъ съ фонарями. За орденами слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ, діаконы и священники по два въ рядъ, духовникъ покойнаго протоіерей А. И. Парвовъ, съ иконою въ рукахъ, и два протодіакона соборовъ Зимняго Дворца и Исаакіевскаго кафедральнаго. За духовенствомъ, шесть лошадей цугомъ, въ черныхъ попонахъ съ гербами, везли печальную колесницу подъ серебрянымъ балдахиномъ. Позади слѣдовали родственники, знакомые и сослуживцы покойнаго, затѣмъ траурная карета; затѣмъ двигалась длинная вереница экипажей провожавшихъ тѣло лицъ.

У площади Казанскаго собора шествіе было встрѣчено настоятелемъ собора, протоіереемъ Лебедевымъ, съ духовенствомъ и хоромъ соборныхъ пѣвчихъ. Здѣсь была совершена краткая литія. По прибытіи на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, депутаціи, предшествовавшія колесницѣ, выстроились во дворѣ вокзала и пропустили мимо себя печальную колесницу. Лица, несшія ордена покой-

наго, стали по сторонамъ входа въ траурный вагонъ, куда на рукахъ внесли гробъ и поставили на катафалкѣ. Протоіерей Парвовъ совершилъ у вагона передъ гробомъ литію и благословилъ гробъ. Затѣмъ гробъ обложили вѣнками и траурный вагонъ былъ прицѣпленъ къ почтовому поѣзду, отправившемуся изъ С.-Петербурга въ 3 часа дня.

Тѣло покойнаго графа Д. А. Толстаго отвезено въ его имѣніе, село Маково, Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда, гдѣ и предано землѣ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1888 ГОДУ.

Въ годичномъ мартовскомъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, въ С.-Петербургѣ, секретаремъ общества графомъ И. И. Толстымъ былъ прочтенъ отчетъ о дѣятельности этого учрежденія въ 1888 году. Отчетъ этотъ слѣдующаго содержанія:

„Мм. гг.! Приступая къ отчету о дѣятельности нашего Общества за истекшій годъ, я долженъ сказать, въ видѣ общей ея характеристики, что она заключалась, главнымъ образомъ, въ спокойной работѣ, въ которой принимали участіе многіе изъ нашихъ сочленовъ. Законченъ III томъ Записокъ Общества и начатъ IV; законченъ II томъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія и почти доведенъ до конца III томъ тѣхъ же Записокъ; наконецъ, выпущенъ въ свѣтъ XV томъ Трудовъ Восточнаго Отдѣленія. Въ этихъ изданіяхъ принимали участіе гг. члены Общества: Н. И. Веселовскій, Д. А. Григоровъ, Г. С. Дестунисъ, Н. П. Кондаковъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. В. Латышевъ, X. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, И. П. Минаевъ, А. В. Орѣшниковъ, П. Н. Петровъ, Н. В. Покровский, И. В. Помяловскій, В. К. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ и В. В. Сусловъ.

„В. В. Латышевъ дѣятельно занялся приготовленіемъ и печатаніемъ II-го тома обширнаго сборника надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря, того капитальнаго труда, изданіе котораго заслужило Обществу, уже при появленіи I-го его тома, всеобщую признательность ученаго міра.

„Вотъ, въ общихъ чертахъ, въ чемъ заключалась издательская дѣятельность Общества. Хотя въ отчетномъ году не было предпри-

нято никакой обширной экспедиціи, ни завершено никакого блестящаго предпріятія, но въ концѣ этого года возбужденъ вопросъ весьма интересный и могущій стать вопросомъ первостепенной научной важности: я говорю о реставраціи Киево-Софійскаго собора, съ которымъ уже давно связало свое имя наше Общество, издавъ его графическое описаніе и много потрудившись, въ лицѣ своихъ членовъ, надъ его разслѣдованіемъ. Уже теперь можно предвидѣть, и всѣ мы это чувствуемъ, что если не встрѣтятся какихъ-либо случайныхъ препятствій, подъятый Обществомъ трудъ не только можетъ повести къ блестящимъ результатамъ, но и обогатитъ наши археологическія знанія важнымъ научнымъ матеріаломъ, который явится краеугольнымъ камнемъ для многихъ послѣдующихъ работъ и изысканій.

„Совѣтъ Общества поставилъ себѣ цѣлью, какъ и въ предыдущіе года своей дѣятельности, избавляя само Общество отъ часто бесплодныхъ и всегда малоинтересныхъ преній по чисто-административнымъ и хозяйственнымъ вопросамъ, въ то же время сообщать ему рѣшительно все, обсуждаемое въ его средѣ, докладывая въ ближайшихъ общихъ собраніяхъ протоколы предшествующихъ ему засѣданій своихъ. Такимъ образомъ, вся дѣятельность совѣта происходила, такъ сказать, на глазахъ и подъ контролемъ самого Общества. Кромѣ того, совѣтъ каждые два мѣсяца провѣрялъ книги г. казначея и состояніе принадлежащихъ Обществу капиталовъ и денежныхъ суммъ. Изъ отчета г. казначея усматривается, въ какой мѣрѣ благоприятенъ былъ истекшій финансовый годъ Общества. Кромѣ должностныхъ членовъ Общества, въ составѣ совѣта потрудились В. Г. Васильевскій, Н. П. Кондаковъ и И. П. Минаевъ.

„Въ составѣ комиссіи для присужденія медалей пожертвовали своимъ трудомъ и временемъ Н. Е. Бранденбургъ, Н. П. Кондаковъ и Л. Н. Майковъ, въ ревизіонной комиссіи—Н. М. Благовѣщенскій и И. В. Помяловскій, наконецъ, въ редакціонномъ комитетѣ по изданію Записокъ—И. В. Помяловскій и В. В. Латышевъ.

„Въ прошлогоднемъ годовомъ собраніи произведены выборы должностныхъ членовъ Общества на текущее трехлѣтіе, при чемъ на должности помощника предсѣдателя избранъ А. Ѳ. Бычковъ, секретаря Общества — гр. И. И. Толстой, библиотекаря—г. Гюнсбургъ и хранителя музея—Д. И. Прозоровскій, на должность казначея—А. К. Марковъ; такимъ образомъ, первыя четыре лица сохранили за собою должности, которыя занимали прежде, а г. Марковъ избранъ вновь.

Въ отдѣленіяхъ Общества составъ должностныхъ членовъ остался также прежній, за исключеніемъ отдѣленія русской и славянской археологіи, въ которомъ секретаремъ избранъ В. Г. Дружининъ на мѣсто Н. В. Покровскаго, принужденнаго, къ нашему общему и искреннему сожалѣнію, отказаться отъ этой должности вслѣдствіе отъѣзда въ долгоевременное путешествіе и связанныхъ съ нимъ усиленныхъ научныхъ трудовъ.

„Въ истекшемъ году въ составъ Общества вошли вновь слѣдующія лица: въ почетные члены единогласно избранъ давнишній членъ-сотрудникъ Общества О. И. Буслаевъ; этимъ избраніемъ почтена полувѣковая ученая дѣятельность ученаго, высокія качества котораго давно уважаетъ вся образованная Россія. Въ члены же почетные избранъ извѣстный славистъ И. В. Ягичъ, въ дѣйствительные члены—Н. И. Барсовъ, Н. И. Веселовскій, г. Грубе, В. Г. Дружининъ, А. В. Комаровъ, В. К. Регель и Н. А. Толмачевъ, въ члены-сотрудники — гг. Веселовскій, Григоровъ, Ждановъ, Лаппо-Данилевскій, Лихачевъ, Лопаревъ, Наливкинъ и Успенскій, а въ иностранные члены-сотрудники—Якубъ-Артынь-паша.

„Выражая свое искреннее удовольствіе по поводу увеличенія нашей археологической семьи столь уважаемыми лицами, мы должны съ сожалѣніемъ упомянуть и о крупной утратѣ, понесенной нами въ лицѣ одного изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ членовъ Общества— князя Павла Петровича Вяземскаго. Не буду здѣсь распространяться о заслугахъ покойнаго, слишкомъ извѣстныхъ всѣмъ вамъ: эти заслуги получили уже вполне достойную оцѣнку въ средѣ основаннаго по его инициативѣ и его трудами почтеннаго Общества любителей древней письменности, многіе члены котораго засѣдаютъ среди насъ. Если справедливо мое предположеніе, что вступленіе покойнаго князя Павла Петровича Вяземскаго въ среду нашего Общества въ 1851 году и общеніе его съ тогдашнимъ составомъ его утвердили въ немъ и воспитали наклонность къ русской старинѣ, то мы можемъ съ гордостью признать вдвойнѣ своимъ учредителя родственнаго намъ и по цѣлямъ, и по составу учрежденія; Императорское Русское Археологическое Общество душевно сожалѣетъ о безвременной утратѣ одного изъ лучшихъ радѣтелей о русской старинѣ“.

Въ томъ же засѣданіи состоялось присужденіе большой золотой медали Общества В. В. Стасову за его превосходный трудъ „Славянский и восточный орнаментъ“.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ДЕРПТСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

Въ Дерптскомъ университетѣ въ 1887 году состояло штатныхъ преподавателей: на богословскомъ факультетѣ — ординарныхъ профессоровъ 5 и 1 доцентъ; на юридическомъ — 3 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и 1 доцентъ; на медицинскомъ — ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарный 1, доцентовъ 3, 1 прозекторъ, 1 ученый аптекаръ; на историко-филологическомъ — ординарныхъ профессоровъ 11, доцентовъ 3, лекторовъ 3; на физико-математическомъ — ординарныхъ профессоровъ 8, доцентовъ 2, астрономъ-наблюдатель 1. Кромѣ того состояли: профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, преподаватель началъ архитектуры и 6 учителей искусствъ. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ 39, экстраординарныхъ 2, профессоръ православнаго богословія 1, доцентовъ 10, преподаватель началъ архитектуры 1, учителей искусствъ 6, лекторовъ 3, прозекторъ 1, ученый аптекаръ 1, астрономъ-наблюдатель 1, — итого 63 преподавателей. Сверхштатными преподавателями состояли: два ординарные профессора (римскаго права и всеобщей исторіи) и одинъ учитель зубно-врачебной техники. Приватъ-доцентовъ было 6, изъ нихъ: на медицинскомъ факультетѣ — 1, на историко-филологическомъ — 3, на физико-математическомъ — 2. Такимъ образомъ общее число преподавателей всѣхъ категорій составляло 74. Вакантными были 8 должностей. Въ теченіе года въ университетѣ баллотировались на преподавательскія должности 9 лицъ и всѣ были избраны.

Въ теченіе года факультеты имѣли засѣданія: богословскій 7, юридическій 13, медицинскій 16, историко-филологическій 12, фи-

зико-математическій 20. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ занятіями ихъ, приняты были общія мѣры, именно: назначеніе стипендій и пособій, освобожденіе отъ платы гонорара, присужденіе медалей за научные труды, изданіе лучшихъ трудовъ на счетъ университетскихъ суммъ, производство испытаній семестральныхъ и на ученые степени. Независимо отъ сего, по всѣмъ факультетамъ производились бесѣды, репетиціи, практическія работы, письменныя упражненія.

Для соисканія наградъ медалями, факультетами предложены были слѣдующія темы: а) богословскимъ — „ислѣдовать Меланктоновы loci (по первому и второму изданіямъ) по отношенію къ предопредѣленію и синергизму“, „библейское обоснованіе обоженія Іисуса Христа“; б) юридическимъ факультетомъ — „въ какой мѣрѣ устраненіе обогащенія вполнѣ исключаетъ по римскому праву рискъ при обогащеніи“; в) медицинскимъ — „опредѣлить посредствомъ новыхъ опытовъ ядовитое вліяніе желчи при ея переходѣ въ кровь и ислѣдовать, какіе желчные составы имѣются при томъ въ виду и какъ они дѣйствуютъ“, „сравненіе важнѣйшихъ наркотическихъ отваровъ русской фармакопеи съ другими фармакопеями, при чемъ обращать особое вниманіе на содержаніе алькоголоида“ и „опытное ислѣдованіе представленія и качества фуморина“; г) историко-филологическимъ — „какія формы обозначаютъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ въ сравненіи съ германскими языками и съ древнеиндійскимъ языкомъ такъ-называемое причинное значеніе глаголовъ“ и „жизнь и сочиненія курляндца Ф. К. Линднера, при чемъ должна быть принята въ соображеніе рукопись изъ южной Германіи“; д) физико-математическимъ — „повѣрка методовъ, основанныхъ на возстановленіи селитряной кислоты въ амоніакъ для анализа нитратовъ“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: золотыми — 8 (2 богословскаго факультета, 3 медицинскаго, 2 историко-филологическаго, 1 физико-математическаго), серебряными — 5 (3 богосл., 1 юридич., 1 физ.-математ.).

Публичныя лекціи читали слѣдующіе преподаватели: Фолькъ — „Объ Ариманѣ и Сатанѣ“, А. фонъ-Эттингенъ — „О берлинскомъ движеніи“ и „О Гамлетѣ Шекспира“, Мюлау — „О церкви въ Коринѣ“, Бонвечъ — „О Бонифаціѣ“, Эрдманъ — „О значеніи родины“, Крепелинъ — „О комическомъ“, „О заведеніяхъ для умалишенныхъ“, Дегио — „О кровообращеніи человѣка“, Кобертъ — „Объ эрготизмѣ“ и „О хлѣбѣ“, Рауберъ — „О разныхъ ногтахъ“, Керберъ — „Какъ чи-

тасть и писать слѣпой?“, Шультце—,Объ усіяхахъ электротераміи въ нервныхъ и мышечныхъ болѣзняхъ“, ,Объ отношеніяхъ проказы къ Syringomyelia“ и ,Объ ослахъ“, Тома—,Объ аневризмахъ аорты thoracica и ихъ отношеніяхъ къ артеріо-склерозѣ“, Драгендорфъ — ,О новѣйшихъ работахъ Дерптскаго фармацевтическаго института“, Лѣшке—,Борьба за краску“, Лаутенбахъ—,О народной сказкѣ“, Арт. фонъ-Эттингенъ — ,Физика воды“, ,Всесвѣтнй языкъ“, ,О свѣтописи“, К. Шмидтъ—,О средствахъ питанія“, Кеннель—,О дѣленіи животныхъ“, Руссовъ—,Езъ физиологической и сравнительной анатоміи торфяныхъ мховъ“.

Совѣтъ университета имѣлъ въ теченіе года 14 засѣданій. На основаніи дѣйствующихъ узаконеній утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора, магистры: Леціусъ — по древне-классической филологіи, Эрманъ — по всеобщей исторіи, Струве—по астрономіи, 15 лицъ — въ степени доктора медицины, а директоръ Николаевской Главной астрономической обсерваторіи От. Струве утвержденъ въ степени почетнаго доктора астрономіи; б) въ степени магистра, кандидаты: Роландъ — уголовного права, Сонни—древне-классической филологіи, Меклеръ — сравнительнаго языковѣдѣнія, Лютославскій — философіи, Натансонъ—физики, Петерсенъ — зоологіи и два провизора — фармаціи; в) въ степени кандидата — 54 (богословскаго факультета 10, юридическаго 24, историко-филологическаго 8, физико-математическаго 12), г) въ званіи дѣйствительнаго студента — 77 (богословскаго факультета 23, юридическаго 31, историко-филологическаго 13, физико-математическаго 10). По медицинскому факультету утверждены: гѣркей 60, уѣздныхъ врачей 9, инспекторовъ врачебной управы 1, провизоровъ 37, аптекарскихъ помощниковъ 98, зубныхъ врачей 7, повивальныхъ бабокъ 21.

Изъ числа преподавателей командированы были за границу съ ученою цѣлію профессора: Драгендорфъ—въ университеты Германіи и Швейцаріи для приготовления новаго изданія своего труда: „Gerichtlich-chemische Ermittlung von Giften“, а также для участія въ международномъ конгрессѣ по гигиенѣ въ Вѣнѣ и въ сѣздѣ испытателей природы въ Висбаденѣ; Гаусманъ—для ученыхъ занятій въ архивахъ Вѣны, Франкфурта-на-Майнѣ и Вецлара и въ бібліотекахъ Геттингенской и Берлинской, съ цѣлью оковчанія научнаго труда о XVI столѣтіи: Тома—для продолженія ученыхъ занятій о заболѣваніяхъ кровяныхъ сосудовъ человѣческаго тѣла; Арт. Эттингенъ —

для окончанія научнаго труда; а профессоръ Висковатовъ командированъ былъ въ Ярославль для участія въ VIII археологическомъ съѣздѣ.

Въ Дерптскомъ университетѣ въ 1-му января 1887 года состояло 1.614 студентовъ; въ теченіе 1887 года вновь поступило 470 (изъ другихъ университетовъ 35, изъ гимназій 239, аптекарскихъ помощниковъ 34, вторично поступившихъ 162); въ теченіе года вышло 502 (до окончанія курса 296, по окончаніи курса 206); затѣмъ къ началу 1888 года оставалось на лицо 1.582. Песторонникъ слушателей въ 1887 году было 52, которые вышли въ теченіе года: 24 до окончанія курса, а 28 по окончаніи курса. Находящіеся къ началу 1888 году 1.582 студента распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: по богословскому факультету 232, по юридическому—200, по медицинскому — 829 (по медицинѣ 741, по фармаціи 88), по историко-филологическому—184 (историко-филологическаго отдѣленія 130, камеральнаго отдѣленія 54), по физико-математическому — 187 (математическому отдѣленію 30, по отдѣленію естественныхъ наукъ 107); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 75, римско-католиковъ 96, лютеранъ 1.174, реформатовъ 22, евреевъ 215, в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 509, духовнаго званія 91, почетныхъ гражданъ и купцовъ 274, мѣщанъ и разночинцевъ 479, крестьянъ 171, иностранныхъ подданныхъ 58, г) по предварительному образованію—гимназистовъ 1.308, изъ другихъ учебныхъ заведеній 186, аптекарскихъ помощниковъ 88; д) по учебнымъ округамъ, въ районѣ которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 141, Московскаго 33, Казанскаго 9, Харьковскаго 7, Одесскаго 28, Киевскаго 37, Виленскаго 31, Варшавскаго 108, Дерптскаго 1.159, Оренбургскаго 5, Кавказскаго 2, изъ заграничныхъ заведеній 22. Изъ числа студентовъ стипендіями воспользовались 59 на сумму 11.047 р. 86 коп., въ томъ числѣ 5.527 руб. 74 коп. изъ суммъ государственнаго казначейства и 5.520 руб. 12 коп. изъ пожертвованныхъ капиталовъ; размѣръ стипендій — отъ 20 до 475 руб. включительно; въ теченіе года ни одинъ изъ пользовавшихся стипендіею студентовъ не былъ лишенъ ея. Единновременнымъ пособіямъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 50 руб., выданы были 29 студентамъ всего на 1.200 руб. на счетъ государственнаго казначейства. Освобождено было отъ платы за право слушанія лекцій 166 студентовъ на 4.150 руб. Такимъ образомъ

равомъ на всѣ роды вспомошествованія 254 студентамъ израсходовано было 16.397 руб. 86 коп. въ годъ.

Финансовыя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы—отъ 1886 года оставалось 4.478 руб. 31 коп., въ 1887 году ассигновано 247.398 руб. 54 коп., въ теченіе года израсходовано 237.728 руб. 14 коп., затѣмъ къ началу 1888 года имѣлось въ остаткѣ 14.148 руб. 71 коп.; б) спеціальныя средства (сборъ со студентовъ въ пользу университета, плата за матриккулы и за пользованіе больныхъ въ клиникахъ, и доходъ получаемый отъ продажи произведеній ботаническаго сада)—къ 1-му января 1887 года имѣлось въ остаткѣ 1.541 руб. 52 коп., въ 1887 году поступило 71.274.62 коп., въ теченіе года израсходовано 66.318 руб. 18 коп., къ концу года оставалось 6.497 руб. 96 коп.; в) пожертвованныя капиталы—отъ 1886 года оставалось 109.562 руб. 5 коп., въ 1887 году поступило 7.397 руб. 24 коп., израсходовано 6.909 руб. 46 коп., къ 1888 году имѣлось въ остаткѣ 110.149 руб. 83 коп. Главнѣйшіе расходы изъ спеціальныхъ средствъ были слѣдующіе: на покупку дровъ—5.921 руб., на жалованье одному изъ сверхштатныхъ профессоровъ—2.352 руб., квартирныхъ денегъ педелямъ—900 руб., на наемъ писцовъ канцеляріи университетскаго правленія—900 руб.

Состояніе университетскихъ клиникъ и движеніе въ нихъ больныхъ представляютъ слѣдующія цифры: Медицинская клиника (187 практикантовъ)—къ 1-му января 1887 года больныхъ оставалось 6, въ теченіе года принято 363, выздоровѣло 82, получили облегченіе или оказались неизлѣчимыми 242, умерло 33, осталось на излѣченіи къ январю 1888 года 12; въ клиникѣ имѣлось книгъ—471 сочиненіе въ 600 томахъ, періодическихъ изданій—5 названій 67 томовъ, аппаратовъ 44 нумера 50 экземпляровъ, всего на сумму 4.671 руб. Хирургическая клиника (194 практиканта)—отъ 1886 года оставалось 18 больныхъ, въ 1887 году принято 549, въ теченіе года выздоровѣло 235, получили облегченіе или оказались неизлѣчимыми 287, умерло 32, оставалось къ 1888 году на излѣченіи 13; книгъ имѣлось—1.114 сочиненій въ 568 томовъ, періодическихъ изданій—29 названій 166 томовъ, фотографій, аппаратовъ, инструментовъ и препаратовъ—2.379 нумеровъ 2.676 экземпляровъ, на сумму 9.550 руб. Офтальмологическая клиника (97 практикантовъ)—къ январю 1887 года на излѣченіи находилось 3, въ теченіе года поступило 224, выздоровѣло 35, получило облегченіе или признано неизлѣчимыми 189, къ концу года оставалось 3; книгъ и періодическихъ изданій имѣ-

лось 700 названій въ 1.067 томахъ, инструментовъ и препаратовъ—561 номеръ 829 экземпляровъ, на сумму 7.452 руб. Акушерская и женская клиника (242 практик.)—отъ 1886 года оставалось 4 больныхъ, въ 1887 году поступило 161, выздоровѣло 118, получившихъ облегченіе или неизлѣчимыхъ 35, умерло 8, къ 1888 году осталось на излѣченіи 4; книгъ и періодическихъ изданій—1.268 сочиненій и названій 1.829 томовъ, аппаратовъ, инструментовъ и препаратовъ—1.011 номеровъ 1.130 экземпляровъ, всего на 8.286 руб.; въ теченіе года пользовано при родахъ: въ клиникѣ—122, въ поликлиникѣ—177 женщинъ, и кромѣ того изъ приходящихъ больныхъ было пользовано 509 женщинъ. Университетское отдѣленіе окружной лечебницы (36 практикантовъ)—къ январю 1887 года находилось 18 больныхъ, въ теченіе года поступило 488, выздоровѣло 357, получило облегченіе или признано неизлѣчимыми 74, умерло 31, и осталось на излѣченіи 44; вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій произведено было 99; въ практическихъ занятіяхъ въ лечебницѣ обязаны присутствовать одни казеннопоштные студенты. Отдѣленіе медицинской клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней (45 практикантовъ)—отъ 1886 года оставалось 61 больной, въ 1887 году принято 128, выздоровѣло 34, получило облегченіе и признано неизлѣчимыми 76, умерло 16, къ началу 1888 года оставалось 63; книгъ и періодическихъ изданій—255 сочиненій и названій 353 томовъ, инструментовъ, мебели и аппаратовъ—821 номеръ 869 экземпляровъ, всего на 7.969 руб.

При Дерптскомъ университетѣ состоитъ Общество естествоиспытателей, состояніе и дѣятельность котораго въ 1887 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Общество имѣло 165 членовъ, въ томъ числѣ 17 почетныхъ, 17 членовъ-корреспондентовъ и 131 дѣйствительныхъ; изъ послѣднихъ 66 имѣютъ жителство въ Дерптѣ, а остальные 65—вънѣ его. Правленіе Общества, собиравшееся 5 разъ, состояло изъ предсѣдателя, вице-президента, секретаря и казначея. Засѣданій Общества, въ теченіе года, было 9, на которыхъ 18-ю членами сдѣлано было 32 научныхъ сообщенія. Общество издало 2-й выпускъ VIII тома своихъ Протоколовъ и два выпуска періодическаго изданія своего „Archiv für die Naturkunde Liv, -Est- und Curlands; въ этихъ послѣднихъ помѣщены статьи: графа Ө. Берга—Ueber einige Spielarten der Fichte“ и профессора Руссова—Die Anatomie, resp. physiologische und vergleichende Anatomie der Torfmoose“. Научныя поѣздки совершены были г. Бруттаномъ и кандидатомъ Гернетомъ:

щество обѣднываетъ свои изданія съ 182 другими обществами и учрежденіями, изъ которыхъ 40 находятся въ Россіи, а 142—заграницею. Въ теченіе года получено для бібліотеки Общества, обѣдномъ или въ видѣ дара, 451 нумеръ разныхъ сочиненій, журналовъ и диссертаций.

II.

НОВОРОССІЙСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

Личный составъ штатныхъ преподавателей былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ—10 ординарныхъ, 1 экстраординарный и 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ; на физико-математическомъ—11 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ; на юридическомъ 4 ординарныхъ профессора и 3—экстраординарныхъ. Сверхъ того при университетѣ состоитъ, общій для всѣхъ факультетовъ, профессоръ православнаго богословія. Вообще штатныхъ преподавателей было: 1 профессоръ православнаго исповѣданія, 25 ординарныхъ профессоровъ, 7 экстраординарныхъ и 4 лектора, а всего 37 лицъ. Независимо отъ сего, при университетѣ состояли два заслуженные профессора, оставленные на службѣ по выслугѣ 30-лѣтняго срока: одинъ—по кафедрѣ чистой математики, другой по кафедрѣ уголовного права. Приватъ-доцентовъ было 20, именно: 6 на историко-филологическомъ факультетѣ, 7 на физико-математическомъ и 7—на юридическомъ. Изъ положенныхъ по уставу предметовъ не преподавались три: географія и этнографія, торговое право и исторія славянскихъ законодательствъ. Изъ числа преподавателей не имѣютъ ученой степени, требуемой университетскимъ уставомъ, три профессора, занимающіе кафедры: церковной исторіи, энциклопедіи, римскаго права и церковнаго права. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университетѣ кандидаты: Будде—по исторіи русскаго языка и русской словесности, и Зейлигеръ—по механикѣ.

Въ теченіе года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій факультетъ—13, физико-математическій—19, юридическій—21. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и способи контроля надъ ихъ занятіями оставались прежнія. Намлучшею изъ таковыхъ мѣръ факультеты считаютъ большее развитіе практическихъ занятій студентовъ. Физико-математическій факультетъ, въ двухъ засѣданіяхъ, подробно обсуждалъ этотъ вопросъ и пришелъ къ заключенію, что главнымъ препятствіемъ къ усиленію практи-

ческихъ занятій въ желательной мѣрѣ является недостатокъ инструментальныхъ средствъ по различнымъ кабинетамъ. Посему факультетъ выработалъ подробный списокъ наиболѣе необходимыхъ инструментовъ, который и представленъ по принадлежности, для дальнѣйшаго направленія дѣла. Для обезпеченія подготовки къ организованнымъ на юридическомъ факультетѣ практическимъ занятіямъ по римскому праву, по гражданскому и уголовному праву, по исторіи русскаго права и по полицейскому праву, возбужденъ вопросъ объ учрежденіи, по примѣру историко-филологическаго факультета, кабинета для практическихъ занятій студентовъ-юристовъ; разработкою проекта такого кабинета занята особо учрежденная для сего коммиссія.

Для соисканія наградъ медалями, факультетами предложены были слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ—„Словарь къ Домострою“ и „Объ отношеніи опыта и мысленія въ познаніи къ системѣ Платона и Аристотеля“; физико-математическимъ—„Свойства линій, описываемыхъ точками плоской неизмѣняемой фигуры, движущейся въ своей плоскости (касательныя, нормали, радіусы кривизны, площади и дуги)“ и „Геологическій очеркъ Кутаисской губерніи“; юридическимъ—„Общепасныя преступленія“. За представленныя на эти темы студентами сочиненія удостоены: золотыми медалями—трое, по одному отъ каждаго факультета, серебряными—тоже трое, по одному отъ каждаго факультета, а четыре студента удостоены почетнаго отзыва. На обязанности членовъ историко-филологическаго факультета лежитъ разсмотрѣніе драматическихъ произведеній, представляемыхъ на преміи И. Г. Вучины. Въ 1887 году было въ разсмотрѣніи 7 піесъ, но факультетъ не призналъ ни одной изъ нихъ достойною преміи, обративъ, впрочемъ, вниманіе на двѣ драмы.

Одобрены къ напечатанію въ Запискахъ университета, на счетъ университетскихъ суммъ, слѣдующіе труды преподавателей: Овсяннико-Куликовскаго—„Къ исторіи культа огня у индусовъ“, Некрасова—о Лермонтовѣ и Гоголѣ, Маркевича—„Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ XV—XVII столѣтія“, Некрасова, Киричичикова и Яковлева—рѣчи о Пушкинѣ, Иловайскаго—„Опредѣленіе, содержаніе и значеніе науки финансоваго права въ связи съ краткимъ очеркомъ финансоваго положенія главнѣйшихъ государствъ“, Шеймина — переводъ сочиненія Мейера „Объ органахъ управленія“ и вступительныя лекціи по полицейскому праву; Ѳедоровича—„Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія“, Чижова—„Государство и право

по ученію Лоренца Штейна“, Алмазова—, Указатель церковно-практической литературы въ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ по 1885 годъ“.

Публичныя лекціи читали преподаватели: Некрасовъ—, „О значеніи Лермонтова“, Кирпичниковъ—, „Очеркъ исторіи книги“, Аванасьевъ—, „Изъ исторіи Ирландіи“, Лигинъ—, „О машинахъ“, Ришави—, „О цвѣтахъ“. Командированы были: за границу—профессора Трачевскій, Кандаковъ и Успенскій, внутри Россіи—Кочубинскій, Кирпичниковъ и Лигинъ.

Къ 1-му января 1887 года въ Новороссійскомъ университетѣ находилось 580 студентовъ; въ теченіе года поступило вновь 142 (изъ гимназій 98, изъ университетовъ 39, домашняго воспитанія съ свидѣтельствами зрѣлости 5); въ теченіе года вышло 195 (до окончанія курса 85, по окончаніи курса 105); Затѣмъ къ началу 1888 года осталось 540. Эти послѣдніе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по — факультетамъ — на историко-филологическомъ факультетѣ 59, на юридическомъ—311, на физико-математическомъ—170 (въ отдѣленіи математическихъ наукъ 101, въ отдѣленіи естественныхъ наукъ 69); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 322, армяно-григоріанъ 14, римско-католиковъ 59; лютеранъ 9; евреевъ 134, магометанъ 2; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 252, духовнаго званія 45, почетныхъ гражданъ и 1-й гильдіи купцовъ 8, купцовъ 2-й гильдіи и разночинцовъ 191, крестьянъ 15, казачьяго сословія 6, иностранно-поданныхъ 23; г) по предварительному образованію—гимназистовъ 417, изъ другихъ учебныхъ заведеній 123; д) по учебнымъ округамъ, къ районамъ которыхъ принадлежатъ учебныя заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго 41, Московскаго 16, Казанскаго 4, Оренбургскаго 1, Харьковскаго 20, Одесскаго 291, Кіевскаго 87, Виленскаго 2, Варшавскаго 9, Дерптскаго 2, Кавказскаго 67. Изъ оставшихся къ 1888 году 540 студентовъ воспользовались стипендіями 90 лицъ на сумму 27.477 руб., въ томъ числѣ 15.380 руб. изъ средствъ государственнаго казначейства, а остальные—частію на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ, частію же на средства различныхъ обществъ и учреждений. Въ теченіе года стипендій лишены были 3 студента. Независимо отъ стипендій выдано было въ единовременное пособіе: изъ штатной суммы—900 руб., изъ частныхъ суммъ—1.720 руб., на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ—509 руб. и уплачено за лѣкарства 496 руб. Отъ платы за слушаніе лекцій освобо-

ждено 119 студентовъ, то-есть, 22% общаго числа. Освобожденные отъ платы распредѣляются по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: историко-филологическаго факультета—28, физико-математическаго—45, юридическаго—46.

На основаніи существующихъ постановленій, совѣтомъ утверждены: а) въ степени доктора: Овсяннико-Куликовскій—сравнительнаго языковѣдѣнія и Зографъ — зоологіи; б) въ степени магистра химіи — Станевичъ; в) въ степени кандидата — 23 (по историко-филологическому факультету 2, физико-математическому 12, юридическому 9); г) въ званіи дѣйствительнаго студента — 81 (по историко-филологическому факультету 9, физико-математическому 19, юридическому 53); 50-ти изъ нихъ предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертациі на степень кандидата.

Денежныя средства Новороссійскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: отъ 1886 года имѣлось остатка 15.207 руб. 80 коп., на содержаніе университета въ 1887 году отпущено изъ государственнаго казначейства 258.024 руб. 11 коп., въ теченіе года израсходовано 256.732 руб. 67 коп., затѣмъ къ 1-му января 1888 года остались неизрасходованными 16.498 руб. 24 коп.; б) сборъ платы съ студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1887 году оставалось 1.499 руб. 31 коп., въ теченіе года поступило 7.179 руб., израсходовано 6.186 руб. 62 коп., къ концу года имѣлось въ остаткѣ 2.491 руб. 69 коп.; в) пожертвованныя капиталы, проценты съ которыхъ предназначены жертвователями на выдачу стипендій студентамъ университета и ученикамъ гимназій: отъ 1886 года оставалось 214.990 руб. 44 коп., въ 1887 году поступило процентовъ на капиталъ и по вышедшимъ въ тиражъ капитальной суммы 16.733 руб. 86 коп., израсходовано 13.734 руб. 93 коп., затѣмъ къ 1-му января 1888 года состояло 217.989 руб. 37 коп.

При Новороссійскомъ университетѣ состоитъ Общество естествоиспытателей. Состояніе и дѣятельность этого Общества въ 1887 году представляются въ слѣдующемъ видѣ. Дѣйствіями Общества руководитъ совѣтъ, состоящій изъ президента, трехъ вице-президентовъ, трехъ членовъ совѣта, казначея и секретаря. Общество имѣло 142 члена, изъ которыхъ 17 почетныхъ членовъ, 116 дѣйствительныхъ и 9 членовъ-сотрудниковъ. Въ теченіе года Общество имѣло 10 общихъ собраній; математическое отдѣленіе имѣло 2 засѣданія. Изъ указаннаго числа общихъ собраній одно было годичное, 8 очередныхъ и одно экстренное. Въ годичномъ собраніи членъ Э. Н. Шведовъ

сдѣлалъ научное сообщеніе „О циклопическихъ движеніяхъ атмосферы“, а членъ А. А. Веригъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти покойнаго академика Бутлерова. Въ очередныхъ засѣданіяхъ сдѣлано было 13 научныхъ сообщеній, а въ математическомъ отдѣленіи — 5 сообщеній. Экстренное засѣданіе было всецѣло посвящено памяти перваго президента Общества Л. С. Ценковскаго. Члены Залевскій, Ришави, Складовскій и Карвацкій произнесли рѣчи, въ которыхъ охарактеризовали покойнаго президента какъ ученаго, педагога и общественнаго дѣятеля. Кромя того, въ одномъ изъ засѣданій совѣтъ Общества выразилъ желаніе учредить премію имени покойнаго, о чемъ и вошелъ въ переговоры съ комиссіей, образованной въ Харьковѣ по этому вопросу. Естественно-историческое отдѣленіе напечатало, въ двухъ выпускахъ, XII томъ своихъ Записокъ, въ которыхъ помѣщены 13 статей научнаго содержанія и, въ видѣ приложенія протоколы всѣхъ засѣданій Общества за 1887 годъ. Поддерживая изученіе южнаго и юго-западнаго края, Общество ассигновало на совершеніе, посредствомъ своихъ членовъ, ученыхъ экскурсій слѣдующія суммы: на ботаническую экскурсію 400 р., на зоологическую—400 р., на геологическую—100 р. Въ этихъ экскурсіяхъ приняли участіе 5 членовъ Общества, и два изъ нихъ (ботаникъ и зоологъ) въ 1887 же году сдѣлали доклады Обществу о результатахъ своихъ изслѣдованій. Дѣятельность Общества выразилась также въ расширеніи обмѣна изданіями различными Обществами и учрежденіями. Въ 1887 г. согласились обмѣниваться изданіями 17 иностранныхъ и 2 русскихъ учрежденій и обществъ; затѣмъ общее число иностранныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, съ которыми велись сношенія, возрасло до 131, а цифра русскихъ достигла 134. Общество имѣло въ своемъ распоряженіи сумму въ 5.246 р. 27 к., изъ которыхъ израсходовано было, со включеніемъ 1.500 р. на содержаніе Севастопольской биологической станціи, — 5.059 р. 57 к., и затѣмъ къ 1-му января 1888 года оставалось 186 р. 70.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Апрѣль 1889 года.

I.

По случаю недавней перемѣны министерства министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ Фалиеръ, уже исполнившій эту должность въ 1885 году. Но перемѣны лицъ вообще не имѣютъ у насъ вліянія на теченіе дѣлъ въ этомъ вѣдомствѣ: вопросы о преобразованіи курса среднихъ учебныхъ заведеній, объ экзаменѣ на степень бакалавра и о восстановленіи университетовъ по прежнему стоятъ на очереди. Главный совѣтъ парижскихъ факультетовъ нанечаталъ свой отчетъ объ учебныхъ занятіяхъ въ 1888 году. Общее число студентовъ разныхъ факультетовъ доходило до 10.320 человекъ, и въ томъ числѣ было 886 иностранцевъ, а изъ этого числа 576 приходится на долю медицинскаго факультета. Число русскихъ молодыхъ дѣвушекъ (большую частію еврейскаго происхожденія) значительно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ онѣ подвергаются дополнительному экзамену, если дипломы ихъ не соответствуютъ французскому аттестату зрѣлости. Словесный факультетъ очень обремененъ производимыми имъ экзаменами. При немъ сдано не менѣе 8.490 экзаменовъ на ученые степени, и въ томъ числѣ: 77 молодыхъ людей получили магистерскій дипломъ, 21—докторскій. Каждый докторъ представляетъ двѣ диссертации, одну на латинскомъ языкѣ, другую на французскомъ, и каждая изъ нихъ должна быть прочтена особымъ профессоромъ. Такимъ образомъ предстояло рассмотреть 42 сочиненія. Этотъ утомительный трудъ распредѣляется между пятидесятью профессорами. Болѣе всего профессора желали бы избавиться отъ производства экзамена на степень бакалавра, который скорѣе относится къ сред-

вену образованію, чѣмъ въ нынѣшнѣ. Число студентовъ достигать до 271, изъ нихъ двѣ на юридическомъ факультетѣ, 117 на медицинскомъ, 10 на физико-математическомъ и 142 на словесномъ. Сообразно съ обычаемъ другихъ государствъ, наши студенты усвоили съ 1-го января общій головной уборъ, состоящій изъ чернаго бархатнаго берета съ лентой особаго цвѣта для каждаго факультета. Уборъ этотъ принятъ и въ провинціи — въ Лионѣ, въ Монпелье. Въ Лионѣ образовалось общество друзей университета, имѣющее цѣлью собирать частныя подписки на капиталъ будущаго университета, для пополненія суммъ, ассигнованныхъ правительствомъ и городомъ. Общество это составило уже значительный капиталъ.

Физическимъ воспитаніемъ юношества по прежнему много у насъ занимаются. Коллегіей Sainte-Barbe, имѣющею въ окрестностяхъ Париза нѣчто въ родѣ дачи, организованы по четвергамъ цѣлыя собранія для различнаго рода физическихъ упражненій. Это настоящая жаниа, впрочемъ полезная для юношества; желательно только, чтобъ она просуществовала хотя бы нѣсколько лѣтъ.

Въ академіи надписей и словесности на кресла недавно умершихъ академикомъ Бергена и Ріана избраны аббатъ Дюшенъ и Клермонъ-Ганно. Дюшенъ, бывшій интимаецъ французской школы въ Римѣ, извѣстенъ замѣчательными сочиненіями по исторіи христіанской церкви, особенно изданіемъ *Libet Pontificalis*. Клермонъ-Ганно, служавшій переводчикомъ съ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, долго жилъ на востокѣ; ему мы обязаны открытіемъ знаменитаго столба царя Мешы и многими сочиненіями по восточной археологіи. Въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ на мѣсто профессора Россевъ-Сентъ-Илера избранъ герцогъ Омальскій, состоящій уже членомъ Французской академіи и академіи художествъ. Герцогъ Омальскій въ своей извѣстной „Исторіи принцевъ дома Конде“ (*Histoire des princes de la maison de Condé*) являлъ себя талантливымъ историкомъ. Новымъ избраніемъ академіи желала особенно отблагодарить его за завѣщенный имъ институту великолѣпный даръ въ видѣ зашка Шантилья.

II.

Франція празднуетъ въ нынѣшнемъ году столѣтнюю годовщину первой революціи. По поводу этого юбилея возникла цѣлая литература; большая часть сочиненій; сюда относящихся, — избытка содержания или просто политическіе памперлеты. Назову, какъ исклю-

ченіе, отличный трудъ Эдуарда Гуми, надѣлавшій много шума въ печати и озаглавленный „Франція въ моментъ столѣтней годовщины“ (*La France du septenaire*). Авторъ ея, профессоръ нормальной школы въ Парижѣ,—одинъ изъ лучшихъ нашихъ словесниковъ; онъ редактировалъ до войны 1870 г. *Revue de l'instruction publique*, одно изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ періодическихъ изданій. Но вообще Гуми писалъ мало. У него, какъ у большинства питомцевъ нормальной школы, умъ трезвый, тонкій, разсудительный: это человѣкъ здраваго смысла и хорошаго вкуса. Въ его небольшой книжкѣ (1 т. въ 12-ю д. л., у Гашетта) заключается цѣлая философія исторіи Франціи за сто лѣтъ; авторъ разсматриваетъ послѣдовательно состояніе политическихъ идей и нравовъ при различныхъ правительствахъ, существовавшихъ у насъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ; онъ приходитъ къ тому заключенію, что возстановленіе монархіи не возможно, и что страна можетъ быть спасена только образованіемъ большой умѣренной партіи, которую онъ остроумно называетъ партіей общественной пользы.

Поль Стапферъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ критиковъ, состоитъ профессоромъ словеснаго факультета въ Бордо. Я уже писалъ вамъ о слѣдующихъ его сочиненіяхъ „Шекспиръ и древній міръ“, „Гете“, „Расинъ и Викторъ Гюго“, „Мольеръ и Шекспиръ“. Теперь онъ издалъ любопытную книгу „Рабле, его личность и его талантъ“ (*Rabelais, sa personne et son génie. Librairie Colin*). О Рабле писано много; есть даже сочиненіе о немъ, Жана Флери, *ad usum juventutis*. Стапферъ пишетъ для людей зрѣлыхъ и образованныхъ, желающихъ читать Рабле, но отказывающихся отъ этого намѣренія въ виду трудности текста и необходимости постоянно обращаться къ комментаріямъ. Онъ не считъ нужнымъ избѣгать грубыхъ мѣстъ текста, свойственныхъ таланту Рабле и отчасти характеризующихъ его время. Въ біографіи Рабле онъ отнесся критически ко многимъ вымысламъ, издавна сопровождающихъ имя творца Пантагрюеля. Эта книга составляетъ пріятный и полезный вкладъ въ исторію литературы XVI вѣка.

Тотъ же любопытный вѣкъ изученъ съ новой стороны въ диссертации Дуарша, представленной имъ на степень доктора въ Сорбонну и озаглавленной: „Парижскій университетъ и іезуиты“ (*L'Université de Paris et les jésuites au XVI et XVII siècles*, 1 т. въ 8-ву у Гашетта), Парижскій университетъ, процвѣтавшій въ XIV и XV вѣкахъ, пришелъ въ упадокъ въ XVI. Ученіе Кальвина проникло въ него и воз-

будило чувство недовѣрія въ католическихъ семьяхъ. Іезуиты изъ соперничества съ нимъ основали въ Парижѣ Клермонтскую коллегію, еще и теперь существующую подъ именемъ лица Людовика Великаго. Университетъ вооружился противъ вновь открытаго учрежденія, началъ противъ него процессъ и просилъ парламентъ изгнать новыхъ пришельцевъ. Они были изгнаны изъ Парижа, но возвратились туда въ послѣдніе годы царствованія Генриха IV. Закрытая коллегія ихъ снова была открыта въ 1618 году, и ихъ школьная система восторжествовала въ царствованіе Людовика XIV. Дуаршъ разказалъ событія этой юридической и педагогической борьбы. Онъ прекрасно объяснилъ причины, сдѣлавшія преподаваніе іезуитовъ популярнымъ: ихъ преподаватели не были ученѣе университетскихъ, но превосходили ихъ лучшею дисциплиной и духомъ соревнованія, который внушали и ученикамъ своимъ, а также заботой о физическихъ упражненіяхъ.

Изъ диссертаций на степень доктора словесности, недавно представленныхъ въ Сорбонну, особенно любопытна диссертация Фалигана подъ названіемъ: „Исторія легенды о Фаустѣ“ (*Histoire de la Legende de Faust*). Этотъ этюдъ, написанный весьма внимательно и подробно, заключаетъ въ себѣ множество библиографическихъ указаній и составляетъ огромную книгу въ 600 страницъ (Парижъ, Гашеттъ). До полученія степени доктора словесности Фалиганъ имѣлъ уже степень доктора медицины. Соединеніе этихъ двухъ степеней весьма рѣдкое явленіе.

Въ числѣ книгъ для школьнаго употребленія заслуживаетъ вниманія „Элементарная миеология грековъ и римлянъ“ (*La Mythologie élémentaire des Grecs et des Romains*) де-ла-Вилль-Мирмона, экстраординарнаго профессора словеснаго факультета въ Бордо. Это трудъ и популярный, и научный. Авторъ пользовался сочиненіями Масперо, Фюстеля де-Куланжа, Преллера и Дешарма: послѣ общаго введенія о миеологии египтянъ, ассирійцевъ, вавилонянъ, финикіанъ, мидянъ, персовъ и индусовъ онъ изучаетъ, не смѣшивая, какъ то часто дѣлалось прежде, миеологии грековъ и римлянъ. Онъ старался дать дѣтямъ ясное понятіе объ основной разницѣ, отличающей религію грековъ отъ религіи римлянъ. Изображеніе каждаго божества сдѣлано не по вымыслу иллюстратора и не условное, но по памятникамъ, хранящимся во главныхъ музеяхъ Европы (1 т. иъ 12-ю д. л., Гашеттъ).

Въ той же серіи изданій Бертело, сынъ знаменитаго химика,

помѣстилъ „Les Grandes scénes“ изъ исторіи грековъ (1 томъ), избранныя мѣста изъ лучшихъ древнихъ и новыхъ авторовъ, писавшихъ о древней Греціи: изъ Геродота, Фукидида, Платона, Плутарха, Курціуса, Грота, Роллена, Дройзена, Дюрри. Эта искусно составленная хрестоматія прекрасно иллюстрирована.

Книжная торговля Гашетта продолжаетъ издавать сборники статей покойнаго Каро, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ; недавно выпущено ею въ свѣтъ два новые тома. Одинъ изъ нихъ, озаглавленный: „Философія и философы“, заключаетъ въ себѣ этюды о Жуффруа, Бузенѣ, Жюль Симонѣ, Равессонѣ, Гратри, Журденѣ, Сессе, Озанамѣ и этюдъ о С. П. Свѣчиной, русской дамѣ, игравшей большую роль во французскомъ обществѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Другой томъ и, вѣроятно, послѣдній носятъ названіе: „Литературная смѣсь“ и посвященъ преимуществу XVIII и XIX вѣку. Въ немъ авторъ даетъ характеристику Галіани и Ривароля, изучаетъ современныхъ историковъ и философовъ—Минье, Франка, Гизо, духовныхъ лицъ—Дюпанлу и Лакордера и, наконецъ, поэтовъ, напримѣръ, Ламартина. Полное изданіе „Литературной смѣси“, собранной послѣ смерти автора, составитъ четыре тома.

Я писалъ вамъ недавно объ „Исторіи изящныхъ искусствъ въ эпоху возрожденія“, предпринятой Эженемъ Мюнтцемъ. Продолжая трудиться надъ этимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ, авторъ редактируетъ также изданіе „Международной бібліотеки искусствъ“, превосходное собраніе иллюстрированныхъ монографій, въ которомъ появилось между прочимъ сочиненіе вашего соотечественника Н. П. Кондакова о византійской миниатюрѣ. Послѣдній томъ этой коллекціи (въ 4-ку, Librairie de l'Art, Cité d'Antin) заключаетъ въ себѣ сочиненіе Делаборда о жизни и твореніяхъ знаменитаго италіанскаго гравера Марка-Антонія Раймонди. Делабордъ состоялъ долгое время хранителемъ кабинета эстамповъ въ Національной бібліотекѣ, а въ 1874 году замѣнилъ Белэ въ должности непремѣннаго секретаря академіи художествъ; онъ напечаталъ множество изслѣдованій объ изящныхъ искусствахъ и сотрудничалъ въ „Исторіи живописцевъ“, которую издавалъ Шарль Бланъ. Его новая монографія посвящена судьбѣ знаменитаго гравера, современника Альберта Дюрера и Рафаэля, и кромѣ того, содержитъ въ себѣ полный перечень этого художника. Къ книгѣ его приложено 60 гравюръ, воспроизводящихъ замѣчательнѣйшія изъ произведеній Раймонди.

Наша читающая публика всегда сочувственно встрѣчаетъ все ка-

саящееся г-жи де-Севинье; я уже писалъ вамъ о недавно вышедшей въ свѣтъ изящной монографіи Гастона Буассье. Съ тѣхъ поръ въ коллекціи „Народныхъ классиковъ“, издаваемой книжною фирмой Лесена и Удена, появилась подобная же книга Валерія Радо. Теперь фирма Плона издала большой томъ маркиза де-Сапорта—о семействѣ г-жи де-Севинье въ Провансѣ. Вслѣдствіе выхода ея дочери за Гриньяна, губернатора Прованса, г-жа де-Севинье и сама стала провансалкой. Въ то время постъ губернатора Прованса считался очень значительнымъ. Сапорта собралъ въ мѣстныхъ архивахъ множество документовъ, освѣщающихъ провинціальную жизнь новымъ свѣтомъ; онъ сообщаетъ также любопытныя подробности о г-жѣ де-Симіанъ, внучкѣ г-жи де-Севинье, и о первыхъ изданіяхъ писемъ знаменитой маркизы. Ему посчастливилось отыскать ея портретъ, писанный Миньяромъ, копія съ котораго и помѣщена въ началѣ книги.

III.

Одно изъ наиболѣе важныхъ изданій послѣднихъ лѣтъ—это „Мемуары и переписка Меттерниха“ (восемь томовъ въ 8-ву. Плонъ). Не всякій рѣшится прочитать весь этотъ огромный сборникъ. Извѣстный публицистъ Ш. Мазадъ сдѣлалъ изъ него извлечение, подъ заглавіемъ: „Канцлеръ прежнихъ временъ“ (Un chancelier d'ancien régime. Librairie Plon). Онъ болѣе двадцати лѣтъ ведетъ отдѣлъ политической хроники въ *Revue des Deux Mondes* и, благодаря вліянію знаменитаго журнала, сдѣлался членомъ Французской академіи. Нѣтъ почти ни одного современнаго политическаго вопроса, о которомъ онъ не имѣлъ бы случая высказаться. Онъ издалъ сборники политическихъ этюдовъ о Польшѣ, Испаніи и Италіи, цѣлыя сочиненія о графѣ Кавурѣ, о Ламартинѣ, о Тьеррѣ, о князьяхъ Горчаковѣ и Бисмаркѣ и о войнѣ 1870 г. Все имъ написанное легко читается, хотя и не поражаетъ глубиной мысли: все прошлое онъ сводитъ къ современной политикѣ, — такъ и книга о Меттернихѣ оканчивается сравненіемъ Меттерниха съ Бисмаркомъ.

Я уже писалъ вамъ о Вельшингерѣ по поводу его книги „Цензура времени первой имперіи“. Это — дѣльный изслѣдователь, работающій, къ сожалѣнію, нѣсколько поспѣшно. Онъ выпустилъ въ свѣтъ почти одновременно двѣ книги, одну — объ убійствѣ герцога Ангіенскаго (*L'Assassinat du duc d'Enghien. Un vol in 8°.* Plon),

и другую—о расторженіи брака Наполеона (*Le Divorce de Napoleon. Un vol. in 12. Plon*). Тьеръ много говоритъ объ этомъ событіи въ своей „Исторіи Консульства и Имперіи“, но при Наполеонѣ III не легко было пользоваться документами государственнаго архива, касавшимися основателя династіи Бонапартовъ. Теперь пользуются ими свободнѣе. Вельшингеръ имѣлъ въ рукахъ, какъ не изданные, такъ и изданные, но мало извѣстные документы. Наполеонъ давно думалъ о разводѣ; это видно по одному изъ документовъ, напечатанныхъ издателемъ: еще въ 1807 г. Наполеонъ велѣлъ составить списокъ всѣхъ взрослыхъ европейскихъ принцессъ: во главѣ этого списка стоитъ Марія-Луиза Австрійская, тогда 16-ти-лѣтняя, а во главѣ принцессъ не католическаго вѣроисповѣданія стоятъ имена великихъ княжёнъ Екатерины Павловны и Анны Павловны. Къ книгѣ Вельшингера приложены не изданные документы и снимки съ подписей, находящихся на бракоразводномъ актѣ.

Возмущеніе Вандей, одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ эпизодовъ исторіи французской революціи, теперь хорошо извѣстно; менѣе его извѣстны возстанія, происходившія въ Нормандіи съ 1793 по 1832 годъ. Они нашли себѣ добросовѣстнаго историка въ лицѣ де-ла-Сикотьера. Бывшій президентъ археологическаго и историческаго общества въ Нормандіи, сенаторъ Орнскаго департамента, де-ла-Сикотьеръ пользовался для своего труда множествомъ не изданныхъ документовъ; его книга сообщаетъ множество неизвѣстныхъ фактовъ и носитъ слѣдующее названіе: „Луи де-Фротте и нормандскія возстанія“ (*Louis de Frotté et les insurrections normandes. 2 vol. in 8°.* Paris. Plon). Фротте родился въ 1776 году, служилъ при Людовикѣ XVI, потомъ эмигрировалъ и принималъ участіе въ войнахъ противъ Франціи и, наконецъ, переѣхалъ въ Англію, гдѣ на него возложено было эмигрантами порученіе произвѣсти возстаніе въ южной Нормандіи, для поддержки возстанія въ Вандей. Возстаніе это вело кампанію съ перемежною удачей до 1800 года. Въ это время Фротте былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ по приговору военнаго суда. Де-ла-Сикотьеръ прекрасно изучилъ организацію нормандскихъ отрядовъ, и книга его очень драгоцѣнна для нашей провинціальной исторіи. Къ книгѣ приложены карты и портреты. Это одна изъ наиболѣе увлекательныхъ и поучительныхъ монографій.

Палленъ, главный директоръ таможенъ, предпринялъ издать въ свѣтъ всю дипломатическую переписку Таллейрана; въ печати уже появилась переписка Таллейрана съ королемъ Людовикомъ XVIII во

время Вѣнскаго конгресса (по подлинникамъ, хранящимся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), и этотъ важный сборникъ уже имѣлъ три изданія. Теперь вышла въ свѣтъ переписка Таллейрана за 1793 годъ: знаменитый дипломатъ долженъ былъ заключить союзъ съ Англіей, чтобы стать во главѣ коалиціи, образовавшейся противъ революціонной Франціи. Эта миссія не имѣла успѣха; но документы, къ ней относящіеся, имѣютъ интересъ для исторіи дипломатіи того времени. Въ особенности укажу нѣсколько любопытныхъ мѣстъ по поводу раздѣла Польши. Книга оканчивается нѣсколькими письмами, посланными изъ Америки въ 1795 году лорду Ландсдоуну. Палленъ намѣренъ напечатать въ скоромъ времени письма Таллейрана, касающіяся иностранной политики во времена директоріи и царствованія Наполеона, и письма, относящіеся ко времени посольства Таллейрана въ Лондонъ съ 1830 по 1834 годъ.

Я уже писалъ вамъ о подвигахъ путешественника Бонвало по поводу двухъ его сочиненій: „Изъ Москвы въ Бактріану“ и „Изъ Когистана на Каспійское море“. Этотъ неутомимый изыскатель напечаталъ еще новое сочиненіе: „Съ Кавказа въ Индію черезъ Памиръ“ (Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Un vol. in 4°. Paris. Plon), въ которомъ онъ повѣствуетъ о своемъ послѣднемъ путешествіи. Главные переходы были изъ Тифлиса въ Самаркандъ и изъ Самарканды въ Афганистанъ, гдѣ Бонвало и его спутники содержались въ плѣну, затѣмъ черезъ Памиръ, гдѣ они едва не погибли отъ стужи и голода, и наконецъ, съ Памира въ Индію, гдѣ они дошли до англійскаго желѣзнодорожнаго пути. Наиболѣе новая и отважная часть путешествія сдѣлана была Бонвало черезъ Памиръ: мысль эта подана была ему русскимъ генераломъ Корольковымъ, расположеніемъ котораго онъ пользовался еще во время своего прежняго путешествія. Такимъ образомъ, Россія принадлежитъ нѣкоторое участіе въ этомъ предіриятіи. Другой русскій, г. Балашовъ, снабдилъ изыскателей суммою въ 6,000 франковъ. Бонвало разказываетъ просто, не ищетъ эффектныхъ выраженій и довольствуется передачею того, что было. Онъ твердо перенесъ страшную усталость. По возвращеніи въ Парижъ, наше географическое общество, въ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Лессепа, устроило ему торжественную встрѣчу, а правительство пожаловало ему орденъ почетнаго легіона. Одинъ изъ его спутниковъ, Пепенъ, отличный рисовальщикъ, вывезъ изъ путешествія цѣлую серію замѣчательно исполненныхъ набросковъ; они

служать любопытнымъ этнографическимъ документомъ этой поѣздки. Эта прекрасная книга переведена уже въ Англии.

Съ открытіемъ Закаспійской желѣзной дороги многіе французы (не считая Вогюэ, Нея и Ниюкса, которые были приглашены на открытіе ея) отправились въ центральную Азію. Наполеонъ Ней напечаталъ свое путешествіе подъ заглавіемъ „Изъ Парижа въ Самаркандъ“ (De Paris à Samarcand. Paris. Garnier); онъ присоединилъ къ книгѣ и замѣтки, напечатанныя имъ въ газетѣ Figaro. Французскій офицеръ Шоле, лейтенантъ 76-го пѣхотнаго полка, совершилъ путешествіе по Туркестану и побывалъ на афганско-русской границѣ; путевыя впечатлѣнія свои онъ издалъ въ небольшой, приятно написанной книгѣ (Excursion en Turkestan et sur la frontiѣre russe-afghane. In 12. Plon). Шоле имѣлъ много сношеній съ русскими офицерами, именно, съ генераломъ Комаровымъ и полковникомъ Алихановымъ, и очень хвалитъ ихъ обходительность. Въ качествѣ военнаго онъ останавливается преимущественно на борьбѣ русскихъ съ мѣстнымъ населеніемъ и на вопросахъ стратегическихъ. Надо впрочемъ замѣтить, что интересъ къ русскимъ дѣламъ необыкновенно увеличивается въ средѣ французскихъ военныхъ. Русскій языкъ преподается въ школѣ главнаго штаба и въ собраніи офицеровъ, и ежегодно нѣсколько человѣкъ офицеровъ отправляются въ Россію, нѣкоторые для живописныхъ цѣлей, другіе для усовершенствованія въ русскомъ языкѣ.

Вамъ, конечно, извѣстно, съ какимъ интересомъ и увлеченіемъ занимаются у насъ русскою литературой. Восторгъ, съ которымъ въ былое время относились къ Англии и къ Германіи, перенесенъ теперь на Россію. Интересуются преимущественно романистами; переводятъ сочиненія гр. Толстаго, Достоевскаго, Писемскаго, Гончарова, Крестовскаго, Гаршина. Но до сихъ поръ почти не занимались ни поэтами, ни драматическими писателями. Недавно вздумали въ Парижѣ исполнить на сценѣ „Грозу“ Островскаго; но пьеса эта была дурно поставлена и сыграна и не имѣла успѣха. Тѣмъ не менѣе, критика занялась разборомъ ея и признала рѣдкія достоинства за авторомъ ея. Дюранъ-Гревиль, бывшій преподаватель въ Петербургѣ, мужъ извѣстной романистки Анри Гревиль, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы напечатать переводъ произведеній Островскаго, давно лежавшій у него на готовѣ; этотъ переводъ просмотрѣлъ дочерью покойнаго русскаго драматурга, находящеюся теперь въ Парижѣ; изданіе это имѣло успѣхъ. Дюраномъ-Гревиллемъ переведены

„Не въ свои сани не садись“, „Гроза“ и „Сивѣгурочка“. Переводу предшествуетъ введеніе, въ которомъ Дюранъ-Гревиль изучаетъ произведенія Островскаго.

Недавно поднять у насъ вопросъ объ образованіи Общества для изученія нарѣчій Франціи. Имѣя свой центръ въ Парижѣ, оно должно будетъ имѣть свои отдѣленія въ провинціяхъ; оно установитъ для всѣхъ нарѣчій однообразную транскрипцію, будетъ стараться сообщать научныя новости провинціальнымъ ученымъ, употребляющимъ иногда весьма устарѣлыя методы, образуетъ центральную бібліотеку, которая будетъ какъ бы главнымъ музеемъ французскаго языка, и кромѣ того, организуетъ подвижную бібліотеку. Прекрасное предпріятіе это имѣетъ основателемъ аббата Руссело, редактора *Revue des Patois*. Гастонъ Парисъ и Поль Мейеръ приняли это новое учрежденіе подъ свое покровительство.

Наша научная литература обогатилась новымъ періодическимъ изданіемъ подъ именемъ: *Les Annales du Midi*. Это журналъ, выходящій въ Тулузѣ и предназначенный для изученія исторіи, языка и литературы Лангедока. Редакторъ его Тома, недавно бывший профессоромъ словеснаго факультета въ Тулузѣ, замѣстилъ теперь въ Сорбоннѣ покойнаго Арсеня Дармстеттера на кафедрѣ старо-французскаго языка. Въ первой книжкѣ этого журнала находится между прочимъ интересная статья Леопольда Делиля.

Только что вышелъ въ свѣтъ седьмой выпускъ „Большой энциклопедіи“: онъ заключаетъ въ себѣ часть буквы В (Во-Vig). Въ немъ находятся статьи, составляющія важныя монографіи: „Богемія“ Лежера, „Боснія“ его же, „Буало“, „Боссюэтъ“, „Бурдалу“—Брюнетьера, „Семейство Бонапартовъ“, „Семейство Бурбоновъ“, „Буддизмъ“—Леона Феера, „Браманизмъ“—Сильвена Леви, „Бургонь“—Пру, „Бразилія“ Левассера, „Бретань“ Келльена. По ходу этого огромнаго изданія можно надѣяться, что оно придетъ къ окончанію лѣтъ черезъ десять. Къ нему приложено множество рисунковъ и изящныхъ картъ. Со времени Энциклопедіи Дидро, этотъ словарь самый обширный изъ всѣхъ появлявшихся въ нашей литературѣ.

Французская литература понесла серьезную утрату въ лицѣ критика Эдмонда Шерера, скончавшаго въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ. Онъ былъ сначала пасторомъ и профессоромъ протестантскаго богословія и сдѣлался извѣстнымъ по своимъ статьямъ, печатавшимся въ *Temps*. Онѣ были перепечатаны подъ заглавіемъ: „Критическіе этюды о современной литературѣ“ (*Etudes critiques sur la littéra-*

ture contemporaine) и считаются однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій нашего времени. Въ послѣдніе годы Шереръ написалъ два важные труда о Дидро и о баронѣ Гриммѣ. Недавно умеръ также на 87-мъ году отъ рожденія Россевъ-Сентъ-Илеръ, членъ академіи нравственныхъ наукъ, бывшій профессоръ исторіи въ Сорбоннѣ и авторъ весьма замѣчательной исторіи Испаніи. Сорбонна понесла также потерю въ лицѣ Людовика Каро (Carrau), одного изъ молодыхъ своихъ профессоровъ философіи, котораго не надо смѣшивать съ знаменитымъ Каро. Людовикъ Каро, умершій всего 40 лѣтъ, оставилъ по себѣ нѣсколько хорошихъ сочиненій: „Утилитарная нравственность“ (La morale utilitaire), „Этюдъ о теоріи эволюціи“ (Etudes sur la théorie de l'évolution), „О религіозной философіи въ Англии отъ Локка до нашихъ дней“ (La Philosophie religieuse en Angleterre depuis Locke jusqu'à nos jours). Это былъ хорошій писатель и отличный профессоръ.

Л. Л—ръ.

ПОПРАВКИ.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія въ статьѣ „Наша учебная литература“ должно исправить слѣдующія опечатки:

На стран. 77, строка 12 снизу, вмѣсто многочисленными должно быть множественными.

На стран. 82, строка 15 снизу, вмѣсто га должно быть г_а.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1888 ГОДУ ¹⁾.

17-го февраля 1888 года исполнилось двадцать-пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ, въ домѣ графа А. С. Уварова, собрался кружокъ изъ 14 лицъ для обсужденія вопроса объ основаніи въ Москвѣ археологическаго общества. Главой этого кружка былъ самъ гостепріимный хозяинъ дома, нашъ знаменитый археологъ, столь преждевременно похищенный смертью у науки и своего отечества. По его мысли и подъ его предсѣдательствомъ возникло Московское Археологическое Общество, успѣвшее, въ теченіе четверти вѣка своего существованія, широко развить свою дѣятельность и оказать существенныя услуги изученію русскихъ древностей. Болѣе двадцати лѣтъ графъ А. С. Уваровъ оставался главнымъ руководителемъ Общества, но и послѣ его кончины живъ духъ, жива память о немъ, и эта память продолжаетъ соединять въ одно цѣлое созданное имъ Общество. Нынѣ оно насчитываетъ до 400 членовъ и имѣетъ двѣ спеціальныя комиссіи, не уступающія по дѣятельности инымъ самостоятельнымъ ученымъ обществамъ; оно напечатало 12 томовъ своихъ трудовъ и заслужило ими почетное мѣсто между остальными учеными обществами. 1888 годъ — двадцать-пятый со времени основанія Общества — былъ достойнымъ продолженіемъ его прежней дѣятельности.

¹⁾ Извлечено изъ отчета Общества, составленнаго секретаремъ его В. К. Трутовскимъ.

Въ теченіе 1888 года, какъ и въ предшествовавшіе, Общество имѣло счастье пользоваться милостивымъ вниманіемъ своего Августѣйшаго Покровителя Государя Императора и Царской Семьи. Въ 1887 году Государь Императоръ пожаловалъ Обществу изъ собственныхъ суммъ еще 10,000 руб. на продолженіе ученыхъ изслѣдованій Кавказа и восточныхъ областей Россіи и на изданіе результатовъ этихъ изслѣдованій. Затѣмъ Государю Императору угодно было Всемилостивѣйше утвердить безъ измѣненія правила административно-хозяйственнаго управленія Ростовскимъ Кремлемъ, выработанныя Обществомъ, и соизволить на посвященіе Имени Его Величества изданія „Матеріаловъ по археологій Кавказа“, добытыхъ вышеуказанными экспедиціями. Въ концѣ же отчетнаго года великій князь Сергѣй Александровичъ милостиво принялъ представителей Общества, товарища предсѣдателя и секретаря, поднесшихъ Его Высочеству всепокорнѣйшее ходатайство о принятіи имъ на себя званія почетнаго члена Общества и почетнаго предсѣдателя VIII-го археологическаго съѣзда, созываемаго въ Москвѣ въ январѣ 1890 г. въ память двадцатипятилѣтія Московскаго Археологическаго Общества. Такіе знаки Высочайшаго вниманія къ дѣятельности Общества служатъ наиболѣе яркимъ доказательствомъ, что четверть вѣка пронеслось надъ Обществомъ далеко не бесплодно.

Еще въ 1886 году начатыя на Высочайше дарованныя средства, археологическія изслѣдованія въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи и на Кавказѣ продолжались и въ 1888 году. Въ изслѣдованіи восточныхъ губерній приняли участіе члены Общества Ф. Д. Нефедовъ, А. А. Спицынъ, Н. Г. Первухинъ, Д. Н. Маминъ, М. А. Веселовъ и приглашенные къ сотрудничеству П. А. Пономаревъ, гг. Шатровъ и Ивановскій.

Ф. Д. Нефедовъ продолжалъ начатыя имъ раньше изслѣдованія въ Приуральи и лѣтомъ прошлаго года посѣтилъ земли Оренбургскаго казачьяго войска и губерніи Самарскую и Оренбургскую. Эта поѣздка дала ему много новыхъ матеріаловъ и указаній для археологической карты этого края и значительно пополнила собраніе череповъ и курганныхъ вещей, такъ что теперь имъ занесено на карту около тысячи доисторическихъ памятниковъ, а результаты раскопокъ двухъ городковъ и 150 кургановъ выразились въ коллекціи изъ 60 череповъ и до 700 курганныхъ вещей, находящихся нынѣ въ музеѣ Общества. Среди массы памятниковъ г. Нефедовъ выдѣлилъ три рода кургановъ—курганы массами (отъ 200 до 600 штукъ

на квадратной верстѣ), курганы группами и курганы одиночные. Первые принадлежали осѣдлому племени, по мѣстнымъ преданіямъ — чуди, вторые, позднѣйшіе — народамъ кочевникамъ, монголамъ. Въ могилахъ послѣдняго рода обыкновенно не встрѣчалось никакихъ вещей; напротивъ того, въ курганахъ перваго вида найдено множество бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій, колчаны изъ бересты и ковши, идолы изъ желѣза и желѣзняка, серебряныя и бронзовыя украшенія, коралловыя пронизки, бусы и проч. Наибольшій интересъ представляютъ собою курганы, служившіе, по видимому, капищами. Одинъ изъ такихъ найденъ въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи, а другой — въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Въ этихъ капищахъ были открыты каменные небольшіе жертвенники: одинъ — имѣющій видъ треножника, съ орнаментомъ и изображеніемъ лошадиныхъ головъ, другой — въ видѣ каменной четырехугольной свамеечки, также съ орнаментомъ; на ней находились: бронзовый ножъ съ рукояткой, изображающею фигуру овцы, бронзовое съ ручкой зеркало, бронзовыя стрѣлы и проч. Предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ, равно какъ и всѣ найденныя вещи, г. Нефедовъ представилъ Обществу, подробный же отчетъ издается имъ для печати.

Инспекторъ народныхъ училищъ Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи Н. Г. Первухинъ, уже давно изучающій районъ своихъ служебныхъ обязанностей, продолжалъ свои изслѣдованія и въ 1888 году. За это время ему удалось обслѣдовать 9 новыхъ городищъ въ Глазовскомъ уѣздѣ, а сверхъ того, онъ произвелъ раскопку 23 могильниковъ въ различныхъ мѣстностяхъ того же уѣзда. Изъ всѣхъ найденныхъ имъ вещей, какъ во время этихъ поѣздокъ, такъ и во время предшествующихъ, составила обширная коллекція, которая и ожидается въ Обществѣ, вмѣстѣ съ составляемымъ къ ней систематическимъ каталогомъ. Въ эту коллекцію, какъ сообщаетъ г. Первухинъ, войдутъ также всѣ тѣ предметы, которые были раньше находимы въ курганахъ крестьянами и приобрѣтены отъ нихъ путемъ покупки. Вся коллекція состоитъ теперь уже изъ 600 номеровъ, подъ которыми заключается болѣе 1000 отдѣльныхъ экземпляровъ. Между ними довольно много разныхъ издѣлій изъ кости, но главное содержаніе составляютъ вещи изъ желѣза. Подробный отчетъ о своихъ раскопкахъ г. Первухинъ представитъ Обществу вмѣстѣ съ вещами и ихъ описаніемъ; теперь же имъ доставлена очень подробно и тщательно составленная археологическая карта Глазовскаго уѣзда.

А. А. Спицынъ, которому служебныя обязанности не позволяли заняться продолжительными изслѣдованіями Вятской губерніи, совершилъ въ 1888 г. двѣ поѣздки — по рр. Вяткѣ и Камѣ и экскурсіи въ окрестности г. Вятки. Цѣлью поѣздки по р. Вяткѣ онъ поставилъ себѣ отыскать новыя костеносныя пещеры, но надежды эти не оправдались; за то ему удалось вновь обследовать Пижемское и Свиногородское городища. Всего по р. Вяткѣ онъ проѣхалъ около 700 верстѣ, заноса встрѣчающіеся новыя могильники и городища на карту. Вторая поѣздка г. Спицына по р. Камѣ, отъ пристани Гальяни до устья р. Вятки, на протяженіи 330 верстѣ, дала болѣе интересныя результаты. Вновь были осмотрѣны имъ уже извѣстныя камскія древности и открыто 20 новыхъ городищъ и могильниковъ, впрочемъ оказавшихся небогатыми по содержанию. Г. Спицынъ принужденъ былъ ограничиться небольшими раскопками, и лишь Елабужское городище было изслѣдовано имъ подробно. Въ заключеніе экскурсіи 1888 года г. Спицынъ сдѣлалъ по среднему теченію р. Чепцы и на Лешану. Результатомъ всѣхъ этихъ поѣздокъ было слѣдующее: 1) добыты новыя данныя для подтвержденія мѣстнаго о близости культуры Ананьинскаго могильника къ культурѣ костеносныхъ городищъ; 2) систематизированы камскія городища; 3) на рѣкѣ Пижмѣ найдены признаки чуждой культуры, и 4) на Камѣ найденъ новый могильникъ.

Д. Н. Маминъ производилъ изслѣдованія въ различныхъ мѣстахъ Сѣвернаго, Средняго и Южнаго Урала. Въ теченіе лѣта 1888 года имъ совершены экскурсіи сперва въ окрестностяхъ г. Екатеринбургa, которыя онъ посѣтилъ два раза. Въ первый разъ г. Маминъ обследовалъ такъ-называемый Разбойничій островъ на озерѣ Карасьемъ. Въ находящихся на этомъ островѣ курганахъ замѣчены слѣды раскопокъ ради отыскиванія кладовъ, а раскопанные самимъ г. Маминымъ курганы дали большею частью глиняныя черепки съ орнаментомъ, преимущественно веревочнымъ и чешуйчатымъ, кусокъ тальковаго сланца въ формѣ мыла и глиняныя конусы неизвѣстнаго назначенія. Другая поѣздка г. Мамина въ окрестности Екатеринбургa, въ деревню Колюшкину, дала, кромѣ черепковъ, еще много глиняныхъ грузилъ разнообразной величины и формы. Вторую поѣздку г. Маминъ совершилъ на Сѣверный Уралъ и обследовалъ мѣстности Чердыни, Ныробы и Кольвы, при чемъ нашелъ металлическую рукоятку, костяныя копья и различныя металлическія украшенія. Третья поѣздка была направлена въ Южный Уралъ, къ горѣ

Кремень, въ станцію Кязышь, гдѣ, при слияніи рр. Кязыша и Уя, находится небольшая группа кургановъ, расположенныхъ въ формѣ креста. Наконецъ, во время четвертой экскурсіи г. Маминъ объѣздилъ бассейнъ рр. Пижмы и Исети и осмотрѣлъ городище близъ деревни Малой Балды. Какъ результатъ этихъ экскурсій, можно отмѣтить, кромѣ находки разныхъ металлическихъ и глиняныхъ вещей, занесеніе на карту нѣсколькихъ новыхъ кургановъ и городищъ.

Таковы въ краткихъ словахъ результаты произведенныхъ лѣтомъ 1888 года изслѣдованій восточныхъ областей Россіи. Отъ другихъ лицъ, командированныхъ Обществомъ въ тотъ же край, еще не получены отчеты.

Для продолженія изслѣдованій Кавказа въ 1888 году отправлены три экспедиціи — В. И. Сизова, А. М. Павлинова и предсѣдателя Общества графини П. С. Уваровой; первыя двѣ экспедиціи совершены на Высочайше дарованныя средства, а послѣдняя—на личныя.

В. И. Сизовъ продолжалъ главнымъ образомъ раскопки и изслѣдованія, начатыя въ 1886 году въ городищѣ, отстоящемъ отъ станицы Раевской на 4 версты, по направленію къ Анапѣ. Мѣстность, на которой производились раскопки, составляетъ юго-восточный уголъ городища у самаго крутого спуска къ рѣкѣ Мысхака; открытая прежде стѣна, параллельная валу, по направленію съ юга на сѣверъ, составляла, вѣроятно, часть цитадели или вообще особаго зданія въ углу городища. Новыми раскопками были очищены прежде открытыя пространства двухъ комнатъ, и кромѣ того, открыта новая комната, смежная съ прежними двумя. Это помѣщеніе оказалось занятымъ большими амфорами, стоящими въ рядъ, и кромѣ того, здѣсь же найдено было много мелкихъ сосудовъ, то въ формѣ чашъ, то сходныхъ по типу, съ такъ-называемыми „скифосами“; тутъ же найденъ былъ маленькій шкафъ съ грубою сѣтчатою раскраской, но по стилю видимо представляющій подражаніе греческой работѣ. Въ массѣ разбитыхъ черепковъ нашлась ручка отъ амфоры съ клеймомъ, состоящимъ изъ двухъстрочной греческой надписи, но буквы ея, за исключеніемъ немногихъ, сильно пострадали. Изъ металлическихъ вещей найдены: жельзные двухстороннія сѣкиры, наконечники большихъ и малыхъ копій, кирка сѣкиры съ молотомъ и остріемъ и клинокъ меча. По типу оружіе отличается скифскимъ характеромъ поздняго времени. Кромѣ того, здѣсь же найдены бронзовое круглое зеркало древняго типа и много глиняныхъ пряслицъ. Раскопки г. Сизова дали возможность опредѣлить сѣверный конецъ зданія съ нѣкоторымъ закругленіемъ

и доставили нѣкоторые указанія на то, что эти помѣщенія были покрыты коробовыми сводами, сложенными впрочемъ безъ цемента, на простой глинѣ. Раскопки, произведенныя по сосѣдству съ этими зданіями, открыли двѣ параллельныя стѣнки, сохранившія, въ верхнихъ своихъ частяхъ, начала дугообразной линіи коробоваго свода. Вообще же, въ постройкѣ и въ найденныхъ вещахъ разслѣдованнаго городища можно подмѣтить варварскій характеръ, смягченный впрочемъ греческимъ влияніемъ. Время разрушенія городища по совокупности археологическихъ признаковъ можно приблизительно отнести къ эпохѣ Рождества Христова. Самая мѣстность относится, вѣроятно, къ области синдовъ. Съ нѣкоторыхъ болѣе характерныхъ частей раскопокъ были сдѣланы рисунки, нѣсколько фотографическихъ снимковъ и снятъ топографическій планъ всего городища, а равно и всей мѣстности отъ станицы Раевской до Анапы. Кромѣ раскопокъ въ городищѣ, было обращено вниманіе на близъ лежащія могильники: одинъ изъ нихъ находится саженьяхъ во ста отъ городища къ сѣверу, на крутомъ берегу рѣки, и состоитъ изъ шести кургановъ. Могилы оказались расположенными ниже уровня земли; кости лежали въ дубовыхъ колодахъ; при нихъ находились длинныя сабли. Тутъ же были и кости лошадиныя. При одномъ скелетѣ найденъ большой фрагментъ стекляннаго сосуда грушевидной формы, съ узкимъ и длиннымъ горлышкомъ и узорчатою ручкой; сосудъ этотъ, представляя издѣліе арабское, завезенное, вѣроятно, изъ Египта, даетъ полную возможность отнести эти погребенія къ XIII—XIV вѣкамъ. Другой могильникъ находится у большой анапской дороги, близъ хутора Полонскаго, верстахъ въ четырехъ отъ городища Ногай-кале. Онъ состоитъ изъ множества кургановъ, въ которыхъ на уровнѣ земли находится гробница, сложенная изъ длинныхъ каменныхъ плитъ, съ присутствіемъ нѣсколькихъ скелетовъ. Изъ этого могильника казаки Раевской станицы добываютъ уже много лѣтъ каменные плиты, при чемъ весьма часто находятъ серебряныя и золотныя вещи, пропадающія такимъ образомъ для науки. Вещи, добытыя изъ могильника, имѣютъ характеръ арабскихъ издѣлій и относятся, вѣроятно, къ XIII—XIV вѣкамъ. Наконецъ, третій могильникъ расположенъ къ западу отъ городища, верстахъ въ пяти по направленію къ морю, на горной мѣстности; за недостаткомъ времени и рабочихъ этотъ могильникъ пришлось изслѣдовать лишь весьма поверхностно; въ немъ найдены были глиняная урна съ жжеными костями и скелетъ лошади, лежащей на лѣвомъ боку, съ удилами и стременами; уздечка лошади была украшена съ праваго

бока пластинкой поливной бѣлой глины, напоминающею пластинки, употребляемыя для защиты лѣвой руки при стрѣльбѣ изъ лука.

А. М. Павлиновъ, имѣя главною цѣлью осмотръ христіанскихъ памятниковъ на Кавказѣ, отправился въ поѣздку въ сопровожденіи фотографа И. Ѳ. Борщевскаго. Сперва г. Павлиновъ проѣхалъ въ Рязань и изучилъ особенности ея древней архитектуры, затѣмъ посѣтилъ св. Софію и пещеры св. Варлаама въ Кіевѣ, а оттуда отправился въ Крымъ. Предметомъ изученія его въ Крыму была татарская архитектура, предметъ очень любопытный и важный, но пока совсѣмъ еще не разработанный. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представилъ собою Бахчи-сарай съ его дворцами и окрестностями, Азиясъ съ древними татарскими мавзолеями, Чуфуть-Кале, такъ-называемая Иосафатова долина, церкви въ Феодосіи, дворецъ и мечеть въ Старомъ Крымѣ. Перейдя затѣмъ на кавказскій берегъ, г. Павлиновъ прежде всего осмотрѣлъ Сухумъ-Кале и Дронды со старымъ монастыремъ, Мокви съ большою церковью, Бедію съ развалинами замѣчательнаго и нѣкогда богатаго монастыря. По пути были сфотографированы и изслѣдованы и нѣкоторыя другія развалины древнихъ замковъ и храмовъ. Прослѣдивъ памятники между рѣками Кодоромъ и Ингуромъ, экспедиція занялась Батумскою областью. Начавъ съ окрестностей Батума, г. Павлиновъ прошелъ по берегу моря до турецкой границы, гдѣ въ мѣстечкѣ Макріали находится небольшая церковь, и затѣмъ перешелъ въ долину р. Чороха. Здѣсь сфотографированы были не только каменные храмы, но и деревянная рѣзьба, которою богато украшены нѣкоторыя мечети. Среди памятниковъ Батумской области особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе церкви близъ Борчки (Мама-Цминда), Свети и Долисъ-Хана, въ Опизѣ, въ Портѣ, въ Арданучѣ, Сатлегѣ, Тбетѣ и другія. Далѣе гг. Павлиновъ и Борщевскій направились черезъ Ардаганъ и Ахалцыхъ на станцію Михайлово, а оттуда желѣзною дорогою въ Баку для обмѣра развалинъ тамошняго ханскаго дворца, судилища и мечетей. На возвратномъ пути былъ осмотрѣнъ и обмѣренъ Мартвильскій монастырь, съ его двумя храмами. Во время всей поѣздки не только всюду снимались фотографіи съ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ, а въ церквахъ, монастыряхъ, дворцахъ и мечетяхъ и общіе виды и отдѣльныя части, но всѣ мало-мальски интересные памятники подвергались тщательнымъ измѣреніямъ. Результаты этого обслѣдованія представляютъ собою громадную коллекцію фотографій, рисунковъ чертежей, обмѣровъ и т. д. Въ настоя-

шее время г. Павлиновъ занялъ составленіемъ подробнаго отчета о совершенной имъ экспедиціи.

Графиня П. С. Уварова старалась и въ 1888 году личнымъ посѣщеніемъ Кавказа пополнить тотъ рядъ ученыхъ изысканій, которыя были предприняты Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ Батумскую и сосѣднія съ нею области. Высадившись въ Батумѣ, графиня Уварова начала свой объездъ сѣвѣрною частью той же области, то-есть, Аджаріей и Шавшетіей. Аджарія, составлявшая издревле часть Грузинскаго царства, была извѣстна неприступностью своихъ горъ, глубиной своихъ ущелій и вѣковыми лѣсами, вслѣдствіе чего народонаселеніе этой области пользовалось относительно большою свободою; всѣ тѣ, кто желалъ избѣжать преслѣдованія закона, укрывались въ горахъ Аджаріи. Такъ было во времена Грузинскихъ царей, такъ осталось и позднѣе: даже турки, покоряя страну и уничтожая все кругомъ огнемъ и мечемъ, довольствовались занятіемъ главныхъ пограничныхъ пунктовъ Аджаріи, изъ которыхъ они разсылали повсюду проповѣдниковъ и старались располагать къ себѣ населеніе лестью и подарками. Такая отчужденность отъ общей жизни Грузіи отозвалась и на мѣстныхъ памятникахъ. Между тѣмъ какъ въ сѣвѣрной части Грузіи и даже въ сосѣдней съ Аджаріей Шавшетіи множество великолѣпныхъ развалинъ церквей и монастырей свидѣтельствуютъ о ревности древнихъ грузинъ къ православію, а замковыя твердыни напоминаютъ о грозныхъ властителяхъ, занимавшихъ всѣ проходы, часто враждовавшихъ между собою и не всегда готовыхъ преклониться даже предъ царскою властью,—въ Аджаріи нашелся только одинъ большой храмъ въ ущельи р. Схампы; найдены развалины болѣе незначительныхъ церквей около Хулы, Хихадзири и Калота и нѣсколько башенъ и незначительныхъ замковыхъ построекъ въ ущельяхъ и на горахъ, недоступныхъ не только для враговъ, но и для мѣстнаго управленія. Близъ мѣстности Хула, прежней столицы Аджаріи, на вышинѣ приблизительно 5000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ горахъ, въ сторону отъ Ахалцхскаго шоссе и не доѣзжая до перевала чрезъ Канладере, около селенія Агара, была произведена раскопка на мѣстѣ развалившейся церкви; тутъ найдены были рѣзной каменный иконостасъ, каменная икона, обломки бронзы и желѣза, черепки глиняной и стеклянной посуды, множество роговъ животныхъ и пр. Въ грузинскихъ лѣтописяхъ не сохранилось преданій объ этой церкви, и потому опредѣлить время ея по-

строения можно будетъ только изъ сравненія вывезеннаго изъ церкви иконостаса съ иконостасами, открытыми въ церквахъ Цебельды, равно какъ съ иконостасомъ, сохранившимся въ Сафорскомъ монастырѣ близъ Ахалцыха. Кромѣ раскопки въ Агарѣ, была произведена раскопка у подошвы горы Харката, гдѣ въ мѣстности, называемой Бако, найдено древнее христіанское кладбище съ могилами, обложенными грубыми плитами изъ мѣстнаго плитняка, безъ всякихъ вещей и съ значительнымъ количествомъ каменныхъ, грубо тесанныхъ крестовъ изъ того же известняка.

Далѣе графиней Уваровой было обследовано Коблианское ущелье, гдѣ осмотрѣны знаменитый Зарзмскій монастырь и многія другія церкви. Затѣмъ обследованъ Посховскій участокъ Карской области, съ прелестнымъ Джакскимъ ущельемъ, съ развалинами церквей на самыхъ неприступныхъ горахъ и съ множествомъ замковъ, запирающихъ ущелья. Въ Посховскомъ участкѣ пришлось провѣрить одну ошибку, допущенную Вахуштомъ въ его географіи и повторенную съ тѣхъ поръ гг. Баврадзе и Броссе; называя церковь въ селеніи Тпурцаби или Тпурцкумъ, Вахуштъ говоритъ о ея великолѣпнн и опредѣляетъ мѣстонахождение ея „вблизи Зарзмскаго храма, вправо отъ Поцхвис-цкали“. Опредѣленіе это оказалось вполне ошибочнымъ, какъ со стороны географической, такъ и въ описаніи самаго храма. Селеніе Тпурцаби расположено верстъ 70 выше указаннаго мѣста, среди горной равнины, въ близкомъ разстояніи отъ подошвы горы Арсіанъ. Отъ великолѣпной церкви, описываемой Вахуштомъ, остался только рѣзной каменный наличникъ алтарнаго окна въ нынѣшней мечети, и невольно приходится согласиться съ мыслью, что Вахуштъ, описывая церковь, говорилъ о ней по наслышкѣ, ибо вѣроятно всего, что она не могла существовать въ его время, такъ какъ мѣстное, чисто турецкое народонаселеніе считаетъ себя прямыми потомками тѣхъ османлисовъ, которые заняли край въ XVII вѣкѣ. Послѣ Аджаріи и Шавшетіи, графиней Уваровой былъ посвященъ мѣсяцъ на объѣздъ южной и сѣверной Ратчи: здѣсь поднимались до самыхъ ледниковъ, были въ Сари, Цесеи, Они, Утдери, Гломъ, Геди, Мравалдзалъ, Схава, Никорзмinda и пр. Осмотрѣны были всѣ ущелья, заповѣдныя роши съ майрами, часовнями, церквами, снято множество иконъ, надписей и церковной утвари. Последняя часть путешествія графини Уваровой посвящена была Горійскому уѣзду Тифлисскаго губерніи, весьма богатому церковными памятниками, относительно гораздо лучше сохра-

нившимися, чѣмъ церкви, находящіяся въ магометанской Аджаріи и Шавшетіи или въ полуязыческой Ратчѣ. Но Горійскій уѣздъ на столько обширенъ, что въ немъ удалось осмотрѣть лишь 12 памятниковъ, при чемъ дни два посвящено въ Урбиниси на раскопку древняго городища, расположеннаго на высокомъ берегу рѣки Куры, и въ одномъ углу котораго находится извѣстная церковь-базилика. Городище это весьма интересно по тѣмъ предметамъ чисто греческаго характера, которые не разъ были находимы на занимаемой имъ площади; однако правильныя раскопки оказались здѣсь совершенно не исполнимыми, потому что нивѣшніе жители-грузины, занимая всю площадь между валами, помѣщаются въ подземныхъ жилищахъ, вырытыхъ довольно глубоко и такъ близко одно отъ другаго, что свободнаго пространства между ними почти не остается. Въ разныхъ мѣстахъ были проложены провѣрочныя каналы, при чемъ добыты незначительныя золотыя вещицы и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ греческаго типа. Со всѣхъ обследованныхъ графиней Уваровой памятниковъ привезены фотографическія снимки, обмѣры и кальки съ надписей; матеріалъ этотъ разрабатывается и будетъ предложенъ Обществу на просмотръ и обсужденіе. Поѣздка графиней Уваровой заключилась Владикавказомъ и Терскою областью, богатые могильники и курганы которыхъ уже были знакомы путешественницѣ. Въ этой мѣстности дѣятельными сотрудниками ея явились Ю. К. Чураковскій и В. Л. Тимофеевъ, дневники и отчеты которыхъ войдутъ въ содержаніе доклада графини Уваровой о могильникахъ и курганахъ Кавказа.

Кромѣ вышеупомянутыхъ изслѣдованій въ восточныхъ губерніяхъ Россіи и на Кавказѣ, Обществомъ были предприняты еще слѣдующія раскопки и изысканія:

Членъ-корреспондентъ Е. Р. Романовъ продолжалъ свои изслѣдованія въ Могилевской губерніи; отчетъ о его раскопкахъ войдетъ въ составъ XIII тома Древностей, нынѣ поступившаго въ печать.

Профессоръ Дерптскаго университета П. А. Висковатовъ производилъ раскопки въ Эстляндской губерніи и частью въ смежныхъ съ нею, съ цѣлью дополнить результаты предшествовавшихъ своихъ изслѣдованій въ мѣстности близъ Терселя.

А. А. Ивановскій, воспользовавшись своею поѣздкою на китайскую границу, въ Семипалатинскую область, произвелъ археологическія изслѣдованія въ Зайсанскомъ уѣздѣ, примыкающемъ къ китайской границѣ. Такъ какъ цѣлью своей поѣздки г. Ивановскій поста-

вилъ собраніе данныхъ не только по археологіи, но и по антропологіи и этнографіи, то характеръ экспедиціи былъ главнымъ образомъ развѣдочный, и кургановъ имъ было разрыто. немного — для того лишь, чтобы составить себѣ понятіе объ ихъ характерныхъ особенностяхъ. Г. Ивановскій выѣхалъ изъ Зайсанскаго военнаго поста, лежащаго у подошвы Кишкине-Тау (Маленькія горы), предгорія Тарбагатайскихъ горъ. Затѣмъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ осматривалъ горы Кишкине-Тау, перешелъ чрезъ Авъ-Кезель (Бѣлый проходъ, перевалъ) къ верховьямъ р. Джемни, оттуда поднялся на вершину Саура не далеко отъ Мусъ-Тау (Ледяной горы) и, переваливъ чрезъ Сауръ, спустился въ Чоганобипскій проходъ. Изъ этого пункта г. Ивановскій отправился на юго-западъ къ Керчентасскому проходу, гдѣ находится пограничный китайскій пикетъ, и къ Монраковскимъ горамъ, чрезъ р. Черный Иртышъ и горы Тюсэ-Тасъ (Верблюжій камень), примыкающія къ озеру Норъ-Зайсанъ; затѣмъ, далѣе чрезъ ущелье Байчуакъ, онъ поднялся на гору Букунбай (богатая туманами) и съ нея на г. Сара-Тау къ озеру Марвакулю. Вернувшись отъ послѣдняго снова въ Зайсанскій постъ, г. Ивановскій направился къ Май-кап-Чагай и, переправившись тамъ чрезъ р. Уласты, составляющую пограничную черту между русскими и китайскими владѣніями, нѣсколько углубился въ китайскіе предѣлы. Отмѣчая во время своихъ экскурсій всѣ встрѣчающіеся памятники древности, г. Ивановскій нанесъ на карту большое количество кургановъ, могильниковъ и различныхъ погребальныхъ памятниковъ. Характеръ встрѣченныхъ имъ кургановъ большею частью одинаковъ: это — небольшія насыпи, въ объемѣ около трехъ сажень и въ вышину не болѣе 1 или 1½ сажени, обложенныя камнями изъ мѣстныхъ породъ, иногда значительной величины; на верху большей части кургановъ находится котлообразное углубленіе. Кромѣ вещей, полученныхъ изъ раскопки немногихъ кургановъ и могилъ, г. Ивановскій собралъ во время своей поѣздки нѣсколько надписей съ камней съ непонятными знаками и много данныхъ о каменныхъ бабахъ и каменныхъ столбахъ.

Графъ О. А. Уваровъ производилъ изслѣдованія въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, гдѣ между с. Курманомъ и д. Шульгиной, по правому берегу р. Оки, на протяженіи двухъ верстъ тянется цѣпью съ сѣвера на югъ цѣлый рядъ песчаныхъ бугровъ. Разливающаяся ежегодно Ока размывала эти бугры и вырывала изъ нихъ

много различныхъ вещей, преимущественно бронзовыхъ и желѣзныхъ, что и обратило на себя вниманіе графа Уварова. Вѣшнія воды до такой степени размыли бугры, что очень трудно было напасть сразу на могильникъ, и только послѣ пробныхъ канавокъ обозначались мѣста погребенія. Самый сѣверный бугоръ доставилъ лишь немного находокъ, и его геологическій характеръ и родъ найденныхъ вещей, при полномъ отсутствіи металлическихъ издѣлій, даетъ поводъ видѣть въ немъ погребеніе каменнаго вѣка. Совсѣмъ иной характеръ имѣли остальные бугры, гдѣ характерныхъ признаковъ каменнаго періода совсѣмъ не видно, но за то много находится желѣзныхъ стружекъ, гвоздей, скобокъ и слѣды сожженія. Послѣдній въ цѣпи южный бугоръ, наиболѣе подвергавшійся дѣйствию разлива Оки, далъ наиболѣе интересныя находки. Пробныя канавы выяснили сперва, что собственно могильникъ былъ расположенъ только на юго-западномъ склонѣ и отчасти на гребнѣ бугровъ, и что по крайней мѣрѣ двѣ трети могильника были окончательно смыты водой. Изъ строенія могильника и изъ характера найденныхъ вещей обнаружилось два рода погребенія: 1) собственно погребеніе и 2) сожженіе труповъ. Около костяковъ найдены были остатки досокъ, но самые костяки оказались истлѣвшими, и лишь мѣстами сохранились остатки волосъ и платья изъ толстой шерстяной ткани, съ вышитыми на ней узорами и съ прикрученными къ ней пряжками и различными украшениями. При костякахъ было найдено множество бронзовыхъ украшеній, большихъ шейныхъ обручей, грудныхъ бляхъ съ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ, закрывающимся узорчатою пряжкой, подвѣсокъ, пряжекъ, браслетовъ, височныхъ колець, перстней, бубенчиковъ, нанизанныхъ на шнуры, трубочекъ и т. п. Особенный интересъ представляютъ по своей рѣдкости большія серебряныя и бронзовыя фибулы; здѣсь встрѣтилось также много желѣзныхъ издѣлій, каменныхъ бусъ, глиняныхъ горшковъ и проч.

Такова была внѣшняя дѣятельность Общества за 1888 годъ. Переходя затѣмъ къ внутренней его дѣятельности, прежде всего должно остановиться на работахъ Общества по устройству VIII-го археологическаго съѣзда. Въ этомъ отношеніи старанія Общества были направлены главнымъ образомъ на собраніе возможно большаго количества свѣдѣній и матеріаловъ для археологической карты Россіи и на привлеченіе къ этому дѣлу лицъ, могущихъ принять на себя составленіе подобныхъ мѣстныхъ картъ, а затѣмъ къ устройству при

съѣздѣ археологической выставки. Для достиженія первой цѣли были отпечатаны спеціальныя приглашенія, съ приложеніемъ особыхъ вопросовъ пунктовъ, которыя разосланы различнымъ ученымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ просьбою собрать по нимъ отвѣты; нынѣ уже поступилъ въ Общество богатый матеріалъ изъ многихъ мѣстъ. Кромѣ того, Общество обратилось ко многимъ специалистамъ, съ просьбой принять на себя составленіе мѣстныхъ археологическихъ картъ, на чтѣ изъявили свое согласіе: В. Б. Антоновичъ по Кіевской губерніи, М. А. Веневитиновъ по Воронежской, А. С. Гацисскій по Нижегородской, И. А. Износковъ по Казанской, гг. Клеръ и Ѡ. А. Теплоуховъ по Пермской, Н. Г. Первухинъ и А. А. Спицынъ по Вятской, князь П. А. Путятинъ по Валдайскому уѣзду Новгородской, Е. Р. Романовъ по Могилевской, В. И. Сизовъ по Смоленской, Д. И. Багалъй по Харьковской, В. Н. Ястребовъ по Херсонской и И. В. Миловидовъ по Костромской. Для облегченія ихъ труда и для пополненія матеріаловъ по даннымъ мѣстностямъ, всѣмъ этимъ лицамъ высланы полученные вышеуказаннымъ путемъ свѣдѣнія, карты и библиографическій перечень статей, собранный предсѣдателемъ въ поврежденныхъ изданіяхъ и другихъ трудахъ, касающихся до археологии Россіи. Доставка такихъ же картъ по губерніямъ Рязанской, Саратовской и Тамбовской обѣщано мѣстными архивными комиссіями.

Не менѣ дѣятельно работало Общество и по вопросу объ устройствѣ археологической выставки при предстоящемъ съѣздѣ. Чтобы привлечь къ участию въ ней провинціальныхъ владѣльцевъ коллекцій древностей, Общество обратилось къ статистическимъ комитетамъ съ просьбой о доставленіи свѣдѣній о владѣльцахъ подобныхъ собраній. Въ отвѣтъ получены были извѣстія о 100 частныхъ коллекціяхъ, къ обладателямъ которыхъ комитетъ и обратился съ соотвѣтствующимъ приглашеніемъ, а нынѣ получилъ уже отъ многихъ собирателей отвѣты о согласіи ихъ представить свои коллекціи на выставку VIII-го съѣзда. Получено много подобныхъ же заявленій изъ Москвы и другихъ мѣстъ путемъ частной переписки. Такимъ образомъ, выставка будущаго археологическаго съѣзда обѣщаетъ быть крайне интересною въ научномъ отношеніи, какъ по разнообразію, такъ и по значенію выставленныхъ предметовъ.

Состоящая при Обществѣ Восточная комиссія въ теченіе 1888 года имѣла семь засѣданій, въ которыхъ подверглись обсужденію слѣдующіе доклады: И. И. Соловейчика—1) О надписи Мешы, царя

Моавскаго, 2) По поводу мнѣнія о пуническомъ происхожденіи имени „Цезарь“ и 3) О древне-еврейской вазѣ изъ Месопотамской коллекціи г. Блау; В. М. Истрина — О примѣненіи сравнительно-историческаго метода къ изслѣдованію семитскихъ языковъ; А. С. Хаханова — О грузинскомъ переводѣ Калилы и Дамны; Г. А. Муркоса — 1) Объ арабскихъ рукописяхъ, находящихся въ Казы-Кумской мечети (въ Дагестанѣ), 2) Объ одной арабской рукописи, принадлежащей М. М. Ковалевскому, и 3) О вновь найденныхъ (на восточныхъ языкахъ) матеріалахъ, содержащихся въ рукописномъ сборникѣ XVII в. изъ собранія гр. А. С. Уварова; М. О. Аттая — Объ арабской рукописи, изъ собранія М. М. Ковалевскаго; Ф. Е. Корша — „О кавказско-горскихъ алфавитахъ“ и М. В. Никольскаго — „О месопотамской коллекціи г. Блау“. Составъ должностныхъ лицъ комиссіи оставался въ отчетномъ году прежній. Въ настоящее время уже оканчивается печатаніемъ первый выпускъ ея трудовъ, подъ редакціей секретаря комиссіи М. В. Никольскаго. Въ него вошли протоколы первыхъ девяти засѣданій и изслѣдованія и замѣтки Ф. Е. Корша, М. В. Никольскаго, С. С. Слудскаго, В. Б. Трутовскаго и И. И. Соловейчика.

Не менѣе дѣятельно работала и комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ; заботы ея распространялись не только на памятники, требующіе исправленія и перестройки, но и на всѣ тѣ, которымъ угрожала опасность отъ невѣжества и нерадѣнія. Важнѣйшія дѣйствія этой комиссіи были слѣдующія:

1) Московское Археологическое Общество, получивъ свѣдѣніе, что древнему храму царя Баграта въ Кутаисѣ грозитъ опасность быть разобраннѣмъ на постройку новой церкви при семинаріи, обратилось къ начальствующимъ лицамъ съ просьбой объ охранѣ этого замѣчательнаго памятника первыхъ годовъ XI столѣтія и получило увѣдомленія отъ Кутаисскаго военнаго губернатора, отъ экзарха Грузіи и отъ главноначальствующаго на Кавказѣ генераль-адъютанта князя М. А. Дондукова-Корсакова, что ими будутъ приняты всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ сохраненію памятника и къ предупрежденію дальнѣйшаго его расхищенія.

2) Вслѣдствіе отношенія канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода и представленія преосвященнѣйшаго Наананіа разсмотрѣвъ и одобревъ проектъ исправленія древняго иконостаса въ церкви Воскресенія Христова въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, при чемъ Общество сообщило свое мнѣніе о способахъ исправленія иконостаса и древнихъ иконъ.

3) Членами комиссіи К. М. Быковскимъ и Н. В. Никитинимъ осмотрѣвъ придѣлъ Неопалимой Купины въ церкви Рождества Богородицы въ Путинкахъ, въ Москвѣ; согласно ихъ докладу, разрѣшена перекладка ветхихъ алтарной стѣны и свода, съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей при производствѣ работы, такъ какъ древняя колокольня опирается частью на своды этого придѣла, при чемъ предложено обратить вниманіе на мѣры, изложенныя въ протоколѣ комиссіи Московскаго архитектурнаго общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, осматривавшей эту церковь въ 1875 году; въ дозволени же пролома новой двери въ западной стѣнѣ придѣла отказано.

4) Разрѣшены работы въ московскихъ и подмосковныхъ церквахъ: а) устройство духовой печи и новаго иконостаса въ придѣлѣ церкви Божіей Матери Грузинской, при чемъ древнія стѣны и своды придѣла останутся безъ поврежденія; б) устройство новаго свода и новаго иконостаса въ церкви св. Николая на Щепяхъ; в) постройка трапезы при церкви св. Николая въ Покровскомъ; г) постройка новой колокольни при церкви св. пророка Ильи въ селѣ Черкизовѣ и возобновленіе главъ на церкви по древнимъ образцамъ; д) устройство отопленія въ храмѣ Введенія Божіей Матери въ Барашахъ, безъ вреда для фресковой живописи работы художника Клауде.

5) По докладу члена общества И. А. Шлякова одобрено предположеніе возстановить, по сохранившимся остаткамъ, древнюю стѣнопись въ соборѣ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ и замѣнить позднѣйшій многорусный иконостасъ невысокимъ, изъ древнихъ иконъ прежде въ немъ бывшихъ.

6) Разсмотрѣвъ проектъ расширенія паперти собора въ Ярославлѣ и перестройка эта дозволена, но съ тѣмъ, чтобы были представлены въ Общество новыя чертежи съ показаніемъ правильнаго устройства покрытія, которое не закрывало бы древняго памятника болѣе того, сколько онъ уже закрытъ существующею папертью.

7) Получивъ свѣдѣніе о производящемся искаженіи церкви Никола Мокринскаго въ Ярославлѣ, Общество поручило членамъ своимъ И. А. Вахрамѣеву и В. И. Лѣствицynu осмотрѣть церковь и доложить, какія въ ней произведены передѣлки и вмѣстѣ съ тѣмъ просило Ярославскаго губернатора объ остановкѣ работъ. Изъ доклада гг. Вахрамѣева и Лѣствицына оказалось, что древнія каменные скамьи сломаны и замѣнены деревянными, а часть стѣнописи забѣлена; но затѣмъ отъ военнаго министерства, въ вѣдѣніи

котораго находится церковь, сообщено, что дальнѣйшихъ искаженій не предполагается.

8) Вслѣдствіе вопроса Рязанской архивной комиссіи о возможности допущенія пристройки къ семинарской церкви въ г. Рязани Общество поручило члену комиссіи А. М. Павлинову осмотрѣть церковь и представить докладъ, на основаніи котораго сообщено Рязанской архивной комиссіи, что предполагаемая перестройка не желательна.

9) При производствѣ реставраціи внѣшняго вида Успенскаго собора во Владимірѣ на Блязъмѣ, производимой подъ наблюденіемъ членовъ И. Е. Забѣлина и Н. В. Никитина, были осмотрѣны поврежденія въ стѣнахъ и аркахъ собора и во внѣшнихъ украшеніяхъ его, вырубленныхъ изъ бѣлаго камня. Самыя значительныя трещины находятся въ сѣверо-западной части стѣнъ храма, въ аркахъ этой части и въ сѣверо-западномъ куполѣ. Для отысканія ихъ причины былъ осмотрѣнъ фундаментъ западной стѣны и контрфорсы, проложенные въ 1708 г. по всѣмъ четыремъ угламъ собора. Фундаментъ оказался прочнымъ и неповрежденнымъ, но контрфорсы—не только не способствующими прочности древняго зданія, но содѣйствующими увеличенію трещинъ; поэтому признано необходимымъ, чтобы по скрѣпленіи стѣнъ продольными и поперечными желѣзными связями контрфорсы были отбраны. Первоначальныя связи были деревянныя, отъ нихъ остались пустоты въ стѣнахъ, и мѣстами сохранилось истлѣвшее дерево. Были обсуждены способы возобновленія осыпавшихся мѣстами колоннъ и пояса арокъ, идущаго вокругъ всего храма и алтаря; относительно рельефныхъ головъ человѣческихъ и львиныхъ, высѣченныхъ на камнѣ самой стѣны, былъ данъ совѣтъ не замѣнять ихъ новыми, но сохранить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они уцѣлѣли до насъ со времени постройки собора. Что же касается до выбора формы покрытія для Владимірскаго собора, въ замѣнъ четырехскатной кровли, устроенной въ 1727 году и обезобразившей изящный памятникъ князей Андрея Боголюбскаго и Всеволода, то признано необходимымъ вновь осмотрѣть весной 1889 года главнѣйшіе памятники Владимірско-Суздальской области и изслѣдовать остатки ихъ древнѣйшихъ покрытій, если таковыя въ нихъ сохранились, сличить ихъ съ остатками, найденными на Владимірскомъ соборѣ, и затѣмъ уже рѣшить вопросъ о древней формѣ покрытія Владимірскаго собора.

10) При сломкѣ торговыхъ рядовъ на Красной площади въ Москвѣ былъ открытъ на глубинѣ 6 аршинъ отъ нынѣшней поверх-

ности земли рядъ камеръ, частью въ два этажа, изъ которыхъ нижній изъ бѣлаго камня, а верхній изъ тонкаго кирпича. Камеры эти были осмотрѣны и измѣрены, а найденныя въ нихъ вещи—шлемъ и ружейные стволы—переданы въ Императорскій Историческій музей.

Состоящая въ вѣдѣннн Общества, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ, комиссія по завѣдыванію Ростовскимъ Кремлемъ направила въ 1888 году всѣ свои усилія, главнымъ образомъ, на охраненіе и поддержаніе памятниковъ древности этого Кремля, въ честь встрѣтила поддержку и помощь со стороны Ярославскаго губернскаго комитета по управленію тѣмъ же Кремлемъ. Благодаря этому, ей удалось ограничить самовольныя дѣйствія предсѣдателя комиссіи, настоятеля Ростовскаго Кремлевскаго собора протоіерея Ойвейскаго.

Въ 1888 году было 21 засѣданіе Общества, въ томъ числѣ обыкновенныхъ 8, экстраординарныхъ и распорядительныхъ 12, и редакціоннаго комитета 1. Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ были прочтаны слѣдующіе доклады: Д. Н. Анучина—а) Отчетъ о поѣздѣ лѣтомъ 1887 года въ Пермскую губернію, б) О Сассанидскомъ блюдѣ изъ собранія г. Зайцевскаго, в) Древне-русскія сказанія о невѣдомыхъ людяхъ въ Сибири; Г. Бобира—а) О дворцѣ Тура-Хана, б) О мавзольѣ ногайскаго имама Хуссейнъ-Хана; А. А. Ивановскаго—Археологическая поѣздка въ Семипалатинскую область; Ѳ. Е. Корша—О греческомъ лицевомъ сборникѣ XVI вѣка изъ собранія графа А. С. Уварова, описанномъ профессоромъ Г. С. Дестунисомъ; И. И. Козловскаго—Палеографическія особенности погибшей рукописи „Слова о полку Игоревѣ“; Н. П. Кречетова—Границы и очертанія древней Скиѳіи, по Геродоту; В. Ѳ. Миллера—Древне-осетинскій памятникъ въ Кубанской области; П. Н. Милюкова—а) Гдѣ былъ городъ Бездешъ, б) О загадочныхъ знакахъ на монетахъ кievскаго періода; Ф. Д. Нефедова—О раскопкахъ въ Приуральи въ теченіе 1887—1888 годовъ; М. В. Никольскаго—Объясненіе важнѣйшихъ вещей изъ месопотамской коллекціи г. Блау; Г. О. Оссовскаго—Раскопки Рыжановскаго кургана; А. М. Павлинова—Общій обзоръ экспедиціи лѣта 1888 г. на Кавказъ; С. С. Слуцкаго—Островъ Эзель и его древности; графа Ѳ. А. Уварова—Раскопки въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи; А. Н. Шварца—О двухъ древне-греческихъ вазахъ изъ милицъ-кабинета Московскаго университета. Кромѣ того, Д. Н. Анучинъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ знакомилъ Общество съ раскопками въ различныхъ мѣстахъ Россіи, на основаніи свѣдѣній,

почерпнутыхъ имъ изъ провинціальныхъ газетъ. Въ портфель Общества поступили за истекшій годъ еще слѣдующія статьи. Д. Н. Мамина — Отчетъ объ археологическихъ поѣздкахъ въ Приуральи за 1888 годъ; Н. Г. Ордина — „О камнѣ-старцѣ“ и „О древнемъ деревянномъ крестѣ“; Е. Е. Романова — „Отчетъ о раскопкахъ 1888 года въ Могилевской губерніи“; И. Т. Савенкова — „Къ матеріаламъ по археологій Енисейской губерніи“; Н. В. Султанова — „О формѣ русскихъ колоколенъ“; г. Сысоева — „Кавказскіе долмены“. Матеріалы для археологическаго словаря были доставлены А. А. Минхомъ и А. М. Сементовскимъ-Курилло.

Въ личномъ составѣ Общества произошли въ теченіе 1888 года слѣдующія перемѣны. Въ годичномъ засѣданіи 8-го апрѣля были избраны: предсѣдателемъ графиня П. С. Уварова—единогласно, товарищемъ предсѣдателя Д. Н. Анучинъ, секретаремъ В. К. Трутовскій, товарищемъ секретаря С. С. Слуцкій, бібліотекаремъ и хранителемъ музея—С. О. Долговъ, казначеемъ К. А. Дубинкинъ.

Въ составѣ членовъ Общества произошли слѣдующія измѣненія. Кромѣ его высочества великаго князя Сергія Александровича, изъ-явившаго благосклонное согласіе принять званіе почетнаго члена Общества, были признаны почетными членами слѣдующія лица: министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, В. Е. Румянцевъ, А. П. Богдановъ и Ѳ. И. Буслаевъ; въ дѣйствительные члены избраны: К. М. Быковскій, П. А. Висковатовъ, С. О. Долговъ, К. А. Дубинкинъ, А. В. Комаровъ, С. С. Слуцкій и А. А. Цагарели; въ члены-корреспонденты: В. Г. Аппельротъ, М. А. Веселовъ, А. А. Ивановскій, К. М. Истринъ, И. А. Износковъ, И. Кучукъ-Юаннесовъ, И. И. Козловскій, И. И. Соловейчикъ, графъ Ѳ. А. Уваровъ, А. С. Хахановъ, Ю. Б. Чураковскій; въ иностранные члены-корреспонденты: г. Балтазаръ въ Багдадѣ, гг. Бриціо, Фрати и Пелличіони въ Болоньи, г. Нельдеке въ Страсбургѣ, Г. О. Оссовскій въ Краковѣ и г. Райветтъ Карнакъ въ Аллахабадѣ (въ Индіи).

За то же время Общество понесло тяжелую утрату въ лицѣ скончавшихся своихъ членовъ—Я. Ѳ. Головацкаго и протоіерея Д. В. Разумовскаго.

Изъ изданій Общества въ теченіе 1888 года былъ отпечатанъ XII томъ Древностей въ 2-хъ выпускахъ и на Высочайше дарованныя средства изданъ 1-й выпускъ „Матеріаловъ по археологій Кавказа“. Томъ Древностей отпечатанъ подъ редакціей А. В. Орѣш-

никова, а „Материалы“—подъ наблюдениемъ графини П. С. Уваровой, которая удостоилась получить отъ Его Императорскаго Величества монаршую благодарность за поднесенный отъ имени Общества экземпляръ этихъ „Материаловъ“.

Музей Общества въ прошедшемъ году обогатился вещами, привезенными изъ Приуралья г. Нефедовымъ, присланными изъ Вятской губернии гг. Спицынымъ и Первухинымъ и изъ Пермской—г. Маминимъ, а также добытыми при раскопкахъ В. И. Сизова близъ Анапы. Библиотека Общества обогатилась 285 сочинениями въ 518 томахъ. Кроме того, гг. Спицынъ и Виноградовъ принесли въ даръ нѣсколько рукописей.

НАШИ ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1887 ГОДУ.

Составъ преподавателей въ университетѣ св. Владиміра былъ слѣдующій: а) штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 5, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 4, астрономъ-наблюдатель 1; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарныхъ 2; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 14, экстраординарныхъ 3, прозекторовъ 4, итого штатныхъ преподавателей состояло 57; б) сверхштатныхъ профессоровъ было 8, по слѣдующимъ кафедрамъ: православнаго богословія, оперативной хирургіи, энциклопедіи права и исторіи философіи права, чистой математики, гражданскаго права, государственнаго права, финансоваго права, теоріи и исторіи искусствъ; в) приватъ-доцентовъ—31; изъ нихъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 10, на физико-математическомъ—3, на юридическомъ—3, на медицинскомъ—15. Такимъ образомъ общее число преподавателей всѣхъ категорій по всѣмъ факультетамъ составляло 96 лицъ. Изъ числа экстраординарныхъ профессоровъ 6 лицъ не имѣютъ степени доктора. Публичныя лекціи читалъ профессоръ Алексѣевъ по химіи бесплатно для лицъ всѣхъ состояній.

Въ теченіе года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій факультетъ 15, физико-математическій—20, юридическій—22, медицинскій—17. По примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, способы контроля надъ научными занятіями студентовъ и мѣры къ усиленію учебной дѣятельности ихъ заключались въ слѣдующемъ. По историко-филологическому факультету были назначены обязательныя прак-

тическія занятія по древнимъ языкамъ, состоящія въ изученіи авторовъ, переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій и обратно, въ составленіи рефератовъ и ихъ разборъ самими же студентами подъ руководствомъ преподавателей; сверхъ того, студентамъ назначаемы были домашнія занятія, состоявшія въ чтеніи древнихъ авторовъ по выбору самихъ студентовъ, и въ письменныхъ работахъ, находившихся въ ближайшихъ отношеніяхъ къ изучаемымъ писателямъ и касавшихся грамматическихъ, литературныхъ и историческихъ вопросовъ, возникавшихъ при объясненіи отдѣльныхъ мѣстъ изучаемаго текста. Занятія эти сопровождались коллоквиемъ съ преподавателемъ, или провѣркою прочитаннаго и написаннаго, въ послѣднемъ случаѣ—при участіи корреферентовъ. Какъ практическія, такъ и домашнія занятія велись преподавателями по группамъ; такихъ группъ было 6, до 20 студентовъ въ каждой. Основаніемъ дѣленія на группы служила большая или меньшая предварительная подготовка студентовъ; въ каждой группѣ приблизительно были помѣщаемы студенты равныхъ способностей и свѣдѣній; каждую группу руководилъ обыкновенно одинъ преподаватель по латинскому языку и одинъ по греческому. По общему отзыву преподавателей, представившихъ свои отчеты о занятіяхъ со студентами, большинство слушателей относилось съ интересомъ къ предмету упражненій и къ тѣмъ вопросамъ, которые при этомъ возбуждались; многія работы свидѣтельствуютъ о достаточномъ запасѣ у автора свѣдѣній, умѣнья серьезно отнестись къ дѣлу и правильно изложить усвоенное; успѣхи студентовъ вообще можно признать удовлетворительными. По другимъ предметамъ равнымъ образомъ были назначаемы преподавателями практическія занятія, состоявшія въ чтеніи памятниковъ и составленіи рефератовъ по вопросамъ, которые возникали сами собою при объясненіи читаемыхъ текстовъ; и эти занятія были по группамъ. Въ концѣ cadaго полугодія по нѣкоторымъ предметамъ производились повѣрочныя испытанія изъ прочитанныхъ курсовъ, по другимъ происходили коллоквиумы для зачета семестровъ. По окончаніи испытаній изъ 113 студентовъ не было зачтено полугодіе только 6-ти. На физико-математическомъ факультетѣ отдѣльные преподаватели производили студентамъ репетиціи по законченнымъ отдѣламъ курса, повѣряли записи лекцій, составленныя студентами, и сдѣланныя ими копии съ рисунковъ и чертежей, относящихся къ излагаемому курсу, сопровождая пересмотръ тѣхъ и другихъ необходимыми распросами, указаніями и объясненіями въ совѣщательные часы, а въ концѣ cadaго

полугодія всѣ студенты подвергаемы были общему повѣрочному испытанію по главнѣмъ предметамъ слушаемаго ими курса: студенты же, ищущіе освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій, пособій или степендіи, подвергались, кромѣ того, состязательнымъ испытаніямъ по назначеннымъ для того предметамъ. Особенное вниманіе было обращено на практическія упражненія, которыя были производимы по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, то въ видѣ отдѣльныхъ курсовъ, то въ числѣ лекцій даннаго предмета. Въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ студенты упражняемы были въ сносахъ и приемахъ научнаго изслѣдованія, знакомились съ готовыми препаратами и учились готовить ихъ, рѣшали предложенныя имъ задачи и т. п. Тѣснота помѣщенія физическаго кабинета, при значительномъ числѣ студентовъ-математиковъ, не позволяетъ устроить для всѣхъ студентовъ практическія упражненія по опытной физикѣ въ полномъ размѣрѣ требованій, установленныхъ учебнымъ планомъ. Астрономическая обсерваторія встрѣчаетъ крайнія затрудненія для устройства правильныхъ практическихъ занятій студентовъ въ очень недостаточномъ количествѣ нужныхъ для того инструментовъ. На юридическомъ факультетѣ производились практическія занятія студентовъ, подъ руководствомъ преподавателей, по предметамъ: римскаго права, гражданскаго права, уголовнаго права и исторіи русскаго права, требовались семестральныя сочиненія и производились частныя повѣрочныя испытанія (репетиціи) и общія повѣрочныя испытанія всѣмъ студентамъ въ концѣ полугодія. Медицинскій факультетъ, подобно физико-математическому, обращалъ особенное вниманіе на практическія занятія студентовъ въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Студенты первыхъ четырехъ семестровъ занимались въ анатомическомъ театрѣ приготовленіемъ препаратовъ изъ разныхъ частей человѣческаго тѣла; студенты же высшихъ семестровъ занимались въ анатомическомъ театрѣ хирургическими операціями на трунахъ и хирургическою анатоміей, а также въ лабораторіяхъ: химической, гистологической, общей патологіи, патологической анатоміи, клиническихъ, судебной медицины, медицинской химіи, фармацевтической и фармакологической.

Для соисканія наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующія темы: а) историко-филологическимъ факультетомъ — «О рѣчи Плавта», «De syntaxi congruentia Tacitea», «Характеристика церковно-политическихъ воззрѣній папы Григорія VII на основаніи его ре-

гистра». «Эстетическія позврѣнія Шиллера», «О подражательномъ характерѣ и греческомъ элементѣ у римскихъ элегиковъ» и «Гайдуки и гайдучество по юнацкимъ пѣснямъ сербовъ и болгаръ»; б) физико-математическимъ — «Сдѣлать возможно-большее число опредѣлений физическихъ свойствъ различныхъ изомеровъ или представителей какой-либо группы органическихъ соединеній», «Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ», «Преобразование дифференціальныхъ уравненій къ новымъ переменнымъ» и «Изложить теорію инвариантовъ, показать приложеніе и значеніе ихъ въ аналитикѣ и геометріи»; в) юридическимъ — «Имущественныя отношенія между отцомъ и подвластнымъ сыномъ по римскому праву», «Русскія земскія учрежденія сравнительно съ западно-европейскими» и «Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства по сравненію ихъ съ уставными грамотами Московскаго государства»; г) медицинскимъ — «Исслѣдовать дѣйствіе уретона на центральную нервную систему и сердце» и «О развитіи сѣменныхъ тѣлъ у позвоночныхъ животныхъ». За представленныя на эти темы сочиненія удостоены медалями: золотыми — 6 (3 юридическаго факультета и 3 медицинскаго), серебряными — 7 (3 историко-филологическаго, 3 юридическаго и 1 медицинскаго).

Отъ имени и на средства университета изданы были слѣдующіе ученые труды: профессоровъ — Минха «Объяснительный текстъ къ рисункамъ и самыя рисунки къ сочиненію «Проказа на югѣ Россіи», Беца — «Морфологія остеогенеза», Ходина — «Практическая офтальмологія» (3-е изд.), Хандрикова — «Курсъ анализа», Ващенко-Захарченко — «Алгебраическій анализъ», Ермакова — «Теорія секторовъ на плоскости», Чирьева — лекціи по физиологіи съ рисунками, профессорскаго стипендіата Волковича — «О раносклеромѣ». На печатаніе поименованныхъ трудовъ израсходовано 5,979 руб. изъ спеціальныхъ университетскихъ суммъ.

На основаніи дѣйствующихъ узаконеній, совѣтомъ университета утверждены: а) въ степени магистра: приватъ-доцентъ Букреевъ — чистой математики и доцентъ Демидовскаго юридическаго лица Назимовъ — государственнаго права; б) въ степени кандидата 41, (историко-филологическаго факультета 8, физико-математическаго 20, юридическаго 13); въ званіи дѣйствительнаго студента — 111 (историко-филологическаго факультета 28, физико-математическаго 31, юридическаго 52). Медицинскихъ степеней и званій удостоено: степени

лѣкаря 104, инспектора врачебной управы 1, уѣднаго врача 1, аптекарскаго помощника 69, дѣтскаго 8, повивальной бабки 3, провизора 23.

Для приготовленія къ профессорскому званію командированы за границу одинъ магистръ, три магистранта (историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ) и три кандидата. Съ тою же цѣлю состояли при университетѣ стипендіатами 6 лицъ, именно: по историко-филологическому факультету 3 (по русскому языку и словесности, по всеобщей исторіи и по русской исторіи), по физико-математическому — 1 (по астрономіи), по медицинскому — 2, (по хирургіи и по частной патологіи).

Къ 1-му января 1887 года въ университетѣ св. Владиміра находилось 1,968 студентовъ; въ теченіе 1887 года вновь поступило 450, (изъ гимназій по аттестатамъ и свидѣтельствамъ зрѣлости 366, изъ духовной семинаріи 1, бывшихъ студентовъ университета св. Владиміра 53, студентовъ другихъ университетовъ 29 и одинъ бывший студентъ военно-медицинской академіи); въ теченіе года выбыло 394, (до окончанія курса 150, по окончаніи курса 244); засимъ къ январю 1888 года оставалось 2.024. Постороннихъ слушателей было: въ первой половинѣ года 56, во второй половинѣ — 43. Оставшіеся къ 1888 году 2,024 студента распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ — на историко-филологическомъ факультетѣ 120, на физико-математическомъ 309, (по разряду математическихъ наукъ 218, по разряду естественныхъ 91); б) по семестрамъ — въ 1-мъ семестрѣ 11, во 2-мъ — 396, въ 3-мъ — 91, въ 4-мъ — 432, въ 5-мъ — 124, въ 6-мъ — 263, въ 7-мъ — 238, въ 8-мъ — 268, въ 9-мъ — 90, въ 10-мъ — 111; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 1,342, римско-католиковъ 351, протестантовъ (лютеранъ) 32, магометанъ 3, евреевъ 288, армяно-григоріанъ 5, караймовъ 3; г) по сословіямъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 1,001, почетныхъ гражданъ купцовъ 1-й гильдіи 63, духовнаго званія 272, мѣщанъ, гражданъ, и купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ 527, крестьянъ 90, казачьяго сословія 34, иностранцевъ 37; д) по предварительному образованію — гимназистовъ 1,345, семинаристовъ 5, другихъ учебныхъ заведеній 74; е) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся учебныя заведенія предварительнаго образованія — С.-Петербургскаго учебнаго округа 22, Московскаго 19, Казанскаго 28, Оренбургскаго 1, Восточной и Западной Сибири 9, Харьковскаго 59, Одесскаго 212, Кіевскаго 1,461,

Виленскаго 132, Варшавскаго 30, Дерптскаго 12, Кавказскаго 39. Въ теченіе года стипендіи производились 143 студентамъ (25 — историко-филологическаго факультета, 17 — физико-математическаго, 23 — юридическаго, 78 — медицинскаго), всего на 19,235 руб., въ томъ числѣ 12,000 руб. на счетъ средствъ государственнаго казначейства, а остальные 7,235 р. изъ специальныхъ университетскихъ суммъ; размѣръ стипендій (кромѣ двухъ въ 39 и въ 50 руб.) — отъ 100 до 600 руб. включительно. Единовременныя денежныя пособия выданы были 130 студентамъ (13 — историко-филологическаго факультета, 21 — физико-математическаго, 46 — юридическаго, 50 — медицинскаго), въ размѣрѣ отъ 15 до 60 руб., на что израсходовано 13,460 руб. 92 коп., именно 8,960 руб. 92 коп. изъ средствъ казны и 4,500 руб. изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождены были 282 студента (историко-филологическаго факультета 43, физико-математическаго 40, юридическаго 101, медицинскаго 98). Такимъ образомъ, изъ общаго числа 2,024 студентовъ всякаго рода вспомошествованіемъ воспользовались 27,4%.

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи. Штатныя суммы: — отъ 1886 года имѣлось остатка 8.501 р. 98 к., въ 1887 году отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства 444.448 р. 57 к., въ теченіе года израсходовано 426.450 руб. 27 коп., затѣмъ къ 1-му января 1888 года оставалось 21.510 руб. 78 коп. Специальныя средства (сборъ со студентовъ за слушаніе лекцій, капиталы и суммы, пожертвованныя на стипендіи и пособия студентамъ и на выдачу премій за сочиненія) — къ 1-му января 1887 г. оставалось 729.798 руб. 61¹/₂ коп., въ 1887 году поступило 285.589 р. 27 к., израсходовано въ теченіе года 240.813 р. 9 коп., къ 1888 году въ остаткѣ имѣлось 774.674 р. 78¹/₂ коп.

ВАРШАВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

Къ 1-му января 1888 года число преподавателей въ Варшавскомъ университетѣ было слѣдующее: а) штатныхъ преподавателей — на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 7, доцентовъ 3, лекторовъ 5; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 6, доцентовъ 2, астрономовъ-наблюдателей 2; на юридическомъ: орди-

нарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 2, доцентъ 1, временный преподаватель 1; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 7, доцентъ 1, временныхъ преподавателей 2, прозекторовъ 3; вообще по всѣмъ факультетамъ штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ 33, экстраординарныхъ 22, доцентовъ 7, временныхъ преподавателей 3, лекторовъ 5, прозекторовъ 3, астрономовъ-наблюдателей 2; итого — 75; б) сверхштатныхъ преподавателей — 13, изъ нихъ 6 ординарныхъ профессоровъ и 7 экстраординарныхъ. Сверхъ того, состоялъ одинъ приватъ-доцентъ по кафедрѣ сравнительной анатоміи.

Вакантными были слѣдующія кафедры: физической географіи, энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ, судебной медицины, терапевтической факультетской клиники и теоретической хирургіи — въ теченіе всего года, а международнаго права — въ послѣдніе три мѣсяца года; но всѣ названныя кафедры были замѣщены или вольнонаемными преподавателями, или занимающими другія кафедры.

Факультеты имѣли въ теченіе года засѣданій: историко-филологическій — 13, физико-математическій — 14, юридическій — 10, медицинскій — 21. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ ихъ занятіями практиковались слѣдующія мѣры. На историко-филологическомъ факультетѣ служили для сего: а) обязательныя практическія занятія; б) необязательныя практическія занятія во вновь учрежденныхъ со втораго полугодія семинаріяхъ, и в) требованіе курсовыхъ сочиненій отъ всѣхъ студентовъ на предложенныя имъ, утвержденныя факультетомъ, темы. Обязательныя практическія занятія производились по двумъ древнимъ языкамъ, по славянской филологіи и по всеобщей и русской исторіи. По греческому языку на младшихъ курсахъ читались сочиненія Геродота и Ксенофонта съ объясненіями грамматическихъ и лексическихъ особенностей; на старшихъ курсахъ классическаго отдѣленія эти занятія состояли въ первомъ полугодіи въ чтеніи сочиненій Геродота, совмѣстно съ студентами младшихъ курсовъ, а во второмъ полугодіи — Иліады, съ объясненіями синтаксическихъ особенностей языка Гомера, и въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. По латинскому языку въ первомъ полугодіи на младшихъ курсахъ и классическомъ отдѣленіи старшихъ курсовъ читались и объяснялись сочиненія Виргилія и Веллея Патеркула и переводили съ русскаго языка на латинскій,

а во второмъ полугодіи читались и объяснялись стихотворенія Марціала и переводили съ русскаго и греческаго языковъ на латинскій. По славянской филологіи на старшихъ курсахъ славяно-русскаго отдѣленія занятія состояли въ разборѣ памятниковъ чешской, сербской и болгарской литературы. По всеобщей исторіи занятія со студентами III и IV курсовъ историческаго отдѣленія состояли въ палеографическомъ разборѣ подлинныхъ грамотъ, писанныхъ готическимъ шрифтомъ XII—XV столѣтій, въ чтеніи рукописей того же средне-вѣковаго періода, въ разборѣ памятниковъ, относящихся къ осадѣ Пскова, въ разсмотрѣніи основныхъ вопросовъ по исторической методологіи, толкованію и критикѣ источниковъ по избраннымъ мѣстамъ хроникъ Григорія Турскаго и *Historia epitomata* Фредегарія, а также въ изученіи первоначальныхъ формъ средне-вѣковыхъ лѣтописей. По русской исторіи со студентами III курса славяно-русскаго и историческаго отдѣленій занятія состояли въ чтеніи записокъ, мемуаровъ и документовъ, относящихся къ исторіи Россіи XVIII вѣка. Необязательныя практическія занятія введены только со второй половины 1887 года, въ видѣ семинаріевъ, по русской и славянской филологіи, греческой и римской словесности и по исторіи всеобщей и русской, по особымъ правиламъ. Со времени открытія этихъ занятій до конца года было по два собранія по каждому изъ трехъ отдѣловъ семинарія, при чемъ разобраны были три реферата членовъ семинаріевъ. Занятіями студентовъ въ семинаріяхъ руководили деканъ и 5 преподавателей факультета. Независимо отъ изложенныхъ занятій, каждый студентъ обязанъ представить въ теченіе учебнаго года курсовое сочиненіе на заданную факультетомъ тему; не представившій сочиненія не допускается къ экзамену. На физико-математическомъ факультетѣ практическія занятія заключались въ анализѣ, въ наблюденіяхъ надъ переноснымъ пассажнымъ инструментомъ, установленнымъ въ меридіанѣ, въ разрѣшеніи задачъ по сферической астрономіи и аналитической геометріи; профессоръ Зилевъ руководилъ занятіями въ физической лабораторіи, въ которой были организованы правильно практическія занятія, имѣющія назначеніемъ познакомить студентовъ съ наиболѣе употребительными приѣмами измѣреній и съ опредѣленіемъ наиболѣе важныхъ физическихъ величинъ. Самостоятельными изслѣдованіями въ этой лабораторіи занимались одинъ стипендіатъ и два студента: первый разрабатывалъ новые способы опредѣленія вращательной способности, вто-

рой работалъ надъ опредѣленіемъ отношенія удѣльныхъ теплотъ газовъ съ цѣлью изслѣдовать приборъ Шаке, третій занимался вопросомъ о магнитномъ удлинненіи желѣзныхъ стержней. Практическія занятія по аналитической химіи происходили для студентовъ двухъ старшихъ курсовъ по 4 раза въ недѣлю, для студентовъ II курса— по 5 часовъ въ недѣлю, для студентовъ I курса—по 4 часа въ недѣлю; кромѣ того, лабораторія была открыта для необязательныхъ занятій ежедневно по семи часовъ, и въ это время особыми изслѣдованіями занимались три студента III и IV курсовъ. По органической химіи занятія въ лабораторіи имѣли цѣлю: а) ознакомить учащихся съ методами изслѣдованія органическихъ соединений посредствомъ приготовленія препаратовъ, б) привлечь ихъ къ разработкѣ новыхъ вопросовъ. По минералогіи, въ соответствующемъ кабинетѣ, студенты II и III курсовъ практиковались въ опредѣленіи минераловъ, измѣреніи кристалловъ, опредѣленіи оптическихъ постоянныхъ посредствомъ гониометра и прибора Грота, рѣшеніи задачъ по кристаллографіи, микроскопическомъ изученіи минераловъ; студенты IV курса занимались химическимъ и физическимъ изученіемъ цинковыхъ рудъ и горныхъ породъ и экспериментальнымъ воспроизведеніемъ минераловъ; студенты I курса занимались упражненіями на моделяхъ и по минералогической коллекціи. По ботаникѣ студенты IV курса занимались практически морфологіей и систематикой растений. Подъ руководствомъ профессора спеціально занимались четыре студента. Въ ботанической лабораторіи студенты II курса занимались микроскопическою анатоміей, а 7 студентовъ производили спеціальныя изслѣдованія, и одинъ изъ нихъ продолжалъ свои крайне интересныя наблюденія подѣ образованіемъ и разрушеніемъ алепроповыхъ зеренъ. По зоологіи студенты II курса занимались въ лабораторіи микроскопическимъ изученіемъ животныхъ по 3 часа въ недѣлю обязательно, а желающіе и въ другое время; съ особеннымъ успѣхомъ занимались три студента II и III курсовъ инфузоріями и насѣкомыми. Въ лабораторіи зоотомическаго кабинета происходили занятія студентовъ III курса по сравнительной анатоміи и студентовъ I курса—по гистологіи. Въ теченіе года анатомированы были представители 12 безпозвоночныхъ, млекопитающихъ и рыбъ; сверхъ обязательныхъ занятій, въ лабораторіи спеціально занимались разными изслѣдованіями 8 студентовъ-естественниковъ, 7 студентовъ-медиковъ и три постороннія лица, въ томъ числѣ док-

торантъ вѣнскаго университета. На юридическомъ факультетѣ предприняты были тѣ же мѣры, какія практиковались въ предыдущемъ году, именно: каждый студентъ былъ обязанъ представить въ теченіе года письменную работу по одному изъ главныхъ предметовъ, читанныхъ на его курсѣ. Независимо отъ сего, студенты младшихъ двухъ курсовъ обязательно слушаютъ, совмѣстно съ студентами историко-филологическаго факультета, лекціи всеобщей исторіи, русской исторіи, философіи, логики и психологіи, а студентамъ IV курса читаются профессорами медицинскаго факультета особые курсы по судебной медицинѣ и психіатріи.

На предложенныя факультетами, съ утвержденія университетскаго совѣта, темы для соисканія медалей представлены слѣдующія шесть сочиненій: по физико-математическому факультету—„Объ отношеніи удѣльныхъ теплотъ газовъ“ и „Систематическій очеркъ базидіальныхъ грибовъ изъ группы *Fremeliniae* *Hymenomycetes* и *Gasteromycetes*, встрѣчающихся въ окрестностяхъ Варшавы“; по юридическому—„О сберегательныхъ кассахъ“; по медицинскому—два сочиненія на вышепоказанную тему „Систематическій очеркъ базидіальныхъ грибовъ...“ и „Новѣйшіе взгляды на лѣченіе лихорадокъ, съ приведеніемъ клиническихъ и экспериментальныхъ данныхъ“. Изъ этихъ сочиненій два удостоены награжденія золотыми медалями, три—серебряными и одно—почетнаго отъѣзда.

Отъ имени и на средства университета изданы слѣдующіе труды преподавателей: Первольфа—„Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“, Зилова—„Курсъ по теоріи электричества“, Вагнера—„Курсъ по органической химіи“, Дыдынскаго—„Латино-русскій словарь къ источникамъ римскаго права“, Чаусова—„Топографическая анатомія таза человѣка“ и Ментина—„Курсъ фармакогнозіи“.

На основаніи дѣйствующихъ узаконеній утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) кандидата—31 (историко-филологическаго факультета 1, физико-математическаго 7, юридическаго 23); б) званія дѣйствительнаго студента—74 (историко-филологическаго факультета 6, физико-математическаго 7, юридическаго 61); въ степеняхъ доктора и магистра никто не былъ утвержденъ. По медицинскому факультету утверждены: въ степени лѣкаря 92 (12 съ отличіемъ), уѣднаго врача 2, провизора 38, аптекарскаго помощника 93, дантиста 3, повивальной бабки 6. Сверхъ того, одно лицо (по физико-математическому факультету) утверждено землемѣромъ 1-го класса.

Для усовершенствованія въ избранныхъ предметахъ командированы были за границу два стипендіата по частнымъ записямъ, кандидатъ и провизоръ, первый изъ нихъ съ цѣлью изученія, при помощи специальной иностранной литературы (нѣмецкой, англійской, французской), а) исторіи римской лирики (особенно мелической), съ обращеніемъ вниманія преимущественно на ея теоретическую сторону и отношеніе къ метрику греческой, и б) судьбы латинскаго стихосложенія въ началѣ среднихъ вѣковъ; второй—для изученія въ заграничныхъ учрежденіяхъ, и преимущественно французскихъ, фармаціи. Съ тою же цѣлью оставлены были при университетѣ три кандидата по древней (классической) всеобщей исторіи, по сравнительной анатоміи и по минералогіи.

Въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1887 года состояло 1.151 студентовъ; въ теченіе года вновь поступило 351 (изъ гимназій 282, изъ духовныхъ семинарій 67, изъ другихъ учебныхъ заведеній 2), изъ нихъ 67 были подвергнуты испытанію; въ теченіе года выбыло 361 (до окончанія курса 200, по окончаніи курса 161); затѣмъ къ началу 1888 года оставалось 1.141. Вольнослушателей было: къ 1-му января 1887 года 199, къ 1888—году 113. Состоявшіе къ 1888 году студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ—на историко-филологическомъ факультетѣ 88 (на 1 и 2 курсахъ, не раздѣленныхъ на разряды 60, на 3 и 4-мъ курсахъ 28, по классическому отдѣленію 12, по славяно-русскому 13, по историческому 3), на физико-математическомъ 149 (по математическому отдѣленію 12, по естественному 67), на юридическомъ 396, на медицинскомъ 508; б) по курсамъ: на I курсѣ 435, на II—242, на III—203, на IV—195, на V—66; по вѣроисповѣданіямъ—православныхъ 216, римско-католиковъ 744, лютеранъ и реформатовъ 42, евреевъ 138, магометанъ 1; г) по сословіямъ: сыновей дворянъ 474, духовныхъ 99, купцовъ 5, мѣщанъ 498, крестьянъ 60, иностранныхъ подданныхъ 5; д) по предварительному образованію—гимназистовъ 1.067, семинаристовъ 70, изъ другихъ учебныхъ заведеній 4; е) по учебнымъ округамъ, къ раонамъ которыхъ принадлежать учебныя заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 10, Московскаго 1, Казанскаго 5, Западной и Восточной Сибири 1, Харьковскаго 10, Одесскаго 11, Виленскаго 34, Варшавскаго 954, Дерптскаго 13, Кавказскаго 3, Кіевскаго 28, изъ православныхъ духовныхъ семинарій 70, изъ заграничныхъ учебныхъ заведеній 1.

Стипендіями воспользовались: во второмъ полугодіи 1886—87 учебнаго года 179, а въ первомъ полугодіи 1887—88 года 197 студентовъ, на сумму 38.040 руб. 96 коп. въ счетъ которыхъ употреблено: 10.500 руб.—изъ средствъ государственнаго казначейства, 4.100 р.—изъ специальныхъ средствъ университета, 13.191 руб. 83 коп.—изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ и 10.242 руб. 13 коп.—изъ частныхъ записей разныхъ наименованій. Размѣръ стипендій—отъ 50 до 400 руб. включительно. Лишены были стипендій 28 студентовъ, какъ не оказавшіе на переходныхъ испытаніяхъ требуемыхъ правилами успѣховъ; изъ нихъ историко-филологическаго факультета 3, физико-математическаго—9, юридическаго—4 и медицинскаго—12. Единовременныя денежныя пособія выданы были изъ различныхъ источниковъ на сумму 11.093 руб. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: во 2-мъ полугодіи 1886—87 учебнаго года 403, а въ 1-мъ полугодіи 1887—88 года—312 студентовъ, всего вообще на 5.050 руб.

отчасти дало возможность избѣжать противорѣчій. вмѣстѣ съ элеатами Эмпедоклъ утверждаетъ вѣчность бытія, говоря, что возникновеніе и уничтоженіе есть только нѣчто кажущееся, принадлежащее міру феноменовъ, въ то время какъ истинное бытіе не можетъ ни возникнуть, ни уничтожиться.

90. Къ симъ элементамъ ничто не прирождается и ничто не уничтожается.
 Еслибы они совсѣмъ погибли, и ихъ не было бы болѣе,
 Какъ бы родилась вселенная, откуда бы она явилась?
 И гдѣ имъ потеряться, когда нѣтъ пространства не наполненнаго ими?

Согласно съ элеатами нашъ философъ признаетъ и качественную неизмѣнность бытія (элементовъ). Всѣ они равны и одинаково древни, хотя объ ихъ числѣ мнѣнія расходятся. Целлеръ (I,⁴ 750) обратилъ вниманіе на то, что и выраженія у Эмпедокла и Парменида тождественны. Далѣе несомнѣнное сходство между ними въ ученіи о единомъ бытіи и о сферосѣ, созданномъ любовью; какъ единое, такъ и сферосѣ шарообразны, неподвижны; въ спеціальныхъ физическихъ мнѣніяхъ о происхожденіи человѣка тоже есть сходство. Такое же сходство мы замѣчаемъ въ ученіи о познаніи: подобное познается подобнымъ. Однако Целлеръ справедливо отрицаетъ возможность присоединенія Эмпедокла къ элеатамъ — попытки, сдѣланной Риттеромъ, ибо дѣйствительности движенія и множественности бытія Эмпедоклъ никогда не отрицалъ, а это составляетъ коренной пунктъ ученія элеатовъ. „Онъ старается показать, какъ множественность явленій возникаетъ изъ первоначальнаго единства, и всѣ его стремленія направлены къ тому, чтобы объяснить невысказанное для Парменида: множественность и измѣненіе; то и другое тѣснѣйшимъ образомъ между собою связано въ мысли всѣхъ древнихъ философовъ, и подобно тому, какъ элеаты отъ своего ученія о единствѣ бытія должны были перейти къ отрицанію становленія и движенія, такъ, съ противоположной стороны, принимается то и другое, безразлично ли объяснять, подобно Гераклиту, возникновеніе множественности вещей изъ вѣчнаго движенія первичнаго бытія, или же на оборотъ объяснять движеніе и измѣненіе множественностью первоначальныхъ элементовъ и силъ. Система Эмпедокла только и можетъ быть понята, если предположить въ немъ намѣреніе спасти дѣйствительность міра явленій, которую отрицалъ Парменидъ. Эмпедоклъ ничего не можетъ возразить противъ невозможности абсолютнаго становленія и уничтоженія, и также мало согласенъ онъ отказатьсь отъ множественности предметовъ, отъ возникновенія, измѣненія и уничтоженія единичнаго; поэтому-то онъ считаетъ исходомъ сведеніе

всѣхъ этихъ явленій къ соединенію и разъединенію качественно неизмѣнныхъ элементовъ, которыхъ необходимо должно быть нѣсколько съ противоположными качественными опредѣленіями* (Zeller, I⁴, 755). Высказанныя Целлеромъ соображенія заставляютъ предположить вліяніе Гераклита на Эмпедокла, но доказательство этого вліянія покоится болѣе на возможности и на апріорной необходимости, чѣмъ на неопровержимыхъ фактахъ. Можно все-таки привести нѣсколько доводовъ въ пользу этого мнѣнія. Два принципа движенія Эмпедокла соотвѣтствуютъ двумъ моментамъ становленія у Гераклита и носятъ тѣ же названія; борьба у обоихъ является родоначальникомъ предметовъ. Однако нельзя не замѣтить и большой разницы: любовь и ненависть по Гераклиту суть нераздѣльныя стороны одного и того же процесса, между тѣмъ какъ сицилійскій философъ представляетъ ихъ раздѣльными. Мы думаемъ поэтому, что мысль о вѣчномъ становленіи, въ которомъ Гераклитъ видитъ самый смыслъ бытія, и которое у Эмпедокла есть только какъ бы посредникъ между двумя конечными состояніями бытія—единствомъ и множествомъ, хотя и взята у Гераклита, но измѣнена подъ вліяніемъ другихъ болѣе древнихъ ученій іонійскихъ философовъ о періодическомъ мірообразованіи, и о томъ, что средствомъ этого мірообразованія служитъ уплотненіе и разжиженіе (Анаксиментъ), прототипъ Эмпедоклова соединенія и разъединенія (μῖξις и διάλαξις). Если сравнить первоначальное ученіе элеатовъ и Гераклита съ тою формою, которую они получили въ системѣ Эмпедокла, то придется сказать, что попытка соединить противоположное ослабила истинность и смыслъ каждой изъ нихъ. Въ элеатахъ мы цѣнимъ различеніе истиннаго бытія (субстанцію) отъ феномена и попытку представить и понять міръ съ точки зрѣнія дѣйствительно существующаго. Въ Гераклитѣ намъ дорого стремленіе самаго явленія почести дѣйствительно существующими, раскрыть сущность міра явленій, міросозерцаніе, по которому бытіе элеатовъ есть выдуманное, не дѣйствительное понятіе. У Эмпедокла противоположность міра явленій сущности пропала, ибо тотъ и другой имѣютъ реальность, а слѣдовательно, ни одинъ не реаленъ абсолютно, и каждый лишь относительно. Если сравнить путь Эмпедокла, къ которому онъ прибѣгаетъ для объясненія мірообразованія—соединеніе съ разъединеніемъ, съ путемъ Анаксимена—уплотненіе и разжиженіе, то и здѣсь сравненіе не въ пользу Эмпедокла. Всѣ предметы, какъ бы различны они ни были, образованы изъ соединенія четырехъ качественно неизмѣнныхъ элементовъ въ

различныхъ пропорціяхъ. Но соединеніемъ можно объяснить только механическія явленія, и никакого дѣйствительнаго (внутренняго) единства этимъ путемъ получить нельзя; Анаксименъ же, признававшій лишь одинъ элементъ, могъ, не впадая въ противорѣчія, учить, что вслѣдствіе уплотненія частицъ этой стихіи получаются качественно различные предметы.

Эмпедокль былъ современникомъ Левкиппа, творца атомистической теории. Но къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало знаемъ о немъ, чтобы рѣшить вопросъ, могутъ ли аналогіи въ ученіяхъ Эмпедокла и атомистовъ быть объяснены заимствованіемъ, или же слѣдуетъ ихъ признать случайными. Современникъ Эмпедокла, Анаксагоръ, впервые высказалъ, что разумъ есть принципъ міра; благодаря ему, стало возможнымъ идеалистическое мировоззрѣніе; благодаря ему, механизму можно было противопоставить телеологию; но νοῦς Анаксагора, которому Аристотель дѣлаетъ упрекъ, что онъ пользуется своимъ принципомъ слишкомъ мало, механически (μηχανῆ χρηται τῷ νοῦ), хотя и есть духовное начало, отличающееся поэтому единствомъ, однако (νοῦς) имѣетъ и нѣкоторые признаки матеріальной субстанціи: ἔστι γὰρ λεπτότατον τε πάντων χρημάτων καὶ καθαρώτατον... παντάσῃ δὲ οὐδὲν ἀποκρίνεται ἕτερον ἀπὸ τοῦ ἑτέρου πλὴν νόου. νόος δὲ πᾶς ὁμοίος ἐστί καὶ ὁ μείζων καὶ ὁ ἐλάσσων etc. (Simpl. 35a). Называя духъ легчайшимъ, говоря о большемъ и меньшемъ духѣ у различныхъ животныхъ и растений, Анаксагоръ приписываетъ духу признаки, изъ которыхъ видно, что различіе между матеріальнымъ и духовнымъ не было вполне ясно автору ученія о νοῦς. Къ ученію о разумѣ, очевидно, привела Анаксагора аналогія съ психическою жизнью человѣка. Въ Эмпедокловыхъ принципахъ любви и ненависти мы имѣемъ дѣло съ такими же психическими понятіями, взятыми изъ жизни человѣка и перенесенными въ макрокосмъ. Шаткость опредѣленія этихъ принциповъ у Эмпедокла еще большая, чѣмъ у Анаксагора. То онъ ихъ называетъ силами, противопоставляя четыремъ элементамъ, то, напротивъ, они стоятъ у него на ряду съ остальными четырьмя элементами; говорится о длинѣ и ширинѣ любви, точно также какъ Анаксагоръ говоритъ о частяхъ разума, о большемъ и меньшемъ разумѣ. Мы указываемъ лишь на эту аналогію, не рѣшаясь утверждать заимствованія, хотя оно хронологически возможно.

Въ заключеніе обзора отношенія философіи Эмпедокла къ другимъ системамъ воспользуемся любопытными указаніями О. Керна въ указанной ранѣе статьѣ. „Ученіе о душепереселеніи“, говоритъ Кернъ,—

„могло быть заимствовано изъ орфическихъ пѣсней, съ которыми оно имѣетъ гораздо большее сходство, чѣмъ съ пнеагореизмомъ. У Тертуллиана встрѣчается сопоставленіе Эмпедокла съ Орфеемъ: *ille versus Orphaei vel Empedoclis, namque homini sanguis circums cordialis est sensus*“ (De anima с. 15). Эмпедоклу всегда приписывали три идеи, считая ихъ собственностью философа: ученіе о четырехъ элементахъ, ученіе о любви и ненависти, какъ о силахъ движущихъ элементами, и ученіе о происхожденіи организмовъ изъ случайнаго сочетанія ранѣ созданныхъ цѣльныхъ органовъ. Относительно первыхъ двухъ ученій мы указали вѣроятныхъ предшественниковъ Эмпедокла, третья же, казалось, всецѣло принадлежитъ ему. Кернъ указалъ на совершенно новый источникъ сравненія, на орфическія пѣсни, къ которымъ исторія философіи относилась пренебрежительно, слѣдуя словамъ Аристотеля: *περὶ μὲν τῶν μυθικῶς σοφισσομένων οὐκ ἄξιον μετὰ σπουδῆς σκοπεῖν*. Но самъ Аристотель (de gener. anim. II, 734 a 16) указываетъ, что въ пѣсняхъ Орфея указанъ совершенно тотъ же путь возникновенія организмовъ, какъ и у Эмпедокла. Эмпедоклъ сравнивалъ форму міра съ яйцомъ, точно также какъ и теогонія орфиковъ. Ученіе о четырехъ элементахъ, выраженное между прочимъ Эмпедокломъ въ стихѣ: *πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γαῖα καὶ αἰθέρος ἦπιον ὕψος*, очень напоминаетъ орфическій стихъ: *πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γαῖα καὶ αἰθήρ*; эти же четыре элемента (впрочемъ не въ смыслѣ стихій) встрѣчаются въ слѣдующемъ отрывкѣ:

*οὐρανὸν ἦδὲ θάλασσαν ἰδὲ χθόνα παρζασίλειαν
καὶ πῦρ ἀθάνατον· τάδε γάρ μελέ' ἐστὶ τὰ Πανός.*

Земля называется у Эмпедокла пещерою, точно также какъ въ космогоніи Ферекида (см. Porphyg. De Antro nymph.). Орфическая теогонія имѣетъ характеръ, напоминающій пантеизмъ Ксенофана, — точно также какъ и слѣдующіе стихи Эмпедокла:

388. Намъ не дано приблизиться къ нимъ, созерцать ихъ глазами,
Осязать ихъ руками, чтò есть лучшій путь
Къ тому, чтобы убѣжденіе вошло въ сердце человѣка,
Ибо божество не имѣетъ человѣческой головы, украшающей туловище,
И изъ спины не выходятъ двѣ руки,
У него нѣтъ ни ногъ, ни быстрыхъ копытъ, ни волосатаго члена;
Онъ только духъ святой и чудесный, обѣгающій быстрою мыслью весь міръ.

Но Ксенофанъ самъ пользовался теогоніями; въ данномъ случаѣ источникомъ того и другаго является орфическій гимнъ къ Зевсу.

За этимъ слѣдуетъ у Керна перечисленіе одинаковыхъ выраженій, оборотовъ рѣчи и пр., встрѣчаемыхъ, какъ у Эмпедокла, такъ и у орфиковъ. Отсюда нельзя заключать о прямомъ заимствованіи, но слѣдуетъ предположить, что поэтическая форма, въ которой Эмпедокль излагалъ свои ученія, заставляла его пользоваться образами и выраженіями его предшественниковъ въ поэзіи. Заключение Керна, что Эмпедокль болѣе всѣхъ другихъ философовъ пользовался орфиками, но что онъ не единственный философъ, черпавшій изъ этого источника, указываетъ на проблему, которую предстоитъ рѣшить занимающимся исторіей понятій. „Многія ученія“, говоритъ Кернъ, — „которыя мы связывали съ опредѣленнымъ именемъ, встрѣчаются ясно выраженными въ рапсодіяхъ: сужденіе относительно многихъ философовъ станетъ инымъ, если будетъ доказана подлинность этой теогоніи. На сколько отдѣльныя лица потеряютъ въ значеніи, на столько выиграетъ духовная жизнь всей націи“. Въ этомъ заключается больше увлеченія, чѣмъ правды: философія всегда была дѣломъ болѣе личнымъ, чѣмъ коллективнымъ. Если оставить въ сторонѣ увлеченія, то, пожалуй, мало чтò останется отъ доказательствъ Керна. Придется сказать то же самое, чтò мы сказали о Гладшѣ, что аналогіи сами по себѣ ничего не доказываютъ, и это тѣмъ болѣе, что вопросъ объ орфической космогоніи еще открытый; въ точности не извѣстно, когда они написаны; не пользовался ли ихъ авторъ Эмпедокломъ, а не на оборотъ, и если допустить даже ихъ древность, то опять придется идти на востокъ, ибо вѣдь космогоніи орфиковъ очень напоминаютъ то, чтò греки говорятъ о космогоніи египтянъ. Не даромъ Тертуліанъ (de anima § 15) сопоставляетъ египтянъ съ орфиками и съ Эмпедокломъ (ср. Lactant. Instit. div. II, 12). Рѣшить эти вопросы мы теперь не имѣемъ средствъ; до тѣхъ поръ, пока подлинность орфической поэзіи и время ея возникновенія не будутъ точно установлены, мы можемъ считать Эмпедокла эклектикомъ, стоящимъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ элеатовъ (мнѣніе Риттера) и отчасти подъ вліяніемъ Гераклита и Пифагора.

Теперь мы перейдемъ къ главнѣйшимъ понятіямъ системы Эмпедокла. Слѣдуетъ собрать воедино *disiecta membra*.

Исходною точкою философіи Эмпедокла служитъ понятіе бытія: только бытіе существуетъ, небытія нѣтъ. Бытіе, изъ вѣка существующее, которому не можетъ быть ни начала, ни конца, имѣетъ четыре различныя качественныя опредѣленія; бытіе, слѣдовательно, не единое, или лишь формально единое, по скольку оно связы-

вается общими дѣйствующими началами; по существу же оно множественно. Принявъ четыре основные принципа: огонь, землю, воздухъ и воду, Эмпедоклъ этимъ создалъ первую плуралистическую систему, въ отличіе отъ монизма Іонійцевъ и Гераклита и дуализма элеатовъ, ибо у Парменида все реальное сводится къ различію свѣта и тьмы. Ученіе Эмпедокла о четырехъ элементахъ впоследствии вошло столь прочно въ научное сознаніе, что мы видимъ его общепринятымъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, хотя врядъ ли оно можетъ быть поставлено философу въ особую заслугу: причинъ остановиться на четырехъ элементахъ, не идти далѣе въ качественномъ дробленіи вещества быть не можетъ; воспріятіе представляетъ намъ каждый предметъ качественно отличнымъ отъ всякаго другаго; поэтому нужно, слѣдуя воспріятію, принять безграничное количество качественно различныхъ элементовъ, то-есть, придти къ понятію гомомеріи Анаксагора или къ Лейбницевоу монадѣ (хотя, конечно, мотивы ученія Лейбница о монадахъ заключались не только въ воспріятіа). Принявъ четыре элемента (существующіе въ равныхъ количествахъ, то-есть, объемахъ), не сводимыхъ одинъ къ другому, Эмпедоклъ принужденъ былъ все остальное объяснить соединеніемъ и разъединеніемъ. Несводимость элементовъ утверждается всѣми свидѣтельствами, кромѣ нѣсколькихъ стиховъ самого Эмпедокла:

88. Попеременно они господствуютъ въ теченіе круга,
Исчезаютъ одинъ въ другомъ и вырастаютъ, слѣдуя року...
94. Итакъ они остаются самими собою, но проникая одинъ другаго,
Они непрерывно становятся иными, оставаясь тождественными.

Эти стихи противорѣчатъ всему тому, что говоритъ самъ Эмпедоклъ, и что о немъ сообщаютъ другіе; они не могутъ быть объяснены изъ всей остальной системы. Если принимать возможность перехода элементовъ одинъ въ другой, то не зачѣмъ вообще признавать элементы,—достаточно принять единое сущее, качественно измѣняющееся. Это противорѣчіе мы должны устранить какимъ-либо толкованіемъ приведенныхъ стиховъ. Итакъ, Эмпедоклъ принималъ четыре не сводимые другъ къ другу элемента. Въ этомъ мы не можемъ видѣть не только шага впередъ въ научномъ истолкованіи міра, но, на оборотъ, должны, вмѣстѣ съ Аристотелемъ, видѣть большое затрудненіе для пониманія міра. Аристотель дѣлаетъ Эмпедоклу два упрека. Впервые (De gener. et corr. I, 1), онъ указываетъ на противорѣчіе Эмпедокла самому себѣ и фактамъ, когда тотъ

утверждаетъ несводимость элементовъ и въ то же время полное объединеніе ихъ любовью. Второй упрекъ серьезнѣе (De gener. et corr. II. 334): соединеніемъ и разъединеніемъ можно понять механическое сочетаніе элементовъ, но нельзя понять организмы, не принимая качественного измѣненія элементовъ. Дѣйствительно, Эмпедоклъ самъ себѣ отрѣзалъ единственный возможный путь для объясненія мировыхъ явленій въ ихъ цѣломъ. Свойства элементовъ Эмпедоклъ не опредѣляетъ подробнѣе, но впрочемъ говорить, что земля имѣетъ движеніе внизъ, а огонь вверхъ. Отвѣтивъ на вопросъ о сущности бытія, Эмпедоклъ долженъ былъ объяснить самыя явленія изъ своихъ принциповъ, элементовъ, то-есть, ему нужно было дать отчетъ въ причинахъ сочетанія и разъединенія элементовъ. Этотъ отвѣтъ мы имѣемъ въ ученіи о любви и ненависти, какъ дѣятельныхъ началъ. Эти начала не имѣютъ творческой силы, такъ какъ понятія возникновенія и уничтоженія противорѣчатъ понятію бытія; уже одно то соображеніе, что пустоты нѣтъ, что, слѣдовательно, нѣтъ мѣста вновь природиться чему бы то ни было или уничтожиться,—одно это соображеніе должно указать, что понятія жизни и смерти, возникновенія и уничтоженія чисто относительныя. Возникновенію соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности соединеніе элементовъ, а уничтоженію—разъединеніе ихъ. Соединеніе производится любовью, разъединеніе—ненавистью; такимъ образомъ въ этихъ двухъ началахъ мы имѣемъ протипы притягательной и отталкивающей силы. Замѣтимъ однако тотчасъ, что понятія и роль этихъ двухъ силъ въ системѣ Эмпедокла весьма неопредѣленны; мы видѣли, что Аристотель дѣлаетъ Эмпедоклу упрекъ въ томъ, что онъ, разграничивъ функціи любви и ненависти, не выдерживаетъ своего разграниченія, ибо ненависть не только раздѣляетъ, но и соединяетъ, и что на оборотъ, любовь не только соединяетъ, но и раздѣляетъ, и это вполнѣ вѣрно, ибо всякому соединенію должно логически предшествовать разъединеніе, и на оборотъ. Но и самый характеръ любви и ненависти не опредѣленъ. Эмпедоклъ разсматриваетъ ихъ какъ силы и въ то же время говоритъ о длинѣ и ширинѣ любви, приписывая имъ механическіе признаки, совершенно такъ, какъ поступилъ Анаксагоръ съ своимъ принципомъ „разума“. Поэтому у историковъ философіи мы встрѣчаемъ различныя попытки опредѣленія этихъ понятій: Риттеръ сближаетъ огонь съ любовью, а остальные элементы—съ ненавистью, но не отожествляя ихъ; Карстенъ полагаетъ, что четыре элемента и двѣ силы суть шесть различныхъ способовъ обнаруженія одного основнаго принципа; Целлеръ видитъ въ нихъ попытку объяснить

причину измѣненія, замѣчаемаго въ предметахъ. Этому однако противорѣчить стихъ, въ которомъ говорится, что всѣ шесть элементовъ (4 матеріальныхъ, любовь и ненависть) равны между собою (ταῦτα γὰρ ἴσα τε πάντα, ст. 86). Таннри (стр. 706) поэтому предполагаетъ, что любовь и ненависть суть не что иное, какъ среда, имѣющая опредѣленные качества (des milieux doués de propriétés spéciales et pouvant se déplacer l'un l'autre), и что въ этой средѣ находятся матеріальныя частицы. Таннри сравниваетъ любовь и ненависть съ понятіемъ невѣсимаго ээира современной физики. Врядъ ли это остроумное предположеніе выдерживаетъ критику: правда, имъ хорошо объясняется, какимъ образомъ любовь и ненависть, будучи матеріальными, въ то же время могутъ быть схвачены лишь разумомъ, а не зрѣніемъ или осязаніемъ (ст. 80), но не понятно, почему Эмпедоклу понадобилось тогда двѣ среды. Допущеніе двоякой среды вовсе не объясняется, какъ полагаетъ Таннри, пифагорейскою мыслью о противоположности пустоты и твердаго тѣла, ибо Эмпедоклъ отрицалъ пустоту. Наконецъ, ничто въ системѣ Эмпедокла не даетъ намъ права думать, что онъ имѣлъ такое сложное и трудное понятіе, которое могло бы быть уподобляемо ээиру; скорѣе слѣдуетъ предположить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первоначальными попытками противоположенія матеріи силъ. Изъ этого мы видимъ, какъ трудна задача историка философіи; если даже основныя понятія философской системы остаются не выясненными, то что же сказать о второстепенныхъ? Начатки научнаго міропониманія такъ далеки отъ насъ, что мы въ рѣдкихъ случаяхъ можемъ вполне точно знать, что съ извѣстными словами древнихъ мы соединяемъ именно тѣ понятія, которыя слѣдуетъ. Какъ слова, такъ и понятія, мѣняютъ до того свое значеніе, что обозначаютъ иногда прямо противоположное тому, что обозначали прежде (напримѣръ, слова объективный и субъективный и другіе философскіе термины)¹⁾.

Изъ четырехъ качественно различныхъ и не сводимыхъ элементовъ любовь и ненависть создаютъ видимый міръ, совокупность конечныхъ предметовъ. Какимъ образомъ? Вѣдь недостаточно сказать, что любовь все соединяетъ и стремится свести все къ возможно большому единству, а ненависть, на оборотъ, стремится привести единство къ разединенію и множеству. Эти два конечныя состоянія—единства

¹⁾ Объ этомъ смотри любопытную книгу *Eucken: Philosophische Terminologie.*

и множества—должны были представляться Эмпедоклу скорѣе идеальными состояніями, возможностями, чѣмъ дѣйствительными, благодаря одновременному противоположному дѣйствию двухъ движущихъ началъ. Эмпедокль прибѣгъ къ древней іонической идеѣ о періодичности мірообразования, вѣчно смѣняющейся, въ которой попеременно господствуетъ, то-есть, имѣетъ перевѣсъ, большую степень вліянія то любовь, то ненависть. Полное единство и совершенная раздѣльность должны были представляться моментами равновѣсія двухъ противоположныхъ силъ, моментами, которые, въ силу поперебннаго превосходства одновременно дѣйствующихъ началъ, должны были казаться безвременными, математическими пунктами времени. Самую дѣятельность любви и ненависти Эмпедокль постарался характеризовать нѣсколькими штрихами: онъ приписалъ имъ необходимость или судьбу: такимъ образомъ дѣятельность ихъ закономѣрная, всеобщая; необходимость точно также, какъ въ любви и ненависти, заключена въ природѣ самихъ элементовъ; она выражается тѣмъ, что соединеніе и разъединеніе элементовъ, созданное любовью и ненавистью, опредѣляется качествами элементовъ, которымъ присуще стремленіе къ соединенію съ подобными. Подобное соединяется съ подобнымъ: это не только принципъ теоріи познанія, но общій міровой принципъ. Когда ненависть разъединяетъ элементы, то разъединенные элементы все же образуютъ однородныя компактыя массы (стихъ 156): „отдѣльно все тяжелое, отдѣльно все легкое“. Не только любовь, соединяя элементы, руководствуется однимъ общимъ принципомъ подобія, но и между различными элементами есть нѣкоторое особое стремленіе къ соединенію, нѣчто подобное химическому средству, благодаря которому различные элементы вступаютъ въ количественно опредѣленные сочетанія между собою (стихъ 170). „Земля благодатная... образовавшаяся изъ восьми частей, двѣ взяла отъ прозрачной Нестиды, четыре отъ Гефеста... такъ образовались бѣлыя кости“. Очевидно, что различіе количественныхъ отношеній въ соединеніи элементовъ создало не только организмы, но и конечные предметы вообще. Эмпедокль старается объяснить это „химическое средство“ механическимъ путемъ, порами и истечениями. „Эмпедокль“, говорятъ Теофрастъ,— „объясняетъ смѣшеніе пропорціональностью поръ“. Конечные предметы образованы сочетаніемъ различныхъ элементовъ; если каждый отдѣльный элементъ и не представляетъ частей (хотя Плутархъ и утверждаетъ, что каждый элементъ состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ, гомиомерій, но не видно, для чего Эмпедоклу прибѣгать къ этимъ мель-

чайшимъ частицамъ), то сочетаніе ихъ въ конечномъ предметѣ представляетъ части, раздѣленныя между собою порами; смѣшеніе, руководимое стремленіемъ къ подобному и спеціальною пропорціональною, въ томъ и состоитъ, что нѣкоторыя тѣла могутъ, приспособляясь, проникать въ поры, образованныя первоначальнымъ соединеніемъ, другія же, нѣтъ. Такимъ образомъ — „химическое сродство“ элементовъ сводится къ механическому соединенію частицъ. Аристотель говорить, что Эмпедокль объяснялъ соединеніе двоякимъ образомъ — порами и истеченіями; но очевидно, что оба эти пути стоятъ въ тѣсной связи между собою, ибо для проникновенія въ поры предмета необходимо, чтобы отъ другаго исходили истеченія, отдѣленія частицъ, и чѣмъ болѣе отдѣляющіяся частицы приспособлены къ порамъ другаго предмета, тѣмъ полнѣе происходитъ соединеніе; большая же приспособляемость основана на большемъ сходствѣ; такимъ образомъ мы возвращаемся къ принципу сходства, отъ котораго изшли.

Отъ общихъ абстрактныхъ принциповъ — четырехъ матеріальныхъ, двухъ движущихъ причинъ и ихъ дѣятельности — обратимся къ конкретному, къ ученію о мірѣ. Эмпедокль учитъ о періодичности мірообразованія; послѣдовательныя мірообразованія раздѣлены временемъ покоя; начало мірообразованія Эмпедокль называетъ сферою, круглою, неподвижною, божественною; эта сфера и соотвѣтствуетъ времени покоя (см. стихи 147 — 160): „Ровная повсюду, совершенно безпредѣльная, круглая сфера наслаждалась своимъ совершеннымъ одиночествомъ“. Когда ненависть коснулась сферы, тогда и появился видимый міръ конечныхъ предметовъ, „тогда вздрогнули послѣдовательно всѣ члены божества“. Произошло это благодаря тому, что ненависть образовала вихри, спустившись на самый низъ бездны, а любовь стала въ центрѣ, постепенно вытѣсняя ненависть. Аристотель, а за нимъ Целлеръ, дѣлаютъ Эмпедоклу упрекъ, что онъ описалъ только одинъ путь мірообразованія, соотвѣтствующій ненависти, оставивъ безъ вниманія путь любви, а путей мірообразованія и слѣдовательно, мірообразованій, два. Врядъ ли этотъ упрекъ умѣстенъ. Эмпедокль старается объяснить возникновеніе существующаго дѣйствительнаго міра; онъ могъ отказаться отъ описанія мірообразованія, относительно котораго мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что оно отлично отъ дѣйствительнаго; наконецъ, онъ могъ сослаться на то, что путь любви, какъ прямо противоположный пути ненависти, составляетъ повтореніе послѣдняго въ обратномъ

порядкѣ явленій; такимъ образомъ описаніе пути любви должно казаться совершенно излишнимъ.

Прежде чѣмъ изложить космологическія понятія Эмпедокла, мы укажемъ коротко, что было сдѣлано его предшественниками; тогда легче будетъ судить о томъ, что сдѣлалъ Эмпедоклъ для науки. Кромѣ обычныхъ источниковъ и пособій (Целлеръ и др.), мы воспользуемся указаніями Гефера и Сарторіуса ¹⁾.

Гомеръ и Гезіодъ представляли себѣ землю плоскою, окруженною океаномъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ остальные воды; надъ землею возвышается небо, представляющее неподвижную полусферу, по которой движутся звѣзды, подымаясь изъ океана. Подъ землею находится тартаръ. Количество звѣздъ и созвѣздій, упоминаемое Гомеромъ и Гезіодомъ, почти одно и то же; однако астрономическія свѣдѣнія Гезіода обширнѣе: онъ знаетъ, напрямѣръ, продолжительность оборота луны. Но оставимъ поэтовъ и обратимся къ ученымъ. Фалесъ представлялъ себѣ міръ сферическимъ; въ центрѣ его находится неподвижная земля, покоющаяся на водѣ; землю онъ представлялъ себѣ плоскою. Небо, представляющее собою сферу, онъ дѣлилъ на пять частей: всегда видимую арктическую, вѣчно не видимую антарктическую, и среднюю, раздѣленную тропиками, между которыми идетъ линія экватора; восходъ и закатъ солнца совершаются въ границахъ тропиковъ. Луну онъ считалъ шарообразнымъ тѣломъ, освѣщеннымъ солнцемъ, а фазы луны объяснялъ относительнымъ положеніемъ луны къ солнцу и землѣ. Лунныя и солнечныя затменія онъ, какъ кажется, объяснялъ вѣрно ²⁾. Діогенъ Лаертійскій говоритъ, что Фалесъ опредѣлилъ годъ въ 365 дней. Главный шагъ Фалеса впередъ заключается въ сознаніи, что небесный сводъ представляетъ собою сферу, а не полусферу. На сколько астрономическія свѣдѣнія Фалеса найдены имъ самимъ, или въ какой мѣрѣ они заимствованы у египтянъ—этого мы здѣсь не касаемся. Анаксимандръ ³⁾

¹⁾ *Hoefler. Histoire de l'astronomie. Paris. 1873. Sartorius. Die Entwicklung der Astronomie bei den Griechen bis Anaxagoras und Empedocles (Zeitschrift für Phil. und Kritik 1863 и слѣд).*

²⁾ Ему приписываютъ предсказаніе затменія, бывшаго 30-го сентября 610 года; странно однако, что позднѣйшіе философы не знаютъ истиннаго объясненія этого явленія, которое найдено Анаксагоромъ и еще позднѣе Евдоксомъ изъ Книды. Можно допустить вмѣстѣ съ Тавири, что Фалесъ могъ вычислить будущія лунныя и солнечныя затменія; но не знали причины ихъ.

³⁾ См. *Teichmüller. Studien zur Geschichte der Begriffe u. Cruppe D. Kosmischen Systeme d. Griechen. 1851.*

точно также помещаетъ землю въ центрѣ вселенной; но землю онъ представлялъ себѣ цилиндрическою съ двумя плоскими основаніи, при чемъ высота цилиндра составляетъ $\frac{1}{2}$ діаметра основанія. Земля свободно, безъ опоры висящая, окружена воздухомъ, на шарообразной поверхности котораго, въ видѣ коры, расположенъ огонь; эта кора распалась и образовала солнце, звѣзды и луну. Первоначально всѣ они описывали параллельные другъ другу круги около земли; но въ послѣдствіи воздухъ, раскаленный небесными свѣтлани, увлекъ ихъ вверхъ въ силу круговоротовъ, образовавшихся въ немъ; тогда-то далѣе всего было унесено солнце, за нимъ луна, за нею неподвижныя звѣзды и планеты. Солнце по величинѣ равно землѣ. Небесныя свѣтила, представляющія собою большія массы огня, окружены со всѣхъ сторонъ сгустившимся, непрозрачнымъ воздухомъ, и въ этомъ воздухѣ есть отверстія, обращенныя къ землѣ, почему свѣтъ и можетъ достигать земли. Вихрями Анаксимандръ пользуется какъ для объясненія затменій (когда вихри закупориваютъ отверстіе, чрезъ которое свѣтитъ солнце, тогда происходитъ затменіе), такъ и для объясненія движенія планетъ. Солнце имѣетъ двойное движеніе—вокругъ своей оси и вокругъ земли. Итакъ, Анаксимандръ принялъ для объясненія движеній свѣтилъ вихри; онъ въ противность воспріятію призналъ громадныя размѣры небесныхъ свѣтилъ, а землю представлялъ себѣ безъ опоры. Это уже значительные шаги впередъ въ сравненіи съ Фалесомъ. Анаксименъ опять вернулся къ понятію объ опорѣ. Земля представляется въ видѣ диска, покоится на воздухѣ; къ окружности земли присоединяется небо. Небесныя свѣтила суть огненные тѣла, движущіяся вокругъ земли. Стобей говоритъ, что, по Анаксимену, звѣзды уходятъ *οὐκ ὑπὸ τῆν γῆν*; это слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ отрицанія сферичности небеснаго свода, а лишь такъ, что звѣзды вращаются около наклоненной по отношенію къ землѣ оси, по эклиптикѣ. Планеты образованы испареніемъ земли; форма планетъ подобна землѣ, то-есть, плоская. Сравнивая космологическія представленія Анаксимена съ таковыми же Анаксимандровыми, придется сказать, что замѣчается упадокъ астрономіи. Пиеагорейская философія представляетъ собою кульминаціонный пунктъ греческой астрономіи до-сократовскаго періода... Мартевъ показалъ, (*Hypothèse astronomique de Pythagore* и *Hypothèse astron. de Philolaus*) въ *Bulletins Буонкомпаньи*, vol. V.), что нужно различать древнѣйшую пиеагорейскую астрономію отъ новѣйшей; онѣ очень разнятся другъ отъ друга. Пиеагору принадлежитъ названіе міра космосомъ (порядкомъ).

Міру онъ приписывалъ шарообразную форму и дѣлилъ вмѣстѣ съ Фалесомъ на пять поясовъ. Но въ то время какъ Фалесъ зналъ только, что тропики составляютъ границы отклоненія солнца на югъ и на сѣверъ въ своемъ движеніи, Пифагоръ зналъ уже, что солнце описываетъ въ границѣ тропиковъ наклонную кривую по отношенію къ земной оси; Пифагоръ имѣлъ представленіе о зодіакѣ и меридіанѣ. Землю Пифагоръ дѣлилъ также, какъ небесную сферу, на пять поясовъ, представляя себѣ землю шарообразною; вокругъ земля вращается небесный сводъ съ востока на западъ. Ученія о числахъ и связи его съ астрономіей мы здѣсь не касаемся. Позднѣйшему пифагореизму принадлежитъ слава признанія ложности геоцентрической системы и вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе, что земля вращается около центрального огня съ запада на востокъ. Пифагоръ зналъ истинную причину затмений солнечныхъ и лунныхъ. Вѣроятно, позднѣйшему пифагореизму принадлежитъ указаніе разницы между планетами и неподвижными звѣздами, а также точное число и движеніе планетъ. Школа элеатовъ, столь замѣчательная въ метафизическомъ отношеніи, не представляетъ интереса для астронома, равнымъ образомъ ученіе ихъ противника Гераклита представляетъ еще болѣе упадокъ астрономическихъ знаній, чѣмъ ученіе Анаксимена. Въ единомъ, ограниченномъ мірѣ, по мысли Гераклита, земля занимаетъ мѣсто въ самомъ низу; изъ земли и воды поднимаются испаренія; испареніями воды питаются звѣзды. Небесныя свѣтила представляютъ собою какъ бы чаши, обращенныя вогнутою поверхностью къ низу, такъ что въ нихъ собираются пары; затмения происходятъ отъ того, что чаши перевертываются и обращаются къ землѣ выпуклою поверхностью. Солнце и луна измѣняютъ направленія своего движенія, такъ какъ не могутъ найти себѣ пищи на пройденныхъ уже путяхъ. Величина солнца такая, какою она намъ кажется; солнце каждый день новое. Видно, что Гераклита болѣе интересуетъ метафизическая сторона философіи, чѣмъ точное изслѣдованіе природы. Ксенофанъ представлялъ себѣ землю безграничною. Звѣзды суть облака свѣтлѣящія, каждый день вновь образующіяся; они движутся всѣ надъ поверхностью земли. Луна имѣетъ собственный свѣтъ, который потухаетъ во время новолунія, точно также, какъ и солнце погасаетъ во время затмения. Любопытно вспомнить, что и другой великій метафизикъ, Гегель, въ астрономіи выказывалъ мнѣнія, стоявшія не на высотѣ современной ему науки. Ученикъ Ксенофана Парменидъ выше своего учителя въ космологиче-

скихъ своихъ воззрѣнiяхъ, благодаря пифагорейскимъ элементамъ, воспринятымъ Парменидомъ. Шарообразный мiръ произошелъ изъ двухъ началъ—свѣта и тьмы; мiръ окруженъ твердою оболочкой и раздѣленъ на нѣсколько концентрическихъ сферъ; въ центрѣ находится земля; чѣмъ дальше сфера отстоитъ отъ земли, тѣмъ ниже температура, и тѣмъ самая сфера менѣе тверда.

Изъ указаннаго видно, что наиболѣе замѣчательныя космологiи принадлежатъ Анаксимандру и Пифагору, и что у послѣдняго было уже представленiе о томъ, что геоцентрическое мировоззрѣнiе нужно замѣнить гелиоцентрическимъ: мнѣнiе, которое впоследствии обосновалъ Аристархъ Самосскiй. Недаромъ, значитъ, Коперникъ указывалъ на Пифагора и на Аристарха, какъ на своихъ предшественниковъ.

Въ пятомъ вѣкѣ замѣчательно съ точки зрѣнiя космологiи ученiе Анаксагора; онъ, на примѣръ, зналъ, что полярная звѣзда лежитъ на оси мiра, и сѣверный полюсъ былъ, по его мнѣнiю, та точка, съ которой началась организаторская дѣятельность разума. Но оставимъ Анаксагора, такъ какъ онъ хотя по годамъ и былъ старше Эмпедокла, но по литературной дѣятельности моложе, слѣдовательно, мы не въ состоянiи въ точности опредѣлить ихъ взаимнаго отношенiя. Эмпедоклъ, можетъ быть, заимствовалъ теорiю касательно луны у Анаксагора. Перейдемъ теперь къ Эмпедоклу.

Вихремъ, образовавшимся въ элементахъ дѣйствиемъ ненависти, ранѣе всего былъ выдѣленъ эфиръ, потомъ огонь, потомъ земля и наконецъ вода, которая есть какъ бы испарина земли, и наконецъ воздухъ (Plin. II. 6. 4). Мiръ составляетъ только малую часть всего; остальная часть, не вошедшая въ мирообразование пребываетъ въ первичномъ состоянiи (Аэц. I). Мiръ не сферической формы, а яйцевиденъ или чечевицеобразенъ, болѣе широкъ, чѣмъ высокъ; въ центрѣ мiра находится земля; его окружаютъ два приплюснутыя полушарiя, образованныя изъ отвердѣвшаго воздуха; верхнее полушарiе наполнено огнемъ, нижнее наполнено воздухомъ съ малымъ количествомъ огня; вращаясь, эти два полушарiя производятъ явленiя дня и ночи; движенiе же полушарiй вызвано напоромъ огня, и скорость движенiя не всегда была одинаковая; прежде движенiе было медленнѣе, теперь стало быстрѣе; этою скоростью движенiя объясняется свободное положенiе земли въ центрѣ вселенной. Солнце не есть самостоятельное свѣтило; оно есть стекловидное тѣло, отражающее свѣтъ верхней самосвѣтащей части небснаго свода. Какъ явленiя дня и ночи объяс-

няются не движеніемъ солнца, а движеніемъ небеснаго свода, такъ точно явленія зимы и лѣта объясняются тѣмъ же самымъ движеніемъ. Луна, имѣющая форму диска, образовалась изъ сгустившагося воздуха, подобно граду; она не имѣетъ собственнаго свѣта, а лишь отраженный отъ солнца. Солнце имѣетъ такую же величину, какъ и земля, луна же меньше; луна находится на половинномъ разстояніи между солнцемъ и землею. Затменіе солнечное производится луною, ставшею между солнцемъ и землею. Звѣзды дѣлятся на неподвижныя, приврѣпленныя къ небосклону, и на планеты. Относительно свѣта Эмпедоклъ говорилъ, что онъ нуждается во времени для своего распространенія. Море онъ представлялъ себѣ испариной земли; изъ моря выдѣляется соль дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Изъ приведеннаго видно, что астрономическое ученіе Эмпедокла не составляетъ шага впередъ; его мнѣнія обусловлены частью пифагорейскими, частью теоріями іонійскихъ философовъ и, можетъ быть, Анаксагора; въ нѣкоторыхъ своихъ мнѣніяхъ онъ схожъ съ древними полумифическими космогоніями, напримѣръ, въ томъ, что міръ имѣетъ яйцевидную или чечевицеобразную форму.

Мы находимъ очень подробное изображеніе органической природы въ отрывкахъ Эмпедокла и въ сообщеніяхъ о немъ. Эти теоріи ставились ему въ заслугу, и въ немъ хотѣли видѣть основателя эволюціонной теоріи и даже предшественника Дарвина¹⁾, ученіе котораго содержитъ въ себѣ специальное видоизмѣненіе этой теоріи; первое справедливо на столько, на сколько всякая гилозонстическая теорія, каковыми были системы іонійскихъ философовъ, въ концѣ концовъ должна обратиться къ представленію объ эволюціи, такъ что въ этомъ специальной заслуги Эмпедокла видѣть нельзя; второе же справедливо еще въ меньшей мѣрѣ: конечно, философія Эмпедокла есть система матеріалистическая и механическая, и его любовь и ненависть не суть психическіе принципы; теорія Дарвина есть точно также попытка объяснить эволюцію и заключенную въ ней дѣлесообразность механическимъ путемъ; такимъ образомъ между этими двумя ученіями есть нѣкоторое внѣшнее подобіе. Но между тѣмъ какъ Дарвинъ сознательно пытается объяснить телеологию механизмомъ, Эмпедоклу эта противоположность могла представляться лишь въ формѣ смутнаго чаянія; по свидѣтельству Аристотеля, Анаксагоръ первый провозгласилъ въ своемъ ученіи о разумѣ телеологическій принципъ; говорить о томъ, что и

¹⁾ Таковымъ считаетъ его Ланге въ своей Исторіи материализма.

Эмпедоклъ старался объяснить цѣлесообразность случайнымъ сочетаніемъ элементовъ, значить влагать въ его уста то, что, пожалуй, можно вывести изъ его словъ, но что самому автору навѣрное не представлялось въ отчетливой и продуманной формѣ.

Сначала появились растенія, а потомъ животныя ¹⁾; какъ тѣ, такъ и другія одушевлены. У Эмпедокла встрѣчаются сравненія частей и функций въ царствѣ животныхъ и растеній, на основаніи которыхъ его можно считать творцомъ единства плана въ органической природѣ— по крайней мѣрѣ съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ его считаютъ предшественникомъ Дарвина. Онъ сравниваетъ листья растеній съ волосами и перьями. Питаніе растеній онъ объяснялъ порами и принципомъ соединенія подобнаго съ подобнымъ. Изъ земли возникли животныя; возникновеніе это у Эмпедокла имѣетъ совершенно дикую форму. Образовались сначала части организмовъ, которыя потомъ дѣйствіемъ любви соединились въ цѣлые организмы:

Такъ выросло множество головъ безъ шев,
Блуждали голыя руки, лишенные плечь,
Двигались лишенные оба глаза.

Это мнѣніе, противорѣчащее совершенно понятію организма, Эмпедоклъ сопровождаетъ объясненіемъ, въ которомъ есть нѣкоторыя случайныя черты сходства съ Дарвиновыми понятіями. Образовавшіеся члены дѣйствіемъ любви соединялись въ случайныя сочетанія:

Появилось множество существъ съ двойными лицами и двойною грудью,
рожденный быкомъ съ головой челоуѣка, и на оборотъ,
произошли рожденные людьми съ бычачьими головами, и т. д.

Изъ этихъ безчисленныхъ случайныхъ сочетаній осталось только то, что оказалось годнымъ, цѣлесообразнымъ, что при данныхъ условіяхъ могло продолжать свое существованіе. Раздѣленіе половъ у животныхъ появилось уже позднѣе. Целлеръ указываетъ на то, что еще Парменидъ говорилъ нѣчто подобное, и что въ болѣе специальномъ изложеніи причинъ рожденія Эмпедоклъ повторяетъ мысли Парменида. Питаніе животныхъ происходитъ тѣмъ же путемъ, что и у растеній. Специально трактовалъ Эмпедоклъ о дыханіи. Повторять его ученіе мы не будемъ, ибо уже изложили его со словъ Аристотеля. Целлеръ, въ статьѣ, посвященной греческимъ предшественни-

¹⁾ Мы оставляемъ подробности въ сторонѣ, такъ какъ пришлось бы повторять все то, что содержится въ переведенныхъ выше отрывкахъ Эмпедокла и въ сообщеніяхъ о немъ доксографовъ.

камъ Дарвина ¹⁾, отрицаетъ всякую возможность сравненія древнегреческихъ теорій съ новыми на томъ основаніи, что, по свидѣтельству Аристотеля (*Phys.* II, 8, *Met.* I, 4. 984. b. и др.), цѣлесообразность организмовъ была замѣчена лишь Анаксагоромъ, и что вопросъ о томъ, можно ли цѣлесообразность объяснять дѣйствіемъ механическихъ причинъ, былъ поставленъ лишь самимъ Аристотелемъ. Мотивъ теоріи Эмпедокла Целлеръ ищетъ въ его космологическихъ представленіяхъ, въ соединяющемъ дѣйствіи любви и разъединяющемъ дѣйствіи ненависти. Намъ кажется, что здѣсь слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Можно не имѣть яснаго и отчетливаго понятія о чемъ-либо, а лишь смутное чаяніе его, и все же нельзя совершенно отрицать значенія этого неяснаго чаянія въ исторіи науки; на примѣръ, нельзя говорить, что Аристотель зналъ психологическій законъ объ ассоціаціяхъ, хотя онъ говоритъ о томъ, что душа гоняется за представленіями, и указываетъ даже путь, которому при этомъ душа слѣдуетъ. Лейбницу приписываютъ понятіе о бессознательномъ состояніи души и о противоположеніи апперцепціи перцепціоннымъ процессамъ; между тѣмъ у Монтаня, на примѣръ, мы находили упоминанія о бессознательныхъ, едва замѣтныхъ перцепціяхъ и названія апперцепціи ²⁾. Эти неопредѣленные упоминанія и служатъ толчкомъ для выясненія понятій. Подобно тому, по всей вѣроятности, неопредѣленности въ понятіи организма у Эмпедокла и другихъ послужили Анаксагору для выясненія понятія телеологіи. Этимъ замѣчаніемъ мы однако вовсе не желаемъ придать мечтаніямъ Эмпедокла какое-нибудь особое значеніе и думаемъ, что мысли Анаксимандра, величайшаго изъ іоническихъ философовъ, имѣютъ большую оригинальность и цѣнность; онъ говорилъ, что подобно тому, какъ земля образовалась изъ жидкаго состоянія, такъ и организмы возникли изъ воды подъ вліяніемъ солнечной теплоты. Все живое первоначально образовалось въ этой средѣ; такъ и человѣкъ, имѣвшій первоначально форму рыбы и измѣнившійся только съ теченіемъ времени, перебрался на сушу и постепенно принялъ настоящую форму.

У Эмпедокла мы встрѣчаемъ нѣкоторыя зачатки теоріи познанія. Теофрастъ подробно говоритъ о томъ, какъ онъ представлялъ себѣ дѣятельность органовъ ощущеній—порами и истеченіями, при чемъ дѣйствуетъ законъ подобія:

¹⁾ *Zeller, Vorträge und Abhandlungen. 3-te Sammlung. 1884., стр. 37—60.*

²⁾ *Archiv f. Geschichte d. Philosophie 1889. 3-я тетрадь, замѣтка Итальясона.*

При посредствѣ земли мы видимъ землю, при посредствѣ воды—воду,
 Посредствомъ эира—божественный эиръ, черезъ оговъ—разрушитель-
 ный огонь,

Любовью любовь, и ненавистью печальную ненависть.

Мышленіе не отличается качественно отъ ощущеній; „вездѣ есть мысль и часть необходимости“, то-есть, и въ неодушевленныхъ предметахъ; въ человѣкѣ мысль имѣетъ свое мѣстопребываніе въ крови. Характеръ мышленія стоитъ въ зависимости отъ тѣла. Не смотря на такое сенсуалистическое отождествленіе мышленія съ ощущеніемъ, и на матеріалистическое отождествленіе мышленія и ощущенія съ тѣломъ, Эмпедоклъ все же противопоставляетъ данныя ощущенія мышленію. „Узки средства познанія, разлитыя по тѣлу“.

Дерзни же и воспринь къ вершинамъ мудрости
 изслѣдуй всѣми силами все, что въ предметѣ ясно,
 но не думай видѣть больше, чѣмъ доступно глазу...

„Отклоняй вѣру ощущеніямъ и размышляй, какъ все само себя выясняетъ“. И хотя Эмпедоклъ знаетъ, что воспріятія имѣютъ для людей наибольшую убѣдительность („намъ не дано приблизиться къ нимъ, созерцать ихъ глазами, осязать ихъ руками, что представляетъ лучший путь къ тому, чтобы убѣжденіе вошло въ сердце человѣка“), однако онъ знаетъ противорѣчіе воспріятія и мысли и даетъ предпочтеніе послѣдней.

Чувства Эмпедокла объясняетъ закономъ подобія.

Въ 3-й книгѣ и въ „очищеніяхъ“ мы имѣемъ нѣсколько отрывочныхъ указаній на религіозныя и нравственныя ученія Эмпедокла.

Отрывки, въ которыхъ говорится о божествѣ, имѣютъ пантеистическій характеръ, мало вяжущійся съ космологическимъ ученіемъ, хотя Эмпедоклъ и называетъ сферу и четыре элемента божествами и такимъ образомъ желаетъ связать теологію съ космологіей. Правильному пониманію божества онъ придаетъ большее значеніе:

Счастливъ тотъ, кто приобрѣлъ богатство божественнаго ума;
 Несчастливъ тотъ, кто о богахъ имѣетъ только темное понятіе.

Познаніе божества самое важное; изъ него вытекаетъ остальное; кто позналъ божество, тотъ и самъ становится частью божества, божествомъ („я уже для васъ болѣе не человѣкъ, а бессмертный Богъ“, и пр.). Однако опредѣленіе божества: „оно только духъ святой и чудесный, объгающій быстро мыслью весь міръ“, напоминающее Ксенофана, вовсе не вяжется со всѣмъ остальнымъ; возможно, что Эмпедоклъ вовсе не сознавалъ несоединимости своей матеріалистическо

космологіи съ пантеизмомъ, несоединимости матеріи и духа, механизма и телеологіи. Нравственное ученіе Эмпедокла, на сколько можно судить по небольшимъ отрывкамъ, имѣетъ скорѣе характеръ житейскихъ правилъ, чѣмъ философскаго обоснованія этики,—правилъ, заимствованныхъ изъ пифагорейства; нравственное ученіе связано у него религиозными представленіями; истинное познаніе божества, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть, благодаря принципу *similia similibus*, отождествленіе съ нимъ (ср. съ Платовскимъ τῷ θεῷ ὁμοιωθῆναι). Съ другой стороны, его нравственныя опредѣленія связаны съ ученіемъ о переселеніи душъ, которое само также мало обосновано въ системѣ Эмпедокла, какъ пантеизмъ и телеологія. Эмпедокль предполагаетъ, существованіе „золотаго нѣка“, блаженнаго состоянія, когда души жили не на землѣ, а на небесной сферѣ; изъ этого состоянія души въ силу какого-то грѣхопаденія попали онѣ на землю; возвращеніе къ первоначальному состоянію и составляетъ цѣль жизни, которую можно достигнуть частью познаніемъ божества, частью извѣстными обрядами и воздержаніемъ. Это возрожденіе совершается постепенно, и души проходятъ ранѣе различныя ступени, попадаютъ въ различныя существа; такъ какъ онѣ попадаютъ въ тѣла животныхъ и растений, то отсюда понятно запрещеніе животныхъ жертвоприношеній и запрещеніе употребленія въ пищу мяса, а также нѣкоторыхъ растений. Все это нисколько не можетъ быть обосновано космологіей Эмпедокла, и любопытно, не какъ часть философской системы его, а съ точки зрѣнія живучести этихъ полумистическихъ, полуплоскофскихъ представленій, которыя встрѣчаются и гораздо позднѣе Эмпедокла, напримѣръ, у Платона, и потомъ въ александрійскомъ періодѣ греческой философіи, откуда нѣкоторыя изъ нихъ перешли и къ христіанскимъ писателямъ.

Э. Радловъ.

DE PACVII FABVLIS.

Notum est inter liberae rei publicae tragicos longe principe loco habitos existimatione communi Romanorum Q. Ennium, M. Pacuvium, L. Accium. Ac de Ennio quidem cum cura expositum a nobis in libro qui inscribitur: „Q. Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie“, pgg. 75—104, ubi etiam de Pacuvio et Accio egi summatim. Sed emissa anno superiore Nonii editione cum haud pauca in horum fabulis aliter vel emendanda vel explicanda demonstraverimus atque olim factum, non videtur inutile de Pacuvio hoc loco rursus disputare adiectis nonnullis de Accio (de quo alias pluribus dicitur) et potissima eorum, quae ibi per duo volumina eaque amplissima sunt dispersa, coniuncta proponi paginis paucis, additis aliis, quae partim ex vita Ennii essent excerpta, partim recentissimo tempore inventa a nobis.

In citando Nonio paginis utar editionis Mercerianae, versibus nostrae; item in Ennio numeris ac notis recensione propriae.—Praeter scripta supra memorata maxime sunt adhibita „Tragicorum Romanorum fragmenta“ iterum recognita ab Ottone Ribbeckio (Lipsiae a. 1871) et eiusdem liber ita inscriptus: „Die Römische Tragoedie im Zeitalter der Republik“ (Lips. a. 1875). Cuius de virtutibus et vitis curiosius expositum vitae Ennii pg. 83 sqq.—Nam ut insignis est plerumque diligentia et cura, aliquando et subtilitate ac sollertia, sic idem cautissime adhibendus propter argutandi ariolandique vel remota et abstrusa sectandi amorem nimium, quo haud raro labuntur vitio illi, qui a fragmentis scriptorum tractandis studiorum sumpsere exordium.

Neque illud leviter offuit Ribbeckio in tractanda materia, quod neque verba poetarum ubique satis recte intellecta, et eadem, ubi gravius erant corrupta, plerumque temptata parum feliciter.

Itaque ut ad rem perveniamus, exploratum est nunc ac notum vulgo, de quo olim multi dubitarunt, ut Pacuvium Acciumque, ita iam Ennium tragoediae non modo palliatae, sed et togatae (quam alii praetextam vocarunt vel praetextatam) dedisse operam.

Et palliatae quidem, quae carminum graecorum constat vel interpretatione vel imitatione, Livium Andronicum fuisse auctorem pridem convenit inter omnes. Togatas primum compositas a Cn. Naevio, qui successit Livio, nostro saeculo est intellectum.

Nam fuerunt huius „alimonium Romuli et Remi“ vel „Romulus“ (eam falso existimavit et „Lupum“ inscriptam fabulam Ribbeckius; cf. vitae Ennii pg. 84 sq.), qua origines celebrarentur urbis Romae, nec non „Clastidium“, qua caneretur victoria a. a. Chr. 222 de Gallis relata ad Clastidium et M. Claudii Marcelli egregium facinus, qui interfecto Gallorum duci Viridomaro spolia detracta in aede Iovis Feretrii dedicavit (cf. Verg. Aen. VI, 858 sq.; Propert. V, 10, 39 sq.). — Palliatae tragoediae cum materiam haberent petitam e fabulis Graecorum, togatae sunt ductae ex historia patria et quidem sola, idque rectissime. Cuius enim populi aut magnificentior fuit historia aut magis apta carmini tragico quam Romanorum?

Atque etiam Graecis inde a Phrynichi atque Aeschylī tempore cultam constat tragoediam historicam, sed mediocriter; de qua re cf. Ribbeckii lib. pg. 7.

Magis videtur mirum, quod ne Romani quidem suppetentibus tot tantisque exemplis virtutis vere Romanae ipsaque re ducente illud carminis genus curiosius tractavere. Cuius rei quae viderentur esse causae expositum est vit. Enn. pg. 288 sq.

De Pacuvii Acciique fabulis togatis cum brevissime liceat agere (nam paucissimae servatae reliquiae), hinc initium sumam disputandi.

Igitur cum ab Ennio sit notum compositas „Sabinas“, quibus raptum Sabinarum est persecutus, et ab eodem Marcelli res gestas, item Scipionis maioris fabulis togatis celebratas non careat probabilitate quadam (nam „Ambracia“ quidem fuit satura), de Pacuvii (qui plurimum secutus est patris sui exemplum) uno omnino constat carmine tali, quod inscriptum fuit „Paulus“. — Hoc plures secuti Langium Iahniumque (cf. Ribbeckii libr. pg. 327) cum iam statuunt tractatam victoriam, quam L. Aemilius L. f. Paulus de Perse Macedonum rege rettulit a. 168, adeoque actam fabulam triumphī quem Paulus egit tempore, mihi semper veri visum est dissimillimum Paulum illum, celeberrimae modestiae temperantiaeque virum reverentiaeque in deos

hominesque maximae, ludis quos ipse ederet exhibuisse elogium tale rerum propriarum. Neque in exequiis eius, quae a. 160 sunt celebratae, hanc fabulam, sed Terentii Adelphos actam constat aliunde.

Quod autem negat Ribbeckius satis decore gravissimam illam populi Romani cladem Cannensem, qua a. 216 Aemilii huius pater mortem pro re publica obiit, potuisse Pacuvio materiam praebere scribendi, primum fugit eum non semper laetas aut honorificas populo Romano res tractatas fabulis togatis; id quod vel Octaviae, saec. I p. Chr. compositae, quod solum extat integrum huius generis carmen, demonstratur exemplo. Praeterea argumentum illud aptissimum existimo fuisse praetextatae, non modo propter Pauli nobilissimum viroque Romano dignissimum exitum, sed quod statim post proelium Cannense in melius versam rem Romanam vulgo erat notum (cf. vit. Enn. pg. 174 sq.). De quo in exodio fabulae potuit moneri.

Sane quae extant fragmenta, quattuor numero, talia sunt, ut certum de eis statui nequeat. — Et mihi quidem videntur hoc ordine collocanda:

I. Priscian. pg. 677; Macrob. Saturnal. VI, 5, 14:

qua vix caprigeno generi gradilis gressiost.

Verba Pauli extollentis adversus Varronem collegam pugnandi avidissimum callidum fecundumque artibus ingenium Hannibalis, qui anno superiore vel Q. Fabium, imperatorem prudentissimum, ad Casilinum eruptione per saltus callesque invios facta eluserit.

II. Gell. Noct. Att. IX, 14, 13; Non. pg. 490 s. l. progenti:

pater supreme nostrae progenti, patres!

In his illud 'patres', pro quo codices vitiose habent 'patris', descendit a patrando. Verba sunt Pauli invocantis Iovem, a quo genus sese ducere gloriabantur Aemilii (cf. Paul. pg. 23 ed. O. Muelleri). — Cet. vide commentarium in Nonii l. m.

III. Non. pg. 507 s. l. nivit:

nivit sagittis, plumbo et saxis grandinat.

Verba nuntii referentis de pugna Cannensi.

IV. Non. pg. 510 s. l. celere:

nunc te obtestor celere sancto subveni, censorie.

Haec Novio adscripta in codicibus; sed recte Pacuvii nomen restitutum a doctis. Insequentia, de quibus plane incredibilia profert Rib-

beckius pg. 330, Nonii culpa haud dubie truncata. Et videntur olim fuisse ut puta haec:

nunc te obtestor celere sancto subveni, censorie,
consilio patriae.

Nempe verba puto Pauli morientis ad Fabium amicum absentem, qui a. 230 censor fuerat, hortantis ut senatui succurreret adfficto nova clade. Nam senatum Romanum ut Horatius post Pacuvium, ita ante Ennius dixit sanctum. Cet. cf. vit. Enn. pg. 102; Liv. XXII, 49.

Accii duae memorantur tragoediae palliatae, Brutus et Aeneadae vel Decius. Et Bruto quidem exactos reges et initia libertatis Romanae describi constat. Fuit et Cassii cuiusdam Brutus, bis a Varrone citatus; de cuius auctore immerito dubitatum a doctis.

In fragmentis quae extant quattuor (ea a Cicerone servata et Varro) nihil fere notabile, excepto quod somnio Tarquinius monitum de instante rerum mutatione haud indignum memoria. Ac saepius videntur tragici latini hoc usi artificio velut viam muniendi eis, quae essent eventura, praemissa visorum nocturnorum mentione, etiam in hoc secuti Ennium; cuius in carminibus tragicis pariter atque epicis satiricisque frequenter eadem relata.

Altera fabula solus Nonius usus est; qui plerumque inscribit „Aeneadas aut Decium“, interdum „Aeneadas“. Atque hic videtur titulus ab Accio positus; quo declararetur bello Samnitium tertio, quo proelium factum ad Sentinum, contra coniunctas Samnitium et Gallorum, ferocissimorum Italiae populorum, vires rem optinuisse solos Romanos. A grammaticis altera videtur esse addita inscriptio, quo facilius nosceretur argumentum.

In verbis fabulae constituendis quamquam saepius diversa a Ribbeckio secutus sum, tamen non haec talia fuerunt, ut ad disponenda rectius et explicanda fragmenta multum pertinerent.

Et illa quidem:

nil neque pericli neque tumultist, quod sciam

in principio fabulae haud dubie posita excipiebat deinceps, nisi fallor, versus de subito hostium adventu nuntiantis ignaviamque exprobrantis Romanis:

et nunc, quae eorum segnitas, aras, focus;

si recte haec constituta a nobis; nam in codicibus est: „et nunc quod eorum segnitas ardet focus“. Sequebatur ut puta „periclitari“ vel „in dubio esse“. Diverbium inter eum, qui hostium vim effugisset, et Ro-

nanum hortantem, ut de itinere et consiliis illorum se certiozem faceret, videtur contineri loco manco (pg. 200 s. v. castra):

„castra haec vestrast“.—„optime essis meritis de nobis“..

ubi codices habent „a nobis“. Haud multo post posita fuere haec:

summa ubi perduellumst? quorsum aut quibus ec partibus
gliscunt?

Item haud longe ab initio carminis locum habuere anapaestica:

(saltus) Gallei voce canora,
fremitu peragrant minitabiliter.

Vel instante hostium adventu vel mota iam pugna dictum:

clamore et gemitu templum resonit caelĭtum.

Ad prodigia ante pugnam facta pertinent verba ducis Romani, quae leguntur pg. 185 s. l. verruncent. Eiusdem aciem instrui Gallorum-que saevitiae vices reddi iubentis sunt quae inventiuntur pg. 224 s. l. sanguis.

Denique ipsius Decii vitam pro patria offerentis sunt verba:

quibu' rem summam et patriam nostram quondam adauctavit
pater.

Praecesserat ut puta: „usus artibus“. Sequebatur:

patrio exemplo ut me dicabo, aequae animam devoro hostibus.

In quibus illud „devoro“ pro „devero“ dictum intellexere plerique. Nam Nonius nota socordia repetit a devorando.

His expositis ad palliatis Pacuvii transibimus tragoedias comparatis, sicubi videbitur opus, Ennianis et Accianis.

Igitur Ennii tituli fabularum extant fere XXII, Pacuvii XII, Acci paulo minus quam L, versus vel particulae versuum Ennii circiter 4401 Pacuvii 425, Accii paulo minus quam 700.

Pacuvii fabulis eximenda fuit Protesilaus; quae solo constat Antonii Volsci, qui vixit saec. XV exeunte, testimonio; qui ad Laodamiae epistulam Ovidianam (inter heroidas numero est XIII) adnotat et Pacuvium et Titinium Protesilaum tragoediam edidisse; ex qua multum in hanc epistulam transtulisse Ovidium. Quae et verbis sunt inepta (nam „ex quibus“ debuit dici, non „ex qua“) et re suspecta. Et constat quidem de Titio tragico (nam Titium pro Titinio recte restituere docti), de quo expositum est vit. Enn. pg. 96 sq.; quamquam nulla eius nisi a Volso nominatim memoratur tragoedia. Sed multo magis dubitandum de Pacuvii Protesilao; quam errore ortam Volsci fabulam,

qui de Laevii compertum haberet Protesilaodamia ex Nonio et Gellio ac Prisciano (in libris autem Nonii aetate illa corruptissimis pro Laevio ubique corruptum vel Naevii vel Pacuvii ferebatur nomen; nec non Protesilaodamiae depravatus erat titulus; item alibi plerumque vera inscriptio legebatur inversa), omnes habet numeros probabilitatis. Et alia incognita aliunde ideoque suspecta apud eundem inveniuntur Volscum; de qua re dixit Diltheius, de Callimachi Cydippa pg. 58 sqq. Quamquam satis constat saec. XV doctos usos interdum scriptis, quae deinceps aut perierunt aut delituerunt, neque semper eorum testimonia spernenda. Cf. et Catulli nostri pg. 81 sq.; Ribbeck. l. m. pg. 326.

Ex tribus vero, qui principes habebantur liberae rei publicae tragici, cur Pacuvius fecunditate venae tantum cesserit ceteris (certe brevitate vitae id non effectum; quam ad nonagesimum produxit annum), parum constat. Illud enim ab omni alienum probabilitate, casu evenisse, quod poetae non minus popularis Ennio Accloque tam paucae fabulae memorantur. Ac satis quidem notum etiam pingendo non mediocre navasse eum operam. Igitur vel hoc studio vel quod tardiore esset natura credo eum impeditum, ne plures conscriberet fabulas. Nam quod idem Ennium avunculum, quem omni pietate prosequabatur. imitatus etiam saturas edidit, quales Ennius, in his eum leviter et breviter versatum ut credamus ea re efficitur, quod praeter Diomedis (gramm. lat. I, 485) et Porphyronis (comm. in Hor. Sat. I, 10, 46) testimonia, quae ex Suetonio videntur petita, nusquam earum fit mentio ac ne unus quidem omnino citatur versiculus.

Iam iudicii ferendi de Ennio Pacuvioque et Accio quanta sit difficultas quantaque alea partim propter paucitatem fragmentorum, partim quod veteres atque ipse Cicero diversa haud raro adeoque contraria inter se de illis proferunt, in vita Ennii pg. 81 sqq. est expositum.

Principem tamen locum inter palliatae tragoediae auctores optinere haud dubie videtur Ennius. Cui quod nonnulli Romanorum praetulere Pacuvium, non magis puto probandum quam quod recentiores plerique Accium.

Et Pacuvium quidem, cum poeta sit minime spernendus, tamen propter argumenta curiosius conquistata et exilius pertractata (unde doctrinae laude cumulabatur ab antiquariis Horatio aequalibus) nec non propter sermonem contortum et implicatum tumoremque describendi res vel tragico cothurno nimium (quo loco etiam memoranda nimia in componendis verbis audacia; cf. Quintilian. I, 5, 67) et propter alia praestigia ad excitandos affectus vulgi apta ultimo inter hos loco habendum

declarant fragmenta. Etiam versus eius, quantumvis diligenter elaboratos, carere mobilitate atque elegantia, quam in Ennio Accioque agnoscimus, facile apparet.

Ab Ennio autem primo excultum tragicum dicendi genus, ut exemplo esset insequentibus, ab eodemque gravitatem necessariam tragoediae temperatam multitudine sententiarum luculentarum et ad vitam regendam utilium egregiamque adhibitam artem in moribus describendis declarant carminum reliquiae quantumvis modicae. Itaque etsi non negarim superari eum ab Accio studio et cura (nam et aetas Ennii minus fuit culta Acciana, et ipse interdum sive paupertate cogente sive spiritu rapiente nimis deproperabat scripta sua), tamen secundum in tragoedia latina locumtribuendum censeo Accio. Quem quidem satis constat primum accuratius constantiusque tinxisse scripta fuco quodam rhetorico, ut quem sciret egregie convenire indoli Romanae, cumque omnino diligentius, ut videtur, ad Graecorum se applicaret exemplum, etiam declinationem nominum Graecorum magis ad peregrinae linguae usum revocasse (id quod testatur Valerii cuiusdam versiculus a Varrone servatus: „Accius Hectorem nolet facere, Hectora malet“)—nam ante Graeca tantum non semper flectebantur latine; cf. vit. Enn. pg. 195 sqq.—et re utraque exemplum praebuisse poetis aetatis litterarum latinarum aureae.

In exemplis autem sectandis tragicorum graecorum cum Ennium appareat potissimum observasse Euripidem, subinde Aeschylum ac Sophoclem, Pacuvius Acciusque etiamsi Euripidem satis multum respexere, qui propter nimium de rebus divinis humanisque disputandi amorem mirifice conveniebat ingenii Romanorum saeculi VI et VII urbis conditae, labefacto olim more ac religione maiorum pronis ad philosophiae studium et ad quaelibet addubitanda paratis magisque in dies intentis et innutritis rhetorum praestigiis, neque Aeschyli aut Sophoclis nulla fuere cura, tamen, quantum in tanta et graecorum et latinorum carminum reliquiarum paucitate licet coniectari, maxime videntur esse imitati Euripidis scholam, quae quarto a. Chr. n. exorta saeculo auctoris sui si non virtutes, certe vitia referret plenissime electis argumentis reconditis et abstrusis intricatisque, sed ad movendos affectus aptissimis, vel describendi res et exornandi arte.

Denique incertum illud, in retractandis tragoediis graecis quantum sibi libertatis sumpserint Ennius, Pacuvius, Accius, excepto quod brevitatem perosos in referendis rebus, quae devincire possent spectatorum mentes, vel proprios locos addidisse probabile est vel traditos

a Garaecis extendisse longius suaque arte adornasse curiosius, quodque contaminando hic illic ex alia nonnihil in aliam translatum indicis fonstat satis certis; id quod saepius aliquanto in comoediis Romanorū cactum, ubi magis ei rei erat locus.

Iam ne nimis excrescat huius libelli moles, non omnia, sed gravissima quaeque ex Pacuvii carminum reliquiis sum tractaturus.

Culus cum paucae memorentur fabulae, ex plerisque plura sunt servata quam ex maiore parte Accianarum, sed ut ne haec quidem sufficiant ubique ad tenebras, quibus obductae sunt, fugandas. Multa igitur relinquenda, quae ne expediantur fragmentorum obstat paucitas. Ac saepe id potissimum erat agendum, ut commentis Ribbeckii abstrusis et a re alienis substituerentur quae minus appareret abhorre a probilitate. Et potuit ab eo aliquanto rectius res geri, si maiore fuisset peritia Festi pariter ac Nonii.

I. Atalanta.

Ac primum quidem Atalantae qualis fuisse tragoedia videatur exponam, quippe quam longe aliter institutam ac dispositam mihi sit persuasum atque Ribbeckio visum.

De Atalanta virgine cum multa et varia fabulati sint veteres (nam et duplex ferebatur, altera Arcas origine, Iasi filia, altera Boeotia Schoenei; quarum crebro res confusae), recte videtur intellexisse Ribbeckius carminis Pacuviani explicationem repetendam ab Hygini (si sint eius) fabularum 99 et 100. Ex quibus prioris, quae inscripta est „Auge“, verba haec sunt:

„Auge Alei filia ab Hercule compressa, cum partus adesset, in monte Parthenio peperit et ibi eum exposuit. Eodem tempore Atalante Iasii filia filium exposuit ex Meleagro natum. Herculis autem filium cerva nutrebat. Hos pastores inventos sustulerunt atquo nutrierunt, quibus nomina imposuerunt, Herculis filio Telephum, quoniam cerva nutrierat, Atalantes autem Parthenopaeum, quoniam virginem simulans Atalante [in monte Parthenio] eum exposuerat. Ipsa autem Auge patrem suum timens profugit in Mysiam ad regem Teuthrantem; qui cum esset orbis liberis hanc pro filia habuit“.

Altera fabula, quam quidem totam afferre non est tanti, de Teuthrante Mysorum rege Augeque ab eo pro filia habita et Telepho, qui matrem quaerens in Mysiam pervenerat, agitur. Nam Telephus, cum Idam novas res molientem devicisset, a Teuthrante praemii loco promissam in matrimonium accepit Augem, ignarus esse matrem. Quae

cum nollet post Herculem consociari alteri, nuptiali nocte primum maritum eundemque filium conata interficere, deinde monstro deterrita et professa facinus rursusque a Telepho petita ferro, postremo agnita ab eo et in patriam reducta est.

Ac satis quidem constat et Atalantae res et Auges a tragicis tractatas graecis; cf. Ribb. pg. 311 sq.; illud tamen plane obscurum, quo auctore sit usus Pacuvius.

Iam in fragmentis, quae Nonii potissimum et Festi opera sunt servata, reconcinnandis illud recte intellectum a Ribbeckio, vel potius quasi per nubem introspectum (pg. 312 sqq.), Parthenopaeum et Telephum parentum investigandorum causa profectos a pastoribus, cum quibus pueritiam egerant, casu devenisse ad Atalantam, et Parthenopaeum proci matris, quam ignoraret, factum ut propositae satisfaceret conditioni cum ea certasse cursu. Cetera tamen quae promit adeo sunt incerta et obscura, ut memorari non sit opus.

Igitur videamus an nobis melius succedat res, ita quidem, ut quae commentariis in Non. pg. 84 s. l. cetera breviter exposuimus hic pluribus persequamur.

Itaque hic fere cursus videtur fuisse fabulae.

Atalanta recens nata cum proiecta esset ab Iaso (vel Iasio) patre (cf. Apollodor. III, 9, 2 sqq.), quod indignaretur se non filio, quem exoptaverat, auctum, virgo autem facta et venatrix interfuisset venationi Calydoniae et rem habuisset cum Meleagro, reversa est ad patrem Iasum et ab eo recepta et agnita. Deinde Parthenopaeum edidit et exposuit ignaro patre. Cui confessa de Meleagri amore negavit se post hunc alteri nupturam. Itaque Iasus fatigatus annis uni ex fratribus (Ancaem, Epochum, Amphidamantem nomina eis fuisse tradit Apollodorus l. m.) regnum tradidit. Qui cum crudeliter superbeque uterentur imperio adeoque negarent Atalantam esse filiam Iasi, cum patre est expulsa, incertum, quem in locum. Sed continuis revocantibus civium precibus Iasus omni opera id est adnissus, ut Atalanta denuo nuberet generoque posset committere summam rerum. Quae tandem exorata promisit hactenus se morem gesturam patri, ut qui se cursus celeritate vicisset coniugio suo poteretur, victus ad mortem duceretur. Atque tum inter multos etiam Parthenopaeus ac Telephus cum certamen inissent, qui profecti ad investigandos parentes in ea loca pervenerant, et ipsi extitere inferiores; sed casu quodam agnito Parthenopaeo uterque servatus est.

Frequens fuit fabula de proposita ab Atalanta eis, qui in matri-

monium se ducere vellent, condicione pedibus certandi. Et vulgata quidem obtinuit fama (cf. Apollodor. III, 9, 2, 6) Milanionem tandem extitisse victorem. Sed cum alii non a Milanione, sed ab Hippomene victam traderent Atalantam ac de huius rebus multa eaque diversissima referrentur, de qua eo plura ficta, quod confusa est, ut memoravi, cum altera Boeotia, potuit etiam illa, quam proposui, facillime excogitari fabula; quae adeo fragmento uno certissime adseritur.

His expositis iam eae promentur fabulae Pacuvianae reliquiae, de quibus certi aliquid possit statui, ommissa varietate lectionis, nisi ubi eam cognosci refert.

Non. 450 l. abdicare:

mortem ostentant, regno expellunt, consanguineam esse abdicant.

Verba videntur esse Atalantae in prologo, ut solebat fieri, de rerum suarum statu referentis. Ad fratres haec pertinent Iasi.—Cum aliarum autem heroinarum miseriis suas comparare videtur Atalanta hoc versu (Non. 109 l. famulitas):

quas familitas, vis, egestas, fama, formido, pudor.

Ibi „familitas“ dictum pro „famulitas“.—Pro „pudor“ minus bene cd. Guelferbitanus illud „pavor“.

II. Non. 258 l. callet:

omnes, qui tamquam nos servitium serviunt
sub regno, callent dominum imperium metuere.

Verba sunt legatorum Arcadum de saevitia fratrum apud Iasum querentium populariumque excusantium patientiam.

III. Non. 262 l. confidentia:

gradere adque atrocem coerce confidentiam.

Haec fortasse eorundem, Iasum ad reditum adhortantium.—Illud „gradere“ dictum ut alibi „i“, „vade“.

IV. Non. 429 l. urbs, civitas:

nil sollicita studio, obstupida suspenso animo civitas?

Verba Iasi, ut opinor, ad filiam, hortantis ut coniugium iniret communique Arcadum saluti proprium posthaberet commodum.—Praeesserant ut puta haec: „nilne te preces patriae movent?“

V. Non. 512 l. aequiter:

concertare ac disceptare partes da cursu aequiter.

Initium orationis Atalantae promittentis se ex procorum grege cum

electuram, qui in certamine pedum condicione omnibus pari ineundo ipsam cursu anteisset.

VI. Non. 495 l. accusativus pro genetivo:

parentum incertum investigandum gratia.

Verba Parthenopaei itineris suscepti causam patefacientis.

VII. Non. 490 l. itiner:

dolet pigetque

magi' magisque me conatum hoc nequiquam itiner....

Eiusdem querellae, quod profectio illa, quam ut iniret oraculo haud dubie erat monitus, sicut Telephus (cf. Hygin. fab. 100) et ante Oedipus, videretur fuisse frustra.

VIII. Non. 65 l. praegradat:

extremum intra camperem ipsum Parthenopaeum praegradat.

Verba nuntii de certamine inito, in quo refert Atalantam omnes procos, etiam Telephum, ac postremo ipsum vicisse Parthenopaeum.

IX. Non. 226 l. stirpem:

dubito quam insistam viam

aut quod primordium capissam ad stirpem exquirendum virum.

Verba Atalantae, Parthenopaeum et Telephum, quod acriorem eius in se casu nescio quo converterant curam, antequam supplicio afficerentur, de genere interpellaturae.

X. Non. 116 l. geminitudinem:

habeo ego, istam qui distinguam inter vos geminitudinem.

Oratio eiusdem, adductis ad se amicis et de origine incerta confessis, sed geminos se esse ementitis propter oris similitudinem, gloriantis, quod viam reperisset, quomodo parentes utriusque cognosceret. Ac iam tum videtur illi oborta suspicio de eorum genere. — Illud „istam“ significat noto usu „quam dicitis“.

XI. Non. 477 l. miseretur:

cepisti me istoc verbo. miseretur tui.

Hoc versu, quem recte huic tragoediae adscripsit Mercerus (nam in codicibus pro „Atalanta“ legitur „at ac“ vel „ad ac“; cf. Indicem Non. s. l. Pacuvius Atalanta), paratus nescio cuius rei mentione facta ad parcendum alterutri ex amicis Atalantae declaratur animus.

XII. Non. 85 l. cete:

cete, is vestrorum uter sit, cui signum datumst.

In his, quae tetrametrum potius creticum quam trimetrum iambicum videntur implere, illud „cette“ positum ut alibi „date“ pro „dicite“.—Atalanta recordata a se, cum Parthenopaeum exponeret, ut posset quandoque agnosci, signum infanti datum anulum, prolatus ab amicis anulus utrius esset sciscitatur. Nec enim dubitari potest, quin huc pertineat versus a Festo pg. 375 ed. O. Muelleri s. l. unguis ex hac fabula citatus, qui est talis:

suspensum laevo brachio ostendo unguis.

Quae si recte sunt perscripta, apparet non posse hic reponi, sed in priore parte carminis habuisse locum, ita quidem ut essent verba Parthenopaei ad Telephum, memorantis se post adventum Iaso vel alii nescio cui, qui se de parentibus percontaretur more aetatis heroicae, ostendisse anulum. Sed nescio an restituendum sit „ostende“, ut oratio sit Telephi ad Parthenopaeum.

XIII. Non. 506 l. expedibo:

nam quod conabar, cum interventumst. dicere
nunc expedibo.

Verba Atalantae docentis filium quomodo mater eius esset facta.—Illo „cum interventumst“ videtur significari scena, ad quam pertinent fragmenta XI, XII.

XIV. Festus pg. 334 s. l. sexu:

triplicem virili partu sexum procreat.

His, quae eiusdem sunt Atalantae, dum persequitur, ut plerumque in tragoediis factum, res domus suae, Alei auctoris generis, qui tres filios habuit (cf. Ribbeck. pg. 313), Lycurgum, patrem Iasi, Amphidamantem, Cephea, continetur mentio.

XV. Non. 160 l. porcet:

mi gnate, id verear eloqui; porcet pudor.

Verba Atalantae cum verecundia incohantis quae de consuetudine, quam cum Meleagro habuerat, erant dicenda.

XVI. Non. 486 l. parti:

ubi ego me gravidam sentio adgravascere
propinquitate parti.

Verba Atalantae. Sequebantur ut puta haec:

in Parthenium nemus
concessi, genitorem ut celarem dedecus.

XVII. Non. 382 l. rimari:

cum occultos peruestigans rimarem sinus.

Haec proxime videntur secuta esse fragmentum praecedens.

Restant alia quaedam, quae quomodo sint explicanda cum satis appareat, quo loco sint collocanda parum constat. — Ita verba sunt Atalantae haud dubie, quae leguntur ap. Non. pg. 481 s. l. potior illam rem:

reite, ut memoravi, is nunc regnum potitur transmissu patris.

Nam respicitur maximus ex fratribus Iasi. — Pro „reite“ in codicibus legitur „regi“; pro „memoravi, is“ „memorabis“. Illud propria ductus reposul coniectura; hoc Bothium secutus. Male Ribbeckius:

Tegiae nunc nemoralis regnum potitur transmissu patris, excepto quod acute excogitatum illud „Tegiae“.

Atalantae haud dubie fuit et illud (Non. 355 l. occupare), quo praecipiebatur:

semper satagere, ut ne in amore animum occupes.

Porro hemistichio tali (Non. 378 l. plaga):

etsi metuo picta de plaga [pallam],

ubi „pallam“ ex sequentibus irrepsit, videtur Iasus usus, quo indicaret, nisi a se et Atalanta obviam iretur fratris crudelitati ac superbiae. regnum domus suae periclitari. Male Nonius s. l. plagam dicit partem lecti esse vel omnem. Melius idem, quod in Pacuvii exemp'o testatur plagam poni pro clavo. Nam regiae vestis clavus picturis insignis ad summam testificandam potentiam omnino videtur significari.

Cetera quae servata sunt paucissima cum sint talia, ut optime locum habere potuerint in hac fabula, tamen a quo sint prolata vel quo ordine posita non apparet.

Denique nihil cum sit traditum, quod ad finem tragoediae pertinere videatur, tamen similem non dubitamus fuisse exitum ei, quem habes in Hygini fabula 100, quam supra excerpseri, vel in Iphigenia Taurica, ita quidem ut agnitos avum et matrem in regnum antiquum reduceret Parthenopaeus.

Et hic quidem per accuratiorem notitiam Nonii totam Pacuvii fabulam expedire licuit, quantum potest fieri in fragmentis reconcinandis, talemque eius speciem informare, quae nec a probabilitate sit aliena et praestet nonnihil priorum commentis. — In ceteris eiusdem poetae carminibus certe extat numerus locorum, cui editio Nonii nostra

vel aliquid lucis impertiat novae vel ansam praebeat nova quaedam eademque, ut spero, haud inutilia cognitu proferendi. Quae quidem ordine litterarum servato per singulas persequemur tragoedias.

II. Antiopa.

Antiopam Pacuvii inter celeberrimas fuisse fabulas ac vel primo p. Chr. n. saeculo, quod minime erat aequum antiquissimis poetis, habuisse admiratores demonstrat Persii locus (l, 77):

sunt quos Pacuviusque et verrucosa moretur

Antiopa, aerumnis cor luctificabile fulta.

Quibus etiam comprobatur verbis tumoris, quem supra notavi, et ampullarum ne in hac quidem tragoedia oblitum poetam. Quamquam inversa nonnihil verba eius satis constat. Nam accusativo graeco, qui dicitur, ita ut ponit Persius, eum usum persuadere mihi non possum.

Ex Euripidis tragoedia cognomini hanc petitam docet Cic. de fin. bon. et mal. I, 2, 4. Qui tamen quod et hanc et alias quasdam fabulas ad verbum dicit expressas de graecis, omnino fallitur. Nec enim is fuit mos poetis Romanorum, nedum scenicis, quos spectatorum commoditati consulere oportebat, illiberali ac putida interpretatione invertere scripta Graecorum. Quae adeo non modo a comicis, sed etiam a tragicis cum sermone multimodis mutato, tum addendo, demendo, traiciendo, denique duas fabulas miscendo inter se et concinnando (quae contaminatio vocatur) liberius retractata.

Argumentum describit Hyginus fab. 8 praemissis verbis: „eadem Euripidis (nam praecesserat diversa de Antiopa narratio), quam scribit Ennius“. Ibi verba „quam scribit Ennius“, quae non sunt in indice fabularum, ab interpolatore videntur addita, qui neque sermone uteretur satis eleganti et re falleretur. Nec enim de Enni quidquam alibi traditum Antiopa. Itaque recte argumentum ab Hygino expositum ad Pacuvii tragoediam rettulit Hartungius.

Eius autem summa fuit haec fere. Congressa cum Iove Antiopa cum Nyctei patris, Boeotiorum regis, poenas timeret, in Cithaeronem fugit montem; ubi geminos edidit, quos inventos educavit pastor quidam (frequens fabula haec de heroibus) et vocavit Zethum et Amphionem. Antiopen misericordia motus duxit Epopeus Sicyonius. At Nycteus irae tenax Lyco fratri moriens mandavit, ut poenas ab illo pariter et Antiopa repeteret. Igitur hic illato, post longum tamen tempus, Sicyoniis bello interfecit Epopea, Antiopam abduxit captivam et excrucian-

dam tradidit Dircae uxori. Cuius tandem saevitiam cum fuga evasisset, ad filios pervenit ignara; sed ab eis non est agnita, verum pro serva fugitiva habita nec recepta. Et casu quodam cum Dirce in eadem loca per orgia Bacchi esset delata, agnitam Antiopam ad mortem iussit rapi. Sed interventu pastoris, qui eos educaverat, edocti de origine sua Zethus et Amphion eripuerunt matrem periculo, Dircen ad tauri cornua religatam interfecerunt. Lyco Mercurii iussu pepercerunt, ita tamen, ut Boeotiae regnum traderet Amphioni.

In hac fabula, quam longa tractavit expositione Ribbeckius (pg. 281—301), cum Euripides morem suum secutus Zethi (quem quidem ipse dicebat „Setum“, quod exularet tum temporis a litteris latinis „z“, necdum aspiraretur consonis) et Amphionis proposuisset dialogum prolixum admodum et enucleatum de vitae ratione optima, ne a Pacuvio quidem ea disputatio praetermissa (cf. Auctor. ad Herennium II, 27, 43); quippe quae conveniret spectatorum, ingenti inde a bellis Punicis Graecorum cultus et artium inflammatorum amore, desiderio.

Praeterea apparet ad movendos affectus aptissimam praebuisse materiam cruciatus, quibus Dirces impotentia vexavit Antiopam. Hae igitur occasione et Euripides usus (cf. Ribbeck. pg. 293) et Pacuvius. Adeoque tristicitiam Antiopeae quasi in proverbium abisse docet Persii locus supra allatus.

Habitus eius, cum ex servitute fugisset, videtur describi ita:

illuvie corporis

et coma prolixa, impexa, conglomerata atque horrida.

Quae verba olim ex codice Monacensi scholiorum Persii, ubi citantur, suppleta protulimus; nam ante ferebantur manca. Ante illud „illuvie“ fuit veluti „foeda“ vel „taetra“.

Ex narratione, ut puto, Antiopeae, cum filios adiret ignara ad fidem implorandam, vel postquam ab eis est agnita, petita fuere haec:

frendere Nyctes. misera quae perpressa sum!

ubi „misera“ nominativus est. Nyctes (pro quo apud Pacuvium scilicet fuit „Nuctes“) dictum, ut Orphes, Teres, similia. Codices male habent „noctes“.—Ad servitutem, quam apud Dircen serviebat, pertinebant illa:

perdita inluie atque insomnia;

ubi „inluie“ positum pro „inluvie“.

Ad imperiosa Dirces iussa spectabat versus:

fruges frendeto solido saxi robore;

ubi codicum scriptura corrupta; neque potest servari quod in eis legitur „frendo“, si verum putaris illud „solido saxi robore“; cui imperativus magis convenit quam indicativus. Traditum fere „solas acsic probare“. Cf. Non. 447, 23.

Agnitione facta mutua his verbis usa Antlopa (cf. Ribb. pg. 300):
salvete gemini, mea propages sanguinis.

Praecessere ut puta haec Amphionis vel Zethi:
salve, mater optima.

Cf. Non. pg. 472 s. l. conplectite.

Chorus in Euripidis tragoedia fuit duplex, alter senum Thebanorum, alter Dirces comitum. Apud Pacuvium astici, i. e. urbis Thebanae incolae, hic illic partes eius videntur sustinuisse. Nam continuus et qui ubique eadem atque in Graeca tragoedia officia obiret chorus non videtur fuisse in tragoedia Romanorum ante tempus Augusti; cf. vit. Enn. pg. 79 sq.

Et fuit dialogus inter Amphionem et asticos. Quem hic emendatum adscribam, quia in tractando eo ratio fefellit Ribbeckium.

Amphio.

quadrupes tardigrada, agre-tis, humilis, aspera,
brevi capite, cervice anguina, aspectu truci,
eviscerata, inanima cum animali sono.

Astici.

non intellegimus, nisi si aperte dixeris.
ita septuose dictione abs te datur,
quod coniectura sapiens aegre contuit.

Amphio.

testudo.

Haec citantur a Cicerone praeter versus „ita septuose—aegre contuit“; qui leguntur apud Nonium pg. 170 s. l. septuose. Iam cum ipsius Ciceronis verbis confirmetur verba „non intellegimus, nisi si aperte dixeris“ subiecta fuisse verbis Amphionis, apparet male vulgo poni post ea quae sunt „aegre contuit“; quae adeo ne intellegi quidem possunt, nisi praemiseris illa. Nam habes figuram etiam in prosa frequentem, qua pro praemisso „ita“ (vel „sic“ vel „tam“) subiunctoque „ut“, particula consecutionis, praeponitur posterius enuntiatum

omisso „ut“, sequitur prius servato „ita“. Illud „contuit“ coniunctivus, dictum ut „edit“, „duit“. Significat idem quod „perspiciat“; sicut apud Ennium *Annal.* 92 positum „conspicit“.

Praeterea idem labitur Ribbeckius, cum versus hos ab Amphione aenigmatis loco ad ingenium suum iactandum experiendamque asticorum sollertiam propositos esse statuit. Etenim si sic res haberet, non potuere astici queri, quod ita septuosa dictione esset usus Amphion. Nam in laude habebatur, et merito, aenigmatum quaestiones quantum posset fieri maxime implicari. Igitur propius a vero est ab Amphione aliter iniectam testudinis mentionem, veluti cum proverbio uteretur, quo de re, quae perpetrari non posset, testudo volans poneretur, cf. *Francisci de Furia comm. in fabulas Aesopeas* pg. 65 sq., vel ut indicaret se testudinea uti lyra.

Ceterum etiam hoc loco tumor ille Pacuvii, de quo supra memoravi, comprobatur plenissime. Denique quod Probus in *Verg. Ecl.* II, 25 tradit Pacuvium testari Amphionem et Zethum Iovis ex Antiope Nyctei natos, haec non probabile est in prologo prolata, ut Ribbeckio visum, a pastore, qui invenerat eos in Cithaerone, cum is ne suspicari quidem posset de origine illorum divina, sed potius alibi in fabula, et quidem, nisi fallor, in fine, ubi Mercurii interventu pax inter Lycum et Antiopeae filios reconciliatur. Ibi igitur auctoritate numinis quae de origine geminorum memoraverat Antiope confirmata veri est simile.

Quae restant fragmenta, cum sensu sint perspicuo, partim recte explicata et disposita a Ribbeckio, partim quo loco quove ordine sint collocanda incertum.

III. Armorum iudicium.

De „Armorum iudicio“ sive ut Pacuvium inscripsisse suspicor „Armum iudicio“ (cf. *Cic. Orat.* 64, 155) pauca mihi sunt dicenda.

In hac fabula aliter, atque a Sophocle Livioque et Ennio institutum, summa rerum referebatur ad iudicium de armis Achillis potissimo Graecorum tribuendis latum, non ad insaniam Atacis, quae insecuta est illud et praecessit eius mortem. Cf. Ribbeck. pg. 218.

Interfecto Achille primum ludi sunt facti; quos apparandos indicant haec:

.... seque ad ludos iam inde abhinc exerceant.

Quibus finitis propositum erat certamen de armis Achillis, quae

destinarentur ei qui oratione habita demonstrasset se melius ceteris meritum de Graecis per tempus belli. Verba fuere Agamemnonis:

... qui sese adfines esse ad causandum volunt,
de virtute is ego cernundi do potestatem omnibus;

ac deinceps:

qui vigeat, vescatur armis, id percipiat praemium;

ubi „vigeat“ videtur dictum pro „valet causa“, non ut opus sit scribi „qui vincet“. Illud „vescatur“ non, ut Nonio placuit pg. 416, pro atendo positum, sed pro fruendo. Pro „id“ codices habent „it“ vel „ut“. Et Vlixes, quae erat facilitate, videtur hoc cupide probasse:

.... et aecum et rectumst, tu quod postulas.
iurati cernant.

Omnibus consentientibus et simul concedentibus Aiaci et Vlixis propter verecundiam (cf. Ovid. *Metamorph.* XII, 622 sqq.) Aiax detrectavit certamen, quod indignus esset, cum quo lis haberetur, Vlixes:

an quis est, qui te esse dignum, quicum certetur, putet?

Vbi fallitur, ut solet, Nonius, cuius lemma est pg. 473 „certatur pro certat“.

Atque hac fortasse occasione usus Pacuvius quae Vlixes et Aiax maxime vel ex suis rebus extollerent vel exprobrarent invicem altercatione mutua protulit.

Igitur vel Nestore vel Minerva suppeditante consilium initum Troianos captivos iudices instituere rerum ab utroque gestarum. Cf. Hom. *Odyss.* XI, 547.—At obiectum est posse fieri ut hi detrectarent rem cernendam, quod metuerent ne Aiax victus in ipsos saeviret potius quam in principes Graecorum, qui iudicium detulissent:

proloqui non paenitebunt libere ingrato ex loco?

Sic enim haec scribenda. Cf. Non. 475 l. paenitebunt.

nam canis quandost percussa lapide, non tam illum adripit,
qui sese ictit, quam eumpse morsu lapidem, qui ipsa ictast, petit;

ubi „qui“ alterum est ablativus.

Iam qua via sint usi Graeci ad rem expediendam non comparet. Dubium igitur utrum captivi illi arbitri sint facti, an, quae alia fuit fama, aliquis ex Graecis aucupatos virginum Troianarum de Aiacis et Vlixis facinoribus sermones detulerit ad Graecos eisque auctor exti-

terit arma Achillis tribuendi Vlxi (quo possit referri versus a Nonio 126, 22 servatus: „quod ego inaudiui accipite et qui sit factu opus decernite“; ubi „qui“ positum pro „quo“), an denique ipsi Graecorum principes victa Aiacis pertinacia et utriusque oratione audita tulerint iudicium.

Quod non videri coram editum ex verbis quae sunt „nilne ad te de iudicio armum accidit?“ bene conclusit Ribbeckius pg. 220.

Tum Ajax iniuriae quam putabat illatae non patiens finem sibi vitae fecit cum gravissimis execrationibus popularium. Cf. Sueton. vit. Caes. cap. 84.

Adeoque, ut apud Sophoclem fieri videmus, parum a fuit quin sepultura prohiberetur corpus eius. Quo pertinet diverbium hoc inter militem custodientem cadaver et Teucrum vel Tecmesam:

„pro imperio agendumst“. — „quis vetat, nequi attulat?“

Vbi „attulat“ dicitur pro „attollat“. Quamquam non est improbabile hic, ut saepius, Nonium deceptum falsa lectione ac reponendum „abs-tulat“ pro „auferat“.

IV. Chryses.

De Chryse fabula quae dicam habeo haec. Is, unde nomen traxit, a Pacuvio nimirum dictus „Cruses“. In codicibus Nonii modo „Chryse“ scriptum, modo „Chrise“, aliquando „Chrese“ vel „Chruse“; saepe et „h“ omissa. Ipsum vix aliud dedisse crediderim quam „Chryse“. Nam ut in exemplis plerumque, ita etiam in titulis orthographia utitur novicia, hoc est ab Augusti tempore instituta.

Tractantur hac tragoedia res Orestis et Iphigeniae ex Tauride Sminthen insulam appulsorum, ubi sacerdos erat Apollinis idemque rex (cf. Aen. III, 80) Chryses, Chryseidos Iliadis initio nobilitatae ex Agamemnone filius. Is ignarus originis (nam Apollinem patrem fluxerat Chryseis) infensusque Agamemnoni memoria contumeliae illatae avo traditurus erat hospites consanguineos Thoanti insecuto, qui efflagitabat fugientes, donec a matre vel avo de origine edoctus isdem auxilium tulit adversus barbarum, quem interfecit. Fuit autem et Sophoclis tragoedia Chryses, quam exemplo fuisse Pacuvio non abhorret a vero. Cf. Hygin. fab. 120 finem; fab. 121; Ribbeck. pg. 248 sq.

Iam ut singula persequar, primum est notandum versus haud dubie Pacuvianos 86, 87, 89—92 ed. Ribb., quos cum apud diversos ferrentur auctores primus contunxit Scaliger, item 93, ductos ex Chrysipti

Euripidei loco nobilissimo, qui a multis scriptoribus graecis memoratus, quamquam omisso saepius auctoris et fabulae nomine, legitur apud Nauckium frgm. trag., Eur. 836. Sed id non magis videtur mirum quam quod eodem Lucretius usus est II, 991 sqq.; neque aut de Pacuvii Chryshipo, qui numquam alias memoratur (Accii fuit Chryshipus), cogitandum aut versus illi abiudicandi Euripidi. Sed comprobatur etiam hoc exemplo, quam cupidi fuerint inde ab Ennii tempore spectatores theatrorum Romanorum philosophiae omnisque doctrinae Graecorum.

Ceterum durissimi sunt numeri versus 93, quem Ribbeckius dedit talem:

mater est terra: ea parit corpus animam aether adtugat.

Quae plane circa caesuram sunt vitiosa. Molliora quae posuit idem libri de trag. lat. pg. 257. Neque tamen videntur haec satis commode sanari posse nisi additis quibusdam veluti:

terra mater est.

ea parit corpus. pater tum fetu animam aether adtugat.

Ceterum pro „animam aether“ in Nonii libris (pg. 75 s. l. adtugare) legitur „anima mater“, in Florentino Varronis, qui ultima tria habet verba (d. l. lat. V, 60), „animam ether“. Et „aether“ scilicet scriptum a Pacuvio, cuius tempore nondum spiritus addebatur consonis (id primum novatum ab Accio), fortasse et a Nonio.—Nos tamen in antiquissimis scriptoribus recensendis eam sequimur viam, ut, nisi graviores aliud suaserint causae, eius saeculi orthographiam reddamus, quod fuit inter Augustum et Traianum. Namque hoc sermo latinus cultissimus fuit castigatissimusque pariter elegantia urbanorum hominum et curis grammaticorum.

Iam ubi positus fuerit locus ille communis incertum.—Ceterum hic fere decursus fuit tragoediae, nisi fallor, ut initio convocatos augures, aruspices, vates certiores faceret Chryses de portentis divinitus oblati; quibus (ut saepe in fabulis fieri videmus) denuntiatum erat fore ut ingens scelus patraretur, nisi in tempore caveretur. Nam mox, nisi deorum beneficio esset subventum, parum a fuit, quin naturae leges hospitii pariter iure et consanguinitatis violato laederet Chryses.—Itaque verba regis fuere haec:

cives antiqui, amici matorum meum,
 consillium socii, augurium atque extum interpretes,
 postquam prodigium horrifera, portentum pavos;

ubi notandi multiplices genetivi in „um“ exeuntes.

Deinde post tempestatem gravissimam Orestes cum suis appulsi Sminthen insulam, postquam unus eorum scopulo conscenso vidit Thoantis classem appropinquantem simulque detexit specum late patentem, ubi res suas commode possent condere, iam Chryseae comitumque eius implorarunt auxilium.—Atque huc pertinet illud: „adiutamini et defendite“ (Non. pg. 74 s. l. adiutamini; Donat. ad Terent. Adolph. prolog. 16). Quae si forte, ut sequens fragmentum, trochaica sunt (quamquam multum variarunt in diverbiis tragici pariter et comici trimetros iambicos et septenarios trochaicos), in principio fuere versu collocata, ita ut ultima in „defendite“ elideretur sequente vocali.

Cum primum ex more de patria et parentibus interpellarentur Agamemnonem gloriosius memoravit Orestes:

atque, ut promeruit, pater mi patriam populavit meam.

Vbi illud „ut promeruit“ idem quod „pro meritis suis“.

Illa autem (Non. 415 l. vesci):

fugimusque; arte haec vescimur

haud dubie videntur esse verba Orestis vel Pyladis ad Chrysen, quibus de fuga ex Tauride et avecto simulacro Dianae vel siqua alia averterant agitur.—Sequebatur descriptio tempestatum, qua Chrysen insulam depulsi essent. Cf. Non. 488, 14.

Cognita autem origine hospitum videtur Chryses aliquamdiu haesisse inter odium domus Agamemnoniae et consilia, quae prudentia suppeditaret:

sed cesso inimicitiam integrare.

Vbi „cesso“ idem quod „cunctor“. — Inimicitiam inter Europam et Asiam significari existimo, quae debebat resurgere, si denuo laederentur Graeci a barbaris. Et memoria belli Troiani his, nisi fallor continetur verbis:

promerenda gratia,

simul cum videam Graios nil mediocriter

redandruare opibusque summis persequi.

Sequebatur ut puta:

siquis petierit ultro sese iniuria.

Nam redandruare hic est reddere; cf. Non. 165 l. redandruare.

Deinde advecto Thoante, qui deposcebat, id consilii videtur inisse Chryses, ut ceteris servatis Orestem et Iphigeniam, ut Agamemnonis prolem simulque signi Dianae Taurici raptorem, tradere pararet illi,

atque tum nobilissimum ortum inter Orestem et Pyladem certamen, cum uterque se pro Oreste haberi vellet. Namque omnes habet probabilitatis numeros verum vidisse O. Iahnium, cum suspicaretur Hermae II, 223 illa, quae vehementissime admiratum populum Romanum refert Cicero de fin. V, 22, 63, Pyladis, dein Orestis, postremo utriusque verba:

égo sum Orestes. immo enimvero ego sum, inquam. Orestes...
ámbo ergo precámur una símul a te necárier

(quae nescio an a Pacuvio sint translata ex Euripidis Iphigeniae Tauricae loco notissimo) ex Chryse petita, non ex Duloreste, cui alii adscripsere. Nam et facillimum erat Aegistho internoscere utrumque nec eius intererat Pyladi, amico hominis invisissimí paratoque ad ultionem, parcere. Neque omnino Orestis vel Pyladis ad mortem ducti in Duloreste ullam fuisse memoriam probabile est, ut infra videbimus.

Ad ultimum tamen via inventa cognoscendi Orestem; cf. Non. 475 l. opino:

inveni, opíno, Orestes uter esset tamen.

Vbi „tamen“ paene idem, quod „tandem“. Cf. Non. 406 l. tamen. — Sed antequam traderentur Orestes et Iphigenia Thoanti, vel Chryseis vel Chryses senior intercedunt; qui, patefacto Agamemnonis filium esse Chrysen minorem, a scelere violati hospítii prohibent. Nam recte videtur Ribbeckius huc rettulisse (pg. 255) versum:

di monerint meliora atque amentiam averruncassint tuam.

Non. 101; 142 l. delugare; memoria:

perque nostram regiam
unanimitatem, quam memoria delugat.

Adscripsi haec, ut emendavit Vossius. Nam Nonius bis sine metro „perque nostram egregiam unanimitatem“. Verba sunt haud dubie Thoantis ad Chrysen, quem olim concordia, quae deceret eiusdem fastigii viros, iunctum sibi videtur dicere. Tradit sane Nonius memoriam positam pro vetustate. Sed id falsum satis apparet. Crediderim potius vel ipsius vel auctoris, quem sequitur, culpa locum esse mancum. Subiunctum versu insequente velut „iniuriarum“ vel tale quid intercidit. Puto igitur dicta illa a Thoante, cum cognita origine sua nollet Chryses stare promisso tradendi ad necem captivos; unde ad alterationem transitum ac postremo in manus ventum.

VI. Dulorestes.

Pro „Duloreste“, quae prope a solo Nonio citatur fabula, codices potissimi saepius habent „Doloreste“. Cf. Indicem ed. Non. II, 378; ubi plura de hac scriptura sunt proposita. Quam equidem iam stupore librariorum provenisse persuasum habeo, ut qui imperitia ducti vocabulum graecum interpretarentur per „dolores te“, sicut et nonnumquam scriptum. Ita Lugdunensis prior Nonii pro Periboea, quae eiusdem Pacuvii fabula, ubique fere exhibet „peribo ea“. Nam Doloresten quod velut Δολορέστην quidam sunt interpretati, id neque analogia videtur commendari neque, ut per hanc stet, satis posse explicari. Itaque Dulorestes dictus Orestes sub servi specie latens.

Quem autem ex Graecis imitatus sit poetam Pacuvius incertum.

Iam cum priores Stieglihtium secuti statuissent in Tauride agi rem, hanc Ribbeckius opinionem, quam prius amplexus erat, iam ipse abiecit, idque, ut mihi videtur, rectissime, assignavitque ei Mycenis in Aegisthi regia locum. Laudandus idem, quod intellexit Nauplii, hominis Graecis ipsique Agamemnoni eiusque domui propter interfectum Palamedem infestissimi, filiorum factam mentionem in fabula eadem. At enim prorsus fallitur, quod de Electrae et Oeacis, unius ex his, cogitavit nuptiis, cum haud dubie Erigonam, Aegisthi filiam, vel Oeaci vel Nausimedonti fratri collocatam narrarit Pacuvius. Nam etsi de Eri-gones matrimonio tali non magis constat quam de Electrae, tamen negandum potuisse fieri, ut Pacuvius fingeret Aegisthum homini amicissimo dedisse ducendam puellam sibi propter interfectum patrem infensissimam, quae maritum novum aut odio in Aegisthum deberet accendere aut, si perstaret in amicitia, ipsum vexare odio. Neque Agamemnonis filiam suspectissimam conveniebat regiis extolli nuptiis, sed potius plebeo homini tradi, ne quando nocendi haberet facultatem. De qua re extat Euripidis fabula.—Nec minus mire illud Ribbeckius, quod cum initio tragoediae recte iudicasset describi nuptiarum diem, putavit idem frgm. XXXI ed. Ribb. contineri minas Aegisthi adversus Electram recusantem nubere Oeaci.—Accedit quod ipse Pacuvius dicit nubentem gnatam regis. Cf. frgm. I, II. Interrupta vero sollemnia et disiecta Orestis ac Pyladis opera, qui, cum servili habitu irrepissent in domum Aegisthi, occasione capta et hunc cum uxore et Nauplii filios interfecere, Eri-gonae iussu Dianae pepercere.

Tradit quidem Hyginus fab. 122 multo post interfectum Aegisthum cum Mycenae esset rumor perlatus Orestem in Tauride immolatum

Dianae, Aleten, Aegisthi filium, regno potitum Mycenarum; ac tum Electram Delphos profectam, ut sciscitaretur de fratris morte et ab eodem nuntio falso, qui mortem Orestis vulgaverat quemque ab Alete subornatum, quamquam id non refert Hyginus, est probabile, Delphis impulsam ad invadendam Iphigeniam sororem, velut fratris interfectricem tandemque agnitione facta Orestem cum suis regressum domum occidisse Aleten, Erigonae pepercisse. Sed tales fabulae quam facile potuerint variari quamque saepe variatae sint quis ignorat?

In Duloreste cum omnia Mycenis ac regnante Aegistho acta esse constet, oraculum ab hoc per legatum petittum Delphis, quod rebus suis timeret, memoratur. Ac fortasse relatum a Pacuvio nuntium missum convenisse ibi cum Oreste et alia quaedam haud dissimilia eis, quae narrat Hyginus.

Igitur initio fabulae (cf. Ribbeck. pg. 247) posita fuisse probabile est responsa Apollinis Delphici; ad quem missus esset legatus propter calamitatem publicam. Nam huc pertinere apparet versum:

nec grandiri frugum fetum posse nec mitiscere.

Simul per eum videtur Clytaemnestra (sive ut a tragicis antiquissimis vocata est ubique Clutēmestra) de Oreste filio esse sciscitata, quem Agamemnonis caedi subtraxerat Electra.

Verba sunt Aegisthi post auditum oraculum:

sed med incertat dictio. quare expedi.

Responsum legati:

nil coniectura quivi interpretarier,
quorsum flexivia dictio contenderet.

Denique auxilium fert ambigenti regi aruspex sive vates nescio quis de quo haec dicta:

responsa explanat. mandat ne matri fuat
cognoscendi umquam aut contuendi copia.

Sequebatur ut puta „Orestis“ vel „nati“. — Deinde misso in praesens metu nuptiae celebrantur Oeacis et Erigonae.—Quod antequam fieret, videtur Aegisthus egisse cum Electra, quae pervicaciter aspernaretur adulterum eiusque coniugem, etque minitatus esse carcerem et tormenta (Non. 179, 11):

nam te in tenebrica saepe lacerabo fame
clausam et fatigans artus torto distraham.

Vbi „clausam“ Iahnus scripsit de coniectura. In codicibus legitur

„clausum“.—„Saepe“ ablativus est, non adverbium.—Cet. cf. Sophocl. Electr. 378 sqq.

In scenam prodeunt Orestes et Pylades; ex quibus hic mangonis, equos vendentis, ille servi habitum assumpserat. — Causam sollemnis diei requirantibus respondetur ita:

gnatam despondit (sc. Aegisthus); nuptiis hanc dat diem;
et porro:

hymenaeum fremunt
aequales, aula resonit crepitu musico.

Quae expressa ex Euripidis Iphigeniae Tauricae 355 sqq. adnotarunt docti. — Quae secuntur verba videntur esse Orestis ad oblatam Electram, sensim patefacientis originem et promittentis ultionem.

quid quod iam, ei mihi!
piget paternum nomen, maternum pudet
profari?—
aut hic est aut hic adfore actutum autumo.—
heus! non tyrannum novi temeritudinem?

Vbi „tyrannum“ est genitivus. Dicit Orestes se quamvis solum posse aggredi Aegisthum, quod temeritate sua capi soleant tyranni. Eodem referendum existimo illud (sermo est hortantis Orestem):

macte esto virtute operaque, omenque heis proba.

Vbi codices habent „asprobo“; „omen approba“ scripsit Delrius. Illud „heis“ vel dativus masculini generis, ut praesentes significantur Electra et Pylades, vel ablativus neutri, qui spectet ad ea quae praecedunt „virtute operaque“.

Porro ad Mycenensem nescio quem videntur data haec fallendi causa:

Delphos venum pecus egi; inde ad stabula huc itiner contuli.

Verba sunt Pyladis. De Oreste patefacto dictum:

hicine is est, quem fama Graii ante omnes nobilitant viros?

Quae quidem magis miserantis propter servilem habitum puto esse quam admirantis.

at si tanta sunt promerita vestra, aequiperare ut queam
vereor, nisi numquam fatiscar facere quod quibo boni.

Verba videntur esse Orestis grates agentis, quod is Mycenensis, cuius sunt priora, sive alius quis memoriam Agamemnonis eiusque liberorum cum pietate colisset.

extemplo Aegisthi fidem
nuncupantes conciebunt populum.

Verba monentis, ut caedes Aegisthi quam celerrime perpetraretur, quod aliter posset defendi popularium factione.

Secuntur Orestis dubitationes sollicitudinesque propter matricidii futuri inexpiabile scelus:

utinam nunc matrescam ingenio, ut meum patrem ulcisci queam!

In fine eorum, quibus hominum de tali facinore iudicia et rumores memoraret Orestes, existimo subiectum illud:

siquis hac me oratione incilet, quid respondeam?

Interim ad Aegisthum rumores perlatis, sed incerti, de Orestis adventu:

ni me calvitur suspicio,
hoc est illud quod fore occulte Oeax praedixit malum.

Vbi „ni“ et „malum“ addita a doctis. Cf. comm. in Non. 7, 5; 6. Scilicet Oeax, gener futurus, iam ante monuerat Aegisthum de futuro mox Orestis sub aliena persona, quo insidias tegeter, adventu:

„is quis est?“—„qui te, nisi illum tu occupas, leto dabit“.

Diverbium inter Aegisthum et Oeacem. De Oreste agi manifestum.—De eodem haec dicta ab Aegistho:

unde exoritur? quo praesidio fretus? auxiliis quibus?
quo consilio consternatur? qua vi? culus copis?

Vbi nugatur, ut solet, Nonius. Cf. comm. in 262, 31. Ego de coniectura scripsi in editione „consternetur“. Sed nescio an indicativus possit retineri, quem interdum pro coniunctivo dubitativo in interrogatione ponunt poetae. Porro Oeacis sunt, non minus pro se timentis propter insidias a Nauplio patre structas Agamemnoni et Graecis:

pater Achivos in Capherei saxis pleros perdidit.

At hemistichium:

illum quaero, qui adiutatur

videtur esse Orestis, desiderantis Pyladem, antequam ad caedem Aegisthi accingeretur. Cf. Ribbeck. pg. 242.

Denique illis (Non. pg. 184 s. l. vanitudo):

„primum hoc abs te oro, ni me inexorabilem
faxis“.—„ni vanitudine aetatem tuam
turpassis“.

continetur, puto, altercatio inter Orestem vel Pyladem et Oeacem sub fine fabulae posita, cum alter se ad parcendum inimico ostenderet paratum, alter ventam ferociter recusaret. Ibi „ni“ bis dictum pro „ne“.

Ac nescio an etiam huc referendus sit versus, qui ap. Non. legitur 146, 20:

vae, cum illum videas sollicitum orbitudine?

Nam poterat his verbis Orestes monere Oeacem, ut Nauplii patris reminisceretur, qui amisso olim Palamede et ceteris filiis apud Aegisthum periclitantibus orbitudine angebatur.

Quae restant fragmenta paucissima, cum sensu sint aperto, tamen quem locum optinuerint in tragoedia definiri nequit.

Continua inter se fuere, ut Ribbeckius intellexit, illa:

„non decet animum aegritudine in re crepera confici“.—

„nonne vitium fungar vulgi adque aegre malefactum feram?“

Vbi „nonne vitium“ scripsi de coniectura. Nam in libris legitur parum concinne: „nonne officium“. Sed quod vitium dicitur vulgi mori vehementius malefactis, etiam hic agnosces philosophiae studiosum Pacuvium.

VI. Hermiona.

De Hermiona Menelai et Helenae filia a Sophocle scripta erat tragoedia, quam exemplo fuisse Pacuvio statuit Ribbeckius pg. 261; quod quo iure fecerit mox quaeretur. Eius carminis summa haec fuit (cf. Eustath. Comment. in Odys. ap. Nauckium Trag. graec. frgm. pg. 140), ut referretur absente etiamtum ad Troiam Menelao in matrimonium Hermionam datam Oresti, fratri patrueli, a Tyndareo; deinde ereptam ab eodem, quod eam Neoptolemo sive Pyrro, Achillis filio, ante Troiam captam despondisset Menelaus. Sed Pyrro interfecto a Machaereo Delphis, quo venerat ad poenas ab Apolline exigendas propter patris mortem, redditam Oresti Hermionam; ex qua deinde Tisamenum editum.

Locus fabulae Pacuvii Delphi haud dubie (cf. frgm. XXII ed. Ribb.; etusd. libr. de tragoed. lat. pg. 268), quo et Orestes venerat, ut videtur, ad matris caedem explendam, et Pyrrus cum Hermiona, ut Ribbeckius conicit, consulturus deum de infecunditate Hermionae (cf. pg. 261 sq.). Aderat et Menelaus, non tamen, ut Ribbeckio visum, Tyndareus, avus Hermionae, senex aetatis ultimae. Qui quidem absens

perstringitur, quod impatientia senili ductus non expectato, donec Menelaus rediret, festinasset Hermionam tradere Pyrrō; cf. Non. 393, 2; Ribb. pg. 265. Quodsi Pacuvius in eadem fabula persecutus est purgatum ab Apolline matricidii crimine et lustratum defensumque a Furiis urgentibus (cf. Serv. in Aen. IV, 473 comment.) Orestem, id statim in principio ipso agi oportuit. Componi enim Orestes cum rivali Pyrrō non potuit nisi sanus iam et salvus. Quo enim pacto homo propter scelera in furorē conversus et a Furiis agitatus aut ambiret amorem Hermionae aut ab ea amaretur? Nec vero insaniae eius in tragoedia Sophoclis videtur ulla fuisse mentio; et ne hoc quidem satis comparet, utrum praesentem Delphis interfuisse rebus eum dixerit necne. A quo, quantum licet concludi ex argumento Eustathi brevi admodum et sicco, sola Machaerei opera propter iram Apollinis referebatur interfectus Pyrrus. Hermionae vero apud eundem hae potissimum videntur fuisse partes, ut cum invita nupsisset Pyrrō Apollinem fatigaret precibus obtestationibusque, quo redderetur viro priori, utque interfecto Pyrrō in antiquum rediret coniugium.

At in Pacuvii tragoedia cum haud dubie inducatur Orestes refligens uxorem et cum Pyrrō Menelaoque de ea litigans, abhorret ab omni probabilitate illum, fortissimum heroem, ad interficiendum Pyrrum Machaerei vel alius cuiusquam opera usum, sed cum preces non procederent vi grassatum apparet. Itaque Pacuvius ab Oreste interfectum proposuit Pyrrum, quae item apud alios poetas latinos optinuit fama. Cf. et Hygin. fab. 123.

Igitur si usus est Sophoclis carmine Pacuvius, quin libere admodum immutarit dubitari non potest. Sed propius abest a vero eum alterius poetae secutum exemplar. Nam etsi non constat nisi de Sophoclis tragoedia, facillime tamen potuit evenire, ut Hermiona, cuius saepius res memorantur a poetis antiquis, pluribus Graecorum tragicis praeberet materiam scribendi.

Convenit vero huic, quod primae haud dubie apud Pacuvium partes fuere Orestis, non Machaerei; cuius adeo ne memoriae quidem in fragmentis extat signum certum; neque ullam rem magis quam Hermiona ablata priori marito cui tandem deberet cedere tractatam esse manifestum.

In principio Aegisthi scelus tangi videtur ab Oreste ita:

regni alieni cupiditas
pellexit.

Deinde insania liberatus idem cum de adventu Pyrrii inaudisset, primum quidem speravit fore ut is ultro abdicaret uxorem propter infecunditatem:

quod tamen ipsa orbitas
grandaevitasque Pelei penuria
stirpis subaxit.

Vbi „quod“ noto usu positum pro „ad quod“; „tamen“ idem fere quod „tandem“; „subaxit“ dictum pro „subegerit“ vel „coegerit“ et significationem habet futuri secundi, ut alibi apud Pacuvium (cf. Non. 185, 23):

veniam precor petens, ut quae egi, ago, axim verruncent bene.

Non. 178 l. tetinerit:

sub iudicio quae omnes grados tetinerim.

Haec corrupta. Quodsi recte a doctis repositum „tuo iudicio“ et „omnes Grados“, apparet illud „tetinerim“ dictum pro „detinuerim“, „devinxerim“ et verba esse Hermionae ad patrem vel Pyrrum, ut excusaret pulchritudine sua inter omnes Graecos celebri Orestis amorem nimium.

Non. 132 l. lamentas:

lamentas, fletus facere compendi licet.

Verba Pyrrii ad Hermionam, quae cuperet Oresti reddi. Ceterum vix recte Nonius „lamentas“ dici refert pro „lamentationes“. Est potius verbum:

lamentas? fletus facere compendi licet.

Non. 96 l. domitionem:

nam solus Danais hic domitionem dedit.

Dicitur Pyrrus virtute pariter sua et accessito Philoctete Graecis praebuisse facultatem evertendi Troiam tandemque redeundi domum. Ac fortasse de se ipse hoc praedicavit noto usu pronominis, quod est „hic“. Quod si ita est, aut creticus in principio versus supplendus, ut ei conveniat cum trochalci, ubi patris et sua in Graecos extollit merita ille:

quid benefacta mei patris, cuius opera te esse ultum autumant?
quod ego in acie crebro oblectans vitam bellando aptu' sum;
aut alio tragoediae loco eum positum fuisse statuendum. Praeterea dignum memoria illud „domitionem“; pro quo in codicibus levi cor-

ruptela scriptum „domutionem“. Sed „domitio“ dictum ut „animadverto“. „animadversio“; et hanc formam Sullae tempore fuisse in usu demonstrat auctor ad Herennium III, 21, 34. Cf. de re metr. pg. 419 sq. Ita et „domusio“ invenitur. Cf. comm. in Non. 231, 6.

In suam rem trahebat Orestes, quod prius sibi collocata esset Hermiona:

priu' datast quam tibi dari dicta aut quam reditumst Pergamo.

Vbi „dicta“ non est „promissa“, ut Nonius vult 280, 34, sed potius „destinata“.

Obiectum a Menelao illi, quamquam nescio an alia fuerit scena—nam sunt trimetri vel tetrametri iambici—, quod ignominiam subiturus esset Tyndareus rescissis nuptiis, quas ipse conciliasset:

Tyndareo fieri contumeliam,

cuius te veretur maxime!

Vbi notandus accusativi cum infinitivo usus frequens apud poetas antiquiores Ovidio.

Ad mores describendos Pyrrī, patri ut virtutibus, ita vitiis simili, pertinebant haec:

par fortitudo, gemina confidentia;

in quibus recte dicit Non. 316, 20 geminam esse similem, noto usu fallitur Ribbeckius, qui pro duplici putat positum.

Diomed. grammat. lat. I, 400:

paucis absolvit, né moraret diutius.

Haec, quae apparet de oratione quantum posset fieri brevissime instituta dici, mire rettulit Ribbeckius ad festinatas Tyndarei opera Pyrrī et Hermionae nuptias. Nec laudandus idem, quod „diutius“ statuit efferendum dactylice, quasi „djutius“. Nam u prius in „diutius“, „diutissime“ pariter esse breve atque in „diuturnus“ satis est demonstratum de re metr. pg. 348.

Finem fabulae fecit interfectus Pyrrus et Hermiona reddita Oresti.—Pugnae, quae praecessit, inter rivales nulla mentio servata, nisi huc traxeris quae leguntur ap. Non. pg. 87 s. l. clipeat:

currum liquit, clamide contorta astu clipeat braccium;

ubi „clamide“ noto usu dictum pro „chlamyde“; „braccium“ alias scribitur „bracchium“. Sed in his quis significetur curru relicto proelium initurus omnino obscurum; illud certum neque Orestem neque Pyrrum videri indicari. Atque ipsum illud „currum“ videtur suspectum.

Occiso Pyrrō unus ex Delphorum incolis, fortasse Machaereus vel aliquis sacerdotum (cf. Ribb. pg. 268), haec dicit:

ibo atque edicam, frequentes ut eant gratatum hospiti.

Denique a nescio quo, fortasse ab ipso Apolline, qui, quod iniurias eius simul cum suis ultus erat Orestes interfecto Pyrrō, potuit esse nuptiarum auspex, monentur Orestes et Hermione, ut coniugium feliciter restauratum concorditer agant:

concorditatem auspicio adiunctam perpetem
probitate conservetis.

Vbi „auspicio“ (i. e. „auspicio nuptiali“) de coniectura scriptum; codices habent „hospitio“, quod sensu caret.

Reliqua fragmenta vel recte satis a Ribbeckio intellecta et disposita vel, ubi dubites, non satis digna, de quibus agatur pluribus, vel incerta prorsus loco et ordine, ut solemus, praeterimus.

VII. Iliona.

Iliona quoque, ut dimidia paene pars fabularum Pacuvii, et titulum et argumentum traxit a femina. Quarum partibus ad movendos affectus magis videtur usus esse ille quam vel Ennius vel Accius. Et in Iliona quidem, ut in *Atalanta*, poeta naturam suam secutus, quae respueret molliora, descripsit mores mulieris, quae virtute, constantia, asperitate superaret sexum suum.

Nam de Polydoro Priami filio apud Polymestora Thracum regem ad vitanda belli Troiani pericula deposito cum diversa fabularentur veteres, etiam haec fuit fama (cf. Hygin. fab. 109), Ilionam sororem eius, uxorem Polymestoris, amore et reverentia ductam parentum renique Troiani recepto fratri substituisse filium suum Deipylum, huic illum, quo minus ei esset metuendum a Thracum, gentis perfidae, et ipsius Polymestoris inconstantia sive, ut Hyginus l. mem. refert, ut, si unus ex his casu quo perisset, Priamo et Hecubae restaret alter Polydorus sive verus sive fictus. Sed eversa Troia Polymestor, ab Agamemnone corruptus spe accipiendae in matrimonium Electrae aurique magnae copiae ut perderet Polydorum, pro hoc interfecit filium. Cuius umbra mater de scelere certior facta, reverso Polydoro, qui profectus erat peregre ad Apollinis oraculum consultandum de parentibus, a quo edoctus incensam patriam, occisum patrem, captam matrem redux valde miratus est nihil horum accidisse, patefacto vero rerum statu una cum fratre poenas repetiit a Polymestore. Quas quidem pervulgatior

fuit fama, quam et Euripides in Hecubae tragoedia et Ovidius in Metamorphoseon libris secutus est, exactas esse opera Hecubae.

Fest. pg. 281: repotia, postridie nuptias apud novum maritum cum (om. codex) cenatur; quia quasi reficitur potio. Pacuvius in Iliona:

ab eo

depulsum mamma paedagogandum accipit
appottalis liber.

Ita codex Festi unicus (non „appottalis libet“). Pro eo quod est „ab eo“ ad sensum metrumque fulciendum nescio an restituendum sit „ellico“, i. e. „illico“. — Pro „appottalis liber“ quidam scripsere „repotialis Liber“, ita indicari rati Polydorum prius matris, deinde sororis lacte nutritum. Sed neque hoc ullo pacto ita potuit reddi et fugit illos depulsum mamma dici pro desueto lacte; cf. Benti. ad Hor. C. IV, 4, 15; neque lacte nutriendum significari puerum per „paedagogandum“. Videtur locus, quem in prologo positum fuisse apparet, mancus esse circa finem. A Pacuvio igitur fere hoc venisse existimarim:

ellico

depulsum mamma paedagogandum accipit
repotialis Liberi terra horrida.

Nam „repotialis“ puto cognomen fuisse Baccho apud antiquissimos Romanos; quod non mirum, cum repotia inter statutos ac sollemnes ritus essent nuptiarum. Bene autem illo hic Pacuvius usus, cum Thraeces essent famosi computationibus assidue ineundis repetendisque.—Cet. cf. Ennii fabul. v. 407.

Non. 124 l. inibi:

profecto aut inibist aut iam potiuntur Phrugum.

Verba haut procul ab initio fabulae posita, quibus declaratur aut mox captum iri Troiam aut iam captam.

Tum allatus nuntius de excidio Troiae. Polymestor antequam scelus aggrederetur, consillorum eius ignara Iliona temptavit efficere, quo ille auctoritate sua permoveret Graecos, ut sinerent Polydorum regno potiri paterno:

tu si conere, credo, avitum sceptrum hunc patientur poti.

Deinde perpetrata caedes Deipyli, quem pro Polydoro habuit pater.— Ab umbra filii edocta mater de scelere proximae noctis insomnia. Ac multum admirationi fuit aequalibus Ciceronis scena illa, qua matrem

dormientem excitabat Deipylus. Cuius cantici octonariis iambicis compositi hoc fuit initium:

mater, te appello.

Cic. Acad. pr. II, 27, 88; cf. Epist. ad Attic. XIV, 14, 1; Tuscul. II, 19, 44:

age astá: mane audi: itera dum eadem istaéc mihi.

Ita hunc versum dedit numeris nullis Ribbeckius. Scribendum:

age ásta, manta! audi: iterandum eadem istaéc mihi.

Mantandi verbo etiam Caecilius aequalis maior Pacuvii usus est.—Ac saepe a Cicerone scenitorum antiquiorum verba citata mutari constat.—Porro scribendum, ut pars codicum Ciceronis habet: „iterandum eadem“. Vulgarem lectionem apparet interpolatam ab eis, qui non tolerarent constructionem rariorem „iterandum eadem istaéc“.

Quae tamen frequens apud antiquissimos auctores. Notus Lucretii versus: „aeternas quoniam poenas in morte timendumst“.—Verba esse testatur Cicero in Academicis Ilionae experrectae de somno ad umbram filii dilapsam, quam etiamtum crederet se videre, et dicta sibi repetere iubentis.

Interim e peregrinatione rediit Polydorus. At Iliona magis luctu affecta propter amissum filium quam gaudio propter receptum fratrem nigris fecit rem sacram victimis. De qua re interrogata respondet:

quis deos infernos, quibu' caelestis, dignet decorare hostiis?

Vbi quod a Nonio illud „dignet“ explicatur per „dignos putet“, Ribbeckius coniecit scribendum „decorari“; potuit „decorarei“.

Non. 505 l. sonunt:

ibo ad eam, ut sciscam quid velit.—valvae sonunt.

Verba sunt Polymestoris arcessiti ad uxorem.

Sequitur diverbium inter maritum et uxorem. Ad quod pertinent haec (Non. 470, 9):

Polym.: cur illa quae tu hic mecum altercata's?—Il.: tace!

Non. 183 l. unose:

occidisti, ut multa paucis verba unose obnuntiem.

His verbis in alia, ut puto, scena requirenti filium Polymestori respondetur. Cet. cf. Ovid. Metam. VI, 652 sqq.—„Occidisti“ transitive dictum; „unose“ pro „univorse“.

Eodem metro constat versus a Festo servatus pg. 372 s. l.: ve-
cors est turbati ac mali cordis:

paelici superstitiosae cum vecordi coniuge.

Quem quidem et ipsum huic scenae tribuendum existimo. Verba sunt Ilionae de Agamemnone. Recte Ribbeckius, qui cetera male, illud „paelici superstitiosae“ refert ad Cassandram; quae secuntur „cum vecordi coniuge“ dicta de Clytaemnestra ipsum Festi lemma poterat docere.—Execrationem autem his contineri Agamemnonis manifestum.

Iam post excaecatam et obtruncatam astu Polymestora et Polyxenam vitae invenisse finem declarant haec:

di me etsi perdunt, tamen esse adiutam expetunt,
quom priu' quam intereo spatium ulciscendi danunt.

Nec minus Polydorum, quem in Thracia interceptum omnis testatur antiquitas, perisse certum est. Cecidit uterque, ut puto, manu Thracum regem interfectum ulciscantium. Cf. Ovid. Metam. XIII, 565 sqq. Nam quod dicit Hyginus Fab. 243 Ilionam ipsam sibi intulisse manus propter casus parentum, id ex alia tragoedia videtur petitum.

VIII. Medus.

Medi, qui Aegéi Atheniensium regis et Medae fuit filius, obscurior fuit fama. Vnde saepe librarii pro „Medo“ scripsere „medio“ vel „Medea“. Fabula, quam refert Hyginus cap. 27, ex earum genere, quales Euripides eiusque sectatores amabant tractare.—Igitur ordo rerum traditur fuisse hic:

Medus dum quaerit matrem Colchos advectus est, ubi Aeeta fratre deiecto regnabat Perses, Solis filius, qui oraculo erat monitus, ut caveret ab Aeetae posteris. Cuius rei gnarus ille se Hippotem Creontis Corinthorum regis, infestissimi Medae, filium esse finxit. Tamen in vincula est coniectus. Interim advenit Medea. Quae sterilitati, quam Colchis laborabat, mederi se posse pollicita Hippotem, quem credebatur, ut a patre missum puniendi sui causa, ad necem depoposcit, velut Medum a matre subornatum ad interficiendum Persen. Sed cognito tandem hunc verum esse Medum filio pepercit gladioque tradito interficere iussit Persen. Cui obsecutus ille obtinuit Colchidem.

Iam in eis fabulae locis, quae apud Nonium inveniuntur, etsi non minus saepe mihi dissentiendum fuit a Ribbeckio quam in ceteris tra-

gicorum comicorumque latinorum fragmentis, tamen pauca habeo de singulis memoranda, quae non possint peti ex editione nostra.

Non. 76 l. bount:

clamore et sonitu colles resonantes bount.

Verba videntur esse Medi appulsi ad terram, cum undique confluerent ad visendos advenas Colchi.

Non 324 l. ilico:

repudio auspicium. regrediundumst ilico.

Verba, ut puto Medi, qui, cum audisset a Colcho nescio quo de Persae infenso propter suspicionem in posteros Aeetae animo, destinaret quam celerrime abire ex regno eius, quamquam prosperis nuntiatibus auspiciis, quae deinde fuere rata agnita matre et interfecto Perse. Abducto Hippote, quem putabat, cum Medea magis magisque sermonibus consertis commoveretur, ut alium esse existimaret atque Perses dixerat, modo citius incedere coepit cum eo, modo tardius, perturbatione victa. De qua re testatur hic Medi versus:

si resto, poscit ut eam; si ire conor, prohibet betere.

Ibi illud „poscit ut“ de coniectura positum; nam in codicibus est „pergitur“ (pergit ut“ Mercerus). Sed nescio an restituendum sit „percit ut“. Nam quod docti volunt verba quae sunt „ciere“ et „cīre“ cum compositis ita differre, ut illud sit „excitare“, hoc „vocare“, haec non semper differentia est observata. Cf. Lucret. III, 303: „nec nimis irai fax umquam subdita percit“.

Deinde paratam se ad auxilium ferendum ita indicat mater:

possim ego istanc aps te cladem averruncassere!

Vbi „possim“ optantis est conjunctivus. Codices plerique habent „possum“. Sed ipsa infinitivi „averruncassere“ ratio et usus hoc demonstrat parum probandum.

Festus 305 l. super—pro de:

qua super re interfectum esse dixisti Hippotem?

Ita olim hunc versum constitui d. r. m. 422. Quod si cui displicuerit illud „super“ sprete positionis vi pyrrichiae adhibitum initio metri apud Pacuvium (nam apud Plautum admitti licet), potest ita conformari:

qua super interfectum esse re dixti Hippotem?

vel:

qua super interfectum esse dixti re Hippotem?

In illud „dixi H.“ et Ribbeckius incidit. Codex Festi, qui extat unicus, habet: „qua super re interfectum esse Hippotem dixisti“. Verbis autem his compellari Medeam, quae, ut demonstraret non esse Hippotem qui se diceret, contenderet hunc olim perisse, intellexit Ribbeckius. Sed utrum Perses an Medus eis usi sint incertum.

Sicut in Periboea Oenea, in Medo Aetam senem confectum aetate pariter et miseris more Euripideo proposuisse videtur Pacuvius. Itaque ille rerum suarum statum pridem afflictum deplorat sic:

refugere oculi; corpus macie extabuit;
lacrimae peredere umore exsanguis genas;
situm inter oris barba pedore horrida, [atque]
intonsa infuscat pectus inlue scabrum,

Recte enim haec verba, quae Cicero Tuscul. III, 12, 26 Aetae tribuit, Pacuvii Medo adscriptis Welckerus. Quod autem addit Cicero cum cavillatione: „maeres videlicet regni desiderio, non filiae; illam enim oderas et iure fortasse; regno non aequo animo carebas“, videtur Aeta more ingenii humani per simulationem eam maxime sibi dolendi causam dixisse, quod Medeam filiam saevitia et intolerantia olim a se abalienasset. Quam tandem reversam cum agnoscere sibi visus esset, haec arte dissimulans respondit:

sentio, pater, te vocis calvi similitudine.

Cui subiecit Aeta:

quis tu es, mulier, quae me insueto nuncupasti nomine?

scil. „patris“. Nam liberi Aetae olim vel perierant vel fugerant.

Prior versus legitur ap. Nonium pg. 6 s. l. „calvitur dictum est frustratur“. — Qui sublungitur:

set quid conspicio? num me lactans calvitur
aetas?

cum Pacuvii sit haud dubie, tamen utrum ex Medo sit petitus an aliunde non satis constat. Cf. comment. in Non. 6, 25. Itaque tutius non coniectare vel potius hariolari, utrum sint Aetae necne verba vel num verum sit quod pro „aetas“ reponi iussit Bergkiius „Aeetes“. Debat certe „Aeta“. Nam Pacuvius, ut iam alibi dictum, vetustiores secutus graeca latine solet inflectere.

Vltimus autem tragoediae versus videtur fuisse, qui bis citatur a Nonio (170, 15; 176, 4):

populoque ut faustum sempiternae sospitent.

Praecesserat ut puta „precor ut propitient di novom rerum statum“. Verba sunt Medi delecto Perse rerum potiti.

IX. Niptra.

Pro „Niptris“ praeter unum locum „Niptra“ vel similia exhibent codices Nonii; cf. comm. in 40, 26. Quod utrum librariorum an Nonii, qui parum sciebat graece, evenerit culpa vix definias.

Sophoclis fuit tragoedia Νίπτρα sive ut saepius citatur Ὀδυσσεὺς ἀκανθοπλήξ. Quem secutum Pacuvium apparet ex Cic. Tusculan. II, 21, 48. Tractabatur illa fabula, quae Homero fuit ignota, de Vlixis morte. Quem posteriores ferebant oraculo monitum. ut a filio caveret, suspectasse Telemachum innocentem; sed reversum a profectioe, quam a Tiresia iussus ad explandum sese susceperat (cf. Odys. XI, 119 sqq.), a Telegono filio ex Circe nato, qui patrem requirebat, consertis noctu manibus casu interfectum. Cf. Ribbeck. pg. 270 sqq.—Niptra autem inscripta tragoedia, quod Vlixes ex itinere reversus ad praecavenda pericula, plane ut fecerat, cum a Phaeacibus esset deductus in patriam, habitu ficto se hospitem simulavit, sed ab Euryclea, prout factum videmus apud Homerum (Odys. XIX, 392 sqq.), dum pedes eius lavat, est agnitus. Nam quod Cicero Tuscul. V. 16, 46 vocat Anticleam, memoria videtur lapsus. Certe Sophoclem, poetam Homeri observantissimum, haud temere mutasse crediderim nomen vulgo notum. Eadem vasis cuiusdam Etrusci titulo dicta Antiphata; cf. Ribb. pg. 273.

Iam cetera antequam expediā non possum quin mirer Ribbeckium existimasse Vlixem iterum regressum in patriam Eurycleae multis rettulisse de eis, quae per decem annorum cursus erat expertus. Quae antequam agnosceretur proferre erat absurdum. cum ita demonstraretur, quis esset hospes, post agnitionem vero factam inutile, quoniam a Phaeacibus reversus eadem illa ad satietatem usque enarraverat domesticis Vlixes. Igitur qui huc trahi potest versus:

quae meum venenis flexit socium pectora

(nam sine fabulae nomine traditum Niptris recte adscripsit Bothius), is ut Cyclopiis mentio apud Sophoclem occurrens haud dubie fuit petitus ex oratione Vlixis, qua ad confirmandum se erigendumque in memoriam revocaret labores ante actos. Cf. Odys. XX, 17 sqq. Verbis illis:

aetate integra,
feroci ingenio, facie procera virum

Telegonum potius iuvenem quam Polyphemum Cyclopem describi apparet. Atque illius navigium, non quod Vlixes fabricavit a Calypso digressurus, describi existimo, quod etiam praesentis usus facit probabile, versibus, qui sunt:

nec ulla subscus cohibet conpagem alvei,
sed suta lino et sparteis serilibus.

De coniectura est positum, quod legitur in loco allato a Non. 223, 3:

inde Aetnam montem advenio in scruposam specum;

ubi ego codicum secutus indicia scripsi:

inde adveno montem Oetam scruposa specu.

Illud „adveno“ pro „advenio“. ut „convenam“ pro „conveniam“ et alia plura. „Oetam“ olim restitutum; nam in scriptis libris est „aetam“. Refert igitur Vlixes se peregrinando usque ad Oetam montem Luciferi et Solis insignem ortu et poetarum fabulis celebrem (cf. commenta doctorum in Catull. 62, 7) pervenisse. Denique illud:

Spartam reportare instat, id si perpetrat,

non potuit hercule, ut Ribbeckio placuit, de Menelao dici post eversam Troiam Helenam raptam revehente domum. Quo enim modo Ithacensium quisquam seiscitari in animum induceret hospitem ignotum vel ipsum Vlixem de Menelao, quem paullo ante visitatum reliquerat Telemachus sanum et salvum?—Lectio non omnino certa. Nam pro „reportare“ (quod Odofredi Muelleri est inventum) in codice Festi pg. 217 s. l. perpetrat habes „reponare“. Sed satis est probabilis eiusdem coniectura Muelleri, qui statuit haec dici de Telemacho, cum cuperet matrem post interfectum Vlixem reducere Spartam ad Icarium patrem. Cf. Apollodor. III, 10, 8; ib. 9.

Advecto cum sociis Telegono nave, quae describitur versibus supra citatis, et conserto nocte proelio ad regiam domestici Vlixem adeunt auxilium invocantes. De adversarii habitu haud dissimili Telemachi ibi dicta quae ante memoravi: „aetate integra“ e. q. s. Deinde refertur novum telli genus, quo maxime formidinem incusserat Ithacensibus:

barbaricam pristim subinis nostris optulit,
nova figura factam, commissam infabre.

Vbi illud „pristim“ Quicherati est restitutum coniectura; nam in codicibus Nonii bis (40, 27; 248, 23) legitur, quod ineptum est, „pestem“. Narrant autem Graeci Vlixem ἀκάνθη τρογόνος θαλασσίας a Te-

legono vulneratum. Et per pristin, quam alii pistrin dixere, aptissime redditur τρογών.

Igitur Vlixes egressus iaculo frustra petiit Telegonum. Telemachum esse ratus. Tum ab illo accipit vulnus letale; qui inter dolores gravissimos relatus domum, dein audito nomine Telemachi et cognito fatorum praesagium non fuisse vanum, postquam ad constantiam suos est adhortatus, moritur. Defuncto autem patre cum Telemachus prius conatus esset matrem Spartam reducere, Minerva iubente cum hac et Telegono ad Circen profectus est; ubi ipse Circen duxit uxorem, Telegonus Penelopen. Cf. Hygin. fab. 127.

X. Periboea.

De Oeneo Diomedis avo cum multa fabulati essent veteres, Pacuvius ad movendos acrius affectus in referendis casibus eius primas partes videtur detulisse Periboeae, quam post Althaeae, Meleagri matris, obitum duxit uxorem. Qua in re quem tragicum graecum secutus sit non constat.

Fuit quidem Euripidis fabula Oeneus; quam subinde respectam a Pacuvio similis observantiae exempla supra enotata reddunt probabile; quamquam in fragmentis carminis illius nullum est, quod possis dicere expressum a poeta latino.—Quem equidem hic, ut alibi, summam rerum petisse credo a recentiore aliquo poeta eoque Euripidis sectatore, qui, ut saepe factum, idem argumentum tractaret variatis personarum partibus et diversis usus artificii, sive praestigia dicere mavis.

Extant fragmenta paullo minus XXX, quae cum mediocriter sint corrupta, ut pleraque iam, qualia a Pacuvio perscripta sunt, reddita possit iure quodam adfirmari, tamen pauca inveniuntur, quibus et nexus fabulae satis intricatae patefiat et Periboeae, unde titulum traxit, partes illustrentur.

Ordo autem rerum fuit hic fere (cf. Apollodor. I, 8, 4 sqq.; Hygin. fab. 175):

Tydeus Oenei, qui Calydone regnabat, ex Periboea filius, sed sceleris quod commiserat explandi causa fugatus cum in expeditione adversus Thebas perisset, pater deiectus est regno ab Agrio fratre minore vel filii eius et in vincula coniectus gravibusque adfectus contumeliis sive ut alii tradebant (cf. Hygin. l. m.) in exilium actus. Verum Diomedes Oenei filius, adultus comitante vel Alcmeone vel fratre Periboeae Sthenelo fugavit Agrium, qui tandem ipse sibi manus intulit, ac

filiis eius partim interfectis, partim expulsis vel avo restituit imperium vel, quod is aetate fessus suscipere nollet, Andraemoni genero eius tradidit, ipsum secum Argos abduxit, ubi is filiorum Agrii dolo periit.

Ceterum ineptissimum est, quod Hyginus haec post Troiam deletam facta dicit, cum ante Thebanam Diomedis expeditionem evenisse asserat Apollodorus. Tempori quod fuit post bellum Thebanum adscribit Euripides.

Iam apparet ita rem persecutum Pacuvium, ut ab ipso Agrio spoliatum potentia et expulsum e patria, non, ut alii ferebant, domi ad ludibria servatum, diceret fratrem; id quod demonstrat versus bis a Nonio citatus (336, 25; 472, 19; cf. 471, 4):

neque tuum te ingenium moderat neque fraternum ira exilium levat?

Vbi etsi Non. contendit, pg. 336, levare dictum pro relevare, tamen recte repositum puto a Quicherato illud „iram“.—Ad fugam Oenei pertinent etiam haec:

metus, egestas, meror, sentium, exilium, queis enectu' sum.

Ita enim ultima reficta a nobis. In codicibus legitur male: „exiltumque et senectus“.—Et porro:

tríplici pertimefactus merore ánimi incerte erráns vagat.

Vbi si recte traditum „triplici“ (cf. comm. in Non. 467, 41), intelligendum videtur Oenea et suo coniugisque exilio et morte Tydei vel casibus Diomedis esse anxium.—Et fertur Oeneus per vasta et inculta. Itaque veretur:

beluarum ut eferarum adventus ne tetret loca.

Etiam relicuorum fragmentorum pars versatur in aerumnis Oenei describendis. Magnum autem, ut saepissime in carminibus tragicis epicisque, momentum apparet attulisse rebus agendis oraculum Apollinis Delphici, incertum utrum Agrio filiisque eius an Oeneo Periboaeque vel Diomedis datum. Testatur versus ille:

flexa, non falsa autumarei dictio Delphis solet.

In prologo fabulae positum et a Diomede reduce pronuntiatum statuit Ribbeckius propter Oenei Euripidei locum haud dissimilem versum Pacuvii, quem adfert Varro de l. lat. VII, 18 non addito nomine fabulae:

Calydonia altrix terra exuperantum virum.

Initio deinde fabulae non male existimat idem ponenda anapaestica illa, quae leguntur apud Non. pg. 353; 137 s. l. niti—ambulare; macore, eisque contineri querelas Oenei.

Diomedis videntur esse verba profecti ad auxilium ferendum avo et oblatis ei, qui ignoraret adesse nepotem, cum is prius esset usus verbis his:

lapit cor cura, aerumna corpus conficit,

verum metu ac pudore impeditus non auderet summam rerum suarum prodere:

parumst quod te aetas male habet, ni etiam heus! ad malam
aetatem adiungas cruciatum reticentia?

Quibus proximus fuit versus hic:

ecfare, quae cor tuum timiditas territet.

Denique patefacto genere suo paratoque ad opem ferendam animo sic abiectum avi animum erigit Diomedes:

tamen' obfirmato animo mitescit metus?

Sic enim haec fuere scribenda. Nonii codices pg. 406 s. l. „tamen — tandem“ habent „tamen“. Male a Ribbeckio ita reconcinnatus trimeter:

tamen obfirmato animo mitescit metus.

Nam d paragogicum, quod vocatur, non ausim exceptis „med“, „ted“, „sed“ accusativis sive ablativis (de quibus etiam quaerendum) tribuere Pacuvio Accioque.

Paratissimam ad auxiliandum Oeneo et Periboeae voluntatem ita declarat Diomedes:

nam me perbitere
quovis extio cupio, dum possim illis optularier.

Certus autem de re gerenda deos veneratur idem:

veniam precor petens ut quae egi, ago, axim verruncent bene.

Ita in eadem tragoedia Iovis optimi maximi obtestatio continebatur his:
regum imperator aeterne, humanum sator.

Etiam filiorum Agrii fuisse quasdam in Pacuvii fabula partes demonstratur versu illo:

gnate, ordinem omnem, ut ut erit, enoda patri!

Vbi codices habent „gnato“; „ut ut erit“, pro quo in isdem est „ut dederit“, significat „quodcumque fuerit“ (i. e. sive bene res evenierit sive male).

At Diomedes, antequam vi ageretur, videtur conatus esse orando obtestandoque hactenus emollire Agrium, ut in patriam revocaret cum

honore Periboeam et Oenea; qui cum esset grandior aevo, facile poterat carere Calydonis regno. Atque huc pertinet fragmentum supra citatum:

neque tuum te ingenium moderat neque fraternum ira exilium levat?

Ad eiusdem Agrii exprobrationem morum spectant dicta incertum a quo:

nam si te regeret pudor
sive adeo cor sapientia inbutum foret.

Frustrati spe et periculis circumventi multis Diomedis fuere haec (Non. pg. 262 s. l. „consternari“; ubi cf. comment.):

consternare, anime? ex pectore hoc evolvit
consilium subitum, res quod enatast modo,
qui pacto inimicis mortem et huic vitam offeras;

ubi inimici sunt Agrius eiusque filii; „huic“ dictum pro „mihi“; porro „offeras“ more antiquo positum pro „afferat“.

Ad caedem Diomedis unus ex filiis ab Agrio provocatur ita:

non potest, Melanippe, hic sine tua opera exaulari labos.

Oenei nomen cum iunctum fuerit cum Liberi cultu, Bacchanalia memorari adeoque inter ipsa orgia perpetrata caedem non erit mirum; cf. Ribbeck. pg. 306.—Antequam vero res gereretur, Periboea monetur asylum petere:

tu, mulier, tege te et tuta templo Liberi.

Atque hoc est unicum fragmentum, quo respici appareat ad eam, unde nomen inditum tragoediae.—Namque illa, quae sunt:

regnum potior, coniugem macto inferis,

quid sibi velint non habeo, nisi forte Agrius, homo sceleratus ac vecors, haec fecit verba, quibus significaret post depulsum Oenea regnumque acquisitum se aut voto coactum aut odio ductum sive quod consiliis suis esset adversata interfecisse uxorem; de qua alias nihil traditum.—Nam Periboeae haec esse verba, quam post expulsam Oenea animum sibi iunxisse Agrium vi coactam ariolatur Ribbeckius, struentis insidias Agrio ad restituendum maritum priorem nemo facile credit.

Templum autem quo confugerat Periboea invasurum ipsamque ab ara, quam tenebat amplexa, abrepturum Agrium his verbis deterruit Oeneus:

quamquam aetas senet, satis habeam virium, ut te ara arceam.

Perpetrata deinceps Agrii caede Periboea, ut puto, gratulabunda haec effudit:

o multimodis varie dubium et prosperum copem diem;
ubi „dubium“ et „prosperum“ est genetivus.

Denique delecto Agrio utrum Oenea an, quod recusaret, Andraemona generum Calydonis regem institutum a Diomede rettulerit Pacuvius incertum.

XI. Teucer.

Vt Ennius pariter Aiacis mortem et casus Teuceri Salamina reversi et a patre propter suspicionem falsam relegati persecutus est tragoediis, ita et a Pacuvio utriusque res tractatae Armorum iudicio et Teucro.

Fuit Sophoclis Τεῦχος, item Ionis, nec non, ut testatur Suidas, Nicomachi. Sed quem auctorem secutus sit Pacuvius incertum.

Igitur initio proponitur Telamo ignarus, quid rerum apud Troiam gereretur:

postquam defessus perrogitandost advenas
duobus de gnatis neque quemquam inventi scitum.

Ibidem luctus uxoris mentio facta:

quae desiderio alumnum, paenitudine
squales scabresque inculta vastitudine.

In his illud „scabres“ idem quod „scabra es“; cf. Non. 169, 25. — Verba sunt fortasse eiusdem Telamonis consolantis illam. De eadem Ennius in Telamone:

strata terrae lavere lacrumis vestem squalam et sordidam.

Sed quod Nonius dicit 243, 3 alumnum (qui genetivus est) dictum pro filiorum, id non omnino verum est. Nam sive Eriboea intellegenda est sive potius, de quo dubitari vix potest, Hesiona, alter tantum ex Telamontis liberis eius fuit filius, alter vere alumnum.

At subito ad spem excitantur parentes audito advenisse nuntium. De quo ita sciscitatur vel pater vel mater:

nilne a Troia adportat fandi?

ubi male traditum „fando“. — Deinceps patefactum ipsum Teucrum adesse, qui fortasse sub nuntii persona delituerat. Cf. Ribbeck. pg. 224. Is igitur a laetabunda, ut puto, matre compellatur his verbis:

quam te post multis tueor tempestatibus!

Sed gaudium vehementissime turbatum addita cladium, quas per dexæm

annos subierant Graeci, ac naufragii, quo reversi a Troia propter iram Minervae sunt conflictati, mentione:

periere Danaï; plera pars pessumdatast.

Eadem oratione et dictum de Aiace suis manibus mortuo deque Eurysace tempestatis vi abrepto a Teucro.

Potuit tamen etiam talis esse rerum ordo, ut cum prius de his calamitatibus verba fecisset nuntius, deinde agnosceretur Teucrum servatum eumque consalutaret mater versu supraposito.

Iam si recte, quod tamen nimis est incertum, constitutus est a Ribbeckio versus ille, quem citat Festus pg. 229 s. v. profusus (cf. Paul. pg. 228):

profusus gemitu, murmure 'occisti' anruat,

(i. e.: „occidisti“ repetit; ubi „occidisti“ est „interfecisti“), haec dicta de Telamone incusante filium, quod incuria ignaviaque et Aiaci et Eurysaci, filio huius, causa extitisset exitii.—Cf. Ribb. pg. 228.—Certe interfuisse illum sermonibus supra memoratis graviterque commotum rebus auditis demonstrant illa:

facessite omnes hinc parumper. tu mane.

Nam post „parumper“ interpungendum, non ante. Illud „parumper“ est „cito“. Cf. Non. pg. 378 s. l. parumper.

Deinde trochaeis septenariis consecuta est gravissima altercatio inter patrem et filium. Quem oratione usurum longiore ita interrumpit ille:

haud sinam quidquam profari, priu' quam accepso quod peto;
ubi „accepso“ dictum pro „audiero“. Errat Ribbeckius, qui accepit (pg. 228) de recipiendo Eurysace. Tum videtur plura de Aiakis morte et de casu Eurysacis esse sciscitatus. — Sequebantur versus indignationis plenissimi, quibus usus est Cicero de orat. II, 46, 193:

segregare abs te ausu's aut sine illo Salaminam ingredi?

e. q. s.

In defensione a Teucro pluribus, sed magnifice descriptum naufragium, quo distracta erat Eurysacis navis ab illius.—Et videntur Romani, quo minus ipsi amantes fuere viarum maritimarum, eo libentius audisse in theatri ponti desaevientis descriptiones.

At Teucro obiectum a patre versibus anapaesticis vel trochaicis, quod poetarum more causam humilem dictorum arte iuaret. Cf. Non. 506, 31—33 ibique commentarium.

Finitum est diverbtum his Telamonis verbis:

te repudio nec recipio natum. ito, facessito!

Mota regis domo extitere qui suaderent Teucro, ut in proxima loca discederet, donec aut reconciliaretur senex aut diem obiret (Non. 111, 25; Fest. pg. 325 s. l. sas):

nos illum interea permulcendo propitiaturos facul
remur;—

nam Teucro regimen sapsa res restibillet.

Vbi cd. Festi habet „Teucrum regi“; „sapsa res“ dictum pro „ipsa res“.—Fragmento secundo nescio an contineatur pars tetram. iambici.

Hesionae matris abdicatum a patre Teucrum querentis luctus describitur ita:

flexanima, tamquam limphata aut Bacchi sacris
commota, in tumulis Teucrum commemorans suum.

Quae ad hanc fabulam referenda intellexit Bothius. Vbi illud „flexanima“ active videtur dictum, ita, ut praecederet vel Telamonis vel potius deorum mentio, quos precibus suis inflectere conaretur Hesionae. Ita alibi Pacuvius:

o flexanima atque omnium regina rerum oratio!

At videtur Teucer detrectasse imperium parentis eumque ad minas compulsisse tales:

quamquam iam annisque et aetate hoc corpus putret.

Relicua, quorum quidem sensus in aperto est, omissa a Nonio pgt 159 s. l. putret.—Respondit filius:

at me occide, illinc si usquam probitam gradum;

ubi „illinc“ videtur dictum de ara, quam, ut facere solebant supplices, tenebat amplexus.

Idem tamen cum Telamon ab ara eum abripi iuberet deprecatus est vim ita:

at ego, si quisquam me tagit;

ubi „tagit“ conjunctivus potius quam indicativus.

Quod si ad hanc scenam pertinere, quae de Teucro a Telamone dicta et ipsa non dubito:

nisi coherceo protervitatem atque hostio ferociam,

haec per trimetros digerenda videntur ita, ut prior finiatur post „coherceo“. Ego in editione Nonii tetrametrum institueram, in quo illud

„coherceo“ trisyllabum esset per synizesin. Sed potuere eadem habere locum in alia scena, cum primum inaudisset Telamo filium esse obstinatum ad manendum.

Sic implicato intricatoque rerum, ut ita dicam, nodo tandem numinis interventu existimo Teucrum adductum, ut obsecutus parenti in exilium abiret, fortasse Herculis, a quo olim liberata erat Hesiona cuiusque in patrocínio erant iter ingressuri. Cf. doctorum commenta in Hor. Carm. I, 7, 23; Ribb. pg. 230 sq.—Apollinis oraculo motum existimat Ribbeckius pg. 231; cuius quidem longe diversae de fine fabulae opiniones a nostris. Qui adfert Horatii versus de Teucro notissimos:

certus enim promisit Apollo
ambiguam tellure nova Salamina futuram.

Igitur sub finem fabulae socios maerentes secum abducturus consolatus est celeberrimo illo dicto, quod huius esse testatur Cicero Tuscul. V, 37, 108, ad Pacuvii Teucrum rettulere plerique:

patriast, ubicumquest bene.

Cf. Aristophan. Plut. 1151; Hor. Carm. I, 7, 21 sqq.; Ovid. Fast. I, 393 sq.

Nondum satis expeditus versus, qui legitur apud Festum pg. 217 s. l. perpetrat:

neque perpetrare precibus inpetria quit.

Ibi ultima sic mutavit O. Muellerus ut scriberet „impetrata (i. e. litationes) quit“. Sed displicet monosyllabum in fine positum neque artius iunctum vocabulo praecedenti. Rectius alii latere existimarunt illud „pretio quiit“. Fortasse scribendum:

neque perpetrare precibus, v1, pretio quiit.

Sed haec quo pertineant incertum.

Ceterum fama fuit post expulsum Teucrum Telamonem et ipsum a civibus esse exactum; filium autem recepto Eurysace, a quo cum redirent Troia tempestate divulgum refert Pac., restituisse patri imperium. Cui deinde successit Eurysaces. Hanc Accius tractavit fabulam.

XII. Incertarum fabularum reliquiae.

Denique extant haud ita pauca, quae, cum certum sit esse Pacuvii, tamen qua in fabula locum habuerint non traditum. Porro quaedam feruntur nomine auctoris non addito, quae docti ad eundem rettulerint

partim recto usi indicio, partim dubio vel perverso. Sane de his statuere lubricum plerumque et periculosum, cum quid intersit inter Ennii, Pacuvii, Accii genus dicendi (nam ad hos paene omnia redeunt, quae ex incertis incertorum fabulis relata apud Ribbeckium extant) propter paucitatem reliquiarum subtilius definire non liceat pariterque omnes ingrediantur, ut ita dicam, innixi cothurno tragico, quamquam ceteris tumidior, ut memoravi, Pacuvius.

Porro sedem certam assignare eis, quae unde sint petita non traditum, ideo saepe difficillimum, quod a latinis tragicis non minus quam a graecis eadem saepe vel simillima tractata adeoque, ubi diversae plane essent fabulae, loci saepe ac partes sive rerum describendarum sive morum fuere haud dissimiles inter se. Nam Graecorum ingenium etsi fuit feracissimum fabulis inveniendis, tamen in tanto numero carminum multa iterata fingendo vel ex alia fabula in aliam translata non erit profecto mirum.

Igitur in fragmentis ignotae originis ad suas revocandis tragoedias etiam plus est aleae plerumque quam in explicandis illis, quae certis haud dubie adsignanda sunt carminibus. Nos quae secuti alios ex incerti loci adeoque incerti auctoris reliquiis ad singula Pacuvii carmina cum probabilitate aliqua referri posse viderentur supra fere memoravimus omissis plerisque quae vel leviora essent ac minutiora vel in quibus enucleandis Ribbeckius atque lusisse potius quam aliquid seriae rei viderentur egisse.

Neque nunc in animo est retractare haec. Sed finiturus sum hanc disputationem propositis paucis, quae ad emendanda sive explicanda ea, de quibus modo dictum, spectent.

I.

qua te adplicavisti tam aerumnis obruta?

Ita Ribbeckius numeris plane nullis; nam minime licet tertium trimetri iambici pedem effici vocabulo quod in spondeum exeat. Affertur versus a Prisciano gramm. lat. II, 469, quo demonstretur verbi quod est „plico“ composita aliquando praeteritum formare in „avi“. Pro „tam“ in codicibus optimis est „tamen“; pro „qua“ plerique habent „quae“; „quo“ Bothius. Scribendum vel:

quoi te adplicasti tamen aerumnis obruta?

vel:

quoi te tam aerumnis adplicavisti obruta?

In quibus „applicare se“ dictum pro „inniti opibus“ sive „auxilium petere“. Quodsi lectio prius proposita recte habet, illud „tamen“ idem valet quod „tandem“.

II.

concilium cicur.

Servata haec a Festo pg. 108; ubi recte docti „consilium“. Sed fallitur ille, cum dicit cicur hic pro sapiente positum. Quo enim pacto hoc posset fieri? Significatur potius consilium temperatum et lene. Cf. Hor. Carm. III, 4, 41 sq.:

vos lene consilium et datis et dato
gaudetis almae.

III.

quid est? nam me exanimasti prologio tuo.

In his Paulus pg. 226 recte dicit prologium esse idem quod principium, proloquium. i. e. initium sermonis. Mirum quod suspicatur Ribbeckius respici hunc versum a Lucilio, ubi contorta fabularum Pacuvianarum irridentur exordia (Non. 30, 27). Prologium autem (προλόγιον) dixit poeta, non prologum, quod prologi mentio iniecta recordatione rei scenicae risum poterat movere spectatoribus.

Praeterea dignum memoria in prologio primam esse longam, ut eadem apud antiquissimos Romanorum producit in „prologo“ (cf. de re metr. pg. 364). Nam aliter si res haberet, paenultimus pes in versu Pacuvii iambum impleteret, quod in senariis iambicis vel trochaicis septenariis apud tragicos latinos non admittitur ita, ut vocabulo iambico vel in iambum exeunte efficiatur. Minus certa res de comicis, sed tamen et ipsa probabilis. Itaque „prologium“ apud Pacuvium aequat choriambum.

Legem autem metricam, de qua dixi cum alibi neglexit Ribbeckius, tum versibus eiusdem Pacuvii (Cic. de divin. I, 14, 24) ita scriptis:

et profecione laeti piscium lasciviam
intuentur, nec tuendi capere satietas potest.

Reponendum erat cum Stieglitzio „capere potis est satietas“. Nam Cicero initium huius fragmenti, quo usus est de divin. I, 13, 24, liberius invertit ita: „an Achivorum exercitus et tot navium rectores

non ita profecti sunt ab Ilio, ut profectioe—intuerentur, ut ait Pacuvius, nec tuendi satietas capere posset?*

Nec magis probandum quod in verbis auctoris incerti a Cic. de invent. I, 50, 94 allatis finem versus inesse statuit ita:

avarum est mulierum genus.

Melius idem de trag. lat. pg. 492 „genus avarumst mulierum“. Sed nescio an initium tetrametri trochaici sit efficiendum ita:

mulierum genus est (vel: genust) avarum;

nam traditum antiquitus „mulierum genus avarum est“.

Denique arguendum, quod Ciceronem de nat. deor. III, 26, 66 secutus, a quo saepe neglegentius citantur sceniorum veterum versus, talem instituit trochaicum septenarium:

qui esse volt quod volt, ei ita dat se res, ut operam dabit.

Is quomodo mihi videretur esse refingendus, in editione Ennti (Fabul. 278) declaratum.

IV.

qui stirpem occidit meum.

Vsus his Charisius gramm. lat. I, 109, quo demonstraret etiam masculino genere poni stirpem, si significaret sobolem. Et de hoc quidem nemo dubitat. Exemplo tamen, quod affert Char., res non satis probatur, cum illud „meum“ possit esse genitivus pro „meorum“, ut alibi dixit Pacuvius „maiorum meum“ pro „maiorum meorum“ saepiusque usurpat hanc brevioris genitivi formam. Cf. Cic. orat. 46, 155. Nam perinde recte dicitur stirps meorum et stirps meus. Ita Accius ap. Non. 144, 20:

nunc tē obsecro,

stirpem ut evolvas meorum remque notifices mihi.

V.

Fest. pg. 133 s. l. manticularum:

ad manticulandum astu aggreditur. scit enim, quid promeruerit.

Haec iniuria suspectata a doctis. Ex quibus memoria maxime dignus Iosephus Scaliger, qui scripsit:

ad manticulandum astu aggreditor. scite quid prome, erue.

At promerendi verbum etiam in malam partem accipi posse docet Nonius 462, 20. Quodsi placuerit illud „aggreditor“, poterit scribi in sequentibus;

scis enim, quid promeruerit.

Vbi pyrrichium aequabit particula „enim“.

Sub eodem lemmate a Festo eiusdem, ut videtur, Pacuuii verba (nam locus mancus) afferuntur haec:

machinam ordiris novam,
manticula!

Scribendum apparet:

machinam ordi, sis, novam,
manticula!

De eo quod est ordire pro ordiri cf. Non. 39, 22 sqq.

Dab. Petropoli.

L. Mueller.

О МѢСТѢ БИТВЫ ПРИ ГРАНИКѢ.

Однимъ изъ темныхъ пунктовъ древней географіи является опредѣленіе мѣстности, гдѣ именно была одержана Александромъ Македонскимъ побѣда при Граникѣ, открывшая ему Малую Азію. Приведу слова Ш. Тексье (Texier): „De tous les récits qui nous sont restés de la première victoire d’Alexandre au passage de Granique il n’en est pas un qui nous mette à même de déterminer l’emplacement de cet événement mémorable: les rives du fleuve sont tantôt plates, tantôt escarpées, les historiens ne font aucune mention de trois branches qui concourent à former le Granique appelé maintenant Kodja-thaï. Ce point de géographie historique reste donc indéterminé“ ¹⁾. Изъ новѣйшихъ географовъ Реклю упоминаетъ о Граникѣ лишь вскользь, приурочивая мѣсто битвы съ персами къ городу Бигъ: „La ville de Bigha est à une vingtaine de kilomètres dans l’intérieur à l’endroit où le Kodja tchai ou Granique échappe à la région des montagnes et où Alexandre remporta sa victoire décisive, au passage du fleuve“ ²⁾. Реклю самъ не путешествовалъ по этимъ странамъ, и вышеприведенное мнѣніе его не основывается на личныхъ наблюденіяхъ.

Обратимся къ источникамъ, описывающимъ малоазіатскій походъ Александра, посмотримъ, чрезъ какіе города лежалъ его путь, и затѣмъ, на основаніи данныхъ, приводимыхъ древними писателями, а также и на основаніи личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ при поѣздѣхъ по странамъ, прилежающимъ къ Мраморному морю и къ Дарданелламъ, постараемся намѣтить предполагаемое мѣсто битвы.

¹⁾ *Asie Mineure*, par *Charles Texier*, 156.

²⁾ *Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes*, par *Elisée Reclus*. Paris. 1884. Vol. IX, p. 592.

Вкратцѣ маршрутъ Александра Великаго былъ слѣдующій: Александръ переправляетъ свою армію черезъ Геллеспонтъ между Сестомъ и Абидосомъ, а самъ направляется черезъ Элеонтъ въ Иліонъ (Ίλιον γαλακτοπῶν), гдѣ приноситъ жертвы Аѳинѣ Илійской и воздастъ почести греческимъ героямъ, павшимъ при осадѣ Трои. Армія же его изъ Абидоса переходитъ въ Арисбу, гдѣ Александръ догоняетъ ее. На другой день, оставивъ за собою Перкотъ и Лампсакъ, онъ останавливается лагеремъ на берегахъ Практия. Оттуда онъ слѣдуетъ къ мѣстечку Колоннамъ, которое лежитъ въ срединѣ Лампсакійскаго округа. Когда дошли до Адрастейскихъ луговъ, черезъ которые течетъ рѣка Граникъ, то Александру донесли, что персы стоятъ по другую сторону рѣки. 21-го мая 334 г. до Р. X. Александръ атакуетъ персовъ. Одержавъ блестящую побѣду и воздавъ послѣднія почести убитымъ въ сраженіи, онъ тотчасъ же снова ѣдетъ въ Иліонъ поблагодарить богиню за оказанную ему помощь; тамъ онъ богато одаряетъ храмъ и даруетъ жителямъ разныя вольности. Оттуда онъ направляется въ Сарды, черезъ Антандръ, Адрамитій, Пергамъ и Фіатиру ¹⁾).

По изслѣдованіямъ Чихачева, рѣка, которую Тексье называетъ Коджа чай (что по турецки означаетъ „главная рѣка“), образуется изъ трехъ отдѣльныхъ рукавовъ: восточнаго—Кыркъ-агачъ чая, средняго—который собственно и носитъ имя Коджа чая, вытекающаго изъ трахитовыхъ горъ Агидага (древняго Котила) и орошающаго богатую равнину Чана, и западнаго—Эльчи чая, который впадаетъ въ Коджи чай, близъ города Биги ²⁾). Но, въ то же время, Чихачевъ прибавляетъ, что онъ затрудняется рѣшить, который изъ помянутыхъ рукавовъ носилъ имя Граника.

Между тѣмъ, сомнѣнію, по видимому, не должно было бы быть мѣста, въ виду указаній Страбона, который прямо говоритъ, что „между Эсепомъ и Припомъ течетъ тотъ Граникъ, большею частью черезъ равнину Адрастен, на которомъ Александръ разбилъ сатраповъ Дарія“ ³⁾. Сопоставляя это указаніе съ установленнымъ уже нынѣ тожествомъ Адрастейской равнины съ равниною города Чана ⁴⁾,

¹⁾ Ἀρριανοῦ Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου βιβλίον πρῶτον. *Asie Mineure*, par Ch. Texier, 452.

²⁾ *Asie Mineure*, par Tchihatcheff, ch. V, 211.

³⁾ Στράβωνος βιβλ. ΙΓ κεφ. Α.: τοῦ δὲ Αἰσίου καὶ τοῦ Πριάπου μεταξὺ ὁ Γράνικος ῥεῖ τὰ πολλὰ δι' Ἀδραστείας πεδίου ἐφ' ᾧ Ἀλέξανδρος τοὺς Δαρείου σατράπας ἀνά κράτος ἐνίκησε συμβαλὼν καὶ πᾶσαν τὴν ἐντὸς τοῦ Ταύρου καὶ τοῦ Εὐφράτου παρέλαβεν.

⁴⁾ *Asie Mineure*, par Ch. Texier, 155.

можно съ достаточною основательностью сказать, что лишь Коджа чай, какъ орошающій Чанскую равнину, могъ въ древности носить имя Граника: это, впрочемъ, уже и обозначено Кипертомъ на его послѣдней картѣ древней Малой Азіи, при чемъ оба остальные рукава Граника отождествлены: Кыркъ-агачъ чай—съ дневнимъ Гептапоромъ, а Эльчи чай—съ дневнимъ Ресомъ ¹⁾).

Въ какой же мѣстности войско Александра Македонскаго могло пересѣчь Граникъ?

Древніе писатели ни до, ни послѣ описанія битвы ни слова не говорятъ о двухъ остальныхъ рукавахъ Граника, которые представлялись имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершенно отдѣльными, независимыми отъ Граника рѣками — Гептапоромъ и Ресомъ, а такъ какъ сліяніе этихъ рукавовъ образуется въ сѣверной части рѣки, близъ самого почти устья Граника, то это наводитъ на мысль, что македонская армія двигалась путемъ, имѣвшимъ направленіе гораздо южнѣе сліянія, которое потому и осталось для нея неизвѣстнымъ, и дошла до Граника именно въ той части Адрастейской равнины, гдѣ онъ течетъ вполнѣ самостоятельно.

Главнымъ объектомъ Александра Великаго, при вступленіи въ Малую Азію, должно было быть, прежде всего, взятіе оплота, центра персидскаго владычества въ этой странѣ—Сардъ, главнаго города второй сатрапіи. Для достиженія этой цѣли въ возможно скорѣйшемъ времени, Александръ, слѣдуя первому правилу стратегіи, неминуемо долженъ былъ выбрать кратчайшую дорогу, ведущую отъ Геллеспонта къ Сардамъ. Прямымъ путемъ отъ Арисбы-Лампсака къ Сардамъ, чрезъ Адрамитій, пересѣкающимъ Граникъ, по видимому, должна была быть и въ древности дорога, проходящая чрезъ нынѣшнія деревни Бергасъ, Балджиларъ, Кумарларъ и Тепекѣй, чрезъ которыя и теперь проходитъ ближайшая дорога отъ Лампсака въ Эдремитъ (древній Адрамитій) ²⁾).

Нужды народовъ и населенныхъ мѣстъ пролагаютъ дороги тамъ, гдѣ это представляется наиболѣе удобнымъ и наиболѣе для нихъ выгоднымъ. Если такой прямой, кратчайшій путь изъ Лампсака въ Эдремитъ существуетъ въ наше время и проходитъ чрезъ Чанскую (Адрастейскую) равнину, именно въ мѣстности Тепекѣя, то нѣтъ, какъ

¹⁾ *H. Kiepert. Atlas antiquus.*

²⁾ Дорога эта показана и на картѣ Азіатской Турціи, составленной въ 1870 г. въ военно-топографическомъ отдѣлѣ Кавкасскаго военнаго округа.

кажется, достаточныхъ оснований сомнѣваться въ томъ, что этотъ путь проходилъ по тому же направленію и въ древности, и такой взглядъ, по моему мнѣнію, болѣе приближается къ истинѣ, какъ опирающійся на фактъ положительный, до нынѣ существующій, впродъ до того, пока не будетъ доказано обратное положеніе, что военный путь отъ Лампсака до Адрамитія не могъ въ древнее время проходить по указываемому мною направленію, а пролегалъ по другимъ, такимъ-то и такимъ-то мѣстностямъ. Въ подкрѣпленіе моего взгляда о неизмѣняемости направленія древнихъ путей позволю себѣ сослаться на раскопки Вуда въ Эфесѣ. Въ своихъ поискахъ для открытія остатковъ храма Діаны, увѣнчавшихся успѣхомъ, этотъ исследователь руководился между прочимъ межами полей для опредѣленія направленія древнихъ дорогъ; какъ, оказалось, онъ былъ совершенно правъ, вѣряясь въ этомъ случаѣ консервативному духу крестьянина: древніе памятники разрушены временемъ, а проложенныя къ нимъ тропинки существуютъ до сихъ поръ ¹⁾). Впрочемъ, къ подтвержденію приведенной выше моей догадки о томъ, что путь въ Эдремитъ пролегалъ въ древности по тѣмъ же мѣстностямъ, что и нынѣ, имѣется и доказательство историческое, а именно повѣствованіе Геродота о пути, которымъ слѣдовало войско Ксеркса, направляясь изъ Сарды къ берегамъ Геллеспонта; вотъ его слова: „Путь свой изъ Лидіи войско направило къ рѣкѣ Канку и въ Мивійскую землю; отправившись отъ Кавка, войско оставило съ лѣвой стороны гору Кану и чрезъ Атарней прибыло въ Карину. Отсюда оно прошло черезъ Фивскую равнину и миновало города Адрамитій и пелазгійскій Антандръ, затѣмъ, оставивши влѣво Иду, войско вступило въ Троянскую землю“ ²⁾). Войдти же въ предѣлы Троиady, начинавшейся по сю сторону Граника, и оставить притомъ Иду слѣва возможно лишь въ мѣстности близъ Тенекѣя. Подобное опредѣленіе даетъ ключъ къ пониманію приведеннаго выше мѣста Геродота, крайне затруднившаго нѣкоторыхъ толкователей, которыя полагали, что при вступленіи Ксеркса въ бывшую Троянскую землю, гора Ида должна была быть справа

¹⁾ Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes, par *Reclus*. Paris. 1884. Vol. IX, p. 624.

²⁾ Ἐποίετο δὲ τὴν ὁδὸν ἐκ τῆς Λυδίας ὁ στρατὸς ἐπὶ τὴν ποταμὸν Καίχον καὶ γῆν τὴν Μυσίην, ἀπὸ δὲ Καίχου ὀρμηθεὶς Κάνης οὐρὸς ἔχων ἐν ἀριστερῇ, διὰ τοῦ Ἀταρνέως εἰς Καρίνην πόλιν. ἀπὸ δὲ ταύτης διὰ Θήβης πεδίου ἐπορεύετο, Ἀτραμύττειόν τε πόλιν καὶ Ἀντανδρὸν τὴν Πελασγίδα παραμβέβηκεν. τὴν Ἴδην δὲ λαβὼν εἰς ἀριστερὴν χεῖρα ἦε εἰς τὴν Ἰλιάδα γῆν. Herod., VII, 42.

отъ Ксерксовой арміи ¹⁾. Тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и Персидскій царь, отправлявшійся на завоеваніе Греціи, слѣдовалъ въ позднѣйшее время и Ксенофонтъ съ своими десятью тысячами грековъ ²⁾.

Зная же, что предшественники Александра Великаго при походахъ своихъ между Троадою и Лидіей пользовались указываемымъ мною путемъ, вполне, какъ кажется, естественно допустить, что и македонскій завоеватель при походѣ на Даріа избралъ тотъ же, такъ-сказать, обычный военный путь отъ Гранника къ Сардамъ.

Еслибъ Александръ, двигаясь отъ Геллеспонта, предполагалъ, что прямой путь отъ Лампсака къ Адрамитію, въ горныхъ проходахъ и вообще въ трудно проходимыхъ мѣстахъ, прегражденъ ему неприятелемъ, то онъ вынужденъ былъ бы, и опять изъ-за стратегическихъ соображеній, озаботиться, конечно, выборомъ другой дороги въ обходъ первой; но историки похода Александра хранятъ молчаніе о такихъ препятствіяхъ, а потому доволительно предположить, что отъ Лампсака македонская армія двинулась къ Сардамъ кратчайшимъ путемъ и не имѣла нужды сворачивать съ него для обходныхъ движеній, такъ какъ не встрѣчала никакого сопротивленія со стороны персовъ вплоть до того момента, когда она приблизилась уже къ Граннику, и когда передовой отрядъ, посланный подъ начальствомъ Игелоха для наблюденія за движеніемъ неприятеля и возвращавшійся съ необычайною поспѣшностью, донесъ, что вся персидская армія расположена въ боевомъ порядкѣ на противоположномъ берегу рѣки ³⁾. Тутъ усмотрѣно было первое препятствіе македонскому наступленію, тутъ же произошло и первое столкновеніе.

¹⁾ Voyage de la Troade, par *Lechevalier*, II, 182. Justification d'Homère, par *Morritt*, III, 276.

²⁾ „Bei Antandros bog das Heer vom Küstenwege rechts ab ins Binnenland, entlang dem Ostfusse des Gargaron, des höchstragenden und darum hier vorzugsweise Ide genannten Theiles des die ganze Halbinsel bis zur Propontis füllenden Gebirges. Dieselbe Strasse zogen später die Zehntausend“. Herodotos erklärt von *Heinrich Stein*. Berlin. 1866.

Ἐντεῦθεν ἐπορεύοντο διὰ τῆς Τρωάδος, καὶ ὑπερβάντες τὴν Ἴθην εἰς Ἄνταντρον ἀφικνοῦνται πρῶτον, εἶτα παρὰ θάλατταν πορευόμενοι εἰς Θήβης πεδίον, ἐντεῦθεν δι' Ἀδραμυττίου καὶ Κερτῶνου ὁδεύσαντες παρ' Ἀταρνεία εἰς Καίικου πεδίον ἐλθόντες Πέργαμον καταλαμβάνουσι τῆς Μυσίας. Xen. Anab., VII, 8.

³⁾ καὶ Ἀλέξανδρος τε οὐ πολὺ ἀπέιχε (edit. Krüger, ἀπέιχεν ἀπὸ) τοῦ ποταμοῦ τοῦ Γρανικοῦ καὶ οἱ ἀπὸ τῶν σκοπῶν σπουδῇ ἐλαύνοντες ἀπήγγελλον ἐπὶ τῷ Γρανικῷ πέραν τοὺς Πέρσας ἐφεστάναι τεταγμένους ὡς ἐς μάχην. Arrian., I, 13, *Séint*.

Затѣмъ, еслибы не взирая на отсутствіе видимыхъ къ тому причинъ, Александръ уклонился все-таки отъ прямого пути къ Сардамѣ и взялъ направленіе болѣе восточное, то въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ достигнуть Граника, онъ долженъ былъ бы пересѣчь теченіе Реса, какъ самостоятельной рѣки, о чемъ историки похода не преминули бы упомянуть, чего нѣтъ въ дѣйствительности. На оборотъ, внимательное чтеніе Арріана доставляетъ положительное указаніе, что Александръ, направляясь къ Гранику, не могъ слѣдовать никакимъ инымъ путемъ, какъ именно кратчайшимъ и нынѣ существующимъ. По словамъ этого историка, македонская рать, по выходѣ изъ Арисбы, остановилась станомъ въ Перкотѣ, а на другой день, оставивъ за собою Лампсакъ, разбила лагерь на берегахъ рѣки Практіа ¹⁾.

Намъ извѣстно изъ Страбона, что Практіѣ протекалъ между владѣніями Абудоса и Лампсака ²⁾; съ другой стороны извѣстно, что нынѣ рѣка эта носитъ названіе Бергасъ-чай, и что турецкое мѣстечко Бергасъ есть не что иное, какъ древній Перкотъ ³⁾. Въ виду такого обозначенія мѣстностей, чрезъ которыя проходитъ Александръ Великій, одного взгляда на карту достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что остановка лагеремъ на берегахъ Практіа, по выходѣ македонскаго войска изъ Лампсака, могла осуществиться лишь подлѣ непремѣннымъ условіемъ кругаго за Лампсакомъ поворота Александра на югъ, то-есть, именно слѣдованія и понынѣ существующимъ путемъ, соединяющимъ Лампсакъ съ Эдремитомъ. Впрочемъ на это обстоятельство обратилъ еще вниманіе Гроновій: „Non iam statuitur ab Arriano Alexander ultra Lampsacum recta progrediens per littora, sed quum hanc urbem praeteriisset, relicto mari, prope quod huc usque tenuerat, deflectens in mediterranea videtur occurrisse Practio, qui fluvius etsi inter Abydum et Lampsacum exeat in mare, ita tamen errat, ut flexus eius proficentibus ultra Lampsacum ver-

¹⁾ ἐξ Ἰλίου δὲ εἰς Ἀρισβην ἦκεν οὐ πᾶσα ἡ δύναμις αὐτῷ διαβεβηκυῖα τὸν Ἐλ-
λήποντον ἐστρατοπέδουσι, καὶ τῇ ὀστεραίᾳ εἰς Περκώτην. τῇ δὲ ἄλλῃ Λάμπσακον παρα-
μείψας πρὸς τῷ Πρακτίῳ ποταμῷ ἐστρατοπέδουσεν, *ibid.* 12.

²⁾ ῥεῖ δὲ (ὁ Πρακτικός) μεταξὺ Ἀβύδου καὶ Λαμπάκου. Strab. XIII, 1, 21.

³⁾ H. Kiepert, Atlas Antiquus. „Percote mentionnée plusieurs fois par Homère, était située sur le fleuve Practius et à trois cent stades de Parium: elle était voisine de la mer et paraît avoir subsisté jusqu'aux dernières années de l'empire Romain. On identifie l'ancienne Percote avec la petite ville turque de Bergass kalesi“. *Asie Mineure*, par Ch. Texier. 1862, p. 176.

sus Colonas sit transeundus" ¹⁾). Наконецъ, разчетъ времени, когда македонское войско впервые увидало персовъ, доказываетъ, что Александръ могъ выбрать лишь кратчайшій путь по направленію къ Сардамъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, то мѣсто Адрастейской равнины, гдѣ македоняне на третій день по выходѣ изъ Арисбы увидѣли на правомъ берегу Граника персидское войско, должно быть, по моему мнѣнію, на пунктѣ пересѣченія прямого пути отъ Лампсака въ Эдремитъ съ Граникомъ, то-есть, у деревни Тепекѣя, и тутъ же происходила знаменитая битва, открывшая рядъ жестокихъ поражений войскъ Дарія, которыми ознаменовались послѣдніе дни Персидскаго царства.

Противъ такого обозначенія мѣста битвы можно привести два возраженія: 1) мѣсто это слишкомъ удалено отъ Зелен, близъ которой, по словамъ Арріана, стояло персидское войско ²⁾, и 2) берегъ Граника близъ Тепекѣя не отличается особенною обрывистостью, на которую указываетъ тотъ же Арріанъ, хотя все-таки правый берегъ его значительно возвышеннѣе лѣваго.

На первое возраженіе необходимо замѣтить, что едва ли можно считать окончательно разрѣшеннымъ вопросъ о томъ, гдѣ именно лежала Зелен. Лишь на основаніи Гомера полагаютъ, что она была на самой оконечности хребта Иды, у Пропонтиды и близъ рѣки Эсепа ³⁾; по Страбону же, она была у рѣки Тарсія, у подножія Иды, въ 190 стадіяхъ (около 34 верстъ) къ югу отъ Кизика ⁴⁾, что уже болѣе чѣмъ на половину приближаетъ Зеленъ къ предполагаемому мною мѣсту битвы.

Форбигеръ, на основаніи того же Страбона, полагаетъ, однако, что

¹⁾ Arriani Nicomediensis expeditionis Alexandri libri septem, opera Iacobi Gronovii. Lugduni Batavorum. 1704, p. 27.

²⁾ οὗτοι (Περσῶν δὲ στρατῆρος) δὲ πρὸς Ζελεῖα πόλει κατεστρατοπεδεύοντες ἦσαν οὖν τῆ ἰππο τῆ τῆ βαρβαρικῆ καὶ τοῖς Ἕλλησι τοῖς μισθοφόροις. Arr. I, 12.

³⁾ Hom. II. II. 825. οἱ δὲ Ζελεῖαν ἔβαιον ὑπὸ πόδα νεύοντες Ἰδης

ἀφνειοὶ πίνοντες ὕδωρ μέλαν Αἰθήποιο.

⁴⁾ Ἡ μὲν δὲ Ζελεῖα ἐν τῇ παρωρεῖα τῇ ὑστάτῃ τῆς Ἰδης ἐστὶν ἀπέχουσα Κυζίκου μὲν σταδίου ἐνενηκόντα καὶ ἑκατόν, τῆς δ' ἔγγυτάτω θαλάττης καθ' ἣν ἐκδιώσειν Αἰσηπος ὅσον ὀγδοήκοντα. (587). ... περί μὲν οὖν τὴν Ζελεῖαν ὁ Τάρσιος ἐστὶ ποταμὸς (10). Strab. XIII, 1. Въ примѣчаніяхъ къ французскому переводу географіи Страбона, Зелен отождествляется съ нижнѣйшимъ городомъ *Бига* (Géographie de Strabon traduite du grec en français. Paris. A l'Imprimerie royale. 1814, IV, p. 150). Не на основаніи ли этого примѣчанія Режю приурочиваетъ мѣсто битвы на Граникѣ къ окрестностямъ Биги, какъ о томъ сказано выше?

Зелея была на Эсепѣ, въ 80 стадіяхъ отъ его устья ¹⁾. На Кипертовой картѣ древней Малой Азіи Зелея помѣщена между Гептапоромъ и Эсепомъ. Еслибы городъ этотъ находился именно здѣсь, и персидское войско было бы собрано дѣйствительно около нея, то чтобы добраться до персовъ Александру надлежало бы перейти предварительно рѣки Ресъ. Граникъ и Гептапоръ, о чемъ историки его первого столкновенія съ персами не сообщаютъ ничего.

Но допустимъ даже, что Зелея въ самомъ дѣлѣ была очень удалена отъ Тепекѣн, то и въ такомъ случаѣ развѣ нельзя предположить, что говоря, что персы собрались у Зелеи, Арріанъ хотѣлъ лишь обозначить направленіе, а не мѣсто нахождения персидскаго войска? Оставляю уже въ сторонѣ, что Арріанъ могъ употребить въ этомъ случаѣ неточное или, вѣрнѣе, недостаточно опредѣленное выраженіе, подобно той неопредѣленности, съ какою онъ выразился о теченіи Практія, сказавъ, что рѣка эта впадаетъ въ море между Гелеспонтомъ и Понтомъ Эвксинскимъ и совершенно умолчавъ о Пропонтидѣ ²⁾.

Что касается втораго возраженія, то не слѣдуетъ забывать, что историки похода Александра Македонскаго, по видимому, намѣренно усиливали описаніе естественныхъ препятствій, которыя приходилось ему преодолевать въ походѣ. Такъ они говорятъ про Граникъ, что рѣка эта глубока, и что въ ней пучины ³⁾, тогда какъ въ дѣйствительности Граникъ, какъ и всѣ рѣки этой части Анатолиі, мало-значительная рѣчка, почти пересыхающая въ лѣтнее время, когда именно и происходила битва. А, потому, позволительно допустить, во-первыхъ, что въ приводимомъ Арріаномъ разговорѣ, будто бы происшедшемъ между Александромъ и Парменіономъ, описаніе неприступности и утесистости берега Граника ⁴⁾ составляетъ одну изъ обычныхъ ораторскихъ фигуръ, приведенную для вышшаго возвеличенія македонянъ, отважившихся, не взирая на сильныя физическія препятствія, перейти рѣку и вступить въ бой,—и вторыхъ, что въ томъ же разговорѣ Александръ былъ ближе къ истинѣ, называя Граникъ просто ручьемъ ⁴⁾.

¹⁾ Zeleia, Stadt am Fluss Aesepus, 80 Stad. von seiner Mündung (Strabo, 587). Словарь Паули, VI, стр. 2824.

²⁾ ὅς (ὁ Πράκτιος) ῥέων ἐκ τῶν ὀρῶν τῶν Ἰδαίων ἐκδιδοὶ ἐς θάλασσαν τὴν μετὰ τοῦ Ἑλλησπόντου τε καὶ τοῦ Εὐξείνου πόντου. Агг., I, 12. *Sinf.*

³⁾ πολλὰ μὲν γὰρ αὐτοῦ ὀράται βαθεῖα, αἱ δὲ ἔχθαι αὐταὶ ὀρεῖς ὅτι ὑπερόψηλοι καὶ κρημνώδεις εἰσὶν αἱ αὐτῶν. Агг., I, 13.

⁴⁾ Τοῦτο δὲ, μικρὸν ῥεῦμα, οὕτω τῷ ὀνόματι τὸν Γρανικὸν ἐκφαυλίσας (тамъ же).

Еще болѣе утверждаетъ въ такомъ предположеніи описаніе боевого порядка персидской арміи, по которому въ первой линіи у персовъ стояла конница ¹⁾; очевидно, что этого не могло бы быть, еслибы берегъ былъ утесистъ и прилегающая къ нему мѣстность была пересѣченная. Вѣрнѣе предположить, что мѣстность была ровная, удобная для движенія конницы, съ возвышенностями въ изрядномъ отдаленіи отъ рѣки, гдѣ и могла размѣститься непринимавшая никакого участія въ началѣ сраженія персидская пѣхота: именно такова та мѣстность, каковую можно наблюдать у Тепекѣя.

Съ другой стороны, выборъ персами позиціи близъ Тепекѣя для прегражденія пути наступающему противнику представляется довольно удачнымъ. Мѣстность эта лежитъ у предгорій Иды, и потому расположенная на ней персидская армія закрывала собою горныя ущелья и вообще перевалы чрезъ хребетъ Иды, ведущіе къ персидской столицѣ Малой Азіи—Сардамъ. Въ то же время авангардъ ея, помѣщенный по берегу Граника, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ выходами изъ горъ — нынѣшнихъ Аюдага и Чамлюдага, поставленъ былъ въ условія, позволявшія ему нанести существенный уронъ неприятелю, двигающемуся отъ Геллеспонта, ослабленному уже труднымъ переходомъ по означеннымъ горамъ и дебуширующему изъ дефилеевъ у Тепекѣя, гдѣ македоняне не имѣли возможности сразу развернуть весь свой фронтъ и были, кромѣ того, вынуждены переправляться чрезъ Граникъ въ виду неприятельскихъ силъ, стоящихъ на противоположномъ берегу этой рѣки.

Однимъ изъ доказательствъ, что битва происходила именно у Тепекѣя, является существованіе у самой деревни высокаго холма, кургана, одиноко поднимающагося среди окружающей равнины, и правильная, коническая форма коего ясно указываетъ на его искусственное происхожденіе. Холмъ этотъ, собственно говоря, и далъ деревнѣ (по турецки—кѣй) настоящее ея имя. Нелишне также сблизить турецкое тепе (холмъ) съ значеніемъ греческаго τῦμβος (латинскаго tumulus), означающаго насыпной могильный холмъ, курганъ ¹⁾. Въ долинѣ рѣки Мендере-су (древняго Симоиса), то-есть, въ преж-

¹⁾ Περσῶν δὲ ἰππεῖς μὲν ἦσαν ἐς διαμορίους, ξένοι δὲ πεζοὶ μισθοφόροι ὀλίγον ἀποδέοντες διαμορίων. ἐτάχθησαν δὲ τὴν μὲν ἵππων παρατείναντες τῷ ποταμῷ κατὰ τὴν ὄχθην ἐπὶ φάλαγγα μακράν, τοὺς δὲ πεζοὺς κατόπιν τῶν ἰππέων. καὶ γὰρ ὑπερδέξια ἦν τὰ ὑπὲρ τὴν ὄχθην χωρία. (ibid. 14).

²⁾ Voyage pittoresque dans l'empire ottoman, par le comte de Choiseul-Gouffier, II, 373.

ней Троядѣ, названіе тепе и поныиѣ присвоено, по преимуществу, многочисленнымъ насыпнымъ, могильнымъ курганамъ — свидѣтелямъ борьбы между троядцами и греками (Ииъ тепе — могила Аякса, Уд-жекъ тепе—могила Ила и друг.), тогда какъ, напримѣръ, отдѣльный холмъ, разрытый Шлиманомъ и на которомъ былъ расположенъ Новый Иліонъ, не носитъ названія тепе, а просто зовется Хисарликомъ. Равнымъ образомъ, турки называютъ Бинъ тепе (тысяча холмовъ) ¹⁾, находящійся въ долинѣ Герма, близъ Гигейскаго озера, некрополь Лидійскихъ царей, состоящій почти изъ сотни могильныхъ кургановъ.

Въ битвѣ на Граникѣ македоняне потеряли съ небольшимъ сто человекъ. На другой день Александръ велѣлъ предать землѣ, съ ихъ оружіемъ, какъ ихъ, такъ и убитыхъ персидскихъ военачальниковъ и даже грековъ, бывшихъ у персовъ наемниками ²⁾. По словамъ историковъ, убитымъ въ сраженіи было сдѣлано великолѣпное погребеніе. Чѣмъ же это великолѣпное погребеніе могло ознаменоваться лучше, какъ не сооруженіемъ огромнаго могильнаго холма? Подобное сооруженіе не только оправдывалось обычаемъ, но, быть можетъ, мысль о немъ была навѣяна Александру подъ впечатлѣніемъ столь недавно предъ тѣмъ видѣнныхъ имъ могильныхъ кургановъ Протезилая, Ахилла и Аякса. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что назначеніемъ могильныхъ кургановъ было не только передавать памяти потомства имя погибшаго воина, но и свидѣтельствовать, что убитому были отданы всѣ послѣднія погребальныя почести, которыя одинъ могъ доставить его душѣ вѣчное успокоеніе ³⁾.

Позволю себѣ привести слова графа Шуазеля-Гуфье: „Les usages funèbres des anciens ont souvent varié, mais il est bien probable que dans les temps anciens le plus grand nombre des tombes tumulaires était destiné à transmettre le souvenir du personnage qui avait péri dans la contrée et à constater qu'on lui avait rendu les derniers honneurs qui seuls pouvaient ouvrir les portes de l'éternel séjour“ ⁴⁾.

Быть можетъ, во времена водворенія турокъ въ Чанской долинѣ

¹⁾ *Asie Mineure*, par *Ch. Texier*, 258.

²⁾ καὶ τοὺτους τῇ ὑστεραίᾳ ἔθαψεν Ἀλέξανδρος σὺν τοῖς ὀπλοῖς τε καὶ ἄλλῳ κόσμῳ... ὁ δὲ καὶ τῶν Περσῶν τοὺς ἡγεμόνας ἔθαψε. ἔθαψε δὲ καὶ τοὺς μισθοφόρους Ἕλληνας, οἱ σὺν τοῖς πολεμίοις στρατεύοντες ἀπέθανον. *A. I*, 16, 17.

³⁾ *La cité antique*, par *Fustel de Coulanges*, p. 12.

⁴⁾ *Voyage pittoresque dans l'empire ottoman*, par le comte de *Choiseul-Gouffier*. III, 148.

существовало еще какое-либо мѣстное преданіе объ имѣющемся близъ Граника могильномъ холмѣ, которому они, потому, сохранили названіе тепе, неизмѣнно присвоенное ими, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, курганамъ вообще. Мнѣ кажется, что раскопки кургана у Тепекѣя подтверждаютъ мое предположеніе, что курганъ этотъ насыпанъ надъ прахомъ погибшихъ въ битвѣ на Граникѣ.

Если допустимъ, что битва происходила у Тепекѣя, то становится понятнымъ, почему Александръ Великій могъ тотчасъ послѣ нея снова отправиться въ Новый Иліонъ,—что было бы гораздо болѣе затруднительно сдѣлать изъ-подъ Зелей, если только эта послѣдняя дѣйствительно находилась въ такомъ отдаленіи, какъ полагаютъ тѣ, кто помѣщаетъ ее у берега Мраморнаго моря или на Тарсис. По всей вѣроятности, онъ послалъ свою армию отъ Тепекѣя прямымъ, и въ настоящее время существующимъ путемъ на Адримитій, а самъ, чрезъ нынѣшній Байрамичъ, посѣтивъ Иліонъ, возвратился обратно къ арми, чрезъ Антандръ, въ Адрамитій и оттуда уже вмѣстѣ съ войскомъ направился, чрезъ Пергамъ, въ Сарды.

В. Тенловъ.

litzin, въ книгѣ: Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel der Fürstin Adelheid-Amalia von Gallitzin, nebst Fragmenten und einem Anhangе, mit dem Bildniss der Fürstin (не показаннымъ ни у Васильчикова, ни у Ровинскаго). Stuttgart, Liesching. 1868, 8° (Отзывъ въ Р. Архивѣ 1869 г., столб. 028. Книжн. загран. вѣсти); 2) Разныя отрывки изъ ея сочиненій, философскаго и религіознаго содержанія, въ книгѣ Каттеркампа (см. ниже), выпущенныя во французскомъ переводѣ ея; 3) Обширная философско-религіозная и литературная переписка съ германскими и европейскими знаменитыми писателями и мыслителями: Гёте, Дидро, Гемстерюисомъ, Гаганомъ, графомъ Штольбергомъ, Овербергомъ, Фюрстенбергомъ, Екатериною II и др. (отрывки изъ этой переписки встрѣчаются во всѣхъ почти источникахъ, говорящихъ о ней); 4) Автобіографія, въ Mittheilungen, стр. 192—201.

О ней: а) Katterkamp, Th. Denkwürdigkeiten aus dem Leben der Fürstin Amalia v. Gallitzin. Münster. 1828, 8° (съ портретомъ); 2-е изд. Münster. 1839; б) французскій переводъ: Vie de la princesse Amélie de Gallitzin, trad. de l'allemand. Namur. 1842, 12°; в) Schuking: La princesse Gallitzine et ses amis. Cologne. 1840; д) Rosenthal, Convertirten-Bilder aus dem 19-ten Jahrhundert. Schaffhausen. 1867, 8°; е) Un missionnaire russe en Amérique, par le p-се Aug. Galitzin. Paris. 1857, 18°, pag. XII—XIII; ф) Histoire de l'Eglise, par l'abbé Rohrbacher, t. 27, pag. 423; г) Encyclopédie publiée à Fribourg en Brisgau, par les docteurs Weltzer et Weltz; h) Conversations-Lexicon, Brockhaus'a, 6-te Aufl. Leipzig. 1824, 4, 652; и) Schnitzler, Histoire intime de la Russie, 2, 411; j) Энцикл. Лекс. Плюшара, т. 14, стр. 381—382; к) Толль, Настольный Словарь, ч. I, стр. 577; л) кн. Н. Н. Голицыны: Библиографическія Замѣтки (въ статьѣ о князѣ Дмитріѣ Алексѣевичѣ), въ Молвѣ 1857 г., № 26; м) Росс. Род. Сборникъ кн. Долгорукова, ч. 3, стр. 119—120; н) отношенія къ Дидро, въ Осмадцат. Вѣкѣ (П. Бартенева). М. 1868, т. I, стр. 274, 275, 277, 292—294; о) Русск. Истор. Сборникъ, т. 17, переписка имп. Екатерины съ Фальконэ; р) о ея портретахъ: Ровинскій: Словарь русск. гравиров. портретовъ. С.-Пб. 1872, стр. 36 (не полно); г) Васильчиковъ: Liste alphabétique de portraits russes. St.-Pbg. 1875, t. I, pag. 382—383 (не полно); с) мои Матеріалы для полной родосл. росписи кн. Голицыныхъ. Кіевъ. 1880, 4°, стр. 175.

Голицына, княгиня Александра Петровна, рожд. Протасова (старшая въ родѣ Протасовыхъ), дочь генерала-поручика и сенатора Петра Степановича (р. 1-го іюля 1730, † 19-го іюля 1794) и Александры Ивановны, рожд. Протасовой же, (р. 23-го декабря 1750, † 6-го сентября 1785), племянница камеръ-фрейлины, графини (съ 15-го сентября 1801) Анны Степановны Протасовой, сестра графини Екатерины Петровны Ростопчиной (супруги графа Теодора Васильевича и пи-

сательницы, см. ниже), супруга тайн. совѣтн. князя Алексѣя Андреевича Голицына (р. 29-го іюля 1767, † 30-го марта 1800); родилась 1774, † 16-го (28) октября 1842 г., въ Парижѣ, католичка (съ 1800 года).—1) *Prîères et méditations inédites de la princesse Alexis Galitzin*—отрывки въ книгѣ ея племянника, о ея дочери, княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ (см. ниже: *Vie d'une religieuse du Sacré-Coeur*, 1795—1843. Paris, стр. 4 и слѣд.); 2) Переписка съ С. П. Свѣчиною и другими вліятельными лицами въ русскомъ католицизмѣ, частью напечатанная въ *Lettres de M-me de Swetchine*. Paris, 1862 и въ помянутой выше книгѣ: *Vie d'une religieuse de Sacré-Coeur*. 3) Со-вращенная русская исторія (на французскомъ языкѣ?) до 1801 года (упоминается гр. Ѡ. В. Ростопчинимъ въ его перепискѣ (Девятнадцатый Вѣкъ, Бартенева. М. 1872, т. 2, стр. 84).

О ней: а) *Mad. Bourdon: Les servantes de Dieu, vie édifiante des dames les plus pieuses et les plus charitables jusqu'à M-me Schwetchine inclusive-ment*. Paris. 1869. 12°; б) Лонгиновъ, въ Русск. Архивѣ 1864 г., № 12, ст. 1527; в) биографическія свѣдѣнія, въ перепискѣ графа Ростопчина съ гр. С. Р. Воронцовымъ, въ Русск. Архивѣ 1876 г., № 1, стр. 101, 120; № 2, стр. 218; № 12, стр. 419; г) *Vie d'une religieuse, etc...* (см. выше), р. 2 („la plus intime amie de M-me Schwetchine, qui avait coutume de l'appeler sa seconde conscience“), pages 3, 79, 84, 89, 97—98, 102, 110, 134, 139, 145, 149, 165; д) Сейделеръ: *Московская Голицынская больница*. М. 1868, стр. 113 и 265—266; е) Русск. Архивъ 1870 г., № 8—9, стр. 1475; ж) въ перепискѣ графа Ростопчина съ кн. Циціановымъ, *Девятнадцатый Вѣкъ* (изд. П. Бартенева). М. 1872, кн. 2, стр. 54, 98 и 101; з) о портретахъ ея: *Ровинскій, Словарь русск. грав. портретовъ (Mademoiselle Protasoff avec ses nièces) и Васильчиковъ: Liste alphabétique de portraits russes*. S.-Pbg. 1872, 5, 345; и) *Каталогъ историч. выставки портретовъ, П. Н. Петрова* (С.-Пб. 1870, 2-е изд.), стр. 197—198, № 731 (M-me Lebun); i) мои Матеріалы, стр. 175—175.

Голицына, княгиня Анна Сергѣевна, рожд. Всеволожская, дочь генераль-поручика Сергѣя Алексѣевича († 1822) и Екатерины Андреевны, р. Зиновьевой (р. 1751, † 1836; ея нѣтъ въ росписи Зиновьевыхъ, въ Русск. Родосл. книгѣ. С.-Пб. 1873, ч. 1, стр. 169—170, дочь № 60), первая супруга камергера князя Ивана Александровича Голицына (по прозвищу *Jean de Paris*, род. 1783, † въ Москвѣ, въ августѣ 1852 г.), сестра писательницы и піетистки княгини Софьи Сергѣевны Мещерской (см. выше это имя) и писателя, типографа и московскаго старожила, Николая Сергѣевича Всеволожскаго (р. 1772, † 1857, въ Москвѣ); родилась около 1778 г., † въ Симферополѣ, 11-го января 1838 г., извѣстная піетистка, бывшая въ тѣсной связи съ баронессою Крюденеръ, первая колонизаторша

южнаго берега Крыма.—1) *Modèle des enfants ou vie du petit comte Platon de Zouboff*. М. 1801, соч. дѣвнцы А. В. Биографическія черты изъ дѣтской жизни графа Платона Николаевича Зубова († 1855), съ матерью котораго, графиней Натальею Александровною, дочерью Суворова, авторъ былъ очень друженъ. Русскій переводъ Сергія Соковнина: *Образецъ дѣтей или жизнь маленькаго графа Платона Зубова*. М. 1801, 16°; 2) *Concordance en forme de régistre pour trouver facilement chaque passage du Nouveau Testament*. St.-Pbg. 1824. Окончаніе предисловія: *Va donc, mon livre, taches d'entrer dans les maisons des enfants de Dieu, porte leur salut et bénédiction! Heureux si tu deviens aussi une occasion que la parole de Dieu se répande de plus en plus, et qu'elle soit en honneur et en gloire. Dieu donne!* Есть экземпляры на веленовой бумагѣ.

О ней: а) биографическ. свѣдѣнія кн. Н. Н. Голицына, въ Русск. Архивѣ 1870 г., въ статьѣ: „По поводу статей о баронессѣ Крюденеръ“; б) А. Н. Пыпинъ, въ Вѣстн. Европы 1879 г., №№ 8 и 9, гдѣ она ошибочно названа родственницею кн. Ал. Н. Голицына; в) много свѣдѣній въ книгѣ Eynard'a: *Vie de M-me de Krüdner*. Genève. 1850; г) Krusenstolpe: *Der russische Hof*. Hamburg. 1859, 4-ter Band, S. 123 (гдѣ она ошибочно названа Александрю); д) Надгробное слово князю А. Н. Голицыну, А. С. Струдзм. С.-Пб. 1859; е) Русск. Архивъ 1867 г., № 7, ст. 1039; ж) ея литогр. портретъ (1837 г.), въ мужской шинели и сюртукѣ, но въ чепцѣ, за годъ до смерти,—востомъ, который она носила вслѣдствіе эксцентричности; з) Мордовцевъ: *Русскія женщины новаго времени*. С.-Пб. 1874; и) Геннади, *Словарь*, 1, 234; i) его же, *Les écriv. fr.-russes*. Dresde. 1879, pg. 16; к) мои Матеріалы, стр. 175—176.

Голицына, княгиня Анна Александровна (род. 1760, † 1842), рожд. княжна Грузинская, супруга въ первомъ бракѣ А. А. Делицына, а во второмъ—генерала-лейтенанта князя Бориса Андревича (р. 1766, † 1822).—Послѣдніе дни царствованія Екатерины II. Письма (1796 г.) къ князю Александру Михайловичу Голицыну. Переводъ съ французскаго (Истор. Вѣстникъ 1887 г., т. XXX, стр. 82—109).

Голицына, княгиня Евдокія Ивановна, дочь д. т. с. Ивана Михайловича Измайлова (р. 30-го января 1724, † 10-го ноября 1787) и Александры Борисовны, рожд. кн. Юсуповой (р. 20-го апрѣля 1744, † 25-го марта 1791); съ 12-го іюня 1799 г. за княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1774, † 7-го февраля 1859 г., въ Москвѣ); родилась 4-го августа 1780, † 18-го января 1850 и погребена въ Александровской лаврѣ. Носила въ обществѣ названіе: *Princesse Nocturne*—Княгиня Ночная, и *princesse Minuit*, вслѣдствіе обычая бодрствовать и принимать гостей только по ночамъ. — *De l'analyse de la force*. S.-Pbg. 1835, VIII, 72, et XII et 4 pages d'ér-19*

rata; 1-re partie du 1-г Livre, съ эпиграфомъ: Ангелъ Господень ополчится окрестъ боящихся его и избавить ихъ; 2-я часть: De l'analyse de la force. S.-Pbg. 1837, 8°. Второе изданіе. Paris. 1844—1845, 8°, въ 3 частяхъ.

Ред. а) О. Н. Глинки (съ биограф. свѣдѣніями), въ Москвитянинѣ 1843 г., № 12; б) Библиотека для Чтенія 1837 г., т. 25, отд. 6.

О ней: а) Пушкинъ (18-ти лѣтъ отъ роду) написалъ ей стихотвореніе: „Краевъ чужихъ неопытный любитель“ (1817); сообщено впервые П. И. Бартевымъ, въ Молвѣ 1857 г., № 3, стр. 29—30; см. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. С.-Пб. 1887, т. I, стр. 185; б) Карамзинъ и его современники называли ее „Пшеіею“ (1817); см. Матеріалы къ биографіи Пушкина, П. Бартева, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1855 г., № 142, стр. 583; в) Saint-Beuve, въ предисловіи къ изд. Valérie, г-жи Крюденеръ; г) о ея портретахъ см. Каталогъ исторической выставки, П. Н. Петрова. С.-Пб., 1870, № 53, стр. 149; д) анекдотъ съ Бальзакомъ, въ Русск. Архивѣ 1878 г., № 3, въ Запискахъ Остзейца (В. В. Ленда); е) Батюшковъ писалъ о ней Тургеневу восторженные отзывы въ 1818 году (Сочиненія, т. III. С.-Пб. 1886, стр. 501); ж) мы имѣемъ основанія предполагать, что книга нѣкоего Hegewald'a (ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти шарлатана—магнетизера, постоянного ея собесѣдника): De l'origine de la nation russe. S.-Pbg. 1850, 8° не обошлась безъ ея сотрудничества (ср. ея разговоръ о происхожденіи Русскаго народа, въ рецензій О. Н. Глинки, Москвитянинъ 1843 г., № 12, стр. 541—542); з) Геннади, Словарь, 1, 234; и) Ghénady: Les écriv. fr.-russes. Dresde. 1874, pg. 22; к) моя Матеріалы, стр. 176—177; л) Полное собр. сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 378—386; т. IX, стр. 124.

Голицына, княжна Елизавета Алексѣевна, дочь тайн. сов. князя Алексѣя Андреевича (р. 29-го іюля 1767, † 30-го марта 1800) и княгини Александры Петровны, рожд. Протасовой (писательницы, род. 1774, † 16-го октября 1842, въ Парижѣ); она родилась 22-го февраля 1797, въ С.-Пб., † 26-го ноября (8-го декабря) 1843, въ миссіонерскомъ католическомъ монастырѣ St.-Michel, въ Луизианѣ, въ Америкѣ; католическая монахиня и даже миссіонерша (съ 15-го—27-го декабря 1826 г., въ Мецѣ, но обращенная еще въ Россіи отцемъ Розаваномъ.—1) Отрывки изъ дневника (Journal), въ родѣ автобіографіи (исторія обращенія ея въ католицизмъ), въ книгѣ князя Августина Петровича Голицына (ея племянника): Vie d'une religieuse du Sacré-Sœur, 1795—1843. Paris; 2) Переписка (религіозная и по дѣламъ ея призванія), частью въ той же книгѣ. Упомянется тоже г-жею Свѣчиною въ письмѣ къ отцу Гагарину (Lettres de M-me de Swetchine. Paris. 1862, vol. 2, pg. 360).

Голицына, княжна Елизавета Борисовна, дочь генераль-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына (р. 15-го мая 1766,

† 30-го марта 1822, въ С.-Пб.) и княгини Анны Александровны, рожд. кн. Грузинской; въ первомъ бракѣ за Александромъ Александровичемъ Де-Лицынымъ, воспитанникомъ вице-канцлера, князя Александра Михайловича Голицына; родилась около 1760, † въ февралѣ 1842, въ С.-Пб.); во второмъ бракѣ за княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Куравинымъ (род. 1785, † 2-го октября 1850, въ Харьковѣ); родилась 1789, † 1867, въ С.-Пб. (временно обращенная въ католичество иезуитами, 1815—1820 гг.). — Стихотворенія на французскомъ языкѣ, нѣкогда весьма извѣстныя въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, 1810—1820 годъ, не бывшія, кажется, въ печати: *Homage à la princesse de Tarente* († 22-го іюня 1814):

● *Princesse, tu n'es plus
Vingt-cinq ans de malheurs...etc.*

*A ma soeur Tatiana, Clorinde (épisode du Tasse), и мног. друг.
См. мои Матеріалы, стр. 178.*

Голицына, княгиня Марья Григорьевна, воспитанница гр. Кушелева, супруга кн. Бориса Николаевича (р. 1833 г.), во второмъ бракѣ за маркизомъ Инконтри († 1880 г.); род. въ 1841 г.—*Tolstoy (count A.): Prince Serebrenni. Translated from the russian, by Princess Galitzine. London, 1874.*

См. мои Матеріалы, стр. 177.

Голицына, княгиня Прасковья Андреевна, рожд. графиня Шувалова, дочь д. тайн. сов. графа Андрея Петровича Шувалова (р. 1744 г., † 1789 г.) и графини Екатерины Петровны, рожд. графини Солтыковой (род. 1743 г., † 1816 г.), съ 1787 года, супруга тайн. сов. князя Михаила Андреевича Голицына (род. 28-го января 1765 г., † 31-го августа 1812 г.); родилась 14-го октября 1767 г., † 11-го декабря 1828 г., въ С.-Петербургѣ (мать писателя, князя Эммануила Михайловича Голицына, † 1855 г. и теща писательницы княгини Софьи Петровны Голицыной, † 1888 г.; см. это имя). — 1) Французскія стихотворенія, весьма извѣстныя въ тогдшнемъ высшемъ обществѣ („*Canton vilain*“, „*Canton joli*“, „*Bouts rimés*“ и другія); 2) *Mélice, nouvelle, St.-Pbg. 1814, 2-de édition* (первое намъ неизвѣстно) весьма рѣдко (съ оригинальнымъ предисловіемъ).

О ней: а) Биографическія о ней и ея семействѣ подробности въ перенискѣ графа Ѳ. В. Ростопчина, который имѣлъ дуэль съ ея мужемъ, въ Русскомъ Архивѣ 1876 г., № 1, стр. 99, 100, 119, 105, 108, 111; 1866 г., ст. 108, 109. 1867 г., стр. 90—91, 93—94; б) Дневникъ Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова. С.-Пб. 1874; в) Лонгиновъ, въ Русск. Архивѣ 1865 г., № 12, ст. 1527; д) Геннади, Словарь, 1, 234; д) Словарь русскихъ писательницъ, въ Русск. Архивѣ 1865 г.,

№ 9; ж) о ея литературныхъ занятіяхъ вмѣстѣ съ графиней Головиною, возбуждавшихъ неудовольствіе въ столичномъ обществѣ, въ перепискѣ М. С. Потемкина (Русск. Архивъ 1879 г., № 6, стр. 206); а) Ghénady, *Les écrits franco-russes*. Dresde. 1874, pg. 22.

Головина, графиня Н.—О ея литературныхъ занятіяхъ (на фр. яз.) вмѣстѣ съ кн. Прасковьею Андреевною Голицыною (см. это имя), въ теченіи послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, возбуждавшихъ неудовольствіе въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, въ перепискѣ М. С. Потемкина, въ Р. Архивѣ 1879 г., № 6, стр. 206 (не идетъ ли тутъ рѣчь о графинѣ Головиной?).

Головина, графиня Наталья Петровна, рожд. Измайлова, дочь дѣйств. тайнаго совѣтника Петра Ивановича († 4-го марта 1807 г.) и Екатерины Васильевны, рожд. Салтыковой, супруга писателя графа Теодора Гавриловича Головкина († 1823 г., въ Женевѣ); родилась 1760 г., † въ апрѣлѣ 1849 г. — 1) *Elisabeth de S***, ou l'histoire d'une russe, publiée par une de ses compatriotes*. Paris. Ducasouy, an X—1802, 24°, 1 ч., 1 нен. стр., посвященія мужу и 225; 2 ч.—съ картинкою, 202 стр.; 3 ч.—198 стр. (5 francs). Эпиграфъ: *J'avais prévu ma chute en montant sur le faite, je m'y suis trop complu, mais qui n'a dans la tête un petit grain d'ambition? La Fontaine*. Русскій переводъ: Елизавета де С***, или исторія россиянки, пер. съ французскаго, 5 частей. М. 1803—1804, 8°.—Испанскій переводъ: *Elena Virginia, ó historia de una jóven rusa*, 3 vol. Valencia. 1819, 8°; 2) *Alphonse de Lodève, par m-me la comtesse de G....* Moscou. 1807, de l'imprimerie privilégiée de Kryageff et Mey, 2 vol.; рѣдко; было въ библиотекѣ С. А. Соболевскаго. Второе изданіе, Paris. 1809, 12°;

О ней: а) Лонгиновъ, въ Русск. Архивѣ 1865 г., № 12, ст. 1512; б) Dupré de St-Maur: *Anthologie russe*. Paris. 1823, pg. XXIX; в) Quégarde: *France littéraire, 1829—1830*, t. 3, pg. 405; г) Геннади, *Словарь*, 1, 239—240; д) не о ея ли литературныхъ занятіяхъ (вмѣстѣ съ кн. П. А. Голицыною) упоминается въ перепискѣ М. С. Потемкина, въ Русск. Архивѣ 1879 г., № 6, стр. 206 (1791); е) Руссовъ, стр. 32.

Голубнова, А. Е., подъ псевдонимомъ Ляля.—*Institut philanthropique pour les gouvernantes*, въ Петерб. Листкѣ 1864 г., № 140.

Ди-Губернатисъ—Безобразова, Софья, супруга извѣстнаго профессора по кафедрѣ всеобщей литературы, во Флоренціи, Анжело Ди-Губернатисъ.—*Acque di primavera. Racconto russo, Turghenieff; tradotto da Sofia di Gubernatis—Bezobrazof*. Firenze. 1872, 8°. Переводъ „Вешнихъ Водъ“, Тургенева.

Дора д'Истрія, графиня, — псевдонимъ княгини Кольцовой-Масальской (см. это имя).

З. фонъ—Юлія.—Veniaminoff, Joh.: Wegweiser zum Himmelreich, oder Vorträge zur Belehrung der neugetauften Christen im russischen Amerika. Aus dem russischen übersetzt von Julie v. Z. Odessa. 1848, 8° (I. Вениаминовъ — потомъ Иннокентій, митрополитъ Московскій).

К. Г.—Произведенія ея въ концѣ книги: Clef du français etc., par Ferry de Pigny. SPbg. 1856, 8°, XV и 38 листовъ (а не страницъ) и 39—56 стр. Appendice: Compte-rendu des 75 compositions faites dans le cours de deux années d'études par m-lles L (ouise?). F. et H (enriette?) C., d'après le thème du programme général (de Ferry de Pigny).

Нантакузень, княжна Ольга (въ замужествѣ за Lorenzo Stetleri).—

1) Tante Agnès. Paris. 1874, 18°; 2) Carmela. Paris. 1875, 2-e édition.

Насинова, Евдокія.—Manuel de la conversation russe. Odessa. 1860—1863, 8°, vol.

Кольцова-Масальская, княгиня Елена Михайловна, рожденная княжна Гика; съ 1849 г. супруга князя Александра Александровича Кольцова-Масальскаго (родился 1826 г., † 1875 г., въ Москвѣ); род. 1828 г., въ Бухарестѣ, † 1888 г., во Флоренціи; писала подъ псевдонимомъ Comtesse Dora d'Istria; двоюродная сестра министра внутреннихъ дѣлъ Румыніи, князя Дмитрія Гика и военнаго министра князя Ивана Гика, дочь великаго бана, князя Михаила Гика. 1) La vie monastique dans l'Église orientale. Paris. 1855, 12°; 2-me édit. Genève et Paris. 1855; 3-me édit. 1858, 12°; 2) Les femmes en Orient. Zurich. 1858, 8°, 2 vol.

Рец. Ств. Пчела 1860 г., № 6.—Русская передѣлка: Женщины романскаго племени, въ Заграничн. Вѣстникѣ 1865 г., № 10.

3) Une rencontre de voyage, въ Revue des deux mondes 1860 г. Русскій переводъ: Дорожная встрѣча. Воспоминанія изъ путешествія по итальянской Швейцаріи, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1860 г., №№ 197—200; 4) Des femmes par une femme. Zurich. 1864, 2 vol. 8°. Русскій переводъ: Женщина о женщинахъ, изд. А. Петрова. С.-Пб. 1866.

Рец. Книжн. Вѣстникъ 1866 г., № 77.

5) Перевела Иліаду на нѣмецкій языкъ (рукопись); 6) Au bord des lacs helvétiques. Genève. 1861, 16°. Русскій переводъ (передѣлка): Германская Швейцарія, В. С., въ Разсвѣтѣ 1861 г., №№ 1 и 2; 7) Les Roumains et la papauté (I Rumenii ed il papato); Sur la poésie serbe,

въ *Revue des deux mondes* 1869 г.; 8) статьи въ *Spectateur d'Orient* и афинскомъ журналѣ *L'Espérance*; 9) Сотрудница итальянской газеты *Diritto*; 10) *Die deutsche Schweiz: Land, Volk und Geschichte*; 2-te verbess. Auflage, 3 Bände. Zurich. 1860, 8°; 11) *Excursions en Roumèlie et en Morée*, 2 vol. Zurich. 1858, 8°; 12) *La poésie des Ottomans*. Paris. 1877, 2-me édit., 12°; 13) сотрудница *Figaro*.

О ней: а) *Am. Pommier: La comtesse Dora d'Istria, sa vie et ses oeuvres sur la Russie et sur l'Orient*. Bruxelles. 1863. 8°; б) псевдонимъ ея указанъ въ *Bulletin du bibliophile belge*, Bruxelles, 1857, février, vol. 1, pg. 80; в) *Толль Настольн. Словарь*, 1. 654; г) *Varebeau: Dictionnaire universel des contemporains*. Paris. 1870, 4-me édit., pg. 533; д) была избрана членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ; е) афинскія палаты, въ апрѣлѣ 1867 г., дали ей полную натурализацію въ Греціи; ж) *Новое Время* 1888 г., № 4568, 4569, 4570.

Кюнднеръ, Софья, рожд. Оттъ.—1) *N. Gretsck: La femme noire, traduit du russe*, 2 vol. Paris. 1838, 8°; 2) *N. Gretsck: Mes réminiscences, traduit du russe*. Paris. 1837, 8°. Переводъ: Двадцать восемь дней за границею, или дѣйствительная поѣздка въ Германію. С.-Пб. 1837, 8°; 3) *M. Zagoskine: Joury Miloslawsky, ou la Russie en 1612, roman traduit du russe*, 4 vol. Paris. 1831, 11°.

Крюднеръ, Варвара-Юлія, рожд. баронесса Фитингофъ, внука, по матери, фельдмаршала Миниха; родилась 21-го ноября 1764 г., въ Ригѣ, † 25-го декабря 1825 г., въ Карасубазарѣ, въ Крыму; третья супруга русскаго посланника въ Стокгольмѣ и Берлинѣ, известная пѣтистка, имѣвшая значительное вліяніе на настроеніе императора Александра I въ эпоху Священнаго Союза.

1) *Valérie ou lettres de Gustave de Linar à Ernest de G...* Paris. 1804, 2 vol. 12°; знаменитый романъ, появившійся въ декабрѣ 1803 года, въ Парижѣ (1804 годъ—на заглавномъ листѣ). Второе изданіе—Paris. 1804, 12°. Третье изданіе—Paris. 1804, 2 vol. 12°. Четвертое изданіе—Mitau. 1804, 16°, 2 vol. Пятое изданіе—Paris. 1846, 16°, 336 стр., изъ коихъ 48 стр. предисловія, написаннаго *St.-Beuve'*омъ. Шестое изданіе: Paris. 1855, 12°.—Литературные враги автора утверждали будто романъ не вполне принадлежитъ перу баронессы Крюднеръ (*Quégard: Supercheries littéraires*, art. *Krüdner*). Принцъ Де-Линъ сдѣлалъ неудачное продолженіе *Valérie*, въ своихъ *Mélanges militaires, littéraires et sentimentales*.—Русскій переводъ: Валерія или письма Густава фонъ-Ливара къ Эрнесту фонъ Г., новѣйшій романъ баронессы фонъ-Криденеръ, съ французскаго на нѣмецкій языкъ переведенный Миллеромъ, а съ онаго на російскій М—В—(аккаревичемъ?). М. 1807, 12°, 3 части; переводъ посвященъ тайн-

совѣтн. Сергѣю Ильичу Муханову (извѣщеніе о русскомъ переводѣ, въ Моск. Курьерѣ 1805 г., ч. 1, стр. 63).—Нѣмецкіе переводы: а) Valérie oder Briefe Gustaw's von Linar an Ernst von G—. Ein Gegenstück zur Delphine (г-жи Сталь), mit Kupfern. Leipzig. 1804, 16°, 2 Bände; б) переводъ Миллера (съ котораго сдѣланъ русский переводъ): Mainz. 1804, 8°; в) анонимный. Altona. 1804, 8°.—Отзывъ о романѣ Valérie, въ Панорамахъ Парижа, Цвѣтаева, стр. 147; 2) Le camp de Vertus. Paris. 1815, 8°. Нѣмецкій переводъ: Das Lager von Vertus. Riga. 1816, 12°.—Русскій переводъ: Лагерь при Вертю, переводъ съ фр. С.-Пб. 1815, 12°. Новогреческій переводъ (вѣроятно, А. С. Стурдзы): Τὸ ἐν Βερτοδίῳ τῆς Καμπανίας Ῥωσικὸν στρατόπεδον. Μεταφρασθέν ἐκ τοῦ Γαλλικοῦ. Ἐν Μοονοχίᾳ. Ἐκ τῆς τοπογραφίας Μιχαήλ Δινδάουεας, 1815, 8°; 3) Der Einsiedler, ein Fragment. Herausgegeben und mit einer Biographie dieser merkwürdigen Frau begleitet, von K. S. Leipzig. 1818, 8°. 4) Pensées inédites, въ Revue Suisse recueil mensuel de Neufchâtel, 1848, octobre, t. 2, pp. 505—507. 5) Участвовала въ составленіи и изданіи религиозно-правственныхъ брошюръ 1820 годовъ въ С.-Пб. (такъ называемыхъ „Traité“). 6) Отрывки и обширная ея переписка, въ Vie de Madame de Krüdener, par Ch. Eynard (Paris. 1849). 7) Oeuvres inédites, въ Revue Contemporaine, 1859 г., № 15.

О ней: а) La Quotidienne, 1815 г.; б) Ueber Frau v. Krüdener und ihrem religiösen Sinnenwandel. Sigmaringen. 1817; в) Frau von Krüdener in der Schweiz (памфлетъ). Schaffhausen. 1817; г) то же, St.-Gallen. 1817; д) Voith: Winke der Wahrheitsliebe, die Frau v. Krüdener betreffend, von einem warmen Verehrer der Wahrheit. Schaffhausen. 1817, 8° е) Bonald, въ Journ. des Débats 1817 г., 28 mai; ж) Weimarsche Zeitung, 1817, № 29; з) Der lebendige Glaube des Evangeliums, dargestellt in dem öffentlichen Leben der Frau v. Krüdener: s. 1. 1817, 12°; и) Frau von Krüdener, ein Zeitgemälde. Bern. 1868, 8°; i) Fr. v. Dillenburg: Freimüthige Wiederlegung der in vaterländischen Blättern eingetückten Schrift, Frau v. Krüdener betreffend; Helvetien. 1817, 8°; к) Carstensen, C.: Frau de Krüdener (Kjöbenhavn), в. а., 8°, на шведскомъ языкѣ; л) Heinr. Burdach: Frau von Krüdener und der Geist der Zeit. Leipzig. 1818, 8°; м) Brescius und Spieker: Beiträge zu einer Charakteristik der Frau Baronesse von Krüdener. Berlin. 1818, 8°; н) Wilh. Traugott Krug: Gespräch unter vier Augen mit Frau v. Krüdener. Leipzig. 1818, 8°; о) Heinr. Meisel: Frau von Krüdener. Dresden. 1881, 8°; п) Adèle Du Thon: Notice sur M-e de Krüdner. Genève. 1827, 8°; р) X. Marmier, въ Revue Germanique 1833, juillet; с) Телескопъ 1834; т) Вигель: Воспоминанія, часть VII, стр. 6—7, 80; у) Histoire de France sous Napoléon, par m-r de Bignon. Paris. 1838, 8°, t. 10-me, pg. V—VIII; ф) Eynard: Vie de Madame de Krüdener, 2 vol. Paris. 1849, 8°; х) отзывъ о ней Плетнева, въ письмѣ къ Жуковскому, въ Русск. Архивѣ 1870 г. № 7; ц) Journal des Débats

1852, 21 mai, статья Philarète Chasles'a; ч) Paulin Limaугас, въ La Presse, 1853, 6 novembre; ш) M. J. Crusenstolpe: Der russische Hof; Hamburg. 1866, стр. 108—124; щ) Баронесса Крюденеръ, очеркъ, въ журналѣ Ласточка, 1859 г., № 9, стр. 455—456 и отдѣльно; ъ) Bibliophile Jacob: Madame de Krüdener, ses lettres et ses ouvrages inédits, въ Revue Contemporaine, №№ 15 et 30, septembre; ы) Amely Bölte, Juliane von Krüdener und Kaiser Alexander, ein Zeitbild; 6 vol. Berlin. 1861, 8°; њ) Вѣсть, 1863 г., №№ 14 и 18; ю) Carpefigue: La baronne de Krüdener et l'empereur Alexandre I au congrès de Vienne. Paris. 1866, 8° (рец. въ Русск. Вѣстникѣ 1866 г., № 9, стр. 317 — 331; я) Русск. Архивъ 1868 г., ст. 1349; э) Г-жа Крюденеръ, ст. А. Пыпина, въ Вѣстн. Европы 1869 г., №№ 8 и 9; е) Кн. Н. Н. Голицынъ: По поводу статей о г-жѣ Крюденеръ, въ Русск. Архивъ 1870 г., №№ 4—5; в) Мордовцевъ: Русскія женщины новаго времени. С.-Пб. 1874; аа) Ziethe, W.: Juliane v. Krüdener. Berlin. 1864, 8°; бб) изъ письма къ ней королевы Луизы Прусской, въ Р. Архивъ 1874 г., ч. 1, стр. 709; вв) Руссовъ, стр. 27; гг) Баронесса Крюденеръ и ея переписка съ кн. А. Н. Голицынымъ, въ Р. Архивъ 1885 г., т. I; дд) Три письма императора Александра Павловича къ маркизу Паулуччи, *ibid.* 1886 г., т. II; ее) Изъ записокъ гр. Эдлингъ, *ibid.*, 1887 г., т. I.

Ланская, Варвара Ивановна, рожд. княжна Одоевская, дочь генералъ-поручика князя Ивана Ивановича (род. 5-го апрѣля 1742 г., † 11-го декабря 1806 г.) и княгини Анастаси Ивановны, рожд. Измайловой (род. 17-го апрѣля 1769 г., † 29-го сентября 1807 г.), супруга дѣйств. тайнаго совѣтника оберъ-камергера и министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾ Сергѣя Степановича Ланскаго (род. 1787 г., † въ январѣ 1862 г.); скончалась въ 1844 г. — 1) Discours après la consécration de l'église de la Très-Sainte Mère de Dieu, qui est la recherche de ceux qui périssent (Notre-Dame de Bon-Secours), fondée dans la prison des détenus, condamnés à l'exil, sur la Montagne des Moineaux, à Moscou, le 13 décembre 1843, par le Membre du Synode Philarète de Moscou. М. 1847, 8°, съ русскимъ подлинникомъ („Бесѣда на освященіе...“) и fac-simile почерка переводчицы. Приложено: Prière d'un détenu dans la souffrance (Молитва заключеннаго въ темницѣ), на русскомъ и французскомъ языкахъ; 7 стр., 8°, безъ мѣста печати. Посмертное изданіе, весьма рѣдкое (было въ библиотекѣ С. Д. Полторацкаго). Издано филантропомъ докторомъ Ф. Гаазомъ († 1853 г.); 2) По отзыву Пушкина (Соч., изд. Анненкова, т. 5, стр. 238), перевела „Юрія Милославскаго“ на англійскій языкъ, оставшійся, вѣроятно, въ рукописи.

О ней: а) некрологъ, въ Сѣв. Пчелѣ 1845 г., № 85; б) Ghénnyady: Les écriv. fr.-russes, pg. 37; в) его же, Словарь, 2, 216; г) въ письмѣ кн. П. А. Вязем-

¹⁾ У Геннади (Словарь, 2, 216), ошибочно показана супругою сенатора Дм. Серг. Ланскаго.

скаго, 1828 г., въ статьѣ кн. П. П. Вяземскаго, въ газетѣ Берегъ 1880 г., № 111, 14-го іюля, стр. 2.

Ляля,—псевдонимъ Голубковой, А. Е. (см. это имя).

Малиновская, Екатерина Алексѣевна, дочь извѣстнаго археолога.—Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Fürsten Dmitri Michailowitsch Poscharski, von A. Malinowski, Senator und Chef des Moskaischen Archiws von dem Collegio der Auswärtigen Angelegenheiten. Ins deutsche übersetzt von seiner Tochter, Katharine Malinowska. Moskwa. 1816, 8°.

а) Объявлено въ Сынѣ Отечества 1826 г., ч. 110, стр. 183; б) о ней см. письмо Аракчеева къ ея матери, въ Русск. Архивѣ 1864 г.

Мачевская, Елизавета. — Maczewska Elise: Anleitung zum Elementar-Unterricht im Klavierspiel. Виндава, литогр. Шутцъ, 1868, 4°.

Милашевская, Ольга. — Russische Volks-Romanze, von Koltzof, ins deutsche frei übertragen und in vorliegender musikalischer Fassung herausgeg. von E. Schirmer. Leipzig. 1872, 4°.

Мордвинова, Прасковья Семеновна († около 1854 г.), рожд. княжна Херхеулидзева, супруга сенатора Александра Николаевича Мордвинова. — Fables de Kryloff, traduites du russe (en vers). S.-Pbg. 1852, 8°, всего 12 басенъ.

Отзывы о переводѣ: а) А. Θ. Бычкова, въ статьѣ: О басняхъ Крылова въ переводѣ на иностранныя языки, въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. 6, стр. 99; б) Сынъ Отечества 1852 г., кн. IX, отд. 6, стр. 85.

Московитянка. — Ode à l'occasion du mariage de S. A. I. Mgr le Grand-Duc Alexandre, par une Moscovite. Paris. 1841, 8°.

Нанди (Nandi)—псевдонимъ (1876 г.) княжны Екатерины Петровны Урусовой (см. это имя).

Никитина, рожд. Жандръ († въ 1885 году, въ Парижѣ).—Ея литературныя обзорѣнія и этюды о социализмѣ печатались въ Justice и Nouvelle Revue, съ конца 1860-хъ годовъ.

О ней: Истор. Вѣстникъ 1885 г., т. XIX, стр. 464—465.

Одоевская, княжна Варвара Ивановна; см. Ланская, В. И., рожд. княжна Одоевская.

Окунькова, Зенеида N, женщина-юристъ. — Диссертация на степень магистра права, въ Берлинѣ (О древнемъ хорватскомъ правѣ), 1877 г.

Петровна (Petrowna), псевдонимъ. — 1) Gedichte zur Erinnerung an Riga, 1870. Riga, 16 стр. (Указ. по дѣл. печати 1874 г., стр. 276); 2) Ein Etwas aus meinem Leben. Riga. 1875, 12°, 15 стр.

(ibid. 1875 г., стр. 78); 3) *Meinem Retter aus Liebe*. Riga. 1875, 12°, 16 стр. (ibid., стр. 128); 4) *Ein Baum aus dem Pflanzenreich*. Riga. 1875, 12°, 16 стр. (ibid., стр. 149); 5) *Der Löwe aus der Thierwelt mit seiner Umgebung*. Riga. 12°, 16 стр. (ibid., стр. 149); 6) *Peter der Felsenstein, Grundriss zum Häuserbau*. Riga. 1875, 12°, 16 стр. (ibid., стр. 198); 7) *Der erste Mensch als Land und Staatsmann zwischen Gras und Kraut*. Riga. 1875, 12°, 16 стр. (ibid., стр. 198).

Петрово-Соловово, Наталья Андреевна, рожд. княжна Гагарина, супруга камергера Григорія Θεодоровича.— *La villa Balbionino* (романъ). Paris. 1868.

Пономарева, Софья Алексѣевна, рожд. Ребиндеръ, дочь генералъ-лейтенанта, помѣщика Курской губерніи; „*La Seigné du Nord*“.— Письма о столовращеніяхъ, въ *Indépendance Belge* 1854 г., за которыя нѣкоторыя французскія газеты дали ей помянутый лестный титулъ.

Потемкина, Татьяна Борисовна, рожд. княжна Голицына, дочь генералъ-лейтенанта князя Бориса Андреевича (род. 15-го мая 1766 г., † 30-го марта 1822 г., въ С.-Пб.) и княгини Анны Александровны (рожд. княжны Грузинской, въ первомъ бракѣ за Александромъ Александровичемъ Де-Лицынымъ; род. въ октябрѣ 1760 г., † въ первыхъ числахъ февраля 1842 г., въ С.-Пб.); супруга (съ 7-го февраля 1816 г.) дѣйств. тайн. совѣтника Александра Михайловича Потемкина (род. 1790 г., † 19-го іюля 1872 г.), сестра писательницы, княжны Елисаветы Борисовны (см. это имя), въ замужествѣ кн. Куракиной, род. 30-го января 1801 г., † 6-го іюля 1869 г., въ Берлинѣ; извѣстная благотворительница въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества и пламенная дѣятельница въ религиозной сферѣ.— Автобиографическія записки (писаны въ 1850—1860 гг.), въ рукописи, на французскомъ языкѣ.

О ней: а) Соч. П. А. Вяземскаго, т. VIII и IX; б) А. Н. Муравьевъ: Нѣсколько словъ въ память Т. В. Потемкиной. Кіевъ. 1869, 8°; в) Изъ записокъ кн. Ю. Н. Голицына, по поводу брошюры А. Н. Муравьева о Т. В. Потемкиной. С.-Пб. 1869, 8°; г) Варш. Дневникъ 1880 г., № 36, 14-го февраля, столб. 3. См. мол. „Матеріалы для полного родословія кн. Голицыныхъ“. Кіевъ. 1880, стр. 179.

Ржевская, Глафира Ивановна, рожд. Алымова, въ первомъ бракѣ—супруга дѣйств. тайн. совѣтн. сенатора и писателя Алексѣя Андреевича Ржевскаго († 20-го апрѣля 1804 г., женатаго въ первомъ бракѣ на писательницѣ Александрѣ Θεодотовѣ Каменской, род. 1740 г., † 27-го апрѣля 1769 г.; см. выше, это имя); во второмъ бракѣ—за камергеромъ (савойскимъ уроженцемъ) Ипполитомъ Пе-

тровичем Масклé (Masclét); воспитанница 1-го выпуска (1776 г.) Смолянаго монастыря; родилась 1758 г. † 1826 г., въ Москвѣ.—Памятныя записки (подлинныя на французскомъ языкѣ), въ русскомъ переводѣ, въ Русск. Архивѣ 1871 г., № 1.

О ней: а) Лонгиновъ, въ Русск. Старинѣ 1870 г. № 8; б) Русск. Архивъ 1877 г., № 2; в) Второй супругъ ея былъ переводчикомъ басенъ Крылова (Moscou, 1828 и 1831 гг.) и Хемницера (Moscou, 1830 г.); г) Masclét—авторъ: Ode sur le mariage de S. A. Mr le Grand Duc Alexandre Pawlowitsch, 1793, 4°, имѣвшей два изданія, въ томъ же году; во второмъ, приложенъ русскій текстъ. Не переводъ ли это Ржевской? д) О близкияхъ отношеніяхъ ея мужа къ Державину, до брака на Алымовой, въ Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, 1, 107, 108, 794; 2, 709; 3, 597; 4, 772; 6, 52, 25, 664, 675—676; е) Мордовцевъ: Русскія женщины новаго времени (второй половины XVIII вѣка). М. 1874; ж) о ея родословной, Русск. Род. книга. С.-Пб. 1873, ч. 1, стр. 121.

Романова, Г. С. — Sketches of the rite and customs of the grecorussian church, with introduction, by the author of The Heir of Redcliffe. London. 1868, 8°.

Рец. Русск. Архивъ 1869 г., ст. 129.

Ростопчина, графиня Екатерина Петровна, рожд. Протасова, дочь генераль-поручика и сенатора, Петра Степановича Протасова (род. 1-го іюля 1730 г., † 19-го іюля 1794 г.) и Александры Ивановны (рожд. Протасовой, род. 23-го декабря 1750 г., † 6-го сентября 1782 г.); съ 1793 г. супруга графа Ѳедора Васильевича Ростопчина (род. 12-го марта 1765 г., † 18-го декабря 1826 г., въ Москвѣ), сестра писательницы княгини Александры Петровны Голицыной (см. это имя), мать писательницы графини Софьи Ѳеодоровны Сегюръ (см. это имя); родилась 1776 г., † 1856 г., въ Москвѣ (католичка). — 1) Recueil de preuves sur la verité de la religion. M. 1810, 12°; 2) Album allégorique. Moscou. 1829, 16°.

О ней: а) Дмитріевъ: Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 230, 233, 250; б) Лонгиновъ, въ Русск. Архивѣ 1868 г., ст. 866; в) С. Д. Полторацкій, въ книгѣ: Rostopchine, Le comte Théodore, 1765—1826, 8°, s. l. (Hombourg). 1854, pg. 40; г) Vie d'une religieuse du Sacré-Coeur, par le pr. Aug. Galitzine. Paris. 1869, 16°, pg. 18—19, гдѣ упоминается объ одномъ религіозномъ, католическомъ сочиненіи (...un petit écrit sur le schisme et la vérité de l'église catholique), писанномъ ранѣе 1815 года, слѣдовательно еще при жизни мужа ея, который однако отклонялъ поощреніе французскихъ наставниковъ на воспитаніе его дѣтей въ католицизмѣ (см. Девятнадцатый Вѣкъ, изд. П. Баргенева. М. 1872, ч. 2, письмо къ Циціанову, стр. 13); ж) Русск. Архивъ 1865 г., № 10, ст. 1204; з) О портретахъ ея (гравюрax)—Ровинскій: Словарь русск. грав. портретовъ, и Васильчиковъ: Liste alphabétique. St.-Pbg. 1875, 2, 345; и) S. Poltoratzky, въ Athéneum français 1855 г., № 14, pg. 288.

Ростопчина, графиня Лидія Андреевна, дочь гр. Андрея Ѳео-

доровича и писательницы гр. Евдокии Петровны, рожд. Сушковой.—
1) Belle, sage et bonne. Paris. 1880; 2) Фельетоны въ одномъ изъ
петербургскихъ специальныхъ журналовъ (подъ псевдонимомъ), по по-
казанію Д. П. Сушкова: Къ біографіи гр. Е. П. Ростопчиной, въ
Историч. Вѣстникъ 1881 г., стр. 305.

Русская.—Un portrait, стихотвореніе, въ Моск. Городск. Листѣхъ
1847 г., № 83.

Русская дама.—Conversion d'une dame russe à la foi catholique,
racontée par elle-même et publiée par le prince Gagarine. Paris.
1862, 18°.

Сартори, Луиза.—Kunstloser Abriss einziger Geisteszüge aus dem
Gemälde der Monarchinin Elisabeth Alexejewna. St.-Petersbourg.
1814, 4°.

Свѣтова, Татьяна (псевдонимъ?).—Il romanziera russo Giovanni
Turgheneff, въ La Revista Europea, 1869, fasc. 1, pg. 87—93.

Ред. Русск. Архивъ 1871 г., № 5—6.

Свѣчина, Софья Петровна, рожденная Соймонова, дочь дѣйстви-
т. совѣтн. и статсъ-секретаря императрицы Еваторины II, Петра
Александровича Соймонова (род. 1737 г., † 1799 г.) и NN Ива-
новны, рожденной Болтиной, дочери историка; супруга (съ 1799 г.)
генерала отъ инфантеріи Николая Сергѣевича Свѣчина (род. въ
маѣ 1759 г., † 1850 г.); родилась 22-го ноября 1782 г., † 29-го
августа 1859 г. (всѣ сочиненія ея изданы послѣ ея смерти).—

1) Madame de Swetchine, sa vie et ses oeuvres. Paris. 1860,
2 vol., 8°; 2-me édition, ibid., 2 vol., 8°, 1860; 3-me édition, ibid.
2 vol. 1860, 18°; 4-me édition, ibid. 2 vol. 1861, 18°; 5-me édi-
tion, 1861 г. До изданія этой книги, нѣсколько писемъ Свѣчиной
было напечатано графомъ де-Фаллу, въ Le Correspondant, 1859,
t., 12, 2-de livraison; 2) Lettres de m-me de Swetchine, publiées par
le comte de Falloux. Paris. 1862, 8°; 2-me édition, ibid. 1862, 18°,
2 vol.; 3-me édition. Paris. 1873, 8°; 3) Correspondance du R. P. La-
cordaire et de madame Swetchine, publiée par le comte de Falloux;
quatre éditions. Paris. 1864, 18°; 5-me édit. Paris. 1868, 18°. О появ-
леніи этой книги, въ Книжн. Вѣстникъ 1864 г., стр. 129; 4) Lettres
inédites de m-me Swetchine, Paris, Angers, imp. Cosnier et Lachéza,
deux éditions en 1862; avec feuille du titre réimprimée, 1869, 8°; 5)
Choix de méditations et de pensées chrétiennes, publié par le comte
de Falloux. Tours. 1867, 8°; 6) Journal de ma conversion. Médita-

tions et prières publiées par le comte de Falloux. Paris. 1868, 18°, 2-me édit.

Ред. въ Cabinet Historique, nouvelle série, 1862, t. 2, p. 502.

7) Nouvelles lettres, publiées par le marquis de Lagrange. Paris. 1875, 8°.

О ней: а) Г-жа Свѣчина и переписка ея съ Токвилемъ, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1859 г., № 269 и въ Русск. Инвалдѣ 1860 г., № 158; б) Е. Туръ: Г-жа Свѣчина, въ Русск. Вѣстникѣ 1860 г., апрѣль, т. 26, кн. 1-я, стр. 362—392; в) Е. Туръ: Письмо къ редактору, въ Русск. Вѣстникѣ 1860 г., апрѣль, кн. 2-я; г) Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной, Современникъ 1860 г., № 6, стр. 249—278; д) Рецензія гр. Д. А. Толстаго на книгу графа Фаллу, въ газетѣ Наше Время (Павлова) 1860 года, № 1; е) Замѣтка на эту статью, г. Z (Аполлона Эрнестовича Циммерманна), въ Сѣверн. Пчелѣ 1860 г., № 47; ж) его же: Софья Петровна Свѣчина (біографія), въ Сѣверн. Пчелѣ 1860 г., № 70 (есть оттиски); з) E. Deschamps, въ Bulletin du bibliophile belge 1860 г., № 1, série XIV; и) Madame Swetchine et la critique en Russie (переводъ статьи Е. Туръ, съ небольшимъ предисловіемъ), въ Correspondant, 1860 г.; оттиски: Paris. 1860, 8°; і) некрологъ, въ Библиогр. Запискахъ 1861 г., № 4: к) Une âme chrétienne dans la vie du monde, въ Revue des deux Mondes 1861 г.; л) Книжн. Вѣстникъ 1861 г., стр. 175; м) Ern. Naville: Madame Swetchine, esquisse d'une étude biographique. Genève. 1863, 8°; н) Arm. Pichard: M-me Swetchine et le comte de Maistre. Bordeaux. 1864, 8°; о) Русск. Архивъ 1865 г., № 10, ст. 1206; п) Русскій Архивъ 1869 г., ст. 1713—1714 (въ статьѣ гр. М. Д. Бутурлина); р) M-me Bourdon: Les servantes de Dieu. Vies édifiantes des dames les plus pieuses, jusqu'à M-me Swetchine inclusivement, 2-me édit. Paris. 1869, 8°; с) Мордовцевъ: Русскія женщины новаго времени. С.-Пб. 1874. г) Ch. de Mazade, въ Revue des deux Mondes, 1869, 1 mars; у) Ghénady: Les écriv. fr.-russes, pg. 69.

Сегюръ, графиня Софья Ѳеодоровна, рожд. графиня Ростопчина, дочь графа Ѳедора Васильевича Ростопчина (род. 12-го марта 1763 г., † 18-го декабря 1825 г., въ Москвѣ) и графини Екатерины Петровны, рожд. Протасовой (род. 1776 г., † 1856 г., писательницы, см. выше), супруга графа Евгенія Сегюра, пера Франціи (до 1848 г.) и мать католическаго епископа, перешедшая сама въ католицизмъ около 1815 года; родилась 1799 г. (?), † 1875 г.—1) Les deux pigauds. Paris. 1862, 12°; 2) Evangile d'une grand'mère (изданіе апробовано семью католическими епископами). Paris. 1865; 4°, 2-е éditon, ibid. 12°; 3) Comédies et proverbes. Paris. 1865, 12°; 4) L'auberge de l'ange gardien. Paris. 1863, 12°; 5) Nouveaux contes de fées pour les petits enfants. Paris. 1857; 6) François le bossu, avec 114 vignettes, пер. съ франц. Paris. 1865, 8°.

7) Записки осла, переводъ подъ ред. Н. А. Ушакова, съ рис.; изд. Товарищества Общ. Пользы. С.-Пб. 1864, 16°.

Ред. Книжный Вѣстникъ 1864 г., № 19. Оригиналъ: *Memoires d'un âne*. Paris. 1860, 12°.

8) *Un bon petit diable*. Paris. 1865, 12°; 9) Каникулы, съ рис. (въ Дешевой библіотекѣ для дѣтскаго чтенія). С.-Пб. 1870. Оригиналъ: *Les vacances*. Paris. 1859; 10) *Les bons enfants*. Paris. 1865, 12°; 11) Приключенія Сонички, перев. Н. Ушакова. С.-Пб. 1864, 12°; то же: Сонины проказы, съ 48 рис. въ текстѣ. С.-Пб. 1869.

Ред. а) Книжн. Вѣстникъ, 1864 г., № 4; б) Учитель, 1864 г., № 13—14, т. 4 (Е. Кемница). Оригиналъ: *Les malheurs de Sophie*. Paris. 1864; в) Семейн. Вечера, младшій возрастъ, 1870 г., № 2; г) вошло въ составъ „Зеленой Библіотеки“, изд. Вольфа.

12) Примѣрныя дѣвочки, въ составѣ „Зеленой Библіотеки“. С.-Пб. 1869—1872 и отдѣльно. Оригиналъ: *Les petites filles modèles*. Paris. 1858; 13) *Jean qui grogne et Jean qui rit*. Paris. 1865; 14) *Livre de messe des petits enfants*. Paris. 1858, 32°; 15) *Le général Douarkine*. Paris. 1864, 8° (памфлетъ на русскіе нравы и администрацію); 2-me édit. Paris. 1864, 8°; 3-me, *ibid.* 1866, 8°; 5-me, *ibid.* 1869, 8°.

16) *Pauvre Blaise*. Paris. 1862, 12°; 17) *La santé des enfants*, 3-me édit. Paris. 1862, 12°; 18) *La soeur de Gribouille*. Paris. 1861, 12°; 19) *Le mauvais génie, avec 80 grav.*; 20) *Après la pluie le beau temps*. Paris. 1880, nouvelle édition; 21) *Diloy le chemineau*. Paris (4-me édit.). 1878; 22) *La fortune de Gaspar*; 23) *Quel amour d'enfant!* 24) *La Bible d'une grand' mère, avec 30 gravures*; 25) *Les Actes des apôtres, avec 10 gravures*.

а) О ней: въ письмахъ гр. Ф. В. Ростопчина къ Циціанову, въ Девятнадцатомъ Вѣкѣ. М. 1872, ч. 2, стр. 89; б) о томъ, какъ онъ охранялъ свое семейство отъ католическаго вліянія, *ibid.*, стр. 13; в) *Vie d'une religieuse du Sacré-Coeur, 1795—1843, par le pr. Aug. Galitzine*. Paris. 1869, pg. 17—19; г) O. Lorenz: *Catalogue général de la librairie française*. Paris. 1871, t. 4, pg. 381—382.

Снарятина, Ольга Григорьевна, рожд. гр. Шувалова, дочь графа Григорія Петровича, умершаго въ монашествѣ, католикомъ, и графини Софьи Александровны, рожд. княжны Солтыковой; супруга Петра Яковлевича Снарятинъ. — 1) *Le faune, vaudeville en 1 acte*. Nice. 1808, 8°; 2) *Une chaumière et son cœur, levée de rideau, improvisé*. Nice. 1868, 8°; 3) *Satire et pari, comédie en 1 acte*. Nice. 1868, 8°; 4) *Théâtre de m-me Skariatine* (три предыдущія пьесы). Nice. 1868, 8°.

Ghénnyady: Les écrivains fr.-russes. Dresde. 1874, pg. 62.

Соколова, Анастасія Ивановна, дочь дѣйств. тайн. сов. Ивана Ивановича Бецаго (р. 3-го февраля 1704 г., † 31-го августа 1795 г.), а по другимъ свѣдѣніямъ плѣнная черкешенка; камеръ-фрейлина им-

ператрицы Екатерины II, супруга адмирала Осипа Ивановича Рибаса († въ декабрѣ 1800); родилась 1742 г., † 1822.—Переписка ея съ Duval'емъ, въ Oeuvres de Valentin-Jamergai Duval, précédés de mémoires sur sa vie, avec figures. St.-Pbg. 1784, съ портретомъ автора.—Нѣмецкое издание: Briefwechsel mit Anastasia Sokoloff, aus dem französischen übersetzt von Sam. Bauer. Nürnberg. 1792, 8°.

О ней: а) въ Запискахъ Г. И. Ржевской, въ Русск. Архивѣ 1871 г., № 1; б) Mémoires secrets de Masson. Paris. 1802, t. 1, pg. 243—244 (разсказъ, имѣющій отношеніе къ ея авторству); в) Шубинскій: Разсказы о русск. старинѣ. С.-Пб. 1871, стр. 23—24; д) Гротъ: Сочин. Державина, 1,707; е) о ея портретахъ—Васильчиковъ: Liste alphabétique de portraits russes, 2, 360—361; ж) состояла въ дружескихъ отношеніяхъ къ г-жѣ Geoffrin; з) неодобрительные о ней отзывы въ Воспоминаніяхъ бар. Вревской, въ Русск. Архивѣ 1871 г., № 1; стр. 27 и 32; и) въ бумагахъ и воспоминаніяхъ графа Бобринскаго, въ Русск. Архивѣ 1876 г., ч. 3, стр. 5, и слѣд. и 1877 г., ч. 3, стр. 117, 116, 119, 120, 122, 124, 126—130, 132—135, 158, 159; i) Руссовъ, стр. 14—16; к) біографія, въ Отеч. Запискахъ 1822 г., ч. 3, стр. 427.

Суворова, княгиня Елизавета Ивановна, рожд. Базилевская, въ первомъ бракѣ Шупинская, во второмъ бракѣ графиня Купшелева (супруга графа Николая Александровича, † 1864).—Histoire de Russie (переводъ отрывковъ изъ Исторіи Россіи, Соловьева). Paris. 1878.

Рец. а) въ Гражданинѣ 1878 г., декабрь; б) Revue Slave, (Varsovie) 1879, 1 avril, pg. 202—217 (par A. Intéring).

Сухозанетъ, Александра.—Heures du soir. Nice. 1860, 8°.

Толстая, графиня Сарра Θεодоровна, дочь графа Θεодора Ивановича (род. 1784 г., † 1846) и графини Евдокіи Максимовны (цыганки, † 1860 г.); родилась 20-го августа 1820 г., † 24-го апрѣля 1838.—Писала (стихи и прозу) на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Ея произведенія переведены на русскій языкъ М. Лихонинимъ: Сочиненія въ стихахъ и прозѣ графини С. Т. М. 1839, 8° (библіограф. прибавл. къ Журн. Минист. Нар. Просвѣщенія 1839 года, кн. 7, №№ 572 и 785).

Рец. а) Отеч. Записки 1839 г., № 11, т. 6, отд. 6, и 1840 года, т. 8, и т. 12, № 10, отд. V (М. Н. Каткова); о статьѣ Каткова, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1841 г., ч. XXX, отд. VI, стр. 62; б) Соч. Бѣлинскаго, VII, 163 (въ статьѣ о Зенандѣ Р-вой); в) Толль, Настольный Словарь, 3, 682.

Третьякова, Каролина.—Romans w romanste; powiesć tlomaczonaz rossyjskiego przez Karolinę Tretiakoff. Wilno. 1828, 8°.

Туркестанова, княжна Варвара Ильевична (род. 1775 г., † 1819 г., въ С.-Пб.); фрейлина Высочайшаго Двора, дочь князя Ильи Борисовича (род. 1736 г., † 1788 г.) и княгини Марьи Алексѣевны (род. 1750, † 1795 г.), рожд. Еропкиной.—1) Ferdinand Christin et la

princesse Turkestanow. Lettres écrites de Pétersbourg et de Moscou. 1813—1819. Напечатана въ Русск. Архивѣ 1882 г., кн. 2 и 3; 1883 г., кн. 1, 2, 3 (съ значительными сокращеніями противъ подлинника) и отдѣльно. Нѣкоторыя выдержки въ переводѣ на русскій языкъ помѣщены въ Русск. Архивѣ 1882 г., кн. 1; 2) Journal (en 1818 г.) (—lettres, adressées au comte et à la comtesse de Litta); напечатанъ въ Русск. Архивѣ 1884 г., кн. 1, 2 и отдѣльно.

О ней: Кн. Н. Н. Туркестановъ. Свѣдѣнія о княжнѣ В. И. Туркестановой (Русск. Архивъ 1882 г., кн. 3, № 6).

Турчанинова, Софья Ивановна, рожд. графиня Эльмптъ, фрейлина, пострадавшая вмѣстѣ съ фрейлиною гр. Е. П. Бутурлиною за карикатуры на придворныхъ (въ рукописномъ „Сатирическомъ Каталогѣ“); дочь фельдмаршала графа Ивана Карловича Эльмптъ († 10-го мая 1802).—Mémoires de m-me Tourtschaninoff, née comtesse d'Elmpt. Bruxelles. 1816, 8°; весьма рѣдко (было въ библиотекѣ графа Андрея Θεодоровича Ростопчина).

О ней: а) Masson, Mémoires secrets sur la Russie. Paris (1802). t. 3, стр. 443; б) Helbig: Russische Günstlinge; в) въ каталогъ библиотеки гр. А. Θε. Ростопчина: Tchinghishana (Bruxelles, 1876, печатано всего въ 16 экз.), есть подробности объ этой книгѣ.

Урусова, княжна Екатерина Петровна, дочь князя Петра Александровича (род. 3-го мая 1810 г.) и кн. Екатерины Николаевны, род. Сипягиной (род. 19-го іюля 1820 г.), писала (въ 1876 г.) подъ псевдонимомъ „Nandi“.—How it came to pass that the giant heroes were exterminated in Holy Russia? (переводъ на старинный англійскій языкъ былины объ Ильѣ Муромцѣ), въ сборникѣ: Между Нами-Вильна. 1876. 8°.

Ухтомская, княжна Маргарита Андреевна, († 11-го октября 1888 г., на 79 году отъ рожденія, въ S.-Croce, въ Италіи). — Постоянная сотрудница итальянской газеты Araldo.

О ней: Новое время 1888 г., № 4543.

Ф., Л.—Произведенія ея въ концѣ книги: Clef du français etc., par Ferry de Pigny. S.-Pb. 1856, 8°, XV и 38 листовъ (а не страницъ) и 39—56 стр. Appendice: Compte-rendu des 75 compositions faites dans le cours de deux années d'études par M-lle L (ouise?) F. et H (enriette?) C., d'après le thème du programme général (de Ferry de Pigny).

Фрейгангъ, N. N.—Lettres sur le Caucase et la Géorgie, suivies d'une relation d'un voyage en Perse, 1812. Hambourg. 1816, 8°.—

Нѣмецкій переводъ: Briefe über den Kaukasus und Georgien vom Jahre 1812; aus dem französischen übersetzt von Heinr. von Struve. Hamburg, 1817, 8°. Второе издание—Wien. 1826, 12°. Голландскій переводъ: Brieven over den Kaukasus en Georgie, en Verslag van eene Reis in Perzie in 1812. Uit het Fransch. Amsterdam. 1817, 8°.—Датскій переводъ: Breve om Caucasus og Georgien, samt en vedfóiet Reiseberetning om Persien fra Aaret 1812. Fordanskede efter Heinr. Struves tydske oversaettelse ved N. M. Bruum. Kjöbenhavn. 1818 8°. Шведскій переводъ: Bref om Caucasus och Georgi, en jemte Beskrifning öfwer en Re sa till fersienår 1812. Ofwesnatning ifrån fransyskan. Stockholm. 1818, 8°. Английскій переводъ:—Letters from the Caucasus and Georgia; to which are added the account of a journy into Persia in 1812. Translated from the french. London. 1823, 8°.

Хлопова, Марья.—Poésies de Marie Hlopoff. М. 1850, 8°, avec une préface et dédicace à mon père; 182 et II pages de table (Ghénady: Les écriv. fr.-russes, pg. 29).

Хлюстина, Анастасія Семеновна, въ замужествѣ за гр. Адольфомъ Сиркуръ (Sircourt).—1) Etat actuel de la littérature russe, въ Bibliothèque Universelle. Zurich. 1829; оттиски: 1829, 8°, 20 pages, аполуме. На 3 стр. указано, что писано русскою. 2) Переводъ нѣсколькихъ русскихъ стихотвореній, въ той же Bibliothèque Universelle.

Швейцеръ, Екатерина.—Ein Gang nach der griechischen Kapelle bei Wiesbaden. Wiesbaden, s. a., 12°. — Французскій переводъ: Promenade à la chapelle grecque de Wiesbade, etc.; Wiesbade, s. a., 12°.

Шердей, Софья.—Contes et anecdotes. St-Petersbourg. 1813, 32°, 2 vol. avec 2 gravures, 168 и 185 pg. 4 нен. оглавл. и 1 посвященія (dédié à m—me Lanskoj, née Willamow), par Sophie de S.

Эдлингъ, графиня В. Роксандра Скарлатовна, рожд. Стурдза (род. 12-го октября 1786 г., въ Константинополѣ, ум. 16-го января 1844 г., въ Одессѣ).—Записки съ не изданной французской рукописи. Писаны въ 1829-мъ году. Въ русскомъ переводѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ, 1887 г., № 2—4, 12. Въ болѣе полномъ видѣ, на французскомъ языкѣ, изданы въ томъ же году П. И. Бартеневымъ.

Яковлева, Н. Н., получившая докторскій дипломъ въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ, ординаторъ клиники профессора Эйхвальда, при медико-хирургической академіи (1878 г.).—Диссертация на ученую степень (на нѣмецкомъ языкѣ?).

Яроцкая, Эмилија, рожд. Романовская, въ первомъ бракѣ Аленикова.—(A. Mourawiew). Objasnienie mszy świętej odprawianej przez księża wschodniego katolickiego Kościoła, tłumaczone z rossyjskiego przez Emilję z Romanowskich Aleników, na Jaroczynie Jarocką. Warszawa. 1850, 8°, безъ указанія имени автора (А. Н. Муравьева).

Федорова, Софья.—Eine Dame aus der grossen Welt; modernes Lebensbild. Prag. 1874, 8°.

6614

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (27-го января 1889 года). Обь установленіи особаго сбора въ пользу университетовъ съ лицъ, подвергающихся испытанію на званіе аптекарскаго помощника и провизора	3
2. (16-го января 1889 года). Обь учрежденіи стипендіи при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.	4
3. (16-го января 1889 года). Обь учрежденіи при Читинской мужской гимназіи одной стипендіи имени генерала-адъютанта барона Корфа для дѣтей бурятъ Ачинскаго вѣдомства	—
4. (6-го февраля 1889 года). О правахъ по чиновпроизводству инспекторовъ народныхъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской	5
5. (13-го февраля 1889 года). О разрѣшеніи замѣщать должности помощниковъ класснаго наставника въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія лицами, занимающими уже другія должности по сему вѣдомству	—
6. (20-го февраля 1889 года). О примѣненіи къ Выборгскому реальному училищу Высочайше утвержденныхъ 9-го іюня 1888 года устава и штата реальныхъ училищъ	6
7. (18-го февраля 1889 года). О принятіи Императорскою Академіею Наукъ капитала, завѣщаннаго умершимъ поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Кирѣевымъ, и обь учрежденіи на проценты съ сего ка-	

питала при Академіи Наукъ преміи за лучшее, напечатанное на русскомъ языкѣ, драматическое сочиненіе	7
8. (13-го февраля 1889 года). Объ учрежденіи двухъ стипендій при Маріинской Жыздринской женской прогимназіи	8
9. (4-го февраля 1889 года). Объ измѣненіи въ устройствѣ юридическаго факультета Дерптскаго университета.	—
11. (27-го марта 1889 года). О размѣрѣ пенсій директорамъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа	27

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА 9

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ	10
2. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго сына купца Бориса Розенфельда при Харьковской 3-й гимназіи	11
3. (24-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени святаго равноапостольнаго князя Владимира при Симферопольской мужской гимназіи	12
4. (31-го марта 1889 года). Положеніе объ Александровскихъ стипендіяхъ при Московскомъ уѣздномъ училищѣ	—
5. (14-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершей купеческой вдовы Екатерины Стехновской при Псковской Маріинской женской гимназіи	13
6. (14-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени купеческой вдовы Екатерины Елизаровны Стехновской при Псковскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	14
7. (31-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи Нижегородскаго коммерческаго клуба въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года	28
8. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи купца Харитона Ефремовича Ефремова и его жены Ирины Ивановны при Астраханскомъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года.	29
9. (22-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершей купеческой вдовы Екатерины Елизаровны Стехновской при Псковскомъ Сергіевскомъ реальномъ училищѣ	30
10. (26-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени тюменскаго 1-й гильдіи купца Ивана Петровича Воинова при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ.	—
11. (29-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени коммерціи совѣтника А. К. Трапезникова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	31

12. (2-го мая 1889 года). Положеніе о ежегодномъ пособіи отъ Бобровскаго городского общества двумъ воспитанникамъ Бобровской прогимназіи въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшими Ихъ Дѣтьми отъ опасности 17-го октября 1888 года	32
13. (7-го мая 1889 года). Положеніе о пособияхъ для учениковъ Бѣльскаго гимназіи	33
14. (7-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Гирбасовыхъ при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	34
15. (9-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи при Тамбовской гимназіи въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 года	35
16. (10-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова при Императорскихъ университетахъ	36
17. (15-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи при Комисаровскомъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ имени умершаго коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева	37

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го марта 1889 года).	15
----------------------------------	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книжкахъ: 1) „Основы библиографіи по исторіи римской литературы“; 2) „Библиографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 годъ. Издалъ Д. И. Навуевскій“	19
О книгѣ: „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на вѣмедкій. Составилъ Иванъ Аллендорфъ“	20
О книгѣ: „Руководство прямолинейной тригонометріи и собраніе 1770 тригонометрическихъ задачъ. Составилъ Иванъ Шенрокъ“	—
О книгѣ: „Географическое описаніе Европейской Россіи. Составилъ Маркозовъ“	—
О книгѣ: „P. Corneille. I. Le Cid. Tragédie en cinq actes et en vers“; II. „Horace. Tragédie en cinq actes et en vers. (Edition épurée). Выпускъ III. Снабдилъ объясненіями В. С. Измаиловъ“	—
О книгѣ: „Grammaire française à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'éducation, par A. Challandes“	—
О книгѣ: „Cours complet de la langue française, par A. Challandes“	—
О книгѣ: „Практическій курсъ французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ П. Мозеръ“	21
О книгѣ: „Poesie. Das Schönste und Beste aus des deutschen Lied, Spruch, Scherz und Dichtung für Schule und Haus gesammelt, erläutert“	—

und mit fortlaufendem Wörter verzeichniss, so wie mit biographischen Angaben über die Dichter und einer Poetik versehen von <i>Max. Fischer</i> “	21
О брошюрѣ: „Начальная ступень для веденія сочиненій въ реальныхъ училищахъ. Составилъ <i>С. В. Преображенскій</i> “	38
О книгѣ: „ <i>Dr. Tegge</i> . Учебникъ латинской синонимики. Переводъ <i>С. Розанковскаго</i> “	—
О книжкѣ: „Руководство для учениковъ высшихъ классовъ гимназій по римскимъ древностямъ. Составилъ <i>К. Зембергъ</i> “	39
О книгѣ: „Греческая грамматика для употребленія въ гимназіяхъ. Составлена <i>М. Вукомъ</i> “	—
О книгѣ: „Арифметика. Составилъ <i>С. Будаевскій</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ элементарной геометріи. Составилъ <i>Я. Блюмбергъ</i> “	—
О книгѣ: „Физическое землѣвѣдѣніе. Составилъ <i>Н. Раевскій</i> “	—
О книгѣ: Prof. <i>Dr. C. Claus</i> . Учебникъ зоологій. Переводъ I ч. д-ра <i>М. А. Шульмина</i> и <i>М. В. Хавкина</i> , переводъ II ч. <i>М. А. Шульмина</i> “	—
О книгѣ: „Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій. Составилъ <i>Яковъ Мессеръ</i> “	—
О книжкѣ: „Русско-нѣмецкій сборникъ употребительнѣйшихъ словъ и выраженій. Составилъ <i>Д. В. фонъ-Мевель</i> “	40
О книжкѣ: „Этимологія нѣмецкаго языка сравнительно съ этимологією русскаго языка. Составилъ <i>Августъ Гобманъ</i> “	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Курсъ практической геометріи, приспособленный въ землѣмѣрнію. Составилъ <i>И. Ленкевичъ</i> “	21
„Гимнъ св. равноапостольному князю Владимиру. Слова <i>К. К. Слущевскаго</i> . Музыка <i>А. Архангельскаго</i> . Изданіе <i>М. Бернарда</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>Д. В. Мевсомъ</i> : 1) „Книга для чтенія и упражненій въ русскомъ языкѣ, съ русско-латинскимъ словаремъ“; 2) Разборъ и объясненіе статей, вошедшихъ въ составъ „Книги для чтенія съ русско-латышскимъ словаремъ“	22
О книгѣ: „ <i>С. И. Шохоръ-Троцкий</i> . Методика арифметики, съ приложеніемъ сборника упражненій“	—
О книгѣ: „Краткій курсъ русской исторіи. Составили <i>П. Либенъ</i> и <i>А. Шульскія</i> “	—
О книгѣ: „Крестьянское гнѣздо. <i>Г. Козьмина</i> “	—
О книгѣ: „Разказы старушки объ осадѣ Севастополя. <i>Т. Толмачевой</i> “	—
О книгѣ: „Село Боссино. Посвящается памяти <i>К. С. Аксакова</i> . <i>Т. Толмачевой</i> “	—
О книгѣ: „Троице-Сергіева лавра. Историческій очеркъ. <i>Т. Толмачевой</i> “	—

О книгѣ: „Бѣдность не порокъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ <i>А. Н. Островскаго</i> “	23
О книгѣ: „Не такъ живи, какъ хочется. Народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ <i>А. Н. Островскаго</i> “	—
О брошюрѣ: „Советы матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми. Составлено по книжкѣ д-ра <i>Н. Ф. Михайлова</i> “	—
О брошюрѣ: „Дурная болѣзнь или сифились, описаніе ея и советы о томъ, какъ оберегаться и лѣчиться отъ нея. Составлена <i>В. К. Трутовскою</i> “	—
О брошюрѣ: „Сигналъ. Разказъ <i>Всеволода Гаршина</i> . Изданіе „Посредника“	—
О „Пѣсняхъ въ подвижнымъ играмъ дѣтскаго сада. <i>Е. А. Вертеръ</i> “	—
О книгѣ: „Митрополитъ Филиппъ, биографическій очеркъ. <i>Т. Толмачевой</i> “	—
О книгѣ: „Разстановка знаковъ препинанія (теорія и практика). Составилъ <i>В. Потоцкій</i> “	—
О книжкахъ, составленныхъ д-ромъ <i>С. М. Вишневымъ</i> подъ общимъ заглавіемъ „О сохраненіи здоровья. Три части“	40
О книгѣ: „Первая классная книга для чтенія. Составилъ <i>П. Г. Васильевъ</i> “	41
О книгахъ, составленныхъ <i>Д. В. Мевсомъ</i> : 1) „Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ, съ русско-эстонскимъ словаремъ“; 2) „Разборъ и объясненіе статей, вошедшихъ въ составъ „Книги для чтенія съ русско-эстонскимъ словаремъ“	—
Официальныя извѣщенія	23 и 41
Открытіе училищъ	41
Объявленіе о двѣнадцатомъ присужденіи премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.	42
Программы дополнительнаго испытанія по агрономіи съ зоотехніей, по технической химіи и по географіи	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>В. И. Розановъ</i> . Органический процессъ и механическая причинность	1
<i>А. И. Кирпичниковъ</i> . Гдѣ взять матеріалы для исторіи византійской литературы?	23
<i>А. Н. Веселовскій</i> . Мелкія замѣтки къ былинамъ	32
<i>Е. Е. Замысловскій</i> . Къ вопросу о составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ	47
<i>П. Н. Милюковъ</i> . Къ вопросу о составленіи разрядныхъ книгъ.	165.
<i>Н. Д. Чечулинъ</i> . Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка	55 и 261

П. О. Бобровскій. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I	282
М. И. Соколовъ. Апокрифическій матеріалъ для объясненія амuletовъ, называемыхъ змѣвиками	339
В. Г. Васильевскій. О Гилло	369
И. С. Некрасовъ. Къ вопросу о Домостроѣ	371
В. Г. Васильевскій. Житіе св. Стефана Сурожскаго . . .	97 и 391

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). <i>С. С. Трубачевъ</i> . С.-Пб. 1889	195 ✓
А. Д. Вейсманъ. Произведенія Еврипида въ переводѣ <i>Е. О. Шнейдера</i> . Вып. I. Ипполитъ. Москва. 1889	204 ✓
В. К. Мальмбергъ. <i>Wiener Vorlegeblätter für archäologische Uebungen</i> . Von <i>Otto Bendorf</i> . Wien. 1889	209 ✓
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Записки Никиты Ивановича Толубѣва (1780—1889 гг.). С.-Пб. 1889	214 ✓
Н. И. Карѣевъ. <i>Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française</i> . Т. IV—V. Paris. 1888.	218 ✓
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Новыя явленія провинціальной исторической литературы	224 ✓
М. И. Каринскій. Учебники логики М. М. Троицкаго . . .	453
Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. <i>П. Дм. Брянцева</i> . Вильна. 1889.	492
П. М. М. Судо-сберегательныя товарищества въ Россіи по отзывамъ литературы. <i>П. А. Соколовскаго</i> . С.-Пб. 1889.	505
Книжныя новости	234 и 510 ✓

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

А. Ѡ. Мавкавѣевъ. Постановка курса черченія въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ	1
Наша учебная литература (разборъ 26 книгъ)	12

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Кончина графа Д. А. Толстаго	1
Императорское Русское Археологическое Общество въ 1888 году .	11
Императорское Московское Археологическое Общество въ 1888 году.	37

Наши учебныя заведенія: Дерптскій университетъ въ 1887 году	14
Новороссійскій университетъ 1887 году	20
Университетъ св. Владиміравъ 1887 году	56
Варшавскій университетъ въ 1887 году	61
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа	25

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Э. Л. Радловъ. Эмпедоклъ (<i>окончаніе</i>).	33
L. Mueller. De Rasuvii fabvlis	52
В. П. Тепловъ. О мѣстѣ битвы при Граникѣ	102

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Князь Н. Н. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ (<i>окончаніе</i>)	286
--	-----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го ЮЛЯ вышла и разслана подписчикамъ VI-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.—II. Жизнь Андрея Болотова, описанная имъ самимъ для своихъ потомковъ. 1799 и 1800 гг.—III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1828—1829 гг.—IV. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій, 1784—1848 гг. Историко-биографическій очеркъ. (Оконч.). Сост. П. О. Вобровскій.—V. Студенческія исторіи въ Назанскомъ университетѣ, 1861 г. Сообщ. проф. Н. А. Фирсовъ.—VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг.—VII. Воспоминанія художника Василія Васильевича Верещагина.—VIII. Къ новѣйшей исторіи монастырей, записка архимандрита Игнатія Малышева.—IX. Книжка Жанета Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича.—X. Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М.—XI. Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его биографіи. Сообщ. проф. Н. Ф. Сумцовъ.—XII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, автобіогр. замѣтки, письма, стихотвореніе, † 28 апрѣля 1889 г.—XIII. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, очеркъ къ его биографіи, † 28 апрѣля 1889 г.—XIV. Матеріалы и стихи: Два указа 1734 г.—Русскіе на Шпицбергенѣ въ 1747—1748 гг.—Н. П. Огаревъ.—Братья Сикорскіе.—Князь Николай Черногогорскій въ С.-Петербургѣ.—XV. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравиров. на мѣди художникъ Ф. А. Мѣркинъ

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова) и Н. Печковской (Петровская линия). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Подписчики «Русской Старины» на 1889 годъ могутъ получить новую книгу: «Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей» (третій выпускъ) за ДВА руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.).

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеvскій.

Handwritten text at the top of the page, possibly a title or header, which is mostly illegible due to fading and bleed-through.

6614.

FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

STORAGE
ANNEX

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

30 Apr '56 JS	LIBRARY USE DEC 16 '86
MAY 3 1 1956 LW	
MAY 30 1969 36	
MAY 26 REC'D	
MAY 29 '69 - 5 PM	
LOAN DEPT.	
FEB 8 1973 23	
REC'D LD JAN 27 '73 - 2 PM 5 4	
MAR 18 1975 #7	
REC'D CIRC DEPT	OCT 8 '74

LD 21-100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley

YD 22675

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042150593

843062

L451
A4
v.263

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

